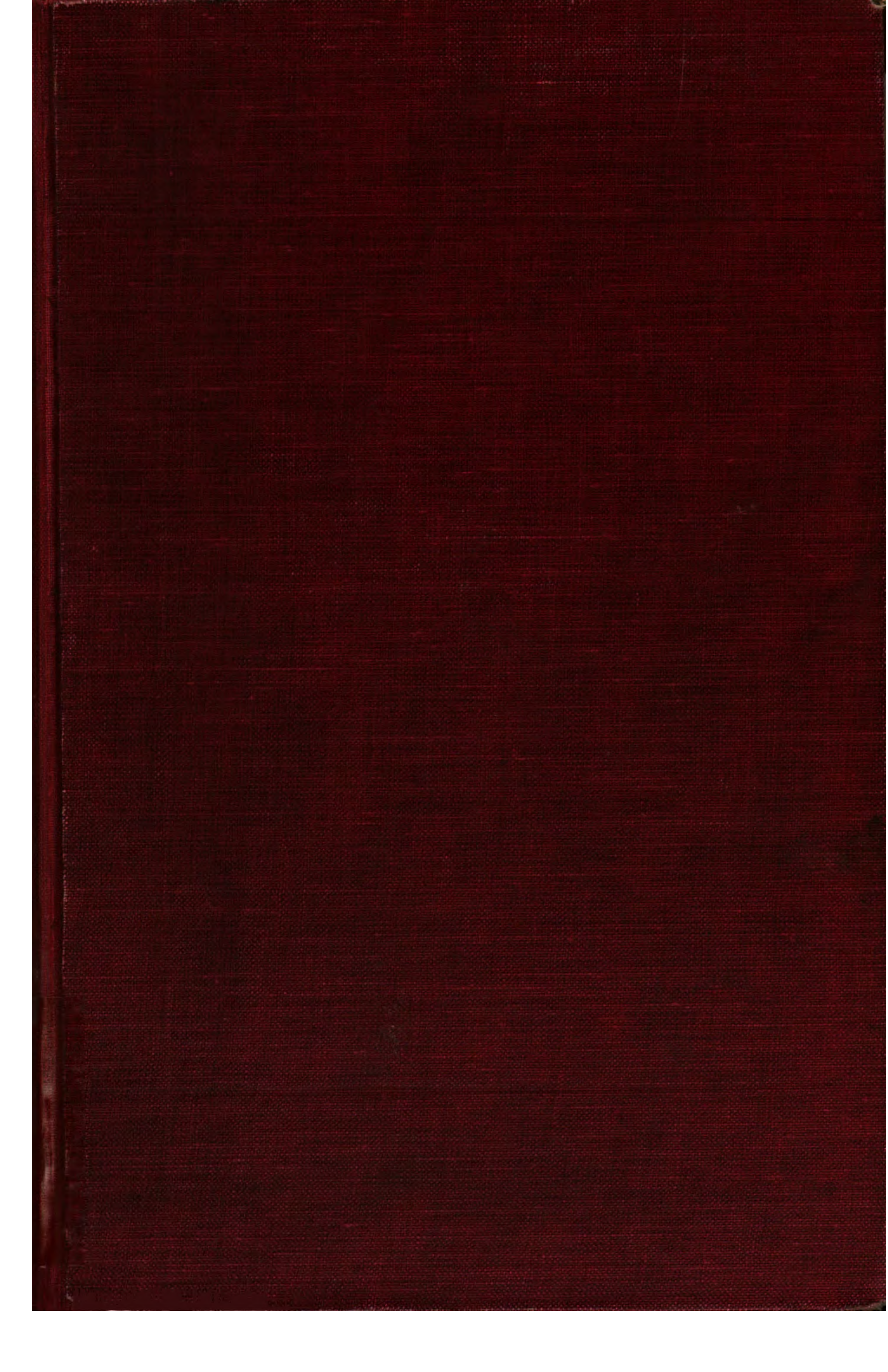


LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY OF CALIFORNIA.

Class

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ЯНВАРЬ. 1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

Только что вышло въ свѣтъ:

А. В. Пѣшехоновъ. Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей.

Спб. 1909 годъ. Цѣна 10 коп.

Леонидъ Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

Москва. 1909 годъ. Цѣна 50 коп.

Продается въ конторахъ «Русскаго Богатства» и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ИЗВѢСТНО ЛИ ВАМЪ?

Если Вы имѣете фотогр. карт. кого либо изъ близк. Вамъ лицъ, то знаете ли Вы, что эта карт. не долговѣчна. Всякая фотографія соврем. выцвѣтаетъ; взгляните на любую стар. карт., и Вы убѣдитесь въ этомъ. Увеличенный же нашимъ новымъ способомъ портретъ—навсегда. Пришлите намъ Вашу карт., и чр. 15 дней мы вышл. превосх. худож. раб. портр. въ паспарту и крас. баг. рамѣ 10×12 вер. за 3 р. Перес. заказчика, по жел. нал. плат. Свѣтопись Г. Д. Шинкарева. Пантелеймонская ул., д. 8. С.-Петербургъ.

Н. Н. ШОЛОХОВЪ.

С.-Петербургъ, Садовая улица, уг. Гороховой, 38—45.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ ЧАСОВЪ,

золотыхъ и серебряныхъ вещей.

Цѣны безъ уступокъ.

Часы стальные мужскіе	отъ	2 руб.	50 коп.
" " дамскіе	"	2 "	50 "
" серебрян. мужскіе	"	6 "	20 "
" " дамскіе	"	5 "	75 "
" золотые мужскіе	"	35 "	— "
" " дамскіе	"	18 "	— "
Обручальныя кольца 56 пр. зол.		4 "	10 "

Золот. и серебр. вещи по крайне дешевымъ цѣнамъ.
Новый иллюстриров. прейсъ-курантъ высыл. безпл.

Иностран. книжный магазинъ Книги и журналы. **АВГ. ДЕЙБНЕРЪ**
(съ 1859 года). Морская, уголъ Невскаго просп., д. 12—18, къ аркѣ.

ТАБЛЕТКИ ІОГУРТ д-ра **ТРАЙНЕРА** для пріема послѣ ѣды (Болгарскія палочки, рекоменд. Мечниковымъ и др. медиц. авторит.) при всѣхъ желудочно-кишечн. заболѣваніяхъ. Превосходно регулируютъ пищевареніе и запоръ. Цѣна 2 р. Налож. пл. 2 р. 50 к. (2-х-недѣльн. леченіе). Продажа въ аптекахъ и лучш. аптек. магаз. Литература высылается безплатно. С.-Петербургъ, О. П. Петерсонъ. Невскій, 28—1, д. Зингера.

ФОРМИКОВО-УГЛЕКИСЛЫЯ ВАННЫ.

Обыкновенныя, хвойныя, желѣзистыя, туалетно-освѣжающія.—Безусловно замѣняютъ Нарзанъ, Наугеймъ и др.—Приготовляются въ любой ваннѣ, не требуя никакихъ приспособленій, кромѣ аппарата „Наугеймъ-Шпрудель" (22 руб.) или упрощеннаго аппарата въ 6 рублей. Ванны обходятся по 95 к. Подробныя описанія безплатно высылаетъ Лабораторія Углекислыхъ Ваннъ. С.-Петербургъ, Больш. Конюшенная, 14, Телеф. 91—77.

Т-во издательскаго дѣла и книжной торговли
О. Н. ПОПОВОЙ.

СПБургъ, Невскій проспектъ, домъ № 54, кв. № 85.

НОВЫЯ КНИГИ:

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Исторія Земства за сорокъ лѣтъ.

Два тома, около 750 стран. большого формата каждый, съ діаграммами въ текстѣ, таблицами и 2 отдѣльными картограммами въ краскахъ.

Содержаніе I тома: Бюджетъ.—Медицина.—Общественное призрѣніе.—Народное образованіе.—Систематическій указатель литературы по земскимъ вопросамъ.

Содержаніе II тома: Экономическія мѣропріятія земствъ.—Продовольственное дѣло.—Ветеринарія и страхованіе скота.—Страхованіе отъ огня.—Дорожное дѣло.—Почта.—Телефоны.

Цѣна за 2 тома двѣнадцать руб.

МИХ. ЛЕМКЕ. Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ. По неизданнымъ документамъ. Съ портретами. 512 стр. . . . . 3 р.

Н. А. РОЖКОВЪ. Отъ самовластія къ народовластію. Очерки изъ исторіи Англіи, Франціи и Германіи. 248 стр. . . . . 1 р.

М. И. БОГОЛѢПОВЪ, прив.-доц. Финансы, правительство и общественные интересы. Бюджетъ и бюджетное право; налоги и налоговая политика; государственный долгъ. 333 стр. . . . . 1 р.

ОСВАЛЬДЪ КЮЛЬПЕ. Введеніе въ философію. Второе исправленное и дополненное изданіе. Перев. съ 8-го нѣм. изданія подъ ред. С. Франка. 353 стр. . . . . 1 р. 25 к.

А. И. ЯЦИМИРСКІЙ. прив.-доц. Спб. унив. Новѣйшая польская литература. Отъ возстанія 1863 г. до нашихъ дней. Два тома, тридцать два хорошо исполненныхъ портрета писателей. Цѣна за два тома . . . . . . 4 р.

Г. ЗИВЕКИНГЪ. Внѣшняя торговая политика. Перев. съ нѣм. подъ редакц. П. Струве. . . . . 1 р.

Изданія 1906/7 г.:

БЕРЕНШТАМЪ, В. За право! Изданіе 3-е, дополненное новыми набросками. Съ 15-ю фотографич. снимками. . . . . 80 к.

Содержаніе: I. За право.—Ахиллесова пята.—Въ одиночку.—На Рижкѣ.—Карусель.—Мать.—«Ошибка!» II. Якутская область и ссылка.—Судъ скорый.—Неуловимые свидѣтели.—Провокаторы террора.—Диффамація по русскимъ законамъ.—Музей защиты труда.

МИХ. ЛЕМКЕ. Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. По неизданнымъ документамъ. Съ портретами и иллюстраціями. . . . . 1 р. 50 к.

ЛЬВОВЪ-РОГАЧЕВСКІЙ, В. Борьба за жизнь. Сборникъ критическихъ статей о Чеховѣ, Андреевѣ, Горькомъ, Купринѣ, Арцыбашевѣ и др. . . . 1 р.

ПОТРЕСОВЪ, А. (Старовѣръ). Этюды о русской интеллигенціи. Сборникъ статей. . . . . 1 р. 20 к.

Содержаніе: Артельная эпопея.—О наслѣдствѣ» и «наслѣдникахъ».—О разночинцѣ-скитальцѣ.—Что случилось.—Современная весталка.—О двуликой демократіи.—Наши заключенія.

Фирма Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ выполняетъ заказы на собственныя изданія и на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ, немедленно по полученіи заказа.

Учебныя заведенія, земскія управы и библіотеки пользуются уступкой.

Выписывающіе изданія О. Н. ПОПОВОЙ непосредственно отъ издательства на сумму не менѣе одного рубля и не получающіе скидки, за пересылку означенныхъ изданій не платятъ. Расходы по пересылкѣ и упаковкѣ чужихъ изданій ставятся на счетъ гг. покупателей.

Полный каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Складъ изданій О. Н. ПОПОВОЙ въ Москвѣ:

Тверская, уголъ Брюсовскаго переулка, домъ гр. Олсуфьевой, кв. № 8.

Открыта подписка на 1909 годъ

на два журнала для дѣтей, подъ редакціей А. А. Ѳедорова-Давыдова.

1. МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

СВѢТЛЯЧОКЪ

ГОДЪ VIII.

Ос. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущенъ къ выпискѣ по предварит. подпискѣ въ библ. городск. уч., дѣтск. сад. и пріютовъ, въ безпл. нар. чит. и библ. и для народн. чтеній, въ уч. библ. ср. уч. завед. Удостоенъ серебряной медали на научно-пром. выст. „Дѣтскій Міръ" 1903—04 г.

2. СРЕДНІЙ ВОЗРАСТЪ.

Путеводный Огонекъ.

ГОДЪ VI.

Ос. Отд. Уч. К. М. Н. Пр. допущенъ къ выпискѣ по предварительной подпискѣ въ безплатныя народныя библ., въ учительск. библ. низшихъ уч. завед., въ уч. библ. ср. уч. завед. и въ ученич. библ. низшихъ училищъ.

Въ 1909 году подписчики получатъ:

24 книжки журнала, богато иллюстрирован., карт. краск. и черн.

26 премій игръ, игруш., занятій для вырѣз. и склеив. изъ папки и бум.

Въ числѣ ихъ:

„Сказочный театръ". Роскошн. изд. по ориг. рис. „Арка"—„Занавѣсъ".—„Декорація".—„Кулисы".—„Артисты". Свыше 40 фигуръ для исполненія сказки: „Конекъ-Горбунокъ", въ 18 сценахъ съ перемѣнами декорацій.

Книжка „Конекъ-Горбунокъ".

„Японскіе самораспускающіеся цвѣты".

2 л. „Кукольная квартира".

1 „Мебель для квартиры".

1 „Кукла" съ тремя сказочными костюмами.

2 „Маски" для ряженья.

10 „Дѣтскихъ пѣсенъ". Альб. Цезаря Кюи.

1 „Журавль и лягушка". Моментальныя превращенія.

1 „Дѣдушка Мазай и Зайцы". Панорама.

1 „Кукольный лѣчебникъ".

1 „Пахарь". Панорама.

1 „Библіотечный шкафъ". Съ книгами-сказк.

1 „Паяцы изъ Турціи".

50 „Кирпичиковъ для построекъ".

1 „Календарь-панорама".

1 „Домикъ иллюминація".

1 „Лягушка и Муха". Игра.

12 №№ перваго въ мірѣ кукольнаго журнала „КУКОЛКА".

6 книж. съ карт. съ красках. „БИБЛІОТЕКИ МАЛЫШЕЙ". 1) Разсказы. 2) Исторія. 3) Естествен. исторія. 4) Шутки.

1 „Пушка", стрѣляющая горохомъ.

1 „Теремъ царя Гороха и мног. др. игры и игрушки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На 1 годъ съ доставк. и перес.	3 р. — к.
„ 1 годъ безъ пересылки	2 р. 50 к.
„ 1-е полуг. съ пересылкой	2 р. — к.
„ 2-е полуг.	1 р. — к.

24 №№ журн., богато иллюстриров., съ карт. черными и въ краскахъ.

24 преміи книги, игры, занятія, работы. Въ числѣ ихъ:

5 томиковъ—„Дѣтскіе годы знаменитыхъ людей". Съ иллюстрац.: 1) Писатели. 2) Ваятели. 3) Музыканты. 4) Ученые. 5) Изобрѣтатели. 6) Полководцы и проч.

5 томиковъ—„Разсказы и сказки Жоржъ-Зандъ".

„Шаръ Цеппелина". Для разрѣзыванія и склеиванія.

2 „Маски" для ряженья.

1 „Домашній театръ". Сборникъ пьесъ, съ образцами декорацій.

1 „Путешественники". Игра.

1 „Шашки съ картинками".

Альбомъ для раскрашиванія.

1 „Солдаты разныхъ странъ".

1 „Маршъ на лошади". Шутка.

1 л. „Картонажи на елку".

2 книжки „Занятія и работы".

1 „Тройка и санки". Для вырѣзыванія.

1 „Роскошный абажуръ".

12 №№ первой дѣтской газеты. „Наша Переписка".

1 „Царская охота". Панорама.

1 „Чертенята на потолкѣ". Шутка-опытъ.

1 альбомъ „Вышиваніе крестиками".

1 „Коллекція искусственныхъ жуковъ".

1 „Стѣнной календарь".

1 книжка Уходъ за комнатными растеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На 1 годъ съ доставк. и перес.	4 р. — к.
„ 1 годъ безъ перес. и дост.	3 р. 50 к.
„ 1-е полугод. съ пересылкой.	2 р. 50 к.
„ 2-е полугод.	1 р. 50 к.

Контора и редакція: Москва, М. Дмитровка, 19 Отдѣленіе: книжный магазинъ П. ЛИДЕРТЪ, Москва, Петровскія Линіи.

Редакторы-издатели: А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ и М. Ѳ. Лидертъ.

Основ. и краткоср. гот. лиц.
ОБОЕГО ПОЛА
дополнит. экз. въ унив. и мед. инст. конкурс. на звание домаш. уч. вс. сп. юнкерск. уч. кл. вольноопредѣл. I и II разр.
за курс. мужск. гимн. (на атт. зрѣл.) женских гимназ. прогимн. реальн. уч. кад. корп. ч. аптек. уч. на телегр.

УСПѢХЪ ГАРАНТИР.

Въ настоящ. вр. заним. 187 человѣкъ. Женск. гр. отд. отъ мужск. Для учащихся Безплатный проѣздъ по всѣмъ лин. к.-ж. д. и трамв. г. Москвы. Пользов. учебн. Безпл. пользов. книгами изъ библ. Пансіонъ. Пріемъ ежедневно. Услов. высыл. безплатно.

Тверской бульваръ, д. 60. Телеф. 212—42.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

В. И. ДОБРОВОЛЬСКІЙ,

присяжный повѣренный.

ПРЕДМЕТНО-АЛФАВИТНЫЙ

СВОДЪ РѢШЕНІЙ

Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА съ 1893 до 1907 гг.

Спб., 1909 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Складъ изданія у **М. М. СТАСЮЛЕВИЧА** С.-Петербургъ, Вас. Ост., 5-я лин., 28

ПРИМИТЕ къ свѣдѣнію всѣ, что мой подробный прейсъ-курантъ портретовъ и фотоэмаль миніатюръ высылается безплатно. Заказывайте и убѣдитесь, что работа портрет. художественна и удовольствіе доступно каждому, ибо цѣны внѣ конкур. Портр 10×12 верш. въ рамѣ 3 р. 50 к., акварелью 4 р. 85 к.; при перес. въ Азіатск. Россію и Вост. Сиб. приплата по вѣсу. Мои работы удост. золотой медали. Ателье Степанова, Спб., Невскій, 69.

Поступила въ продажу КАРМАННАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИГА

„ИНЖЕНЕРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ"

По новѣйшимъ даннымъ составилъ инженеръ **А. Ф. АСТАФЬЕВЪ.**

Содержаніе: матем. табл. и форм., механика теорет. и спеціальн. (сопрот. матер., гидравлика, двигатели: гидравл., вѣтрен паров. и внутр. сгор., насосы и вентил.), дет. машинъ, нов. табл. для водян. пара (Молье), строит. иск., электротехн., данныя для подбора сѣч. и исчисл. вѣс. сооруж. (русскіе метр. сортаменты фасон. желѣза и водопр. трубъ). и проч., статьи инженера В. И. Штейнингеръ: «Патенты на изобрѣт.» и «Фабричн. рис. и мод.».

Книга изд. въ 2-хъ част. (1-я въ перепл., 2-я брошюр.) и содерж. болѣе 300 стр. техн. текста, свыше 170 числов. табл. и 140 фиг. въ текстѣ. Приложеніе: записн. кн. на 1909 г. Цѣна за обѣ части: 2 р. въ коленк. и 2 р. 50 к. въ кож. перепл. Форматъ 10×15½ сант. Лица, желающ. получ. книгу налож. плат., благов. сообщ. въ складъ изд. подр. адр., съ указан. цѣны треб. книги. Пересылка безплатная.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: С.-Петербургъ, Кирочная ул., д. 34, кв. 8. Тел. 94—51.

ЖУРНАЛЫ и другія періодическія изданія за старые годы продаются въ книжномъ магазинѣ О. А. Боровиковскаго (бывш. И. И. Иванова).

Подробный списокъ смотри въ этомъ-же № позади текста.

ЗОЛОТОЕ РУНО

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ФИЛОСОФСКІЙ.

Принимается подписка на 1909 г.

— (4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ) —

ВЪ „ЗОЛОТОМЪ РУНѢ“ УЧАСТВУЮТЪ:

Художественный отдѣлъ:

В. Анисфельдъ, Александръ Бенуа, Л. Бакстъ, И. Билибинъ, К. Богаевскій, М. Врубель, С. Виноградовъ, А. Вауинъ, А. Головинъ, А. Голубкина, В. Денисовъ, М. Добужинскій, Модестъ Дурковъ, Д. Кардовскій, В. Кустодіевъ, К. Коровинъ, Е. Кругляковъ, Е. Лансере, А. Линдеманъ, Ф. Малявинъ, С. Малютинъ, Василій Миліоти, Н. Некрасовъ, М. Нестеровъ, А. Остроумова, Н. Лебедева, Н. Рерихъ, М. Сабашникова, М. Сарьянъ, А. Срединъ, К. Сомовъ, С. Судьбининъ, В. Сѣровъ, Н. Тарховъ, Кн. П. Трубецкой, Н. Ульяновъ, П. Уткинъ, Вл. Фишеръ, К. Юонъ, С. Яремичъ и др.

Литературный отдѣлъ:

Леонидъ Андреевъ, С. Ауслендеръ, К. Д. Бальмонтъ, Александръ Блокъ, Иванъ Бунинъ, Эсноръ Вальдоръ, Макс Волошинъ, Л. Вилькина, А. П. Воротниковъ, баронъ Н. Врангель, Сергѣй Городецкій, Осипъ Дымовъ, Борисъ Зайцевъ, Вячеславъ Ивановъ, В. Каратыгинъ, А. Н. Корощенко, Маркъ Криницкій, А. И. Купринъ, Сергѣй Маковскій, К. Минскій, Ив. Новиковъ, Станиславъ Пшибышевскій, С. Рафаловичъ, В. Ребиковъ, Алексѣй Ремизовъ, А. Ростиславовъ, И. Санъ, Федоръ Сологубъ, Л. Столица, К. Сюннербергъ, А. Ф. Струве, Г. Тастевенъ, А. И. Успенскій, Георгій Чулковъ, Д. В. Философовъ, Н. Шинскій, К. Эйгесъ и мн. др.

Идя на встрѣчу все сильнѣе проявляющемуся въ широкихъ слояхъ русскаго общества интересу къ вопросамъ искусства и желая сдѣлать журналъ доступнымъ обширному кругу читателей, редакція «Золотого Руна» рѣшила, начиная съ наступающаго четвертаго года изданія, понизить подписную плату до 12 руб. за годъ и 6 руб. за полгода. Въ 1909 году «Золотое Руно» будетъ выходить попрежнему ежемѣсячно въ форматѣ предыдущаго года тетрадями въ 100 страницъ.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будетъ помѣщаться рядъ снимковъ съ картинъ, оригинальныхъ рисунковъ и скульптуръ русскихъ, а также славянскихъ западно-европейскихъ художниковъ, воспроизведенныхъ наиболѣе усовершенствованными и точными способами. Кромѣ воспроизведеній въ черномъ (фототипій, автотипій), каждый номеръ журнала будетъ содержать рядъ цвѣтныхъ приложеній, виньетокъ, художественныхъ подписей, заставокъ и т. д.

Въ критическомъ отдѣлѣ «Золотое Руно» будетъ помѣщать статьи по общимъ вопросамъ художественнаго творчества и отмѣчать новыя тенденціи, проявляющіяся въ живописи, литературѣ и музыкѣ.

Съ этой цѣлью «Золотое Руно» кромѣ своихъ прежнихъ сотрудниковъ заручилось еще сотрудничествомъ ряда французскихъ критиковъ и художниковъ, какъ Шарль Морисъ, Морисъ Дени, Августъ Роденъ и др.

Для беллетристическаго отдѣла Редакція располагаетъ слѣдующими произведеніями, печатаніе которыхъ начнется въ первомъ полугодіи 1909 года:

Станиславъ Пшибышевскій. «День суда», большой неизданный романъ (единственное право печатанія принадлежитъ „Золотому Руну“).

Михаилъ Кузминъ. «Прекрасный Іосифъ» романъ.

Алексѣй Ремизовъ. «Трагедія о Іудѣ, принцѣ Искаріотскомъ», пьеса. «Недобитый Соловей», повѣсть.

Ѳ. Сологубъ. «Стыдолюбивыя дѣвы», повѣсть. «Двуликая Мойра», статья.

С. Ауслендеръ. «Осенній монастырь», повѣсть. «Флорентійская любовница».

С. Городецкій. «Погибшее согласіе», разсказъ. «Велес», статья.

К. Бальмонтъ. «Нимфеи», разсказъ. «Подъ свѣтлымъ окномъ». разсказъ.

Въ ближайшихъ номерахъ будутъ помѣщены статьи Вяч. Иванова, Ал. Блока, Г. Чулкова, Мориса Дени, Огюста Родена.

Подписная цѣна:

на годъ съ доставкой	12 руб.	За границу	50 фр.
на полгода „	6 руб.	„	25 фр.
Отдѣльные номера	1 руб. 75 коп.	„	5 фр.

Учащіе и учащіеся среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а также художественно-промышленныхъ школъ, при подпискѣ на журналъ непосредственно черезъ редакцію, пользуются скидкой въ 10% (безъ доставки на домъ).

При подпискѣ изданій «Золотого Руна» подписчики пользуются 10% скидки.

Объявленія принимаются съ платой за 1 стр.—80 р.; 1/2 стр.—40 р.; 1/4 стр.—20 р. и 1/8 стр.—10 руб. Скидка по соглашенію. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Новинскій бульв., д. Рогожина; въ С.-Петербургѣ: Литейный просп., № 31, книжный магазинъ Митюрникова; Садовая, 18, книжный «Коммиссіонеръ» и во всѣхъ крупныхъ магазинахъ, конторахъ и коммиссіонныхъ агентствахъ Россіи. Телеф. редакціи 122—39.

Редакторъ-издатель **Николай Рябушинскій.**

Съ 15-го Іюня 1908 года
Сочиненія Н. К. Михайловскаго
ПОМѢЩЕНЫ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ
Типографіи М. М. СТАСЮЛЕВИЧА
С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., д. 28,

куда и обращаться съ требованіями.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ по 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.

Т. III. (Печатается *четвертое* изданіе). Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа. — Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи. — Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. — Суздальцы и суздальская критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма къ ученымъ людямъ. — Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 гг.

Т. V. Жестокій талантъ.—Гл. И. Успенскій.—Щедринъ.—Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ. — Графъ Бисмаркъ.— Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

Т. VII. *Готовится къ печати.* Мой первый литературный опытъ.—„Разсвѣтъ".—„Книжный Вѣстникъ".—„Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.— О гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. — Кающіеся дворяне.—Идеалы и идолы.—Г. З. Елисеевъ.—Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ничше.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе все распродано.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова. —Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ничше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г.—482 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г.—431 стр. Ц. 1 руб. 50 коп., Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г.—489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по январь 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора)

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

(XVII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

и

продолжается подписка на 1908 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р. на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*Пассажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.—отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

---

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".

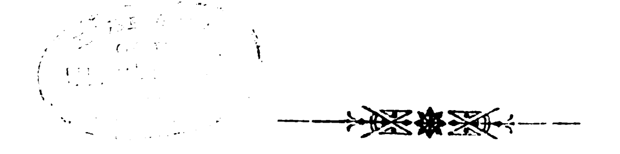
ЯНВАРЬ. 1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1909.

Цѣнныя книги по удешевленной цѣнѣ

пріобрѣтены въ большомъ количествѣ и продаются, а также высылаются наложеннымъ платежомъ. Цѣны безъ пересылки.

Пополняю и вновь составляю полковыя, школьныя, общественныя и прочія Библіотеки и читальни по очень сходнымъ цѣнамъ.

Высылаю всѣ книги, кѣмъ бы онѣ ни были объявлены и изданы, по цѣнамъ ихъ объявителей.

Требуйте безплатно каталогъ 4000 книгъ

и полныхъ собраній сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей.

ПРОДАЮТСЯ:

ВСЕЛЕННАЯ и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО. Соч. Кремеря. Роскошное изд. т-ва Просвѣщеніе. (Чудеса природы и произведеній человѣка). 5 т. роскошное изд. съ красочными и черн. рисунк. въ роскошныхъ перепл. Вмѣсто 55 руб. за 35 руб.

БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ подъ ред. Южакова, изд. т-ва Просвѣщеніе. 20 т. 1905 г. въ роскошн. издател. перепл. вмѣсто 120 р. за 55 р.

АРЦЫБАШЕВЪ, КУПРИНЪ, АНДРЕЕВЪ и друг. новѣйш. писатели. Повѣсти и разсказы 5 т. 600 стр. съ 5 портр. въ роск. золоч. перепл. Вмѣсто 5 р. за 2 р. 75 к.

Г. ДЕ МОПАССАНЪ. Полное собраніе сочиненій. 13 т. 1906 г. съ портр. 5000 стр. за 4 р.

О. КОНТЪ. Философія математики, перев. съ франц. 300 стр. 1900 г. вмѣсто 2 р. за 1 р.

МИЛЛЕРЪ. Моя система, полный курсъ физическихъ упражненій съ 41 рис. 1909 г. за 60 к.

ВСЕВ. СОЛОВЬЕВЪ. Полное собраніе сочиненій. 40 т. съ портр. за 7 р.

ОСТРОВСКІЙ А. Полное собраніе сочиненій 10 т. въ роск. издат. переп. изд. т-ва Просвѣщеніе, соверш. нов. энц. Вмѣсто 21 р. за 17 р.

СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ, вошедшихъ въ русскій языкъ, сост. Смирновъ 1908 г. 800 стр. за 2 р.

БИЛЬЦЪ, д-ръ. Естественныя методы лѣченія болѣзней. 2 т. 2400 стр. со множеств. рисунк. 1903 г. вмѣсто 4 р. за 2 р.

ТЕНЪ ИППОЛИТЪ. Происхожденіе современной Франціи. 5 т. 1320 стр. пер. съ франц. Вмѣсто 5 р. за 2 р. 50 к.

ФОРЕЛЬ А., проф. Половой вопросъ. 2 т. 600 стр. съ рис. 1908 за 2 р.

ХИРОМАНТІЯ или тайны руки сост. 3—на съ 154 рисунк. 1909 г. за 90 к.

ВСЯ ПРИРОДА изд. т-ва Просвѣщеніе, роскошное изданіе съ красочными и черными рисунками въ роскошныхъ полукож. перепл. 13 т. Вмѣсто 70 р. за 55 р. (Содерж.: Неймайръ. Исторія земли. Мейеръ. Мірозданіе. Бремъ. Жизнь животныхъ. Кернеръ. Жизнь растеній. Гааке. Происхожденіе животн. міра. Ранке. Человѣкъ. Ратцель. Народовѣдѣніе).

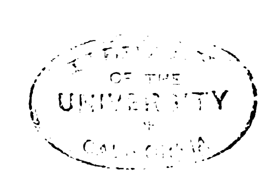
БРОКГАУЗЪ-ЭФРОНЪ полный энциклопедическій словарь 86 т. въ роскош. издат. перепл. вмѣсто 258 р. за 150 р.

КОЛЛЕКЦІЯ НОВЫХЪ КНИГЪ ПО ВОПРОСУ О ПОЛОВЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МУЖЧИНЫ и ЖЕНЩИНЫ. ГЕЙМЪ. О половомъ сношеніи. Форель. Половая этика. Жозанъ. Физическій міръ мужчины, Его же. Физическій міръ женщины. Кофиньонъ. Дно Парижа. Женская проституція, врожден. и случайныя проститутки, по Ломброзо. Роледеръ. Онанизмъ. Риббингъ. Гигіена брака и безбрачія и анатомія мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ съ рисун. всѣ 8 книгъ съ пересылкой за 3 р.

Высылаю всѣ книги по рекламамъ, публикаціямъ и каталогамъ всѣхъ издателей и книгопродавцевъ по ихъ цѣнамъ.

Книжная торговля И. КОСЦОВА.

С.-Петербургъ, Литейный просп., д. № 28—2.



AP50
R477
1909:1-2
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ)

195885

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ
(заочные)
КУРСЫ КОММЕРЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

20 выпусковъ, имѣющихъ цѣлью замѣнить собою дорогостоющіе коммерч. курсы и дать возможность изучить въ продолженіе года ПОЛНЫЙ курсъ слѣд. коммерч. наукъ, необходим. всякому причаст. къ торгов. и промыш.

Бухгалтерію двойную итальянск. Полный курсъ, обнимающій всѣ отрасли коммерч. счетовод. и доступный по своему изложенію всякому грамот. человѣку. Подписчики въ продолженіе года періодически получаютъ опрос. листы, отвѣты на которые исправ. редак. и возвращ. обратно. Ознакомив. такимъ образомъ съ предметомъ, кажд. подписчикъ получаетъ отъ редак. „Общедост. Курс. Коммерч. Образ.“.

АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.

Товаровѣдѣніе Этотъ обшир. отдѣлъ даетъ подпис. всесторон. знакомство съ качест. цѣнами, глав. биржами, сортами, а также фальсификаціей всевозможныхъ товаровъ какъ русскаго, такъ и заграничнаго происхожденія. Свѣдѣнія эти необходимы каждому дѣловому человѣку.

Коммерческую корреспонденцію. Полный курсъ, знакомящій подписчиковъ, какъ съ основными правилами коммерч. корреспон. такъ и съ всевозмож. формами коммерч. письменныхъ сношен. Редакція періодически обращается съ дѣловыми письмами разнообраз. коммерч. свойства къ своимъ подпис., отвѣты на которыя исправ. редак. и возвращаются обратно. Такимъ образомъ къ концу года подп. усваиваютъ всѣ виды коммерч. корреспон., употребляемые въ торгово-промышл. мірѣ.

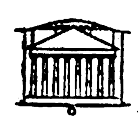
Коммерч. ариѳметика.

Эта важная отрасль комм. наукъ примѣняется въ каждомъ торгов. и промыш. дѣлѣ для упрощенія различн. вычисленій. Она облегчаетъ веденіе правильн. счетовод., даетъ готовыя формулы при исчисленіи процентовъ, учетѣ векселей и т. д.

Коммерческую географію знакомящую читателя съ состояніемъ торговли и промышленности въ различныхъ государствахъ, въ этомъ отдѣлѣ главное вниманіе будетъ обращено на экономическое положеніе Россіи, на ввозную и вывозную торговлю, пути сообщенія и т. д.

Подписная цѣна съ перес. за 20 вып. **10** р., 10 вып. **5** р., за **5** вып. **3** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р. 50 к., по получ. 4 вып. 3 р. 50 к., по получ. 8 вып. 3 р.

Адресъ: Редакція Общедост. Курсовъ Коммерч. Образованія, С.-Петербургъ, Невскій пр., 92-в. Телефонъ 93—96.



Книгоиздательство „ПАНТЕОНЪ“.
СПБ., ИТАЛЬЯНСКАЯ, 15.
Телеф. 289—13.

Книгоиздательство „Пантеонъ“ стремится собрать шедевры міровой литературы и сдѣлать ихъ достояніемъ русскаго читателя.

МІРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОФОКЛЪ Трилогія:—Эдипъ-царь, Эдипъ въ Колонѣ, Антигона пер. **Д. С. Мережковскаго**, рис Л. Бакста. Цѣна 1 р.
ВОЛЬТЕРЪ. Кандидъ (роман.) пер. **Θедора Сологуба**. Цѣна 70 к.
Б. д'ОРВИЛЬИ. Лики дьявола (разсказы), перев. **Ал. Чеботаревской**, статья **М.** Волошина, рис. Ропса. Цѣна 1 р.
ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ АДАНЪ Жестокіе разсказы (изд. разошлось).
ФРАНЦУЗСКІЕ ЛИРИКИ XIX ВѢКА. Въ пер. **Валерія Брюсова**. Цѣна 1 р.
ГИМНЫ, ПѢСНИ И ЗАМЫСЛЫ ДРЕВНИХЪ. Въ пер. **К. Бальмонта**. Ц. 1 р. 50 к.
ГРИЛЬПАРЦЕРЪ. Праматерь (траг.), пер. **Ал. Блока**. Цѣна 1 р.
УАЙЛЬДЪ. Саломея, пер. и ст. **К. Бальмонта** рис. Бердслея. Цѣна 1 р.

МОНОГРАФІИ.

В. И. ЗАСУЛИЧЪ. Вольтеръ, его жизнь и лит. дѣятельность. Цѣна 60 к.
Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ. Гоголь (печатается).
СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ. Современные русскіе художники. Цѣна 1 руб. 75 к. Содержаніе (Васнецовъ, Суриковъ, Рѣпинъ, Поленова, Малютинъ, Билибинъ, Афанасьевъ, Рябушкинъ, Нестеровъ, Рерихъ, Бенуа, Сомовъ, Лансере, Бакстъ и друг.)

УЭЛЛСЪ 50000 лѣтъ назадъ (разсказы), пер. **Николая Морозова**. Цѣна 60 к.
КИПЛИНГЪ. Разсказы, пер. **К. Чуковскаго**, ст. В. Г. Тана. Цѣна 1 р.
Г. д'АННУНЦІО. Франческа да Римини, пер. **Вал. Брюсова и В. Иванова**. Ц. 1 р. 50 к.
РЕМИ ДЕ ГУРМОНЪ. Маски. Литературныя характеристики, пер. **Ал. Чеботаревской**, рис. Валотона. Цѣна 1 р.

Полное собраніе сочиненій.

ГЮИ де МОПАССАНА

новые переводы съ послѣдняго юбилейнаго изданія: Ал. Чеботаревской, Бориса Зайцева, З. Венгеровой, Ан. Чеботаревской, Θедора Сологуба, Сергѣя Городецкаго и другихъ.

Въ этомъ изданіи многіе разсказы появляются впервые.

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе томы:

Томъ I. **Пышка и др. разсказы**, пер **Сергѣя Городецкаго**, ст. **Θ. Сологуба**.
Томъ II. **Домъ Телье и др. разсказы**, пер. **Сергѣя Городецкаго**.
Томъ III. **Исторія одной жизни** (романъ) пер. **Ал. Чеботаревской**.
Томъ IV. **Сильна, какъ смерть** (романъ), пер **Θедора Сологуба**.
Томъ V. **Милый другъ** (романъ), пер. **Ан. Чеботаревской**.

Цѣна каждаго тома 20 копеекъ.

Второе роскошное изданіе, цѣна каждаго тома 1 рубль.

Готовятся къ печати

МЕРЕЖКОВСКІЙ. Лермонтовъ (монографія).
ЛОНГУСЪ. Дафнисъ и Хлоя, пер **Д. С. Мережковскаго**.
ЕККЛЕЗІАСТЪ. Пѣснь пѣсней, пер. **Эфроса**.
БОРХАРДЪ. Книга Іорамъ, пер. **А. Эліасберга**.

ВАЖНО ДЛЯ ПРОВИНЦІИ,

где очень трудно достать прочные хорошіе и умѣло провѣренные часы, показывающіе

ТОЧНОЕ ВРЕМЯ

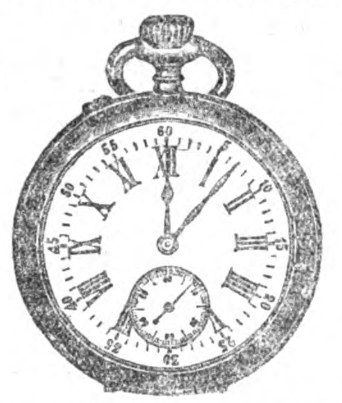
М. СОКОЛОВЪ

МАСТЕРЪ СПЕЦІАЛИСТЪ.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 71. ДЕПО ЧАСОВЪ.

Работавшій много лѣтъ у извѣстной фирмы Г. МОЗЕРЪ и К° рекомендуетъ нижеслѣдующіе сорта часовъ, какъ особенно прочные и вѣрные.

ЛИЧНАЯ ПРОВѢРКА И ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА вѣрность хода на 5 ЛѢТЪ.



ЛИЧНАЯ ПРОВѢРКА И ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА вѣрность хода на 5 ЛѢТЪ.

№ 150. Часы мужск., черн. откр хор. сорта, цилиндр. 4 р. 80 к. Такіе же высшаго сорта анкерные 7 руб. 75 коп. и 12 руб. Закрытые черные часы анкерные 10 руб. и 12 руб. 50 коп

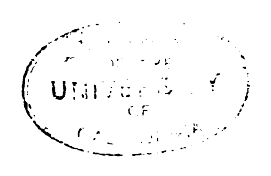
Не смѣшивать съ ВАРШАВОЙ.

№ 130. Часы мужск., серебр., 84 пр., заводъ головкой, массивныя три крышки лучш. сор., анкерн., 15 камн. 12 р. и 13 р. 50 к.
Такіе же высш. сорта . . . . . 15 и 18 р.

№ 171. Часы мужск., серебр. 84 пр., заводъ ключ., массивн. три крышки, лучш. сор., анкерн. на 15 камн. 10 р. 35 к. и 11 р.
Такіе же высшаго сорта 13 р. 75 к. и 15 р.

Изящная цѣпь при всѣхъ часахъ безплатно. Пересылка за счетъ фирмы наложеннымъ платежомъ безъ задатка.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНЫЙ ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ.



ЧУЖОЙ.

I.

Уже давно, съ того ушедшаго въ смутное прошлое времени, о которомъ Маркелъ не любилъ думать, онъ сталъ чувствовать странную отчужденность отъ всего, что было вокругъ.

Гдѣ бы онъ ни былъ и чѣмъ бы ни занимался—иногда самымъ пріятнымъ и нужнымъ,—глубоко подъ внѣшними впечатлѣніями настоящаго момента и нынѣшняго дѣла, порой незамѣтная для него самого, тяжелая и неподвижная, какъ старый, угрюмый камень, лежала темная мысль о томъ, что все одинаково пройдетъ, и всему онъ одинаково далекъ.

И, должно быть, оттого онъ нигдѣ не жилъ долго, переходя изъ деревни въ село, изъ села въ городъ, изъ города въ столицу. Какъ мимолетныя станціи длинной и скучной дороги, мелькали мимо его сумрачной души мѣста и люди, дѣла и мысли, не задѣвая ея и не трогая чувства.

Приходилъ, работалъ, если была работа, жилъ неизвѣстно зачѣмъ съ неизвѣстными людьми, если работы не было, и иногда спѣшно приходилось все бросить и уходить дальше, и нельзя было вернуться на старое мѣсто: назади оставалось темное дѣло, о которомъ не хотѣлось вспоминать.

Но и это не будило сожалѣнія или боли и шло мимо, какъ все: города и деревни, дѣла и люди.

Такъ шелъ онъ въ жизни темнымъ силуэтомъ, похожимъ на тѣ неуловимыя тѣни, что проплываютъ въ лѣсу ночью, холодный и безучастный ко всему, по странному упрямству тянувшій свою разломанную темную жизнь...

И разъ мутной зимней ночью, когда мертвое поле свѣтилось бѣлымъ снѣгомъ, и безлунная, тусклая ночь стояла надъ землей жуткимъ молчаніемъ, пришелъ онъ на старую мельницу.

Люди этого мѣста не любили и безъ нужды не бывали здѣсь. Даже старались не проходить мимо, хотя черезъ плотину была ближняя тропинка въ волостное село. Про мель-

ника говорили худо: былъ онъ человѣкъ неразговорчивый и не любилъ водить знакомства съ окрестнымъ крестьянствомъ.

Зимой было тихо на мельницѣ. Стояла она совсѣмъ на отшибѣ, у самой рѣки, и прежде, когда деревня была господской, отъ нея начиналась улица. Но послѣ бывшаго лѣтъ тридцать тому назадъ пожара, уничтожившаго всю деревню, землю подъ стройку выбрали на высокомъ холмѣ, некрутымъ изволокомъ подымавшемся отъ рѣки, а уцѣлѣвшая мельница осталась одна.

Большая и старая, тяжело и плотно сѣвшая на одинъ бокъ, полузаваленная снѣгомъ, отъ котораго стѣны казались еще темнѣй, она угрюмо чернѣла среди бѣлаго поля. Бывало такъ, что дорогу къ ней заметало, и жившіе въ ней были, какъ на островѣ: по цѣлымъ днямъ никого не видѣли и никто ихъ не видѣлъ.

Вставали по утрамъ—все такъ же пустынно и тихо было кругомъ, такъ же синей, безжизненной полосой стоялъ дальній лѣсъ, и только на снѣгу длинными цѣпями лежали заячьи слѣды.

День проходилъ пустой, тихій и короткій, и опять шла ночь... Длинная, странная отъ тусклаго снѣгового отсвѣта, страшная тѣмъ, что она залегла кругомъ на необозримомъ пространствѣ, и все спитъ: спятъ деревни, спитъ замерзшее неподвижное поле, спитъ лѣсъ. И только не спятъ звѣри: бродятъ неслышной поступью, зорко оглядываются, нюхаютъ крѣпкій, морозный воздухъ и живутъ своей жизнью.

И на утро снова возлѣ старой мельницы виднѣлись путанныя петли заячьихъ слѣдовъ, а иногда и прямой, какъ стрѣла, легкій и разгонистый слѣдъ волка.

По ночамъ подымалась порой вьюга. Она носилась надъ землей, ударялась въ плотную стѣну лѣса,—и онъ гудѣлъ тревожнымъ шумомъ,—переносила съ мѣста на мѣсто сугробы снѣга и съ настойчивымъ безсиліемъ стучалась въ покривившіяся стѣны мельницы.

Люди просыпались, и темный, внезапно прерванный сонъ пугалъ жуткой, полусознанной мыслью. Крестились, закутывались плотнѣе и опять засыпали и уходили отъ того, что было кругомъ: занесенной снѣгомъ мельницы, жуткой вьюги и невѣдомой жизни замерзшихъ полей.

Было поздно, окна въ избѣ возлѣ мельницы были темны, и только одно изъ нихъ, самое верхнее, должно быть, въ свѣтёлкѣ, чуть свѣтилось слабымъ отсвѣтомъ лампадки.

Прислонившись къ стѣнѣ какого-то сарайчика, примы-

жавшаго къ избѣ, Маркелъ долго стоялъ передъ низкой тяжелой дверью.

Безсонница и огромная усталость давили тѣло тупой сонной тяжестью, отъ которой трудно было двинуться. Когда онъ шелъ — онъ чувствовалъ, что едва только остановится или сядетъ, какъ эта тяжесть, что давила плечи и спину и даже вѣки сдѣлала такими тяжелыми, что трудно было держать глаза открытыми,—тотчасъ скуетъ его, мягко навалится чернымъ, обморочнымъ сномъ, и тогда все кончится. Никакое усиліе, никакая опасность не могли бы сбросить этого сна, и если онъ не попалъ бы туда, отъ чего уходилъ, то замерзъ бы на дорогѣ.

Въ деревнѣ, заглушенный разстояніемъ и занесенными снѣгомъ стѣнами двора, протяжно и тревожно пропѣлъ пѣтухъ. Дальше отозвался другой, еще дальше третій, потомъ всѣ сразу смолкли, прислушиваясь къ застывшей морозной тишинѣ.

И вдругъ близко, казалось, совсѣмъ надъ ухомъ стоявшаго человѣка, неожиданно и страшно порвался дикій, ни на что не похожій ревъ.

Маркелъ отшатнулся и чуть не упалъ. И только тогда догадался, что тутъ же, за стѣной, далекой деревенской перекличкѣ отозвался проснувшійся пѣтухъ. Онъ захлопалъ крыльями сильно и плотно и опять закричалъ—низко, громко и протяжно.

— Все равно!—подумалъ Маркелъ и съ чувствомъ человѣка, махнувшаго на все рукой, крѣпко стукнулъ въ дверь избы.

Долго было тихо. Въ звонкой тишинѣ слышно было только, какъ похрустываетъ стягивающійся тонкій ледокъ на дорогѣ, черезъ которую прошелъ Маркелъ. И откуда-то, изъ бѣлесоватой смутной тьмы ночи, донесся слабый и прерывистый не то крикъ, не то вой. Холодной жутью мертвой пустыни, долгимъ голодомъ и темной звѣриной тоской вѣяло отъ него. Должно быть, старая щенная волчица вылѣзла изъ гущи кустарника на невысокій изволокъ и, присѣвъ на сухой промерзлый снѣгъ, завыла, томимая голодомъ и мертвымъ безмолвіемъ тусклой ночи.

Маркелъ повелъ плечами и опять стукнулъ въ дверь. Разъ и другой, потомъ забарабанилъ часто и забормоталъ что-то, не то оправдываясь, не то сердясь.

Опять было тихо, такъ тихо, что показалось, будто въ домѣ никого нѣтъ. И отъ этого все кругомъ—мельница, прислонившаяся къ ней изба и амбарушка — стало не живымъ, сумрачнымъ, какимъ бываетъ давно брошенное жилье. Даже старыя ракиты, что стояли возлѣ занесенной снѣгомъ

плотины, облѣпленныя густыми хлопьями, и тѣ показались давно умершими и засохшими.

Съ упрямымъ отчаяніемъ огромной усталости, Маркелъ съ трудомъ оторвалъ большой, крѣпко примерзшій къ землѣ камень и замахнулся имъ на дверь.

И въ тотъ моментъ, какъ замахнулся, гдѣ-то вверху, въ мезонинѣ избы, скрипнуло отодвигаемое окошко, и мужской, какъ будто, старческій голосъ спросилъ:

— Кого надо?

Маркелъ поднялъ голову. Прямо надъ нимъ, изъ крохотнаго, по старинному отодвигавшагося въ сторону оконца, чуть намѣчаясь въ сумракѣ, глядѣла голова.

— Пусти ночевать,—коротко сказалъ Маркелъ,—пусти...

Человѣкъ наверху, должно быть мельникъ, молча глядѣлъ на него. Не видно было, но, вѣроятно, онъ разсматривалъ пришедшаго долго и пристально и—похоже было—недовѣрчиво. Потомъ вдругъ, такъ же неожиданно, какъ появился, скрипнулъ оконцемъ и исчезъ.

И опять было тихо все и безжизненно. Попрежнему мертво стояли старыя замерзшія ветлы, корявыя и черныя въ тускло бѣлѣющихъ снѣговыхъ шапкахъ; и то, что сейчасъ былъ тутъ живой человѣкъ и говорилъ, было—какъ сонъ: можетъ быть, былъ и, точно, говорилъ черезъ окошко и смотрѣлъ внимательно и недовѣрчиво, а можетъ, это показалось только, и все было, какъ теперь, пусто.

Опять тоскливо, надрывая душу, завыло гдѣ-то, но уже ближе... И, въ отвѣтъ на этотъ вздрагивающій, плачущій вой, далекимъ лаемъ отозвались собаки...

Гдѣ-то внутри дома скрипнула не то дверь, не то половица, потомъ стукнуло что-то, и сразу, беззвучно и легко, дверь подалась внутрь и широко отпахнулась.

Неясная бѣлая фигура въ длинной до колѣнъ рубахѣ и бѣлыхъ портахъ высунулась наружу.

— Входи,—негромко проговорила она и посторонилась.

Маркелъ оттолкнулся плечомъ отъ хозяина и шагнулъ въ темноту сѣней. Онъ сдѣлалъ два шага и остановился, и слышалъ, какъ сзади заперли дверь.

— Эво-то, сюда иди,—говорилъ возлѣ него тотъ же голосъ,—эво дверь-то...

Осторожно, чуть придерживаясь за плечо хозяина, Маркелъ шагнулъ черезъ невидимый порогъ и опять остановился.

И первое, что онъ почувствовалъ, было—тепло, мягкое пахучее тепло человѣческаго жилья. Вѣроятно, гдѣ-нибудь недалеко отъ двери была печь, потому что тепло особенно сильно чувствовалось съ одной стороны и съ той же сто-

роны раздражающе пахло свѣжимъ, недавно вынутымъ и еще горячимъ хлѣбомъ.

Хозяинъ шуршалъ руками о печку и по столу, неслышно двигаясь по избѣ въ мягкихъ валенкахъ, и искалъ спичекъ. Наконецъ, коробка подвернулась подъ руку, и вспыхнулъ бояэливый огонекъ. Тьма дрогнула, колыхнулась, нетороппливо убѣгая, надвинулась, когда спичка прикоснулась къ фитилю лампы, и отпрыгнула опять.

Изба была просторная, съ почернѣлыми стѣнами и низкимъ закопченнымъ потолкомъ. Отъ печки ее дѣлила на двѣ неравныя части темная занавѣска, за которой былъ человѣкъ: поскрипывала кровать или лавка, и глубоко и шумно вздыхалъ кто-то, должно быть, только что проснувшись.

Старикъ оправилъ фитиль и обернулся.

По виду онъ не былъ старымъ—не было сѣдины въ темныхъ, чуть вьющихся на концахъ, волосахъ и бородѣ, но все лицо было покрыто мелкими, спервоначалу какъ-бы незамѣтными даже морщинками, придававшими ему странное выраженіе: какого-то глубокаго утомленія, особой изжитости, какого-то, быть можетъ, преждевременнаго старчества. И въ глазахъ—сѣрыхъ, маленькихъ, глубоко ушедшихъ въ подбровныя впадины, такъ что рѣдко они освѣщались, а всегда почти прятались въ рѣзкой черной тѣни, темными пятнами засѣвшей тамъ,—было что-то остановившееся, почти тайное, какъ будто старикъ разумѣлъ про себя, чего не хотѣлъ или не могъ высказать.

Такія лица, съ такими же точно глазами, видѣлъ Маркелъ у не старыхъ еще, но тяжко поживпшихъ бабъ, которымъ приходилось много работать, много болѣть и много рожать, а подъ конецъ жизни ходить по богомольямъ, отмахивая сотни верстъ по глухимъ, непроѣзжимъ дорогамъ въ полномъ одиночествѣ и полномъ молчаніи.

Старикъ долго стоялъ, безмолвно разглядывая пришедшаго, и оттого, что не видно было спрятавшихся въ глубокой тѣни глазъ его, казалось, что онъ не смотритъ на Маркела, а стоитъ въ глубокой задумчивости.

Наконецъ, онъ двинулся и слабо, какъ бы неохотно, сказалъ:

— Что-жъ, садись, что-ли... Ѣсть, поди, хочешь?

Маркелъ опустился на скамью возлѣ стола и, глотнувъ пересохшимъ терпкимъ горломъ, угрюмо буркнулъ:

— Хочу.

Онъ не хотѣлъ говорить грубо и непривѣтливо, но такъ вышло: едва онъ только сѣлъ, какъ почувствовалъ такую смертную усталость, что трудно было не только двинуться, но и говорить и даже думать.

Какъ всегда бываетъ съ людьми, долго бывшими на морозѣ и крѣпко уставшими отъ ходьбы или работы, а потомъ попавшими въ тепло, лицо Маркела вдругъ загорѣлось нестерпимымъ сухимъ жаромъ, а въ концахъ пальцевъ рукъ и ногъ появилась острая, колющая боль. Только сидя на скамьѣ возлѣ стола и щурясь отъ нестерпимаго для утомленныхъ глазъ свѣта лампы, понялъ Маркелъ, какъ онъ усталъ и изголодался

И все, что осталось за дверями этой избы, мутная ночь, жуткая тишина и долгая одинокая ходьба, когда отъ усталости подламывались ноги,—все это показалось ему страннымъ, далекимъ и призрачнымъ. Онъ тупо глядѣлъ на желтый кружокъ огня въ лампѣ и не видѣлъ, какъ, беззвучно ступая своими мягкими валеночками, двигался по избѣ старикъ, и такъ же беззвучно двигалась съ нимъ уродливая тѣнь, ломаясь на потолкѣ, то подбѣгая къ печкѣ, то ложась чернымъ пятномъ на занавѣску. Старикъ шептался съ кѣмъ-то возлѣ этой занавѣски, и этотъ шепотъ вывелъ Маркела изъ оцѣпенѣнія.

Старая, похожая на инстинктъ, привычка толкнула его. Онъ могъ спокойно сидѣть, если бы говорили громко, но при шепотѣ подозрительно поднялъ голову и оглянулся. Чуть отодвинувъ край занавѣски, должно быть прямо съ кровати, на него глядѣло молодое женское лицо. Оно усмѣхалось какъ будто, или просто щурилось отъ свѣта черными глазами, продолговатыми и такими большими, что за ними не замѣтно было лица. Невольно Маркелъ заглядѣлся на эти глаза, спокойно и прямо разсматривавшіе его.

— Похлебка, никакъ, есть тамъ оставши, когда не прокисла,—отвѣчала женщина, отвѣчая на вопросъ старика,—да, постой, я сама встану...

Она спряталась за занавѣской, а старикъ подошелъ къ столу и сѣлъ противъ Маркела. Опустился онъ медленно, какъ тяжело больной, съ трудомъ сгибая колѣни и опершись ладонями въ лавку. Сѣлъ и опять внимательно и молчаливо уставился темными ямами глазныхъ впадинъ на Маркела.

И снова въ избѣ наступило молчаніе. Слышно было только, какъ за занавѣской возилась женщина, должно быть одѣвалась.

— Ты что-жъ,—спросилъ, наконецъ, старикъ, попрежнему неподвижно сидя и держась руками за доску скамейки,—изъ какихъ будешь?

Маркелъ повелъ на него глазами и медленно и прямо отвѣтилъ:

— Изъ бѣглыхъ.

Онъ отходилъ понемногу отъ мороза и усталости, но все еще горѣло лицо, и говорить было трудно и лѣнь.

Старикъ ничуть не удивился его отвѣту и не двинулся. Казалось, онъ спокойно обдумывалъ его слова.

— Изъ бѣглыхъ...—повторилъ онъ и откашлялся:—это, скажемъ, по вѣрѣ или какъ? Бываютъ, которые по вѣрѣ бѣгаютъ, отъ гоненія, а есть другіе...

Онъ не договорилъ, опять закашлялся, на этотъ разъ долгимъ, затяжнымъ кашлемъ.

— Я по своимъ дѣламъ,—неохотно отвѣтилъ Маркелъ и закрылъ глаза.

— Такъ, такъ,—протянулъ хозяинъ и опять замолчалъ.

Мягко ступая босыми ногами, къ столу подошла та женщина, что глядѣла изъ-за занавѣски, и поставила чашку съ похлебкой. Достала хлѣбъ съ полки и ножъ и придвинула все это къ Маркелу.

— Покушай-ка, на! — съ усмѣшкой проговорила она, вправляя пальцемъ выпроставшіеся изъ-подъ платка волосы, и тутъ же сѣла, широко опершись о столъ полнымъ локтемъ.

Маркелъ медленно отрѣзалъ кусокъ хлѣба и сталъ ѣсть. Онъ уже дошелъ до той степени голода, когда желудокъ какъ бы сжимается въ комокъ, и всякое желаніе ѣсть пропадаетъ. Вяло и неохотно жевали пересохшія сухія десны мягкій теплый хлѣбъ, и рука съ ложкой тянулась къ похлебкѣ медленно и неохотно.

— Нѣтъ, спасибо... Не могу! — проговорилъ, наконецъ, онъ, чувствуя, какъ тяжелыя набухшія вѣки опускаются, и глаза туманятся слезами отъ усталости: — мнѣ бы отдохнуть только...

Старикъ поглядѣлъ на него и чуть мотнулъ головой.

— Одначе же ты того... усталъ, надо быть,—выговорилъ онъ серьезно и внимательно,—отъ хлѣба ажно отбило...

— Не могу... пересохло все!..

— Такъ, такъ,—опять закачалъ головою старикъ, какъ будто услышалъ то, о чемъ думалъ и зналъ раньше: съ большого устатку которые не могутъ ѣсть...

Онъ помолчалъ минуту и добавилъ, зѣвая:

— Тогда пойдемъ...

Женщина поглядѣла на него и равнодушно спросила:

— Наверхъ?

— А куда-жъ, не въ конюшню же!—какъ будто недовольно отвѣтилъ старикъ и сталъ зажигать старый, съ разбитыми и закопченными стеклами, фонарь.

Маркелъ встрепенулся и хотѣлъ подняться. Но ноги одеревенѣли и не слушались, и ему надо было употребить боль-

шое усиліе, чтобъ встать. Онъ глянулъ на хозяина, оправлявшаго фонарь, потомъ на женщину и съ угрюмымъ безпокойствомъ заговорилъ:

— Ты послушай, хозяинъ, ты не то... Я тебѣ прямо сказалъ, изъ какихъ я... Спасибо тебѣ за хлѣбъ, за соль, а только ты не думай, я...

Онъ хотѣлъ отказаться отъ ночлега, но то, что было сильнѣе его—разбитое, измученное тѣло, изъ котораго, казалось, были выжаты всѣ силы, какія оно могло дать,—было безвольно и слабо, и онъ снова сѣлъ.

— Ты это о чемъ?—не отворачиваясь отъ фонаря, спросилъ старикъ.

Хозяйка поглядѣла на него и опять усмѣхнулась.

— Брось,—негромко сказала она, какъ бы угадывая то, что думалъ Маркелъ,—много такихъ-то было, никто не пропалъ...

Она улыбнулась, какъ улыбается большой человѣкъ ребенку, и, ежась плечами, плотнѣе завернулась въ большой сѣрый платокъ.

Старикъ поднялъ фонарь и обернулся къ Маркелу.

— Пойдемъ...—проговорилъ онъ.

Они вышли въ сѣни, и сразу острый холодокъ настывшаго воздуха охватилъ Маркела судорожной дрожью. Ее трудно было удержать, и отогрѣвшееся въ избѣ тѣло тряслось порывисто и часто, а зубы невольно лязгали.

По широкой, тутъ же отъ двери подымавшейся лѣстницѣ, они прошли наверхъ, и длинный, странно желтый и качающійся лучъ фонаря уперся въ низкую широкую дверь. Она выходила на крохотную галлерейку, по обѣимъ сторонамъ которой виднѣлись узенькія дощатыя двери: должно быть, тамъ были чуланы. Тутъ же былъ ходъ на чердакъ, и подъ крышей видны были сложенныя высокой грудой чистыя бѣлыя доски.

Старикъ толкнулъ дверь—и та, словно ожидая этого, легко и податливо уступила. Желтое пятно фонаря качнулось на высокомъ порогѣ, и за нимъ качнулась длинная тѣнь мельника. Маркелъ ступилъ за нимъ, и старикъ тотчасъ же заперъ дверь.

Та же теплота, что была внизу, охватила ихъ. Старикъ прошелъ къ правой стѣнѣ, въ которой мутно намѣчались два крохотныхъ оконца, и поставилъ фонарь на прилаженный подъ ними большой столярный верстакъ.

Маркелъ разглядѣлъ на немъ и на полкѣ, надъ нимъ, развѣшанные и разбросанные инструменты, какую-то доску, зажатую въ тискахъ верстака, и рядомъ фуганокъ, обрѣзки дерева и стружки, большой бѣлой кучей сметенныя къ одному углу. Пахло свѣжимъ подсыхающимъ деревомъ и сто-

лярнымъ клеемъ. И еще какимъ то неуловимымъ тонкимъ запахомъ,—не то ладана, не то кипариса—тянуло изъ-за дощатой переборки, отдѣлявшей мастерскую отъ другой, проходной, должно быть, комнатки. Въ щели между досками этой переборки чуть пробивался тусклый золотистый свѣтъ.

Лампадка ли тамъ была зажжена, или горѣла лампа съ приспущеннымъ фитилемъ, нельзя было разобрать.

— Столярничаешь? — полюбопытствовалъ Маркелъ, кивнувъ на верстакъ.

Старикъ поглядѣлъ на него черными тѣнями глазныхъ впадинъ и махнулъ слегка рукою:

— Прежде работалъ, нынѣ старъ сталъ... Спина болитъ, глаза не тѣ... Такъ по дому кое-что!

На лѣстницѣ стукнуло что-то, и дверь отпахнулась. Вошла хозяйка и принесла подушку и одѣяло.

— Завтра сѣнникъ набьемъ, нынче ужъ такъ переспи,— улыбаясь, проговорила она и положила принесенное на кучу стружекъ,—покуда прощайте!

— Христосъ съ тобой,—отозвался старикъ,—ходишь такъ, босая,—сѣни холодныя, долго-ль застудиться...

— А хоть бы что! Прощайте!—повторила она и захлопнула дверь.

— Вотъ и спи,—прокашливаясь, кивнулъ старикъ, — на стружкахъ покуда... Тутъ мягко. Тамъ видно будетъ, какъ и что... А выйти когда—такъ внизу въ сѣняхъ дверь; направо только—тая, что на улицу—заперта, а что налѣво—нащупаешь, возлѣ лѣстницы самой—та на мельницу... Да!— онъ помолчалъ немного.—А тамъ прямо, да къ лѣвой сторонѣ, да. Тоже возлѣ лѣстницы, что наверхъ—дверца махонькая такая, на колесо прямо. А тамъ возлѣ воды обойдешь, возлѣ стѣнки-то, а послѣ по камнямъ ручей живой воды перейдешь. Да. А послѣ, по подзапрудью по тую сторону... А тамъ—ракитнякъ...

Онъ умолкъ и долго внимательно глядѣлъ на Маркела.

— На случай, ежели что,—добавилъ онъ, какъ бы въ поясненіе.—Ну, спи. Я тулупъ тебѣ оставлю, постелешь на стружки-то... Огня не оставлю, не зажегъ бы, спаси Господи... Цыгарки куришь?

— Курилъ, да табаку нѣтъ.

— Ну и ладно, что нѣтъ. Ложись, я фонарь возьму.

Маркелъ разгребъ кучу свѣжихъ пахучихъ стружекъ, бросилъ тулупъ, одѣяло и подушку. Съ огромнымъ усиліемъ, напрягаясь всѣмъ тѣломъ, стащилъ онъ промерзшіе, закалѣнѣвшіе сапоги и отодралъ портянки. Ноги были разбиты ходьбой въ кровь, и грубая нахолодавшая холстина присохла къ живымъ ознобленнымъ ранамъ.

Старикъ молча ждалъ. Тусклый разбитый фонарь освѣщалъ его только до половины—лицо и верхняя часть тѣла смутно намѣчались въ сумракѣ.

— О Господи, Господи Іисусе, Спасе нашъ!—вдругъ забормоталъ онъ сдержанно и сокрушенно и вздохнулъ тяжко.

Маркелъ тупо поглядѣлъ на него и сталъ распоясываться. Наконецъ, онъ легъ и укрылся одѣяломъ.

Старикъ вздохнулъ еще разъ, поправилъ ногой раскатившіяся стружки и пошелъ за переборку.

— Ну, спи, ничего не думай, спи!—говорилъ онъ, запирая дверь,—спи со Христомъ...

Онъ повозился еще тамъ, брякнулъ фонаремъ раза два и, заскрипѣвъ кроватью, утихъ.

Стало темно, крѣпко пахло свѣжими сосновыми стружками.

Еще не осмысливъ всего, что съ нимъ было, не пытаясь понять и догадаться, Маркелъ закрылъ глаза.

И сразу же та мягкая, огромная тяжесть, что лежала на воспаленныхъ опухшихъ вѣкахъ, на подламывающихся плечахъ, на нывшей тупой жесткой болью спинѣ—вдругъ, какъ домъ, изъ-подъ котораго выскальзываетъ фундаментъ, двинулась и широкимъ кругомъ полетѣла вбокъ внизъ. И это было такъ страшно, какъ будто колыхнулась и полетѣла огненнымъ круговымъ движеніемъ вся земля,—Маркелъ застоналъ и открылъ глаза.

Черная тьма стояла передъ ними, плотно придвинувшись къ самому лицу.

Онъ опять закрылъ глаза. Опять рождаясь гдѣ то наверху, медленно, но все же ускоряя бѣгъ мягкимъ полукругомъ поплылъ внизъ яркій оранжевый кругъ и все тѣло содрогнулось упругимъ и мучительнымъ толчкомъ.

И такъ было разъ, и два, и три...

Выбившійся изъ сна, усталый и иззябшій, съ разбитымъ тѣломъ и туманной, тяжелой, какъ огромный чугунный шаръ, головой, Маркелъ порой начиналъ задремывать, вдругъ внезапный, могучій толчекъ потрясалъ его тѣло, и онъ снова пробуждался въ слѣпой, мучительной тревогѣ.

Иногда ему казалось, что невозможно тяжелая, чугунная голова начинаетъ падать въ какую-то страшную глубину, и онъ вскрикивалъ. Такъ было долго. Уже гдѣ то близко, словно надъ самой головой, пропѣлъ утренній пѣтухъ и громко и властно захлопалъ крыльями, и блѣдный свѣтъ незамѣтно влился въ горницу, смутно и неясно намѣчая доски и какіе-то ящики, раскиданныя стружки и что-то длинное и бѣлое, похожее на толстое гладко оструганное бревно, когда онъ, наконецъ, заснулъ.

И какъ заснулъ—не помнилъ.

II.

Маркелъ проснулся оттого, что правый бокъ, на которомъ онъ лежалъ, замеръ и онѣмѣлъ: очевидно онъ, какъ заснулъ, такъ и не шелохнулся ни разу.

Невыразимо пріятно было лежать на сухихъ, чистыхъ стружкахъ, угрѣвшись подъ мягкимъ, какъ-то по особенному домовито пахнущимъ одѣяломъ, и если бы не голодъ рѣзкой болью стягивавшій желудокъ, было-бы совсѣмъ хорошо. Даже весело было лежать въ выдавившейся въ стружкахъ ямкѣ и слушать мѣрный и сочный шорохъ, доносившійся отъ верстака.

Маркелъ чуть пріоткрылъ глаза и глянулъ въ ту сторону. Старикъ, наклонившись, стоялъ надъ зажатой въ тиски верстака доской и длиннымъ желтымъ фуганкомъ стругалъ край доски. Онъ былъ въ огромныхъ желѣзныхъ очкахъ, съ длиннымъ зеленымъ козырькомъ на лбу, и отъ этого казался суровымъ и совсѣмъ старымъ. Неторопливо и размѣренно наклонялся онъ впередъ, крѣпко и сильно упираясь руками въ длинный фуганокъ, и каждый разъ, какъ наклонялся,—длинная бѣлая стружка живой спиралью вылетала изъ вырѣзки фуганка и падала на полъ.

Отстругавъ край доски, старикъ выпрямился и исподлобья черезъ очки посмотрѣлъ на Маркела.

— Проснулся?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что тотъ не спитъ,—вѣрно, я разбудилъ...

Маркелъ потянулся и сѣлъ.

— Пора, чай, не рано...

— Гдѣ ужъ рано,—отозвался старикъ и, повернувшись, началъ отворачивать винтъ тисковъ,—гляди, къ полднямъ скоро...

Маркелъ хотѣлъ встать, но неожиданная рѣжущая боль кольнула ноги. Это было такъ внезапно, что онъ сморщился и попробовалъ еще разъ. Но боль стала сильнѣе, и подняться было трудно.

— Что, ноги?—коротко спросилъ старикъ.

— Да вотъ... стать больно!—морщась, отвѣчалъ Маркелъ, разглядывая безобразныя, запухшія за ночь раны:—какъ есть испортилъ!

Старикъ подошелъ и тоже посмотрѣлъ.

— Плохо!..—замѣтилъ онъ.

— Чего хуже!—согласился Маркелъ.

Старикъ молча уставился на него круглыми стеклами очковъ.

— Обождать придется, а?

Маркелъ молчалъ.

— Такъ не сойти, — продолжалъ старикъ, — погодить надо...

— Неловко мнѣ годить-то,—неохотно вымолвилъ Маркелъ.

— Какъ-нибудь... Куда-жъ съ такими ногами—версту не уйдешь!

— Ждать-то, можетъ, долго придется...

— Какъ Богъ дастъ.

Онъ повернулся и, взявъ съ верстака доску, сталъ примѣрять ее къ другой, лежавшей на полу. Доски были длинныя, очень толстыя и тяжелыя, судя по темноватому цвѣту, дубовыя. У обѣихъ концы были срѣзаны наискось, такъ что верхнее ребро доски было шире нижняго.

— Какъ Богъ дастъ,—снова повторилъ старикъ, ползая на колѣняхъ по полу и прикидывая доски,—покуда на мельницѣ поживешь... Поможешь что по хозяйству, на вродѣ какъ въ работникахъ... Куда-жъ съ такими ногами.

Онъ говорилъ это спокойно и увѣренно, внимательно свѣряя наложенныя другъ на дружку доски, и по его тону Маркелъ понялъ, что идти, дѣйствительно, невозможно.

— Жить мнѣ неловко,—съ сомнѣніемъ выговорилъ онъ,—человѣкъ я такой...

— У Бога всѣ ровны,—сказалъ старикъ, подымаясь.—Пачпорта нѣтъ?—Онъ опять исподлобья внимательно глянулъ на Маркела.

— Нѣту.

Старикъ молча отвернулся и взялъ третью доску, много короче первыхъ двухъ. Опять опустился на колѣни и долго ползалъ, что-то прикидывая и вымѣряя. Наконецъ, большимъ плоскимъ карандашемъ отложилъ по обрѣзку дерева два угла такъ же, какъ въ прежнихъ доскахъ: верхній край шире, нижній много уже.

Маркелъ невольно заинтересовался его работой. Можно было подумать, что старикъ дѣлаетъ большой, почти въ сажень, жолобъ для пойки лошадей.

— Что это ты дѣлаешь, дѣдъ?—спросилъ Маркелъ.

Старикъ выпрямился и сдвинулъ козырекъ высоко на лобъ.

— А гробъ дѣлаю,—просто отвѣтилъ онъ.

— На деревню кому?

— Зачѣмъ на деревню!

Онъ помолчалъ, поднялся и положилъ доску на верстакъ.

— Нѣтъ,—раздумчиво повторилъ онъ, прибирая разбросанные на верстакѣ инструменты,—нѣтъ, себѣ дѣлаю!..

— Зачѣмъ же себѣ-то? Али помирать собираешься?

— Собирайся не собирайся—смерть придетъ и безъ сборовъ возьметъ, чего тамъ собираться! Собираться всегда надо... Въ писаніи вонъ сказано: не вѣсте бо часа... Позоветъ Господь—и помрешь... Такъ-то!..—повторилъ старикъ, не отвѣчая на вопросъ Маркела, а какъ бы думая вслухъ:—такое-то дѣло вотъ наше—и безъ пачпорту помрешь, какъ и съ пачпортомъ... А?—обернулся онъ и снова уставился круглыми, какъ глаза совы, очками.

Маркелъ усмѣхнулся.

— Оно точно что...

— То-то вотъ оно и есть... Пойдемъ-ка на низъ, поди хозяйка на перехватку ждетъ...

Кряхтя, сжимая отъ боли зубы и такъ напрягаясь всѣмъ тѣломъ, какъ будто бы онъ подымалъ огромную тяжесть, всталъ Маркелъ и осторожно, ступая не на всю ступню, а на край, поворотивъ подошвы внутрь, заковылялъ къ двери. Нечего было и думать надѣть сапоги или хотя-бы обвернуть ноги онучами.

— Постой-ка, я тѣ валеночки дамъ,—остановилъ его хозяинъ,—накось, попробуй, можетъ—легче будетъ...

— Да мнѣ только разойтись,—бормоталъ Маркелъ, однако, валеночки надѣлъ. Въ нихъ было, дѣйствительно, легче.

Старикъ накинулъ стоявшія тутъ же у двери, вѣроятно, на случай ростепели, опорки и двинулся внизъ. Маркелъ поковылялъ за нимъ.

Внизу была, дѣйствительно, готова перехватка—горячая вареная картошка съ подсолнечнымъ масломъ, по постному времени.

Пылала веселымъ, потрескивающимъ огнемъ печь, самоваръ кипѣлъ волѣ нея, полъ былъ чисто вымытъ, даже выскобленъ. Чистая бѣлая скатерть на столѣ, чистые ручники съ расшитыми концами, разложенные на столѣ—все было, какъ въ зажиточной, крѣпкой крестьянской избѣ, гдѣ каждое дѣло имѣло свое время.

Неслышно и проворно, безъ суетливости и хлопотни, двигалась хозяйка, веселая, красивая и, видимо, довольная всѣмъ, что ее окружало.

Все, казалось, только ждало ея прикосновенія и тотчасъ же принималось выполнять свое назначеніе.

— Сундукъ-баба,—думалъ Маркелъ, глядя, какъ легко и весело управляется хозяйка съ своимъ многосложнымъ дѣломъ, — эта не упуститъ! Что поѣздъ по расписанію поспѣваетъ!

— Одни живете?—спросилъ онъ, когда наѣлся и отодвинулся отъ чашки съ картошкой.

Старикъ тоже былъ сытъ, всталъ и, оборотясь къ иконѣ, долго крестился.

— Одни—она да я, только и всего,—отвѣтилъ онъ, наконецъ, утирая бороду.

— Дѣтей не имѣете?

— Не благословилъ Господь...

Онъ потупился и молча собиралъ въ горсть разсыпанныя по столу крошки. Хозяйка тоже, какъ будто, прихмурилась. Маркелъ понялъ, что тронулъ своимъ вопросомъ больное мѣсто.

Чай пили долго и много, при чемъ вмѣсто сахару была поставлена на столъ большая чашка меду.

— Пчелками тоже занимаетесь,—замѣтилъ Маркелъ, кивая на нее.

— Пчелка тварь Богу угодная,—солидно отвѣтилъ старикъ,—веселая тварь... Раньше-то я много ими занимался, нынче поотсталъ: старъ становлюсь...

— Чего не старъ—гробъ себѣ дѣлаетъ!—усмѣхнулась хозяйка. Она тоже присѣла къ столу и какъ-то необыкновенно быстро успѣла выпить чашекъ пять чаю.—Видалъ, чай, наверху?

Маркелъ тоже улыбнулся.

— Отъ смерти все одно не уйдешь, — замѣтилъ старикъ,—смерть дѣло такое... А что гробъ дѣлаю—въ этомъ худого нѣтъ... Какъ прародители-патріархи безперечь спали въ гробахъ...

— Вотъ и ты спи... Замѣстъ кровати!—проговорила хозяйка и засмѣялась свободно и весело. Видно было, что она ничуть не боится своего стараго мужа и подшучиваетъ надъ нимъ.

— Тебя послушай, ты разскажешь,—тоже чуть-чуть усмѣхаясь, отвѣчалъ старикъ и поднялся.

Опять онъ долго крестился на иконы и кланялся въ поясъ. И когда замѣтилъ, что Маркелъ не дѣлаетъ этого,—чуть нахмурился и на благодарность его сказалъ коротко и сурово:—не на чемъ!..

Послѣ чая старикъ повелъ Маркела показать хозяйство. Хозяйство было небольшое, но крѣпкое и солидное. Какія-то особенно прочныя и легкія сани съ широкими удобными креслами сзади, выбитыя внутри крашеннымъ лубкомъ, стояли въ сараѣ; аккуратная крѣпкая сбруя съ мѣднымъ, ярко начищеннымъ наборомъ, висѣла тамъ-же на деревянныхъ кольяхъ, вбитыхъ въ стѣну; тутъ-же былъ и ящикъ съ подковами, молотками и клещами, всѣмъ нужнымъ для ковки. Видно, старикъ и кузнечилъ немного, потому-что

возлѣ мельницы была пристроена небольшая кузня. Особенно хорошъ былъ конь.

Рослый, сильно раскормленный жеребецъ гнѣдой масти, начищенный до того, что шерсть блестѣла атласомъ. Старикъ, видно, холилъ его, потому что, войдя въ конюшню, любовно потрепалъ по широкому круглому заду, а лошадь косилась на него большимъ умнымъ глазомъ, не переставая капризно перебирать заложенное въ ясли сѣно.

— Вотъ... когда почистить, обрядить —все надо!—говорилъ старикъ, гладя лошадь..

Потомъ ходили на мельницу. Долго стояли въ нижнемъ помѣщеніи ея, толстыя бревенчатыя стѣны котораго были сплошь покрыты тонкимъ бѣлымъ налетомъ мучной пыли. Порою въ этомъ налетѣ неожиданнымъ огонькомъ вдругъ вспыхивала алмазная искорка выдавленной морозомъ изъ бревна влаги. На длинной, сѣдыми космами свѣшивавшейся съ потолка паутинѣ, тоже полной бѣлой пыли, порой поблескивали онѣ, зажженныя отраженіемъ солнечныхъ лучей, пробиравшихся въ низенькую дверь, мерцали, какъ невѣдомыя слезы, застывшія и окаменѣвшія драгоцѣнными камнями.

За стѣной было колесо, и съ той стороны слышалось немолчное булькаье и всхлипыванье непрестанно бѣгущей воды.

Потомъ зашли за мельницу къ плотинѣ и тамъ долго стояли...

Прямо передъ ними, чуть изгибаясь мягкимъ, широкимъ поворотомъ, какъ мертвая царевна въ пеленѣ, лежала заваленная глубокимъ снѣгомъ рѣка, дѣвственно бѣлая, чистая и холодная. Черная проточина бѣгущей изъ-подъ колеса живой воды кончалась недалеко новымъ, еще не занесеннымъ снѣгомъ голубымъ льдомъ, а дальше изъ подъ снѣга торчали огромные черные камни, живые и молчаливые въ своихъ странныхъ, неожиданныхъ очертаніяхъ.

Подымался берегъ сверкающимъ откосомъ, на который больно было смотрѣть, и навѣянный длинными, тонкими сугробами снѣгъ—замерзшій и твердый, какъ камень—клалъ за собою то синія, то голубыя, то розовыя тѣни. Четко рисуясь въ прозрачномъ воздухѣ, темнѣла дальше какая-то лѣсная поросль, должно быть, тотъ ракитнякъ, о которомъ говорилъ вчера мельникъ.

Небо за нимъ было голубое, чистое и такъ трогательно нѣжное, что, глядя на него, хотѣлось улыбнуться, какъ чему-то близкому, неожиданно вспомнившемуся тихой грустью...

Двѣ черныя, нахохлившіяся отъ мороза, галки, сидѣв-

шія на тоненькой березѣ, чеканились въ немъ, какъ нарисованныя.

— „Конокрады они, что-ли?"—думалъ Маркелъ, глядя на темнѣвшую поросль и припоминая вчерашнія слова старика.—„Будто не похоже... Молится, гробъ дѣлаетъ... А меня съ вѣтру въ работники взялъ. Чудно! И баба тоже"...

Онъ улыбнулся было, но тотчасъ же нахмурился и, такъ нахмуренный, нелѣпо выступая израненными ногами, повернувъ внутрь подошвы, на которыя было больно ступить, пошелъ за старикомъ домой.

Вездѣ былъ порядокъ, чистота, все носило на себѣ слѣды неторопливаго, обдуманнаго труда и будило въ душѣ далекое, забытое подъ темнымъ покровомъ многихъ лѣтъ. При видѣ этого прочнаго, серьезнаго хозяйства хотѣлось такой же серьезной, озабоченной дѣятельности, давно не испытываемаго труда, нужнаго и, потому что онъ былъ нуженъ—веселаго.

Но это было давно. И такъ это было далеко, такъ много больного и темнаго прошло послѣ него черезъ душу человѣка, и такъ много было сдѣлано неисправимаго уже, что впечатлѣніе мелькнуло свѣтлымъ пятномъ и погасло.

Съ смутнымъ чувствомъ неясной жалости не то къ прошлому, не то къ самому себѣ за то, что теперь все не такъ, какъ было, Маркелъ смотрѣлъ въ широкую костлявую спину шедшаго впереди старика, сумѣвшаго всю жизнь прожить такъ, что до старости у него были и нужный трудъ, и спокойная жизнь, и красивая „сундукъ-баба"—хозяйка.

— „Чай, и денегъ прикоплено,—угрюмо соображалъ Маркелъ,—гдѣ-нибудь въ мельницѣ, подъ поломъ, въ какой-нибудь жестянкѣ отъ чаю, либо въ чугункѣ какомъ... Такой изъ дома не унесетъ, побоится... Кряжистый старикъ"...

Маркелъ остался на мельницѣ.

III.

Старика звали Дементіемъ, хозяйку его—Ульяной. Должно быть, мельникъ былъ сектантъ, потому что съ особенной строгостью соблюдалъ посты, часто и подолгу говорилъ о божественномъ, а въ церковь никогда не ѣздилъ и о попахъ отзывался неодобрительно.

Съ крестьянами онъ ни съ кѣмъ почти не водилъ знакомства, и бывало у него только два человѣка: древній совсѣмъ старикъ Капраловъ, самый богатый мужикъ изъ стоявшей на взгорьѣ деревни, и молодой еще парень Алексѣй, учившійся у Дементія столярному мастерству. Старикъ,

видимо, былъ когда-то большимъ мастеромъ этого дѣла—это замѣтно было по тому немногому, что случилось Маркелу разглядѣть въ его горницѣ за перегородкой.

Такъ, между другими вещами, тамъ стоялъ небольшой шкафчикъ, сдѣланный такъ отчетливо, крѣпко и красиво, что Маркелъ долго разсматривалъ его. Дверцы, верхніе карнизы, простѣночки, даже ножки—все было покрыто рѣзьбой, тонкой и красивой, сплетавшейся причудливой вязью.

— Хорошо?—спросилъ Дементій, видя, какъ Маркелъ любуется шкафчикомъ.

— Н-да, работа добрая!

— То-то... Лѣтъ семь дѣлалъ... Давно—годовъ пятнадцать назадъ,—замѣтилъ старикъ, раздумчиво поглаживая бороду.

— А и рѣжешь?—спросилъ Маркелъ, указывая на рѣзьбу.

— Теперь мало: глаза плохи стали. Раньше работалъ... На мебельной фабрикѣ былъ—смолоду-то... Иконостасовъ однихъ что вырѣзалъ!

— Что-жъ бросилъ-то?

Старикъ посмотрѣлъ на него.

— Отъ міру удаляюсь. Грѣха много въ мірѣ,—отвѣтилъ онъ,—а я сердцемъ досадливый человѣкъ, на соблазнъ податливъ... Тутъ лучше—соблазну меньше...

Алексѣй приходилъ довольно рѣдко. Онъ былъ главнымъ работникомъ своей семьи, и работы по дому было много. Поэтому онъ приходилъ только въ рѣдко выдававшійся свободный вечеръ или въ праздникъ. Съ Маркеломъ онъ былъ сдержанъ и, какъ будто, недовѣрчивъ. Увидѣвъ его, онъ ни слова не спросилъ у старика, откуда появился новый человѣкъ, и потомъ часа два что-то стругалъ, пилилъ и склеивалъ въ мастерской. Маркелъ все время былъ тутъ же и глядѣлъ на его работу, изрѣдка дѣлая замѣчанія или вопросы, на которые Алексѣй отвѣчалъ кратко, самъ же въ разговоръ не вступалъ.

И отъ этого, какъ, можетъ быть, и оттого, что Алексѣй всегда былъ занятъ, спокоенъ и—видно было по отношенію къ нему Дементія—работалъ хорошо, у Маркела явилось къ нему смѣшанное чувство смутнаго недоброжелательства и сдержанной презрительной насмѣшки.

Была обидна эта молчаливость, таящая про себя какую-то обособленную, свою мысль, къ которой этотъ молодой, бѣлокурый и широкоплечій крестьянинъ не хочетъ подпустить никого.

При томъ работая, онъ до чего-то доходилъ, чего-то добивался и шелъ въ жизни твердо и неуклонно, по всѣмъ видимостямъ имѣя твердую, опредѣленную цѣль, а ничего этого у Маркела не было. Выходило такъ, будто то, что за

ставило Маркела путаться по свѣту, какъ перекати-поле по степи, и изломало ему жизнь,—обошло Алексѣя, не задѣвъ его.

Капраловъ былъ совсѣмъ другой. Этотъ появился съ шумомъ, еще въ сѣняхъ бубня что-то своимъ густымъ, могучимъ басомъ, и едва только отворилъ дверь, какъ сразу заполнилъ горницу огромной фигурой, рѣзкими не по годамъ порывистыми движеніями, громкимъ гудящимъ голосомъ. Казалось, съ его появленіемъ просторная изба стала сразу меньше, ниже опустился потолокъ, и всѣмъ стало тѣсно. А голосъ грохоталъ такъ, что воздухъ дрожалъ,—онъ заполнялъ всѣ углы. Отъ него было безпокойно и нудно, и, казалось, никуда нельзя было уйти.

Сразу ввалившись и одновременно крестясь и здороваясь, онъ, какъ будто не замѣчая присутствія Маркела, сталъ разспрашивать о немъ. И, говоря, не дослушивалъ отвѣта, продолжая свое, словно заранѣе былъ увѣренъ въ томъ, что скажутъ ему давно извѣстное, чего не стоитъ слушать.

— То-то я слышу—на деревнѣ говорятъ—новый человѣкъ на мельницѣ, сродственникъ будто,—гудѣлъ Капраловъ, тяжело и громоздко топчась по избѣ.—Что думаю за штука—кому быть? А?

— На вродѣ работника, помочь что̀,—неохотно отвѣчалъ Дементій.

— Ну да, я и говорю, быдто работникъ, только думаю: какъ же—работы, и то сказать, не гораздъ, что такое, а?

— Тяжело мнѣ одному—старъ...

— Старъ-старъ, и я не молодъ... А откуда молодецъ?

— Изъ дальнихъ...

— Тоже въ работникахъ былъ, ай такъ? Своимъ хозяйствомъ жилъ, а?

Маркелъ молчалъ. Онъ не зналъ—къ нему обращается этотъ шумный, любопытный старикъ, или нѣтъ. Смотрѣлъ онъ на Дементія и, какъ будто, его спрашивалъ.

— Хозяйство, хозяйство!—снова загрохоталъ Капраловъ, не обращая вниманія на то, что Дементій раскрылъ ротъ, чтобъ отвѣтить ему:—истинно, какъ предъ Господомъ Богомъ моимъ, скажу—къ большому покончанію идетъ хозяйство! Скажемъ, я: семья самосильная, самъ сёмъ за столъ сажусь, а предвидится, прямо скажу—предвидится, а?

— Какъ Богъ...—началъ было Дементій.

— Богъ. Это правильно. Вѣрно—сказать нельзя—безъ его святой воли—ни эстолько!—онъ вытянулъ впередъ толстый огрубѣвшій палецъ съ бѣлымъ, твердымъ, какъ кость, ногтемъ и отмѣрилъ на немъ другимъ пальцемъ, изуродованнымъ, должно быть, давнишнимъ ударомъ топора:—то есть

ни эстолько! Но какъ быть? Святую волю его какъ творить разумѣніемъ и послушаніемъ, это какъ?

Онъ пріостановился, пытливо вперся глазами въ Дементія и пошевелилъ сѣдыми нависшими бровями.

— Скажемъ—семья самъ сёмъ, а соль нынче восемь гривенъ пудъ, а? Это какъ? Потомъ манера—чай, сахаръ этотъ, а то и винцо, а? Вотъ такіе-то, молодые, какъ этотъ твой—сейчасъ цыгарку, сороковку и никакихъ: старики дураки, начальство жулики... Или, скажемъ, мой: въ Сибири негдѣ на желѣзной дорогѣ до багажнаго кассира дошелъ, но чтобы отцу помочь—ни, ни!.. И фамилію смѣнилъ: писалъ-писалъ, пакеты цѣлые, можно сказать, посылалъ, по пять марокъ клеилъ—хоть бы слово! Не иначе значитъ, какъ фамилію смѣнилъ!..

— Можетъ, ему нужнѣе,—замѣтилъ Дементій.

— Были наши, сказывали. Которые ходоками на счетъ переселенія ѣздили—видали его, сказывали. Франтъ, цѣпочка, фуражка съ орломъ—жениться хочетъ... Дочка подрядчикова... Пять тысячъ беретъ и домъ каменный. Я говорю: какъ начальство это допущаетъ, а?

— А ходилъ?—усмѣхнулся Маркелъ. Это было первое, что онъ сказалъ, и хозяева поглядѣли на него. Онъ сидѣлъ, наклонившись впередъ, крѣпко упираясь локтемъ въ колѣно, и пристально глядѣлъ на говорившаго. И улыбался какой-то особенной, злобной, какъ будто напряженной улыбкой.

— Былъ!—коротко и громко, какъ изъ пушки, выпалилъ Капраловъ, попрежнему не глядя на Маркела, а обращаясь всецѣло къ Дементію:—у главнѣйшаго члена насчетъ крестьянскихъ дѣлъ былъ, и въ судѣ, и у земскаго... къ губернатору доходилъ: ничего. Извѣстно, сынъ-то тоже, будто, на господскую линію вышелъ, ну, они это и чувствуютъ — свою линію тянутъ. Ничего, говорятъ, не можемъ—какъ онъ въ совершенныхъ лѣтахъ, то воленъ дать, воленъ нѣтъ. А какъ же—я то ему отецъ, ай нѣтъ! Я-то, отецъ, то есть, живъ, ай померъ? То-то и есть!..

Онъ шумно вздохнулъ и пошевелилъ бровями.

— Чужія дѣла, особливо молодыхъ, намъ старымъ...—началъ было Дементій, видимо тяготившійся такимъ разговоромъ, но Капраловъ не далъ ему кончить.

— Я не то!—закричалъ онъ, ударивъ ладонью руки объ доску стола, — я не о томъ! Живу — еще четверо оставшись—кормятъ... Покуда не отказалъ имъ хозяйства, мнѣ что главное: почтенія нѣтъ, уваженія сыновняго! Отецъ я али нѣтъ? А? Такъ, либо нѣтъ, а?

— Ишь старый песъ, уваженіе ему! — злобно подумалъ Маркелъ и всталъ.

— Я коня пойду обряжать,—проговорилъ онъ и вышелъ въ сѣни.

— Старый бѣсъ!—продолжалъ онъ думать, слыша, какъ въ избѣ, глухо и неясно, гугнилъ что-то Капраловъ,—почтеніе, уваженіе... Приди, въ ножки поклонись, а моя воля тебя али казнить, али миловать... Черти поганые!

Капраловъ всегда на что-нибудь жаловался: на уѣхавшаго сына или оставшуюся семью, на начальство или поповъ, мужиковъ или времена. Но дѣлалъ это онъ такъ, какъ будто тѣ, съ кѣмъ онъ говорилъ, были виноваты во всемъ, а онъ, какъ справедливый, но суровый хранитель жизненныхъ устоевъ, дѣлаетъ имъ внушеніе. Иногда онъ разсуждалъ тѣмъ же строгимъ тономъ мудраго судьи—кричалъ такъ же оглушительно и безпокойно, заполняя всю избу своей нескладной, крѣпко пропахшей потомъ и нюхательнымъ табакомъ, фигурой. И подчасъ говорилъ такъ, что невозможно было понять, о чемъ онъ говоритъ. Нельзя даже угадать было—сердится онъ, или просто думаетъ вслухъ, бранится или хвалитъ.

Женщинъ онъ терпѣть не могъ и бранилъ, не стѣсняясь словами, всѣхъ.

И разъ, благодаря этому, Маркелъ замѣтилъ то, чего не видѣлъ раньше.

— Вѣдь вотъ какія стервы эти бабы! — гремѣлъ Капраловъ, сидя за чаемъ вечеромъ въ одно изъ воскресеній и разсказывая про свою семью.—Гляжу я разъ—Фроська то, невѣстка младшая, шасть на улицу. Другой гляжу—шасть опять туда... Такъ, ну... Третій гляжу—шасть за дверь! Я за ей—что жъ ты думаешь? А у Мирониныхъ Васька сани починяетъ на дворѣ, а дворъ-то вотъ такъ, и заборецъ махонькій. Я къ ей—что жъ ты тутъ, стерва, дѣлаешь? Съ парнемъ отъ своёва мужа въ переглядки играть? А? А она мнѣ—какъ бы вы думали?—поди, говоритъ, ты...

И Капраловъ громко, ясно и отчетливо выговорилъ такое слово, что Маркелъ дрогнулъ и невольно глянулъ на Ульяну. Но та попрежнему спокойно пила чай, только чуть-чуть усмѣхнулась и повела глазами въ его сторону.

— Вотъ какъ передъ истиннымъ, — продолжалъ Капраловъ, оглушая своимъ глухимъ, вязнущимъ въ ушахъ, какъ удары какого то огромнаго барабана, голосомъ,—этими самыми словами мнѣ такъ и бухнула! А? И всѣ такія—только бы хвостомъ финтить!

— Ну, ужъ и всѣ!—щурясь, какъ отъ сдержанной улыбки, спросила Ульяна.

— До одной! — отрубилъ Капраловъ, по странной привычкѣ глядя не на того, кому отвѣчалъ, а на Дементія.

— А можетъ, и есть какая, что не финтитъ?—играя глазами, возражала Ульяна.

— Ни одной! То есть, ни одной души бабьей такой нѣтъ!—грохоталъ Капраловъ.—Мало того: и тѣ, что будутъ еще,—всѣ...

Вдругъ онъ неожиданно умолкъ и полѣзъ въ карманъ. Долго копался тамъ, перебирая толстыми, грубыми, какъ деревянные, пальцами, и вытащилъ круглую точеную табакерку съ портретомъ царя на крышкѣ. И забравъ изъ нея большую щепоть бураго, пахучаго табаку, разомъ вдохнулъ ее въ носъ и долго сидѣлъ, вытаращивъ круглые выпуклые глаза на Дементія.

Маркелъ невольно улыбнулся этой неожиданной остановкѣ и тоже посмотрѣлъ на хозяина.

Старикъ сидѣлъ, насупившись, безпокойно перебирая руками и упорно глядя въ край стола. Что-то тревожное и какъ будто даже безпомощное, такое непохожее на всегдашнее спокойствіе и увѣренность его, мелькало на его нахмуренномъ, обыкновенно замершемъ въ спокойной задумчивости лицѣ. Порой онъ мелькомъ взглядывалъ на Ульяну, и тогда частая сѣть глубоко врѣзанныхъ морщинъ на лицѣ его странно вздрагивала и двигалась скрытымъ, неяснымъ волненіемъ. И тутъ Маркелъ вдругъ увидѣлъ, что въ темныхъ тѣняхъ, залегшихъ подъ твердыми высокими дугами бровей, какъ маленькіе, безпомощные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, злобные звѣрьки, растерянно бѣгаютъ два сѣрыхъ подозрительныхъ глаза.

— Ого!—внутренне ухмыльнулся Маркелъ, еще не вполнѣ понимая, а только отдаленно догадываясь о томъ, что происходило передъ нимъ.

— Больно вы строгій человѣкъ, Егоръ Лукичъ!—продолжала Ульяна:—ужъ не можетъ быть, чтобы всѣ!..

Она говорила то, что могло бы быть возраженіемъ увѣренности Капралова о всѣхъ женщинахъ, какъ о распутницахъ, но неуловимая игра черныхъ, какъ будто усмѣхающихся чему-то, подмигивающихъ глазъ, тайная улыбка вздрагивающихъ губъ, все ея крѣпкое, лѣниво развалившееся въ откровенномъ движеніи тѣло—темнымъ, но такъ понятнымъ Маркелу языкомъ говорило совсѣмъ другое.

Онъ почувствовалъ, какъ что-то дрогнуло у него въ груди и замерло тотчасъ въ ожиданіи.

— Ого!—съ тихимъ и неожиданнымъ восторгомъ опять подумалъ онъ еще разъ, какъ и прежде не отдавая себѣ

отчета въ этомъ короткомъ словѣ, какъ и въ своемъ неясномъ восторгѣ.

— Всѣ, всѣ, всѣ!—упрямо и оглушительно билъ короткимъ словомъ Капраловъ:—говорю, всѣ—значитъ, всѣ, и говорить нечего! Нечего, нечего!—повторилъ онъ, замѣтивъ, что Дементій хочетъ сказать что-то:—говорю, всѣ, значитъ, всѣ и есть.

— Да нѣтъ, постой, ты погоди, Егоръ Лукичъ!—заговорилъ Дементій, быстро и безпорядочно двигая руками, какъ бы желая нащупать что-то, что увертывалось отъ него,—ты постой, какъ же ты такъ говоришь!..

— Ужъ они скажутъ!—улыбаясь, вставила Ульяна.

— Молчи, не твое дѣло!—неожиданно-грубо и сердито оборвалъ ее Дементій и продолжалъ, оборотившись къ Капралову и безсильно двигая руками:—какъ же можно такъ говорить, чтобы всѣ...

— Говорю, значитъ можно!—кричалъ Капраловъ.—Я простой человѣкъ—что думаю, то и говорю, ужъ простите, коли что не такъ сказалъ, я за правду стою—правду и рѣжу! Правды мало нынче, совсѣмъ мало правды въ людяхъ—я и говорю ее! Безъ правды не прожить, нѣтъ, не прожить безъ правды, ужъ извините, я простой человѣкъ! Такъ что мужикъ совсѣмъ необразованный, темный мужикъ, да! Ужъ извините!

Онъ вдругъ умолкъ и, выкативъ большіе, бараньи глаза, пристально уставился на хозяина.

— А и дуракъ же ты, должно быть, старый!—укоризненно подумалъ Маркелъ и поднялся. Было уже поздно, и пора было идти наверхъ спать.

— Покорнѣйше благодаримъ, я наверхъ!—проговорилъ онъ, кланяясь, и пошелъ за дверь.

Наверху былъ Алексѣй. Онъ прошелъ прямо сюда, не заходя внизъ, и, должно быть, давно уже работалъ на верстакѣ при свѣтѣ маленькой, съ битымъ закопченнымъ стекломъ, лампочки.

Маркелъ поздоровался съ нимъ и сталъ смотрѣть, что онъ дѣлаетъ.

Послѣднее время Алексѣй учился у старика рѣзьбѣ по дереву и теперь, укрѣпивъ на сулагѣ—толстой, изсѣченной стамесками и долотами доскѣ—липовый обрѣзокъ старательно обстругивалъ тонкой стамеской намѣченный рисунокъ. Время отъ времени онъ взглядывалъ на маленькій чертежикъ, грубо и наивно нанесенный на клочкѣ сѣрой оберточной бумаги, лежавшей передъ нимъ.

Было тихо, только чуть хрипѣла лампочка и мягко шуршала острая стамеска, срѣзая бѣлыя вкусныя стружки.

— Спать пришелъ? Я сейчасъ!—проговорилъ Алексѣй, поминутно сдувая стружки.

— Да ничего, мнѣ не мѣшаешь,—отвѣтилъ Маркелъ.—А тамъ все Капраловъ воюетъ!..—добавилъ онъ, вслушиваясь въ глухой придушенный крикъ, доносившійся снизу.

Алексѣй положилъ стамеску, выпрямился и, склонивъ голову на бокъ и чуть прищурившись, посмотрѣлъ на свою работу.

— Пустой старикъ,—сказалъ онъ, наконецъ.

— Капраловъ-то?

— Да, онъ... Безпокойный, кричитъ... Теперь на невѣстку младшую насѣлъ, жить не даетъ...

— Вотъ объ ней-то и воюетъ... Ишь, кричитъ!—ухмыльнулся Маркелъ, слушая, какъ внизу оралъ Капраловъ.

Алексѣй убралъ вещи, смахнулъ съ верстака стружки и обернулся къ Маркелу.

— Я пойду. Лампу самъ загасишь, ай потушить?

— Ужо я погашу.

— Ну ладно, прощай!

— Прощай.

Онъ ушелъ. Внизу тоже затихло все,—должно быть, и Капраловъ ушелъ.

Маркелъ, раздѣваясь, припоминалъ то, какъ говорила Ульяна, и какъ дрогнулъ отъ этого онъ самъ.

Онъ усмѣхнулся и, развернувъ портянки, сталъ разсматривать свои ноги. Онѣ еще болѣли, и все еще нельзя было надѣть сапога. Ранки поменьше уже затянулись черной запекшейся кровью, которую можно было отцарапывать безъ боли сплошной коркой, но одна побольше все еще сочилась мутнымъ желтымъ гноемъ, и притронуться къ ней было больно.

— Надо обождать,—думалъ Маркелъ, гася лампу и укладываясь.—Что-жъ, тутъ ничего... жить можно!..

Онъ остался на мельницѣ потому, что ноги были изранены, и раны были мокрыя, трудно поддававшіяся заживленію. Такъ думалъ онъ. Но остался онъ, главнымъ образомъ, потому, что ему некуда было идти.

Онъ уходилъ—не зная куда, не зная даже приблизительно того мѣста и времени, когда онъ могъ бы сказать себѣ „довольно!" уходилъ такъ, какъ уходитъ прижатый гономъ звѣрь, выбирая дорогу чутьемъ, угадывая опасность инстинктомъ, останавливаясь и довѣряя тому или другому мѣсту по темному, полубезсознательному чувству.

Что-то неясное, о чемъ онъ еще не могъ думать, намѣчалось здѣсь на мельницѣ. Трудно было уловить что, но надо было подождать уходить.

— Ладно, погоди, чортъ старый, будешь у праздничка!—бормоталъ онъ съ тоскливой, похожей на зависть, злобой, вспоминая странную растерянность Дементія при разговорѣ съ Капраловымъ.—Погоди!—шепталъ, ворочаясь и хрустя новой пахучей соломой еще не обмявшагося сѣнника,—дождешься...

Глухое раздраженіе копилось въ душѣ, и было обидно лежать одному въ темномъ мезонинѣ, одинаково чужому для всѣхъ, что жили кругомъ. И еще обиднѣй было то, что уже не было возврата къ старому, и не было новой жизни. Было одно мыканье по свѣту—сегодня сытое, завтра голодное, сегодня теплое. завтра холодное, но всегда одинаково осторожное и пугливое...

Онъ заснулъ—и показалось ему, что спалъ онъ всего секунду: разбудилъ его страшный крикъ.

Кричали внизу,—слышенъ былъ захлебывающійся плачъ хозяйки и какой-то особенный, тонкій и какъ бы отчаянный визгъ старика.

Нельзя было разобрать словъ, но понятно было, что ссора росла: женскій плачъ обострялся, и крикъ старческій былъ безпомощенъ, какъ у неожиданно растерявшагося человѣка, вдругъ увидѣвшаго темную пропасть, надъ которой онъ ходилъ, не замѣчая ея...

Кричали долго, потомъ вдругъ начали бѣгать, съ грохотомъ отталкивая табуреты и скамьи, что-то роняя, а можетъ быть, падая сами и наполняя воздухъ тонкимъ, звенящимъ крикомъ. Потомъ вдругъ донесся одинъ отчаянный женскій голосъ, моментами прерывающійся, какъ будто кричавшей зажимали ротъ, потомъ вдругъ вырывался опять, полный боли и злобы.

— Бьетъ!—догадался Маркелъ съ смутнымъ холоднымъ ужасомъ:—бьетъ, святой дьяволъ!..

Тонкая, едва замѣтная, но неотвязная и безпокойная, какъ зубная боль, жалость завертѣлась гдѣ-то въ груди и разсердила. За долгое безпріютное шлянье, гдѣ много было сдѣлано жестокаго, Маркелъ отвыкъ отъ этого чувства.

Онъ думалъ, что оно уже умерло. А оно, оказывается, все еще живетъ въ немъ—невидимое и безсознательное.

— Чортъ старый!—бормоталъ Маркелъ, скидывая ватное одѣяло, подъ которымъ было душно.—Ишь, какъ визжитъ...

Было досадно это чувство, какъ будто оно налагало какія-то путы, и то свободное, безграничное, гдѣ былъ онъ одинъ полнымъ хозяиномъ своихъ жестокихъ и равнодушныхъ поступковъ,—уходило. А вмѣсто этого являлись скучныя, тяжелыя мысли, которыхъ онъ не любилъ и старался гнать отъ себя, потому-что додумать ихъ не умѣлъ.

„Жалко... Надо бы заступиться... А мнѣ что? Бѣсъ старый — за что бьетъ?! Тяпнулъ бы его самого по башкѣ!.. А мнѣ-то, мнѣ какая бѣда? Пусть! Ишь колотитъ, старый хрѣнъ!..“

Онъ закуталъ голову одѣяломъ, стараясь не слышать этихъ криковъ и пытаясь заснуть. Но сна не было—были тягучія, неповоротливыя мысли, въ которыхъ воспоминанія путались съ чувствомъ заброшенности и отчужденности, такой горькой и длинной, что хотѣлось жалѣть самого себя, скулить, какъ выброшенному ночью за дверь щенку.

Внизу стихло, и долго было тихо. Потомъ тяжело заскрипѣли ступеньки лѣстницы,—шелъ старикъ.

Онъ прошелъ мимо притворившагося спящимъ Маркела и заперся у себя. И долго сквозь щели новой, ссохшейся двери виднѣлся свѣтъ.

— Что онъ тамъ дѣлаетъ, чего не ложится?—думалъ Маркелъ, глядя на него.

Это было любопытно, и, стараясь не слышно ступать босыми ногами, Маркелъ подошелъ къ щели и заглянулъ въ нее.

Старикъ стоялъ на колѣняхъ посреди горенки и, часто и быстро крестясь, кланялся до земли темному углу, гдѣ чуть мерцая въ сумракѣ желтыми, потускнѣвшими бѣлками глазъ, виднѣлся почти совсѣмъ черный большой образъ Спаса. Съ каждымъ поклономъ старикъ сухо и коротко стучалъ головой объ полъ, потомъ выпрямлялся и опять крестился.

Разъ онъ, вѣроятно безсознательно, почувствовалъ на себѣ взглядъ и машинально оглянулся. И Маркелъ дрогнулъ отъ страннаго, никогда невиданнаго выраженія лица его.

Старикъ плакалъ. Крупныя, блестящія слезы стояли въ прятавшихся подъ бровями глазахъ, и оттого глаза стали огромными и свѣтлыми, какъ бы освѣщенными изнутри большой, ему одному понятной радостью. Онѣ текли по щекамъ, эти слезы, по бородѣ, мерцающими искрами падали на раскрытую грудь, поросшую длинными, курчавящимися волосами... И все лицо старика дрожало въ радостной улыбкѣ, такой свѣтлой и проникновенной, какъ восторгъ долго жданнаго покаянія.

Маркелъ не выдержалъ и отшатнулся назадъ. И когда, полный безконечнаго изумленія, ложился опять на свой пахнущій свѣжей ржаной соломой сѣнникъ,—онъ чувствовалъ, что дышать трудно, и, переполненная клокочущей, стремящейся вырваться тяжестью, грудь вбираетъ воздухъ судорожными порывами.

Онъ легъ, закрылъ голову одѣяломъ и злобно сжалъ зубы. И заснулъ только тогда, когда ночь уже уходила и

свѣтлый сумракъ выдвинулъ тяжелыя и плотныя очертанія предметовъ.

IV.

Мельница, по старости, работала плохо, а послѣднее время и совсѣмъ стояла: въ колесѣ разсѣлась перегнившая древняя свайка—одинъ изъ восьми крестъ-на-крестъ положенныхъ дубовыхъ брусьевъ, играющихъ роль спицъ.

Давно уже надо было ее замѣнить новой, и Дементій со дня на день собирался приняться за починку, но все откладывалъ: то читалъ у себя наверху за перегородкой книгу Ефрема Сирина или еще какую-то древнюю, съ желтыми, тугими, какъ кожа, листами и крупной старинной печатью, носившую странное названіе „Цвѣтъ души, сирѣчь спасеніе", то, нацѣпивъ огромныя, совершенно круглыя очки въ ржавой желѣзной оправѣ, кое-гдѣ связанной толстыми нитками, и надвинувъ на самый носъ длинный зеленый козырекъ, съ особенно важнымъ и сосредоточеннымъ лицомъ стругалъ и пилилъ собственный гробъ и при этомъ шепталъ что-то—не то молился, не то думалъ вслухъ; то просто слонялся безъ дѣла съ верху внизъ, изъ избы въ конюшню, потомъ въ сарай, потомъ на мельницу.

Придетъ, постоитъ, поглядитъ вокругъ, тронетъ огромную площадку вѣсовъ или переставитъ гирю съ отбитой ручкой и привѣшеннымъ, взамѣнъ, на веревочкѣ ржавымъ замкомъ, и вотъ уже плетется въ конюшню. Тамъ потреплетъ коня по круглому, лоснящемуся заду, подкинетъ сѣна, подумаетъ о чемъ-то и идетъ опять къ себѣ наверхъ.

И все это молчаливо и важно, думая какія-то свои, особенныя мысли, о которыхъ никому не говорилъ.

Пріѣзжали помольщики, жаловались на то, что въ село на господскій паровикъ далеко ѣздить, и тамъ берутъ дорого, а старикъ серьезно выслушивалъ ихъ, качалъ головой и, въ заключеніе, заявлялъ, что мельница не работаетъ.

Наконецъ, собрался чинить, позвалъ Маркела и отправился съ нимъ въ сарай. Долго выбиралъ тамъ подходящій дубовый брусъ изъ кучи досокъ, жердей и обрѣзковъ бревенъ, сложенныхъ между санями и телѣгами, долго вымѣрялъ его и прикидывалъ и, наконецъ, принялся за работу. Но когда обтесалъ одну сторону, стало уже темнѣть, и Ульяна позвала ужинать.

Послѣ ужина старикъ опять сидѣлъ у себя въ каморкѣ и читалъ. Засыпая, Маркелъ видѣлъ узенькую полоску свѣта въ двери перегородки.

Разбудилъ его доносившійся снизу стукъ.

— Опять дерутся,—сквозь сонъ подумалъ онъ и поднялъ голову.

Но стучали на улицѣ, какъ будто бы въ дверь избы. Изъ-подъ двери перегородки несло холодомъ, словно въ стариковой каморкѣ было открыто окно.— Господи Іисусе Спасе нашъ, кто тамъ?—спрашивалъ Дементій.

Маркелъ живо вспомнилъ, какъ стоялъ онъ самъ ночью у двери избы и какъ пристально, долго и недовѣрчиво разглядывалъ его сверху старикъ.

Съ улицы отвѣтили что-то—негромко и коротко, и окошко тотчасъ же задвинулось. Зашлепали опорки, и дверь отворилась.

— Кто такіе?—спросилъ Маркелъ.

— Спи, спи, свои люди!—проходя через комнату, отвѣтилъ старикъ.—Христосъ съ тобой, худа не жди...

Онъ ушелъ внизъ, а Маркелъ все прислушивался. Смущалъ его Капраловъ—не надежный старикъ. И такъ, слышно, на деревнѣ говорятъ о новомъ человѣкѣ на мельницѣ, неизвѣстно откуда взявшемся, а онъ сдуру ляпнетъ еще уряднику, либо волостному... А то и нарочно, чтобъ дознаться, откуда, молъ, такой?..

Внизу хлопнула одна дверь, потомъ другая. Потомъ долго было тихо, и опять хлопнула дверь изъ избы въ сѣни. Много ногъ застучало промерзлыми, твердыми, какъ камень, сапогами, и опять скрипнула дверь, но не та, что вела на улицу, пищавшая длинно и громко и, осѣдая внутрь, громко скребшая по полу: эта чуть пискнула и смолкла.

Тогда Маркелъ вспомнилъ, что старикъ говорилъ ему о другой еще двери, что вела прямо изъ сѣней на мельницу.

„Чего они таятся?—думалъ онъ,—коней воруютъ, что ли? Притонъ старикъ держитъ, али деньги фальшивыя дѣлаютъ? Меня принялъ съ вѣтру и разспрашивать не сталъ... Чудно!..“.

Онъ успокоился, рѣшивъ разузнать все со временемъ, и заснулъ.

Рано утромъ, еще почти затемно, когда Маркелъ сошелъ внизъ къ перехваткѣ, тамъ, кромѣ хозяина и Ульяны, было еще три человѣка. Сидѣли всѣ трое рядомъ, въ чинномъ благообразіи сложивъ руки на колѣняхъ и прямо уставивъ ноги. Двое были помоложе—одинъ совсѣмъ почти юноша на видъ лѣтъ двадцати; другой постарше—здоровый, видимо, очень сильный мужикъ.

При входѣ Маркела они разомъ всѣ трое встали и низко поклонились глубокимъ поясным поклономъ.

Сдѣлано это было такъ неожиданно и такъ увѣренно-

спокойно, что въ первое мгновеніе Маркелъ слегка растерялся и остановился въ недоумѣніи. Но тотчасъ же оправился и съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ презрительной насмѣшливости отвѣтилъ имъ поклономъ.

Они опять сѣли, и старшій продолжалъ, видимо, давно начатую бесѣду. Говорилъ онъ медленно, съ разстановкой, негромко, но съ глубокимъ убѣжденіемъ, свѣтившимся на всемъ лицѣ его—серьезномъ и слегка нахмуренномъ, какъ будто онъ самъ пытливо вглядывался въ свою мысль, не сомнѣваясь, а углубляясь въ нее.

И у другихъ двухъ лица были особенныя—серьезныя и неподвижныя, какъ бы замершія въ созерцаніи той близкой имъ и понятной правды, о которой говорилъ старшій.

— Занятный народъ...—неопредѣленно подумалъ Маркелъ, вглядываясь въ пришедшихъ.—Только не должно быть, чтобы монетчики...

Хозяинъ сидѣлъ тутъ же у стола и, уставивъ свои маленькіе, глубоко запавшіе глаза съ темными коричневыми тѣнями вокругъ нихъ на лицо говорившаго, слушалъ со вниманіемъ и почтительностью.

А Ульяна неторопливо и безшумно двигалась по избѣ, занятая своимъ дѣломъ, но иногда останавливалась, опершись на ухватъ или кочергу, и слушала; потомъ, улыбнувшись чуть-чуть, снова принималась за дѣло.

Видимо, ей нравилась рѣчь пришедшаго человѣка,—не то, что онъ говорилъ и въ смыслъ чего она врядъ ли даже старалась проникнуть, а то, какъ вѣжливо и хорошо говорилъ онъ, нравилась вся обстановка этой умной, почтенной бесѣды.

Былъ еще одинъ человѣкъ въ избѣ, котораго въ началѣ Маркелъ было и не замѣтилъ—это Алексѣй. Сидѣлъ онъ на какомъ-то низенькомъ ящикѣ, прислонясь спиной къ кровати, которую прикрывала занавѣска. Онъ слушалъ внимательно, склонивъ голову на бокъ и глядя въ полъ—и нельзя было угадать—одобряетъ или не одобряетъ то, что слышетъ.

— Какъ Христосъ по землѣ іудейской ходилъ,—ходитъ народъ крестьянскій по землѣ божіей,—говорилъ тотъ, что былъ постарше, тихо и проникновенно, словно читалъ святую книгу.—Поглядите сами, братья мои: то на Сибирь подастся народъ, то на теплую сторону къ Черноморью, то на Уралъ, и все гуртомъ, все скопомъ... Видимость такая оказываетъ, будто земли онъ ищетъ, но не то въ сердцѣ его лежитъ! Истинно говорю вамъ: не одной землей питаніе крестьянское держится! Конечно, кто говорить будетъ — голодъ тоже не свой братъ, съ него не токмо что на Сибирь— въ землю крестьянинъ зарыться готовъ; утѣсненіе и при-

жимка тоже... обида народу крестьянскаго... Да вѣдь какъ понимать это надо? И утѣсненіе, и прижимка, и обида, и голодъ этотъ самый знаменуютъ не иначе, какъ—правды не стало! И идетъ народъ правды искать—божьей правды, что въ сердцѣ человѣческомъ отъ временъ первоначалья Господомъ Богомъ вложена есть, такой правды! Не сытыхъ хлѣбовъ и медвяныхъ рѣкъ ищетъ народъ—уходитъ онъ отъ Антихристова царства и сердцемъ своимъ хочетъ создать божіе царство!.. Подастся ли на Сибирь, къ теплымъ ли краямъ, на Кавказъ али на Донъ—тотчасъ правду божію промежъ себя воздвигаетъ! Ее-то и ищетъ, за ней-то и ходитъ скитальцемъ по землѣ божіей, темный и обиженный, слугами антихристовыми гонимый!.. И голодъ, и раздоръ, и смута, и тѣснота, и обида душевная все отъ него, отъ Антихриста! Гдѣ станетъ пята его—нѣтъ тамъ правды, и горе поддавшимся ему!

Онъ пріостановился слегка, какъ бы въ горестной задумчивости, и, вдругъ поднявъ голову, оглянулъ всѣхъ тихимъ искрящимся свѣтлыми слезами взглядомъ и продолжалъ какимъ-то особеннымъ, внутреннимъ голосомъ:

— Но не должно быть!.. Не должно! Ходитъ народъ и ищетъ Христа Спаса нашего, правды его ищетъ прилежно, сердцемъ своимъ къ ней тянется. И тѣ, что правду Господню изъ народа вытравить хотятъ, что понимать скитаніе крестьянское не желаютъ, верховные владыки и чиновники и все господское званіе—да погибнутъ!..

Онъ вдругъ поднялся и широкимъ, медленнымъ жестомъ, страннымъ отъ какой-то обдуманной торжественности своей, поднялъ руку и, въ тактъ словамъ, три раза крѣпко опустилъ ее, словно вбивая въ землю эти слова.

— Да погибнутъ, да погибнутъ, да погибнутъ они и да отринутся, яко отринулся демонъ отъ Спасителя въ срамѣ своемъ, чаявшій искусить его! И да не поддадутся искушенію антихристову ни землей, ни хлѣбомъ, ни лѣкарскими пигульками, ни инымъ чѣмъ... Да погибнутъ!

Онъ снова сѣлъ и, вытащивъ изъ-за пазухи красный съ бѣлой каймой платокъ, свернулъ его комочкомъ и отеръ мокрые отъ слезъ глаза. Потомъ высморкался пальцами на полъ и ихъ отеръ платкомъ. И, спрятавъ его, сѣлъ снова въ прежней позѣ спокойнаго смиренія, какъ сидѣли и двое другихъ.

Нѣкоторое время въ избѣ было молчаніе. Всѣ сидѣли такъ же, какъ прежде, съ серьезными и внимательными лицами, только Алексѣй ниже наклонилъ голову, будто пристально разглядывая широкую щель разошедшихся досокъ пола. И Маркелу показалось, будто наклонился онъ для того.

чтобы скрыть невольную, странную улыбку,—не то сожалѣнія, не то тайнаго сознанія превосходства своего.

Но вглядѣться онъ не могъ, такъ какъ средній изъ пришельцевъ вдругъ поднялся и сказалъ коротко и громко, словно обрубилъ:

— Ѣхать надо!

— Да, да, ѣхать, ѣхать!—забормоталъ Дементій, подымаясь,—вотъ ужо сейчасъ, сейчасъ... Вотъ онъ коня заложитъ, сейчасъ!.. Филиппычъ, будь другъ, сходи заложи коня-то въ роспашни, сани-то роспашныя, ужъ пожалуйста... Сейчасъ, сейчасъ, гости дорогіе, одною минутою!..

Онъ суетился и много говорилъ, чего съ нимъ никогда не бывало, и сновалъ по избѣ въ явномъ волненіи.

— Ужъ, пожалуйста, Маркелъ Филиппычъ, заложь поскорѣе, а я сейчасъ, сичасъ соберусь! Ульянушка, дайте мнѣ, пожалуйста, одѣться, да сапоги наверхъ снесите, а ужъ колесо тутъ безъ меня вы съ Алексѣемъ поправите, да, да... Пожалуйста, Ульянушка, кафтанъ синій достаньте, новый-то вотъ! Ужъ пожалуйста...

— Я сейчасъ!—отозвался Маркелъ, принимаясь за картошку, про которую было позабылъ, слушая пришедшаго человѣка.

— Поѣшь, поѣшь, покуда одѣнусь я, ничего,—отвѣтилъ старикъ,—гости дорогіе, ужъ не обезсудьте, подождите минуточку...

Онъ хотѣлъ уходить наверхъ, но его остановила Ульяна.

— Въ лавочку заплатить надо,—сказала она,—да привези керосину и свѣчей тоже... Дрожжей не забудь... Тоже мнѣ вотъ,—совсѣмъ башмаки худые, новые надо...

Она говорила, не глядя на мужа, уставившись въ землю упрямо и настойчиво.

— Послѣ скажете, погодите!—особенно тихо и вѣжливо остановилъ ее старикъ.

Но она не взглянула на него и, не стѣсняясь чужимъ народомъ, а можетъ быть, именно потому, что чужой народъ былъ тутъ, такъ же упрямо повторила:

— Надо башмаки...

— Башмаки, башмаки,—бормоталъ старикъ, снуя по избѣ и отыскивая то поясъ, висѣвшій на гвоздѣ, то запиханный за образъ гребешекъ и видимо конфузясь тономъ жены и желая обратить въ шутку ея требованіе:—поди, прюнелевыя еще, не въ рядахъ, а въ магазинѣ купить?

— Прюнелевыя въ магазинѣ,—какъ надувшійся капризный ребенокъ, повторила Ульяна.

— Все хвастать, франтить, молилась бы лучше...

— Самъ молись! — вдругъ съ неожиданной грубостью бросила Ульяна.

Алексѣй поднялъ голову и внимательно поглядѣлъ на нее, пріѣзжіе же не шелохнулись, даже бровью не повели, будто не слышали ничего.

— Ахъ, какія слова, какія слова!—закачалъ головою Дементій:—зачѣмъ же такъ? Ну, нужно, сказали—и купимъ... Ужъ нужно, такъ нужно, а зачѣмъ же...

Онъ не договорилъ, напомнилъ еще разъ Маркелу про лошадь и вышелъ вонъ.

За нимъ вышелъ и Маркелъ.

Лошадь встрѣтила его сдержаннымъ короткимъ ржаніемъ, и едва только Маркелъ отворилъ дверь конюшни—она уже тянулась привязанной цѣпью недоуздка мордой черезъ высокую стѣнку стойки и, стараясь заглянуть, косила чернымъ глазомъ, такъ что видѣнъ былъ напряженный, желтоватый бѣлокъ.

— Что, овса хочешь? Нѣтъ, братъ, погоди, нынче другой овесъ тебѣ попадетъ! — говорилъ Маркелъ, надѣвая на нее узду,—нынче знатный овесъ будетъ, четырехъ человѣкъ потащишь!

Онъ всегда говорилъ съ лошадью, когда былъ наединѣ съ нею, съ людьми же говорилъ мало и кратко, потому что боялся и не вѣрилъ имъ.

— Четыре человѣка, братъ, не штука, ты здоровъ, я знаю, ну и то сказать—возокъ порядочный,—продолжалъ онъ, откидывая закладку и крѣпко и коротко беря подъ уздцы: настоявшаяся лошадь любила баловать—кинуть задомъ или неожиданно подняться на дыбы, и это особенно нравилось въ ней Маркелу.

Онъ вывелъ коня изъ конюшни, и тотъ, увидѣвъ просторный дворъ, широкое небо надъ нимъ и бѣлый, хрустящій снѣгъ подъ ногами,—дѣйствительно, въ приливѣ лошадинаго восторга, вздумалъ закинуться свѣчкой на заднія ноги, но ожидавшій этого Маркелъ крѣпко уперся своимъ локтемъ въ плечо лошади и повисъ на поводьяхъ.

— Ну, балуй, балуй! — свирѣпо закричалъ онъ, не то осуждая, не то подбадривая коня, съ скрытой улыбкой, чувствуя удовольствіе отъ напряженія сдержать его и отъ увѣренности, что онъ ловко и умѣло сдѣлаетъ это.

— Ба-луй, чортъ разъѣвшійся, ты-ы-ы!..

У сарая стоялъ Алексѣй съ какими-то мѣшками и котомками.

— Увяжешь это къ кресламъ сзади,—проговорилъ онъ съ любопытствомъ слѣдя, какъ справляется съ жеребцомъ Маркелъ.

— Ладно!—коротко отвѣтилъ тотъ, тотчасъ же подавивъ въ себѣ улыбку и, какъ всегда, чуть прихмурившись.

— Однако ты умѣешь, видно,—замѣтилъ Алексѣй.

— Чего это?

— Съ лошадьми-то. Въ кучерахъ бывалъ?

— Всяко бывало...

— Что солдатъ-кавалеристъ... Я видалъ, какъ они вотъ такъ же на маневрахъ на водопой коней водили...

Маркелъ посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся.

— А можетъ, и солдатъ!—сказалъ онъ,—драгунъ, тамъ скажемъ, али гусаръ...

Онъ опять посмотрѣлъ на Алексѣя и съ особымъ, какъ бы задорнымъ желаніемъ намекнуть нелюбимому человѣку,—можетъ быть, въ силу самой нелюбви этой,—на то, чего надо всего больше опасаться, добавилъ:

— За что-жъ мнѣ и гусаромъ не быть, а? Видишь—съ конями умѣю какъ обращаться, верхомъ посади—хоть на чортѣ усижу... За что не гусаръ, а?

Теперь Алексѣй посмотрѣлъ на него — внимательно и серьезно, но не сказалъ ничего.

Маркелъ молча сталъ запрягать лошадь. Когда оставалось только подтянуть черезсѣдельный ремень и завозжать, на крыльцѣ избы показалась Ульяна.

— Алексѣй Иванычъ, вѣтеръ-то съ какой стороны?—крикнула она, постукивая каблуками по намерзшему на крыльцѣ снѣгу. Теперь она была веселая, какъ будто довольная чѣмъ-то, совсѣмъ не похожая на ту, что требовала у мужа башмаковъ.

— Будто съ полуночи, Ульяна Ѳедоровна!—крикнулъ въ отвѣтъ Алексѣй.

— То на правую сторону надо! Такъ и скажу!—засмѣялась она и побѣжала назадъ.

Это значило, что шубу старику надо запахивать, чтобъ не задувало, на правую сторону.

— Я домой пойду,—проговорилъ Алексѣй.—Сегодня работать не будемъ, а завтра съ утра станемъ колесо то это самое поправлять...

— Ладно...

— Прощай.

— Прощай.

Алексѣй пошелъ за ворота. Маркелъ увязалъ позади саней принесенные имъ мѣшки и котомки, и, еле сдерживая на возжахъ лошадь, подъѣхалъ къ крыльцу. Но она не стояла, переминалась съ ноги на ногу, порываясь впередъ и отъ нетерпѣнія широко взмахивая головой вверхъ и внизъ, и дер-

гала изъ рукъ возжи, такъ что пришлось стать впереди ея и держать подъ уздцы.

— Готово-ль?—высунулась изъ двери Ульяна.

Ея веселость, а, можетъ быть, и то, что обыденная жизнь нарушалась отъѣздомъ старика, заразили Маркела, и, поругивая бунтующаго рысака, онъ такъ же весело и бойко отвѣтилъ:

— Готово, подано!

— Такъ и скажу!

Она скрылась, и черезъ минуту изъ избы вышли всѣ.

Огромный и неуклюжій отъ наверченныхъ на него зимнихъ одѣяній старикъ попробовалъ притянутыя, какъ струны, веревки, которыми увязаны были сзади вещи.

— Крѣпко,—замѣтилъ Маркелъ:—не обтрясется!

— Подальше положишь—поближе возьмешь, говаривали старики,—бормоталъ Дементій.—Ну, садитесь, родные, садитесь получше...

Гости сѣли, а за ними, путаясь въ длинныхъ полахъ шубы, влѣзъ въ сани старикъ.

— Прощайте покуда, Ульянушка!—снимая лисью ушастую шапку и крестясь новой, не гнущейся рукавицей, проговорилъ старикъ.

— Простите, Дементій Тихонычъ!—отвѣтила Ульяна, низко кланяясь и опустивъ глаза.

Дементій взялъ возжи въ руки, и Маркелъ отскочилъ.

— Доглядай, коли что!—едва донеслось изъ сразу рванувшихся саней, и рысакъ, поставленный жестокой передержкой на крупную, машистую рысь, храпя и далеко откидывая крѣпкіе, снѣжные комья, вылетѣлъ на дорогу.

Нѣсколько минутъ Ульяна и Маркелъ смотрѣли вслѣдъ удалявшимся санямъ и слушали глухой, басистый бубенецъ, немолчно, точно захлебываясь, гремѣвшій подъ горломъ лошади, и когда все скрылось въ подступавшемъ къ мельницѣ со стороны лѣса кустарникѣ, и только одинъ бубенецъ глухо-дѣловито бормоталъ гдѣ-то въ немъ,—они посмотрѣли другъ на друга.

Какъ всегда бываетъ въ первыя минуты по чьемъ-нибудь отъѣздѣ, оставшіеся испытывали впечатлѣніе странной пустоты. Къ этому прибавлялось еще ощущеніе какой-то смутной неловкости и тайнаго любопытства, отъ котораго чуть вздрагивало сердце, въ ожиданіи чего-то новаго, до сихъ поръ не бывшаго, и, чтобъ какъ нибудь нарушить эту неловкость, Маркелъ пошелъ запирать сарай и конюшню. И когда оглянулся, то увидѣлъ, что Ульяна ждетъ его на крыльцѣ, пожимаясь отъ холода и глядя въ туманное отъ знобкой изморози утро.

Уже мѣсяцъ сталъ бѣлымъ и мертвымъ и висѣлъ въ безконечно холодной синевѣ неба одиноко и безучастно, и звѣзды слабо трепетали и блѣднѣли, но зари не было. Тяжело и медленно вставало позднее зимнее утро и шло незамѣтнымъ холоднымъ свѣтомъ, невидимо вливавшимся въ тусклый сумракъ. Порою тянулъ острый, ледяной вѣтерокъ, и тогда слышно было, какъ гдѣ-то далеко гремитъ басистый бубенецъ, то будто приближаясь, то вновь умолкая.

Было весело въ этомъ крѣпкомъ утреннемъ воздухѣ, сухомъ и звонкомъ, насквозь пронизанномъ невидимыми иглами мороза, какъ будто случилось что-то радостное, какъ неожиданный праздникъ. Что-то шаловливое и веселое вошло въ жизнь, такое, о чемъ знали Маркелъ и Ульяна, хотя и не говорили, а можетъ быть—и не хотѣли думать.

Маркелъ шелъ къ крыльцу, а Ульяна глядѣла на него и дрожала подъ окутывавшимъ голову и плечи платкомъ, и непонятно было, отчего она дрожитъ: отъ холода, или отъ беззвучнаго, едва сдерживаемаго смѣха.

Маркелъ заглянулъ ей прямо въ глаза. Большіе и черные, будто косившіе, они глядѣли изъ-подъ низко спущеннаго платка весело и задорно, съ тайнымъ вызовомъ, и все лицо, страшно блѣдное и прозрачное въ синемъ полусвѣтѣ зарождавшагося дня, было новымъ и загадочнымъ...

Дрожали раздвинутыя затаеннымъ, неудержимымъ смѣхомъ губы, и плечи дрожали, и все было какъ темный, понятный только имъ двоимъ намекъ.

— Пойдемъ, холодно!—почему-то шепотомъ проговорила Ульяна, и, весь дрожа отъ внутренняго напряженія, какъ отъ крѣпкаго утренника, Маркелъ молча пошелъ за ней.

И дома, за повседневнымъ дѣломъ, казавшимся тоже новымъ и непохожимъ на то, что было всегда, они двигались, говорили и взглядывали другъ на друга, какъ будто было что-то между ними важное и таинственное, чего нельзя высказать и о чемъ нельзя даже думать...

Часто Ульяна вдругъ останавливалась, долго и молча смотрѣла на Маркела и начинала смѣяться—сначала тихо, потомъ не могла сдержаться и хохотала громко, и тогда она похожа была на дѣвочку, оставшуюся одной въ цѣломъ домѣ безъ призора старшихъ и дѣлающую то, чего нельзя дѣлать при большихъ.

Маркелъ хмурился, морщилъ лобъ и пытался спрятать давно забытый смѣхъ, который, противъ его воли, раздвигалъ губы, кривилъ и измѣнялъ лицо: переставало оно быть сумрачнымъ, недовѣрчивымъ и подозрительнымъ лицомъ человѣка, ожидающаго внезапнаго удара сзади, а становилось

наивнымъ и добродушнымъ, какъ лицо добраго деревенскаго парня.

Когда имъ случалось столкнуться руками, потянувшись за однимъ и тѣмъ же полѣномъ, или, помогая другъ другу поднять тяжелую лохань, коснуться другъ друга плечомъ, Маркелъ отступалъ въ сторону и съ скрытымъ глубокимъ наслажденіемъ своей вѣжливостью и чистотой, говорилъ:

— Извините, Ульяна Ѳедоровна!..

А она дѣлала строгое лицо, опускала глаза и, внезапно похожая на монашенку, отвѣчала степенно и съ достоинствомъ:

— Ничего, Маркелъ Филиппычъ!..

И были они тогда похожи на двухъ дѣтей, играющихъ въ серьезную, занимательную игру. Потомъ взглядывали другъ на друга и—смѣялись весело, громко и заразительно, какъ смѣются дѣти.

Маркелу было наслажденіемъ это, потому что все, что былъ онъ, уходило тогда прочь,и не было того Маркела, у котораго въ прошломъ столько больного и жестокаго, а въ будущемъ темнота и, можетъ быть, опять жестокость, а былъ вѣжливый и обходительный человѣкъ того далекаго прошлаго, которое такъ же трудно себѣ представить, какъ больному свое тѣло здоровымъ, и котораго жаль, какъ жизни...

Такъ проходилъ день, по особенному тихій, свѣтлый и полный, и только ночью, лежа одинъ наверху, отъ мрака и молчанія опять становясь тѣмъ, чѣмъ уже давно былъ, Маркелъ шепталъ, ворочаясь на сѣнникѣ въ безсонницѣ и тупомъ, странномъ безпокойствѣ:

— Дуракъ! Отжирѣлъ на добрыхъ хлѣбахъ-то! Забылъ, кто ты таковъ есть, дуракъ!

И, полный грустнаго и страшнаго сожалѣнія, въ темной, злой зависти къ чужому спокойствію, говорилъ жестоко и угрожающе:

— Ладно, чортова мать, будешь у праздничка!..

И засыпалъ, чувствуя странное удовлетвореніе при воспоминаніи о безпомощной растерянности старика, когда Капраловъ громилъ бабъ и всѣхъ до одной козырялъ потаскухами.

В. Муйжель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ идейной исторіи русскаго соціализма 40-хъ годовъ.

I. Нравственно-публицистическій соціализмъ Бѣлинскаго.—II. Критически-гуманитарное направленіе В. А. Милютина.—III. Русскій фурьеризмъ: петрашевцы; вліяніе Фурье на молодого Салтыкова-Щедрина.

I.

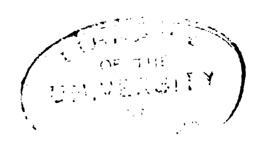
Изучая тѣ идейныя теченія нашихъ 40-хъ годовъ, въ которыхъ проявляется соціалистическое міросозерцаніе—вырабатывавшееся въ Россіи, какъ извѣстно, подъ значительнымъ вліяніемъ Запада,—мы встрѣчаемся съ двумя родами умственныхъ продуктовъ, смотря потому, насколько они болѣе или менѣе точно совпадаютъ съ понятіемъ соціализма, и насколько они являются лишь приближеніемъ къ нему. Съ идейной точки зрѣнія, соціализмъ въ собственномъ значеніи этого слова означаетъ теорію, требующую перехода средствъ производства изъ рукъ частныхъ владѣльцевъ въ руки цѣлаго общества и замѣны конкуренціи отдѣльныхъ производителей коллективною организаціею производства. Если приложить этотъ масштабъ къ упомянутымъ проявленіямъ работы русской мысли въ 40-хъ годахъ, то окажется, что одна группа ихъ можетъ быть названа собственно соціалистической; другая же, не подходя строго подъ только что данное нами опредѣленіе соціализма, всетаки болѣе или менѣе тѣсно соприкасается съ міровоззрѣніемъ труда. Къ первой категоріи мы отнесемъ русскій фурьеризмъ, воплотившійся, главнымъ образомъ, въ кружкѣ петрашевцевъ и довольно сильно отразившійся на взглядахъ молодого Салтыкова-Щедрина. Ко второй принадлежатъ, съ одной стороны, идеи, вдохновлявшія Бѣлинскаго въ радикально-революціонномъ фазисѣ его журнальной и дружески-пропагандистской дѣятельности; а съ другой—тотъ замѣчательный, очень ранній катедеръ-соціализмъ, который рельефно выражается въ популярно написанныхъ статьяхъ В. А. Милютина, учившаго читателей «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника» критически относиться къ манчестерскимъ доктринамъ либеральныхъ политико-экономовъ.

Мы начинаемъ съ идейныхъ продуктовъ второй категоріи, ко-

торые отчасти исторически, а еще болѣе того логически предшествуютъ русскому фурьеризму. И прежде всего обращаемся къ Бѣлинскому. Бѣлинскій принадлежитъ намъ въ этомъ этюдѣ лишь послѣ того страшнаго кризиса, который его пылкая, мятущаяся, правдоискательная душа испытала въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, при переѣздѣ критика въ Петербургъ. Но намъ придется отодвинуться года на два, на три назадъ, чтобы лучше представить себѣ величину внутренняго переворота, потрясшаго до основанія міровоззрѣніе, которое сложилось у Бѣлинскаго во вторую половину 30-хъ годовъ.

Много писалось о неоднократной, и частной и общей ломкѣ убѣжденій, постигавшей страстнаго подвижника мысли. «Неистовый Виссаріонъ» стало банальнымъ, затрепаннымъ эпитетомъ нашего великаго рыцаря духа. Но до сихъ поръ, какъ намъ кажется, не было обращено достаточнаго вниманія на ту особенность идейнаго развитія Бѣлинскаго путемъ противорѣчій, вѣчнаго тезиса и антитезиса, что всякій новый кризисъ возникаетъ въ сознаніи этого удивительно искренняго человѣка сейчасъ же, какъ только предшествующее міропониманіе достигаетъ у него своего кульминаціоннаго пункта. Для всякой системы у Бѣлинскаго Тарпейская скала находится совсѣмъ близко отъ Капитолія. Не успѣетъ онъ придать той или иной поглощающей его въ данный моментъ идеѣ самое окончательное, по большей части крайне заостренное выраженіе, какъ въ эту, казалось бы, адамантовую по своей крѣпости формулу проникаетъ ядъ сомнѣнія. Проникаетъ и начинаетъ производить въ ней немедленно же страшныя опустошенія, пока послѣ цѣлаго мучительнаго ряда колебаній и судорожныхъ порывовъ, изстрадавшійся Бѣлинскій не останется безстрашно лицомъ къ лицу съ грудой развалинъ, чтобы снова начать созиданіе идейнаго міра. Вдумываясь въ исторію различныхъ кризисовъ Бѣлинскаго, я склоняюсь даже къ той мысли, что самая яркая, самая нетерпимая къ другому мнѣнію формулировка идеи является у нашего правдоискателя едва ли не симптомомъ того, что торжествующее міровоззрѣніе уже дало первую трещину; и что чрезъ эту брешь въ горделивую цитадель абсолютной истины, обладателемъ каковой Бѣлинскій воображаетъ себя въ данный моментъ, ворвется какъ разъ тотъ ненавидимый врагъ, въ пику которому герой убѣжденія особенно заостряетъ свою мысль. Можно подумать, что громомъ и пѣною своей формулировки Бѣлинскій хочетъ заглушить уже поднимающійся въ немъ внутренній голосъ сомнѣнія.

Въ частности, переходя къ послѣднему, единственно только и занимающему насъ кризису Бѣлинскаго, приведшему его отъ примиренія и даже отъ свирѣпаго преклоненія передъ «дѣйствительностію» къ не менѣе яростному отрицанію ея, мы можемъ констатировать, что уже въ половинѣ 1837 г. его гегельянствующій консерватизмъ враждебно относится не только къ какому-нибудь


OF THE UNIVERSITY

соціалистическому, кореннымъ образомъ отвергающему современный порядокъ вещей міровоззрѣнію, но къ самымъ умѣреннымъ реформистскимъ стремленіямъ западно-европейскаго либерализма. Въ письмѣ отъ 7-го августа 1837, адресованномъ одному молодому пріятелю, Бѣлинскій рекомендуетъ ему «пуще всего оставить политику и бояться всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей».

Правда, онъ еще признаетъ теоретически возможность иной точки зрѣнія въ примѣненіи, напр., къ Франціи. Но практически, по отношенію къ современной Россіи, онъ неумолимо отрицаетъ какое бы то ни было занятіе «политикой», очевидно, понимая ее, какъ то дѣлаютъ часто консерваторы, исключительно въ формѣ политики либеральной, оппозиціонной, противоправительственной: «Для Россіи назначена совсѣмъ другая судьба, нежели для Франціи, гдѣ политическое направленіе и науки, и искусства, и характеръ жителей имѣетъ свой смыслъ, свою законность и свою хорошую сторону. Франція есть страна опыта, примѣненія идей къ жизни. Совсѣмъ другое назначеніе Россія... Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей, такъ какъ уже много получила отъ нихъ того и другого. Правда, мы не имѣемъ еще правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы должны еще быть рабами. Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать дитяти полную свободу—значитъ погубить его. Дать Россіи, въ теперешнемъ ея состояніи, конституцію—значитъ погубить Россію. Въ понятіи нашего народа, свобода есть *воля*, а воля—озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣжалъ бы онъ пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ, которые бреютъ бороду и ходятъ въ сюртукахъ, а не зипунахъ... Вся надежда Россіи на просвѣщеніе, а не на перевороты, не на революціи и не на конституціи. Во Франціи были двѣ революціи и результатомъ ихъ конституція—и что же? въ этой конституціонной Франціи гораздо менѣе свободы мысли, нежели въ самодержавной Пруссіи. И это оттого, что свобода конституціонная есть свобода условная, а истинная, безусловная свобода настаетъ въ государствѣ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи, на философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла. Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. И такимъ-то прекраснымъ путемъ достигнетъ свободы наша Россія... Наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостного права, а между тѣмъ исподволь освобождаетъ крестьянъ... Эта самодержавная власть

даетъ намъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла. Она пропускаетъ къ намъ изъ-за границы такія книги, которыя никакъ не позволитъ перевести и издать. И что-жъ, все это хорошо и законно съ ея стороны, потому что то, что можешь знать ты, не долженъ знать мужикъ, потому что мысль, которая тебя можетъ сдѣлать лучше, погубила бы мужика, который, естественно, понялъ бы ее ложно» *).

Впрочемъ, къ концу этого крайне любопытнаго письма Бѣлинскій не можетъ удержаться на точкѣ зрѣнія даже относительнаго признанія заслугъ за Франціей: «къ чорту политику, да здравствуетъ наука... французы все выводятъ изъ настоящаго положенія общества, и потому у нихъ нѣтъ вѣчныхъ истинъ, но истины дневныя, т. е. на каждый день новыя истины. Они все хотятъ вывести не изъ вѣчныхъ законовъ человѣческаго разума, а изъ опыта, изъ исторіи... Итакъ, къ чорту французовъ; ихъ вліяніе, кромѣ вреда, никогда ничего не приносило намъ... Германія—вотъ Іерусалимъ новѣйшаго человѣчества... Наше (т. е. насъ, молодыхъ людей) назначеніе уже и теперь ясно; мы должны начать этотъ союзъ съ Германіей» (стр. 155). И чѣмъ далѣе Бѣлинскій, особенно путемъ разговоровъ съ тогда еще реакціоннымъ Бакунинымъ, истолковывалъ Гегеля въ смыслѣ разумности всего дѣйствительнаго, тѣмъ страстнѣе и страстнѣе становились его филиппики противъ народовъ и личностей протестующихъ. И тѣмъ безграничнѣе развивалось у него обожествленіе гегелевской философіи, понимаемой Бѣлинскимъ въ то время такъ, какъ понимало ее правое крыло школы. Въ запискахъ Панаева отмѣчается, съ какою ненавистью, весной 1839, Бѣлинскій отзывался о «французскихъ энциклопедистахъ», о «писателяхъ, стремившихся къ новой жизни, къ общественному обновленію», бичуя «съ особеннымъ негодованіемъ» Жоржъ-Зандъ (Пыпинъ, стр. 233). Но надо было осенью того же 1839 года, передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Петербургъ, столкнуться Бѣлинскому съ Герценомъ и его радикальнымъ кружкомъ, чтобы, отъ соприкосновенія съ ярко-противоположными взглядами, философскій консерватизмъ страстнаго послѣдователя Гегеля достигъ крайней точки движенія по восходящей вѣтви параболы.

---

*) А. Н. Пыпинъ, *Бѣлинскій. Его жизнь и переписка*; Спб., 1908, изд. второе съ дополненіями и примѣчаніями, стр. 152—154, passim.—Несмотря на „дополненія и примѣчанія", добросовѣстная работа покойнаго Пыпина грѣшитъ тѣмъ общимъ недостаткомъ, что въ ней матеріалъ черезчуръ пропущенъ сквозь либеральную фильтру. Напр., въ то время, какъ о консерватизмѣ или либерализмѣ Бѣлинскаго тамъ можно найти обильныя данныя, для „соціалистическаго", или „соціальнаго" періода жизни Бѣлинскаго авторъ часто прибѣгаетъ къ очень сокращенному изложенію матеріала, далеко не вполнѣ позволяющему судить о взглядахъ Бѣлинскаго-„соціалиста" на тотъ или другой вопросъ. Въ этомъ смыслѣ Бѣлинскій еще ждетъ своего біографа.

Достигъ для того, чтобы, послѣ періода мучительныхъ колебаній, начать спускаться по нисходящей вѣтви въ сторону сомнѣнія, затѣмъ саморазрушенія, затѣмъ свирѣпаго окончательнаго отрицанія, шедшаго параллельно съ возрастаніемъ страстнаго энтузіазма къ новому, «соціальному міровоззрѣнію».

Герценъ такъ разсказываетъ объ этомъ идейномъ сраженіи. «Бѣлинскій, самая дѣятельная, порывистая, діалектически-страстная натура бойца. проповѣдывалъ тогда индѣйскій покой созерцанія и теоретическое изученіе, вмѣсто борьбы. Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ какимъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные: въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ; его совѣсть была чиста.

— «Знаете-ли, что съ вашей точки зрѣнія, сказалъ я ему, думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ, вы можете доказать, что чудовищное самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать.

— «Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ *Бородинскую годовщину* Пушкина.

«Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ, кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, *заговорить*, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ, и оттуда далъ по насъ послѣдній яростный залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ «Бородинской годовщиной»*).

Между тѣмъ, согласно уже указанной мною особенности Бѣлинскаго, за самымъ безпощаднымъ, самымъ свирѣпымъ исповѣданіемъ своей старой вѣры у переѣхавшаго въ Петербургъ критика сейчасъ же начинался кризисъ въ пользу новой, пока чужой, пока ненавидимой, но уже притягивающей его вѣры. Въ письмѣ къ В. Боткину отъ 30-го декабря Бѣлинскій говоритъ о мучительныхъ душевныхъ страданіяхъ, длящихся «почти половину мѣсяца», въ теченіе котораго «многое во мнѣ измѣнилось». И съ пера его

*) *Былое и думы*; т. VII „Сочиненій", Женева, 1879, стр. 126—127. Герценовскій разсказъ, кстати сказать, кладетъ конецъ колебаніямъ нѣкоторыхъ біографовъ относительно того, когда произошла первая встрѣча между Герценомъ и Бѣлинскимъ. И я нѣсколько удивляюсь, какъ не обратилъ на него съ этой точки зрѣнія вниманія Пыпинъ, не рѣшающійся, къ какому времени отнести это знакомство,—къ московскому свиданію конца 1839 г. или къ петербургскому 1840 г. (*Бѣлинскій*, стр. 263 и пр. 1). Бѣлинскій уѣхалъ окончательно изъ Москвы въ Петербургъ въ октябрѣ 1839 г., и „яростный залпъ" изъ Петербурга является, внѣ сомнѣнія, второй статьей о „Бородинской годовщинѣ" (по поводу „Очерковъ" Ѳ. Глинки), напечатанной въ послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" за 1839 г.

срываются пророческія, имѣющія уже не частное приложеніе только къ личному письму, а могущія быть распространенными на его публичную, журнальную дѣятельность строки: «Не хочу и перечесть написаннаго—стыдно будетъ. Боже мой! скоро ли настанетъ время, когда я перестану стыдиться написаннаго или сказаннаго мною» (Пыпинъ, стр. 281). Большая половина 1840 г. проходитъ въ назрѣваніи этого кризиса. Въ мартѣ этого года онъ уже пишетъ Боткину: «Да, попрежнему брезгаю французами... но *идея общества* обхватила меня крѣпче... Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить...» (стр. 279). И далѣе, въ письмѣ отъ 13-го іюня: «Съ французами я помирился совершенно: не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ всемірно-историческое значеніе велико. Они не понимаютъ абсолютнаго и конкретнаго, но живутъ и дѣйствуютъ въ ихъ сферѣ... Все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло» (стр. 313).

Письмо отъ 4-го октября того же года уже знаменуетъ, что кризисъ назрѣлъ, низвергнувъ съ пьедестала недавнихъ гордыхъ боговъ: «Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! какъ восклицалъ великій Пушкинъ! Для меня теперь *человѣческая личность* выше исторіи, выше общества, выше человѣчества. Это мысль и дума вѣка! Боже мой, страшно подумать, что со мною было—горячка или помѣшательство ума—я словно выздоравливающій» (стр. 323).

Новымъ этапомъ по пути разъ начавшейся эволюціи служитъ высоко интересное письмо отъ 10-го декабря 1840 г. по прежнему къ Боткину: «Боже мой! сколько отвратительныхъ мерзостей сказалъ я печатно, со всею искренностью, со всѣмъ фанатизмомъ дикаго убѣжденія... Тяжело и больно вспомнить! А дичь, которую изрыгалъ я въ неистовствѣ съ пѣною у рта противъ французовъ—этого энергическаго, благороднаго народа, льющаго кровь свою за священнѣйшія права человѣчества?.. Проснулся я—и страшно вспомнить мнѣ о моемъ снѣ... А это насильственное примиреніе съ гнусною рассейскою дѣйствительностію, этимъ китайскимъ царствомъ матеріальной животной жизни... гдѣ все человѣческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетеніе, страданіе... Нѣтъ, да отсохнетъ языкъ, который заикнется оправдывать все это,—и если мой отсохнетъ—жаловаться не буду. Что есть, то разумно, да и палачъ вѣдь есть же, и существованіе его разумно и дѣйствительно, но онъ тѣмъ не менѣе гнусенъ и отвратителенъ. Нѣтъ, отнынѣ для меня *либералъ* и *человѣкъ* одно и то же; абсолютизмъ и кнутобой—одно и то же. Идея либера-

лизма въ высшей степени разумная и христіанская, ибо его задача—возвращеніе правъ личнаго человѣка, возстановленіе человѣческаго достоинства» (стр. 340—342, passim).

Читатель уже самъ, конечно, отмѣтилъ, что интереснымъ мѣриломъ пространства, пройденнаго Бѣлинскимъ по новому пути, является его усиливающійся съ каждымъ разомъ восторгъ передъ французами. Теперь Бѣлинскій стоитъ уже обѣими ногами на почвѣ свободомыслія, раскрѣпощенія личности отъ разныхъ оковъ, вообще, какъ онъ самъ выражается, «либерализма», а въ сущности крайняго политическаго радикализма. Но онъ стремится такимъ форсированнымъ маршемъ по дорогѣ своей эволюціи, что скоро онъ оставляетъ уже за собою область чисто либеральныхъ воззрѣній, какъ бы крайни и послѣдовательны они ни были. Передъ нимъ уже мелькаютъ первыя очертанія царства «соціальности», «соціализма». Въ концѣ только что цитированнаго нами письма Бѣлинскій смѣло заявляетъ, что для него «баядерка и гетера лучше вѣрной жены безъ любви», и взглядъ сэнъ-симонистовъ на бракъ вѣрнѣе взгляда гегелевскаго. Упоминаніе о сэнъ-симонистахъ уже показываетъ, что Бѣлинскій живо заинтересованъ новымъ міровоззрѣніемъ. И у него культъ личности, характеризующій суть либерализма въ періодъ его расцвѣта, уже дополняется идеею общественности, которую соціалисты выдвигаютъ въ противовѣсъ черезчуръ индивидуалистическимъ стремленіямъ чисто политическихъ либераловъ. Апоѳеозъ индивидуума обрамляется у Бѣлинскаго постоянною мыслью объ окружающихъ живыхъ существахъ, о людяхъ-братьяхъ.

Таковъ смыслъ даже его знаменитаго, столько разъ трепавшагося по разнымъ поводамъ письма къ Боткину отъ 1-го марта 1841 г. о верховномъ значеніи человѣческой личности. Ибо если, съ одной стороны, Бѣлинскій твердо заявляетъ, что «судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (т. е. гегелевской Allgemeinheit)», то, съ другой стороны, онъ страстно-иронически восклицаетъ по адресу Гегеля: «Благодарю покорно, Егоръ Ѳедоровичъ—кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія,—я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр., и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть, это очень выгодно и усладительно для меломановъ; но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи» (стр. 365—366).

Вообще, въ первые годъ-два исповѣданія своей новой вѣры Бѣлинскій всего удачнѣе соединяетъ,—я бы даже сказалъ: дозируетъ,—элементъ личности и элементъ общественности, равно какъ начало политики и начало соціализма. Немного позже, такъ около половины 40-хъ годовъ, онъ перегнетъ нѣсколько палку въ сторону экономики. И мы увидимъ, какъ чуткій Герценъ отмѣтитъ въ своемъ дневникѣ сомнительность этой позиціи. А еще позже, въ самые послѣдніе годы жизни у Бѣлинскаго обнаружится, наоборотъ, какъ бы разочарованіе въ соціализмѣ и возвращеніе къ либеральному міровоззрѣнію, хотя больше въ смыслѣ признанія историческаго значенія буржуазіи. Но въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, въ періодъ перваго идейнаго кипѣнья на новомъ пути Бѣлинскій просто поражаетъ чувствомъ мѣры, съ какимъ онъ сочетаетъ задачи нравственно-политическія и задачи соціальныя.

Въ нравственно-философскомъ отношеніи Бѣлинскій въ это время ставитъ личность настолько высоко, что порою готовъ впасть въ своеобразный культъ героевъ, чуть не разрѣшая исключительнымъ индивидуумамъ заставлять насиліемъ и декретами человѣчество жить согласно идеаламъ счастія, выработаннымъ уже упомянутыми героями. Такъ, въ письмѣ къ Боткину отъ 27-го іюня 1841 г. онъ говоритъ: «личность человѣческая сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума. Я начинаю любить человѣчество (по? Н. Р.) маратовски: чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я кажется, огнемъ и мечемъ истребилъ бы остальную» (стр. 377). Но эта нравственно-гиперболическая постановка вопроса теряетъ свой чрезмѣрный, пугающій смыслъ, если сопоставить ее съ раньше и позже ея набросанными мыслями уже политическаго характера. Бѣлинскій—страстный революціонеръ и страстный республиканецъ, стремящійся къ равенству людей. Это послѣднее стремленіе дорого ему въ Великой французской революціи, дорого въ истекающемъ, если я позволю себѣ такъ выразиться, свирѣпо-мизантропическою любовью къ человѣчеству Маратѣ. Нѣсколькими строками выше Бѣлинскій, дѣйствительно, пишетъ: «Я понялъ и французскую революцію, и ея римскую помпу, надъ которою прежде смѣялся. Понялъ и кровавую любовь Марата къ свободѣ, его кровавую ненависть ко всему, что хотѣло отдѣляться отъ братства съ человѣчествомъ хоть коляскою съ гербомъ» (стр. 376). А нѣсколькими строками ниже: «Гегель мечталъ о конституціонной монархіи, какъ идеалѣ государства—какое узенькое понятіе! Нѣтъ, не должно быть монарховъ, ибо монархъ не есть братъ людямъ, онъ всегда отдѣлится отъ нихъ хоть пустымъ этикетомъ, ему всегда будутъ кланяться хоть для формы. Люди должны быть братья и не должны оскорблять другъ друга ни даже тѣнью какого-нибудь внѣшняго и формальнаго превосходства... Каковы же французы, которые, безъ нѣмецкой философіи, поняли то, чего нѣмецкая философія еще и

теперь не понимаетъ! Чортъ знаетъ, надо мнѣ познакомиться съ сенсимонистами. Я на женщину смотрю ихъ глазами» (стр. 377).

Это упоминаніе о сэнъ-симонистахъ показываетъ, какъ мы уже сказали выше, что соціализмъ начинаетъ все болѣе и болѣе занимать Бѣлинскаго, міровоззрѣніе котораго уже не укладывается въ рамки самаго крайняго чисто политическаго радикализма. Правда, въ соціализмѣ его не столько интересуетъ, если можно такъ выразиться, вещная организація, сколько отношенія между людьми, особенно отношенія между полами. Но и соціалистическій идеалъ въ цѣломъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, дорогъ ему. Во всякомъ случаѣ, о коренномъ преобразованіи чувства любви, семьи, объ иной формѣ сожительства мужчины и женщины онъ говоритъ съ величайшимъ воодушевленіемъ. Въ этомъ отношеніи его любимымъ авторомъ является теперь Жоржъ-Зандъ, та самая Жоржъ-Зандъ, которую раньше онъ преслѣдовалъ своею злобою и которая отнынѣ является для него «вдохновенной пророчицей, энергическимъ адвокатомъ правъ женщинъ». Онъ широко пропагандируетъ ея соціализмъ чувства. Онъ, конечно, не ограничивается только личнымъ воздѣйствіемъ на друзей въ разговорахъ и письмахъ, хотя надо сказать, что эта дѣятельность у людей 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ силу самыхъ условій тогдашняго гнетущаго строя, имѣла очень важное значеніе, ибо далеко переходила за предѣлы тѣснаго личнаго общенія: въ тогдашней Россіи то, что обсуждалось устно и письменно въ кружкахъ выдающихся представителей интеллигенціи, скоро становилось достояніемъ всѣхъ образованныхъ и прогрессивныхъ людей. И вотъ почему мы обращаемъ здѣсь такое вниманіе на переписку Бѣлинскаго, бывшаго однимъ изъ могущественныхъ очаговъ распространенія передовыхъ идей той эпохи.

Какъ бы то ни было, по отношенію къ женскому вопросу и въ частности къ Жоржъ-Зандъ, Бѣлинскій дѣлалъ все возможное, чтобы сдѣлать новые взгляды достояніемъ широкихъ слоевъ читающей публики. Съ того времени въ «Отечественныхъ Запискахъ», руководителемъ которыхъ былъ Бѣлинскій, появляются одинъ за другимъ романы Жоржъ-Зандъ, разносящіе, какъ мы только что выразились, этотъ соціализмъ чувства по всей Россіи. Къ этому же періоду относятся по большей части короткія, но страстныя и яркія статьи Бѣлинскаго о женщинѣ-авторѣ, которую теперь критикъ ставитъ на ряду съ величайшими писателями міра.

Напомнимъ хотя бы его рецензію о русскомъ переводѣ Мопра (Mauprat), или, какъ гласило заглавіе плохого перевода, «Бернардъ Мопратъ, или Перевоспитанный Дикарь. Соч. Жоржъ Зандъ (г-жи Дюдеванъ)». Передавъ въ краткихъ словахъ содержаніе разсказа, гдѣ рисуется облагораживаніе человѣка, преданнаго животнымъ инстинктамъ, подъ вліяніемъ великой любви къ высоко одаренной дѣвушкѣ, Бѣлинскій продолжаетъ: «Прекрасная мысль эта развита въ высшей степени поэтическимъ образомъ. Разсказъ Жоржа Занда—

это сама простота, сама красота, сама жизнь, самъ умъ, сама поэзія. Сколько глубокихъ, практическихъ идей о личномъ человѣкѣ сколько свѣтлыхъ откровеній благородной, нѣжной, женственной души! И какая человѣчность дышетъ въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ этой геніальной женщины!.. У Жоржа Занда нѣтъ ни любви, ни ненависти къ привилегированнымъ сословіямъ, нѣтъ ни благоговѣнія, ни презрѣнія къ низшимъ слоямъ общества, для нея не существуютъ ни аристократы, ни плебеи,—для нея существуетъ только *человѣкъ*, и она находитъ человѣка во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, любитъ его, сострадаетъ ему, гордится имъ и плачетъ о немъ. Но женщина и ея отношенія къ обществу, столь мало оправдываемыя разумомъ, столь много основывающіяся на преданіи, предразсудкахъ, эгоизмѣ мужчинъ,—эта женщина наиболѣе вдохновляетъ поэтическую фантазію Жоржа Занда и возвышаетъ до паѳоса благородную энергію ея негодованія къ легитимированной насиліемъ невѣжества лжи, ея живую симпатію къ угнетенной предразсудками истинѣ. Жоржъ Зандъ есть адвокатъ женщины, какъ Шиллеръ былъ адвокатъ человѣчества...»*).

Но возвратимся къ «соціализму» Бѣлинскаго, который, не будучи, конечно, въ состояніи прямо развернуть это свое міросозерцаніе передъ читателями, тѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ набрасываетъ его черты въ частной корреспонденціи. Въ очень длинномъ письмѣ отъ 8-го сентября 1841 г. Бѣлинскій дѣлаетъ свое profession de foi Боткину: «Итакъ, я теперь въ новой крайности,—это идея *соціализма*, которая стала для меня идеею идей... альфою и омегою вѣры и знанія... поглотила и исторію, и религію, и философію... Соціальность... вотъ девизъ мой... Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи?.. Прочь же отъ меня блаженство, если оно—достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братіями моими!.. И настанетъ время—я горячо вѣрю этому,—настанетъ время, когда никого не будутъ жечь, никому не будутъ рубить головы... когда не будетъ безсмысленныхъ формъ и обрядовъ, не будетъ договоровъ и условій на чувство, не будетъ долга и обязанностей, и воля будетъ уступать не волѣ, а одной любви; когда не будетъ мужей и женъ, а будутъ любовники и любовницы, и когда любовница придетъ къ любовнику и скажетъ: «я люблю другого», любовникъ отвѣтитъ: «я не могу быть счастливъ безъ тебя, я буду страдать всю жизнь; но ступай къ тому, кого ты любишь», и не приметъ ея жертвы, если по великодушію она захочетъ остаться съ нимъ.. Не будетъ богатыхъ, не будетъ бѣдныхъ,

*) *Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ двадцати томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова*; Спб., 1903, т. VI, стр. 198—199 изъ «От. Записокъ» 1841 г.).

ни царей и подданныхъ, но будутъ братья, будутъ люди... Я не отвергаю прошедшаго, не отвергаю исторіи—вижу въ нихъ необходимое и разумное развитіе идеи; хочу золотого вѣка, но не прежняго, безсознательнаго, животнаго золотого вѣка, но приготовленнаго обществомъ, законами, бракомъ, словомъ, всѣмъ, что было въ свое время необходимо, но что теперь пошло и глупо» (стр. 381—385, passim).

Здѣсь Бѣлинскій едва ли не находится на высшей точкѣ своего пониманія соціализма, насколько это было возможно при тогдашнихъ условіяхъ и особенно при его знакомствѣ по большей части изъ вторыхъ рукъ или урывками съ корифеями западно-европейской соціалистической мысли. На приведенной тирадѣ, конечно, прежде всего чувствуется вліяніе сэнъ-симонизма. Объ этомъ говоритъ уже одно упоминаніе о «золотомъ вѣкѣ»,—«золотомъ вѣкѣ не позади насъ, а впереди», какъ любили выражаться Сэнъ-Симонъ и его школа. Говоритъ и мѣсто, занимаемое въ построеніяхъ будущаго коренною реформою въ отношеніяхъ между полами. Но обратите вниманіе на энергію и самостоятельность мысли, съ какою Бѣлинскій перерабатываетъ іерархическій идеалъ сэнъ-симонистовъ въ свободный отъ всякаго элемента принудительности собственный идеалъ будущаго гармоническаго общества, напоминающаго скорѣе или, лучше сказать, предвосхищающаго фаланстеріи Фурье, такъ какъ въ то время фурьеризмъ едва сталъ распространяться въ самой Европѣ.

Въ частности пусть читатель остановится на свободѣ любви, какъ ее понимаетъ Бѣлинскій. Отрѣшенность его въ этомъ отношеніи отъ всякихъ предразсудковъ поистинѣ изумительна и заставляетъ думать, что это великое и гуманное понятіе объ искренности чувствъ и о равенствѣ передъ влеченіемъ обоихъ половъ есть почти національная особенность русской прогрессивной мысли, доводящей до конца, мало того, претворяющей въ жизнь выводы изъ посылокъ западно-европейскихъ мыслителей. Пусть читатель приведетъ себѣ на память «Что дѣлать» Чернышевскаго. Наконецъ, нельзя не восхищаться той тонкой гармоніей, которую Бѣлинскій устанавливаетъ между своимъ культомъ личности и преклоненіемъ, энтузіазмомъ передъ элементомъ «соціальности», разрѣшая антиномію между правами индивидуума и требованіями общества такъ удачно, что подъ его перомъ сама любовь къ личности какъ бы требуетъ растворенія ея въ союзѣ людей-«братій».

Но Бѣлинскій не даромъ называлъ себя «человѣкомъ крайности», что Герценъ переводилъ на свой оригинально-космополитическій языкъ словами: «человѣкъ экстремы». Увлекаясь соціализмомъ, начавъ изучать нѣкоторыхъ популярныхъ тогда западно-европейскихъ,—почти исключительно французскихъ,—соціалистовъ въ подлинникѣ, онъ попадаетъ на наклонную плоскость, которая позже будетъ называться экономизмомъ. Порою его писанія прямо

производятъ впечатлѣніе, что для него политическая борьба на Западѣ является чуть-ли не миражемъ, который только препятствуетъ народу рѣшить соціальный вопросъ. Параллельно съ этимъ у него вырываются мысли, бросающія совершенно ложный свѣтъ на наши отечественныя преимущества передъ Западной Европой въ смыслѣ якобы меньшихъ экономическихъ золъ, хотя и при отсутствіи болѣе свободныхъ политическихъ учрежденій.

Повидимому, эта струя была вызвана въ немъ по ироническому велѣнію исторіи какъ разъ тѣмъ соціалистомъ, который ставилъ себѣ въ заслугу, что онъ внесъ политику въ соціализмъ, оплодотворилъ послѣдній первою. Я говорю о Луи-Бланѣ, чтеніе «Исторіи десяти лѣтъ» котораго возбудило крайній восторгъ въ Бѣлинскомъ: «Превосходное твореніе! Для меня оно было откровеніемъ... Личность Луи-Блана возбудила во мнѣ благоговѣйную любовь»,—читаемъ мы въ его письмѣ отъ 31-го марта 1843 г. Боткину (стр. 442). И вотъ, въ статьѣ о «Парижскихъ тайнахъ» Эженя Сю, напечатанной въ «От. Зап.» 1844, Бѣлинскій излагаетъ такой взглядъ на іюльскую революцію и выросшій изъ нея соціально-политическій режимъ при Людовикѣ-Филиппѣ, который несомнѣнно является отзвукомъ луи-блановскаго сочиненія, но отзвукомъ, преувеличивающимъ силу нѣкоторыхъ критическихъ нотъ, взятыхъ французскимъ соціалистомъ, и при томъ, въ силу особенностей русскаго резонанса, производящимъ впечатлѣніе положительной какофоніи. Бѣлинскій въ то время еще черезчуръ буквально принимаетъ нѣкоторые выпады Луи-Блана противъ господства буржуазіи, которую тотъ ставитъ гораздо ниже сходящей со сцены аристократіи. Нашъ великій критикъ еще не разбираетъ,—какъ это онъ сдѣлаетъ три года спустя, познакомившись лучше съ Луи-Бланомъ,—что знаменитый соціалистъ не только историкъ, а и памфлетистъ; но главное, что онъ человѣкъ партіи въ странѣ болѣе или менѣе свободной политической борьбы. И потому становиться на его точку зрѣнія, мало того, еще усиливать ея боевыя заостренія въ примѣненіи къ изнывающей подъ игомъ крѣпостничества и деспотизма Россіи значитъ очень сильно грѣшить противъ законовъ исторической перспективы, равно какъ противъ насущныхъ задачъ тогдашней русской дѣйствительности.

Какъ бы то ни было, вотъ что мы читаемъ въ упомянутой статьѣ Бѣлинскаго, изъ которой мы возьмемъ лишь самыя выдающіяся мѣста, но которая, въ сущности, вся высоко любопытна для изученія той роковой аберраціи, что еще долго впослѣдствіи будетъ мѣшать авангарду русской интеллигенціи установить надлежащее отношеніе между соціализмомъ и политикой. «Когда дѣло (іюльская революція. Н. Р.),—пишетъ Бѣлинскій,—было кончено ревностію слѣпого народа, представители націи повыползли изъ своихъ норъ и по трупамъ ловко дошли до власти, оттерли отъ нея всѣхъ честныхъ людей и, загребя жаръ чужими руками, преблагополучно

стали грѣться около нея, разсуждая о нравственности. А народъ, который, въ безумной ревности, лилъ свою кровь за слово, за пустой звукъ, котораго значенія самъ не понималъ, что-же выигралъ себѣ этотъ народъ?—Увы! тотчасъ-же послѣ іюльскихъ происшествій этотъ бѣдный народъ съ ужасомъ увидѣлъ, что его положеніе не только не улучшилось, но значительно ухудшилось противъ прежняго. А между тѣмъ, вся эта историческая комедія была разыграна во имя народа и для блага народа! Аристократія пала окончательно; мѣщанство твердою ногою стало на ея мѣсто, наслѣдовавъ ея преимущества, но не наслѣдовавъ ея образованности, изящныхъ формъ ея жизни, ея кровнаго презрѣнія, высокомѣрнаго великодушія и тщеславной щедрости къ народу. Французскій пролетарій передъ закономъ равенъ съ самымъ богатымъ собственникомъ (propriétaire) и капиталистомъ...; но бѣда въ томъ, что отъ этого равенства пролетарію ничуть не легче. Вѣчный работникъ собственника и капиталиста, пролетарій весь въ его рукахъ, весь его рабъ, ибо тотъ даетъ ему работу и произвольно назначаетъ за нее плату... Хорошо равенство! И будто легче умирать зимою въ холодномъ подвалѣ или на холодномъ чердакѣ, съ женою, съ дѣтьми, дрожащими отъ стужи, не ѣвши уже три дня, будто легче такъ умирать съ хартіею, за которую пролито столько крови, нежели безъ хартіи, но и безъ жертвъ, которыхъ она требуетъ?.. Собственникъ, какъ всякій выскочка, смотритъ на работника въ блузѣ и деревянныхъ башмакахъ, какъ плантаторъ на негра... Аристократія такъ не разсуждаетъ: она великодушна даже по тщеславію, по принятому обычаю... У насъ, въ Россіи, гдѣ выраженіе «умереть съ голода» употребляется, какъ гипербола, потому что въ Россіи не только трудолюбивому бѣдняку, но и отъявленному лѣнтяю-нищему нѣтъ рѣшительно никакой возможности умереть съ голода,—у насъ, въ Россіи, не всѣ повѣрятъ безъ труда, что въ Англіи и во Франціи голодная смерть, для бѣдныхъ, самое возможное и нисколько не необыкновенное дѣло. Нѣсколько недѣль, два-три мѣсяца болѣзни или недостатка въ работѣ,—и бѣдный пролетарій долженъ умереть съ семействомъ, если не прибѣгнетъ къ преступленію, которое должно повести его на гильотину» *).

Фальшь того тембра, который звучалъ во всей этой статьѣ Бѣлинскаго, особенно въ послѣднихъ только что приведенныхъ нами строкахъ, рѣзнула по сердцу Герцена, къ тому времени все болѣе и болѣе сходившагося съ Бѣлинскимъ и начинавшаго горячо любить его. Въ «Дневникѣ» отъ 4-го сентября 1844 г. онъ набросалъ слѣдующую мысль, проникнутую одновременно и симпатіей къ критику, и опасеніями за него: «A propos, въ Allgemeine Zeitung выписка изъ статьи Бѣлинскаго о «Парижскихъ тайнахъ», и именно они напали на то, что меня остановило, у насъ нельзя,

*) *Полное собраніе сочиненій*; Спб., 1907, т. VIII, стр. 471—472, passim.

такимъ образомъ, хвалить сытость (тѣмъ болѣе, что и она очень апокрифна) и ругать революцію 30 года—impasse. Опять бросить онъ на себя подозрѣніе въ сервилизмѣ» *).

И, дѣйствительно, нельзя было относиться въ тогдашней Россіи цѣликомъ отрицательно къ іюльской революціи: какъ ни былъ плохъ буржуазный режимъ, установившійся послѣ изгнанія Карла X, онъ все же былъ лучше предшествовавшаго режима, поддерживаемаго пресловутой «великодушной» аристократіей, лучше уже потому, что давалъ большую возможность пролетарію бороться въ рамкахъ сравнительной политической свободы и юридическаго «равенства» и за свои существенные интересы. Отрицать это значило именно заходить въ impasse, «въ тупикъ», какъ вѣрно характеризуетъ однимъ словомъ эту ошибочную позицію Герценъ. Точно также несчастное сопоставленіе Франціи, гдѣ «лучше» было бы умирать съ голоду «безъ хартіи, но и безъ жертвъ», и Россіи, гдѣ нѣтъ ни хартіи, ни равенства, но гдѣ якобы нельзя ни какимъ образомъ умереть съ голода,—эта злополучная мысль могла въ самомъ дѣлѣ возбудить въ лучшей части русской интеллигенціи «подозрѣніе въ сервилизмѣ» Бѣлинскаго.

Но этотъ періодъ чрезмѣрнаго выпячиванія аполитической соціальной экономики продолжался, видимо, недолго у страстнаго искателя истины, быстро доходившаго отъ центральнаго пункта своего міровоззрѣнія, господствующаго въ данный моментъ, до периферическихъ точекъ то на одномъ, то на другомъ концѣ діаметра. Въ послѣдніе годы дѣятельности у Бѣлинскаго можно даже замѣтить наростаніе кризиса въ противоположномъ направленіи, хотя попрежнему въ радикальной плоскости. То тамъ, то сямъ у него проскальзываютъ взгляды, которые можно истолковать, какъ стремленіе отрѣшиться отъ соціализма, и стать на почву культурно-освободительнаго, либеральнаго въ широкомъ смыслѣ этого слова міровоззрѣнія.

Оттолкнувшись отъ аполитическаго экономизма, образцы котораго мы видѣли въ разсужденіяхъ по поводу «Парижскихъ тайнъ», Бѣлинскій какъ бы разочаровывается въ соціализмѣ вообще. При чемъ болѣе вѣрная и тонкая оцѣнка нѣкоторыхъ личностей и произведеній этого направленія идетъ у него, къ сожалѣнію, параллельно не съ увеличеніемъ, а съ съ уменьшеніемъ интереса къ прежней «идеѣ идей». Это же въ свою очередь заставляетъ его переоцѣнивать значеніе не-соціалистическихъ мыслителей и впадать въ другую крайность энтузіазма. Такъ, въ письмѣ отъ 6-го февраля 1847 г. къ Боткину онъ дѣлаетъ бьющую въ самую цѣль оцѣнку сужденія Луи-Блана о Вольтерѣ въ 1-мъ томѣ «Исторіи французской революціи» и съ большой проницательностью вскрываетъ въ авторѣ сторону историческаго памфлетиста. Но въ томъ же са-

*) *Дневникъ*; т. I „Сочиненій", Женева, 1875, стр. 233.

момъ посланіи онъ дѣлаетъ изъ приводящаго его въ восхищеніе Литтре стѣнобитный таранъ противъ «соціальныхъ и добродѣтельныхъ ословъ», бросая при этомъ поверхностое и пристрастное замѣчаніе о «соціалистахъ», какъ о людяхъ, «выродившихся изъ фантазій генія Руссо». Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно вспоминая, какъ онъ въ 1844 г. обжогся на партійной оцѣнкѣ іюльской революціи подъ вліяніемъ черезчуръ пылко воспринятой имъ книги Луи-Блана, онъ уже клеймитъ «всю гадость и пошлость духа партій» вообще, а въ «Исторіи десяти лѣтъ» открываетъ заднимъ числомъ «нелѣпости» (Пыпинъ, стр. 513—514).

Такъ или иначе, но въ послѣднюю пору своей дѣятельности Бѣлинскій уже въ гораздо меньшей степени можетъ принадлежать намъ въ этихъ этюдахъ, вслѣдствіе того, что элементъ «соціальности» и «соціализма» все болѣе отступаетъ у него на второй планъ передъ общимъ культурно-оппозиціоннымъ настроеніемъ. Это, конечно, не мѣшаетъ Бѣлинскому именно въ этотъ періодъ написать одно изъ самыхъ удивительныхъ по силѣ и вліянію произведеній, которыя когда либо вылились изъ-подъ его пера. Мы разумѣемъ его письмо къ Гоголю, заставившее встрепенуться всю мыслящую Россію. Но этотъ единственный въ своемъ родѣ памфлетъ, набросанный большимъ, уже на половину умирающимъ Бѣлинскимъ во время его путешествія за границу лѣтомъ 1847 г., поражаетъ противника исключительно съ точки зрѣнія, которую мы только что назвали «культурно-оппозиціонной». Въ «Письмѣ» лейтъ-мотивомъ звучитъ страстный призывъ къ «цивилизаціи, просвѣщенію, гуманности». Россія Николая I отрицается исключительно, какъ «страна, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками, Ваньками, Степками, Палашками; страна, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка; а есть только огромная корпорація различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей». Историческими же задачами момента,—или, какъ выражается Бѣлинскій, «самыми живыми современными національными вопросами Россіи», – авторъ выдвигаетъ «уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть» (стр. 532). Такъ условія самой жизни фатально ставили во главу угла реформы, которыя являлись минимальными предпосылками не какого-нибудь соціалистическаго и даже не умѣренно либеральнаго, а самаго скромнаго европейскаго строя,— хотя бы упорядоченнаго абсолютизма, лишь бы не восточной деспотіи. Не мѣшаетъ прибавить, что подобный же историческій фатумъ тяготѣлъ надъ цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ русскихъ соціалистовъ и угрожалъ имъ рогами страшной дилеммы: или брать на себя роль либераловъ и дѣятелей чисто гражданской оппозиціи; или работать для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, во

нымъ соціалистическихъ идеаловъ, долго не находившихъ достаточнаго отзвука въ трудящихся массахъ...

Замѣтимъ кстати, что существуетъ мнѣніе, согласно которому Бѣлинскій сознательно ступилъ на почву либеральной оппозиціи, оставаясь не только соціалистомъ, но даже столь дальновиднымъ выразителемъ міровоззрѣнія труда, что, послѣ упомянутаго нами послѣдняго кризиса, онъ уже не могъ будто бы удовлетворяться тогдашней утопической формой соціализма, а тяготѣлъ къ тому, что можно хоть отчасти сравнить съ современнымъ «научнымъ соціализмомъ». Бѣлинскій былъ бы такимъ образомъ на пути къ направленію, которое лишь гораздо позже ярко выразилось въ русскомъ марксизмѣ. Указывалось на возрожденіе въ немъ будто бы вкуса къ «діалектическому», «объективному» пониманію хода вещей въ духѣ Гегеля. Отмѣчалось признаніе имъ историческаго значенія буржуазіи. И лишь смерть помѣшала Бѣлинскому, согласно этому взгляду, опередить эволюцію русской соціалистической мысли, по крайней мѣрѣ, на четыре десятка лѣтъ.

Конечно, у Бѣлинскаго можно найти такія мысли, которыя при сильномъ желаніи можно истолковать въ только что упомянутомъ смыслѣ. И, не желая оставить въ тѣни эту сторону вопроса, мы даже постараемся познакомить читателя съ наиболѣе яркими изъ нихъ. Но лично намъ кажется, что такое истолкованіе было бы натяжкой, вкладываніемъ въ нихъ заднимъ числомъ такого идейнаго значенія, которое могло выработаться лишь всей послѣдующей политической эволюціей Россіи. Какъ бы то ни было, вотъ, если не ошибаемся, самыя яркія мѣста, гдѣ Бѣлинскій является какъ бы предвозвѣстникомъ марксизма на русской почвѣ.

Полемизируя съ «Москвитяниномъ» въ 1847 г., онъ высказываетъ довольно отрицательные взгляды на русскій общинный бытъ и жестоко иронизируетъ надъ элементомъ «любовнаго, согласнаго», который славянофилы отыскивали въ древней Руси. По поводу единодушнаго рѣшенія вопросовъ на новгородскомъ вѣчѣ онъ говоритъ, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: съ одной стороны, «это случается, даже не рѣдко» въ парламентахъ нашего времени; съ другой, «также часто могло случаться, что меньшинство являлось слишкомъ ничтожнымъ, чтобы спорить съ большинствомъ, и соглашалось съ нимъ не по убѣжденію, а изъ опасенія хлебнуть волховской водицы». Но скоро, защищая Кавелина и рѣзко замѣтивъ, что вся эта процедура вѣчевыхъ рѣшеній совершалась «безтолково и нелѣпо, какъ прилично общинѣ чисто патріархальной, совершенно чуждой юридическаго элемента», Бѣлинскій ставитъ вопросъ уже на гораздо болѣе общую почву: «И такія общины были совсѣмъ не у однихъ славянскихъ племенъ, какъ увѣряютъ г.г. славянофилы, а были и у всѣхъ племенъ и народовъ въ патріархальномъ состояніи, даже у дикарей, да только нигдѣ онѣ не развились, во многихъ мѣстахъ не удержались... А между тѣмъ

общинный бытъ славянскихъ племенъ—краеугольный камень славянофильства; по крайней мѣрѣ, онъ не сходитъ у нихъ съ языка, и ему назначили они свидѣтельствовать въ пользу любовности, какъ общественной стихіи, отличающей славянскія племена отъ всѣхъ другихъ. Но не значитъ ли это—основывать свое ученіе именно на тѣхъ фактахъ, которые особенно противорѣчатъ ему?» *)

Въ другомъ мѣстѣ, борясь противъ «особой породы мистическихъ философовъ, основывающихъ свое ученіе на идеѣ народности и народа», думающихъ, «что они вполнѣ разгадали и постигли тайну русской народности, на долю которой, по ихъ мнѣнію, достались любовь и синтезисъ въ пониманіи и образѣ жизни, такъ же какъ на долю Запада, въ отличіе отъ насъ, достались вражда, анализъ и отрицаніе»,—борясь противъ этихъ враговъ, повидимому славянофиловъ демократическаго направленія, Бѣлинскій выставляетъ слѣдующій, по его мнѣнію общій законъ человѣческой эволюціи: «Мы не знаемъ доселѣ ни одного народа, котораго развитіе и ходъ впередъ не были бы основаны на раздѣленіи народной жизни на народъ и общество. Этого раздѣленія нѣтъ у азіатскихъ коснѣющихъ народовъ, ибо у нихъ раздѣляютъ народъ касты, привилегіи, но не просвѣщеніе и образованіе. Начиная съ грековъ... безъ высшихъ сословій... народы навсегда остались бы на первобытной степени ихъ патріархальнаго быта... Раздѣленіе на классы было необходимо и благодѣтельно для развитія всего человѣчества». (Сочиненія, XI, стр. 458, 459, 460, 461).

Наконецъ, сохранилось длинное письмо Бѣлинскаго къ Боткину отъ начала декабря 1847 г., письмо, въ которомъ Бѣлинскій, защищая противъ нападокъ друзей парижскія корреспонденціи Герцена, жестоко бичевавшаго французское «мѣщанство», и самъ рѣзко отзываясь о «крупныхъ капиталистахъ», тѣмъ не менѣе говоритъ: «Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые утверждаютъ за аксіому, что буржуазія—зло, что ее надо уничтожить, что только безъ нея все пойдетъ хорошо... Такъ, или почти такъ думаетъ Луи Бланъ. Я съ этимъ соглашусь только тогда, когда на опытѣ увижу государство, благоденствующее безъ средняго класса, а какъ пока я видѣлъ только, что государства безъ средняго класса осуждены на вѣчное ничтожество, то и не хочу заниматься рѣшеніемъ а пріори такого вопроса, который можетъ быть рѣшенъ только опытомъ. Пока буржуазія есть и пока она сильна,—я знаю, что она должна быть и не можетъ не быть. Я знаю, что промышленность—источникъ великихъ золъ, но знаю, что она же источникъ и великихъ благъ для общества. Собственно, она только послѣднее: зло въ владычествѣ капитала, въ его тираніи надъ трудомъ». (Пыпинъ, «Дополненія», стр. 639).

*) *Сочиненія В. Бѣлинскаго*; Москва, 1875, изд. 2-е, часть одиннадцатая, стр. 266—268, passim.

Вотъ сведенныя нами въ одно наиболѣе характеристичныя мнѣнія Бѣлинскаго, на основаніи которыхъ можно будто бы,—утверждаютъ люди, стоящіе на разбираемой нами теперь точкѣ зрѣнія,—истолковывать Бѣлинскаго, какъ геніально-одинокаго предвозвѣстника марксизма. Но мы уже сказали, что въ нашихъ глазахъ такое истолкованіе есть натяжка. Такъ, напр., скептическое отношеніе Бѣлинскаго къ общинному быту славянъ было взглядомъ не одного Бѣлинскаго, а цѣлой группы выдающихся представителей нашего западничества, которые были далеки отъ утрированной вѣры въ прелести европейской цивилизаціи, но не менѣе критически относились къ тому, что П. В. Анненковъ называетъ «русскимъ соціализмомъ» славянофиловъ. «Временное значеніе артели и общины,—говоритъ этотъ авторъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ,—западники подтверждали примѣромъ точно такихъ же установленій, являвшихся у всѣхъ первобытныхъ народовъ, и думали, что съ развитіемъ свободы и благосостоянія русскій народъ и самъ покинетъ эту форму труда и общежитія» *).

Относительно якобы марксистскаго взгляда Бѣлинскаго на необходимость для человѣческой эволюціи дѣленія на классы приходится обратить вниманіе на то обстоятельство, что сходство здѣсь болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее. Бѣлинскій говоритъ о благодѣтельности выдѣленія изъ народа высшихъ классовъ, какъ носителей цивилизаціи и просвѣщенія,—и только. Марксистское обличье приведенныя нами фразы носятъ именно потому, что мы изъ нихъ выбросили это подчеркиваніе культурной, идейной стороны. Наоборотъ, если взять относящіяся сюда мѣста цѣликомъ и въ особенности сопоставить ихъ со всѣмъ развитіемъ мысли Бѣлинскаго въ текстѣ, то точка зрѣнія знаменитаго критика окажется гораздо болѣе сходной съ позднѣйшей точкой зрѣнія соціалистовъ-пропагандистовъ и даже съ элементами якобинизма въ народовольчествѣ. Напр., съ одной стороны: «еще больше ошибаются тѣ, которые думаютъ, что народъ нисколько не нуждается въ урокахъ образованныхъ классовъ... Нѣтъ, господа, мистическіе философы, нуждается, да еще какъ» (Сочиненія, часть XI, стр. 461). Съ другой, даже: «Развитіе всегда и вездѣ совершалось черезъ личности, и потому-то исторія всякаго народа такъ похожа на рядъ біографій отдѣльныхъ лицъ. Исторія показываетъ, какъ часто случалось, что одинъ человѣкъ видѣлъ дальше и понималъ лучше всего народа то, что нужно было народу, одинъ боролся съ нимъ и побѣждалъ

---

*) П. В. Анненковъ, *Замѣчательное десятилѣтіе* (*1838—1848*). *Изъ литературныхъ воспоминаній;* „Вѣстникъ Европы, 1880, № 4, 467—468. Справедливость требуетъ замѣтить, что самъ Анненковъ порою безсознательно для себя измѣняетъ т е м б р ъ прежнихъ событій въ духѣ послѣдующихъ явленій.

его сопротивленіе, и самимъ народомъ причислялся потомъ за это къ числу героевъ» (Ibid.).

Наконецъ, что касается до признанія Бѣлинскимъ историческаго значенія буржуазіи, то оно дѣлается имъ не столько какъ соціалистомъ марксистскаго типа мысли, сколько какъ человѣкомъ, сильно разочаровавшимся въ соціализмѣ вообще, самое большее, какъ политическимъ радикаломъ, ждущимъ, въ особенности для Россіи, прогресса исключительно отъ торжества буржуазіи въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. За три мѣсяца до смерти, не могшій уже больше писать, Бѣлинскій диктуетъ, между прочимъ, слѣдующія строки, обращенныя къ Анненкову,—это кстати сказать, послѣднее письмо изъ всей корреспонденціи Бѣлинскаго: «Мой вѣрующій другъ (уже въ то время совсѣмъ красный Бакунинъ. Н. Р.) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я, въ спорахъ съ вами о буржуазіи, называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная аркадская мысль!.. Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами... Вѣрующій другъ и славянофилы наши оказали мнѣ большую услугу. Не удивляйтесь сближенію: лучшіе изъ славянофиловъ смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ; они высосали эти понятія изъ соціалистовъ» (Пыпинъ, стр. 564).

На этихъ строкахъ мы кончаемъ нашу характеристику Бѣлинскаго въ послѣдній періодъ его жизни и, вдумываясь въ ихъ смыслъ, невольно задаемся вопросомъ: куда же, въ какую сторону метнуло бы еще неугомонное исканіе истины нашего рыцаря духа, который передъ тѣмъ, какъ уйти въ могилу, уже охладѣвалъ къ «соціальности» и «соціализму»?

II.

В. А. Милютинъ, къ которому мы теперь переходимъ, проходитъ въ русской литературѣ еще болѣе кратковременнымъ и гораздо менѣе ослѣпительнымъ метеоромъ, чѣмъ Бѣлинскій, хотя самъ по себѣ представляетъ, несомнѣнно, очень выдающееся явленіе на русскомъ умственномъ горизонтѣ. Бѣлинскій въ теченіе 14 лѣтъ разбрасывалъ блестящіе, отливавшіе то тѣмъ, то другимъ оттѣнкомъ лучи своей трепетно пылавшей, страстной мысли. Звѣзда Милютина сразу же загорѣлась ровнымъ, яснымъ сіяніемъ въ 1847 г., когда автору политико-экономическихъ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» едва пошелъ двадцать первый годъ, но быстро потускнѣла и исчезла. Семь лѣтъ спустя, заработавшійся, больной, лично несчастный молодой человѣкъ уже покончилъ жизнь самоубійствомъ, оставивъ по себѣ репутацію серьезнаго и интереснаго профессора юридическихъ наукъ, но въ исторію русской общественной мысли войдя, лишь какъ авторъ только что упомянутыхъ статей, которыя всѣ появились въ продолженіе одного года, до наступленія ужасной реакціи 1848 г. *). Мы разумѣемъ его этюды о «Пролетаріяхъ и пауперизмѣ», состоящіе изъ четырехъ статей, помѣщенныхъ въ т. L и LI «От. Записокъ»; два большихъ разбора книги Ал. Бутовскаго «Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи»,—тоже состоящіе изъ нѣсколькихъ статей, напечатанныхъ въ отдѣлѣ «критики» этихъ двухъ соперничавшихъ тогда между собой прогрессивныхъ журналовъ, а именно въ т. LV «От. Записокъ» и въ т. V и VI «Современника»; наконецъ, состоящую изъ двухъ большихъ статей, помѣщенныхъ въ т. IV и V «Современника», работу «Мальтусъ и его противники. Обзоръ различныхъ мнѣній объ отношеніяхъ производительности къ развитію народонаселенія».

Милютинъ по своимъ взглядамъ могъ бы быть зачисленнымъ въ ряды современныхъ катедеръ соціалистовъ, или, какъ они сами почти всегда называютъ себя, приверженцевъ «индуктивно-исторической, этической школы». Но такъ какъ онъ высказывалъ эти взгляды самостоятельно шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и при томъ въ Россіи, гдѣ соціализмъ былъ тогда большой новинкой; такъ какъ и среди катедеръ-соціалистовъ нашихъ дней онъ по своимъ воззрѣніямъ стоялъ бы на самомъ лѣвомъ крылѣ, то въ нашихъ этюдахъ Милютинъ долженъ по праву занять свое мѣсто въ качествѣ одного изъ предшественниковъ настоящаго соціализма.

---

*) Краткую біографію Милютина съ довольно длинными выписками изъ его статей, но безъ надлежащей оцѣнки Милютина, какъ экономиста, см. у г. Скабичевскаго, *Сочиненія. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики*; Спб., 1890, т. I, стр. 482—499.

Тѣмъ болѣе, что, вдумываясь въ характеръ нѣкоторыхъ его статей, мы можемъ предположить съ большою степенью вѣроятности, что онѣ должны были болѣе или менѣе непосредственно повліять на молодого Чернышевскаго, который въ то время студентомъ посѣщалъ радикальные кружки, близкіе къ Петрашевскому, гдѣ, конечно, интересовались всѣмъ, имѣвшимъ отношеніе къ соціализму. Въ частности, взгляды Чернышевскаго на противорѣчивый характеръ движенія доходовъ, получаемыхъ различными классами въ современномъ обществѣ, а также нѣкоторыя его возраженія противъ теоріи Мальтуса и т. п. отражаютъ, какъ намъ кажется, впечатлѣнія, полученныя отъ чтенія свѣжихъ и мыслебудящихъ статей Милютина.

Этотъ двадцатилѣтній юноша поражаетъ своими знаніями. Ему хорошо знакомы не только трактаты главнѣйшихъ теоретиковъ политической экономіи, Адама Смита, Рикардо, Мальтуса, Сэя, Сисмонди. Онъ изучалъ и второстепенныхъ, и третьестепенныхъ экономистовъ, если они казались ему чѣмъ-нибудь интересными, напр., «Христіанскую политическую экономію» виконта де-Вилльнёва-Баржемона, или авторовъ, работавшихъ надъ нѣкоторыми спеціальными сторонами современнаго хозяйственнаго строя, въ родѣ д-ра Юра,—или Уре (Ure), какъ принято называть его у насъ,—написавшаго «Философію мануфактуръ», или Лемонтэ, изслѣдовавшаго раздѣленіе труда. Но Милютинъ штудировалъ не однихъ экономистовъ, а и соціалистовъ: Сэнъ-Симона, Оуэна, Фурье, Луи-Блана, Видаля, которыхъ если онъ сравнительно рѣдко цитируетъ прямо,—что, вѣроятно, объяснялось тогдашними цензурными условіями,—то главныя положенія которыхъ онъ резюмируетъ столь опредѣленно, что не оставляетъ никакого сомнѣнія, о комъ идетъ рѣчь. Но Милютина привлекаютъ не однѣ экономическія или соціалистическія теоріи: онъ изучаетъ статистическія и описательно-бытовыя сочиненія, бросающія свѣтъ на положеніе трудящихся массъ въ современномъ обществѣ. Такъ, ему хорошо извѣстно замѣчательное для своего времени сочиненіе Эженя Бюре «О нищетѣ рабочихъ классовъ въ Англіи и во Франціи», въ которомъ авторъ, сильно пропитанный соціалистическими тенденціями, развертываетъ поразительную картину лишеній и страданій непосредственныхъ производителей по обѣ стороны Ламанша. Ему извѣстны работы Виллермэ. Ему извѣстна книга де-Бомона объ Ирландіи. Онъ цитируетъ даже отчеты англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ (хотя скорѣй всего изъ вторыхъ рукъ), при чемъ читатель поражается почти тѣми самыми же фактами невѣжества и одичанія англійскаго пролетаріата, которые находятся въ инспекторскихъ отчетахъ, приводимыхъ въ «Капиталѣ» Маркса. Наконецъ,—вещь, рѣдкая по тому времени!—Милютинъ изучалъ Огюста Конта и пытался ввести положительный методъ въ политическую экономію.

Сильнѣе всего на Милютинѣ чувствуется воздѣйствіе Симонда-де-Сисмонди, особенно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вліяніи крупной промышленности и машинъ на рабочее населеніе, о причинахъ кризисовъ, о необезпеченности громадной части трудящихся въ странахъ съ развитой индустріей, объ отсутствіи солидарности между капиталомъ и трудомъ. Но онъ не застываетъ на томъ, если я позволю себѣ такъ выразиться, крикѣ гуманнаго отчаянія, который вырывается изъ груди автора «Новыхъ началъ». Сисмонди констатируетъ крайне ненормальное распредѣленіе плодовъ труда, но считаетъ выше силъ человѣческихъ» созданіе формы собственности, совершенно отличной отъ той, какая до сихъ поръ извѣстна намъ по опыту, и высказываетъ, вмѣсто какихъ бы то ни было плановъ положительной реформы, лишь горячія пожеланія, чтобы земледѣліе и промышленность велись при помощи многочисленныхъ небольшихъ и среднихъ хозяйствъ, а не крупныхъ капиталистическихъ предпріятій и т. п. *). Милютинъ же вѣритъ въ возможность болѣе раціональной «организаціи труда», опирающейся на трезвое пониманіе условій производства. Не считая этотъ вопросъ рѣшеннымъ той или иной системой, предлагаемой различными школами соціалистовъ, онъ, однако, согласенъ съ ними въ разныхъ пунктахъ преобразовательной программы, а не «только въ томъ одномъ»,—какъ говоритъ тотъ же Сисмонди по отношенію къ «Оуэну, Томпсону, Фурнье (sic! вмѣсто Фурье. Н. Р.) и Мюирону»,—что желательна, молъ, «ассоціація» между участниками въ производствѣ вмѣсто взаимной «оппозиціи» (Ibid.).

Прежде всего русской читающей публикѣ было крайне полезно знать настоящій характеръ европейской цивилизаціи въ ея основныхъ жизненныхъ задачахъ, подъ экономическимъ угломъ зрѣнія, въ противоположность черезчуръ огульному восхищенію ею со стороны нашихъ западниковъ и не менѣе огульному отверженію со стороны славянофиловъ. И вотъ Милютинъ очень ясно и энергично рисуетъ антагонистичный строй капиталистическихъ обществъ, гдѣ существуетъ настоящая полярность богатства и нищеты, вырабатываемыхъ одновременно на двухъ концахъ общественной баттареи самымъ процессомъ производства и представляющихъ поэтому собой не природныя, а соціальныя явленія: «Въ обществахъ, менѣе развитыхъ, есть бѣдность, но нѣтъ нищеты... Нищета, какъ бѣдность сознательная, сопровождаемая страданіями физическими и нравственными, есть послѣдствіе цивилизаціи, удѣлъ обществъ развитыхъ» (*Пролетаріи и пауперизмъ въ Англіи и во Франціи*; «От. Зап.», 1847, т. L, отд. II. стр. 8). И Милютинъ объясняетъ, откуда это проистекаетъ: «Свобода промышленности поставляетъ

*) См. J.-C.-L. Simonde de Sismondi, *Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population*; Парижъ, 1827, 2-е изд., т. II, стр. 364, 365 и слѣд.

трудъ въ самое невыгодное отношеніе къ капиталу; она имѣетъ самое вредное вліяніе на *распредѣленіе* производимыхъ богатствъ... Она постоянно увеличиваетъ долю капиталистовъ и постоянно уменьшаетъ долю работниковъ. Первымъ она доставляетъ роскошь, наслажденіе и могущество; вторыхъ надѣляетъ бѣдностью, страданіями и униженіями»... Интересы капиталистовъ не только не тожественны съ интересами работниковъ, но прямо противоположны имъ... Интересъ капиталиста состоитъ въ томъ, чтобы уменьшать плату за трудъ, между тѣмъ какъ увеличеніе этой платы составляетъ необходимое условіе для улучшенія судьбы работника. Отъ этой противоположности интересовъ происходитъ недовѣрчивость и вражда между двумя классами производителей» (стр. 12). Съ другой стороны, «общественная власть оставляетъ слабыхъ безъ всякой защиты и сама передаетъ ихъ въ жертву сильнѣйшимъ» (стр. 13). Результаты понятны: «Такая свобода прямо ведетъ къ угнетенію и, дѣйствительно, пользуясь такой свободой, ему предоставленной, капиталъ въ настоящее время давитъ трудъ, доводитъ его до послѣдней крайности, обращается съ нимъ совершенно такъ же, какъ обращались нѣкогда феодальные бароны съ своими беззащитными вассалами» (стр. 14).

Въ современномъ обществѣ,—продолжаетъ Милютинъ,—самъ промышленный прогрессъ ухудшаетъ положеніе громаднаго большинства населенія: «Раздѣленіе работъ и изобрѣтеніе машинъ, уменьшая значеніе труда, должны необходимо вести къ пониженію заработной платы... Они усиливаютъ и питаютъ между работниками пагубную конкуренцію, предметъ которой составляютъ занятія не трудныя, не требующія никакого предварительнаго подготовленія. Для того, чтобы быть работникомъ, не требуется почти никакихъ условій; а потому каждый можетъ вступить на это поприще» (стр. 23). «...При нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ европейскихъ обществъ, чѣмъ дѣятельнѣе является производительность, тѣмъ незначительнѣе и ничтожнѣе становится участіе рабочихъ классовъ въ распредѣленіи производимыхъ богатствъ» (стр. 25).

Милютинъ указываетъ на то, что, благодаря конкуренціи рабочихъ, теперь «не только задѣльная плата не соразмѣряется съ потребностями, но, напротивъ, потребности измѣняются и уменьшаются съ измѣненіемъ и уменьшеніемъ платы» (стр. 26). И эту мысль мы не можемъ не признать для своего времени замѣчательной, особенно если вспомнимъ, что гораздо позже, въ 60-хъ годахъ, Лассаль еще придавалъ такое значеніе «желѣзному закону» Рикардо. Высказавъ это соображеніе, Милютинъ естественно приходитъ къ вскрытію смысла кризисовъ, которые именно и происходятъ потому, что нищенски удовлетворяемыя потребности рабочихъ не въ состояніи обезпечить достаточнаго сбыта всѣмъ производимымъ ихъ же руками продуктамъ, при томъ въ условіяхъ свобод-

ной конкуренціи между капиталистами, старающимися выбросить на рынокъ возможно большее количество товаровъ. А кризисы въ свою очередь еще болѣе обостряютъ тяжелое положеніе трудящихся: «Не проходитъ почти ни одного года безъ какого-нибудь кризиса въ промышленности. Эти кризисы, при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, сдѣлались явленіемъ періодическимъ, неизбѣжнымъ и необходимымъ; и нельзя не сознаться, что они принадлежатъ къ числу тѣхъ причинъ нищеты, которыя дѣйствуютъ съ наибольшей силой и съ наиболѣе вредными послѣдствіями» (стр. 36).

Читатель уже видитъ, съ какой ясностью, послѣдовательностью и спокойной элегантностью развивается мысль Милютина, знакомившая русскую публику 40-хъ годовъ, дѣйствительно, съ послѣдними результатами критической работы Запада въ области народной экономіи. Для того, чтобы живо представить себѣ всю свѣжесть этихъ взглядовъ, читатель долженъ былъ бы познакомиться самъ въ подлинникѣ съ совокупностью идей, бросавшихся въ обращеніе Милютинымъ. Мы же по необходимости должны ограничиться немногимъ, стараясь установить здѣсь не столько то, *что* писалъ въ частности, сколько *какъ* писалъ вообще этотъ замѣчательный юноша. Насъ интересуютъ здѣсь въ гораздо меньшей степени тѣ или другіе отдѣльные выводы, которые давалъ въ пищу публикѣ русскій экономистъ, чѣмъ методъ, чѣмъ направленіе его изслѣдованій. Вотъ почему мы приведемъ здѣсь изъ этой же статьи еще одну цитату, которая, такъ сказать, подводитъ итоги всей предшествующей критикѣ, заключающейся въ этюдахъ о «Пролетаріахъ и пауперизмѣ». А именно: ...«Если мы, указывая на благодѣтельное и вредное вліяніе машинъ, встрѣчаемся и на этомъ пути съ противорѣчіемъ между послѣдствіями одного и того же начала, то причины этого противорѣчія и тутъ,—точно такъ же, какъ и при другихъ экономическихъ вопросахъ,—должно искать не въ самомъ изобрѣтеніи машинъ, а въ томъ, что эти ...усовершенствованныя орудія производства, сосредоточиваясь въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, даютъ имъ средство угнетать населеніе рабочее, живущее физическимъ трудомъ своимъ. Причины противорѣчія, однимъ словомъ, должно искать въ томъ же самомъ недостаткѣ современной экономической организаціи, на который мы уже указывали нѣсколько разъ,... въ отсутствіи всякой связи, всякой общности интересовъ между капиталомъ и трудомъ... Нынѣ въ индустріальной арміи... остались два сословія, отдѣленныя другъ отъ друга пропастью: съ одной стороны, нѣсколько богачей, съ другой—множество пролетаріевъ, которые находятся въ полной зависимости отъ капиталистовъ и никогда не могутъ проникнуть въ эту неприступную для нихъ касту» (стр. 47—48, passim).

На этой аргументаціи чувствуется уже вліяніе не одного Сисмонди. Тутъ словно прошелъ уже Прудонъ съ своей «Системой экономическихъ противорѣчій»,—хотя эта книга появилась тогда

совсѣмъ недавно и, повидимому, не была еще изучена Милютинымъ, яркость мысли котораго именно въ приведенной цитатѣ достигаетъ максимума. Мы бы даже сказали, что здѣсь предвосхищается Марксъ, если бы не нѣкоторыя, пропущенныя нами въ выпискѣ для краткости мѣста, въ которыхъ выражаются Милютинымъ платоническія сожалѣнія насчетъ исчезновенія промежуточнаго «полезнаго» класса мелкихъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, занимающихъ «середину между богатыми капиталистами и бѣдными поденщиками».

Но Милютинъ—не Марксъ и даже не чистокровный соціалистъ. И здѣсь лежитъ предѣлъ, за который не переступаетъ его свѣтлая, столь сильная въ области критики капиталистическаго общества мысль. Когда дѣло доходитъ до того, чтобы сдѣлать рѣшительный шагъ и высказаться за общественную организацію труда, Милютинъ останавливается, колеблется и частными отвѣтами на нѣкоторыя стороны гигантскаго соціальнаго вопроса думаетъ затушевать то отсутствіе общаго положительнаго идеала, которое не могло, конечно, не ощущаться внимательными и сочувствующими автору читателями милютинскихъ статей. Попутно онъ дѣлаетъ нѣкоторыя очень удачныя частныя замѣчанія. Онъ не останавливается даже передъ критикой одного фантастичнаго плана, предложеннаго для ослабленія пауперизма оказавшимъ на Милютина въ общемъ столь сильное вліяніе Сисмонди (послѣдній, какъ извѣстно, мечталъ при сохраненіи современнаго капитализма объ обязательствѣ для каждаго предпринимателя заботиться о своихъ рабочихъ въ теченіе всей ихъ жизни, нести извѣстный налогъ въ пользу нуждающихся и т. д.). Самъ Милютинъ, по поводу реформы аграрныхъ отношеній, рекомендуетъ примѣненіе принципа ассоціаціи, который далъ бы возможность мелкимъ собственникамъ, соединяющимся въ одно, обработывать получившійся такимъ образомъ большой участокъ усовершенствованными техническими способами. Но все это, повторяемъ, только частные отвѣты и разрозненныя рѣшенія.

Вмѣсто какого бы то ни было общаго отвѣта, Милютинъ ограничивается выраженіемъ общаго сочувствія «новой, такъ называемой, общественной (соціальной) школѣ» и становится къ ней въ позицію выжидательнаго, благожелательнаго нейтралитета, ссылаясь на то, что «догматическая часть современной науки столько же неудовлетворительна, какъ успѣшна ея часть критическая и полемическая» (статья 4-я и послѣдняя; «От. Зап.» т. LI, стр. 156). Охарактеризовавъ нѣсколькими краткими, но достаточно рельефными словами каждое изъ главныхъ направленій тогдашняго соціализма,—такъ что мало-мальски свѣдущій читатель сейчасъ же видитъ, что дѣло идетъ о системахъ Сэнъ-Симона, Фурье, Луи-Блана, хотя авторъ, опять таки, вѣроятно, по цензурнымъ условіямъ, не ставитъ собственныхъ именъ,—Милютинъ заканчиваетъ

свой этюдъ о «Пролетаріяхъ и пауперизмѣ» приглашеніемъ не «отвѣчать насмѣшкой» на возможныя преувеличенія соціалистовъ, но «поощрять» эти «благородныя стремленія», эти «усилія, потому что въ нихъ заключается вѣрный залогъ для будущаго усовершенствованія науки и для исцѣленія тѣхъ язвъ, отъ которыхъ страдаютъ современныя общества на Западѣ». Послѣднее имѣетъ тѣмъ болѣе значенія для Милютина, что еще въ самомъ началѣ своихъ этюдовъ онъ съ большимъ тактомъ предостерегалъ русскихъ читателей отъ того славянофильскаго взгляда, согласно которому Западъ устарѣлъ и гніетъ, ибо, молъ, тамъ общество раздирается внутренними противорѣчіями. Онъ билъ въ забрало этимъ высокомѣрнымъ судьямъ европейской цивилизаціи: «эта борьба интересовъ есть признакъ не распаденія, а жизни... И можно ли назвать устарѣлымъ то общество, которое сознаетъ въ себѣ несправедливость и силится побѣдить ее?».

Анализомъ этой первой и, по нашему мнѣнію, лучшей работы Милютина мы и могли бы собственно закончить литературную оцѣнку этого представителя гуманной экономической школы, обладавшаго, однако, такой широтой и для своего времени свѣжестью мысли, что не упомянуть его было бы невозможно въ исторіи русскаго соціализма 40-хъ годовъ. Но намъ представляется полезнымъ отмѣтить еще одну-двѣ интересныхъ мысли въ другихъ статьяхъ Милютина.

Мысль первая: въ своемъ разборѣ книги Бутовскаго, помѣщенномъ въ «От. Зап.», Милютинъ, жестоко и умно обличая «экономистовъ»,—которые «выдаютъ всѣ открытыя ими правила, по большей части временныя, случайныя, за законы общіе и постоянные»,—критикуетъ также и «соціалистовъ». Но критика эта, сдержанная и серьезная, подчеркиваетъ недостатки тогдашнихъ соціалистическихъ школъ съ такой любопытной точки зрѣнія, что заслуживаетъ того, чтобы читатель познакомился съ ней. А именно, Милютинъ упрекаетъ соціалистовъ своего времени въ томъ, что «политическая экономія въ ихъ глазахъ есть наука чисто-юридическая, опредѣляющая взаимныя права и обязанности общества и его членовъ въ отношеніи къ ихъ матеріальнымъ интересамъ»; и что, по ихъ мнѣнію, «основная идея ея—идея права, изъ которой должны быть выведены рѣшенія всѣхъ общественныхъ и экономическихъ вопросовъ». Вмѣсто того, чтобы изучать «существованіе тѣхъ неизмѣнныхъ законовъ, которымъ безусловно подчиняется дѣятельность отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ обществъ», соціалисты, «наперекоръ экономистамъ, признающимъ все существующее разумнымъ, признаютъ обыкновенно справедливое за единственный критеріумъ возможнаго» («От. Зап.», 1847, т. LV, стр. 16). Такимъ образомъ, Милютинъ становится здѣсь приблизительно на ту точку зрѣнія, на которую сталъ Марксъ, противопоставляя рѣшенію соціальнаго вопроса ссылками на «справедли-

вость» рѣшеніе его путемъ изученія «неизмѣнныхъ законовъ» (неизмѣнныхъ, конечно, отнюдь не въ буржуазномъ смыслѣ) общественной эволюціи, ведущей къ торжеству соціалистическихъ идеаловъ на почвѣ соціальной дѣйствительности. Такое приближеніе къ реалистической точкѣ зрѣнія современнаго соціализма должно быть, конечно, сугубо отмѣчено у русскаго политико-эконома 40-хъ годовъ.

Мысль вторая: въ своей критикѣ Мальтуса, появившейся въ «Современникѣ», Милютинъ мастерски разобралъ на примѣрѣ автора «Опыта о народонаселеніи» уже указанную имъ въ другихъ мѣстахъ тенденцію экономистовъ «принимать обусловленные временемъ факты, существовавшіе только въ моментъ ихъ изслѣдованій, за выраженіе общихъ и постоянныхъ законовъ, всегда существующихъ и дѣйствующихъ» (*Мальтусъ и его противники*; «Современникъ», 1847, т. V, отд. II, ст. вторая и посл., стр. 50). Милютинъ съ большой проницательностью замѣчаетъ, что Мальтусъ, вмѣсто того, чтобы изучать «свойства экономической организаціи различныхъ обществъ» въ ихъ неодинаковомъ вліяніи на «равновѣсіе» между «успѣхами народонаселенія» и «успѣхами народнаго хозяйства», разъ навсегда призналъ за основныя причины человѣческихъ дѣйствій неизмѣнные будто бы «законы природы и страсти людей» (стр. 53). Между тѣмъ какъ, изслѣдуя болѣе внимательно соціальныя отношенія, онъ долженъ былъ бы придти къ заключенію, что установленный имъ законъ перевѣса населенія надъ средствами существованія не только не есть общій законъ; но что въ современномъ обществѣ какъ разъ ростъ производительности труда, забѣгая впередъ увеличенія числа производителей, и является главной причиной всѣхъ золъ. Ибо «раздѣленіе труда, машины, конкуренція, монета, кредитъ и пр. должны необходимо, вмѣстѣ съ увеличеніемъ цѣлой массы продуктовъ, составляющихъ народное богатство, содѣйствовать постоянно уменьшенію той степени благосостоянія, которая составляетъ удѣлъ низшихъ классовъ общества, живущихъ своимъ трудомъ и не имѣющихъ ни капитала, ни земли» (стр. 73).

На этой цитатѣ изъ любопытнаго разбора Мальтуса, подготовлявшаго критику Чернышевскаго, мы и можемъ покончить съ Милютинымъ, котораго въ извѣстномъ смыслѣ мы можемъ назвать съ такимъ же правомъ «катедеръ-соціалистомъ до катедеръ-соціализма», съ какимъ Герценъ называлъ Пестеля «соціалистомъ до соціализма».

Н. С. Русановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ШАРЛО ДЮПОНЪ.

Германа Банга.

Переводъ А. Кривинской.

Ему было семь лѣтъ, когда на благотворительномъ концертѣ въ Трокадеро его, одѣтаго въ бархатную блузочку съ кружевами, впервые вывели на эстраду.

Мальчуганъ имѣлъ успѣхъ; онъ едва могъ держать въ рукахъ скрипку.

По исполненіи „Портного-Какаду", онъ былъ награжденъ поцѣлуями всего комитета.

На слѣдующій день за нимъ прислалъ господинъ Теодоръ Францъ. Великій импрессаріо пожелалъ его видѣть.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ самъ сопровождалъ къ нему сына. Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ былъ чрезвычайно взволнованъ. Онъ понималъ, что наступилъ рѣшающій моментъ.

Господинъ Теодоръ Францъ сидѣлъ въ своей частной конторѣ, въ своей излюбленной позѣ — Наполеона послѣ битвы при Лейпцигѣ.

Когда господинъ Теодоръ Францъ сидѣлъ въ этой позѣ, съ нимъ не говорили, а только ждали. Извѣстно было, что онъ сидитъ и покоряетъ міръ,—и ему не мѣшали.

Лѣтъ десять тому назадъ, сама Аделина Патти сидѣла здѣсь цѣлыхъ десять минутъ и ждала.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ терпѣливо сидѣлъ и даже не крутилъ при этомъ своихъ усовъ.

Курчавый мальчуганъ чувствовалъ серьезность момента и тихонько сосалъ свой палецъ.

Глубокая тишина царила въ частной конторѣ господина Теодора Франца, со стѣнъ которой глядѣли фотографіи міровыхъ знаменитостей.

— Итакъ, какъ его зовутъ?

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ вздрогнулъ.

Когда господинъ Теодоръ Францъ говорилъ, его голосъ звучалъ съ такой силой, что могъ бы заглушить эраровскій рояль. Люди, слышавшіе его въ первый разъ, всегда вздрагивали, какъ вздрогнулъ теперь и господинъ де ласъ Форесасъ. Господинъ Теодоръ Францъ зналъ это, но онъ находилъ цѣлесообразнымъ заставлять людей вздрагивать.

— Итакъ, какъ его зовутъ?

Господинъ де ласъ Форесасъ пролепеталъ:

— Карлосъ де ласъ Форесасъ.

— Гм,—и откуда родомъ? — Господинъ Теодоръ Францъ сдѣлалъ едва замѣтное движеніе рукой, означавшее, что господинъ де ласъ Форесасъ можетъ сѣсть.

— Благодарю. — Возможность сѣсть была облегченіемъ для господина Эммануэло де ласъ Форесасъ. Онъ помѣстилъ курчаваго мальчугана у себя между колѣнъ и принялся говорить.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ ораторствовалъ весьма охотно.

Онъ изъ Чили. Могло, пожалуй, показаться страннымъ, что испанскій грандъ поселился въ Чили. Но господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ сдѣлалъ это. Причиной этому было возстаніе. Это возстаніе составляло тайну въ жизни господина де ласъ Форесасъ. Оно произошло въ Мексикѣ. Какое отношеніе имѣло это къ Испаніи — никому не было извѣстно.

Да и вообще, когда господинъ де ласъ Форесасъ разсказывалъ свою исторію, всегда наступалъ такой моментъ, когда не легко было за нимъ услѣдить. Это происходило оттого, что онъ съ удивительной легкостью носился между обѣими частями свѣта. Никогда нельзя было понять, по какую сторону океана онъ въ данную минуту находится. И, совершенно неожиданно, онъ заканчивалъ свою исторію на Канарскихъ островахъ.

Онъ уже добрался до этихъ острововъ, когда господинъ Теодоръ Францъ сдѣлалъ движеніе рукою:

— Хорошо,—онъ будетъ родомъ изъ Прованса.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ вздрогнулъ:

— Изъ Прованса?

— Да, милостивый государь, изъ Прованса.

Господинъ Теодоръ Францъ поднялся съ мѣста.

— Публика знать не хочетъ ничего экзотическаго, милостивый государь, публика не вѣритъ въ дворянство на подмосткахъ, милостивый государь, публика сыта по горло всяческими выдумками. Публика требуетъ солидности,—публика не желаетъ, чтобы её морочили.

Господинъ Теодоръ Францъ выкрикивалъ каждую фразу

точно команду. Слово „публика“ звучало, какъ трубный звукъ.

— Публикѣ это надоѣло. Публика требуетъ положительности. Публика не желаетъ, чтобы ее оглушали, милостивый государь.

Господинъ Теодоръ Францъ весь вспотѣлъ. Разумные взгляды публики доводили его до восторга.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ кивалъ головой на каждую фразу.

Господинъ Теодоръ Францъ разглядывалъ курчаваго ребенка.

— Ему семь лѣтъ?

— Только что минуло.

— Мы скажемъ: шесть. Онъ можетъ сойти за шестилѣтняго.— Господинъ Теодоръ Францъ наклонился: — Это что такое?— онъ указалъ на брилліантовую запонку, цѣною въ десять франковъ, украшавшую воротникъ Карлоса де ласъ Форесасъ:—Уберите прочь.

— Это фамильная драгоцѣнность! — воскликнулъ господинъ де ласъ Форесасъ.

— Милостивый государь! — голосъ господина Теодора Франца могъ-бы поспорить съ цѣлымъ оркестромъ: — публика не вѣритъ въ фамильныя драгоцѣнности.

Господинъ де ласъ Форесасъ вынулъ запонку изъ воротника.

— Теперь къ дѣлу, — къ искусству. Какъ великъ его репертуаръ?

— Три номера.

— И „Портной-Какаду“!—сказалъ курчавый ребенокъ.

— Хорошо, сударь, я составлю условіе. Вы будете извѣщены.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ и курчавый мальчикъ ушли.

Господинъ Теодоръ Францъ усѣлся за свой письменный столъ. Онъ сидѣлъ и грызъ себѣ ногти. Господинъ Теодоръ Францъ часто грызъ ногти, когда обдумывалъ серьезныя дѣла.

День этотъ былъ послѣднимъ изъ дней, въ которые семейство происходило еще изъ Чили. Господинъ Теодоръ Францъ потерялъ довѣріе къ трагическому. Публика уже пресытилась всяческими сенсаціями. Теперь господинъ Теодоръ Францъ пропагандировалъ одну идиллію. Всѣ его артисты происходили изъ буржуазныхъ семействъ. Его величайшимъ успѣхомъ была американка, которую онъ на-

шелъ въ какой-то церкви и которая никогда не выступала въ театрѣ, такъ какъ это противорѣчило ея религіознымъ убѣжденіямъ. Онъ умѣлъ растрогать сердца въ обѣихъ частяхъ свѣта, когда по воскресеньямъ ѣздилъ съ нею въ церковь.

Вечеромъ господинъ Теодоръ Францъ сообщилъ газетамъ, что маленькій чудо-скрипачъ беретъ въ настоящее время уроки у профессора Динелли.

— Какъ извѣстно, маленькій феноменъ родомъ изъ Прованса и происходитъ изъ уважаемой орлеанистской чиновничьей семьи Дюпонъ.

За симъ слѣдовалъ длинный перечень всевозможныхъ гражданскихъ добродѣтелей.

Этотъ маленькій феноменъ пришелся господину Теодору Францу какъ нельзя болѣе кстати.

На слѣдующій день онъ сдѣлалъ визитъ семейству де ласъ Форесасъ. Онъ желалъ судить о томъ, что можно имъ предложить. Ему пришлось подняться въ пятый этажъ. Пальто и накидки, висѣвшія въ прихожей, были изношены, особенно много было дѣтскихъ вещей, пріобрѣтенныхъ, повидимому, въ магазинѣ готоваго платья.

Онъ дожидался въ холодной гостиной, гдѣ пахло кухней.

Господинъ Теодоръ Францъ предложилъ по восемьсотъ франковъ въ мѣсяцъ въ теченіе полугода. Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ потребовалъ половину впередъ и подписалъ условіе.

Для Шарло былъ приглашенъ учитель, разучивавшій съ нимъ три номера. Господинъ Теодоръ Францъ присутствовалъ на урокахъ. Онъ замѣчалъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ Шарло фальшивилъ; въ такихъ мѣстахъ Шарло долженъ былъ улыбаться публикѣ.

Время перваго концерта приближалось; онъ долженъ былъ состояться въ Брюсселѣ.

Передъ самымъ отъѣздомъ господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ сдѣлалъ прощальный визитъ господину Теодору Францу.

Господинъ де ласъ Форесасъ обладалъ гибкой натурой: онъ былъ теперь совершенный орлеанистъ, съ нѣсколько военной осанкой и сѣдыми усами; въ рукахъ онъ держалъ палку съ золотымъ набалдашникомъ.

— Милостивый государь, — сказалъ ему господинъ Теодоръ Францъ, — почему вы не носите траура?

— Траура?

— Да, вѣдь я читалъ, что Шарло лишился матери.

Когда господинъ Дюпонъ уѣзжалъ, у него на шляпѣ былъ крепъ. Господинъ Теодоръ Францъ сдѣлалъ Шарло

подарокъ. Это былъ обручъ съ его вензелемъ; Шарло взялъ обручъ съ собою въ вагонъ.

Господинъ Теодоръ Францъ остался въ Парижѣ. Онъ сдѣлалъ это принципіально. Онъ всегда оставался въ тѣни.

— Импрессаріо возбуждаетъ подозрительность прессы, милостивый государь,—сказалъ онъ господину де ласъ Форесасъ.—Господа журналисты думаютъ, что мы являемся съ одними шарлатанскими выдумками. Господа журналисты ужасно недовѣрчивы.

Но на слѣдующій день послѣ перваго концерта онъ получилъ телеграмму, вызывавшую его въ Брюссель. Онъ выждалъ еще день, просмотрѣлъ брюссельскія газеты и поѣхалъ.

Маленькій чудо-скрипачъ Шарло Дюпонъ почти провалился.

Господинъ де ласъ Форесасъ встрѣтилъ его на вокзалѣ; видъ у него былъ очень робкій и смущенно-меланхоличный.

— Чего можно требовать отъ ребенка?—сказалъ онъ.— Чего собственно они хотятъ? Не можетъ-же онъ играть, какъ Саразате.

— Молчите, сударь, онъ игралъ, какъ оселъ.

Шарло былъ совершенно запуганъ. Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ высѣкъ его такъ, что вся спина у него была покрыта желтыми и зелеными полосами. Онъ искоса поглядывалъ на господина Теодора Франца и ожидалъ новой порки. Но господинъ Теодоръ Францъ распаковалъ цѣлый ворохъ парижскихъ игрушекъ и разложилъ ихъ по всей комнатѣ. Шарло понялъ, что здѣсь и рѣчи нѣтъ о поркѣ.

Господинъ Теодоръ Францъ нашелъ новаго учителя и снова началось разучиваніе трехъ номеровъ. Они играли часъ за часомъ, пока Шарло почти что лишился чувствъ. Господинъ Теодоръ Францъ училъ его сопровождать игру множествомъ улыбокъ и ребяческихъ жестовъ.

Шарло стоялъ въ совершенномъ отупѣніи, игралъ, подражалъ, улыбался.

Въ концѣ концовъ, онъ начиналъ плакать.

Скрипка выпадала у него изъ рукъ, и онъ размазывалъ по щекамъ слезы.

— Такъ, теперь еще разъ!

— Я такъ усталъ,—плакалъ онъ.—Я не хочу больше!

— Еще только одинъ разъ—и тогда ты получишь конфектъ.

Шарло ревѣлъ.

— Я не хочу конфектъ,—говорилъ онъ.

— Ну, что-же ты хочешь, чтобы быть послушнымъ и сыграть еще разъ?

Шарло бросалъ на него взглядъ сквозь пальцы.

— Папиросъ,—говорилъ онъ.

— Ну, хорошо, играй-же.

— Три,—говорилъ Шарло.

— Хорошо, три!

Шарло отымалъ руки отъ лица.

— Покажите,—говорилъ онъ.

Господинъ Теодоръ Францъ клалъ на столъ три папиросы, и Шарло игралъ еще разъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: такъ онъ былъ утомленъ.

Въ два часа урокъ кончался, и господинъ Теодоръ Францъ самолично отправлялся съ Шарло гулять на бульваръ. Красивый обручъ они брали съ собою. Что касается Шарло, то его такъ и тянуло къ скамейкѣ; онъ чувствовалъ такую усталость, точно въ глазахъ у него былъ песокъ. Но господинъ Теодоръ Францъ до тѣхъ поръ подталкивалъ его, пока Шарло не оживлялся и не пускался бѣжать со своимъ обручемъ.

Господинъ Теодоръ Францъ ласково разговаривалъ со всѣми хорошо одѣтыми дѣтьми и угощалъ ихъ конфектами. Онъ устраивалъ также разныя игры. Въ тѣхъ случаяхъ, когда съ дѣтьми были ихъ матери, онъ заводилъ съ ними знакомство и представлялъ имъ Шарло, если могъ его найти. Обыкновенно Шарло скрывался, усаживался гдѣнибудь подъ деревомъ, и, весь скорчившись, засыпалъ, уткнувшись головою въ колѣни.

Тогда его будили пинками,—господинъ Теодоръ Францъ давалъ пинки такъ, что они чувствовались, прямо кулакомъ между лопатокъ—и не оставляли въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не вскакивалъ и не хватался за обручъ и хлыстикъ, лежавшіе подлѣ него на землѣ.

— Онъ у меня такой живой,—говорилъ господинъ Теодоръ Францъ,—настоящій сорванецъ!

Въ одинъ прекрасный день Шарло исчезъ безслѣдно. На бульварѣ его никакъ не могли найти.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ и господинъ Теодоръ Францъ искали въ перегонку.

Наконецъ, они нашли Шарло въ паркѣ, за каменнымъ постаментомъ. Онъ стоялъ тамъ, окруженный цѣлой толпой дѣтей, совалъ имъ въ ротъ папиросы и училъ ихъ пускать дымъ. Ребята строили отчаянныя гримасы и кашляли.

Наконецъ, вся эта забава надоѣла Шарло.

— Дурачье, — сказалъ онъ и съ гордымъ видомъ принялся самъ пускать въ воздухъ колечки.

Когда они возвратились домой, Шарло въ первый разъ получилъ порку отъ самого господина Франца.

Проучивъ три номера еще въ теченіе одной недѣли, чудо-скрипачъ былъ такъ любезенъ, что согласился сыграть нѣсколько пьесъ ученикамъ школы господина Рошбрюна. Господинъ Рошбрюнъ пригласилъ по этому поводу кое-кого изъ матерей и тетокъ своихъ учениковъ.

Шарло исполнилъ два номера и „Портного-Какаду". Никогда еще въ школѣ господина Рошбрюна не было такого восторга. Матери были растроганы. Шарло переходилъ съ рукъ на руки и его осыпали поцѣлуями. Потомъ дамы стояли у оконъ и смотрѣли, какъ онъ съ другими дѣтьми игралъ на школьномъ дворѣ въ пятнашки.

Въ газетахъ появились замѣтки. Нѣсколько другихъ школъ также пригласили чудо-скрипача.

Господинъ Теодоръ Францъ ѣздилъ съ нимъ ко всѣмъ критикамъ. Шарло сдѣлался удивительно сонливымъ ребенкомъ. Едва онъ садился въ экипажъ, какъ уже засыпалъ въ своемъ углу. А когда они пріѣзжали къ чужимъ людямъ—господинъ Теодоръ Францъ посѣщалъ людей въ ихъ семейномъ кругу, онъ любилъ семейную жизнь,—тогда Шарло стоялъ, зѣвая, подлѣ стула господина Франца, и отъ него едва можно было добиться односложныхъ „да" или „нѣтъ".

Однажды они были въ гостяхъ у господина Делонда. Господинъ Делондъ состоялъ корреспондентомъ „Таймса". Господинъ Теодоръ Францъ разсказывалъ въ полголоса— съ авторитетами и съ господами журналистами господинъ Теодоръ Францъ всегда говорилъ вполголоса—о своемъ другѣ Амбруазѣ Тома.

Въ сосѣдней комнатѣ распущенное потомство господина Деланда производило невообразимый шумъ. Едва можно было слышать свой собственный голосъ.

Господинъ Делондъ открылъ дверь и прикрикнулъ на дѣтей. Но черезъ двѣ секунды отчаянная возня была снова въ полномъ разгарѣ.

— Ахъ, прошу васъ, г. Делондъ, пусть они себѣ играютъ— голосъ господина Теодора Франца звучалъ съ такой мягкостью:—вѣдь дѣти не болѣе какъ дѣти.

Онъ взглянулъ на Шарло, который сидѣлъ на стулѣ и болталъ ногами.

— Шарло, тебѣ, навѣрное, позволятъ пойти туда и поиграть съ дѣтьми господина Делонда.—Разумѣется, ему это позволили

— Слышишь, Шарло, ты можешь пойти къ дѣтямъ господина Делонда и поиграть съ ними.

Шарло продолжалъ сидѣть и не трогался съ мѣста. Онъ обнаруживалъ полнѣйшее равнодушіе къ потомству критика Делонда.

Господинъ Теодоръ Францъ наклонился и, давъ ему пинка прямехенько между лопатокъ, сказалъ ласковымъ тономъ:—Не стѣсняйся, милый Шарло, вѣдь господинъ Делондъ говоритъ, что ты можешь пойти поиграть съ его дѣтьми.

Шарло слетѣлъ со стула и живо очутился въ сосѣдней комнатѣ.

Дѣти господина Делонда были рыжія и принялись, въ видѣ забавы, колоть чернаго мальчика булавками.

Господинъ Теодоръ Францъ и господинъ Делондъ стояли въ дверяхъ и радовались, глядя на дѣтей.

Это было за нѣсколько дней до второго концерта. Концертъ сопровождался большимъ торжествомъ; ученики Рошбрюновской школы имѣли даровые билеты и поднесли Шарло Дюпону огромный вѣнокъ. Онъ былъ сфотографированъ, окруженный этимъ вѣнкомъ, какъ рамой. Это былъ большой успѣхъ.

Послѣ третьяго концерта—программа, по желанію публики, оставалась все та же—господинъ Теодоръ Францъ повезъ Шарло въ Скандинавію. Тамъ маленькій феноменъ принялъ боевое крещеніе. Теперь передъ нимъ лежалъ открытый путь черезъ всю Европу. Въ теченіе двухъ лѣтъ они объѣздили весь музыкальный рынокъ. Доѣзжали до Баку.

Шарло Дюпонъ праздновалъ свой день рожденія каждый разъ, когда давалъ прощальный концертъ. И каждый разъ ему исполнялось семь лѣтъ.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ все еще носилъ крепъ на шляпѣ.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ былъ вообще очень доволенъ. Онъ получалъ много денегъ и могъ теперь возвратиться къ нѣкоторымъ слабостямъ своей молодости. Онъ былъ весьма неравнодушенъ къ блондинкамъ основательнаго тѣлосложенія и однажды сорвалъ банкъ въ Баденъ-Баденѣ. Онъ любилъ перекинуться въ картишки вечеромъ, послѣ концерта и повсюду въ Европѣ находилъ столь излюбленный имъ типъ увѣсистой блондинки.

Такъ прошло три года.

Большую часть времени всѣ трое проводили въ дорогѣ. Обыкновенно выѣзжали рано утромъ. Господинъ де ласъ Форесасъ запускалъ руку въ кудрявые волосы Шарло и

энергично ихъ дергалъ. Мальчикъ спалъ крѣпко и съ трудомъ боролся со сномъ. Чтобы разбудить его, господинъ де ласъ Форесасъ плескалъ ему въ лицо водою. Шарло плакалъ и, сидя на краю кровати, со слезами и жалобами натягивалъ чулки. Все его тѣло было точно налито свинцомъ.

Его одѣвали, и онъ, совершенно сонный, слонялся въ полутьмѣ между открытыхъ сундуковъ, укладываемыхъ съ безпорядочной поспѣшностью.

За полуостывшимъ чаемъ онъ снова засыпалъ съ чашкою въ рукахъ. Его опять расталкивали, и затѣмъ, стуча зубами и посинѣвъ отъ холода, все общество катило въ омнибусѣ на вокзалъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти сборы происходили вполнѣ мирно. Обыкновенно господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ и господинъ Теодоръ Францъ ссорились по утрамъ.

Шарло сворачивался въ клубокъ въ углу купэ и тотчасъ засыпалъ.

Когда Шарло просыпался, онъ видѣлъ отца и господина Теодора Франца лежавшими на диванахъ въ разстегнутыхъ одеждахъ. Господинъ Теодоръ Францъ всхрапывалъ.

Вагонъ подбрасывало изъ стороны въ сторону, локомотивъ катился все дальше со своимъ утомительнымъ шумомъ. Жара въ купэ нагоняла на Шарло сонливость; онъ чувствовалъ себя ужасно усталымъ, но не могъ спать.

Онъ ворочался съ боку на бокъ, равно утомленный лежаньемъ и сидѣньемъ.

Наконецъ, онъ становился на колѣни и принимался глядѣть въ окно. За окномъ было всегда одно и то же: деревья и дома, и поля. Единственно, что его занимало, это маленькія собачки. Ему всегда хотѣлось выйти на перронъ и приласкать ихъ.

Къ вечеру пріѣзжали въ назначенное мѣсто, и новые люди тащили ихъ сундуки.

Шарло выходилъ изъ вагона съ цѣлымъ ворохомъ игрушекъ въ рукахъ. Онъ нѣсколько оживлялся въ то время, когда спутники поглощали свой обѣдъ, и когда выряженный въ бархатный костюмчикъ онъ ѣхалъ давать концертъ.

Но по исполненіи первыхъ номеровъ, его возбужденіе падало, и тогда Шарло нерѣдко засыпалъ въ углу артистической. Когда ему снова надо было выходить, приходилось будить его.

Они ѣхали домой, ужинали, и за бутылкой вина господинъ Теодоръ Францъ и господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ нѣсколько возбуждались. Шарло также оживлялся въ теченіе вечера; ему давали коньяку съ лимонной водою. Онъ сидѣлъ съ раскраснѣвшимися щеками и слушалъ.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ умѣлъ поразсказать не мало хорошихъ исторій о роскошно сложенныхъ блондинкахъ обѣихъ частей свѣта.

У господина Теодора Франца также имѣлись свои воспоминанія. Шарло узнавалъ множество поучительныхъ вещей.

Они говорили также и о дѣлѣ.

Господинъ Теодоръ Францъ вытягивалъ передъ собою ноги и, засунувъ руки по карманамъ, пускался въ откровенности.

— Журналистовъ, сударь вы мой, угощать не зачѣмъ. Это величайшая глупость, какую только можно сдѣлать,— я никогда ихъ не угощаю. Угощеніе дѣлаетъ журналистовъ подозрительными, сударь.. Посѣщайте людей въ ихъ домахъ, сударь, ѣшьте жидкій супъ за семейнымъ столомъ, будьте непритязательны, сударь, пишите, какъ можно больше любезныхъ записочекъ, сударь. Въ этомъ тайна успѣха. Да— это вѣрный путь,—говорилъ господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ.

— Это всего дешевле! — говорилъ господинъ Теодоръ Францъ.

Господинъ де ласъ Форесасъ утвердительно кивалъ головой.

— Миссъ Тисбейрсъ не стоила мнѣ ни единой бутылки бордо. Она была религіозна, она не пила спиртныхъ напитковъ, мы всѣ пили воду. Подъ конецъ, она зарабатывала по пяти тысячъ франковъ въ вечеръ. Вы ее слышали?

— Да.

— Ну, такъ мнѣ не зачѣмъ разсказывать вамъ о ея голосѣ.

— Цвѣты,—всѣ эти цвѣточныя подношенія — ерунда. Публика не вѣритъ болѣе въ цвѣты. Идіоты бросаютъ цвѣты. Миссъ Тисбейрсъ обошлась мнѣ въ двадцать шесть распятій по три франка штука, поднесенныхъ ей депутаціями на эстрадѣ. Это производитъ впечатлѣніе — распятіе, обвитое иммортелями, сударь. — Миссъ Тисбейрсъ плакала...

Они говорили о всевозможныхъ виртуозахъ и артистахъ. При этомъ господинъ де ласъ Форесасъ обыкновенно только поддакивалъ.

— Публика никогда не бываетъ экстравагантна, публика добродѣтельна, надо обращаться къ сердцу, къ чувству. Въ этомъ вся штука! При помощи одной лишь „Аве-Марія“ я заставилъ десять танцовщицъ бросить свою профессію и взяться за арфу...—Я берусь составить цѣлое со-

стояніе, только дайте мнѣ молодую женщину, играющую на арфѣ.

Что касается знаменитыхъ пѣвицъ, то господинъ Теодоръ Францъ не очень-то ихъ долюбливалъ. Онѣ буквально выводили его изъ себя.

— Это оскорбленіе,—говорилъ онъ,—оскорбленіе здравому человѣческому смыслу.

— Патти,—говорилъ онъ.—Патти, другъ мой—это шарлатанство! Патти раззорила своихъ импрессаріо. Я не могу сорить золотомъ, я хочу дѣла дѣлать,—двѣнадцать тысячъ франковъ за двѣ аріи—я называю это оскорбленіемъ. Создавайте новыя звѣзды; создавайте ихъ: я импрессаріо, сударь, а не погонщикъ слоновъ.

Шарло сидѣлъ какъ разъ напротивъ господина Теодора Франца и, положивъ руки на столъ, слушалъ.

Господинъ Теодоръ Францъ такъ и сыпалъ сотнями тысячъ—только звонъ стоялъ.

— Создавать звѣзды, создавать ихъ, да, въ этомъ искусство!..

Господинъ Теодоръ Францъ откидывался на спинку своего стула и оба собесѣдника пили нѣкоторое время молча. Шарло, не отрываясь, во всѣ глаза смотрѣлъ на господина Теодора Франца, погрузившагося въ раздумье на своемъ стулѣ.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ начиналъ впадать въ сонливое состояніе. Усы господина Эммануэло де ласъ Форесасъ уныло свисали внизъ, когда онъ становился соннымъ.

— Но этому скоро наступитъ конецъ,—такъ продолжаться болѣе не можетъ.—Всѣ хотятъ получать контромарки, ходятъ еще въ концерты только на контромарки. Развелось слишкомъ много міровыхъ знаменитостей, на каждомъ шагу натыкаешься на знаменитость, — слишкомъ много шарлатанства. Я сказалъ имъ это,—я сказалъ господамъ журналистамъ: господа, сказалъ я, вы убиваете искусство, господа. Вы пишете слишкомъ много фельетоновъ, господа, сказалъ я. Вы подымаете слишкомъ много шуму, господа... А какая отъ этого польза, какая польза? Они пишутъ столько, что у нихъ руки отнимаются.

У нихъ руки отнимаются, а они все-таки продолжаютъ писать. Они портятъ намъ все дѣло—они не дѣлаютъ никакой разницы. Всюду конкуренція, всѣ кричатъ, одинъ кричитъ громче другого—публика не въ силахъ разобрать ни одного тона.

Большія состоянія уже составлены, сударь мой. Черезъ

десять лѣтъ я не дамъ и сотни марокъ ни за какую знаменитость.

Господинъ Теодоръ Францъ умолкалъ. Руки его устало выскальзывали изъ кармановъ.

— Ни единой сотни марокъ.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ пугался внезапно наступавшей тишины и вдругъ замѣчалъ Шарло, который спалъ, положивъ голову на столъ.

— Шарло, ты еще не спишь! Шарло! — И какъ это мы могли позабыть о ребенкѣ!

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ совалъ его въ кровать. Онъ уже на половину спалъ, когда его раздѣвали.

Но вдругъ Шарло открывалъ глаза и охрипшимъ со сна голосомъ говорилъ:

— Отецъ, у насъ много денегъ?

— Денегъ?

— Да!

— Да-а, у насъ есть деньги!

— Ага!—и Шарло засыпалъ.

Въ послѣднее время Шарло сталъ часто спрашивать о деньгахъ.

Иногда они находились въ дорогѣ безъ господина Теодора Франца. Онъ уѣзжалъ впередъ. Тогда господинъ де ласъ Форесасъ и Шарло играли въ вагонѣ въ карты.

Они играли на марки. Золоченные кружёчки лежали вокругъ нихъ, на сидѣньяхъ.

Господинъ де ласъ Форесасъ разсказывалъ занимательныя исторіи. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ однажды сорвалъ банкъ въ Баденъ-Баденѣ.

— Въ тѣ времена, когда въ Баденъ-Баденѣ была еще рулетка.

Онъ разсказывалъ объ игорныхъ притонахъ въ Мексикѣ.—Тамъ еще можно было выиграть, надо было только не плошать.—Но господинъ де ласъ Форесасъ могъ съ правомъ сказать о себѣ, что онъ „не плошалъ“. Вотъ гдѣ можно было составить состояніе! Было изъ-за чего потрудиться!

Шарло слушалъ и внимательно слѣдилъ за картами и собиралъ подлѣ себя марки.

— А въ Жанейро,—въ Ріо-де-Жанейро—господинъ Эммонуэло де ласъ Форесасъ ронялъ карты изъ рукъ,—когда бывало къ утру все золото уже выйдетъ и на столѣ появляются брилліанты—цѣлыя сотни брилліантовъ.

Или въ Перу... А такое заведеніе, какъ Монако, покорно благодарю.

— Да, это еще имѣло смыслъ—необходимо было только умѣнье!

Но господинъ Эммануэло де-ласъ-Форесасъ могъ сказать о себѣ, что онъ многое умѣлъ въ свои молодые годы.

Да и теперь еще у него были отличные пальцы, чрезвычайно проворные пальцы.

Въ тѣ времена онъ хорошо продѣлывалъ одинъ фокусъ, въ которомъ играли роль булавка, скатерть и тонкая шелковинка, изъ подъ самаго носа утягивавшая у банкомета карту.

Этотъ самый фокусъ господинъ де ласъ Форесасъ неоднократно продѣлывалъ и въ Баденъ-Баденѣ. Ему хотѣлось попробовать, удастся ли онъ ему еще и теперь.

— Да,—попробуй, папа.

И, дѣйствительно, господинъ де-ласъ-Форесасъ удачно продѣлывалъ фокусъ.

— Это талантъ,—говорилъ онъ,—настоящій талантъ. Онъ кроется въ пальцахъ.—И онъ еще разъ продѣлывалъ передъ Шарло, на скатерти столика, всевозможные фокусы. Мальчикъ старался продѣлать ихъ вслѣдъ за нимъ. Господинъ де ласъ Форесасъ слѣдилъ за пальцами Шарло. Онъ радовался, училъ, исправлялъ.

— Браво, браво! Еще разъ!

Шарло продѣлывалъ фокусъ.

— Такъ, правильно! Да у мальчишки есть талантъ! Ей Богу же, онъ очень ловокъ!

Они продолжали играть. Шарло проигрывалъ. Онъ пожиралъ глазами каждую карту и зажималъ марки въ дрожавшей отъ азарта рукѣ.

Онъ снова проигрывалъ.

— Ты шулеръ, папа,—говорилъ онъ и хваталъ его за руку.—У тебя фальшивыя карты!

Господинъ де ласъ Форесасъ приходилъ въ негодованіе:

— Съ родными дѣтьми не передергиваютъ,—говорилъ онъ. Онъ не хотѣлъ больше играть.

Но Шарло продолжалъ игру. Онъ игралъ теперь съ воображаемыми партнерами, разсыпавъ всѣ карты по диванамъ купэ. Игральныя марки онъ перекладывалъ изъ руки въ руку.

Когда господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ и Шарло были одни, время проходило очень пріятно.

Когда они бывали одни, то вечеромъ, послѣ концерта всегда приходила дама и сидѣла съ ними. Шарло очень любилъ дамъ. Онѣ цѣловали его и обмѣнивались съ нимъ папиросами. Онѣ раздѣвали его, когда онъ хотѣлъ спать, и

онъ танцовалъ съ ними въ одной ночной сорочкѣ. Онѣ были такъ ласковы съ нимъ, рѣшительно во всемъ.

Онѣ такъ щекотали его, что онъ визжалъ. Шарло получалъ много подарковъ. Господинъ Эммануэло деласъ Форесасъ забиралъ ихъ всѣ на храненіе.

Иногда, сидя въ вагонѣ, Шарло говорилъ:

— Отецъ, гдѣ, собственно, наши деньги?

— Въ Парижѣ!

— Гм, а у насъ много денегъ?

— О, да! Но вѣдь мать тоже должна жить, на это требуется не мало.

Бывали дни, когда деньги неотступно занимали мысли Шарло. Затѣмъ онъ снова забывалъ о нихъ на долгое время.

Прошло три года. Господинъ Теодоръ Францъ заставилъ Шарло разучить еще четвертый номеръ: „Ракоци-маршъ". Шарло игралъ его на дѣтской скрипкѣ. Когда онъ исполнилъ его въ первый разъ, они были въ Буда Пештѣ. Шарло былъ одѣтъ въ венгерскую форму, и послѣ концерта студенты впряглись въ его карету и повезли ее.

У господина Теодора Франца всегда являлись счастливыя идеи.

Онъ обратился къ студентамъ съ благодарственнымъ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что Шарло Дюпонъ дастъ концертъ въ пользу потерпѣвшихъ отъ наводненія.

Господинъ Теодоръ Францъ и господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ вмѣстѣ составляли письмо.

— Но гдѣ же потерпѣвшіе отъ наводненія?—спросилъ господилъ де ласъ Форесасъ.

— Милостивый государь,—отвѣтилъ господинъ Теодоръ Францъ,—въ Венгріи всегда есть потерпѣвшіе отъ наводненія.

Господинъ Теодоръ Францъ умѣлъ писать письма въ редакцію. Это было его спеціальностью.

Величайшимъ изъ своихъ успѣховъ онъ былъ обязанъ письму въ редакцію. Это было во времена миссъ Тисбейрсъ, когда въ обращенномъ къ публикѣ открытомъ письмѣ, онъ просилъ не аплодировать во время духовнаго концерта, чтобы не оскорбить религіознаго чувства артистки.

Концертъ далъ двадцать шесть тысячъ франковъ валового дохода (а во что обходятся эти церкви, сударь? Ни во что,—буквально ни во что! Вѣдь ихъ получаешь даромъ). И потомъ, на улицѣ, передъ церковью, весь городъ кричалъ: „ура!"

Господинъ Теодоръ Францъ писалъ, что господинъ

Эммануэло Дюпонъ, отецъ маленькаго феномена—онъ со славой служилъ своему отечеству и остался вѣренъ династіи Орлеановъ,—счастливъ тѣмъ, что сынъ его можетъ явиться выразителемъ его симпатіи къ странѣ, которая всегда сохраняла непоколебимую вѣру въ руководящую роль и славную будущность его дорогой родины.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ прослезился по этому поводу.

Билеты на концертъ въ пользу потерпѣвшихъ отъ наводненія были распроданы до открытія кассы.

Концертъ закончился „Портнымъ-Какаду".

Когда публика въ девятнадцатый разъ вызвала Шарло, онъ исполнилъ сверхъ программы „Ракоци-Маршъ".

На слѣдующее утро началось турнэ по всей Венгріи. Господинъ Теодоръ Францъ заработалъ на этомъ двѣсти тысячъ гульденовъ.

Шарло сильно выросъ. Изъ его коротенькихъ чулокъ выглядывали длинныя, худыя и красныя ноги.

Господинъ Теодоръ Францъ приказалъ пришить къ его панталонамъ кружева.

Когда по вечерамъ его взглядъ падалъ на Шарло, нервно потягивавшагося на стулѣ съ вѣчной папиросой въ зубахъ, то у господина Теодора Франца являлся крайне озабоченный видъ.

— Сударь,—говорилъ онъ,—въ настоящее время Шарло долженъ считаться восьмилѣтнимъ. Невозможно болѣе оставаться семилѣтнимъ съ ростомъ гренадера.

Въ дѣйствительности, Шарло уже давно шелъ одиннадцатый годъ.

Они давали концерты въ Берлинѣ. По окончаніи этихъ концертовъ, Шарло долженъ былъ возвратиться въ Парижъ и отдыхать тамъ въ теченіе мѣсяца передъ предстоящей поѣздкой въ Америку.

Шарло давалъ одинъ изъ первыхъ концертовъ. Онъ уже кончилъ играть и стоялъ теперь въ артистической, слушая доносившіеся изъ залы аплодисменты. Въ артистической было множество народу.

— Выходи, выходи!—кричалъ господинъ Теодоръ Францъ.

Шарло вышелъ. Раздался оглушительный взрывъ аплодисментовъ. Нѣсколько разъ кряду онъ выходилъ и возвращался, и снова выходилъ. Разгоряченный аплодисментами, стоялъ онъ въ артистической. Они все еще продолжали хлопать.

— Выходи, выходи же!—кричалъ господинъ Теодоръ Францъ, стоя у дверей.

Онъ вышелъ еще разъ.

Когда Шарло возвратился, въ рукахъ у него былъ цѣлый ворохъ цвѣтовъ. Усталымъ движеніемъ онъ бросилъ ихъ на землю и прислонился къ косяку двери.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что чья-то рука поглаживаетъ его по волосамъ, и поднялъ глаза.

Надъ нимъ склонялось ласковое, грустное лицо съ большими глазами. Въ залѣ все еще раздавались бурные апплодисменты.

Самъ не зная почему, онъ вдругъ обхватилъ руками шею незнакомаго молодого человѣка и крѣпко къ нему прижался.

Молодой человѣкъ продолжалъ поглаживать его по головѣ.

— Pauvre enfant, mon pauvre enfant!

Это былъ критикъ одной берлинской газеты. Онъ сталъ приходить каждый день и бралъ Шарло гулять. Они гуляли по аллеямъ Тиргартена. Шарло судорожно сжималъ въ своей рукѣ руку Гуго Беккера. Онъ говорилъ съ видомъ стараго человѣка о своихъ деньгахъ и о своихъ путешествіяхъ.

— Гдѣ твои деньги?—спрашивалъ Гуго Беккеръ.

— Въ Парижѣ, у...—Шарло хотѣлъ сказать, у моей матери.—Въ Парижѣ,—повторилъ онъ.—Отецъ всѣ деньги отсылаетъ въ Парижъ.

— Вотъ какъ, значитъ, онѣ у твоего отца?

Шарло продолжалъ разсказывать, разгуливая взадъ и впередъ по аллеямъ сада.

Господинъ Теодоръ Францъ уѣхалъ въ Парижъ.

Спустя нѣсколько дней, господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ также покинулъ Берлинъ.

— Надо вѣдь все приготовить къ его возвращенію,— сказалъ господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ.—Я спѣшу домой, чтобы устроить ему надлежащій пріемъ.

Въ дѣйствительности, господинъ де ласъ Форесасъ тайкомъ уѣхалъ въ Потсдамъ въ обществѣ нѣкой блондинки, вѣсившей пять съ половиною пудовъ.

Шарло остался у господина Беккера.

По окончаніи послѣдняго концерта, господинъ Беккеръ пришелъ, чтобы уложить вещи Шарло.

— Шарло,—сказалъ онъ.—Я скопилъ для тебя немного денегъ... Это такія деньги, понимаешь ли ты, о которыхъ не знаютъ ни господинъ Теодоръ Францъ, ни твой отецъ. Я выторговалъ ихъ при наймѣ зала, это составляетъ тысячу марокъ.

— Тысяча марокъ для меня, вправду для меня?

Шарло смотрѣлъ на деньги. — Это мнѣ? Все это мнѣ?— Онъ получилъ ихъ въ руки и принялся развертывать кредитку за кредиткой. Онъ разложилъ ихъ вѣеромъ по дивану, разглаживалъ ихъ и, отойдя немного поодаль, любовался ими.

При этомъ онъ не умолкалъ ни на минуту.—Чего только онъ не накупитъ на всѣ эти деньги—сколько сдѣлаетъ подарковъ!

Онъ разложилъ кредитки отдѣльными пучками — вотъ этотъ для того-то, этотъ для другого.

— А что, можно вѣдь на эти деньги купить платье для мамы—шелковое?

Онъ долго болталъ о матери и обо всѣхъ домашнихъ, о томъ, что они тамъ дѣлаютъ и какъ живутъ.

— Мама, знаете, она все больше плачетъ.—Вдругъ онъ густо покраснѣлъ и умолкъ.

— Да вѣдь это...—онъ готовъ былъ расплакаться, — это вовсе неправда, будто мама умерла... Это только господинъ Францъ непремѣнно хотѣлъ. А мама живетъ дома. Отецъ отсылаетъ ей всѣ деньги на храненіе.

Они собрали кредитки, и вся сумма было зашита Шарло въ подкладку блузы.

— Ты отдашь ихъ своей теткѣ Шарло, чтобы она ихъ для тебя сохранила,—тогда никто не будетъ о нихъ знать,— а понадобится тебѣ что-нибудь купить, ты и возьмешь у нея, неправда-ли?

— Да, я отдамъ ихъ теткѣ, тогда мнѣ можно будетъ изъ нихъ брать.

Шарло подошелъ къ господину Беккеру и прижался къ нему.

— Вы такъ добры ко мнѣ,—сказалъ онъ.

— Ты находишь, Шарло? — Господинъ Беккеръ сталъ поглаживать его по головѣ своей бѣлой рукой.

— У васъ есть дѣти?

— Нѣтъ, у меня нѣтъ дѣтей.

— Гм, надо бы, чтобы у васъ были.

— У меня никогда не будетъ дѣтей, Шарло.—Господинъ Беккеръ обхватилъ Шарло за плечи и на мгновеніе прижалъ его къ своей груди.

— Ну, пора намъ, однако, и укладываться, мой мальчикъ.

Шарло плакалъ, когда разставался съ господиномъ Беккеромъ.

Семейство господина де лась Форесасъ все еще пребывало въ пятомъ этажѣ.

Госпожа де ласъ Форесасъ успѣла посѣдѣть. Въ этомъ состояла вся перемѣна.

Господинъ де ласъ Форесасъ потребовалъ, чтобы въ два часа дня ему подавалась въ постель первая чашка шоколада. Послѣ этого онъ вставалъ. Госпожа де ласъ Форесасъ одѣвала его. При этомъ она всегда очень боялась господина де-ласъ Форесасъ, такъ какъ по утрамъ онъ бывалъ весьма раздражителенъ.

Онъ завивался щипцами и когда бывалъ недоволенъ, то энергично прикладывалъ ихъ къ шеѣ госпожи де ласъ Форесасъ.

Весь домъ дрожалъ отъ страха, когда господинъ де ласъ Форесасъ совершалъ свой туалетъ.

Покончивъ съ этимъ занятіемъ, онъ тотчасъ уходилъ.

Тогда госпожа де ласъ Форесасъ металась изъ угла въ уголъ, съ трепетомъ ожидая того момента, когда онъ долженъ былъ возвратиться.

Тутъ только появлялись всѣ девять душъ дѣтей, полуголодныя и въ вѣчномъ страхѣ. Шарло снова попалъ въ прежнюю колею. О деньгахъ онъ и не спрашивалъ.

Въ одинъ прекрасный день въ домѣ не оставалось болѣе ни единаго су. Госпожа де ласъ Форесасъ плакала, какъ водопроводная труба. Ей не на что было приготовить обѣдъ для господина де ласъ Форесасъ.

Шарло пошелъ къ теткѣ и взялъ у нея свою тысячу марокъ.

Госпожа де ласъ Форесасъ отдѣлила девять сотенъ и запрятала ихъ въ старой перинѣ.

Въ душѣ Шарло подымалось непобѣдимое чувство тупой ненависти къ отцу, подобное чувству животнаго, съ которымъ дурно обращаются.

Впрочемъ, господинъ де ласъ Форесасъ часто бралъ его съ собою. Въ театръ и въ оперу. Господинъ Теодоръ Францъ дарилъ имъ ложи. Въ послѣднія двѣ недѣли Шарло катался въ Булонскомъ лѣсу на двухъ маленькихъ пони. При этомъ онъ былъ одѣтъ въ шотландскій костюмъ. Все это давалъ ему господинъ Теодоръ Францъ. Онъ былъ такой добрый.

Госпожа де ласъ Форесасъ выходила изъ дому, садилась гдѣ-нибудь на скамейкѣ по дорогѣ въ Bois de Boulogne и смотрѣла на Шарло, проѣзжавшаго мимо нея въ длинной вереницѣ другихъ экипажей.

Затѣмъ, по истеченіи четырехъ недѣль, они уѣхали въ Америку.

Собственно говоря, господинъ Теодоръ Францъ былъ объ Америкѣ самаго низкаго мнѣнія. Она оскорбляла его артистическія чувства.

Онъ говорилъ, что онъ не барабанщикъ.

Онъ заработалъ тамъ уйму денегъ.

Шарло дѣлалъ все, что отъ него требовали.

Каждую ночь проводилъ онъ въ вагонѣ и давалъ нерѣдко по два концерта въ день.

Его глаза пріобрѣли удивительно тупое выраженіе, и все было ему безразлично. Говорилъ онъ рѣдко. Если онъ и думалъ о чемъ-нибудь, то, во всякомъ случаѣ, никого не безпокоилъ своими мыслями.

Онъ курилъ папиросу за папиросой.

Въ теченіе цѣлыхъ часовъ зажигалъ онъ одну папиросу за другой и, не отрываясь, смотрѣлъ въ волны голубоватаго дыма. Подъ конецъ онъ сидѣлъ, окруженный цѣлымъ облакомъ.

Въ остальное время, онъ, какъ уже сказано, шелъ, куда его вели, и дѣлалъ именно то, что отъ него требовали. И всегда онъ былъ утомленъ, какъ носильщикъ.

Въ Чикаго онъ получилъ маленькую золотую скрипку, украшенную брилліантами. Ему поднесли ее на эстрадѣ.

Господину Эммануэло де ласъ Форесасъ помѣшали въ этотъ вечеръ присутствовать на концертѣ—пышныя американскія красавицы часто ему въ этомъ мѣшали,—и онъ такъ и не увидѣлъ скрипки.

На слѣдующее утро Шарло, при посредствѣ швейцара ихъ отеля, продалъ скрипку, и деньги отослалъ въ Парижъ матери.

Кушая свой шоколадъ, господинъ де ласъ Форесасъ читалъ газеты. Прочелъ онъ и о скрипкѣ. Онъ пожелалъ ее видѣть.

— Я ее продалъ!—сказалъ Шарло.

— Что?—Господинъ де ласъ Форесасъ едва не выронилъ изъ рукъ чашку.

— Да.

Шарло взглянулъ на отца.

— А деньги я послалъ домой,—сказалъ онъ.

Господинъ Эммануэло неподвижно сидѣлъ на постели съ чашкою въ рукахъ и не могъ произнести ни одного слова.

Въ эту минуту у Шарло было совершенно необычное выраженіе лица.

Маленькій феноменъ выросъ такъ сильно, что господинъ Теодоръ Францъ увидѣлъ себя вынужденнымъ объявлять о немъ, какъ о десятилѣтнемъ. Это было въ Калифорніи. Они посѣтили Гаванну, Мексику и Бразилію.

— Сударь,—сказалъ господинъ Теодоръ Францъ господину Эммануэло де ласъ Форесасъ.—Это противорѣчитъ

моимъ глубочайшимъ убѣжденіямъ, но такія времена, сударь мой. Мы ѣдемъ въ Австралію.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ держался того мнѣнія, что всякія деньги хороши.

Они отправились въ Австралію.

Шарло былъ на все согласенъ. Впрочемъ, его никто и не спрашивалъ.

Сидя по вечерамъ за своимъ стаканомъ и глядя на Шарло, который съ блѣднымъ лицомъ и устало повисшими руками засыпалъ на своемъ стулѣ, господинъ Теодоръ Францъ говорилъ иногда господину де ласъ Форесасъ:

— А знаете, Шарло, въ сущности, добрый мальчикъ! Видите ли, въ нашемъ дѣлѣ это большое удобство,—дѣти не устраиваютъ сценъ. Они не то что тенора, они не объявляютъ, что у нихъ мигрень, они выносливы, съ ними всегда можно справиться. Я говорю совершенно откровенно: я дѣлаю отличныя дѣла съ дѣтьми.

Чудо-скрипачъ Шарло Дюпонъ игралъ неутомимо, какъ шарманка. Но припадки своеволія бывали и у него.

Въ одинъ прекрасный день, укладывая свой чемоданъ, онъ взялъ свои игрушки одну за другой и всѣ ихъ перебилъ. Онъ разбивалъ ихъ о край стула и топталъ ногами. Американскій обручъ онъ такъ сильно прижалъ къ стѣнѣ, что тотъ совершенно искривился. Шарло стоналъ отъ напряженія.

Вошелъ господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ и увидѣлъ картину разрушенія. Шарло стоялъ среди обломковъ, и щеки у него пылали.

— Что это значитъ? Что ты сдѣлалъ со своими игрушками?

— Перебилъ,—сказалъ Шарло.

— Да ты съ ума сошелъ!

— Я не возьму ихъ съ собой!—Онъ смотрѣлъ отцу прямо въ глаза.—Пусти меня, я не возьму ихъ съ собою!

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ выпустилъ его. У него бывали иногда минуты слабости. И онъ принялся убирать съ полу обломки.

На улицѣ всѣ прохожіе оглядывались на Шарло. Онъ имѣлъ смѣшной видъ въ своей блузѣ съ длинными болтающимися руками и обнаженными до колѣнъ ногами. Господинъ Теодоръ Францъ покупалъ ему всегда совершенно дѣтскія соломенныя шляпы.

Уличные мальчишки часто задѣвали его.

Однажды Шарло проходилъ мимо цѣлой толпы дѣтей, направлявшихся въ школу.

— Эй, посмотрите-ка на этого франта въ блузѣ!—закричалъ одинъ изъ нихъ.—Вотъ такъ франтъ!

Поднялся цѣлый концертъ; они свистали, заложивъ пальцы въ ротъ, смѣялись и кричали:

— Эй ты, гдѣ твоя мамка?

— Кто застегиваетъ тебѣ штаны?

— Да въ своемъ ли онъ умѣ?

Франта въ блузѣ разложили,
Розгой славно угостили!

запѣли они хоромъ.

— Дайте ему чистыя пеленки!

— Куда онъ дѣвалъ свою соску?

— Навѣрное, ему нужна сухая рубашка!

Шарло поднялъ камень и запустилъ въ мальчишекъ.

Не было болѣе никакой возможности вытащить его изъ дому.

Господинъ Теодоръ Францъ вынужденъ былъ пустить въ ходъ всю свою власть.

— Я не пойду! — Шарло прижался къ стѣнѣ, точно опасаясь, что они потащутъ его силою.

— Я не хочу!

Господинъ Теодоръ Францъ собирался уже дать ему пинка. Шарло стоялъ, согнувшись, со стиснутыми зубами. Его глаза метали молніи.

Господинъ Теодоръ Францъ опустилъ руку.

— Я не буду больше ходить въ блузѣ,—сказалъ Шарло.

— Ты не хочешь больше твоей блузы?—Господинъ Теодоръ Францъ взглянулъ на Шарло. Тотъ стоялъ передъ нимъ, такой нелѣпый и долговязый въ своей блузѣ. Онъ опомнился.

Господинъ Теодоръ Францъ убѣдился, что блуза болѣе не годится.

Шарло получилъ куртку.

Въ это время ему уже было почти четырнадцать лѣтъ.

Шарло Дюпонъ снова возвратился въ Европу.

Господинъ Теодоръ Францъ задумалъ составить цѣлый артистическій букетъ. Онъ хотѣлъ собрать на одной афишѣ имена шести міровыхъ знаменитостей. Публика начала охладѣвать, надо было взять ее какимъ-нибудь особеннымъ козыремъ. Господинъ Теодоръ Францъ заговорилъ о блестящемъ созвѣздіи европейскаго млечнаго пути. Чудо-скрипачъ Шарло Дюпонъ принадлежалъ къ этому созвѣздію.

Помимо него, общество состояло изъ пѣвицы (альтъ) того именно сложенія, которое такъ плѣняло господина Эммануэло де ласъ Форесасъ, баритона, дѣвическаго вида лирическаго тенора, віолончелиста и піанистки госпожи Симонэнъ. Они колесили по всей Европѣ съ двумя программами.

— Сударь,—сказалъ господинъ Теодоръ Францъ,—я ѣду въ отдѣленіи для курящихъ.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ также отправился въ отдѣленіе для курящихъ.

Всѣ прочіе ѣхали вмѣстѣ.

Купэ было совершенно завалено шубами и грязными дорожными подушками.

Пѣвица въ дорогѣ была всегда безъ корсета въ красной блузкѣ. Всей верхней частью своего туловища она такъ зарывалась въ подушки, какъ будто хотѣла стать на голову.

Мужчины поворачивались лицомъ къ стѣнѣ и храпѣли.

Артистическое созвѣздіе господина Теодора Франца стало въ пути какъ бы средняго рода: всякая застѣнчивость совершенно исчезла.

Піанистка страдала отъ жары. Она наполовину раздѣвалась и затѣмъ сворачивалась, какъ котенокъ, закинувъ на голову голыя руки.

Шарло просыпался и оглядывался вокругъ себя. Онъ могъ подолгу, не отрываясь, смотрѣть на полныя руки піанистки.

Никто не могъ больше спать. Безъ единой мысли въ головѣ сидѣли они на своихъ мѣстахъ и тупо смотрѣли другъ на друга. Піанистка упражнялась на нѣмой клавіатурѣ.

Общество пробавлялось четырьмя остротами, ежечасно повторяемыми по нѣсколько разъ.

Затѣмъ снова засыпали.

Шарло тихонько приподымался и съ любопытствомъ смотрѣлъ на дѣтское личико піанистки съ ея нѣжными вѣками. Теперь Шарло не спалъ уже въ вагонѣ такъ много, какъ въ прежнее время.

Цѣлыми часами сидѣлъ онъ совершенно недвижно, устремивъ взглядъ на трогательную мадамъ Симонэнъ.

Онъ не дѣлалъ ни одного движенія, боясь, что кто-нибудь проснется. Ему было такъ хорошо сидѣть здѣсь одному и смотрѣть, какъ она спитъ.

Когда она упражнялась, онъ могъ держать у себя на колѣнахъ ея нѣмую клавіатуру.

Пріѣзжали на станцію, гдѣ предполагалось обѣдать. Дамы проводили себѣ по лицу пуховками и закутывались въ свои платки. Шарло всегда выскакивалъ первый. Онъ

останавливался у послѣдняго мѣста въ залѣ и ожидалъ мадамъ Симонэнъ.

Она очень потѣшалась надъ долговязымъ Шарло въ коротенькихъ штанишкахъ.

Изъ всего артистическаго созвѣздія господина Франца онъ пользовался наименьшимъ успѣхомъ.

Онъ былъ такъ неловокъ со своими длинными руками, и, стоя на эстрадѣ, онъ гнулся въ колѣняхъ, какъ будто хотѣлъ спрятать свои собственныя ноги.

— Какъ ты стоишь? Я тебя спрашиваю, какъ ты стоишь?—Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ былъ внѣ себя.—Ты хочешь усыпить ихъ своей музыкой: должно быть, ты этого хочешь, идіотъ ты этакій, выходи!

Вдвойнѣ неуклюже выходилъ Шарло на эстраду.

Господинъ де ласъ Форесасъ стоялъ за портьерой.

— Держись прямо,—почему ты не улыбаешься, прямо держись, теперь улыбайся.

Въ залѣ не раздалось ни одного хлопка.

— Кланяйся-же, кланяйся.

Скрипка Шарло издавала нелѣпые звуки, острые, какъ иголки.

Господинъ де ласъ Форесасъ, въ бѣшенствѣ, ущипнулъ феномена до крови.

Когда Шарло исполнялъ свой послѣдній номеръ, господинъ Теодоръ Францъ стоялъ за портьерой рядомъ съ господиномъ Эммануэло де ласъ Форесасъ.

— Какъ онъ стоитъ,—говорилъ господинъ де ласъ Форесасъ.—Какъ онъ началъ въ послѣднее время стоять.

— Сударь, онъ стоитъ такъ, точно онъ надѣлалъ себѣ въ штаны.—Господинъ Теодоръ Францъ снова исчезъ.

Право-же, господинъ Теодоръ Францъ говорилъ господину Эммануэло де ласъ Форесасъ самыя непріятныя слова.

Съ галлереи раздались жиденькіе аплодисменты.

— Выходи! Ну, выйдешь-ли ты!—кричалъ господинъ де ласъ Форесасъ.—И улыбайся, чортъ тебя возьми, ты долженъ улыбаться.

За послѣднее время господинъ де ласъ Форесасъ пріобрѣлъ привычку ругаться.

Чудо-скрипачъ былъ переведенъ на половинное жалованье.

Шарло ничуть не удивлялся. Если онъ ждалъ чего-нибудь, то именно этого.

Но когда по вечерамъ, послѣ концерта, онъ сидѣлъ на полу подлѣ инструмента мадамъ Симонэнъ,—это было его любимое мѣсто,—то часто прислонялся головой къ роялю съ выраженіемъ усталаго страданія.

Особенно чувствовалъ онъ это, когда смотрѣлъ на нее, а она играла. Въ такія минуты Шарло представлялся себѣ невыразимо несчастнымъ.

Артисты переѣзжали изъ города въ городъ.

Господинъ Теодоръ Францъ уѣзжалъ обыкновенно впередъ. Тогда пѣвица отправлялась съ господиномъ Эммануэло де ласъ Форесасъ въ отдѣленіе для курящихъ.

Мадамъ Симонэнъ раскладывала пасьянсъ на нѣмой клавіатурѣ, лежавшей у Шарло на колѣняхъ.

Баритонъ часто разсказывалъ разныя исторіи. О каждомъ артистѣ въ цѣлой Европѣ онъ зналъ какой-нибудь скандалъ.

Мадамъ Симонэнъ подымала на него свои ясные глаза и такъ хохотала, что роняла карты.

Шарло краснѣлъ. На душѣ у него становилось такъ странно, когда она такъ смѣялась.

— Что она дѣлала?—спрашивала мадамъ Симонэнъ.

— Она ужинала на даровщинку, каждый вечеръ, въ полной невинности.

Дѣвическаго вида лирическій теноръ подымалъ глаза отъ своей газеты. Онъ вѣчно сидѣлъ съ газетами, которыхъ не умѣлъ читать, и искалъ въ нихъ своего имени.

— Вы знаете, что разсказываютъ о ея мужѣ?—говорилъ баритонъ.

— Нѣтъ, что?

— Каждый разъ, когда на свѣтъ появляется новый маленькій Лизецкій, онъ изслѣдуетъ, на кого изъ его пріятелей ребенокъ похожъ. Установивъ это, онъ идетъ къ данному лицу и занимаетъ у него тысячу франковъ.

Шарло такъ страстно желалъ, чтобы госпожа Симонэнъ перестала смѣяться.

Всего лучше было, когда она сидѣла тихо, сложивъ на колѣняхъ руки. Она часто улыбалась чему-то, и глаза у нея были такіе ясные.

Шарло былъ такъ счастливъ,—онъ чувствовалъ, какъ кровь горячо приливаетъ къ его сердцу.

Шарло становился все болѣе неловкимъ. Ему такъ трудно было прятать свои руки, и отъ этого онъ все спотыкался о собственныя ноги.

Онъ страдалъ отъ своего костюма,—этого дѣтскаго костюмчика съ кружевами, на высокомъ, выросшемъ мальчикѣ!

Въ номерахъ отелей онъ всегда забивался куда-нибудь въ уголъ. Тамъ сидѣлъ онъ недвижно цѣлыми часами, закрывъ голову руками.

Онъ радъ былъ уже, если можно было не говорить.

Шарло всегда зналъ, въ какое время во всѣхъ городахъ

мальчики возвращаются изъ школы. Тогда онъ становился у окна и смотрѣлъ на толпу дѣтей, идущихъ со своими книжками. Взглядъ его глазъ становился при этомъ такимъ печальнымъ и угасшимъ.

Всѣ прочія міровыя знаменитости, принадлежавшія къ Млечному Пути господина Теодоръ Франца, безпокойно слонялись по номерамъ своихъ товарищей. Они неохотно оставались одни, а шесть пьесъ ихъ репертуара доставляли имъ не слишкомъ много развлеченія. Нервничая и въ дурномъ настроеніи, бродили они изъ угла въ уголъ и вѣчно имъ было то слишкомъ холодно, то слишкомъ жарко. Всѣ они страдали всевозможными болѣзнями и возили съ собой цѣлый арсеналъ всякихъ медикаментовъ.

Большею частью они держались въ комнатѣ у мадамъ Симонэнъ, которая день-деньской проводила за своимъ роялемъ, то играя гаммы, то снова вставая.

Шарло не бѣгалъ. Неподвижный и усталый среди всей этой суматохи, онъ продолжалъ сидѣть въ своемъ углу. У господина Эммануэло де ласъ Форесасъ было такъ много бѣлья; во всей комнатѣ не оставалось ни одного стула, на которомъ не валялась-бы грязная сорочка.

Вечеромъ, передъ концертомъ, всѣ артисты собирались въ комнатѣ у мадамъ Симонэнъ и ожидали прибытія каретъ. Они топтались и кружились вокругъ мебели, какъ стая куръ. У одного болѣли пальцы, у другого горло.

Во время концерта мадамъ Симонэнъ и пѣвица сидѣли въ артистической и принимали ухаживанія господъ журналистовъ. Онѣ бесѣдовали съ ними въ холодномъ тонѣ свѣтскихъ дамъ, а тѣ неловко сидѣли въ своихъ слишкомъ широкихъ черныхъ сюртукахъ, смотрѣли издали на брилліантовое ожерелье, украшавшее шею мадамъ Симонэнъ, и смущенно улыбались. Брилліанты, которые носила мадамъ Симонэнъ, составляли цѣлое состояніе. Она какъ-бы ненарокомъ опиралась своей дѣтской головкой на сверкавшую брилліантами руку,—на этой рукѣ у нея былъ браслетъ, фигурировавшій на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ—и съ величавымъ спокойствіемъ улыбалась.

Шарло забывалъ обо всемъ. Онъ неподвижно стоялъ въ углу и только смотрѣлъ. Его глаза наслаждались этимъ образомъ, какъ сновидѣніемъ.

Его выгоняли на эстраду для исполненія его номеровъ. Онъ возвращался обратно, какъ изъ тьмы къ свѣту. Потому что для него существовала только она, сіяющая и прекрасная. Являлись незнакомыя дамы и подносили цвѣты. Мадамъ Симонэнъ прижимала цвѣты, благодарила и цѣловала незнакомыхъ дамъ въ щеки.

По окончаніи концерта, господа журналисты подавали госпожѣ Симонэнъ и пѣвицѣ ихъ длинныя мѣховыя манто и предлагали имъ руку. Дамы брали предложенную имъ руку критиковъ и предоставляли проводить себя до кареты.

Онѣ улыбались, держа букеты въ рукахъ, пока карета не отъѣзжала.

— Идіоты,—говорила мадамъ Симонэнъ.

Пѣвица высовывала языкъ. И обѣ онѣ хохотали, какъ двѣ школьницы.

Шарло всегда былъ близокъ къ слезамъ, когда мадамъ Симонэнъ такъ хохотала. Онъ сидѣлъ въ темнотѣ кареты и такъ крѣпко сжималъ въ рукахъ свои два лавровые вѣнка, что рукамъ становилось больно.

Собственникомъ обоихъ вѣнковъ былъ господинъ Эммануэло де лясъ Форесасъ. Они были брошены чудо-скрипачу по исполненіи „Портного-Какаду".

Послѣ концерта царило веселье.

Вся компанія, въ неглижэ, ужинала въ салонѣ мадамъ. Симонэнъ. Они говорили объ артистахъ. Часто также говорили они о деньгахъ. Пѣвица была богата, она имѣла нѣсколько милліоновъ и замокъ въ Нормандіи. У мадамъ Симонэнъ также было состояніе. Она экономила на какихъ-нибудь су и бросала за окно тысячи.

Они говорили о своемъ заработкѣ. Они были участниками предпріятія. Они часто получали по полуторы тысячи франковъ въ вечеръ.

О всѣхъ этихъ деньгахъ они говорили съ нескрываемой жадностью.

— Искусство,—говорила мадамъ Симонэнъ,—да развѣ въ цѣломъ залѣ наберется хоть десять человѣкъ, которые что-нибудь въ немъ понимаютъ? Дамы видятъ, что у меня хорошіе пальцы, мужчины пялятъ глаза на мои голыя руки,—это пошло. Искусство—ха, ха, ха,—я просто хочу разбогатѣть!

Иногда этихъ артистовъ обуревала такая неистовая скупость, что они призывали лакеевъ и препирались съ ними изъ-за нѣсколькихъ грошей. Они не позволятъ себя грабить. Они ѣздятъ не для того, чтобы обогащать отели. Они ѣздятъ, чтобы деньги зарабатывать.

Имъ нерѣдко случалось уѣхать, не оставивъ ни гроша на чай. А между тѣмъ, прислуга бѣгала для нихъ до глубокой ночи.

— Чего добраго, мнѣ придется всю мою жизнь возиться со всей этой сволочью!—говорила мадамъ Симонэнъ.—Ну нѣтъ, я не желаю мучиться до самой старости. Я ѣзжу, чтобы зарабатывать!

Въ это же утро мадамъ Симонэнъ заплатила тысячу сто франковъ за дамасскій мечъ.

— Не воображаютъ-ли всѣ эти господа, что мнѣ доставляетъ удовольствіе смотрѣть, какъ они зѣваютъ?—говорила мадамъ Симонэнъ.

Они говорили о всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которые пѣли безъ голоса и разбитыми руками играли на роялѣ, потому что они были бѣдны и имъ нечѣмъ было жить.

Шарло слушалъ. Нельзя сказать, чтобы со страхомъ, такъ какъ для этого всѣ его чувства были слишкомъ тупы. Но у него являлось ощущеніе такой усталости, что онъ едва могъ поднять руку.

Лежа въ постели, онъ плакалъ съ отчаяніемъ.

У него было столько причинъ для слезъ. Онъ плакалъ изъ-за своего костюма, и изъ-за мадамъ Симонэнъ, и изъ-за публики, которая не хотѣла больше хлопать, и снова изъ-за мадамъ Симонэнъ, которая говорила столько отвратительнаго.

Однажды вечеромъ Шарло лежалъ и долго смотрѣлъ въ топившійся каминъ. Онъ поднялся съ постели, взялъ два сухихъ лавровыхъ вѣнка господина де ласъ Форесасъ и бросилъ ихъ въ огонь.

По утрамъ, послѣ концерта артистамъ приносили газеты. Читать ихъ они не могли, но считали строки, сколько строкъ о каждомъ, и старались отгадать слова. Шарло никогда не бралъ газетъ въ руки, если кто-нибудь при этомъ былъ. Но послѣ обѣда, когда другіе уже успѣвали забыть о нихъ, онъ тайкомъ уносилъ газеты къ себѣ въ номеръ, забирался въ уголъ и, развернувъ ихъ у себя на колѣняхъ одну за другой, смотрѣлъ на единственную жалкую замѣтку о феноменѣ Шарло Дюпонѣ.

Однажды вечеромъ, послѣ ужина, мадамъ Симонэнъ перелистывала разныя ноты.

— Вотъ прекрасная вещь,—сказала она.—Если-бы у насъ въ труппѣ былъ скрипачъ... ахъ да, я забыла,—и она разсмѣялась,—вѣдь Шарло играетъ на скрипкѣ!

— Шарло, принесите свою скрипку!

Шарло схватилъ скрипку и они начали играть. Когда они уже немного сыграли, она кивнула головой.

— Да вѣдь дѣло идетъ на ладъ, хорошо, очень хорошо. Только не ошибайтесь, Шарло!

Шарло игралъ, какъ во снѣ. Только ноты видѣлъ онъ ясно и затѣмъ ея лицо.

— Хорошо, Шарло, хорошо!

Ему казалось, будто мадамъ Симонэнъ ведетъ его: такъ увѣренно онъ себя чувствовалъ. Онъ игралъ со слезами на

глазахъ. Каждую минуту онъ думалъ, что сейчасъ расплачется. Они кончили.

— Да у него талантъ, дѣти мои!—сказала мадамъ Симонэнъ.—Шарло, мы будемъ играть вмѣстѣ.

Шарло никогда-бы не повѣрилъ, что можетъ случиться что-нибудь подобное. Мадамъ Симонэнъ играла съ нимъ и утромъ, и вечеромъ. Когда дѣло шло на ладъ, она подымала свои ясные глаза и смѣялась. Она считалась съ его особенностями и приспособлялась къ его исполненію.

— Да вѣдь это вопіющее преступленіе: у мальчика настоящій талантъ. Мы вмѣстѣ будемъ играть въ концертѣ.

Они выступили вмѣстѣ. Когда Шарло въ первый разъ за столько времени снова услышалъ бурные апплодисменты, изъ глазъ у него хлынули слезы. Когда они вышли изъ залы, Шарло взялъ обѣ руки мадамъ Симонэнъ и сталъ ихъ цѣловать, шепча непонятныя, заглушенныя слезами слова.

Этотъ номеръ сталъ гвоздемъ концертовъ. Мадамъ Симонэнъ потребовала, чтобы Шарло снова получалъ прежнее вознагражденіе.

Теперь Шарло вѣчно сидѣлъ въ комнатѣ у мадамъ Симонэнъ. Онъ сидѣлъ подлѣ рояля, когда она упражнялась. Она болтала, какъ ребенокъ, въ то время, какъ ея проворные пальцы носились по клавишамъ. Она смѣялась своимъ молодымъ дѣвичьимъ смѣхомъ, такимъ звенящимъ и въ то же время мягкимъ, вызывавшимъ на ея лицѣ множество всевозможныхъ гримасокъ. Она была весела, какъ котенокъ,— эта мадамъ Симонэнъ.

Шарло зналъ только одно счастіе: сидѣть здѣсь и быть къ ней близкимъ и затѣмъ оставаться одному и снова въ мысляхъ переживать все это до глубокой ночи, и цѣловать нѣсколько цвѣтковъ, которые она ему дала, и которые онъ носилъ въ медальонѣ на шеѣ.

Но вотъ, турнэ закончилось. Каждый отправлялся своимъ путемъ. Мадамъ Симонэнъ хотѣла предпринять поѣздку по Америкѣ.

Шарло не думалъ о томъ, что у него не было ангажемента, что ему предстоитъ возвратиться въ Парижъ въ пятый этажъ. Онъ зналъ только одно, что ему придется разстаться съ мадамъ Симонэнъ, и разлука казалась ему смертью.

Насталъ послѣдній вечеръ. На слѣдующее утро Шарло долженъ былъ уѣхать. Мадамъ Симонэнъ пригласила господина Эммануэло де ласъ Форесасъ и Шарло къ себѣ ужинать, только ихъ двоихъ.

Шарло не говорилъ ни слова и ни къ чему не прикасался.

— Ѣшьте, Шарло,—сказала мадамъ Симонэнъ.—Это ваши любимыя блюда.

Шарло машинально принялся ѣсть.—Спасибо,—сказалъ онъ.

Безмолвно сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ, устремивъ на него глаза, безмолвно и безпомощно.

Шарло сознавалъ только одно, что его счастью пришелъ конецъ.

Вотъ теперь,—сегодня вечеромъ, оно уже кончилось. И ничѣмъ нельзя было этому помочь,—не было никакого спасенія!

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ.

Господинъ Теодоръ Францъ былъ грубъ съ господиномъ де ласъ Форесасъ.

— Вы покидаете моего Шарло въ критическій моментъ,—сказалъ въ это утро господинъ де ласъ Форесасъ.

— Сударь,—отвѣтилъ ему господинъ Теодоръ Францъ,—вы, кажется, вообразили, что шарлатанство можетъ продолжаться вѣчно?

Право-же, господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ не мало натерпѣлся онъ неделикатности господина Теодора Франца. Господинъ Теодоръ Францъ былъ грубый человѣкъ. Господинъ де ласъ Форесасъ былъ этимъ оскорбленъ.

— Онъ говорилъ такія вещи... И когда самъ принадлежишь къ хорошему обществу...—говорилъ господинъ де ласъ Форесасъ.

Они кончили ужинать. Мадамъ Симонэнъ стала играть.

Шарло сидѣлъ на полу, прислонившись головою къ рояли.

— Итакъ, вы ѣдете завтра въ Парижъ? — спросила мадамъ Симонэнъ.

— Да, мы ѣдемъ въ Парижъ.

— Вы тамъ живете?

— Да,—сказалъ господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ,—мы тамъ живемъ.

— Гдѣ? Чтобы можно было васъ посѣтить.

— На Boulevard Haussmann. Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ помѣстилъ семейство де ласъ Форесасъ въ бельэтажѣ.

Вдругъ Шарло расплакался.

Когда они уходили, мадамъ Симонэнъ сказала:—Ну, Шарло, смотрите-же, не забывайте меня, не забудете, а?

Шарло смотрѣлъ на нее преданными и вѣрными глазами собаки. Его дрожащія губы не могли вымолвить ни единаго слова.

На другое утро, въ тотъ самый моментъ, когда госпо-

динъ де ласъ Форесасъ и Шарло собрались уже уѣзжать, лакей сунулъ Шарло въ руку письмо.

— Вамъ лично,—сказалъ онъ.

Шарло спряталъ письмо.

Въ конвертѣ лежалъ чекъ. На визитной карточкѣ было написано: „Шарло—на учителя музыки, отъ Софи Симонэнъ".

Прежде, чѣмъ Шарло пріѣхалъ въ Парижъ, слова эти уже совершенно стерлись. Такъ онъ цѣловалъ визитную карточку госпожи Симонэнъ.

. . . .

Въ пятомъ этажѣ, у господъ де ласъ Форесасъ было очень невесело. Поведеніе концертныхъ агентовъ прямо таки оскорбляло господина де ласъ Форесасъ. Никто не находилъ примѣненія для его феномена.

— Сударь,—сказалъ господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ господину Теодору Францу.—Итакъ, вы не желаете болѣе ангажировать чудо-скрипача?

— Сударь, развѣ я когда-нибудь выражался недостаточно ясно? Нѣтъ, я не желаю ангажировать господина Дюпона.

— Стало быть, мы свободны отъ всѣхъ обязательствъ?

— Совершенно.

— Я только желалъ это установить. Сударь,—сказалъ господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ,—знайте, что всѣ агенты накинутся на чудо-скрипача.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ помѣстилъ въ „Figaro" замѣтку, гласившую, что чудо-скрипачъ Шарло Дюпонъ. нашъ знаменитый маленькій землякъ,—писала газета—по окончаніи своихъ тріумфальныхъ всемірныхъ турнэ отклонилъ пока всѣ сдѣланныя ему предложенія.

Никто не явился и не накинулся на него.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ прождалъ одну недѣлю, прождалъ другую недѣлю: хоть бы какое нибудь провинціальное турнэ! Господинъ де-ласъ Форесасъ предпринялъ съ Шарло обходъ.

Они обошли всѣ концертныя агентства. Вездѣ выражали сожалѣніе, что въ данный моментъ не могутъ найти примѣненія для его феномена.

Блѣдный и подавленный шагалъ Шарло вслѣдъ за отцомъ. У него являлось такое чувство, точно все происходившее было ему тяжкимъ укоромъ.

Деньги мадамъ Симонэнъ были проѣдены. Госпожа де ласъ Форесасъ плакала и снова возобновила привычное хожденіе по ломбардамъ, господинъ де ласъ Форесасъ говорилъ о дѣтяхъ, которыя загоняютъ своихъ родителей въ гробъ.

Шарло бралъ уроки у одного изъ преподавателей консерваторіи. Профессоръ полюбилъ этого долговязаго малаго въ дѣтскомъ костюмчикѣ; онъ говорилъ, что Шарло дѣлаетъ успѣхи. Однажды онъ выхлопоталъ ему позволеніе выступить въ концертѣ Паделу.

У Шарло точно камень съ сердца свалился. Ему казалось, что никогда въ жизни онъ еще ничему такъ не радовался. Онъ кинулся по бульвару домой. Въ своей радости онъ натыкался на прохожихъ: въ воскресенье онъ будетъ играть въ серьезномъ симфоническомъ концертѣ, у самого Паделу!

Казалось, что все семейство де ласъ Форесасъ сразу оправилась отъ своей тяжелой подавленности. Госпожа де ласъ Форесасъ принялась смѣяться,—дѣти де ласъ Форесасъ никогда не видѣли свою мать смѣющейся,—впрочемъ тутъ же она и расплакалась. Госпожа де ласъ Форесасъ была такъ счастлива! Дѣти принялись выть каждый на свой манеръ и, какъ дикіе звѣри въ клѣткѣ, прыгать по комнатѣ.

Господинъ де ласъ Форесасъ пришелъ домой и услышалъ новость.

— Я всегда говорилъ,—сказалъ онъ,—что господинъ Паделу человѣкъ, умѣющій цѣнить талантъ.

Шарло спалъ ночью на диванѣ въ столовой.

Госпожа де ласъ Форесасъ входила къ нему каждый вечеръ. Она брала голову Шарло, клала ее къ себѣ на колѣни и ласкала его, какъ маленькаго ребенка.

Госпожа де ласъ Форесасъ была теперь такъ счастлива.

— Я не надѣялась на это, Шарло, я на это не надѣялась.

— Мама!

— Какъ они мучили моего мальчика, какъ они его мучили, всѣ эти долгіе годы.

Госпожа де ласъ Форесасъ брала голову Шарло, смотрѣла на него и цѣловала его волосы.

— Дорогой мой мальчикъ!

Госпожа де ласъ Форесасъ разсказывала о томъ времени, когда Шарло былъ еще маленькимъ, совсѣмъ, совсѣмъ маленькимъ, и она учила его играть первую мелодію.

— Помнитъ ли онъ еще объ этомъ? Это былъ „Портной-Какаду“.

— Ахъ да, помнитъ ли онъ это?

Онъ стоялъ у рояля и даже не доставалъ головой до клавишъ: такой маленькій былъ онъ, когда уже началъ играть. Но онъ научился такъ быстро,—у него былъ такой слухъ, что если онъ слышалъ вещь два раза, то уже игралъ ее безъ ошибки,—безъ единой ошибки.—А потомъ пришли

годы, когда они отняли у нея ея мальчика и таскали его по всему свѣту.

Но теперь опять все пойдетъ хорошо, опять все пойдетъ хорошо.

Госпожа де ласъ Форесасъ была такъ счастлива.

— Я не надѣялась на это, мой мальчикъ, нѣтъ, я не смѣла надѣяться. Я думала, что уже все кончено для моего мальчика.

Шарло разсказывалъ о мадамъ Симонэнъ, которая играла съ нимъ и сказала, что у него есть талантъ.—Да, дай ей Богъ счастья! Богъ дастъ ей счастья за это.

Госпожа де ласъ Форесасъ гладила кудрявую голову Шарло, и понемногу онъ начиналъ дышать все глубже и, наконецъ, засыпалъ.

Госпожа де ласъ Форесасъ тихонько вынимала свою руку изъ подъ головы Шарло и подымалась. Она брала лампу и долго еще смотрѣла на своего долговязаго мальчика, который лежалъ и улыбался во снѣ. По щекамъ у нея катились слезы. У госпожи де ласъ Форесасъ глаза были на мокромъ мѣстѣ.

На слѣдующій день госпожа де ласъ Форесасъ разсорилась съ мужемъ. Это было въ первый разъ за долгіе годы. Во всякое другое время она ограничивалась тѣмъ, что ее бранили, а она молчала. Но теперь она собралась съ духомъ. Госпожа де ласъ Форесасъ хотѣла заказать для Шарло, къ концерту, черный фракъ.

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ щипцами принудилъ ее умолкнуть. Госпожа де ласъ Форесасъ плакала и больше не спорила.

Когда Шарло ѣхалъ къ господину Паделу, на немъ были коротенькія панталоны и куртка. Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ сопровождалъ своего сына.

Господинъ де ласъ Форесасъ первый вошелъ въ артистическую, Шарло неловко слѣдовалъ за нимъ съ футляромъ въ рукахъ.

Ихъ встрѣтилъ какой-то господинъ.

— Я имѣю честь говорить съ господиномъ Паделу?— сказалъ господинъ де ласъ Форесасъ.

— Чудо-скрипачъ Шарло Дюпонъ.

Господинъ Паделу взглянулъ мимо господина де ласъ Форесасъ.

— Господинъ Дюпонъ? — сказалъ онъ, обращаясь къ Шарло.

— Да!

— Здѣсь какое-то недоразумѣніе,—сказалъ онъ.—Вы яви-

лись не на маскарадъ. Здѣсь концертъ. Не угодно ли вамъ будетъ поѣхать домой и переодѣться?

Господинъ Эммануэло де ласъ Форесасъ хотѣлъ было сдѣлать обиженное лицо, но господинъ Паделу уже стоялъ къ нему спиною.

Господинъ де ласъ Форесасъ повернулся и пошелъ, Шарло слѣдовалъ за нимъ. Онъ всхлипывалъ, спускаясь по лѣстницѣ. Тамъ наверху стоялъ весь оркестръ.

Госпожа де ласъ Форесасъ заняла фракъ въ четвертомъ этажѣ, и господинъ Шарло Дюпонъ возвратился на концертъ.

Господинъ де ласъ Форесасъ не сопровождалъ болѣе своего сына.

Господину Эммануэло де ласъ Форесасъ надоѣли уже всѣ эти господа, не умѣющіе себя держать.

„Господинъ Шарло Дюпонъ понравился", — сообщалъ „Фигаро".

Шарло Дюпонъ отправился въ свое провинціальное турнэ. Успѣха не было.

Возвратясь въ Парижъ, онъ сталъ хлопотать о мѣстѣ въ оркестрѣ.

Шарло явился къ дирижеру и сыгралъ ему что-то. Тотъ былъ удовлетворенъ.

— Не дурно, не дурно. Но тонъ слишкомъ слабъ.

— Инструментъ такъ малъ,—сказалъ Шарло.

— Можетъ быть.

— Ваше имя, сударь?—сказалъ дирижеръ.

— Шарло Дюпонъ.

— Шарло Дюпонъ, осмѣлюсь спросить: не вы ли это извѣстный малолѣтній скрипачъ?

— Да,—сказалъ Шарло,—это я.

— Такъ,—дирижеръ былъ нѣсколько смущенъ,—я не думаю, у насъ нѣтъ мѣста для виртуозовъ, мы,—вы понимаете, господинъ Дюпонъ, мы нуждаемся въ людяхъ, которые умѣютъ работать.

И онъ увѣрилъ господина Дюпона, что мѣсто уже почти какъ бы занято.

Шарло снова попалъ къ импрессаріо.

Турнэ Шарло Дюпона совершалось по городамъ десятаго ранга.

И вѣчно повторялась одна и та же исторія: пустые залы, неоплаченные счета, задержанные сундуки, долгіе, тревожные дни. Со страхомъ освѣдомлялись въ кассѣ, продано ли хоть что нибудь. Истиннымъ облегченіемъ было для него и

то, если удавалось покрыть расходы. Шарло Дюпонъ всегда почти былъ утомленъ.

Въ его репертуарѣ была элегія „La Folia". Онъ игралъ ее такъ, что иныя чувствительныя души плакали.

Но критика жаловалась, что въ игрѣ Шарло Дюпона нѣтъ никакой энергіи, и что тонъ его слабъ и тонокъ, какъ нитка.

Въ этихъ городкахъ, на первомъ концертѣ залъ иногда еще бывалъ полонъ. На слѣдующихъ онъ всегда былъ пустъ.

Въ настоящее время Шарло двадцать лѣтъ.

МАЯКЪ.

Среди угрюмыхъ скалъ, стѣсненная гранитомъ,
Полоскою стальной блеститъ фіорда гладь.
На узкомъ выступѣ, прибоями обмытомъ,
Гдѣ лишь олень едва сумѣлъ бы устоять,—
Заботливой рукой и волею желѣзной
У входа въ океанъ воздвигнутый давно,
Спасительный маякъ надъ роковою бездной
Вздымаетъ тусклое отъ бѣлыхъ брызгъ окно.
Ни травки, ни жилья... Одинъ, не умолкая,
Бушуетъ океанъ и грозно въ берегъ бьетъ,
Да налетитъ порой усталыхъ чаекъ стая,
Да сторожъ медленно вкругъ башни обойдетъ.
Но лишь померкнетъ день, и ночь укроетъ горы,
Маякъ весь оживетъ, заблещетъ въ черной мглѣ!
И радостнѣй морякъ въ даль устремляетъ взоры,
Свѣтъ ободряющій завидѣвъ на скалѣ!

Леонидъ Б.

Аграрный вопросъ въ Соціалистическомъ Интернаціоналѣ.

Эволюція соціалистической мысли передовыхъ странъ Западной Европы въ области аграрнаго вопроса совершается въ послѣднее время все ускоряющимся темпомъ. Старыя догматическія понятія рѣшительно сдаются въ архивъ теоретиками трудового міровоззрѣнія, и постепенно вырабатываются новые, болѣе смѣлые, и болѣе отвѣчающіе требованіямъ жизни принципы аграрной теоріи и политики соціализма. Разсмотрѣніе основныхъ чертъ этой эволюціи и причинъ, ее обусловливающихъ и опредѣляющихъ, представляетъ, конечно, для насъ, русскихъ, огромный и первостепенный интересъ. Мы намѣрены поэтому посвятить вопросу о соціализмѣ и крестьянствѣ на Западѣ спеціальную большую работу, а также одинъ или два очерка на страницахъ «Русскаго Богатства».

Предварительно мы хотѣли бы, однако, ознакомить возможно подробнѣе читающую публику съ обсужденіемъ аграрнаго вопроса на конгрессахъ и въ литературѣ стараго Интернаціонала и на международныхъ конгрессахъ современныхъ соціалистическихъ партій. Такое ознакомленіе дастъ возможность отчетливо выяснить исходную точку названной выше эволюціи и правильно оцѣнить ея сущность и ея этапы. Съ этой цѣлью мы и предлагаемъ читателямъ настоящую статью.

---

1. Аграрный вопросъ на конгрессахъ стараго Интернаціонала.

I.

Впервые аграрный вопросъ подвергался обсужденію представителей организованнаго соціализма на второмъ конгрессѣ стараго Интернаціонала, имѣвшемъ мѣсто въ 1867 году, въ Лозаннѣ. Пренія, вызванныя этимъ вопросомъ, носили отвлеченный, исключительно теоретическій характеръ и сосредоточились, главнымъ обра-

зомъ, на вопросѣ о формахъ земельной собственности въ будущемъ строѣ, на вопросѣ о томъ, должна ли въ соціалистическомъ обществѣ земля находиться въ частномъ или коллективномъ владѣніи. Необходимость перехода всей земли въ руки общества, точно такъ же, какъ и всѣхъ орудій производства, всѣхъ богатствъ, созданныхъ и накопленныхъ трудами человѣчества, являющаяся теперь основнымъ credo международнаго соціализма, въ эпоху возникновенія Интернаціонала еще не была ясна для всѣхъ борцовъ за освобожденіе трудящихся, что объясняется, конечно, молодостью и незрѣлостью соціалистической мысли того времени.

Различныя соціалистическія системы тогда еще только вырабатывались, но еще не вылились въ ясныя, опредѣленныя и, главное, еще не были, если можно такъ выразиться, переварены большинствомъ участниковъ зарождавшагося интернаціональнаго движенія. Для этого большинства контуры будущаго идеальнаго строя рисовались еще смутно, и не было твердо установлено, за какія опредѣленныя формы общественной организаціи нужно бороться и какими средствами, какимъ путемъ за нихъ бороться. Это обстоятельство отразилось и на идейной физіономіи Интернаціонала, объединившаго сторонниковъ различныхъ ученій и не провозгласившаго въ ясной и категорической формѣ ни конкретныхъ цѣлей своей борьбы, ни «путей и средствъ» къ ихъ осуществленію.

Естественно, что огромный и сложный вопросъ о «путяхъ и средствахъ» и о формахъ будущаго долженъ былъ неминуемо встать передъ Интернаціоналомъ съ первыхъ же шаговъ его практической дѣятельности, а это обстоятельство не могло не натолкнуть его на аграрную проблему.

Естественно также, что Интернаціоналъ долженъ былъ рѣшить эту проблему принципіально-теоретически, прежде чѣмъ приступить къ выработкѣ основъ своей аграрной политики. А принципіально-теоретическое обсужденіе, конечно, раньше всего должно было имѣть цѣлью выясненіе тѣхъ формъ землевладѣнія и землепользованія, которыя находятся въ большомъ соотвѣтствіи съ интересами труда и всего человѣчества. Отсюда и тотъ характеръ, который приняли пренія по аграрному вопросу на лозаннскомъ конгрессѣ, и который они носили, въ значительной степени, и на остальныхъ конгрессахъ Интернаціонала.

Аграрный вопросъ не фигурировалъ въ числѣ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію лозаннскаго конгресса, но конгрессисты наткнулись на него во время преній о рабочихъ обществахъ. Пренія эти имѣли цѣлью выяснить значеніе для соціалистическаго движенія этихъ обществъ,—которыя въ то время представляли собою почти исключительно кооперативныя и кредитныя организаціи, построенныя въ огромномъ большинствѣ на чисто буржуазныхъ началахъ,—а также и наиболѣе цѣлесообразный характеръ отношеній къ нимъ международнаго товарищества работ-

никовъ. Вопросъ этотъ былъ чрезвычайно важный и серьезный для Интернаціонала, только начинавшаго еще нетвердыми шагами выступать на арену рабочей борьбы. Конгрессъ выбралъ поэтому спеціальную коммиссію для болѣе детальнаго его обсужденія и выработки соотвѣтствующей резолюціи; въ коммиссію эту вошли, между прочими, профессоръ Бюхнеръ, авторъ нашумѣвшей въ свое время книги «Сила и Матерія», и бельгійскій соціалистъ Цезарь Депапъ, сдѣлавшійся вскорѣ виднѣйшимъ теоретикомъ Интернаціонала по аграрному вопросу, а впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ основателей нынѣшней бельгійской рабочей партіи. Резолюція, которую коммиссія предложила конгрессу для окончательнаго вотированія, указывала, что если рабочія общества сохранятъ свой буржуазный характеръ и будутъ продолжать развиваться въ старомъ направленіи, то результатомъ ихъ дѣятельности, въ случаѣ ихъ значительнаго расширенія и размноженія, будетъ образованіе четвертаго сословія, еще болѣе несчастнаго, чѣмъ современный пролетаріатъ. Но для того, чтобы избѣгнуть этой опасности, «необходимо, гласила резолюція, чтобы рабочій классъ проникся мыслью, что общественное преобразованіе можетъ быть произведено рѣшительнымъ и радикальнымъ образомъ лишь при помощи мѣръ, распространяющихся на все общество въ его цѣломъ и отвѣчающихъ принципамъ взаимности и справедливости» *). Въ резолюціи объ этихъ мѣрахъ, однако, ничего не говорилось болѣе или менѣе конкретно; но о нихъ упоминалъ докладъ коммиссіи, представленный ею конгрессу и составленный Депапомъ. Однако и въ докладѣ перечислявшіяся мѣры не рекомендовались конгрессу для немедленнаго принятія, а только какъ заслуживающія вниманія и болѣе детальнаго ознакомленія. Такъ осторожно приходилось еще тогда относиться къ вопросамъ, составляющимъ самую суть соціализма. Мѣры, перечисленныя Депапомъ, сводились, главнымъ образомъ, къ преобразованію національныхъ банковъ, къ уничтоженію права наслѣдованія не по прямой линіи на нѣкоторыхъ степеняхъ родства, къ налогу на наслѣдства и *къ передачѣ земли въ собственность всего общества*. Такимъ образомъ, впервые въ оффиціальномъ документѣ международнаго организованнаго соціализма появилось требованіе *національзаціи земли*. Правда, какъ мы видѣли, это требованіе не формулировалось категорически, но одного только упоминанія о немъ было достаточно, чтобы противъ него сейчасъ же ополчились съ большимъ жаромъ тѣ изъ членовъ конгресса, которые примыкали къ воззрѣніямъ французскаго философа и ученаго Прудона. Прудону, какъ извѣстно, принадлежитъ знаменитая фраза: «La prorpiété c'est le vol» (собственность есть кража). Однако, отвергая капиталистическую собственность, являв-

*) Compte rendu du Cogrès de Lausanne de l'Association Internationale des travailleurs. 1867, стр. 17.

шуюся результатомъ обмана и насилія, Прудонъ, какъ извѣстно, отвергалъ и собственность коллективную, находя необходимымъ сохранить въ будущемъ строѣ мелкую индивидуальную собственность, въ которой онъ видѣлъ одну изъ пружинъ соціальнаго прогресса *). Прудонисты на Лозаннскомъ конгрессѣ возстали поэтому противъ національзаціи земли, именно, какъ враги коллективизма и сторонники строгаго индивидуализма, и, защищая свою точку зрѣнія, называли эту мѣру утопической, вредной и неосуществимой. Изъ рѣчей конгрессистовъ, возражавшихъ прудонистамъ, особенно выдѣлялась рѣчь уже упомянутаго Депапа. Въ этой рѣчи Депапъ, во-первыхъ, старался, весьма удачно, побить прудонистовъ ихъ же собственнымъ аргументомъ о необходимости созданія условій для правильнаго обмѣна, указывая на то, что безъ національзаціи земли такихъ условій нельзя будетъ реализовать **), а, во-вторыхъ, привелъ цѣлый рядъ доводовъ для обоснованія провозглашеннаго имъ *права всего общества на землю.* Изъ этихъ доводовъ упомянемъ только вкратцѣ о двухъ наиболѣе существенныхъ и интересныхъ: 1) Право собственности есть право безграничнаго распоряженіе ея объектомъ, право не только пользоваться данной вещью, но и по желанію портить и разрушать ее. Такъ какъ земля необходима всему обществу въ его цѣломъ, а не только отдѣльнымъ его членамъ, и такъ какъ общество ничѣмъ не можетъ быть гарантировано, что частные владѣльцы земли не нанесутъ ущерба ея плодородію, не истощатъ, умышленно или неумышленно, почвы и вообще не сдѣлаютъ ее непригодной или малопригодной для производительныхъ цѣлей, отъ чего будутъ страдать интересы всей коллективности, то, значитъ, частная собственность на землю становится въ противорѣчіе съ общественнымъ интересомъ. 2) Такъ какъ земля есть основа всякаго производства продуктовъ, то предоставленіе права собственности на землю отдѣльнымъ лицамъ превращаетъ все общество въ ихъ данниковъ и ставитъ его въ полную отъ нихъ зависимость.

Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ и оживленныхъ дебатовъ, рѣшено было требованіе о переходѣ земли въ общественную собственность, въ виду неопредѣленной его формулировки, вычеркнуть изъ доклада и подвергнуть аграрный вопросъ спеціальному обсужденію на слѣдующемъ международномъ конгрессѣ. Но на этомъ же Лозаннскомъ конгрессѣ аграрный вопросъ снова выступилъ на сцену при обсужденіи предложенія одного изъ конгрессистовъ о передачѣ въ общественное владѣніе управленія рудни-

---

*) См. объ этомъ мою статью въ „Р. Б.“, май, 1908 г.

**) Если одни производители будутъ обладать земельной собственностью, а другіе будутъ безземельны, то при обмѣнѣ продуктовъ преимущество окажется на сторонѣ первыхъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ будетъ орудіе производства, являющееся монополіей, ибо земля не можетъ быть создана руками людей.

ками, желѣзными дорогами и каналами. На этотъ разъ противъ прудонистовъ выступили также нѣмецкіе и англійскіе делегаты Эккаріусъ, Леснеръ, Беккеръ, Стумпфъ и др., всѣ горячіе послѣдователи Маркса, которые, энергично поддерживая Депапа и повторяя его аргументацію, выдвинули въ качествѣ аргумента въ пользу его позиціи также ссылку на то, что историческій законъ всюду ведетъ къ образованію крупной собственности. Это уже былъ чисто марксистскій взглядъ на соціально-экономическую эволюцію, только начинавшій тогда пріобрѣтать право гражданства въ соціалистическихъ кругахъ.

Этимъ и закончились дебаты Лозаннскаго конгресса по аграрному вопросу. Болѣе обстоятельному обсужденію этотъ вопросъ подвергся уже на третьемъ конгрессѣ Интернаціонала, состоявшемся въ 1868 году, въ Брюсселѣ.

Участники Брюссельскаго конгресса были уже лучше подготовлены къ дебатамъ по аграрному вопросу, чѣмъ лозаннскіе конгрессисты. За промежутокъ времени, отдѣлявшій эти два конгресса, аграрный вопросъ успѣлъ подвергнуться обсужденію въ цѣломъ рядѣ группъ и секцій Интернаціонала, и двѣ изъ нихъ (бельгійская и руанская) прислали даже конгрессу спеціальные доклады, посвященные аграрной проблемѣ. Наиболѣе интереснымъ и содержательнымъ изъ этихъ двухъ докладовъ оказался написанный Депапомъ докладъ бельгійской секціи, который и послужилъ центромъ преній и основная мысль котораго получила воплощеніе въ резолюціи конгресса. Нѣкоторый интересъ представлялъ, однако, и докладъ руанской секціи (Франція), въ виду тѣхъ практическихъ мѣръ, которыя имъ рекомендовались. Руанская секція не откладывала борьбы за аграрную реформу до окончательнаго соціальнаго переворота и поэтому считала необходимымъ и въ настоящемъ бороться за ея осуществленіе «путемъ проникновенія рабочаго элемента, при помощи всеобщаго избирательнаго права, во всѣ коммунальныя администраціи и борьбы внутри этихъ администрацій за переходъ въ руки коммуны всей частной земельной собственности, на основѣ выкупа, выплачиваемаго въ теченіе 20—30 лѣтъ». А затѣмъ, черезъ сліяніе земельной коммунальной собственности въ одну общую, можно было бы реализовать и полную націонализацію земли. Но какимъ образомъ борьба рабочаго элемента внутри коммунальныхъ администрацій могла бы привести къ выкупу земли,—объ этомъ докладъ, къ сожалѣнію, умалчивалъ.

Въ докладѣ Депапа мы находимъ существенно иное содержаніе. Въ немъ не только интересныя практическія мѣры, но и серьезное, продуманное теоретическое содержаніе. Для защиты выдвигаемаго имъ требованія Депапъ не ограничился одними только доводами моральнаго свойства, но постарался обосновать его также аргументами цѣлесообразности и экономической необходимости. Съ этой цѣлью онъ начерталъ въ своемъ докладѣ

схему соціально-экономическаго развитія, представляющую для насъ чрезвычайно большой интересъ, такъ какъ она выясняетъ взгляды большинства конгрессистовъ на вопросъ, имѣющій въ настоящее время капитальное значеніе при обсужденіи аграрной проблемы. Что мысли, высказанныя въ докладѣ Депапа, раздѣлялись большинствомъ конгрессистовъ, это видно изъ того уже, что онѣ были положены въ основу резолюціи конгресса; даже такіе крайніе марксисты, какъ ближайшіе ученики и друзья Маркса, члены генеральнаго совѣта Эккаріусъ и Леснеръ и предсѣдатель нѣмецкой секціи Іоганнъ Беккеръ, въ своихъ рѣчахъ, направленныхъ противъ прудонистовъ, ни однимъ словомъ не обмолвились противъ депаповской теоретической позиціи. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что точка зрѣнія Депапа въ аграрномъ вопросѣ раздѣлялась *абсолютно и безусловно* всѣми марксистами того времени, и всѣ утвержденія о теоретическихъ разногласіяхъ, существовавшихъ въ этомъ вопросѣ между ними и Депапомъ, основаны на недоразумѣніи. Марксисты нѣсколько расходились съ Депапомъ лишь по отношенію къ одной изъ предложенныхъ имъ практическихъ мѣръ. Взгляды ихъ на соціально-экономическую эволюцію и на соціально-политическую сущность крестьянства вполнѣ совпадали со взглядами Депапа. Докладъ Депапа начинался съ очерка возникновенія частной собственности на землю, при чемъ онъ всецѣло придерживался схемы Прудона въ этомъ вопросѣ и доказывалъ, что первоначально частная собственность на землю возникла именно въ цѣляхъ созданія равенства въ владѣніи землей. Теперь же,—утверждалъ Депапъ,—частная земельная собственность, въ силу цѣлаго ряда историческихъ и соціальныхъ условій, приводитъ къ совершенно обратнымъ результатамъ. Слѣдовательно, нужно ее отмѣнить. Никакихъ морально-правовыхъ препятствій для совершенія этого акта не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ,—спрашивалъ Депапъ,—чѣмъ обосновываютъ земельные владѣльцы свое право на землю? Во-первыхъ, правомъ перваго захвата. Но первый захватъ не можетъ служить основаніемъ для права вѣчнаго и исключительнаго владѣнія, первый захватъ есть голый фактъ. Пока свободной земли имѣется въ изобиліи для всѣхъ желающихъ ее обрабатывать, этотъ фактъ можно признавать; но когда наступаетъ земельная тѣснота, онъ не можетъ служить основаніемъ для лишенія земли тѣхъ, кто въ ней нуждается. Однимъ словомъ, Депапъ выводилъ здѣсь право на землю изъ *права на трудъ*. Второй доводъ,—продолжалъ онъ,—это прескрипція. Но люди не могутъ отказаться отъ права на трудъ, какъ и отъ права на свободу. А признать право частнаго захвата земель равносильно отказу отъ права на трудъ. Прескрипція не можетъ основываться на заблужденіи. Да наконецъ, мало ли старыхъ законовъ отмѣняется теперь, когда они становятся въ противорѣчіе съ общественнымъ благомъ. Почему же

дѣлать исключенiе для частной собственности на землю. Защитники этой собственности,—утверждалъ Депапъ далѣе,—указываютъ, что она въ современномъ своемъ видѣ явилась результатомъ всеобщаго согласiя. Но если бы даже это утвержденiе соотвѣтствовало дѣйствительности (а цѣлый рядъ ученыхъ доказываетъ обратное), то и тогда оно не выдерживаетъ критики. Люди могли соглашаться по невѣжеству, непониманiю, не будучи въ состоянiи предвидѣть послѣдствiй своего согласiя. Но изъ этого не слѣдуетъ, что ошибка, разъ совершенная, никогда не можетъ быть исправлена. Наконецъ, послѣднiй доводъ—право труда. Да, всякiй имѣетъ право на продуктъ своего труда. Но земля не создана человѣческимъ трудомъ, слѣдовательно, она не можетъ принадлежать отдѣльнымъ лицамъ, а лишь всему человѣчеству.

Доказавъ такимъ образомъ необходимость коллективной собственности на землю съ этической точки зрѣнiя, Депапъ переходитъ къ обоснованiю этой необходимости требованiями экономическаго развитiя, при чемъ выясняетъ раньше всего свой взглядъ на роль личности въ историческомъ процессѣ.—Наше дѣло,—говорилъ онъ,—выяснить, въ какомъ направленiи дѣйствуютъ историческiе законы: въ сторону ли соцiализацiи земельной собственности, или наоборотъ. Выяснивъ, мы должны вмѣшаться, насколько это возможно, для того, чтобы или *ускорить этотъ процессъ*, если это, въ интересахъ рабочаго класса, или же *парализовать его дѣйствiе*, если онъ противорѣчитъ этимъ интересамъ (курс. мой—Е. С.). Такимъ образомъ, Депапъ здѣсь признаетъ за личностью извѣстную творческую роль и не смотритъ на нее, только какъ на игрушку слѣпыхъ силъ исторiи. Этотъ основной взглядъ, который, какъ мы увидимъ ниже, будетъ развитъ у него гораздо полнѣе, и опредѣлялъ, главнымъ образомъ, и общее мiросозерцанiе Депапа, и его точку зрѣнiя въ аграрномъ вопросѣ. Далѣе Депапъ *) набрасывалъ слѣдующимъ образомъ картину соцiально-экономической эволюцiи, изъ которой, по его мнѣнiю, явствовало, что соцiализацiя земли явится соцiальной необходимостью. «Доминирующимъ фактомъ современнаго фазиса экономическаго развитiя является примѣненiе, въ постоянно увеличивающихся размѣрахъ, двухъ крупныхъ экономическихъ силъ въ производствѣ вездѣ, гдѣ экономическiя силы могутъ увеличить сумму продуктовъ: мы говоримъ о коллективномъ трудѣ и машинѣ. Мы уже видѣли, какъ въ индустрiи эта непреодолимая тенденцiя привела къ раззоренiю мелкихъ

*) Одно изъ наиболѣе интересныхъ возраженiй Депапа противъ прудонистовъ заключалось въ слѣдующемъ. Разъ, какъ утверждаютъ прудонисты, собственность есть гарантiя свободы, то владѣть ею должны всѣ. но такъ какъ это невозможно при сохраненiи частной собственности, то остается одинъ только путь: собственность коллективная; тогда всѣ будутъ имѣть право на пользованiе землей, но никто не будетъ лично владѣть ею.

хозяевъ, раззоренію, явившемуся слѣдствіемъ конкуренціи крупныхъ предпринимателей или капиталистическихъ товариществъ, которые одни только имѣютъ возможность употреблять крупныя механическія орудія и пользоваться излишкомъ продуктовъ, получаемыхъ отъ планомѣрной организаціи и отъ комбинированія усилій легіона наемныхъ рабочихъ. Но если существуетъ какая-либо отрасль производства, гдѣ примѣненіе коллективнаго труда является необходимымъ, то это именно земледѣліе... И если существуетъ какая нибудь отрасль производства, гдѣ необходимо введеніе машинъ, то это опять-таки земледѣліе» *). Но тамъ, гдѣ крупное производство, тамъ неизбѣжна и крупная собственность, слѣдовательно, образованіе крупнаго землевладѣнія и вытѣсненіе имъ мелкаго будетъ неизбѣжнымъ результатомъ экономическаго развитія. Депапъ, какъ видимъ, развивалъ здѣсь рѣзкій ортодоксально-марксистскій взглядъ на эволюцію сельскаго хозяйства. И въ этомъ, собственно говоря, не было ничего удивительнаго. Только что вышелъ 1-й томъ «Капитала» Маркса, гдѣ съ такимъ блескомъ и силой, такъ стройно и красиво былъ формулированъ законъ неизбѣжности концентраціи собственности и производства въ промышленности. И соціалисты вполнѣ естественно переносили этотъ законъ по аналогіи и на область сельскаго хозяйства, которое ими еще совсѣмъ не было изслѣдовано и съ фактами и явленіями котораго, противорѣчащими указанному закону, они еще не были знакомы. Депапъ такъ твердо былъ увѣренъ въ правильности своей схемы, что его даже не смущалъ фактъ дробленія крестьянской собственности во Франціи, опровергавшій его положенія. «Въ Англіи, — писалъ онъ, — концентрація идетъ быстро; во Франціи, наоборотъ, земельная собственность все болѣе и болѣе дробится... Но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ расти въ огромныхъ размѣрахъ гипотека и въ то же самое время капиталъ захватываетъ земли въ свое владѣніе. Это ведетъ въ концѣ концовъ къ обезземеленію крестьянства, и *мелкій производитель въ земледѣліи исчезаетъ такъ же, какъ онъ исчезъ въ добывающей промышленности»* **). Но все таки слабый лучъ надежды еще мерцаетъ для осужденнаго такъ безповоротно на исчезновеніе крестьянина. «*Быть можетъ*, ему остается, какъ и городскому рабочему, послѣдній якорь спасенія—товарищество». Ибо товарищество дастъ ему возможность противопоставить убивающему его крупному капиталистическому производству свое собственное крупное производство. «Но чтобы реализовать всѣ выгоды крупной культуры, товарищество должно будетъ употреблять усовершенствованные пріемы обработки, а для этого членамъ товарищества при-

---

*) Compe rendu du congrès de Bruxelle de l'Association Internationale des travailleurs. 1868 pp. 35.

**) Тамъ же, стр. 39.

дется соединить свои мелкіе участки въ одинъ болѣе или менѣе крупный участокъ, т. е. мѣсто мелкой раздробленной собственности займетъ коллективная... Можно, слѣдовательно, формулировать аграрную проблему во Франціи слѣдующимъ образомъ: или крестьянство побѣдитъ начинающее возрождаться феодальное землевладѣніе, но для этого ему нужно будетъ согласиться на образованіе земледѣльческихъ товариществъ, на коллективную собственность; или же оно не побѣдитъ этого новаго феодализма и тогда вынуждено будетъ перейти въ ряды пролетаріата. Но тогда концентрація всей земельной собственности въ рукахъ нѣсколькихъ владѣльцевъ приведетъ во Франціи, точно такъ же какъ въ Англіи и въ Германіи, къ соціальному перевороту, результатомъ котораго будетъ земледѣльческое товарищество и коллективная собственность» *). Ибо, по мнѣнію автора доклада, человѣчество не остановится на естественномъ результатѣ экономическаго развитія: крупномъ капиталистическомъ землевладѣніи, которое въ отношеніи соціальной справедливости является возвратомъ къ среднимъ вѣкамъ, а реализуетъ такую форму собственности, которая будетъ находиться въ соотвѣтствіи съ интересами земледѣльческой культуры и вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ противорѣчить принципамъ справедливости. Такой формой собственности можетъ быть только коллективная. Общественный прогрессъ и ростъ сознанія трудовыхъ массъ является порукой осуществленія коллективнаго владѣнія землей. Авторъ вмѣстѣ съ этимъ склоненъ думать, что французское крестьянство не дастъ побѣдить себя капитализму, а во-время сумѣетъ сорганизоваться въ товарищества и превратитъ постепенно свою частную собственность въ коллективную. «Правда,—говоритъ онъ,—по словамъ многихъ, въ сердцѣ французскаго крестьянина живетъ инстинктъ личнаго свободнаго владѣнія, инстинктъ, опоэтизированный Мишлэ, воспѣвавшимъ «мистическій бракъ человѣка съ землей». *Но передъ властнымъ закономъ необходимости* крестьянство забудетъ эту утопію. Въ конечномъ счетѣ онъ будетъ считать себя счастливымъ, обмѣнявъ свой пустой титулъ частнаго собственника и право эгоистическаго пользованія (если можно назвать пользованіемъ безконечный тяжелый трудъ на истощенной почвѣ) на выгоду коллективнаго владѣнія землей, продукты которой увеличатся въ двадцать разъ при сокращеніи въ такомъ же размѣрѣ суммы труда, необходимаго для ихъ производства» **).

Обращаемъ особенное вниманіе читателей на эту постановку вопроса Депапомъ, ибо такъ вопросъ ставился не только имъ однимъ, а, какъ мы увидимъ ниже, всѣми интернаціоналистами, въ томъ числѣ и крайними марксистами, за исключеніемъ однихъ только сторонниковъ частной земельной собственности — прудони-

*) Тамъ же, стр. 39.
**) Тамъ же, стр. 38.

стовъ. Депапъ и большинство членовъ Интернаціонала *были глубоко убѣждены* въ существованіи свойственнаго капиталистическому обществу непреложнаго историческаго закона, ведущаго неуклонно къ концентраціи собственности и производства не только въ индустріальной промышленности, но и въ сельскомъ хозяйствѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ они вѣрили въ соціально-творческую способность личности. Поэтому-то они допускали, что эволюція земледѣлія и землевладѣнія въ сторону концентраціи *только тогда* пойдетъ по чисто капиталистическому пути, когда крестьяне—останутся сидѣть, сложа руки, и ничѣмъ не будутъ реагировать на губительное давленіе капитализма. Въ противномъ же случаѣ интернаціоналисты полагали, что указанная эволюція пойдетъ не черезъ капиталистическую эксплуатацію, а черезъ кооперативную собственность и кооперативное производство. Они не утверждали категорически, что крестьянству неизбѣжно предстоитъ пролетаризація; но точно также не утверждали и того, что крестьянство выстоитъ въ экономической борьбѣ: не «только пролетаризація» или «только кооперація», а «или пролетаризація или кооперація», такъ представляли они себѣ аграрную проблему. Вторая гипотеза представлялась имъ, однако, болѣе вѣроятной; при чемъ ея осуществленіе не казалось имъ вовсе противорѣчащимъ формулированному Марксомъ закону, такъ какъ они утверждали, что крестьяне вынуждены будутъ прибѣгнуть къ коопераціи, къ коллективизму, именно подъ вліяніемъ развивающейся конкурренціи крупнаго капитала и въ цѣляхъ защиты отъ нея. Поэтому-то нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Депапъ, смотрѣли и на процессъ концентраціи черезъ кооперацію, тоже какъ на процессъ естественный, автоматическій. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ читателямъ, какъ охарактеризованная нами точка зрѣнія интернаціоналистовъ являлась основаніемъ всей ихъ аргументаціи въ аграрномъ вопросѣ. Мы особенно подчеркиваемъ это, имѣющее капитальное значеніе, обстоятельство, такъ какъ оно даетъ ключъ для выясненія эволюціи соціалистической мысли въ этомъ вопросѣ отъ Интернаціонала до нашихъ дней. Далѣе, въ своемъ докладѣ Депапъ перечислялъ всѣ планы разрѣшенія аграрной проблемы, формулировавшіеся ранѣе соціалистическими теоретиками, а именно: 1) планъ Луи Блана, изложенный имъ въ 1845 году, въ его схемѣ организаціи труда. Земля выкупается постепенно у частныхъ владѣльцевъ, при чемъ первые выкупы совершаются на средства государства, а остальные при помощи суммъ, полученныхъ въ видѣ арендной платы за уже выкупленные участки.

2) Планъ Прудона, предложенный въ 1848 году. Съ опредѣленнаго, заранѣе назначеннаго срока, считать арендныя поступленія годичнымъ погашеніемъ стоимости арендуемыхъ земель.

3) Планъ Колэна. Переходъ въ коллективную собственность всѣхъ наслѣдствъ ab intestato, безъ прямыхъ наслѣдниковъ; налогъ

въ 25% общей стоимости со всякаго наслѣдства, оставленнаго по завѣщанію и провозглашеніе принципа, что земля, разъ вошедшая въ коллективное владѣніе, является навсегда неотчуждаемой.

Депапъ высказывался лично въ пользу полной сразу осуществленной націонализаціи земли. По предлагаемому имъ плану земля должна была принадлежать всей націи, которая черезъ посредство народнаго государства, конечно, сдавала бы ее въ пользованіе земледѣльческимъ товариществамъ, на условіяхъ, обезпечивающихъ этимъ товариществамъ право на полный продуктъ труда и на прибавочную цѣнность земли, созданную ихъ усиліями. Съ своей стороны товарищества должны дать обществу извѣстныя гарантіи относительно способовъ эксплуатаціи земли и продажныхъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Государству также, согласно плану Депапа, представлялось право взимать съ товариществъ земельную ренту съ цѣлью созданія равенства между различными земледѣльческими группами, занимающими землю неодинаковаго качества.

Депапъ въ своемъ докладѣ не указывалъ никакихъ переходныхъ мѣръ, могущихъ содѣйствовать тому процессу концентраціи черезъ кооперацію, который онъ нарисовалъ раньше, и подготовить постепенно основы коллективизма въ земледѣліи Объясняется это общимъ міровоззрѣніемъ Депапа, раздѣлявшимся въ то время большинствомъ революціонеровъ. Это міровоззрѣніе основывалось на черезчуръ пессимистическомъ взглядѣ на капиталистическое общество и черезмѣрной вѣрѣ въ способность народныхъ массъ быстро воспринять соціалистическій идеалъ и не менѣе быстро провести его въ жизнь. Депапъ былъ убѣжденъ, что въ капиталистическомъ обществѣ невозможно реализовать никакихъ, хотя бы мало-мальски прогрессивныхъ соціальныхъ реформъ, ибо господствующіе классы никогда не согласятся пойти даже на незначительныя уступки. И этотъ взглядъ отчасти оправдывался политическими условіями той эпохи. Поэтому-то Депапъ не находилъ возможнымъ добиваться переворота въ аграрной области частями и стоялъ за необходимость совершить этотъ переворотъ революціоннымъ путемъ, сразу, одновременно съ полнымъ преобразованіемъ всѣхъ общественныхъ отношеній. Послѣднее не отодвигалось Депапомъ и его сторонниками въ туманную даль грядущаго; они вовсе не намѣрены были ждать его осуществленія, какъ результата соціально-экономической эволюціи, *даже совершающейся въ сельско-хозяйственной области черезъ посредство товариществъ.* Исходя изъ своего крайняго революціоннаго оптимизма, они вѣрили въ близость народной соціальной революціи, совершенной усиліями людей, опережающихъ историческій процессъ и *лишь дѣйствующихъ въ направленіи его развитія.* Для нихъ достаточно было только знать, что ихъ борьба не противорѣчитъ историческому закону *).

---

*) Этотъ оптимизмъ, какъ извѣстно, раздѣлялъ и Марксъ, предсказы-

И только для этой цѣли Депапъ набрасывалъ въ своемъ докладѣ схему соціально-экономическаго развитія.

Отсюда отрицательное отношеніе большинства интернаціоналистовъ ко всякаго рода легальной борьбѣ, въ томъ числѣ, и парламентской, которая казалась имъ совершенно безцѣльной и только компрометирующей цѣли революціи. Что именно таковымъ было господствующее настроеніе въ Интернаціоналѣ, это ясно видно изъ соціалистической литературы того времени. Это еще болѣе ясно показали дебаты Базельскаго конгресса, состоявшагося въ 1869 году, гдѣ аграрный вопросъ, по требованію прудонистовъ, въ третій разъ подвергся обсужденію. Еще прежде, чѣмъ приступить къ этому обсужденію, базельскіе конгрессисты нашли случай высказаться въ охарактеризованномъ мною духѣ по вопросу о тактикѣ Интернаціонала въ дебатахъ по поводу предложенія нѣмецкаго делегата Риттингаузена о необходимости выставить однимъ изъ лозунговъ борьбы введеніе прямого народнаго законодательства (референдумъ). Резолюція конгресса, отвергшая это предложеніе, между прочимъ, гласила, «что члены Интернаціонала не должны принимать никакого участія ни въ какомъ политическомъ движеніи, которое не будетъ имѣть *прямой и непосредственной цѣлью* освобожденіе работниковъ» *).

Возражать противъ положеній доклада Депапа выступили одни только прудонисты. Ихъ доводы сводились, главнымъ образомъ, къ тому, что коллективная земельная собственность является угрозой для правъ и свободы личности, и что пользованіе выгодами крупнаго производства мыслимо и при существованіи мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ путемъ совмѣстной покупки усовершенствованныхъ орудій образованными для этой цѣли кооперацiями. Они утверждали также, что при правильной организаціи обмѣна и земельнаго налога можно будетъ достигнуть уравненія въ землевладѣніи.

Въ защиту своего доклада Депапъ только повторилъ и нѣсколько болѣе конкретизировалъ содержавшіяся въ немъ формулы. Но онъ значительно подчеркнулъ при этомъ свой тезисъ относительно возможности для крестьянства спасенія. Въ докладѣ онъ утверждалъ, что ему, *можетъ быть*, остается якорь спасенія: товарищество, а въ рѣчи у него звучитъ другая нотка. Во Франціи, сказалъ онъ, коллективной собственности, *безъ сомнѣнія*, будетъ предшествовать образованіе земледѣльческихъ товариществъ. Депапа, какъ я уже указывалъ, энергично поддерживали члены Лондонскаго Генеральнаго Совѣта съ Эккаріусомъ и Леснеромъ во главѣ. Конгрессъ принялъ его точку зрѣнія. Резолюція, вотированная по-

---

вавшій, что на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, въ 1874 году, капиталисты будутъ уже только исполнять роль чичероне (проводниковъ).

*) Quatrième Congrès de l'Association Internationale des travailleurs tenu à Bâle en 1869, стр. 27.

давляющимъ большинствомъ, начиналась съ указанія, «что интересы производства и примѣненія агрономическихъ знаній требуютъ крупной культуры, введенія машинъ и организаціи коллективнаго труда въ земледѣліи, что экономическое развитіе ведетъ къ этой цѣли, и что поэтому трудъ и собственность въ сельскомъ хозяйствѣ требуютъ такого же отношенія, какъ трудъ рудокоповъ и собственность нѣдръ земли». Далѣе повторялись тезисы Депапа о томъ, что земля есть необходимая основа всякаго производства, что частное землевладѣніе ставитъ все общество въ полную зависимость отъ кучки земельныхъ собственниковъ, и заключалась резолюція такъ: «Конгрессъ полагаетъ, что экономическая эволюція сдѣлаетъ переходъ земли въ коллективную собственность общественной необходимостью, и что земля будетъ сдаваться земледѣльческимъ товариществамъ на такихъ же началахъ, какъ рудники товариществамъ рабочихъ, при соблюденіи условій, обезпечивающихъ интересы какъ общества, такъ и земледѣльцевъ, и аналогичныхъ условіяхъ сдачи копей и желѣзныхъ дорогъ» *). Резолюція эта, какъ видитъ читатель, представляла собою краткое, но точное резюмэ доклада Депапа. Слѣдуетъ отмѣтить, что подъ «экономической эволюціей» конгрессисты понимали не полную концентрацію собственности и производства, а лишь развитіе преимуществъ крупной культуры надъ мелкой, что вызоветъ необходимость въ интересахъ всего общества создать крупныя земледѣльческія хозяйства во всей странѣ путемъ перехода земли въ общественную собственность.

II.

На Базельскомъ конгрессѣ, какъ я уже говорилъ, аграрный конгрессъ снова подвергся обсужденію.

Изъ пяти докладовъ, присланныхъ различными секціями Базельскому конгрессу, опять-таки наиболѣе выдающимся и наиболѣе выражавшимъ въ общихъ чертахъ взгляды большинства оказался бельгійскій докладъ, принадлежавшій перу того же Цезаря Депапа. Правда, аграрная коммиссія не вполнѣ согласилась съ предложеннымъ имъ планомъ будущаго аграрнаго строя, въ которомъ она находила уступку прудонистамъ. Конгрессъ также не рѣшился сразу дать свою санкцію этому плану и отложилъ на годъ рѣшеніе вопроса. Но основное теоретическое содержаніе бельгійскаго доклада не встрѣтило никакихъ возраженій со стороны защитниковъ коллективной земельной собственности, и главная мысль его опять-таки, какъ въ Брюсселѣ, получила выраженіе въ принятой конгрессомъ резолюціи. На ней и сосредоточились дебаты *).

---

*) Тамъ же, стр. 47.

**) Многіе писатели не безъ основанія называютъ Депапа выдающимся

Извѣстный интересъ представлялъ и докладъ нѣмецкаго делегата Ритингаузена. Его содержаніе сводилось въ общемъ къ слѣдующему. Установлено, что общество ввело частную собственность на землю не добровольно. Земля раньше находилась въ коллективномъ владѣніи и перешла въ частную собственность лишь черезъ насиліе и узурпацію. Отсюда всѣ соціальныя несчастья. *Каждый человѣкъ имѣетъ неоспоримое право на землю*, такъ какъ человѣческій трудъ имѣетъ своимъ объектомъ матерію. Если это орудіе труда, которое называется землею, находится въ рукахъ небольшого числа собственниковъ, то общество неизбѣжно превращается въ жертву ихъ эксплуатаціи. Оно вынуждено исполнять тѣ условія, которыя диктуютъ ему земельные собственники. Поэтому, пока не будетъ уничтожена индивидуальная собственность на землю,—не будетъ возможности улучшить положеніе работниковъ. Коллективная земельная собственность—единственное средство для возстановленія справедливости. Изъ остальныхъ докладовъ, докладъ Женевской секціи требовалъ перехода земли въ коллективную собственность, не указывая ни средствъ къ реализаціи этой мѣры, ни плана будущаго земельнаго строя. Ліонскій докладъ защищалъ прудоновскія положенія, а докладъ Руанской секціи гласилъ, что только коллективное владѣніе землей отвѣчаетъ принципамъ справедливости и что въ основу будущей земельной организаціи должны быть положены *общины, объединенныя федеративною связью.* Какъ видите, взглядъ, очень приближающійся ко взглядамъ русскаго народничества, точно такъ же какъ родственнымъ этому направленію является принципъ, провозглашенный *марксистомъ* Ритингаузеномъ: «каждый человѣкъ имѣетъ неоспоримое право на землю». При разборѣ литературы Интернаціонала по аграрному вопросу мы найдемъ еще не мало точекъ соприкосновенія во взглядахъ русскихъ народниковъ и членовъ Интернаціонала.

Что касается доклада Депапа, то онъ на этотъ разъ прямо начинался съ изложенія схемы соціально-экономической эволюціи, какъ она рисовалась его автору. Но установивъ снова, что развитіе индустріи и сельскаго хозяйства *неуклонно ведетъ* къ образованію крупной собственности, а въ конечномъ счетѣ и къ соціализму, онъ, однако, сейчасъ же заявлялъ, что борцы за будущее не должны оставаться, сложа руки, и спокойно ждать, пока осуществятся результаты стихійнаго движенія. «Необходимо признать, что точка зрѣнія медленной и постепенной эволюціи, на которой стоятъ обыкновенно экономисты, не должна руководить дѣйствіями людей, знающихъ, что законы экономиче-

теоретикомъ коллективистовъ въ Интернаціоналѣ. Нѣмецкій соціалъ-демократъ В. Конптедъ въ своей книгѣ объ аграрномъ вопросѣ въ германской соц.-демократіи говоритъ о Депапѣ, даже какъ о виднѣйшемъ лидерѣ марксистовъ, и онъ въ извѣстной степени правъ.

скаго развитія далеко не являются абсолютными и непоколебимыми, и что вмѣшательство людей можетъ ихъ измѣнить. Въ дѣйствительности исторія намъ показываетъ, что не разъ народы вмѣшивались коллективно въ историческій процессъ, чтобы ускорить наступленіе результатовъ естественной эволюціи, *или же чтобы не дать возможности имъ осуществиться*, преобразовывая сразу и коренными образомъ учрежденія, являвшіяся отправной точкой или объектомъ этой эволюціи. Этимъ-то коллективнымъ вмѣшательствамъ и дано имя *революціи*. Принимать во вниманіе лишь слѣдствія, къ которымъ приведетъ естественное развитіе явленій, было бы слишкомъ упрощенно. Это значило бы, что мы занимаемся не соціальной наукой въ полномъ смыслѣ слова, не настоящей соціологіей—ибо мы, формируя наше предвидѣніе, вынуждены были бы пройти мимо цѣлой серіи возможныхъ или даже вѣроятныхъ событій,—а лишь политической экономіей. Въ настоящее время, когда революціонныя идеи волнуютъ умы, когда жажда свободы овладѣла рабочими массами, мы полагаемъ, что медленная экономическая эволюція (т. е. концентрація собственности и производства путемъ ли чисто капиталистическимъ или *даже* черезъ товарищества. – Е. С.) не успѣетъ совершиться. Ибо умственное развитіе, прогрессъ идеи и учрежденій пойдутъ такъ далеко, что естественная эволюція экономическихъ явленій отстанетъ отъ нихъ, и только въ томъ случаѣ поравняется съ ними, если насильственный толчокъ двинетъ эти явленія впередъ. Болѣе всего вѣроятно поэтому, что преобразованіе собственности не совершится путемъ слѣпого и фатальнаго развитія, *а явится слѣдствіемъ разумнаго вмѣшательства людей*. Оно будетъ результатомъ *не эволюціи, а революціи»* *).

Далѣе Депапъ подвергалъ анализу сущность различныхъ правъ, связанныхъ съ владѣніемъ землей. Результаты его анализа сводились къ слѣдующему: 1) Право свободнаго распоряженія землей. Мы не можемъ позволить отдѣльнымъ лицамъ свободно распоряжаться, ибо земля необходима всему обществу, какъ основа всякаго производства, какъ источникъ всѣхъ матеріальныхъ благъ, отъ которыхъ зависитъ самое существованіе людей. 2) Право исключительнаго владѣнія. Мы не можемъ позволить кому-либо исключительно владѣть землей; такое владѣніе имѣетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ монополію и захватъ. Отдѣльное лицо можетъ пользоваться правомъ владѣнія лишь на продукты своего собственнаго личнаго труда. Земля же не является такимъ продуктомъ. Она не создана руками людей. 3) Право на возрастающую цѣнность земли. Такая возрастающая цѣнность является, за небольшими исключеніями, слѣдствіемъ причинъ, создаваемыхъ общественнымъ развитіемъ, а не усиліями отдѣльныхъ людей. Эта цѣнность должна поэтому принадлежать всему обще-

*) Тамъ-же, стр. 98.

ству, за исключеніемъ той части ея, которая создана личными усиліями земельнаго собственника. 4) Право на земельную ренту. Рента есть слѣдствіе качественнаго превосходства однихъ земельныхъ участковъ надъ другими и опять таки не продуктъ человѣческаго труда. Если земельной рентой пользуется землевладѣлецъ, лично работающій, то онъ находится въ болѣе привилегированныхъ условіяхъ, чѣмъ труженикъ, не пользующійся рентой или пользующійся ею въ меньшихъ размѣрахъ. Если же пользующійся земельной рентой лично не работаетъ, то онъ превращается въ паразита. Земельная рента должна принадлежать всему обществу.

Исходя изъ этихъ соображеній, Депапъ приходилъ къ заключенію, что съ точки зрѣнія новаго порядка, къ которому мы идемъ, необходимо требовать перехода всей земли въ коллективное владѣніе, предоставивъ пользованіе землею товариществамъ и *отдѣльнымъ лицамъ* на началахъ двойного договора, о характерѣ котораго Депапъ говорилъ еще въ своемъ первомъ докладѣ. Но именно внесенная имъ теперь поправка о сдачѣ земли въ пользованіе не только товариществамъ, но и отдѣльнымъ лицамъ, и вызвала отрицательное отношеніе коммиссіи и колебанія конгресса, какъ я уже упоминалъ выше. Но какимъ образомъ осуществить выдвигаемое имъ требованіе? Депапъ не вѣрилъ въ возможность добиться чего-нибудь положительнаго въ капиталистическомъ обществѣ, не прибѣгая къ революціи. Революцію же Депапъ понималъ, только какъ насильственный переворотъ. Тамъ, гдѣ сталкиваются противоположные интересы, палагалъ онъ, рѣшающее слово можетъ принадлежать только силѣ. Помните крылатыя слова Валленштейна въ шиллеровской трагедіи: «Walleneins Tod»:

Eng ist die Welt, und das Gehirn ist weit,
Leicht bei einander wohnen die Gedanken,
Doch hart im Raume stossen sich die Sachen,
Wo eines Plaz nimmt, muss das andre rücken,
Wer nicht vertrieben sein will, muss vertreiben,
Da herrscht der Streit, und nur die starke siegt...

Такова была и точка зрѣнія Депапа, и эту точку зрѣнія онъ проводитъ въ базельскомъ докладѣ. Мирнымъ путемъ,—пишетъ онъ, нельзя будетъ добиться національзаціи земли, ибо владѣющіе классы никогда не согласятся добровольно разстаться съ своей «собственностью», не согласятся даже на выкупъ. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ ихъ нынѣшнее поведеніе. «Но классовый антагонизмъ и борьба труда съ капиталомъ вызвали къ жизни общества сопротивленія, тредъ-юніоны (профессіональные союзы), которые группируютъ пролетаріатъ на кооперативныхъ началахъ, и которые въ концѣ концовъ образуютъ государство въ государствѣ; государство экономическое, рабочее, въ государствѣ политическомъ и буржуазномъ». И вотъ, когда эти тредъ-юніоны достигнутъ значительной силы и могущества, то они совершатъ

соціальный переворотъ. Въ области аграрныхъ отношеній они могли бы тогда осуществить, по мнѣнію Депапа, слѣдующія мѣропріятія: 1) Частная собственность на землю уничтожается; земля принадлежитъ всему обществу и не можетъ быть отчуждаема. 2) Земледѣльцы арендаторы уплачиваютъ государству земельную ренту въ размѣрѣ арендной платы, которую взимали съ нихъ раньше землевладѣльцы. Эта рента замѣняетъ всякіе налоги, которые упраздняются, и идетъ на удовлетвореніе различныхъ народныхъ нуждъ, какъ то: всеобщее образованіе, страхованіе и т. п. 3) Въ видѣ временной мѣры разрѣшается мелкимъ землевладѣльцамъ, обрабатывающимъ свой участокъ собственными руками, оставаться пожизненно владѣльцами занимаемой ими земли безъ всякаго взноса поземельной ренты, которую должны уплачивать лишь ихъ наслѣдники. 4) Арендные договоры пожизненны для отдѣльныхъ земледѣльцевъ и на болѣе долгій срокъ для товариществъ. 5) Арендные договоры могутъ, однако, расторгаться отдѣльными лицами или сельско-хозяйственными товариществами въ опредѣленныхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду особенная отъ этого польза. 6) Арендаторы не могутъ передавать своихъ контрактовъ другимъ лицамъ. Переаренда земли воспрещается. 7) Земля оцѣнивается въ началѣ срока каждаго договора и по его истеченіи. Если оцѣнка обнаруживаетъ, что стоимость земли увеличилась, то общество уплачиваетъ арендатору сумму, равную возросшей стоимости земли. Въ противномъ случаѣ платитъ арендаторъ. Если у арендатора ничего нѣтъ,—общество теряетъ. 8) Для поощренія образованія товариществъ въ сельскомъ хозяйствѣ, имъ будетъ отдаваться предпочтеніе передъ отдѣльными земледѣльцами при арендѣ земли. Послѣ товариществъ такимъ же преимуществомъ будутъ пользоваться дѣти земледѣльцевъ, входящихъ въ категорію, опредѣленную 3-мъ пунктомъ, если они при жизни своихъ родителей жили и работали вмѣстѣ съ ними. Чтобы облегчить управленіе земельными участками, участки эти будутъ переданы въ вѣдѣніе коммунальныхъ совѣтовъ или муниципалитетовъ каждой коммуны, которые будутъ избираться всѣмъ взрослымъ населеніемъ.

Коммунальные совѣты будутъ завѣдывать, главнымъ образомъ, объединеніемъ парцелъ и разграниченіемъ частныхъ хозяйствъ. При чемъ они будутъ стремиться разграничивать эти хозяйства такимъ образомъ, чтобы уничтожить возможность ихъ дробленія.

Такимъ образомъ, если Депапъ, какъ мы видѣли, стоялъ за революціонное завоеваніе земли, то организацію полнаго коллективнаго производства въ земледѣліи онъ мыслилъ, лишь какъ результатъ постепенной эволюціи, начатой послѣ революціоннаго переворота, эволюціи, для которой обобществленіе земли расчиститъ путь. Постепенность, которую проявляетъ здѣсь Депапъ, объясняется его вѣрой въ близкое наступленіе революціи и вытекающимъ отсюда соображеніемъ, что ко дню революціоннаго переворота широ-

кія крестьянскія массы не успѣютъ получить полнаго соціалистическаго воспитанія.

Противъ доклада Депапа и резолюціи, принятой большинствомъ аграрной коммиссіи, рекомендовавшей сдачу земли лишь производительнымъ общинамъ, попрежнему возражали одни только прудонисты (ихъ, между прочимъ, было на конгрессѣ всего нѣсколько человѣкъ). Они въ общемъ повторили свои старые аргументы, прибавивъ одинъ новый и чрезвычайно оригинальный, именно, что въ Турціи земля принадлежитъ государству, а между тѣмъ эта страна находится на самомъ низкомъ соціально-политическомъ и культурномъ уровнѣ. Наиболѣе ортодоксальные изъ марксистовъ, выступая исключительно противъ прудонистовъ, указывали имъ на то, что уже сейчасъ владѣніе землей концентрируется все болѣе и болѣе въ рукахъ небольшого числа лицъ, «что исторія развивается силою фактовъ и логикой вещей и обращаетъ мало вниманія на наши рѣшенія, если они несогласны съ этой силой, съ этой логикой» и т. п. Особенно стоитъ быть отмѣченной рѣчь члена генеральнаго совѣта Эккаріуса, изъ которой видно, какое огромное значеніе придавали даже самые крайніе марксисты того времени аграрному вопросу. «Всѣ великія преобразованія,—сказалъ онъ, между прочимъ,— *были начаты измѣненіемъ въ формахъ земельной собственности.* Аллодіальная система была замѣнена феодальной, а феодальная въ свою очередь нынѣшней системой, основанной на частной собственности. Соціальная трансформація, къ которой новое положеніе вещей ведетъ, также *будетъ начата измѣненіемъ въ формахъ владѣнія землей* путемъ уничтоженія права частной собственности на нее» *).

Интересна была также рѣчь другого члена генеральнаго совѣта Леснера. Приводимъ изъ нея слѣдующее характерное мѣсто. — Нѣкоторые товарищи, сказалъ онъ, опасаются принять резолюцію, чтобы не вызвать противъ себя крестьянъ. Но если крестьяне не имѣютъ яснаго представленія о своемъ положеніи, *то нужно ихъ просвѣтить*, нужно показать имъ, что трансформація собственности будетъ въ ихъ пользу, и что у нихъ поэтому нѣтъ основаній этому противиться.

Объ исходѣ дебатовъ конгресса не могло быть никакихъ сомнѣній, ибо, за исключеніемъ уже упомянутыхъ прудонистовъ, всѣ конгрессисты были ярыми сторонниками національзаціи земли. Какъ я уже говорилъ, вопросъ о конкретныхъ формахъ земельнаго строя въ будущемъ обществѣ былъ отложенъ до слѣдующаго конгресса, а общая резолюція по аграрному вопросу гласила: «1) Конгрессъ находитъ, что общество имѣетъ право уничтожить частную земельную собственность. 2) Конгрессъ находитъ, что необходимо *теперь же* (aujourd'hui) перевести землю въ общественное владѣніе». Такимъ

*) Тамъ же, стр. 88.

образомъ, какъ видимъ, конгрессъ вполнѣ призналъ основную мысль Депапа, что общество имѣетъ право на землю, и что для осуществленія этого права нужно бороться теперь же, не ожидая, пока историческій законъ, дѣйствующій въ этомъ же направленіи, сдѣлаетъ за насъ наше дѣло; однимъ словомъ, что «преобразованіе собственности можетъ явиться результатомъ разумнаго вмѣшательства людей». Къ цитированной резолюціи была внесена итальянскимъ делегатомъ Копоруссо, принятая конгрессомъ, поправка: «Предлагается всѣмъ секціямъ Интернаціонала приготовить къ слѣдующему конгрессу доклады о практическихъ мѣрахъ для переведенія земли въ общественную собственность» *). Эта поправка не менѣе ясно показываетъ, что интернаціоналисты смотрѣли на аграрный вопросъ, какъ на вопросъ важнѣйшій и очередной. Однако, слѣдующій Интернаціональный конгрессъ не состоялся черезъ годъ, какъ это было рѣшено въ Базелѣ. Причиною этому была вспыхнувшая внезапно франко-прусская война, внесшая сильную пертурбацію въ организаціонную дѣятельность Интернаціонала и временно парализовавшая въ значительной степени соціалистическое движеніе передовыхъ странъ Запада. Лишь въ сентябрѣ 1871 года генеральному совѣту удалось кое-какъ собрать въ Лондонѣ международную конференцію, въ которой приняли участіе всего на всего 23 человѣка, въ томъ числѣ 13 членовъ генеральнаго совѣта, назначенныхъ самимъ же Марксомъ.

Всѣ участники Лондонской конференціи, за исключеніемъ двоихъ (французскаго и испанскаго делегата), являлись горячими и убѣжденными приверженцами Маркса, а по утвержденію сторонниковъ Бакунина **), участвовавшихъ въ конференціи, были послушными орудіями въ его рукахъ и принимали безусловно продиктованныя имъ резолюціи. Одна изъ коммиссій конференціи, между прочимъ, засѣдала въ квартирѣ Маркса. Воля Маркса, во всякомъ случаѣ, господствовала надъ всѣми работами Лондонской конференціи, въ которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе, и всѣ рѣшенія ея являлись точнымъ выраженіемъ его взглядовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, резолюціи, касающіяся Бакунина. Вслѣдствіе малочисленности членовъ конференціи, а также въ виду того, что она, главнымъ образомъ, посвятила свои занятія разбору недоразумѣній, возникшихъ между Бакунинымъ и генеральнымъ совѣтомъ, аграрному вопросу ею не могло быть удѣлено много времени. Но все-таки естественно было ждать въ ея аграрной резолюціи отпечатка нѣкотораго пессимизма или даже недовѣрія по отношенію къ крестьянству. Вѣдь всего только нѣсколько мѣсяцевъ прошло послѣ кроваваго разгрома Парижской Коммуны, отозвавшагося острой болью въ

*) Тамъ же, стр. 118.
**) См. James Guillaume „L'Internationale", vol. II, Paris, 1907.

сердцахъ всѣхъ соціалистовъ, а для спасенія Коммуны французское крестьянство не ударило палецъ о палецъ и въ извѣстной степени косвеннымъ образомъ явилось причиной ея пораженія. Болѣе того, многіе демократы и нѣкоторые соціалисты готовы были признать крестьянъ чуть ли не сознательными врагами возставшаго Парижа и даже знаменитое версальское собраніе, отличившееся необычайной жестокостью въ подавленіи рабочей революціи, получило, какъ извѣстно, прозвище «деревенскаго собранія» (Assemblée des ruraux) и подъ такимъ именемъ попало въ исторію. И, тѣмъ не менѣе, вотъ что мы читаемъ въ резолюціи Лондонской конференціи Интернаціонала по аграрному вопросу: 1) *Конференція приглашаетъ генеральный совѣтъ, а также совѣты или комитеты федераціи приготовить къ слѣдующему конгрессу доклады относительно средствъ, могущихъ обезпечить присоединеніе земледѣльческихъ производителей* (producteurs) *) *къ международному пролетарскому движенію.* 2) Пока же совѣты и комитеты федераціи разныхъ странъ *приглашаются посылать делегатовъ въ деревни для пропаганды интернаціональныхъ идей, для организаціи публичныхъ собраній Интернаціонала и основанія земледѣльческихъ секцій»* **).

Мы позволяемъ себѣ обратить особое вниманіе читателей на лондонскую резолюцію по аграрному вопросу. Эта резолюція, помѣщенная въ небольшой брошюркѣ, представляющей огромную библіографическую рѣдкость и неиспользованной до сихъ поръ въ русской литературѣ, проливаетъ полный свѣтъ на считавшійся до сихъ поръ спорнымъ вопросъ о томъ, какъ относился Марксъ къ крестьянству, т. е. считалъ ли онъ его воспріимчивымъ или невоспріимчивымъ къ соціалистической идеѣ и могущимъ по своему соціально-экономическому положенію быть союзникомъ пролетаріата въ его борьбѣ за соціализмъ ***). Резолюція Лондонской конференціи не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Марксъ не былъ марксистомъ! Онъ не только не считалъ крестьянство въ

---

*) Подъ „producteurs" резолюція подразумѣвала, конечно, не однихъ только с.-х. рабочихъ, но и крестьянство. Категорія земледѣльческихъ производителей слишкомъ широка, чтобы ее можно было ограничить одними только пролетаріями. Да, наконецъ, въ резолюціи эта категорія логически противопоставляется категоріи „международный пролетаріатъ". Ясно, что дѣло идетъ не объ однихъ только батракахъ.

**) Resolutions votées par la conférence des délégués de l'Association Internationale des travailleurs, reunie à Londres du 17 au 24 septembre 1871. Стр. 3.

***) Изъ иностранныхъ авторовъ эту резолюцію цитируетъ лишь ортодоксальный В. Колштедъ. Но цитируетъ онъ ее какъ бы мимоходомъ и ни однимъ словомъ не упоминаетъ, что въ выработкѣ и вотированіи ея принимали участіе Марксъ и Энгельсъ и самые горячіе ихъ послѣдователи. Между тѣмъ, это обстоятельство придаетъ все значеніе аграрной резолюціи Лондонской конференціи.

конечномъ счетѣ врагомъ пролетаріата, но находилъ необходимымъ въ интересахъ успѣха *соціалистической* борьбы,—не борьбы за политическій переворотъ, которую интернаціоналисты считали въ то время выходящей изъ сферы ихъ компетенціи,—а за соціальную революцію, за соціализмъ, объединить усилія тружениковъ земли, этихъ обливающихся потомъ и кровью «мелкихъ буржуевъ», съ усиліями городского рабочаго класса. А чего только не писали русскіе «ученики» о реакціонности крестьянства, объ его анти-коллективизмѣ, о глубинѣ противорѣчій между его интересами и интересами пролетаріата. И все это прикрывалось авторитетомъ учителя, выдавалось за настоящій, самый что ни на есть истинный и неподдѣльный марксизмъ!

Еще совсѣмъ недавно г. Плехановъ писалъ, что онъ, «грѣшный человѣкъ, не видитъ надобности въ поддержаніи мелкаго мѣщанина земледѣлія. Онъ *консервативенъ и* даже реакціоненъ въ своей противоположности крупному мѣщанину. Онъ стремится задержать развитіе капитализма; онъ усиливается повернуть назадъ колесо исторіи» *). Какъ это вполнѣ, точка въ точку, совпадаетъ съ лондонской резолюціей и съ тѣми сужденіями Маркса о крестьянствѣ, которыя мы находимъ въ его «Der 18 Brumaire des Louis Bonaparte» и которыхъ намъ придется коснуться въ слѣдующей главѣ. Правда, Марксъ формулировалъ, хотя и не совсѣмъ опредѣленно, законъ капиталистической концентраціи и въ сельскомъ хозяйствѣ. Но этотъ законъ для него, какъ и для другихъ теоретиковъ Интернаціонала, служилъ аргументомъ для доказательства неизбѣжности присоединенія крестьянъ, *какъ таковыхъ*, къ соціалистическому движенію. Ибо разъ развитіе капитализма обрекаетъ крестьянство, какъ классъ мелкихъ собственниковъ, на исчезновеніе въ современномъ строѣ, то, слѣдовательно, только въ соціализмѣ оно сможетъ найти спасеніе, только путемъ болѣе или менѣе постепеннаго перевода своей земли въ коллективистическую собственность оно можетъ избѣгнуть угрожающей ему пролетаризаціи. И Марксъ, надо думать, не сомнѣвался въ томъ, что крестьянство во-время успѣетъ понять эту необходимость. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только лондонская резолюція, но и работы его ближайшихъ учениковъ, Либкнехта и Бебеля, къ которымъ мы еще вернемся. Въ своей полемикѣ съ буржуазными писателями, утверждавшими подобно нашимъ соціалъ-демократамъ, что крестьянство—опора существующаго строя, и что у соціалистовъ съ ними не можетъ быть ничего общаго, соціалистическіе теоретики того времени всегда выдвигали, въ видѣ аргумента, ссылку на марксовскій законъ капитализаціи. «Ошибаетесь,—возражали они обыкновенно своимъ оппонентамъ,—современный строй давитъ крестьянство точно такъ же, какъ и городской пролетаріатъ и, болѣе того, обре-

*) См. Г. Плехановъ. „Дневникъ соціалъ-демократа“, № 5, стр. 20-ая.

каетъ его на неминуемую гибель. Въ интересахъ самосохраненія крестьянство вынуждено будетъ придти къ намъ, ибо только осуществленіе нашей аграрной программы можетъ предохранить его отъ смерти, можетъ отвести занесенный надъ его головой безжалостный мечъ исторіи». Изъ этой аргументаціи русскіе и современные нѣмецкіе соціалъ-демократы сохранили только первую половину. Во второй части настоящей статьи мы постараемся выяснить причины этого явленія; пока же будемъ продолжать наше изложеніе.

Всѣ резолюціи Лондонской конференціи, въ томъ числѣ и вышеприведенная, были собраны и отпечатаны отдѣльной брошюрой въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и, за подписями Маркса, Энгельса, Эккаріуса, Вальяна и другихъ членовъ генеральнаго совѣта, разосланы всѣмъ секціямъ Интернаціонала. На этомъ и закончились обсужденія аграрнаго вопроса на конгрессахъ международнаго товарищества работниковъ. Слѣдующій конгрессъ въ Гаагѣ былъ исключительно занятъ борьбою марксистовъ съ бакунистами, а вслѣдъ за Гаагскимъ конгрессомъ Интернаціоналъ распался.

Мы изложили здѣсь все, что было наиболѣе существеннаго и интереснаго въ дебатахъ и рѣшеніяхъ конгрессовъ стараго Интернаціонала, посвященныхъ аграрному вопросу. Но для болѣе детальнаго выясненія точки зрѣнія интернаціоналистовъ въ этомъ вопросѣ, необходимо бросить хотя бы бѣглый взглядъ на обсужденіе его въ главнѣйшихъ соціалистическихъ органахъ того времени и въ спеціальныхъ работахъ, ему посвященныхъ, принадлежащихъ перу писателей—членовъ Интернаціонала. Дѣло въ томъ, что на конгрессахъ вопросы обыкновенно могутъ обсуждаться лишь съ общей точки зрѣнія точно такъ же, какъ и въ резолюціяхъ могутъ формулироваться лишь общіе принципы. Разборъ же какого-либо вопроса въ печати даетъ возможность болѣе подробно остановиться на немъ и освѣтить такія его стороны, которыя дебаты конгрессовъ большей частью оставляютъ въ тѣни. Это особенно рѣзко сказалось на обсужденіи аграрнаго вопроса въ старомъ Интернаціоналѣ, обсужденіи, коснувшемся, между прочимъ лишь въ общей формѣ, затронутаго нами выше вопроса о воспріимчивости или невоспріимчивости крестьянства къ соціалистической идеѣ и совпаденіи или несовпаденіи его интересовъ съ интересами пролетаріата.

Е. Сталинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЕЗЪ БЕРЕГОВЪ.

Пароходъ уходилъ въ море.

Какъ большая, тяжелая глыба, отколовшаяся отъ европейскаго материка, отвалился онъ отъ каменнаго края набережной: межъ ними клиномъ вошло море. Точно остатки длинныхъ ползучихъ корней, тянулись съ берега на корму канаты. Пароходъ пыхтѣлъ, ревѣлъ, упирался, медленно поворачивался, какъ матерая корова въ тѣсномъ хлѣву, неохотно тянулся за маленькимъ буксиромъ, похожимъ на рѣчного рака.

На берегу махали платками, налѣзали другъ на друга, вытягивали шеи, какъ цыплята въ корзинѣ, становились на острый край набережной и поднимали руки надъ водой, точно собираясь летѣть. Бѣжали по берегу, плакали.

На пароходѣ тоже махали платками, тоже плакали, но стояли спокойно, будто покорились роковой неизбѣжности. Съ борта на берегъ и обратно перелетаютъ торопливыя, безтолковыя фразы: „Шарфомъ подвязывать не забудь! Кланяйтесь Кузьмѣ Петровичу! Двадцать четвертое помните!.. Вынь, говорю тебѣ, вынь!..“

Но вотъ и словъ не слышно, даже когда наставляютъ руки трубками. Говорятъ жестами, не понимаютъ, раздраженно мотаютъ головами, безнадежно машутъ руками.

Пароходъ вышелъ на средину гавани, пыхнулъ, окутался чернымъ дымомъ, отчего вода кругомъ стала лиловой, забурлилъ, задрожалъ и поплылъ въ зовущую даль моря, въ ту сторону, гдѣ нѣтъ береговъ. Тамъ небо загнулось на землю, разостлалось широкимъ протокомъ между фіолетовыми берегами и тянетъ къ себѣ. Неужели небо такое же жидкое, какъ вода? И неужели пароходъ взберется на небо?

Когда пароходъ удаляется отъ берега, пассажировъ охватываетъ легкая грусть и тихая истома. Кругомъ уже море, но въ душѣ все еще впечатлѣнія земли. Мелькаютъ знакомыя лица, дома. Какъ птицы надъ гнѣздомъ, вьются около

ушей недавнія слова. На губахъ еще теплятся поцѣлуи. Сегодня всѣ встали рано, волновались, бѣгали, хлопотали, торопились. Вспоминаютъ: „Ахъ, забылъ сказать!.. купить!..“ Вскакиваютъ, опять садятся, улыбаясь. Безполе́зно: пароходъ идетъ впередъ, не вернется.

Тонкая ткань мыслей все еще тянется къ берегу, тянется и рвется, ниточка за ниточкой. Хочется перекинуть паутину воображенія въ далекую страну, въ новыя мѣста. Но трудно. Отчетливо виденъ и тянетъ къ себѣ знакомый берегъ, хотя межъ домами уже ложится синева,—протягиваетъ легкія крылья на крыши, длинными полотнами развернулась по улицамъ, обвиваетъ низы соборовъ, башенъ и фабричныхъ трубъ. Косматая гавань разметала длинные волосы на городъ, сады и горы.

Всѣ на палубѣ. Сидятъ, стоятъ у перилъ, липнутъ взглядами къ берегамъ. Наводятъ бинокли. Шире развертывается море. Падаютъ, уплываютъ берега, кутаются обманчиво-прозрачной поволской опала.

А гавань все еще дымится, поднимаетъ къ небу нечесанныя космы, точно тамъ провалился Новый Содомъ, а земная глубина разинула свой огненный ротъ и дышитъ въ небо дымомъ и пепломъ.

Рузанова никто не провожалъ. Онъ сидѣлъ на палубѣ, смотрѣлъ, какъ суетится въ гавани народъ, толпятся у бортовъ пассажиры. Ему передавалось волненіе окружающихъ, но волненіе это было радостнымъ. Онъ впервые видѣлъ южное море, и будущее представлялось ему такимъ же красивымъ, сверкающимъ и голубымъ, какъ морская даль. Онъ—молодой дипломатъ, секретарь бейрутскаго консульства. Ѣдетъ на мѣсто. И въ головѣ у него ясные планы: теперь секретарь, скоро консулъ, а черезъ двадцать лѣтъ посланникъ, другъ вельможъ и царей, рѣшающій судьбы народовъ. О, онъ знаетъ, какъ достигнуть! Къ начальству—сдержанно-послушенъ, съ подчиненными—холодно-вѣжливъ, съ дамами—обожающе-дерзокъ. Онъ красивъ, здоровъ, талантливъ. Людей слегка презираетъ, ко всѣмъ наблюдательно равнодушенъ, знаетъ мѣрку отношеній, любитъ себя и увѣренъ въ своей звѣздѣ. Самое главное въ жизни—всегда поступать въ своихъ интересахъ и не забывать своего достоинства. Только дураки глупо льстятъ, рискуютъ. Онъ идетъ навѣрняка. Черезъ двадцать лѣтъ, не позже... Да.

Почти посланникомъ онъ взглянулъ на спутниковъ. Пассажиры расползлись по палубѣ, сидятъ на скамейкахъ. Ихъ уже томитъ чувство одиночества. Имъ хочется заговорить

другъ съ другомъ, сказать ласковыя слова, узнать: кто, куда, зачѣмъ ѣдетъ. Люди въ большинствѣ слюнявы, чувствительны. Они любятъ вздыхать и охать, хотятъ того же и отъ другихъ. Потому они часто жалки и смѣшны. Они не знаютъ, что такое холодное, гордое человѣческое достоинство. О!..

Рузановъ прошелся по палубѣ, ни на кого не глядя. Ноги ступаютъ легко и стройно. Онъ свободно и красиво качаетъ руками. Чувствуетъ взгляды всѣхъ, но идетъ такъ же свободно и просто, какъ если бы здѣсь никого не было. Да, онъ умѣетъ держаться. А это много значитъ. Иные подъ взглядомъ людей выпячиваютъ животъ, косятъ плечи, машутъ руками, какъ деревянными палками, горбятся. Онъ всегда упругій, резиновый. Конечно, онъ долженъ быть посланникомъ.

Прошелся по пароходу. Заглянулъ въ машинное отдѣленіе. Тамъ, на многосаженной глубинѣ, кажется, на самомъ морскомъ днѣ, около раскаленныхъ печей работаютъ черные кочегары. Поднимая изъ темной глубины дьявольскія лица, мечутъ глазами отраженный огонь котельныхъ печей. Въ гигантскомъ напряженіи клокочетъ машина, дышетъ теплымъ іодистымъ паромъ, нагрѣтой нефтью. Вмѣстѣ съ тонкими струйками пара взлетаютъ кверху стальные маслянистые поршни, взлетаютъ и прячутся, точно чьи-то безпокойные пальцы: тычутъ вверхъ, въ стеклянную крышку, да не могутъ достать.

Копошатся палубные пассажиры. Залѣзаютъ на грязныя нары, разстилаютъ по палубѣ постели. На бакѣ въ загородкахъ стоятъ овцы, коровы и лошади. Сѣрый, нервный жеребецъ, какъ кошка, перебираетъ тонкими ногами, фыркаетъ и стрѣляетъ по сторонамъ ушами. Чувствуетъ, что полъ сталъ зыбкимъ, не можетъ успокоиться и отъ волненья хочетъ укусить за холку своего сосѣда, рыжаго жеребца съ пятномъ на лбу.

Матросы убираютъ канаты, закрываютъ люки, свертываютъ навѣсы, приводятъ все въ дорожный порядокъ.

Прошелъ, осмотрѣлъ и всѣмъ остался доволенъ. Часть земли, пароходъ понесъ на себѣ и всѣ земные распорядки. Исчезни вся Европа, и по одному этому куску материка можно разсказать до мельчайшихъ подробностей, какъ жили люди. Богатые и бѣдные, рабочіе и бездѣльники, начальство и подчиненные, грязныя нары и бархатные диваны—все здѣсь такъ же, какъ и тамъ, на землѣ. Пароходъ чуть-чуть зыбится, но земные порядки стоятъ твердо, слѣдовательно, жизненные планы Рузанова такъ же устойчивы на пароходѣ, какъ

и на землѣ. А много значитъ не сомнѣваться ни на минуту въ прочности своего жизненнаго плана.

Граждане бездѣйствуютъ, а власть въ напряженіи. На мостикѣ все еще ходитъ озабоченный капитанъ. Освѣщенное солнцемъ загорѣлое лицо, въ оправѣ бѣлаго кителя и фуражки, мелькаетъ краснымъ, тревожнымъ пятномъ. Большимъ чернымъ биноклемъ онъ часто щупаетъ таинственную даль. Что онъ тамъ видитъ? Можетъ быть, есть опасность?!

Дѣловито проходитъ по палубѣ помощникъ капитана съ окладистой персидской бородкой, бачки снурками. Издали кажется, что подбородокъ у него болитъ и повязанъ черной повязкой. Онъ чувствуетъ на себѣ взгляды дамъ, рисуется, отдаетъ отрывистыя, намѣренно суровыя приказанія.

— Андрейчукъ!

Издали доносится торопливо-протяжное: е—эсть! По лѣстницѣ, а потомъ по палубѣ слышится топотъ андрейчуковыхъ ногъ. Всѣ готовно сторонятся, даютъ Андрейчуку дорогу. Вѣдь въ немъ воплощается часть той таинственной власти, которая вертитъ винты, правитъ рулемъ, смотритъ въ морскую даль ночью и днемъ, мѣряетъ глубину водъ, поитъ и кормитъ пассажировъ, заботится о нихъ непрестанно.

У Андрейчука смѣшное лицо. Когда его вылѣпили изъ тѣста, въ пекарнѣ, то это было ничего себѣ, лицо какъ лицо. Но пьяный озорникъ-хлѣбникъ ударилъ по нему лопатой, и лицо стало доской, а вмѣсто носа, рта и глазъ—маленькія ямочки. Хозяинъ пришелъ, увидѣлъ такое безобразіе, но времени на передѣлку не было. Да и то сказать: всѣхъ красивыми не испечешь. Но, чтобы безобразіе было полнымъ, онъ ткнулъ это лицо въ кадку съ горохомъ и запекъ, какъ оно вышло.

Андрейчукъ прикрѣпилъ къ кормѣ лагъ. За пароходомъ тянется пѣннозеленая дорога. А на дорогу упалъ и крутится длинный линь, считаетъ мили. Черезъ каждую четверть мили лагъ издаетъ короткій свистъ маленькой морской сирены. Точно мѣдный цилиндръ, тянетъ въ себя черезъ веревку шумъ морскихъ водъ, дыханье вѣтра, сдавливаетъ ихъ въ крѣпкомъ мѣдномъ сердцѣ и каждую минуту выпускаетъ протяжнымъ воющимъ стономъ.

— А скажите, пожалуйста, господинъ офицеръ, качки не будетъ?

Спрашиваетъ пожилая дама. За ней стоитъ хорошенькая дочка и смотритъ на помощника изъ-за материнаго плеча.

Помощникъ съ готовностью приложилъ къ козырьку руку, посмотрѣлъ зачѣмъ-то на часы, точно отъ этого зависѣла погода, улыбнулся.

— Помилуйте, мадамъ, какая же качка. Погода великолѣпная! Развѣ ночью подуетъ вѣтерокъ для прохлады.

— То-то. А я очень ужъ качки боюсь. Вотъ Вѣра у меня... Это дочка моя, вотъ эта самая коза... Ей хоть бы что. А я боюсь. Тянетъ тебя, тянетъ, точно на-изнанку всю вывернуть хочетъ. Ужъ вы, пожалуйста, господинъ офицеръ...

— Будьте покойны, мадамъ.

— Что ты, мамочка, просишь. Вѣдь это же не отъ офицера зависитъ качка,—громко шепчетъ, смѣясь, дочь.

И офицеръ смѣется. Смѣются другіе поблизости.

— Я знаю, милая, что не отъ офицера. А все-таки... Ну, а ты ужъ и подхватила! Рада посмѣяться надъ матерью.

Притворно обиженная, но въ общемъ довольная дочерью, офицеромъ, собой, тѣмъ, что другіе весело смѣются, дама отошла къ борту и сѣла на рѣшетчатую скамейку.

Радъ предлогу, къ дамѣ подошелъ господинъ въ сѣромъ костюмѣ съ перстнями на короткихъ, пухлыхъ пальцахъ.

— Я очень вамъ сочувствую, мадамъ. Оч-чень! Я тоже не выношу качки.

Онъ такъ убѣжденно и горячо выговорилъ это „оч-чень“, даже въ голосѣ дрогнулъ, точно у женщины кто-нибудь померъ.

— Вотъ со мной былъ какой случай...

Завязываются несмѣлые узлы новыхъ знакомствъ. Ходятъ по палубѣ, смотрятъ другъ на друга, заводятъ разговоры нѣжно, внимательно. Предлоги для разговора даютъ: игривый дельфинъ, розовое облако на краю моря, далекій берегъ...

Ходитъ длинный тонконогій американскій консулъ, точно циркулемъ палубу мѣряетъ. Сидитъ на скамейкѣ и кормитъ грудного ребенка молодая дама. Другая дѣвочка лѣтъ шести, прекрасная, точно изъ сказки, съ золотистыми волосами, какъ взволнованный котенокъ, лѣзетъ къ периламъ, хочетъ заглянуть въ воду. Мать часто окликаетъ ее испуганнымъ голосомъ:

— Надя! Иди сюда, Надя! Господи, тебѣ вѣдь говорю, Надя!

Тогда Надя бѣжитъ по палубѣ, высоко подбрасываетъ пятки, наклоняетъ голову и любуется, какъ у ней надъ глазами свисаютъ золотистыя кудряшки.

Надя уже почти познакомилась съ Рузановымъ. Онъ все еще смотритъ на всѣхъ посланникомъ, сидитъ на скамейкѣ, положилъ рядомъ мягкій картузъ и бинокль. Смотритъ пристально, старается пустить въ глаза посланническаго холоду и доволенъ, когда не выносятъ его взгляда. Но ему кажется, что такого хорошенькаго ребенка даже будущему послан-

нику приласкать можно. Когда Надя проходитъ близко, онъ улыбается и тихо зоветъ:

— Надя! Иди сюда, Надя!

Надя бросаетъ на него лукавый взглядъ, звонко смѣется и бѣжитъ прочь. Снова подходитъ близко, смотритъ нарочно въ сторону, а на бровяхъ и губахъ уже прыгаютъ живчики смѣха.

У Рузанова круглая голова, коротко острижена и походитъ совсѣмъ на шаръ. Онъ съ удовольствіемъ часто гладитъ ее розовыми пальцами съ длинными ногтями. Теплый, какъ тѣло человѣческое, невидимо-ласковый морской вѣтерокъ нѣжно кутаетъ голову, шею, руки, забирается въ рукава, доходитъ до груди. И тамъ не холоденъ, не горячъ. Оттого и тѣло, не ощущающее тепла и холода, кажется легкимъ, даже не матеріальнымъ. Взмахнешь руками, такъ, можетъ быть, и полетѣть можно? Въ раю долженъ быть такой же вѣтеръ, тепла человѣческаго тѣла. Одежда кажется лишней. Снимаютъ шляпы, встряхиваютъ за отвороты пиджаки и рединготы. Какъ хорошо ласкалъ бы этотъ вѣтеръ совсѣмъ нагое тѣло.

Пароходъ идетъ плавно, стелетъ за собой пѣнно-зеленый хвостъ, почти не качается. Только высокая мачта чертитъ тонкимъ концомъ на голубомъ небѣ таинственныя слова. Чуть-чуть зыбится подъ ногами палуба, отчего консулъ часто ставитъ свой циркуль не по прямой линіи. Не привыкъ еще.

Море совершенно спокойно. Вода задернулась прозрачной, радужной пленкой, подъ которой перекатывается Богъ вѣсть откуда идущая круглая зыбина, да медленно движутся морскія теченія. Пароходъ бурлитъ, пѣнитъ воду на стеклѣ безконечнаго опаловаго круга, который медленно поворачивается вмѣстѣ съ сверкающей полосой солнечнаго свѣта и съ дальними фіолетовыми облаками на туманномъ горизонтѣ.

Уже потонулъ въ морѣ тяжелый берегъ. Не давитъ земля своими заботами, злобой и враждой. Здѣсь райскій вѣтеръ, зовущая свѣтлосиняя даль, болѣе глубокая, чѣмъ надъ головою въ зенитѣ. Хочется быть добрымъ и видѣть вокругъ себя радостныхъ и счастливыхъ. Когда Надина мать уронила дѣтскій сосокъ, консулъ со всѣхъ ногъ бросился и поднялъ. Консулу хотѣлось сдѣлать женщинѣ еще что-нибудь пріятное, но онъ сразу не нашелся. Оглянулся, поймалъ взглядомъ Надю, обрадовался.

— У васъ прелестная дѣвочка. Знаете, рѣдко бываетъ такая красота.

Угловатая съ акцентомъ рѣчь кажется трогательно искренней. Мать благодарно покраснѣла.

— Нѣтъ, это вы слишкомъ добры, — сказала она и усѣлась съ ребенкомъ удобнѣе.

Консулъ зашагалъ по палубѣ. Разошлись, но долго у обоихъ въ душѣ круглилась, прыгала подхватывающая радость. Пѣло сердце, и тѣло было легкое и трепещущее.

Недалеко отъ Рузанова сидитъ турокъ. Снялъ туфли, одну ногу подогнулъ подъ себя, а другую въ цвѣтномъ чулкѣ поставилъ на скамейку, на колѣнку повѣсилъ сухую, какъ вяленая рыба, кисть руки съ янтарными четками. Рѣзко очерченное, будто вырѣзанное изъ дерева, лицо, темнокрасная феска. Сидитъ, застылъ на голубомъ фонѣ неба и моря, точно какой-то непонятный цвѣтной гіероглифъ.

II.

Надя хотѣла спрятаться отъ Рузанова за столбикомъ перилъ, соскользнула и упала въ море.

Случилось это такъ неожиданно просто, что въ первое мгновеніе даже никто не вскрикнулъ. Кофточка изъ бѣлой фланели раскрылась, взметнулись на головѣ золотыя кудряшки. На одинъ мигъ Рузанову показалось, что Надя не упадетъ въ воду, а, какъ бабочка или сказочный эльфъ, полетаетъ надъ моремъ вокругъ парохода и снова прилетитъ на палубу. Засмѣется надъ общимъ испугомъ, побѣжитъ, затопаетъ ножками.

Но уже въ слѣдующее мгновеніе эльфъ упалъ на воду, немного покатился по волнѣ впередъ, какъ движется пароходъ. Вода разступилась хрустальной люлькой и закрыла, точно въ стеклянную коробку уложила. Видно подъ водой, какъ она судорожно дрыгнула ручками, ножками.

Раздался крикъ, точно разодрали большое полотно: крикъ воющій, съ трескомъ. На палубу вихорь залетѣлъ, подхватилъ, закружилъ по бортамъ цвѣтныя женскія платья, сбилъ въ безтолковую кучу сѣрые пиджаки, голубыя и красныя кофточки. Закричали, замахали руками. Побѣжали куда-то.

Но еще раньше всего этого за Надей сѣрымъ пятномъ, какъ въ кинематографѣ, мелкнулъ черезъ перила и полетѣлъ въ море другой человѣкъ...

Кто-то посторонній, какъ показалось Рузанову, снялъ съ него пиджакъ, подбросилъ на желѣзныя перила, толкнулъ внизъ... И, весь холодѣя отъ ужаса, молодой дипломатъ полетѣлъ вслѣдъ за Надей.

Дунулъ снизу вѣтеръ, обдалъ ласковой теплотой похо-

лодѣвшее тѣло. Упалъ на воду неловко, спиной. Потянуло внизъ, закрутило. Въ ноздри потекла соленая вода, защипала.

Началъ работать руками и ногами, толкалъ упругія, резиновыя стѣны воды. Зашумѣло надъ головой. Вынырнулъ и поплылъ сгоряча куда попало.

Открылъ глаза. Пароходъ отошелъ далеко, по крайней мѣрѣ такъ показалось снизу, съ воды. Но поворачивается бокомъ, взбиваетъ высокую пѣну, чуть не до верхней палубы. По борту скользятъ люди, лодка.

Бортовая волна снова плеснула въ лицо. Замоталъ головой, отряхнулся. Приподнялся, сколько могъ, на рукахъ и ногахъ, оглянулся. Гдѣ Надя?

Саженяхъ въ десяти на водѣ перевертывался цвѣтной комочекъ. Быстро поплылъ туда. Сорвалъ рукава рубашки. Мокрое полотно разорвалось легко. Башмаки налились водой— снялъ ихъ ногами. Жилетка, брюки намокли, немного мѣшаютъ, но плыть можно. Не нужно только волноваться, надо беречь силы.

Плыветъ. Близко. Комочекъ повернулся и погрузился въ воду. Пересталъ работать руками, и въ стеклѣ воды увидѣлъ Надино тѣло. Выпустилъ изъ груди весь воздухъ и нырнулъ.

Вспомнилъ изъ физики, что если на предметы подъ водой смотрѣть вкось, то они кажутся не на своемъ мѣстѣ. Соображалъ — выше или ниже кажутся они и не успѣлъ сообразить, какъ рука натолкнулась на Надю.

Прошло минутъ пять, пока подошла лодка. Нужны были громадныя усилія, чтобы удержаться на поверхности. Ухватилъ Надю зубами за платье, опустился въ воду по самый ротъ. Проплылъ невдалекѣ большой любопытный дельфинъ и сдѣлалъ около два тѣсныхъ оборота, мелькая въ прозрачной водѣ поочередно бѣлымъ брюхомъ и темной спиной. Рузановъ даже почувствовалъ тѣломъ, какъ мягко заструилась за морскимъ звѣремъ вода.

Подошла лодка Въ туманѣ люди. Видно только, какъ на голову надвигается ослѣпительно бѣлый бортъ, и вода заплескалась подъ нимъ голубымъ молокомъ.

Точно у лодки десятки корявыхъ рукъ и всѣ протянулись къ Рузанову. Судно накренилось такъ, что Рузановъ увидѣлъ другой бортъ, даже дно. Раздалась рѣзкая команда офицера.

— На мѣста-а-а! Коваленко, Андрейчукъ, вынимайте!

Взяли Надю. Потащили Рузанова. Андрейчуковы оспины налились кровью, точно лицо покрылось кровавой росой. Тѣло свое показалось Рузанову такимъ тяжелымъ, что охва-

тило сомнѣніе: вытащутъ ли матросы. Руки отяжелѣли: онъ не могъ ими двинуть. Было тепло, но онъ дрожалъ всѣми жилками тѣла. Хотѣлъ что-то сказать, но прикусилъ языкъ. Стиснулъ зубы, чтобы не стучали.

Надю положили на свернутый пологъ. Спорили, какъ положить голову: выше или ниже туловища, да такъ и не рѣшили. А доктора взять съ собой забыли.

— Въ весла!

Лодка ощетинилась боковыми плавниками и, чуть-чуть мокая въ воду гибкіе концы веселъ, быстро поплыла къ пароходу.

Рузанова поддерживали, усаживали. Кругомъ свѣтились хорошія лица. Тревожно скользили взглядами по маленькому, неподвижному и мокрому тѣлу Нади и лучились лаской разноцвѣтныхъ глазъ въ сторону Рузанова. Помощникъ капитана снялъ свой китель и накинулъ Рузанову на плечи, прикрылъ ему чѣмъ-то голову.

— И какъ это я упалъ въ море?—подумалъ на мгновеніе Рузановъ, но тотчасъ вспомнилъ, что онъ прыгнулъ самъ за Надей. И удивился. Какъ это онъ рѣшился?! И только теперь испугался моря, глубины бѣлаго брюха дельфина. А можетъ быть, это была акула?

Не замѣтилъ, какъ очутились около самаго парохода. Минуту тому назадъ пароходъ на безграничномъ фонѣ моря и неба казался маленькимъ, и небо висѣло низко надъ моремъ. Теперь пароходъ высокій, огромный, давитъ чернымъ бортомъ, а голубое небо взметнулось надъ нимъ высоко, высоко.

Принявъ лодку, пароходъ тронулся въ путь, оставивъ послѣ себя въ морѣ широкое свѣтлозеленое озеро взбаламученной воды. На палубѣ около Нади широкимъ полукругомъ столпились пассажиры, возился пароходный докторъ, плакала тихо съ ребенкомъ на рукахъ мать. Хлопотали женщины, приносили бѣлье, одеколонъ, уксусъ, одѣяла, все что было нужно и ненужно. Объ Рузановѣ вспомнили тогда, когда Надя очнулась, и ее уложили въ кровать. Надина мать бѣгала съ радостными слезами по пароходу, искала Рузанова, чтобы поблагодарить.

И за обѣдомъ въ рубкѣ второго класса всѣ были къ Рузанову особенно внимательны. Моряки разспрашивали, какъ онъ себя чувствовалъ въ водѣ, разсказывали разные случаи. Дамы неумѣренно хвалили. Молодая барышня, которая ѣхала съ матерью, уловивъ ищущій взглядъ Рузанова, подала ему наудачу бутылку съ виномъ, но оказалось, что онъ хотѣлъ горчицы. Покраснѣла до слезъ и убѣжала изъ-за стола, да такъ и не обѣдала. Мужчины смѣялись, говорили,

что всѣ дамы теперь влюблены въ Рузанова. Дамы отвѣчали хоромъ:

— Да, да! Конечно! Мы любимъ героевъ! Они такъ рѣдки теперь!..

— Господа, но вѣдь это не я, ей-Богу, не я сдѣлалъ... спасъ Надю,—смущенно говорилъ Рузановъ.

— Боже мой! Да кто-же, ну кто?—весело кричали всѣ.

— Не знаю! Кто-то меня схватилъ сзади, толкнулъ. Я и упалъ въ воду. А тамъ поплылъ.

— Браво, браво! Излишняя скромность!

Это произвело на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Рузанова лихорадило. Онъ чувствовалъ, что потерялъ посланническую мѣрку жизни: говорилъ и раскаивался, стыдился сказаннаго. И теперь испугался за свои слова, но потомъ обрадовался, что ему не повѣрили.

Американскій консулъ говорилъ какой-то спичъ, въ которомъ, кажется, провелъ параллель между древними рыцарями и дипломатами. Было сказано кстати, потому всѣ согласились и хлопали въ ладони. Консулъ трепалъ коллегу дружески за плечо и напророчилъ Рузанову блестящую карьеру. И съ этимъ всѣ шумно согласились.

Пароходный докторъ, нервный и восторженный господинъ, съ рѣдкой бородой, въ очкахъ, предложилъ тостъ за божественное въ человѣчествѣ. Сначала его не поняли. Онъ пояснилъ нескладно, но такъ искренне-оживленно, что заразилъ всѣхъ. Говорилъ о томъ, какъ развивалась на землѣ жизнь, подчиняясь земнымъ законамъ, пожирая другую жизнь. Но человѣкъ возвысился надъ грубыми законами земли. На длинномъ пути развитія отъ студенистой протоплазмы до высшихъ формъ жизни онъ захватилъ и соединилъ въ себѣ совершенства земныхъ твореній и сталъ богомъ Земли. Вотъ герой нашего дня сказалъ, что не онъ сдѣлалъ это, а кто-то схватилъ его и бросилъ въ море вслѣдъ за ребенкомъ. Докторъ можетъ сказать, кто это его схватилъ: это высшій человѣкъ схватилъ его подмышки... Да-съ, высшій человѣкъ... Конечно, онъ смѣшно выразился, и слушатели имѣютъ право смѣяться, но онъ не ораторъ... Онъ только утверждаетъ, что и во всѣхъ насъ сидитъ этотъ высшій человѣкъ, человѣкъ-богъ. Каждый изъ насъ способенъ на величайшіе подвиги въ жизни. Все растетъ и растетъ этотъ высшій человѣкъ. И вотъ за этого высшаго человѣка докторъ и предлагаетъ выпить. То есть, не выпить,—это пошло и не выражаетъ мысли. Предлагается почувствовать въ себѣ этого высшаго человѣка. Всѣ могли бы это сдѣлать съ опасностью для жизни—спасти ребенка. И онъ говоритъ это не для умаленія заслуги сего-

дняшняго героя, господина Рузанова, а для возвеличенія богочеловѣка.

Пили и апплодировали. Не всѣ въ точности поняли, но чувствовали, что докторъ говорилъ о всѣхъ хорошо, и радостно волновались. Въ концѣ обѣда пришелъ изъ перваго класса капитанъ и велѣлъ подать шампанскаго.

У Рузанова кружилась голова. И было стыдно за похвалы, но хотѣлось, чтобы хвалили и ласкали такъ, чтобы не было стыдно. Въ глазахъ у него часто открывалась стеклянная глубина, а въ ней мелькало бѣлое брюхо дельфина, который кружитъ около него въ водѣ. Одинъ разъ онъ даже спросилъ старшаго помощника, водятся ли въ этихъ мѣстахъ акулы? И самъ на себя разсердился: могутъ догадаться, что онъ боялся акулы.

Безъ разспросовъ, безъ представленій всѣ узнали, кто куда, откуда ѣдетъ и кто онъ такой. Стали извѣстны даже имена и фамиліи многихъ пассажировъ. Дама съ дочерью-барышней—харьковская помѣщица. Выдала замужъ двухъ дочерей, на рукахъ третья; сынъ офицеръ. Имѣнье запущено, заложено. Господинъ въ сѣромъ съ перстнями на пальцахъ—торговый агентъ; съ женой развелся; зовутъ его Борисъ Карловичъ. Имя къ нему идетъ, и всѣ уже называютъ его по имени-отчеству. Высокій господинъ въ черномъ альпаговомъ пиджакѣ—военный съ Кавказа, фамилія Бракъ. Мотъ и кутила. Ѣдетъ въ Іерусалимъ, а зачѣмъ—и самъ не знаетъ. Маленькій бѣлый человѣчекъ профессоръ египтологъ. У него приподнятыя плечи и оттопыренныя руки, почему кажется, будто онъ все время ходилъ на четверенькахъ и теперь только что поднялся на заднія ноги. Ѣдетъ, конечно, въ Египетъ. У него красивая жена съ длинной таліей. Дама съ энергичнымъ лицомъ—начальница гимназіи въ одномъ изъ южныхъ городовъ. Ѣдетъ моремъ до Неаполя. Сѣдой священникъ—протоіерей съ Урала. Двѣ барышни—русскія учительницы въ Сиріи. Ѣздили въ отпускъ. У одной есть женихъ.

Неизвѣстно, кто сообщилъ и распространилъ всѣ эти свѣдѣнія. Нѣсколько загадочной оставалось только одна молодая дама, брюнетка. Но она не говорила ни слова по русски, хотя въ общемъ одушевленіи тоже принимала участіе. Пила за здоровье Рузанова, охотно улыбалась всѣмъ отвѣтными улыбками, смѣялась заразительно и хлопала маленькими ладонями съ круглыми точеными пальцами. Можетъ быть, потому, что руки у ней красивы, ея апплодисменты казались громче и значительнѣе прочихъ. Надина мать была съ дѣтьми въ каютѣ, но уже выходила два раза, пила здоровье Ру-

занова и, вся раскраснѣвшаяся, поцѣловала тоже смущеннаго Надина спасителя.

— Это за Надю.

Заплакала отъ радости и опять ушла къ дѣтямъ. Черезъ минуту закричала изъ каюты:

— Надя спрашиваетъ: дядя высохъ, или все еще мокрый?

Это вызвало новый подъемъ веселья. Хорошо смѣялись, и всѣ хлопали въ ладони. Многія дамы побѣжали въ каюту, чтобы взглянуть на Надю.

Возбужденные вышли изъ-за обѣда. Радовались, точно каждый сегодня спасъ отъ смерти ребенка.

И всѣ на пароходѣ радовались и гордились смутной, непонятной гордостью. Спрашивали про Надю, про Рузанова. Когда Рузановъ проходилъ по палубѣ мимо группы паломниковъ, его остановилъ мужикъ въ синей пестрядинной рубахѣ, съ ножичкомъ на поясѣ.

— Дозвольте, ваша честь, сказать, потому какъ мы всѣ здѣсь собрамши и про васъ говорили... И одобряли очень...

Рязанскому мѣщанину мужикова рѣчь показалась невразумительной. Онъ пренебрежительно перебилъ его и сказалъ съ усмѣшкой превосходства:

— Если хорошенько высказать, господинъ, такъ мы въ родѣ словеснаго адреса подносимъ вамъ. Значитъ, благодарность выражаемъ, какъ чувствуемъ.

И долго еще послѣ ухода Рузанова мужикъ съ ножичкомъ на поясѣ радостно волновался, встряхивалъ головой и доказывалъ своему сосѣду:

— Ты, дружочекъ, думалъ: баринъ, такъ ужъ и Бога не знаетъ. Нѣтъ, дружочекъ, Богъ... Онъ вездѣ: и въ мужикѣ, и въ баринѣ. Какъ въ Евангеліи сказано: Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ. Такъ-то, дружочекъ. Радостно съ Богомъ жить на вольномъ свѣтѣ.

Послѣ обѣда капитанъ пригласилъ классныхъ пассажировъ въ залъ перваго класса, гдѣ стояло піанино. Тотчасъ же нашлись музыканты и пѣвцы. Начальница гимназіи аккомпанировала. Жена профессора съ молодымъ помощникомъ капитана пѣли „Крики чайки“.

За бортами шумѣла разсѣкаемая пароходомъ вода. И казалось, что надъ мачтами, дѣйствительно, кричатъ чайки, взмываютъ и падаютъ. Круглыми, красными глазами зорко слѣдятъ, не упадетъ ли что-нибудь съ палубы въ воду.

Солнце опускалось въ море, и мотки лучей протянулись черезъ залу отъ окна къ окну, отъ двери къ двери. Медленно плавали золотистыя пылинки взадъ и впередъ, какъ далекія, облитыя солнцемъ и чуть замѣтныя въ небѣ птицы.

Сквозь лучи люди и одежды казались прозрачными, легкоткаными. Между Рузановымъ и женой профессора протянулся изъ двери широкій лучъ. Только голова ея съ тяжелой прической изъ черныхъ косъ выше луча. Мгновеніями Рузанову становилось боязно, что прозрачное, солнечное тѣло не выдержитъ тяжелую головку, и она упадетъ внизъ, на дешевый коверъ.

Голосъ у женщины убѣдительный, наивный. Такъ хочется вѣрить всему, о чемъ она поетъ. На нѣкоторыхъ нотахъ голосъ трогательно по-дѣтски ломается и дрожитъ минутной слезой.

Помощниковъ вкрадчивый теноръ вьется около женскаго голоса неотступно, нагло-нѣжно, чутко слѣдитъ его полетъ, похотливо-сладострастно ловитъ его извивы, подхватываетъ вверху на свои широкія сильныя крылья и плавно опускается съ нимъ въ затѣненныя долины. Тревожно напрягается слухъ: что они тамъ дѣлаютъ въ тихой низинѣ? И опять становится радостно, когда веселые, дружные, они снова взмываютъ кверху, снова ласкаются, сплетаются въ согласномъ восторгѣ, расходятся, но и издали любуются другъ другомъ.

„Будто въ сказкѣ жизнь идетъ"...

Сѣло солнце. Шумитъ за бортами ласковое море, и во всѣ окна смотритъ лазурная даль. Нѣтъ сказки прекраснѣе жизни, неба и моря. Но вѣдь и вся земля плаваетъ въ лазури безконечности, среди звѣздъ и планетъ. Вотъ онѣ уже заискрились, брызнули свѣтлыми капельками по синему краю восточнаго неба.

Запѣлъ потерявшій на морѣ мѣрку времени пѣтухъ. На полубакѣ паломники мягкими голосами выводили „Волною морскою". Въ голосахъ слышится удивленіе и значительность. Господи! Такъ вотъ онѣ, тѣ самыя волны морскія, о которыхъ столько разъ слышали въ церкви! Зеленыя, голубыя и прозрачныя! Господи!

Профессоръ предложилъ идти къ паломникамъ и пѣть съ ними духовные стихи. Пошли всѣ, кто—пѣть, а кто—слушать.

Поблекло море, окуталось теплымъ, серебристымъ туманомъ. Запахло сильнѣе моремъ, и воздухъ отяжелѣлъ. Море и небо свѣтились ровнымъ, чарующе тихимъ свѣтомъ. На бакѣ, точно переложенная въ слова и звуки ночь, льется пѣсня: „Свѣте тихій"...

Смѣшались голоса старые и молодые, грубые и нѣжные, высокіе и низкіе, струятся въ свѣтломъ сумракѣ и вмѣстѣ съ шумомъ воды рѣютъ и вьются надъ палубой, ласкаются

къ ушамъ, томятъ сладкимъ томленіемъ красоты невыразимаго, величіемъ неразгаданнаго.

Старичокъ-паломникъ въ монашеской рясѣ услышалъ пѣніе, обернулся къ своему товарищу, поднялъ вверхъ палецъ, прошепталъ:

— Слышишь, Павелъ! Свѣте тихій!..

Замоталъ головой, заплакалъ отъ радости, помахалъ передъ собой рукою съ растопыренными пальцами, изображающими пространство, и опять въ умиленіи затянулъ, почти запѣлъ:

— Свѣте Тихій! Господи. Видѣвше свѣтъ вечерній. Плачь, Павелъ, плачь, милый. Усладись медомъ радостныхъ слезъ!.. Поемъ Отца, Сына и Святаго Духа, Бога...

И весь вечеръ надъ пароходомъ витало какое-то сладкое очарованіе. Умилялись пѣснями и словами. На палубѣ и въ каютахъ говорили о Богѣ, о человѣческихъ подвигахъ, о красотѣ моря и горъ, объ искусствѣ. Долго не могли уснуть взволнованные и вѣрующіе.

Около полночи успокоился пароходъ. Только на мостикѣ ходилъ дежурный помощникъ капитана съ персидской бородкой и мечталъ о чемъ-то безформенномъ и необъятномъ, безбрежномъ и прекрасномъ, какъ море. Да на бакѣ стоялъ дежурный матросъ и мурлыкалъ родную пѣсню.

Потянулъ настойчивый вѣтерокъ съ запада. Сухимъ холодкомъ падалъ онъ на воду сверху.

Ходилъ по морю незримый сѣятель и пахалъ темносинія воды длинными бороздами. Разсыпались серебряные пласты сверкающими блестками и падали на движущееся водяное поле.

Должно быть, ночью будетъ немного качать.

III.

Пароходъ метнулся въ сторону, какъ сонная рыба, ударившаяся носомъ о камень.

Въ каютахъ и на палубѣ зазвенѣло разбитое стекло, точно застопалъ во снѣ больной ребенокъ.

Упало сверху, загрохотало и улеглось по длинѣ парохода, тяжелое и мертвое.

И съ этого мгновенія началось на пароходѣ безуміе.

Былъ передъ этимъ одинъ маленькій мигъ, подобный тому, когда сталь войдетъ въ тѣло, но еще не больно; когда падаешь внизъ, но еще не ударился; сказали: умеръ любимый тобой, но ты еще не понялъ этихъ словъ... Не понялъ, но они уже вцѣпились въ мозгъ огненными когтями, легли

въ сердцѣ кускомъ льда. Отдѣляется отъ костей тѣло, а пустая грудь не можетъ вздохнуть. Хочется продлить это неясное мгновеніе, такой маленькій и напряженный мигъ, когда не успѣешь сказать даже самаго краткаго слова..

Открылись глаза и жадно ловятъ темноту. Острыми углами приподнялись на локтяхъ и напряженно застыли въ койкахъ полусонныя тѣла. Въ ушахъ еще звенитъ разбитое стекло. Какъ огненныя птицы, слетаются мысли, что разбрелись по далекимъ сновидѣніямъ: зеленая лужайка въ лѣсу, тихая улица маленькаго городка съ яркими пятнами цвѣтныхъ кофточекъ, тягучій звонъ вечернихъ колоколовъ... На пароходѣ, какъ въ люлькѣ, снятся ласкающіе, дѣтскіе сны.

Слетѣлись, вспыхнули пламенемъ мысли. Быстрыми огненными щупальцами коснулись дѣйствительности: пароходъ, море, ударъ, разбитое стекло... Тонемъ!

Точно кто закричалъ, проревѣлъ въ уши это слово. Страшнымъ голосомъ. И сразу погасъ пожаръ мысли, потухъ огонь тѣла. Внутри похолодѣло. Заползали по головѣ волосы, какъ холодные муравьи. Тѣло покрылось потомъ, натянулось, перевилось, какъ сырой ремень, и звѣринымъ прыжкомъ бросилось на полъ.

— Что такое? Тонемъ? Да?

Вскочили и смотрятъ другъ на друга Рузановъ и Борисъ Карловичъ. Спали они въ одной каютѣ. Вчера торговый агентъ былъ такой разговорчивый, услужливый, ласковый и мягкій, какъ пушистый котъ. Рузановъ сдержанный, вѣжливый, деликатный. Теперь смотрятъ другъ на друга звѣриныя лица, зеленыя губы вздрагиваютъ и вьются, какъ червяки, глаза горятъ пламенемъ звѣрей. Шевелятся волосы, щелкаютъ зубы. Тускло свѣтило гаснущее электричество. Не узнаютъ, испугались другъ друга. Отвернулись и бросились въ дверь босые съ раскрытыми волосатыми грудями.

Въ рубкѣ закрутились вихри. Хлопаютъ дверями, хватаютъ съ постели въ одномъ бѣльѣ мужчинъ и женщинъ, носятъ ихъ по корридорамъ, столовой, бросаютъ на лѣстницу. Машутъ люди голыми руками, стонутъ. Раскрытыми пылающими глазами ищутъ внимательныхъ, вчерашнихъ человѣческихъ лицъ. Но нѣтъ добрыхъ знакомыхъ. Всѣ—чужіе. Сѣрыя, зеленыя, желтыя, бѣлыя, лица всѣхъ цвѣтовъ съ огненными глазами лѣсныхъ звѣрей.

Крутятся вихри, треплютъ волосы и разбрасываютъ на круглыя плечи, обнаженныя груди. Мечутся, потеряли свои норы жирныя крысы. Испугался спросонья, замяукалъ, забѣгалъ по каютамъ, поднявъ тревожный хвостъ, пароходный котъ.

Топочутъ по лѣстницѣ босыя ноги. Падаютъ и со сто-

нами снова бѣгутъ. Жена профессора упала. Американскій консулъ прыгнулъ черезъ нее, но она ухватила его за ногу. И тотъ упалъ. Выругался скверно, по-русски, дрыгнулъ ногой, вырвался и побѣжалъ дальше.

— Стерва, тоже хватается.

Выползала на палубу харьковская помѣщица и закружилась, затопала ногами на мѣстѣ, точно глину мѣсила. Только охаетъ, а выговорить ничего не можетъ. Наконецъ, собралась съ силами и закричала скрипучимъ голосомъ:

— Вѣ э-эра!

Даже присѣла, чтобы погромче вышло.

На палубѣ погасли огни. Стройная мачта, которая вчера чертила тонкимъ концомъ голубое небо, лежитъ грузнымъ темнымъ трупомъ вдоль парохода. Проломила крышу спардека, сдѣлала себѣ удобное мѣсто. Ударилась на бакѣ въ стадо овецъ, въ лошадиное стойло. Подъ ней копошатся раздавленныя овцы. Грызетъ перешибленную спину и визжитъ рыжій съ пятномъ на лбу жеребецъ.

Темныя волны поднимаются съ морского дна, заглядываютъ издали на палубу и лижутъ шипящими, пѣнными языками пароходные борты; трясутъ сѣдыми головами и снова погружаются въ зыбкую глубину, распуская по водѣ бѣлыя съ блестками волосы. Ожило кругомъ безбрежное море. Вдали и вблизи машутъ чьи-то бѣлыя руки и плывутъ со всѣхъ сторонъ къ пароходу, мелькая надъ темною водою.

Морская глубина подъ пароходомъ стала ощутимой. Тихая, мягкая, страшная глубина. Она лежитъ и ждетъ. Обниметъ, перевернетъ тѣло, окутаетъ зеленой темнотой, липкими водорослями и отдастъ прожорливой акулѣ. Ползаютъ по камнямъ большіе раки, ползаютъ медленно, какъ худшія воспоминанія прожитой жизни, шевелятъ усами и чутко ждутъ. Ждутъ каждый разъ, когда надъ ними въ высотѣ проплываютъ шумливые пароходы, выбрасывая золу изъ печей. Ждутъ съ каждаго. Сегодня услышали желанное смятенье, шевелятъ отъ нетерпѣнья усами и ждутъ: скоро-ли?

Уже всѣ высыпали наверхъ. По всѣмъ проходамъ между кучами канатовъ, на спардекѣ, на полуютѣ, на бакѣ бѣгаютъ, валяются, стонутъ люди. Бѣгутъ, разбиваютъ въ кровь лица, вытираютъ руками и, растопыривъ кровавые пальцы, снова бѣгутъ, сами не зная куда. Бѣгутъ отъ ужаса. Но онъ всѣхъ ловитъ мохнатыми лапами, дышитъ въ лицо звѣринымъ дыхомъ.

Рядомъ съ коровой бѣлымъ комкомъ упала въ обморокъ женщина, точно уснула. Корова понюхала, пыхнула ноздрями и замычала тоскливо, протяжно. И вой ея разостлался по

грязной палубѣ, обломился на бортахъ и упалъ на откатыя волны.

Оторвался съ привязи сѣрый жеребецъ и, разметавъ гриву, носился по пароходу, съ ржаньемъ оскаливъ зубы. Останавливался у бортовъ, клалъ на нихъ точеныя переднія ноги, заглядывалъ въ море. И, поднимая высоко надъ пароходомъ красивую голову, почти становясь на заднія ноги и откинувъ дугой широкій хвостъ, ржалъ изступленно, настойчиво, будто хотѣлъ выбросить свой звонкій, страшный голосъ на невидимые берега. Пароходный гудокъ гремѣлъ вверху, какъ труба Архангела въ день страшнаго суда: мощно, призывно. Тяжелые звуки падали на головы, били больно въ виски, набивались въ горло и спирали дыханіе.

Отъ звука трубы и лошадинаго ржанья становилось всѣмъ не то чтобы страшнѣе, а холоднѣе. И только одна яркая, какъ раскаленное остріе иглы, точка свѣтилась во мракѣ человѣческаго существа.

— Страшно умирать! Страшно...

И предсмертное отчаяніе подхватывало съ мѣста, заставляло бѣжать, искать.

— Уйди ты, уйди, проклятый, съ дороги. Не мѣшай! У-у-у!

Въ сторонѣ кучка русскихъ мужиковъ - паломниковъ. Стоятъ, переминаются съ ноги на ногу. А между ними прижалась и топаетъ ногой испуганная овца. Отбѣжитъ куда-то одинъ, другой и снова торопится къ своей кучѣ. Держатся другъ за друга, ловятъ всѣхъ пробѣгающихъ мимо.

Бѣжитъ въ одномъ бѣльѣ старшій помощникъ капитана съ пистолетомъ и фонаремъ въ длинныхъ, жилистыхъ рукахъ. Мужикъ схватилъ его за локоть. Безпокойными, слезящимися глазами заглядываетъ въ лицо.

— Баринъ, голубчикъ... Вашбláродь. Что случилось-то?

— Не знаю еще...

Смотритъ на мужика съ ненавистью. Дернулъ руку. Мужикъ крѣпко уцѣпился за костлявый локоть, не пускаетъ.

— Тонемъ, што-ли, родной?

— Не знаю, говорю тебѣ, не знаю. Пусти.

Поднялась съ пистолетомъ рука. Темная, круглая дыра стального дула встрѣтилась съ расширеннымъ, бѣгающимъ зрачкомъ глаза человѣческаго. Мужикъ не отшатнулся, но руку офицера выпустилъ: безполезно спрашивать. Постоявъ немного, скрючился, замоталъ головой, точно отъ нестерпимой боли въ животѣ.

— О, страсть Господня! Фараонова участь. Гнѣвъ Господень.

Замелькали по палубѣ другіе фонари. Три, пять, десять.

Свѣтлыми пятнами носятся взадъ и впередъ бѣлыя рубахи точно въ падучей забились по палубѣ безшумныя тѣни. За спинами длинными, густыми конусами неотступно, какъ хищная птица, летаетъ мракъ. Уцѣпился за каждаго, не выпускаетъ, носитъ по палубѣ взадъ и впередъ и бросаетъ на грязный полъ.

Фонари взбираются на спардекъ, на капитанскую вышку. Ночь водитъ за каждымъ фонаремъ темнымъ пальцемъ мрака, шевелитъ надъ смятенной палубой крыльями, колдуетъ.

Люди копошатся наверху точно чудовища, сбиваются въ кучу, стучатъ молотками, ругаются. Черные силуэты обведены слабыми полосками свѣта, танцуютъ танецъ мертвыхъ, прилипаютъ другъ къ другу, скрещиваются, разлетаются.

Рузановъ опоясался спасательнымъ поясомъ и тоже побѣжалъ на капитанскую вышку. Уже занесъ ногу на лѣстницу, какъ его кто-то ухватилъ за рубашку.

— Милый мой, ради Бога...

Смотритъ—Надина мать. Она въ одномъ бѣльѣ. На правомъ плечѣ рубашка разстегнулась, обнажила ключицу и отвислыя груди кормящей женщины. На лѣвой рукѣ у ней маленькій ребенокъ, закутанъ платкомъ, а на шеѣ въ одной рубашкѣ виситъ Надя. Правой-же она уцѣпилась за Рузанова.

— Ради Бога. Я васъ умоляю...

— Что вы... Что вамъ нужно?

Рузановъ понимаетъ, что̀ нужно Надиной матери. Но задаетъ вопросъ, чтобы сообразить, какъ поступить. Съ Надиной матерью, видимо, начинается истерика. Она хочетъ что-то сказать, да не можетъ,—давитъ горло. Порывами налетаетъ вѣтеръ и плещетъ пѣной на палубу. Прорѣзая непрерывный гулъ моря, разсѣкая темноту, перелетаютъ надъ палубой отчаянные крики съ другого парохода.

— Ради Бога, возьмите Надю, спасите ее...

— Она мнѣ помѣшаетъ, — думаетъ Рузановъ, вырывая руку. Вдругъ чувствуетъ на пальцахъ что-то мокрое, холодное. Надина мать холодными губами цѣлуетъ ему руку и трясетъ простоволосой головой.

— А-а-! О-о-о! Бухъ!

Стонетъ человѣческими голосами море, сердито бьетъ волнами въ пароходные борты. Какъ дикія журавли, носятся, ищутъ береговъ крики предсмертной тоски, невыразимаго страха смерти.

— Уйдите отъ меня, уйдите!—кричитъ Рузановъ.—Уйди-и-ите!..

И торопливо побѣжалъ по лѣстницѣ, приподнявъ надъ спасательнымъ поясомъ плечи и крутя круглой головой.

На ютѣ стоитъ протоіерей съ Урала, держится лѣвой рукой за наперстный крестъ на груди, а правой крестится и громко выкрикиваетъ молитву, точно боится, что тихія слова не долетятъ до неба.

„Господи, Боже нашъ! Положивый морю предѣлъ песокъ. Пядію измѣривый небо и горстію содержай землю. Самъ и нынѣ сей корабль соблюди и даждь ему ангела блага, мирна, хотящія плыти въ немъ сохрани. Даждь имъ во своя отыти здравымъ“.

Къ ногамъ священника подкатилась съ истеричнымъ крикомъ харьковская помѣщица.

— Батюшка, замоли. Упроси Господа, батюшка! Тысячу рублей бѣднымъ... Батюшка! Господи!..

Священникъ ничего не сказалъ, поднялъ лицо въ темное съ рѣдкими звѣздами небо и опять заговорилъ. Около него собралась толпа мужчинъ и женщинъ. Плакали тихо, повизгивали, но метаться перестали, ждали чуда. За священникомъ всѣ невольно подняли вверхъ головы. Надъ пароходомъ колыхалось и кружилось вмѣстѣ съ звѣздами небо, падало и поднималось. А безбрежная даль гудѣла неустанно.

„Вѣмы, Господи, яко многихъ ради грѣховъ нашихъ сотряслъ еси корабль сей и смутилъ еси ны и страхъ и трепетъ пріиде на ны отъ лица гнѣва твоего долготерпѣливе. Сердце наше смутися и боязнь смертная нападе на ны. Господи, да не поглотитъ насъ глубина морская, да не пожрутъ насъ гады и звѣри морскіе...“

— Ой, не стращай, батюшка! Не пугай, ради Создателя, не пугай...—взмолился кто-то изъ толпы.

Священникъ выкрикивалъ когда-то читанныя слова. И среди молитвы дѣловито спросилъ пробѣгавшаго матроса:

— Ну, какъ, сынокъ? Что съ пароходомъ?

— Живемъ пока!—весело отвѣчалъ тотъ уже издали.

Женщины почувствовали наготу свою и начали укрываться платками.

Стало веселѣе. Священникъ продолжалъ твердымъ и увѣреннымъ голосомъ:

„Покажи намъ обычную великія сея пучины тишину. Не погуби малое сіе стадо, страхомъ сокрушенное и плачемъ смиренное и корабля колебаніемъ смятенное и недоумѣнное отовсюду. Мы же, яко апостолы, со страхомъ къ Тебѣ взываемъ: Господи, спаси ны, погибаемъ!..“

IV.

Когда стало извѣстно, что пароходъ не тонетъ, а держится на водѣ, женщины одѣлись и долго еще плакали на палубѣ и въ каютахъ. Мужчины мрачно ходили по пароходу, выбирая затѣненныя отъ фонарей мѣста. Разспрашивали другъ друга объ участи другого парохода. Бранили тихонько капитана, его помощниковъ. Обсуждали, какъ могли столкнуться въ открытомъ морѣ два парохода. Утѣшали дамъ, вспоминали пережитое, разсказывали смѣшное. Больной еврей надѣлъ спасательный поясъ на бедра: онъ плавалъ бы въ водѣ внизъ головой. Профессоръ второпяхъ засунулъ ботинки въ карманы брюкъ, ходилъ босикомъ и, когда все успокоилось, долго ихъ искалъ.

Затихалъ вѣтеръ. Въ сѣрой мглѣ грядущаго утра заклубились туманы, рисовали берега, пароходы, паруса лодокъ, близкія строенія.

Пароходъ медленно двинулся впередъ.

Солнце встало желтое, больное. Колыхалось кругомъ затихающее море. Остатки тумана еще долго ползали, искали затѣненныхъ береговъ, гдѣ на холодныхъ камняхъ можно упасть, умереть свѣтлой росой.

Часамъ къ восьми утра встрѣтился греческій пароходъ. Сталъ снимать пассажировъ. Спустили лѣстницы, пришли съ парохода лодки.

И медленно, гуськомъ потянулись всѣ внизъ, желтые, съ усталыми, тоскующими глазами. Бросали другъ на друга бѣглые взгляды. Мужчины избѣгали помогать дамамъ. Надина мать остановилась въ нерѣшительности передъ зыбкимъ бортомъ лодки. Американскій консулъ услужливо поддержалъ ее подъ руку.

— Ай, ай!—вскрикнула испуганно женщина, оглянулась. Подъ глянцевитымъ цилиндромъ смущенно улыбалось зубастое лицо. Консулъ потерялъ ночью картузъ и надѣлъ цилиндръ. Рузановъ избѣгалъ Надиной матери и сѣлъ въ послѣднюю лодку.

Матросы и офицеры стояли у бортовъ и махали отвѣтно фуражками. Пароходный докторъ перекинулся черезъ бортъ, мрачно смотрѣлъ, какъ у парохода плескалась зеленая, точно жидкій мраморъ, вода и думалъ о своей рѣчи, сказанной вчера за обѣдомъ.

С. Кондурушкинъ.

ДѢТИ.

Повѣсть Болеслава Пруса.

Переводъ съ польскаго Л. Круковской.

Викентію Свирскому было около семидесяти лѣтъ. Высокій, худой, въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ, онъ держался прямо, носилъ заостренные усы и остроконечную Наполеоновскую шапку на сѣдыхъ волосахъ. Говорилъ мало, почти не смѣялся и обращался со всѣми свысока и сухо. Въ молодыхъ годахъ онъ воевалъ подъ начальствомъ Гарибальди, затѣмъ нѣкоторое время принималъ участіе въ возстаніи, а въ 1870 году служилъ добровольцемъ въ рядахъ французскихъ стрѣлковъ, гдѣ и получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Во время его многолѣтняго отсутствія родственники увѣряли, что онъ путешествуетъ. Когда же около 1880 года онъ вернулся домой и уплатилъ налоги за нѣсколько лѣтъ, то безъ всякихъ препятствій получилъ оставшееся послѣ смерти родителей имѣніе, а у мѣстныхъ властей снискалъ репутацію человѣка спокойнаго и благонамѣреннаго.

Признаться, онъ очень измѣнился. Когда-то горячій демократъ и революціонеръ, онъ позже возненавидѣлъ революцію и демократію—мать, какъ онъ выражался, парижской коммуны, которую онъ наблюдалъ собственными очами.

Поселившись на родинѣ, онъ тотчасъ отказался отъ всякаго общества и велъ уединенный образъ жизни. Его расходы были незначительны, а доходы онъ возилъ въ банкъ. Многочисленную дворню, среди которой преобладали мужчины, онъ держалъ въ строгости военной дисциплины. Крестьянъ, съ которыми онъ вѣчно судился, Свирскій считалъ грабителями, ремесленниковъ называлъ бездѣльниками, а купцовъ—плутами. Евреевъ дѣлилъ на двѣ группы: ростовщиковъ и мошенниковъ; исключеніе составляли только его факторъ Шимха и хлѣботорговецъ Вейнтраубъ.

— Только эти двое,—говорилъ онъ,—еще чего-нибудь стоятъ... Остальныхъ можно всѣхъ повѣсить...

Со своими родственниками онъ почти не имѣлъ никакого дѣла и встрѣчался изрѣдка только со своимъ младшимъ братомъ Витольдомъ, у котораго крестилъ сына Казимира. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ умерли родители мальчика, старый чудакъ сталъ его опекуномъ, привязался къ сироткѣ и даже старался привить ему свои взгляды.

Его „credo" отличалось необыкновенной простотой. Народомъ управляетъ и должна управлять шляхта. Крестьянинъ, мѣщанинъ можетъ сдѣлаться низшимъ духовнымъ лицомъ, мелкимъ чиновникомъ или офицерикомъ. Но епископомъ, начальникомъ губерніи, министромъ и генераломъ долженъ быть только шляхтичъ, ибо въ крови его живетъ способность управлять. Шляхта должна быть не только богатой, но и умной, просвѣщенной и отважной, и только при такихъ условіяхъ она можетъ управлять народомъ и воспитывать его.

Польское царство пало, и весь народъ потерялъ всякую цѣну потому только, что шляхта развращена. Для того, чтобы поднять народъ, необходимо возродить шляхту или напомнить ей и внушить присущія ей обязанности. Шляхтичъ не долженъ заниматься риѳмоплетствомъ, музыкой, медициной, даже агрономіей. Онъ долженъ учиться искусству управлять народомъ. Ему должна быть предоставлена карьера администратора, дипломата, судьи и военнаго.

Сообразно съ этими взглядами старый чудакъ воспитывалъ своего крестника и говорилъ, что мальчикъ непремѣнно будетъ генераломъ. Онъ купалъ его въ холодной водѣ, кормилъ и одѣвалъ просто, будилъ рано. Обучалъ мальчика верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ и фехтованію. Онъ сформировалъ для него отрядъ изъ деревенскихъ мальчиковъ, вооруженныхъ дѣтскими ружьями и одѣтыхъ въ фантастическіе костюмы, и они производили довольно стройныя военныя эволюціи.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Казѣ разсказывались фантастическія біографіи извѣстныхъ воителей, которые ничего не боялись, никогда не падали духомъ и умѣли пережить самыя тяжелыя пораженія. Теорія сопровождалась всегда нагляднымъ обученіемъ. Для этого Свирскій водилъ мальчика на прогулку во время бури, ходилъ съ нимъ ночью въ лѣсъ и на кладбище, иногда посылалъ его туда даже одного.

Такая система воспитанія, примѣняемая безъ колебаній, могла бы погубить болѣе слабое дитя. Но, къ счастью, Казя былъ здоровъ, силенъ и способенъ и поэтому выросъ необыкновеннымъ юношей.

Сперва дядя хотѣлъ отдать Казимира въ кадетскій корпусъ. Но онъ сознавалъ, что у него не хватитъ силъ разстаться съ мальчикомъ на продолжительное время, и рѣшилъ помѣстить его въ гимназію города X., расположеннаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Сверокъ.

Родственники Свирскаго не одобряли его плановъ на будущее Кази, и одинъ изъ старѣйшихъ членовъ семьи завелъ слѣдующій разговоръ со страннымъ опекуномъ:

— Что ты намѣренъ дѣлать съ Казимиромъ, братецъ? До насъ доходятъ нелѣпые слухи...

— Вы видите, что я дѣлаю...—отвѣтилъ дядя.—Отдаю его въ гимназію.

— А это войско, что оно обозначаетъ?

— Когда онъ окончитъ гимназію, то поступитъ вольноопредѣляющимся... Онъ сдастъ экзаменъ, шутя... Затѣмъ, пойдетъ въ военную академію...

— Тере-фере,—прервалъ его двоюродный братъ.—А въ академію его не примутъ...

— Тере-фере,—рѣзко отвѣтилъ Свирскій,—это ужъ моя забота, чтобы его приняли въ академію...—А потомъ?—Потомъ онъ вернется сюда и, если у него будетъ охота, можетъ заняться хозяйствомъ.

— Для чего ему въ такомъ случаѣ эта академія? — А для того, чтобы въ родномъ краю были люди, изучившіе военное искусство и понимающіе, что такое война.

— А для чего это нужно?—Для того, чтобы вы не устраивали безсмысленныхъ возстаній,—проворчалъ раздраженный Свирскій.—Нашему невѣжеству, отсутствію самыхъ элементарныхъ понятій о военномъ искусствѣ мы обязаны тѣмъ, что въ шестидесятомъ году горсть молокососовъ толкнула страну къ войнѣ... страну, не имѣвшую ни одного баталіона, ни одной пушки, ни одного генерала.

Въ Сверкахъ находился „дворецъ“, одноэтажный каменный домъ, и огромный паркъ, сырой и мрачный.

До тѣхъ поръ, пока Казя жилъ въ деревнѣ, въ паркѣ раздавались веселые возгласы дѣтей, трескъ маленькихъ дѣтскихъ ружей и пискливыя слова команды. Тогда дядя любилъ гулять по поросшимъ травой дорожкамъ, наблюдать за битвами, засадами, лагеремъ и выступленіемъ дѣтей на бой. Когда же мальчикъ уѣхалъ въ гимназію, старый чудакъ почти пересталъ ходить въ паркъ. Онъ блуждалъ по огромнымъ комнатамъ дворца, курилъ трубку и думалъ... думалъ... думалъ. Онъ думалъ о томъ, что въ Сверкахъ тоскливо безъ Кази, и что придется уѣхать съ юношей, когда онъ поступитъ на военную службу. Онъ думалъ, что если удастся воспитать разумно племянника, шляхта будетъ ему

подражать... Такимъ образомъ, исподволь образуется въ Польшѣ новая шляхта, которая не допуститъ никакихъ возстаній и заглушитъ какія-то демократическія, а, на самомъ дѣлѣ, анархическія мечтанья.

Итакъ, панъ Викентій ходилъ по комнатамъ, курилъ трубку и думалъ. Изрѣдка онъ останавливался среди огромной комнаты, словно прислушиваясь къ отголоскамъ той новой будущности, насадителемъ которой онъ мечталъ сдѣлаться.

Тѣмъ временемъ Казимиръ учился въ гимназіи и понемногу завоевывалъ себѣ положеніе въ обществѣ. Въ гимназіи онъ, прежде всего, свелъ знакомство съ дѣтьми офицеровъ, а затѣмъ сталъ знакомиться съ самими офицерами всякаго рода оружія и поддерживалъ съ ними сношенія до пятаго класса. Онъ ходилъ на ученія, принималъ дѣятельное участіе въ упражненіяхъ въ стрѣльбѣ, даже артиллерійской, присутствовалъ по нѣскольку дней на маневрахъ. Часто офицеры будили его ночью и брали съ собой на военныя прогулки. Учителямъ, большею частью русскимъ, пришелся по душѣ ученикъ, интересующійся военнымъ искусствомъ и поддерживающій сношенія съ офицерами. Товарищи не выказывали Свирскому особыхъ симпатій, тѣмъ болѣе, что Казя не обнаруживалъ любви ко всему польскому. Онъ плохо зналъ свою литературу, восторженно отзывался о русскихъ писателяхъ, и внѣ стѣнъ гимназіи охотно сходился съ русскою молодежью.

Кто-то изъ товарищей назвалъ его однажды „московской душой", но получилъ отъ Кази въ зубы и успокоился.

Несмотря на все это, общественное мнѣніе было на сторонѣ Свирскаго.

И, въ самомъ дѣлѣ, мальчикъ былъ вполнѣ достоинъ любви: онъ былъ прекраснымъ товарищемъ. Казя дѣлился буквально всѣмъ: булками, колбасой, пирожными, книгами, бѣльемъ, обувью и деньгами, и ежегодно уплачивалъ за нѣсколькихъ бѣднѣйшихъ учениковъ плату за право ученія.

Дядя-опекунъ, принимавшій весьма малое участіе въ общественной благотворительности и снискавшій репутацію холоднаго скряги, умѣлъ, однако, цѣнить благородную душу мальчика и не заглушалъ его добрыхъ порывовъ. Несмотря на то, что Свирскій предоставилъ Казѣ только 600 руб. ежегодно на мелкіе расходы, онъ неизмѣнно уплачивалъ передъ каникулами около двухъ тысячъ, которыя юноша, будто-бы тайкомъ отъ дяди, бралъ въ долгъ у Вейнтрауба.

— Не распутничаетъ ли онъ?—спрашивалъ дядя купца.

— Нѣтъ! Это очень хорошій паничъ! Если онъ и разво-

ритъ когда-либо имѣніе, то развѣ только добрыми дѣлами,— отвѣчалъ Вейнтраубъ.

Другимъ достоинствомъ Кази, которое цѣнили и товарищи, было высокое чувство справедливости и человѣческаго достоинства. Онъ не только не позволялъ обижать слабѣйшихъ, но даже протестовалъ противъ недоказанныхъ подозрѣній. Въ четвертомъ классѣ одного изъ товарищей обвинили въ излишнихъ сношеніяхъ съ инспекторомъ: его стали преслѣдовать и, втихомолку, даже называли шпіономъ. Свирскій вступился за него, выяснилъ, что преслѣдуемый товарищъ нуждается и проситъ у инспектора работы. Свирскій вмѣстѣ съ другими товарищами выхлопоталъ ему хорошій урокъ. Этотъ поступокъ, въ такихъ молодыхъ годахъ, обнаружилъ въ мальчикѣ присутствіе не только благородства, но и глубокой вдумчивости. И даже ученики старшихъ классовъ уважали Казю и искали его дружбы.

Молодой Свирскій былъ вѣжливъ съ учителями, цѣнилъ то, что его выдѣляли, но не позволялъ обижать ни себя, ни другихъ. Однажды—это было въ концѣ учебнаго года, въ четвертомъ классѣ—одинъ изъ учителей крикнулъ ученику: „Ты свинья!“—„Скажи ему, что онъ самъ свинья“!—крикнулъ Свирскій. Учитель вскочилъ со стула, побѣжалъ къ директору и пожаловался, что Свирскій публично назвалъ его свиньей и при томъ по-польски. Директоръ, прежде всего, обратилъ вниманіе педагога на то, что тутъ нечѣмъ хвалиться. Затѣмъ онъ нарядилъ слѣдствіе, обнаружившее, что Свирскій, дѣйствительно, что-то сказалъ по-польски, но что онъ сказалъ—никто не слышалъ, не исключая учениковъ-русскихъ. Директоръ посадилъ Свирскаго на четыре часа въ карцеръ и велѣлъ извиниться передъ учителемъ. Такъ какъ мальчикъ не хотѣлъ извиняться, то сообщили дядѣ, который немедленно пріѣхалъ и, при помощи Вейнтрауба, повелъ переговоры съ оскорбленнымъ педагогомъ.

Результатъ переговоровъ былъ настолько удаченъ, что учитель самъ явился къ Казѣ, простилъ ему недозволенное въ школѣ обращеніе на польскомъ языкѣ и подарилъ брошюрку „Тактика роты“, написанную генераломъ Драгомировымъ.

Мальчикъ былъ такъ тронутъ добротой учителя, что послалъ ему черезъ Вейнтрауба корзину вина, а учитель съ той поры сталъ однимъ изъ самыхъ снисходительныхъ. Популярность Свирскаго въ гимназіи достигла своего апогея.

Въ пятомъ классѣ связи Кази подверглись глубокимъ перемѣнамъ. Войска, квартировавшія до сихъ поръ въ Х., ушли въ Манчжурію, и, вмѣсто нихъ, прибыли новые полки.

Но Свирскій не знакомился уже со вновь прибывшими офицерами. Вдобавокъ мальчикъ былъ вынужденъ оставить гимназію по слѣдующей причинѣ.

Одинъ изъ товарищей далъ какъ-то Свирскому „Дѣдовъ" Мицкевича, которыми онъ такъ увлекся, что читалъ ихъ во время урока русской исторіи. Учитель это замѣтилъ, подошелъ на цыпочкахъ къ Свирскому и... схватилъ книгу, на которой тяготѣли цѣлыхъ два смертныхъ грѣха: она была не только польской, но еще и запрещенной. Конечно, нарядили слѣдствіе, и хотя „Дѣды" въ гимназической канцеляріи были замѣнены „Одиссеей" въ переводѣ Семеньскаго, тѣмъ не менѣе дядѣ Викентію посовѣтовали взять племянника изъ гимназіи. На прощаніе директоръ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

— Казимиръ Витольдовичъ добрый, способный, благородный юноша, но... за послѣднее время онъ измѣнился. Обратите вниманіе на это замѣчаніе.

— Но мальчикъ растетъ, — отвѣтилъ дядя, — онъ скоро выйдетъ изъ дѣтскихъ лѣтъ.

— Да, вы правы... Онъ, вѣроятно, оттого измѣнился, что растетъ...

Покинувъ гимназію, Свирскій поступилъ въ коммерческое училище. Здѣсь онъ встрѣтилъ новыхъ учителей, новыхъ товарищей, и здѣсь въ его головѣ зародились новыя мысли. До сихъ поръ онъ не чувствовалъ разницы между собой и русскими. Теперь, когда его удалили изъ гимназіи за поэму Мицкевича, онъ не только понялъ, но и почувствовалъ, что поляки находятся въ какомъ-то иномъ положеніи, чѣмъ остальные люди.

— Отчего,—думалъ онъ,—русскій, нѣмецъ, французъ, даже еврей можетъ читать своихъ писателей на родномъ языкѣ?.. Кто имѣетъ право контролировать, какія я читаю книги... или спрашивать меня, кто далъ мнѣ книгу? Отчего въ полиціи не хотятъ говорить съ нами по польски, а въ судахъ и школахъ даже наказываютъ за это? Чѣмъ же я хуже Ивана Скворцова или Іоганна Шмидта? А у нихъ есть свой языкъ, у меня же нѣтъ его...

Въ новой школѣ Свирскій сталъ посѣщать товарищескія собранія, прислушивался къ чтеніямъ и разсужденіямъ, которыя открыли ему новый, до сихъ поръ невѣдомый и даже не подозрѣваемый имъ міръ несправедливостей и обидъ. На собраніяхъ бывали не только ученики коммерческаго училища, но также молодые чиновники, приказчики, ремесленники, которыхъ, несмотря на разницу занятій и положеній, связывало что-то общее: великая несправедливость.

Каждый изъ нихъ въ свое время мечталъ если не объ окончаніи университета, то, по крайней мѣрѣ, средняго учебнаго заведенія, у каждаго были способности и желаніе учиться. Но для однихъ слишкомъ высока была плата, и поэтому они уходили изъ третьяго или четвертаго класса. Другіе не могли осилить всѣхъ требованій по русскому языку, и ихъ не переводили въ слѣдующій классъ. Нѣсколько человѣкъ были уволены изъ учебныхъ заведеній за чтеніе польскихъ книгъ, нѣкоторые не окончили курса потому, что въ данномъ году число аттестатовъ было ограничено. Одного разъ навсегда удалили изъ всѣхъ учебныхъ заведеній и посадили на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму за обученіе ремесленниковъ. Одинъ изъ учащихся написалъ русское сочиненіе, по прочтеніи котораго учитель сказалъ: „Ваше сочиненіе производитъ впечатлѣніе, что его написалъ человѣкъ зрѣлый. А такъ какъ вы еще не зрѣлый человѣкъ, то я ставлю вамъ двойку". За эту двойку мальчика не перевели въ слѣдующій классъ, и онъ долженъ былъ уйти изъ гимназіи.

— Несправедливости, несправедливости.. страшныя несправедливости,—думалъ Свирскій, вспоминая эти и другіе разсказы, которымъ не было конца. Но существуютъ-ли способы устранить эти несправедливости, это еще не приходило ему въ голову.

Однажды Свирскій былъ на собраніи, гдѣ какой-то взрослый человѣкъ говорилъ о необходимости подготовить революцію.

— Какъ же вы ее осуществите, не имѣя оружія и, прежде всего, обученныхъ воиновъ?—спросилъ Свирскій.

— Нужно убивать по одиночкѣ сановниковъ, которые составляютъ правительство.

— А если ихъ не удастся убить или вы же будете убиты?

— Для этого нужно нападать неожиданно и нѣсколькимъ лицамъ противъ одного,—отвѣтилъ ораторъ.

— Но вѣдь это будетъ неблагородная борьба,—возмутился Свирскій.

— Вѣдь ты хотѣлъ поступить на военную службу,—вмѣшался одинъ изъ товарищей,—а военные тоже убиваютъ.

— Извините, — возразилъ Свирскій. — Военные не убиваютъ безоружныхъ и при томъ не нападаютъ врасплохъ. Наконецъ, у военныхъ нѣтъ необходимости убить непремѣнно Павла или Савла, а имъ нужно побѣдить, дезорганизовать непріятельскую армію. Война это—игра, это—искусство,— убійство же отдѣльныхъ людей — преступленіе. Наконецъ, война достигаетъ цѣли, ослабляя силы противника, еди-

ничныя же убійства устраняютъ субъектовъ, которыхъ могутъ замѣнить еще худшими.

Поднялся шумъ, споры, и въ результатѣ оказалось, что съ взглядомъ Свирскаго согласно большинство собравшихся. Учащаяся молодежь вмѣстѣ съ ремесленниками, торговцами и даже женщинами, голосовала за правильную войну и противъ убійства изъ-за угла.

Вообще на собраніяхъ Свирскій одерживалъ побѣды. Напримѣръ, однажды, когда говорилось о школьномъ вопросѣ, кто то высказалъ мнѣніе, что школа должна быть свободной.

Молодой рабочій. Что это значитъ—свободная школа?

Ендржейчакъ. Школа, которую свободно можно не посѣщать (*Смѣхъ*).

Линовскій. Или—посѣщая ее, не учиться (*Смѣхъ*).

Докладчикъ. Свободной школой называется такая, которую всякій можетъ открыть, гдѣ можно обучать на какомъ угодно языкѣ, къ посѣщенію которой никого нельзя принуждать и, наконецъ, программу которой составляютъ учителя совмѣстно съ директоромъ, а не кто-то, стоящій внѣ школы.

Одинъ изъ учениковъ. А будутъ ли къ обсужденію допущены учащіеся?

Докладчикъ. Конечно... Когда дѣло коснется осужденія какого-нибудь товарища, освобожденія отъ платы за ученіе или присужденія стипендіи...

Старая учительница. А отчего бы не допустить учащихся принять участіе въ выработкѣ программы (*Движеніе*)?

Свирскій. Дѣйствительно: почему ученики перваго класса не могли бы разсуждать о преподаваніи тригонометріи или логариѳмовъ?.. (*Смѣхъ*).

Послѣ замѣчанія Свирскаго собраніе постановило вопросъ о свободной школѣ, а главнымъ образомъ объ участіи учащихся въ совѣщаніяхъ передать особой коммиссіи. А тѣмъ временемъ Свирскій сошелся ближе съ Ендржейчакомъ и Линовскимъ, съ которыми до того былъ мало знакомъ.

Иногда вмѣсто обсужденія докладовъ, принимаемыхъ или отвергаемыхъ, высказывались взгляды чисто догматическіе, и не согласные съ ними удостоивались названія буржуевъ и ретроградовъ. Напримѣръ: работа не должна продолжаться болѣе восьми часовъ въ сутки, за что работникъ долженъ получать соотвѣтствующее содержаніе и обезпеченіе старости. Средства къ жизни каждый долженъ добывать только собственнымъ трудомъ, ни въ коемъ случаѣ не изъ процентовъ съ капитала. Земля и фабрики должны принадлежать обществу, которое выбираетъ директоровъ и

управляющихъ; они, въ свою очередь находятся подъ контролемъ ближайшихъ работниковъ. Всякая частная собственность и всякое наслѣдственное владѣніе уничтожаются...

— Мой отецъ,—отозвался Ендржейчакъ,—вѣроятно, не откажется отъ своихъ помѣстій.

— И мой дядя...—промолвилъ Свирскій.

— А мой отецъ не допуститъ надъ собой контроля лѣсниковъ, которыхъ самъ до сихъ поръ контролировалъ...— прибавилъ, смѣясь, Линовскій.

— Наконецъ, какимъ способомъ вы введете эти измѣненія?—спросилъ Свирскій оратора, который высказывалъ вышеприведенные взгляды.

— Силой!.. Борьбой!..—возразилъ ораторъ.—Мы ниспровергнемъ правленіе капиталистовъ и ретроградовъ и создадимъ свое—прогрессивное и демократическое...

— Для борьбы нужны войска... оружіе... — возразилъ Свирскій.

— Каждый пролетарій—солдатъ,—былъ отвѣтъ.—Что же касается оружія, то часть купимъ, часть добудемъ...

— Чѣмъ?.. Кулаками?..

— А браунинги?

— Значитъ, вы полагаете, господа,—спросилъ, подавляя раздраженіе, Свирскій,—что темные, недисциплинированные люди, вооруженные одними браунингами, могутъ одержать побѣду надъ регулярными войсками, обученными и снабженными ружьями и пушками?..

— Мы не полагаемъ... мы въ этомъ увѣрены!..

Линовскій сталъ смѣяться, кто-то свистнулъ... Возникло замѣшательство, послышались угрозы... Тогда Свирскій попросилъ слова и высказался, приблизительно, въ такомъ смыслѣ.

— Еще не время останавливаться на уничтоженіи собственности. Англичане, французы, даже швейцарцы и американцы признаютъ право собственности, и живется имъ не хуже другихъ. Равнымъ образомъ, я допускаю, что полякамъ и русскимъ нужна не столько школа, программа для которой составлялась бы учениками, сколько хорошая и дешевая, если не безплатная... Я полагаю, что и нашимъ рабочимъ нѣтъ надобности выбирать директоровъ, но имъ необходимы способные и честные руководители...

— Короче, — закончилъ Свирскій,—намъ, полякамъ, а также, быть можетъ, и русскимъ нужна, прежде всего, такая свобода, какою уже пользуются народы цивилизованные: англичане, французы, швейцарцы... Эту свободу мы должны

завоевать, но мы не завоюемъ ее, не имѣя усовершенствованнаго оружія и людей, обученныхъ военному искусству.

А потому ближайшей нашей цѣлью должно быть созданіе отважнаго и проникнутаго духомъ свободы войска.

При такихъ обстоятельствахъ мы убѣдимся, что и люди, владѣющіе собственностью, также нужны: такъ какъ ихъ имѣнія послужатъ для покупки оружія и для военныхъ упражненій...

— Это будетъ свобода буржуевъ, изъ которой для рабочихъ въ дальнѣйшемъ возникнетъ нужда и страданія,—воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Товарищъ Свирскій всегда вноситъ въ собранія розны!—прибавилъ другой.

— Панъ Свирскій! панъ Свирскій!—поправилъ съ ироніей пискливый голосъ.

Собраніе раздѣлилось. Рабочіе высказались противъ взглядовъ Свирскаго, за которые голосовали Линовскій, Старка, Хржановскій и вообще учащіеся.

— Коллега Свирскій правъ!—кричалъ Хржановскій.— Прежде всего, свобода, а потомъ экономическія реформы...

— Прежде всего—хлѣбъ! — отозвался старый ремесленникъ.

Когда собраніе стало расходиться, къ Свирскому подошелъ мужчина неопредѣленнаго возраста, брюнетъ, съ черными бакенбардами и усами.

— Я—Куловичъ,—сказалъ онъ, беря Казю подъ руку.— Вы вполнѣ правы: прежде всего надо добиться свободы или создать свое демократическое правительство и только тогда приняться за экономическія реформы. Но эти ослы ничего не понимаютъ, и мы должны обѣщать имъ журавля въ небѣ...

— Но хорошо ли обѣщать то, чего невозможно достигнуть?—спросилъ Свирскій.

— Я не утверждаю, что это неисполнимо, но не сейчасъ... Впрочемъ, мы еще поговоримъ объ этомъ...

Онъ кивнулъ головой и исчезъ за угломъ темной улицы.

Свирскій обратился къ Линовскому:

— Я гдѣ-то видѣлъ этого чудака!.. Мнѣ кажется, онъ уже былъ какъ-то на собраніи...

— По моему, у него были тогда каштановые волосы и борода и его звали...

— Не Ножинскимъ ли...

— Не одинъ онъ еженедѣльно мѣняетъ имя и цвѣтъ волосъ,—закончилъ, смѣясь, Линовскій.

Черезъ нѣсколько дней Куловичъ навѣстилъ Свирскаго изаявилъ, что хотя онъ и раздѣляетъ его взгляды, од-

нако не совѣтуетъ ему высказывать ихъ слишкомъ часто и съ такой настойчивостью, чтобы не вносить розни.

— Въ настоящее время всѣ сторонники свободы должны быть заодно. Въ единеніи сила!—закончилъ Куловичъ.

Свирскій былъ упоренъ въ своихъ убѣжденіяхъ, но и податливъ на лесть. А такъ какъ Куловичъ осыпалъ его комплиментами и превозносилъ его способности, то юноша сталъ чаще посѣщать собранія и избѣгать безплодныхъ споровъ.

Почти одновременно съ появленіемъ Куловича, по городу стали носиться слухи, неизвѣстно кѣмъ распускаемые и поддерживаемые, что общество, а въ особенности мѣстная молодежь, не принимаетъ участія въ революціонномъ движеніи.

— Въ другихъ мѣстахъ борются,—говорили люди,—убиваютъ и гибнутъ, а здѣсь ничего... Слѣдовало бы обнаружить какіе-либо признаки жизни!..

Позже стали перешептываться, что самъ Свирскій призналъ необходимость покушеній на отдѣльныхъ лицъ, что создалъ даже соотвѣтствующій союзъ, и что вскорѣ городъ услышитъ нѣчто новое.

Эти слухи поразили пріятелей Свирскаго и взволновали его самого. Чтобы положить конецъ сплетнямъ, онъ объявилъ, что на одномъ изъ ближайшихъ собраній будетъ говорить о военномъ искусствѣ.

— Вотъ чудеса!—смѣялся нѣкій старый писецъ.—Ученикъ шестого класса, не состоявшій ни одного часу на военной службѣ, хочетъ учить военному искусству?.. Близко свѣтопреставленіе!..

Кто-то, однако, посовѣтовалъ ему бросить свои предубѣжденія, потому что Свирскій читалъ много военныхъ книгъ, когда-то велъ знакомство съ офицерами и даже ѣздилъ на маневры.

— Да еще стрѣлялъ изъ пушки... Я знаю это отъ одного изъ офицеровъ...—сказалъ сторонникъ Свирскаго.

II.

Въ предмѣстіи Болото находился старый заброшенный амбаръ, куда позднимъ вечеромъ собралось нѣсколько десятковъ людей послушать докладъ Свирскаго.

Было холодно, темно и сыро, но собравшіеся, при тускломъ свѣтѣ трехъ закопченыхъ фонарей, провели время лучше, чѣмъ нарядная публика въ ярко освѣщенномъ бальномъ залѣ. Имъ сопутствовали и привели сюда два божества: юношескій пылъ и вѣра въ будущее.

У одного изъ фонарей всталъ Свирскій и началъ:—Я объясню почтеннымъ слушателямъ, что такое сраженіе...— „Съ опытами?"—спросилъ какой-то молодой голосъ.—Сраженіе,—продолжалъ Свирскій,—напоминаетъ поединокъ. Поединокъ происходитъ между двумя противниками, снабженными какимъ-нибудь оружіемъ; сраженіе же ведется двумя противостоящими полководцами, вооруженными арміями. Армія—это оружіе полководца. Въ каждой борьбѣ—на кулакахъ, шпагахъ, ружьяхъ и пушкахъ—прежде всего, необходимо проникнуться величайшимъ презрѣніемъ къ смерти и дѣйствительнымъ мужествомъ. Нужно искать противника, бросаться на него и, несмотря на боль и усталость, бить, пока онъ не покорится или не будетъ разбитъ.

— Вотъ такъ дѣло... бить!.. убивать!..—отозвался кто-то грубымъ голосомъ.

— Но вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ мужествомъ, необходимо усовершенствованное оружіе и умѣніе владѣть имъ... то-есть полководцу нужна отличная армія, и, сверхъ того, онъ долженъ умѣть при помощи этой арміи наносить непріятелю удары и отбивать его атаки.

— Бить... убивать!..—повторялъ грубый голосъ.

— Для того, чтобы вы, господа, лучше поняли!..

— Какіе тамъ господа... товарищи!..

— Для того...—колебался Свирскій,—для того, чтобы уважаемые слушатели лучше поняли, какими качествами долженъ обладать военачальникъ, хотя бы самаго низкаго ранга, и какія качества необходимы для арміи, я поясню примѣромъ...

— Прошу не щипаться!..—раздалось въ самомъ темномъ углу амбара.

— Прекрасное общество — нечего говорить! — замѣтилъ кто-то съ изысканнымъ произношеніемъ.

— Убирайся, если тебѣ не нравится!..

— Я поясню примѣромъ. У командира роты, дѣлящейся, какъ извѣстно, на четыре взвода, имѣется подъ ружьемъ 240 человѣкъ. Каждый взводъ, въ которомъ, такимъ образомъ, числится 60 человѣкъ, располагается въ извѣстной деревнѣ; каждая деревня находится въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ сосѣдней... Примѣръ, конечно, воображаемый... Неожиданно, вечеромъ, означенному командиру даютъ знать, что на разстояніи двухъ миль отъ него расположился непріятельскій отрядъ въ 150 человѣкъ, т. е. значительно слабѣйшій и, слѣдовательно, на него можно бы напасть и разбить. Какъ же поступаетъ означенный офицеръ?.. Прежде всего онъ старается убѣдиться въ достовѣрности слуха и разузнать возможно точнѣе численность непріятеля, гдѣ онъ

расположился, когда онъ намѣренъ уйти? Нѣтъ-ли по близости подкрѣпленія? Когда все это провѣрено, отдается приказъ всѣмъ взводамъ выступить, скажемъ, ночью изъ своихъ стоянокъ. Каждый взводъ долженъ ближайшей дорогой маршировать до извѣстнаго пункта, гдѣ и остановиться, допустимъ—въ пять часовъ утра. Начальники взводовъ точно исполняютъ приказъ, и вся рота находится въ означенномъ часу на указанномъ мѣстѣ — отдыхаютъ. Затѣмъ капитанъ составляетъ планъ атаки и приступаетъ къ его выполненію. Онъ высылаетъ одинъ взводъ, т. е. 60 человѣкъ, для образованія стрѣлковой цѣпи. Это строй, напоминающій цѣпь, въ которой люди расположены на разстояніи трехъ или четырехъ шаговъ — иногда дальше, иногда ближе. За стрѣлками, подкрадывающимися, какъ коты къ мышамъ, посылается второй взводъ или четыре отдѣленія по 15 человѣкъ, предназначенныхъ для пополненія пустыхъ мѣстъ въ цѣпи. Означенный взводъ стрѣлковъ и взводъ вспомогательный, всего 120 человѣкъ, образуютъ такъ называемую боевую линію. Эта линія играетъ роль, какъ бы щита. Вторая половина роты, съ капитаномъ во главѣ, строится въ одну колонну и называется резервомъ. Она служитъ какъ бы мечомъ въ рукѣ командира. Когда же появится непріятель, когда начнется перестрѣлка и командиръ ознакомится съ боевой линіей и резервомъ непріятеля, тогда онъ можетъ выслать одинъ взводъ для фланговой атаки или же ударить со всей полуротой въ штыки на центръ или на одно изъ крыльевъ непріятельской боевой линіи, чтобы прорвать ее въ самомъ слабомъ пунктѣ. Онъ можетъ поступать и иначе, но всегда цѣлью его операціи должно быть нанесеніе возможно большаго урона непріятелю при наименьшихъ потеряхъ съ своей стороны.

— А теперь говорите, какъ дѣлается революція,—спросили изъ угла.

— Революція,—отвѣтилъ Свирскій,—заключается въ нисироверженіи какого-либо правительства и замѣнѣ его другимъ, или же въ принужденіи существующаго правительства ввести требуемыя реформы. А такъ какъ каждое правительство опирается на армію, то революція прежде всего должна побороть, побѣдить правительственныя войска. Возвращаюсь къ битвѣ, которая послужитъ намъ для опредѣленія качествъ, необходимыхъ для полководца и арміи.

Командиръ, прежде всего, долженъ знать силы непріятеля и ихъ расположеніе. Онъ получаетъ постоянно различныя свѣдѣнія отъ шпіоновъ и развѣдчиковъ. Эти свѣдѣнія бываютъ противорѣчивы, преувеличены, иногда ложны, и командиръ обязанъ, на основаніи этихъ донесеній, составить

себѣ точное представленіе о непріятелѣ. Ибо, если онъ недоцѣнитъ его силы, то можетъ натолкнуться на болѣе численнаго непріятеля и быть разбитымъ. Если-же командиръ не знаетъ точнаго расположенія непріятельскихъ войскъ, то можетъ подвергнуть часть своей арміи опасности неожиданной атаки, и опять-таки будетъ разбитъ. Во вторыхъ, если командиръ, по зрѣломъ размышленіи, составилъ планъ и разъ сдѣлалъ распоряженія, онъ не долженъ передумывать, отмѣнять ихъ, исправлять... Иначе онъ можетъ вызвать путаницу въ передвиженіяхъ, толкнуть нѣкоторыя части на гибель и, во всякомъ случаѣ, пробудитъ въ солдатахъ чувство неувѣренности. Солдатъ, которому приказываютъ идти впередъ и тотчасъ возвращаютъ съ полпути, готовъ думать, что передъ нимъ сильнѣйшій непріятель, и можетъ поддаться паническому страху. Составить хорошій планъ и выполнить его безъ колебанія, чего бы это ни стоило,—вотъ основныя обязанности полководца.

Перехожу къ солдатамъ.

Мы уже знаемъ, что хорошій солдатъ обязанъ рваться въ бой, стремиться одержать побѣду, хотя бы при этомъ сто разъ рисковалъ жизнью или подвергался самымъ тяжелымъ страданіямъ. Но это не все. Солдатъ долженъ еще умѣть обращаться съ оружіемъ: стрѣлять, попадать въ цѣль, владѣть штыкомъ... И этого мало. Солдатъ долженъ еще знать свое мѣсто въ отдѣленіи, какъ и отдѣленіе во взводѣ, взводъ въ ротѣ и такъ далѣе. Солдатъ долженъ еще умѣть маршировать обыкновеннымъ шагомъ, форсированнымъ бѣгомъ и всегда въ ногу. Ибо, если бы каждый солдатъ шелъ, какъ ему вздумается, то, черезъ сто шаговъ, строй обратился бы въ скопище, а колонны—въ стадо.

Наконецъ,—и это важнѣе всего,—солдатъ долженъ повиноваться, слѣпо повиноваться своему офицеру. Приказываютъ встать ночью—и онъ обязанъ вставать; приказываютъ маршировать во время бури—и онъ долженъ маршировать; велятъ стоять неподвижно подъ выстрѣлами—онъ долженъ стоять...

— Эге!.. это не для нашего брата,—сказалъ кто-то басомъ.

— Демократы будутъ исполнять чьи-то приказы?.. Это мнѣ нравится!..—прибавилъ юношескій голосъ.

— Позволю себѣ сдѣлать замѣчаніе,—сказала какая-то дама.—Товарищъ Свирскій изображаетъ битвы и армію удивительно сухо... бюрократически... Въ его описаніяхъ мы не слышимъ гула орудій, шелеста знаменъ, кликовъ восторга...

— Еще и теперь намъ говорятъ: слушай, дрянь, что тебѣ приказываютъ, а то получишь въ зубы!..

— Теоріи буржуя!

— Не буржуя, а барина... Виденъ баричъ...

Такъ кричали одни въ то время, какъ другіе рукоплескали Свирскому.

Результатомъ доклада было общее возбужденіе и еще болѣе глубокое раздѣленіе на двѣ партіи. Сторонники Свирскаго мирились съ военной дисциплиной и слѣпымъ повиновеніемъ командирамъ. Противники же твердили, что нужно повиноваться только постановленіямъ, утвержденнымъ большинствомъ голосовъ при обезпеченныхъ правахъ меньшинства.

Въ числѣ слушателей находились два учителя Свирскаго изъ коммерческаго училища: младшій съ темной бородою и въ плащѣ и старшій съ маленькими усиками, въ пальто. Когда они вышли изъ амбара и, пройдя огромный дворъ, очутились на мало освѣщенной улицѣ, старшій сталъ быстро щупать голову, ноги, грудь и затѣмъ подвергъ той же операціи младшаго.

— Во снѣ или на яву? — говорилъ онъ вполголоса,—въ бреду или въ полномъ сознаніи? Нѣтъ, я вѣдь не сплю!.. Это мои ноги... пальто... улица... заборъ... Значитъ, это дѣйствительность, не галлюцинація...

— Что возбудило въ васъ, коллега, такое адское недовѣріе?—спросилъ младшій, расправляя обѣими руками свою густую бороду.

— Какъ? Васъ не удивляетъ, что ученикъ шестого класса излагалъ вамъ военное искусство?—отвѣтилъ старшій.—Я не знаю, что и думать объ этомъ: насмѣшка ли это надъ здравымъ смысломъ или предвѣстникъ небывалаго переворота въ мірѣ?..

— Вы преувеличиваете, уважаемый коллега, преувеличиваете!..—отвѣтилъ звучнымъ баритономъ младшій.—А если бы этотъ нашъ воспитанникъ учился въ кадетскомъ корпусѣ, или юнкерскомъ училищѣ—кажется—такъ оно называется и если бы въ семнадцать лѣтъ онъ не могъ ничего сказать о военномъ искусствѣ, мы бы, навѣрно, оба назвали его осломъ.

— Но онъ не въ юнкерскомъ, а только въ коммерческомъ училищѣ...

— Вашъ племянникъ учится не въ музыкальномъ, а тоже въ коммерческомъ училищѣ и, несмотря на это, очень недурно бренчитъ на фортепьяно.

— Во всякомъ случаѣ сегодняшняя лекція поразила меня!—сказалъ старшій.—Мнѣ хочется сказать вмѣстѣ съ Гамлетомъ: міръ вышелъ изъ колеи.

— А я смотрю на это проще и вижу въ сумасбродныхъ выходкахъ молодежи зарю новой эпохи. Эта эпоха будетъ

для нашихъ потомковъ такимъ же естественнымъ явленіемъ, какимъ для нашихъ современниковъ является то время, которое мы переживаемъ.

— Несмотря на это,—отвѣтилъ старшій,—мнѣ очень любопытно знать будущность, если не всѣхъ нашихъ учениковъ, то хотя бы такого, какъ Свирскій. Онъ не будетъ ни коммерсантомъ, ни какимъ-либо инымъ труженикомъ. Но, можетъ быть, изъ него выработается какой-нибудь Мольтке?..

— Успокойтесь, коллега! Въ лучшемъ случаѣ, молодой человѣкъ поступитъ на военную службу, проиграетъ въ карты половину имѣнія, побудетъ въ госпиталѣ и затѣмъ поѣдетъ лѣчиться въ Бускъ... Въ концѣ-концовъ онъ отраститъ длинные, острые усы, какъ у его дяди, будетъ ходить, выпрямившись и въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ. Если крестьяне его не спугнутъ, онъ поселится въ деревнѣ и постарается торговлей хлѣбомъ и скотомъ вернуть то, что проигралъ въ карты на военной службѣ.

— А если изъ него выйдетъ второй Мольтке?

— Гдѣ?.. Какимъ образомъ? Въ какой арміи?.. Условія нашей жизни неблагопріятны для появленія Бонапартовъ, и даже Мольтке!

Докладомъ объ арміи Свирскій привлекъ общее вниманіе: о немъ всюду говорили или, вѣрнѣе, шептались. Одни возмущались, что онъ призывалъ къ дисциплинѣ и слѣпому повиновенію. Другіе спрашивали, не выработается ли изъ него великій полководецъ... Никто не отдавалъ себѣ отчета, насколько цѣненъ этотъ докладъ съ военной точки зрѣнія, а только удивлялись, что семнадцатилѣтній юноша такъ смѣло коснулся вопроса, который не затронулъ бы ни одинъ изъ его учителей.

Приблизительно черезъ недѣлю Куловичъ снова навѣстилъ Свирскаго. На этотъ разъ онъ былъ блондиномъ и носилъ фамилію Труцинскаго.

— Слышалъ, слышалъ,—говорилъ Труцинскій,—о вашемъ докладѣ!.. Васъ считаютъ геніемъ... Немножко рано, ибо геній долженъ, прежде всего, что-нибудь совершить... Но... передъ вами открыты всѣ пути...

— Путь въ седьмой классъ?..—разсмѣялся Свирскій.

— Почему же не путь къ славѣ и власти?..—спросилъ гость.—Я—при вашихъ способностяхъ и... вашихъ средствахъ, собралъ бы самыхъ храбрыхъ изъ товарищей и создалъ бы союзъ будущей арміи...

— Не арміи ли браунингистовъ?—спросилъ Свирскій.

— Не смѣйтесь надъ браунингомъ... это недурное оружіе, пока нѣтъ маузеровъ... Наконецъ, и браунингисты не заслуживаютъ презрѣнія: это—авангардъ великой революціонной

арміи, которую создадутъ люди, подобные вамъ... Подумайте объ этомъ!

— О чемъ?

— О томъ, чтобы собрать партію отважной молодежи и подѣлиться съ нею тѣми свѣдѣніями, которыми вы богаты. Это былъ бы корпусъ офицеровъ... кадры будущаго войска.

Свирскій задумался. У него блеснула мысль.

— Это идея!.. Но какъ быть съ оружіемъ?

— О!—отвѣтилъ блондинъ, — оружія... сколько угодно... нужно только собрать деньги на него. Когда же у васъ будетъ оружіе, вы можете, въ видѣ упражненія, вызвать небольшую стычку съ солдатами... Революція приближается!.. Въ Финляндіи есть армія, въ Россіи тоже, только у насъ ничего...

Блондинъ простился со Свирскимъ и исчезъ изъ города. Черезъ два дня какой-то рабочій былъ убитъ бомбой, съ которою онъ вертѣлся около полицейскаго управленія.

Съ этой минуты въ до сихъ поръ мирномъ городѣ X. поднялось волненіе. Каждую недѣлю выходили номера революціонной газеты. На фабрикахъ и заводахъ устраивались забастовки. На улицахъ попадались кучки людей съ красными флагами... раза два войска стрѣляли въ толпу. Какъ-то убили человѣка, который, повидимому, былъ сыщикомъ, а черезъ недѣлю умертвили кого-то ни въ чемъ неповиннаго, по ошибкѣ. Стали нападать на патрули и стрѣлять въ стражниковъ. Въ городѣ и его окрестностяхъ обнаружились случаи разбойническихъ нападеній. При такихъ обстоятельствахъ горсть учениковъ и ремесленниковъ, раздѣлявшихъ, по предположенію Свирскаго, его взгляды, — образовали „союзъ рыцарей свободы". Они преслѣдовали двѣ цѣли: первая — удерживать своихъ членовъ отъ участія въ террористическихъ актахъ; вторая—воспитать изъ нихъ солдатъ.

— Когда наступитъ время,—закончилъ свою рѣчь Свирскій,—я сообщу вамъ, и тогда мы выйдемъ за городъ, вооружимся и начнемъ регулярное сраженіе.

Съ той поры рыцари, сохраняя строгую тайну, собирались нѣсколько разъ въ недѣлю въ городѣ или за городомъ и производили ученія.

Они учились маршировать въ одиночку, линіями, колоннами; фехтовали на рапирахъ и штыкахъ, пріучались къ глазомѣру. Нѣсколько разъ они ѣздили въ горы и лѣса, гдѣ упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль. Наряду съ ученіемъ они старались закалить себя. Одѣвались въ легкое платье, носили бѣлье изъ грубаго полотна. Иногда они бодрствовали по ночамъ или цѣлыя сутки воздерживались отъ пищи. Они занимались гимнастикой и, чтобы выработать въ себѣ смѣлость, лазили по высокимъ крышамъ и, въ одиночку или

вдвоемъ, проводили ночи на кладбищахъ или въ лѣсу, какъ это дѣлалъ Свирскій въ дѣтскіе годы.

Пріучались также къ повиновенію, точно исполняя каждое приказаніе. Напримѣръ: завтра въ такой-то часъ и въ такомъ-то мѣстѣ мы соберемся... послѣ-завтра не будемъ обѣдать... На слѣдующій день, насколько возможно, будемъ удерживаться отъ разговора...

Согласно условію, каждый членъ союза могъ быть командиромъ и для этой цѣли командиры мѣнялись каждые нѣсколько дней. Но такъ какъ Свирскій выдѣлялся своими познаніями, зналъ военное искусство и пользовался наибольшимъ вліяніемъ, то онъ былъ настоящимъ военачальникомъ; Линовскій любилъ его и слѣпо вѣрилъ въ него; Старка завидовалъ ему. Хржановскій иногда критиковалъ его дѣйствія, Лисовскій сердился, что такъ долго не сражаются, а Ендржейчакъ посмѣивался надъ всѣми. Въ концѣ-концовъ все-таки предложенія Свирскаго почти всегда принимались большинствомъ голосовъ и точно выполнялись.

Когда человѣкъ, носившій имена Ножинскаго, Куловича и Труцинскаго, заявилъ рыцарямъ свободы, что какая-то большая организація желаетъ вступить съ ними въ сношенія, только при помощи одного довѣреннаго делегата,—всѣ выбрали на это дѣло Свирскаго.

И снова старались воспитать въ себѣ мужество, говорили о смерти и средствахъ уберечь себя отъ опасности. Окончательно убѣдились, что лучшее средство отъ опасности—не думать о ней, а о чемъ нибудь другомъ, болѣе пріятномъ.

Въ скоромъ времени представился неожиданный случай примѣнить на дѣлѣ производившіяся до сихъ поръ упражненія.

Весной, неизвѣстно откуда, снова появился Труцинскій, на этотъ разъ съ небольшими черными бакенбардами и, не объявляя своего имени, заявилъ, что желаетъ поговорить съ самыми выдающимися рыцарями свободы. И Свирскій, въ самомъ дѣлѣ, пригласилъ на вечеръ съ десятокъ товарищей, къ которымъ гость обратился со слѣдующими словами:

— Господа! Москва подала сигналъ къ революціи.

— Неважный!..—пробормоталъ Свирскій.

— Но вѣдь это только прелюдія, отголоски которой были слышны въ арміи и флотѣ...

— Не велика штука быть разстрѣляннымъ,—вмѣшался Старка.

— Вы говорите, не велика штука...—продолжалъ гость.— А, по вашему, важнѣе лазить по карнизамъ или же качаться на крыльяхъ вѣтряной мельницы?..

При этихъ словахъ Свирскій и Линовскій покраснѣли.

— А я и этого не сумѣлъ бы...—проворчалъ Ендржейчакъ, дергая свои рыжіе волосы.

— И я не сумѣлъ бы,—продолжалъ гость,—да революція и не требуетъ акробатической ловкости...

— А чего же?—спросилъ Линовскій, пристально глядя ему въ глаза.

— Мужества... Самоотверженія!..—отвѣтилъ гость.—Если нужно устранить какого-нибудь негодяя и погибнуть самому, соціалистъ-революціонеръ, когда на него падетъ жребій, умѣетъ жить нѣсколько недѣль подъ страхомъ смерти и еще хладнокровно дѣлаетъ приготовленія. А вы?..

— И мы могли бы сдѣлать то же самое...—возразилъ Старка.

— Въ такомъ случаѣ не хвастайте, а дѣлайте...

— Убивать безоружныхъ мы не будемъ; это противорѣчитъ и цѣлямъ нашего союза, и нашимъ склонностямъ...—сказалъ Свирскій.

— Выгодный союзъ!.. Безопасныя склонности!—усмѣхнулся гость.

— Этотъ господинъ полагаетъ,—заговорилъ Хржановскій,—что мы боимся смерти и не рѣшились бы бросить жребій, если бы это понадобилось... Докажемъ ему...

— Безподобное развлеченіе! — кричалъ Ендржейчакъ, стуча по столу кулакомъ.

— Докажите!..Развлекитесь!..—иронизировалъ гость.

Стали говорить другъ другу колкости.

Гость насмѣхался надъ осторожными революціонерами, которые, для воспитанія въ себѣ презрѣнія къ смерти, лазятъ по заборамъ или таскаются между кустами... Ендржейчакъ упоминалъ о провокаторахъ, которые, не рискуя сами нарваться на какую-либо опасность, посылаютъ умирать другихъ.

Аргументы гостя, однако, были, по всей вѣроятности, убѣдительнѣе, потому что, въ концѣ концовъ, члены союза, изъ которыхъ самому старшему было восемнадцать лѣтъ, рѣшили представить доказательства своего безразсуднаго мужества. Модржевскій нарѣзалъ нѣсколько билетиковъ; на одномъ изъ нихъ Тризна нарисовалъ крестъ, высыпали всѣ билетики въ шапку и стали тянуть жребій. Крестъ достался ученику пятаго класса Брыдзинскому, который, согласно условію, черезъ сорокъ восемь часовъ, лишилъ себя жизни. Гордость и упорство были такъ велики, что никто не только не протестовалъ противъ нелѣпой лотереи, а наоборотъ: каждый смотрѣлъ на нее, какъ на дополнительное упражненіе, развивающее отвагу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ Брыдзинскаго

наступила реакція. Три ученика вышли изъ союза, а одинъ заболѣлъ неврастеніей въ такой сильной формѣ, что у него появились галюцинаціи, и онъ долженъ былъ оставить училище. Военныя упражненія прекратились недѣли на двѣ, такъ какъ пропала охота производить ученія. Даже Свирскій пересталъ посѣщать тайныя собранія, а сталъ чаще бывать на открытыхъ митингахъ и познакомился съ людьми, питавшими отвращеніе къ революціи и занятыми культурной работой. Свирскій самъ не принималъ участія въ докладахъ, не подавалъ голоса на митингахъ, а только жертвовалъ на каждое вновь возникающее учрежденіе сотни рублей. Его щедрыми дарами пользовался пріютъ города X, начальная польская школа, гимнастическое и пѣвческое общества, народный университетъ, курсы для неграмотныхъ и много другихъ. По его просьбѣ, дядя Викентій открылъ въ Сверкахъ начальное училище, пріютъ и деревенскую лавку.

Еще до наступленія каникулъ, дядя Свирскаго истратилъ изъ капиталовъ своихъ и племянника около шести тысячъ рублей и не только не протестовалъ противъ такихъ значительныхъ расходовъ въ такое тяжелое время, но даже, саркастически улыбаясь, говорилъ:

— Клементій Жебровскій до восемнадцатаго года своей жизни проигралъ въ карты пятнадцать тысячъ рублей, а мой мальчикъ потратилъ на дѣла благотворительности только шесть тысячъ... У меня еще хранится девять тысячъ на подобные пустячки...

Время смягчаетъ самыя сильныя потрясенія, и когда молодежь собралась послѣ каникулъ въ училище, члены союза рыцарей свободы снова вернулись къ военнымъ упражненіямъ и прежнимъ мечтамъ. Каждый въ душѣ гордился несчастной лотереей. Брыдзинскій сталъ какъ бы патрономъ и образцомъ для ихъ союза:

— Умереть, какъ Брыдзинскій!.. Достигнуть рѣшимости Брыдзинскаго!..—часто повторялось мысленно и въ разговорахъ.

Казимиръ Свирскій и его ближайшіе товарищи по союзу были уже въ седьмомъ классѣ, когда за недѣлю передъ Рождествомъ снова какъ бы свалился съ неба многоликій агитаторъ. На этотъ разъ его звали Фогелемъ, и онъ носилъ большіе черные бакенбарды.

— Ну-съ, мой дорогой,—обратился онъ къ Свирскому,—вы должны на что-нибудь рѣшиться. Или перестаньте смущать людей широкими замыслами и военными приготовленіями или, наконецъ, примите участіе въ серьезномъ дѣлѣ.

— Что же намъ дѣлать?—спросилъ Свирскій.

— Быть можетъ, революція начнется не раньше весны но она можетъ вспыхнуть каждый день, каждый часъ...— говорилъ Фогель. — Вы понимаете, что нужны деньги... большія деньги, которыя мы должны похитить изъ казенныхъ кассъ и банковъ. Въ вашемъ городѣ въ настоящее время находится нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Если вы поможете намъ добыть ихъ, то часть достанется вашему союзу на покупку оружія...

Свирскій задумался. Вѣдь пора же примѣнить ученія, продолжавшіяся цѣлый годъ!.. Пора приступить къ реализаціи лихорадочно обдуманныхъ и обсужденныхъ плановъ!.. Но возможно ли это?

—Колеблетесь?..— спрашивалъ Фогель. — Жаль, что вы учредили этотъ дурацкій союзъ рыцарей и только отняли у другихъ партій очень полезный матеріалъ!..

— Я колеблюсь, потому что насъ мало, и я не знаю, сколько изъ нихъ пожелаетъ принять участіе въ такомъ рискованномъ... необыкновенномъ предпріятіи...

— Для отважныхъ людей не существуетъ рискованныхъ предпріятій...—вставилъ Фогель.

Восемнадцатилѣтній паничъ Свирскій посмотрѣлъ на него, какъ на кельнера.

— Господинъ Фогель,—сказалъ онъ,—или вы смѣетесь надо мной, или вы и ваши пріятели не имѣете представленія о военномъ искусствѣ... Я могъ бы собрать, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, сто человѣкъ, а съ такимъ количествомъ и съ револьверами я не могу предпринять борьбу съ двумя пѣхотными полками...

— Наплевать мнѣ на ваше военное искусство!—выпалилъ Фогель. — Мы, тридцать человѣкъ, ограбили четыре кассы, по сосѣдству съ которыми было больше, чѣмъ два полка!..

Оба поблѣднѣли отъ злости, но тотчасъ овладѣли собой. Свирскій сталъ ходить по комнатѣ и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ обдумалъ планъ нападенія на банкъ и губернское казначейство. Планъ былъ представленъ на разсмотрѣніе членовъ союза. Фогель былъ въ такомъ восторгѣ отъ этой идеи, что даже обнялъ Свирскаго и назвалъ его, Богъ знаетъ который разъ, геніемъ.

— Даю голову на отсѣченіе, если у насъ не будетъ кучи денегъ!—кричалъ онъ.

— Позвольте,—прервалъ его Свирскій,—можно дать десять, даже двадцать противъ одного, что мы не добудемъ денегъ и что большая часть изъ насъ погибнетъ... одни тутъ же на мѣстѣ, другіе на висѣлицѣ. Поэтому я долженъ

сначала не только поговорить съ товарищами, но и убѣдиться, на что они годны...

— Дѣлайте, какъ хотите,—прервалъ Фогель,—лишь бы вы какъ можно скорѣй сдѣлали нападеніе на кассу. Это ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ, хотя бы вы и проиграли игру...

— Кому нибудь не помѣшаетъ...—отвѣтилъ Свирскій,— повторяю еще разъ: я поговорю и попробую, но ни подъ какимъ видомъ... ни подъ какимъ видомъ не обязуюсь ограбить кассы и даже сдѣлать нападеніе на нихъ... Въ мірѣ не существуетъ войска, которое безъ основательной надобности подвергало бы себя опасности изъ-за дѣла завѣдомо невыполнимаго... Я сомнѣваюсь также въ существованіи партіи, которая осмѣлилась бы требовать подобныхъ жертвъ... такихъ большихъ жертвъ, при такихъ ничтожныхъ шансахъ на удачу!..

Фогель метался, обвинялъ рыцарей въ трусости и въ концѣ концовъ согласился, однако, что Свирскій сдѣлаетъ все, что можетъ. Сдѣлаетъ нападеніе на кассы—отлично!.. не сдѣлаетъ—нечего дѣлать!.. Нужно предоставить ему полную свободу дѣйствій, такъ какъ онъ знаетъ не только мѣстныя условія, но и тѣхъ людей, которые собираются идти подъ пули.

III.

Помощникъ лѣсничаго товарищества „Желѣзныя Гуты“, панъ Юзефъ Линовскій, подъѣзжалъ на саняхъ къ губернскому городу X. Это былъ человѣкъ слишкомъ шестидесяти лѣтъ, сильный и хорошо сохранившійся. Изъ подъ мѣховой шапки виднѣлось красное лицо, обледенѣлые усы и живые, голубые глаза На немъ былъ длинный, сѣрый сюртукъ на лисьемъ мѣху, грубыя шерстяныя перчатки и сапоги до колѣнъ. Санки, на которыхъ онъ ѣхалъ, были простой, но прочной работы и очень удобны Ихъ везла стройная, рыжая лошадь, граціозная въ своихъ движеніяхъ. Несмотря на холодъ, она была въ поту, но въ движеніяхъ головы и ногъ ея не замѣтно было усталости.

Онъ ѣхалъ боковой дорогой черезъ равнину, покрытую снѣгомъ, на которой, тамъ и сямъ, были видны группы голыхъ и черныхъ деревьевъ или одинокія хаты съ покрытыми снѣгомъ крышами. Небо было ясно, холодное, январское солнце придавало снѣгу серебряный блескъ. Далеко, на краю горизонта, искрился такъ, что больно было смотрѣть—золоченый крестъ церкви. Лошадь бѣжала крупною рысью, сани подскакивали или скатывались по выѣз-

женной дорогѣ, и панъ Линовскій снова почувствовалъ сильный голодъ, который его мучилъ уже съ полчаса.

— Маршъ!.. маршъ... Каштанка!.. скорѣй обѣдать!..—нетерпѣливо кричалъ путникъ, не прибѣгая, однако, къ кнуту, лежавшему въ санкахъ.

Развѣ онъ могъ бы ударить такого друга, такую умную, благородную лошадь?

Въѣхали въ маленькую, жиденькую березовую рощу. Панъ Линовскій перегнулся налѣво, направо, затѣмъ привсталъ и посмотрѣлъ впередъ. Но ничего не увидѣлъ, да и рощу уже проѣхали.—Нѣтъ лѣнтяя!..—сказалъ онъ вполголоса.—Ну, да не все коту масленица...—Въ эту минуту ему вспомнилось, какъ его сынъ, восемнадцатилѣтній Владекъ, въ настоящее время ученикъ седьмого класса коммерческаго училища въ X., въ началѣ лѣтнихъ каникулъ бѣгалъ до этого мѣста на встрѣчу отцу.

— Три версты отъ города!.. — бормоталъ панъ Линовскій.— Сегодня слишкомъ холодно для такихъ прогулокъ... Я бы его даже обругалъ, если бы онъ вздумалъ встрѣчать меня... Чортъ возьми, какъ ѣсть хочется!

Въ эту минуту въ душѣ пана Линовскаго было два желанія: одно шло отъ желудка и называлось голодомъ; другое—отъ сердца и было тоской по сынѣ. Правда, панъ Линовскій видѣлся съ сыномъ шесть, семь недѣль тому назадъ на Всѣхъ Святыхъ... Но ему хотѣлось снова увидѣть его. снова обнять его, услышать его веселый смѣхъ.—Еще четверть часа, полчаса и мы будемъ съ Владей обѣдать.. Пусть, бестія, наслаждается на отцовскій счетъ.

Санки въѣхали въ небольшую аллею растрепанныхъ темныхъ вербъ. Когда выѣхали изъ нея, гдѣ-то вдали, на краю дороги, показалась свѣтлая колокольня, увѣнчанная зеленымъ куполомъ и золотымъ крестомъ. Въ ту же минуту раздался звонъ церковныхъ колоколовъ:

— Я здѣсь... здѣсь я! О! я здѣсь!.. О! я здѣсь!..

И тотчасъ церковному благовѣсту сталъ вторить, словно вздыхая, костельный колоколъ: Ахъ! Ахъ! Ахъ!..

Панъ Линовскій почувствовалъ какую-то боль въ груди, когда-то пронизанной пулей.

— Я здѣсь... я здѣсь... о! я здѣсь... пѣли церковные колокола.

Городъ обрисовывается все яснѣе. Съ правой стороны, у дороги, виденъ огромный кирпичный заводъ; вдали, съ лѣвой стороны, среди деревьевъ—кладбище. Дальше, снова направо — громныя красноватыя строенія складовъ винной монополіи; еще дальше—желтая тюрьма, труба паровой мельницы, другая труба табачной фабрики, третья труба фаб-

рики земледѣльческихъ орудій... Въ эту минуту у пана Линовскаго явилась мысль, что люди приготовляютъ кирпичи, строятъ дома, мелятъ муку и пекутъ хлѣбъ для того только, чтобы затѣмъ накуриться табаку, напиться монопольки или попасть въ тюрьму, или же скрыться отъ всѣхъ человѣческихъ и обывательскихъ обязанностей на кладбище...

— Ахъ! Какъ я голоденъ,—проворчалъ помощникъ лѣсничаго.—Интересно, застану-ли я Владю дома?

Въ эту минуту его охватилъ легкій, влажный вѣтерокъ: онъ въѣхалъ въ городъ.

Панъ Линовскій всегда завидовалъ городскимъ тротуарамъ, фонарямъ, близости костела, почты, школы, но чувствовалъ, что не прожилъ бы долго въ этой атмосферѣ. Дома производили на него впечатлѣніе грязныхъ и тѣсныхъ муравейниковъ, люди напоминали ряды муравьевъ, спѣшащихъ на работу или съ работы, а евреи—мухъ, облѣпившихъ тарелку, вымазанную соусомъ.

Сегодня его поразила какая-то перемѣна въ городѣ. Люди меньше шныряли по улицамъ и бѣжали скоро. Евреи не собирались густой толпой у домовъ. Кондитерская была пуста, а передъ харчевней на боковой улицѣ собралась кучка, повидимому, рабочихъ, и одинъ изъ нихъ пѣлъ неувѣреннымъ голосомъ:

Наступитъ день расплаты,
Судить васъ будемъ мы!..

— Я гдѣ-то слышалъ эти слова...—подумалъ Линовскій.

У слѣдующей боковой улицы онъ на минуту придержалъ лошадь.—Заѣхать за Владей?..—задалъ онъ себѣ вопросъ.

Но въ эту минуту почувствовалъ такой мучительный голодъ, что пустилъ вожжи и взялъ ихъ въ руки только передъ широкими воротами, надъ которыми была надпись: „Польская гостиница“. Одновременно къ нему подбѣжали два фактора. Одинъ изъ нихъ сѣдой, другой—рыжій. У рыжаго былъ на балахонѣ воротникъ изъ какого-то неизвѣстнаго мѣха, а сѣдой былъ въ двухъ халатахъ, при чемъ верхній полинялъ и былъ весь въ заплатахъ.

— Уходи... это мой панъ!..—кричалъ сѣдой факторъ, толкая рыжаго коллегу.

— Вельможному пану не нужны нищіе...—крикнулъ рыжій.—Пусть вельможный панъ самъ скажетъ этому лапсердачнику...—Холера!

— Не ссорьтесь,—остановилъ ихъ Линовскій,—я беру оську!

Іоська уже держалъ въ рукѣ кнутъ, помогъ Линовскому

вылѣзть изъ саней и, взявъ коня за уздечку, повелъ во дворъ гостиницы.

— Этотъ мошенникъ всюду мнѣ мѣшаетъ... Чтобъ онъ издохъ!—сердился Іоська.

— Да вѣдь онъ, повидимому, бѣднякъ,—вмѣшался Линовскій.

— А я, вельможный панъ, богатъ?.. Съ самаго утра маковой росинки во рту не было, и если бы не вельможный панъ, то, вѣрно, ни я, ни жена, ни дѣти не ѣли бы ничего весь день!..

— Да вѣдь ты всѣхъ дѣтей уже пристроилъ?

— Пусть Богъ пошлетъ здоровье вельможному пану,— какъ я ихъ пристроилъ! Одинъ сынъ портной, другой жестяникъ, но оба живутъ у меня... А дочь вышла замужъ за скорняка и тоже переѣхала ко мнѣ... Если бы у меня было ежедневно столько фунтовъ хлѣба, сколько людей въ моей хатѣ,—я бы справился, сколько стоитъ эта гостиница?

— И теперь можешь справиться... — вмѣшался конюхъ Матеушъ. У него были темные волосы, выдерганные въ одной части головы, и онъ хромалъ на одну ногу.

— Справьтесь ужъ вы, Матеушъ, вѣдь мы съ вами компаньоны...

— Знаешь моего сына? — спросилъ панъ Линовскій. —Какъ моихъ собственныхъ дѣтей!.. Красивый панъ... веселый!—отвѣтилъ Іоска.—Сходи же къ нему на квартиру...— Къ пани Вонторской... знаю!.. Нужно сказать, чтобы панычъ пришелъ сюда, въ ресторанъ?..—Да,—отвѣтилъ помощникъ лѣсничаго.—Затѣмъ узнаешь, когда можно застать дома Пфефермана.—Торгующаго дровами? знаю!—Затѣмъ пойдешь къ доктору Дембовскому и также узнаешь...—Если вельможный панъ прикажетъ, я могу справиться у доктора Дембовскаго,—сказалъ Іоська, продѣлывая плечами такое движеніе, будто онъ вытирался о подкладку своего халата.—А если вельможный панъ пожелаетъ быть здоровымъ отъ всѣхъ болѣзней, то прикажите прислать пану доктора Шпилера.

Тѣмъ временемъ Линовскій добылъ изъ-подъ козелъ двухъ зайцевъ и, подавая ихъ Іоськѣ, сказалъ:—Одного отнеси хозяйкѣ, а другого—пани Вонторской. Пусть Владекъ сейчасъ же идетъ сюда, я жду его съ обѣдомъ!..

Затѣмъ онъ вынулъ тяжелую корзинку и перекинулъ ее черезъ плечо.

Когда факторъ ушелъ, конюхъ, выпрягавшій и вытиравшій разгоряченную лошадь, оглянулся и сказалъ вполголоса:

— А вельможный панъ замѣтилъ, какъ попрятались стражники?.. Ни одного нѣтъ на мѣстѣ со вчерашняго дня... Потому что, видите-ли, въ среду вечеромъ уложили двухъ: Шмакова и Ѳоменко... Жена Шмакова взяла съ собою трехъ

дѣтей, прибѣжала къ полицеймейстеру и кричала во весь голосъ:

— Мужъ давалъ мнѣ тысячу рублей въ годъ... платите теперь... вы не уберегли его! Но жена Ѳоменко не ссорилась съ полицеймейстеромъ, а только билась головой объ стѣнку и безостановочно спрашивала: „за что? за что... тебя?“ — И правда, за что ихъ убивать?—спросилъ Линовскій.—Эге!— сказалъ нараспѣвъ Матеушъ, тряхнувъ рукой. — Сейчасъ видно, что панъ не живетъ у насъ... Драли съ насъ шкуру, хотя бы и стражники... Прости имъ Христосъ! Все живущее платило имъ: купецъ, ремесленникъ, факторъ, даже еврейка, торгующая пряниками и зарабатывающая пятнадцать копѣекъ на себя и четверо дѣтей... Пусть вельможный панъ посмотритъ, какъ выглядитъ стражникъ и какъ нашъ братъ... Стражникъ, толстый, красный, живетъ часто въ двухъ или трехъ комнатахъ, въ предмѣстьи у него свой домикъ, земля, а у жены пара коровъ, лошадей... И откуда все это?.. Отъ людской несправедливости!..

— Но убивать!..

— Не за это,—бормоталъ Матеушъ, сжимая кулаки.—Всѣ они берутъ, всѣ велятъ платить имъ... Но Ѳоменко и Шмаковъ убивали соціалистовъ въ тюрьмѣ... Одному выбили зубы, другому поломали ребра, а третій умеръ, такъ ему прижгли керосиновой лампочкой подошвы... Значитъ, можно обирать и мучить людей и за это не должно мстить?.. Эге! вельможный панъ, теперь не тѣ времена...

— Кто же ихъ убилъ?

— Конечно, соціалисты... А панъ знаетъ, кто теперь соціалистъ?.. Сапожникъ, столяръ, разсыльный, студентъ... иногда и братъ пристава или сынъ губернатора... Теперь русскіе заодно съ нашими и евреи... Если ужъ евреи разсчитали, что въ этомъ есть смыслъ, то соціалисты выиграютъ, потому что еврей не пойдетъ не навѣрняка.

Матеушъ прикоснулся рукой къ шапкѣ и отвелъ лошадь въ конюшню. Линовскій остался одинъ.

— Ахъ, этотъ Владекъ... Отъ голода просто животъ подводитъ... а его нѣтъ... и нѣтъ... Воображаешь, что я буду тебя ждать, дурень ты этакой... Пойду обѣдать!

Онъ вышелъ изъ воротъ на улицу, оглянулся и медленнымъ шагомъ пошелъ къ ресторану гостиницы. У подъѣзда онъ еще постоялъ, посмотрѣлъ на улицу, наконецъ, рванулъ дверь и быстро вошелъ въ буфетную. Здѣсь онъ поздоровался съ хозяиномъ, какъ со старымъ знакомымъ, и отдалъ ему на храненіе корзинку и револьверъ. Затѣмъ онъ выпилъ большую рюмку водки и закусилъ съ аппетитомъ двумя кусками селедки.

— Ну-съ, подавайте обѣдъ... Изъ-за этого негодяя Владислава я дохну отъ голода... И не забудьте бутылку мартовскаго...—прибавилъ онъ.—Я не хотѣлъ бы жить у васъ, но завидую вашему пиву и селедкамъ.

Линовскій заглянулъ въ залъ, обвѣшанный изображеніями рыбъ и дичи, но, замѣтивъ тамъ нѣсколькихъ „землевладѣльцевъ", удалился въ боковую комнату. Здѣсь онъ услыхалъ голосъ у зеркала:—Вашъ слуга, господинъ лѣсничій... пожалуйте въ компанію...

Такъ говорилъ господинъ средняго роста, пухлый, румяный, съ добродушнымъ выраженіемъ лица. Это былъ частный повѣренный, котораго звали „защитникомъ". Онъ велъ дѣла повсюду: въ судахъ, у приставовъ, въ съѣздахъ и въ губернскомъ правленіи. Онъ писалъ также прошенія, покупалъ векселя, по которымъ трудно было взыскивать деньги, ѣздилъ въ Варшаву, бывалъ и въ Петербургѣ. Иногда онъ являлся въ Польскую гостиницу для икорки и стаканчика портеру. Впрочемъ, онъ не пилъ, не игралъ въ карты, не дѣлалъ долговъ и высказывалъ вслухъ убѣжденіе, что каждое дѣло хорошо, если... приноситъ адвокату хорошее вознагражденіе. Линовскій, поздоровавшись съ защитникомъ, сѣлъ у столика.

— Да вы прекрасно выглядите,—началъ защитникъ:—видно, что не интересуетесь политикой, какъ мы... Нѣтъ ли у васъ тамъ нѣсколько саженъ дровъ на продажу?—Этого добра у насъ всегда достаточно.—Въ такомъ случаѣ не возьмете ли съ меня деньги?--спросилъ защитникъ.

Линовскій поморщился.

— Лучше всего отослать деньги съ письмомъ въ управленіе,—отвѣтилъ лѣсничій.

— Хе-хе-хе! старая честная душа! — разсмѣялся защитникъ, хлопая Линовскаго по колѣну.—Такіе господа не наживаютъ капиталовъ...—А какіе же?

— Такіе, какъ сидящіе тамъ, въ залѣ,—отвѣтилъ защитникъ, дѣлая жестъ рукой.—Отецъ хваталъ народныя деньги, поэтому у сына есть на шампанское... Отецъ обобралъ малолѣтнихъ, а сынокъ ѣздитъ на четверкѣ... Дѣдушка дралъ шкуру съ крѣпостныхъ, а внучекъ теперь сіятельный... Такъ люди наживаютъ имѣнія!..

— Такія дѣла, мой дорогой, удаются только до поры, до времени,—возразилъ Линовскій.

— Ихъ часъ уже насталъ... — промолвилъ адвокатъ. — Весной девять десятыхъ всѣхъ фольварковъ должны пережить забастовку... на всѣхъ фабрикахъ забастовки...

— А на будущую зиму всѣ мы подохнемъ съ голоду?—вмѣшался Линовскій.

— Отнюдь не всѣ! По міру пойдутъ только тѣ, которые не работаютъ, а только кутятъ... Но мы, мы, адвокаты, доктора, инженеры, лѣсничіе — мы всегда найдемъ работу и деньги... Нашъ капиталъ заключается не въ обираніи другихъ, а въ собственной головѣ...

Линовскій махнулъ рукой.

— Вы не вѣрите, потому что не знаете, что творится,— сказалъ защитникъ.—Недѣлю тому назадъ ограбили уѣздное казначейство на сто тысячъ рублей... ежедневно грабятъ монополію... Весной доберутся до губернскихъ банковъ и казначействъ. Революція пока загребаетъ деньги, потомъ закупитъ самое лучшее оружіе, а когда она выиграетъ два, три сраженія и привлечетъ на свою сторону армію — тогда въ продолженіе двухъ недѣль уладитъ все... Кто не работаетъ, тотъ не долженъ жить! долой капиталистовъ, лежебокъ! долой баръ, которые въ видѣ шампанскаго пьютъ кровь своихъ паробковъ, рабочихъ, лѣсничихъ... И еще такихъ лѣсничихъ, которые боятся взять отъ порядочныхъ людей деньги на дрова.. Развѣ я хотѣлъ васъ подкупить?..— спросилъ защитникъ, дружески нагибаясь къ Линовскому.

— Чортъ знаетъ, что тутъ у васъ творится! Убиваете стражниковъ, грабите кассы, требуете чужія имѣнія и говорите, что все это нужно для блага другихъ... А вѣдь Господь Богъ заповѣдалъ не красть, не убивать, не желать чужого.

— Старыя сказки!..—сказалъ защитникъ, махнувъ рукой.

Такъ они бесѣдовали и ѣли: защитникъ икру, помощникъ лѣсничаго — кулебяку, уху, щуку... Когда онъ налилъ первый стаканчикъ мартовскаго пива, вбѣжалъ запыхавшійся Іоська.

— Гдѣ же мой сынъ?..—спросилъ Линовскій.

— Пани Вонторская,—отвѣтилъ факторъ,— велѣла прежде всего низко кланяться вельможному пану за этого зайца...

— А сынъ?..—нетерпѣливо прервалъ его Линовскій.

— Пани Вонторская велѣла сказать, что паничъ пошелъ съ товарищами куда-то развлечься; его вещи уже уложены, и сегодня онъ думаетъ ѣхать куда-то съ товарищами на прогулку...

Линовскій сложилъ руки на столѣ и, пораженный, смотрѣлъ на Іоську.

— Что ты болтаешь?—сказалъ онъ, спустя минуту.—Владекъ долженъ сегодня со мной ѣхать домой, а не съ товарищами на прогулку.—Быть можетъ, они устроятъ прогулку къ пану? Съ ними также и молодой панъ Свирскій...

— Свирскій?—повторилъ лѣсничій.

Услышавъ это имя, онъ успокоился и принялся за свое

пиво. Свирскій богатый паничъ, сирота, опекаемый не менѣе богатымъ дядей. Такое знакомство не можетъ повредить сыну лѣсничаго.

— Панъ Пфеферманъ,—продолжать Іоська свой докладъ—будетъ дома весь день. А докторъ Дембовскій также весь день дома. Если его и потребуютъ къ больному, то онъ скоро вернется...

— Сколько тебѣ слѣдуетъ? — спросилъ Линовскій.

— Сколько панъ дастъ... я буду все время здѣсь у гостиницы, и вельможный панъ можетъ меня снова послать куда-нибудь... А насчетъ панича я еще разъ справлюсь и приведу его сюда...

Линовскій далъ ему сначала двугривенный, но, подумавъ, прибавилъ еще пятачокъ. Іоська поклонился, дунулъ на деньги и сказалъ, лукаво улыбаясь:—А пани Вонторской я сказалъ, что заячью шкурку вельможный панъ пожертвовалъ мнѣ... Ну, она посмѣялась надъ этимъ и велѣла придти послѣ завтра...

Послѣ ухода фактора защитникъ сказалъ со вздохомъ:

— Каждый старается сорвать, гдѣ можетъ; даже этотъ бѣднякъ... А еще удивляются адвокатамъ!—Линовскому это замѣчаніе показалось очень страннымъ. Онъ всталъ, поблагодарилъ защитника за компанію и направился къ Пфеферману.

Лѣсопромышленникъ считался богатымъ человѣкомъ. Онъ жилъ въ собственномъ домѣ на главной улицѣ и занималъ со своей многочисленной семьей весь первый этажъ. Помощникъ лѣсничаго дивился лѣстницѣ, покрытой ковромъ, цвѣтнымъ стекламъ и гипсовымъ фигурамъ на площадкѣ лѣстницы. Къ косяку дверей была прибита металлическая трубочка съ заповѣдями. Когда онъ позвонилъ, ему открыли не скоро. Какая-то женщина сначала пріотворила дверь и спросила фамилію. Наконецъ, его впустили. Въ передней, до слуха Линовскаго долетѣли изъ отдаленныхъ комнатъ звуки прекрасной игры на роялѣ. Чувствовался запахъ луку. Линовскаго ввели въ кабинетъ. Здѣсь стояла дубовая конторка, столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и на немъ мѣдный подсвѣчникъ съ австрійскимъ орломъ. Высоко, на полкахъ лежали толстыя счетныя книги, а на полу, покрытомъ ковромъ, стоялъ кожаный диванъ, кресло, обитое краснымъ шелкомъ, огромное кресло, покрытое темнозеленой матеріей и, наконецъ, старый вѣнскій стулъ. Торговля, благочестіе, достатокъ и безвкусица—все тутъ перемѣшалось.

Вошелъ Пфеферманъ.

Онъ былъ высокаго роста, тучный, съ курчавой бородой уже серебрившеюся сѣдыми волосами. На немъ былъ атлас

ный халатъ, на головѣ бархатная ермолка, а на лицѣ выраженіе важности.

— Какъ поживаете, господинъ лѣсничій? — началъ Пфеферманъ и подалъ Линовскому два пальца.—Я увѣренъ, что вы явились по дѣлу, иначе вы не заглянули бы ко мнѣ.

— Не по своему дѣлу явился я сюда,—отвѣтилъ Линовскій, пожимая плечами.—Изъ управленія велѣно узнать, возьмете ли вы тѣ сосны, которыя въ настоящее время вырубаютъ, и когда вы уплатите остальныя деньги?

— Эти восемьсотъ рублей? Они лежатъ въ банкѣ—можете ихъ получить хотя бы сегодня,—отвѣтилъ купецъ.

— Я не уполномоченъ ихъ получать...

— Ваше счастье! Намедни, вблизи Серповъ, какіе-то грабители напали на нашихъ купцовъ и отобрали всѣ деньги... А вчера мнѣ написали, что напали на моего писаря въ Глосковѣ и отняли двѣсти рублей и револьверъ... И зачѣмъ ему нуженъ былъ револьверъ?.. Я еще не увѣренъ, что забрали, дѣйствительно, двѣсти рублей... Скверное время... Если бы я былъ помоложе, то уѣхалъ бы въ Америку съ тѣми двадцатью тысячами, которыя я держу въ Берлинѣ, и черезъ нѣсколько лѣтъ у меня были бы милліоны...

— А что же будетъ съ соснами?..—спросилъ Линовскій.

— Что я могу сказать?—отвѣтилъ Пфеферманъ, складывая руки.—Кто въ настоящее время увѣренъ, что его завтра не ограбятъ, или же... тьфу!.. не убьютъ?..

— Слѣдовательно, восемьсотъ рублей положены въ банкъ, а сосенъ вы не берете?—сказалъ Линовскій. — До свиданія, господинъ Пфеферманъ...

Онъ хотѣлъ уходить, но купецъ удержалъ его. — Чего вы такъ торопитесь? Отчего вы не отдохнете немного...

— Мнѣ некогда сидѣть...

— Поговоримъ, стоя, — сказалъ Пфеферманъ.—Эти сосны можно бы взять, если бы при вывозѣ не было придирокъ... Вы понимаете, панъ Линовскій? А теперь,—прибавилъ онъ, открывая конторку,—я позволю себѣ вручить вамъ подарокъ на новый годъ...

Лѣсничій удержалъ его за руку.

— Бросьте, пане Пфеферманъ. Я пришелъ не за подарками, а по дѣлу управленія.

— Отчего вы всегда такъ суровы?.. У меня есть для васъ сто... сто пятьдесятъ рублей.

— Дайте ихъ вашему писарю, чтобы ему не нужно было красть изъ нужды.

Пфеферманъ всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Я такъ люблю, когда вы сердитесь! Если я куплю „Желѣзныя Гуты“, то вы будете у меня старшимъ лѣсни-

чимъ... клянусь любовью къ дѣтямъ... А о вашемъ сегодняшнемъ поступкѣ я скажу директору... Что касается сосенъ, то я увѣдомлю передъ новымъ годомъ.

Линовскій, взволнованный, попрощался съ Пфеферманомъ и вышелъ на улицу. Здѣсь онъ, немного подумавъ, повернулъ къ квартирѣ сына. Ему такъ хотѣлось увидѣть его, поговорить, пожаловаться на свою судьбу, которая обрекла его на столкновенія съ Пфеферманами.

На квартирѣ у пани Вонторской проживало шесть учениковъ. Двое изъ нихъ ушли въ городъ, четверо уже уѣхало на праздники и, пользуясь этимъ, хозяйка занялась приведеніемъ въ порядокъ квартиры. Когда Линовскій позвонилъ и вошелъ въ квартиру, пани Вонторская была въ старой юбкѣ, голова ея была повязана платкомъ, а рукава завернуты выше локтя. Это была женщина маленькаго роста, худая, съ совиными глазами и желтымъ лицомъ, на которомъ отражался вѣчный испугъ.

— Что съ моимъ сыномъ?—спросилъ безъ всякихъ предисловій Линовскій.

— Здравствуйте!.. какъ я рада видѣть васъ въ добромъ здравіи!.. какъ благодарна вамъ за прекрасный подарокъ...

— Но гдѣ Владекъ? — Панъ Владиславъ былъ дома и укладывалъ свои вещи до полудня... Потомъ переодѣлся въ штатское платье и пошелъ на товарищескую сходку по дѣлу объ экзаменахъ на аттестатъ зрѣлости!.. — Зачѣмъ же онъ переодѣлся? —Видите ли, сударь,—сказала вполголоса хозяйка,—пана Владислава и еще двухъ товарищей пригласилъ къ себѣ на охоту Свирскій... Поэтому они ѣдутъ сегодня въ Сверки, проведутъ тамъ субботу и воскресенье, а въ понедѣльникъ собираются нагрянуть къ вамъ, на нѣсколько часовъ... Какъ здоровье вашей супруги? Кажется, она осенью была нездорова.—Благодарю васъ за память... кланяется вамъ... Ахъ эти дѣти! Пока онъ былъ соплякомъ, то выбѣгалъ навстрѣчу отцу версты двѣ за городъ... Теперь же, когда онъ дожилъ до восемнадцати лѣтъ, и пухъ подъ носомъ, онъ даже и дома не встрѣчаетъ отца... Уходитъ съ визитами и обѣщаетъ сдѣлать визитъ вмѣстѣ съ гостями!

— Если это можетъ стѣснить васъ, сударь,—воскликнула хозяйка,—я пошлю сейчасъ къ пану Свирскому...

— Боже сохрани!—прервалъ Линовскій.—Что это значитъ? вы сомнѣваетесь въ моемъ гостепріимствѣ? Панъ Свирскій можетъ принимать моего сына, а мой сынъ не имѣетъ права заплатить тѣмъ же пану Свирскому?..

— Они такъ дружны со Свирскимъ.

— Со Свирскимъ, въ самомъ дѣлѣ?—подхватилъ Линовскій, не умѣя скрыть удовольствіе.—Пусть уже они ѣдутъ сегодня въ Сверки,—лишь бы въ понедѣльникъ явились къ намъ...

Простившись съ хозяйкой, Линовскій вернулся въ ресторанъ гостиницы и захватилъ свою корзинку.

— Тутъ, вѣрно, что-то вкусное,—засмѣялся рестораторъ, панъ Яновичъ.

— Жена прислала немного ветчины для доктора, отдамъ ему и заодно попрошу его заглянуть мнѣ въ зубы,—отвѣтилъ лѣсничій.

И направился къ квартирѣ Дембовскаго.

IV.

Товарищъ и пріятель Владислава Линовскаго, Свирскій, пользовался квартирой и столомъ у одного изъ преподавателей коммерческаго училища, но занималъ отдѣльную комнату.

Это была большая, свѣтлая комната. Въ одномъ изъ угловъ стояла желѣзная кровать съ твердымъ матрацемъ и кожаной подушкой. Надъ кроватью висѣли двѣ рапиры, двѣ маски и перчатки; передъ кроватью была брошена шкура волка, убитаго собственноручно Свирскимъ. По угламъ комнаты лежали тяжелые копья, стѣны были увѣшаны изображеніями битвъ и портретами знаменитыхъ вождей разныхъ эпохъ. Учебники въ небольшомъ количествѣ и растрепанные лежали на плетеной полкѣ. Въ шкафу же, за стекломъ, виднѣлись въ переплетахъ сочиненія, посвященныя исторіи бунтовъ, жизнеописаніямъ великихъ полководцевъ и заговорщиковъ, или романамъ въ родѣ „Тайны Лондона“, „Яковъ Шепердъ“ и тому подобные. На столѣ, рядомъ съ бутылочкой чернилъ, стояло дорогое преспапье въ видѣ очень точно сдѣланной пушки.

Когда Свирскаго спрашивали, для чего онъ собралъ столько книгъ и предметовъ, связанныхъ съ милитаризмомъ, онъ отвѣчалъ, что намѣренъ поступить на военную службу.

Свирскій получалъ болѣе десяти тысячъ годового дохода, которыя дядя отдавалъ въ банкъ, а юношѣ назначилъ пятьдесятъ рублей ежемѣсячно на мелкіе расходы. Но паничъ, хотя и жилъ скромно и былъ примѣрнаго поведенія, не только расходавалъ все свое жалованье, но еще ежегодно дѣлалъ долгъ около двухъ тысячъ рублей.

По меньшей мѣрѣ, половина денегъ расходовалась, какъ извѣстно, на тайныя пособія товарищамъ, которыхъ Свирскій зналъ ближе. Куда исчезала вторая половина—неизвѣстно. Хотя и поговаривали, что Свирскій тратитъ много на покупку самаго дорогого и новѣйшаго оружія, но объ этомъ говорилось такъ тихо, что этотъ слухъ не шелъ дальше круга его ближайшихъ друзей.

— Чего же вы хотите?—говорили старшіе.—Прадѣдъ и дѣдъ Свирскаго служили въ рядахъ польскихъ войскъ, отецъ и дядя также воевали, слѣдовательно, нечего удивляться военной жилкѣ у юноши.

Свирскій былъ высокого роста, прекраснаго сложенія, съ грубыми, но симпатичными чертами лица, выразительными сѣрыми глазами и суровымъ выраженіемъ лица. Съ его положеніемъ восьмиклассника и юнымъ возрастомъ какъ то не гармонировало выраженіе сосредоточенности и скрытности. И въ самомъ дѣлѣ: владѣть собой, сдерживать хорошіе или дурные порывы,—вотъ къ чему стремился Свирскій.

Въ то время, какъ старый Линовскій выѣзжалъ въ городъ, его любимый сынъ Владекъ входилъ въ комнату Свирскаго. Владекъ былъ коренастый, румяный юноша съ курчавыми, свѣтлыми волосами и всегда улыбающійся. На видъ неуклюжій, онъ, на самомъ дѣлѣ, былъ гораздо проворнѣе Свирскаго, котораго любилъ больше брата и въ геній котораго вѣрилъ. Товарищи обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ.
—Что слышно?.. спросилъ Свирскій.

— Всѣ придутъ... того и гляди...—возразилъ Линовскій.
—Всѣ ли пойдутъ?

— Я могу сказать только о себѣ: я пойду за тобой всюду.

— А что скажутъ отецъ и мать?

— Мой дѣдъ накапунѣ возстанія заперъ отца въ амбарѣ; отецъ вынулъ доску и убѣжалъ подъ Венгровъ. А когда они встрѣтились въ маѣ, мой дѣдъ сказалъ: я плакалъ по тебѣ, какъ баба... Но если-бы ты не ушелъ въ партію,—я считалъ бы тебя дуракомъ. То же скажетъ мой старикъ,—закончилъ Линовскій, смѣясь.

— И мой дядя,—прибавилъ Свирскій.

— Наши отцы шли одной дорогой, и мы пойдемъ вмѣстѣ!—сказалъ Линовскій.

Постучали въ дверь. Товарищи стали собираться. Первымъ пришелъ весноватый Модржевскій съ широкоплечимъ Шамотульскимъ, затѣмъ франтъ Завадскій со своимъ пріятелемъ Солитеромъ и мрачнымъ Старкой, Лисовскій съ Хржановскимъ, Лесневскій съ Трызной и, наконецъ, Ендржейчакъ— высокій, сгорбленный, съ длинными руками и рыжей головой. Всѣ озябли, были молчаливы, одѣты въ штатское. Старка, поздоровавшись, растянулся на кровати. Хржановскій, въ сотый разъ, разсматривалъ картины на стѣнахъ, Солитеръ и Лесневскій закурили папиросы, а Завадскій снялъ рапиру и сталъ ее быстро вертѣть.

Ендржейчакъ сунулъ неуклюжія руки въ карманы испачканныхъ брюкъ и, выгибая колѣни, злобно спросилъ:

— Что же вы придумали новаго, господинъ главнокомандующій и... начальникъ штаба?

— Онъ вѣчно дурачится!..—сказалъ Диновскій.

— Это-то именно и хорошо, — промолвилъ Лесновскій. Развѣ лучше сидѣть съ такимъ видомъ, какъ Солитеръ.

— Если бы у тебя такъ болѣлъ животъ,— буркнулъ Солитеръ.

Всѣ разсмѣялись неискренно.

— Прикажете начать съ начала?..—спросилъ Свирскій.

— Начинай танецъ отъ печки...—вставилъ Лисовскій.

— Говори съ начала,—я скорѣй засну,—зѣвая, прибавилъ Старка.

Во всѣхъ этихъ будто-бы остроумныхъ и молодецкихъ отвѣтахъ чувствовались принужденность и тревога. Солитеръ уронилъ папиросу и не сразу замѣтилъ это.

— Товарищи,—началъ Свирскій. Вы помните—какъ годъ тому назадъ мы основали союзъ „Рыцарей свободы", изъ котораго должна была возникнуть революціонная армія? Помните, что мы не останавливались передъ тяжелыми жертвами?

— Помнимъ! Помнимъ Брыдзинскаго...

— И, кромѣ Брыдзинскаго, мы никакихъ жертвъ до сихъ поръ не принесли...—вставилъ Старка.

— Кто не хочетъ работать, никогда ничего не сдѣлаетъ,—пробормоталъ Ендржейчакъ.

— Старка вѣрно сказалъ,—продолжалъ Свирскій. — Мы не сдѣлали ничего серьезнаго, ни прекраснаго. Сначала не было средствъ, затѣмъ не была сформирована организація, а наконецъ, не было крайней нужды. Дѣйствовали другіе и, казалось, дѣйствовали хорошо.

— Соціалисты!..—вставилъ Лисовскій.

— И грабители,—прибавилъ Старка.

— Въ настоящее время, — продолжалъ Свирскій,—наша организація подвинулась довольно далеко. Мы привлекли на нашу сторону въ городѣ нѣсколько десятковъ ремесленниковъ и приказчиковъ, въ деревняхъ хозяевъ, лѣсниковъ, паробковъ... У насъ имѣются товарищи въ Варшавѣ и провинціальныхъ городахъ. Мы учились стрѣлять, фехтовать, маршировать.

— А какіе у насъ товарищи въ Варшавѣ и другихъ городахъ?..—спросилъ Старка.

— Чѣмъ меньше мы будемъ знать именъ, тѣмъ лучше для насъ,—отозвался Ендржейчакъ.—И для дѣла,-- прибавилъ Линовскій.

— Хотите?—спросилъ Свирскій.

— Не нужно именъ! Не нужно именъ!—отозвались разные голоса.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ заграничныхъ встрѣчъ.

Георгій Гапонъ.

I.

Европейское общество, а вмѣстѣ съ нимъ русскія заграничныя колоніи впервые услышали имя Георгія Гапона всего за нѣсколько дней до рокового 9-го января. Имя попа-революціонера появилось въ печати какъ-то совершенно неожиданно, а полуфантастическіе разсказы о роли и дѣятельности новоявленнаго вождя петербургскаго пролетаріата до того не вязались со всѣмъ ходомъ революціоннаго движенія, до того казались странными и неожиданными, что у многихъ возникало сомнѣніе въ реальности существованія и Гапона, и его организаціи. Мало ли небылицъ было разсказано въ европейской печати о русской революціи! Вѣдь незадолго передъ этимъ европейская печать провозгласила Л. Н. Толстого не только вдохновителемъ, но и главнымъ практическимъ руководителемъ всего революціоннаго движенія въ Россіи. Отчего бы не сочинить теперь и какого-то Гапона. Тѣмъ болѣе, что это очень подходило подъ фантазію европейской печати, которая иначе не можетъ и представить себѣ русскаго крестьянина и рабочаго, какъ подъ руководствомъ какого-нибудь «le pope».

Однако, приходившія съ каждымъ часомъ все новыя свѣдѣнія о событіяхъ, быстро и фатально развертывавшихся въ грозную трагедію, скоро не оставили никакого сомнѣнія въ реальности Гапона и его роли. Пошли различныя догадки и предположенія. Утверждали, что подъ псевдонимомъ и священнической рясой Гапона скрывается одинъ изъ главныхъ вождей революціоннаго движенія. Называли шепотомъ даже нѣкоторыя имена. Вмѣстѣ съ этимъ начались и партійные споры. Соц.-демократы и соц.-революціонеры оспаривали другъ у друга Гапона; адепты каждой партіи утверждали, что онъ членъ ихъ партіи и дѣйствуетъ подъ ея руководствомъ.

Надо, впрочемъ, прибавить, что среди этого взаимнаго оспариванія Гапона, раздавались также и голоса, что Гапонъ правительственный

агентъ и вся его затѣя не болѣе, какъ колоссальная провокація въ зубатовскомъ духѣ. Подобнаго рода предостереженія получались и изъ Россіи. Однако, эти единичные голоса не встрѣчали довѣрія и послѣ 9 января совершенно смолкли.

Лихорадочное волненіе, съ которымъ жившіе за-границей русскіе—эмигранты и учащіеся—ожидали дня 9-го января, не поддается описанію. Люди забросили всѣ занятія, ходили, какъ помѣшанные, толпились до полуночи у дверей редакцій въ ожиданіи телеграммъ. Многіе студенты и студентки бросали университетъ и поспѣшно уѣзжали въ Россію, мучаясь при этомъ мыслью, что «ужъ поздно», что пока они пріѣдутъ, революція уже совершится, и имъ придется съ краскою стыда на лицѣ пользоваться свободою, въ завоеваніи которой они не участвовали.

Но вотъ ночью 9-го января получилось ошеломляющее извѣстіе о разстрѣлѣ рабочей процессіи. Первыя телеграммы были полны невѣроятными преувеличеніями. Въ нихъ говорилось о четырехъ тысячахъ убитыхъ и десяткахъ тысячъ раненыхъ; говорилось, что весь Петербургъ охваченъ пламенемъ и затопленъ кровью. Высоко приподнятое настроеніе сразу упало. Казалось, что все кончено, первые всходы революціи подкошены въ корень.

Читая описанія происходившихъ въ Петербургѣ ужасовъ, всѣ съ лихорадочнымъ волненіемъ искали имени Гапона. Что сталось съ нимъ? Живъ онъ, убитъ, арестованъ или скрылся? Въ первыхъ телеграммахъ о немъ не было упомянуто. На слѣдующій день появилось лаконическое извѣстіе: «Гапонъ убитъ». Но вечеромъ того же дня было напечатано другое: «Гапонъ тяжело раненъ и арестованъ». И только 11-го или 12-го стало циркулировать извѣстіе, которое, кажется, не сразу попало въ печать, что Гапону, хотя и раненому, удалось скрыться.

Фантастическая личность, вспыхнувшая на одинъ моментъ яркой молніей, снова исчезла, окуталась таинственностью. Нѣсколько недѣль никто ничего не зналъ о судьбѣ рокового человѣка. И только въ концѣ января въ революціонныхъ кругахъ за-границей пошелъ конспиративный шепотъ: «Гапонъ бѣжалъ и находится въ безопасности». Говорили, что онъ въ Бельгіи, въ Лондонѣ, въ Парижѣ. На самомъ дѣлѣ онъ въ это время находился въ Женевѣ.

II.

Вскорѣ послѣ 9-го января я уѣхалъ изъ Женевы и вернулся туда приблизительно въ серединѣ февраля. Первая новость, которую мнѣ сообщили товарищи, какъ строгую конспиративную тайну, была, что Гапонъ въ Женевѣ. Мнѣ разсказали, конечно, со словъ Гапона, исторію его побѣга, цѣлую эпопею его приключеній по прибытіи въ Женеву, и съ удовольствіемъ добавили, что въ

настоящее время Гапонъ почти прервалъ всѣ сношенія съ соц.-демократами и хотя оффиціально и не примкнулъ къ партіи соц.-рев., но раздѣляетъ вполнѣ ея программу и тактику и въ этомъ духѣ составилъ свои «Воззванія» къ русскому народу, къ арміи, къ крестьянству. Сообщили мнѣ также, что онъ поселился у одного изъ вліятельныхъ членовъ партіи с.-р., Ш.

На мой вопросъ, какое впечатлѣніе производитъ Гапонъ, какъ человѣкъ, мнѣ отвѣтили:

— Съ перваго раза онъ производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе... Онъ нисколько не поражаетъ... Его даже можно принять за полу-интеллигента. Но если присмотрѣться къ нему,— сейчасъ видно, что это очень крупная и оригинальная личность.

Чуть ли не въ тотъ же день одинъ изъ видныхъ членовъ с.-р.-овской партіи С., временно находившійся съ семьею въ Женевѣ, попросилъ меня придти къ нему вечеромъ, сказавъ, что у него будетъ и Гапонъ.

Пришелъ я къ С. часовъ въ 9 вечера. Кромѣ хозяевъ, я нашелъ въ комнатѣ человѣка лѣтъ 30-ти, худого, но крѣпкаго, очень смуглаго, съ длиннымъ характернымъ носомъ, тонкимъ, съ горбинкой и плоскимъ у конца; тонкими губами и глубоко сидящими, черными и безпокойными глазами, быстрыми и лукавыми, которые точно хватали взоромъ впечатлѣнія и уносили ихъ куда-то вглубь. Было въ этихъ глазахъ что то острое, пытливое и лукавое. Волосы на головѣ были коротко острижены. По лицу можно было принять этого человѣка за армянина, еврея или южнаго итальянца.

Одѣтъ онъ былъ съ иголочки, въ новенькой парѣ, носилъ лакированные башмаки и яркій цвѣтной галстухъ. Сидѣлъ онъ, нѣсколько согнувшись, держа руки, сложенныя ладонями, между колѣнъ.

Въ общемъ, вся его фигура казалась мизерной, и, по внѣшнему виду его можно было принять за мелкаго приказчика или коммивояжера.

Несмотря на то, что я ожидалъ встрѣтить здѣсь Гапона и видѣлъ его карточку (въ священническомъ облаченіи), мнѣ въ первую минуту и въ голову не пришло, что это и есть Гапонъ. До того не походилъ онъ на свою карточку и не соотвѣтствовалъ тому представленію о священникѣ-революціонерѣ, которое у меня сложилось.

Догадался я, что предо мною Гапонъ только изъ разговора. Когда я пришелъ, Гапонъ подробно разсказывалъ объ организаціи рабочихъ отдѣловъ до ихъ выступленія. Помню, что съ перваго раза меня сильно поразилъ *тонъ*, какимъ Гапонъ велъ свой разсказъ. Торопливо, нервно, сбиваясь и повторяя по нѣскольку разъ одно и то же слово, онъ не столько излагалъ фактическую исторію своей организаціи, сколько старался подчеркнуть, выставить на видъ,

что онъ съ самаго начала дѣйствовалъ по строго выработанному плану, неуклонно и систематически подготовлялъ свое революціонное выступленіе; что, обманывая зоркость властей, онъ въ то же время не открывалъ своего плана революціонерамъ, боясь, чтобы они не испортили дѣла. Мирное шествіе съ иконами было съ его стороны маккіавелевскимъ пріемомъ, чтобы поставить правительство въ безвыходное положеніе. Особенно поразило меня, что, говоря все это, онъ какъ-будто старался въ чемъ-то оправдаться, снять съ себя какое-то подозрѣніе.

И еще больше поразило меня отношеніе С. къ разсказу Гапона. С., человѣкъ съ большой волей, съ кипучей энергіей и революціонной дерзостью, по натурѣ имѣлъ кое что общее съ Гапономъ. Сидя нѣсколько развалившись, онъ глядѣлъ на Гапона въ упоръ острымъ взглядомъ своихъ небольшихъ стальныхъ глазъ. И въ этомъ пронизывающемъ взглядѣ явно выражалось недовѣріе, насмѣшка, чуть-ли не презрѣніе. Гапонъ, повидимому, чувствовалъ себя неловко подъ этимъ взглядомъ и все болѣе волновался.

— А съ Зубатовымъ у васъ раньше не было близкихъ отношеній?—поставилъ ему вдругъ въ упоръ вопросъ С.

Гапонъ заволновался, даже приподнялся съ мѣста.

— Никогда! Никогда!—воскликнулъ онъ горячо.—Я съ самого начала, съ первой минуты водилъ ихъ всѣхъ за носъ. Иначе ничего нельзя было бы сдѣлать!.. На этомъ былъ весь мой планъ построенъ!..

— Ну, что вы ерундите!—перебилъ его С.—Какой планъ былъ у васъ! Развѣ вы за мѣсяцъ передъ этимъ могли предвидѣть, чѣмъ кончится дѣло? Вы сами раньше ничего не знали!

На лицѣ Гапона вдругъ появилось лукавое выраженіе, и онъ неспѣшно и смиренно отвѣтилъ:

— Можетъ быть, не зналъ! Можетъ быть, можетъ быть!..

И, прищурившись, добавилъ:

— А революціонныя организаціи знали? Да знали?

— И они ничего не знали.

— Ну-ну! вотъ-вотъ! И они не знали, и вы не знали... И теперь не знаете!.. А вотъ я напишу, напишу обо всемъ этомъ, тогда увидите, увидите!..

Въ разговоръ вмѣшалась хозяйка и перевела его на менѣе щекотливую тему. Заговорили о знакомыхъ, о колоніальныхъ событіяхъ. С. началъ добродушно подтрунивать надъ Гапономъ, надъ его пристрастіемъ къ цвѣтнымъ галстухамъ. Гапонъ называлъ это «клеветой», но ему, повидимому, доставляло удовольствіе такое подтруниванье.

Уходя, онъ просилъ меня заходить къ нему и вызвался придти ко мнѣ, если «ему позволятъ сдѣлать далекое путешествіе по городу».

III.

Черезъ нѣсколько дней я отправился къ Гапону. Жилъ онъ въ это время, какъ я уже упомянулъ, у одного изъ с.-р., Ш. Какъ человѣкъ болѣзненный, всецѣло поглощенный литературными занятіями, Ш. жилъ въ большомъ уединеніи, въ дачномъ домикѣ-особнякѣ на одной изъ безлюдныхъ улицъ на окраинѣ города. Кругомъ на большомъ разстояніи не было другихъ строеній. Такимъ образомъ, самый искусный сыщикъ не могъ бы слѣдить за этимъ домомъ, не будучи самъ тотчасъ замѣченнымъ. Это-то отчасти и побудило помѣстить здѣсь Гапона, котораго въ то время тщательно скрывали, отчасти изъ опасенія, чтобы швейцарское правительство его не выдало, а, главнымъ образомъ, изъ боязни покушенія на его жизнь со стороны какого-нибудь «наемнаго мстителя».

Гапона я нашелъ не въ его комнатѣ, а у хозяевъ въ залѣ за довольно неожиданнымъ спортомъ. Онъ стрѣлялъ въ прикрѣпленную къ стѣнѣ цѣль изъ дѣтскаго пистолета палочкой съ гутаперчевымъ наконечникомъ, который прилипалъ къ тому мѣсту, куда попадалъ. Гапонъ былъ сильно увлеченъ этой стрѣльбой, радовался, какъ ребенокъ, когда попадалъ въ цѣль, а неудачные выстрѣлы старался объяснить какими-нибудь внѣшними препятствіями. Поспѣшно поздоровавшись со мною, онъ тотчасъ же воскликнулъ:

— А ну-ка, ну-ка, ну-ка! Попробуйте стрѣлять! Попробуйте!

Я выстрѣлилъ и не попалъ въ цѣль. Гапонъ пришелъ въ восторгъ.

— Не попали! А я вотъ почти разъ за разомъ попадаю! Смотрите!

И онъ снова принялся стрѣлять.

Присутствовавшая тутъ же хозяйка замѣтила съ добродушной незлобивостью, съ какою взрослый человѣкъ говоритъ о шалостяхъ ребенка:

— Съ самаго ранняго утра идетъ эта стрѣльба! Мы уже всѣ одурѣли отъ нея.

Зная, какой образцовый порядокъ постоянно царилъ въ домѣ Ш., я понялъ, какую пертурбацію внесъ сюда Гапонъ своимъ появленіемъ.

— Вотъ сейчасъ, сейчасъ, Н. В.!—бросилъ Гапонъ поспѣшный отвѣтъ хозяйкѣ.—Еще пять разъ выстрѣлю—и довольно!

Но послѣ пяти выстрѣловъ онъ попросилъ разрѣшенія еще на пять и еще на пять. Наконецъ, сдѣлавъ усиліе, онъ отложилъ пистолетецъ. При этомъ онъ, принявъ серьезное выраженіе, объяснилъ мнѣ:

— Надо научиться стрѣлять. Скоро начну брать уроки фехто-

ванія. Буду учиться верховой ѣздѣ... Надо все это умѣть. Скоро все это понадобится!—добавилъ онъ нѣсколько загадочно.

Съ полчаса посидѣли мы съ нимъ. Онъ говорилъ, главнымъ образомъ, о томъ, что томится бездѣліемъ и необходимостью сидѣть почти взаперти.

Вспомнивъ, что ему надо повидать по дѣлу кого-то изъ эмигрантовъ, онъ, обрадовавшись случаю, рѣшилъ «добиться разрѣшенія» пойти туда. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ разрѣшеніе было ему дано, съ условіемъ, чтобы я сопровождалъ его.

Мы отправились вмѣстѣ. Гапонъ былъ очень оживленъ, реагировалъ на всѣ окружающія впечатлѣнія, при чемъ высказывалъ замѣчательную наблюдательность. Проходя по одной изъ площадей, я замѣтилъ въ газетномъ кіоскѣ французскій иллюстрированный еженедѣльникъ (кажется, приложеніе къ «Petit Journal»), въ которомъ на первой страницѣ была картинка съ подписью: «Побѣгъ Гапона». На картинкѣ былъ изображенъ здоровенный мужикъ съ бутылкой водки въ рукѣ, развалившись на дровняхъ, проѣзжаетъ шлагбаумъ. Я указалъ Гапону на эту курьезную иллюстрацію.

— Видѣлъ, видѣлъ! Изъ Парижа мнѣ прислали!—отвѣтилъ онъ весело. - Это хорошо, хорошо, что меня такъ изображаютъ. Никто меня не узнаетъ. Вчера было въ газетахъ, что я въ Парижѣ, что меня даже тамъ видѣли. Это хорошо!

Я попросилъ его разсказать о своемъ побѣгѣ. Не помню уже въ точности, что онъ разсказывалъ о своемъ переходѣ черезъ границу. Помню только разсказъ о томъ, какъ онъ спасся 9-го января.

— Шелъ я впереди всѣхъ. Возлѣ меня шелъ одинъ изъ самыхъ близкихъ моихъ товарищей и несъ икону. Вдругъ началась стрѣльба. Я продолжалъ идти впередъ. Но вотъ товарищъ мой упалъ. Вокругъ меня начало косить. Всюду кровь, крики, вопли. Поднялся какой-то адъ. Я совершенно пересталъ помнить себя и продолжалъ идти впередъ. Кругомъ летали пули, но меня не задѣвали... Я думаю, что солдаты не рѣшались стрѣлять въ меня, какъ въ священника... Вдругъ кто-то (это былъ товарищъ Р.) схватилъ меня за руку, насильно вывелъ меня изъ этой бойни и повелъ куда-то, на какой-то дворъ. Тамъ онъ вытащилъ изъ кармана заготовленныя заранѣе ножницы, остригъ мнѣ волосы, надѣлъ на меня какое-то пальто и повелъ меня къ Г. (извѣстному писателю). . Когда Г. увидалъ меня, онъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Я не помнилъ, что со мною творилось, и только рвался назадъ на площадь. Потомъ мнѣ подали стаканъ вина. Я, какъ увидалъ вино, закричалъ: «Это кровь! кровь! кровь!»—и, кажется, упалъ въ обморокъ.

Дальше онъ мнѣ разсказалъ о своихъ приключеніяхъ послѣ переѣзда черезъ границу. Онъ разминулся съ товарищемъ (тѣмъ же Р., который спасъ его), съ которымъ долженъ былъ

встрѣтиться по ту сторону границы и который долженъ былъ сопровождать его. Такимъ образомъ, онъ одинъ добрался до Женевы. Въ Женевѣ онъ имѣлъ явку къ одному изъ эмигрантовъ. Явился онъ туда, но хозяина не нашелъ дома. Встрѣтившая его тамъ русская дама приняла его за шпіона и почти прогнала. Пошелъ онъ бродить по городу, не зная, куда направиться. Увидалъ онъ русскую студентку и попросилъ ее отвести его въ русскую читальню. Тамъ онъ вызвалъ библіотекаря, взялъ съ него честное слово, что онъ сохранитъ довѣренную ему тайну, и открылъ ему, что онъ—Гапонъ. Студентъ-библіотекарь былъ ошеломленъ этимъ извѣстіемъ и сейчасъ повелъ Гапона къ одному изъ соц.-дем. лидеровъ, П. Тамъ (по его выраженію) его «взяли въ плѣнъ»: три дня держали почти взаперти и «обрабатывали», стараясь обратить его въ правовѣрнаго соціалъ-демократа. Составленное имъ «Воззваніе» было выправлено такъ въ отношеніи террора, что подъ нимъ могъ бы подписаться и соц.-демократъ. На четвертый день, однако, Гапону удалось вырваться «изъ плѣна», разыскать своего товарища, который прибылъ въ Женеву и очень безпокоился, не найдя тамъ Гапона. Тутъ же встрѣтился Гапонъ съ однимъ изъ лидеровъ соц.-рев., который указалъ ему, что своимъ «Воззваніемъ» онъ объявитъ себя соціалъ-демократомъ. Онъ тогда потребовалъ у П., чтобы въ «Воззваніе» были внесены соотвѣтственныя поправки. Ему отвѣтили, что уже поздно, что оно уже напечатано. Тогда онъ пригрозилъ скандаломъ, и ему вернули «Воззваніе». Такимъ образомъ, онъ почти порвалъ сношенія съ соц.-демократами.

Насколько этотъ разсказъ соотвѣтствовалъ истинѣ, не берусь судить. Замѣчу только, что въ это время Гапонъ, окончательно перекочевавшій въ лагерь с.-р-овъ, былъ крайне враждебно настроенъ противъ соц.-дем., возмущался ихъ доктринерствомъ и умѣренностью. Особенно усилилось его непріязненное отношеніе къ нимъ послѣ того, какъ получилась напечатанная въ Россіи прокламація одного изъ соц.-дем. комитетовъ, въ которой Гапонъ былъ названъ «обнаглѣвшимъ попомъ». Хотя въ центральномъ органѣ с.-д. партіи, «Искрѣ», было высказано порицаніе комитету за эту прокламацію, однако, Гапонъ не могъ простить ее соціалъ-демократамъ.

IV.

Гапонъ въ это время подчеркивалъ, что онъ стоитъ внѣ партій, и объяснялъ, что, по своему положенію, онъ не долженъ вступать ни въ какую партію. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ все больше сходился съ соц.-революц., находился всецѣло подъ ихъ вліяніемъ, восхищался ихъ дѣятельностью и часто повторялъ, что это «единственно живые люди». Больше всего симпатизировалъ онъ террористической дѣятельности партіи. Находясь еще всецѣло подъ вне-

чатлѣніемъ событій 9-го января, онъ въ то время былъ ярымъ террористомъ, постоянно говорилъ о бомбахъ, проповѣдывалъ массовый и единичный терроръ, и рѣчь его постоянно пестрила отборной руганью по адресу властей и словечками, въ которыхъ фигурировало слово кровь: «кровососъ», «товарищи, спаянные кровью» и т. п.

Что же касается программы партіи и ея теоретическихъ основъ, то объ этомъ Гапонъ имѣлъ довольно-таки смутное и поверхностное представленіе. Правда, въ его комнатѣ лежала куча брошюръ, набранныхъ имъ для ознакомленія съ программными вопросами, но онъ, вѣроятно, ни одной изъ нихъ не прочелъ. По крайней мѣрѣ, въ то время, когда я его зналъ, онъ не былъ въ состояніи сосредоточить вниманіе для прочтенія даже газетной статьи. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ онъ принимался читать какую-нибудь газетную статейку, но бросалъ на десятой строчкѣ со словами:

— Послѣ, послѣ прочту! А то—разскажите мнѣ содержаніе, разскажите!

Но, при всемъ этомъ, онъ поразительно легко схватывалъ чужія мысли и общій характеръ всякаго направленія. Такимъ образомъ, онъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ по пріѣздѣ за-границу уже совершенно свободно обращался съ программными и полемическими терминами и въ разговорѣ могъ произвести впечатлѣніе, что онъ au courant всѣхъ партійныхъ программъ и разногласій. На самомъ же дѣлѣ, онъ не только ничего этого не зналъ, но даже въ глубинѣ души, повидимому, совершенно не интересовался этимъ и не стремился разбираться въ вопросахъ, которые казались ему лишними и ненужными для революціи.

— Прокисли, прокисли всѣ здѣшніе революціонеры съ ихъ программами, теоріями и спорами!—говорилъ онъ.—Они совершенно оторваны отъ жизни, не знаютъ ни Россіи, ни того, что теперь нужно. Особенно не понимаютъ они нисколько рабочаго человѣка, хотя много и говорятъ о немъ.

Уже съ самаго начала въ его рѣчахъ прорывалась непріязненная нота по отношенію къ революціоннымъ партіямъ. Находясь въ средѣ партійныхъ людей, онъ въ этомъ отношеніи сдерживалъ себя. Но иногда эта непріязненность прорывалась у него въ рѣзкой формѣ.

Помню, однажды зашла рѣчь о роли соц.-демокр. организацій въ подготовленіи выступленія 9-го января. Кто-то въ разговорѣ, или въ печати высказалъ, что соц.-дем. руководили рабочими отдѣлами, а въ послѣдніе дни до 9-го января всецѣло овладѣли движеніемъ. Гапонъ пришелъ въ ярость.

— Да я ихъ гналъ, въ шею гналъ изъ отдѣловъ!—кричалъ онъ.—Они мнѣ только мѣшали. Они чуть не провалили всего дѣла! А рабочіе мои прямо не выносили ихъ, нѣсколько разъ со-

бирались бить этихъ незванныхъ пропагандистовъ и мнѣ—приходилось спасать ихъ!

Совершенно не понимая необходимости партійныхъ программъ и партійной дисциплины, считая революціонную дѣятельность партійныхъ работниковъ даже вредной для цѣлей возстанія, онъ глубоко вѣрилъ только въ себя, былъ фанатически убѣжденъ, что революція въ Россіи должна произойти только подъ его руководствомъ. По пріѣздѣ за-границу онъ поставилъ себѣ цѣлью взять въ свои руки всѣ партіи съ ихъ организаціями и силами. Онъ былъ въ началѣ увѣренъ, что онъ будетъ безъ разговоровъ признанъ вождемъ революціи, и всѣ партіи преклонятъ передъ нимъ, какъ передъ побѣдителемъ, свои знамена. Когда онъ съ первыхъ шаговъ столкнулся съ вопросомъ о какихъ-то теоріяхъ, программахъ и разногласіяхъ, онъ разсчитывалъ обойти эти препятствія при помощи самой примитивной хитрости. Началъ онъ съ того, что соглашался со всѣми. Соціалъ-демократамъ онъ говорилъ, что раздѣляетъ ихъ программу, а с.-р-амъ, что онъ во всемъ съ ними согласенъ. Потерпѣвъ на этой почвѣ полное фіаско, онъ рѣшилъ добиться своей цѣли инымъ путемъ. Онъ рѣшилъ использовать свою огромную популярность въ партійныхъ кругахъ для объединенія всѣхъ партій и организацій въ одинъ боевой союзъ, разсчитывая стать во главѣ его. За выполненіе этого плана онъ принялся въ серединѣ или въ концѣ марта.

V.

Послѣ нашихъ первыхъ встрѣчъ, Гапонъ началъ часто захаживать ко мнѣ. Онъ въ это время былъ всецѣло занятъ составленіемъ и корректированіемъ своихъ воззваній. Настроеніе его было приподнятое, жизнерадостное. Онъ постоянно таинственно намекалъ, что подготовляетъ какія-то крупныя дѣла, что скоро ему придется «выступить», и неизмѣнно прибавлялъ, что все «будетъ хорошо».

Однажды пришелъ онъ ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ и сообщилъ, что рѣшилъ созвать конференцію изъ представителей всѣхъ революціонныхъ партій и организацій для взаимнаго соглашенія о совмѣстномъ выступленіи.

— Надо взять ихъ за чубы и свести вмѣстѣ—иначе никакого толка не выйдетъ!—пояснилъ онъ.

Ко мнѣ онъ обратился съ просьбой взять на себя секретарство по созыву конференціи и заняться ея организаціей.

Я согласился, но при этомъ высказалъ Гапону, что отношусь скептически къ успѣху его предпріятія; что, вслѣдствіе программныхъ разногласій, конференція, вѣроятно, разстроится раньше, чѣмъ придутъ къ какому-нибудь соглашенію.

— А я не допущу, не допущу! —загорячился онъ.—Мнѣ нужно, чтобы они согласились на практическомъ боевомъ дѣлѣ,—а ихъ споры и грызня—на чорта мнѣ нужны!

— Мнѣ надоѣло здѣсь сидѣть,—пояснилъ онъ мнѣ дальше.— Надо ѣхать въ Россію, надо! А мнѣ нельзя ѣхать безъ готоваго дѣла... Понимаете! Надо, чтобы все было подготовлено заранѣе и чтобы я пріѣхалъ въ послѣднюю минуту для выступленія... Ну, вотъ. А если они не пойдутъ на соглашеніе, плюну—и начну дѣйствовать самъ! Ничего, увидите, увидите! Стоитъ мнѣ только кликнуть кличъ! За мною сотни тысячъ рабочихъ пойдутъ!

Гапонъ принялся горячо за созывъ конференціи. Былъ выработанъ текстъ приглашенія, которое было разослано въ центральные комитеты слѣдующихъ организацій: 1) Соц.-революц. 2) Соц.-демократовъ меньшевиковъ (тогда они еще назывались «плехановцами» или «мягкими»). 3) Соц.-демокр. большевиковъ («ленинцевъ» или «твердыхъ»). 4) Бунда. 5) Польской соц. партіи (P. P. S.). 6) Польск. соц.-дем. 7) Латышской соц.-дем. партіи. 8) Латыш. соц.-дем. Союза. 9) Бѣлорусской Громады. 10) Армянской соц.-дем. пар. 11) Армянскихъ федералист. («Дашнакцютюнъ»). 12) Финляндск. соц-дем. пар. и 13) Финляндскаго «Союза активной борьбы».

Вскорѣ я, какъ секретарь, началъ получать отвѣты организацій. Почти во всѣхъ ихъ высказывалось большое сочувствіе иниціативѣ Гапона и согласіе принять участіе въ конференціи. Стороной мнѣ пришлось слышать, что соц.-демократы были очень недовольны этой затѣей, но престижъ Гапона былъ такъ великъ, что, за исключеніемъ «плехановцевъ», никто не рѣшился отказаться отъ конференціи. Что же касается «плехановцевъ», то они категорически отказались отъ участія въ конференціи, при чемъ откровенно мотивировали свой отказъ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, иниціатива подобной конференціи должна была бы принадлежать «лицу болѣе компетентному и опытному въ революціонныхъ дѣлахъ, чѣмъ Гапонъ». Надо прибавить, что и организація Бунда дала согласіе на участіе въ конференціи только условно, съ тѣмъ, чтобы на ней не обсуждались вопросы программнаго характера, а исключительно лишь тактическіе вопросы для координаціи дѣйствій всѣхъ революціонныхъ организацій.

Первое же засѣданіе конференціи закончилось расколомъ и уходомъ всѣхъ соц.-дем. организацій. Еще раньше, чѣмъ конференція конституировалась, представитель Бунда поднялъ вопросъ объ участіи на конференціи представителя «Латышскаго соц.-дем. союза», такъ какъ, по мнѣнію Бунда, «Союзъ» является фиктивной организаціей. Представителя Бунда поддержали большевики и представители окраинныхъ соц.-дем. организацій. За Союзъ вступились представители соц.-рев. и нѣкоторыхъ другихъ организацій. Надо замѣтить, что хотя «Союзъ» носилъ названіе соц.-демократическаго

онъ, по своей тактикѣ и связямъ, былъ ближе къ соц.-рев. и велъ постоянную борьбу съ латышской соц.-дем. партіей. Представитель этой послѣдней больше всего и настаивалъ на исключеніи «Союза» изъ конференціи. Несмотря на то, что представитель «Союза», Роллау *), приводилъ фактическія данныя о дѣятельности союза и объ арестахъ его членовъ, несмотря на заступничество с.-р-овъ и Гапона,—соц.-демократы всѣхъ національностей стояли на своемъ. Произошла тяжелая сцена, кончившаяся уходомъ представителей большевиковъ, Бунда, латышской, армянской, польской и (кажется) финляндской соц.-демократ. организацій.

Гапонъ, какъ и оставшіеся представители организацій видѣли въ мотивѣ, выставленномъ соц.-дем., только поводъ для ухода съ конференціи, въ которой не хотѣли участвовать, но отъ которой не рѣшились прямо отказаться. Гапонъ былъ даже доволенъ уходомъ соц.-демокр.

— Ну, и съ Богомъ! И не надо! И безъ нихъ обойдемся!

Конференція, въ которой теперь участвовали организаціи, болѣе или менѣе примыкавшія къ тактикѣ и, отчасти, программѣ с.-рев., пошла мирно и спокойно. На первую очередь былъ поставленъ вопросъ о національныхъ правахъ окраинъ. Гапонъ былъ этимъ недоволенъ и требовалъ немедленнаго перехода къ тактическимъ соглашеніямъ. Но когда представители окраинныхъ организацій объявили ему, что безъ согласія по національному вопросу нельзя приступить къ тактическому соглашенію, онъ примирился съ этимъ и даже самъ принялъ участіе въ дебатахъ. При этомъ произошелъ довольно характерный инцидентъ. Пооcлѣ рѣчей представителей P. P. S. и армянской федераціи о національной автономіи, Гапонъ вдругъ взволновался и попросилъ слова. Какъ всѣ свои рѣчи, онъ началъ довольно безсвязно, путался, не находилъ словъ и повторялъ по нѣскольку разъ однѣ и тѣ же фразы. Сначала никто не понялъ, что онъ хочетъ сказать, но всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Наконецъ, выяснилась причина его волненій. Здѣсь на конференціи все говорятъ о правахъ окраинъ и никто не говоритъ о правахъ Россіи. Выйдетъ, что Россію разорвутъ на части. «Всѣ заботятся только о себѣ, а о Россіи никто не думаетъ!—говорилъ онъ съ волненіемъ.—Надо и о ней подумать!» Короче, получилась патріотическая рѣчь, по меньшей мѣрѣ, въ духѣ октябристовъ. Однако, представитель соц.-рев., чистокровный великороссъ, успокоилъ его, объяснивъ, что разрывать Россію никто не собирается и никто не посягаетъ на національныя и даже суверенныя права великороссовъ: каждая національность стремится лишь по возможности оградить свои національныя права.

*) Одинъ изъ наиболѣе активныхъ латышскихъ революціонеровъ. Въ 1906 г. онъ былъ арестованъ и во время отправки изъ одного города въ другой былъ застрѣленъ конвойными, какъ объяснялось, „при попыткѣ къ побѣгу“.

Когда, по обсужденіи національной программы, перешли къ тактическимъ соглашеніямъ, центромъ переговоровъ сдѣлался представитель соц.-рев., съ нимъ соглашались и вели конспиративные переговоры, а Гапонъ какъ то остался въ сторонѣ. Замѣтивъ это, онъ какъ-то махнулъ рукой на конференцію и охладѣлъ къ ея дѣятельности.

Эта конференція, повидимому, убѣдила Гапона, что объединить всѣ революціонныя организаціи и стать во главѣ ихъ ему не удастся. И онъ рѣшилъ попытаться инымъ путемъ овладѣть хотя бы партіей соц.-рев.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ конференціи, въ день русскаго 1-го мая (14-го по нов. ст.) мѣстная группа соц.-рев. устроила вечеромъ въ одномъ кафе нѣчто въ родѣ банкета, на которомъ собралось человѣкъ 40. Былъ здѣсь и Гапонъ. Говорились рѣчи, произносились тосты. Говорилъ что-то и Гапонъ. Во время банкета онъ протянулъ ко мнѣ свою рюмку и съ загадочно-лукавой улыбкой предложилъ:

— Выпьемъ, выпьемъ за одно дѣло? а?

— За какое?

— За хорошее дѣло, за хорошее! Можете смѣло выпить!..— продолжалъ онъ меня интриговать.

— За новаго товарища по партіи соц.-рев.,—подсказалъ сидѣвшій рядомъ одинъ изъ представителей партіи.

На лицѣ Гапона разлилась торжествующая улыбка.

— Ну, теперь выпьете?!

— Когда же вы вступили въ партію?—удивился я.

— Сегодня. Нѣсколько часовъ тому назадъ! Ну, давайте же, выпьемъ!

— За это я неохотно буду пить,—отвѣтилъ я.—Вы знаете мое мнѣніе, что вамъ не слѣдуетъ вступать ни въ какую партію... Да и сами вы много разъ высказывали это же самое.

— Ну-ну, ничего, ничего! Такъ надо, такъ надо! Увидите!— отвѣтилъ онъ торопливо, точно оправдываясь, и въ то же время въ его тонѣ звучала увѣренная нотка человѣка себѣ на умѣ.

Однако, пребываніе Гапона въ партіи соц.-рев. продолжалось очень недолго. Чуть ли не съ перваго абцуга потребовалъ онъ, чтобы его ввели въ центральный комитетъ и посвятили во всѣ конспиративныя дѣла. Ему въ этомъ, конечно, было отказано, хотя и въ мягкой формѣ. Онъ нѣкоторое время сильно настаивалъ, не будучи въ состояніи примириться съ мыслью, чтобы онъ числился членомъ партіи и не состоялъ въ центральномъ комитетѣ, во главѣ партіи. Кончилось тѣмъ, что ему совсѣмъ недвусмысленно дали понять, что онъ можетъ выступить изъ партіи. «Можешь чувствовать себя совершенно не связаннымъ своимъ участіемъ въ партіи и поступать, какъ знаешь»—заявила ему дипломатически тов. Б., ведшая съ нимъ переговоры и возмущенная его претензіями. Изъ партіи онъ

оффиціально, кажется, не выступилъ, но между нимъ и представителями партіи наступило полное охлажденіе, хотя съ внѣшней стороны отношенія продолжали оставаться «товарищескими».

V.

Въ это время въ жизнь Гапона ворвалась новая струя, которая имѣла большое вліяніе на послѣдующую судьбу этого человѣка. Если представители революціонныхъ организацій успѣли уже совершенно разочароваться въ Гапонѣ и, отчасти, даже порвать съ нимъ сношенія, то европейская печать продолжала живо интересоваться его личностью, и о немъ появились въ газетахъ обоихъ материковъ обширныя и, большей частью, совершенно фантастическія статьи, разсказы и самодѣльныя интервью *). Вмѣстѣ съ этимъ Гапонъ получалъ черезъ русскихъ эмигрантовъ разныхъ странъ различныя предложенія дать за своей подписью то описаніе событій 9-го января, то свою біографію, то обычное интервью, при чемъ ему предлагались очень выгодныя условія. Гапонъ очень охотно принималъ эти предложенія, обѣщавшія и матеріальныя средства, и усиленіе его популярности. Затрудняло его главнымъ образомъ, то, что онъ не владѣлъ литературной формой, не зналъ, «какъ надо писать», по его выраженію. Нѣсколько разъ онъ предлагалъ мнѣ писать совмѣстно съ нимъ его воспоминанія: онъ мнѣ будетъ разсказывать факты, давать сырой матеріалъ, а я придамъ этому литературную форму. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ такой планъ работъ не осуществился. Но Гапонъ все болѣе увлекался этимъ дѣломъ и началъ связывать его со своими революціонными планами, для осуществленія которыхъ требовались крупныя суммы. Одно время Гапонъ серьезно собирался ѣхать въ

---

*) До чего доходила импровизація европейскихъ журналистовъ о Гапонѣ, можно судить по слѣдующему факту. Однажды, когда Гапонъ находился безвыѣздно въ Женевѣ, въ одной бельгійской газетѣ былъ напечатанъ разсказъ одного журналиста, какъ онъ наканунѣ ночью встрѣтилъ Гапона въ Брюсселѣ на одномъ тайномъ студенческомъ собраніи. „Когда всѣ уже были въ сборѣ— вдругъ открывается дверь и входитъ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ двумя студентами, высокій священникъ въ сутанѣ. Медленно и торжественно приближался онъ къ эстрадѣ, благословляя на пути движеніемъ рукъ молодыхъ революціонеровъ. Когда онъ сѣлъ, студенты и студентки стали поочередно подходить къ эстрадѣ и съ благоговѣніемъ цѣловали протянутую имъ руку пастыря“. Когда эта церемонія кончилась, Гапонъ произнесъ рѣчь, въ которой давалъ наставленія, какъ заниматься революціонными дѣлами. По окончаніи собранія разсказчикъ былъ представленъ Гапону и тотъ очень любезно сказалъ ему по-французски съ чуть замѣтнымъ акцентомъ: „Можете заявить, что наши отношенія къ Европѣ, въ особенности къ Франціи и Бельгіи, самыя дружескія!“

Гапонъ былъ въ восторгѣ отъ этого разсказа и долго послѣ этого вспоминалъ о своемъ „благословеніи молодыхъ революціонеровъ“ и „чуть замѣтномъ акцентѣ“ (онъ ни слова не зналъ по-французски).

Америку, куда его, кажется, звали и гдѣ онъ надѣялся собрать чуть ли не сотни тысячъ рублей для революціонныхъ цѣлей. Удержало его отъ этой поѣздки, главнымъ образомъ, то, что онъ не зналъ ни одного языка, кромѣ русскаго, да и по-русски совершенно не умѣлъ говорить съ эстрады. Но свой отказъ отъ поѣздки въ Америку онъ мотивировалъ тѣмъ, что не хочетъ удаляться отъ Россіи, куда ему можетъ оказаться необходимымъ поспѣшно уѣхать. Возможно, что и этотъ мотивъ игралъ роль въ его отказѣ.

Приблизительно, въ серединѣ апрѣля Гапонъ получилъ отъ одного крупнаго лондонскаго издательства предложеніе написать цѣлую книгу о себѣ, о своей дѣятельности и о положеніи рабочаго класса въ Россіи. Предложили ему баснословно высокій гонораръ, (чуть-ли не 40 копѣекъ со строчки). Книгу эту надо было приготовить очень скоро, и Гапонъ условился съ эмигрантомъ Д. С. (жившимъ въ Лондонѣ), черезъ котораго ему, кажется, и была предложена эта работа, что тотъ будетъ прямо съ его словъ писать ее по англійски и по частямъ сдавать въ печать. Для этого Гапону удобнѣе было находиться въ Лондонѣ. И онъ въ серединѣ мая поѣхалъ туда вмѣстѣ съ женою, незадолго передъ тѣмъ прибывшей изъ Россіи.

Въ Лондонѣ Гапонъ пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, а затѣмъ въ концѣ іюля или началѣ августа снова вернулся въ Женеву.

Мнѣ привелось и въ Лондонѣ пробыть нѣсколько недѣль вмѣстѣ съ Гапономъ. Поводъ къ этому былъ слѣдующій.

Какъ я уже выше упомянулъ, на созванной Гапономъ конференціи шли, главнымъ образомъ, дебаты о національныхъ правахъ различныхъ народностей. Между прочимъ, былъ поднятъ и еврейскій вопросъ. Хотя, съ уходомъ представителя «Бунда», на конференціи не было оффиціальнаго представителя еврейской національности, однако, одинъ изъ участниковъ конференціи выступилъ съ предложеніемъ, чтобы конференція опредѣлила свое отношеніе къ вопросу о еврейской національной автономіи и вынесла по этому поводу опредѣленную резолюцію. Противъ обсужденія этого вопроса по существу особенно рѣзко выступилъ представитель P. P. S. (польскій еврей), который доказывалъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ серьезнаго значенія и что вообще никакой еврейской «націи» не существуетъ. Представители другихъ организацій ничего не имѣли противъ обсужденія этого вопроса (особенно сочувственно отнесся къ этому предложенію представитель «Бѣлорусской Громады»), но въ виду того, что никто не оказался достаточно подготовленнымъ, чтобы разобраться въ немъ по существу, да къ тому же и время было ограничено, рѣшено было отложить его обсужденіе «до слѣдующей конференціи». Вмѣшался въ дебаты по этому вопросу и Гапонъ, и совершенно неожиданно выступилъ горячимъ защитникомъ еврейскаго полноправія, гражданскаго и національнаго. Смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что евреи такая же

нація, какъ и поляки, армяне, литовцы и друг. и имѣютъ такое же право на національную автономію, какъ и другія. Указываютъ на то, что у евреевъ нѣтъ своей территоріи. Но изъ этого можно сдѣлать только тотъ выводъ, что евреямъ должна быть дана въ Россіи земля.

Черезъ нѣкоторое время я, въ разговорѣ съ однимъ еврейскимъ территоріалистомъ, разсказалъ про рѣчь Гапона.

— Знаете!—сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ. — Въ виду такого сочувственнаго отношенія Гапона къ евреямъ, слѣдовало бы обратиться къ нему съ просьбой, чтобы онъ написалъ брошюру противъ погромовъ. Такая брошюра за подписью Гапона могла бы имѣть большое вліяніе на рабочихъ.

Это было вскорѣ послѣ житомирскаго погрома, и въ то время циркулировали слухи, что въ Россіи готовится цѣлый рядъ погромовъ. Говорили, что въ 40 городахъ организованы погромы, которые должны вспыхнуть въ одинъ день и часъ. Въ еврейскихъ кругахъ раздавались сѣтованія на революціонныя организаціи, что онѣ въ своихъ органахъ и изданіяхъ ничего не говорятъ о погромахъ и не призываютъ рабочихъ выступать въ защиту евреевъ противъ погромщиковъ. Единственная брошюрка такого рода (кажется, подъ названіемъ «Враги ли намъ евреи?») была написана однимъ изъ талантливыхъ революціонныхъ публицистовъ, жившимъ заграницей подъ псевдонимомъ «Надеждинъ» и организовавшимъ «свою собственную» quasi-соц.-дем. группу (Умеръ въ 1906 г. въ Лозаннѣ.)

Я принялъ предложеніе территоріалиста и обратился къ Гапону съ просьбой написать такую брошюру. Онъ сразу согласился и даже выказалъ при этомъ большую горячность.' Какъ не заступиться за евреевъ, когда они такъ много сдѣлали для Россіи и для русской революціи! Онъ наговорилъ много комплиментовъ по адресу евреевъ.

Впрочемъ, относительно этихъ комплиментовъ я долженъ оговориться, что въ то самое время, когда онъ, въ разговорѣ со мною, такъ возносилъ евреевъ, онъ одному моему товарищу говорилъ:

— Слишкомъ много ихъ въ революціи, слишкомъ много! Всюду евреи! Они только мѣшаютъ, портятъ дѣло!

Тогда, помню, меня глубоко возмутила эта лицемѣрная двойственность. Но теперь, вдумываясь въ характеръ Гапона, я убѣждаюсь, что здѣсь не было сознательнаго лицемѣрія, такъ какъ у Гапона не было никакого опредѣленнаго отношенія къ евреямъ, какъ у него, вообще, не было никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ и убѣжденій. Все зависѣло отъ настроенія, послѣдней встрѣчи и послѣдней политической комбинаціи. Встрѣтился ему еврей, который ему понравился или оказался нужнымъ, и онъ становился на нѣкоторое время искреннимъ юдофиломъ. То же самое и относи-

тельно революціонныхъ направленій. Его сочувствіе той или другой партіи опредѣлялось прежде всего отношеніемъ представителей этой партіи лично къ нему.

Можно смѣло сказать, что въ каждый данный моментъ его взгляды на то или другое явленіе общественной жизни опредѣлялись настроеніемъ или минутнымъ политическимъ разсчетомъ.

Обѣщаніе написать брошюру противъ погромовъ онъ далъ очень искренно. Сомнѣвался онъ только въ томъ, сумѣетъ ли онъ нанаписать ее, какъ слѣдуетъ, и просилъ, чтобы я взялъ на себя редактировать и исправлять ее. Обѣщалъ онъ написать ее по возможности скорѣе, сейчасъ, какъ устроится въ Лондонѣ, куда онъ тогда уѣзжалъ. Однако, прошла недѣля, другая—и онъ ничего не присылалъ. Я напомнилъ ему о его обѣщаніи. Въ отвѣтъ на мое письмо, я получилъ отъ него телеграмму (онъ въ послѣднее время предпочиталъ сноситься телеграммами): «Пріѣзжайте сейчасъ Лондонъ. Крайне необходимо». Я поѣхалъ сейчасъ же.

Въ Лондонѣ я нашелъ Гапона, жившаго совершенно уединенно, вмѣстѣ съ женою, въ небольшой, скромной квартиркѣ у англичанъ. Онъ усердно работалъ, диктуя С—у свою книгу. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ меня вызвалъ, онъ смущенно отвѣтилъ, что, не зная, что отвѣтить мнѣ, онъ вызвалъ меня, чтобы лично переговорить о характерѣ брошюры. «Если вы тутъ будете, я навѣрное напишу ее»,—прибавилъ онъ. Однако, онъ не торопился ея составленіемъ, и по прошествіи 5 — 6 дней вдругъ сказалъ мнѣ:

— Знаете, я чувствую, что не сумѣю самъ написать этой брошюры. Напишите вы ее, т. е. сдѣлайте набросокъ, а я его переработаю и подпишу.

Признаться, мнѣ ужъ начало все это надоѣдать, и я готовъ былъ махнуть рукой на всю затѣю и уѣхать. Однако, я все-таки сдѣлалъ набросокъ статьи и передалъ Гапону. Онъ внимательно прочелъ и остался недоволенъ.

— Не совсѣмъ такъ... не совсѣмъ!—сказалъ онъ.—Съ крестьянами и рабочими надо говорить иначе, инымъ тономъ, инымъ языкомъ...Надо затрагивать иныя струны, совсѣмъ иныя... Ну-ну, я еще посмотрю! Завтра поговоримъ, завтра!

А на слѣдующій день, когда я пришелъ къ нему, онъ, къ моему удивленію, подалъ мнѣ готовую рукопись.

— А вотъ я и самъ написалъ!—воскликнулъ онъ съ торжествомъ.—Всю ночь до утра писалъ! А ну-ка, послушайте!

Онъ прочелъ. Брошюрка была написана положительно художественно, сильно, оригинально, въ стилѣ церковной проповѣди.

Гапонъ былъ страшно доволенъ этимъ своимъ произведеніемъ, нѣсколько разъ перерабатывалъ его, тщательно слѣдилъ за корректурой, даже оторвался изъ-за этого отъ своей главной работы.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе о характерѣ этой бро-

шюры, какъ и вообще о манерѣ писанія ея автора, приведу изъ нея нѣсколько начальныхъ строкъ и заключительную страничку.

«Люди православные, братья, сестры мои родимые! Прослушайте хорошенько рѣчь мою правдивую, на благо себѣ великое. Начну съ притчи Божіей, съ притчи Христа Спасителя, о милосердномъ самарянинѣ, такъ называемомъ».

Такъ брошюра ничинается. А кончается она слѣдующей картиной:

«И встаетъ здѣсь передъ моимъ духовнымъ взоромъ картина велико-трогательная. Словно нива колосистая, залитая яркими лучами солнечными, стоитъ народъ, простая масса еврейская, и старъ и младъ, мужчины и женщины, на склонахъ горы Елеонскія; на холмѣ возвышенномъ стоитъ Онъ, Сынъ Давидовъ, Христосъ, Спаситель нашъ Божественный. И смотритъ онъ на народъ свой, своими проникновенными Божественными взорами. И вдругъ слезы изъ глазъ его брызнули... покатились, оросили лицо Его кроткое. И вырвались изъ груди его слова, изъ сердца исходящія: «О, если бъ Я могъ собрать тебя, народъ, весь, какъ курица собираетъ птенчатъ своихъ подъ крылушки теплыя, чтобы предохранить тебя отъ коршуновъ, отъ слѣпыхъ вождей-начальниковъ, отъ злой судьбы-мачехи, но это не дано Мнѣ Отцомъ Моимъ». Такъ изрекъ Христосъ за недѣлю до смерти.

«Русскій народъ, народъ православный, народъ христіанскій. Какъ думаешь ты, если бы Христосъ, Спаситель нашъ явился теперь въ своемъ земномъ видѣ въ нашу Русь святую, то не заплакалъ ли бы Онъ еще горше вторично, видя, какъ ты празднуешь свѣтлое Его воскресеніе великими погромами Его народа любимаго—бѣдноты еврейской? Подумай и отвѣть не мнѣ, а себѣ, въ сердцѣ своемъ»...

Получивъ рукопись, я вернулся съ нею въ Женеву и приступилъ къ ея печатанію.

Одинъ нѣмецкій еврей-милліонеръ, глубоко убѣжденный въ магическомъ вліяніи Гапона на народныя массы, пожертвовалъ 3.000 франковъ на изданіе брошюры, и это дало возможность издать ее въ количествѣ 75.000 экз. Распространеніе ея въ Россіи взяли на себя всѣ организаціи (Брошюра была составлена въ совершенно безпартійномъ духѣ). Изъ напечатанныхъ экземпляровъ, помнится, взяли: соц.-рев.—20.000 экз., Бундъ—15.000, меньшевики—10.000, сіонисты—5.000. Гапонъ для своей собственной организаціи взялъ—10.000. Большевики ничего не взяли. Какая часть изъ этихъ 60.000 экземпляровъ дошла въ Россію, трудно сказать.

VI.

Въ Лондонѣ, какъ я уже говорилъ, Гапонъ жилъ совершенно уединенно. Встрѣчался онъ всего съ нѣсколькими эмигрантами, съ которыми велъ какія-то конспиративныя дѣла, а черезъ нихъ съ центральнымъ комитетомъ с.-р-овъ. Лондонскіе эмигранты относились къ Гапону съ гораздо большимъ довѣріемъ и уваженіемъ, чѣмъ женевскіе, высоко цѣнили его значеніе для революціоннаго выступленія народныхъ массъ. И, подъ вліяніемъ такого отношенія, Гапонъ самъ былъ спокойнѣе, проявлялъ меньше политиканства и лукавства, и въ его рѣчахъ о партійныхъ революціонерахъ было меньше горечи и раздраженія.

Въ концѣ іюля или началѣ августа, закончивъ составленіе своей книги, онъ снова вернулся въ Женеву и снова попалъ въ водоворотъ партійныхъ отношеній. Теперь у него отношенія съ соц.-рев. совершенно испортились, и онъ началъ лихорадочно кидаться отъ одной организаціи къ другой, отъ одного лидера къ другому. Онъ одновременно велъ переговоры съ «Бундомъ», съ большевиками, съ меньшевиками, съ нѣкоторыми отдѣльными лицами с.-ровской партіи, съ оппозиціонной с.-р-ской фракціей (будущими «максималистами»), съ Надеждинымъ, съ Матюшенко (съ «Потемкина») и т. д. Отъ каждаго онъ скрывалъ, что имѣетъ сношенія съ другими, со всѣми лукавилъ, хитрилъ, всѣхъ за глаза ругалъ и, не сходясь ни съ кѣмъ, организовывалъ какую-то «свою рабочую партію», о которой очень много распространялся. Онъ вызывалъ изъ Россіи рабочихъ, самъ ѣздилъ (хотя и не доѣхалъ) въ Россію, собирался издавать свою газету, редакторство которой взялъ на себя лондонскій С. Между различными фантастическими планами, съ которыми онъ въ это время носился, былъ и такой: Десять или двадцать тысячъ рабочихъ собираются къ одной изъ приморскихъ пристаней по близости Петербурга и захватываютъ ее въ свои руки. Въ это время онъ, Гапонъ, подъѣзжаетъ къ пристани на кораблѣ, нагруженномъ оружіемъ. Рабочіе вооружаются, и онъ во главѣ ихъ двигается на Петербургъ. Вскорѣ враждебное отношеніе Гапона къ существовавшимъ революціоннымъ партіямъ, а въ особенности къ «интеллигентамъ», руководителямъ партій, обострилось до крайности. Онъ уже открыто объявилъ войну «интеллигентамъ», прибѣгалъ къ самымъ демагогическимъ пріемамъ и развивалъ «теорію», которая, какъ двѣ капли воды, была похожа на пресловутую «зубатовщину»...

Приблизительно въ серединѣ августа я уѣхалъ изъ Женевы и вернулся туда 18 октября, въ день полученія извѣстія о манифестѣ. Среди всеобщаго ликованія были забыты всѣ партійные счеты и раздоры. Встрѣтилъ я въ этотъ день на улицѣ Гапона, но успѣлъ

обмѣняться съ нимъ только нѣсколькими словами. Онъ, очевидно, былъ охваченъ общимъ настроеніемъ.

Вечеромъ этого или слѣдующаго дня въ послѣднемъ, пятомъ, изданіи газеты «La Tribune de Génève» былъ напечатанъ полный текстъ манифеста. Часовъ въ 12 ночи, когда, вернувшись въ гостиницу, куда я заѣхалъ, я уже легъ спать, ко мнѣ въ дверь кто-то нервно постучалъ, и я услышалъ вопросъ:

— Еще не спите?

Я узналъ голосъ Гапона и впустилъ его.

Онъ вошелъ взволнованный и, протянувъ мнѣ газету, заговорилъ торопливо:

— Тутъ ужъ подробно! Читали? Полный текстъ манифеста!

— Читалъ.

— А—ну, ну, прочтите мнѣ его по-русски, прочтите!

Я перевелъ ему дословно весь манифестъ. Онъ слушалъ внимательно и съ волненіемъ повторялъ:

— Ну, ну! такъ, такъ! дальше, дальше!

Когда я кончилъ, онъ нѣсколько минутъ молча ходилъ по комнатѣ, остановился и, глядя на меня въ упоръ, проговорилъ рѣшительно:

— Ну, надо ѣхать! Надо, надо! Сейчасъ же! Да-да!

Я взглянулъ на него, и у меня почти невольно сорвался вопросъ:

— Съ кѣмъ же вмѣстѣ вы теперь пойдете въ Россіи?

Онъ какъ-то весь встрепенулся, лицо его приняло лукаво-загадочное выраженіе, глаза забѣгали и съ желчно-ехиднымъ смѣшкомъ онъ отвѣтилъ:

— Съ кѣмъ?.. Не знаю, не знаю! Тамъ на мѣстѣ посмотрю!.. Попробую идти съ Богомъ, съ Богомъ... А не удастся съ Богомъ, пойду съ чортомъ, хе-хе, съ чортомъ!.. А своего добьюсь!..

Это была послѣдняя моя встрѣча съ Гапономъ и послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ.

VII.

Сомнительная роль Гапона по его возвращеніи въ Россію и его роковой конецъ окружили его имя кошмарной легендой, липкой и грязной, такъ что даже страшно подступить къ этой личности. Однако, будущему историку общественнаго движенія въ Россіи придется, несомнѣнно, со вниманіемъ остановиться на этой трагической фигурѣ стихійной революціи.

О дѣятельности Гапона въ Россіи до 9-го января и послѣ 17-го октября я знаю исключительно лишь по слухамъ, неяснымъ и разнорѣчивымъ, поэтому я, конечно, не рѣшусь дать увѣренную и полную его характеристику. Отмѣчу только нѣкоторыя черты ха

рактера Гапона, которыя наиболѣе ярко высказались во время его пребыванія за-границей.

Гапонъ былъ, безъ сомнѣнія, очень крупной и оригинальной личностью. Обладая сильной волей, бѣшенымъ темпераментомъ и фанатической вѣрой въ свои силы и свое призваніе, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ «героевъ», магическое вліяніе которыхъ на «толпу» остается всегда загадкой для постороннихъ наблюдателей. Что Гапонъ имѣлъ огромное, неотразимое вліяніе на рабочихъ, не прекращавшееся, отчасти, даже послѣ всѣхъ непостижимыхъ выходокъ Гапона по его возвращеніи въ Россію,—не подлежитъ никакому сомнѣнію. За нимъ шли слѣпо, безъ разсужденія; по первому его слову тысячи и десятки тысячъ рабочихъ готовы были идти на смерть. Онъ это хорошо зналъ, принималъ какъ должное и требовалъ такого же отношенія къ себѣ и со стороны интеллигенціи. И поразительно то, что нѣкоторые интеллигенты, старые эмигранты, опытные революціонеры, люди совершенно не склонные къ увлеченіямъ, всецѣло подпадали подъ его вліяніе.

Гапонъ не только не обладалъ ораторскимъ талантомъ, но прямо-таки не умѣлъ «двухъ словъ связать». Говорилъ онъ сбивчиво, заикаясь и повторяя по два-три раза одно и то же слово, одну и ту же фразу. Большей частью трудно было даже сразу понять, что онъ хочетъ сказать. Принимаясь говорить о предметахъ, совершенно ему неизвѣстныхъ, онъ часто проявлялъ глубокое невѣжество.

Однажды онъ явился на одно изъ еженедѣльныхъ собраній кружка соц.-революціонеровъ. Сохранялъ онъ, конечно, полное инкогнито, такъ что только человѣкъ 10—12 изъ 70—80, бывшихъ на собраніи, знали, кто онъ. Обсуждался какой-то сложный программный вопросъ. Гапонъ не утерпѣлъ, взялъ слово и въ теченіе полчаса несъ буквально какую-то околесицу, такъ что незнавшіе его переглядывались и спрашивали: «Что это за странный субъектъ? Очевидно, совершенно малосознательный рабочій?»

И, тѣмъ не менѣе, въ его рѣчахъ было «нѣчто», что производило впечатлѣніе, даже захватывало. Помимо того, что изъ вороха спутанныхъ, часто нелѣпыхъ и шаблонныхъ фразъ, почти всегда, въ концѣ концовъ, пробивалась какая-нибудь своеобразная, оригинальная, иногда и глубокая мысль,—и въ формѣ его рѣчи (какъ и въ его писаніи) было что-то своеобразное и сильное. Среди вялыхъ словъ и косноязычныхъ фразъ блеснетъ вдругъ какая-нибудь яркая метафора, прозвучитъ проникнутое страстнымъ вдохновеніемъ слово, проявится могучій порывъ—и вниманіе аудиторіи захвачено, приковано къ оратору.

Невѣжество его было прямо-таки колоссальное. Иногда онъ производилъ впечатлѣніе совершенно безграмотнаго человѣка. Даже то, что онъ хорошо зналъ, онъ какъ-бы забывалъ, какъ ненужный балластъ. Однако, когда ему это нужно было, онъ проявлялъ поразительную способность схватывать съ полуслова чужія

мысли, цѣлыя теоріи, направленія, и т. п. Такую же способность имѣлъ онъ быстро оріентироваться въ новой обстановкѣ. Напр., въ Лондонъ онъ пріѣхалъ одинъ безъ знанія не только англійскаго, но какого бы то ни было иностраннаго языка, и сразу почувствовалъ себя тамъ, какъ дома, находилъ, кого ему надо было, ходилъ одинъ по городу, попадалъ, куда надо было. Однажды, идучи со мною, онъ зашелъ въ лавку и, нисколько не смущаясь, потребовалъ по-русски:

— Дайте мнѣ шашечную доску!

— Что вы съ ними говорите по-русски?—удивился я.

— Ничего, ничего, поймутъ! Народъ образованный!—отвѣтилъ онъ увѣренно.

Онъ еще раза два повторилъ по-русски свою фразу, живо показывая руками, какъ играютъ въ шашки—и черезъ нѣсколько минутъ лавочникъ, съ сіяющимъ лицомъ, принесъ ему шашечницу.

Самолюбіе его было огромное. Онъ иначе не могъ себѣ представить самого себя, какъ на первомъ мѣстѣ, во главѣ «всего». И не только въ области революціи. Однажды кто-то, шутя, сказалъ ему: «Вотъ, постойте, восторжествуетъ революція—и вы будете митрополитомъ», Гапонъ, загадочно улыбаясь, серьезно отвѣтилъ: «Что вы думаете, что вы думаете! Вотъ дайте только одержать побѣду—тогда увидите!»

И рядомъ съ этимъ самолюбіемъ великаго человѣка у него было самолюбіе не мелкое, а дѣтское, ребяческое. Онъ не могъ пройти мимо витрины, чтобы не посмотрѣть, не выставлена ли тамъ его карточка, страшно интересовался тѣмъ, что о немъ пишутъ или говорятъ, и, стараясь скрыть причину этого интереса, обыкновенно наивно прибавлялъ:

— Это хорошо, хорошо, что обо мнѣ пишутъ! Это важно для дѣла! Пусть пишутъ!

До какого ребячества доходилъ онъ иногда въ этомъ отношеніи, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій эпизодъ:

1-го мая (н. с.) былъ рабочій митингъ. Гапону хотѣлось пойти на митингъ. Но чтобы сохранить инкогнито и въ то же время не очутиться одному, мы условились, что онъ будетъ держаться въ залѣ недалеко отъ меня, дѣлая видъ, что не знаетъ меня, а по окончаніи митинга мы на улицѣ сойдемся, и я провожу его домой. Я пошелъ раньше. Когда митингъ уже начался, пришелъ Гапонъ. Разыскавъ меня глазами, онъ остановился недалеко отъ меня, какъ было условлено. Но недолго онъ выдержалъ конспирацію. Черезъ нѣсколько минутъ онъ подошелъ ко мнѣ и вѣжливо попросилъ закурить. Потомъ онъ шепотомъ сказалъ мнѣ нѣсколько словъ. Затѣмъ, отбросивъ всякую конспирацію, онъ сталъ со мною открыто разговаривать. Въ залѣ я встрѣтился съ тремя знакомыми студентками, пріѣхавшими изъ Берна на нѣсколько дней въ Женеву. Когда митингъ кончился, онѣ попросили меня проводить ихъ до гостиницы.

гдѣ онѣ остановились. Гапонъ согласился пойти вмѣстѣ со мною проводить ихъ. По дорогѣ мы зашли въ кафе. У одной студентки въ рукахъ была открытка съ изображеніемъ Гапона, которую она купила на митингѣ. Гапонъ это замѣтилъ и спросилъ студентку:

— Чья это карточка?

— Развѣ не знаете? Гапона.

— А ну-ка, покажите, покажите!

Студентка дала ему карточку. Онъ сталъ разсматривать ее.

— А какъ вамъ нравится его лицо? По моему, неважное, а?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ, очень хорошее лицо,—отвѣтила студентка, совершенно, конечно, не подозрѣвая, что съ нею говоритъ Гапонъ.

— А вы читали «Воззванія» Гапона? Какъ они нравятся вамъ?—продолжалъ онъ спрашивать.

— А зачѣмъ вамъ это знать?

— А мнѣ это интересно знать, очень интересно!

Студентка разсмѣялась.

— Я знаю, почему вы объ этомъ спрашиваете, а потому и не скажу вамъ.

Гапонъ смутился, предположивъ, что его инкогнито открыто.

— Почему? почему?—продолжалъ онъ настаивать.

— Вы хотите по моему отношенію къ «Воззваніямъ» Гапона опредѣлить соц.-демократка ли я, или соц.-революціонерка. А я вамъ не скажу!

Разговоръ велся въ этомъ духѣ довольно долго. Когда мы вышли изъ кафе, Гапонъ проговорился, что я еще пойду провожать его. Студентки возмутились этимъ.

— Съ какой стати васъ провожать. Что вы, маленькій?

— Я, видите ли, трусъ, отчаянный трусъ, и боюсь идти одинъ. Вотъ спросите его—и онъ вамъ подтвердитъ, что я трусъ!—указалъ онъ на меня.

Когда я на слѣдующій день спросилъ студентокъ, какое впечатлѣніе произвелъ на нихъ господинъ, бывшій со мною наканунѣ, онѣ были нѣсколько смущены и, наконецъ, одна изъ нихъ, болѣе откровенная, отвѣтила:

— Знаете, С. А., если бъ я его встрѣтила не съ вами, я бы его приняла за какого-нибудь приказчика. Я понимаю, что это, вѣроятно, какой-нибудь важный эмигрантъ. Но онъ производитъ впечатлѣніе совершенно неинтеллигентнаго человѣка.

Гапонъ сильно интересовался впечатлѣніемъ, какое онъ произвелъ на студентокъ. Когда я ему сказалъ, что онѣ его приняли за приказчика, онъ очень серьезно сказалъ:

— Теперь имъ ничего нельзя говорить. А вотъ скоро я уѣду— тогда и скажите имъ, непремѣнно скажите, кто я. Увидите, что онѣ скажутъ.

Для вящшаго эффекта онъ оставилъ для пересылки имъ три экземпляра своей брошюры съ собственноручной надписью.

Самою печальною чертой характера Гапона была хитрость. Это была какая-то особенная хитрость, коварная, лукавая, вѣроломная, и въ то же время наивная по своимъ пріемамъ. Она проникала все существо этого человѣка, отражалась въ его глазахъ, сказывалась въ манерѣ говорить, въ смѣхѣ, въ движеніяхъ. Чувствовалось, что онъ постоянно держитъ камень за пазухой, постоянно политиканствуетъ. Онъ не стѣснялся, когда это ему казалось нужнымъ, прибѣгать къ самой грубой лжи и нисколько не смущался, когда его обличали въ ней. Помню такую сценку. Одинъ изъ с-ровъ упрекнулъ его, что онъ тайно ведетъ какіе-то переговоры съ Ленинымъ.

— Да я его и въ глаза не видалъ!—воскликнулъ онъ горячо.

— Но я самъ вѣдь видѣлъ вчера, какъ онъ вышелъ изъ вашей комнаты.

Гапонъ расхохотался и, хлопнувъ собесѣдника по колѣну, воскликнулъ весело:

— Ну-ну! Ничего-ничего! Видѣлся—значитъ, и надо! Ха-ха!

Гапона, безусловно, нельзя было назвать трусомъ. Но его храбрость была порывистая и проявлялась только въ моменты особеннаго подъема. Въ обычное же время онъ проявлялъ, не скажу, трусость, но какую-то нервную боязливость. Ему стоило большого усилія рѣшиться поѣхать въ Россію. И поѣхалъ онъ прежде всего въ Финляндію. По разсказу С. (у котораго я въ первый разъ встрѣтился съ Гапономъ), Гапонъ въ Финляндіи сильно волновался вопросомъ, что его ждетъ въ случаѣ ареста въ Россіи. Обращался онъ съ этимъ вопросомъ и къ С.—и тотъ съ большой увѣренностью отвѣтилъ ему:

— Повѣсятъ, попъ! И не сомнѣвайся даже! Безъ разговоровъ вздернутъ!

И этотъ отвѣтъ—по словамъ С.—произвелъ на Гапона самое удручающее впечатлѣніе.

Вскорѣ послѣ смерти Гапона въ печати говорилось много нехорошаго о его личной жизни и о его большихъ денежныхъ тратахъ. Не желая вдаваться подробно въ этотъ щекотливый вопросъ, замѣчу только, что ни я лично не видалъ, ни отъ кого изъ ярыхъ противниковъ Гапона не слышалъ ничего такого, что компрометировало бы Гапона въ отношеніи личной жизни. Онъ былъ образцовымъ семьяниномъ. Почти съ первой нашей встрѣчи, онъ мнѣ жаловался, что петерб. комитетъ партіи с.-р., обѣщавшій переправить его жену черезъ границу, несмотря на его настойчивыя просьбы и высылку денегъ, долго не дѣлалъ этого—и сильно безпокоился за судьбу жены. Затѣмъ, когда она пріѣхала, онъ все время жилъ неразлучно съ нею. И въ Женевѣ, и въ Лондонѣ, онъ жилъ сравнительно очень скромно, и если тратилъ иногда

лишній рубль, то только на телеграммы, галстухи и разъѣзды во 2-мъ классѣ.

Къ деньгамъ я не замѣтилъ у Гапона ни малѣйшей жадности. Напротивъ, въ этомъ отношеніи онъ проявлялъ широту натуры, и, когда у него водились деньги, давалъ безъ разсчета всякому, кто у него просилъ. О его безкорыстіи, между прочимъ, говоритъ и то, что брошюру о погромахъ онъ написалъ безвозмездно, въ то время, когда всякая страничка его писаній давала ему сотню франковъ, и со всѣхъ сторонъ у него просили статьи. Болѣе того, когда эта брошюра была переведена на нѣмецкій и англійскій языки и было получено что-то около 500 франковъ гонорара за это, онъ отказался отъ нихъ, пожертвовавъ эти деньги на расходы по изданію брошюры.

Каково бы ни было поведеніе Гапона въ послѣдній годъ его жизни,—это, безъ сомнѣнія, была очень крупная личность. Будемъ ждать безпристрастнаго біографа, который дастъ намъ полное и всестороннее освѣщеніе характера и дѣятельности трагическаго провозвѣстника трагической революціи.

А. С.

НА РАННЕЙ ЗОРЬКѢ.

I.

Отецъ.

...Дни мои, будто, остановились; все чаще и чаще оборачиваюсь я назадъ: что сверкаетъ тамъ, за туманной далью? Точно голубая рѣчка вьется—то блеснетъ капризно, то пропадетъ за росистыми кустами... И тихо, такъ странно-тихо кругомъ, какъ иной разъ раннимъ лѣтнимъ утромъ, когда, пробудившись словно отъ электрическаго толчка, вскочишь съ постели и, полуодѣтый, съ бьющимся сердцемъ, украдкой отъ всѣхъ бѣжишь съ удочкой по круто спускающейся внизъ тропинкѣ туда, къ неподвижному водному зеркалу, уже окрашенному малиновымъ отсвѣтомъ зари...

Это оно, мое невозвратное, счастливое дѣтство,—„съ улыбкой розовой, какъ молодого дня за рощей первое сіянье“!

Но всякій разъ, какъ я переношусь мысленно къ этой золотой порѣ своей жизни, въ ушахъ моихъ прежде всего звучатъ сердитыя слова:

— У, гиблое мѣсто!.. Настоящая помойная яма! Съ охотой продала бы, найдись только дуракъ купить.

Слова эти произноситъ моя мать, сидящая за пяльцами, на которыхъ натянута канва съ какими-то удивительными красными и синими птицами. Она бросаетъ на минуту вышиванье и грустнымъ, мечтательно-вопрошающимъ взоромъ всматривается въ сморщенное лицо старой своей няни Ѳоминишны, какъ она же, и родившейся, и всю жизнь прожившей въ деревнѣ. Еще мою бабушку вынянчила старая рабыня, а теперь она у насъ — стряпуха, экономка, портниха, положительно первая скрипка въ домѣ... Неизвѣстно, что̀ думаетъ и чувствуетъ склонившаяся къ прялкѣ старуха, но мое маленькое сердце (какъ живо я помню это!) переполняется огнемъ протеста и болью возмущенія.

— Какъ! наше милое, славное Исаево—помойная яма? Его продать? Поля и лѣса? И вѣрнаго стараго Арапа, и Саврасую кобылу съ Вахрушей?

Да, я положительно становился втупикъ передъ этой загадкой женскаго озлобленія, хотя никакихъ, собственно, тайнъ въ жизни матери для меня не существовало, и въ четыре-пять лѣтъ я отлично, напр., зналъ, т. е. десятки разъ слышалъ, что она—„брошенная мужемъ“ (моимъ отцомъ) жена, что, „загубивъ для него свою молодость“, она живетъ здѣсь, въ деревнѣ, „какъ въ ссылкѣ“, а тамъ, въ городѣ, у него есть „другая“, „полька Феликса“. Всѣ эти—и еще многія другія—свѣдѣнія, конечно, чисто-механически входили въ мой мозгъ, скользя мимо сознанія, какъ скучный, давно заученный урокъ.

Одинъ или два раза въ годъ отецъ наѣзжалъ, однако, въ Исаево,—всегда неожиданно, всегда на самое короткое время.

Обычнымъ предвѣстникомъ такого событія бывало появленіе въ домѣ кота Ваньки, чернаго, какъ уголь, на рѣдкость умнаго животнаго, отцовскаго любимца и баловня. Обыкновенно онъ цѣлыми недѣлями, даже въ зимнюю пору, пропадалъ въ лѣсу, занимаясь ловлей птицъ и дракой съ дикими котами, и нерѣдко его считали уже погибшимъ, какъ вдругъ онъ, точно изъ-подъ земли, появлялся, держа мертвую сороку или бѣлку въ зубахъ, самодовольно мурлыча и красиво выгибая черную электрическую спину.

— А вѣдь, надо быть, Иванъ Тарасычъ скоро пріѣдетъ?— говорила, пригорюниваясь, Ѳоминишна, и мать блѣднѣла и тревожно-пытливо глядѣла въ окно на дорогу.

А тамъ уже гремѣлъ, заливался колокольчикъ! Въ домѣ начиналась суета, волненіе...

И вотъ, въ „большой горницѣ“ появлялась высокая, нѣсколько сутулая фигура съ повисшими внизъ широкими усами и большими сѣрыми, всегда пасмурными глазами, надъ которыми темнѣли густыя черныя брови. Слышался громкій, самоувѣренный голосъ...

Если отецъ пріѣзжалъ, случалось, не одинъ или у насъ заставалъ постороннихъ, онъ бывалъ и привѣтливъ, и словоохотливъ, и нерѣдко звонкіе раскаты его смѣха носились по всему дому; но за то какая воцарялась зловѣщая тишина, когда онъ оставался съ глазу на глазъ съ матерью! Впрочемъ, не помню, чтобы и насъ, дѣтей, онъ когда-нибудь приласкалъ...

Послѣ отъѣзда неожиданнаго гостя мать нѣсколько дней ходила съ опухшими отъ слезъ красными глазами, и изъ разговоровъ ея съ Ѳоминишной я скоро узнавалъ, что пріѣзжалъ онъ „опять“ просить денегъ, а въ случаѣ от-

каза грозилъ и меня съ сестренкой Катей увезти въ городъ. Тамъ давно уже жилъ старшій нашъ братъ Викторъ, и его такъ рѣдко отпускали къ намъ на лѣто, и за время разлуки онъ каждый разъ такъ сильно измѣнялся, что когда однажды, гимназистомъ, онъ пріѣхалъ въ Исаево, — я разсмѣшилъ всѣхъ хвастливымъ заявленіемъ, что „сразу узналъ его по шапкѣ"...

— Ужо всего тамъ натерпишься! Ужо пропишетъ она тебѣ ижицу!—намекая на Викторову гувернантку, знаменитую „Феликсу", говаривала мнѣ мать, когда всѣ другія средства вразумленія оказывались исчерпанными.

Несомнѣнно, угрозы эти дѣлали своё дѣло—онѣ пугали... Но странное дѣло: никакой вражды къ отцу, на которую онѣ, быть можетъ, разсчитывали,—въ душѣ моей не возбуждалось. Прежде всего, должно быть, потому, что средство слишкомъ ужъ часто пускалось въ ходъ...

То и дѣло получались изъ города длинныя письма, тѣсно унизанныя скупыми, лѣпящимися одна къ другой буквами и строками, и мать проливала надъ ними щедрыя слезы, которыя поэтому нимало меня не трогали. Письма эти, обыкновенно, множество разъ прочитывались вслухъ не только Ѳоминишнѣ, но и навѣщавшимъ насъ сосѣдкамъ-помѣщицамъ, и прочитанное тутъ же на всѣ лады обсуждалось и комментировалось, при чемъ автору давались самые нелестные эпитеты и характеристики.

— Нѣтъ, я бы такого варвара-мужа не терпѣла!—говорила какая-нибудь рѣшительная дама-гостья:—я бы на него самому губернатору подала!

— Да вѣдь не онъ—главная-то причина,—отзывалась другая кумушка.—Въ ней, подлой, блохи-то всѣ сидятъ, она его настраиваетъ... Ну, конечно, влюбленъ... Мужчины всѣ таковы... Но какъ жаль васъ, нашу бѣдную страдалицу!

Насколько я могъ понять, было время, когда мать моя пыталась жить съ отцомъ въ городѣ, но ее оттуда „выжили"... Споръ шелъ въ настоящее время о какихъ-то деньгахъ изъ ея приданаго, будто бы растраченныхъ отцомъ. Послѣдній, оправдываясь, доказывалъ, что то было лишь невыгодное предпріятіе, начатое съ обоюднаго согласія, и, въ свою очередь, бросалъ матери кучу упрековъ въ неблаговидномъ и злостномъ поведеніи относительно „образованной, святой женщины, которая стоитъ выше ея мужицкихъ подозрѣній"

Волей-неволей я вслушивался въ эти письма, всегда такъ краснорѣчиво говорившія объ одиночествѣ, о несправедливости людскихъ обвиненій... И когда кругомъ выкрикивались желчные комментаріи и дѣлались обидныя для отца заключенія,—у меня порой сердце поворачивалось въ груди

отъ жалости къ нему, и въ горлѣ закипали жгучія слезы... Я боялся, конечно, этого суроваго, властнаго человѣка, имѣвшаго надо мной какія-то непонятныя мнѣ огромныя права,—такъ же, какъ боялся въ ту пору еще многихъ другихъ загадочныхъ явленій, въ родѣ темноты, грома или огня,—но онъ, этотъ страшный человѣкъ, помню, имѣлъ надо мной и власть какого-то непонятнаго очарованія... Напримѣръ, мнѣ, несомнѣнно, нравился страхъ, который отецъ, казалось, внушалъ даже людямъ совершенно отъ него независимымъ; нравилось, что крестьяне про него говорили:

— Да, сурьезный человѣкъ Иванъ Тарасычъ Вересовъ!— и крутили при этомъ головами и чесали въ затылкахъ.

И льстило мнѣ еще то обстоятельство, что тамъ, въ таинственномъ, далекомъ городѣ, отецъ мой былъ „уѣзднымъ судьей“, и всѣ единогласно отзывались о немъ—иногда даже съ какой-то грустью и неодобреніемъ,—какъ о судьѣ строгомъ, но неподкупно-честномъ.

— Самъ губернаторъ его боится!—почему-то прибавлялось всегда, когда рѣчь заходила объ этого рода отцовской дѣятельности.

Не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, какимъ это образомъ и кого отецъ судитъ и какъ самъ губернаторъ можетъ его бояться,—я въ тайнѣ души этимъ гордился. И когда, случалось, изъ деревни приходили мои пріятели: Яшка, Микитка и Гришка,—я обязательно водилъ ихъ всякій разъ на чердакъ и тамъ показывалъ валявшееся въ пыли, среди домашняго хлама, „оружіе“ отца: тяжелую, съ вылѣзшимъ бѣлымъ султаномъ, мѣдную каску и заржавѣвшую шпагу въ сломанныхъ ножнахъ и говорилъ съ важностью:

— Вотъ этой шпагой папаша рубилъ, когда служилъ въ драгунахъ. А теперь онъ судья! Его самъ губернаторъ боится!

И Яшка, Микитка и Гришка выслушивали это сообщеніе съ должнымъ благоговѣніемъ.

II.

Ѳедька-пастухъ.

Мать постоянно собиралась продавать Исаево (ея личную собственность, ея „приданое“); отецъ, съ своей стороны, то и дѣло грозился увезти меня изъ Исаева, гдѣ, по его словамъ, я росъ „мужикомъ“ и не воспитывался, а развращался. Словомъ, опасность насильственной разлуки съ роднымъ гнѣздомъ грозила со всѣхъ сторонъ, и, вѣроятно

поэтому, я съ ранняго дѣтства любилъ его какой-то особенной, болѣзненно-ревнивой любовью.

Близъ кухоннаго крыльца росли два чудныхъ, развѣсистыхъ тополя. Когда я былъ уже въ гимназіи, а въ Исаево пріѣзжалъ только на каникулы,—помню, взобравшись на верхушку одного изъ этихъ великановъ, я крѣпко и нѣжно обнималъ его стволъ, представлявшійся мнѣ почему-то *рукой* Исаева, цѣловалъ серебристые листья и шепталъ, недоумѣвая: „Вотъ я... здѣсь... Я крѣпко держусь за тебя... Никто, никто не можетъ насъ разлучить!"

И, какъ-то незамѣтно, *это* опять случалось: кто-то сильный и враждебный опять отрывалъ меня отъ родной земли...

Враги чудились повсюду.

Въ одинъ холодный осенній день сидѣлъ я въ полѣ съ пастухомъ Ѳедькой; мы грѣлись у костра и ѣли вкусную, печеную въ золѣ, картошку. Вдругъ къ намъ подошелъ лутковскій крестьянинъ Литвиновъ, котораго я зналъ до тѣхъ поръ только въ лицо, и нужно сказать, это темное, вѣчно дергаемое судорогой лицо, не внушало мнѣ особеннаго расположенія. Пугала, быть можетъ, ребяческое воображеніе и самая фамилія Литвинова, такъ какъ со словомъ „Литва" въ нашихъ мѣстахъ связывались какія-то темныя, страшныя воспоминанія. Какъ разъ съ исаевскаго двора можно было видѣть вдали (не въ нашихъ уже владѣніяхъ) высокую песчаную гряду, подобіе старинныхъ валовъ-укрѣпленій, какъ бы заграждавшую небольшое пространство земли между озеромъ и впадавшей въ него подъ острымъ угломъ рѣчкой. Этотъ загражденный уголокъ въ мое время представлялъ болото, но въ старину тамъ могла помѣщаться и маленькая крѣпостца... Какъ бы то ни было, на вершинѣ Желтой Горы (такъ въ просторѣчіи звалась эта песчаная гряда) я собственными глазами видѣлъ разъ цѣлую груду человѣческихъ костей и череповъ... Вѣтеръ то обнажалъ, то снова заметалъ ихъ наполовину пескомъ...

— Литва шла!—кратко, пугливымъ шепотомъ, объясняли мнѣ взрослые.

Надо думать, къ этой грозной исторической Литвѣ, когда-то здѣсь проходившей и все живое истреблявшей огнемъ и мечемъ,—подошедшій къ нашему костру крестьянинъ Литвиновъ не имѣлъ никакого отношенія; но лицо его было въ этотъ день темнѣе обыкновеннаго и явно перекошено злобой. Онъ ходилъ въ Исаево просить взаймы мѣру картофеля, и нашъ управляющій, по какимъ-то соображеніямъ, отказалъ ему въ этой ссудѣ.

— А! и змѣенышъ барскій тута?—сказалъ Литвиновъ

съ жгучей ненавистью оглядѣвъ меня и словами, точно обухомъ, ударивъ по головѣ.

— Тута!—потвердилъ для чего-то другъ мой Ѳедька, хотя онъ отлично могъ, казалось бы, промолчать.

— Насосались аспиды нашей крови, а все мало!—продолжалъ Литвиновъ.—Вѣдь батьку-то его, Ивана Тарасыча,—обратился онъ уже прямо къ пастуху,—мы сколько разъ убить сбирались. Одновà караулили въ кустахъ... Да почуялъ, надо быть, змѣй—другой дорогой прошелъ! Сколько онъ зубовъ намъ однихъ повыбивалъ! У меня, вотъ смотри, двухъ переднихъ такъ и нѣтъ... А сестра Аннушка отъ евоныхъ же кулачищевъ, можно сказать, и на тотъ свѣтъ отправилась! Печонки, видно, отбилъ: кровью харкать зачала болѣзная, зачахла и зачахла...

— Хы!..—сказалъ пастухъ и для чего-то съ любопытствомъ поглядѣлъ на меня.

— Да... Отняли мужиковъ у гадовъ, пальцемъ теперь шевельнуть не смѣютъ. Ну, такъ по иному, зачали кровь мужицкую сосать! На отработку, вишь, картошку, хлѣбъ даютъ... А пошто у меня не родится картошка, у нихъ—родится? Нехитрое дѣло: за зиму-то жрутъ, жрутъ, на боку лежа, ну... и наготовятъ изъ себя добра! Вывезутъ весной въ поле—земля, глядишь и жирная стала,—вотъ и уродилась добрая картошка... А я, какъ пузо-то у меня подвело съ толокна,—нешто я выпущу изъ него столько мартерьялу?.. Эхма! Ну, да придетъ точка—и мы надъ ихнимъ братомъ покуражимся. На Исаево красныхъ пѣтуховъ пустимъ, а гаденыша вотъ этого—и съ мамой его вмѣстѣ—головой объ уголъ!..

Ѳедька громко захохоталъ, схватившись за животъ, а Литвиновъ сдѣлалъ вдругъ страшные глаза и, грозно подступивъ ко мнѣ,—я не могъ понять, серьезно ли, съ оттѣнкомъ ли злой шутки,—спросилъ:

— Сказывай, маминъ выблевокъ, чье Исаево—мое, али твое?

И, не дожидаясь отвѣта, ушелъ, погрѣвъ немного у огня руки. Ѳедька подбросилъ въ костеръ сырого хворосту, отъ котораго прямо на меня повалилъ густой, удушливый дымъ, сказалъ еще нѣсколько разъ: „Хы!"—и скоро, повидимому, совсѣмъ выбросилъ изъ головы этотъ мало интересный для него эпизодъ. А у меня сердце долго, долго колотилось въ груди, какъ пойманная въ силокъ птица... Я чувствовалъ, что въ душу мою вошло въ этотъ день что-то новое и страшное, съ чѣмъ придется считаться, быть можетъ, всю жизнь...

Объ уничтоженномъ почти въ самый годъ моего рожде-

нія крѣпостномъ правѣ я не имѣлъ до тѣхъ поръ ни малѣйшаго представленія, но, не все понимая въ страшныхъ словахъ Литвинова, сказанныхъ имъ какимъ-то особенно злымъ, поганымъ тономъ,—я одно понялъ изъ нихъ съ убивающей ясностью: что между крестьянами и ихъ бывшими господами нѣтъ въ дѣйствительности тѣхъ безхитростно-добрыхъ отношеній, какія рисовала моя наивная дѣтская фантазія, и что въ потухшей сверху золѣ скрывается искра, объ которую можно больно обжечь пальцы...

И долго послѣ этого случая я съ ужасомъ и болѣзненной подозрительностью вглядывался въ каждаго мужика, подходившаго ко мнѣ съ улыбкой, въ искренности которой я теперь сомнѣвался... Исключеніемъ остался, кажется, одинъ только Ѳедька, простодушіе и незлобивость котораго были выше всякихъ подозрѣній.

Ѳедька, бывшій старше меня лѣтъ на семь, на восемь много лѣтъ подъ-рядъ пасшій въ Исаевѣ коровъ, вообще игралъ въ моемъ дѣтствѣ огромную роль: онъ былъ для меня, можно сказать, языкомъ окружающей природы, истолкователемъ всей ея красоты и мудрости; его же глазами глядѣлъ я и на маленькій—доступный нашему наблюденію—міръ человѣческихъ отношеній...

Мать не ставила никакихъ преградъ нашей дружбѣ, и если только Ѳедькино стадо не забѣгало слишкомъ далеко въ лѣсъ или погода не была черезчуръ ненастна, я находился при немъ неотлучно, исполняя роль какъ бы адъютанта при командующемъ генералѣ, при чемъ Ѳедька до того проникался своимъ начальническимъ положеніемъ, что иногда покрикивалъ на меня довольно-таки грозно и ругалъ отборнѣйшими словами изъ своего далеко не салоннаго лексикона.

— Пеструху-то, Пеструху-то оглаушь хорошенько!—оралъ онъ благимъ матомъ, лежа на брюхѣ, въ то время, какъ я, шестилѣтній карапузъ, съ хворостиной въ рукѣ, задыхаясь, бѣгалъ по болоту, сбивая коровъ въ кучу.—Такъ ее, такъ! Напередъ ей забѣгай, напередъ! Эхъ ты, раскоряка! Чортушко! Ничего-то сдѣлать не могёшь толкомъ... Вотъ и упустилъ! Самому теперь подыматься надыть! Горе мнѣ съ тобой, Алёха, прямо горе... Подь ты къ чортовой матери!

Но вотъ стадо собрано въ кучу. Все успокоилось. Мы отдыхаемъ гдѣ-нибудь на пригоркѣ. У нашихъ ногъ, высунувъ длинные красные языки и виляя хвостами, лежатъ запыхавшіеся Арапъ и Заграй. Ѳедька ковыряетъ лапоть; я пристально гляжу на его мудреную работу, и нѣтъ у меня въ сердцѣ ни малѣйшаго чувства обиды. Какъ влюбленному, такимъ милымъ кажется мнѣ, такимъ прекраснымъ его нѣ-

сколько бабье лицо съ обмотанной всегда какимъ-то темнымъ, грязнымъ платкомъ золотушной шеей! Лубочные портреты Кольцова впослѣдствіи живо напоминали мнѣ всегда Ѳедьку..

— А вѣдь у меня въ брюхѣ-то, слышь, черти на немазанныхъ колесахъ ѣдутъ,—заговаривалъ вдругъ мой пріятель, тоже совершенно забывшій о нашей маленькой размолвкѣ изъ-за Пеструхи.—Охъ, и поѣлъ же бы я теперь картошекъ! Сбѣгай, Алешенька, на огородъ, накопай, будь другъ, а?..

Мнѣ лѣнь идти: огородъ не близокъ.

— Самъ бы ты сходилъ, Ѳедя...

— Вишь ты, хитрогузистый какой!.. А коровъ-то я на кого-жъ спокину? Какъ зачнутъ ихъ слѣпни жарить, да забѣгутъ онѣ въ рожь, хвосты вверхъ задрамши,—не тебѣ, небось, спину-то вспишутъ, а? Да и опять—въ огородѣ меня увидаютъ, не медъ тоже будетъ... А тебѣ что? Ты—барчукъ. У матери, не у чужихъ людей, воруешь.

И я покорно шелъ воровать у матери. А потомъ, разведя гдѣ-нибудь въ укромной лощинкѣ костеръ, мы пекли и ѣли съ крупной солью душистый, разсыпчатый краденый картофель, и вкуснѣе его я положительно ничего въ жизни не ѣдалъ!

Любилъ также Ѳедька, чтобъ по утрамъ я приносилъ ему изъ дому комокъ сахару или ломоть булки.

— Да не говори, что мнѣ. Быдто себѣ про запасъ берешь... А то, всего лучше, укради! Самое разлюбезное, братъ, дѣло!

Но было бы ошибкой думать,—я глубоко въ этомъ увѣренъ,—что корысть играла какую-либо роль въ отношеніяхъ ко мнѣ Ѳедьки. Онъ несравненно больше для меня дѣлалъ, чѣмъ я для него. Угадывая малѣйшія мои желанія и вкусы, онъ удовлетворялъ ихъ нерѣдко съ огромнымъ самоотверженіемъ и даже опасностью для жизни: такъ, не умѣя плавать, онъ полѣзъ однажды въ самое глубокое мѣсто рѣчки за какимъ-то понравившимся мнѣ цвѣткомъ и едва не утонулъ въ омутѣ. То и дѣло мастерилъ онъ для меня свистульки, пищики, самострѣлы, сплеталъ изъ лыка удивительно-изящныя корзиночки и коробочки, приносилъ изъ бора первую поспѣвшую землянику или дралъ ленты сладкаго березоваго сока, разыскивалъ для меня гнѣзда бѣлокъ и птицъ, и я помню, какъ горько онъ плакалъ, когда я впервые уѣзжалъ въ городъ учиться...

Неужели все это изъ-за сахару и картошки!?..

Съ своей стороны, я отвѣчалъ на Ѳедькину привязанность настоящимъ пламеннымъ обожаніемъ. Даже самое ремесло пастуха казалось мнѣ идеальнѣйшимъ, завиднѣй-

шимъ въ мірѣ занятіемъ, несмотря на то, что мнѣ отлично извѣстны были и всѣ отрицательныя его стороны. На моихъ, напр., глазахъ Ѳедька рвалъ на себѣ волосы и безутѣшно рыдалъ, искренно полагая, что управляющій тѣмъ же вечеромъ „спуститъ съ него шкуру“: преступленіе заключалось въ томъ, что, вздремнувъ или увлекшись какою-то игрой (быть можетъ, со мною-же), онъ упустилъ коровъ. Все стадо забѣжало въ рожь къ сосѣднему помѣщику, и пастухи послѣдняго не преминули тотчасъ же съ торжествомъ загнать его въ свой дворъ... Тщетно валялся Ѳедька въ ногахъ у чужого барина, тщетно взывалъ: „Ваше вашество, отдайте коровъ!“...—ничто не помогло, баринъ коровъ не отдалъ, и матери моей пришлось заплатить за нихъ порядочный выкупъ. Была ли послѣ этого, дѣйствительно, „спущена шкура“ съ Ѳедькиной спины, воспоминанія мои стыдливо умалчиваютъ...

И, тѣмъ не менѣе, всякій разъ, когда кто-нибудь изъ гостей, подмигивая шутливо матери, бывало, спрашивалъ меня:

— Кѣмъ ты будешь, душенька, когда выростешь большой?

Я съ неизмѣнной серьезностью и искренностью отвѣчалъ, вызывая общій хохотъ:

— Пастухомъ!

Ѳедька былъ, разумѣется, безусловно безграмотенъ. Онъ говорилъ: „евоная шуба“, „съ рукамъ, съ ногамъ“—и точно такъ же говорилъ я... Онъ искренно вѣрилъ въ домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, оборотней—и, слѣпо подражая ему, вѣрилъ въ нихъ и я... Когда впервые услыхалъ я отъ кого-то о вращеніи земли вокругъ солнца и сдѣлалъ попытку блеснуть передъ пріятелемъ своими учеными познаніями, онъ, помню, послушалъ меня съ минутку и вдругъ прыснулъ такимъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ, что мнѣ и самому показались тотчасъ же смѣшными и нелѣпыми всѣ ученые домыслы.

— Хы! До чего ученые люди доучиться могутъ,—философствовалъ, ковыряя лапоть, Ѳедька.—умъ-то, значитъ, у нихъ за разумъ заходитъ. Вѣдь вотъ, своимъ глазамъ человѣкъ видитъ: солнце ходитъ, земля на своемъ мѣстѣ стоитъ... Анъ нѣтъ! ему, ученому-то, все навыворотъ охота поставить... Хы!..

III.

Сестра Катя.—„Управляющій“ Аѳанасій.—Волки.—Деревенская наука.

Сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ среднемъ помѣщичьемъ кругу очень мало думали о дѣтяхъ и заботились объ ихъ здоровьи, и единственнымъ въ этомъ отношеніи отличіемъ помѣщиковъ отъ крестьянъ былъ довольно дикій обычай, по которому дворянскихъ дѣтей всю зиму держали безвыходно взаперти, въ комнатахъ съ жарко натопленными печами и никогда не отворяемыми форточками.

Скучное это было время—зима!.. Даже общество маленькой Кати становилось тогда нужнымъ для меня и желаннымъ, и съ ранней осени заготовлялъ я, бывало, для зимнихъ игръ съ сестренкой кучи всякаго рода дрекольевъ и каменьевъ...

Странное это было существо Катя,—полная противоположность мнѣ, бойкому, краснощекому бутузу, который босикомъ носился все лѣто по полямъ и рѣдкій день не оставлялъ на деревьяхъ то рукавъ рубахи, то другую не менѣе важную часть своего незамысловатаго туалета. Потому ли, что и лѣтомъ она не покидала комнатъ, точно пришитая къ платью матери, — она была такъ хрупка, миніатюрна и блѣдна, что почти ничѣмъ не отличалась отъ своихъ сдѣланныхъ изъ тряпокъ куколъ. Какъ маленькій дикій цвѣточекъ, взросшій на солнопекѣ, хирѣла она и вяла, и никто въ домѣ не слышалъ ея кроткаго, покорнаго голоса. Даже мать въ присутствіи самой Кати говаривала нерѣдко, что не жилица она на бѣломъ свѣтѣ, что она—„Христова невѣста“... Не совсѣмъ отчетливо понимая значеніе этихъ грустныхъ словъ,—помню, и я, слыша ихъ, проникался болѣзненной жалостью. Когда, бывало, пробѣгавшись въ полѣ, я уписывалъ за обѣ щеки пышную деревенскую драчону или вафли со сливками, а Катя, будто съ удивленіемъ, глядѣла на меня и оставалась равнодушной ко всѣмъ этимъ лакомствамъ, въ головѣ моей шевелилась безпокойная мысль: „значитъ, правду говоритъ мама...“ и сердце мое наполнялось какимъ-то смутнымъ ужасомъ и трепетомъ... правда, не больше какъ на одну коротќую минуту: я всегда былъ занятъ и поглощенъ какими-нибудь важными и спѣшными дѣлами, ожидавшими меня на дворѣ или въ полѣ...

Бѣдная сестренка оставалась, такимъ образомъ, въ полномъ одиночествѣ, въ жертву томительной и одуряющей скукѣ.

Конечно, это не мѣшало мнѣ любить ее глубоко и искренно. Однажды, когда мать особенно жаловалась на то, что Катя хирѣетъ и ничего не ѣстъ, я, по внезапному вдохновенію, придумалъ, какъ мнѣ казалось, чудный рецептъ.

— А знаешь, Катя... Нашъ хлѣбъ, вправду, невкусный, а вотъ зайчиковъ хлѣбецъ, который мы съ Ѳедькой въ полѣ ѣдимъ, ты, навѣрное, стала бы ѣсть.

Я и не представлялъ себѣ эффекта, какой произведутъ мои слова. Блѣдное личико сестры оживилось, глаза засверкали, какъ угольки...

— Зайчиковъ хлѣбецъ?! Какой же онъ? Какой зайчикъ?

Пришлось фантазировать дальше, и я дѣлалъ это съ такимъ увлеченіемъ, что, должно быть, и самъ вѣрилъ въ ту минуту въ мистическое происхожденіе того хлѣба, который ѣлъ съ пастухомъ въ полѣ и который тамъ, дѣйствительно, казался мнѣ такимъ вкуснымъ, какъ ни одно самое любимое кушанье дома, въ запертой, душной комнатѣ.

— А ты можешь достать и для меня этого хлѣба?

— Для тебя?! Да если хочешь, сейчасъ-же... Пастухъ тамъ вонъ, подъ горой...

— И зайчикъ тамъ?

— Да, да!

Не долго думая, я стремглавъ бросился въ кухню, взялъ тамъ ломоть чернаго хлѣба, сунулъ его за пазуху и выбѣжалъ поспѣшно па дворъ. Въ окно, съ любопытствомъ и подозрительнымъ недовѣріемъ, глядѣли на меня, слѣдя за каждымъ моимъ шагомъ, большіе, лихорадочно возбужденные глаза... Я серьезно кивнулъ сестрѣ головой, низко нахлобучилъ, словно готовясь къ какой-то большой конспираціи, шляпенку и размѣреннымъ шагомъ взрослаго человѣка пустился въ путь-дорогу. Пригорокъ, за которымъ предполагался пастухъ, былъ не близокъ, и на всемъ этомъ разстояніи я поминутно оборачивался къ окнамъ дома, туда, гдѣ виднѣлось бѣлое платьице Кати...

Но вотъ, наконецъ, и пригорокъ. Я быстро спустился внизъ и, еще разъ оглянувшись, убѣдился, что домъ исчезъ изъ виду: никто болѣе не слѣдилъ за мной... Пастуха не было.

Я растянулся во всю длину тѣла на мягкой, душистой травѣ и терпѣливо провелъ въ такомъ скучномъ положеніи съ полчаса времени. Потомъ вскочилъ, отряхнулся, досталъ изъ-за пазухи „зайчиковъ хлѣбецъ“ и, торжественно держа его въ рукахъ, направился обратно къ дому. Хитрость моя удалась вполнѣ: послѣдняя тѣнь подозрительности сбѣжала съ лица сестры. Да и какъ было, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться въ совершившемся почти на глазахъ чудѣ? Я самъ, нужно думать, искренно забылъ въ ту минуту, что прине-

сенный мною хлѣбъ былъ простой, взятый изъ кухни хлѣбъ: отъ него вѣяло сказкой лѣса, свѣжимъ ароматомъ луговъ и полей...

Въ компаніи со мной Катя съ аппетитомъ жевала зайчиковъ хлѣбецъ, и я съ гордостью думалъ, что открылъ вѣрное средство спасти ее отъ страшной участи — стать „Христовой невѣстой“...

Но если я любилъ, какъ умѣлъ, свою маленькую, больную сестренку, то она, съ своей стороны, была по отношенію ко мнѣ олицетвореннымъ самоотреченіемъ.

Какъ-то разъ вздумалъ я рубить топоромъ полѣно, и отлетѣвшая прочь щепка до крови разсѣкла ей бровь. Дѣвочка заплакала, но, едва только я сталъ, въ испугѣ, просить ее замолчать, она тотчасъ же послушно затихла, и всѣ разспросы матери о происхожденіи шрама не могли заставить ее выдать меня. Въ другой разъ деревенскіе ребятишки принесли мнѣ въ подарокъ двухъ маленькихъ красивыхъ птичекъ, не умѣвшихъ еще летать. Лучшую изъ нихъ я выбралъ, конечно, себѣ, похуже—отдалъ Катѣ. Она въ восторгѣ, унесла свою добычу въ комнаты, а я, съ птичкой въ рукахъ, отправился играть съ мальчиками.

Къ чести своей, я долженъ здѣсь оговориться, что, какъ ни любилъ я въ дѣтствѣ разворять птичьи гнѣзда и сколько пернатыхъ тварей ни погибло отъ моихъ рукъ, дѣлалъ я это отнюдь не по жестокосердію, а напротивъ—изъ самыхъ добрыхъ побужденій. Мнѣ всегда самымъ искреннимъ образомъ казалось, что несчастнымъ птенцамъ будетъ куда лучше въ моихъ рукахъ, что неразумная мать никогда и ни за что не сумѣетъ вскормить и воспитать ихъ такъ нѣжно и заботливо... И, дѣйствительно, усердію моему не было границъ: птенцовъ, питающихся исключительно мухами и червями, я то и дѣло накачивалъ изъ собственнаго рта жеванной булкой или кашей; не обращая вниманія на то, что они давились, чихали и упрямо отворачивали головки, я поилъ ихъ водой такъ усердно, что они, наконецъ, захлебывались и закатывали глаза подъ лобъ; а на ночь такъ плотно укутывалъ ихъ, спасая отъ холода, всякаго рода тряпьемъ, что подъ утро находилъ нерѣдко задохшимися.. Однако, ни одинъ изъ этихъ печальныхъ экспериментовъ не остужалъ моихъ великодушныхъ намѣреній, и я никогда не разочаровывался въ своихъ родительскихъ и педагогическихъ талантахъ.

И вотъ заботливость о принесенной теперь деревенскими мальчиками красивой птичкѣ внушила мнѣ глубокую и оригинальную идею, что ее можно немедленно же научить летать, стоитъ только немного поупражняться. Великая мысль

разумѣется, безъ большого труда перемѣстилась въ головы моихъ пріятелей, Яшки, Микитки и Гришки, и по серединѣ двора немедленно же была устроена школа. Каждый изъ четверыхъ или пятерыхъ педагоговъ бралъ по-очереди въ руки еле оперившуюся птаху и камнемъ швырялъ кверху—такъ высоко, какъ только было можно. Невольный аэронавтъ камнемъ же падалъ внизъ и всей грудью ударялся о твердую почву двора...

— Ахъ, сволочь, не хочетъ летѣть! — кричали Микитка съ Яшкой, снова принимаясь за урокъ.—Нѣтъ, врешь, полетишь!

Не помню даже, дошло ли дѣло до второй моей очереди: птенчикъ скоро былъ весь въ крови и, широко разинувъ клювъ, еле дышалъ...

Я горько плакалъ при видѣ результатовъ неудачнаго опыта, и въ этихъ слезахъ большую роль играла мысль, что у Кати тоже есть птичка, совершенно еще невредимая, бойкая и веселая. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣвочкамъ птички?.. И Катя, съ подлиннымъ материнскимъ инстинктомъ уже успѣвшая устроить для своей кліентки уютное и красивое гнѣздышко,—видя мое горе, тотчасъ же безъ спора уступила мнѣ рѣдкую игрушку...

Быть можетъ, благодаря именно одуряющей скудости впечатлѣній зимняго времени,—такими рѣзкими штрихами врѣзалась въ мою память одна случившаяся зимой исторія, когда мнѣ было, я думаю, не болѣе четырехъ лѣтъ. Героемъ ея былъ исаевскій управляющій Аѳанасій. Раньше я долженъ, впрочемъ, сдѣлать еще одно маленькое отступленіе. Слово „управляющій“ можетъ дать поводъ думать, что Исаево было большимъ благоустроеннымъ помѣстьемъ, со множествомъ всякаго рода службъ и служащихъ.

Дѣйствительно, моя мать могла бы быть довольно крупной землевладѣлицей, такъ какъ отецъ ея, а мой дѣдъ, былъ однимъ изъ очень богатыхъ помѣщиковъ края и въ приданое за дочерью обѣщалъ моему отцу порядочное число десятинъ. Но когда „молодые“ собрались строить собственную усадьбу, старикъ, подъ вліяніемъ младшаго сына (отъ второй жены), довольно жестоко обманулъ ихъ надежды, выдѣливъ имъ на бумагѣ, правда, то самое количество земли, какое было условлено, но... въ видѣ маленькихъ кусковъ („пустошей“), разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ уѣзда и даже въ нѣсколькихъ губерніяхъ... Изъ нихъ отецъ мой облюбовалъ почему-то пустошь Исаево (говорятъ, одну изъ самыхъ худшихъ) и здѣсь „построился“. Всѣ прочія „владѣнія“ лежали втунѣ, и мать никогда объ нихъ ничего не знала. На моей памяти была, впрочемъ, сдѣлана ею одна

попытка собрать оброкъ съ какихъ-то дальнихъ крестьянъ, но кончилась она полной неудачей: крестьяне примудрились какъ-то „отбиться"... Фактически родители мои были, такимъ образомъ, мелкими помѣщиками, владѣльцами какой-нибудь сотни десятинъ земли съ нѣсколькими десятками крестьянскихъ душъ обоего пола.

Наша усадьба стояла одиноко среди болотъ и лѣсовъ, въ двухъ верстахъ отъ ближайшей деревни. Лѣтомъ, на время покоса и уборки хлѣбовъ, рабочихъ нанималось, конечно, порядочное число, но зимой, когда дѣлать было почти нечего, весь нашъ придворный штатъ нерѣдко ограничивался однимъ взрослымъ работникомъ, который и пользовался громкимъ титуломъ исаевскаго управляющаго.

Первымъ управляющимъ, какого я запомню, былъ упомятый выше Аѳанасій, высокій, красивый мужчина съ черной, какъ смоль, бородою и черными же пронзительными глазами, весельчакъ и красноба́й, имѣвшій одинъ только крупный недостатокъ: онъ не дуракъ былъ выпить и погулять...

Зима была исключительно снѣжная и холодная. Въ домѣ не имѣлось ни полѣна дровъ; волки выли подъ самыми окнами, наводя на всѣхъ панику, а Аѳанасій уже пятый день былъ въ отлучкѣ на деревенскомъ праздникѣ. Послали кого-то въ родную деревню Аѳанасія за его отцомъ, и въ домѣ появился маленькій, юркій, бѣлый, какъ лунь, старичокъ, смѣшно топорщившійся отъ гнѣва и негодованія. Онъ сразу же заявилъ, что во что бы ни стало дождется сына, чтобъ собственноручно „поучить" его... Однако, сынъ не возвращался, и старикъ цѣлыми днями лежалъ на кухонной печкѣ, погруженный въ чуткую дремоту, не выпуская изъ рукъ плетки...

Какъ только сгущались сумерки, все населеніе Исаева (мать, я съ Катей, старая Ѳоминишна и дѣвчонка Палашка) скучивалось, по обыкновенію, въ „маленькой горницѣ", единственной теплой комнатѣ огромнаго дома, и здѣсь жуткимъ шепотомъ велись таинственныя бесѣды, въ результатѣ которыхъ я просыпался потомъ среди ночи, дико вскрикивая и дрожа всѣмъ тѣломъ. Главную пищу этимъ бесѣдамъ давали кикиморы и волки... Какъ разъ во время послѣдняго загула Аѳанасія волки утащили у насъ собачонку Бутьку и чуть не заѣли саму Ѳоминишну.

— Выхожу этто я, барыни, на дворъ, — методически-ровнымъ, глухимъ голосомъ разсказывала старуха. — почитай, ужъ смерклось. Гляжу—а у самыхъ качелей то, по серединѣ двора, теленочекъ стоитъ махонькій... И мордочку ко мнѣ голубчикъ вытянулъ... Такъ я и ахнула! Мати Пре-

святая Богородица! Какъ это я, старая, въ хлѣвъ ходимши скоту корму задавать, не доглядѣла — выпустила его? Подхожу этто тихохонько, въ фартукѣ быдто кормъ несу: „Матушка ты мой!“ Глядитъ онъ на меня, сердечный... Сажени на полторы подпустилъ, да вдругъ какъ задеретъ хвостъ да порснетъ прочь!.. Я было за нимъ: „куды, куды, родимый?“—а онъ какъ обернется да зубами на меня щелкнетъ... Я такъ ажъ и присѣла! Тутъ только глаза-то въ руки взяла: не теленокъ, молъ, это, а волчище сѣрый изъ лѣсу забѣжалъ! Ну, тутъ, слава Богу, и псы зачуяли гостя: Бутька, Арапъ, Заграй... Да ужъ поздно: его и слѣдъ простылъ, только и видѣли!

— Ну, и безстрашная-жъ ты, Ѳоминишна!

— Какое, барыни, безстрашная... Пришла въ избу,—вотъ Палашка видѣла, не дастъ соврать, — бѣлая вся, какъ полотно, руки, ноги ходенемъ ходятъ, слова не могу высказать. Насилу въ разумъ вошла. И часу опосля того не прошло,—*онъ* сохваталъ меня!

— Какъ? Какъ?

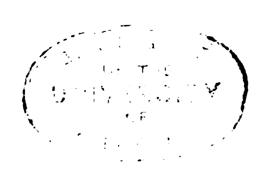
— Очень просто. Долго, долго собаки заливались. Ужъ такъ-ли закатывались, такъ бросались, инда слушать жуть брала... Наконецъ того, осипли, притихли малость. Только вдругъ какъ бросятся изъ сѣней вонъ, какъ завизжатъ, зарычатъ сердечныя, вотъ-вотъ въ кого-то вцѣпились, драку затѣяли... Ну, думаю, бѣда: видно, которую нибудь поволокъ, либо Бутьку, либо Заграя... Тутъ мужику бы въ пору съ ружьемъ аль хоть съ топоромъ выбѣчь, а наше бабье дѣло какое? Старикъ—и тотъ на печи спалъ.. Вотъ, слышу, матушки мои: собаки, ровно угорѣлыя, назадъ кинулись въ сѣни. И примолкли, быдто по уговору... Въ уголъ забились, хвостами, слышно, колотятъ объ полъ да повизгиваютъ легонько, ровно зѣваютъ... Что, думаю, за притча такая? И впрямь, должно, уволокли одну, окаянные? Схватила сковородникъ въ руки, да въ сѣнцы! Не успѣла двери за собой прихлопнуть, кто-то какъ обыметъ меня въ сѣняхъ ручищами, да таково крѣпко!

— Ай-ай-ай!.. Ну, что-жъ ты?..

— Перво-на-перво, — спокойно и степенно продолжала разсказчица,—я и умомъ-то путно раскинуть не могла, кто-бъ это такой былъ. Въ башку-то грѣшнымъ дѣломъ вступило,— бываетъ же экое попущенье Божіе!—человѣкъ, молъ, это облапилъ,—алибо подшутить, алибо за молодуху принямши...

Забывши общій страшный характеръ разсказа, слушатели покатились со смѣху.

— И рожа-то покажись мнѣ быдто человѣчья, только страшенная-страшенная... Глаза свелькаютъ, зубищи ощеперены,



словно цѣловаться лѣзутъ; а я стою—не шелохнусь... Ну, только Господь-то Батюшка не попустилъ кончину не христіанскую принять: разсудокъ вдругъ въ ясность привелъ и языкъ воротилъ... Какъ шарахнусь я въ сторону да крикну не своимъ голосомъ! Да какъ огрѣю его сковородникомъ по мордѣ-то! Не помню ужъ, что дальше и было... Не сама я будто, а внутрѣ меня кто кричалъ...

Ѳоминишна остановилась, и всѣ, блѣдные отъ волненія, пугливо косясь на двери и ближе придвигаясь другъ къ другу, притихли на мгновеніе.

— Ой, барыньки,—высказала вдругъ Палашка предположеніе:—да полно, волкъ ли это былъ?..

Всѣ переглянулись, у всѣхъ мурашки по спинѣ пробѣжали... Первая очнулась мать—и тотчасъ же разсердилась.

— Пошла вонъ, дура!—сказала она.—Что только въ башку твою глупую взбредетъ... на ночь глядя... и при дѣтяхъ... И отчего, въ самомъ дѣлѣ, не быть волку? Мало-ль ихъ тутъ бѣгаетъ. Не пора-ль, однако, дѣвушки, огонь зажигать?

Она всегда говорила „дѣвушки“, хотя бы обращалась къ Ѳоминишнѣ и другимъ женщинамъ ея возраста.

Бесѣда больше уже не налаживалась, и нѣкоторое время длилось неловкое молчаніе. Уже Ѳоминишна собиралась, дѣйствительно, зажечь огонь, какъ вдругъ Палашка, не удалившаяся по приказанію матери изъ комнаты, а лишь отошедшая въ сторону и наблюдавшая въ окно за крутившимися въ полѣ вихрями снѣга, громко закричала, заставивъ всѣхъ невольно вздрогнуть:

— Гляньте-ка, гляньте, человѣкъ идетъ!..

Послѣ мгновенной оторопи всѣ бросились къ окну. Въ самомъ дѣлѣ, въ отдаленіи, чернѣя на снѣгу, двигалась высокая человѣческая фигура.

— Да это Аѳонька-подлецъ!—закричали разомъ Ѳоминишна и Палашка.—Ишь, ишь колышется изъ стороны въ сторону... Не иначе, какъ съ похмѣлья побѣдная головушка!

Мать заволновалась и велѣла немедленно разбудить и позвать старика. Палашка опрометью бросилась въ кухню. Все въ домѣ оживилось. Страховъ какъ не бывало. Что касается меня и Кати, то мы и не думали скрывать обуявшей насъ радости: намъ казалось, что сейчасъ должно начаться въ высшей степени любопытное представленіе. Мы прыгали, какъ козлята, вокругъ матери, цѣпляясь за ея кринолинъ, и трещали:

— Мама, онъ его больно бить будетъ?

За то мать въ волненіи ходила по комнатѣ, стараясь принять необычайно сердитый видъ, хмуря брови и по возможности пышно расправляя и безъ того широкій кринолинъ.

Минуту спустя, страшно торопясь и на бѣгу обтирая съ усовъ сметану и крошки хлѣба, мелкой рысцой вбѣжалъ въ комнату только что вставшій, очевидно, изъ-за стола старикъ, отецъ Аѳанасія. У него былъ чрезвычайно потѣшный видъ: съ большой, бѣлой, какъ лунь, бородой и въ бѣлой же неподпоясанной холщевой рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, босой, маленькій и подвижный, какъ студень, онъ крѣпко сжималъ въ рукѣ плетку, суетился, хохлился, какъ пѣтушокъ, и дѣлалъ свирѣпое лицо.

— Спрячься скорѣе,—сказала ему мать и почти силой втолкнула его за ширмы, гдѣ стояла кровать.—А вы тамъ не смѣть говорить ему, что отецъ здѣсь!—строго обратилась она къ Палашкѣ, въ десятый разъ вбѣжавшей въ комнату и опять собиравшейся выбѣжать вонъ.

Торопливо засвѣтили огонь. Однако, спѣшили напрасно. Прошло добрыхъ минутъ десять, пока гдѣ-то въ отдаленіи послышался, наконецъ, громкій разговоръ, въ которомъ мужской голосъ былъ заглушаемъ бранью и упреками женщинъ. Но мужской голосъ былъ веселый, удалый. Потомъ раздались шаги скрипучихъ новыхъ сапогъ, подбитыхъ огромными гвоздями, маленькая дверь широко распахнулась—и на порогѣ, въ сопровожденіи любопытной Палашки и самой Ѳоминишны, появился давно жданный гость... Одѣтъ онъ былъ не какъ простой крестьянинъ, а скорѣе какъ зажиточный мѣщанинъ или купеческій приказчикъ: темносиняя поддевка плотно облегала стройный станъ, а изъ-подъ нея алѣла обшитая голубыми и желтыми узорами кумачная рубашка; черныя плисовыя шаровары забраны были въ широкіе, ярко блестѣвшіе раструбы голенищъ. И видъ у Аѳанасія былъ нимало не удрученный, а смѣлый и даже развязный... Въ рукахъ онъ держалъ небольшой берестяный буракъ.

— Здравія желаемъ, сударыня! -громко, по солдатски, отчеканилъ онъ, тряхнувъ молодецкими кудрями.—Малость погулялъ за ваше здоровье... Думалъ, всего два дня согласно вашему дозволенію, да угодилъ какъ разъ подъ свадьбу молодого Погоды. Кириллу-то Погоду изволите, небось, помнить? Кудрянъ такой, пѣсельникъ... Еще у насъ косилъ въ прошломъ годѣ, вы пѣсни его изволили слушать. Ну, такъ вотъ онъ самый женился на Агафьѣ, Микулы Андронова дочкѣ,—тоже, небось, знаете? Здоровая такая, кровь съ молокомъ, дѣвка. Ну, упросили на свадьбѣ остаться,—вотъ и загулялъ. Сами, знаете, барыня, плоть наша немощна, духъ слабъ...

Аѳанасій пріятно осклабился.

— Да вотъ и подарочекъ отъ молодыхъ принесъ вашей милости,—прибавилъ онъ, ставя передъ матерью на столъ

буракъ,—извольте медку покушать съ чайкомъ, славный медъ—отъ собственныхъ пчелъ прислали. А вамъ, барчуки, я чуть было зайца дорогой не изловилъ! Сидитъ это, гляжу, подъ кустомъ прижался, матерущій такой, дремлетъ старина... Бѣлый весь, отъ снѣга отлики нѣту... Ну, подкрался я, значитъ... тихимъ манеромъ... Хвать прямо за ухи! Да на бѣду нога поскользнись... Вырвался анаѳема, да и лататы скорѣй въ лѣсъ!

— Какъ, поди, съ пьяныхъ-то глазъ не поскользнуться?— насмѣшливо прервала разсказъ Ѳоминишна, и это маленькое колкое замѣчаніе сразу вывело мать изъ того очарованія, которому она явно начала поддаваться во время развязной болтовни Аѳанасія. Мягкая и простодушная, она была озадачена его нахальствомъ и находчивостью. Всѣ заготовленные заранѣе попреки и громовыя рѣчи, словно, куда-то провалились и не шли на языкъ, и былъ моментъ, когда сердце ея, точно помазанное тѣмъ медомъ, сладкій ароматъ котораго, казалось, распространялся по комнатѣ, уже склонялось, очевидно, къ прощенію. Но, взглянувъ на усмѣхающееся лицо сѣдой няньки, она поспѣшила снова принять видъ оскорбленной страдалицы и, поднесши къ глазамъ платокъ, залепетала:

— Какъ же ты такъ, Аѳанасій?.. Я—женщина, у меня маленькія дѣти... Ни одного мужчины въ домѣ, и ты вдругъ... Вѣдь насъ тутъ волки чуть не съѣли!

Въ то же мгновеніе ширмы съ трескомъ и грохотомъ полетѣли на полъ отъ неразсчитанно-бурнаго движенія спрятаннаго за ними старичонки, и послѣдній съ грознымъ крикомъ выскочилъ изъ своей засады и ринулся на Аѳанасія.

— Ахъ ты, анаѳемская душа!.. Вотъ я научу тебя, какъ благодѣтельницу нашу обиждать... Вотъ я тебя научу... Я тебя научу!

Маленькая, суетливая фигурка отца была крайне забавна по сравненію съ атлетическими размѣрами сына. Но послѣдній и не думалъ защищаться или бѣжать. Онъ только поблѣднѣлъ страшно и, склонивъ покорно голову, молча принималъ щедро сыпавшіеся на его плечи удары отцовской нагайки. Старикъ изо всей мочи хлесталъ его по спинѣ, по ногамъ, даже по лицу, по чему попало...

Мы съ сестренкой въ страхѣ закричали, заплакали, забились въ уголъ и съ негодованіемъ смотрѣли на Ѳоминишну, которая съ какимъ-то сладострастіемъ вслушивалась въ свистъ плетки и злорадно приговаривала вслухъ:

— Такъ его, такъ и надо! Хорошенько! Жалованье получаешь, ѣшь, пьешь—ну, и служить долженъ вѣрой-правдой, радѣть господамъ!

Но нервы матери не выдержали этой сцены до конца:

она кинулась къ старику и стала вырывать у него нагайку. Однако, не тутъ-то было. Расходившійся старикашка долго не соглашался прекратить расправу и, въ пылу увлеченія, попотчевалъ нѣсколькими ударами кринолинъ самой барыни... Съ трудомъ ей удалось, наконецъ, остановить побоище.

— На колѣни, сучій сынъ! На колѣни передъ барыней, подлецъ! Прощенья проси, заслужить обѣщайся!—кричалъ старикъ, тряся бородой, грозя нагайкой и по-прежнему преуморительно прыгая вокругъ сына, заслоняемаго кринолиномъ барыни.

Аѳанасій, блѣдный и покорный, сталъ на колѣни.

— Простите, барыня, виноватъ!—глухо проговорилъ онъ, низко опустивъ голову.

IV.

Шепоты.—Семейное совѣщаніе.—Пожаръ.

Съ этого дня Аѳанасій сталъ шелковымъ. Работа такъ и кипѣла въ его рукахъ. Сугробы снѣга подъ окнами дома были моментательно раскиданы, цѣлая гора дровъ привезена изъ лѣсу, волкамъ тоже дана острастка: одного изъ нихъ онъ собственноручно застрѣлилъ и шкуру выставилъ, на страхъ всему волчьему роду, по срединѣ двора.

Съ ранняго утра и до поздняго вечера Аѳанасій былъ чѣмъ-нибудь занятъ: то чесалъ скребницей лошадей и водилъ ихъ, „для разминки", по двору, то постукивалъ топоромъ по угламъ хозяйственныхъ построекъ, озабоченно качая при этомъ головою, то залѣзалъ даже на крышу дома или амбара, вездѣ ища слѣдовъ порчи и разрушенія. А въ концѣ каждаго дня, передъ сномъ, являлся къ барынѣ и, точно комендантъ обложенной непріятелемъ крѣпости, докладывалъ, вытянувшись во фронтъ, что все въ ея владѣніяхъ обстоитъ благополучно, при чемъ физіономія его имѣла самое смиренное, подобострастное выраженіе. Передъ наступленіемъ рождественскихъ праздниковъ Аѳанасій даже не заикнулся объ отпускѣ въ родную деревню. По всей вѣроятности, онъ разсчитывалъ, что, тронутая его раскаяніемъ, мать сама догадается предложить ему немного повеселиться; но она и не подумала догадаться... Озлобленіе посѣяно было слишкомъ глубокое и прочное, и участь Аѳанасія, въ сущности, давно и безповоротно была рѣшена; остановка была за тѣмъ только, что не отыскивалось подходящаго замѣстителя.

Ѳоминишна и Палашка не уставали, съ своей стороны, подливать масла въ огонь и разжигать недоброжелательство

матери систематическими, хотя порой и безсмысленными, донесеніями и нашептываньями. То ей сообщали, будто Аѳанасій ругалъ ее нехорошими словами, такими, что и повторить невозможно, то доносили, что онъ билъ ни за что, ни про что любимую ея лошадь, то, наконецъ, весьма недвусмысленно выражали сомнѣніе даже въ „чистотѣ“ его рукъ... По вечерамъ, когда мать, уже раздѣвшись, сидѣла въ ночномъ чепцѣ на высоко взбитой перинѣ, а одна изъ наперсницъ осторожно и ласкательно чесала ей подошвы ногъ, разговоръ шелъ все на одну и ту же тему.

— Быть бѣдѣ, барыни, чуетъ мое сердечушко, быть! Обдеретъ онъ васъ, шельмецъ, какъ липку, да и пуститъ на Исаево краснаго пѣтуха!

— Да что ты, Палагея, въ умѣ ли ты? Слышишь, Ѳоминишна, что она говоритъ? Вотъ дурында-то...

Но Ѳоминишна, отъ которой барыня ждетъ опроверженія глупыхъ Палашкиныхъ словъ, будто вся поглощенная труднымъ дѣломъ вдѣванія нитки въ иголку, политично отмалчивается, и, поощренная ея молчаніемъ, Палашка продолжаетъ:

— Вотъ убей меня Богъ, барыни, недоброе человѣкъ въ головѣ держитъ. Вы поглядите только, какъ буркалы то у него разбойничьи бѣгаютъ. Изъ себя-то черный весь, злющій-злющій такой ходитъ... Все на то злится, что на праздникъ не отпустили и не подарили ничего.

— Вотъ еще! Стоитъ онъ того, чтобъ дарить!

— Вѣстимо, не стоитъ. Да вы послухайте только, барыни, что еще-то было. Затопляю я этто утрось печку въ куфнѣ. Одна... Вдругъ онъ шасть со двора, какъ хлопнетъ дверью, инда домъ задрожалъ. Шваркнетъ кушакъ съ поддевкой объ лавку, а бѣльмами-то меня цыганскими ажъ ожогъ! Вотъ, ей-Богу, правда! Потомъ беретъ ножикъ и точить зачинаетъ объ точило... Точитъ, точитъ, конца нѣту.. И таково-то торопко мнѣ стало, таково жутко,—я къ Ѳоминишнѣ въ свѣтелку давай Богъ ноги!

— Неужто-жъ ты думала?.. Вотъ дура! Ну и дура же! Да развѣ пойдетъ онъ на такое дѣло?

— Кто его знаетъ, барыни! Нешь я на умѣ у него была? А только къ примѣру сказываю: страшно съ нимъ съ глазу на глазъ оставаться!

Подъ вліяніемъ, вѣроятно, одной изъ такихъ бесѣдъ, матерью принято было героическое рѣшеніе: она написала обо всемъ мужу и просила его немедленно прибыть въ Исаево для замѣны Аѳанасія новымъ управляющимъ.

Какой, собственно, помощи и какихъ практическихъ совѣтовъ ожидала она отъ человѣка, котораго сама же обви-

няла постоянно въ томъ, будто онъ раззорилъ ее своими сумасбродными хозяйственными затѣями?

Отъ отцовскихъ „затѣй“ въ Исаевѣ, дѣйствительно, остались нѣкоторые замѣчательные памятники. И первымъ изъ нихъ былъ нашъ домъ, безконечно милый и дорогой мнѣ по дѣтскимъ воспоминаніямъ, но въ архитектурномъ отношеніи удивительно курьезный. Выстроенныя въ рядъ, проходныя комнаты совершенно „не держали тепла“, а одна, крайняя, имѣвшая наиболѣе парадный видъ и носившая громкое названіе большой горницы, была такъ холодна, что зимой въ ней можно было, что называется, волковъ морозить, и въ рѣдкихъ только, торжественныхъ случаяхъ здѣсь принимали гостей, чаще же... просто хранили запасы картофеля. Отдѣлялась большая горница отъ остальныхъ частей дома огромной комнатой, гдѣ на моей памяти стояли всякаго рода сундуки и шкафы съ домашнимъ хламомъ и царила абсолютная тьма, очень удобная для нашихъ дѣтскихъ игръ; тутъ же мать моя укрывалась обыкновенно отъ грозы, къ которой питала неодолимый страхъ. Къ одной наружной стѣнѣ этой оригинальной комнаты примыкали парадныя сѣни и парадное крыльцо, а у другой, противоположной, имѣлось когда-то окно, но его пришлось передѣлать въ дверь, такъ какъ, въ виду невозможности жить въ холодномъ домѣ, понадобилось пристроить еще „маленькую горницу“ изъ болѣе толстаго лѣса. Въ этой позднѣйшей пристройкѣ въ зимнее время и спасалась отъ холода вся наша семья...

Причина такой странной архитектуры дома была весьма простая: явившись послѣ женитьбы въ Исаево, отецъ, задумавшій все строить въ широкихъ размѣрахъ, прежде всего вывелъ колоссальный амбаръ... И тутъ только сообразилъ, что замыселъ не соотвѣтствуетъ средствамъ, и что поставить все приходится на болѣе простую ногу: амбары были превращены тогда въ домъ...

Другимъ памятникомъ его строительнаго искусства была, въ мое время лежавшая уже въ развалинахъ, тоже колоссальная молотилка, поставленная по образцамъ и указаніямъ какого-то спеціальнаго журнала. Желѣзныя части машины, зубчатыя колеса, рычаги и прочая мудрость выписаны были чуть ли не прямо изъ-за границы. Приводить въ движеніе это громоздкое чудище должна была бѣгавшая по кругу пара лошадей, которыхъ погонялъ сидѣвшій на одной изъ нихъ верхомъ крестьянскій мальчикъ. Все это кружилось и вертѣлось, какъ бѣлка въ колесѣ, и черезъ десять минутъ безумнаго движенія лошади шатались, какъ пьяныя, и иногда даже падали съ ногъ, а несчастнаго мальчика-по-

гонщика тошнило и рвало... Машина, говорятъ, молотила на первыхъ порахъ превосходно; но, должно быть, въ тѣ времена эти модныя машины дѣлались еще очень неискусно и непрочно, а возможно и то, что работники такъ ее съ первыхъ же дней возненавидѣли, что поломали нарочно... Во всякомъ случаѣ, я уже не засталъ ея работы, а видѣлъ только внушительныя развалины, гнѣздо летучихъ мышей, змѣй и крысъ...

О хозяйственной непрактичности отца свидѣтельствовала, между прочимъ, и наша рѣчка. По берегу ея онъ вздумалъ расчистить подъ сѣнокосъ „заливные луга" и, вмѣсто того, чтобы выкорчеванные пни и коряги сваливать въ кучи и сжигать на мѣстѣ, мудро распорядился швырять ихъ въ воду. Веселая и красивая рѣчка была безнадежно испорчена: купанье стало въ ней невозможно... Случалось, что даже и заходившій въ жаркіе дни въ воду скотъ калѣчилъ себя этими безчисленными, гнившими тамъ, колючими корягами...

И тѣмъ не менѣе, когда возникъ исключительной важности вопросъ о перемѣнѣ управляющаго, мать, несмотря на всю натянутость своихъ отношеній къ мужу, не рѣшилась поступить самовольно.

Отецъ немедленно прискакалъ въ Исаево.

Нужно думать, что лично я не присутствовалъ при бесѣдѣ родителей о столь важномъ и—предполагалось—секретномъ дѣлѣ, и весьма возможно, что при мнѣ они не произнесли по этому поводу ни одного слова; но, очевидно, впослѣдствіи такъ много и обстоятельно говорилось въ домѣ объ этомъ пріѣздѣ отца, что мнѣ и до сихъ поръ кажется, будто я лично все видѣлъ и слышалъ. Совершенно явственно звучитъ въ моихъ ушахъ негодующій голосъ отца:

— Ахъ, онъ подлецъ! Ахъ, онъ мерзавецъ! Я его завтра же выгоню вонъ!

И потомъ нѣсколько тише и серьезнѣе:

— А кого-жъ бы *вы* думали взять?..

Онъ говорилъ „вы", такъ какъ въ семейномъ совѣщаніи принимала участіе и Ѳоминишна.

— Батюшка Иванъ Тарасычъ, да мало-ль мужиковъ годящихъ найдется?—отозвалась быстро старуха.—Вотъ, хоть бы братца моего середняго взять, Степана Ѳомича, чѣмъ не управитель? Одинокій, степенный, въ ротъ хмѣльного не беретъ, сорины не украдетъ барскаго добра... Умственный, какъ есть, мужикъ!

— Изъ ума старая выжила!—сердито возразилъ отецъ, расхаживавшій, по своему обыкновенію, взадъ и впередъ по комнатѣ съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ.—Вѣдь Степка

твой безрукій, забыла? По самый локоть машиной рука отрѣзана... Умомъ онъ, что-ль, работать-то будетъ, аль слугъ для него нанимать прикажешь?

— Забыла и есть, батюшка... Впрямь изъ ума выжила... Тьфу! Тьфу!

Нѣсколько возможныхъ кандидатовъ было названо послѣ этого самимъ отцомъ, но тоже неудачно: и той же Ѳоминишной, и матерью они были немедленно такъ разобраны по косточкамъ, что отецъ, при всемъ своемъ извѣстномъ упорствѣ, отъ предложенія тотчасъ же отступился.

Наконецъ, и мать, съ робостью и нерѣшительностью, произнесла одно имя и взглянула прежде всего на старую няньку. Послѣдняя почему-то еще энергичнѣе запротестовала:

— Нѣ, барыня, нѣ! Не пойдетъ къ вамъ Захаръ Васильевъ, не пойдетъ!

— Это почему такъ?—съ живостью спросила мать. Отецъ тоже насторожился. На губахъ у Ѳоминишны заиграла странная улыбка.

— Потому и не пойдетъ, что не пойдетъ. Мужикъ—золото, что говорить; а только кака-жъ неволя Захару Васильичу отъ своего хозяйства въ батраки идти? Жена у него молодая, пригожая; недостачи ни въ чемъ нѣтъ... И добро-бъ еще заведенье у насъ настоящее господское было, корысть тамъ какая, что ли... А то—имѣньице махонькое, хоромы поразвалились, жалованьишко пустое, ѣда, говорить ежели правду, не заморская... .

Отецъ круто остановился передъ матерью и сердито пыхнулъ изъ чубука.

— Вотъ результатъ вѣчнаго побратимства съ слугами,— укоризненно, ядовито бросилъ онъ ей:—вотъ!.. Пьютъ, ѣдятъ и спятъ вмѣстѣ, чуть не въ повалку... И сплетничаютъ, и письма вслухъ читаютъ...

— Какія я письма читаю?—заплакала тотчасъ же мать.— Живу въ лѣсу, какъ въ монастырѣ, и мнѣ же попреки...

— А ты, хамка ты старая, что за дичь порешь?—загремѣлъ отецъ на Ѳоминишну.—Твое-ль дѣло судить, настоящее у насъ или не настоящее господское заведенье? Ты голодомъ, что ли, сидишь?

— И, батюшка-баринъ, какое голодомъ!—уже въ другомъ тонѣ заговорила понявшая свою оплошность старуха.—Что сами ѣдите, то и мнѣ. Квасъ—такъ и я квасъ... Простите дуру старую. Не то я и сказать-то вовсе хотѣла, что языкъ сболтнулъ. Ндравный человѣкъ—Захаръ Васильичъ, вотъ что, батюшка-баринъ! Тверезый, умный, работящій, андравный! Три года выжилъ онъ у енарала Веригина въ камель-

гинерахъ. Самъ енаралъ души въ немъ, баютъ, не чаялъ. А только случись такъ, что чѣмъ то попрекнулъ его енаралъ, выговоръ, можетъ, какой сдѣлалъ... И что-жъ бы вы думали, баринъ? Въ скорости собрался Захаръ уходить. Испужался енаралъ, слезно молить его началъ: „Останься! Озолочу тебя, Захаръ Васильичъ... Обиду мою глупую прости, останься!“ Нѣтъ, не остался. „Я, говоритъ, ваше сіятельство не за обиду ухожу, потому вся власть господская выговоры слугамъ дѣлать. А такъ, говоритъ, къ случаю мысль такая у меня образовалась: лучше, молъ, человѣку вольному на свѣтѣ жить! Пора мнѣ, говоритъ, заводить свое гнѣздо“. Съ тѣмъ и ушелъ отъ Веригиныхъ. Дарью изъ Сорочинъ въ скорости за себя взялъ. Изъ себя, господа мои дорогіе, красавица писаная, на всякую работу ловкая, мужу безпрекословная... Построили они себѣ на краю села хатку, ровно игрушечку, и сидятъ, какъ два голубка въ гнѣздышкѣ, милуются, дѣтокъ поджидаютъ. Ну, только не шлетъ имъ Господь радости! Нѣтъ, какъ нѣтъ, дѣтокъ! Шибко, баютъ, горюетъ Захаръ.

Мать первая нарушила наступившее неловкое молчаніе. Въ ней тоже, видимо, шевелилась задѣтая струна дворянскаго гонора.

— Знаю я Веригиныхъ,—сказала она.—Папенька мой съ старымъ генераломъ дружбу водилъ, ѣздили другъ къ дружкѣ. Слава только, что богачи и князья, а когда нѣтъ гостей, такъ хуже еще нашего ѣдятъ!

— Ну, утро вечера мудренѣе!—сурово рѣшилъ отецъ, закрывая семейное совѣщаніе.—Вижу я, этотъ Захаръ намъ, дѣйствительно, не подойдетъ. Да что это за Захаръ такой? Я что-то, какъ будто, и не помню.

Но на самомъ дѣлѣ онъ, должно быть, отлично помнилъ, такъ какъ съ этого же дня начались съ Захаромъ Васильевымъ переговоры. Появился въ нашемъ домѣ и самъ таинственный „ндравный камельгинеръ“ генерала Веригина.

Какъ сейчасъ помню обыкновеніе Захара подходить къ собесѣднику замедленнымъ, степеннымъ шагомъ, скрестивъ на груди руки и кистью одной изъ нихъ пощипывая рѣденькую бородку, тогда какъ большіе сѣрые глаза, серьезные и умные, вскидывались вверхъ съ выжидающимъ любопытствомъ. Въ противоположность Аѳанасію, одѣвался Захаръ совсѣмъ просто, по-мужицки: въ обыкновенную рубаху-косоворотку изъ домотканнаго холста, низко перетянутую тонкимъ пояскомъ... И лицо у него было простое, никакихъ особыхъ примѣтъ не имѣвшее: большой прямой носъ съ нѣсколькими оспинами, русые волосы, раздѣленные по срединѣ ровнымъ проборомъ и завивавшіеся на вискахъ въ

кольца. Тысячи точь въ точь такихъ же крестьянскихъ лицъ можно встрѣтить въ нашихъ великорусскихъ деревняхъ, и единственной исключительно Захару свойственной чертой была, пожалуй, какая-то особая важность и чинность всѣхъ движеній, осторожная, слегка, какъ будто, презрительная строгость взгляда и скупость на слова.

Гостя приняли необычайно радушно и усадили пить чай. Отецъ былъ удивительно привѣтливъ и бодрымъ, веселымъ голосомъ изложилъ въ краткихъ чертахъ свое дѣло.

— Я самъ, ты знаешь, здѣсь не живу, ну а съ *ней*,— прибавилъ онъ съ добродушной иронiей, указывая на мать,— съ ней, думаю, ты, навѣрное, поладишь.

— Наша барыня,—вмѣшалась тотчасъ же Ѳоминишна,— добрѣй ея на свѣтѣ нѣтъ. Будешь жить у насъ, какъ у Христа за пазухой, и Дарьюшкѣ твоей худо не будетъ.

Захаръ строго поглядѣлъ на старуху и ничего не сказалъ.

— Ну, такъ какъ же, Захаръ Васильичъ?—нетерпѣливо допрашивалъ отецъ.—Что, въ самомъ дѣлѣ, скажешь?

— Благодаримъ покорно за ласку.

Съ женскимъ тактомъ, мать, съ своей стороны, вставила посторонній вопросъ:

— Горюете вы, слышно съ Дарьей, что дѣтей Богъ не даетъ?

Захаръ вздохнулъ.

— Божья воля!—сказалъ онъ кротко.

— Ну, это по началу бываетъ,—прервалъ отецъ, пыхнувъ чубукомъ и со смѣхомъ надувъ щеки.—У насъ вотъ тоже... лѣтъ пять, кажется, все скулили? А потомъ и прорвало. Еще умерло сколько... Переходи вотъ ко мнѣ жить, я секретъ такой знаю... Штука простая!

Въ безстрастныхъ глазахъ Захара блеснуло что-то на мгновенье... Легкая улыбка, казалось, дрогнула на губахъ... Но это было одно короткое мгновенье: лицо сдѣлалось послѣ того, будто, еще строже, еще печальнѣе.

— На все Божья воля,—повторилъ онъ сурово.—Люди тутъ ничего не могутъ. Я подумаю, баринъ, объ вашемъ дѣлѣ, посовѣтуюсь съ хозяйкой... Спасибо, барыня, за чай, за сахаръ.

И, опрокинувъ кверху дномъ стаканъ и положивъ на него недогрызанный кусокъ сахару, Захаръ всталъ и началъ прощаться.

На порогѣ кухни онъ встрѣтилъ блѣднаго, взволнованнаго Аѳанасія. Хотя всѣмъ въ домѣ и строго-на-строго приказано было до поры до времени держать языкъ за зубами, но что-то, видно, уже успѣло до Аѳанасія донестись. Онъ окинулъ соперника дерзкимъ, вызывающимъ взглядомъ,

молча вышелъ слѣдомъ за нимъ на дворъ и долго смотрѣлъ, какъ онъ удалялся по снѣжной дорогѣ, громко бормоча: „Ишь, святая душа! Ноги-бъ тебѣ обломать хорошенько, забылъ бы шляться, хлѣбъ у людей отбивать!“

Однако, переговоры налаживались, повидимому, туго. Отецъ сердился, во всѣхъ неудачахъ виня, по обыкновенію, мать и уже собирался было покинуть Исаево, оставивъ въ немъ все по старому, какъ совершенно неожиданно, почти наканунѣ его отъѣзда, случилось необыкновенное происшествіе.

Заглянувъ въ амбаръ, гдѣ въ „сусѣкахъ“ хранился зерновой хлѣбъ, отецъ пораженъ былъ малымъ его количествомъ. Онъ раскричался на Аѳанасія. Тотъ, оправдываясь, ссылался на неурожайный годъ, на то, что много зерна роздано, съ согласія барыни, крестьянамъ подъ лѣтнюю работу; наконецъ, увѣрялъ, что „сусѣки“ глубоки, и зерна въ нихъ всетаки много. Отецъ совалъ въ нихъ свой длинный чубукъ, съ которымъ дома никогда не разставался, кричалъ, сердился и подъ конецъ пригрозилъ, что на утро лично перемѣритъ весь хлѣбъ.

— Ваша воля,—покорно сказалъ Аѳанасій.

И въ ту же ночь амбары вспыхнули, какъ свѣча...

Въ домѣ поднялся невообразимый переполохъ, разбудившій даже меня съ Катей; а можетъ быть, насъ и нарочно растолкали... Съ жаднымъ любопытствомъ и какой-то жуткой радостью смотрѣли мы, сидя въ большой горницѣ въ однѣхъ рубашонкахъ, на ярко пылавшіе амбары. Зрѣлище изъ оконъ было великолѣпное...

— Галки-то, галки-то... Мотрите-тка, прямо на домъ летятъ!—кричала, всплескивая руками, Палашка.—Охъ, загоритъ домъ... Ужъ я знаю, что загоритъ!

Я смотрѣлъ на небо—и, дѣйствительно, видѣлъ тамъ, въ темной вышинѣ, летящихъ огненныхъ птицъ... Это были „гальки“, т. е. пылающія головешки и большіе куски угля, далеко отлетающіе, обыкновенно, отъ горящаго зданія.

Амбары отдѣлялись отъ дома какими-нибудь двумя стами шаговъ или и того меньше, и опасность была, въ самомъ дѣлѣ, велика. Мать, въ обычное время совсѣмъ равнодушная къ религіи, одѣлась и вынесла икону Спасителя, „благословеніе“ своей покойной матери... Въ отцѣ уже начинался въ эту пору тотъ глубокій идейный переломъ, о которомъ впослѣдствіи мнѣ еще придется говорить, однако, и онъ не только безъ насмѣшки, но съ явнымъ покровительствомъ отнесся къ этой затѣѣ привлечь къ земнымъ дѣламъ небесныя силы.

— Сюда! Сюда!—закричалъ онъ, увидѣвъ въ рукахъ жены

икону.—Эй, ребята, разберите сейчасъ же изгородь. Надо вокругъ всего дома обнести!

И изгородь затрещала подъ дюжими ударами мужицкихъ топоровъ.

Мать обошла домъ, постояла передъ горящими амбарами— и, о чудо!—разсказывали потомъ очевидцы,—вѣтеръ сразу перемѣнилъ направленіе. Домъ былъ спасенъ...

Впрочемъ, отецъ въ своемъ живописномъ разсказѣ сосѣдямъ-гостямъ, посѣтившимъ насъ на другой день, предпочиталъ почему-то умалчивать объ иконѣ и чудѣ; по его мнѣнію, все обошлось сравнительно счастливо, единственно благодаря его распорядительности и удивительному усердію набѣжавшихъ со всѣхъ окрестныхъ деревень крестьянъ. Особенно отличились Захаръ и, къ общему удивленію, Аѳанасій... Послѣдній бросался то и дѣло прямо въ огонь и полными мѣрами выносилъ изъ амбаровъ начавшую уже обгорать рожь. Онъ спалилъ себѣ волосы, на немъ дымилась одежда... Не менѣе отважно велъ себя и всегда солидный, мало подвижный въ обычное время Захаръ: въ эту ночь онъ, будто, соперничалъ съ Аѳанасіемъ въ удали и самоотверженности. Но вотъ уже и потолокъ прогорѣлъ въ амбарахъ и каждую минуту грозилъ обвалиться. Отецъ схватилъ тогда за руки обоихъ исаевскихъ героевъ и не пускалъ болѣе въ огонь; но Аѳанасій вырвался и еще разъ заскочилъ въ пылавшее со всѣхъ сторонъ строеніе... И только-только успѣлъ онъ, задыхаясь и съ опаленной головою, выбѣжать назадъ съ неполной мѣрой ржи въ рукахъ, какъ слѣдомъ раздался страшный трескъ — и прогорѣвшій потолокъ разомъ рухнулъ...

Что толкало Аѳансія на такіе подвиги? Думалъ ли онъ, что на него естественно падетъ общее подозрѣніе въ поджогѣ, и разсчитывалъ поведеніемъ во время пожара доказать свою невинность? А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, онъ не былъ виноватъ: искру могъ заронить самъ отецъ, уже почти въ сумерки ходившій въ амбаръ съ неизбѣжнымъ чубукомъ въ рукахъ...

Экспансивная Палашка, разумѣется, первая высказала вслухъ подозрѣніе на Аѳанасія:

— Онъ это, барыни, онъ, подлецъ! Некому другому... Съ самаго вечера на брюхо все жалился, на улку выбѣгалъ... Онъ первый и гаикнулъ: „Пожаръ!“

Ѳоминишна тоже недвусмысленно покачивала головой, и въ первые же послѣ пожара дни у всѣхъ установилось твердое убѣжденіе, что несчастіе это было дѣломъ рукъ Аѳанасія.

Захара еще разъ пригласили въ гости, и на этотъ разъ

ему было обѣщано—если онъ прослужитъ въ Исаевѣ не менѣе шести лѣтъ,—сверхъ положеннааго годового жалованья, подарить еще въ вѣчное владѣніе пустошь Осокино. Ни отецъ, ни мать этой пустоши въ глаза не видывали, но Захаръ, должно быть, по достоинству оцѣнилъ обѣщаніе, и колебанія его сразу прекратились.

Никакого письменнаго документа составлено не было: времена были тогда простыя, патріархальныя, и дѣло ограничилось торжественно даннымъ словомъ. Но, къ чести своихъ родителей, я долженъ сказать, что оно было впослѣдствіи свято выполнено.

— Душенька, какое у васъ несчастье случилось?—въ ближайшее воскресенье спросилъ меня кто-то изъ гостей, ласково взявъ за подбородокъ.

— Да пѣтушка закололи!—простодушно отвѣчалъ я, потому что наибольшимъ огорченіемъ была для меня, разумѣется, безвременная гибель любимаго пѣтушка, котораго въ этотъ день закололи по случаю гостей...

Л. Мельшинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ переписки Н. К. Михайловскаго.

(*Отвѣтъ «толстовцу»*).

Печатаемое ниже письмо Н. К. Михайловскаго прислано намъ Е. И. Поповымъ, которому оно было адресовано. Чтобы сдѣлать его вполнѣ понятнымъ, г-нъ Поповъ приложилъ и свое письмо, которымъ отвѣтъ Михайловскаго былъ вызванъ. Мы даемъ ихъ рядомъ. Одно характерно для такъ называемаго «толстовства», другое—для отношенія къ нему Н. К. Михайловскаго. Даты на обоихъ письмахъ мы не нашли. Но г-нъ Поповъ начинаетъ съ указанія на январскую статью въ «Русской Мысли». Михайловскій въ своемъ отвѣтѣ ссылается на только что вышедшую книгу свою «Литература и Жизнь». Книга помѣчена 1892 годомъ, значитъ, вышла, вѣроятно, въ самомъ концѣ 1891. А въ январской книжкѣ «Русской Мысли» 1892 года есть статья Михайловскаго подъ тѣмъ же общимъ заголовкомъ («Литература и Жизнь»), трактующая о Мечниковѣ и Л. Н. Толстомъ. Очевидно, письмо Е. И. Попова вызвано именно этой статьей, и переписка должна быть отнесена къ февралю или марту 1892 года. Извѣстно, что Михайловскій цѣнилъ очень высоко геній Толстого, и не только какъ художника. Въ статьѣ «Десница и шуйца гр. Л. Н. Толстого» онъ далъ едва ли не самую глубокую оцѣнку взглядовъ Толстого на народъ и на задачи его воспитанія, приложивъ къ нимъ свою теорію «степеней и типовъ». Тѣмъ съ большей страстностью нападалъ онъ на то, что считалъ «шуйцей» великаго писателя, которая,—по словамъ одной изъ близкихъ по времени статей Михайловскаго,—разрослась до того, что грозила превратить Л. Н. Толстого въ «лѣвшу». Отголосокъ этой страстности звучитъ и въ печатаемомъ ниже отвѣтѣ корреспонденту-«толстовцу».

Вотъ самыя письма:

I.

Николай Константиновичъ!

Я прочелъ вашу статью въ январской книжкѣ «Русской Мысли», и хочу высказаться по поводу ея. Статья эта даетъ впечатлѣніе враждебности, которую вы питаете къ мыслямъ, высказываемымъ

Л. Н. Толстымъ, и эта враждебность, по моему, совершенно незаслуженная, и заставляетъ меня писать вамъ это письмо.

Эпизодъ съ мальчикомъ въ общинѣ, описанный въ «Смол. Вѣстн.», вымышленъ совершенно, какъ и многое другое, сообщаемое этимъ «Вѣстникомъ». Корреспонденціи пишутся лицами, ни разу не бывшими въ общинѣ, получающими свѣдѣнія черезъ третьи руки и сообщающими ихъ ради курьеза и моды дня. Въ виду этого вамъ для критики дѣла общинъ, какъ общественнаго явленія, нельзя пользоваться сообщеніями явно пристрастными. Кромѣ того, въ № 47 «Недѣли» за прошлый годъ человѣкомъ, жившимъ въ этой общинѣ, заявлялось о ложности этого эпизода, и если вы читали это заявленіе, то повтореніе вашего фельетона—дѣло уже совсѣмъ нехорошее.

Такое ваше отношеніе къ людямъ, не сдѣлавшимъ вамъ ничего худого, я не могу ничѣмъ объяснить, какъ вашей предвзятой враждебностью къ тому нравственному движенію, представителемъ котораго является Толстой и которое, распространяясь у насъ и за границей все шире и шире, захватываетъ все большее и большее число людей всѣхъ возможныхъ степеней искренности и энергіи. Къ сожалѣнію, это нравственное движеніе получило названіе «Толстовскаго», т. е. временнаго, мѣстнаго движенія, тогда какъ (какъ и вы, Н. К., знаете) ученіе Толстого не есть его выдумка, а есть только разъясненіе и приложеніе тщательно скрываемаго государствомъ и церковью христіанскаго ученія къ современнымъ условіямъ жизни. И странное дѣло, ученіе это возненавидѣли всѣ, люди самыхъ разнообразныхъ, даже противоположныхъ взглядовъ и міросозерцаній. И возненавидѣли не за то, что оно есть христіанское, а за то, что оно разрушаетъ, требуетъ разрушенія существующихъ условій жизни, которыя мы такъ любимъ. Но было ли что любить? Кто доволенъ современными условіями жизни? Кому пріятны тѣ страданія, которыя мы несемъ во имя этихъ условій? Кто не сознаетъ весь гнетъ государства, всю ложь церкви? Ни для кого не секретъ, что бракъ, единобрачіе—сталъ уже фикціей, что «Крейцерова Соната», если и есть очень сильное преувеличеніе, то все же преувеличеніе дѣйствительности, которую мы сознательно скрываемъ и отъ себя, и отъ другихъ. Всѣ мы знаемъ, что напиться, накуриться, нажраться, словомъ, стать скотомъ стало для многихъ изъ насъ частымъ явленіемъ, чуть не благомъ, знаемъ, что уже дѣтей поятъ виномъ. Мы видимъ все это зло, видимъ причины его въ современныхъ условіяхъ, и остаемся влюбленными въ эти условія, боясь съ ними разстаться. Были люди искренніе, которые не побоялись разрушить эти условія, употребляя оружіе и насилія, пожертвовали собой, не достигнувъ цѣли, потому что сопротивленіе было сильнѣе ихъ насилія. Теперь человѣкъ указываетъ иной, вѣрный способъ освобожденія людей отъ этого зла, въ которомъ

они купаются и страдаютъ; и люди ненавидятъ этого человѣка. Вѣдь это вопіющіе противорѣчіе. Вѣдь это дѣло не шутка, Н. К., если не найдено средство освободиться отъ всѣми сознаваемыхъ страданій, и если человѣкъ предлагаетъ это средство, то нельзя отбрасывать его безъ уважительныхъ причинъ, и тѣмъ менѣе можно своими отзывами объ ученіи мѣшать людямъ самимъ познакомиться съ ученіемъ. Противорѣчіе это тѣмъ болѣе не объяснимо, что приложеніе послѣдствій этого ученія къ жизни приводитъ къ тѣмъ цѣлямъ, не желать которыхъ и вы не можете: къ освобожденію отъ государственнаго насилія, милитаризма къ свободѣ, равноправности сословій и половъ, къ уничтоженію капитализма, крупной земельной собственности и экономическаго рабства и т. д.; словомъ, къ вѣрному рѣшенію тѣхъ нравственно-общественныхъ вопросовъ, которые стоятъ теперь на очереди передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Правительство и церковь отлично сознаютъ роль Толстого и т. н. толстовцевъ и неизбѣжно будутъ приведены къ необходимости начать противъ нихъ гоненіе, которое будетъ и было болѣе жестокое, чѣмъ гоненіе революціонеровъ, такъ какъ въ революціонерахъ правительство видѣло своихъ соперниковъ, въ новомъ же христіанскомъ движеніи—своихъ уничтожителей. Такъ что, глумясь надъ предложеніемъ Христа не противиться злому зломъ и насилію—насиліемъ и потому не ходить въ солдаты и тѣмъ не поддерживать все наше государственное и экономическое рабство, глумясь надъ этимъ предложеніемъ, вы сильно играете въ руку правительственной власти, т. е. злу, наносящему намъ наибольшія страданія, и это, я думаю, не хорошо. Не называя же ученія христіанскаго ученіемъ христіанскимъ, а ученіемъ Толстого,—вы дѣлаете большую услугу церкви, которой только того и надо, чтобы всѣми возможными и невозможными способами скрыть истинное, преобразующее жизнь значеніе христіанства и поддержать свое идолопоклонство и язычество съ его утвержденіемъ авторитета власти, праздности духовенства и того мрака, въ которомъ церковь держитъ умышленно народъ, забирая въ свои руки деревенскія школы и преслѣдуя всякое проявленіе истиннаго пониманія христіанства и проведенія его въ жизнь. Это теперь съ особенными усиліями производится надъ штундой, молоканствомъ и др. раціоналистическими сектами. И потакая этому срыванію христіанства и извращенію словъ Толстого церковью, вы дѣлаете ей хорошую услугу, но за то весьма плохую прогрессу духовнаго развитія въ народѣ и это, съ вашей стороны, я думаю, тоже не хорошо.

Кромѣ вашего страннаго отношенія къ писаніямъ Толстого, у васъ есть совсѣмъ несправедливое отношеніе къ его личности, которое особенно рѣзко выражается въ этой вашей статьѣ. Не говоря уже о томъ, что совсѣмъ неловко читать доказательства несостоятельности человѣка, который живъ и потому оцѣнка кото-

раго не можетъ быть сдѣлана; во-вторыхъ, странно читать обличенія въ непослѣдовательности человѣка, которому,—всѣ знаютъ,—заткнутъ ротъ, и которому и за котораго нельзя сказать вслухъ ни одного слова, между тѣмъ какъ ваши страницы завтра разойдутся въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ экземпляровъ и останутся безъ возможности возраженія; въ-третьихъ, изъ близкаго личнаго общенія съ Л. Н. Толстымъ я знаю, что онъ не позволяетъ себѣ не только говорить недружелюбно, но думать о васъ нехорошо, такъ что ваша враждебность совсѣмъ незаслуженна. Тѣ постоянно измѣняющіеся взгляды, которые онъ переживаетъ, доказываютъ только то, что это живая, впечатлительная, доходящая до крайности натура, постоянно ищущая свѣта, хватающаяся за каждый лучъ его. Да, онъ непослѣдователенъ въ томъ смыслѣ, что не поспѣваетъ за выводами разума, и дай Богъ, чтобы былъ такъ непослѣдователенъ, потому что въ этомъ преслѣдованіи и осуществленіи всегда стоящей впереди и уходящей по мѣрѣ приближенія цѣли—и есть залогъ прогресса, и, благодаря этому, онъ теперь въ 65 лѣтъ не засохшій, закостенѣвшій въ извѣстныхъ убѣжденіяхъ старикъ,—а юношеская впечатлительная душа, отзывчивая ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни. Ну, мнѣ не приходится его защищать.

Еще два слова объ вашемъ отношеніи къ половому вопросу, поднятому Толстымъ—«Крейцеровой сонатой». Вы и многіе другіе приписываете Позднышеву мысли самого Л. Толстого. Между тѣмъ, Позднышевъ это—человѣкъ, который только что перенесъ убійство, тюрьму, судъ, и теперь переноситъ презрѣніе окружающихъ, человѣкъ, который нервно разстроенъ, словомъ, типъ, отъ котораго можно ожидать рѣзкости и крайности выраженій. Это художественный пріемъ для того, чтобы вызвать сильное впечатлѣніе, и этого пріема вамъ нельзя не знать, и потому нельзя приписывать Толстому мысли Позднышева. То, что Толстой, дѣйствительно, хотѣлъ сказать въ «Сонатѣ»—прямо и просто сказано имъ въ послѣсловіи и тому, кто не согласенъ съ его мыслями, слѣдуетъ возражать и критиковать послѣсловіе—иначе несправедливо. Да и къ чему критиковать? Всѣ мы не то что знаемъ,—на своихъ бокахъ испытываемъ всѣ несчастія современнаго брака, вытекающія изъ нашего отношенія къ женщинамъ и половой похоти. И если человѣкъ осмѣлился показать обществу неприкрашенное изображеніе его брачныхъ отношеній, и даже намѣчаетъ выходъ изъ нихъ, то не перекричать намъ нужно стараться его, а поддержать, указать ошибки, крайности, увлеченія. Вѣдь себя мы не обманемъ, а тѣмъ меньше тѣхъ, кому приходилось перенести на себѣ весь ужасъ «Крейцеровой сонаты», а это случается слишкомъ часто.

Вѣдь всѣ мы, несмотря на разницу положенія, возраста, убѣжденій, вѣдь всѣ мы живемъ подъ одной участью не сегодняшней, такъ завтрашней или весьма неудаленной смерти, и всѣмъ намъ

предстоитъ одно дѣло—какъ можно лучше прожить эту жизнь, т. е., какъ можно полнѣе отдать себя на служеніе братьямъ. Такъ зачѣмъ же эта рознь, эта вражда, такъ разслабляющая силы общаго дѣла? Къ чему подкапываться подъ каждаго, несогласнаго съ нами? Вы вѣдь знаете, твердо знаете, что побужденія настоящей дѣятельности Толстого не есть ни корысть, ни тщеславіе, и не лучше ли вмѣсто розни искать точки соприкосновенія и въ чемъ можно помогать другъ другу?

Простите, если что сказалъ непріятное.

Е. Поповъ.

Милостивый Государь!

Въ письмѣ вашемъ меня такъ многое заинтересовало, что вы—разъ его написали,—можетъ быть, не откажетесь разъяснить мнѣ нѣкоторыя мои недоумѣнія.

Вы недовольны моимъ отношеніемъ «къ людямъ, которые не сдѣлали мнѣ ничего худого», и въ другомъ мѣстѣ говорите, что «Л. Н. не позволяетъ себѣ не только говорить, но и думать обо мнѣ нехорошо, такъ что враждебность моя къ нему совсѣмъ незаслуженная». Значитъ, если бы люди сдѣлали мнѣ худое или если бы Л. Н. дурно говорилъ обо мнѣ, то враждебность была бы заслуженная? Это по христіански? Я лично, дѣйствительно, ничего худого не видалъ ни отъ Л. Н., ни отъ «толстовцевъ», но это показываетъ только, что я не руковожусь въ этомъ дѣлѣ личными отношеніями. И это, я думаю, не дурно.

Развертываю свою только что вышедшую книжку «Литература и жизнь» и читаю: «все доброе и умное въ Крейцеровой сонатѣ принадлежитъ нашему знаменитому писателю, а все злое, развратное, глупое—Позднышеву». Въ другомъ мѣстѣ: «Горькая правда, но правда все, что сказано о такъ называемой любви у Толстого съ фактической стороны: грубо, грязно, омерзительно». И т. д., и т. д. Почему же вы находите нужнымъ учить меня тому, что я довольно хорошо знаю и печатно выразилъ?

Вы упрекаете меня за то, что я излагаю «доказательства несостоятельности человѣка, который живъ и потому оцѣнка котораго еще не можетъ быть сдѣлана». Этотъ упрекъ мнѣ сдѣлалъ больно, потому что я самъ чувствовалъ неловкость этихъ обличеній живого человѣка. Но я вынужденъ это дѣлать, вынужденъ самимъ Л. Н., его друзьями и послѣдователями. Не я публиковалъ письма Л. Н. къ Фету, а разъ они опубликованы, я не могу ими не пользоваться. Не я началъ говорить о личной жизни Л. Н., а частью онъ самъ своею исповѣдью, частью его почитатели, и теперь его жизнь есть всеобщее достояніе. Да иначе и быть не можетъ,—вѣдь онъ примѣромъ учитъ.

Вы говорите: «Странно читать обличенія въ непослѣдовательности человѣка, которому, *всѣ знаютъ*, заткнутъ ротъ и которому и за котораго нельзя вслухъ сказать ни одного слова, между тѣмъ какъ ваши страницы завтра разойдутся въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ экземпляровъ и останутся безъ возможности возраженія».

— «Всѣ знаютъ?» Я не знаю. У всѣхъ у насъ ротъ заткнутъ, но у Л. Н. меньше, чѣмъ у кого нибудь. Благодаря его имени, у него есть столько и такихъ способовъ распространенія, объ какихъ мы и мечтать не можемъ. За многое, что циркулируетъ отъ имени Л. Н. въ лито- и гектографированномъ видѣ, каждый изъ насъ давно былъ бы у чорта на куличкахъ. А съ другой стороны, для многаго, что проповѣдуетъ Л. Н., ворота настежь отворены. Ни ему и никому другому не воспрещается доказывать вредъ и ненужность женскаго образованія, вредъ и ненужность изученія «клѣточки глиста» и т. п. Рады будутъ. Рады будутъ и проповѣди непротивленія злу, конечно, не въ видѣ отказа отъ воинской повинности. Рады будутъ и новому осмѣянію головной работы «чистаго господина», вообще очень и очень многому.

Вы утверждаете, что ученіе Л. Н. мнѣ ненавистно потому, что «оно разрушаетъ, требуетъ разрушенія столь любимыхъ и привычныхъ намъ условій современной жизни» и что я «безъ уважительныхъ причинъ» отбрасываю средства борьбы со зломъ, рекомендуемыя Л. Н. Какое право имѣете вы мнѣ это говорить? Мои уважительныя причины могутъ вамъ казаться неуважительными, но это зависитъ отъ точки зрѣнія и отнюдь не доказываетъ, что я ни съ того, ни съ сего накинулся на Л. Н. Повѣрьте, думалъ и имѣю съ своей точки зрѣнія вполнѣ уважительныя причины. Онѣ заключаются въ томъ, что ученіе Л. Н. мѣшаетъ разрушенію условій современной жизни. Вѣрно ли я понимаю или ошибочно, это другой вопросъ.

Вы говорите, что я напрасно называю «толстовствомъ» то, что есть истинное христіанство. Я никогда не объявлялъ себя вѣрующимъ христіаниномъ, и для меня эпитетъ «христіанскій» еще ничего не рѣшаетъ. Но для васъ завѣты Христа, евангеліе— законъ. Христосъ, какъ вамъ извѣстно, юношѣ, обратившемуся къ нему съ вопросомъ: что дѣлать? сказалъ: продай имѣніе (то-есть обрати въ деньги) и раздай нищимъ. А Л. Н. утверждаетъ, что денежная помощь зло и не должно ее оказывать, и ни самъ онъ, ни послѣдователи его не раздаютъ имѣнія. Если вы, именующіе себя настоящими христіанами, позволяете себѣ урѣзывать, измѣнять и по своему толковать прямыя слова Христа, такъ намъ можно называть васъ не христіанами, а толстовцами.

Вы очень хорошо говорите: «зачѣмъ эта рознь, эта вражда, разслабляющая силы общаго дѣла? къ чему подкапываться подъ

каждаго, несогласнаго съ нами? не лучше ли вмѣсто розни искать точки соприкосновенія и въ чемъ можно—помогать другъ другу?» Такъ и должны говорить вы, какъ христіанинъ. Но мы, «мірскіе», думаемъ, что общее дѣло достигается также и выясненіемъ всего, несовмѣстнаго съ правдой. И, можетъ быть, это самое Христосъ разумѣлъ, говоря, что Онъ не миръ съ собой принесъ, а мечъ. Но допускаю, что вы правы. Говорили ли вы это самому Л. Н.? Говорили ли вы ему: зачѣмъ называть «одурѣлыми» дѣвушекъ, которыя хотятъ учиться? зачѣмъ огульно называть «дармоѣдами» людей науки и искусства? зачѣмъ издѣваться надъ «головной работой чистаго господина»? Не лучше ли поискать точки соприкосновенія? зачѣмъ предавать всенародному позору «плоды просвѣщенія»?

О скачкахъ мысли Л. Н. возражать не буду. Вамъ кажется, что это хорошо, мнѣ кажется, что это дурно. Одно скажу: если человѣкъ знаетъ за собой, по опыту узналъ это, по вашему, достоинство, а по моему недостатокъ и если онъ выступаетъ въ роли учителя и если у него въ самомъ дѣлѣ есть ученики, онъ долженъ семь разъ примѣрить прежде, чѣмъ отрѣзать.

Вы говорите, что разсказъ «Смоленскаго Вѣстника» былъ опровергнутъ. Я не зналъ этого, и меня огорчаетъ, что не зналъ. Но я и до сихъ поръ не знаю, изъ компетентнаго ли источника идетъ это опроверженіе. Очень жалѣю, что авторъ опроверженія не прислалъ его мнѣ.

Если вамъ не понравится тонъ этого письма—простите.

Адресъ мой: Петербургъ, Кабинетская, 10.

Ник. Михайловскій.

Стихотворенія.

I.

* * *

И минулъ годъ, еще одинъ ужасный годъ,
Изъ труповъ грозную воздвигшій пирамиду...
Въ глухой тревогѣ, мы съ тоской глядимъ впередъ,
Тая трусливую обиду.
И негодуемъ мы, и мстить даемъ зарокъ,
Порывомъ движимы и вялымъ, и безплоднымъ...

А со страницъ газетъ, сквозь трауръ ровныхъ строкъ,
На насъ глядитъ, смѣясь зловѣщимъ смѣхомъ, Рокъ
И дышитъ ужасомъ холоднымъ.

II.

* * *

Съ тревогой жуткою привыкъ встрѣчать я день
Подъ гнетомъ чернаго кошмара.
Я знаю: принесетъ мнѣ утро бюллетень
О тѣхъ, надъ кѣмъ свершилась кара,—
О тѣхъ, къ кому была безжалостна судьба,
Чей рано пробилъ часъ урочный,
Кто даръ послѣдній взялъ отъ жизни—два столба,
Вверху скрѣпленныхъ плахой прочной.
Чѣмъ ближе ночь къ концу, тѣмъ громче сердца стукъ:
Рыдаетъ совѣсть, негодуя...
Тоскуетъ гнѣвный духъ... И, выжимая звукъ
Изъ устъ, искривленныхъ злой судорогой мукъ,
Шепчу проклятія въ бреду я!
Слухъ ловитъ лязгъ цѣпей и ржавой двери скрипъ...
Безумный вопль... шаги... смятенье...
И шумъ борьбы, и стонъ... и хрипъ, животный хрипъ...
И тѣла тяжкое паденье!..
Видѣнья страшныя терзаютъ сердце мнѣ
И мозгъ отравленный мой сушатъ.
Безсильно бьется мысль... Мнѣ душно... Я въ огнѣ...
— Спасите! Въ этотъ часъ въ родной моей странѣ
Кого-то гдѣ-то злобно душатъ!
Кому-то не раскрыть безжизненныхъ очей:
Остывшій въ петлѣ предъ разсвѣтомъ,
Ужъ не проснется онъ и утреннихъ лучей
Не встрѣтитъ радостнымъ привѣтомъ!..

Е. Придворовъ.

Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.

I.

Въ лаконической формѣ газетной телеграммы послѣдніе президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ врядъ-ли могли произвести глубокое впечатлѣніе на сторонняго зрителя. Выборы эти привели къ избранію въ президенты Вильяма Тафта, кандидатуру котораго съ такимъ усердіемъ защищалъ президентъ Рузвельтъ; въ конгрессѣ большинство по прежнему будетъ принадлежать республиканской партіи. Словомъ, все осталось по прежнему, — значитъ, не произошло ничего новаго, интереснаго. Присматриваясь къ тому, какъ быстро остылъ интересъ къ результатамъ выборовъ даже на мѣстѣ, какъ, спустя недѣлю послѣ дня выборовъ, едва-ли можно найти газетную замѣтку на эту тему, многіе американцы также приходятъ къ этому заключенію. Его особенно настойчиво подчеркиваютъ тѣ умѣренно прогрессивные элементы американскаго общества, которые очень любятъ развивать новую точку зрѣнія, что въ прогрессѣ общества политика играетъ очень незначительную роль, что суть дѣла въ реформахъ, культурной, благотворительной дѣятельности и т. д. Ибо часть американскаго культурнаго общества переживаетъ теперь стадію проповѣди малыхъ дѣлъ, стадію, такъ хорошо знакомую русскому интеллигенту лѣтъ 35—40.

Но человѣка съ хорошо развитымъ чувствомъ гражданственности такая точка зрѣнія едва-ли удовлетворитъ. Уже одинъ внѣшній фактъ, что въ одинъ день до 15 милліоновъ взрослыхъ гражданъ имѣли возможность выразить свои политическія симпатіи и антипатіи, дѣлаетъ всякіе президентскіе выборы въ Америкѣ фактомъ первой политической важности, ибо, несмотря на весь хваленый прогрессъ демократіи въ теченіе 19-ого вѣка, народная масса лишь очень рѣдко принимаетъ непосредственное участіе въ политической жизни страны. Даже при республиканскомъ строѣ въ промежутки между выборами политическая власть сконцентрирована въ рукахъ очень немногихъ лицъ, и (какъ блестяще доказалъ нашъ соотечественникъ Острогорскій въ его капитальномъ трудѣ «Демокра-

тія и организація политическихъ партій») эти лица отвѣтственны не столько передъ всѣмъ народомъ, сколько предъ организованной политической партіей. Остается, правда, еще общественное мнѣніе; но опять таки, несмотря на пресловутую демократизацію (или, вѣрнѣе, вульгаризацію) современной прессы, большая печать теперь крупное промышленное предпріятіе, имѣющее и часто защищающее свои собственные интересы или интересы той группы капиталистовъ, отъ которой она въ данный моментъ зависитъ. Въ концѣ концовъ, практика республиканскаго управленія выражаетъ лишь представительный, а не демократическій принципъ; а отраженіе дѣйствительныхъ вожделѣній и стремленій народныхъ массъ въ прессѣ имѣетъ еще тотъ добавочный недостатокъ, что въ прессѣ мы имѣемъ дѣло не съ законнымъ народнымъ представителемъ, а съ своего рода самозванцемъ.

Всенародные выборы, напротивъ, представляютъ въ странѣ, имѣющей *почти что* всеобщее избирательное право, актъ прямо демократическій. Народный представитель можетъ не оправдать возлагаемыхъ на него надеждъ; но его избраніе въ связи съ политическими программами его и его оппонентовъ должно болѣе или менѣе отражать народную волю. Предвыборная кампанія, которая длится, по крайней мѣрѣ, добрыхъ два, а иногда и три мѣсяца, ручается за то, что избиратель ознакомится съ програмамми борющихся партій и кандидатовъ, и выборъ его теоретически долженъ быть осмысленнымъ и — при тайномъ голосованіи — добровольнымъ.

Въ «тучные годы»,—годы всеобщаго экономическаго оживленія,—интересъ къ выборамъ, а поэтому и значеніе ихъ могутъ нѣсколько понизиться. Въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ были и такіе благодушные періоды, когда народная воля удерживала правящую партію при власти просто по инерціи. Правда, это было давно,—лѣтъ 75-80 тому назадъ. Въ настоящее время экономическая дифференціація въ Америкѣ достигла такихъ размѣровъ, что даже въ годы самаго высокаго, прямо невѣроятнаго экономическаго подъема было достаточно бѣдноты, безработицы, страданій, экономическихъ и соціальныхъ конфликтовъ. Но послѣдніе президентскіе выборы протекали при исключительныхъ условіяхъ. Десять лѣтъ промышленнаго оживленія закончились финансовымъ и банковымъ крахомъ въ октябрѣ 1907 года, а по слѣдамъ финансовой паники шелъ тяжелый промышленный и торговый кризисъ. Фабрики и заводы остановились, банкротства повышались со дня на день, и несмотря на почти что полное прекращеніе иммиграціоннаго потока, который незадолго до кризиса превышалъ милліонъ человѣкъ въ годъ, и на то, что въ теченіе года кризиса изъ Америки въ Европу вернулось до 750.000 человѣкъ, — несмотря на этотъ отливъ рабочей силы, число безработныхъ дошло до милліоновъ. Такъ какъ въ продолженіе десяти лѣтъ экономическаго

подъема (1897—1907) республиканская партія настаивала, что страна своимъ благосостояніемъ обязана именно ей, то поневолѣ возникалъ вопросъ: удастся ли ей теперь избѣжать отвѣтственности за экономическій кризисъ, не послужитъ ли перемѣна въ коньюнктурѣ поводомъ къ перемѣнѣ въ администраціи? Случайное, конечно, совпаденіе года президентскихъ выборовъ съ годомъ кризиса представляло исключительный случай убѣдиться, насколько американскій народъ вѣритъ въ зависимость между экономической и политической жизнью.

Но наиболѣе характерной особенностью политической кампаніи 1908 года былъ, можетъ быть, не кризисъ, а совсѣмъ исключительная политически-соціальная атмосфера, ей предшествовавшая, которую всего легче опредѣлить мѣткой русской фразой: «эпоха переоцѣнки цѣнностей».

Вкратцѣ, этотъ процессъ можно охарактеризовать, какъ процессъ «разрушенія идоловъ капиталистической непогрѣшимости». Мнѣ бы очень хотѣлось остановиться болѣе тщательно на этомъ глубоко-интересномъ процессѣ, представляющемъ, можетъ быть, самую важную стадію американской «Kulturgeschichte», но для этого требовался бы увѣсистый томъ, а не журнальная статья. Какъ микроорганизмы производятъ и выдѣляютъ вещества, ядовитыя для нихъ самихъ (вещества, которыя въ концѣ концовъ создаютъ иммунитетъ), такъ эксцессы капиталистической вакханаліи послѣдняго десятилѣтія въ концѣ концовъ вызвали критику со стороны широкой массы, до того преклонявшейся передъ святостью капитала и капиталистовъ. Чтобы понять всю интенсивность этой реакціи, надо было жить въ Америкѣ и присмотрѣться къ всеобщему благоговѣнію, которымъ окружалась личность всякаго милліонера. Лѣтъ 6—7 тому назадъ, т. е. за нѣсколько лѣтъ до начала этой реакціи, когда ростъ гигантскихъ состояній началъ привлекать вниманіе болѣе серьезныхъ людей, очень извѣстный публицистъ и профессоръ Гарри Пекъ серьезно доказывалъ на страницахъ популярнаго журнала «The Independent», что концентрація богатства не можетъ быть вредной, потому что гигантскія состоянія имѣютъ облагораживающее вліяніе на владѣльцевъ и создаютъ людей, чувствующихъ свою отвѣтственность передъ обществомъ; въ этомъ гарантія, что гигантскія состоянія будутъ употреблены на пользу, а не во вредъ человѣчества. Получалась, такимъ образомъ, теорія превращенія милліонеровъ въ сверхчеловѣковъ.

Какъ, однако, измѣнились условія за послѣдніе 5—6 лѣтъ! Правда, что фактическая власть гигантскаго капитала совсѣмъ не уменьшилась. Но отъ прежняго преклоненія предъ высшей природой капиталиста не осталось и слѣда.

Шумное изслѣдованіе страховыхъ обществъ, отклики котораго проникли въ самые отдаленные уголки цивилизованнаго и полуцивилизованнаго міра, какъ проникалъ туда раньше агентъ этихъ

же обществъ,—открыло начало разрушенія старыхъ идоловъ; за этимъ послѣдовало изслѣдованіе желѣзнодорожныхъ обществъ, чикагскихъ скотобоенъ и заводовъ мясныхъ продуктовъ. Федеральное правительство издавало отчеты о гигантскомъ нефтяномъ трестѣ и раскрывало всю подноготную этой величайшей промышленной организаціи въ мірѣ, которая на основной капиталъ въ 100.000.000 долларовъ умѣла собирать въ нѣкоторые годы до 60 и даже 70 милліоновъ долларовъ прибыли.

За оффиціальными изслѣдователями пошли частные. Изслѣдованію подвергались не только отрасли промышленности, но и отдѣльныя семьи капиталистовъ, или отдѣльныя лица. Рѣдкая книжка журнала не содержала какой-нибудь обличительной статьи, и разоблаченія сдѣлались легчайшимъ методомъ завоеванія журналистической репутаціи.

Много было въ этой литературѣ совершенно нелѣпаго матеріала, но было много и правды. Въ годъ или два разрушены были репутаціи, создававшіяся поколѣніями. Американская публицистика прошла черезъ фазу, нѣсколько сходную съ той, которую пережила публицистика русская,—хотя объектъ былъ другой,—не политическій, а экономическій. Правда, экономическія условія отъ этого въ Соединенныхъ Штатахъ не измѣнились, какъ не измѣнились политическія условія въ Россіи; но тѣмъ не менѣе безслѣдно эта фаза въ журналистикѣ не прошла: она произвела замѣтную перемѣну въ психологіи народной массы. Масса разувѣрилась въ честности и порядочности всѣхъ промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ тузовъ, въ честности современной торгово-промышленной жизни вообще, и это не могло не вызвать болѣе критическаго отношенія къ политикѣ, которая въ Соединенныхъ Штатахъ отражаетъ преимущественно экономическіе вопр сы. Не совсѣмъ понятный американской прессѣ, этотъ процессъ внутренняго броженія былъ окрещенъ довольно неопредѣленнымъ терминомъ «радикализма». И комбинація этого «радикализма» съ кризисомъ обѣщала въ текущемъ году исключительную президентскую кампанію. Какъ мы покажемъ ниже, эти ожиданія не совсѣмъ оправдались, и кампанія была очень бѣдна сенсаціонными событіями. Но тѣмъ не менѣе, она богата внутреннимъ содержаніемъ.

II.

Президентская кампанія въ Соединенныхъ Штатахъ развивается ясно опредѣленными стадіями. Шумная вакханалія выборной борьбы, когда избирателю приходится выбирать между двумя кандидатами, представляетъ лишь послѣднюю стадію. Кандидата выставляетъ и платформу разрабатываетъ національный конвентъ партіи. Этотъ конвентъ состоитъ изъ делегатовъ, которыхъ

избираетъ въ каждомъ штатѣ мѣстный конвентъ партіи, и делегаты на національный конвентъ обыкновенно имѣютъ болѣе или менѣе строгіе мандаты относительно личности президентскаго кандидата. Національные конвенты происходятъ въ іюнѣ или іюлѣ т. е. за четыре-пять мѣсяцевъ до выборовъ. Конвенты въ штатахъ происходятъ еще раньше. Эти послѣдніе конвенты также состоятъ изъ делегатовъ, избираемыхъ уѣздными съѣздами, послѣдніе очень часто состоятъ также изъ делегатовъ отъ партійныхъ собраній и организацій въ еще болѣе мелкихъ районахъ. Во внутренней организація, слѣдовательно, существуетъ четырехъ-этажная система. И на каждомъ этажѣ сидитъ, выражаясь картинно, свой хозяинъ (boss) или вожакъ (leader), который правитъ своимъ округомъ не столько въ силу моральнаго или интеллектуальнаго превосходства, сколько благодаря политическому вліянію, дающему ему возможность «погубить или помиловать». Формально избраніе кандидата зависитъ отъ конвентовъ, зависитъ отъ делегатовъ, зависитъ отъ партіи. Фактически оно въ гораздо большей степени зависитъ отъ нѣсколькихъ сотенъ болѣе или менѣе вліятельныхъ вожаковъ.

Поэтому то агитація за того или другого кандидата начинается гораздо раньше національнаго конвента, раньше даже конвентовъ въ штатахъ, раньше уѣздныхъ съѣздовъ, начинается серьезно года за полтора до выборовъ, хотя, вѣрнѣе, никогда не прекращается. Будущій претендентъ на президентскую кандидатуру всегда долженъ имѣть это въ виду и въ теченіе годовъ создавать широкую и крѣпкую организацію.

Подпольная борьба между кандидатами до конвента представляетъ въ значительной степени борьбу мелкую, личную, процессъ сдѣлокъ и компромиссовъ. Но и она далеко не лишена общественнаго значенія. Позади крупныхъ или мелкихъ партійныхъ «хозяевъ» или «вожаковъ» стоятъ болѣе или менѣе крупные промышленные или финансовые интересы, тѣ или другія общественныя группы. Хотя очень несовершенно, партіи все же отражаютъ тѣ или другія общественныя движенія, стремленія опредѣленныхъ соціальныхъ элементовъ. Борьба между кандидатами внутри каждой партіи поэтому часто отражаетъ междуфракціонную борьбу. И это особенно замѣтно было въ истекшую кампанію.

Когда президентъ отслужилъ два срока и, по неписанной традиціи, долженъ вернуться къ частной жизни, внутри правящей партіи борьба между кандидатами становится очень острой. Въ первый срокъ президентъ обыкновенно пользуется своимъ правомъ назначенія на болѣе или менѣе выгодныя должности, чтобы создать внутри своей партіи могущественную организацію въ свою пользу и такимъ образомъ заручиться вторичнымъ избраніемъ. Президентъ Роузвельтъ избранъ былъ лишь однажды въ 1904 г. Но онъ былъ президентомъ въ теченіе 3 съ половиною лѣтъ, бла-

годаря убійству Макъ-Кинли лѣтомъ 1901 года, онъ рѣшилъ считать это равносильнымъ одному сроку, и отказался вновь быть кандидатомъ. Но, отказавшись отъ кандидатуры, Рузвельтъ тѣмъ не менѣе не отказался отъ вмѣшательства въ партійную борьбу; съ такой же настойчивостью, съ какой президенты обыкновенно добиваются вторичной кандидатуры, и при помощи тѣхъ же методовъ Рузвельтъ сталъ добиваться того, чтобы республиканская партія выставила кандидатомъ Тафта, его военнаго министра.

Упрямство, съ которымъ Рузвельтъ добивался,—и, наконецъ, добился—своей цѣли, поневолѣ вызывало вопросъ, чему обязанъ Тафтъ этой чрезвычайно важной помощью. Тафтъ почти всю свою жизнь провелъ на крупныхъ должностяхъ по назначенію, а не по выборамъ; такимъ путемъ не добиваются въ Америкѣ политической силы, и поэтому безъ огромнаго давленія Рузвельта кандидатура Тафта была бы невозможной. Многіе именно тѣмъ и объясняли союзъ Рузвельта съ Тафтомъ, что, какъ деспотъ по природѣ, Рузвельтъ просто задался цѣлью навязать странѣ президента ничтожество, пѣшку, чтобы такимъ образомъ удержать дѣйствительную власть въ собственныхъ рукахъ и черезъ четыре года вновь выступить кандидатомъ на президентское кресло. Ибо Рузвельту всего 50 лѣтъ, т. е. онъ моложе большинства президентовъ при первомъ избраніи. Другіе (преимущественно репортеры и дамы) предпочитали объяснять все личной дружбой, возникшей лѣтъ 12—13 тому назадъ, когда Рузвельтъ и Тафтъ были сравнительно мелкими чиновниками. Самъ президентъ, однако, позже объяснилъ это сходствомъ своихъ политическихъ идеаловъ съ идеалами Тафта и заявилъ, что въ его администраціи вліяніе Тафта было гораздо болѣе значительно, чѣмъ вліяніе кого либо изъ его кабинета, и что поэтому онъ считаетъ Тафта своимъ наиболѣе достойнымъ преемникомъ.

Это до извѣстной степени опредѣляло политическую физіономію Тафта, который въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, какъ генералъ-губернаторъ Филиппинъ и какъ военный министръ, стоялъ какъ бы въ сторонѣ отъ крупныхъ вопросовъ внутренней жизни Соединенныхъ Штатовъ. Тафтъ явился въ республиканской партіи представителемъ фракціи Рузвельта, который пріобрѣлъ себѣ репутацію краснаго радикала и вызвалъ ненависть крупнаго капитала своими горячими филиппиками противъ трестовъ и преступныхъ комбинацій, Рузвельта, котораго биржа обвиняетъ въ созданіи кризиса неумѣреннымъ походомъ противъ капитала. Несомнѣнно, Рузвельту удалось создать могущественное умѣренно-прогрессивное движеніе въ республиканской партіи, которая въ эпоху Макъ-Кинли была ультра-реакціонной. Ему удалось провести нѣсколько, несомнѣнно, прогрессивныхъ законовъ, а въ своихъ многочисленныхъ посланіяхъ онъ призывалъ очень много мѣръ, которыя провести ему не удалось. Рузвельтъ на-

стойчиво требовалъ нѣкоторыхъ мѣропріятій въ области рабочаго законодательства (какъ это уже знаетъ читатель по нашей статьѣ въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства») и металъ громы въ «преступныхъ богачей».

Подпольная борьба между кандидатами, предшествовавшая республиканскому конвенту, доказала, однако, что Тафтъ уже не представлялъ самаго радикальнаго крыла республиканской партіи, что эволюція партіи опередила Рузвельта или, по крайней мѣрѣ, Тафта который сталъ ближе къ центру.

Возможныхъ кандидатовъ передъ конвентомъ оказалось много. Считая справа налѣво, можно было назвать слѣдующихъ 6 лицъ: Кортелью, Каннонъ, Форакеръ, Юзъ, Тафтъ и Лафолетъ. Изъ нихъ первые трое были значительно правѣе Тафта, а послѣдніе значительно лѣвѣе. Юзъ и Тафтъ въ политическомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу очень близко. И, дѣйствительно, Юзъ былъ самымъ опаснымъ соперникомъ Тафта.

Пять неудачныхъ кандидатовъ, какъ единичныя личности и какъ представители различныхъ настроеній въ республиканской партіи, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія. Большинство изъ нихъ, можетъ быть, даже всѣ они, еще будутъ играть крупную роль въ будущей политической жизни Соединенныхъ Штатовъ.

Кортелью—министръ финансовъ въ кабинетѣ Рузвельта — сравнительно новый типъ въ молодой американской бюрократіи, типъ чиновника, умѣющаго ладить со всѣми великими міра сего и извлекать изъ этого пользу для себя. Кортелью началъ простымъ стенографомъ на государственной службѣ, попалъ, благодаря своей ловкости, въ канцелярію президента, когда президентомъ былъ еще Кливлендъ; сдѣлался помощникомъ секретаря президента; сохранилъ эту должность, когда мѣсто демократа Кливленда занялъ республиканецъ Макъ-Кинли; сумѣлъ такъ угодить послѣднему, что вскорѣ занялъ важный постъ секретаря президента; остался на этомъ посту, когда мѣсто убитаго Макъ-Кинли занялъ Рузвельтъ; назначенъ былъ первымъ министромъ торговли и труда при организаціи этого министерства въ 1903 году; избранъ былъ въ президентскую кампанію 1904 года, по настоянію Рузвельта, на весьма важный постъ предсѣдателя республиканскаго центральнаго комитета, чтобы руководить выборной борьбой; получилъ послѣ выборовъ еще болѣе важный постъ министра почтъ, а вскорѣ самое важное мѣсто въ кабинетѣ—министра финансовъ. Прогрессъ по быстротѣ своей прямо феноменальный и тѣмъ болѣе интересный, что, когда обсуждалось назначеніе его на первое министерское мѣсто, то многіе серьезно утверждали, что Кортелью вовсе не республиканецъ, а демократъ въ политикѣ, такъ какъ свое первое крупное мѣсто получилъ отъ Кливленда. Другими словами, передъ нами типъ не общественнаго или политическаго дѣятеля, а ловкаго, пронырливаго, послушнаго и угодливаго администратора, который никогда не занималъ ни

одного мѣста по выборамъ, и который къ тому же настолько лишенъ ораторскаго таланта, что едва-ли появлялся на платформѣ. Тѣмъ не менѣе, Кортелью одно время серьезно обсуждался, какъ возможный президентскій кандидатъ, и имѣлъ восторженыхъ поклонниковъ—преимущественно среди нью-іоркскихъ биржевиковъ и банкировъ, любовь которыхъ онъ заслужилъ тѣмъ, что въ тревожные дни финансовой паники пришелъ на помощь съ сотнями милліоновъ долларовъ наличныхъ, которые изъ казначейства переведены были въ нью-іоркскій банкъ. Кортелью былъ поэтому кандидатомъ преимущественно финансоваго капитала. Рузвельтъ задушилъ эту кандидатуру, пригрозивъ Кортелью вынужденной отставкой и переманивъ главнаго адъютанта Кортелью, Хитчкока, въ лагерь Тафта.

Другой кандидатъ, Каннонъ, являлся болѣе серьезнымъ соперникомъ. Каннонъ «спикеръ» (т. е. предсѣдатель) палаты. Это его оффиціальный титулъ; въ прессѣ онъ болѣе извѣстенъ, какъ «царь палаты» (the Czar of the House). По размѣрамъ фактической политической власти спикеръ уступаетъ одному лишь президенту. По вліянію на законодательство онъ, вѣроятно, сильнѣе президента. Регламентъ американскаго парламента возмутителенъ. Спикеръ назначаетъ всѣ коммиссіи и, благодаря этой власти, держитъ въ кулакѣ всѣхъ депутатовъ, жадныхъ на важныя мѣста въ коммиссіяхъ. Спикеръ можетъ дать или не дать слово депутату по своему усмотрѣнію и такимъ образомъ имѣетъ возможность задержать любое законодательное предложеніе. И онъ не только пользуется этимъ фактическимъ правомъ «veto», но установилъ опредѣленную систему, согласно которой даже самое мелкое, чисто формальное предложеніе не можетъ дойти до голосованія, если депутаты, въ немъ заинтересованные, не заручатся заранѣе согласіемъ спикера. При этой гигантской власти спикеръ Каннонъ является столпомъ реакціи въ республиканской партіи. Онъ главнымъ образомъ извѣстенъ, какъ крайній протекціонистъ, онъ умѣлъ душить въ палатѣ всякую попытку пересмотра тарифа, не смотря на громкія требованія такого пересмотра съ многихъ сторонъ; онъ заслужилъ ненависть рабочихъ организацій своей оппозиціей рабочему законодательству. Рузвельтъ и Каннонъ много лѣтъ были на ножахъ. Каннона поддерживали тѣ отрасли промышленности, которыя почерпаютъ крупныя прибыли отъ протекціоннаго тарифа, промышленный капиталъ, относящійся враждебно къ рабочему движенію, вообще реакція.

Приблизительно къ тому же лагерю принадлежалъ сенаторъ Форакеръ, изъ штата Охайо. Талантливый политиканъ, блестящій и энергичный ораторъ, Форакеръ много лѣтъ тому назадъ, будучи губернаторомъ штата Охайо, назначилъ Тафта на первую важную судебную должность. Въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ Форакеръ пріобрѣлъ большую извѣстность главнымъ образомъ своей упорной

оппозиціей политикѣ Рузвельта въ сенатѣ. Въ особенности упорное сопротивленіе онъ оказалъ закону о регулировкѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, который, несмотря, на эту оппозицію, все же прошелъ.

Кортелью, Каннонъ и Фуракеръ стояли по правую сторону Тафта. Позицію Юза (Hughes) довольно трудно опредѣлить, потому что по политической физіономіи своей Юзъ весьма близокъ къ Тафту. Въ ближайшемъ будущемъ Юзъ (занимающій теперь должность губернатора штата Нью-Іорка), несомнѣнно, будетъ играть очень крупную политическую роль. Бывшій профессоръ права и, какъ Тафтъ, извѣстный юристъ, хотя не судья — Юзъ впервые выдвинулся въ связи съ обличительнымъ движеніемъ. Онъ былъ главнымъ юрисконсультомъ въ изслѣдованіи страховыхъ обществъ и, благодаря тому, что сумѣлъ раскрыть всю подноготную страхового дѣла, былъ избранъ «благодарнымъ народомъ» въ губернаторы. Въ этой должности онъ оказался честнымъ и энергичнымъ администраторомъ. Несмотря на отчаянную оппозицію, онъ сумѣлъ провести законъ о полномъ запрещеніи азартныхъ пари въ связи со скачками, — довольно серьезный вопросъ въ космополитическомъ Нью-Іоркѣ съ его 4-5 милліонами населенія. Этимъ закономъ Юзъ пріобрѣлъ довѣріе порядочныхъ элементовъ американскаго народа и вражду преступныхъ и порочныхъ элементовъ. Онъ сумѣлъ ввести значительныя улучшенія въ государственномъ контролѣ страхового дѣла. Юзъ былъ поэтому въ высшей степени «порядочный» кандидатъ. Въ то же время отъ него нельзя ожидать какого-нибудь дѣйствительно радикальнаго шага. Онъ наложилъ свое veto на законъ, коимъ учительницамъ народныхъ школъ въ Нью-Іоркѣ давалось право на жалованіе, равное жалованію учителей; онъ наложилъ свое veto на законъ, устанавливавшій максимальный желѣзнодорожный пассажирскій тарифъ— 2 цента съ англ. мили (приблизительно $2^2/_3$ коп. съ версты). Насколько близокъ Юзъ къ Тафту, видно было уже изъ того, что, побѣдивъ Юза въ пользу Тафта на національномъ конвентѣ, Рузвельтъ настоялъ, чтобы Юзъ былъ вновь выставленъ кандидатомъ въ губернаторы штата Нью-Іорка.

Правда, передъ республиканскимъ конвентомъ предсталъ одинъ кандидатъ, который былъ радикальнѣе Тафта—это сенаторъ Лафолетъ. Въ сенатѣ Лафолетъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ Рузвельта и, по мнѣнію многихъ, явился бы болѣе логическимъ преемникомъ его, чѣмъ Тафтъ. Въ концѣ послѣдней сессіи конгресса Лафолетъ завоевалъ себѣ огромную популярность борьбой противъ очень подозрительнаго новаго закона о валютѣ и за дальнѣйшій контроль желѣзныхъ дорогъ и желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Забѣгая впередъ, укажемъ, что на республиканскомъ конвентѣ—при разработкѣ платформы—Лафолетъ потерпѣлъ полное пораженіе при попыткѣ ввести одинъ пунктъ по отношенію

къ желѣзнымъ дорогамъ — пунктъ, который Рузвельтъ пытался провести въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Это доказало, что не только Лафолетъ, но и Рузвельтъ и ихъ программы оказались слишкомъ радикальными для республиканскихъ политикановъ. Такимъ образомъ Тафтъ былъ до извѣстной степени компромиссомъ между крайними крылами партіи, хотя онъ стоялъ ближе къ лѣвому крылу.

То же самое вѣрно относительно позиціи, которую занимаетъ Брайанъ въ демократической партіи, съ той только разницей, что вліяніе его на его партію было даже сильнѣе, чѣмъ вліяніе Рузвельта и Тафта. Правда, по правую сторону стоялъ судья Грей, представитель старой демократіи, полный громкихъ словъ о правѣ личности и невмѣшательствѣ правительства, типъ, очень симпатичный биржевому капиталу. Грей представлялъ вожделѣнія тѣхъ, которые, напуганные излишнимъ радикализмомъ Рузвельта, желали найти оплотъ реакціи въ демократической партіи, какъ это имъ удалось въ 1904 году, когда демократическая партія выставила кандидатомъ судью Паркера. По лѣвую сторону Брайана стоялъ губернаторъ штата Миннесоты Джонъ Джонсонъ, норвежецъ по происхожденію, обратившій на себя вниманіе тѣмъ, что сумѣлъ завоевать этотъ штатъ для демократической партіи, несмотря на то, что обычно онъ даетъ значительное большинство республиканской партіи, и своимъ походомъ противъ желѣзнодорожнаго произвола. Но ни Грей, ни Джонсонъ не представляли серьезной опасности кандидатурѣ Брайана, который при первой же баллотировкѣ избранъ былъ въ кандидаты чуть ли не единогласно.

III.

Итакъ, центръ политической арены послѣ заключенія республиканскаго и демократическаго конвентовъ заняли Тафтъ и Брайанъ. Во всякой американской политической кампаніи личности кандидатовъ играютъ большую роль. По общему мнѣнію прессы, это особенно вѣрно было въ истекшую политическую кампанію. Въ виду кандидатуры Брайана поневолѣ напрашиваются сравненія между настоящимъ политическимъ моментомъ и кампаніей 1896 года, когда страна, какъ теперь, переживала тяжелый экономическій кризисъ и когда Брайанъ впервые выступилъ кандидатомъ въ президенты. Въ 1896 году республиканская партія была явно консервативной; демократическая партія—явно радикальной, настолько, что она проглотила существовавшую радикальную народную партію. Кандидата Брайана называли не только соціалистомъ, но даже анархистомъ. Весь капиталъ былъ на сторонѣ Макъ-Кинли. Но за послѣднія 12 лѣтъ условія сильно измѣнились. Подъ давленіемъ Рузвельта республиканская партія про-

грессировала нѣсколько влѣво. Въ то же время демократическая партія значительно уклонялась вправо. Партіи теперь почти что сошлись, поскольку дѣло касается платформы, и борьба между президентскими кандидатами становится все больше борьбой между личностями.

Одной изъ положительныхъ сторонъ послѣднихъ выборовъ была личная чистота обоихъ кандидатовъ. Относительно индивидуальной ихъ честности не было сомнѣній. По политическимъ убѣжденіямъ Тафтъ и Брайанъ, несомнѣнно, прошли тотъ же путь, что партіи ихъ. Тафтъ справа налѣво, и Брайанъ слѣва направо.

Политическая карьера этихъ двухъ кандидатовъ была, однако, совсѣмъ не сходная. Въ біографіи Тафта прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что онъ происходитъ изъ аристократической семьи. Отецъ его былъ судьей, военнымъ министромъ, потомъ министромъ юстиціи и посломъ въ Россіи. Это—новая черта въ американской политикѣ, гордой своими демократическими традиціями. Въ 1881 году, т. е. 24 лѣтъ отъ роду, онъ уже занималъ крупное должностное мѣсто по назначенію. Въ 1887 г., когда Тафту едва минуло 30 лѣтъ, губернаторъ Форакеръ назначилъ его членомъ верховнаго суда штата Охайо. Въ 1890 году онъ получилъ крупное мѣсто въ министерствѣ юстиціи, когда президентомъ былъ Гаррисонъ. Въ 1893 году онъ назначенъ былъ федеральнымъ окружнымъ судьей. Ему тогда было всего 36 лѣтъ, возрастъ необычайно низкій для такой крупной должности. Въ 1900 году Макъ-Кинли назначилъ его первымъ генералъ-губернаторомъ Филиппинскихъ островововъ. Съ 1904 года онъ занимаетъ постъ военнаго министра.

Таковы главные этапы быстрой карьеры Тафта. Всѣ они—результаты назначенія свыше, а не народныхъ выборовъ. По нимъ трудно было судить, какой успѣхъ Тафтъ имѣлъ бы, какъ народный кандидатъ, но они доказывали, что начальство цѣнило Тафта, и что онъ умѣлъ ладить съ начальствомъ. Кто же были эти начальники Тафта? Губернаторъ (теперь сенаторъ) Форакеръ, представитель реакціи въ республиканской партіи, президентъ Гаррисонъ, ничтожество и пѣшка въ рукахъ окружавшихъ его реакціонеровъ, Макъ-Кинли, также реакціонеръ. И послѣ нихъ прогрессивный Рузвельтъ призываетъ Тафта въ свой кабинетъ и дѣлаетъ его своимъ преемникомъ.

И, дѣйствительно, каковы бы ни были личные таланты и добродѣтели Тафта, народная масса ихъ не знала. Поскольку она знала Тафта вообще, онъ никогда не пользовался популярностью. Карьеру Тафта можно раздѣлить на два періода: періодъ судебный и періодъ колоніальный. Военное министерство было ввѣрено Тафту, главнымъ образомъ, потому, что подъ вѣдомствомъ этого министерства находятся колоніи: Филиппины, Порто-Рико, постройка Суэцкаго канала. Недавнее вмѣшательство во внутреннюю политику

Кубы также было поручено военному министерству. И поэтому четыре года завѣдыванія военнымъ министерствомъ принадлежатъ ко второму, колоніальному періоду. Судебный періодъ въ карьерѣ Тафта создалъ ему репутацію «отца injunctions» (т. е. судебныхъ запрещеній). Вопросу объ injunctions мы посвятили большую часть нашей предыдущей статьи, и здѣсь нѣтъ, конечно, надобности повторяться. Читатель, усвоившій характеръ этого судебно-административнаго метода борьбы съ рабочимъ движеніемъ, пойметъ, что милліоны американскихъ рабочихъ, принадлежащихъ къ рабочимъ союзамъ, не могли питать теплыхъ чувствъ къ Тафту. Благодаря многочисленнымъ injunctions, Тафтъ сумѣлъ провалить нѣсколько очень крупныхъ стачекъ.

Каковы были результаты колоніальной политики Тафта, народная масса не знаетъ, да и мало интересуется этимъ. Фактъ назначенія Тафта генералъ-губернаторомъ Филиппинъ президентомъ Макъ-Кинли свидѣтельствуетъ, что Тафтъ въ принципѣ поддерживалъ колоніальную политику послѣдняго. Въ 1900 г., подъ вліяніемъ шовинистическаго настроенія, вызваннаго успѣшной войной и крупными территоріальными захватами, имперіализмъ и колоніальная политика вызывали шумное одобреніе толпы; но теперь этотъ шовинизмъ остылъ и американецъ или совсѣмъ потерялъ интересъ къ своимъ колоніямъ, или справедливо считаетъ ихъ невыгодной обузой, постоянно грозящей интернаціональными осложненіями. Правда, пресса очень розовыми красками расписываетъ благодѣтельное вліяніе Тафта на положеніе дѣлъ въ архипелагѣ и трогательную любовь филиппинскаго народа къ Тафту; но вѣрить этимъ разсказамъ трудно. Документально доказано было, что Тафтъ всѣми силами защищалъ финансовые интересы католическихъ орденовъ, хотя эксплуатація архипелага и его населенія именно этими орденами и вызвала антагонизмъ филиппинцевъ къ испанскому режиму. И, несомнѣнно, благодаря этой дружбѣ Тафта и католическихъ монаховъ, папа открыто поддерживалъ кандидатуру Тафта: при огромномъ числѣ католиковъ (ирландцевъ, итальянцевъ и поляковъ) въ Америкѣ это весьма важный факторъ при выборахъ.

Такимъ образомъ вопросъ, представляетъ ли Тафтъ либерализмъ или реакцію, оказывался весьма сложнымъ. Все прошлое Тафта говоритъ за его принадлежность къ правымъ; поддержка Рузвельта (и только эта поддержка) ставила его среди, если не лѣвыхъ, то прогрессистовъ. До рѣшенія республиканскаго конвента крупный капиталъ относился къ Тафту отрицательно; онъ предпочиталъ Форакера, Каннона или Кортелью. Когда кандидатура Тафта была выставлена, капиталъ рѣшилъ поддержать ее. Капиталъ хорошо помнилъ отношеніе Тафта-судьи къ рабочему движенію и между Брайаномъ и Тафтомъ предпочелъ Тафта.

Вильямъ Дженнингсъ Брайанъ въ политической исторіи Соеди-

ненныхъ Штатовъ игралъ совершенно другую роль. На горизонтѣ національной политики онъ появился нѣсколько неожиданно 12 лѣтъ тому назадъ, въ президентскую кампанію 1896 года. И въ теченіе 12 лѣтъ онъ занималъ самое крупное мѣсто въ демократической партіи. Онъ потерпѣлъ пораженіе въ 1896 г., какъ вожакъ радикальнаго движенія, и опять выставленъ былъ кандидатомъ въ 1900 году. Вторичное пораженіе нѣсколько ослабило его вліяніе. Консервативные демократы, вооруженные могущественнымъ аргументомъ противъ радикализма, какимъ являлось двойное пораженіе радикальнаго кандидата и радикальной программы, сумѣли въ кампанію 1904 года отодвинуть Брайана въ сторону. Брайанъ уступилъ, все же утверждая, что его время еще не прошло. Консервативный кандидатъ демократической партіи, нью-іоркскій судья Паркеръ, потерпѣлъ болѣе позорное пораженіе, чѣмъ Брайанъ, получивъ на милліонъ меньше голосовъ. И логикой вещей демократическая партія опять вынуждена была вернуться къ Брайану.

Въ 1896 году республиканскіе ораторы торжествовали полное пораженіе «брайанизма»; въ 1900 г. громко заявляли, что политическая карьера Брайана кончена навсегда; и все же въ теченіе 12 лѣтъ, съ небольшимъ перерывомъ, Брайанъ сумѣлъ сохранить все свое вліяніе надъ сотнями тысячъ демократическихъ политиковъ. И такъ какъ Брайанъ выступилъ на широкую арену президентской кандидатуры очень молодымъ человѣкомъ, 36 лѣтъ, и ему теперь всего 48 лѣтъ, то неудивительно, что уже слышатся утвержденія: Брайанъ опять будетъ кандидатомъ въ 1912 г.

Чѣмъ же объясняется это таинственное вліяніе неудачника на народную массу въ теченіе 12 лѣтъ? Тафтъ организованной политической машиной былъ навязанъ многомилліонной республиканской партіи. Но организованной политической машинѣ Брайанъ порядкомъ надоѣлъ: машина не рѣшаетъ развязаться съ Брайаномъ, благодаря его гигантской популярности.

Основой этой популярности былъ блестящій ораторскій талантъ Брайана, которымъ онъ такъ эффектно пользовался въ президентскую кампанію 1896 г. Но удержать эту популярность Брайанъ сумѣлъ очень тактичнымъ употребленіемъ своего таланта. Въ теченіе 12 лѣтъ Брайанъ не перестаетъ разъѣзжать по всей странѣ, произноситъ рѣчи и читаетъ лекціи. Его собственный небольшой еженедѣльный журнальчикъ «The Commoner» расходится въ количествѣ 300.000 экземпляровъ на западѣ и служитъ источникомъ не только популярности, но и доходовъ; лекціи и рѣчи также приносятъ и то, и другое. Предпринявъ кругосвѣтное путешествіе, Брайанъ посредствомъ корреспонденцій въ рядъ газетъ сохранилъ свою связь съ публикой.

Конечно, отсутствіе конкуррентовъ у Брайана отчасти объясняется и тѣмъ, что репутаціи множатся среди правящей партіи,

а не среди оппозиціи, и поэтому большинство крупныхъ политическихъ именъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія принадлежитъ республиканской, а не демократической партіи. Но другія причины его популярности можно найти въ прозвищахъ, которыми полусерьезно, полуюмористически наградила Брайана пресса: «The Great Commoner» (великій гражданинъ) и «Peerless Leader»—«несравненный вождь». Брайанъ всегда громко выступалъ на защиту народныхъ массъ. произносилъ горячія филиппики противъ крупныхъ капиталистовъ и очень не нравился крупному капиталу, который прозвалъ его «демагогомъ».

Но, сохраняя свою красивую позицію краснорѣчиваго трибуна-защитника народныхъ правъ, Брайанъ все же часто мѣнялъ свою программу. Въ 1896 г. онъ велъ кампанію, главнымъ образомъ, на почвѣ биметаллизма; въ 1900 г. на первый планъ выступилъ антиимперіализмъ. По возвращеніи изъ кругосвѣтнаго путешествія въ 1906 году Брайанъ привезъ съ собою «новую» идею національизаціи желѣзныхъ дорогъ. На эту тему Брайанъ произнесъ одну или двѣ рѣчи, но когда предложеніе было встрѣчено весьма отрицательно, въ особенности среди южныхъ демократовъ, то онъ распрощался съ этой идеей, открыто заявивъ, что, очевидно, Америка еще не подготовлена къ такому радикальному шагу.

Такимъ образомъ, Брайанъ занималъ нѣсколько оригинальное положеніе радикальнаго дѣятеля безъ опредѣленной программы. Онъ хотѣлъ быть кандидатомъ демократической партіи, какова бы ни была ея платформа, и готовъ былъ дѣлать принципіальныя уступки, чтобы не отталкивать консервативное крыло партіи. И въ 1896, и 1900 гг. консервативные демократы отказались помогать Брайану, и онъ рѣшилъ, что побѣда возможна будетъ лишь для объединенной демократической партіи. Такое объединеніе, очевидно, должно было дорого стоить, если вспомнить, что правое крыло демократической партіи не только консервативно, но ультра-реакціонно въ экономическихъ вопросахъ.

Благодаря этимъ переговорамъ, съ годами радикализмъ Брайана замѣтно тускнѣлъ. Въ своихъ рѣчахъ въ восточныхъ, промышленныхъ штатахъ Брайанъ уже сталъ говорить о законныхъ правахъ капитала и предпріимчивости, доказывалъ, что онъ другъ честнаго business man'а и подчеркивалъ разницу между законными и незаконными требованіями капитала. Словомъ, Брайанъ сталъ все больше правѣть и походить на Рузвельта. Недаромъ же онъ, съ одной стороны, настаивалъ, что Рузвельтъ присвоилъ себѣ его программу, а съ другой,—что именно онъ, а не Тафтъ, является достойнымъ преемникомъ Рузвельта.

Итакъ, съ одной стороны. Тафтъ, медленно двигающійся отъ консервативнаго прошлаго налѣво. подъ вліяніемъ Рузвельта; а съ другой стороны, радикальный Брайанъ, правѣющій, чтобы переманить на свою сторону консервативные торгово-промышленные

элементы. Какъ трудно было опредѣлить сравнительныя позиціи этихъ двухъ кандидатовъ, видно изъ слѣдующаго инцидента, который произошелъ наканунѣ дня выборовъ.

Джонъ Рокфеллеръ, глава нефтяного треста, который подвергался такимъ преслѣдованіямъ со стороны Рузвельта, публично заявилъ, что считаетъ Тафта болѣе желательнымъ кандидатомъ и самъ будетъ вотировать за Тафта. Брайанъ немедленно же воспользовался этимъ заявленіемъ и, указывая на Тафта, восклицалъ: «Теперь мы знаемъ, кто за Тафта и кто за меня, кто изъ насъ представляетъ интересы капитала и кто интересы народа». А съ другой стороны, Тафтъ и Рузвельтъ утверждали такъ же энергично: «Мы не нуждаемся, не желаемъ поддержки Роккефеллера. Этотъ хитрый старикъ въ дѣйствительности желаетъ избранія Брайана; и онъ публично одобрилъ кандидатуру Тафта лишь потому, что, какъ онъ знаетъ, его одобреніе можетъ принести шансамъ Тафта лишь вредъ».

IV.

Остается обратиться къ «платформамъ». Перефразируя извѣстную поговорку, можно сказать: «адъ вымощенъ политическими платформами», ибо платформы эти состоятъ въ лучшемъ случаѣ изъ добрыхъ намѣреній, а въ худшемъ—изъ обѣщаній. Если бы партіи, побѣждающія на выборахъ, всегда исполняли всѣ свои программныя обѣщанія, то мы имѣли бы въ Соединенныхъ Штатахъ совсѣмъ другія политическія и экономическія условія. Въ стремленіи апеллировать ко всѣмъ слоямъ населенія, всякая партія наполняетъ платформу самыми разнообразными обѣщаніями, о которыхъ очень быстро забываетъ послѣ выборовъ. Къ тому же во всякой кампаніи дѣйствительная принципіальная борьба концентрируется на очень немногихъ пунктахъ, по которымъ замѣчается наибольшее разногласіе между партіями,

Поэтому нѣтъ надобности детально анализировать всю платформу каждой партіи. Республиканская платформа содержитъ, конечно, краснорѣчивую защиту республиканскаго режима, а демократическая — нападки на него. По классическому американскому выраженію, во всякую избирательную кампанію—одна партія «съ гордостью указываетъ», а другая «смотритъ съ тревогой». За послѣдніе десять лѣтъ на долю демократической партіи выпала незавидная судьба «смотрѣть съ тревогой». Эти части платформъ едва-ли приходится цитировать. Мы ограничимся преимущественно переименованіемъ положительныхъ требованій и обѣщаній въ каждой платформѣ, изъ которыхъ республиканская занимаетъ 7, а демократическая 10 страницъ мельчайшей печати. Республиканская платформа начинаетъ съ очень витіеватой защиты режима Рузвельта и республиканской партіи вообще за

послѣдніе 50 лѣтъ, при чемъ вліянію партіи приписывается весь ростъ населенія, богатства и т. д. за эти годы. Платформа указываетъ, какъ на самый могущественный аргументъ въ пользу республиканской партіи, что «страна недавно благополучно прошла *черезъ финансовую неурядицу* (financial disturbance), которая привела бы къ печальнымъ результатамъ, если бы совпала съ демократическимъ режимомъ». Анализируя обѣ платформы, извѣстный профессоръ Гиддингсъ охарактеризовалъ эту цитату, какъ «самый наглый образецъ избирательной литературы въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ». Страна, «благополучно прошедшая черезъ финансовую неурядицу» переживала въ то время, когда эти строки были оглашены (средина іюня), тяжелый промышленный кризисъ и число безработныхъ доходило до милліоновъ.

Платформа республиканской партіи дѣлаетъ слѣдующія специфическія обѣщанія:

1) Пересмотръ таможеннаго тарифа и установленіе двойного (максимальнаго и минимальнаго) тарифа.

2) Почтовый сберегательный банкъ.

3) Пересмотръ Шермановскаго закона противъ трестовъ и монополіи, съ цѣлью предоставить правительству большее право контроля.

4) Измѣненіе желѣзнодорожнаго закона, такъ, чтобы предоставить желѣзнымъ дорогамъ возможность заключать между собою тарифные договоры.

5) Очень туманное обѣщаніе и въ будущемъ пещись о спеціальныхъ нуждахъ рабочаго класса.

6) Расширеніе системы безплатной доставки почты фермерамъ на дома.

7) Требованіе строгаго выполненія 13-ой, 14-ой и 15-ой поправокъ къ конституціи, гарантирующихъ гражданскія и политическія права негровъ, поправокъ, которыя ежедневно грубо нарушаются въ южныхъ штатахъ.

8) Платоническое одобреніе политики сохраненія лѣсовъ, водныхъ путей и другихъ естественныхъ богатствъ.

9) Увеличеніе флота.

10) Защита американскихъ гражданъ за границей. Защита права всѣхъ гражданъ, безъ различія вѣроисповѣданія, путешествовать по чужимъ странамъ (очень прозрачный намекъ на ограниченіе правъ жительства американскихъ евреевъ въ Россіи; пунктъ введенъ спеціально для еврейскихъ избирателей).

11) Расширеніе внѣшней торговли.

12) Сохраненіе мирныхъ отношеній со всѣмъ міромъ.

13) Помощь торговому флоту.

14) Усилія для улучшенія народнаго здравія.

15) Учрежденіе горнаго департамента въ интересахъ горной промышленности.

16) Дарованіе правъ гражданства населенію Порто-Рико.

17) Свободная торговля между Филиппинами и Соединенными Штатами, за исключеніемъ сахару и табаку (Филиппины почти ничего, кромѣ сахара и табака, не производятъ).

Такова программа, съ которой республиканская партія обращалась къ населенію. Эти пункты перемѣшаны съ гигантской дозой пустословія, и платформа кончается ораторскимъ сравненіемъ между республиканской и демократической партіей, при чемъ демократія обвиняется въ стремленіи къ *соціализму*, въ то время, какъ республиканская партія представляетъ мудрый индивидуализмъ. Соціализмъ же вещь очень дурная. Вотъ какъ характеризуетъ его республиканская платформа:

«Соціализмъ стремится уничтожить богатство. Республиканизмъ хочетъ предупредить злоупотребленіе имъ. Соціализмъ хочетъ дать каждому равное право брать; республиканизмъ—равное право заработать. Соціализмъ предлагаетъ равенство владѣнія, которое скоро не оставитъ чѣмъ владѣть; республиканизмъ дастъ каждому равный шансъ. которымъ каждому гарантирована будетъ его часть въ растущей суммѣ собственности. Поэтому демократія вѣритъ въ государственное владѣніе, а республиканская партія—въ государственный контроль. Демократія хочетъ, чтобы нація владѣла народомъ, а республиканизмъ, чтобы народъ владѣлъ націей» (?!).

Анализируя эту платформу, профессоръ Гиддингсъ очень мѣтко указываетъ, что она типическій продуктъ аристократической теоріи, по которой управленіе—дѣло исключительныхъ умовъ, а не толпы. Большинство требованій или обѣщаній носятъ такой туманный характеръ, что рѣшительно невозможно сказать, какія мѣры обѣщаетъ партія принять для осуществленія этихъ обѣщаній: расширеніе торговли, поддержка флота, защита правъ негровъ, сохраненіе естественныхъ богатствъ, пересмотръ тарифа, улучшеніе рабочаго законодательства—все это общія фразы, но что именно собирается дать республиканская партія? Вѣдь пересмотръ тарифа, напр., можетъ обозначать повышеніе и пониженіе ставокъ. Вѣдь подъ рабочимъ законодательствомъ можно понимать столько разныхъ вещей. Но республиканская партія отказывается дать болѣе ясный отвѣтъ.

Сколько вопросовъ осталось совершенно незатронутыми, мы увидимъ ниже при анализѣ демократической платформы. Но здѣсь необходимо коснуться еще двухъ пунктовъ.

Во-первыхъ, по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ Лафолетъ и его приверженцы сдѣлали отчаянное усиліе провести пунктъ о«необходимости оцѣнки стоимости желѣзнодорожнаго имущества» и, хотя Рузвельтъ въ своихъ посланіяхъ конгрессу неоднократно рекомендовалъ эту мѣру, конвентъ, такъ преклонявшійся на словахъ передъ политикой Рузвельта, огромнымъ большинствомъ голосовъ провалилъ предложеніе Лафолета.

Непосвященнаго въ американскую политику читателя можетъ удивить, какимъ образомъ такой техническій вопросъ можетъ сдѣлаться частью платформы, разсчитанной на милліоны избирателей. Но въ технической формѣ здѣсь скрыта весьма важная соціальная проблема. Контроль желѣзнодорожнаго дѣла, и преимущественно желѣзнодорожныхъ тарифовъ, представляетъ серьезнѣйшую задачу американской промышленности, а, слѣдовательно, и политики. Рядомъ законодательныхъ актовъ федеральное правительство добилось права отмѣнять или измѣнять чрезмѣрно высокій тарифъ; но желѣзныя дороги часто апеллируютъ отъ административнаго рѣшенія къ суду и добиваются отмѣны административнаго рѣшенія на томъ основаніи, что пониженіе тарифа дѣлаетъ невозможной нормальную прибыль на капиталъ и поэтому является конфискаціей, конфискація же запрещена конституціей. Здѣсь опять судъ является оплотомъ капитала противъ прогрессивнаго законодательства.

Чтобы опредѣлить, является ли тарифъ прибыльнымъ, очевидно, необходимо знать, какой капиталъ представляетъ желѣзнодорожное предпріятіе. При этомъ размѣрами выпущенныхъ бумажныхъ цѣнностей руководиться нельзя, при обычной въ Америкѣ перекапитализаціи акціонерныхъ предпріятій, и рѣшеніе вопроса зависитъ исключительно отъ оцѣнки желѣзнодорожнаго имущества. Поэтому таковая оцѣнка—первый необходимый шагъ къ разрѣшенію вопроса о желѣзнодорожныхъ тарифахъ. При 300.000 верстъ желѣзнодорожнаго пути, съ капиталомъ въ 10—15 милліардовъ долларовъ это,—очевидно, нелегкая задача. Рузвельтъ неоднократно требовалъ этой мѣры. Категорическимъ отказомъ включить этотъ пунктъ въ программу республиканская партія доказала свою неискренность одобренія политики Рузвельта.

Остается еще самый важный вопросъ: вопросъ объ injunctions. Въ моей статьѣ о «рабочемъ вопросѣ въ американскомъ законодательствѣ» я посвятилъ много мѣста новому движенію среди американской федераціи труда съ Самуиломъ Гомперсомъ во главѣ, протесту ея противъ умножающихся injunctions и угрозѣ апеллировать къ избирателямъ, если конгрессъ откажется провести законодательство, ограничивающее злоупотребленія судей этими injunctions противъ рабочихъ.

Сами рабочіе или, по крайней мѣрѣ, ихъ вожаки отнеслись къ своей угрозѣ вполнѣ серьезно. Коммиссія ихъ, съ Гомперсомъ во главѣ, явилась въ Чикаго во время съѣзда и въ многочисленныхъ совѣщаніяхъ съ республиканскими вожаками уговаривала ихъ ввести въ платформу обѣщаніе ограничить право выпуска injunctions. Соотвѣтственный пунктъ былъ уже введенъ въ первоначальную корректуру платформы. Но реакціонеры въ концѣ концовъ восторжествовали; какими средствами—трудно сказать. Пунктъ былъ исключенъ. Вмѣсто него было включено полное одобреніе судебной

практики. «Мы вѣримъ, однако,—прибавляетъ платформа, — что правила выпуска injunctions въ федеральныхъ судахъ должны быть установлены статутами, и что injunctions не должны выдаваться безъ предварительнаго извѣщенія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда неисправимые убытки могутъ быть причинены излишней медленностью».

Такимъ образомъ на всю агитацію рабочей массы республиканская партія, всегда кричащая о своей любви къ рабочему, отвѣтила такъ: мы согласны на «предварительное извѣщеніе», за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда судья хочетъ выдать injunctions безъ таковаго; а во-вторыхъ, считаемъ необходимымъ тѣ принципы обычнаго права (противъ которыхъ вы протестуете) ввести въ писанное право». Гомперсъ и его сподружники оставили республиканскій конвентъ, не солоно хлебавши и съ клятвой мести на губахъ. Какъ мы увидимъ ниже, injunctions сдѣлались главнымъ вопросомъ избирательной кампаніи.

V.

Съ какой же аммуниціей выступила демократическая партія? Она начинаетъ съ фразы, которая сдѣлалась паролемъ кампаніи: «Shall the people rule?» *). Противопоставляя демократическую платформу республиканской, Гиддингсъ указываетъ, что требованія первой носятъ ясный, опредѣленный характеръ. Начиная съ критики республиканскаго режима, платформа протестуетъ противъ увеличенія арміи федеральныхъ чиновниковъ и противъ расточительности, создавшей крупный дефицитъ. Демократическая платформа требуетъ слѣдующихъ реформъ:

1. Уменьшеніе деспотической власти спикера палаты.

2. Гласность частныхъ пожертвованій денегъ на веденіе избирательныхъ кампаній; весьма важный пунктъ, въ виду того, что денегъ требуется много, и часто средства получаются лишь цѣной сдѣлокъ съ синдикатами, заблаговременной продажи платныхъ должностей (посольства) и такъ далѣе.

3. Охраненіе правъ отдѣльныхъ штатовъ и борьба съ федеральной централизаціей.

4. Пересмотръ таможеннаго тарифа съ пониженіемъ ставокъ, въ особенности на предметы первой необходимости, уничтоженіемъ пошлины на такіе предметы, производство которыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ лежитъ въ рукахъ треста; уничтоженіе пошлины на бумагу, въ виду существованія бумажнаго треста, оказывающаго очень вредное вліяніе на развитіе прессы и литературы.

5. Контроль трестовъ и синдикатовъ; детали этого контроля,

*) Эту фразу довольно трудно перевести на русскій языкъ. Нѣмецкій эквивалентъ: „Soll das Volk regieren"?, хотя англійское „shall" обозначаетъ и „soll" и „wird", что даетъ этому вопросу - восклицанію особую силу.

подробно изложенныя, не многимъ отличаются отъ программы Рузвельта по отношенію къ трестамъ.

6. Увеличеніе государственнаго контроля надъ желѣзными дорогами и «оцѣнка желѣзнодорожнаго имущества» (Рузвельтовское требованіе, отвергнутое республиканской партіей).

7. Право выпуска экстренныхъ денежныхъ знаковъ во время кризиса должно принадлежать правительству, а не банкамъ.

8. Гарантія правительствомъ вкладовъ въ частныхъ банкахъ посредствомъ спеціальнаго фонда.

9. Почтово-сберегательный банкъ.

10. Прогрессивный подоходный налогъ.

11. Законъ объ отвѣтственности предпринимателя за увѣчія рабочихъ въ сферѣ вліянія федеральной юрисдикціи.

12. Учрежденіе министерства труда и бюро народнаго здравія.

13. Поощреніе торговому флоту, но безъ субсидіи.

14. Защита американскихъ гражданъ за-границей (тотъ же призывъ къ еврейскому населенію, что и въ республиканской партіи).

15. Увеличеніе военнаго флота.

16. Щедрыя пенсіи ветеранамъ.

17. Народное (прямое) избраніе сенаторовъ, которыхъ теперь избираетъ законодательное собраніе штата.

18. Сохраненіе лѣсовъ, водныхъ путей, дорогъ и всякихъ естественныхъ богатствъ.

19. Запрещеніе азіатской иммиграціи.

20. Немедленная декларація готовности въ будущемъ объявить Филиппины независимыми.

Въ краткости, очевидно, обвинять демократическую платформу нельзя. Но мы, перечисляя пункты платформы, въ ихъ первоначальномъ порядкѣ, пропустили главный пунктъ, который требуетъ особаго вниманія. Это, какъ и въ республиканской платформѣ, пунктъ объ injunctions.

Потерпѣвъ пораженіе передъ республиканскими вожаками въ Чикаго, Самуилъ Гомперсъ отправился со своими требованіями на демократическій конвентъ въ Денверѣ. Здѣсь его приняли болѣе любезно и выслушали болѣе внимательно. Не потому, однако, что рабочее движеніе болѣе дорого демократической партіи, чѣмъ республиканской. Въ южныхъ штатахъ, гдѣ господствуетъ демократическая партія, юридическое положеніе рабочаго класса хуже, чѣмъ гдѣ либо. Ранній радикализмъ Брайана въ 1896 и 1900 году отражалъ требованія фермеровъ да потребителей, но не промышленнаго пролетаріата. Индустріальный радикализмъ въ демократической партіи имѣлъ своего представителя въ лицѣ Гойрста, который добивался президентской кандидатуры въ 1904 г., но безуспѣшно.

Но голоса дороже принциповъ въ избирательной кампаніи.

Число членовъ въ американской федераціи труда доходитъ до полутора милліоновъ. Эти милліоны гражданъ—милліоны голосовъ—поставили требованіе, которое республиканцы отвергли. Огромное большинство ихъ вотировало въ предыдущіе годы за республиканскую партію потому, что, какъ промышленные рабочіе, они предпочитали протекціонизмъ. Пойти навстрѣчу ихъ требованію значило пріобрѣсти значительную поддержку среди рабочихъ.

Правда, совсѣмъ удовлетворить эти требованія Брайанъ (изъ за тысячи верстъ, изъ штата Небраски, по телефону диктовавшій платформу конвента въ Денверѣ) не рѣшился. Это былъ новый Брайанъ, осторожный и боящійся запугать другихъ трусливыхъ людей своимъ излишнимъ радикализмомъ. Поэтому пунктъ объ injunctions начинается преклоненіемъ предъ мудростью судей, ибо всякій благонравный американскій гражданинъ долженъ преклоняться предъ судомъ и критиковать судъ, значитъ, заявлять себя опаснымъ радикаломъ. Однако программа требуетъ, чтобы: 1) за ослушаніе судебнаго injunction судилъ не тотъ же судья, а судъ присяжныхъ, и 2) чтобы injunctions не выдавались въ такихъ случаяхъ, въ какихъ не выдавались бы, если бы не происходило промышленнаго диспута (т. е. спора между трудомъ и капиталомъ).

Запутанно, неудобопонятно? — Несомнѣнно, но это было результатомъ не литературной погрѣшности, а трусливости мысли. Предложеніе совершенно уничтожить этотъ судебный актъ, безъ котораго обходятся же многія цивилизованныя страны, радикаламъ демократической партіи показалось равнымъ анархизму; injunctions необходимо сохранить, но такъ какъ injunctions особенно часто выдаются во время стачекъ, то необходимъ законъ, запрещающій injunction противъ бастующихъ рабочихъ, когда нѣтъ другихъ поводовъ для injunction. Въ результатѣ туманная формула, которую мы привели выше. Дѣйствительный смыслъ ея трудно уловить. Во-первыхъ, и теперь судья издаетъ injunction не противъ стачки, а противъ другихъ актовъ, сопровождающихъ стачку, какъ-то: подговариваніе оставшихся при работѣ бросить ее, угрозы, бойкотъ, марши, установленіе пикетовъ и т. д.; во вторыхъ, судья, выпускающій injunctions, самъ опредѣляетъ причины, потребовавшія этого указа. Но все же, — при чтеніи демократической платформы остается впечатлѣніе, что то, что обѣщано рабочимъ, во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ нашли нужнымъ обѣщать республиканцы. Несомнѣнно, что Самуилъ Гомперсъ былъ удовлетворенъ и открыто сталъ вести агитацію въ пользу Брайана.

VI.

Раньше, чѣмъ перейти отъ кандидатовъ и платформъ къ выборной кампаніи, необходимо еще остановиться, хотя бы вкратцѣ, на «второстепенныхъ» партіяхъ. Оффиціально было цѣлыхъ семь кандидатовъ на президентское кресло. И, хотя дѣйствительная борьба всегда сводится къ двумъ главнымъ кандидатамъ, изъ этого не слѣдуетъ, что остальныя партіи не оказываютъ вліянія на результаты выборовъ. При отсутствіи въ Америкѣ системы перебаллотировокъ, мелкія партіи могутъ отнять тысячи голосовъ у любой изъ двухъ большихъ партій. Часто онѣ организуются именно съ этой цѣлью приверженцами одной партіи, чтобы оттянуть голоса у другой, по принципу divide et impera. И, конечно, разсматривая президентскіе выборы не исключительно какъ избирательный актъ, а какъ подведеніе итоговъ политическимъ настроеніямъ, приходится на мелкія партіи обращать особенное вниманіе, ибо въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ политическимъ выборомъ, а не со стаднымъ чувствомъ, господствующимъ въ значительной части демократической или республиканской партіи.

Вопросъ о созданіи третьей партіи не новый вопросъ въ американской политикѣ. Многократныя попытки всегда кончались сліяніемъ «третьей» партіи съ одной изъ двухъ старыхъ, которая согласна была предложить большую политическую цѣну. Наибольшій успѣхъ имѣла популистическая или народная партія (Populist Party или Peoplès Party), которая въ началѣ девяностыхъ годовъ заполучила болѣе милліона голосовъ и нѣсколько мандатовъ въ палату и сенатъ. Въ президентскіе выборы 1892 года она удержала за собою нѣсколько штатовъ. Но она погибла на томъ же подводномъ камнѣ, который погубилъ всѣ «третьи» партіи—въ президентскіе выборы 1896 года она индоссировала демократическаго кандидата Брайана, почти что слилась съ демократами и никогда не оправилась отъ этого удара. Защитники «jusion» (блока) 1896 г. долгое время утверждали, что этотъ компромиссъ повредилъ популистической партіи лишь формально, что, въ сущности, демократическая партія переняла популистическую платформу, а поэтому не демократическая партія проглотила популистическую, а наоборотъ. Но съ тѣхъ поръ демократическая партія значительно поправѣла, а оппозиціонная сила популистической партіи исчезла.

Въ послѣдніе годы наиболѣе энергичныя усилія создать третью партію дѣлаютъ соціалисты. Они полное и принципіальное запрещеніе всякихъ «блоковъ» ввели въ символъ вѣры, оправдывая такую ортодоксальность именно уроками американской исторіи,

доказавшей, что, по крайней мѣрѣ, въ Америкѣ «блокъ» ведетъ къ уничтоженію меньшей партіи. И непрерывный, хотя и нѣсколько медленный ростъ соціалистической партіи дѣлаетъ вѣроятной ея развитіе въ практическую политическую силу. Наконецъ, истекшая кампанія выдвинула на арену національной борьбы новую «партію независимости», цѣль которой, однако, не столько существовать рядомъ со старыми партіями, сколько повліять на демократическую партію, повести ее влѣво или же замѣнить ее, занять ея мѣсто.

Всего мелкихъ партій въ этомъ году было пять, и всѣ онѣ были радикальныя партіи, стоявшія влѣво отъ демократической. Мелкія партіи, по большей части, носятъ радикальный характеръ. Однако же бывали исключенія. Такъ, напр., въ 1896 году часть республиканцевъ отдѣлилась отъ своей партіи, создавъ партію серебряныхъ республиканцевъ, а часть демократовъ, отдѣлившись отъ своей партіи, создала партію золотыхъ демократовъ. Но въ истекшей политической кампаніи всѣ пять стояли влѣво отъ Брайана, къ великой радости республиканцевъ, которые въ этомъ ростѣ мелкихъ оппозиціонныхъ партій видѣли залогъ своего успѣха.

Такъ, совершенно особо стоитъ анти-алкогольная партія (такъ наз. Prohibition Party, партія запрещенія). Партія эта исходитъ изъ точки зрѣнія, что алкоголизмъ—причина всѣхъ соціальныхъ золъ и абсолютный запретъ производства, торговли, ввоза, вывоза или провоза спиртныхъ напитковъ—единственная панацея. Она выставила своего собственнаго кандидата, нѣкоего доктора Чапина. Правда, Чапинъ не ожидалъ избранія. Но ошибкой было бы предполагать, что партія смотритъ на свою дѣятельность исключительно съ точки зрѣнія агитаціи. По крайней мѣрѣ, ея пресса серьезно готовится современемъ одержать побѣду и избрать своего президента. Съ этой цѣлью анти-алкогольная партія рѣшила выступить съ обще-политической программой радикальнаго характера и выставила такія требованія, какъ прямое избраніе сенаторовъ, прогрессивный подоходный налогъ, почтовыя сберегательныя кассы, регулированіе акціонерныхъ обществъ, однообразные законы брака и развода, запрещеніе дѣтскаго труда и даже женское избирательное право.

Совершенно игнорировать этой партіи не приходится. Въ 1904 году ей удалось получить около 120.000 голосовъ. Въ последніе годы движеніе въ пользу трезвости значительно разрослось въ южныхъ штатахъ, въ особенности въ виду стремленія бѣлаго населенія юга отрезвить черное населеніе (бѣлые выписываютъ нужные имъ напитки изъ другихъ штатовъ). Въ Соединенныхъ Штатахъ теперь имѣется 8 штатовъ съ населеніемъ въ 13.000.000 душъ, т. е. около одной шестой всего населенія, въ которыхъ совершенно запрещены производство и торговля алкогольными напитками. Вдобавокъ, около 250 городовъ и селеній съ населеніемъ въ 3.500.000 также провели въ своихъ предѣлахъ

эту политику. Республиканцы смотрятъ съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ на эту партію, разсчитывая, что она современемъ настолько уменьшитъ демократическіе голоса въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ, что сдѣлаетъ возможной республиканскую побѣду.

Популистическая партія существуетъ почти исключительно на бумагѣ; но все же она продолжаетъ поддерживать свое формальное существованіе. Она выставила своимъ кандидатомъ блестящаго южнаго журналиста, Томаса Уатсона, радикализмъ котораго вѣчно взываетъ къ либерализму 18-го вѣка, къ Томасу Джефферсону, конституціи, деклараціи независимости. Пресса почти что игнорировала какъ кандидатуру, такъ и платформу популистической партіи, состоявшую, главнымъ образомъ, въ нападкахъ на акціонерный капиталъ, тресты, желѣзныя дороги и республиканскій режимъ. Кампанія 1908 года отмѣтила полное разрушеніе послѣднихъ остатковъ популистической партіи.

Гораздо больше вниманія вызвала новая «партія независимости», которая по программѣ стояла очень близко къ популистической. Это было первое выступленіе партіи въ національной кампаніи, и во главѣ ея стоялъ знаменитый Вильямъ Рандольфъ Хойрстъ. Какъ и Рузвельтъ, Хойрстъ представляетъ одинъ изъ характернѣйшихъ продуктовъ американской жизни. На арену политической борьбы они выступили почти одновременно, хотя Хойрстъ гораздо моложе Рузвельта. Судьба ихъ, однако, была далеко не одинаковая. Рузвельту всегда везло, какъ утопленнику. Напротивъ, Хойрсту въ политикѣ не везетъ; его политическая карьера — рядъ неудачъ; но, тѣмъ не менѣе, Хойрстъ—политическая сила, съ которой приходится считаться, особенно въ виду того, что онъ обладаетъ гигантскимъ капиталомъ въ 30—40 милліоновъ долларовъ.

По профессіи Хойрстъ журналистъ—издатель полдюжины крупныхъ ежедневныхъ газетъ въ главныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ. Пріобрѣтя газету New Iork Journal (теперь New Iork American) лѣтъ 14 тому назадъ, Хойрстъ систематически старался создать радикальную фракцію въ демократіи восточныхъ штатовъ. Въ 1896 и 1900 году его газета была единственная въ Нью-Iоркѣ, которая поддерживала кандидатуру Брайана. Быстро растущая популярность его газетъ заставила демократовъ послать его депутатомъ въ конгрессъ, и скоро у Хойрста появилась надежда на президентскую кандидатуру. Въ 1904 году, когда въ демократической партіи происходила борьба между консервативнымъ и радикальнымъ крылами, Хойрстъ представлялъ радикаловъ, и за его кандидатуру было подано значительное количество голосовъ на конвентѣ, но, въ концѣ-концовъ, консерваторы побѣдили и выставили Паркера. Эта авантюра тогда стоила Хойрсту бѣшеныхъ денегъ. Публика тогда отнеслась къ попыткѣ Хойрста съ насмѣшкой: «молъ, обрабатываютъ купеческаго сынка теплые ребята».

Пораженіе очень обозлило Хойрста, въ особенности въ виду того, что демократы его собственнаго штата выступили противъ него. Въ 1905 году Хойрстъ выступилъ независимымъ кандидатомъ на должность мера Нью-Іорка, порвавъ съ демократической партіей, и къ всеобщему удивленію чуть было не былъ избранъ. Изъ 600—700 тысячъ голосовъ онъ былъ побитъ всего какими-нибудь 3.500 голосами; и Хойрстъ настаивалъ (а весь американскій народъ ему вѣрилъ), что онъ, въ сущности, получилъ большинство голосовъ, но побитъ былъ при помощи фальсификаціи при выборахъ. Организованная имъ «независимая лига» рѣшила продолжать свое существованіе и въ 1906 году выставила Хойрста кандидатомъ въ губернаторы. Хойрстъ заключилъ временное перемиріе съ демократами, которые индоссировали его кандидатуру (хотя чрезвычайно необычное явленіе для старой партіи индоссировать независимаго кандидата); и опять онъ былъ побитъ очень незначительнымъ большинствомъ. Хойрстъ опять утверждалъ, что онъ былъ побитъ, благодаря тайному плану демократовъ, выставившихъ его и въ то же время вотировавшихъ противъ него. Онъ окончательно порвалъ съ демократами и сталъ распространять организацію своей независимой партіи въ другіе штаты, и вездѣ, къ удивленію республиканцевъ и ужасу демократовъ, онъ умѣетъ привлекать къ своимъ кандидатамъ значительное количество голосовъ.

Все же рѣшеніе независимой партіи, т. е. партіи Хойрста, выступить на арену національной политики было неожиданностью. Результатомъ такого шага могъ быть только вредъ для Брайана, и потому это равносильно было полному разрыву съ демократами. Партія имѣла съѣздъ въ Чикаго, который во всемъ походилъ на съѣздъ большихъ партій, потому что средствъ у Хойрста достаточно. Гигантскій залъ, тысячная толпа делегатовъ, флаги, рѣчи, платформа и въ концѣ концовъ президентскій кандидатъ.

Хойрстъ на этотъ разъ не принялъ этой совершенно безнадежной кандидатуры, не желая подчеркивать, что «независимая» партія его собственная партія. Кандидатомъ былъ выставленъ нѣкій Хизгенъ, который въ 1907 г. получилъ очень большое число голосовъ, какъ кандидатъ независимой партіи на должность губернатора штата Массачузетса. Хизгенъ—нефтепромышленникъ, обратившій на себя вниманіе упорной борьбой съ нефтянымъ синдикатомъ. Онъ олицетворялъ краеугольный принципъ новой партіи: борьбы съ трестами и вообще *крупнымъ* капиталомъ. Что эту борьбу ведетъ архимилліонеръ Хойрстъ, является недурнымъ политическимъ каламбуромъ.

Платформа этой партіи была гораздо радикальнѣе демократической, хотя во многихъ пунктахъ она сходились. Она включала требованія новыхъ принциповъ демократическаго самоуправленія, референдума, народной иниціативы; цѣлый рядъ мѣръ въ области рабочаго законодательства, какъ строгое ограниченіе injunctions, защиты

здоровья и жизни рабочихъ на фабрикахъ; пересмотръ тарифа *друзьями народа, а не друзьями тарифа*; учрежденіе центральнаго государственнаго банка; выпускъ кредитныхъ денегъ государствомъ; уголовное преслѣдованіе и тюремное заключеніе (а не денежные лишь штрафы) директоровъ трестовъ, нарушающихъ законы; общественное владѣніе монополіями, включая желѣзныя дороги; запрещеніе фиктивныхъ сдѣлокъ на биржахъ; и т. д., и т. д. По платформѣ судя, партія является выразителемъ тѣхъ радикальныхъ элементовъ, которые не желаютъ присоединиться къ соціалистамъ, но уже ушли далеко впередъ отъ теперешней демократической партіи. Она занимаетъ мѣсто бывшей популистической партіи, но носитъ болѣе промышленный характеръ въ то время, какъ популистическое движеніе было преимущественно аграрнымъ движеніемъ.

VII.

Къ чему приведетъ основаніе независимой партіи, окончится-ли она полнымъ разгромомъ или дѣйствительно разовьется въ крупную политическую силу,—на это отвѣтъ можетъ дать лишь будущее. Въ настоящее время, однако, самое важное мѣсто среди мелкихъ партій принадлежитъ соціалистической партіи. Американское общество нельзя упрекнуть въ излишней симпатіи къ соціалистическому движенію; но послѣ 15—20 лѣтъ насмѣшки и презрѣнія общественное мнѣніе вынуждено было признать, что въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и во всякой промышленной странѣ, соціалистическая партія сдѣлалась постояннымъ факторомъ въ политической жизни. И старый аргументъ, что соціализмъ явленіе чуждое американской жизни, импортиированное изъ Германіи и неспособное здѣсь акклиматизироваться, понемногу начинаетъ исчезать съ газетныхъ столбцовъ.

Я не стану, конечно, излагать здѣсь исторію соціалистическаго движенія въ Соединенныхъ. Напомню лишь, что въ 1888 году число соціалистическихъ голосовъ не превышало 2000; въ 1896 ихъ было около 40.000, въ 1900 году — около 130.000; въ 1904—436.000 голосовъ. Благодаря этому росту, практическіе политики стали съ 1904 года обращать серьезное вниманіе на ростъ соціалистической партіи. И, судя по всѣмъ симптомамъ, за послѣдніе 4 года ростъ соціалистическихъ идей въ странѣ былъ очень быстрый. Литература разоблаченій грѣховъ капитализма, о которой я разсказывалъ въ началѣ моего письма, была, конечно, на руку соціалистическимъ ораторамъ, потверждая фактически тѣ нападки, которыя соціалисты дѣлали апріорно. Соціалистическіе журналисты и беллетристы приняли довольно крупное участіе въ этихъ разоблаченіяхъ, а многочисленныя паники на биржѣ

въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, закончившіяся промышленнымъ кризисомъ, также обостряли общественный интересъ къ соціалистической критикѣ существующаго строя. Нельзя пройти молчаніемъ и шумнаго процесса въ Айдахо, въ которомъ судились вожаки федераціи рудокоповъ по обвиненію въ убійствѣ бывшаго губернатора, Стойненберга, процесса, за которымъ слѣдилъ весь цивилизованный міръ. Вся политическая и финансовая сила владѣльцевъ западныхъ рудниковъ была использована въ попыткѣ обвинить этихъ трехъ вожаковъ-соціалистовъ, и дѣло окончилось полнымъ оправданіемъ всѣхъ трехъ. Президентъ Рузвельтъ, произнесшій свой громкій приговоръ противъ этихъ «убійцъ» еще до разбора дѣла и вызвавшій этимъ горячее обсужденіе и осужденіе своего поступка,—также помогъ популярности соціалистической партіи. Но, конечно, одними внѣшними полу-случайными фактами нельзя объяснить всего роста партіи. Дѣйствительное объясненіе ему надо искать въ общемъ экономическомъ развитіи страны, въ ростѣ гигантскихъ состояній, въ ростѣ власти гигантскихъ комбинацій капитала и въ чувствѣ протеста противъ этихъ плодовъ промышленнаго роста. Насколько вліяла энергичная агитація, руководимая соціалистической организаціей, трудно сказать, но велась она неустанно. Число членовъ партіи быстро росло; число мелкихъ органовъ печати умножалось; появились ежедневныя большія газеты въ Чикаго и Нью-Іоркѣ; вліяніе соціалистовъ стало чувствоваться въ литературѣ и журналистикѣ не только прямо, но и косвенно, потому что среди журналистовъ соціализмъ пріобрѣлъ многихъ тайныхъ приверженцевъ; появились студенческія соціалистическія организаціи въ университетахъ, фактъ очень знаменательный въ виду крайней консервативности буржуазнаго американскаго студенчества; наконецъ, съ очень большимъ шумомъ организовано было братство христіанскихъ соціалистовъ, къ которому присоединилось нѣсколько сотъ проповѣдниковъ разныхъ протестантскихъ церквей.

При такихъ благопріятныхъ для роста партіи знаменіяхъ времени происходилъ съѣздъ соціалистической партіи еще въ маѣ мѣсяцѣ, раньше всѣхъ національныхъ партійныхъ съѣздовъ. И здѣсь происходила нѣкоторая борьба между правымъ и лѣвымъ крыломъ. До нѣкоторой степени разслоеніе въ соціалистической партіи въ Америкѣ параллельно раздѣленіямъ на бернштейніанцевъ и ортодоксовъ въ германской партіи. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ стоятъ импоссибилисты, революціонеры, мечтающіе о внезапномъ и очень скоромъ полномъ соціальномъ переворотѣ и считающіе самымъ важнымъ въ платформѣ описаніе или даже обѣщаніе кооперативнаго строя. На крайнемъ правомъ крылѣ,—практическіе люди, отказывающіеся предсказывать кооперативный строй будущаго и смотрящіе на соціалистическую партію, какъ на партію, стремящуюся провести опредѣленныя экономическія мѣропріятія и реформы въ интересахъ пролетаріата. Огромное большинство делегатовъ соста-

вляли, однако, люди, комбинирующіе обѣ точки зрѣнія. т. е. вѣрующіе какъ въ необходимость соціальныхъ мѣропріятій, такъ и въ близость и неизбѣжность кооперативнаго строя.

Подъ вліяніемъ болѣе или менѣе практическихъ элементовъ, платформа соціалистической партіи все больше и больше вѣсу кладетъ на практическія такъ наз. «немедленныя» требованія, немедленныя (immediats) не въ томъ смыслѣ, конечно, что соціалистическая партія считаетъ немедленную побѣду возможной (хотя въ партіи не мало наивныхъ энтузіастовъ, вѣрующихъ въ побѣду на выборахъ 1912 года), а въ томъ, что эти реформы должны предшествовать введенію кооперативнаго строя. Правда, что многія изъ этихъ «практическихъ» мѣръ далеко не такъ практичны; многія изъ нихъ невозможны, пока совершенно не будетъ измѣнена конституція Соединенныхъ Штатовъ — невозможны, пока у соціалистовъ не будетъ абсолютнаго большинства въ конгрессѣ. Но въ сравненіи съ прямолинейнымъ требованіемъ кооперативнаго строя эти немедленныя требованія все же представляютъ нѣкоторый прогрессъ практичности и трезвости.

Поэтому платформа на этотъ разъ пространная. Она состоитъ изъ трехъ частей: общей «деклараціи принциповъ», въ которой популярно и кратко изложены основные принципы ортодоксальнаго марксизма, «платформы на 1909 годъ», въ которой дана оцѣнка политическаго момента съ соціалистической точки зрѣнія, и длиннаго списка требованій.

Этотъ списокъ включаетъ: помощь безработнымъ при посредствѣ общественныхъ работъ и субсидіи рабочимъ союзамъ; обобществленіе желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ, пароходныхъ линій, всѣхъ остальныхъ общественныхъ средствъ сообщенія и всей земельной собственности; обобществленіе всѣхъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя организованы въ очень широкихъ размѣрахъ, съ полнымъ уничтоженіемъ конкурренціи; національзація рудниковъ, каменоломенъ, нефтяныхъ источниковъ, лѣсовъ и водяной силы; земля должна быть лишь въ рукахъ дѣйствительныхъ землевладѣльцевъ; абсолютная свобода прессы, слова и собраній.

Улучшеніе положенія рабочаго класса посредствомъ: сокращенія рабочаго дня; по крайней мѣрѣ, полудневнаго еженедѣльнаго отдыха; улучшенія инспекціи фабрикъ; запрещенія дѣтскаго труда до 16-тилѣтняго возраста; запрещенія передвиженія продуктовъ дѣтскаго труда, тюремнаго труда и не подверженныхъ инспекціи фабрикъ отмѣны благотворительности и замѣны ея страхованіемъ противъ безработицы, отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, инвалидности, старости и смерти.

Повышеніе налога на наслѣдства; прогрессивный подоходный налогъ; право голоса всѣхъ гражданъ обоего пола; народная инціатива, плебисцитъ (референдумъ), пропорціональное представительство и право отзыва депутатовъ; уничтоженіе сената; уничтоженіе права,

присвоеннаго себѣ Верховнымъ Судомъ Соединенныхъ Штатовъ, рѣшать относительно конституціонныхъ законовъ, принятыхъ конгрессомъ; возможность поправки конституціи плебисцитомъ; законодательство для поощренія народнаго образованія и сохраненія народнаго здравія. Превращеніе «бюро народнаго образованія» въ министерство. Учрежденіе министерства народнаго здравія; учрежденіе министерства труда; народное избраніе всѣхъ судей на краткіе сроки; отмѣна права выдачи injunctions; безплатное судебное производство.

Казалось бы, достаточно! Работы здѣсь довольно на нѣсколько поколѣній. Но радикалы еще недовольны этимъ и заключаютъ платформу слѣдующими словами: «Тѣ реформы, къ которымъ мы можемъ принудить капиталистическій строй, представляютъ лишь приготовленіе къ захвату рабочими всей силы правительства,—съ цѣлью завладѣнія всей промышленной системой».

Въ подборѣ президентскаго кандидата нѣкоторая борьба произошла между Хейвудомъ — героемъ сенсаціоннаго процесса въ Айдахо,—и Евгеніемъ Дебсомъ. Хейвудъ, крайне неумѣренный въ своемъ краснорѣчіи революціонеръ, мало культурный продуктъ полудикаго горно-промышленнаго дальняго запада, оказался болѣе умѣстнымъ въ своей роли, чѣмъ агитатора и пропагандиста, какимъ является президентскій кандидатъ соціалистовъ и поэтому былъ забракованъ, а Дебсъ въ третій разъ выставленъ президентскимъ кандидатомъ. Дебсъ тоже героическая фигура въ американскомъ рабочемъ движеніи; онъ завоевалъ себѣ національную репутацію, какъ вожакъ гигантской стачки желѣзнодорожниковъ въ 1894 году, когда Тафтъ, какъ судья, посадилъ Дебса въ тюрьму за неисполненіе его injunction. Дебсъ также одинъ изъ организаторовъ соціалистической партіи *). Лично онъ представляетъ странную смѣсь сентименталиста съ революціонеромъ; его проповѣдь не менѣе странная комбинація христіанской любви съ классовой борьбой, проповѣдь тѣмъ не менѣе блестящая, трогательная и подчасъ убѣдительная. Дебсъ пользуется исключительной любовью со стороны сотенъ тысячъ приверженцевъ партіи.

Чтобы быть вполнѣ справедливымъ и академически-корректнымъ, я долженъ посвятить еще нѣсколько строкъ второй соціалистической организаціи, такъ наз. «соціалистической рабочей партіи», болѣе старой, но насчитывающей всего около 30.000 голосовъ. Эта партія отличается крайней ультра-марксистской ортодоксальностью, прямолинейностью, нетерпимостью и заносчивостью. Ея исторія за послѣдніе 10 лѣтъ—исторія личныхъ счетовъ и забрасыванія грязью вожаковъ большой соціалистической партіи. Въ

*) Объ организаціи соціалистической партіи и о роли въ ней Дебса смотри мою статью „Соціальное движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ". „Сѣверный Вѣстникъ", Мартъ, 1898; также книгу Гильквита.

послѣдніе годы партія дышетъ на ладанъ, и потому стала хлопотать о сліяніи съ большой партіей, но та отказалась, боясь вторженія этого духа личныхъ счетовъ въ свою организацію. Платформа этой Socialist Labor Party очень кратка, почти не включаетъ никакихъ специфическихъ мѣропріятій и съ большимъ пафосомъ требуетъ отъ капиталистическаго общества капитуляціи передъ наступающей арміей пролетаріата (къ этой арміи принадлежитъ, приблизительно, $^{2}/_{10}$ процента избирателей, т. е. 2 на 1.000). Хотя вожакомъ партіи состоитъ почтенный экс-профессоръ Де-Леонъ, человѣкъ лѣтъ подъ 60, но партія ведетъ себя совсѣмъ по дѣтски. Кандидатомъ въ президенты она выставила какого-то молодого человѣка, Престона, который отбываетъ пожизненное тюремное заключеніе въ одной изъ тюремъ штата Айдахо по обвиненію въ убійствѣ трактирщика, якобы оскорбившаго одну изъ служанокъ въ своемъ трактирѣ.

Избраніемъ приговореннаго преступника (да къ тому же человѣка на 6 лѣтъ моложе минимальнаго возраста требуемаго конституціей) эти наивные люди надѣялись обратить на себя вниманіе публики. Де-Леонъ громко заявлялъ, что если рабочіе выберутъ Престона президентомъ, то Престонъ будетъ президентомъ, несмотря на тюремное заключеніе или молодость. Все это было до того нелѣпо, что, дѣйствительно, привлекло вниманіе печати, которой въ теченіе нѣсколькихъ дней служило благодарнымъ матеріаломъ для остротъ. Престонъ все же имѣлъ благоразуміе отказаться отъ кандидатуры, и на его мѣсто Де-Леонъ выставилъ другую пѣшку.

И. Рубиновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Суффражистки.

I.

Я не имѣю намѣренія доказывать, что 2×2=4, т. е. что женщинамъ должно быть предоставлено такое-же право принимать участіе въ общественной и политической жизни страны, какъ и мужчинамъ. Въ особенности это не приходится доказывать у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительность вообще отнимаетъ у русскихъ всѣ человѣческія права, то за то даже поверхностное соблюденіе обнаружитъ слѣдующій фактъ. На Западѣ, гдѣ мужчины сравнительно давно уже пользуются гражданскими и политическими правами,—женщины вообще отстали въ развитіи и въ самосознаніи отъ своихъ братьевъ, мужей и отцовъ. Тамъ жен-

щины—элементъ по преимуществу консервативный, косный. Классическимъ примѣромъ является Англія, затѣмъ—Франція. Въ Россіи во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ женщины стояли *впереди* мужчинъ. Такъ было со времени раскола. Стоитъ только вспомнить боярыню Ѳ. П. Морозову, подававшую своею жизнью и мученической смертью въ Боровской земляной тюрьмѣ примѣръ стойкости за убѣжденія. Въ самые мрачные моменты русской жизни, когда общество выдѣляло, съ одной стороны, побѣдителей, какъ щедринскіе Перехватъ-Залихватскій (тотъ самый, который въѣхалъ въ Глуповъ на бѣломъ конѣ, сжегъ гимназію и упразднилъ науки) или Угрюмъ-Бурчеевъ, а съ другой—слабовольныхъ тургеневскихъ «лишнихъ людей» и «гамлетовъ Щигровскаго уѣзда»,— среди русскихъ женщинъ выдвигались Елены. Напоминать дальнѣйшіе факты, мнѣ кажется, нѣтъ надобности. Итакъ, доказывать элементарную истину читателямъ русскаго журнала не приходится. Какъ увидимъ дальше, англійскіе противники политической эмансипаціи женщинъ проявляютъ скорѣе нѣкоторую ловкость въ изобрѣтенію аргументовъ, чѣмъ способность убѣждать ими. Вотъ, напримѣръ, аргументъ, приведенный недавно «англо-индусомъ» въ Times'ѣ. Каждый имперіалистъ,—доказываетъ авторъ,—долженъ быть противъ предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ. Почему именно? Да потому, что Англія владѣетъ Индіей. Власть англичанъ надъ громадной имперіей основана, главнымъ образомъ, на престижѣ. Туземцы смотрятъ на завоевателей, какъ на полубоговъ. Что-же подумаютъ патаны, раджпуты, сиксы и индійскіе магометане, считающіе женщину низшимъ существомъ, если узнаютъ, что британскій парламентъ, которому принадлежитъ верховный контроль надъ Индіей, избирается также и женщинами? Развивая этотъ аргументъ, можно было бы сказать слѣдующее. Англичанамъ принадлежатъ громадныя территоріи въ землѣ Ашантіевъ и въ Нигеріи, населенныхъ людоѣдами. Такъ какъ послѣдніе ѣдятъ женщинъ, то для поддержанія престижа британской власти необходимо ввести этотъ обычай и въ Англіи. Иначе, что подумаютъ объ англичанахъ канибалы, если узнаютъ про глупость и непрактичность ихъ? (Предоставляютъ дичи свободно гулять по улицамъ вмѣсто того, чтобы ѣсть ее).

Доказывать азбучную истину скучно. Укажу только на рядъ соображеній, приведенныхъ американскимъ соціологомъ Отисомъ Тёфтономъ Масономъ въ его крайне интересной книгѣ *Woman's Share in Primitive Culture*. Авторъ выясняетъ громадную роль женщины въ созданіи культуры. Гербертъ Спенсеръ дѣлитъ исторію цивилизаціи на два періода: на военный и промышленный. Первый періодъ—варварскій, представляющій сплошную картину борьбы человѣка съ человѣкомъ и человѣка съ природой. Объ этомъ періодѣ Шиллеръ сказалъ:

„Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ“.

Дикари—«кончивъ бой, они, какъ тигры, изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ». Послѣ этого періода наступаетъ другой—промышленный. Бродячіе дикари превращаются мало по малу въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, медленно создающихъ культуру. Шиллеръ, какъ впослѣдствіи Спенсеръ, отмѣчаетъ благодѣтельные результаты союза человѣка съ землею.

„Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью—землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ“.

По мнѣнію Масона, дѣленіе, сдѣланное Спенсеромъ, не точно. Въ исторіи первобытнаго человѣка мы можемъ указать скорѣе не *вѣкъ* военный и промышленный, а *полъ* подобнаго рода. «Безъ сомнѣнія, исторія не знаетъ еще другого вѣка, когда вооруженіе народовъ производилось-бы болѣе энергично, чѣмъ теперь,—говоритъ Масонъ. Никогда человѣчество не имѣло еще такихъ громадныхъ военныхъ кораблей, такихъ ужасныхъ взрывчатыхъ веществъ и такихъ совершенныхъ орудій истребленія, какъ теперь. Въ изготовленіи всего этого женщины не принимаютъ никакого участія, если не считать того, что немногія бѣдныя женщины получаютъ скудный заработокъ за набиваніе патроновъ. Затѣмъ теперь, какъ и во времена Тацита, женщина помогаетъ раненымъ на полѣ сраженія». Женщина не принимала и не принимаетъ активнаго участія въ истребленіи людей другъ другомъ. Въ первобытныя времена мужчина воинъ и звѣроловъ, выдерживая безпрерывно столкновенія съ медвѣдемъ, волкомъ или кабаномъ, изучалъ ихъ нравы, перенималъ хитрость у лисицы. Мужчина учился у нихъ подкрадываться къ добычѣ и нападать на нее. Движенія звѣрей онъ перенималъ въ обрядовыхъ танцахъ. На женщинѣ въ это время лежали всѣ заботы о домѣ, о пропитаніи дѣтей, объ одеждѣ. Она училась домостроительству у птицъ, у пчелъ, у муравьевъ. Занятый охотой и войной, мужчина могъ придумать только орудія истребленія. Первобытной женщинѣ, какъ домостроительницѣ, а не мужчинѣ, человѣчество обязано изобрѣтеніемъ искусства изготовлять ткани, устройствомъ жилищъ. Прометеемъ, которому пришла мысль утилизировать огонь дуба, зажженнаго молніей, была скорѣе всего женщина. Когда охота бывала неудачна, женщина придумывала (какъ это мы видимъ до сихъ поръ у дикарей), чѣмъ бы прокормить семью. Она копала корни, съѣдобныя свойства которыхъ открыла, возясь съ устройствомъ дома. Тутъ мы видимъ зарожденіе земледѣлія. Женщина, наблюдая самокъ другихъ животныхъ, видѣла, что онѣ

тоже кормятъ дѣтенышей молокомъ. И ей первой, а не мужчинѣ-воину должна была придти въ голову мысль приручить корову и доить ее. У птицъ и бабочекъ первобытная женщина научилась цѣнить красивыя краски. Она начала украшать свое тѣло и платье, а также платье дѣтей и мужа раковинами, кусочками цвѣтного мѣха, узорами, вышитыми оленьими жилками, выкрашенными охрой и пр. Мужъ-звѣроловъ приносилъ домой добычу, которую свѣжевала жена. Видъ снятой шкуры долженъ былъ породить у женщины мысль о томъ, чтобы сохранить надолго мягкость кожи. И искусство выдѣлывать кожи, несомнѣнно, придумано женщинами. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіи до сихъ поръ искусство выдѣлывать кожи извѣстно только женщинамъ. Мать, убаюкивая ребенка, явилась изобрѣтательницей перваго лирическаго стихотворенія. Въ своей книгѣ Масонъ приводитъ рядъ поразительно нѣжныхъ колыбельныхъ пѣсенъ дикарей, стоящихъ на самой низшей ступени развитія *). Самымъ важнымъ мѣриломъ культуры данной страны является степень уваженія къ личности вообще, а въ частности къ женщинѣ. Уваженіе къ ней должно быть основано не только на томъ, что мы видимъ въ ней нашу мать, нашу сестру, нашу подругу, но и на признаніи *историческихъ* заслугъ женщины, какъ создательницы культуры **). Паденіе культурнаго уровня, вслѣдствіе общественныхъ катастрофъ (напр., вслѣдствіе реакціи, наступившей послѣ неудавшагося общественнаго движенія) ведетъ за собою періодическое возрожденіе культа женщины, только какъ носительницы нѣкоторыхъ особыхъ примѣтъ...

Итакъ, въ этой статьѣ я ничего не буду доказывать, а изложу только, въ какомъ положеніи находится теперь въ Англіи вопросъ о политической эмансипаціи женщинъ. «Національный Женскій Союзъ» ***) выпустилъ, между прочимъ, брошюрку, въ которой отмѣчены, начиная съ 1866 г., наиболѣе выдающіеся моменты въ стремленіи женщинъ къ политической эмансипаціи. Возьму оттуда нѣкоторые факты.

---

*) Woman's Share in Primitive Culture, p. 171—177.

**) Едва ли не у всѣхъ первобытныхъ народовъ мы находимъ въ пантеонѣ доброе божество женскаго рода, символъ женщины создательницы культуры. Въ якутскомъ эпосѣ, напр., мы находимъ „*Воспитательницу и мать хранительницу*, соболѣзнующую госпожу», Аисытъ Хатынъ. Это доброе божество покровительствуетъ якутамъ вообще, но въ частности она патронесса женщинъ. Она назначаетъ пары, опредѣляетъ, какая доля имъ будетъ, помогаетъ роженицамъ. Въ безконечной сказкѣ „Ханъ Джаргыстай", въ которой излагается чуть ли не вся якутская космогонія,—говорится, какъ Аисытъ-Хатынъ опустилась къ первой рожавшей женщинѣ Кюнъ Туналыкса, пробыла три дня возлѣ нея, затѣмъ удалилась, наказавъ: „пусть, пока существуютъ якуты, женщина черезъ три дня послѣ родовъ встанетъ, умоется и сама дастъ своимъ коровамъ сѣна".

(*Діонео*. „На крайнемъ сѣверо-востокѣ Россіи". Спб. 1895 г., стр. 59).

***) The National Union of Women's Suffrage.

Въ 1866 г. Джонъ Стюартъ Милль представилъ парламенту петицію, покрытую подписями 1499 женщинъ о допущеніи ихъ къ избирательнымъ урнамъ. Въ слѣдующемъ 1867 г. Милль предложилъ при обсужденіи второго билля о реформахъ поправку въ томъ смыслѣ, чтобы слово «man» (человѣкъ, мужчина) въ законопроектѣ замѣнено было словомъ «person» (лицо). Тогда получилось бы, что всѣ *лица* (т. е. и мужчины, и женщины), обладающія опредѣленнымъ цензомъ, допускаются къ избирательнымъ урнамъ. Палата большинствомъ въ 121 голосъ отвергла поправку Милля. Въ 1868 г. на общихъ выборахъ 5000 женщинъ въ Манчестерѣ потребовали, чтобы ихъ внесли въ избирательные списки. Судъ отвергъ петицію. Въ 1869 г. женщины получили всѣ права въ штатѣ Уайомингъ (Wyoming). Въ 1873 году одиннадцать тысячъ женщинъ подали Гладстону и Дизраэли петицію о допущеніи къ избирательнымъ урнамъ. Въ 1881 г. женщины маленькаго острова Мэнъ, имѣющаго свою собственную конституцію и свой парламентъ съ двумя палатами, получили право быть избранными въ нижнюю палату (House of Keys). Въ 1889 г. въ журналѣ *Nieneteenth Century* появился протестъ 106 женщинъ *противъ* политической эмансипаціи. Въ отвѣтъ на это черезъ двѣ недѣли появилась контръ-петиція, въ защиту эмансипаціи, подписанная двумя тысячами женщинъ. Въ 1893 г. женщины получили всѣ избирательныя права въ Новой Зеландіи и въ Колорадо. Черезъ годъ такая же реформа принята была парламентомъ Южной Австраліи, а еще черезъ годъ—парламентомъ мормонскаго штата Ута. Въ 1895 г. двѣсти пятьдесятъ семь тысячъ женщинъ въ штатѣ Айдахо (Idaho) подали петицію въ парламентъ о политической эмансипаціи. Ходатайство было удовлетворено. Съ 1870 г. до 1897 г. британская палата общинъ нѣсколько разъ принимала во второмъ чтеніи билль о политическомъ равноправіи женщинъ. Въ 1900 г. женщины Западной Австраліи получили всѣ избирательныя права. Черезъ два года федеральный парламентъ новой Австралійской республики распространилъ избирательныя права также и на женщинъ. Въ томъ же 1902 году 750 женщинъ, имѣющихъ ученыя степени, представили британскому парламенту петицію о допущеніи ихъ къ избирательнымъ урнамъ. Черезъ годъ Тасманія послѣдовала примѣру Новой Зеландіи и Австралійской республики. Въ 1904 г. билль объ избирательныхъ правахъ женщинъ, внесенный въ британскій парламентъ сэромъ Чарльзомъ Макъ Лареномъ, принятъ былъ во второмъ чтеніи большинствомъ въ 114 голосовъ. Черезъ годъ еще одинъ изъ штатовъ Австралійской республики, Квинслэндъ—послѣдовалъ примѣру Новой Зеландіи. Въ 1906 г. женщины въ Финляндіи получили избирательныя права. Въ томъ же году въ Англіи миссъ Мэри Бэтсонъ представила премьеру петицію 1530 женщинъ, имѣющихъ ученыя степени. Въ 1907 г. допущены были къ избирательнымъ урнамъ норвежскія женщины. Въ томъ же году въ Англіи

прошелъ законъ о допущеніи женщинъ къ участію въ муниципальныхъ выборахъ. Женщины могутъ не только засѣдать въ муниципальныхъ и графскихъ совѣтахъ, но имѣютъ также право быть мэрами, если ихъ выберутъ. Въ 1908 г. коммонеръ Суэнджеръ внесъ въ нижнюю палату билль о распространеніи на женщинъ парламентскихъ избирательныхъ правъ. Палата приняла законопроектъ большинствомъ въ 179 голосовъ. Голосованіе показало, что за билль высказываются одинаково представители всѣхъ политическихъ партій, точно такъ же, какъ въ рядахъ оппонентовъ мы находимъ либераловъ и консерваторовъ. Въ ноябрѣ 1908 г. коммонеръ Вильсонъ спросилъ въ парламентѣ, сколькими подписями скрѣплены петиціи за послѣднія девять лѣтъ о дарованіи женщинамъ избирательныхъ правъ. Отвѣтъ получился слѣдующій: На петиціи 1899 г.—6157 подписей, на петиціи 1900 г.—семь подписей.

1901 г.	30.178	подписей.
1902 »	39.079	»
1903 »	13.990	»
1904 »	11.946	»
1905 »	8.153	»
1906 »	3.199	»
1907 »	1.538	»
1908 »	1.965	» *)

II.

По отношенію къ движенію въ пользу политической эмансипаціи женщины въ Англіи дѣлятся на три класса: на безразличныхъ, враждебныхъ и на борцовъ. Безразличныя — составляютъ подавляющее большинство. Въ этомъ отношеніи справедливо указаніе, что англійскимъ феминисткамъ необходимо убѣждать не столько мужчинъ, сколько женщинъ. Выше было уже указано, что съ прошлаго года женщины имѣютъ право участвовать въ муниципальныхъ выборахъ; но подавляющее большинство ихъ, какъ было выяснено недавно, не пользуются своимъ правомъ. Феминистское движеніе по преимуществу затронуло въ Англіи только средніе и вышесредніе классы. Линіи, раздѣляющія противниковъ движенія отъ сторонниковъ и либеральную партію отъ консервативной,—не совпадаютъ. Въ рядахъ воинственныхъ феминистокъ, прибѣгающихъ къ самымъ «революціоннымъ» мѣрамъ, мы находимъ дамъ изъ ультра-консервативной лиги *Подснѣжникъ*. «Женщины и теперь принимаютъ дѣятельное участіе въ политической жизни страны; такимъ образомъ, дарованіе имъ избирательныхъ правъ является простымъ актомъ справедливости. Что же касается во-

*) *Times*, November II. 1908. P. 8.

проса, насколько онѣ пригодны для политической дѣятельности, то на это лучшимъ отвѣтомъ являются англійскія королевы. Онѣ, во всякомъ случаѣ, занимали тронъ съ такимъ же достоинствомъ, какъ и мужчины». Это—выдержки изъ рѣчи одного изъ наиболѣе видныхъ представителей непримиримыхъ консерваторовъ — лорда Роберта Сесиля. Съ другой стороны, въ рядахъ противниковъ феминизма мы находимъ выдающихся радикаловъ и ученыхъ съ міровымъ именемъ, какъ позитивистъ Фредерикъ Гаррисонъ, хорошо извѣстный въ Россіи проф. Дайси, Эдуардъ Клодъ, лордъ Листеръ, сэръ Вильямъ Круксъ, Каррутель Гульдъ, проф. Армстронгъ, Редіардъ Киплингъ и др. Противники движенія въ пользу эмансипаціи женщинъ образовали въ 1908 г. лигу — *National Women's Anti-Suffrage Association*, во главѣ которой, рядомъ съ титулованными дамами, какъ лэди Джерсей и лэди Невиль, стоитъ хорошо извѣстная въ Россіи романистка Гемфри Уордъ. Въ «манифестѣ», выпущенномъ этой лигой, говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Пропаганда суффражистокъ ведетъ къ борьбѣ пола противъ пола; между тѣмъ, у мужчины и женщины—различныя сферы дѣятельности, взаимно дополняющія другъ друга». Лига признаетъ необходимость и важность участія женщинъ въ общественной жизни страны, но полагаетъ, что сфера дѣятельности ихъ должна ограничиваться мѣстнымъ самоуправленіемъ и комитетами призрѣнія бѣдныхъ. Распространеніе существующаго нынѣ въ Англіи избирательнаго закона на женщинъ, т. е. предоставленіе тѣмъ изъ нихъ, которыя имѣютъ извѣстный цензъ, права участвовать въ выборахъ,—явилось бы актомъ величайшей несправедливости по отношенію ко всѣмъ остальнымъ женщинамъ,—говорится въ *манифестѣ*.—Дарованіе же избирательнаго права всѣмъ вообще женщинамъ, достигшимъ совершеннолѣтія, явилось бы актомъ поистинѣ революціоннымъ. Такъ какъ женщинъ въ Англіи больше, чѣмъ мужчинъ,—продолжаетъ лига,—то на первыхъ же общихъ выборахъ онѣ явились бы господствующей партіей въ парламентѣ. Женщины,—думаетъ лига,—по своей природѣ не могутъ занимать отвѣтственные посты, какъ, напр., быть министрами. Кромѣ того, женщины «не въ состояніи настоять силой на исполненіи того закона, который онѣ могутъ издать въ парламентѣ».

Читатель видитъ, что, несмотря на громкія имена членовъ лиги, *манифестъ* ея не блещетъ оригинальностью или убѣдительностью аргументовъ.

Переходимъ теперь къ феминисткамъ. Армія ихъ образуетъ два крыла: правое и лѣвое. Въ правомъ крылѣ мы видимъ двѣ партіи: Національный Союзъ феминистокъ (National Union of Women's Suffrage Societies) и Женскую Либеральную Федерацію (Women's Liberal Federation). Къ этимъ партіямъ принадлежитъ подавляющее большинство женщинъ съ учеными степенями, видныя общественныя дѣятельницы и пр. Большинство этихъ дамъ

очень богаты. На митингѣ, напр., въ Альбертовой залѣ (въ началѣ 1908 г.) собрано болѣе 60 тысячъ руб. Пожертвованія поступали отъ 1 до 1000 ф. ст. Во главѣ праваго крыла стоитъ г-жа Миллисента Гарретъ Фаусетъ, видная писательница и докторъ правъ. Г-жа Фаусетъ принадлежитъ къ числу первыхъ борцовъ за политическія права женщины. По происхожденію она членъ вышесреднихъ классовъ (вдова директора почтъ и телеграфовъ). Г-жа Фаусетъ написала нѣсколько популярныхъ книгъ по политической экономіи, выдержавшихъ много изданій *). Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ она упрекаетъ мужчинъ въ косности и нетерпимости; но сама она далеко не отличается терпимостью къ чужому мнѣнію. Приведу одинъ примѣръ. Въ серединѣ девяностыхъ годовъ въ Англіи вышелъ романъ покойнаго теперь Грэнтъ Аллэна «Whoman who did» (Женщина, которая дерзнула). Теперь романъ этотъ вышелъ въ дешевомъ изданіи и свободно продается всюду. Русская публика тоже можетъ судить о немъ, такъ какъ книга переведена. Читатель, не знающій исторіи романа, будетъ изумленъ, узнавъ, что книга при появленіи своемъ вызвала циклонъ негодованія. Негодующимъ критическимъ статьямъ въ журналахъ и газетахъ нѣтъ числа. Всѣ онѣ согласно утверждали, что никогда еще не появлялось ничего болѣе безнравственнаго, чѣмъ «Whoman who did». И впереди негодующихъ критиковъ стояла г-жа Фаусетъ **). «Прочитавъ внимательно романъ отъ доски до доски,—говоритъ она въ «Contemporary Review»,—я пришла къ заключенію, что авторъ... думаетъ разрушить бракъ; онъ желаетъ ослабить узы семьи; онъ хочетъ доказать, что цѣломудріе вредно и жестоко... Авторъ ненавидитъ свою родную страну, клянетъ ее и говоритъ, что она «покрыта коростой респектабельности». Въ его глазахъ патріотизмъ—предосудительный порокъ, столь же зазорный, какъ и вѣрность клятвѣ, данной передъ алтаремъ... Общественный переворотъ, намѣченный въ романѣ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ суровый критикъ, — практическимъ результатомъ своимъ имѣлъ-бы не освобожденіе женщины, а распутство... Обезьяна и тигръ, живущіе въ мужчинѣ, возстаютъ иногда противъ тѣхъ узъ, которыми цивилизація сковала ихъ похоть. По мѣрѣ того, какъ цивилизація растетъ, обезьяна и тигръ слабѣютъ. Порой, однако, они пытаются разорвать оковы и издаютъ глухое рычаніе. Доказательствомъ является романъ Грэнтъ-Аллэна». И весь этотъ грозный обвинительный актъ по поводу абсолютно «приличнаго» романа, въ которомъ нѣтъ даже тѣни порнографіи! Какъ не вспомнить тутъ исторію романа Шарлотты Бронте—«Джэйнъ Эйръ». Теперь эта книга вполнѣ справедливо считается лучшимъ чтеніемъ для дѣвочекъ

*) «Political Economy for Beginners», «Tales in Political Economy», «Essays and Lectures» и пр.

**) См. *Діонео*, Очерки Современной Англіи, стр. 385.

лѣтъ 14—15. Респектабельныя маменьки подносятъ на Рождествѣ романъ Бронте въ подарокъ своимъ благонравнымъ дочкамъ. А между тѣмъ, когда романъ появился шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, публицистка миссъ Ригби написала въ «Quartely Review» статью, въ которой доказывала, что «Джэйнъ Эйръ», какъ произведеніе безнравственное, должно быть сожжено рукой палача. Миссъ Ригби, какъ впослѣдствіи Фаусетъ, не ограничилась только романомъ, а устроила сыскъ, кто такой авторъ.

Какъ вождь, г-жа Фаусетъ проявила большой талантъ. Правое крыло феминистокъ признаетъ только борьбу на конституціонной почвѣ. Названные союзы издаютъ много брошюръ и листковъ, подаютъ петиціи, устраиваютъ большіе митинги и грандіозныя манифестаціи, какъ напр., въ Гайдъ-паркѣ въ іюлѣ 1908 г. Феминистки, благодаря своимъ связямъ, мало по малу находятъ все больше и больше сторонниковъ среди членовъ министерства и коммонеровъ. Для каждаго, внимательно слѣдящаго за общественной жизнью Англіи, очевидно, что женщины въ очень близкомъ будущемъ добьются избирательныхъ правъ. Подавляющее большинство феминистокъ противъ всеобщаго избирательнаго права. Онѣ желаютъ, чтобы къ избирательнымъ урнамъ допущены были тѣ женщины, которыя платятъ налоги.

Лѣвое крыло феминистокъ состоитъ изъ «Національнаго Женскаго Соціальнаго и Политическаго Союза (N. W. S. P. U.) и Женской Лиги Свободы (W. F. L.). Обыкновенно только эти двѣ партіи имѣются въ виду, когда говорятъ о суффражисткахъ или, какъ ихъ называютъ еще, «суффражеткахъ». Члены и той, и другой партій называютъ себя «милитантками». «Милитантизмъ» не порожденъ ужаснымъ и безвыходнымъ положеніемъ женщины, какъ работницы или какъ жертвы «выжимальщиковъ пота». Суффражистки, какъ и правыя феминистки, принадлежатъ къ среднимъ и, отчасти, верхне-среднимъ классамъ. Женщины нижне-среднихъ классовъ, можно сказать, не захвачены совершенно феминистскимъ движеніемъ. Что касается работницъ, то только въ одномъ Ланкаширѣ на ткацкихъ фабрикахъ есть сколько нибудь сильная организація суффражистокъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что милитантки являются носительницами идеаловъ только состоятельныхъ классовъ, является ихъ же собственный *манифестъ*, помѣщенный въ ежегодникѣ за 1909 г. «*Національный Женскій Политическій и Соціальный Союзъ*» заявляетъ, что онъ требуетъ распространенія и на женщинъ тѣхъ избирательныхъ правъ, которыми пользуются теперь мужчины. Онъ не требуетъ правъ для всѣхъ женщинъ, потому что не всѣ мужчины участвуютъ теперь въ выборахъ. Союзъ требуетъ, чтобы тѣ женщины, которыя имѣли бы право голосовать, будь онѣ мужчинами, не были бы устранены отъ урнъ только потому, что онѣ женщины. Другими словами, Союзъ требуетъ соблюденія принципа: «нѣтъ налоговъ безъ пред-

ставительства». Всѣ плательщики налоговъ, будь то мужчины или женщины, должны быть представлены въ законодательномъ собраніи страны. Въ настоящее время мужчины, платящіе налоги, т. е. снимающіе квартиру, за которую платятъ въ городѣ не меньше 10 ф. въ годъ, а въ деревнѣ—5 ф. ст.,—имѣютъ избирательный голосъ. Пусть то же право будетъ распространено и на женщинъ. Пусть тѣ женщины, которыя отъ своего имени снимаютъ квартиры или ведутъ собственное дѣло, — получатъ право голоса. *Союзъ высчиталъ, что если его требованіе будетъ удовлетворено, то къ семи съ половиной милліонамъ избирателей прибавится еще $1^1/_2$ мил. избирательницъ* *).

Итакъ, политическая программа милитантокъ лѣваго крыла ничѣмъ не отличается отъ программы конституціоналистокъ праваго крыла. И феминистки, и «суффражистки» стоятъ за то, чтобы избирательныя права даны были немногимъ женщинамъ. Осуществленіе требованій милитантокъ и умѣренныхъ прибавитъ къ избирательнымъ спискамъ пѣвицъ, актрисъ, писательницъ, женщинъ врачей, вдовъ, затѣмъ женщинъ, ведущихъ отъ себя торговлю; но въ списокъ не войдутъ милліоны замужнихъ женщинъ, тянущихъ лямку на фабрикахъ или въ берлогахъ «выжимальщиковъ пота». Осуществленіе требованій, выставленныхъ милитантками и правыми феминистками, дало бы возможность богатымъ людямъ имѣть въ своемъ распоряженіи еще больше голосовъ, чѣмъ они имѣютъ теперь. Гипотетическій мистеръ Смитъ, имѣющій четырехъ дочерей старше 21 года, могъ бы нѣсколько мѣсяцевъ до выборовъ нанять въ деревнѣ на имя каждой дочери коттэджъ. Тридцать-сорокъ фунтовъ въ годъ — ничтожный расходъ для англичанина съ среднимъ достаткомъ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи мистера Смита во время выборовъ будетъ 5 голосовъ, тогда какъ у его сосѣда работника Джонса, тоже имѣющаго четырехъ дочерей, которымъ онъ не можетъ нанять отдѣльныхъ помѣщеній, будетъ только одинъ голосъ.

Милитантки отличаются отъ правыхъ феминистокъ *только* тактикой. «Методы, которыми пользуется Женскій Соціальный и Политическій Союзъ,—читаемъ мы въ *манифестѣ* суффражистокъ,—отличаются отъ средствъ, которыми пользуются другія женскія общества, добивающіяся политическихъ правъ, наши методы «боевые» и «неконституціонны». Они направлены исключительно противъ правительства, стоящаго теперь у власти. Исходя изъ факта, что правительство уступаетъ только тогда, когда на него оказываютъ давленіе, союзъ прибѣгаетъ къ слѣдующимъ средствамъ:

1) Борьба съ кандидатами правительственной партіи на дополнительныхъ выборахъ;

---

*) «Daily Mail Year Book», 1909. P. 90.

2) Демонстраціи въ Вестминстерскомъ дворцѣ (парламентѣ) и въ другихъ мѣстахъ;

3) Протесты на митингахъ, на которыхъ выступаютъ члены кабинета» *). О практическомъ выполненіи этой программы—дальше.

III.

Во главѣ Женскаго Политическаго и Соціальнаго Союза стоятъ нѣсколько энергичныхъ женщинъ, изъ которыхъ одна-двѣ очень талантливы. Эти вожди фигурируютъ постоянно на всѣхъ выступленіяхъ суффражистокъ. Однѣ и тѣ же дамы разъѣзжаютъ по всей Англіи. Сегодня онѣ «демонстрируютъ» передъ окнами премьера въ Лондонѣ, черезъ день въ Абердинѣ усиленно звонятъ въ колоколъ передъ платформой, на которой выступаетъ либеральный кандидатъ, не давая ему говорить, и еще черезъ день въ Бристолѣ срываютъ митингъ, на которомъ министръ объясняетъ избирателямъ намѣренія министерства. «Методы», въ сущности, сводятся къ шуму, произведенному или инструментами (колоколомъ, свистками, трубами) или пронзительными криками: «votes for women!» Душой союза являются мать и дочь Панкхерстъ. Во всѣхъ справочныхъ изданіяхъ, гдѣ помѣщена біографія г-жи Панкхерстъ (мать), отмѣченъ фактъ, что когда она воспитывалась въ Парижѣ, то «занимала одну комнату съ дочерью Рошфора; этимъ слѣдуетъ объяснить революціонный, боевой духъ **). Передъ нами страстная, фанатическая, властная натура, считающаяся только со своею собственною волею. Г-жа Панкхерстъ состояла одно время членомъ Независимой Рабочей партіи, но вышла оттуда. По мнѣнію г-жи Панкхерстъ, партія думаетъ только о палліативахъ. Точно такъ какъ средневѣковый сектантъ слѣпо вѣрилъ, что всеобщее блаженство наступитъ на землѣ, какъ только всѣ люди примутъ измѣненный догматъ,—г-жа Панкхерстъ убѣждена, что золотой вѣкъ немедленно наступитъ, какъ только лозунгъ «Votes for vomen» (избирательныя права для женщинъ) осуществится въ жизни. Войны, экономическій гнетъ, соціальное неравенство, пьянство, проституція—все это, по мнѣнію г-жи Панкхерстъ, существуетъ только потому, что хищникъ мужчина захватилъ всю власть въ свои руки и держитъ женщину въ рабскомъ состояніи. «Я была еще дѣвочкой, когда тридцать лѣтъ тому назадъ вступила въ женское общество, имѣющее цѣлью добиться политическихъ правъ, безъ которыхъ никакія важныя реформы невозможны,—объясняла недавно г-жа Панкхерстъ у магистрата.—Я пробовала конституціонные способы борьбы. Я дѣйствовала, какъ женщина. Я

---

*) D. M. Yearbook. 1909. P. 90.

**) Encyclopedia of Social Reform. P. 863.

была женственна. Я пробовала убѣждать, доказывать. И что же? Мужчины, которые проявляли свое нетерпѣніе, получили реформы, тогда какъ насъ, женщинъ, стоявшихъ на строго конституціонной почвѣ,—постоянно обходили... Мы испытывали всѣ средства. Мы подавали безчисленное множество петицій. Ни одна партія, добивающаяся реформы, не внесла столько петицій въ парламентъ, какъ мы. Мы устраивали громадные массовые митинги и выступали передъ толпой, несмотря на всю нашу сдержанность, унаслѣдованную отъ матерей и бабушекъ. Мы побѣдили свои предразсудки и выступали на перекресткахъ передъ враждебно настроенной толпой, ибо намъ сказали, что мы получимъ представительство только тогда, когда намъ удастся заручиться содѣйствіемъ всего населенія. И именно потому, что мы исполняли данный намъ совѣтъ,—надъ нами потѣшались; нашими поступками возмущались; наши выступленія карикатурились. На насъ натравливали невѣжественную толпу, передъ которой мы стояли невооруженныя и не охраняемыя стражею, имѣющейся въ распоряженіи членовъ кабинета. Между тѣмъ, мы знаемъ, что избирательныя права намъ болѣе необходимы, чѣмъ мужчинамъ... Сколько разъ имъ приходится разбирать дѣла о которыхъ они не имѣютъ никакого представленія» *)!.. Г-жа Панкхерстъ основала Женскій Соціальный и Политическій Союзъ. Она же придумала «боевую» тактику. Г-жа Панкхерстъ—хорошій ораторъ. Въ ея рѣчахъ слышатся рѣзкія, повелительныя, непримиримыя ноты. Въ союзѣ она распоряжается, какъ диктаторъ, комментируя, какъ ей желательно, пункты устава.

Правой рукой г-жи Панкхерстъ является ея дочь миссъ Кристабель Панкхерстъ. Безъ сомнѣнія, это одна изъ самыхъ талантливыхъ современныхъ англійскихъ женщинъ. Она юристъ по образованію, но не можетъ практиковать вслѣдствіе мужского «засилья», какъ говорятъ теперь у насъ. Миссъ Панкхерстъ замѣчательный ораторъ: краснорѣчивый, убѣдительный, находчивый и остроумный Слѣдуетъ видѣть ея изящную фигуру на платформѣ въ Гайдъ-паркѣ. Кругомъ—громадная толпа, въ которой не мало изысканно одѣтыхъ молодыхъ хулигановъ, пробующихъ быть остроумными. Даже англійскіе хулиганы питаютъ уваженіе къ женщинѣ, поэтому дальше остротъ и пѣсенъ толпа не идетъ. Мужчины избили бы хулигана, который крикнулъ неприличное слово по адресу женщины на платформѣ. Вотъ почему хулиганы въ цилиндрахъ ограничиваются восклицаніями въ родѣ слѣдующихъ: «Кристи! гдѣ ваша няня?» «Ступайте домой, не то васъ въ уголъ поставятъ» и пр. Потомъ кто-нибудь начинаетъ пѣть: «Oh! put me among the girls» (Модная англійская пѣсенка). Миссъ Панкхерстъ смѣется, если

*) The Trial of the Suffragette Leaders (Изданіе Женскаго Соціальнаго и Пол. союза), London. 1908. P. 21.

острота удачна и быстро отвѣчаетъ остротой на остроту. Какъ и мать, дочь — убѣжденная «милитантка», при чемъ окрашиваетъ слишкомъ въ яркую краску всѣ выступленія. «Въ настоящее время въ Англіи мы имѣемъ гражданскую войну между женщинами и правительствомъ, — сказала недавно миссъ Панкхерстъ. — Наши молодыя амазонки прошли всю страну, какъ Давидъ, побѣдившій Голіаѳа... Мы пробовали мирную политику, но она не дала никакихъ результатовъ... Мы сражаемся теперь за политическое освобожденіе женщинъ. Ставкой является свобода всего человѣчества. Только одинъ «боевой» методъ можетъ дать женщинамъ права. Мятежъ — необходимое зло, но порой участіе въ немъ является долгомъ... Женщины имѣютъ такое же право, какъ и мужчины добывать свои права въ бою. Тактика суффражистокъ творитъ чудеса. Члены министерства терроризованы и пойдутъ на уступки. Палата лордовъ пропуститъ билль о женскихъ правахъ, если законопроектъ пройдетъ въ нижней палатѣ. Но если лорды наложатъ свое *veto*, то женщины лучше сумѣютъ справиться съ ними, чѣмъ коммонеры» *). На процессѣ суффражистокъ, о которомъ дальше, миссъ Панкхерстъ проявила себя не только отличнымъ ораторомъ, но и превосходнымъ юристомъ. Англичане по этому поводу вспомнили даже шекспировскую Порцію.

Послѣ Панкхерстъ наиболѣе видное участіе въ союзѣ играетъ г-жа Флора Друмондъ, генералиссимусъ суффражистокъ. Слѣдуетъ представить себѣ даму съ очень рѣшительными манерами и съ феноменально рѣзкимъ для женщины голосомъ. На большихъ митингахъ г-жа Друмондъ, какъ генералиссимусъ, выступаетъ въ бѣломъ мундирѣ съ золотыми густыми эполетами и въ форменной фуражкѣ. Когда устраивается процессія суффражистокъ, г-жа Друмондъ ѣдетъ впереди на бѣломъ конѣ, какъ полицеймейстеръ. Въ послѣднее время она организовала особый отрядъ амазонокъ, для которыхъ придумала даже мундиръ. Какъ человѣкъ военный и какъ дама рѣшительная, г-жа Друмондъ охотно отпускаетъ затрещины, когда подъ руку подворачивается какой-нибудь молодой хулиганъ, пытающійся сорвать митингъ суффражистокъ. Въ автобіографической замѣткѣ, помѣщенной г-жей Друмондъ въ справочномъ изданіи **), отмѣчается такой фактъ мужского «засилья» Генералиссимусъ раньше служила телеграфисткой на о. Арранъ. Потомъ она выдержала экзаменъ на начальницу почтовой конторы; но этого мѣста ей не дали. Мужчины издали глупый законъ, что почтмейстерша должна быть не ниже 5 ф. 2 дюймовъ, тогда какъ въ генералиссимусѣ только 5 ф. 1 д. «Одинъ дюймъ помѣшалъ занять мѣсто. Время и деньги, затраченныя на подготовленіе къ экзамену, пропали напрасно. И г-жа Друмондъ стала во главѣ

*) „Times“, December. 23. 1908.
**) The Reformers' Year Book. 1908. P. 231.

женской депутаціи, отправленной къ генералъ-почтмейстеру, чтобы протестовать противъ несправедливаго распоряженія» *).

Женскій Политическій и Соціальный союзъ издаетъ свою собственную еженедѣльную газету «Votes for Women», во главѣ которой стоитъ г-жа Петикъ-Лоренсъ. Если г-жа Друмондъ помѣщаетъ статью въ этой газетѣ, то всегда прибавляетъ къ своему имени титулъ «генералъ» (см., напр., № 36 за 1908 г. статью «My third imprisonment»). Г-жа Петикъ-Лоренсъ прежде много работала въ одномъ изъ университетскихъ поселеній и извѣстна устройствомъ клубовъ для молодыхъ работницъ. Во время южно-африканской войны г-жа Лоренсъ мужественно боролась въ рядахъ «про-буровъ». Она потомъ посѣтила Южную Америку и написала рядъ статей объ экономическомъ положеніи новыхъ колоній послѣ войны. Въ «Votes for Women» г-жа Лоренсъ, являющаяся, кромѣ того, еще казначеемъ союза, доказываетъ, что только «боевая тактита» давала въ Англіи какіе-нибудь практическіе результаты. «Женщины имѣютъ неотъемлемое право протестовать на митингахъ членовъ кабинета,— читаемъ мы.—Правомъ этимъ постоянно пользовались мужчины, если у нихъ были какія-нибудь претензіи вообще. Когда же дѣло шло о расширеніи избирательныхъ правъ, то мужчины усиленно прибѣгали къ этому средству. Dr. Куперъ, напр., говоритъ намъ, что когда обсуждались билли о реформахъ 1867 г. и 1884 г., то ни одному противнику законопроекта не давали возможности говорить на митингахъ. По конституціи весь кабинетъ отвѣтственъ за дѣятельность одного министра. А такъ какъ нѣкоторые члены кабинета относятся враждебно къ дарованію женщинамъ избирательныхъ правъ, то женщины имѣютъ полное право протестовать каждый разъ, когда на платформу выступаетъ какой-нибудь министръ» **). Милитанткамъ постоянно указываютъ, что онѣ играютъ въ руку консерваторамъ, хотя послѣдніе не дали суффражисткамъ никакихъ обѣщаній. Кабинетъ, между тѣмъ, заявилъ, что намѣренъ внести билль о расширеніи избирательныхъ правъ, который при извѣстномъ условіи (объ этомъ дальше) можетъ дать женщинамъ доступъ къ урнамъ. Такимъ образомъ, въ интересахъ самихъ же женщинъ, тактика милитантокъ является безсмыслицей. На это г-жа Лоренсъ имѣетъ готовый отвѣтъ. «Суффражисткамъ нѣтъ никакого дѣла до консервативной партіи. Онѣ не ждутъ, что эта партія, когда станетъ у власти, дастъ имъ политическія права. Суффражистки убѣждены, что заставятъ либеральное министерство, прежде чѣмъ оно выйдетъ въ отставку, осуществить требуемую реформу». Если же либеральное министерство «совершитъ самоубійство» и выйдетъ въ отставку, не давъ женщинамъ равноправія, то консервативное правительство, по убѣжденію г-жи Лоренсъ

*) Ib.

**) Do Militant Tacties pay? „Votes for Women", № 37, 1908. P. 129.

проявить «болѣе рыцарское отношеніе». Позволительно, однако, усомниться въ томъ, что дамы изъ консервативной лиги «Подснѣжника», поддерживающія теперь милитантокъ своими средствами, будутъ продолжать то же самое, когда у власти станутъ консерваторы.

Мать и дочь Панкхерстъ, генералиссимусъ и г-жа Лоренсъ вышли изъ верхне-среднихъ или среднихъ классовъ. Одинъ изъ вождей Союза вышелъ изъ массъ. Я имѣю въ виду миссъ Энни Кенни, которая прежде работала на ткацкой фабрикѣ въ Ланкаширѣ. Миссъ Энни Кенни теперь двадцать шесть лѣтъ или, но ея собственному, счету 25. Уменьшеніе счета такъ мотивируется миссъ Кенни: «Весь первый годъ своей жизни я провела въ колыбели, ничего не дѣлая, ничего не видя; вотъ почему я отказывалась признавать этотъ годъ» *). Миссъ Кенни родилась близь Ольдхэма, а съ десяти лѣтъ работала уже на фабрикѣ, сперва полдня, а съ 13 лѣтъ—цѣлый день. «Мать постоянно намъ твердила одно и то же: необходимо отстаивать права слабыхъ»,—говоритъ миссъ Кенни. На фабрикѣ молодая работница организовывала подругъ, но скоро убѣдилась, что «положеніе трудящихся женщинъ не улучшится до тѣхъ поръ, покуда онѣ не будутъ имѣть политическихъ правъ». Миссъ Кенни давно уже не работаетъ на фабрикѣ, такъ какъ состоитъ теперь на постоянной службѣ у Женскаго Политическаго и Соціальнаго Союза. Вмѣстѣ съ миссъ Кристобаль Панкхерстъ она начала «военныя выступленія», развернувъ на митингѣ, гдѣ выступилъ министръ иностранныхъ дѣлъ, флагъ съ надписью «Votes for Women!» Кромѣ главныхъ вождей Союза, имена которыхъ связаны съ каждымъ выступленіемъ, «боевая тактика» выдвинула теперь рядъ молодыхъ суффражистокъ. Вечернимъ газетамъ принадлежитъ важная роль въ созданіи репутаціи этихъ милитантокъ. Имя каждой изъ нихъ связано съ однимъ какимъ-нибудь подвигомъ. Одна гналась за министромъ колоній по всей Англіи и каждый разъ, когда тотъ пробовалъ выступать на платформу, кричала: «Votes for Women», подзванивая въ тактъ громаднымъ колокольчикомъ, какимъ въ школахъ возвѣщаютъ начало и конецъ урока. Другая отбивалась арапникомъ отъ желавшихъ вывести ее. Третья, какъ Андромеда, приковала себя къ рѣшеткѣ дома премьера, при чемъ била по щекамъ Персея-бобби, пробовавшаго снять цѣпь, и т. д.

IV.

Посмотримъ теперь, какъ осуществляется боевая программа милитантокъ. Первый пунктъ ея гласитъ: «Борьба съ кандидатами

*) См. брошюру „Annie Kenney; Character Sketch“, изданіе Женскаго Политическаго союза, 3.

правительственной партіи на дополнительныхъ выборахъ». Это означаетъ, что милитантки пытаются сорвать всѣ избирательные митинги, устраиваемые либералами и радикалами. Для этого выработано нѣсколько способовъ. Нѣсколько десятковъ милитантокъ разсаживаются въ разныхъ концахъ залы. Вотъ выступаетъ кандидатъ и начинаетъ развивать свою программу. «Votes for Women!»—раздается въ одномъ углу рѣзкій голосъ. Если ораторъ продолжаетъ свою рѣчь, крикъ раздается еще разъ. Милитантку выводятъ. Ораторъ продолжаетъ свою рѣчь. «Votes for Women!»—слышится въ другомъ концѣ залы. На галлереѣ поднимается дама и начинаетъ говорить о необходимости распространенія на женщинъ избирательныхъ правъ. Кандидатъ на платформѣ проситъ даму не прерывать митинга и обѣщаетъ отвѣтить на всѣ вопросы, если они будутъ сдѣланы потомъ. «Votes for Women!»—слышится въ отвѣтъ металлическій голосъ. Даму выводятъ. Иногда она идетъ спокойно. Иногда отбивается, кричитъ, протестуетъ. Публика тоже волнуется, нервничаетъ, кричитъ. Черезъ пять минутъ возстанавливается спокойствіе. Ораторъ пробуетъ продолжать, но его опять перебиваютъ. Стройность и логичность его рѣчи нарушена. Онъ забываетъ аргументы и кое-какъ комкаетъ свою избирательную программу. Иногда милитантки прибѣгаютъ къ болѣе рѣшительнымъ средствамъ, чтобы сорвать митингъ; напр., звонятъ въ колокольчики, свистятъ трубятъ и пр. Выступленія суффражистокъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ поражаютъ своею нелогичностью. Милитантки, напр., употребили всѣ усилія, чтобы сорвать митингъ въ Глазго. Ихъ вывели одну за другой. И вотъ тутъ же подъ окнами онѣ устраиваютъ митингъ, чтобы «протестовать противъ нарушенія свободы слова» (т. е. противъ того, что имъ не дали сорвать митингъ). На дополнительныхъ выборахъ въ Миддевонѣ радикальному кандидату пришлось имѣть противъ себя сплоченную партію кабатчиковъ, озлобленныхъ министерскимъ биллемъ о сокращеніи числа кабаковъ. Содержатели питейныхъ домовъ привезли въ Миддевонъ отрядъ пропоицъ, который срывалъ митинги. И вотъ милитантки, тоже срывавшія митинги радикальнаго кандидата, очутились въ союзѣ съ наемной партіей громилъ. Когда выборы кончились пораженіемъ радикала и побѣдой консерватора, кабатчики пришли въ такой восторгъ, что устроили суффражисткамъ тріумфъ. Пропойцы съ криками «ура!» волокли милитантокъ въ фургонѣ до самой станціи (версты двѣ). Другой пунктъ боевой программы гласитъ: «Протестъ на митингахъ, на которыхъ выступаютъ члены кабинета». Особенно ненавидятъ суффражистки премьера Аскита, котораго считаютъ своимъ личнымъ врагомъ за то, что тотъ нѣсколько разъ уклонялся отъ пріема депутаціи милитантокъ. И вотъ мы видимъ рядъ выступленій спеціально противъ премьера. Милитантки стучали въ дверь его квартиры, наклеивали тамъ свои плакаты и даже били ему окна. Нелогичность

выступленій проявляется въ особенности въ слѣдующемъ. Премьеръ принимаетъ депутацію коммонеровъ, стоящихъ за политическія права женщинъ. Во главѣ депутаціи—Стрэнджеръ, внесшій въ парламентъ билль о реформахъ. Депутація, осуждая поведеніе милитантокъ, высказывается за желательность расширенія избирательныхъ правъ. По словамъ Стрэнджера, большинство нижней палаты, безъ различія партій, стоитъ за эту реформу. Коммонеры, либералы и консерваторы дали въ этомъ смыслѣ обѣщанія своимъ избирателямъ. И вотъ премьеръ дѣлаетъ крайне важное заявленіе. Министерство даетъ торжественное обѣщаніе, прежде чѣмъ кончится срокъ его полномочій, внести билль о всеобщемъ избирательномъ правѣ. И если кто-нибудь изъ депутатовъ сдѣлаетъ поправку въ смыслѣ распространенія избирательнаго права и на женщинъ, то министерство приметъ поправку. Такъ какъ большинство коммонеровъ за женскія права, то очевидно, что билль съ поправками пройдетъ.

Почему же министерство отъ себя не внесетъ полнаго билля? (т. е. со включеніемъ женщинъ). На это Асквитъ отвѣчаетъ, что меньшинство кабинета упорно противъ политической эмансипаціи женщинъ. Меньшинство это говоритъ, что министерство не имѣетъ права отъ себя вносить такой революціонный билль, на который страна не дала полномочій. Но дѣло мѣняется, если сама палата вноситъ поправку, поддерживаемую всѣми партіями. Объявленіе Асквита удовлетворило какъ депутацію, такъ и правыхъ феминистокъ, которыя послали премьеру благодарственный адресъ. Но милитантки остались недовольны. Онѣ требовали, чтобы министерство отложило всѣ другіе билли, «въ сущности и неважные» (въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ изъ величайшихъ законопроектовъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ: билль о государственной пенсіи, устанавливающій новый принципъ въ отношеніяхъ государства къ индивидууму), и немедленно дало бы женщинамъ избирательныя права. Феминистки попросили премьера, чтобы онъ уполномочилъ кого-нибудь изъ членовъ кабинета повторить на большомъ женскомъ митингѣ торжественное обѣщаніе. Кабинетъ согласился и уполномочилъ канцлера казначейства Ллойдъ-Джорджа, одного изъ самыхъ популярныхъ министровъ въ Англіи. Феминистки рѣшили устроить громадный митингъ въ Альбертовой залѣ, вмѣщающей болѣе десяти тысячъ человѣкъ, чтобы выслушать Ллойдъ-Джорджа. И этимъ поводомъ воспользовался Женскій Политическій и Соціальный Союзъ, чтобы устроить одинъ изъ наиболѣе крупныхъ скандаловъ, который мнѣ когда-либо пришлось видѣть здѣсь на митингахъ. Я былъ въ 1900 г. на бурномъ митингѣ въ Куинсъ-Холлѣ, когда имперіалисты штурмовали платформу, занятую «про-бурами». Но тогда цѣли обѣихъ партій были совершенно очевидны. Одна сторона стояла противъ войны, другая страстно высказывалась за войну. На митингѣ же въ Альбертовой залѣ (въ концѣ ноября 1908 г.) женщины,

стоящія за политическія права, желали штурмовать платформу, на которой собрались другія женщины, тоже добивающіяся политическихъ правъ, женщины, программа которыхъ совершенно тождественна. Въ Куинсъ-Холлѣ въ 1900 г. была большая потасовка, такъ какъ страсти разгорѣлись. Въ Альбертовой залѣ были такія сцены, которыя напоминали Сальпетріеръ. Въ Куинсъ-Холлѣ я слышалъ бѣшеныя восклицанія разъяренныхъ людей. Въ Альбертовой залѣ раздавались, удручающимъ образомъ дѣйствующія, взвизгиванія истеричекъ, потерявшихъ всякій контроль надъ собою. Не запомню митинга, который оставилъ бы послѣ себя такой непріятный осадокъ въ душѣ, какъ большое выступленіе милитантокъ въ Альбертовой залѣ. Когда Женскій Политическій и Соціальный Союзъ узналъ, что Ллойдъ-Джорджъ выступитъ съ оффиціальнымъ заявленіемъ отъ кабинета, то поставилъ такой ультиматумъ: или дайте рѣчь канцлера казначейства на просмотръ нашему вождю (г-жа Панкхерстъ), или мы сорвемъ митингъ. Правыя феминистки умоляли милитантокъ не срывать митинга. Онѣ указывали на важность его для всего женскаго движенія. Заявлялось также, что канцлеръ казначейства готовъ отвѣчать на всѣ вопросы, которые предложены будутъ послѣ окончанія рѣчи. Женскій Соціальный и Политическій Союзъ былъ непреклоненъ, несмотря на то, что вторая партія милитантокъ (Женская Лига Свободы) обѣщала не прерывать митинга. И вотъ наступилъ назначенный день. Въ Альбертовой залѣ собралось около десяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 8 тысячъ были женщины. Даже поверхностный взглядъ убѣдилъ бы зрителя, что подавляющее большинство собравшихся женщинъ принадлежитъ къ среднимъ и верхне-среднимъ классамъ. Среди модныхъ платьевъ и гигантскихъ шляпъ со страусовыми перьями и птицами выдавались въ залѣ тридцать или сорокъ дамъ въ арестантскихъ платьяхъ. То былъ отрядъ, спеціально приведенный генералиссимусомъ, г-жей Дрюмондъ.

Ллойдъ-Джорджа встрѣтили шумными аплодисментами, въ которыхъ совершенно утонули отдѣльные крики: «бу-у!» И вотъ поднялась предсѣдательница. Она сказала, что «правительство открываетъ теперь дверь; женщинамъ слѣдуетъ только войти въ нее». Говорятъ,—продолжала предсѣдательница,—что либералы теперь флёртуютъ съ феминистками. Бываетъ, однако, флёртъ, кончающійся солиднымъ бракомъ. Феминистки имѣютъ теперь торжественное обѣщаніе со стороны флёртующихъ, которымъ brach of promise (нарушеніе обѣщанія жениться) будетъ стоить очень дорого. Затѣмъ предсѣдательница опять умоляла милитантокъ вести себя тихо. Поднялся канцлеръ казначейства. Какъ опытный ораторъ, Ллойдъ Джорджъ знаетъ, что воинственное настроеніе на митингахъ разряжается иногда вслѣдствіе хорошей шутки. И министръ начинаетъ остротой. Публика, дѣйствительно, разсмѣялась, но сейчасъ же замолчала, и тысячи глазъ обратились въ одну сторону. Въ

одной изъ верхнихъ ложъ поднимается молодая, нарядно одѣтая дама.

— Господинъ Ллойдъ-Джорджъ,—кричитъ она,—намъ нужны факты, а не слова. Votes for women!

Къ дамѣ кидаются «стюарты», т. е. слѣдящія за порядкомъ (не полисмэны; полиція въ Англіи не имѣетъ права входить въ помѣщеніе, гдѣ происходитъ митингъ). Но тутъ происходитъ нѣчто невѣроятное. Дама выхватываетъ громадный хлыстъ и стегаетъ имъ по лицу стюартовъ. Ее хватаютъ, наконецъ, но она приковала себя къ мѣсту. Отъ сильнаго возбужденія дама впадаетъ, наконецъ, въ истерику. Въ залѣ крики, вопли, отчаянныя взвизгиванія.

— Позвольте мнѣ сказать слово!—начинаетъ Ллойдъ-Джорджъ.

— Votes for women! Факты, а не слова!—раздается въ отвѣтъ.

— Я не хочу, чтобы кого-нибудь выводили,—говоритъ Ллойдъ-Джорджъ.—Скорѣе я согласился бы совсѣмъ не говорить; но я сегодня явился сюда не какъ простой ораторъ, а какъ членъ кабинета. У меня спеціальное порученіе отъ правительства. Я прошу выслушать меня и готовъ отвѣчать на всѣ вопросы. Въ залѣ поднимается крикъ; десятки женщинъ отчаянно вопятъ: «Votes for women!» «Бу-у-у!» «Наши вожди въ тюрьмѣ!» Стюарты бросаются къ колоннѣ, гдѣ стоитъ молодая суффражистка, очевидно, командующая отрядомъ. Она пронзительно на всю залу выкликаетъ одну и ту же фразу, которая, какъ гвоздемъ, бьетъ въ голову: «Факты, а не слова. Факты, а не слова!» Даму пробуютъ вывести, но это не удается: она приковала себя цѣпью къ колоннѣ. Стюарты рвутъ цѣпь. Звонъ желѣза, отчаянные вопли, переходящіе, наконецъ, въ истерику,—все это напоминаетъ не то описаніе домовъ для умалишенныхъ въ XVIII в., не то отчеты русскихъ газетъ о выступленіяхъ г. Пуришкевича.

— Если есть здѣсь дамы,—продолжалъ Ллойдъ-Джоржъ,—которыя считаютъ побѣдой то, что имъ удалось заставить замолчать члена кабинета, явившагося сюда отстаивать женскія права, то это странный тріумфъ. Мои доводы безсильны противъ безумія и истеричности.

Громадная зала представляетъ нѣчто невѣроятное. Внизу, на балконахъ, на галлереяхъ, въ ложахъ десятки женщинъ, пунцовыя отъ ярости, съ растрепанными волосами, машутъ кулаками, кричатъ что-то. На нихъ кричатъ другія женщины, умоляютъ, проклинаютъ. Стюарты хватаютъ то одну, то другую. Тѣ отбиваются царапаются, бьютъ по щекамъ, хватаютъ выносящихъ ихъ за воротники рубахъ. Ллойдъ-Джорджъ пробуетъ говорить и умолкаетъ. Онъ садится.

— Have another try, David (Попробуйте еще разъ, Дэвидъ)!—кричитъ какой-то благожелатель министру финансовъ. Ллойдъ-Джорджъ встаетъ; но въ этотъ, именно, моментъ изъ ложи машутъ флагомъ съ надписью: «Штурмуйте кабинетъ!» Десятокъ дамъ стре-

мительно кидается, чтобы захватить платформу. Завязывается отчаянная борьба. Штурмующихъ хватаютъ и пробуютъ вынести Волосы ихъ растрепались и прилипли къ вспотѣвшимъ лицамъ Платья изорваны. Несмотря на то, что суффражистки эти бьютъ по щекамъ стюартовъ, въ мужчинахъ заговариваетъ глубокое уваженіе англо-саксонскаго народа къ женщинѣ.

— Оставьте ихъ!—раздаются голоса.—Нельзя такъ обращаться.

Публика разъярена противъ устроителей скандала.

— Это шайка консерваторовъ устраиваетъ все!—слышится въ одномъ мѣстѣ.

— Тутъ не воспитанныя женщины, а подносчицы въ кабакахъ, нанятыя пивоварами!—доносятся крики съ балконовъ. Наконецъ всѣхъ милитантокъ выносятъ за двери, и Ллойдъ-Джорджъ продолжаетъ свою рѣчь.

— Довольно!—опять кричитъ суффражистка лѣтъ двадцати.— Мы ждемъ уже сорокъ лѣтъ.

— Сударыня,—отвѣчаетъ ораторъ,—если вы ждали такъ долго, то, пожалуйста, подождите еще только двадцать минутъ, покуда я кончу.

Въ залѣ наступаетъ относительное спокойствіе, и министръ можетъ выполнить свое порученіе. Оно состоитъ въ повтореніи обѣщанія, даннаго Аскитомъ. Правительство внесетъ передъ тѣмъ, какъ выйдетъ въ отставку, билль о всеобщемъ избирательнсмъ правѣ. Если въ палатѣ сдѣлана будетъ поправка въ смыслѣ распространенія закона и на женщинъ, то правительство приметъ ее Такъ какъ изъ 670-ти коммонеровъ 420 высказались уже за политическую эмансипацію женщинъ, то поправка, навѣрное, пройдетъ. Теперь женщинамъ остается агитировать и убѣждать согражданъ и согражданокъ въ необходимости реформы.

Военныя выступленія милитантокъ въ Альбертовой залѣ вызвали потомъ рядъ протестовъ со стороны правыхъ феминистокъ, которыя, кромѣ того, поднесли благодарственный адресъ Ллойдъ-Джорджу. Газеты, относящіяся враждебно къ политической эмансипаціи женщинъ, какъ, напримѣръ «Times», подчеркивали не только скандальное выступленіе, свидѣтельствующее о полномъ неуваженіи къ свободѣ слова, но и поразительную, такъ сказать, внутреннюю нелѣпость его. Въ самомъ дѣлѣ, милитантки штурмуютъ платформу, съ которой второй по важности послѣ премьера членъ кабинета торжественно заявляетъ, что министерство дастъ реформу въ гораздо болѣе широкой формѣ, чѣмъ требуютъ сами суфражистки въ своихъ манифестахъ. Можно ли себѣ представить что нибудь болѣе дикое? Выступленіе милитантокъ подало толпѣ мысль отплатить имъ тою же монетою: «tit for tat», какъ говорятъ англичане. И когда на слѣдующій день милитантки устроили митингъ въ Мейденхэдѣ въ честь г-жи Огстонъ (той самой, которая наканунѣ пустила въ ходъ арапники),—въ залъ явилась публика,

вооруженная колокольчиками, гармониками, дудками, свистками и трещетками. Какъ только суффражистки заговорили, поднялся адскій концертъ.

— Вотъ вамъ за вчера!—голосила толпа. Суффражистки пробовали говорить, но вотъ какой то хулиганъ выпустилъ на платформу изъ крысоловки десятокъ крысъ.

Милитантки разбѣжались. Буйная толпа захватила платформу и вынесла резолюцію противъ эмансипаціи женщинъ.

V.

Посмотримъ теперь, какъ осуществляется третій пунктъ боевой программы, въ которомъ говорится о демонстраціяхъ въ Вестмистерскомъ дворцѣ и въ другихъ мѣстахъ. Съ перваго момента выступленія милитантокъ онѣ концентрировали все свое вниманіе на парламентѣ. Безпристрастные наблюдатели усиленно и тщетно стараются понять смыслъ всѣхъ манифестацій, обектомъ которыхъ является Вестминстерскій дворецъ. Въ странѣ, гдѣ элементарныхъ свободъ нѣтъ; гдѣ самый лозунгъ о сверженіи произвола составляетъ тяжкое государственное преступленіе,—произнесеніе этого лозунга всенародно требуетъ громаднаго мужества и энтузіазма. Выступленіе съ такимъ лозунгомъ имѣетъ громадное общественное значеніе. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ Англіи, гдѣ всякій можетъ обратиться къ толпѣ на форумѣ или на первомъ перекресткѣ. Вотъ почему объективный наблюдатель не можетъ согласиться съ милитантками въ оцѣнкѣ манифестацій предъ парламентомъ. Какъ только у власти стали либералы, милитантки поставили себѣ цѣлью «ворваться» въ парламентъ. Вопросъ «зачѣмъ», очевидно, не приходитъ имъ въ голову. Года два тому назадъ процессъ вторженія производился такъ. Десятокъ суффражистокъ подъѣзжалъ или подходилъ къ дверямъ для зрителей. Затѣмъ происходило нѣчто, напоминающее дѣтскую игру въ «гуси, лебеди домой», при чемъ роль волка выпадала на долю «бобби». Милитантки подбирали юбки, стремительно вбѣгали въ переднюю парламента. Иныхъ бобби хватали тутъ же на порогѣ и выносили на тротуаръ. Другія успѣвали вскочить на бархатныя скамьи, стоящія у стѣнъ, и крикнуть оттуда: «Votes for Women!» Тутъ уже подоспѣвали бобби, хватали протестантовъ въ охабку и выносили на улицу, гдѣ отпускали съ миромъ. Скоро, однако, бобби у парламента узнали всѣхъ милитантокъ въ лицо (въ манифестаціяхъ участвуютъ однѣ и тѣ же): вбѣжать даже въ переднюю стало труднымъ дѣломъ. Тогда суффражистки придумали военныя хитрости, внушенныя, очевидно, чтеніемъ про троянскаго деревяннаго коня. Къ дверямъ парламента подъѣхалъ разъ громадный крытый фургонъ, въ которомъ обыкновенно перевозятъ мебель. Вдругъ двери раскрылись, и изъ

фургона выскочили восемь суффражистокъ, которыя стремительно помчались впередъ. Бобби поймали ихъ въ передней. Суффражистки вступили въ бой съ полисмэнами, пытавшимися вынести ихъ. Это повело къ процессу у магистрата, который приговорилъ милитантокъ къ штрафу отъ 7 ш. до 20 ш. Суффражистки отказались уплатить штрафъ и заявили, что предпочитаютъ арестъ. Такимъ образомъ, явились первыя жертвы движенія. Русскіе читатели должны помнить, что во *всѣхъ* процессахъ магистратъ приговариваетъ милитантокъ только къ незначительному штрафу (не больше 20 руб.). Очень часто онъ требуетъ только подписку въ обѣщаніи вести себя хорошо шесть мѣсяцевъ. Милитантки предпочитаютъ арестъ не потому, что не могутъ уплатить ничтожный штрафъ (всѣ онѣ—женщины съ хорошими средствами), а въ цѣляхъ пропаганды. Въ началѣ 1908 г. суффражистки пробовали «ворваться» въ парламентъ со стороны рѣки. Вестминстерскій дворецъ выходитъ на Темзу террасой, къ рѣшеткѣ которой можно очень легко добраться въ лодкѣ во время прилива. Но милитантки поспѣшили разсказать репортерамъ о своихъ намѣреніяхъ. И вотъ въ назначенный часъ, когда суффражистки подъѣхали къ террасѣ на паровомъ катерѣ, онѣ нашли тамъ рѣчную полицію. Милитантки ограничились тѣмъ, что крикнули въ рупоръ коммонерамъ, вышедшимъ на террасу: «Votes for Women!» Послѣ неудавшейся рѣчной экспедиціи, милитантки пробовали пойти на парламентъ, какъ дервиши на англичанъ, т. е. «валомъ». Нѣсколько десятковъ суффражистокъ взяли первую линію укрѣпленій», т. е. опрокинули двухъ бобби, стоявшихъ у порога. Но тутъ на помощь явились другіе полисмэны и вытѣснили «непріятеля», который взобрался на постаментъ памятника Ричарда Львиное Сердце. Отсюда, ухватившись за коня или обнявъ ноги бронзоваго короля, милитантки обратились къ толпѣ, для которой выступленія ихъ всегда являются большимъ дивертисментомъ. Двумъ суффражисткамъ, наконецъ, удалось ворваться въ парламентъ и осуществить второй пунктъ боевой программы. Оба раза удалось это сдѣлать путемъ «военной хитрости», какъ съ гордостью говорятъ милитантки, или путемъ обмана, какъ говорятъ остальные. Молодая дама, пріѣхавшая изъ провинціи, подъѣзжаетъ къ парламенту и посылаетъ свою карточку старику коммонеру, богатому фабриканту. Коммонеръ хорошо зналъ отца дамы, тоже фабриканта, съ которымъ учился въ одной школѣ. Вотъ почему коммонеръ немедленно вышелъ къ дамѣ и предложилъ показать ей парламентъ. Дама интересуется фресками, цвѣтными стеклами, роскошными залами. Наконецъ, она проситъ показать ту самую залу, гдѣ происходитъ засѣданіе. Старикъ любезно подводитъ даму къ дверямъ и показываетъ ей сквозь стекло депутатовъ. Но тутъ дама внезапно вырываетъ свою руку, стремительно открываетъ двери, влетаетъ бомбой въ палату и, запыхавшись отъ волненія, кричитъ: «Votes for women!» Такимъ тономъ кричитъ, вѣроятно, молодой офицеръ,

которому первому удалось вскочить на валъ непріятельскаго укрѣпленія. Сперва палата была ошеломлена неожиданнымъ появленіемъ, затѣмъ раздался гомерическій хохотъ на всѣхъ скамьяхъ. Еще черезъ минуту подлетѣли парламентскіе служители, которые вынесли даму и выпустили ее за дверью на улицу. Такимъ образомъ, вся конечная цѣль самаго важнаго пункта боевой программы сводится къ тому, чтобы крикнуть въ палатѣ «Votes for women». Второе вторженіе милитантокъ въ парламентъ произошло черезъ нѣсколько дней послѣ перваго. Двѣ дамы попросили у знакомаго коммонера билеты для посѣщенія женской галлереи въ палатѣ общинъ. Коммонеръ спросилъ, не милитантки ли онѣ. Дамы отвѣтили отрицательно. И вотъ, когда палата обсуждала билль, съ женской галлереи раздалось восклицаніе: «Довольно вамъ болтать пустяки! Votes for Women!» Парламентскіе пристава схватили суффражистку; но она приковала себя къ рѣшеткѣ, которую пришлось вывернуть, чтобы вывести милитантку.

Въ октябрѣ 1908 г., когда были большія манифестаціи безработныхъ, милитантки рѣшили использовать ихъ для вторженія въ парламентъ. «Женскій Соціальный и Политическій Союзъ рѣшилъ, что 13 октября 1908 г. должна быть сдѣлана спеціальная попытка войти въ парламентъ и добиться свиданія съ премьеромъ», — читаемъ въ предисловіи къ книжкѣ, изданной Союзомъ *). Дата эта выбрана была потому, что она совпадаетъ съ третьей годовщиной нашей боевой программы, выработанной г-жей Панкхерстъ. Въ этотъ день открывалась также осенняя, не очередная парламентская сессія... Вообще суффражистки не обращаются къ публикѣ ни съ какой просьбой о помощи; но въ этотъ день рѣшено было обратиться къ *черни* (populace; курсивъ мой), созвать ее въ большомъ количествѣ и просить, чтобы она поддержала женщинъ. Съ этой цѣлью Союзъ за нѣсколько дней до 13 октября выпустилъ такого рода воззваніе: «Женскій Политическій и Соціальный Союзъ. Избирательныя права для женщинъ. Мужчины и женщины, помогите суффражеткамъ вторгнуться (to rush) въ палату общинъ октября 13, во вторникъ, въ 7.30 вечера».

Въ очеркѣ «Безъ работы», напечатанномъ въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1908 г., описаны уличныя сцены въ Лондонѣ въ день манифестаціи. Суффражистки, повидимому, издали свое воззваніе, не сознавая всей важности и серьезности его. Имъ представлялось, что громадная толпа, состоящая частью изъ любопытныхъ, частью изъ голодныхъ и озлобленныхъ людей, частью изъ тѣхъ элементовъ, которые всегда выплываютъ во время большихъ народныхъ движеній, «ворвется» въ парламентъ только для того, чтобы крикнуть «votes for women» или чтобы сыграть въ «гуси, лебеди, домой» съ бобби. Въ Лондонѣ приняты были чрезвычай-

*) The Trial of the Suffragette Leaders. London. 1908.

ныя мѣры предосторожности, состоявшія въ томъ, что отряды конныхъ и пѣшихъ полисмэновъ окружили парламентъ. И день, который въ другой странѣ отмѣченъ былъ-бы въ исторіи грудой тѣлъ, ознаменовался однимъ выбитымъ стекломъ и нѣсколькими подбитыми глазами. Вождей женскаго союза привлекли къ суду. Магистратъ вызвалъ ихъ, но онѣ не явились, объяснивъ, что имъ нужно быть на митингѣ какъ разъ въ это время. Тогда мать и дочь Панкхерстъ и генералиссимусъ были арестованы. На другой день ихъ освободили, а черезъ двѣ недѣли состоялся судъ. Суффражистки рѣшили воспользоваться имъ для большой манифестаціи. Это вполнѣ удалось имъ, вслѣдствіе замѣчательнаго таланта миссъ Панкхерстъ, какъ оратора и юриста. По англійскому закону свидѣтели, вызванные обвиняемымъ, должны явиться въ судъ, какое бы общественное положеніе ни занимали. Исключеніе дѣлается только для короля, но не для наслѣдника престола. И дѣйствительно, лѣтъ 18 тому назадъ, во время, такъ называемаго, «процесса баккарра», обвиняемый вызвалъ свидѣтелемъ принца Уэльскаго (теперь король Эдуардъ VII). Свидѣтель не только явился, но выслушалъ еще строгое замѣчаніе со стороны судьи, что будущій король великаго народа долженъ осторожнѣе выбирать друзей и пріятелей. И вотъ, на основаніи того же закона, суффражистки вызвали въ свидѣтели двухъ членовъ кабинета, присутствіе которыхъ въ толпѣ въ день 13 октября репортеры отмѣтили. Вызваны были: министръ внутреннихъ дѣлъ Гладстонъ и канцлеръ казначейства Ллойдъ-Джорджъ. Вызванные свидѣтели явились, и миссъ Панкхерстъ подвергла ихъ удивительно искусному перекрестному допросу, который по отношенію къ канцлеру казначейства сводился къ игрѣ словами. Въ манифестѣ отъ 13 октября толпа, или, по терминологіи милитантокъ, «чернь» призывалась *вторгнутся* (to rush) въ парламентъ. Какъ многіе англійскіе глаголы, to rush имѣетъ не одно значеніе. И вотъ допросъ Ллойдъ-Джорджа превратился въ разсмотрѣніе филологическихъ тонкостей.

— Вы Ллойдъ-Джорджъ?—спросила миссъ Панкхерстъ, когда вызвали свидѣтеля.—Вы тайный совѣтникъ и канцлеръ казначейства?— Ллойдъ-Джорджъ отвѣтилъ утвердительно.

— Присутствовали-ли вы лично на томъ митингѣ на Трафальгарской площади, когда къ толпѣ обращались я, г-жа Панкхерстъ и г-жа Дрюмондъ?

— Я былъ тамъ не болѣе десяти минутъ. Мнѣ кажется, я слышалъ нѣсколько фразъ, произнесенныхъ г-жей Панкхерстъ.

— Видѣли-ли вы воззваніе, которое раздавали тогда всѣмъ присутствующимъ?

— Да, какъ только я явился, молодая дама вручила мнѣ прокламацію, призывавшую меня вторгнуться въ палату общинъ.

— Какъ вы поняли приглашеніе, сдѣланное вамъ, какъ одном

изъ толпы? Что, по вашему мнѣнію, мы желали, чтобы вы сдѣлали?

— Мнѣ не хотѣлось-бы комментировать документъ. Мнѣ кажется, миссъ Панкхерстъ, это не мое дѣло.

Миссъ Панкхерстъ беретъ воззваніе и начинаетъ толковать его. «Предположимъ, — говоритъ она свидѣтелю,—вы совсѣмъ не были на митингѣ; но, допустимъ, что въ то время, когда вы гуляли по улицѣ, вамъ кто нибудь вручилъ бумажку. Вы разворачиваете ее и читаете: «Помогите суффражеткамъ *вторгнуться* въ палату общинъ». Допустимъ дальше, вы забыли, что вы членъ кабинета. Вы считаете себя совершенно частнымъ человѣкомъ, какъ я, напр.; къ какому акту, по вашему мнѣнію, призываетъ васъ прокламація.

— Я, право, не могу взять на себя трудъ представить себѣ все это и комментировать документъ.

— Перейдемъ теперь къ самому главному пункту обвиненія, построенному на словѣ «вторгнуться» (to rush). Что по вашему мнѣнію означаетъ оно?

— Я понялъ-бы это слово въ томъ смыслѣ, что г-жа Панкхерстъ приглашаетъ силой войти въ палату общинъ,—отвѣтилъ канцлеръ казначейства.

— Нѣтъ, нѣтъ, забудемъ на время про г-жу Панкхерстъ. Станемъ разсматривать только прокламацію. Что сказано въ ней?

— Я право забылъ.

— Такъ я вамъ напомню. Въ прокламаціи сказано: «помогите суффражеткамъ *вторгнуться* въ палату общинъ». Теперь опредѣлите, пожалуйста, значеніе слова «вторгнуться» (to rush).

— Не могу сдѣлать этого, — осторожно отвѣтилъ Ллойдъ-Джорджъ.

— Вы не можете опредѣлить значеніе глагола «to rush»?

— Нѣтъ, миссъ Панкхерстъ, не могу.

Обвиняемая беретъ со стола увѣсистый словарь Чэмберса и находитъ сперва существительное «rush». Оно означаетъ, между прочимъ, «eager demand» (пылкое, нетерпѣливое требованіе).

— Что вы думаете объ этомъ истолкованіи?—спросила миссъ Панкхерстъ. Канцлеръ казначейства отвѣтилъ, что не можетъ оспаривать авторитетъ «Словаря Чэмберса». Обвиняемая, между тѣмъ, читаетъ другія толкованія того же существительнаго *the rush*: «безотлагательная необходимость въ дѣлахъ», «страстное желаніе» и пр.

— Предположимъ теперь,—продолжаетъ миссъ Панкхерстъ, — что васъ призываютъ предъявить палатѣ общинъ «пылкое, нетерпѣливое требованіе», чтобы она скорѣе дала женщинамъ избирательныя права. Сочтете-ли вы это призывомъ къ незаконному дѣйствію?—Канцлеръ казначейства отвѣтилъ, что не ему рѣшать это. Вмѣшивается магистратъ и объявляетъ, что свидѣтель отвѣтилъ

уже на вопросъ. Миссъ Панкхерстъ раскрываетъ другой словарь и читаетъ, что «to rush», значитъ, между прочимъ, «to be in a hurry» (сильно спѣшить).

— Поняли-ли вы прокламацію въ томъ смыслѣ, что мы призываемъ васъ «сильно спѣшить» къ палатѣ общинъ, дабы тамъ «настойчиво и нетерпѣливо требовать» политическаго освобожденія женщинъ?

— У меня нѣтъ никакого мнѣнія на этотъ счетъ. Могу только разсказать о томъ, что самъ видѣлъ.—По приглашенію миссъ Панкхерстъ, Ллойдъ-Джорджъ показываетъ, что слышалъ на Трафальгарской площади обращеніе старшей г-жи Панкхерстъ къ толпѣ.

Ораторъ доказывалъ тогда, что женщины имѣютъ право быть въ парламентѣ, а если имъ въ этомъ отказываютъ, то онѣ вправѣ войти туда силой. Свидѣтель прибавляетъ, что передаетъ только общій смыслъ рѣчи.

— Призывалъ-ли ораторъ къ насилію? Грозилъ-ли онъ кому нибудь?

— О, нѣтъ, миссъ Панкхерстъ.

— Приглашалъ-ли ораторъ толпу вооружаться?

— Нѣтъ.

— Слышали-ли вы о томъ, чтобы призывъ повлекъ за собою какой нибудь серьезный ущербъ?

— Я не хотѣлъ бы высказать мое мнѣніе,—отвѣтилъ канцлеръ казначейства.—Врядъ ли это входитъ въ кругъ моихъ обязанностей, какъ свидѣтеля.

— Представители обвиненія утверждаютъ, — сказала миссъ Панкхерстъ,—что произошло серьезное нарушеніе общественнаго спокойствія. Согласны ли вы съ этимъ?

— Канцлеръ казначейства не долженъ отвѣчать на подобный вопросъ,—вмѣшивается магистратъ.

— Вы юристъ? — ставитъ судьѣ въ упоръ вопросъ миссъ Панкхерстъ.

— Да, мнѣ кажется.

— Если вы юристъ, то вы должны знать, что я имѣю право задавать моему свидѣтелю подобные вопросы.—Миссъ Панкхерстъ съ торжествомъ раскрываетъ справочную кнугу. Послѣ нѣкотораго пререканія съ магистратомъ миссъ Панкхерстъ опять задала вопросъ свидѣтелю:—Считаете ли вы серьезнымъ дѣломъ этотъ призывъ вторгнуться въ парламентъ?

— О, да. Мнѣ хотѣлось бы, миссъ Панкхерстъ, чтобы и вы смотрѣли такъ же, какъ и я, на этотъ призывъ.

Обвиняемая старается доказать, что всякая борьба въ Англіи за расширеніе избирательныхъ правъ сопровождалась, такъ называемыми, незаконными дѣйствіями.

— Не вы ли сами или, во всякомъ случаѣ ваши коллеги, по-

дали намъ примѣръ, какъ бороться? У васъ мы научились выступленіямъ.

— Меня сильно удивляютъ ваши слова, миссъ Панкхерстъ.

— Неужели? Станете ли вы отрицать тотъ фактъ, что либеральные государственные дѣятели показали намъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать?

— Ваше заявленіе меня поражаетъ.

— Слышали ли вы рѣчь знаменитаго вождя либеральной партіи на Трафальгаровской площади? Вотъ что онъ сказалъ, между прочимъ: «Если бы во время политическихъ кризисовъ англійскому народу твердили только про то, что слѣдуетъ быть терпѣливымъ, любить порядокъ и ненавидѣть насиліе, то вольности никогда не были бы достигнуты». Слышали ли вы раньше эти лова?

— Не могу припомнить.

— Ихъ сказалъ Вильямъ Юартъ Гладстонъ. Не находите ли вы, что въ этихъ словахъ заключается оправданіе нашихъ дѣйствій?

— Вы опять хотите, чтобы я высказалъ свое мнѣніе, тогда какъ по закону свидѣтель обязанъ только передать факты.

— Но развѣ не *фактъ* то, что вы сами подали намъ примѣръ къ мятежу?

Магистратъ заявляетъ, что свидѣтель можетъ не отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Я лично никогда не призывалъ толпу къ свершенію насилія,—сказалъ Ллойдъ-Джорджъ.

— А между тѣмъ, обращаясь 13 октября къ толпѣ, мы слѣдовали только примѣру либеральныхъ вождей. Неужели вы не знаете, что Джонъ Брайтъ подавалъ толпѣ такіе же совѣты?

— Нѣтъ, не знаю, миссъ Панкхерстъ.

— Вѣдомо ли вамъ, что въ 1884 г. Чэмберлэнъ грозилъ поступить такимъ же образомъ, какъ и мы?

— Нѣтъ, не знаю.

— Вы не слышали про то, что Чэмберлэнъ грозилъ повести на Лондонъ сто тысячъ человѣкъ? — Магистратъ замѣчаетъ, что свидѣтель отвѣтилъ уже на этотъ вопросъ.

— Если вы такъ настойчиво требуете отвѣта, миссъ Панкхерстъ,—отвѣтилъ Ллойдъ Джорджъ,—то я могу сказать слѣдующее: сомнѣваюсь, чтобы Чэмберлэнъ призывалъ когда либо къ насилію или грозилъ бы нарушить законъ.

Допросъ Ллойдъ-Джорджа производился, такимъ образомъ, съ двоякой цѣлью: 1) доказать, что рекомендуя «вторгнуться» въ парламентъ, милитантки не призывали къ насилію, и 2) выяснить, что вообще борьба за избирательное право въ Англіи сопровождалась всегда нарушеніемъ закона. Допросъ второго министра имѣлъ въ виду только выяснить другой пунктъ. Въ газетѣ суффражистокъ

«Votes for Women» была напечатана замѣтка, сильно компрометирующая министра внутреннихъ дѣлъ, если она вѣрна. Милитантка миссъ Бракенбери была присуждена къ шестинедѣльному аресту за то, что выбила стекла въ домѣ премьера. Потомъ миссъ Бракенбери встрѣтилась въ домѣ знакомыхъ съ магистратомъ Хорэсомъ Смитомъ, осудившимъ ее. Магистратъ сказалъ, будто бы, что, налагая наказаніе, дѣйствовалъ согласно указаніямъ свыше. Миссъ Панкхерстъ поставила Гладстону прямо вопросъ: «Совѣтовалъ ли онъ магистрату Смиту отправить миссъ Бракенбери въ тюрьму»? Судья заявилъ, что свидѣтель не долженъ отвѣчать на этотъ вопросъ, который не имѣетъ отношенія къ дѣлу. Миссъ Панкхерстъ произнесла въ свою защиту страстную рѣчь. «Мы выпустили нашу прокламацію, чтобы ребромъ поставить требованіе, на которое по британской конституціи имѣемъ право,—сказала обвиняемая.—Въ концѣ концовъ, мы требовали только соблюденія основного закона страны, гласящаго, что платежъ налоговъ долженъ быть неразрывно связанъ съ представительствомъ. Повинующіеся закону обязаны принимать участіе въ выработкѣ его. Вотъ почему, настаивая на допущеніи насъ къ избирательнымъ урнамъ, мы вмѣстѣ съ этимъ требуемъ, чтобы правительство прекратило свое незаконное дѣйствіе: оно не должно лишать представительства тѣхъ, которыя имѣютъ всѣ права на это... Конституція даетъ намъ безусловное право идти въ палату общинъ, чтобы тамъ заявитъ коммонерамъ о нашихъ обидахъ. Мы добиваемся правъ, которыми въ отдаленныя времена женщины пользовались въ Англіи. Выпуская наше воззваніе отъ 13 октября, мы, главнымъ образомъ, желали, чтобы палата поспѣшила съ принятіемъ законопроекта, который прошелъ уже во второмъ чтеніи. Такъ какъ намъ всюду отказывали, когда мы до 13 октября ходатайствовали о томъ же, то мы хотѣли устроить демонстрацію, поддержанную народомъ. На это толкнулъ насъ премьеръ. Мы устроили въ Гайдъ-паркѣ громадный митингъ 21 іюня 1908 г.; но на резолюціи, принятыя тамъ, министерство не обратило никакого вниманія. Тогда намъ осталось созвать нашихъ друзей поближе къ палатѣ общинъ. Мы это и сдѣлали 30 іюня. Намъ позволили устроить и эту манифестацію. Никого не привлекли къ суду. Наше октябрьское воззваніе имѣетъ цѣлью оказать давленіе на правительство, чтобы оно приняло въ эту же сессію законъ о женскихъ избирательныхъ правахъ. Прокламація составлена въ нѣсколько сильныхъ выраженіяхъ, потому что осенняя сессія коротка, времени мало и женщинамъ приходится проявить возможно больше твердости. Палата занята обсужденіемъ менѣе важныхъ законопроектовъ, чѣмъ тотъ, который мы требуемъ Парламентъ разрабатываетъ билли: дѣтскій, въ сущности никому ненужный, школьный, потомъ законопроектъ о сокращеніи пьянства. На все это палата напрасно тратитъ время, когда на очереди билль о равноправіи женщинъ». Краснорѣчивый ораторъ, од-

нако, опять становится на скользкую почву игры и жонглированія словами, когда доходитъ дѣло до объясненія значенія прокламаціи. Миссъ Панкхерстъ указываетъ, что «to rush» (вторгнуться) имѣетъ много значеній. Есть, напримѣръ, въ Англіи Лига охраненія швейцарскихъ пейзажей. Она горько жалуется на постройку новыхъ зубчатыхъ дорогъ до вершины многихъ горъ. Предсѣдатель лиги Ричардъ Уайтингъ требуетъ, чтобы на швейцарское правительство оказано было публикой какое-нибудь давленіе съ цѣлью остановить эту постройку. Предсѣдатель рекомендуетъ для этого туристамъ *устремиться* (to rush) въ итальянскія Альпы. «Неужели кто нибудь думаетъ, что г. Уайтингъ, подавая подобный совѣтъ, проповѣдуетъ насиліе противъ швейцарскаго правительства?»—спросила миссъ Панкхерстъ.

Приговоръ магистрата былъ такой. Старшая г-жа Панкхерстъ и г-жа Дрюмондъ должны представить залогъ въ 100 ф. ст., что будутъ вести себя спокойно годъ, а если не пожелаютъ представить залогъ,—то арестъ на три мѣсяца. Миссъ Панкхерстъ должна представить залогъ въ 50 ф. ст., что будетъ вести себя спокойно годъ, а въ случаѣ отказа—арестъ на 6 недѣль. Всѣ три обвиняемыя отказались представить залогъ. «Мы пойдемъ въ тюрьму,—сказала миссъ Панкхерстъ,—потому что наша честь запрещаетъ намъ поступать иначе. Выйдя изъ тюрьмы, мы опять выпустимъ другую прокламацію, въ которой обратимся къ публикѣ съ призывомъ чтобы она, давленіемъ на парламентъ, заставила правительство дать намъ права» *). Г-жу Дюмондъ освободили изъ-подъ ареста черезъ недѣлю, а мать и дочь Панкхерстъ—черезъ пять недѣль.

VI.

Мы видѣли, какъ выполняются всѣ тѣ пункты, которыми программа милитантокъ отличается отъ программы правыхъ феминистокъ. Слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько «парадовъ» и шествій. Мы, русскіе, для которыхъ политическая борьба—страшная трагедія, нѣсколько недоумѣваемъ, когда наблюдаемъ нѣкоторыя изъ этихъ шествій. Надняхъ, напр., милитантки устроили шутовскія похороны билля о женскихъ правахъ, внесеннаго въ прошлую сессію коммонеромъ Стрэнджеромъ. Впереди шли «вопельницы», дальше мальчишка волокъ въ телѣжкѣ закутанный въ саванъ билль. Потомъ опять шли «вопельницы» въ черномъ или въ траурныхъ лентахъ. Процессія прошла по двумъ главнымъ улицамъ центральнаго Лондона, доставивъ великое удовольствіе маленькимъ «арабамъ» (чистильщикамъ сапогъ). Хоронили билль милитантки Лиги Свободы. Суффражистки изъ Женскаго Союза устроили парадъ ама-

*) The Trial of Suffragette Leaders. P. 19.

зенокъ. Впереди на бѣломъ конѣ ѣхалъ генералиссимусъ въ шитомъ золотомъ мундирѣ, затѣмъ—отрядъ амазонокъ, потомъ слѣдовало пѣшее воинство, распѣвавшее:

„For this is the grandest movement,
The world has ever seen;
And we'll win the vote for women
Wearing purple, white, and green".

(Это величайшее движеніе, которое когда-либо видѣлъ міръ. Мы добьемся избирательныхъ правъ для женщинъ подъ нашимъ багряно-бѣло-зеленымъ знаменемъ).

Мы видѣли, что суффражистское движеніе захватило сравнительно небольшое число женщинъ. Оно по преимуществу локализировано въ среднихъ и верхне-среднихъ классахъ. Женщины изъ нижне-среднихъ и рабочихъ классовъ относятся или безразлично, или враждебно къ движенію. Люди, рекомендующіе суффражисткамъ заняться исключительно пропагандой среди женщинъ, впадаютъ въ крайность. Они забываютъ, что политическія права воспитываютъ гражданъ. Нельзя откладывать политическую реформу на томъ основаніи, что «народъ еще не созрѣлъ». По выраженію Лесли Стифена, люди, выставляющіе подобный аргументъ, или недобросовѣстны, или уподобляются тому неостроумному герою сказки, который рѣшилъ, что пойдетъ купаться только тогда, когда научится плавать. Въ 1884 г. консерваторы утверждали, что «ходжъ» (сельскій работникъ) не созрѣлъ для избирательнаго права и не будетъ даже знать, что дѣлать съ нимъ. «Вы привели лучшій аргументъ въ пользу необходимости расширенія избирательнаго права,—отвѣтилъ тогда Гладстонъ.—Если, дѣйствительно, какъ вы утверждаете, въ Англіи есть люди настолько невѣжественные, что не въ состояніи оцѣнить значеніе политическихъ правъ, то необходимо скорѣе дать эти права, дабы превратить темныхъ рабовъ въ свободныхъ гражданъ». Дѣйствительность доказала, что «ходжъ» отлично сумѣлъ использовать свои политическія права. Итакъ, индифферентизмъ большинства женскаго населенія не аргументъ противъ феминистскаго движенія. Просматривая всю громадную литературу, созданную движеніемъ, мы видимъ, что противникамъ его не удалось выставить *ни одного*, сколько-нибудь убѣдительнаго, аргумента *по существу*. Соціалисты и радикалы осуждаютъ суффражистокъ за то, что онѣ добиваются правъ, какъ сами говорятъ, только для 1½ мил. женщинъ. Но и соціалисты, и радикалы за *всеобщее* избирательное право. Какъ мы видѣли, за эту реформу теперь также и министерство. Милитантки гораздо консервативнѣе кабинета, что понятно, такъ какъ въ ихъ рядахъ много дамъ изъ Лиги *Подвнѣжникъ*. Многіе радикалы протестуютъ противъ *тактики* милитантокъ и не находятъ достаточно сильныхъ словъ для опредѣленія нелѣпости и безцѣльности ея. Но это, конечно, не аргументъ про-

тивъ политическаго равноправія женщинъ. Обратимся къ теоретическимъ противникамъ. Тутъ насъ поражаетъ отсутствіе дѣйствительно серьезныхъ возраженій. Профессоръ Шипли (извѣстный зоологъ) проводитъ параллель между выступленіями милитантокъ и «тарантизмомъ» среднихъ вѣковъ, когда сотни женщинъ «съ визгомъ, воемъ и кривляніемъ плясали на улицахъ». Точно такъ, какъ одерживаемыя «тарантизмомъ» женщины приводили себя въ изступленіе повтореніемъ одной и той же фразы, милитантки, по мнѣнію ученаго зоолога, гипнотизируютъ себя формулой: «Votes for women», повторенной тысячу разъ. Въ сценахъ на митингѣ въ Альбертовой залѣ ученый зоологъ видитъ типично выраженныя формы «тарантизма». Не могу сказать, насколько проф. Шипли, прославившійся, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ, изученіемъ жизни ядовитыхъ пауковъ, компетентенъ въ вопросахъ массовой психопатіи. Мнѣ лично кажется, что гипотезѣ о «тарантизмѣ» такая же цѣна, какъ и эксцентричнымъ, теперь совершенно забытымъ объясненіямъ Макса Нордау о вырожденіи. Но если бы даже допустить, что «тарантизмъ» милитантокъ такъ же несомнѣненъ, какъ и то, что притяженіе прямо пропорціонально массѣ и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній, то и тогда мы увидимъ опять же аргументъ только противъ тактики милитантокъ, но не противъ самаго движенія. Вотъ книжка, наиболѣе усердно распространяемая врагами политической эмансипаціи женщинъ. Написана она Джорджемъ Кальдерономъ, избравшимъ девизъ: «Facit indignatio librum» *). Обратимся къ ней за аргументами.

Женщины, по мнѣнію автора, совершенно напрасно жалуются на то, что имъ не даютъ высказаться. Въ дѣйствительности же «онѣ пишутъ книги, издаютъ свои собственные журналы (мужчины не имѣютъ изданій только для отстаиванія своихъ интересовъ), участвуютъ во всѣхъ газетахъ и выступаютъ на платформахъ. Если только дамы аргументируютъ, а не занимаются музыкальными упражненіями на колоколахъ, мы охотно слушаемъ. Когда засѣдаютъ королевская или парламентская коммиссіи по поводу вопросовъ, касающихся одинаково и мужчинъ, и женщинъ, то просто скандально видѣть то вниманіе, которое члены оказываютъ свидѣтельницамъ. Ихъ показаніямъ придаютъ больше значенія, чѣмъ показаніямъ мужчинъ. Женщинъ спеціалистокъ охотно выслушиваютъ въ каждомъ департаментѣ. Тѣ женскія историческія имена, которыми суффражистки колютъ намъ глаза, доказываютъ только, что мужчины всегда относились внимательно къ заслугамъ выдающихся женщинъ. Чистой фантазіей является, поэтому, утвержденіе феминистокъ, что мужчины правятъ міромъ по своему, не справляясь никогда съ мнѣніемъ женщинъ... Въ дѣйствительности мы видимъ совершенно обратное,—говоритъ Джорджъ Кальдеронъ.—Лишенная, будто бы,

*) Woman in Relation to the State. (The Priory Press). London. 1908.

политическихъ правъ, женщина, тѣмъ не менѣе, всюду управляетъ мужчиной. Мало того, это рабство пріятно мужчинамъ. Чье воображеніе создало богинь, предъ которыми преклонился мужской родъ? Воображеніе мужчинъ. Ихъ творческая фантазія создала Артемиду, Аѳину, Афродиту. Мужчины потомъ нарисовали Мадоннъ. Гдѣ же те униженное и подчиненное положеніе, о которомъ говорятъ женщины?.. Аргументы, выставленные Миллемъ, Кондорсэ и Лэмомъ доказываютъ только,—продолжаетъ Кальдеронъ,—и я охотно допускаю это, что въ умственномъ и въ моральномъ отношеніи женщины, во всякомъ случаѣ, равны мужчинамъ. Но это не доказательство въ пользу того, что имъ необходимо дать избирательныя права». И вотъ, тѣмъ не менѣе, распространилась въ Англіи легенда о порабощеніи женщины, - продолжаетъ Кальдеронъ, по мнѣнію котораго тутъ слѣдуетъ признать какую-то массовую галлюцинацію. «Собраны были по подпискѣ деньги, и въ нашей странѣ появился наемный отрядъ визгливыхъ проповѣдницъ. Онѣ увѣряютъ насъ на каждомъ перекресткѣ, что у «женщинъ отняты элементарныя гражданскія права». Обыкновенный смертный врядъ ли согласится съ этимъ. Женщина въ полной безопасности живетъ въ обществѣ и дѣлаетъ, что пожелаетъ. Ея свобода ограничена тѣмъ же закономъ, что и свобода мужчины. Женщина имѣетъ право владѣть собственностью. Англичанка, развлекающаяся какъ ни одна женщина въ мірѣ, жалуется, тѣмъ не менѣе, что она не *свободна*. Одно изъ женскихъ обществъ такъ и называется Лигой Свободы. Будь мужчины такими тиранами, какъ ихъ изображаютъ, они легко могли бы не дать женщинамъ абсолютно никакихъ правъ. Они могли бы даже отнять все то, чѣмъ женщины пользуются теперь. Мужчины не только не дѣлаютъ этого, но, напротивъ, даютъ женщинамъ всякую возможность разъѣзжать и проповѣдывать всюду, что онѣ—преслѣдуемый полъ. Мы, мужчины, съ этой цѣлью сдаемъ женщинамъ залы, которыя мы построили, впускаемъ ихъ въ парки, которые мы разбили. Мы же, мужчины, охраняемъ ихъ отъ хулигановъ въ то время, какъ женщины стоятъ на платформахъ и расписываютъ намъ, какіе мы деспоты. Понятія женщинъ (т. е. *милитантокъ*. Д—о) о свободѣ очень своеобразны. Когда полисмэнъ схватилъ недавно даму, выбившую стекла въ домѣ Асквита, она воскликнула въ негодованіи: «Это Россія!» Мнѣ кажется,- продолжаетъ Кальдеронъ,—миѳъ о порабощенномъ состояніи женщины возникъ, вслѣдствіе неправильнаго пониманія понятія «избирательное право». Слова «избирательное право» и «свобода», «допущеніе къ урнамъ» и «эмансипація»—не синонимы. Избирательное право—это спеціальная концессія, даруемая верховной властью со спеціальной цѣлью. Такою же концессіей является право открыть въ своемъ помѣстьѣ ярмарку, право ловить осетровъ или держать кроликовъ въ открытомъ садкѣ. Но человѣкъ, которому отказано въ устройствѣ кроличьяго садка или ярмарки,—не можетъ утвер-

ждать, что его лишаютъ элементарныхъ гражданскихъ правъ» *). Изъ этого аргумента торчитъ длинное ухо, принадлежащее животному гораздо болѣе крупному, чѣмъ кроликъ; но что дѣлать? Противники движенія лишены возможности быть очень разборчивыми при залученіи «головастыхъ» союзниковъ.

Въ другой брошюркѣ, выпущенной врагами политическаго освобожденія женщинъ, **) отстаиваютъ слѣдующіе тезисы.

Многіе изъ путей, на которыхъ граждане могутъ доказать свое желаніе послужить обществу, въ Англіи открыты для женщинъ.

Женщинамъ не нужны парламентскія избирательныя права, такъ какъ онѣ и безъ того имѣютъ громадное вліяніе на то, какъ голосуютъ мужчины.

Интересы женщинъ и мужчинъ такъ тѣсно сплетены, что почти во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ мужчины, отстаивая свои интересы, этимъ самымъ защищаютъ также выгоды женщинъ.

Въ интересахъ общества желательно, чтобы женщины посвящали себя другой, не политической дѣятельности. Физическое и моральное развитіе женщины не приспособили ее для политической борьбы.

Женщины, въ сущности, косвенно уже представлены въ парламентѣ тѣми мужчинами, которые спеціально изучили экономическое и соціальное положеніе «порабощеннаго пола».

Женщины имѣютъ возможность агитировать, писать и выступать на платформахъ. Вотъ почему онѣ всегда могутъ заявить о своихъ страданіяхъ.

Подавляющее большинство женщинъ совершенно индифферентно къ политикѣ.

Сужденіе женщинъ объ общественныхъ явленіяхъ болѣе узко, чѣмъ сужденіе мужчинъ, такъ какъ построено болѣе на чувствѣ. Понятіе женщинъ объ абсолютной справедливости ограничено.

Такъ какъ женщины не несутъ военной службы, то было бы несправедливо давать имъ на разрѣшеніе вопросы о войнѣ и мирѣ.

Мнѣнія женщинъ объ общественной морали скорѣе можно назвать заплеснѣвшими, чѣмъ прочными.

Женщины гораздо болѣе суевѣрны, чѣмъ мужчины. Въ вопросахъ религіи онѣ склонны къ ханжеству. Вотъ почему допущеніе женщинъ въ парламентъ, гдѣ обсуждаются вопросы о религіи и воспитаніи,—крайне нежелательно.

Кажется, я привелъ всѣ тезисы. Въ началѣ статьи я сказалъ, что не стану утомлять читателей доказательствомъ такой истины, какъ $2 \times 2 = 4$. «Тезисы», выставляемые постоянно анти-суффражистами, несмотря на то, что доводы эти много разъ опровергались,

---

*) Woman in reltaion to the State, P. 15.
**) Women Suffrage.

какъ теоретически, такъ и жизнью (дѣятельностью женщинъ тамъ, гдѣ онѣ пользуются избирательными правами), доказываютъ слѣдующее: противники допущенія къ избирательнымъ урнамъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ и гражданокъ не въ состояніи придумать ни одного сколько нибудь убѣдительнаго довода. «Анти-феминисты» много говорятъ о томъ, что сужденіе женщины поставлено не на разумѣ, а на чувствѣ, а между тѣмъ всѣ ихъ теоріи построены только на *предубѣжденіи*. Если бы доводы логики были дѣйствительно дороги имъ, то ряды «анти-феминистовъ» быстро растаяли бы. Но я не хотѣлъ ничего доказывать. Мое намѣреніе было говорить только о милитанткахъ.

Какъ участники всякаго общественнаго или религіознаго движенія въ Англіи, суффражистки обзавелись своимъ собственнымъ пѣсенникомъ, по которому съ большимъ усердіемъ выводятъ при каждомъ выступленіи. Покуда въ этомъ пѣсенникѣ нѣтъ еще ни одного сколько нибудь поэтическаго номера; но еще хуже пѣсни, выпущенныя противниками движенія. Вотъ, напр., воззваніе къ суффражисткамъ:

Woman, thy place—Woman, thy sphere,
Is not among the angry crowd,
But in thy home with those most dear,
Where all thy actions speak aloud.

. . . .

Thy husband comes, thy smile he sees,
He blesses God, he blesses thee,
The Youngsters climb upon his knees;
A day's work done, his soul is free.

(т. е. «Женщина, твое мѣсто, твоя сфера не среди озлобленной толпы, но дома, въ кругу дорогихъ. Здѣсь всѣ твои поступки говорятъ за себя... Твой мужъ приходитъ. Онъ видитъ твою улыбку и благословляетъ Бога, благословляетъ тебя. Дѣти взбираются къ отцу на колѣни. Такъ трудовой день оконченъ. Душа свободна»).

VIII.

Вслѣдствіе особенностей англійской жизни и по причинѣ широкой гражданской свободы, выступленія милитантокъ, которыя (выступленія) на континентѣ усердные защитники порядка превратили бы въ страшную трагедію,—являются зачастую только фарсомъ. Я былъ 13 октября, т. е. въ день штурма парламента, все время въ толпѣ. И одинъ и тотъ же вопросъ неотвязчиво приходилъ мнѣ въ голову: «Какую бойню устроили бы, случись все это не въ Лондонѣ, а... на востокъ отъ 15° в. д. по Гриничу»? Такъ какъ англичане, по преимуществу, склонны усматривать въ выступленіяхъ милитантокъ водевильный элементъ,—то движеніе по-

родило безчисленное множество карикатуръ, комическихъ пѣсенъ куплетовъ, остротъ. Карикатуры рисуютъ также и суффражистки. Въ игрушечныхъ магазинахъ передъ праздниками центральное мѣсто занимала «суффражистка» то въ видѣ прекраснаго ангела, то въ видѣ носатой, растрепанной, свирѣпой фуріи, дерущейся съ «бобби». Въ «пантомимахъ» клоуны, пародируя англійскую пѣсенку «Put me among the girls» (Помѣстите меня въ общество дѣвушекъ),—умоляютъ посадить ихъ на необитаемый островъ, въ клѣтку со львами, въ яму, гдѣ въ зоологическомъ саду живутъ медвѣди,—но не рядомъ съ «суффражисткой». Куплеты въ достаточной степени глупы, но имѣютъ громадный успѣхъ. Появилось также не мало будто бы юмористическихъ «предвидѣній» того времени, когда суффражисткамъ удастся добиться побѣды. Всѣ эти памфлеты безнадежно скучны. Нѣкоторое исключеніе составляетъ литературно написанный и имѣвшій очень большой успѣхъ памфлетъ «Баронетъ» *). Тактика милитантокъ проводилась съ особою настойчивостью, — разсказываетъ Баронетъ. «Суффражистки ежедневно гонялись за каждымъ министромъ, требуя избирательныхъ правъ и проявляли такую настойчивость, что члены кабинета не могли шага ступить безъ конвоя. Положеніе дѣлъ стало невыносимымъ. Каждый день кто-нибудь изъ министровъ выходилъ въ отставку, что приводило въ восторгъ оппозицію и оппозиціонную прессу. Градъ остротъ и насмѣшекъ сыпался на министровъ съ платформъ и со страницъ газетъ. Все это, конечно, доставляло величайшее наслажденіе толпѣ. Въ мюзикъ-холлахъ клоуны въ болѣе или менѣе неприличныхъ пѣсняхъ высмѣивали правительство».Наконецъ, суффражистки и сочувствующіе имъ мужчины назначили колоссальный митингъ въ Гайдъ-паркѣ. Предвидѣлись серьезные безпорядки, поэтому изъ Ольдершота вызвали войска. Наканунѣ митинга созвано было чрезвычайное собраніе кабинета. Въ тотъ же вечеръ стало извѣстно, что правительство сдалось. Дѣйствительно, билль объ избирательныхъ правахъ женщинъ палата приняла потомъ во время одного засѣданія. Согласно памфлету, милитантки не удовлетворились общимъ съ мужчинами парламентомъ, а потребовали своего рода женскій гомруль. И вотъ рядомъ съ Вестминстерскимъ дворцомъ возникъ другой парламентъ, женскій, со своимъ спикеромъ и со своей женской полиціей. Мужской парламентъ передаетъ женскому на утвержденіе всѣ билли, имѣющіе какое-нибудь отношеніе къ женщинамъ. Дебатамъ во второмъ парламентѣ посвящена большая часть памфлета. Сперва этотъ парламентъ отмѣняетъ всѣ законы относительно женщинъ, проведенные мужчинами, а потомъ стремится къ захвату власти. Жен-

*) Woman's Triumph: or, the Suffragettes War. By the Baronet. Published by W. Southern.

щины предъявляютъ требованія господствовать въ церкви, арміи и во флотѣ и т. д.

Въ краснорѣчивомъ памфлетѣ въ защиту допущенія женщинъ къ избирательнымъ урнамъ извѣстный беллетристъ Зангвилль констатируетъ, что общественное мнѣніе въ Англіи теперь за эту реформу. «Внѣ сомнѣнія, въ странѣ мы наблюдаемъ еще нѣкоторое враждебное реформѣ теченіе,—говоритъ Зангвилль:—но оно неизмѣримо слабѣе существовавшаго когда то въ Англіи движенія противъ высшаго образованія женщинъ или противъ допущенія ихъ къ общественной дѣятельности. Враждебное отношеніе къ реформѣ, наблюдаемое теперь, является послѣднимъ протестомъ тѣхъ, которые желали бы видѣть женщину только въ роли домашняго животнаго. Насмѣшки и остроты, къ которымъ прибѣгаютъ эти враги движенія, являются лишь отдаленнымъ эхомъ минувшихъ временъ. Въ настоящее время, когда женщина такъ блестяще проявила себя въ области медицины, математики и естественныхъ наукъ; когда женщина сдѣлала одно изъ величайшихъ открытій нашего времени—радій,—сомнительныя шутки и остроты потеряли всякій смыслъ. Сраженіе выиграно. Непріятель долженъ подумать теперь о поспѣшномъ отступленіи. Избирательное право явится заслуженной наградой для женщинъ за проявленныя ими способности на разныхъ поприщахъ» *)...

Если читатель вспомнитъ заявленіе премьера и докладъ Ллойдъ-Джорджа на митингѣ въ Альбертовой залѣ, то онъ тоже придетъ къ заключенію, что «сраженіе почти выиграно». Внимательные наблюдатели, объективно изучающіе англійскую жизнь, мнѣ кажется, должны также придти къ заключенію, что военнымъ выступленіямъ суффражистокъ въ этой побѣдѣ должна принадлежать очень скромная роль, хотя онѣ желали бы обезпечить всѣ плоды побѣды за собою, а не за всей великой женской арміей. Опять напомню, что милитантки, какъ и правыя феминистки, желали бы допустить къ избирательнымъ ящикамъ только $1^1/_2$ мил. привилегированныхъ женщинъ.

Діонео.

---

*) *I. Zangwill.* One and One are Two. P. 5.

Хроника внутренней жизни.

1. Звѣриный вопросъ. Волкъ-пропагандистъ и заяцъ-агитаторъ.—2. Итоги аграрной политики. Судьбы мѣстной реформы. Битыя карты и проигранныя ставки.—3. Одичаніе страны. Двусмысленныя заявленія по поводу смертныхъ казней и двусмысленности вообще. Думскія вакаціи въ связи съ отвѣтственностью Думы передъ населеніемъ.—4. Оправданіе репрессій ссылками на слабость власти. Когда же власть станетъ сильной? Маразмъ временъ Плеве. Мыши бѣгутъ съ корабля.

I.

... «Набѣжала стая волковъ... По утру отъ трехъ самыхъ крупныхъ и злыхъ собакъ остались только двѣ головы. На снѣгу же оказалось множество волчьихъ слѣдовъ. Конечно, набѣгъ волковъ въ зимнее время, какъ извѣстно, явленіе обыкновенное. Но на этотъ разъ дерзость многочисленныхъ хищниковъ нѣсколько выходитъ изъ рамокъ обычныхъ... Мѣстнымъ охотникамъ слѣдовало бы организовать облаву»...

Эту письменную обывательскую жалобу на размноженіе волковъ заимствую изъ «Саратовскаго Вѣстника» (№ отъ 18 декабря). Точно такія же жалобы на обостреніе стараго «волчьяго вопроса» мнѣ не разъ приходилось встрѣчать въ провинціальныхъ газетахъ. Но, признаться, принципіальная суть этихъ жалобъ все какъ-то ускользала отъ меня. Очень ужъ, на первый взглядъ, дѣло-то простое. Съ одной стороны, «набѣгъ волковъ у насъ, какъ извѣстно, явленіе обыкновенное». Съ другой стороны, вотъ уже 3 года населеніе сугубо связано по рукамъ и ногамъ условіями чрезвычайной охраны. Въ результатѣ, «дерзость многочисленныхъ хищниковъ нѣсколько выходитъ изъ рамокъ обычныхъ». Что тутъ особеннаго, на чемъ слѣдовало бы остановиться и подумать?

Недавно мнѣ пришлось непосредственно столкнуться съ «волчьимъ вопросомъ» въ западномъ углу Орловской губерніи. И то, что издали представлялось простымъ и мелкимъ, при непосредственномъ столкновеніи оказалось и сложнымъ, и значительнымъ. Начать хотя бы съ того, что даже бойкіе проселочные тракты «залегли отъ звѣрья».

— По которой дорогѣ ужъ лѣтъ десять, бывало, и одного заблудящаго волка въ кои-то вѣки увидишь, нынче прямо цѣлыя стаи бѣгаютъ. Не токмо ночью, но и въ сумерки ѣхать страшно.

Пути сообщенія звѣрь перерѣзаетъ,—это бѣда первая. Вторая бѣда—скотинѣ чистый зарѣзъ пришелъ. Третья бѣда—не токмо скотинѣ, но и человѣку звѣрь спуску не даетъ. Прямо возлѣ

селъ на людей нападаетъ, и диви бы ночью, а то чуть смеркнется, а окаянные вотъ они...

— Совсѣмъ обнаглѣлъ звѣрь. Размножился. И ежели ему еще годика 3—4 свободу предоставить, — навсе сторона наша задичаетъ.

Чувствуя передъ собою какую-то глухую стѣну, начинаешь, по интеллигентному обычаю, давать благіе совѣты:

— Бить, дескать, волка надо.

— Чудно! бить! Да изъ чего жъ ты его убьешь, ежели у насъ по деревнямъ вотъ ужъ почитай 3 года скрозь всѣ ружья у мужиковъ поотобраны. А то нешто звѣрь размножился бы? Или бы страху не имѣлъ? За милую бы душу мы его били. Потому, первое дѣло—охота для насъ въ родѣ, какъ прогулка. Второе дѣло—шкура. Третье дѣло—земство за каждый волчій хвостъ три рубля платитъ. Дай-ка намъ ружья, да мы бы... А вотъ ежели безъ ружья...

— Травить можно.

— Очень намъ это хорошо извѣстно. И отрава, и капканъ, и яма. Однако, и отраву тожъ надо на звѣриной тропѣ ставить, и звѣря отравленнаго тожъ найти надобно. А съ чѣмъ же я на звѣриную тропу сунусь, ежели у меня ружье отобрано?

— Да неужели же у васъ совсѣмъ нѣтъ охотниковъ?

— Какъ не быть. Малость осталось. Между прочимъ, и офицеры на медвѣдей облавой выѣзжаютъ... Да вѣдь это по звѣрю тожъ глядя. Съ медвѣдемъ, быть можетъ, и офицеръ справится. А волкъ—статья особая. Волкъ—дѣло дробное, корчистое, все одно, что крапива или лебеда. Нешто наскокомъ крапиву, примѣрно, искоренить? Крапиву, братецъ ты мой, надо каждденно по корешку въ тысячу рукъ выпалывать. А ты думаешъ какъ: наскочилъ, руками помахалъ, швыркъ-брякъ — выросъ на болотѣ буракъ?.. Коли хочешь волку настояще предѣлъ поставить, съ нимъ надо каждденно міромъ воевать. Были у насъ по деревнямъ ружья. Не то, чтобъ много, а все-таки были. И звѣрь изничтожался. И страхъ имѣлъ. А вотъ какъ отобрали у насъ ружья, смотри, сколько за три года волка расплодилось. И страха на немъ нѣтъ... Да что волкъ!.. Возьми, къ примѣру, зайца. Пустяковая, кажись, штука. Одначе, ежели расплодится,—въ нашемъ мужицкомъ быту,—чистое раззоренье. А какъ же ему теперь не расплодиться? Кто зайцу предѣлъ положитъ? Городскіе что-ль господа, которые охотой балуются? Главный истребитель зайца, ежели дѣло говорить, опять-таки нашъ братъ-мужикъ. А мужикъ теперь скрозь обезруженъ. И выходитъ, что не только волкъ, а и заяцъ наглѣть сталъ. И супротивъ зайца нашему брату никакой настоящей управы найти невозможно. Ну вотъ и дичаетъ наша сторона понемногу. И коли еще 3—4 года такъ пройдетъ,—такая дичь начнется, что не только скотину за околицу выгнать, но, можетъ, и самому страшно будетъ выйти.

Опять, какъ при прадѣдахъ было, — звѣрье прямо по улицамъ начнетъ бѣгать...

Говоря коротко, въ многовѣковой процессъ превращенія первоначально дикихъ пространствъ въ культурную страну входила, между прочимъ, и борьба человѣка съ хищнымъ звѣремъ. Я бы не рѣшился утверждать, что въ этой борьбѣ русское населеніе обладало вполнѣ достаточнымъ превосходствомъ средствъ защиты и нападенія. Въ частности, ружей по нашимъ деревнямъ, дѣйствительно, было «не то, чтобъ много». Однако, нѣкоторое относительное превосходство, несомнѣнно, было на сторонѣ человѣка. Но вотъ, по соображеніямъ внутренней политики, людей понадобилось обезоружить. Съ помощью полицейской власти, превосходство средствъ защиты и нападенія перешло на сторону дикихъ звѣрей. За какіе-нибудь три года, между прочимъ, волкъ замѣтно размножился, обнаглѣлъ, сталъ господиномъ и героемъ проселковъ. Роль для волка въ Россіи привычная. Но самъ по себѣ онъ не совсѣмъ обыкновенный волкъ. Это волкъ, такъ сказать, политическаго происхожденія. И не мудрено, что онъ оказался опаснѣйшимъ политическимъ пропагандистомъ.

Не шутя, —быть можетъ, тысячи зажигательнѣйшихъ прокламацій, десятки остроумнѣйшихъ митинговыхъ ораторовъ не сумѣли бы такъ полно, такъ убѣдительно, такъ всесторонне опорочивать власть въ глазахъ проселочнаго населенія, какъ это дѣлаетъ безсловесный волкъ. Простымъ появленіемъ своимъ возлѣ деревни нынѣшній волкъ распутываетъ и разъясняетъ сложнѣйшія политическія комбинаціи правительства, разбиваетъ въ дребезги фундаментальнѣйшія построенія оффиціальныхъ реформаторовъ. Особенный, страшный, прямо-таки апокалипсическій волкъ пошелъ нынѣ. Вы о чемъ желаете поговорить съ мужикомъ? Въ чемъ вамъ нужно убѣдить его? Вотъ, молъ, напрасно ты на малоземелье, милый, жалуешься,—не въ томъ твое горе, что земли у тебя мало, а въ томъ, что родитъ она-кормилица въ твоихъ рукахъ плохо, а ежели бы ты хорошо ее пахалъ, да сѣвооборотъ, да клеверъ, или тамъ, къ примѣру, грядковая культура?... Мысль тонкая и увлекательная съ перваго взгляда, и на правду, какъ будто, похожа. Нужны не шуточныя знанія, большой популяризаторскій талантъ, незаурядный даръ убѣдительности, чтобъ вскрыть передъ сѣрымъ проселочнымъ человѣкомъ всю пустоту нынѣшнихъ агрикультурныхъ рацей. Но прибѣжалъ волкъ, завылъ, и спорить стало не о чемъ.

— Чудно! сѣвооборотъ, вишь!.. Да какой тебѣ сѣвооборотъ, когда намедни у Архипа на дворѣ послѣднюю животину волки зарѣзали! Что ты намъ клеверомъ въ глаза тычешь? Ты сначала ружья наши верни. Отъ дикаго звѣрья намъ житья не стало, а ты говоришь: на грядкахъ хлѣбъ сажай...

Или, быть можетъ, вы желаете поговорить съ мужикомъ о

преимуществахъ отрубного хозяйства, хуторского разселенія... Что жъ, прекрасная тема. И будь вашимъ противникомъ человѣкъ, онъ, пожалуй, и не всегда сумѣлъ бы объяснить проселочному обывателю совокупность и сложность особыхъ условій русской жизни, благодаря которымъ ваши хуторскія затѣи не основательны Ну, а волкъ—оппонентъ особый, роковой.

— Какіе тамъ хутора! И селами не знаемъ, какъ прожить. Гляди, въ городахъ скоро по улицамъ звѣрье бѣгать станетъ. Ты намъ лучше скажи, зачѣмъ у насъ послѣднія ружья отобраны?

— Братцы, вы сами должны понимать, что при нынѣшнемъ превратномъ настроеніи умовъ начальство имѣетъ основаніе опасаться...

— Такъ... Ежели у насъ ружья, это начальству опасно. А ежели дикій звѣрь распложается,—это значить, начальству ни по чемъ?..

Вы какъ представляете теперь русскую деревню? Стоитъ, молъ, убогая въ долочку. Снѣгами ее засыпало, ночною мглою окутало, и спитъ она, крѣпко спитъ. И ни книжечки въ ней, ни заѣзжихъ ораторовъ, ни митинговъ, только волкъ-разбойникъ на пригоркѣ воетъ, да мелкій жуликъ-заяцъ на задворкахъ въ убогомъ мужицкомъ саду деревья обгладываетъ. Тишина, благодать, «успокоена», слава Богу, деревня! Не увлекайтесь, однако. Не думайте, что волкъ просто воетъ,— нѣтъ, онъ возбуждаетъ въ засыпанныхъ снѣгомъ избахъ, куда долетаетъ его вой, враждебныя правительству мысли и чувства. Не думайте, что заяцъ просто обгладываетъ кору на яблонѣ; нѣтъ, это адскій планъ,—посредствомъ порчи мужицкаго имущества возбуждать деревню къ ниспроверженію существующаго строя. Вы полагали, что библейское: «камни возопіютъ» есть не болѣе, какъ метафора? Ошибаетесь, — камни воистину умѣютъ вопить и при томъ неотразимѣе и краснорѣчивѣе, чѣмъ люди.

И странное впечатлѣніе производитъ текущая государственная, отражаемая газетами, дѣятельность, когда оторвешься отъ буквальнаго воспроизведенія библейскихъ текстовъ въ глуши проселковъ. Невольно кажется, что передъ тобою не столько дѣятельность, сколько особый, мало изслѣдованный видъ бреда. Газеты считаютъ: за 1908 г. вынесено 1959 смертныхъ приговоровъ, 782 человѣка казнено *). Каждый новый день ознаменовывается новыми приговорами и новыми казнями. И, конечно, дѣлается это въ разсчетѣ истребить и запугать опасныхъ для даннаго государственнаго порядка людей. И тѣ, кто дѣлаетъ это, незамѣтно для себя превратили даже дикихъ звѣрей въ опаснѣйшихъ возбудителей населенія противъ того именно порядка, для защиты котораго понадобились

*) „Рѣчь", 1 января.

висѣлицы. По газетнымъ подсчетамъ, приблизительно за время министерствованія г. Столыпина, было до «2100 случаевъ конфискаціи» произведеній печати, запрещено до 300 журналовъ и газетъ, наложено до 350 штрафовъ на издателей и редакторовъ; за одинъ 1908 г. «мечъ карательной цензуры» уничтожилъ приблизительно столько же литературныхъ произведеній, сколько было уничтожено за 40 первыхъ лѣтъ дѣйствія цензурнаго устава (съ 1865 г. по 1904 г.) *). Каждый новый день ознаменовывается новыми карами. Напрягаетъ всѣ силы цензура, стремительно искореняетъ полиція, изнемогаетъ судъ, заваленный литературными дѣлами. Власть положительно истощаетъ и страну, и себя, чтобы пресѣчь всякую возможность противоправительственной пропаганды. И когда, повторяю, оторвешься отъ проселковъ, гдѣ даже звѣриный вой возбуждаетъ вражду къ правительству, огромная работа цензоровъ, полицейскихъ, прокуроровъ, судей кажется не столько работой, сколько судорожнымъ стремленіемъ заблудившихся слѣпцовъ. Мы потеряли счетъ сосланнымъ, посаженнымъ, приговореннымъ за политическія дѣла, слова, намѣренія и даже мысли. Приходится ссылать, сажать, приговаривать безъ счета, подъ общимъ суммарнымъ впечатлѣніемъ, что мѣста ссылки перенаселены, тюрьмы переполнены и приговоренные ждутъ очереди, когда для нихъ очистится мѣсто, гдѣ надо отбыть назначенный судомъ срокъ. И каждый день читаешь и слышишь: обысканы, арестованы, посажены, сосланы, приговорены, привлечены настоящіе, прошедшіе, или будущіе «преступники», опасные для даннаго государственнаго порядка или только кажущіеся опасными. И невольно хочется спросить:

— Ваша дѣятельность по расправѣ съ людьми лихорадочна и и безмѣрна. Допустимъ, она вамъ необходима. Но вы сумѣли сдѣлать опасными для себя политическими агитаторами даже звѣрей. Противъ васъ возстала сама природа. Съ нею-то вы какъ разсчитываете поступить? На что собственно вы надѣетесь?

II.

Я не спрашиваю: какіе шансы у нихъ, у людей, которымъ нуженъ и дорогъ данный порядокъ чрезвычайныхъ охранъ. На мой взглядъ, никакихъ объективныхъ шансовъ у нихъ нѣтъ. Но бываетъ, что человѣкъ, явно, очевидно для всѣхъ постороннихъ идущій на проигрышъ, тѣмъ не менѣе, до послѣдней минуты увѣренъ въ выигрышѣ. Отсутствіе объективныхъ шансовъ иногда совпадаетъ съ огромною, хотя и обманчивою субъективною вѣрою въ успѣхъ. И вотъ мнѣ хотѣлось бы знать, есть ли у нихъ эта

*) „Русскія Вѣдомости“, 1 января.

самая субъективная вѣра? Пусть ошибочно, пусть «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», но надѣются ли они? и на что?

Долженъ признаться откровенно, мнѣ всегда казалось, что никакой настоящей, твердой надежды у нихъ нѣтъ. Мнѣ всегда казалось, что мѣсто надеждъ у нихъ занимаютъ порывы вдохновенія, не столько обдуманныя, сколько разсчитанныя на авось, да еще суевѣрія, въ родѣ того, что Витте—финансовый геній, Гурко—аграрный реформаторъ, чѣмъ больше сослано, тѣмъ лучше усмирено, кто не стѣсняется выпороть, тотъ хорошій администраторъ и т. д. И еще недавно у нихъ порывовъ и суевѣрій было, хоть отбавляй. Между прочимъ, видное мѣсто занято хуторскимъ суевѣріемъ, или, если угодно другой терминъ,—хуторскимъ вдохновеніемъ. Почему вдругъ хутора, съ какой стати хутора, что «имъ» въ хуторахъ показалось,—Богъ вѣсть. Можно лишь не столько понять, сколько догадаться, что хуторъ явился, какъ результатъ нѣкотораго поэтическаго сопоставленія вопроса о малоземельѣ съ вопросомъ о чрезполосицѣ. Въ самомъ дѣлѣ,—мужицкая земля разрѣзана мѣстами чуть не на 80 лентъ. Ну, вотъ отсюда-то и вышли жалобы на малоземелье. А если 80 лентъ собрать въ одно мѣсто, то выйдетъ совсѣмъ не мало земли, и никакого «принудительнаго отчужденія» не нужно. Ясное дѣло—надо перейти на отруба. Двѣ-три ссылки на примѣръ Запада, и готовъ одинъ изъ крупныхъ козырей въ политической игрѣ г. Столыпина. Хутора, хутора, хутора... Это было поистинѣ вдохновенное суевѣріе, не считавшееся ни съ практическими доводами населенія, ни съ явнымъ отсутствіемъ достаточныхъ межевыхъ силъ, сколько-нибудь точныхъ плановъ, законовъ, которые регулировали бы гражданскія правоотношенія хуторянъ и даже соотвѣтствующихъ хуторскому землеустройству судовъ... Ради хуторовъ мы всѣми препятствіями пренебрегли. Но время шло. Препятствія давали себя чувствовать, накоплялись. И недавно «С.-Петербургскія Вѣдомости»,—газета, вліятельная на высотахъ,—отказываясь вообще отъ дальнѣйшей вѣры въ хутора, подвели нѣкоторый итогъ:

«Чтобы устроить самый крошечный хуторокъ, нужно не менѣе 500 руб. Если мы хотимъ испечь хоть 10 милл. хуторянъ, на всю Россію понадобится 5 милліардовъ рублей. Кромѣ того, придется истратить болѣе милліарда на обмежеваніе, на сельскохозяйственныя школы, опытные хутора, инструкторовъ и пр. А сколько милліардовъ придется разсыпать на сельскохозяйственный кредитъ, машины, скотъ и проч.? Въ круглыхъ цифрахъ такая операція рисуется въ десятокъ милліардовъ. Но если бы они и нашлись, дѣло еще не обезпечено... Однимъ сѣвооборотомъ и огражденіемъ изгородью крестьянской усадьбы Россіи не спасешь. Нужно... многое другое... Нужно пожалуй, начать дѣло сверху» *)...

Былъ и другой—и тоже при г. Столыпинѣ—вдохновенный порывъ: скупать земли черезъ крестьянскій банкъ. Накупили земель, взвинтили цѣны, потомъ сообразили, что эта операція требуетъ

*) Цит. по Харьковскому «Утру», 7 декабря.

отъ казначейства многомилліонныхъ приплатъ, коихъ россійскій бюджетъ выдержать не въ состояніи. Пришлось по неволѣ операцію сократить и даже вовсе свести на нѣтъ. Было переселенческое вдохновеніе, почти суевѣріе. Ринулись пропагандировать переселеніе, расклеили по волостнымъ правленіямъ плакаты, развили до чрезвычайныхъ размѣровъ переселенческую агитацію. Но и этотъ порывъ, окончился скорбнымъ заявленіемъ переселенческаго вѣдомства, «что, переселяя за десятки тысячъ верстъ гонимыхъ жаждою земли переселенцевъ, оно могло обезпечить ихъ только хорошимъ воздухомъ» *). Словомъ, были порывы и суевѣрія, пріукрашавшіе основной нервъ нынѣшней аграрной политики: «законъ 9 ноября». Нынѣ украшенія отпали. И на лицо остался лишь голый остовъ: тотъ стремительный натискъ на общинную земельную собственность, «благодаря которому», какъ выражался какой-то крестьянинъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ деревняхъ.

«возстали братъ на брата, сынъ на отца, отецъ противъ цѣлаго семейства, отдѣльные домохозяева противъ всей общины... все спуталось, порождая безконечные споры, вражду и судебные процессы»... Этотъ натискъ сулитъ «конецъ крестьянской собственности, конецъ крестьянскому хозяйству и крестьянскимъ надѣламъ. Поплывутъ они отъ насъ широкой волной въ цѣпкія руки кулаковъ... попадутъ въ руки ловкихъ аферистовъ всевозможныхъ сословій и народностей, которые сумѣютъ сѣсть намъ на шею покрѣпче, чѣмъ сидѣли помѣщики» (Цит. по «Рѣчи», 17 ноября).

Затѣя—создать огромные кадры безземельныхъ, способныхъ предоставить и дешевыя рабочія руки, и безотвѣтныхъ арендаторовъ, предстала ужъ черезчуръ въ обнаженномъ видѣ. И соотвѣтственно этому для нея потребовались ужъ черезчуръ обнаженные пріемы обоснованія и оправданія. Въ отвѣтъ на обвиненія, что данное направленіе аграрной политики играетъ въ руку кулакамъ, міроѣдамъ, «аферистамъ», «Новое Время» оказалось вынужденнымъ объявить кулаковъ и міроѣдовъ, «можетъ быть, единственной надеждой Россіи. Это—собиратели земли русской, маленькіе Иваны Калиты... Они—представители народнаго ума, народной трезвости» **). Г. Меньшикову пришлось обнажиться еще болѣе смѣло:

Только исключительные,—писалъ онъ, между прочимъ,— благородные люди въ состояніи были обладать свободой, имѣть землю и не пропить ее, имѣть богатство и не отдаться лѣни. Большинство человѣческаго рода, повидимому, не имѣетъ ни таланта, ни характера, необходимыхъ для свободы. Наперекоръ освободителямъ, стихія народная сама ищетъ... кабалы. Спрашивается, что тутъ дѣлать и какъ предотвратить рабство? (цит. по «Сѣверо-Западному Голосу», 6 декабря).

Послѣдовавшее за этими многозначительными словами г. Меньшикова заявленіе «самого П. А. Столыпина» въ Думѣ: законода-

*) «Рѣчь», 23 декабря.
**) Цитирую по «Саратовскому Листку», 10 декабря.

тель долженъ содѣйствовать сильнымъ, а не слабымъ, какъ бы лишній разъ подтвердило, что «Новое Время» не зря слыветъ газетой, по крайней мѣрѣ, надлежаще освѣдомленной относительно каждаго полета мысли, какой случается въ министерскихъ сферахъ. Чрезмѣрная обнаженность такого рода мыслей чаще производитъ конфузъ, чѣмъ обѣщаетъ успѣхъ. Не даромъ «С.-Пет. Вѣдомости» весьма смутились этой оффиціально-провозглашенной «ставкой на сильныхъ», находя, что такая откровенность правительства «является въ полномъ смыслѣ ставкой, т. е. рискомъ и даже азартомъ, и отвѣтственность за нее должна лечь исключительно на иниціаторовъ сей мѣры». Кто долженъ отвѣтствовать за «сію мѣру» и платить за побитые горшки,—допытываться пока особой нужды нѣтъ. Навѣрное, исторія найдетъ отвѣтчиковъ болѣе кредитоспособныхъ, чѣмъ гг. Столыпинъ и Меньшиковъ. Да и что толковать объ отвѣтственности? Кто вѣритъ въ свое дѣло и надѣется на успѣхъ, тому никакая отвѣтственность не страшна. И, казалось бы, въ этотъ порывъ, въ этотъ стремительный натискъ на общину мы вѣримъ. Развѣ бы не посрамились наготы, если бы не вѣрили? Опять же на словахъ только этотъ порывъ у насъ. Законъ 9 ноября мѣрами власти въ жизнь претворяется. И правительственное большинство въ Государственной Думѣ старается. Какъ бы тамъ ни было, а Дума къ рождественскимъ вакаціямъ успѣла перейти къ постатейному чтенію закона 9 ноября, проголосовала и дополнила двѣ первыя его статьи. Легко, однако, понять тѣхъ правыхъ депутатовъ, въ родѣ г. Образцова, которые выступали въ Думѣ съ рѣзкой критикой этого закона, называли его бѣдственнымъ для страны и, тѣмъ не менѣе, голосовали вмѣстѣ съ «правительственнымъ большинствомъ».

Дѣло все въ томъ, что страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Если вѣрить думскому «сну», то прежде всего подлежатъ упраздненію «общины, въ которыхъ въ теченіе 24 лѣтъ не было общихъ передѣловъ»; надѣльная земля переходитъ въ личную собственность упраздняемыхъ общинниковъ, и при томъ переходитъ въ ея нынѣшнемъ раздробленномъ и черезполосномъ видѣ. Законодатели не предполагаютъ предварительно перераспредѣлять надѣльныя земли съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждому упраздняемому общиннику достался соотвѣтственный его долѣ округленный участокъ. Да и нельзя этого предполагать, ибо у правительства, повторяю, для такой операціи нѣтъ, помимо всего прочаго, даже техническихъ силъ. Закрѣпляется въ личную собственность земля, порѣзанная на полосы и ленты, въ силу своей разбросанности и чрезполосности малодоступныя или даже вовсе недоступныя собственнику. Владѣть полосами, къ которымъ безъ разрѣшенія цѣлаго ряда другихъ собственниковъ даже подойти нельзя, нѣтъ смысла. Для огромнаго большинства упраздненныхъ общинниковъ должна создаться необходимость сбыть съ рукъ землю, для меньшинства создается воз-

можность скупить ее по дешевкѣ. Переходъ отъ общины къ подворному владѣнію при такихъ условіяхъ равносиленъ массовому и тяжкому обезцѣненію надѣльной земли.

Для простоты разсчета предположимъ, что дѣло ограничится только тѣми общинами, въ которыхъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, не было общихъ передѣловъ 24 года. Министерство внутреннихъ дѣлъ насчитало такихъ общинъ 45%. Г. Шингаревъ обнаружилъ ошибку въ министерскомъ подсчетѣ и нашелъ, что не передѣлявшихся общинъ только 28%. Когда требовалось доказать, что «община умираетъ», «мы» охотнѣе вѣрили болѣе краснорѣчивой цифрѣ: 45%. Когда «насъ» спросятъ, сколько же надѣльной земли вы хотите обезцѣнить, «мы», вѣроятно, предпочтемъ болѣе мягкій итогъ г. Шингарева—28%. При общей массѣ надѣльныхъ *) земель въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи свыше 130 милліоновъ десятинъ, это составитъ, въ грубомъ чисто ариѳметическомъ переводѣ на землеизмѣрительныя единицы, около 36 милліоновъ десятинъ. Обезцѣнить и выбросить на рынокъ въ Россіи теперь, при существованіи искусственно взвинченныхъ земельныхъ цѣнъ, 35—30, пусть даже только 25 милліоновъ десятинъ значитъ, произвести крахъ всей системы земельнаго кредита и, между прочимъ, крахъ перезадолженнаго дворянскаго землевладѣнія... Увы! г. Образцовъ по своему правъ: законъ 9 ноября сулитъ ужасы, и надо бы подать голосъ противъ него, но нѣтъ особаго риска и въ голосованіи за. Думскій «вотумъ» можетъ пройти въ Государственномъ Совѣтѣ, можетъ воспріять силу закона, но провести его въ жизнь,—совсѣмъ другое дѣло. Пока мы находились во власти вдохновенія, легко и просто было понуждать губернаторовъ, устремлять земскихъ начальниковъ, требовать краснорѣчивыхъ цифръ, подтверждающихъ умираніе общины. Но даже въ пору страстныхъ увлеченій у насъ хватило благоразумія попридержаться, когда понадобилось наши вдохновенные порывы конкретизировать въ формѣ землеустроительныхъ инструкцій для земскихъ начальниковъ. Тщетно «Голосъ Москвы» напоминаетъ: «Какъ извѣстно, до 1 февраля 1909 г. земскіе начальники въ своей землеустроительной дѣятельности должны были руководствоваться правилами особыхъ инструкцій»; «предполагалось (затѣмъ) изготовить ихъ осенью 1908 г.», но инструкцій все нѣтъ. Да и что говорить объ инструкціяхъ, когда и самый то «законъ 9 ноября сталъ предлогомъ для антиправительственныхъ атакъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Московскихъ Вѣдомостей»; «Русское Знамя» начало кричать о взрывахъ негодованія; союзъ русскаго народа воспользовался казанскимъ монархическимъ съѣздомъ, чтобъ организовать крестьянское сопротивленіе выдѣламъ изъ общины; даже

*) Вводить прикупныя общинныя земли, въ виду грубой приблизительности чисто ариѳметическаго разсчета, не считаю нужнымъ.

чуткое «Новое Время» нашло вдругъ мѣсто страстнымъ вызовамъ «на судъ Божій» по адресу защитниковъ закона 9 ноября и стало помаленьку отмѣчать, что на мѣстахъ съ выдѣлами общинниковъ дѣло идетъ вовсе не гладко... Самъ П. А. Столыпинъ, открывая январскій съѣздъ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій и землеустроительныхъ коммиссій, счелъ долгомъ преподать указанія, не совпадающія съ недавнею прямолинейностью: съ одной стороны, «не принимать мѣръ къ принудительному проведенію закона 9 ноября», а съ другой—«главное, проникнуться убѣжденіемъ», что надо отводить участки къ однимъ мѣстамъ», заниматься «внутринадѣльнымъ устройствомъ крестьянъ» при помощи, между прочимъ, «чиновъ межевого вѣдомства»... «Внутринадѣльное устройство» кстати—штука мудреная, сложная, если имъ «главнымъ» образомъ заняться, то совсѣмъ выйдетъ, какъ съ пушкинскою телѣгою подъ вечеръ:

«Порастряло насъ, намъ страшнѣй и косогоры, и овраги. Кричимъ: полегче, дуралей!».

Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, неблагополучно дѣло обстоитъ и съ «мѣстной реформой». Ея проектъ былъ тоже въ высшей степени заманчивъ. Внизу—«поселковое управленіе», куда землевладѣльцы, обладающіе полнымъ цензомъ, входили бы безъ избранія, а въ случаѣ своего отсутствія, они обладали бы правомъ посылать вмѣсто себя приказчиковъ, управляющихъ; поселковому же старостѣ предоставлялось бы, напр., налагать на жителей штрафы безъ суда. Вообще же «законопроектъ о поселковомъ управленіи..., нисколько не ослабляя административной опеки, а, наоборотъ, усиливая ее, даетъ помѣщичьему элементу явное преобладаніе въ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства» («Рѣчь», 20 ноября). Затѣмъ идетъ волостное управленіе также подъ административной опекой и съ «явнымъ преобладаніемъ помѣщичьяго элемента». Выше—уѣздный совѣтъ съ преобладаніемъ того же элемента и съ огромной дискреціонной властью надъ поселками и волостями. Еще выше—губернскій совѣтъ, организованный по тому же типу. А надъ всѣмъ этимъ губернаторъ, подчиненный министру внутреннихъ дѣлъ и поставленный въ начальственныя отношенія ко всѣмъ мѣстнымъ правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Помѣщичій элементъ хозяйствуетъ. Высшій представитель мѣстной полицейской власти, въ лицѣ губернатора, всѣ отрасли управленія объединяетъ и направляетъ. Диктатура полиціи, опирающейся на помѣстное дворянство,—на такомъ, въ общихъ чертахъ, принципѣ основанъ проектъ реформы, разработанный, по словамъ «Рѣчи», г. Гурляндомъ. Однако, вдохновители г. Гурлянда не рѣшились внести этотъ смѣлый полетъ творчества сразу въ Думу, гдѣ все-таки удалось изгнать постороннихъ лишь изъ коммиссіи государственной обороны. Понадобилась предварительно санкція какого-нибудь авторитетнаго учрежденія. Воскресили «созданный при Плеве» зва-

мѣнъ парламента и потомъ погребенный «совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства». Сюда на предварительное разсмотрѣніе поступили разработанные г. Гурляндомъ проекты. И здѣсь, въ безопасности, въ полномъ удаленіи отъ постороннихъ, закипѣла, по образному выраженію «Новаго Времени», «борьба между земщиной и опричниной». Обѣ стороны—представители правительства и представители «помѣстнаго сословія»—обнаружили «поползновеніе захватить на свою часть возможно больше изъ того, что приходится дѣлить»...

А когда дошло до обсужденія реформы уѣзднаго управленія, зазвучали даже совсѣмъ старыя сословныя ноты—о доминирующей роли дворянства и его предводителей въ строѣ мѣстнаго управленія.

Это чрезвычайно печально,—сѣтуетъ «Новое Время»,—ибо взаимный антагонизмъ... земщины и опричнины обрекаетъ на безсиліе обѣ соперничающія стороны *)». Но «антагонизмъ»—пустяки бы. Конечно, надо преодолѣть извѣстныя техническія трудности, чтобы примирить господство опричниковъ съ не менѣе полнымъ хозяйничаньемъ «земщины». Но трудности эти мы бы преодолѣли,—не впервой. Гораздо хуже, что «обѣ соперничающія стороны» явно не рѣшаются стремленіе къ данной цѣли взять на свою отвѣтственность. Цѣль ясная. Требуется не только формально узаконить нынѣшнее фактическое преобладаніе полиціи надъ всѣми отраслями государственной жизни,—съ оформленіями фактическаго положенія вещей можно бы и погодить,—надъ нами не каплетъ. Главное же, требуется въ сельскихъ и волостныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, нынѣ все-таки крестьянскихъ, обезпечить такое преобладаніе «помѣщичьяго элемента», какое обезпечено уже въ уѣздныхъ и губернскихъ земствахъ. Это, безспорно, смѣлый вызовъ крестьянской психологіи. И не мудрено, что «опричнина» пожелала заручиться авторитетомъ «земщины». Въ случаѣ чего, все-таки можно сказать: мы не сами по себѣ, мы выслушали голосъ земли, мы сообразовались съ общественнымъ мнѣніемъ. Кстати, «Новое Время» тоже на всякій случай называетъ «выборныхъ» членовъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства то откровенно дворянами, то иносказательно земщиной, то облыжно обществомъ. Съ другой стороны, «земщина», видимо, понимаетъ, что сколько ни называй ее обществомъ или общественнымъ мнѣніемъ, но подмѣнить эти понятія не удастся. И всего меньше эти понятія могутъ быть подмѣняемы въ глазахъ того самаго мужика, психологія котораго возбуждаетъ, если бы «мѣстную реформу» удалось провести, наибольшія сомнѣнія. «Земщинѣ» вовсе не интересно, чтобы, въ случаѣ мужицкаго вопроса: «почему въ нашихъ сельскихъ и волостныхъ дѣлахъ хозяиномъ сталъ помѣщикъ»? тотъ или иной опричникъ могъ малодушно отвѣтить: «такъ дво-

*) Цит. по „Саратовскому Листку“, № 272.

ряне требовали». Сколько можно понять «земщину», она имѣетъ многія основанія, чтобы «реформа» была проведена отъ имени опричнины и за ея, опричницкій, рискъ и страхъ. Передъ нами не столько соперничество, сколько споръ компаніоновъ, кому поставить бланкъ на опасномъ векселѣ. И такъ какъ каждому хочется свалить эту рискованную операцію на другого, то наибольшее число нареканій и неудовольствій обѣ стороны направили на голову «третьяго элемента»,—на оффиціальнаго автора проекта г. Гурлянда. Такъ оно всегда бываетъ: когда компаніоны недовольны другъ другомъ, наиболѣе виновными оказываются приказчики. Въ качествѣ виновнаго, г. Гурляндъ, по словамъ «Рѣчи», «въ концѣ концовъ сказался больнымъ и пересталъ посѣщать засѣданія совѣта». Охъ, у кого хватитъ смѣлости поставить рискованный бланкъ? А по дополнительному сообщенію «Голоса Москвы», и «разработанный... проектъ земскаго положенія оказался настолько неудовлетворительнымъ, что потребовалась коренная его переработка, закончить которую предполагается не ранѣе марта 1909 г., когда новый проектъ земскаго положенія и будетъ внесенъ на предварительное разсмотрѣніе совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства» *).

Увы! многое оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи не такъ просто, какъ предполагали вначалѣ. Недавно «Рѣчь», между прочимъ, напоминала, какъ «П. А. Столыпинъ торжественно обѣщалъ провести въ нѣсколько недѣль реформу морского вѣдомства». И въ самомъ дѣлѣ,—мы встрѣчали 1 января 1908 г. чрезвычайнымъ газетнымъ шумомъ по случаю предстоящихъ тогда морскихъ реформъ и столь же предстоящаго возрожденія флота. Въ «Новомъ Времени» цѣлые столбцы были заняты въ ту пору размышленіями о преимуществахъ флота подводнаго надъ линейнымъ и обратно—линейнаго надъ подводнымъ, броненосцевъ надъ крейсерами и крейсеровъ надъ броненосцами... Послѣ «торжественнаго обѣщанія П. А. Столыпина» наступилъ учебный флотскій сезонъ 1908 г. И во время него, словно на зло, старыя суда русскаго флота сумѣли развить чрезвычайно высокій процентъ попаданія собственнымъ корпусомъ на подводные камни Балтійскаго моря; только что построенный «Рюрикъ» при первой попыткѣ стрѣлять изъ своихъ пушекъ такъ основательно развалился, что сразу выбылъ изъ строя и поступилъ въ капитальный ремонтъ; затѣмъ безъ конца печатались въ газетахъ всякаго рода другія фактическія подтвержденія, что въ «цусимскомъ вѣдомствѣ» остаются незыблемыми цусимскіе порядки. И въ началѣ 1909 г. самое напоминаніе объ обѣщанныхъ морскихъ реформахъ звучитъ, какъ ехидство.

Или, припомните, какъ близкимъ казалось все передъ тѣмъ

*) Цит. по „Рѣчи", 23 декабря.

же 1 января 1908 г. «предстоящее обновленіе арміи». Какъ хорохорилось «правительственное большинство» возлѣ своей «коммиссіи государственной обороны», какъ ликовало, когда «самъ» г. Пиленко призналъ за 3 Думой, не въ примѣръ ея предшественницамъ, право на титулъ: «патріотическая»! Да, къ 1 января 1908 г. у насъ была «патріотическая Дума», обѣщавшая реформировать и обновить армію. Но сколько «мы» ни думали о реформахъ, ничего, кромѣ прибавки жалованья офицерамъ, придумать не сумѣли. А вмѣсто обѣщаннаго обновленія осень 1908 г., опять таки словно на зло, ознаменовалась цѣлымъ рядомъ офицерскихъ скандаловъ, страннымъ образомъ оправдываемыхъ—даже на судѣ—ссылками на «воинскую честь». Началась полоса столкновеній между офицерами и полиціей. Нашумѣло дѣло братьевъ Коваленскихъ, причинившихъ, между прочимъ, городовому тяжелую рану при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей, но полуоправданныхъ военнымъ судомъ. Нашумѣло дѣло одесскаго городового Фурмана, смертельно ранившаго двухъ офицеровъ на точномъ основаніи генералъ-губернаторскаго приказа по полиціи, но приговореннаго военнымъ судомъ къ смертной казни. Годъ, начатый разговорами о предстоящемъ обновленіи арміи, закончился сужденіями на непріятную и щекотливую тему глубокой розни между офицерствомъ и страной, да еще, пожалуй, обошедшей нашу столичную и провинціальную печать цитатой изъ нѣмецкихъ газетъ объ одномъ ученомъ диспутѣ въ Гейдельбергѣ:

Счастье—сказалъ на этомъ диспутѣ «извѣстный государствовѣдъ и экономистъ Максъ Веберъ—великое счастье для Германіи, что въ Россіи не установилась настоящая конституція. Для Германіи нѣтъ и не было никогда столь мощнаго, столь страшнаго врага, какъ Россія съ демократическимъ строемъ. Она пріобрѣтетъ тогда такую новую силу въ устояхъ моральнаго настроенія и воодушевленія, которая будетъ несравнима ни съ какой другой силой на континентѣ. Благодарите Бога, что часъ русскаго обновленія еще не пробилъ (Цит. по «Бакинскому Эху» 2 декабря).

Каково это гг. Пуришкевичамъ, Хомяковымъ, Родзянкамъ, Гучковымъ, Бобринскимъ и всѣмъ, иже съ ними,—начать годъ съ дипломомъ на званіе патріотовъ и окончить съ прямыми укоризнами въ содѣйствіи «нѣмецкому счастью» за счетъ родной страны! Что они отвѣтятъ на это обвиненіе? Не станутъ ли увѣрять, будто они не знаютъ и никогда не слышали азбучной истины, что внѣ «настоящей конституціи» невозможно поставить флотъ и армію, какъ это требуется условіями международной жизни XX вѣка? Не захотятъ ли оправдываться ссылками на свою малограмотность? Нѣтъ, ужъ лучше пусть молчатъ. Иначе, пожалуй, тотъ же М. Веберъ заговоритъ не просто о содѣйствіи, но и о содѣйствіи умышленномъ, сознательномъ, хотя и обусловленномъ желаніемъ отстоять свои политическіе интересы. Сверхъ всего прочаго, остается нерушимымъ и даже обостряется проклятый вопросъ о финансовомъ кри-

зисѣ. Вонъ, чтобы занять «разрѣшенные Думою» 450 мил. руб., пришлось подписать долговыхъ обязательствъ на 525 мил. руб. Пришлось согласиться даже съ такимъ требованіемъ кредиторовъ, чтобы «не одинъ золотой кружокъ», какъ образно выразилось возмущенное «Новое Время», не поступилъ реально въ руки русскаго правительства. Все занятое до послѣдней полушки должно остаться за-границей,—только на этомъ условіи намъ согласились дать взаймы. Обостряется вопросъ объ уплатѣ процентовъ по заграничнымъ займамъ. Надежды покрывать этотъ расходъ активомъ торговаго баланса падаютъ. Активъ торговаго баланса, еще въ 1905 году давшій 442 милліона р., въ 1907 г. упалъ до 211 мил. р.; въ первые 8 мѣс. 1908 г. оказалось лишь около 76 мил. р. Активъ торговаго баланса въ 1908 г. такъ стремительно покатился подъ гору, что для оплаты заграничныхъ расходовъ его, очевидно, не хватитъ. Мы очутились передъ неизбѣжностью ежегодныхъ займовъ для уплаты процентовъ по займамъ прежнимъ... И опять приходится спросить: на что они надѣются? Во имя чего суетится у кормила государственнаго корабля такъ называемое правительственное большинство, руководимое министерствомъ исчезнувшихъ упованій? И куда стараются они направить корабль? Неужели къ той именно гавани, о которой говорятъ проселочные люди: «еще 3 — 4 года такой свободы дикому звѣрю, и вовсе сторона наша задичаетъ»?..

III.

А почему бы—могутъ сказать мнѣ—и не въ эту гавань? Курсъ то вѣдь опредѣленный, да и надежды при нѣкоторыхъ условіяхъ и нѣкоторымъ людямъ онъ можетъ внушить. Вспомните-ка завѣтъ покойнаго Леонтьева: «надо заморозить Россію, чтобъ она не жила»... Позвольте, должны же они знать и понимать, что это завѣщаніе Леонтьева—не болѣе, какъ озлобленный бредъ, утопія спятившаго спанталыку крѣпостника? Ну, а представьте,—опять таки могутъ сказать мнѣ,—что они этого не знаютъ и не понимаютъ. Вы вѣдь ищете, на что они надѣются. Значитъ, вы должны считаться и съ предположеніемъ, что ихъ надежда въ «замороженной Россіи». Хорошо, попробуемъ считаться съ этимъ предположеніемъ. И постараемся вдохновиться леонтьевской схемой.

Какъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ народовъ, превращеніе дикой мѣстности въ культурную страну фатально ведетъ къ замѣнѣ однѣхъ формъ государственной жизни другими, болѣе соотвѣтствующими «эгалитарнымъ идеямъ», какъ выражался тотъ же Леонтьевъ. Культура до нѣкоторой степени синонимъ демократизаціи общественнаго строя; и такъ какъ для насъ всего дороже и всего нужнѣе сохранить формы государственности, ставшія нынѣ архаическими, то существуетъ только одинъ выходъ—именно «заморозить

Россію», не только остановить процессъ превращенія ея въ культурную страну, но и возвратить ее въ возможно болѣе дикое состояніе. И если намъ удастся довести страну до надлежащаго одичанія, дальнѣйшее существованіе любезныхъ намъ формъ будетъ обезпечено. Вонъ г. Меньшиковъ домечтался даже до возрожденія рабства...

Итакъ, долой культуру. Культуру, конечно, не только въ смыслѣ многоразличныхъ образовательныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Это разумѣется само собою. Въ понятіе: «заморозить Россію» входятъ и другія формы культуры. «Заморозить Россію»—между прочимъ, значитъ вообще содѣйствовать усиленію власти ея природы надъ человѣкомъ, и въ частности размноженію хищныхъ и вредныхъ звѣрей. «Заморозить Россію»—значитъ также разобщить населеніе, попортить дороги, поломать желѣзнодорожные пути. Г. Меньшиковъ уже обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла и не такъ давно цѣлое «письмо къ ближнимъ» посвятилъ выясненію, сколь вредны желѣзнодорожныя и пароходныя сообщенія... Впрочемъ, мы условились предполагать, что гг. Пуришкевичи—Гучковы способны Леонтьевскую схему принимать въ серьезъ. А это насъ обязываетъ не подходить вплотную къ такимъ опаснымъ для данной схемы частностямъ, какъ, напр., желѣзныя дороги. Приходится представлять себѣ, выражаясь щедринскимъ терминомъ, умственное развитіе «ташкентца приготовительнаго класса», способнаго схватывать лишь до крайности огрубленныя общія мѣста. Вредны желѣзныя дороги, ну и довольно съ насъ. Можно, напр., разрѣшить «этотъ вопросъ» посредствомъ повышенія пассажирскаго тарифа...

Наконецъ, «заморозить Россію»—значитъ также обратить вниманіе на плотность народонаселенія, какъ на одно изъ важныхъ условій перехода страны отъ даннаго состоянія къ культурному. Тотъ же г. Меньшиковъ догадливо объявилъ «грѣхомъ противъ природы» самое желаніе, чтобы «огромное большинство» русскаго народа не вырождалось и не вымирало. Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ,—чѣмъ больше удастся разрѣдить населеніе, тѣмъ вѣрнѣе задичаетъ родная земля, тѣмъ вѣроятнѣе сохраненіе патріархальныхъ политическихъ формъ.

Недавно одинъ изъ читателей сообщилъ мнѣ характерную «тюремную сценку»:

Въ Курской тюрьмѣ «производится осмотръ провизіи, принесенный для заключенныхъ. Все разбрасывается на грязный полъ, гдѣ тутъ же ходятъ въ галошахъ. На полу разрѣзывается на куски хлѣбъ. На замѣчаніе: «что же вы по полу валяете хлѣбъ, вѣдь его люди будутъ ѣсть», надзиратель отвѣчаетъ:

— Вамъ столы еще заводить!..

Публика поясняетъ:

— Вѣдь холеру ждутъ... Съ полу можно всякую заразу занести...

Тотъ же самый надзиратель, продолжая валять хлѣбъ по грязному полу, отвѣчаетъ:

— Все равно всѣ тюрьмы биткомъ набиты... Некуда ужъ сажать... Пусть умираютъ:) мѣста нужно освобождать»...

Вѣроятно, это надзирательское: «пусть умираютъ» брошено публикѣ отчасти «для форсу»: вотъ, молъ, мы до какого генеральнаго градуса дошли,—для насъ теперь все едино, что люди,—что тараканы». Но возможно вѣдь и умышленно такую цѣль себѣ поставить: будемъ валять хлѣбъ по грязи—авось, мѣста скорѣе освободятся. Эпидемія въ тюрьмѣ грозитъ и внѣтюремнымъ жителямъ? Но кто же нынѣ не знаетъ, что именно тюрьма въ теченіе 2—3 послѣднихъ лѣтъ наградила Россію высоко развитою эпидеміей тифа? И развѣ того же хотя бы г. Меньшикова это обстоятельство хоть въ какой-либо мѣрѣ можетъ смутить? Сейчасъ, по газетнымъ отрывочнымъ и далеко не полнымъ свѣдѣніямъ, «гуляетъ» тифъ, между прочимъ, въ губерніяхъ: Херсонской, Самарской, Саратовской, Вятской, Полтавской, Орловской, Кіевской... Ну, и пусть гуляетъ. Въ деревняхъ Саратовской губерніи «началась цынга» *). И пусть. Есть холера. Ну и была холера, и ждемъ холеру, и стали ее-матушку называть русскою болѣзнью, а дальше что? Мало ли всякихъ эпидемій нынѣ по Россіи развилось? Вотъ теперь значительная часть Россіи охвачена голодомъ, а развѣ это помѣшало «разослать циркуляръ, предписывающій немедленно закрыть всѣ отдѣлы Пироговскаго общества помощи голодающимъ въ виду того, что центральное общество открыто безъ соблюденія установленныхъ правилъ» **)...

Долженъ вторично оговориться, я не представляю себѣ, чтобы среда, о которой мы говоримъ, могла связать свои надежды съ процессомъ замораживанія Россіи. Намъ приходится имѣть дѣло лишь съ предположеніемъ, что передъ нами не только «ташкентцы приготовительнаго класса», которые въ серьезъ и въ полномъ объемѣ приняли «идею Леонтьева», но и политическіе дѣятели, способные идти къ ней съ такимъ же презрѣніемъ къ общепринятымъ моральнымъ цѣнностямъ, съ какимъ г. Меньшиковъ формулируетъ ее «заново». Человѣкъ, способный на такое презрѣніе, былъ бы, мягко выражаясь, трагическимъ героемъ,—нѣчто въ родѣ Торквемады, Тамерлана, Ивана Грознаго. Но дѣйствительно-ли передъ нами трагическіе герои? Спора нѣтъ, передъ нами часто, казалось бы, достаточно трагическое геройство. А съ другой стороны, возьмите хотя бы такой штрихъ.

«Теперь можно считать доказаннымъ, что случаи продажи (на почвѣ голода) въ казанской губерніи отцами своихъ дочерей имѣли мѣсто. Въ Тетюшскомъ у... среди татарскаго населенія продажа дѣвушекъ (изъ-за голода) стала обыденнымъ явленіемъ... По опубликованіи первыхъ случаевъ изъ Петербурга былъ посланъ строжайшій приказъ, чтобы впредь о такой

*) „Саратовскій Вѣстникъ", 30 ноября.
**) „Южная Заря", 4 декабря.

продажѣ не было слышно... Но... это, конечно, не остановило продажи, она стала лишь тайной» («Рѣчь», 23 ноября).

Не странно-ли? Мы до такого мужества дошли, что вонъ «Новое Время» безъ стѣсненія и во всеуслышаніе разсуждаетъ, какъ и почему «громадное большинство» населенія надо голодомъ переморить, а по случаю такой мелочи, какъ продажа дочерей голодными отцами, нервничаемъ, смущаемся, приказываемъ, чтобъ «слышно не было»... «Чтобъ слышно не было»—это, право же, звучитъ не умнѣе, чѣмъ: «чтобъ снѣгъ не шелъ», «чтобъ градъ не билъ», «чтобъ послѣ дождя мокро не было». Но допустимъ, данный случай допускаетъ благопріятное для героевъ истолкованіе. Ну, были, напримѣръ, «тонкія политическія соображенія», заставлявшія скрывать такой фактъ русской жизни... Или—нервничали года полтора—два назадъ, а до такого градуса, чтобъ открыто объявить «ставку на сильныхъ» и пресѣкать организованную помощь голодающимъ только теперь дошли. Но вѣдь можно припомнить множество другихъ столь же характерныхъ, хотя и мелкихъ штриховъ. Припомните, напр., съ какимъ восторгомъ говорилъ г. Пуришкевичъ, расхваливая военно-полевые суды, о «муравьевскомъ галстухѣ». Да и почему бы г-ну Пуришкевичу не восторгаться? Конечно, въ Западномъ краѣ не висѣлицами было связано въ глазахъ мѣстнаго крестьянства усмиреніе повстанцевъ съ прирѣзкою земли. Но «галстухи» Муравьевъ, дѣйствительно, практиковалъ. Его заслуги по усмиренію, между прочимъ, и этимъ способомъ—признаны оффиціально и оффиціально же почтены монументомъ. И есть такая точка зрѣнія, благодаря которой выраженіе: «Муравьевъ-Вѣшатель» звучитъ въ устахъ г. Пуришкевича вовсе не осужденіемъ, но похвалой. Затѣмъ, какъ извѣстно, тѣмъ же сравненіемъ П. А. Столыпина съ Муравьевымъ-Виленскимъ воспользовался г. Родичевъ. Казалось бы, г. Столыпинъ долженъ былъ чувствовать себя польщеннымъ этимъ, съ извѣстной точки зрѣнія, дѣйствительно, лестнымъ сравненіемъ съ государственнымъ дѣятелемъ, репрессивныя заслуги котораго оффиціально признаны и монументально увѣковѣчены. А онъ, какъ увѣряли газеты, слушая рѣчь г. Родичева въ Думѣ, смущался и блѣднѣлъ. А когда г. Родичевъ, замѣняя въ выраженіи г. Пуришкевича слово «муравьевскій» словомъ «столыпинскій», высказалъ мысль, что ученикъ превзошелъ своего учителя на государственномъ поприщѣ, г. Столыпинъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и потребовалъ извиненія. И не только г. Столыпинъ обидѣлся; Пуришкевичи, Родзянки и разные другіе люди правительственнаго большинства полѣзли на г. Родичева съ кулаками, стали бранить его площадными словами, исключили на 15 засѣданій... Но за что? Если сравненіе съ Муравьевымъ такъ огорчительно для васъ, зачѣмъ вы гласно передъ лицомъ всей страны подражаете Муравьеву именно въ его репрессивной дѣятельности, и не только подражаете, но и стараетесь превзойти, и,

дѣйствительно, превзошли? А если подражаете и превзошли, почему вы огорчаетесь, когда вамъ указываютъ, что ваши снимки не только хуже, но и выразительнѣе оригинала?

Я позволилъ себѣ напомнить эту старую «родичевскую» исторію, потому что ея загадочныя стороны, несмотря на давность, продолжаютъ оставаться загадочными. За годъ послѣ того, какъ Дума исключила г. Родичева на 15 засѣданій за выраженіе: «столыпинскій воротникъ», этими «воротниками» юстиція награждала страну щедрѣе, чѣмъ когда бы то ни было въ теченіе всего послѣдняго столѣтія. А главное—все время щедрость росла, а не сокращалась. Максимальныя цифры смертныхъ приговоровъ за сутки подымались отъ 15—17 до 22—27, къ концу осени достигли 31; 20 декабря, въ день послѣдняго передъ рождественскими вакаціями думскаго засѣданія, газеты сообщили небывалую цифру: 49 смертныхъ приговоровъ въ сутки *). Соотвѣтственно шло въ гору и «муравьевское» настроеніе среди правящихъ круговъ и организованнаго ими «думскаго большинства». «Оттяпываніе головъ» было признано, напр., помощникомъ начальника главнаго тюремнаго управленія г. Боровитиновымъ государственною необходимостью настоящаго момента («Рѣчь», 17 декабря). «Оттяпываніе головъ» было объявлено государственною необходимостью въ цѣляхъ благоустройства въ будущія времена. «Вырытую пропасть — заявилъ, напр., октябристскій депутатъ Стемпковскій—можно завалить только смертью» («Рѣчь», 21 декабря). Г. А. Столыпинъ въ «Новомъ Времени» призналъ въ заключеніе, что висѣлицы устраиваются по «слову Божію», и самое оттяпываніе головъ вполнѣ согласно съ Евангельскимъ ученіемъ. Наконецъ, вообще установлено, что причиненіе революціонеру тѣмъ или другимъ способомъ смерти есть дѣяніе похвальное. И сообразно съ этимъ рядовые «правительственнаго большинства» въ Думѣ, когда оппозиція напоминала о повѣшеніяхъ и подстрѣливаніяхъ, кричали: «такъ и надо», «молодчина» (см., напр., «Рѣчь», 5 декабря).

Совсѣмъ, казалось бы, Тамерланы. Но полгода назадъ, когда у этихъ Тамерлановъ наѣзжій англичанинъ Стэдъ попросилъ точную справку о числѣ казней, они стали увѣрять, что слухъ о большомъ числѣ казненныхъ совершенно ложенъ, однако отъ выдачи точныхъ цифровыхъ справокъ уклонились подъ предлогомъ не столько благовиднымъ, сколько неуклюжимъ. Стѣсняются, что-ли, они,—Тамерланы-то наши? Чего? дѣлъ, которыя, по словамъ ихъ присныхъ, вполнѣ согласны съ Евангельскимъ ученіемъ?

И чего они волновались въ Думѣ 20 декабря, когда П. Н. Милюковъ предложилъ выразить «негодованіе по поводу все увеличиваю-

*) См. „Рѣчь", 20 декабря: 41 смертный приговоръ въ Екатеринославѣ (въ томъ числѣ 32 по дѣлу о желѣзнодорожной забастовкѣ 1905 г.), 3 въ Кіевѣ, 3 въ Варшавѣ и 2 во Владивостокѣ

щагося числа смертныхъ приговоровъ и казней, достигающихъ въ послѣдніе дни безпримѣрныхъ размѣровъ, притупляющихъ нравственное чувство страны и унижающихъ честь и достоинство Россіи»? Почему эти якобы Тамерланы кричали г. Милюкову: «вонъ, негодяй»? Неужели потому, что, по ихъ мнѣнію, осужденіе смертныхъ приговоровъ и казней противорѣчитъ Евангелію? Или они и въ самомъ дѣлѣ полагаютъ, что 49 человѣкъ, приговоренныхъ къ смертной казни въ теченіе предшествовавшихъ думскому засѣданію сутокъ, «въ данномъ случаѣ, какъ загадочно выразился г. Гучковъ, нашли себѣ суровую, но законную кару»? Допустимъ, что «центръ и правая», рукоплескавшіе этимъ словамъ г. Гучкова, возмущены были именно тѣмъ, что «кадетская фракція», отъ имени которой П. Н. Милюковъ внесъ свою формулу, считаетъ 49 смертныхъ приговоровъ въ сутки дѣломъ незаконнымъ и недопустимымъ. Но вотъ «кадетская формула» отвергнута. Оппозиція въ видѣ протеста ушла изъ зала. Съ какой же стати г. Гучковъ началъ вдругъ объяснять оставшимся депутатамъ: «Но мы полагаемъ, что..., быть можетъ, своевременно, чтобы милость сказала въ данномъ случаѣ свое слово»? И не одинъ г. Гучковъ пожелалъ смягчить вотумъ большинства. Вслѣдъ за г. Гучковымъ, г. Шульгинъ 2-ой сталъ увѣрять Думу, что большинство отвергало кадетскую формулу, между прочимъ, въ интересахъ приговоренныхъ къ смерти: если бы, объяснялъ онъ, «въ данную минуту зрѣлъ... актъ милости..., то всякія выступленія по этому поводу съ нашей стороны могутъ только мѣшать дѣлу» *) Г. Хомяковъ уже послѣ засѣданія счелъ долгомъ объяснять для печати: «Я—послѣдній человѣкъ, который сталъ бы восторгаться тѣмъ, что 32 человѣкамъ **) угрожаетъ висѣлица. Но такъ не спасаютъ людей—такъ ихъ губятъ... Я никогда не подписался бы подъ формулой перехода, предложенной П. Н. Милюковымъ, и съ полнымъ сочувствіемъ отнесся бы къ формулѣ такого же характера, но въ иной редакціи». Наконецъ, «Голосъ Москвы» сообщилъ особое заявленіе г. Гучкова, сдѣланное послѣднимъ «съ большей твердостью» и какъ бы отъ имени всей фракціи октябристовъ. Оказывается, во-первыхъ, «мы» входили, куда слѣдуетъ, на предметъ «совершенія въ надлежащемъ порядкѣ смягченія участи или помилованія; хотя объ этомъ мы, тѣмъ не менѣе...» не говорили. Словомъ, обществу дано понять, что мы тоже противъ смертной казни и лишь чужды рекламированія, на которое такъ падки кадеты. Во-вторыхъ, «самая формула протеста была избрана (Милюковымъ) нарочно столь грубой, чтобы окончательно лишить

*) Цит. по отчету „Рѣчи", 21 декабря.

**) Говоря о „32 человѣкахъ", г. Хомяковъ, какъ и другіе представители думскаго большинства, разумѣетъ, очевидно, только осужденныхъ въ Екатеринославѣ по дѣлу о желѣзнодорожной забастовкѣ. Объясненія г. Хомякова напечатаны въ „Голосѣ Москвы", 21 декабря.

центральныя партіи Государственной Думы возможности присоединиться къ ней». «Возможность», стало быть, была. И будь формула не «столь грубой», мы тоже бы, конечно... Вы понимаете? Могутъ, конечно, спросить: да что же вамъ мѣшало, господа, предложить свою формулу протеста? Но, въ третьихъ, «худшей услуги осужденнымъ по екатеринославскому процессу, такъ та, которую сдѣлалъ своимъ безтактнымъ, несвоевременнымъ, неумнымъ поведеніемъ г. Милюковъ, никто не могъ оказать... Будемъ, однако, надѣяться, что выходка г. Милюкова... не помѣшаетъ предпринять... шаги къ смягченію участи 32 осужденныхъ»... (Голосъ Москвы, 21 декабря).

Г. Милюковъ затрагивалъ общій вопросъ о смертныхъ казняхъ. Гг. Хомяковы и Гучковы хотятъ свести дѣло къ частному случаю, къ участи 32 приговоренныхъ въ Екатеринославѣ. И безспорно, это представляетъ нѣкоторыя удобства. Г. Хомяковъ— «послѣдній человѣкъ, который сталъ бы восторгаться» смертнымъ приговоромъ, даннымъ 32 человѣкамъ. Но если это будутъ не умные, а другіе человѣки, или если ихъ будетъ сразу не 32, а примѣрно, 20 или 15, за г. Хомяковымъ остается полная свобода высказать восторгъ прежде всѣхъ и послѣ всѣхъ. Умѣло замѣняя общій принципіальный вопросъ частнымъ случаемъ, всегда есть возможность сказать какъ будто и много, а въ сущности ровно ничего. Постараемся, однако, остаться въ предѣлахъ частнаго случая, тѣмъ болѣе, что онъ, дѣйствительно, рѣзокъ и характеренъ.

Понадобилось разслѣдовать старое дѣло о забастовкѣ на Екатерининской желѣзной дорогѣ въ декабрѣ 1905 г. Въ качествѣ обвиняемыхъ привлекли 132 человѣка. По справкамъ «Слова», «всѣ три года обвиняемые были на свободѣ, оставаясь даже на прежнихъ мѣстахъ своей службы и почти забывъ о тяготѣющемъ надъ ними мечѣ правосудія»... (Цит. по «Кіевской Мысли, 2 декабря). «Передъ явкой въ судъ обвиняемые узнали изъ газетъ, что будутъ обвинять по 100 статьѣ, угрожающей смертною казнью («Южная Заря»). 100 статья, по газетнымъ свѣдѣніямъ, была предъявлена дополнительно, при открытіи судебнаго засѣданія. Затѣмъ двери военнаго суда закрываются, и что дѣлалось тамъ, мы не знаемъ. Извѣстенъ лишь результатъ судбища; 32 человѣка приговорены къ повѣшенію, 12 къ безсрочной каторгѣ, 48 къ каторгѣ на сроки отъ 8 до 2²/₃ лѣтъ *). 60 каторжныхъ приговоровъ, по этому процессу 132, видимо, считаются представителями думскаго большинства «суровою, но законною карою». Оффиціально думскій вотумъ большинства призналъ въ сущности суровой, но законной карой и 32 смертныхъ приговора по старому, полузабытому и ликвидированному временемъ дѣлу. Однако, эти 32 приговора—эпизодъ, несомнѣнно, страш-

*) Цифры заимствованы изъ харьковскаго „Утра", 23 декабря.

ный, произведшій огромное впечатлѣніе не только въ Россіи. И вотъ, правительственное большинство пользуется случаемъ, чтобы приватно заявить намъ, что оно всю моральную отвѣтственность за данный ужасный случай возлагаетъ на власть. Мало того, оно объясняетъ намъ, что власть обладаетъ странными свойствами: гг. Гучковы, видите-ли, совсѣмъ было склонили ее къ возможному смягченію участи приговоренныхъ къ смерти, но разъ г. Милюковъ поступилъ «неумно» и «безтактно», надо опасаться, что помилованія не послѣдуетъ. Правительство, по словамъ гг. Гучкова и Хомякова, можетъ послать въ Екатеринославѣ 32 человѣка на висѣлицу за то, что Милюковъ въ Петербургѣ протестуетъ противъ смертной казни. А если бы, Боже избави, стала протестовать вся Дума, то 32 екатеринославскихъ человѣка были бы непремѣнно повѣшены.

Теперь мы до нѣкоторой степени можемъ судить о дальнѣйшемъ направленіи екатеринославскаго дѣла. По газетнымъ свѣдѣніямъ, впрочемъ, туманнымъ, двое приговоренныхъ къ смертной казни отравились въ тюрьмѣ. 10 приговоренныхъ къ смертной казни отказались подать просьбу о помилованіи, 73 подали просьбу о помилованіи и имъ повелѣно «даровать жизнь и облегченіе участи». Объ остальныхъ ничего неизвѣстно. Но суть не въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Для насъ интересно, дѣйствительно ли такъ думаютъ о правительствѣ представители правительственнаго большинства, какъ говорятъ? Когда же они неискренни: тогда ли, когда оффиціально заявляютъ о своей полной солидарности съ правительствомъ, или когда приватно высказываютъ о немъ столь безпощадное мнѣніе? Не безъ основанія, стало быть, «С.-Петербургскія Вѣдомости» передъ концомъ осенней думской сессіи возмущались «атмосферой лжи, въ которой долженъ жить современный россійскій обыватель».

Дѣйствительно, не знаешь, какъ понимать людей и чему въ ихъ словахъ вѣрить. Я вотъ сейчасъ ограничивалъ приватныя разъясненія гг. Хомякова и Гучкова предѣлами единичнаго случая. Долженъ, однако, признать, что разъясненія эти редактированы въ «Голосѣ Москвы» въ высшей степени виртуозно. И въ случаѣ чего гг. Хомяковъ и Гучковъ не лишены возможности дополнительно разъяснить, что они не только въ предѣлахъ даннаго, екатеринославскаго, случая, но и вообще отвѣтственность за весь кошмаръ казней возлагаютъ цѣликомъ на правительство. Правда, г. Гучковъ еще въ 1906 г. привѣтствовалъ учрежденіе военнополевыхъ судовъ. Правда, г. Хомяковъ, наравнѣ съ другими представителями думскаго большинства, неизмѣнно шелъ рука-объруку съ г. Столыпинымъ. «Но «Голосъ Москвы» уже разъяснилъ, дополнительно, что это надо понимать, какъ «компромиссъ съ правительствомъ».

— Ну, чего вы, въ самомъ дѣлѣ, къ намъ пристаете съ пре-

тензіями? Изъ любви къ дорогой родинѣ мы согласились не прекословить противъ репрессій, такъ какъ намъ было обѣщано за эту уступку...

Я вотъ, припоминая, какъ гг. Родзянко и Пуришкевичъ бросились съ сжатыми кулаками на Родичева, отнесъ ихъ къ числу безусловныхъ сторонниковъ смертной казни. Чувствую, однако, что и гг. Родзянко съ Пуришкевичемъ могутъ возразить мнѣ:

— Припоминаете, дескать, да не все. Дѣйствительно, мы бросились на Родичева какъ бы въ состояніи крайняго аффекта. Однако, когда намъ дорогу преградилъ думскій приставъ, нашъ аффектъ сразу упалъ и разрѣшился оваціей въ честь г. Столыпина...

Аффектъ гг. Родзянко и Пуришкевича, и въ самомъ дѣлѣ, обладалъ такими неясными свойствами, что въ случаѣ надобности можетъ сойти и за демонстрацію въ интересахъ того же «компромисса». Нынѣшніе реформаторы начали работу въ Думѣ 3 іюня адресомъ, гдѣ говорилось о конституціи, но такъ двусмысленно что нѣсколько дней спустя во время отвѣтной рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ можно было бурно рукоплескать самодержавію. Однако, и въ бурныхъ рукоплесканіяхъ была какая-то двусмысленность, которая до сего дня помогаетъ афишировать и стремленіе къ представительному образу правленія на основѣ манифеста 17 октября, и преданность традиціоннымъ основамъ. Черезъ всю дѣятельность реформаторовъ проходитъ красною нитью какъ бы инстинктивное стремленіе обезпечить за собою пути ретирады и въ ту, и въ другую сторону. Передъ нами словно попытка примѣнить тактику Куропаткина къ потребностямъ внутренняго государственнаго строительства. И характерно,—эта черта не исчезла даже при оформленіи такого кардинальнаго пункта въ программѣ реформаторовъ, какъ «законъ 9 ноября». Правительственное большинство, вопреки своему обычному послушанію даже въ мелочахъ, въ этомъ крупномъ вопросѣ наперекоръ министерству возстановило законъ 9 ноября въ его первоначальномъ, проектномъ видѣ. И отвѣтственность за это какъ будто не можетъ лежать на правительствѣ, ибо представитель вѣдомства возражалъ, правда, очень нѣжно, сладко, какъ бы самымъ тономъ возраженія подчеркивая готовность уступить, однако, формальныя доказательства министерской невинности занесены въ стенограммы Государственной Думы. Отвѣтственность, стало быть, должна пасть на Думу. Но отдѣльные депутаты, едва подавъ голосъ за законъ 9 ноября, тотчасъ же стали заявлять съ думской трибуны, что они собственно этому закону не сочувствуютъ и находятъ его крайне вреднымъ... Припомните далѣе, депутатами даже «съ высоты думской трибуны» не скрывалось, что одобреніе закону 9 ноября было потребовано подъ угрозой роспуска Думы. Вспомните, наконецъ, «мы» своевременно оповѣстили, насколько возможно, страну,

что передъ голосованіемъ по этому закону руководители думскаго большинства получили приглашеніе «на чашку чаю», и здѣсь за «чашкой чая у кабинетъ-министра», заранѣе распредѣлялись ходы и роли. Словомъ, мы «поступились,—какъ говоритъ нынѣ «Голосъ Москвы», оправдывая думское большинство,—чѣмъ можно», и если виноваты въ чемъ, то лишь въ довѣріи къ «конституціоннымъ стремленіямъ» П. А. Столыпина. Настоящая же отвѣтственность лежитъ только на немъ одномъ.

Эту двусмысленность поведенія реформаторовъ я вовсе не склоненъ относить на чей бы то ни было личный счетъ. Сколько я могу понять, она—явленіе общаго порядка, зависящее не столько отъ личныхъ качествъ, сколько отъ какихъ-то общихъ причинъ, создавшихъ повальную и, повторяю, какъ бы инстинктивную боязнь отвѣтственности. На этой почвѣ порою создаются положенія, прямо таки невѣроятныя. Между прочимъ, нынѣшнія рождественскія вакаціи Думы, вопреки примѣру прошлаго года, объявлены именнымъ указомъ. Прогрессивная печать старательно разъяснила смыслъ этого нововведенія, благодаря которому для депутатовъ на время какацій прекращается «неприкосновенность», для правительства открывается формальная возможность закономѣрно законодательствовать и т. д. Но октябристскій «Голосъ Правды» растолковалъ это новшество столь же неожиданно, сколь и наивно. По его словамъ,

такой порядокъ былъ признанъ наиболѣе желательнымъ при обсужденіи этого вопроса представителями президіума совмѣстно съ представителями правительства. Въ кулуарахъ эта мысль встрѣчена также одобрительно. Роспускъ по указу государя въ значительной степени парализуетъ успѣхъ агитаціи враговъ Государственной Думы какъ справа, такъ и слѣва, которые, несомнѣнно, не преминутъ воспользоваться каникулами Государственной Думы, чтобы упрекнуть ее въ бездѣятельности (Цит. по „Сѣверо-Зап. Голосу“, 4 декабря).

Неизвѣстно, конечно, одно ли только это соображеніе руководило «представителями правительства совмѣстно съ представителями президіума». Крайне характерно, во всякомъ случаѣ, что гг. Хомяковы, Мейендорфы и Волконскіе, называющіе себя монархистами, считаютъ возможнымъ отвѣтственность даже за каникулярный отдыхъ депутатовъ возложить на монарха. И что это за «представители правительства», которые стараются существующія въ странѣ нареканія на бездѣятельность законодательнаго учрежденія направить противъ верховной власти? Но... мы слишкомъ привыкли и сами прятаться за чужую спину и видѣть, какъ другіе прячутся. Повѣтріе нынче среди насъ такое. И столь необузданно мы этому неопрятному занятію предаемся, что даже забыли, почему оно неопрятно и предосудительно. Какъ быть,—населеніе Думой недовольно. Избиратели бранятся на избранныхъ: ничего, говорятъ, не дѣлаете. Ну, вотъ мы, какъ увѣ-

ряетъ «Голосъ Правды», и придумали соорудить для депутатовъ бесподобный аргументъ:

— И рады бы, дескать, господинъ избиратель, что-нибудь сдѣлать, да не даютъ намъ. Пріѣдешь осенью. Только что, Боже благослови, станешь въ дѣла вникать, — вдругъ указъ: разъѣзжайтесь по домамъ почти до масленицы. Пріѣдешь къ масленицѣ. Только что начнешь опять вникать,—новый указъ: поѣзжайте, дескать, домой до мая. Пріѣдешь въ маѣ. Тутъ бы и поработать, — глядь, третій указъ: расходись по домамъ до поздней осени... А кабы не эти самые указы, мы бы...

Согласитесь придумано не плохо. И только при возможности такихъ выдумокъ, которыхъ—и это, пожалуй, всего характернѣе— не считаютъ нужнымъ даже скрывать, получаютъ болѣе или менѣе полное вѣроятіе газетныя свѣдѣнія о странной роли партикулярныхъ людей въ механизмѣ внутренняго управленія. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ даже «Новое Время» было смущенно репликой какого-то сенатора, когда ему понадобилось подать свой голосъ:

— А что скажетъ союзъ русскаго народа?

Недавно газеты увѣряли, что «г. Шварцъ, твердый, по выраженію «Новаго Времени», какъ кварцъ», очутился подъ ферулой г. Пуришкевича. Г. Пуришкевичъ, если вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ, ухитрился занять въ министерствѣ народнаго просвѣщенія роль руководителя; по его совѣту, направляются дѣла; ему сообщаются проекты циркуляровъ, даже секретныхъ; его поправки и указанія принимаются къ руководству... Вообще говоря, это абсурдъ, нѣчто невѣроятное, невозможное. Но даже такіе, казалось бы, абсурды получаютъ нынѣ вѣроятіе, наравнѣ съ разсказами уличныхъ газетъ объ особомъ довѣріи, какимъ якобы пользуются астрологи, предсказатели будущаго. И когда я читаю и слышу о необыкновенной склонности оффиціальныхъ особъ, даже первыхъ четырехъ классовъ, шагать по командѣ Пуришкевичей, Матусевичей, Дубровиныхъ, Юзефовичей, а то и просто безыменнаго охотника взять палку и стать капраломъ, мнѣ все припоминается, какъ въ старые годы было съ благочестивыми купцами, когда они шубу незадачно перевертывали. Перевернетъ купецъ шубу, да и запутается. Начнетъ бѣдняга по стрюцкимъ съ поклонами ѣздить. Одинъ стрюцій рыжій—«сколько тыщъ» требуетъ, а другому—кучерявому вдвое подавай. Рыжій страшными статьями пугаетъ, а у кучеряваго статьи-то разныя; однѣ еще страшнѣе, другія совсѣмъ милостивыя. Вернется домой купецъ въ смятеніи чувствъ да и спосылаетъ благочестивымъ обычаемъ за дурочкой Фимкой,—можетъ быть, молъ, отъ ейнаго скудоумія просвѣщусь, потому сказано: премудрость устами младенцевъ глаголетъ. И еще въ старые годы бывало: приведутъ дуру Фимку съ улицы въ хоромы, а она такое несуразное нагородитъ, что купецъ только рукой махнетъ. Глядь— Богъ цыганку во дворъ послалъ. Раскинула цыганка карты, оно

сразу и вышло: возлѣ трефоннаго-то короля дорога дальняя; свяжись, значитъ, съ кучерявымъ,—по Владимиркѣ въ Сибирь угодишь; а бубновый король самъ-другъ съ червонной кралей оказался: рыжій-то, стало быть, хоть и страшными статьями пугаетъ, за то отъ чистаго сердца...

Не безъ основанія «С.-Петербургскія Вѣдомости» ставку называютъ послѣдней ставкой, основанной на сознаніи собственнаго безсилія: авось, молъ, гдѣ-либо найдутся «герои, завоеватели... Ермаки Тимофеичи, смѣлые, предпріимчивые», которые какъ нибудь сами, помимо насъ, все, что намъ нужно, сдѣлаютъ, а мы, если сильные люди окажутся, будемъ имъ содѣйствовать... Увы! наши Пуришкевичи только издали напрашиваются на сравненіе съ Тамерланами. При ближайшемъ разсмотрѣніи они больше походятъ на шкодливыхъ кошекъ. Въ процессѣ борьбы съ неизбѣжными вѣяніями времени, они по мѣрѣ силъ содѣйствуютъ одичанію страны, какъ содѣйствуютъ мысли М. Вебера, что имъ надо бы поднести благодарственный адресъ за услуги, оказанныя правящей, оффиціальной Германіи. Но той надежды, какую имѣлъ въ виду Леонтьевъ, совѣтуя «заморозить Россію», у нихъ не замѣтно.

IV.

Остается еще условная надежда на «людодерство», если позволено употребить этотъ терминъ старинныхъ критиковъ системы временъ Ивана Грознаго. Но и людодерство нынѣ настало какое-то безнадежное, словно ради самаго процесса людодерства, какъ бываетъ искусство для искусства. Помощникъ начальника главнаго тюремнаго управленія г. Боровитиновъ незадолго до Рождества объяснилъ намъ, что въ данное время смертная казнь въ Россіи безусловно необходима, такъ какъ наша государственная власть слаба. Безудержныя казни, безпросвѣтно возведенныя въ систему государственнаго управленія, — первѣйшій признакъ слабой власти. Истина не новая, но для насъ важно свидѣтельство, что они ее знаютъ и понимаютъ. Итакъ, 1959 смертныхъ приговоровъ въ 1908 г. понадобились, потому что власть слаба. Но когда же она станетъ сильной? Нѣкоторымъ отвѣтомъ можетъ служить, напр., заключительный эпизодъ на недавнемъ женскомъ съѣздѣ. Едва ораторъ коснулся ужаса смертныхъ казней, какъ представитель государственной власти потребовалъ прекратить сужденія на эту тему. Какъ извѣстно, тема эта вообще изъята изъ публичныхъ неакадемическихъ сужденій. И ужъ самый фактъ изъятія свидѣтельствутъ, что власть освѣдомлена, какія мысли и чувства возбуждаются въ населеніи висѣлицами. По причинѣ своей слабости, власть боится организованныхъ и оформленныхъ протестовъ, хотя, разумѣется, знаетъ, что неорганизо-

ванныя и протестующія сужденія на эту тему происходятъ повсемѣстно и не могутъ не происходить. Выводъ для г. Боровитинова долженъ получаться самъ собою: мы казнимъ, потому что слабы, но чѣмъ больше казнимъ, тѣмъ больше отшатываемъ отъ себя населеніе, тѣмъ изолированнѣе, тѣмъ слабѣе становимся, тѣмъ больше вынуждены казнить. И такъ безъ конца, до полнаго истощенія въ пустотѣ. На мѣстѣ г. А. Столыпина изъ «Новаго Времени» по неволѣ прибѣгнешь къ извращенію евангельскихъ текстовъ: постройка-то висѣлицъ, оказывается,—занятіе длительное, и для нея, стало быть, необходимо изобрѣсти нѣкоторое идейное оправданіе. А съ другой стороны, на мѣстѣ того же г. Столыпина трудно не изобразить нѣкоторую мину содроганія передъ смертною казнью, каковую онъ и изображаетъ наравнѣ съ г.г. Гучковымъ, Хомяковымъ и прочими товарищами по «партіи послѣдняго правительственнаго распоряженія» Ибо какая сладость—отрѣзать себя отъ населенія и раздѣлить горечь пустоты хотя бы и съ «самимъ П. А. Столыпинымъ»? Съ точки зрѣнія правительства, эти расшаркиванія гг. Гучковыхъ и К° влѣво по боевому и трагическому для самой власти вопросу трудно понимать иначе, какъ симптомы въ сторону грядущей измѣны, а быть можетъ, и предательства. Но если разсуждать по человѣчеству... Не токмо разумная тварь, но и мыши безсловесныя, и тѣ, ежели чувствуютъ, что съ кораблемъ неладно, заранѣе приготовляютъ способы бѣгства на иное, болѣе надежное убѣжище.

Разные правительственные люди, не исключая и П. А. Столыпина, неоднократно вразумляли насъ, что для Россіи безусловно необходимъ режимъ чрезвычайныхъ охранъ, такъ какъ власть слаба. Прекословить не приходится. Набитыя биткомъ и превращенныя въ очаги эпидемическихъ заболѣваній тюрьмы, переполненныя мѣста ссылки, безграничныя полномочія администраціи,—всѣмъ этимъ власть сама свидѣтельствуетъ о собственной слабости и безсиліи. Но опять таки приходится спросить: ну, а когда же она станетъ сильной? Еще недавно насъ утѣшали: а вотъ погодите, будутъ либеральныя реформы. Не знаю, вѣрилось ли въ эти обѣщанія тамъ, далеко, на министерскихъ верхахъ. Но здѣсь, среди такъ называемаго «общества», были и вѣрующіе. Съ годъ назадъ казалось, что нынѣшній предсѣдатель совѣта министровъ вотъ-вотъ получитъ авансомъ титло реформатора. И сардоническое: «берегите Столыпина» не шутя было сдѣлалось лозунгомъ праваго либерализма. Было это, да сплыло. И на вопросъ, когда же власть станетъ достаточно сильной, чтобъ отказаться отъ режима чрезвычайныхъ охранъ, самъ собою получился довольно таки опредѣленный отвѣтъ. Въ послѣднее время, между прочимъ, нѣкоторый шумъ произвела такъ называемая «гололобовская комиссія» Государственной Думы, вносящая въ законопроектъ о неприкосновенности личности нормы исключительныхъ положеній

Очевидно, для нея выяснилось, что наиболѣе почетный для насъ выходъ — переименовать чрезвычайныя охраны въ законный и единственно нормальный порядокъ вещей. Были же нѣкогда кабаки совершенно упразднены посредствомъ переименованія въ питейныя дома. Правда, нынѣшнимъ порядкомъ уже созданъ безконечный рядъ скандаловъ, одинъ виртуознѣе другого, словно администраторы задались цѣлью перещеголять другъ друга; въ концѣ 1908 г., кажется, рекордъ былъ побитъ владикавказскимъ полицеймейстеромъ, полковникомъ Котляревскимъ *), однако едва ли этотъ послѣдній надолго сохранитъ славу всероссійскаго чемпіона. Правда и то, что порядкомъ необузданныхъ полномочій изобрѣтать опасности и устремляться къ ихъ пресѣченію власть въ концѣ концовъ поставлена предъ фантомами, въ родѣ черниговскаго Савицкаго, который, по достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, оказывается одновременно въ Конотопѣ, въ Кіевѣ, въ Новозыбковскомъ у., Черниговской губерніи, въ Рославльскомъ, Смоленской, Трубчевскомъ, а можетъ быть, и Брянскомъ, Орловской, и еще нѣсколькихъ мѣстахъ Калужской... И немудрено, что ближайшимъ къ родинѣ Савицкаго кіевскимъ газетамъ нынѣ запрещено подъ страхомъ тяжкихъ каръ печатать свѣдѣнія о немъ, ибо, съ одной стороны, нельзя не ловить этого «опаснаго разбойника», а съ другой—слишкомъ ужъ походитъ онъ на знаменитаго лѣтъ 15 назадъ «орловскаго тигра», который тоже умѣлъ появляться одновременно въ различныхъ мѣстахъ средней Россіи, но самый фактъ существованія его такъ и остался не для всѣхъ доказаннымъ. Богъ его вѣсть,—этого Савицкаго; можетъ быть, онъ, если и былъ на лицо, то сплылъ, а нынѣ происходитъ ревностная погоня власти за услужливыми созданіями агентурной фантазіи. Правда, наконецъ, и то, что благодаря погонѣ за созданіями агентурной фантазіи, власть упускаетъ изъ виду дѣйствительность и частенько оказывается въ положеніи бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора Сухомлинова, который широко использовалъ предоставленную ему полноту власти, пресѣкалъ, предупреждалъ, превратилъ Кіевъ въ одинъ изъ выдающихся пунктовъ Россіи по обилію смертныхъ казней, а при оставленіи должности получилъ краснорѣчивѣйшее подтвержденіе плодотворности своихъ трудовъ: его обокрали **).

Да, все это правда. Но все это лишь подтверждаетъ старую истину, что, благодаря системѣ чрезвычайныхъ охранъ, власть предстаетъ передъ населеніемъ, какъ нѣчто страшное, мятущееся

*) Нѣсколько владикавказскихъ обывателей вынуждены были заплатить большой выкупъ таинственной шайкѣ разбойниковъ, промышлявшей кражею людей. Обыватели внесли требуемую сумму сторублевками, но номера кредитокъ записали. Одну изъ этихъ сторублевокъ полицеймейстеръ Котляревскій на другой же день послѣ внесенія выкупа предъявилъ къ уплатѣ. См. „Кіевская Мысль“, 19 декабря.

**) „Кіевскія Вѣсти“, 10 декабря.

и въ то же время комически не соотвѣтствующее дѣйствительности и комически безсильное. Вотъ даже «Голосъ Москвы» не скрываетъ, что страну «все болѣе охватываетъ» «изнурительная лихорадка недовольства», а «это клонится къ тому, что борьба съ революціею можетъ стать суровою, безпощадною» *). Игра чрезвычайными средствами самозащиты по самому свойству своему—убивать престижъ власти разсчитана на безконечность, поскольку можно говорить о безконечности, ожидая естественнаго конца въ пустотѣ.

Недавно мнѣ пришлось просматривать номера охранительной печати за конецъ 1907 г. Сколько тамъ ѳиміама! Не говоря уже о завѣдомо покровительствуемыхъ изданіяхъ, но даже юркая «Родина», органъ того общественнаго слоя, который отчасти можетъ быть сравниваемъ съ мелкими англійскими клерками, глубокою осенью передъ открытіемъ 3 Думы упоительно пѣла о «веснѣ»: наконецъ-то, молъ, мудрость начальства подтверждена выборами; избраны въ большинствѣ благонадежные умѣренные люди, столпы общества; отнынѣ наше отечество на вѣрномъ пути; «весна идетъ»... О чемъ теперь и какъ поетъ «Родина»—не знаю, послѣднихъ номеровъ видѣть не удалось. Но щедро ласкаемый начальствомъ, «Свѣтъ» вспоминаетъ о манифестѣ 17 октября и скорбитъ:

«Весь истекшій 1908 г. былъ крайне неблагопріятнымъ годомъ. Мы не приближались, а удалялись отъ завѣтовъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября. Подъ предлогомъ успокоенія... чиновничество наложило руку на пробуждающуюся общественность. И этотъ процессъ бюрократической реставраціи идетъ, непрерывно развиваясь...

«Тяжелое время, пережитое въ 1908 г., будетъ продолжаться и въ наступающемъ. Роковыя причины, дѣйствовавшія въ жизни Россіи, будутъ продолжать дѣйствовать и впредь... Чиновничья среда, доведшая страну до Мукдена и Цусимы, до московскаго бунта и севастопольскаго мятежа, изжила себя... Нельзя надѣяться на то, что бюрократія сама очиститъ мѣсто, ей непринадлежащее... (Цит. по «Рѣчи», 1 января).

Изобрѣтатель истинно-русскихъ плуговъ г. Шараповъ въ томъ же «Свѣтѣ» вопіетъ къ небу по случаю неимовѣрно расплодившихся среди администраціи воровъ. Казенный идеалистъ г. Ярмонкинъ въ «Русскомъ Знамени» громитъ П. А. Столыпина:

«Необходимо строить такія условія жизни, при которыхъ государство могло бы идти по пути свободы и прогресса. Крѣпостническія тенденціи, выраженныя Вами (т. е. г. Столыпинымъ) въ своей рѣчи, враждебны идеѣ свободы и прогресса государства» (Цит. по «Вѣстнику Баку», 19 декабря).

Словно забывая обезпеченный доходъ отъ иррегулярныхъ казенныхъ объявленій, «Новое Время» поучаетъ:

«Власть отнюдь не должна пробуждать въ обществѣ мысли о томъ, что оно посажено въ какую-то желѣзную клѣтку, гдѣ ни говорить, ни дѣлать

*) Цит. по „Рѣчи“, 8 января.

что-нибудь невозможно безъ ожиданія непрошенныхъ «гостей»... Не сгибомъ въ бараній рогъ должна она дѣйствовать; это старо и безсильно. Она должна дѣйствовать такъ,.. чтобы спокойное общество увидѣло спокойное уваженіе къ себѣ власти... Злоупотребленіе свободою ничѣмъ такъ не питается, какъ злоупотребленіемъ властью, и чтобы предупредить первое, надо отнюдь не допускать до второго (Цит. по Харьковскому «Утру», 23 декабря).

Въ родныхъ придворнымъ кругамъ и живущихъ регулярными казенными объявленіями «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» г. Столыпину ставится на видъ, что онъ возвращаетъ власть къ одиночеству и «маразму» временъ Плеве. И чтобы яснѣе представить убійственную мѣткость этого указанія, достаточно небольшой фактической справки. Безъ сомнѣнія, многимъ памятно, какой смыслъ, напр., во времена Плеве имѣло, между прочимъ, выраженіе: «оффиціозный». Оно стало синонимомъ безпринципнаго, продажнаго, безчестнаго, и пугало даже такіе, до нѣкоторой степени отпѣтые органы, какъ «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости», редакціи Грингмута. Самъ Зубатовъ, организуя рабочіе союзы, старательно отрекался отъ близости къ правительству, а въ подтвержденіе своихъ клятвъ устраивалъ забастовки. Обычное у насъ смѣшеніе правительственнаго и оффиціознаго съ непріятнымъ и продажнымъ, вообще говоря, разумѣется, нерезонно. Ибо, если разсуждать академически, правительственное, напр., или оффиціозное «перо» можетъ быть въ такой же мѣрѣ искреннимъ и убѣжденнымъ, въ какой «оппозиціонное» нечестнымъ и продажнымъ. Дѣло все въ томъ, что смѣшеніе оффиціальнаго съ предосудительнымъ основывалось не столько на «общей» формальной логикѣ, сколько на учетѣ бытовой обстановки. Правительство временъ того же хотя бы Плеве занимало позицію, несостоятельность которой была слишкомъ очевидна. И средняя обывательская мысль не допускала, чтобы нашелся человѣкъ, который способенъ защищать эту позицію за совѣсть, а не за страхъ, искренно, а не за бутербродъ или пятакъ. Послѣ манифеста 17 октября позиція власти оказалась не столь удобопонятной для средней обывательской мысли. Однако, силами самого общества настоящій оффиціозъ не родился и послѣ 17 октября. И гр. Витте рискнулъ, по иниціативѣ сверху, основать русскій «Temps», существовавшій нѣсколько мѣсяцевъ подъ названіемъ: «Россійское Государство». Упраздненный въ краткосрочное правленіе г. Горемыкина, русскій «Temps», подъ именемъ «Россіи», возродился при г. Столыпинѣ. И до послѣдняго времени влачилъ свои оффиціозные дни, не прячась и даже какъ будто не конфузясь. Правительство не скрывало, что это его органъ, и даже циркулярно предлагало губернаторамъ знакомиться съ «видами и предположеніями» по передовымъ статьямъ «Россіи». «Россія» съ своей стороны не скрывала, кому она служитъ. И вдругъ, въ ноябрѣ 1908 г. «представители вѣдомства», выступавшіе съ бюджетными объясненіями въ

коммиссіи Государственной Думы, стали увѣрять, что «Россія» — «изданіе частное». Это было, сколько помнится, первымъ открытымъ признаніемъ, что мы снова не только вернулись къ старому, но и примирились съ тѣмъ состояніемъ, когда правительственное вынуждено выступать предъ обывателемъ въ маскѣ частнаго, такъ какъ иначе исчезаетъ вѣроятность кредита. И какъ бы въ подтвержденіе, что неожиданная перекраска «Россіи» въ частные цвѣта отнюдь не случайна, миссіонерскій «Колоколъ» тоже объявилъ себя частнымъ изданіемъ. «Увы, сомнѣнья нѣтъ!» Оффиціозное самими оффиціозами снова признано синонимомъ продажнаго. Угрозы «маразмомъ временъ Плеве» нѣсколько запоздали,— это не будущее наше, а настоящее. И представители министерства внутреннихъ дѣлъ, старавшіеся передъ думской коммиссіей окрасить «Россію» въ частный цвѣтъ, лишь подтвердили (быть можетъ, сами того не сознавая), что политика кабинета потеряла кредитъ даже въ нѣдрахъ самого кабинета.

И опять приходится сказать: не даромъ «Голосъ Москвы» закончилъ 1908 г. сѣтованіями, что «государственная машина обречена на неподвижность», «обречена стоять... на одномъ съ 1905 г. мѣстѣ», а «мы вновь покатимся по наклонной плоскости не до революціи 1905 г., но до чего-нибудь, въ другой формѣ, болѣе тяжелаго». Словомъ, по выраженію «St.-Petersburger Zeitung», органъ правительственнаго большинства снова «перековалъ серпы на мечи,—по крайней мѣрѣ, на время парламентскихъ каникулъ, ну, а затѣмъ можно будетъ возвратить ихъ для ихъ естественнаго употребленія» *)... Конечно, можно. И даже, навѣрное, они будутъ въ естественное состояніе возвращены, какъ только окончится перерывъ сессіи. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, почувствуетъ подъ ногами твердую почву, когда г. Ярмонкинъ присягаетъ свободѣ и прогрессу, «фабрикантъ» субсидированныхъ плуговъ г. Шараповъ вопіетъ къ небу о казнокрадствѣ, «Свѣтъ» тоскуетъ по незыблемымъ основамъ манифеста 17 октября, или «Голосъ Москвы» угрожаетъ выступить на защиту «законныхъ потребностей?» Послѣдній органъ, между прочимъ, и самъ поспѣшилъ разъяснить черезъ нѣсколько дней: «мы не заявляемъ власти, что расторгнемъ нашъ союзъ; мы лишь предупреждаемъ, что онъ можетъ быть расторгнутъ, если» не будутъ «выполнены ею же данныя обѣщанія» (цит. по «Рѣчи», 3 января). Вотъ видите, какъ оно ловко вышло. Пока что, мы власти посодѣйствуемъ, но симъ торжественно объявляемъ, что во всемъ виновата только власть, а мы тутъ совершенно ни при чемъ...

— Теперь мы, правда, предаемъ конституцію, но, не безпокойтесь, мы готовы предать и правительство.

Такъ бы, собственно, надо было перефразировать эти, болѣе

*) Цит. по „Рѣчи“, 31 декабря.

чѣмъ откровенныя заявленія руководящаго органа правительственнаго большинства. И г. Столыпинъ имѣетъ полное основаніе жаловаться на невѣрность своихъ клевретовъ, если бы не разсуждать по человѣчеству: трудно, повторяю, обвинять мышей за то, что онѣ предусмотрительно стараются не связывать своей мышиной судьбы съ безнадежно расшатавшимся кораблемъ. Это у нихъ, у мышей, отъ Бога, какъ и даръ угадывать, на которомъ кораблѣ еще можно жить, и съ котораго надо убѣгать. И если съ корабля на глазахъ матросовъ начинаютъ разбѣгаться мыши, это—вѣрный знакъ, что среди команды водворяется безнадежность отчаянія, предтеча паники. Той особой паники, которая на истлѣвшихъ суднахъ наступаетъ именно тогда, когда среди стойкихъ пловцовъ долженъ звучать бодрый кличъ:

— Чу, кричитъ буревѣстникъ,—крѣпи паруса!

А. Петрищевъ.

«Мои записки» Леонида Андреева.

«Единственная цѣль, какою руководился я при составленіи моихъ скромныхъ «записокъ», это показать моему благосклонному читателю, какъ при самыхъ тягостныхъ условіяхъ, гдѣ не остается, казалось бы, мѣста ни надеждѣ, ни жизни—человѣкъ, существо высшаго порядка, обладающее разумомъ и волею, находить то и другое. Я хочу показать, какъ человѣкъ, осужденный на смерть, свободными глазами взглянулъ на міръ сквозь рѣшетчатое окно своей темницы и открылъ въ мірѣ великую цѣлесообразность, гармонію и красоту». Этими словами герой и авторъ «Моихъ записокъ» Андреева хочетъ «пристыдить тѣхъ безумцевъ, которые, живя на свободѣ, въ довольствѣ и счастьи, отвратительно клевещутъ на жизнь и отрицаютъ непонятный имъ высшій смыслъ въ существованіи человѣка».

Съ этимъ «высшимъ смысломъ» давно ведетъ сложные счеты Леонидъ Андреевъ. Мгновеніями, какъ въ «Семи повѣшенныхъ», онъ дышитъ свободнѣе, чувство «великой цѣлесообразности» проносится въ немъ, но бездна вновь поглощаетъ его, и онъ не только отвергаетъ «гармонію»: онъ переполняется безмѣрной злобой ко всему, что изъявляетъ притязаніе искать и находить эту гармонію.

Въ такомъ настроеніи написаны «Мои записки»,—любопытнѣйшій матеріалъ для психологіи ихъ автора. Едва ли это новая ступень въ его развитіи, но кой-что въ замыслахъ и воззрѣніяхъ

Леонида Андреева здѣсь раскрывается много отчетливѣе, чѣмъ въ другихъ его произведеніяхъ.

Не нова, конечно, бѣдность андреевской философіи, эта подлинная misère de la philosophie. Леонидъ Андреевъ нашелъ необыкновенно новый и убійственный способъ борьбы съ оптимистическимъ недомысліемъ, новый путь къ уясненію и доказательству роковой неосмысленной случайности, царящей надъ жизнью. Какъ нынѣ извѣстно всѣмъ гимназистамъ, Андреевъ «не пріемлетъ міра» Вслѣдъ за героями Достоевскаго онъ «почтительнѣйше возвращаетъ билетъ». Поэтому онъ издѣвается надъ пошляками, билета не возвращающими. Онъ написалъ міровую сатиру: пародію на всѣхъ «пріемлющихъ міръ». Онъ заставилъ «принять міръ» психопата, лгуна, лицемѣра, убійцу; въ уста этого страшнаго, мрачнаго, отвратительнаго и жалкаго существа онъ вложилъ въ пошленькой, бѣдненькой формѣ догматы міровоззрѣнія, которое заслуживало бы во всякомъ случаѣ, не жалкой карикатуры. Это міровоззрѣніе можно ненавидѣть; какъ равный умѣлъ отнестись къ нему Достоевскій и равныхъ, могучихъ, достойныхъ противопоставилъ ему враговъ. Чтобы шаржировать его, чтобы его презирать, надо стать выше его; Андрееву это не по силамъ. Онъ крупный художникъ, но міровые замыслы требуютъ міровой высоты мысли. Менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, она чувствуется въ «Моихъ запискахъ». Любопытны онѣ не своей философіей, которую такъ нетрудно критиковать и, что еще хуже, которую такъ легко свести къ литературнымъ первоисточникамъ, а своей психологіей и, пожалуй, также своимъ отношеніемъ къ этимъ первоисточникамъ. Любопытно слѣдить, какъ многообразна зависимость Андреева отъ міровоззрѣнія русскихъ художниковъ-мыслителей, какъ временами грубо выступаетъ чисто внѣшняя связь, соединяющая его съ Достоевскимъ и Толстымъ, какъ поверхностно воспринимаетъ онъ ихъ проблемы и формы, какъ абстрагируетъ онъ то, что у нихъ полно жизненнаго содержанія, какъ терпитъ онъ пораженіе всякій разъ, когда выступаетъ на чуждую ему почву большой жизненной философіи и какъ всетаки захватываетъ чѣмъ то важнымъ и своимъ. Какъ и другія произведенія Андреева, «Мои записки» интересны не вопросами, которые онѣ ставятъ,—эти вопросы давно поставлены другими въ болѣе сложной и потому болѣе плодотворной формѣ,—но загадками, которыя онѣ задаютъ. Нужны объясненія—и подчасъ весьма элементарныя и оттого мало интересныя. Но одинъ цѣнный результатъ, несомнѣнно, остается отъ этихъ попытокъ разобраться въ загадкахъ бѣдной андреевской философіи: онѣ вводятъ насъ въ психологическій міръ творчества Андреева. Онъ всетаки удивительно любопытный художникъ, и бѣдность его тенденцій не должна скрывать отъ насъ того громаднаго мастерства, съ которымъ онъ находитъ имъ многозвучную и выразительную форму. Не такъ давно г. Мережковскій съ обычнымъ умѣніемъ цитировать побѣдоносно

показывалъ, какъ банальны и пошлы андреевскіе эпитеты. Одного только не замѣтилъ г. Мережковскій: какъ часто вся сила Андреева въ банальномъ. Можно разнести его произведенія по ниточкамъ, можно все свести къ первоисточникамъ, можно все назвать элементарнымъ; но элементарность по русски—стихійность. И изъ-за манерныхъ штучекъ, коротенькой философіи и крикливаго паѳоса вдругъ выглянетъ простая спокойная сила.

I.

«Мои Записки» Андреева не задѣли общественнаго вниманія, подобно другимъ его произведеніямъ, и не вызвали большой литературы. Въ читательской средѣ, однако, голоса раздѣлились: однимъ эта вещь показалась совершенно непонятной, другіе нашли ее слишкомъ понятной. Послѣднее, конечно, ближе къ истинѣ: въ разсказѣ есть кой что *слишкомъ* понятное; подчасъ онъ просто удручаетъ дѣтской азбучностью; это именно тамъ, гдѣ съ невыносимой наивностью выдаютъ себя намѣренія автора. Это совершенно недопустимо; давно отмѣтилъ нѣмецкій поэтъ тотъ непріятный моментъ въ отношеніяхъ автора и его читателя, когда man merckt die Absicht und man wird verstimmt. И, быть можетъ, никогда поверхностная жизненная философія Леонида Андреева не выступала съ такой обнаженностью, съ такой безпомощной преднамѣренностью, какъ въ «Моихъ запискахъ». Въ русской литературѣ много замѣчательныхъ тенденціозныхъ произведеній, спасенныхъ, однако, ихъ содержательностью; но нигдѣ тенденція не представляется такой упрощенной, такой бѣдной. На мѣсто формулы «рече безумецъ: нѣсть Богъ»,—утверждающей бытіе Бога, Андреевъ ставитъ противоположную: «рече безумецъ: есть Богъ»—и тѣмъ отвергаетъ существованіе Бога. Слишкомъ элементарно даже для Андреева. Хорошо, что въ «Моихъ запискахъ» есть не только тенденція.

Любопытно, что даже тѣ, которые все поняли въ разсказѣ, все таки остановились предъ однимъ вопросомъ. Совершенно понятно, для чего Андреевъ написалъ «Мои записки»: для того, чтобы показать, что смысла жизни нѣтъ, что жизнь есть тюрьма, а любовь человѣка есть блудъ въ одиночку. Это ясно. Но у «Записокъ» есть другой авторъ: вымышленный узникъ и убійца, созданный Андреевымъ. Вотъ для чего *онъ* писалъ свою исповѣдь? Для чего ему эти самооправданія и самообличенія, эти поученія и эта ложь? Онъ лжетъ въ своихъ запискахъ такъ болтливо, такъ изступленно, такъ противорѣчиво, что, конечно, никого убѣдить не можетъ. Онъ лжетъ что то такое о какихъ то своихъ проповѣдяхъ, за которыя люди цѣловали ему руки; эти проповѣди оказываются то вмѣстилищемъ нѣкоторой самоотверженной «закаленной правдивости», то сплош-

ной ложью. Такъ или иначе—въ нихъ нѣтъ главнаго: нѣтъ цѣли. Нѣтъ цѣли и у «Записокъ» въ ихъ совокупности: нѣтъ повода, нѣтъ смысла. Ихъ авторъ не любитъ и не ненавидитъ людей; они ему чужды, непонятны и ненужны, хотя онъ многократно распространяется о любви и вниманіи къ нимъ: станетъ ли онъ писать для нихъ?—И оттого, если принять за исходный пунктъ тенденцію Андреева, то весь разсказъ простъ, ясенъ и понятенъ до послѣдней запятой, кромѣ одного момента—и, быть можетъ, существеннаго: «Прощай, мой дорогой читатель!—заканчиваетъ добровольный узникъ свои записки,—смутнымъ призракомъ мелькнулъ ты предъ моими глазами и ушелъ, оставивъ меня одного предъ лицомъ жизни и смерти. Не сердись, что порою я обманывалъ тебя и кое гдѣ лгалъ; вѣдь и ты на моемъ мѣстѣ солгалъ бы, пожалуй. Все же я искренне любилъ тебя и искренне желалъ твоей любви; и мысль о твоемъ сочувствіи была для меня не малою поддержкою въ тяжелые минуты и дни. Шлю тебѣ мое послѣднее прощанье и *искренній совѣтъ*: забудь о моемъ существованіи, какъ я отнынѣ навсегда забываю о твоемъ».

Вотъ это заключительное обращеніе—которое не разъ подготовлялось въ теченіи разсказа—разрываетъ его единство. Оно наново заволакиваетъ весь разсказъ такой густой пеленой лжи и безсмыслицы, что вновь все понятное въ немъ становится загадкой. Пусть мы рѣшили все, о чемъ спрашивали себя на протяженіи разсказа; мы знаемъ все объ авторѣ записокъ; мы возстановили его прошлое, мы дознались, правъ или не правъ судъ, обвинившій его въ убійствѣ, мы прошли съ нимъ путь, имъ раскрытый передъ нами, мы всматриваемся въ его безотрадное будущее. Мы раскрыли сплетеніе тенденцій, отстаиваемыхъ здѣсь—какъ и въ другихъ мѣстахъ—Андреевымъ. Но полной ясности нѣтъ, пока мы не отдали себѣ отчета, для чего узникъ писалъ свою исповѣдь. Весь міръ онъ охватилъ гнусной лицемѣрной ложью, столь же безцѣльной, сколь безпредѣльной; и иногда кажется, что единственнымъ намѣреніемъ его было сдѣлать эту безцѣльную злобную гнусность: отмстить міру за свое безсиліе новой путанницей, которую онъ изъ глубины своего искусственнаго заточенія бросаетъ одураченнымъ людямъ. Но это не рѣшаетъ загадки; она остается въ силѣ: зачѣмъ—или, вѣрнѣе, почему такъ безумно лжетъ авторъ «Записокъ»; не рѣшаетъ,—если мы не припомнимъ еще одной изъ небольшого запаса идей Леонида Андреева—быть можетъ, основной.

Разсказъ пробовали комментировать въ метафизической плоскости. Это возможно, но это захватываетъ слишкомъ широко, слишкомъ общо: герой все-таки выраженъ въ конкретномъ образѣ и стоитъ психологическаго изученія. Въ разсказѣ видѣли изображеніе «ужаса безцѣльности»; это въ немъ есть. Видѣли воплощеніе хаоса, безсмыслицы бытія—и это въ немъ есть, конечно; его мотивы разнообразны. Но основнымъ изъ нихъ является одинъ, не

вполнѣ новый у Андреева и не углубленный, однако теперь выступающій съ наибольшимъ напряженіемъ.

Это мысль о банкротствѣ разума. Трагедія раціонализма—такова основная тема «Моихъ записокъ». Она облечена въ форму пошлой комедіи; но это только оболочка: надъ героемъ своимъ Андреевъ склоненъ презрительно издѣваться, надъ собой онъ не станетъ смѣяться. А трагедія раціонализма есть и его трагедія.

Разумъ гнусенъ, разумъ глупъ, разумъ безуменъ—вотъ о чемъ кричитъ каждое слово этой дикой исповѣди. Живущій разумомъ потеряетъ его, все осмысливающій будетъ дѣлать только безсмысленное и, наоборотъ, только потерявшій живой смыслъ жизни можетъ вложить въ нее смыслъ разумный: вотъ исходная мысль «Моихъ записокъ». Въ ней implicite даны всѣ прочія. Эту тему Андреева можно было предсказать: онъ долженъ былъ придти къ ней, не могъ не придти. Космосъ лишь неизбѣжное слѣдствіе разума, и кто отрицаетъ первый, долженъ отвергнуть второй. Мысль знаетъ міръ только закономѣрнымъ—или не знаетъ его; она не можетъ существовать, не вкладывая смысла въ мірозданіе; это условіе ея бытія и необходимый изъ нея выводъ. На этомъ эстетическомъ смыслѣ жизни строютъ моральное ея оправданіе—и то, и другое равно ненавистны Андрееву; и онъ, отвергая смыслъ жизни, долженъ былъ отвергнуть обобщающій разумъ. Поэтъ безсмысленной стихійности, безысходной трагедіи, лежащей въ основѣ бытія, ненавистникъ безстрастнаго «Нѣкоего въ сѣромъ», ищущій въ мірозданіи осмысленнаго космоса и неизмѣнно находящій жалкую и—въ его изображеніи—не захватывающую безтолковщину, бѣдный Андреевъ, расплющенный мыслью о предвѣчномъ Хаосѣ, давно и неизбѣжно шелъ къ этой сердитой каррикатурѣ на разумъ. Въ драмѣ «Къ звѣздамъ», въ образѣ стараго астронома Сергѣя Николаевича, знаменитаго ученаго, спокойно-безстрастнаго, безчеловѣчно-благостнаго, онъ подходилъ уже къ этой темѣ. И въ строго-благородномъ старикѣ Верховскомъ есть элементы каррикатуры. Неподражаемо самодовольство, съ которымъ онъ заявляетъ, что «среди астрономовъ нѣтъ самоубійцъ». Все понявшій, все простившій, онъ не терзается ни вопросами познанія, ни вопросами морали. Обѣ правды у него въ карманѣ. Но не смѣяться хочется надъ старымъ ученымъ—онъ слишкомъ благороденъ для этого,—и не негодовать—онъ такъ привлекателенъ,—а плакать, когда этотъ старый безумецъ—безумецъ разумности—утѣшается въ смерти сына, безобразно убитаго въ тюрьмѣ: «Это ничего. Жизнь, жизнь вездѣ. Сейчасъ, въ эту минуту—да, въ эту минуту!—родится кто то—такой же, какъ Николай, лучше, чѣмъ онъ—у природы нѣтъ повтореній». Не мудрено, что дочь астронома, еще живая духовно дѣвушка, не обращенная въ машину астрономіей и не усматривающая смысла жизни въ таблицѣ умноженія, и раньше противопоставляла мертвому оптимизму отца со всѣмъ его разумомъ безумную логику без-

смыслицы. Старую уродливую Элленъ—образъ нищеты, горя и хаоса—она возьметъ къ себѣ въ созданный ея мечтою чудный міръ. «Противъ кого»?—спрашиваетъ отецъ.—«Противъ тебя»—отвѣчаетъ дочь. Это центръ драмы «Къ звѣздамъ». «Противъ твоей астрономіи, противъ твоего разума»,—могла бы сказать отцу Маруся.

Теперь Андреевъ сдѣлалъ шагъ дальше въ выраженіи своей ненависти ко всякому стремленію разумомъ осмыслить міръ. Онъ, столь охотно спускавшійся къ гетевскимъ Матерямъ, чтобы найти на ихъ мѣстѣ уличныхъ проститутокъ, долженъ же былъ, наконецъ, сдѣлать носителемъ идеи разумнаго космоса убійцу, лицемѣра и рукоблуда.

II.

Чтобы усвоить себѣ основные мотивы «Моихъ записокъ», удобно принять одну гипотезу—почти кощунственную, и оттого мнѣ приходится сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы высказать ее. Не говорю уже о томъ, что она чревата недоразумѣніями, которыхъ я не хотѣлъ бы. Поэтому постараюсь быть до конца яснымъ и прошу отбросить эту мысль, какъ только она будетъ использована. Она не имѣетъ права на самостоятельное существованіе; она—какъ лѣса, которые должны быть разрушены, когда домъ выстроенъ.

Это мысль о томъ, что «Мои записки» представляютъ собою карикатуру на Льва Толстого. Принявъ это предположеніе, мы многое раскрываемъ въ исповѣди страннаго узника.

Если надо, я оговорюсь, чтобы хоть съ этой стороны не было недоразумѣній. Безконечно чуждо мнѣ подозрѣніе, что здѣсь была хоть тѣнь намѣренія, что Леонидъ Андреевъ имѣлъ въ виду Льва Толстого. Не позволяю себѣ сомнѣваться въ его благоговѣніи къ великому писателю, которое онъ высказывалъ. Да если бы и не высказывалъ, я не рѣшился бы заподозрить его въ такомъ кощунственномъ пасквилѣ. Но Андреевское такъ отрицаетъ Толстовское, что иначе не могло выйти—и вышло ошеломляющее гнусностью напоминаніе. Странное, жалкое, презрѣнное существо, психопатъ, лгунъ, лицемѣръ и убійца сталъ похожимъ на того, къ кому всѣ мы относимся съ благоговѣйнымъ уваженіемъ.

Сходство удивительное даже въ подробностяхъ. Добровольный отшельникъ—тотъ и другой, авторъ безгранично смѣлой и искренней исповѣди—тотъ и другой, учитель жизни—тотъ и другой. И вокругъ добровольнаго одиночества обоихъ бушуетъ тоже человѣческое море славы, обожанія, смѣняющагося грубой бранью; предъ обоими толпа преклоняющихся раскрываетъ свою душу. Уличная извѣстность, смѣшанная съ канонизаціей—удѣлъ обоихъ. «Я занялъ положеніе весьма почетное, на которое едва ли смѣлъ когда либо разсчитывать въ сознаніи моихъ скромныхъ достоинствъ.

Вся печать съ единодушнымъ восторгомъ встрѣтила меня; многочисленные журналисты, фотографы, даже карикатуристы въ сотняхъ статей и рисунковъ воспроизвели всю исторію моей замѣчательной жизни. Съ поразительнымъ единодушіемъ, не сговариваясь другъ съ другомъ, газеты присвоили мнѣ наименованіе «Учитель», высоко лестное имя, которое послѣ нѣкоторыхъ колебаній я принялъ съ глубокой признательностью... Я удостоенъ чести быть избраннымъ въ почетные члены многихъ человѣколюбивыхъ обществъ, какъ то: «Лиги мира», «Лиги борьбы съ дѣтской преступностью», «Общества друзей человѣка» и нѣкоторыхъ другихъ». Толпа относится къ автору «Записокъ» такъ, какъ она относится къ Толстому. Пробовала она закидывать его камнями за его добровольный уходъ въ тюрьму—какъ нападали на Толстого за «недѣланіе» и «непротивленіе—и самъ заточившій себя узникъ «подобно гонимому пророку безтрепетно совершалъ свой путь среди бѣснующейся толпы, на удары и проклятія отвѣчая только гордымъ молчаніемъ». Затѣмъ твердость непротивящагося узника покорила нелѣпыхъ и ничтожныхъ людей; они поклоняются ему «и кланяются все ниже, потому что все больше ихъ удивленіе, все глубже страхъ передъ непонятнымъ». То, что узникъ молчитъ, не отвѣчая улыбкой на ихъ льстивыя улыбки, внушаетъ имъ твердую увѣренность, что въ чемъ то огромномъ они виноваты предъ нимъ и что онъ знаетъ ихъ вину. «Извѣрившись въ словахъ своихъ и чужихъ, они благоговѣютъ предъ молчаніемъ моимъ, какъ благоговѣютъ предъ всякой тайной и всякимъ молчаніемъ». Даже въ наружности узника есть что то, напоминающее Толстого: «уже давно пересталъ я подстригать мои сѣдые волосы и бороду, и ихъ естественный безпорядокъ придаетъ моей головѣ сходство съ головою Короля Лира, потерявшаго дочерей».

Но за этими внѣшними мелочами—какое страшное и гадкое сопоставленіе міровоззрѣній. Толстой пріемлетъ міръ, Толстой вѣритъ въ водвореніе Царства Божьяго на землѣ. Для Толстого это просто: надо только, чтобы всѣ захотѣли—тогда и дѣлать ничего не надо, все придетъ само собой. И узникъ Андреева ничего иного не объявляетъ; издѣваясь надъ Толстымъ, доводя его мысль до уродливаго абсурда, онъ прямо утверждаетъ, что Царство Божье уже здѣсь, оно уже пришло, оно предвѣчно: надо только признать его. Зла нѣтъ—«такъ называемый пессимизмъ не есть научная теорія, а просто скверное устройство мозговъ»; Толстой съ этимъ, конечно, согласенъ. Непротивленіе узникъ довелъ до конца: тюрьма цѣлесообразна, и потому прекрасна; когда его выпустили изъ тюрьмы, онъ построилъ себѣ свою на свой счетъ, и сидѣлъ въ ней: верхъ непротивленія. Жизнь осмыслена постольку, поскольку скована: истинное освобожденіе въ рабствѣ. Богъ ли—«начальникъ тюрьмы» или человѣкъ, это все равно: все мірозданіе есть стройная система тюремъ; свобода въ стройности этой системы, другой сво-

боды нѣтъ, и то, что г. Начальникъ тюрьмы на просьбу узника дать ему точный планъ тюрьмы отвѣчаетъ вѣжливымъ отказомъ, увѣнчиваетъ высшей красотой нашу безпредѣльную покорность— въ ней же наша свобода. Гнуснѣе не могъ бы быть изображенъ безграничный оптимизмъ. Не трудно въ этомъ влеченіи къ тюрьмѣ прочитать и намеки на то, что неоднократно уже Толстой добивался для себя этой тюрьмы, которою такъ скупы трусливые владыки жизни для него и такъ щедры для его дѣятельныхъ послѣдователей, и не только тюрьмы, но и висѣлицы проситъ для себя Толстой, ибо и онъ—подобно узнику—вопреки разуму, лежащему въ основѣ его ученія—вѣритъ въ будущую жизнь. Но есть детали и болѣе гнусныя—и та «любовь въ одиночку», которую проповѣдуетъ и—если не лжетъ—практикуетъ герой разсказа, «любовь», въ которой живой объектъ любви остается высокимъ предметомъ платоническаго обожанія, а естественное половое чувство удовлетворяется искусственно,—эта «любовь» не есть ли ядовитая карикатура той толстовской любви, о которой говоритъ «Крейцерова соната» и послѣдующія произведенія? Эстетика Толстого, такъ много отдающая морали и такъ мало искусству, нашла выраженіе въ примѣчаніи узника: «то, что люди называютъ обычно «литературнымъ талантомъ» и чѣмъ такъ наивно восхищаются, есть въ сущности ничто иное, какъ неудержимая наклонность къ вымыслу и лжи»—и, быть можетъ, еще больше въ другомъ разсужденіи: «законамъ жизни, а не смерти, и не поэтическаго вымысла, какъ бы ни былъ онъ прекрасенъ, долженъ подчиняться человѣкъ. Да и можетъ ли быть прекраснымъ *вымыселъ*?» Бога не знаетъ узникъ, но и Толстой вѣдь «только» пантеистъ, а извѣстно, что «пантеизмъ есть вѣжливая форма атеизма»; эстетическій атеизмъ, легко и безболѣзненно превратившій ужасы хаоса въ прелести космоса, не есть ли—съ точки зрѣнія всеопошляющаго врага—тотъ же пантеизмъ Толстого безъ мистики, безъ чуда, безъ личнаго Бога? «Моя мысль, воспитанная въ законахъ строго научнаго мышленія, не можетъ признать ни чудесъ, ни Божественности того, кто справедливо именуется Спасителемъ. Но въ то же время съ глубочайшимъ уваженіемъ отношусь я къ Его личности и безгранично чту Его заслуги предъ человѣчествомъ». Такъ говоритъ узникъ, такъ кощунствуетъ — ибо лжетъ объ уваженіи этотъ воплощенный лгунъ, воплощенный «разумъ» и воплощенный дьяволъ предъ женщиной, которая поднесла ему распятіе. «И если я вамъ скажу, сударыня, что св. Евангеліе составляетъ уже давно мою настольную книгу, что нѣтъ дня въ моей жизни, когда я не развернулъ этой великой книги, черпая въ ней силу и мужество для прохожденія моего нелегкаго пути, — вы поймете, что вашъ щедрый даръ не могъ попасть въ болѣе подходящія руки. Отнынѣ, благодаря вамъ, печальное иногда уединеніе моей камеры исчезаетъ: я не одинъ. Благословлю тебя, дочь моя».

И здѣсь мысли, которыя мы привыкли слышать отъ великаго человѣка, внушающаго намъ—даже при несогласіи—глубокое уваж часто радостный восторгъ,—вложены въ уста страшнаго и жалкаго лицемѣра, чтобы здѣсь онѣ стали пошлыми и отталкивающими А между тѣмъ, вѣдь зерно извѣстнаго правильнаго указанія есть въ этой гадкой карикатурѣ—и развѣ не то же самое говорилъ нѣкогда Толстому пылкій адептъ контовой «религіи человѣчества» Вильямъ Фрей: «Простите, дорогой, но ваша система есть сухая схема. Въ ней мысль, логика, правила, но нѣтъ личнаго, симпатическаго элемента, нѣтъ единенія, нѣтъ глубокой душевной близости съ учителемъ нашей вѣры. Вы у Христа берете только поученія, правила, мысли, пользуетесь его притчами, метафорами и разсказами о фактахъ его жизни, но Онъ, Онъ самъ не есть для васъ Божество. Вы ему не молитесь, вы не вѣрите въ него».

Да и нѣтъ и не нужно вѣры тамъ, гдѣ въ основу міроотношенія положенъ великій, всеохватывающій разумъ. «Я знаю—сказалъ разъ Левъ Николаевичъ, — меня будутъ много ругать. Но я долженъ все таки повторять одно: разумъ, разумъ и разумъ. Нѣтъ иныхъ путей постигновенія истины, и только черезъ разумъ мы питаемся, какъ черезъ ротъ питается тѣло наше. И какъ нельзя поддерживать жизнь человѣчества искусственнымъ питаніемъ черезъ другіе пути, такъ нельзя говорить, что жизнь духа поддерживается одною вѣрою. Это—или увлеченіе обманомъ, или самый обманъ».

Правда, эти слова передаетъ подозрительный Эккерманъ Толстого, многопишущій Тенеромо. Но здѣсь обострено только то, что для умѣющаго читать давно ясно въ писаніяхъ великаго религіознаго раціоналиста. Вотъ—если надо—его подлинныя слова. «Установилось между людьми—смѣло скажу, нерелигіозными—мнѣніе о томъ, что разумъ не можетъ рѣшать вопросовъ религіозныхъ, что приложеніе разума къ этимъ вопросамъ есть главная причина заблужденій, что рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ разумомъ есть преступная гордость... Такое предположеніе столь же странно и очевидно ложно, какъ и предположеніе о томъ, что вычисленіе не можетъ рѣшить вопросовъ математическихъ. Человѣку дано прямо отъ Бога только одно орудіе познанія себя и своего отношенія къ міру,—другого нѣтъ,—и орудіе это разумъ... Если смыслъ жизни человѣка представляется ему неяснымъ, то это доказываетъ не то, что разумъ не годится для уясненія этого смысла, а только то, что допущено на вѣру слишкомъ много неразумнаго и надо откинуть все то, что не подтверждается разумомъ».

III

Все злое, что можетъ сказать карикатура объ этомъ міровоззрѣніи, сказано въ «Моихъ запискахъ». Разумъ есть второе слово ихъ автора. Онъ благоразуменъ, обстоятеленъ и разсудителенъ, ибо не только эмоціональная жизнь человѣка, но и сама дѣйствительность отступаетъ въ его разсужденіяхъ на второй планъ. Припомнимъ, что это ему и необходимо: какъ ни какъ, его исповѣдь есть все-таки самозащита. Нелѣпъ этотъ человѣкъ, отвергающій истину о своемъ преступленіи, за которое ему уже ничто не грозитъ—ибо онъ, вѣдь, презираетъ все, могущее ему грозить—но все-таки онъ настаиваетъ на томъ, что онъ невиненъ въ убійствѣ отца. И поистинѣ замѣчателенъ путь, которымъ онъ идетъ, чтобы навести своего читателя на ложный слѣдъ. У этого абсолютнаго циника есть религія, есть вѣра. Онъ, можетъ быть, не вѣритъ въ осмысленность жизни, въ «священную формулу желѣзной рѣшетки», но въ разумъ онъ вѣритъ; здѣсь онъ не вретъ. Раціоналистъ по преимуществу, раціоналистъ до крайности, до ужаса, до безумія, онъ вѣритъ въ дискурсивную логику, какъ идолопоклонникъ. Она у него вмѣсто Бога, котораго у него нѣтъ,—и онъ намъ старается тоже внушить вѣру въ нее. Это ему необходимо: если онъ насъ не убѣдитъ въ томъ, что правды нѣтъ, а есть только логика, то онъ пропалъ: мы скорѣе, чѣмъ побѣдоноснымъ его аргументамъ, повѣримъ неопредѣленному внутреннему голосу, который такъ легко побѣдить и такъ трудно убѣдить доводами логики. Авторъ это знаетъ. Оттого онъ и старается привить своимъ читателямъ мысль, что «вопросъ о правдѣ и лжи по существу» совершенно ничтоженъ предъ логической послѣдовательностью раціональнаго разсужденія. *Истины о его виновности не существуетъ*: съ одной стороны, ему удалось «найти одну такую комбинацію фактовъ, которая, будучи ложной по существу, по видимости своей была столь правдоподобна, что его истинная невиновность становилась безусловно ясно, точно и твердо установленной»; съ другой стороны, присяжные, обвинивъ его, были «правы, совершенно правы», ибо «какъ люди, которые могутъ судить о вещахъ и событіяхъ только по видимости ихъ и лишены возможности проникнуть въ ихъ сокровенное существо, они не могли и не должны были поступить иначе». Судебной ошибки не было, ибо нѣтъ вообще ошибки въ опредѣленіи сущаго; «ошибки нѣтъ и не можетъ быть тамъ, гдѣ при совокупности опредѣленныхъ данныхъ, нормально устроенный и развитой мозгъ непреложно приходитъ къ одному и единственному выводу». Ошибочно только то, что противорѣчитъ себѣ, противорѣчитъ законамъ логики, противорѣчитъ устройству нашей мысли. Въ этихъ предѣлахъ все есть

истина, все есть ложь: все равно. «До сихъ поръ помню то огромное, не лишенное страха, чувство изумленія, какое испыталъ я при моемъ странномъ и неожиданномъ открытіи: говоря правду, я привожу людей къ ошибкѣ и тѣмъ обманываю ихъ; утверждая ложь, привожу ихъ, наоборотъ, къ истинѣ и познанію». Правды и неправды нѣтъ, есть только правдоподобность, то есть «гармонія между видимымъ и мыслимымъ на основаніи строгихъ законовъ логическаго мышленія».

Такъ послѣдовательно и неуклонно отступаетъ объективная истина въ разсужденіяхъ узника на второй планъ предъ лицомъ комбинацій разума. «Я открылъ великій законъ, на которомъ зиждется вся исторія человѣческой мысли, ищущей не правды, которой ей не дано знать, а правдоподобности, т. е. гармоніи между видимымъ и мыслимымъ, на основаніи строгихъ законовъ логическаго мышленія». Въ дни этого великаго открытія онъ не радовался, но «въ наивномъ юношескомъ отчаяніи» восклицалъ: «Гдѣ же правда? Гдѣ же правда въ этомъ мірѣ призраковъ и лжи?» Теперь его спокойный умъ, «склонный къ возвышенному созерцанію и радостямъ математики», знаетъ, что нѣтъ ни правды, ни неправды, есть только комбинаціи разума: если въ нихъ нѣтъ внутренняго противорѣчія, онѣ законны, онѣ замѣняютъ дѣйствительность.

Онѣ же ее и оправдываютъ. Все созданное разумомъ дѣйствительно. Поэтому все дѣйствительное разумно,—каждымъ своимъ словомъ говоритъ герой Андреева; эту ненавистную разумность міропорядка желаетъ довести авторъ до абсурда мерзостно-самодовольными, лягушачьими размышленіями своего героя. Мірозданіе не безсмысленно. Оно имѣетъ высшій смыслъ. Этотъ высшій смыслъ заключается въ его голословномъ, тупомъ, холодномъ признаніи. Все страшное, непонятное, гнусное въ мірѣ, все, съ чѣмъ бѣшено напряженная борется наша мысль, все, противъ чего безумно протестуетъ наше существо,—все объявлено «мудрымъ закономъ жизни». Жизнь можетъ быть чудовищна, жестока, гнусна, но она прекрасна, когда смотришь на нее съ эстетической высоты, когда признаешь ее осмысленной. Въ отвратительныхъ символахъ сосредоточилъ живой мертвецъ, котораго Андреевъ сдѣлалъ носителемъ противной ему философіи примиренія, основныя начала этой философіи. Еще въ ранней молодости, студентомъ онъ ощутилъ первыя начала того настроенія, которому суждено было разростись въ его мысли въ законченное міровоззрѣніе. Въ группѣ съ товарищами однокурсниковъ онъ работалъ надъ трупомъ какого-то пожилого человѣка. «Помню—разсказываетъ онъ—то отвращеніе, съ какимъ первоначально услышалъ я гнилостный запахъ разложенія, то чувство нестерпимой брезгливости и даже страха, какое испыталъ я при первомъ прикосновеніи моихъ живыхъ пальцевъ къ гніющему мясу. Но захваченный интересною работою, я посте-

пенно привыкъ къ дурному запаху, а вскорѣ въ одинъ изъ увлекательнѣйшихъ вечеровъ, когда случайно мнѣ пришлось работать одному, я неожиданно почувствовалъ глубочайшій восторгъ предъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ обратнаго шествія матеріи отъ жизни къ смерти, отъ сложнѣйшей конструкціи живого организма къ простѣйшимъ элементамъ вещества. Долго въ экстазѣ, который я осмѣлюсь назвать религіознымъ, любовался я трупомъ, своей неподвижной фигурой, со скальпелемъ въ одной рукѣ, съ другой рукою, поднятой ввысь, уподобляясь объекту моего восхищеннаго созерцанія». Несчастный, быть можетъ, и не чувствуетъ, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ похожъ на смрадный объектъ своего восхищеннаго созерцанія и здѣсь не можетъ обойтись безъ своего обычнаго припѣва,—тоже вызывающаго «чувство нестерпимой брезгливости»: «Такъ даже въ юные годы случайной гостьей навѣщала меня прекрасная истина, полнымъ обладаніемъ которой только теперь я вправѣ гордиться».

Символомъ и формулой этой «прекрасной истины» является для него теперь та желѣзная рѣшетка тюрьмы, въ которой сосредоточена вся безнадежность его существованія. Ощущеніе полной безнадежности есть для него освобожденіе. Онъ почувствовалъ «нѣжную благодарность, почти любовь» къ рѣшеткѣ въ тотъ день, когда вдругъ небо предстало ему необычайно красивымъ сквозь тюремную рѣшетку, и его осѣнилъ великій вопросъ, въ которомъ уже таился сладостный отвѣтъ: «не есть ли это проявленіе высшаго закона, на которомъ *безграничное* постигается человѣческимъ умомъ лишь при непремѣнномъ условіи введенія его въ *границы*?» И рѣшетка тюрьмы «вдругъ явила собою образецъ глубочайшей цѣлесообразности, красоты, благородства и силы. Схвативъ въ свои желѣзные квадраты безконечное, она застыла въ холодномъ и гордомъ покоѣ, пугая людей темныхъ, давая пищу для размышленія людямъ разсудительнымъ и восхищая мудреца».

Пророкомъ рѣшетки, или, что то же, провозвѣстникомъ божественнаго смысла жизни изображаетъ себя въ дальнѣйшемъ авторъ записокъ. Міръ есть тюрьма, закопообразность есть рабство, міровая гармонія есть тюремная рѣшетка; въ дикой игрѣ разгулявшагося самодовольства авторъ записокъ сообщаетъ даже, что, по его проекту, тюремнымъ кандаламъ придана форма ∞, знака символизирующаго въ математикѣ безконечность. Такъ «изъ философскаго щегольства»—ибо «практически прежнія не умныя кольца съ успѣхомъ выполняли свое назначеніе»—слиты безконечность и кандалы; *рабство стало символомъ свободы*, какъ уже раньше стало ея *воплощеніемъ*, ея инобытіемъ.

Ибо свобода есть самообманъ, а жизнь на волѣ есть тюрьма. Эта «жизнь каждаго изъ такихъ людей, кого я видѣлъ... движется по строго опредѣленному кругу, столь же прочному, какъ коридоры нашей тюрьмы, столь же замкнутому, какъ циферблатъ тѣхъ ча-

ковъ, что въ невинности разума ежеминутно подносятъ они къ глазамъ своимъ, не понимая рокового значенія вѣчно движущейся и вѣчно къ своему мѣсту возвращающейся стрѣлки». И каждый, однако, чувствуетъ себя свободнымъ и подобно глупой птицѣ, которая бьется до полнаго истощенія силъ о прозрачную стеклянную преграду, люди бьются о стѣны своей тюрьмы. Они восхищаются глубиной и безконечностью своего неба—«наглое, оно обманываетъ ихъ своею мнимою доступностью, своей лживой красотой». Людямъ надо понять, что свободы нѣтъ, что свободы не нужно,—и они будутъ безконечно счастливы «въ сознаніи своей мудрой подчиненности цѣлесообразнымъ и строгимъ велѣніямъ рока».

Естественно, что человѣкъ, мечтающій о томъ, что онъ «перевернулъ міръ», подчиняясь ему, на самомъ дѣлѣ перевернулъ только себя. Спокойствіе отъ потрясеній онъ купилъ отсутствіемъ привязанностей, отъ тюрьмы подневольной онъ перешелъ къ тюрьмѣ добровольной—и не метафорической; его «широкая и мощная любовь къ человѣчеству», ради которой онъ очистилъ душу отъ всякой любви къ отдѣльнымъ людямъ, есть кощунственная болтовня; лишенный радостей общественности, онъ лишенъ и радостей одиночества, ибо самъ изобрѣлъ глазокъ въ двери для сторожа и долженъ его благодарить за вниманіе, когда тотъ отворачивается отъ мерзостей его одинокой любви. Но и полной побѣдой всеобъемлющаго Разума онъ не можетъ похвастать: «на мою просьбу дать мнѣ точный планъ тюрьмы, г. Начальникъ отвѣтилъ вѣжливымъ отказомъ». Приходится, стало быть, отказаться и отъ разума, ибо при такихъ условіяхъ что убѣждаетъ насъ, что «при закатѣ солнца наша тюрьма прекрасна», какъ патетически заканчиваются «Записки». Злополучный іерофантъ разумнаго космоса въ концѣ концовъ не замѣтилъ, что онъ принимаетъ эту разумность на вѣру, что разумъ не играетъ здѣсь никакой роли, что имъ руководитъ не холодная мысль, а пылкій инстинктъ примиренства.

А онъ ли не боролся съ инстинктами, съ чувствами, съ сердцемъ, онъ ли не торжествуетъ ежеминутно побѣду разума надъ тѣмъ, что копошится подъ нимъ въ душѣ человѣческой. Они сильны, эти «иные голоса, глухо доносящіеся изъ потаенныхъ глубинъ человѣческаго организма». Во снѣ, «когда утомленный разумъ, потерявшій нить логическаго мышленія, безсильно скачетъ черезъ темные провалы,—они начинаютъ звучать громко и властно, часто оказываясь нисколько не глупѣе, чѣмъ самъ господинъ великій разумъ». Но онъ забываетъ ихъ, когда бодрствуетъ. Онъ побѣждаетъ все безсознательное, все подсознательное. Пошлость этой мнимой побѣды изображаетъ Андреевъ—и для полноты этой картины онъ, конечно, не могъ обойтись безъ ея естественной детали —безъ побѣды разума надъ совѣстью.

Разумъ свелъ автора «Записокъ» съ ума, раціонализмъ есть

источникъ его моральнаго помѣшательства, самочинное умствованіе привело его къ чудовищному преступленію.

IV.

Кто онъ былъ въ то далекое время, когда произошелъ страшный переворотъ въ его судьбѣ? Дознаться не такъ трудно, если продолжить нѣсколько далѣе линіи, намѣченныя авторомъ. «Это былъ—разсказываетъ онъ—почти юноша, 27 лѣтъ, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, нрава несдержаннаго, порывистаго, способнаго къ рѣзкимъ уклоненіямъ. Нѣкоторая мечтательность, свойственная возрасту, самолюбіе, легко оскорбляемое и становящееся на дыбы при каждомъ ничтожномъ поводѣ, задорная стремительность въ рѣшеніи міровыхъ проблемъ, припадки меланхоліи, чередующіеся съ такими же дикими припадками веселія,—все это придавало юному математику характеръ крайней неустойчивости, печальной и рѣзкой дисгармоничности».

Вѣдь это старый нашъ знакомый—одинъ изъ тѣхъ самолюбивыхъ и втайнѣ, въ мысляхъ своихъ міръ переворачивающихъ мечтателей, которыхъ такъ поразительно сильно и многообразно изображалъ Достоевскій, отразивъ въ нихъ, быть можетъ, значительнѣйшія переживанія своей молодости. Новое подполье хотѣлъ дать въ «Моихъ запискахъ» Андреевъ—и фатально для него это навязчивое воспоминаніе о старомъ, столь безконечно содержательномъ. Надо ли напомнить, что міровоззрѣніе андреевскаго узника есть только міровоззрѣніе подпольнаго человѣка, только съ отрицательнымъ знакомъ. Тотъ же кругъ идей, тѣ же образы, чуть не тѣ же слова. И здѣсь говорится о людяхъ, для которыхъ «стѣна имѣетъ что-то успокоительное, нравственно-разрѣшающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое». И именно противъ «священной формулы рѣшетки» направлено все существо подпольнаго человѣка. и хорошо извѣстно, что, быть можетъ, нигдѣ во всемірной литературѣ бунтъ человѣка противъ внѣ его лежащаго—космоса или хаоса, это все равно—не нашелъ болѣе энергичнаго и содержательнаго выраженія. «Господи Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся? Разумѣется, не пробью такой стѣны лбомъ; если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, то я и не примирюсь съ ней потому только, что у меня каменная стѣна и силъ не хватило... Видите ли съ: разсудокъ, господа, есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только разсудокъ, а хотѣніе есть проявленіе всей жизни, то есть всей человѣческой жизни и съ разсудкомъ, и со всѣми почесываніями. И хоть жизнь наша въ этомъ проявленіи, выходитъ зачастую дрянцо, но все так жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня». Вотъ она

гдѣ «юный математикъ» цѣликомъ сидитъ: онъ только изъ одного подполья перешелъ въ другое. Если припомнить, что онъ уже въ молодые годы выдвинулся ученой работой, то этотъ оттѣнокъ,—далеко не случайный и не внѣшній—сходства съ его ровесниками Раскольниковымъ и Иваномъ Карамазовымъ раскрываетъ намъ еще явственнѣе его душевный міръ и ту страшную судьбу, которая была дана въ этомъ душевномъ мірѣ. Узнику Андреева недоставало глубокаго *благородства* Раскольникова и Ивана Карамазова; убивъ, онъ не раскаялся, какъ Раскольниковъ, онъ не раздавленъ сознаніемъ роковой ошибки, какъ Иванъ Карамазовъ. Андреевъ этого не хочетъ: тамъ есть моральный смыслъ, тамъ хаосъ переходитъ въ космосъ. Но далекое прошлое, душевная юность узника—одна съ героями Достоевскаго. Да, и онъ протестовалъ противъ «разума» и палъ его жертвой, и онъ не хотѣлъ быть «фортепьянной клавишей, на которой играютъ законы природы», и онъ, очевидно, нашелъ во тьмѣ своей безгранично одинокой и мечтательной души мысль, что «все позволено», ибо раціонально не можетъ быть доказано противное, и онъ осуществилъ эту мысль, какъ Раскольниковъ, какъ Иванъ Карамазовъ, какъ могъ бы ее осуществить ихъ предшественникъ и единомышленникъ, человѣкъ изъ подполья.

V

Незамѣтно отъ философіи андреевскаго узника мы подошли къ его психологіи, отъ міровоззрѣнія, выраженнаго въ чудовищной формѣ, но раздѣляемаго многими, мы пришли къ исключительной, неповторяемой личности. Надо и ей удѣлить долю вниманія и прежде всего покончить съ однимъ вопросомъ, не существеннымъ для пониманія характера, который раскрытъ намъ съ такой полнотой, но все-таки важнымъ. Убилъ или не убилъ авторъ исповѣди своего отца, брата и сестру? Когда убѣждаешься, что иного отвѣта, кромѣ утвердительнаго, быть не можетъ, то какъ-то не считаешь нужнымъ доказывать то, что такъ ясно до конца тебѣ и, надо думать, другимъ. Однако, есть сомнѣвающіеся; одинъ изъ критиковъ полагаетъ даже, что Андреевъ далъ матеріалъ, одинаково пригодный для обоснованія діаметрально противоположныхъ отвѣтовъ на вопросы: мудрецъ или сумасшедшій герой «Моихъ записокъ», вдохновенный пророкъ или жалкій актеръ, одержимый маніей величія, ужасный злодѣй или невинно страждущая жертва. Приходится, стало быть, порыться въ доказательствахъ. Быть можетъ, они не оказались бы убѣдительными для суда, который имѣлъ другія данныя; полагаемъ, однако, что они исчерпывающе рѣшительны для читателя исповѣди. Андреевъ остается въ сторонѣ, и великолѣпно то искусство, съ которымъ онъ, бросая тамъ и сямъ незначительныя по существу, фактически не доказатель-

ныя, но психологически убѣдительныя подробности, заставляетъ ихъ въ концѣ концовъ слиться въ ясную несомнѣнность. Начинаетъ казаться, что все гигантское зданіе самообличенія, безконечной и безобразной откровенности, страшной, до послѣдняго конца идущей правдивости, созданное авторомъ записокъ, есть фантомъ, миражъ, сочиненный имъ для того, чтобы прикрыть—отъ кого?—единственную правду, которую онъ могъ бы и почему-то не хочетъ сказать: правду о томъ, что присяжные не ошиблись, признавъ его виновнымъ въ чудовищномъ преступленіи. Ошиблись только газеты, называя его въ свое время «человѣкомъ-звѣремъ»: звѣремъ, жалкимъ и противнымъ, отрицаніемъ человѣческаго онъ былъ, конечно, въ своемъ преступленіи. Но, думается, было здѣсь и кой-что человѣческое. Звѣри не смущаются соображеніями совѣсти, когда имъ надо съѣсть кого-нибудь; здѣсь, кажется, было наоборотъ: огромное наслѣдство, какъ деньги старой ростовщицы для Раскольникова, было лишь видимостью цѣли. Преступленіе было, но больше идейное, чѣмъ корыстное. И тѣмъ страшнѣе: корыстное, это убійство было бы какъ-то естественнѣе. Поистинѣ противоестественнымъ дѣлаетъ его то, что оно не звѣрское, а именно человѣческое.

Узникъ отвергалъ и отвергаетъ свою вину. Онъ дѣлаетъ все, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что говоритъ правду; онъ разсказываетъ о себѣ мерзости, въ которыхъ, какъ извѣстно, гораздо труднѣе признаться, чѣмъ въ самомъ безчеловѣчномъ и жестокомъ убійствѣ. Но онъ ихъ разсказываетъ именно для того, чтобы увѣрить насъ въ томъ, что онъ не убійца; онъ надѣется, что, прочитавъ его откровенное признаніе въ его противоестественномъ порокѣ, мы скажемъ себѣ: о! конечно, если *въ этомъ* признается этотъ человѣкъ, если «гнусный порокъ» онъ не боится назвать «естественной необходимостью», если своему пакостному признанію не боится усвоить «цѣломудренный и высокій смыслъ», то неужто онъ побоялся бы признаться въ какомъ-нибудь отцеубійствѣ, когда ему уже *ничто* не грозитъ за это отцеубійство.

Но эти усилія напрасны. Изъ-за спины автора записокъ, его собственными словами его создатель убѣждаетъ насъ въ томъ, что передъ нами исповѣдь убійцы.

Достойно вниманія, что исповѣдь даже не пытается навести насъ на какой-нибудь слѣдъ. Убили трехъ человѣкъ, убили звѣрски и гнусно надругались надъ убитыми; въ убійствѣ обвинили ихъ сына и брата, которому оно могло быть нужно. Кому же еще было нужно? Неужто у автора записокъ нѣтъ никакихъ подозрѣній? Зачѣмъ онъ такъ убѣждаетъ насъ въ своей невинности, когда ему достаточно было бы подѣлиться съ нами своими предположеніями, чтобы мы считались съ ними. Но онъ *забылъ* объ этомъ. Забылъ потому, что это мелочь: одна изъ тѣхъ незамѣтныхъ и страшно важныхъ мелочей, которыя такъ часто раз-

рушаютъ гигантское и искусно сооруженное зданіе лжи. Въ томъ, что авторъ записокъ предполагаетъ лгать, онъ самъ признается въ самомъ началѣ своихъ записокъ,—признается нечаянно, но убѣдительно. «Случилось,—говоритъ онъ,—такъ, что въ игрѣ событій правда о моихъ поступкахъ, которую я зналъ только одинъ, пріобрѣла всѣ черты наглой и даже безстыдной лжи; и, какъ это ни странно покажется моему любезному и серьезному читателю, *не правдой, а только ложью могъ бы я возстановить и утвердить истину о моей невиновности»*. Вотъ эту ложь мы имѣемъ въ запискахъ: авторъ хочетъ навести насъ на ложный слѣдъ, онъ хочетъ утвердить насъ въ убѣжденіи, что онъ правдивъ, безконечно правдивъ. Но онъ слишкомъ понадѣялся на логику; у него нѣтъ того, чѣмъ не управляетъ логика: онъ лишенъ такта, лишенъ чувства мѣры, какъ и прочихъ чувствъ. Логика стала у него на мѣсто живой жизни, и онъ напрасно надѣется вывернуться, толкнувъ насъ на тотъ же путь. Казалось бы, внушивъ намъ, что истина и ложь одно и то же, остается только запутать насъ въ математически правильныя сѣти того разсужденія, которое необходимо автору. Вотъ здѣсь онъ терпитъ пораженіе. Ложью надо владѣть, а она имъ владѣетъ и выдаетъ его. Мы разрываемъ безупречно сплетенныя сѣти логики, и творцу этихъ логическихъ тенетъ не удается «возстановить и утвердить ложью истину своей невиновности». Нехотя, онъ выдаетъ намъ истину.

Мы не вѣримъ ему, какъ не повѣрила ему его мать, какъ не могъ ему вѣрить никто изъ живущихъ не одной логикой. Его мать умерла отъ глубочайшей скорби за него. «Какъ это ни странно, она до конца дней своихъ хранила твердую увѣренность, что это я совершилъ чудовищное злодѣяніе. Повидимому, это убѣжденіе было неизсякаемымъ источникомъ скорби и главной причиной той черной меланхоліи, которая сковала ея уста молчаніемъ и вызвала смерть отъ паралича сердца».

«Какъ это ни странно»... Почему же странно? Вѣдь всѣ доводы логики говорили за его виновность, вѣдь онъ былъ осужденъ справедливо по всѣмъ законамъ логики. Значитъ, по его мнѣнію, въ матери должно было быть нѣчто кромѣ логики; значитъ, она могла имѣть другія указанія. Она ихъ, очевидно, и имѣла; ея молчанію и ея меланхоліи мы вѣримъ больше, чѣмъ маскѣ изступленной говорливости и самодовольной жизнерадостности ея сына. Онъ старается использовать ея смерть; онъ пытается при этомъ, на всякій случай, часть вины въ ея гибели сложить на своего покойнаго отца; онъ сообщаетъ, что убитый «человѣкъ весьма слабохарактерный, далеко не былъ примѣрнымъ мужемъ и семьяниномъ и многочисленными измѣнами, ложью и обманомъ доводилъ мою матушку до отчаянія, непрестанно оскорбляя ея гордость и строгую, неподкупную нравственность». Даже въ томъ, что материнскій инстинктъ не окончательно покинулъ его мать, ко

торая, умирая, обезпечила его существованіе довольно значительной суммой, онъ старается найти аргументъ въ свою пользу. «Отсюда, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ и тотъ выводъ, что противоестественная увѣренность въ моей винѣ не была у моей честной матушки достаточно твердой и обоснованной».

Вотъ что значитъ хвататься за соломинку. Какъ будто безсмысленная злоба и жажда мести должна была вытравить въ матери всякое чувство жалости къ ея несчастному порожденію—«человѣку-звѣрю». И что такое «противоестественная увѣренность?» Развѣ есть «естество»? Развѣ «увѣренность», то есть подчиненіе логическимъ выкладкамъ, имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ тому, что дѣйствительно было? Нельзя такъ противорѣчить себѣ: на такой мелочи можно поскользнуться, можно проговориться, можно голову себѣ разбить. И былъ случай, когда онъ чуть-чуть не проговорился: съ ужасомъ и содроганіемъ онъ самъ разсказалъ намъ объ этомъ. Но и другихъ мелочей не мало. Съ какимъ-то сладострастіемъ вертится все время мысль убійцы вокругъ убійства. То онъ упоминаетъ вскользь о томъ «загадочномъ восторгѣ, какой испытываетъ настоящій убійца, раздѣляя ножемъ живыя ткани»—откуда онъ знаетъ объ этомъ сладострастіи убійства, если не изъ своего опыта?—то мы узнаемъ, что среди исповѣдавшихся ему была убійца; и, какъ бы желая очиститься, узникъ сообщаетъ, что «въ душѣ убійцы открылъ неизсякаемый родникъ чистой правды и безконечнаго стремленія къ добру» и—чтобы сбить читателя съ толку—дѣлаетъ ненужное примѣчаніе: «упомяну только, что это была женщина». Мы узнаемъ изъ исповѣди о чудовищныхъ деталяхъ убійства, о томъ, что убійца наносилъ раны уже убитымъ и непосредственно послѣ убійства ѣлъ бисквиты окровавленными пальцами. «Но есть нѣчто ужаснѣйшее, чего ни понять, ни объяснить не можетъ мой человѣческій разумъ: закуривая самъ, убійца, невидимому, въ чувствѣ какого-то страннаго дружелюбія, вложилъ зажженную сигару въ стиснутые зубы моего покойнаго отца». Откуда же извѣстно, что убійца курилъ, что онъ вложилъ въ зубы убитаго *зажженную* сигару, а не погасшій окурокъ?

Да, легко выдать себя, легко быть заподозрѣннымъ. Такъ чуть не разоблачилъ тайну узника одинъ изъ тѣхъ, кто не только живетъ, но и мыслитъ внѣ разсудочной логики, кто непосредственно видитъ правду жизни, кто выражаетъ ее въ сложныхъ образахъ, не поддающихся логическому разложенію. Талантливый молодой художникъ нарисовалъ удачный портретъ автора записокъ—и увидѣлъ въ этомъ лицѣ то, что не были въ силахъ скрыть ни многолѣтняя внутренняя дисциплина, ни могучее напряженіе воли, ни обратившаяся въ природу привычка къ лжи. Играя съ читателемъ, авторъ записокъ прилагаетъ этотъ портретъ къ своей книгѣ: онъ желаетъ внушить мысль, что въ геніальной угадкѣ этого портрета проявилось лишь «то загадочное свойство художниковъ,

по которому очень часто собственныя чувства, даже внѣшнія черты они переносятъ на объектъ своего творчества». Но авторъ играетъ съ огнемъ: притворяясь равнодушно заинтересованнымъ, онъ разсказываетъ о портретѣ,—отстраняя отъ себя страшное, уличающее сходство—и, прежде всего, внушаетъ подозрѣніе. «Съ поразительнымъ сходствомъ передавъ нижнюю часть моего лица, гдѣ столь гармонически сочетается добродушіе съ выраженіемъ авторитетности и спокойнаго достоинства, г. К., несомнѣнно, перенесъ въ мои глаза собственную муку и даже ужасъ. Ихъ остановившійся, застывшій взглядъ, мерцающее гдѣ-то въ глубинѣ безуміе, мучительное краснорѣчіе души, бездонной и безпредѣльно одинокой—*все это не мое*».

Вся душа убійцы содрогнулась. «Да развѣ это я?»—воскликнулъ онъ со смѣхомъ,—но мы чувствуемъ, какая буря трусливаго ужаса пронеслась въ немъ въ минуту, когда съ полотна взглянуло на него «это страшное, полное дикихъ противорѣчій лицо». Но художникъ увѣренъ въ себѣ и въ своихъ силахъ; онъ только не сумѣлъ осмыслить того, что сдѣлалъ, не сумѣлъ перевести въ міръ сознательныхъ опредѣленій то, что непосредственно увидѣлъ его разоблачающій тайну глазъ. «Вы, дѣдушка, вы!»—отвѣчаетъ онъ: «и нарисованы хорошо, вы это напрасно»... И онъ не идетъ дальше, «онъ сталъ болтливъ, какъ сорока, этотъ милый юноша», и легче вздохнулъ убійца, не услышавъ обличенія, которое казалось такимъ неминуемымъ, которое такъ ясно было провозглашено кистью художника. И въ страшной сладострастной игрѣ съ опасностью, еще не совсѣмъ промелькнувшей, въ чудовищномъ жонглированіи правдой и ложью, онъ подразниваетъ своего обличителя. «Здѣсь я не могъ воздержаться отъ маленькой шутки, имѣвшей цѣлью нѣсколько проучить самоувѣреннаго юнца; и съ улыбкой спросилъ:

— Ну, какъ же по вашему, г. художникъ, убійца я или нѣтъ?

Художникъ, прищуривъ одинъ глазъ, другимъ критически оглядѣлъ меня и портретъ. И, насвистывая какую-то польку, небрежно отвѣтилъ:

— А чортъ васъ знаетъ, дѣдушка!—и заговорилъ «съ внезапной серьезностью» о томъ, что «нѣтъ на свѣтѣ ничего хуже человѣческаго лица», что, «даже говоря правду, даже крича о правдѣ, оно лжетъ, лжетъ, потому что говоритъ на своемъ языкѣ». Но успокоившійся авторъ дневника и этимъ замѣчаніемъ пользуется, чтобы спутать карты, чтобы опять завѣрять въ своей правдивости, напоминая о могущественномъ дѣйствіи слезъ, заклятій и увѣреній искусныхъ лжецовъ. «Искренность слезъ при этомъ,—замѣчаетъ онъ,—можетъ быть настолько велика, что самъ лжецъ обманывается ею—къ искреннему удовольствію холоднаго мыслителя, сознающаго весь трагикомизмъ положенія».

Но судьба играетъ съ «холоднымъ мыслителемъ»; онъ не да

ромъ жалуется на ловушки, подставляемыя насмѣшливымъ случаемъ. Въ одной изъ такихъ ловушекъ онъ едва не погибъ. Потрясенный свиданіемъ съ женщиной, которая была его невѣстой во время его осужденія, и еще болѣе ея признаніемъ, что она никогда не переставала любить его и никогда не вѣрила въ его виновность, онъ едва не выдалъ ей своей тайны.

«Внезапно помолодѣвъ на десятки лѣтъ, мы оба закружились въ бѣшеномъ потокѣ любви, ревности и страсти.

— Да, я измѣнила тебѣ,—кричали мнѣ ея помертвѣвшія губы.— Я знаю, что ты невиненъ...

— Молчи, молчи.

— Надо мною смѣялись, даже друзья твои, твоя мать, которую я за это ненавижу, всѣ предали тебя. И только я одна твердила: онъ невиненъ!

О, если бы знала эта женщина, что дѣлаютъ со мною ея слова. Если бы рогъ архангела, зовущаго на страшный судъ, зазвучалъ надъ самымъ ухомъ моимъ, онъ не испугалъ бы меня такъ: что значитъ для смѣлаго слуха звукъ трубы, зовущей къ борьбѣ и состязанію! Воистину бездна раскрылась подъ ногами моими, и, точно ослѣпленный молніей, точно ударомъ оглушенный, я закричалъ въ дикомъ и непонятномъ восторгѣ:

— Молчи! Я...»

Что таилось за этимъ многоточіемъ, что осталось невысказаннымъ, совершенно ясно. Онъ долженъ былъ сказать: «Я—убійца». Его дальнѣйшія слова убѣждаютъ въ этомъ. «Если бы женщина эта была послана Богомъ, она замолчала бы; если бы дьяволомъ была послана—замолчала бы и тогда. Но не было въ ней ни Бога, ни дьявола, и, *перебивая* меня, не давая мнѣ окончить начатое, она продолжала..».

Эти слова могутъ имѣть одинъ смыслъ. «Если бы женщина эта была послана Богомъ», она замолчала бы, она не перебила бы того, кто признаніемъ въ содѣянномъ преступленіи долженъ, наконецъ, очистить свою душу и возстановить попранную правду. «Если бы дьяволомъ была послана—замолчала бы она и тогда»— дьяволъ тоже былъ бы радъ этому не настоящему, вынужденному не раскаяніемъ, а аффектомъ подсказанному признанію. «Но не было въ ней ни Бога, ни дьявола»—она *перебила* готовую вырваться правду, и убійца опять остался наединѣ съ своей проклятой тайной. И онъ обрадовался, и страшная улыбка перекосила его лицо.

— «Что ты? Что съ тобою? Зачѣмъ ты смѣешься? Я боюсь твоей улыбки. Перестань смѣяться! Не надо, но надо!

Но я и не смѣялся, я только улыбался тихо».

Сомнѣній нѣтъ: разумъ позволилъ, мало того, разумъ повелѣлъ, и молодой магистръ математики убилъ отца, сестру и брата. Конечно, подъ слоемъ разума копошились и «иные голоса», и сверхъ-

человѣческіе, добытые человѣчествомъ, какъ драгоцѣннѣйшій результатъ его многовѣкового духовнаго развитія, и подъ-человѣческіе, унаслѣдованные отъ эпохи первичнаго звѣрства. Но мотивы убійства были человѣческіе. Самъ убійца сознаетъ и признаетъ это, когда въ разсказѣ о страшной гибели его родныхъ вспоминаетъ объ одной частности. Какъ показали осмотръ и вскрытіе труповъ, убійца послѣдніе удары наносилъ уже мертвымъ; и свойство нѣкоторыхъ колотыхъ ранъ, безцѣльныхъ и жестокихъ, указывало на садическія наклонности отвратительнаго злодѣя. Авторъ исповѣди объясняетъ это. «Очень возможно—ибо и злодѣямъ нужно отдавать справедливость,—говоритъ онъ,—что человѣкъ этотъ, опьяненный видомъ крови столькихъ невинныхъ жертвъ, *временно* пересталъ быть человѣкомъ и сталъ звѣремъ, сыномъ изначальнаго хаоса, дѣтищемъ темныхъ и страшныхъ вожделѣній». *Временно*—это знаменательный курсивъ подлинника. Авторъ самъ считаетъ, что лишь въ садическомъ увлеченіи *послѣ* убійства онъ *временно* сталъ звѣремъ: въ самомъ же убійствѣ онъ не видитъ «темныхъ и страшныхъ вожделѣній»: оно было разумно и сознательно.

VI.

Приговоръ перевернулъ раціональное спокойствіе убійцы. Впервые онъ усомнился въ силѣ разума. Ударъ былъ страшенъ: все было такъ ясно, такъ очевидно, такъ превосходно задумано, такъ точно выполнено. Въ представленіи молодого математика жизнь развертывалась какъ формула; непререкаемая, послѣдовательная, она должна была изъ данныхъ величинъ дать одно рѣшеніе. И математика обманулась, логика обанкрутилась. «Роковое сцѣпленіе обстоятельствъ, большихъ и маленькихъ событій, темнаго молчанія и неясныхъ словъ мнѣ, невинному, придали обликъ и видимость злодѣя». Все это темное, неясное, роковое оказалось сильнѣе всемогущаго разума, сильнѣе не только извнѣ, но и изнутри, ибо комбинація этихъ темныхъ, внѣразумныхъ элементовъ—мы это уже знаемъ—получила разумный смыслъ объективной правды.

Многое пережилъ въ эти далекіе, страшные, первые годы заключенія бѣдный, обманутый разумомъ узникъ. Онъ долго боролся,—какъ боролся и Раскольниковъ. Припомнимъ, что мы не имѣемъ исторіи возрожденія Раскольникова. Вѣдь Раскольниковъ не переродился ни тогда, когда сталъ на колѣни среди Сѣнной площади и цѣловалъ грязную землю, ни тогда, когда въ участковой конторѣ сознался въ убійствѣ старухи: онъ вѣдь и гораздо позже, на каторгѣ «въ одномъ признавалъ свое преступленіе: только въ томъ, что не вынесъ его и сдѣлалъ явку съ повинной»; не переродился онъ и тогда, когда еще позже палъ къ ногамъ Сони, и «всѣмъ своимъ обновившимся существомъ» почувствовалъ, что воскресъ:

это было только начало перерожденія: «вмѣсто діалектики наступила жизнь, и въ сознаніи должно было выработаться что то совершенно другое». И Достоевскій не разсказалъ, а только обѣщалъ въ заключеніи романа разсказать когда-нибудь эту «новую исторію исторію постепеннаго обновленія человѣка, исторію постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомства съ новою, доселѣ совершенно незнакомою дѣйствительностью».

Пережилъ годы страданій и сомнѣній и герой Андреева. Онъ разсказалъ намъ о страшныхъ первыхъ дняхъ своего заключенія. Онъ велъ себя, какъ и всѣ другіе безумцы, попадающіе въ тюрьму. Онъ громко и, конечно, безцѣльно кричалъ о своей невиновности, яростно требовалъ немедленнаго освобожденія и даже стучалъ кулаками въ дверь и стѣны, оставляя ихъ естественно глухими, а себѣ причиняя довольно сильную боль. Онъ даже бился головою о стѣны и часами лежалъ въ безпамятствѣ на каменномъ полу камеры; и въ теченіе нѣкотораго времени, дойдя до отчаянія, отказывался отъ употребленія пищи, пока настойчивыя требованія организма не побѣдили его упрямства. Конечно, душевная и умственная сторона его жизни соотвѣтствовала всему вышеизложенному. Онъ проклиналъ своихъ судей и грозилъ имъ безпощадной местью: «наконецъ, всю человѣческую жизнь, весь міръ, даже небо я сталъ признавать одной огромной несправедливостью, насмѣшкою и глумленіемъ. Забывая, что въ моемъ положеніи я едва ли могу быть безпристрастнымъ, я съ самоувѣренностью юноши, съ болѣзненной остротой узника приходилъ постепенно къ полному отрицанію жизни и ея великаго смысла. Это были, дѣйствительно, ужасные дни и ночи, когда сдавливаемый стѣнами, не получающій отвѣта ни на одинъ изъ своихъ вопросовъ, я безконечно шагалъ по камерѣ и одну за другою бросалъ въ черную пучину всѣ великія цѣнности, которыми одарила насъ жизнь: дружбу, любовь, *разумъ* и справедливость».

Разумъ, конечно, прежде всего: онъ оказался самымъ коварнымъ обманщикомъ. Здѣсь были тѣ «жестокія разочарованія», то «крушеніе всѣхъ вѣрованій и надеждъ», и то «безпредѣльное отчаяніе», о которомъ такъ пространно говоритъ узникъ. Но отсюда начинается расхожденіе: герой Андреева, лишенный первичнаго, стихійнаго, могучаго благородства Раскольникова идетъ діаметрально противоположнымъ путемъ. У Раскольникова «жизнь» побѣдила «діалектику», живая совѣсть побѣдила мертвенный разумъ; узникъ Андреева послѣ временнаго удара вернулся къ разуму въ его худшемъ видѣ: къ всеоправдывающему пошлому механически-регистрирующему разсудку. Изсякли тѣ ничтожные запасы совѣсти, которыми скудно надѣлила его природа и этотъ новый Раскольниковъ, осложненный Смердяковымъ,—тоже отцеубійцей, — сталъ еще Ѳомою Опискинымъ — полагаю, читатели

не забыли замѣчательнаго героя «Села Степанчикова». Совѣсть не только регулирующая, но и творческая сила; тамъ, гдѣ не она правитъ мыслью, мысль развращается, а развратъ мысли есть уже безуміе. Безуміе разнузданнаго разума и стало удѣломъ несчастнаго узника. Его безцѣльное кривляніе, его тошнотворное лицемѣріе, его отталкивающая «почтенность», его безпредѣльная ложь, его болтливое афористическое здравомысліе—все это великолѣпно и безъ малѣйшаго внутренняго противорѣчія сливается въ одинъ могучій, цѣльный образъ существа безконечно обиженнаго, злобнаго и безсмысленнаго, ибо безумнаго.

Это безуміе не такъ просто; въ этомъ безуміи есть система. И его предсказалъ Достоевскій въ тѣхъ же «Запискахъ изъ подполья». Его герой—то есть, самъ онъ—не вѣритъ въ то, что человѣкъ можетъ примириться съ священной формулой желѣзной рѣшетки. А если ему и доказать «всѣми средствами разума», что жизнь есть священная тюрьма и иначе быть не можетъ, такъ и тутъ не образумится человѣкъ, «а нарочно, напротивъ, что-нибудь сдѣлаетъ, единственно изъ одной неблагодарности; собственно, чтобъ настоять на своемъ. А въ томъ случаѣ, если средствъ у него не окажется,—выдумаетъ разрушеніе и хаосъ, выдумаетъ разныя страданія и настоитъ таки на своемъ. Проклятіе пуститъ по свѣту, а такъ какъ проклинать можетъ только одинъ человѣкъ (это ужъ его привилегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ), такъ вѣдь онъ, пожалуй, однимъ проклятіемъ достигнетъ своего, то есть дѣйствительно убѣдится, что онъ человѣкъ, а не фортепіанная клавиша. Если вы скажете, что и это все можно разсчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятіе, такъ что ужъ одна возможность предварительнаго разсчета все остановитъ и разсудокъ возьметъ свое, такъ человѣкъ нарочно сумасшедшимъ и на этотъ случай сдѣлается, чтобъ не имѣть разсудка и настоять на своемъ». Кажется, на этой точкѣ остановился и узникъ Андреева.

Не до конца онъ переродился; не умерли въ немъ «иные голоса»; не вѣритъ онъ себѣ и лжетъ, лжетъ, лжетъ съ безумной дикой надеждой, что его опровергнутъ, что желѣзная рѣшетка не есть символъ цѣлесообразности, красоты, благородства и силы, что жизнь имѣетъ смыслъ даже тогда, когда она не есть тюрьма. Не вѣритъ, и злобствуетъ, и мечется въ своемъ лицемѣрномъ покоѣ, въ своей сочиненной тюрьмѣ, и въ этомъ невѣріи ключъ къ его лицемѣрію, къ его исповѣди, которая иначе не имѣетъ объясненія.

Не вѣритъ и самъ Андреевъ. Вѣрующіе болѣе спокойны. Если бы Андреевъ утвердился въ сознаніи, что жизнь безсмысленна, онъ пересталъ бы повторять себя въ этомъ утвержденіи, онъ пересталъ бы такъ яростно проповѣдывать и обличать несогласно мыслящихъ. Какое то самообличеніе чувствуется въ этомъ ядѣ, столь чуждомъ обычной манерѣ Андреева — и кажется, что не

только противъ Толстого, но и противъ себя направляетъ Андреевъ формулу священной рѣшетки и трагически раздвоенный образъ ея провозвѣстника.

Не все, что говоритъ узникъ, представляется нелѣпымъ самому Андрееву, и то, что было вчера лицемѣрнымъ фантомомъ въ умствованіяхъ этого гнуснаго существа, становится завтра облеченнымъ въ плоть и кровь художественной мысли, созданіемъ нашего писателя. «Каждый человѣкъ,—передаетъ узникъ свои жизненныя впечатлѣнія,—какъ это я позналъ и увидѣлъ, былъ подобенъ тому богатому и знатному господину, который устроилъ пышный маскарадъ въ замкѣ своемъ и освѣтилъ замокъ огнями; и съѣхались отовсюду странныя маски, и, любезно кланяясь, привѣтствовалъ ихъ господинъ, тщетно вопрошая, кто это; и приходили новыя все болѣе странныя, все болѣе ужасныя, и все любезнѣе кланялся господинъ, шатаясь отъ усталости и страха. А онѣ смѣялись и нашептывали странныя рѣчи объ извѣчномъ хаосѣ, откуда пришли онѣ, покорныя, на зовъ господина». И съ привычнымъ многословіемъ, съ всегдашней ласковой ядовитостью и насмѣшкой надъ дураками, для которыхъ онъ воздвигъ это зданіе злобной лжи въ своихъ запискахъ, не боясь противорѣчія съ собою узникъ прибавляетъ: «Хотя я глубоко убѣжденъ, что мой вдумчивый читатель вполнѣ понимаетъ меня, все же, во избѣжаніе недоразумѣній, считаю необходимымъ ему разъяснить приведенную аллегорію: замокъ—это душа; господинъ—это человѣкъ, властитель своей души странныя маски—это тѣ силы, которыя дѣйствуютъ въ душѣ человѣка и въ таинственное существо которыхъ онъ не можетъ проникнуть никогда».

Жалкая, надуманная, прозаическая аллегорія, такъ думали, вѣрно, всѣ, когда прочли «Мои записки». Но прошло два мѣсяца, появился новый альманахъ «Шиповника», и всѣ увидали, что вѣдь это «Черныя маски». Андреевъ не побрезгалъ: онъ воспользовался жизненными впечатлѣніями и призрачными созданіями своего кошмарнаго героя; видно, не только въ творческой мысли, но и въ непосредственной своей душевной жизни выносилъ онъ его и до сихъ поръ терпитъ его борьбу «изначальнаго хаоса съ жаднымъ стремленіемъ къ гармоніи и порядку». Болѣе, чѣмъ что-либо, убѣждаютъ насъ «Мои записки» въ томъ, что есть у Леонида Андреева одно страстное, душу его съѣдающее желаніе: онъ хочетъ, чтобы кто-нибудь или что-нибудь внушило ему, наконецъ, полную, исчерпывающую вѣру въ священную формулу желѣзной рѣшетки. Онъ хочетъ вѣрить въ жизнь; онъ хочетъ принять ее теоретически, такъ, какъ принимаетъ практически: живетъ, каждымъ дѣйствіемъ своимъ признавая жизнь осмысленной, каждымъ произведеніемъ своимъ вкладывая въ нее смыслъ. Дѣятельность художника есть осмысленіе бытія, переведеніе его изъ хаотическаго міра разрозненныхъ явленій въ упорядоченный міръ нормъ:

другого смысла не имѣетъ теоретическое творчество. И художникъ, всѣмъ своимъ существомъ преданный интересамъ и запросамъ Разума, не можетъ не терзаться этимъ чудовищнымъ противорѣчіемъ между тяготѣніемъ къ Разуму и пошлостью, упорядоченнаго мыслью міра. Но это сознаніе пошлости есть необходимая ступень къ ея преодолѣнію. Бытіе не можетъ имѣть неподвижной, его опредѣляющей формулы; оно постигается не въ догматѣ, но въ развитіи, не въ логикѣ, но въ психологіи, и двигателемъ этого развитія можетъ быть только сознанное противорѣчіе. И здѣсь расколотое сердце поэта есть сердце міра. Въ немъ идетъ борьба за священную формулу осмысленнаго міра, и намъ, дѣятельнымъ свидѣтелямъ этой смертельной борьбы, надлежитъ слѣдить за ея перипетіями не съ благодушнымъ хладнокровіемъ зѣвакъ, уплатившихъ за свое мѣсто въ партерѣ, но съ трепетнымъ, сочувствующимъ, сострадающимъ вниманіемъ слабыхъ, знающихъ, что не чужое, а *ихъ* дѣло рѣшается въ зиждущей душевной драмѣ художника.

А. Горнфельдъ.

Наброски современности.

XVIII.

На поворотѣ.

Годъ съ небольшимъ тому назадъ, когда только что открывались засѣданія третьей Государственной Думы, въ нашей прессѣ раздавалось немало голосовъ, приглашавшихъ русскихъ обывателей ожидать отъ этой Думы разныхъ хорошихъ вещей. Октябристы, которыхъ законъ 3 іюня призвалъ къ политическому бытію, открывъ имъ доступъ въ Думу, не скупились на обѣщанія показать свою работоспособность и своей думской дѣятельностью облагодѣтельствовать страну. Въ широкихъ массахъ населенія эти обѣщанія не вызывали, положимъ, большого довѣрія, но было все же не мало людей, которые сами вѣрили въ плодотворность работъ третьей Думы и другихъ убѣждали вѣрить въ нее. «Для роста будущихъ посѣвовъ—писалъ тогда кн. Е. Трубецкой—теперь нужно не лѣто съ его грозами и раскатами грома, а тоскливая, однообразная, сѣрая, словомъ, *октябрьская* погода съ мелкимъ дождемъ скромныхъ, но полезныхъ начинаній». Если впечатлительный и вмѣстѣ съ тѣмъ готовый довольствоваться очень немногимъ, кн. Трубецкой вѣрилъ и приглашалъ вѣрить въ спасительность именно «октябрьской погоды», то другіе публицисты и общественные дѣя-

тели шли въ своихъ упованіяхъ еще дальше. Конституціоналисты-демократы въ своихъ статьяхъ и въ рѣчахъ на съѣздѣ партіи, происходившемъ передъ открытіемъ думскихъ засѣданій, выражали надежды на то, что имъ удастся занять въ третьей Думѣ положеніе регулятора ея работъ и направить думское большинство на путь оппозиціи И даже изъ соціалъ-демократическаго лагеря, въ общемъ, несомнѣнно, болѣе трезво оцѣнивавшаго положеніе вещей, слышались голоса отдѣльныхъ публицистовъ, доказывавшихъ, что третья Дума, въ которой видную роль будутъ играть представители торгово-промышленнаго капитала, во многихъ случаяхъ должна будетъ оказаться оппозиціонной по отношенію къ правительству, такъ какъ «конституціонализмъ октябристовъ едва ли подлежитъ сомнѣнію», а слишкомъ тѣсная связь правительственной политики съ узкими интересами дворянско-землевладѣльческой группы» возбуждаетъ «недовѣріе среди депутатовъ, выражающихъ интересы промышленной буржуазіи».

Люди, застигнутые труднымъ положеніемъ, охотно ищутъ выхода въ розовыхъ надеждахъ, и въ русской обывательской средѣ упорно держались надежды на третью Государственную Думу, принимавшія различные оттѣнки въ зависимости отъ общихъ взглядовъ тѣхъ лицъ, которыя питали такія надежды. На первыхъ порахъ всякія указанія на безплодность этихъ надеждъ и на дѣйствительный характеръ третьей Думы встрѣчались нашими оптимистами крайне неохотно и безъ дальнихъ размышленій объявлялись порожденіемъ узкаго радикализма и политическаго мистицизма. Въ частности, когда мнѣ случилось высказаться о первыхъ шагахъ третьей Думы и указать, что на ея дѣятельность не приходится возлагать никакихъ упованій, конституціонно-демократическая «Рѣчь» не замедлила устами г. Изгоева объявить меня «мистикомъ», вдохновляющимся «старыми туманными грезами» *). И еще долго спустя послѣ начала работъ третьей Думы оптимистически настроенныя либеральныя газеты то убѣждали, что «гораздо цѣлесообразнѣе отмѣчать отдѣльные удачные моменты въ жизни этой Думы, чѣмъ подсчитывать ея многочисленныя ошибки» **), то доказывали, что третья Дума, не будучи въ состояніи дать странѣ никакихъ реальныхъ благъ, все же однимъ фактомъ своего существованія укрѣпляетъ идею конституціонализма и такимъ образомъ содѣйствуетъ насажденію въ Россіи новаго порядка.

Около года велись въ нашей прессѣ эти наивно-оптимистическіе разговоры, какъ нельзя болѣе рѣзко расходившіеся съ дѣйствительнымъ теченіемъ жизни, но, наконецъ, повидимому, нѣкоторые ихъ участники сами поняли всю ихъ фальшь, и въ послѣд-

---

*) „Рѣчь“, 15 дек. 1907 г., статья г. Изгоева: „Въ лагерѣ крайнихъ лѣвыхъ.

**) „Рѣчь“, 9 дек. 1907 г., статья г. Штильмана: „А все-таки!“

ніе мѣсяцы мы присутствуемъ при рѣзкой перемѣнѣ фронта значительной части либеральной печати. Однимъ изъ первыхъ такую перемѣну фронта совершилъ тотъ самый кн. Е. Трубецкой, который годъ съ небольшимъ тому назадъ такъ горячо доказывалъ необходимость и полезность «октябрьской погоды» съ ея «мелкимъ дождемъ скромныхъ, но полезныхъ начинаній». Г. Трубецкой не дождался этихъ начинаній и извѣрился въ «октябрьской погодѣ». Онъ не вѣритъ больше ни въ октябристскую Думу, поддерживающую правительство г. Столыпина, ни въ «либерализмъ» г. Столыпина и громко заявляетъ о своемъ невѣріи.

„Не пора ли, наконецъ,—писалъ не такъ давно г. Трубецкой — прямо поставить вопросъ, что мы имѣемъ въ П. А. Столыпинѣ и для чего намъ нужна Дума? Что мы потеряемъ, если вмѣсто нынѣшняго „лѣваго" премьера мы получимъ „праваго"?

„Ровно ничего: ибо, во-первыхъ, дальше воспрещенія преній о буквѣ ѣ и смертной казни безъ суда все равно пойти нельзя, даже при правомъ премьерѣ. А, во-вторыхъ, правое министерство будетъ обладать нѣкоторыми цѣнными преимуществами. Прежде всего это будетъ министерство прямое. Оно будетъ называть вещи ихъ именами: искореняя манифестъ 17 октября, оно уже не будетъ говорить, что проводитъ его въ жизнь; возстановляя въ странѣ порядокъ „истинно-персидскій", оно не будетъ выдавать его за порядокъ правовой. Другое соображеніе въ пользу праваго министерства заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ П. А. Столыпинъ — „лѣвый", то онъ вынужденъ постоянно уступать правымъ и демонстрировать свою правизну. Но представимъ себѣ въ роли премьеръ - министра П. Н. Дурново, В. І. Гурко, д-ра Дубровина или генерала Думбадзе: такъ какъ правѣе ихъ никого нѣтъ, то что-либо уступать или демонстрировать имъ будетъ и некому, и не нужно. Поэтому на практикѣ „правое" министерство можетъ оказаться гораздо либеральнѣе министерства Столыпина: оно будетъ, по крайней мѣрѣ, свободно отъ страха передъ графомъ Коновницынымъ".

Опредѣливъ такимъ образомъ, «что мы имѣемъ въ П. А. Столыпинѣ», г. Трубецкой не оставилъ безъ отвѣта и другой вопросъ, формулированный имъ въ словахъ: «для чего намъ нужна Дума».

„Если — писалъ онъ — министерство Столыпина намъ нужно только потому, что Столыпинъ бережетъ Думу, то на что намъ нужна третья Дума? Неужели только для того, чтобы беречь министерство Столыпина?...

„Помнится,—продолжалъ публицистъ—когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, меня сажали на козлы рядомъ съ кучеромъ и давали въ руки кончикъ возжей; я былъ въ восторгѣ, воображая, что помогаю кучеру править. Совершенно ту же роль играютъ теперь взрослые русскіе граждане—члены думскаго большинства—при совѣтѣ министровъ. Не пора ли намъ, наконецъ, вознегодовать противъ этого постыднаго положенія" *)!

Такимъ образомъ г. Трубецкой пришелъ къ вполнѣ опредѣленному заключенію на счетъ той роли, какую играютъ въ жизни страны правительство г. Столыпина и поддерживающая его третья Дума. Правда, г. Трубецкому понадобилось два съ половиной года, въ теченіе которыхъ непрерывно строились висѣлицы, для того,

*) Цитирую по „Рѣчи", 25 ноября 1908 г.

чтобы, наконецъ, «прямо поставить вопросъ, что мы имѣемъ въ П. А. Столыпинѣ». Правда и то, что очень рѣшительныя, казалось бы, заключенія, вылившіяся изъ-подъ пера г. Трубецкого, могутъ въ очень скоромъ времени смѣниться подъ его же перомъ не менѣе рѣшительными заключеніями, направленными совсѣмъ въ другую сторону. Такова ужъ природа этого чрезмѣрно впечатлительнаго публициста. Но въ настоящую минуту онъ во всякомъ случаѣ высказываетъ взгляды, очень далекіе отъ былого его увлеченія «октябрьской погодой», и къ такимъ взглядамъ въ свою очередь присоединяются теперь и другіе либеральные дѣятели и публицисты, въ томъ числѣ даже тѣ, которые не далѣе, какъ минувшей осенью, просвѣщали русское общество на счетъ важныхъ заслугъ, какія можетъ оказать странѣ третья Дума.

Когда въ минувшемъ октябрѣ зашла рѣчь о составленіи плана законодательныхъ работъ Думы, конституціонно-демократическая фракція предложила съ своей стороны списокъ законопроектовъ, который, по ея мнѣнію, долженъ былъ сыграть роль такого плана. Этотъ списокъ начинался съ законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни. За нимъ слѣдовалъ законопроектъ объ измѣненіи п. 1-го статьи 10 положенія о выборахъ въ Государственную Думу, пункта, лишающаго права быть избирателями и избранниками въ Думу лицъ, судившихся, но не осужденныхъ судомъ въ полной мѣрѣ, за преступленія, лишающія избирательныхъ правъ. Далѣе въ спискѣ были намѣчены болѣе или менѣе мелкіе и частные законопроекты, направленные къ частичному облегченію рабочихъ, торгово-промышленныхъ служащихъ, ремесленниковъ и крестьянъ, проекты городского и земскаго избирательныхъ законовъ и проекты распространенія существующихъ земскихъ учрежденій на неземскія губерніи и области. Наконецъ, списокъ к.-д. фракціи включалъ въ себя законопроекты о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы, о подоходномъ налогѣ и налогѣ на наслѣдство и заканчивался рядомъ законопроектовъ, касающихся положенія церкви, инородныхъ и инославныхъ общинъ и исповѣданій.

„Читатель — писала по поводу этого списка „Рѣчь“ — въ недоумѣніи ищетъ и не находитъ въ оппозиціонномъ спискѣ ряда жгучихъ вопросовъ. Гдѣ исключительныя положенія? Гдѣ законъ о неприкосновенности личности? Гдѣ законъ о печати? Гдѣ, наконецъ, хотя бы университетскій уставъ? Кое-что изъ этихъ предметовъ упоминается даже въ планѣ П. А. Столыпина.

„Дѣйствительно, тамъ есть кое-что; еще больше есть въ думскихъ коммиссіяхъ. Но тотъ, кто знаетъ, каковы эти коммиссіи и каковы подготовляемые ими проекты, тотъ безъ труда пойметъ, почему оппозиція молчитъ и объ исключительномъ положеніи, и о неприкосновенности личности, и о прочемъ. *Эта* Дума по *этимъ* вопросамъ можетъ выработать лишь такіе законы, которые удовлетворятъ только гг. Шубинскаго и Гололобова“ *)...

Тотъ же самый аргументъ былъ выставленъ отъ имени к.-д.

*) „Рѣчь“, 26 октября 1908 г. Курсивъ принадлежитъ газетѣ.

фракціи г. Милюковымъ въ защиту приведеннаго списка и въ совѣщаніи представителей фракцій. Когда г. Гучковъ, въ общемъ согласившись со спискомъ к.-д. фракціи, съ своей стороны предложилъ, однако, выкинуть изъ него законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни и добавить законопроекты о неприкосновенности личности и объ исключительномъ положеніи, г. Милюковъ возразилъ, что к.-д. фракція не включила этихъ законопроектовъ въ свой списокъ не потому, чтобы не видѣла въ нихъ настоятельной нужды, а исключительно потому, что не питаетъ никакихъ надеждъ на дѣятельность третьей Думы въ области тѣхъ вопросовъ, какіе охватываются этими законопроектами.

„Во всякой программѣ дѣйствительнаго „успокоенія", дѣйствительнаго введенія „обновленнаго строя"—развивала немного позднѣе тотъ же аргументъ „Рѣчь"—этимъ проектамъ должно было бы принадлежать первое мѣсто. Но что можно получить подъ этимъ заголовкомъ отъ законодателей третьей Государственной Думы?

„Проектъ новаго закона объ исключительномъ положеніи, внесенный правительствомъ, хорошо извѣстенъ. Спеціалистъ-государствовѣдъ и членъ 2-й Государственной Думы, В. М. Гессенъ, справедливо выразился о немъ; что его введеніе еще ухудшило бы существующее положеніе.

„Далѣе, что можетъ дать думская коммиссія о неприкосновенности личности? Какъ извѣстно, юристы—члены оппозиціи давно отчаялись въ возможности провести законопроектъ, сколько-нибудь отвѣчающій принципамъ „обновленнаго" строя, и нѣкоторые изъ нихъ даже вышли изъ состава коммиссіи, не желая быть невольными участниками подготовляющейся мѣры.

„То, что стало извѣстнымъ о законопроектѣ по поводу „свободы" печати, какъ нельзя лучше подтверждаетъ только что сказанное... Проектъ этотъ лишь грозитъ увѣковѣчить практику, установившуюся при режимѣ усиленной и чрезвычайной охраны.

„Естественно, что перспектива такого рода законодательной работы не можетъ усилить въ рядахъ оппозиціи желанія ускорить этого рода дѣятельность Думы" [1]).

Нельзя не видѣть, что эти аргументы бьютъ значительно дальше поставленной для нихъ цѣли. Утвержденія «Рѣчи», что отъ третьей Думы, являющейся въ лицѣ своего большинства простой прислужницей правительства, не приходится ожидать сколько-нибудь удовлетворительныхъ законовъ, устраняющихъ исключительныя положенія или устанавливающихъ неприкосновенность личности и свободу слова, конечно, совершенно основательны. Но, спрашивается, почему же к.-д. фракція и вслѣдъ за нею публицисты «Рѣчи» считали возможнымъ ожидать отъ той же самой Думы принятія законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни или же утвержденія законопроектовъ, направленныхъ хотя бы къ частичному исправленію погрѣшностей существующаго политическаго и соціальнаго строя? На чемъ основана хотя бы увѣренность въ томъ, что Дума, созданная переворотомъ 3 іюня, станетъ, вопреки намѣре-

---

[1]) „Рѣчь", 14 ноября 1908 г.

ніямъ правительства, заботиться объ охраненіи избирательныхъ правъ русскихъ гражданъ или о расширеніи собственныхъ правъ въ дѣлѣ контроля надъ бюджетомъ? Гдѣ тѣ основанія, которыя позволили бы разсчитывать, что думское большинство, составленное изъ представителей помѣщиковъ и крупныхъ предпринимателей, озаботится охраной интересовъ крестьянства и рабочихъ въ мѣстномъ самоуправленіи или станетъ проводить законопроекты, имѣющіе своей цѣлью защиту труда отъ чрезмѣрной эксплуатаціи? Отыскивать сколько-нибудь серьезное основаніе для такихъ разсчетовъ было бы, очевидно, совершенно напрасно, и остается только предположить, что к.-д. фракція въ данномъ случаѣ руководилась исключительно остатками все той же вѣры въ «мелкій дождь скромныхъ, но полезныхъ начинаній», связанный съ «октябрьской погодой». Но если при составленіи плана думскихъ работъ к.-д. фракція и проявила еще остатки такой вѣры, страннымъ образомъ сочетавшіеся съ глубокимъ скептицизмомъ, то уже очень скоро обнаружилось, что и въ средѣ конституціоналистовъ-демократовъ эта вѣра въ сущности поколеблена въ самомъ своемъ корнѣ и начинаетъ уступать мѣсто полному невѣрію.

Поводомъ къ обнаруженію этого обстоятельства явилось ноябрьское выступленіе г. Гучкова въ Москвѣ. Только что названный думскій дѣятель на спеціально созванномъ собраніи предъявилъ московскимъ октябристамъ своего рода отчетъ о дѣятельности октябристовъ въ третьей Думѣ. Дѣятельность эту г. Гучковъ, конечно, не преминулъ разрисовать самыми розовыми красками. Но, какъ ни много оказалось этихъ розовыхъ красокъ на палитрѣ г. Гучкова, временами все же изъ-подъ нихъ пробивалась грубая дѣйствительность. Перечисляя законопроекты, которые октябристы предполагаютъ провести въ Думѣ, г. Гучковъ назвалъ цѣлый рядъ рубрикъ. Тутъ были и мѣстное самоуправленіе, и землепользованіе, и правовое положеніе крестьянъ, и рабочее законодательство, и народное образованіе, и податная реформа, и свобода совѣсти, и неприкосновенность личности, и исключительное положеніе, и законъ о печати, и, наконецъ, реформа перваго департамента сената. Но, дойдя въ своемъ перечнѣ до вопроса о неприкосновенности личности, г. Гучковъ самъ счелъ нужнымъ оговориться, что, «вѣроятно, этой группой законовъ общество останется недовольно». Дѣло въ томъ, что «приходится считаться съ реакціей и проводить въ жизнь законы не идеальные, а только возможные». Соотвѣтственно этому «октябристы могутъ дать лишь тѣ законы которые соотвѣтствуютъ теперешней конъюнктурѣ». За то, сообразуя свои дѣйствія съ «теперешней конъюнктурой» и считаясь съ реакціей путемъ выработки подходящихъ для послѣдней законовъ, октябристы—доказывалъ г. Гучковъ—укрѣпляютъ идею народнаго представительства и конституціоннаго строя въ Россіи.

„Идея представительства укрѣпляется, безспорно...—отвѣчалъ на эти увѣренія г. П. М. въ „Рѣчи"—въ тѣхъ слояхъ, въ которыхъ Дума, болѣе отвѣчающая народному настроенію, подорвала бы эту „идею". Дума третьяго созыва оказалась совмѣстимой съ сохраненіемъ главнѣйшихъ чертъ стараго режима. Доказать возможность такого совмѣщенія выпало на долю октябристовъ. Въ этомъ доказательствѣ, примирившемъ „идею" Думы съ политическими идеями, ей противорѣчившими, заключается октябристская „заслуга". Но содѣйствовала ли дѣятельность третьей Думы „укрѣпленію" идеи народнаго представительства въ широкихъ слояхъ русскаго населенія, т. е. тамъ, гдѣ собственно эта идея и должна укрѣпляться? Спросите объ этомъ истинно-русскихъ противниковъ „идеи", разверните „Русское Знамя". Тамъ вы найдете почти въ каждомъ номерѣ торжествующія увѣренія, что третья Дума себя дискредитировала, что между нею и населеніемъ нѣтъ никакой связи и т. п. И, къ сожалѣнію, нельзя отрицать, что плоды дѣятельности октябристовъ именно таковы. Если это „заслуга", то заслуга передъ черной сотней, а не передъ русскимъ народомъ" [1]).

Итакъ, г. П. М., какъ и г. Трубецкой, пришелъ, наконецъ, къ признанію того факта, который такъ долго отрицали публицисты «Рѣчи» и другихъ органовъ конституціонно-демократическаго лагеря, и заявилъ, что существованіе третьей Думы нисколько не содѣйствуетъ, вѣрнѣе, даже противодѣйствуетъ укрѣпленію идеи народнаго представительства въ сознаніи народныхъ массъ; поскольку же укрѣпленіе Думы совершается въ правящихъ кругахъ, оно, въ сущности, представляетъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ приспособленіе Думы къ цѣлямъ и понятіямъ этихъ круговъ, какъ превращеніе ея въ простое орудіе послѣднихъ. И тѣ же самыя ноты, которыя прозвучали въ этомъ заявленіи, слышались и въ отзывахъ «Рѣчи» объ итогахъ послѣдней думской сессіи. «Итоги эти—по словамъ названной газеты—весьма просты и несложны. Дума 3 іюня свято блюла свою обязанность поддерживать правительство П. А. Столыпина и, если иногда грѣшила, то лишь въ томъ направленіи, что отъ излишняго усердія давала ultra petitum. И недалекъ отъ истины А. А. Пиленко, сравнивая роль Думы съ ролью прежней государственной канцеляріи, ставившей штемпель на министерскихъ проектахъ» [2]). «Одни—писала газета въ другой разъ, подводя эти итоги и суммируя отзывы печати,—хвалили Думу и ея большинство, другіе порицали; но любопытно, что и хвалившіе, и порицавшіе болѣе или менѣе сошлись въ оцѣнкѣ фактовъ, и въ томъ числѣ того главнаго изъ нихъ, что при всей доброй волѣ Государственная Дума безсильна внести что-либо существенное въ дѣйствительное „обновленіе" и „успокоеніе" страны» [3]). Съ этими выводами «Рѣчи» вполнѣ согласно и еще болѣе умѣренное въ своемъ либерализмѣ «Слово», по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается послѣдней думской сессіи. «Теперь,—писало оно послѣ ея окончанія—оглядываясь на пройденный думской сессіей

---

[1]) „Рѣчь", 18 ноября 1908 г.

[2]) „Рѣчь", 23 декабря 1908 г.

[3]) „Рѣчь", 29 декабря 1908 г.

трехмѣсячный путь, мы наблюдаемъ рядъ однихъ только попятныхъ движеній и ни одного шага впередъ. Если спросить себя, что-же принесли съ собою минувшіе три мѣсяца парламентской жизни, что сдѣлала Дума за это время, какую задачу она выполняла, то отвѣтъ получится болѣе, чѣмъ безотрадный. Думское большинство затемняло идею народнаго представительства и дѣлало то, что должны были бы дѣлать враги представительнаго строя» [1]).

Я позволилъ себѣ нѣсколько злоупотребить дословными выписками изъ либеральныхъ газетъ для того, чтобы нагляднѣе и ярче представить читателю перемѣну, совершившуюся въ воззрѣніяхъ ихъ публицистовъ. Еще такъ недавно мы слышали отъ писателей этого лагеря, что все наше спасеніе въ Думѣ, что третья Дума постепенно укрѣпляетъ идею народнаго представительства, что октябристы непремѣнно понемногу полѣвѣютъ и въ союзѣ съ думскими конституціоналистами-демократами создадутъ рядъ «парламентскихъ прецедентовъ» и шагъ за шагомъ упрочатъ въ Россіи конституціонный строй. И уже дѣлались попытки подсчитывать создающіеся «прецеденты» и отмѣчать успѣхи «конституціи». Но суровая жизнь разсѣяла и эти иллюзіи, какъ разсѣяла раньше много другихъ, и насильно открыла глаза тѣмъ, кто не хотѣлъ самъ всмотрѣться въ безотрадную правду дѣйствительности. И теперь либеральные публицисты, сами, быть можетъ, того не замѣчая, повторяютъ слова и выводы тѣхъ, кого раньше, въ періодъ своего увлеченія надеждами на третью Думу, они увѣренно причисляли къ разряду «политическихъ мистиковъ». Тѣ же самые органы печати, которые горячо убѣждали насъ возлагать всѣ упованія на «парламентскую» дѣятельность и на третью Думу, теперь не менѣе горячо доказываютъ, что эта Дума лишь «ширмы народнаго представительства», за которыми скрывается и процвѣтаетъ старый порядокъ, что нынѣшній «обновленный строй», включая въ него и нынѣшнюю Думу, въ сущности полезенъ именно бюрократіи, что этотъ строй «только развязалъ ей руки, сохранивъ за ней всю власть и переложивъ отвѣтственность на привычныя спины Половцовыхъ, которые въ роли народныхъ представителей служатъ не менѣе усердно и болѣе успѣшно, чѣмъ въ прежней роли чиновниковъ особыхъ порученій» [2]). Тѣ же самые писатели, которые съ полною увѣренностью ожидали неизбѣжнаго полѣвѣнія октябристовъ и строили на этомъ ожидаемомъ полѣвѣніи разные успокоительные разсчеты, теперь убѣдительно доказываютъ, что вся задача октябристовъ, какъ политической организаціи, сводится лишь къ прислуживанію г. Столыпину и что октябристская Дума служитъ и можетъ служить только простымъ ору-

---

[1]) „Слово“, 22 декабря 1908 г.
[2]) „Рѣчь“, 14 декабря 1908 г.

діемъ въ рукахъ правительства, свободно распоряжающагося ею для своихъ собственныхъ цѣлей.

Впрочемъ, въ нашей прогрессивной печати высказывалось въ послѣдніе мѣсяцы и иное, болѣе оптимистическое мнѣніе о третьей Думѣ и, въ частности, о той роли, какую играютъ въ ней октябристы. И это оптимистическое мнѣніе исходило даже не отъ либеральной прессы. Оно было высказано, и при томъ высказано въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ, сотрудникомъ «Современнаго Міра», г. Іорданскимъ. И это мнѣніе, и сопровождающіе его аргументы настолько любопытны и характерны, что я позволю себѣ на нѣсколько минутъ задержать на нихъ вниманіе читателя.

По утвержденію г. Іорданскаго, утвержденію весьма категорическому, но не подкрѣпленному никакими фактическими указаніями, въ нашей жизни за послѣднее время совершается «переломъ въ отношеніи общества къ Думѣ, который, если и не выражается еще въ конкретныхъ фактахъ, то чувствуется въ политической атмосферѣ». «Дума 3 іюня — пояснялъ свою мысль г. Іорданскій—все же связана съ 17 октября, все же—незаконное и неблагодарное, но дѣтище великихъ дней. И въ моментъ политическаго затишья и разброда она, естественно, сосредоточиваетъ нѣкоторую долю народныхъ надеждъ». Задаваясь вопросомъ о степени основательности такихъ надеждъ, публицистъ считаетъ возможнымъ признать въ нихъ извѣстный, и при томъ довольно серьезный, смыслъ. По его словамъ, хотя «отрицательное отношеніе къ третьей Думѣ имѣетъ ту выгоду, что оно встрѣчаетъ сочувственную почву въ общественной апатіи», но здоровый политическій оптимизмъ въ этомъ случаѣ «покоится на болѣе правильныхъ основаніяхъ». Дѣло не въ «субъективныхъ намѣреніяхъ отдѣльныхъ лицъ и группъ», а въ «объективномъ положеніи вещей, въ противоположности между насущными потребностями всего населенія страны и сословно-абсолютистскимъ режимомъ». И это-то объективное положеніе вещей, по мнѣнію г. Іорданскаго, и диктуетъ третьей Думѣ опредѣленную роль, которую ей волей-неволей приходится выполнять.

«Логически и фактически,—говоритъ онъ,—всякая реакція ведетъ къ реставраціи... Реакція растетъ и крѣпнетъ. Но Дума могла бы поддерживать реакцію только въ томъ случаѣ, если бы она имѣла черносотенное большинство, т. е. если бы она слилась съ реакціонной бюрократіей, которая стремится къ безусловной реставраціи. Пока Дума такъ или иначе связана съ извѣстными слоями населенія, хотя бы съ его имущею частью, она, независимо отъ либерализма или радикализма партійнаго состава, обречена на неизбѣжныя столкновенія съ правительствомъ даже тогда, когда въ ней преобладаютъ представители самыхъ умѣренныхъ политическихъ партій. Всякая попытка вступить на путь реформъ, которыя вели бы къ ликвидаціи стараго режима, создаетъ непредотвратимый конфликтъ съ защитниками этого режима. Уклониться же отъ дороги преобразованій Дума не можетъ, такъ какъ тогда она теряетъ смыслъ существованія даже въ собственныхъ глазахъ. Природа законодательнаго учрежденія повелительно влечетъ его къ острымъ соціально-экономическимъ вопросамъ современности При всемъ же-

ланіи третья Государственная Дума не имѣетъ возможности ихъ обойти. Вопреки своей волѣ, она вынуждена ихъ ставить, тѣмъ самымъ пуская въ ходъ мощный и сложный механизмъ классовой борьбы и создавая политическое броженіе» *).

По представленію г. Іорданскаго, это политическое броженіе неизбѣжно должно зарождаться не только вокругъ третьей Думы, но и внутри ея самой. Въ доказательство этого онъ приводитъ такіе факты, какъ разрѣшеніе министра торговли внести на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій заключеніе совѣта общеимперскихъ съѣздовъ промышленниковъ по внесеннымъ министерствомъ въ Думу проектамъ рабочаго законодательства, какъ намѣреніе гр. Уварова внести запросъ объ университетскомъ уставѣ, какъ принятый Думой запросъ о запрещеніи собранія, посвященнаго балканскимъ дѣламъ, который «привелъ октябристовъ къ оппозиціонному единству съ думской лѣвой». «Соціальный механизмъ—заключаетъ г. Іорданскій—работаетъ хорошо и поворачиваетъ Думу въ самые неожиданные углы». Въ будущемъ возможны и другія неожиданности, какія именно—писатель не берется предсказывать. «Теперь—говоритъ онъ—ясно только одно, что Дума не избѣжитъ постановки самыхъ жгучихъ соціально-экономическихъ вопросовъ современности».

«А постановка такихъ вопросовъ — продолжаетъ онъ—неизбѣжно вызоветъ наружу классовую борьбу, которая въ свою очередь приведетъ не только къ междоусобнымъ бранямъ внутри Думы, но и къ конфликту съ старою властью, поскольку она явится непримиримо враждебной всѣмъ реформамъ, ликвидирующимъ старый режимъ, но необходимымъ въ интересахъ «соціальнаго мира». И чѣмъ крѣпче и упорнѣе отжившій режимъ держится за старыя позиціи, тѣмъ скорѣе представители либеральной и демократической буржуазіи оказываются вынужденными искать сочувствія и опоры въ широкихъ слояхъ населенія. Взоры людей, отчаивающихся въ Олимпѣ, всегда обращаются къ Ахерону» **).

Г. Іорданскому кажется даже, что такое обращеніе за опорой и сочувствіемъ къ широкимъ слоямъ населенія уже совершается въ Думѣ, и притомъ совершается именно октябристами. Признаки этого онъ видитъ въ томъ, что октябристы не приняли плана, предложеннаго для работъ Думы г. Столыпинымъ, а согласились, съ нѣкоторыми измѣненіями, на планъ, выдвинутый к.-д. фракціей. «Вопреки мнѣнію министерства,—отмѣчаетъ г. Іорданскій—октябристы считаютъ необходимымъ выдвинуть на первую очередь законопроекты о мѣстномъ самоуправленіи, а г. Гучковъ особенно подчеркнулъ неотложность соціальныхъ и вѣроисповѣдныхъ законовъ. Думское большинство, въ лицѣ своего вождя, снова такимъ образомъ разошлось съ правительствомъ. Для блѣднаго и убогаго

*) Ник. Іорданскій. «Кризисъ умѣренности». «Современный Міръ», 1908, № 11, стр. 128—9.

**) Тамъ же, стр. 130.

либерализма нашего „центра“ подобная политическая мудрость является, несомнѣнно, рѣдкою удачей» *). Однако, если вѣрить г. Іорданскому, подобныя «удачи» октябристскаго центра должны повторяться и въ будущемъ, такъ какъ этого опять-таки требуетъ «объективное положеніе вещей», являющееся истиннымъ творцомъ всѣхъ пестрыхъ комбинацій думской политики.

«Реакція — говоритъ г. Іорданскій—переходитъ тѣ границы, которыя поставилъ для нея умѣренный либерализмъ имущихъ классовъ. Промышленная буржуазія съ тревогою видитъ призракъ реставраціи. Осторожно, робко, постоянно отступая назадъ и извиняясь, она пытается удержать на промежуточной позиціи своего вчерашняго союзника въ борьбѣ противъ демократіи. Она высказываетъ недовольство, протестуетъ, стремится къ самостоятельному положенію. Это настроеніе и отражается въ колебаніяхъ думскаго центра... Но во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были практическіе результаты оппозиціонной борьбы, они не могутъ быть достигнуты безъ содѣйствія народа, къ которому въ конечномъ счетѣ вынужденъ будетъ обратиться даже г. Гучковъ. Всѣ колебанія третьей Думы объясняются невозможностью для Думы сохранить подъ натискомъ реакціи изолированную позицію. Думское большинство ежедневно и ежечасно приводится къ сознанію цѣнности народнаго сочувствія» **).

Я назвалъ выше разсужденія г. Іорданскаго любопытными и характерными. И они, дѣйствительно, таковы, представляя собой яркій образецъ абстрактнаго теоретизированія, ничѣмъ не связаннаго съ дѣйствительностью. Въ сущности говоря, всѣ эти разсужденія являются лишь повтореніемъ на разные лады одной излюбленной формулы марксизма, гласящей, что промышленный капиталъ всегда и всюду, а, слѣдовательно, и у насъ, долженъ служить носителемъ либерализма и вступать въ споръ съ абсолютистскимъ режимомъ. Эта формула и легла въ основаніе «здороваго политическаго оптимизма» г. Іорданскаго. На протяженіи всей цитированной статьи онъ неизмѣнно и непрерывно возвращается къ ней, пересказывая ее въ различныхъ выраженіяхъ и замѣняя такимъ пересказомъ сколько-нибудь внимательный анализъ подлинной дѣйствительности. Въ подобномъ анализѣ, впрочемъ, для него не было и нужды, такъ какъ названная формула дала ему готовую схему для пониманія дѣйствительности и оставалось только подгонять къ этой схемѣ факты текущей жизни. Послѣдніе, конечно, нѣсколько пострадали при этой операціи. Октябристы, эта группа, составившаяся изъ соединенія испуганныхъ дикихъ помѣщиковъ и предпринимателей, обѣими руками ухватившихся за правительство г. Столыпина, ожидающихъ отъ него защиты наиболѣе кровныхъ ихъ интересовъ и старательно исполняющихъ всѣ его велѣнія, подъ перомъ г. Іорданскаго обратились въ партію крупной буржуазіи, ведущую борьбу съ абсолютистскимъ режимомъ. Больше того,—въ

*) Тамъ же, стр. 133.
**) Тамъ же, стр. 136.

изображеніи г. Іорданскаго въ думской жизни только «верхніе слои буржуазіи», объединенные въ октябристской партіи, и «проявляютъ теперь нѣкоторую политическую активность».

Для того, чтобы дать такое изображеніе, надо было, несомнѣнно, въ весьма значительной степени отрѣшиться отъ фактовъ настоящей жизни, и г. Іорданскій съумѣлъ сдѣлать это. Свою статью онъ писалъ въ минувшемъ ноябрѣ, когда третья Дума, послѣ лѣтняго перерыва, успѣла вновь напомнить обществу физіономію своего большинства, обнаруживъ ее въ рядѣ громкихъ и пикантныхъ эпизодовъ. Но онъ обошелъ всѣ эти эпизоды и сосредоточилъ свое вниманіе въ характеристикѣ думскаго большинства исключительно на нѣкоторыхъ мелкихъ инцидентахъ, не имѣющихъ по существу никакого серьезнаго значенія и остававшихся въ тотъ моментъ, когда г. Іорданскій писалъ объ нихъ, еще незаконченными. Съ окончаніемъ думской сессіи и эти инциденты, въ которыхъ г. Іорданскій усмотрѣлъ проявленіе октябристскаго либерализма, получили болѣе законченный видъ, но въ этомъ видѣ они оказались еще менѣе пригодными для подтвержденія выводовъ г. Іорданскаго. Намѣреніе гр. Уварова предъявить министерству народнаго просвѣщенія запросъ по поводу университетскихъ дѣлъ, если таковое и было, осталось до конца сессіи неосуществленнымъ. Единогласно принятый Думою запросъ по поводу запрещенія собранія, посвященнаго балканскимъ дѣламъ, въ теченіе законнаго мѣсячнаго срока не вызвалъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ никакого отвѣта и, тѣмъ не менѣе, думское большинство согласилось отсрочить обсужденіе этого запроса на болѣе долгій срокъ. Что касается разрѣшенія министра торговли представить въ Думу заключеніе совѣта промышленныхъ съѣздовъ по вопросамъ рабочаго законодательства, то этотъ фактъ, очевидно, самъ по себѣ не можетъ имѣть ровно никакого значенія для характеристики третьей Думы и ея большинства. Г. Іорданскій усматривалъ «весьма прогрессивный шагъ» со стороны октябристовъ еще въ томъ обстоятельствѣ, что они согласились съ планомъ, предложеннымъ для работъ Думы к.-д. фракціей. Но г. Гучковъ уже очень скоро успѣлъ взять это согласіе обратно. Наконецъ, не ожидая и самъ отъ думскаго большинства сколько-нибудь прогрессивныхъ стремленій въ сферѣ соціальной политики, г. Іорданскій, оставаясь вѣрнымъ своей схемѣ, все таки утверждалъ, что въ области политическихъ вопросовъ, напримѣръ, въ дѣлѣ проведенія законовъ о печати и неприкосновенности личности «даже октябристы, по своей соціальной природѣ, могутъ проявить нѣкоторый либерализмъ». И опять-таки это утвержденіе какъ нельзя болѣе рѣзко разошлось съ дѣйствительностью. Поскольку октябристы уже успѣли проявить въ третьей Думѣ свои заботы о печати и неприкосновенности личности, постольку вполнѣ наглядно выяснилось, что по своему направленію эти заботы нисколько не отличаются отъ соотвѣтствующихъ заботъ

министерства внутреннихъ дѣлъ, а по своей интенсивности даже превосходятъ послѣднія. И не даромъ, конечно, г. Гучковъ, обѣщая отъ имени октябристовъ новые законы въ этой области, вмѣстѣ съ тѣмъ меланхолически предупреждалъ, что, «вѣроятно, этою группою законовъ общество останется недовольно». Г. Гучковъ, видимо, держится о себѣ и своихъ соратникахъ не такого хорошаго мнѣнія, какъ г. Іорданскій, и изъ нихъ двухъ правъ, думается, не этотъ послѣдній.

Такимъ образомъ даже тѣ немногія фактическія указанія, которыя сдѣлалъ въ подкрѣпленіе своихъ выводовъ г. Іорданскій, въ дѣйствительности, если присмотрѣться къ нимъ немного внимательнѣе, говорятъ противъ него и опровергаютъ его построенія. Вооружившись готовой формулой, якобы обезпечивавшей ему понимание происходящаго въ жизни процесса, онъ прошелъ мимо фактовъ дѣйствительной жизни, не замѣтивъ ихъ истиннаго характера и одновременно умудрившись замѣтить въ нихъ то, чего въ нихъ вовсе не было. Руководясь исключительно этой готовой формулой и только черезъ нее, какъ черезъ своего рода призму, разсматривая дѣйствительность, онъ нашелъ стремленіе на дорогу преобразованій тамъ, гдѣ господствуетъ желаніе сохранить существующій строй, открылъ либерализмъ и борьбу за конституцію тамъ, гдѣ парятъ слѣпой шкурный страхъ передъ народомъ и не менѣе слѣпая угодливость передъ начальствомъ, наконецъ, увидѣлъ непредотвратимые конфликты тамъ, гдѣ давно водворились трогательный миръ и согласіе. И въ результатѣ всего этого г. Іорданскій пришелъ къ своему «здоровому политическому оптимизму», который позволилъ ему не только не отрицать значенія третьей Думы, но и признать, что на нее по справедливости можетъ быть возложена «нѣкоторая доля народныхъ надеждъ».

По утвержденію г. Іорданскаго, «лучшимъ доказательствомъ правильности такого взгляда «является дѣятельность третьей Думы». Гораздо вѣрнѣе было бы сказать, что эта дѣятельность является лучшимъ опроверженіемъ указаннаго взгляда. Въ послѣднюю сессію третьей Думы, какъ и въ предыдущую ея сессію, думское большинство не скупилось на доказательства своей полной солидарности съ реакціонной политикой правительства и своей глубокой преданности тѣмъ идеямъ и интересамъ, во имя которыхъ ведется эта политика. Въ частности октябристы въ теченіе минувшей думской сессіи обнаруживали свою подлинную политическую физіономію самыми различными способами, начиная съ работъ въ думскихъ коммиссіяхъ, продолжая рѣчами и голосованіями въ самой Думѣ и кончая трогательнымъ лобызаніемъ г. Хомякова съ г. Пуришкевичемъ на президентскомъ банкетѣ, лобызаніемъ, засвидѣтельствовавшимъ, по завѣренію г. Хомякова, общую любовь къ роднѣ, которой одинаково одушевлены какъ онъ, г. Хомяковъ, такъ и его «буйный товарищъ», г. Пуришкевичъ. И если на ряду

съ этимъ октябристы все-таки подчасъ становились въ позу оппозиціонеровъ и въ ихъ рѣчахъ проскальзывали отдѣльныя слова, въ которыхъ какъ будто звучали либеральныя нотки, то было бы большою наивностью принимать эти позы и слова не за то, чѣмъ они были въ дѣйствительности, не за простую реторику, предназначенную для того, чтобы вводить въ заблужденіе чрезмѣрно довѣрчивыхъ людей, а за нѣчто серьезное, свидѣтельствующее о подлинной природѣ думскихъ октябристовъ. Чтобы избавиться отъ искушенія впасть въ такую наивность, нѣтъ надобности даже говорить о томъ, что подготовляется октябристами въ третьей Думѣ. Достаточно вспомнить то, что они уже сдѣлали въ ней въ послѣднее время. Начавъ думскую сессію принятіемъ запроса о воспрещеніи петербургскимъ градоначальникомъ собранія, посвященнаго балканскимъ дѣламъ,—запроса, впослѣдствіи отложеннаго,—октябристы закончили ее категорическимъ отказомъ присоединиться къ осужденію смертныхъ казней. Въ промежуткѣ между этими двумя моментами думское большинство приняло рядъ рѣшеній законодательнаго характера, цѣликомъ направленныхъ въ одну и ту же сторону, къ одной общей цѣли. Оно утвердило въ главныхъ чертахъ изданный въ порядкѣ 87 статьи указъ 9 ноября 1906 г., имѣющій своей непосредственной задачей разрушеніе общины, при чемъ въ думской редакціи этотъ законъ получилъ еще болѣе обостренный и насильственный характеръ сравнительно съ тѣмъ, какой онъ имѣлъ, выйдя прямо изъ рукъ правительства г. Столыпина. И, принимая этотъ законъ, думское большинство своими рукоплесканіями по адресу г. Столыпина торжественно подтвердило, что и оно, подобно послѣднему, намѣрено въ сферѣ соціальной политики поддерживать сильныхъ и давить слабыхъ. Свое отношеніе къ крестьянству то же большинство продемонстрировало и въ области народнаго образованія, утвердивъ ассигновку на церковно-приходскія школы. Наконецъ, думское большинство провело законопроектъ о недопущеніи въ ряды арміи лицъ, заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности и состоящихъ подъ надзоромъ, о предоставленіи усиленныхъ пенсіонныхъ правъ чинамъ тюремнаго вѣдомства, пострадавшимъ отъ преступныхъ дѣяній, о «вспомоществованіи пострадавшимъ отъ разбойническихъ дѣйствій революціонныхъ партій и лицъ».

Во всѣхъ этихъ случаяхъ октябристы дѣйствовали рука объ руку съ крайними правыми партіями, и этотъ союзъ отражался не только на результахъ думской работы, но и на ея тонѣ, создавая въ Думѣ атмосферу, совершенно непереносную для свѣжаго человѣка и очень напоминавшую атмосферу чайныхъ «союза русскаго народа». Не говоря уже о грубой брани, сдѣлавшейся неизбѣжной принадлежностью думскихъ дебатовъ, сыскъ, доносы и клевета заняли видное мѣсто въ пресловутой «парламентской» дѣятельности прочно объединившагося вокругъ правительства думскаго большинства. Къ союзу «истинно-русскихъ» людей, образовавшихъ

это большинство, въ послѣднюю думскую сессію присоединились еще и «истинные поляки» въ лицѣ націоналъ-демократическаго «польскаго кола». Въ первыхъ двухъ Думахъ «польское коло» держалось осторожной и выжидательной политики, стараясь стоять ближе къ русской оппозиціи, подчасъ даже къ лѣвому ея крылу. Но послѣ года дѣятельности третьей Думы «коло», составленное на этотъ разъ исключительно изъ членовъ націоналъ-демократической партіи, по существу глубоко реакціонной, хотя и умѣющей прятать эту реакціонность подъ громкими демагогическими фразами, рѣшило, что русская революція безповоротно подавлена, и что ему всего выгоднѣе теперь же перейти въ разрядъ правительственныхъ партій. И члены «кола», въ томъ числѣ и тѣ, которые еще во второй Думѣ дѣйствовали совмѣстно съ оппозиціей, принялись ревностно проводить новую тактику. Предсѣдатель «кола», г. Дмовскій, счелъ нужнымъ участвовать въ демонстративномъ банкетѣ, устроенномъ октябристами и правыми г. Хомякову; члены «кола» голосовали за законопроектъ о недопущеніи «неблагонадежныхъ» лицъ въ армію, въ свое время отвергнутый второй Думой при содѣйствіи «польскаго кола»; «коло» подало свои голоса за утвержденіе указа 9 ноября, принявъ такимъ образомъ участіе въ рѣшеніи одного изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ русской деревенской жизни вопреки всѣмъ прежнимъ своимъ заявленіямъ о необходимости для поляковъ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ чисто русскія дѣла. Для оправданія такой перемѣны позиціи самимъ «польскимъ коломъ» и его сторонниками въ Польшѣ выдвигались различныя объясненія, вплоть до заявленія, что польскіе депутаты въ третьей Думѣ являются не делегатами польскаго народа, а ходатаями по польскимъ дѣламъ, дѣйствующими въ учрежденіи, которому совершенно не присущъ характеръ народнаго представительства. Но всѣ такія объясненія не могутъ ни устранить, ни смягчить того факта, что польская націоналъ-демократія, въ лицѣ своихъ думскихъ представителей, вступила въ третьей Думѣ въ тѣсный союзъ съ русскими реакціонерами, войдя въ составъ правительственнаго большинства. Несомнѣнно, за свои услуги «польское коло» ожидаетъ соотвѣтственной награды въ видѣ нѣкоторыхъ уступокъ въ сферѣ національнаго вопроса, и въ газеты уже проникли свѣдѣнія, что такая награда рисуется ему въ формѣ распространенія на губерніи Царства Польскаго нынѣшняго городского и земскаго самоуправленія, при томъ съ ограниченіемъ правъ участія въ этомъ самоуправленіи еврейскаго населенія. Весьма возможно, однако, что эти ожиданія такъ и останутся лишь ожиданіями, и разсчеты политиковъ «кола» на дѣлѣ не оправдаются. Какъ бы то ни было, въ настоящій моментъ польскіе націоналъ-демократы прочно приковали себя къ реакціонному большинству

третьей Думы и дѣлаютъ съ нимъ одно общее дѣло, равно враждебное интересамъ народныхъ массъ въ Россіи и Польшѣ.

Усердно поддерживая правительственную политику, это большинство вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лицѣ наиболѣе яркихъ и послѣдовательныхъ своихъ представителей, прилагаетъ энергичныя усилія къ тому, чтобы толкать ее все дальше и дальше по пути реакціи. Это сказывалось въ поправкахъ, вносившихся Думою въ правительственные законопроекты, это же отражалось и на общемъ характерѣ думскихъ дебатовъ. Всякое упоминаніе о противникахъ существующаго строя неизмѣнно вызывало у правыхъ депутатовъ Думы приступы бѣшеной ярости. Стоило кому-либо изъ депутатовъ оппозиціи заговорить о тѣхъ жестокихъ карахъ и невѣроятныхъ издѣвательствахъ, какимъ подвергаются томящіяся въ тюрьмахъ, ссылкѣ и каторгѣ жертвы правительственнаго террора, чтобы съ правыхъ скамей Думы немедленно посыпались восклицанія, выражающія пожеланія еще бóльшихъ каръ, мученій и издѣвательствъ. Свобода слова самихъ оппозиціонныхъ депутатовъ, благодаря стараніямъ думскаго большинства, подвергалась все большимъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ. Дѣло доходило въ этомъ отношеніи до того, что даже самъ г. Хомяковъ, чрезвычайно строгій и придирчивый ко всякому слову оппозиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ обладающій неистощимымъ запасомъ терпѣнія и благодушія, когда рѣчь идетъ о выходкахъ правыхъ депутатовъ временами не выдерживалъ притязаній послѣднихъ и заявлялъ о своей готовности покинуть предсѣдательское кресло въ Думѣ,— правда, только заявлялъ, никогда не приводя этого намѣренія въ исполненіе.

Стоитъ только вспомнить все это, чтобы оцѣнить по достоинству стоимость того «здороваго политическаго оптимизма», къ которому насъ приглашаетъ г. Іорданскій, и который выражается въ надеждахъ на либерализмъ октябристовъ и на неизбѣжные якобы конфликты думскаго большинства съ правительствомъ. Если сравнить унылые отзывы органовъ либеральной прессы съ оптимизмомъ сотрудника «Современнаго Міра», то придется, несомнѣнно, признать, что первые вѣрнѣе отражаютъ дѣйствительность, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло идетъ о дѣятельности третьей Думы и о томъ значеніи, какое она имѣетъ въ жизни страны. Г. Іорданскій все еще находится во власти абстрактныхъ формулъ и, замѣняя ими изученіе конкретной жизни, сохраняетъ возможность питать такія надежды, для которыхъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній въ окружающей дѣйствительности. Въ отзывахъ же либеральной прессы, отзывахъ, полныхъ унынія и тревоги, проявляется своего рода отрезвленіе отъ иллюзій, долго сохранявшихся, но подъ конецъ все-таки разбитыхъ жизнью. Пусть такое отрезвленіе мучительно, оно во всякомъ случаѣ полезно и оно можетъ быть даже благотворнымъ. Было время, когда либе-

ральная печать не только сама вѣрила въ иллюзіи, связанныя съ третьей Думой, но и усиленно распространяла ихъ, усиленно навязывала свою вѣру другимъ. Теперь, наученная жизнью, она отказывается отъ такихъ иллюзій, и въ этомъ отказѣ нельзя не видѣть симптома, свидѣтельствующаго о нѣкоторомъ проясненіи общественной мысли.

Само собой разумѣется, этого проясненія не слѣдуетъ преувеличивать, когда рѣчь идетъ о либеральныхъ кругахъ нашего общества. Въ этихъ кругахъ слишкомъ мало стойкости, въ нихъ слишкомъ сильна наклонность къ компромиссамъ, даже тогда, когда для компромисса нѣтъ сколько-нибудь подходящей почвы, и это оказываетъ сильное вліяніе на всю ихъ психику, дѣлая ее крайне неустойчивой. Кн. Трубецкой не вѣритъ теперь въ либерализмъ правительства г. Столыпина и уподобляетъ октябристское большинство третьей Думы дѣтямъ, посаженнымъ на козлы рядомъ съ кучеромъ и воображающимъ, что они правятъ экипажемъ, но это едва-ли помѣшаетъ ему при нѣсколько иномъ поворотѣ обстоятельствъ вновь заняться доказательствомъ неизбѣжности и полезности, если не «октябрьской погоды», то чего-либо, сильно напоминающаго ее. «Слово» находитъ, что думское большинство лишь затемняло идею народнаго представительства въ сознаніи народныхъ массъ и дѣлало только то, что должны были бы дѣлать враги представительнаго строя, и тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ тому же самому «Слову» возлагать различныя надежды на дѣятельность третьей Думы, всецѣло опредѣляемую тѣмъ ея большинствомъ, о которомъ, казалось бы, такъ опредѣленно высказывается газета. Публицисты «Рѣчи» въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ говорятъ о думскихъ октябристахъ и объ укрѣпленіи третьей Думой идеи конституціоннаго строя въ Россіи, но въ той же «Рѣчи» нѣтъ-нѣтъ и проскользнетъ надежда на то, что октябристы одумаются, раскаются и примутся въ самомъ дѣлѣ укрѣплять идею конституціоннаго строя въ союзѣ съ конституціоналистами-демократами. И такую же шаткость и непослѣдовательность проявили и конституціоналисты-демократы въ Думѣ въ теченіе послѣдней ея сессіи, вполнѣ отчетливо, казалось бы, выяснившей полное отсутствіе какой бы то ни было общей почвы для совмѣстныхъ дѣйствій оппозиціонныхъ фракцій и думскаго большинства. Дѣло заключалось не только въ томъ, что к.-д. фракція, не вѣря, по словамъ ея представителей, въ охоту и способность третьей Думы дать что-либо населенію, тѣмъ не менѣе предлагала ей планъ работъ, разсчитанный на нѣкоторые реальные результаты. Конституціоналисты-демократы въ своемъ стремленіи къ компромиссу съ октябристами шли въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дальше. Послѣ дебатовъ, происходившихъ въ Думѣ по вопросамъ внѣшней политики, они, не внося своей резолюціи, заявили, что будутъ голосовать за резолюцію октябристовъ, хотя послѣдніе какъ

разъ въ этомъ случаѣ не принимали почти никакого участія въ дебатахъ. При обсужденіи законопроекта о предоставленіи усиленныхъ пенсіонныхъ правъ чинамъ тюремнаго вѣдомства, пострадавшимъ отъ преступныхъ покушеній, послѣ преній, вполнѣ раскрывшихъ, съ одной стороны, ужасъ современныхъ россійскихъ тюремъ, съ другой—демонстративный характеръ внесеннаго правительствомъ законопроекта, к.-д. фракція все же не рѣшилась остаться въ единеніи съ другими группами оппозиціи и, хотя съ оговорками, но отдала свои голоса, вмѣстѣ съ правыми и октябристами, въ пользу законопроекта. Были въ минувшую думскую сессію и другіе случаи, когда конституціоналисты-демократы держались столь же непослѣдовательной тактики, проявляя явную наклонность къ компромиссамъ и наивно стараясь убѣдить октябристское большинство Думы въ томъ, что оно можетъ быть либеральнымъ.

Тѣмъ не менѣе не приходится отрицать, что именно послѣдніе мѣсяцы много сдѣлали для выясненія дѣйствительнаго положенія вещей даже передъ глазами либеральныхъ круговъ нашего общества, и въ этомъ заключается, повторяю, извѣстное симптоматическое указаніе. Въ самомъ дѣлѣ, если настроеніе либеральныхъ круговъ остается и въ настоящій моментъ неустойчивымъ, если тактика отдѣльныхъ представителей либерализма и либеральныхъ партій, несмотря даже на всѣ уроки послѣдняго времени, не пріобрѣла строгой послѣдовательности, то въ сознаніи и этихъ партій, и тѣхъ пестрыхъ, съ трудомъ поддающихся точному опредѣленію группъ населенія, которыя находятся подъ воздѣйствіемъ либерализма и составляютъ лагерь его сторонниковъ, все же произошла ощутительная перемѣна. Эту перемѣну всего правильнѣе можно охарактеризовать, какъ установленіе въ данной общественной средѣ болѣе трезваго отношенія къ дѣйствительности. Не даромъ довольно различные по существу органы печати, подводя итоги прошлаго года въ русской жизни, главную, а то и единственную, его заслугу видятъ въ уясненіи истиннаго положенія дѣлъ, въ снятіи послѣднихъ прикрывавшихъ подлинную дѣйствительность покрововъ. Но ясное пониманіе окружающей жизни является первымъ и необходимымъ условіемъ возможности болѣе или менѣе успѣшнаго воздѣйствія на нее. Поэтому всякій новый шагъ въ сторону такого пониманія приходится привѣтствовать, какъ своего рода пріобрѣтеніе, далеко не могущее остаться безразличнымъ въ условіяхъ нашей общественной жизни. Въ данномъ же случаѣ то обстоятельство, что подобное пониманіе распространяется въ либеральной средѣ, дѣятели которой такъ долго и такъ старательно окружали себя и другихъ туманомъ разныхъ прекраснодушныхъ иллюзій, имѣетъ, пожалуй, особенную цѣну. Оно, можно сказать, является своеобразной порукой за то, что истинный смыслъ пере-

живаемыхъ нами событій, дѣйствительно, все яснѣе раскрывается передъ широкими массами населенія, все глубже постигается ими.

Въ ряду этихъ событій дѣятельность третьей Думы представляетъ собою не болѣе, какъ деталь,—деталь, правда, очень характерную, но все же имѣющую серьезное значеніе лишь въ связи со всей окружающей ее обстановкой. Не Дума завѣдуетъ механизмомъ, направляющимъ всю оффиціальную жизнь страны. По отношенію къ этому механизму третья Дума, даже въ лицѣ своего большинства, играетъ чисто страдательную роль. И, если думская дѣятельность все-таки не мало содѣйствуетъ освѣщенію работы этого механизма и вскрытію истиннаго ея значенія, то не въ меньшей, а подчасъ даже и въ большей мѣрѣ выполняютъ ту же самую задачу и другіе эпизоды нашей общественной жизни, протекающіе безъ всякаго участія думскихъ ораторовъ и дѣятелей. Куда ни повернется за послѣднее время русскій обыватель, онъ стоитъ передъ грудой фактовъ, настойчиво и краснорѣчиво говорящихъ ему все объ одномъ и томъ же—о смыслѣ и значеніи порядковъ, царящихъ въ странѣ. Обывательское существованіе окончательно превратилось въ цѣпь самыхъ пестрыхъ, самыхъ экстравагантныхъ случайностей и неожиданностей, тѣсно связанныхъ однако желѣзнымъ закономъ причинности и съ логической необходимостью вытекающихъ одна изъ другой. Стоитъ сколько-нибудь внимательно вглядѣться въ одну изъ такихъ случайностей, и за ней немедленно потянется длинная вереница другихъ, и каждая изъ нихъ будетъ направлять мысль мало-мальски вдумчиваго наблюдателя въ одну опредѣленную сторону, къ совершенно яснымъ и законченнымъ заключеніямъ. А между тѣмъ текущая жизнь заставляетъ вглядываться въ эти случайности и учитъ задумываться надъ ними самые широкіе, самые разнообразные слои обывательской массы.

Въ началѣ минувшей осени министерство народнаго просвѣщенія предъявило университетскимъ профессорамъ требованіе дать подписку въ непринадлежности ихъ къ противогосударственнымъ партіямъ, при чемъ въ число такихъ партій была включена и конституціонно-демократическая партія. Такъ какъ министерству завѣдомо было извѣстно, что многіе профессора входятъ въ ряды к.-д. партіи, то требованіе его было въ сущности равносильно обращенному къ профессорамъ приказу подъ угрозой увольненія въ отставку немедленно перемѣнить свои политическія убѣжденія и выйти изъ раздѣляющей ихъ партіи. Со стороны профессоровъ это требованіе встрѣтило, однако, нѣкоторый отпоръ, и министерство временно отступилось отъ своихъ претензій. Но отступилось оно отъ нихъ только по отношенію къ высшей школѣ и, какъ можно догадываться, только потому, что въ послѣдней произошли другія событія, въ значительной мѣрѣ отвлекшія его вниманіе. Въ средней же школѣ, не говоря уже, конечно, о начальной, то же

требованіе продолжаетъ примѣняться на практикѣ съ неуклонной энергіей и послѣдовательностью. Сравнительно недавно въ петербургскихъ газетахъ былъ разсказанъ такой случай: осенью минувшаго года преподаватель законовѣдѣнія въ одной изъ петербургскихъ мужскихъ гимназій, служившій въ ней по вольному найму, г. Кнатцъ, получилъ отъ своего начальства предложеніе дать подписку въ томъ, что онъ не состоитъ членомъ никакихъ противогосударственныхъ партій. Г. Кнатцъ выполнилъ это предложеніе, но при этомъ счелъ нужнымъ заявить, что къ противогосударственнымъ партіямъ онъ не причисляетъ конституціонно-демократическую, воззрѣнія которой онъ раздѣляетъ. Тогда онъ былъ вызванъ къ помощнику попечителя учебнаго округа, г. Латышеву, который всячески старался убѣдить его въ неправильности его взгляда на конституціонно-демократическую партію. Г. Кнатцъ, однако, остался при своемъ воззрѣніи и, нѣсколько времени спустя, получилъ черезъ директора гимназіи извѣщеніе о своемъ увольненіи отъ должности*). Случай съ г. Кнатцемъ далеко не единственный, и въ свою очередь не одно министерство народнаго просвѣщенія усиленно старается очистить ряды своихъ служащихъ отъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ к.-д. ереси. Усилія власти идутъ, впрочемъ, и дальше, и кое-гдѣ провинціальные комитеты к.-д. партіи привлечены уже къ судебной отвѣтственности. Такимъ образомъ немалое количество обывателей, въ свое время довѣрчиво отнесшихся къ обѣщаніямъ власти и питавшихъ самыя розовыя иллюзіи на счетъ болѣе или менѣе быстраго ихъ осуществленія, очутилось теперь въ своего рода западнѣ и „неожиданно“ для самихъ себя увидѣло себя въ положеніи лицъ, обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и преслѣдуемыхъ властью по всей строгости существующихъ законовъ. И не нужно обладать слишкомъ живымъ воображеніемъ, чтобы представить себѣ, что подобныя метаморфозы, влекущія за собою массу матеріальныхъ и моральныхъ бѣдствій, не проходятъ безслѣдно въ психикѣ тѣхъ лицъ, которыхъ онѣ касаются, и пробуждаютъ въ ней не одно только чувство слѣпого страха.

Между тѣмъ подобные крутые перевороты въ обывательской жизни совершаются въ настоящее время съ чрезвычайной легкостью. Для нихъ оказывается достаточно не только такого повода, какъ вступленіе обывателя въ ту или иную политическую партію, даже такую умѣренную, какъ конституціонно-демократическая, но и гораздо болѣе мелкихъ поводовъ, подчасъ остающихся совершенно неуловимыми для самого застигнутаго переворотомъ обывателя. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ бывшій членъ первой Государственной Думы и бывшій редакторъ газеты «Жизнь Крыма», кн. Оболенскій, по распоряженію особаго совѣщанія при министерствѣ

*) „Рѣчь“, 19 ноября 1908 г.

внутреннихъ дѣлъ, былъ высланъ изъ Таврической губерніи и отданъ на два года подъ гласный надзоръ полиціи. Кн. Оболенскій обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о пересмотрѣ его дѣла, при чемъ, какъ на главный доводъ въ пользу необходимости такого пересмотра, указалъ на то обстоятельство, что дѣло его было рѣшено, и онъ былъ присужденъ къ наказанію безъ снятія съ него хотя бы одного допроса, такъ что онъ былъ лишенъ возможности представить какіе-либо доводы въ свою защиту, да и самое дѣло, по которому онъ былъ приговоренъ къ карѣ и отбываетъ ее, остается ему до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ. «Въ отвѣтъ на такое ходатайство—гласила полученная по этому поводу финляндскимъ генералъ-губернаторомъ оффиціальная бумага—департаментъ полиціи, по приказанію товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора Макарова, проситъ объявить кн. Оболенскому, что дѣло его подлежало бы пересмотру, если бы въ прошеніи его заключались какія-либо новыя обстоятельства, не имѣвшіяся въ виду особаго совѣщанія, а между тѣмъ таковыхъ кн. Оболенскій не представилъ» *). То обстоятельство, что самому кн. Оболенскому такъ и остается неизвѣстнымъ, въ чемъ его обвиняютъ и за что именно онъ несетъ кару, въ глазахъ департамента полиціи и товарища министра внутреннихъ дѣлъ, очевидно, не является «новымъ обстоятельствомъ, не имѣвшимся въ виду особаго совѣщанія». И опять-таки случай съ кн. Оболенскимъ нельзя считать ни единственнымъ, ни исключительно рѣдкимъ. Аресты, совершаемые впредь до выясненія причинъ ареста, и административныя кары, налагаемыя такимъ образомъ, что для самихъ покаранныхъ остается неизвѣстнымъ, за что собственно ихъ постигла кара, составляютъ обычное и широко распространенное явленіе въ нашей жизни. Нельзя сказать, конечно, что это явленіе новаго происхожденія. Наоборотъ, оно знакому русскому обывателю съ давнихъ поръ, но въ послѣдніе годы оно, какъ и всѣ другіе виды репрессій, обрушившихся на обывательскую жизнь, получило неизмѣримо большее распространеніе, чѣмъ прежде, а соотвѣтственно этому возросло и воздѣйствіе, оказываемое имъ на массовую психику. Еще недавно обыватель слышалъ о «конституціи», хотя бы и безъ «парламента», о свободахъ, хотя бы только «разумныхъ» и «ограниченныхъ», а практика ежедневной жизни въ рядѣ горькихъ уроковъ наглядно убѣждаетъ его, что стоитъ ему только проявить активное отношеніе къ общественнымъ дѣламъ и все его существованіе теперь, какъ и прежде, и теперь даже больше, чѣмъ прежде, можетъ быть перевернуто по всякому пустяшному поводу и даже вовсе безъ всякаго повода, по крайней мѣрѣ, безъ такого повода, который былъ бы ему извѣстенъ, противъ котораго можно было бы возражать, который можно было бы оспаривать. И обы-

*) „Рѣчь", 16 ноября 1908.

ватель, массовый обыватель, не можетъ не чувствовать, что надъ всей его жизнью тяготѣетъ безапелляціонно распоряжающаяся ею, угрюмо-настороженная и подозрительная власть.

Во всѣхъ областяхъ обывательской жизни, въ самыхъ мелкихъ ея фактахъ чувствуется давленіе этой власти и ея многочисленныхъ агентовъ и въ очень многихъ случаяхъ оно ощущается даже сильнѣе, чѣмъ прежде, въ годы, предшествовавшіе революціи. На газеты, въ особенности провинціальныя, въ теченіе многихъ уже мѣсяцевъ сыплется буквально дождь штрафовъ, безконтрольно налагаемыхъ мѣстными администраторами. Какими поводами вызываются эти штрафы, могутъ показать хотя бы слѣдующіе два примѣра, наудачу выхваченные мною изъ цѣлаго ряда совершенн аналогичныхъ случаевъ. «Саратовскій Вѣстникъ» въ минувшемъ ноябрѣ былъ оштрафованъ на 300 р. за разборъ рѣчи, произнесенной въ Государственной Думѣ товарищемъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ *). Около того же времени газета «Пріамурье» за перепечатку изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» статьи г. Рославлева «Офицерство» была оштрафована приморскимъ губернаторомъ на 1200 р. съ замѣной этого штрафа двухмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ для редактора газеты **). Такимъ образомъ даже перепечатка статьи, появившейся въ консервативномъ органѣ и послѣ того цитировавшейся цѣлымъ рядомъ газетъ, въ области, находящейся подъ управленіемъ приморскаго губернатора, оказалась преступленіемъ, способнымъ повлечь за собою тяжелую кару. Въ другихъ областяхъ преслѣдуются другія преступленія и, напримѣръ, петербургскимъ обывателямъ предоставляется узнавать подробности злоупотребленій, открытыхъ въ петербургской полиціи, по преимуществу изъ московской и провинціальной прессы, такъ какъ петербургскія газеты слишкомъ хорошо освѣдомлены о правахъ, предоставленныхъ надъ ними петербургскому градоначальнику.

Но преслѣдованіямъ подвергаются не однѣ только газетныя статьи и не одни только литературныя произведенія. Въ Петербургѣ минувшей осенью по протесту «истинно-русскихъ людей» была снята съ театральной сцены совсѣмъ было уже подготовленная къ постановкѣ «Саломея» Уайльда. Въ томъ же Петербургѣ старшій инспекторъ типографій г. Бутовскій не такъ давно спеціальною телеграммой просилъ участковую полицію немедленно принять мѣры къ изъятію изъ продажи открытыхъ писемъ съ воспроизведеніемъ извѣстной картины Перова, изображающей крестный ходъ въ деревнѣ ***). Приблизительно около того же времени, когда этотъ послѣдній эпизодъ разыгрался въ Петербургѣ, въ Москвѣ проис-

*) „Слово“, 19 ноября 1908 г.
**) „Слово“, 6 декабря 1908 г.
***) „Рѣчь“, 19 ноября 1908 г.

зошелъ въ своемъ родѣ не менѣе любопытный инцидентъ въ народномъ университетѣ имени Шанявскаго на лекціи проф. Устинова. Когда названный лекторъ коснулся теоріи раздѣленія властей въ конституціонныхъ государствахъ и остановился на разборѣ конституціи въ Пруссіи, Баваріи и Россіи, присутствовавшій на лекціи помощникъ пристава, прервавъ лектора, заявилъ, что онъ не можетъ допустить дальнѣйшаго чтенія лекціи. «Неожиданное заявленіе полицейскаго чина — разсказывали газеты, передававшія этотъ эпизодъ, — взволновало слушателей, которые разошлись только послѣ убѣжденій лектора и членовъ правленія народнаго университета. Помощникомъ пристава былъ составленъ протоколъ, содержаніе котораго проф. Устиновъ опротестовалъ» *). Въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ которомъ произошли оба эти случая, въ Саратовѣ мѣстное санитарное общество собралось устроить въ залѣ городской управы чтеніе по народовѣдѣнію объ Англіи по книгамъ Е. Н. Водовозовой: «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане» и Ю. А. Бѣляевской: «Англія». Однако же, въ отвѣтъ на поданное объ этомъ полицеймейстеру заявленіе послѣдовало извѣщеніе, что «назначенное на 30-е ноября въ зданіи городской управы народное чтеніе по народовѣдѣнію „Англія“ по книгамъ Водовозовой и Бѣляевской, признанное на основаніи п. 7 закона 4 марта 1906 г., какъ угрожающее общественному спокойствію и обезпеченности, не разрѣшено» **). Петербургская администрація, впрочемъ, проявляла подчасъ еще большую опасливость и осторожность по отношенію къ устному слову, чѣмъ московская и саратовская. На 17 ноября минувшаго года въ Петербургѣ было назначено засѣданіе секціи преподавателей русскаго языка и словесности при родительскомъ кружкѣ. На засѣданіи предполагались доклады г. Чернышева на тему: «Педагоги и ученые о русскомъ правописаніи» и г. Сидорова: «Буква ѣ въ нашемъ правописаніи». Къ этому времени у петербургской полиціи вошло въ обычай, съ легкой руки устроителей «нео-славянскихъ» собраній, разрѣшать публичныя собранія не иначе, какъ подъ условіемъ недопущенія на нихъ преній. Педагоги надѣялись, что къ ихъ бесѣдѣ о русскомъ правописаніи этотъ обычай примѣненъ не будетъ, но ихъ надежды оказались напрасными. Несмотря на всѣ хлопоты предсѣдателя родительскаго кружка, пренія о буквѣ «ѣ» такъ и не были разрѣшены, и педагогамъ, не согласившимся собираться только для молчаливаго выслушиванія докладовъ по вопросамъ русскаго правописанія, пришлось отложить и эти доклады, и пренія по нимъ «до болѣе благопріятнаго времени» ***) Въ настоящее время опаснымъ, повидимому, считается

*) „Рѣчь“, 13 ноября 1908 г.
**) „Р. Вѣдомости“, 3 дек. 1908 г.
***) „Рѣчь“, 16 ноября 1908 г.

всякое публичное собраніе, совершенно независимо отъ того повода, по которому оно происходитъ. По крайней мѣрѣ, въ Тифлисѣ былъ недавно такой случай. Въ аудиторіи народнаго дома шелъ грузинскій спектакль. Прошелъ онъ совершенно благополучно, но по окончаніи его всѣ присутствовавшіе на представленіи были задержаны полиціей. «Среди публики,—разсказываютъ объ этомъ эпизодѣ газеты,—между прочимъ, находился извѣстный грузинскій поэтъ А. Церетелли. Послѣ тщательнаго обыска Церетелли и женщины были отпущены, остальные же, въ числѣ 80 человѣкъ, всѣ арестованы и отправлены подъ конвоемъ въ охранное отдѣленіе» *).

Врядъ-ли надо умножать число подобныхъ примѣровъ. Думается, и тѣ немногіе, которые я привелъ, говорятъ достаточно краснорѣчивымъ языкомъ. Пьеса Уайльда, картина Перова, лекціи по конституціонному праву, народныя чтенія по книгамъ, вышедшимъ много лѣтъ тому назадъ съ разрѣшенія цензуры, пренія по вопросамъ русскаго правописанія, наконецъ, самые обыкновенные спектакли—все это признается опаснымъ, все угрожаетъ общественному спокойствію и безопасности, все подлежитъ дѣйствію мѣръ предупрежденія и пресѣченія. И эти мѣры въ изобиліи обрушиваются на голову обывателя. Каждая изъ нихъ въ отдѣльности можетъ быть смѣшна, уродлива, можетъ даже производить впечатлѣніе нелѣпой случайности, но въ дѣйствительности всѣ онѣ вовсе не такъ случайны, какъ это, пожалуй, кажется на первый взглядъ. Если г. Пуришкевичъ признанъ агентомъ по сохраненію государственнаго порядка, то нельзя же не довѣрять его показанію о томъ, что публичное представленіе пьесы Уайльда можетъ поколебать этотъ порядокъ. Если другіе цензора такого же типа и ранга доносятъ, что воспроизведеніе картины Перова разрушаетъ религіозное чувство, нельзя опять таки не давать вѣры ихъ показанію,—иначе вѣдь не стоило и обращаться къ ихъ цензорскимъ услугамъ. Отъ полицейскихъ чиновъ, конечно, никто не станетъ требовать спеціальныхъ познаній въ области конституціоннаго права. Но если лекціи въ народномъ университетѣ могутъ происходить только въ присутствіи полицейскаго чина, обязаннаго слѣдить за недопущеніемъ «преступной пропаганды», то, разумѣется, та же самая логика требуетъ дать этому чину возможность и право прерывать лекціи, разъ онъ усмотритъ въ нихъ такую пропаганду. Разъ вообще признается необходимымъ всѣми способами пресѣкать «преступную пропаганду»,—а это теперь считается необходимымъ болѣе, чѣмъ когда-либо,—то частности этого дѣла опредѣляются уже сами собою и не могутъ поддаваться сколько-нибудь серьезному измѣненію. Власть попала въ своего рода по-

*) „Рѣчь", 3 дек. 1908 г.

рочный кругъ, изъ котораго нѣтъ и не можетъ быть выхода и который съ теченіемъ времени все болѣе суживается.

Всякое дѣло, всякое мѣропріятіе правительства по отношенію къ населенію попадаетъ въ этотъ роковой кругъ и, очутившись въ немъ, всѣ они неизбѣжно пріобрѣтаютъ одинъ и тотъ же характеръ. Въ настоящее время, напримѣръ, въ правительственныхъ сферахъ идетъ разговоръ о введеніи земства въ Донской области. Атаманъ Войска Донского, какъ передаютъ газеты, не замедлилъ издать по этому поводу спеціальный приказъ къ населенію области. «Казачьему населенію Донской области—говорится въ этомъ приказѣ—предстоитъ разрѣшить вопросъ, нужно или не нужно ввести на Дону земскія самоуправленія. Многіе совершенно ничего въ этомъ не понимаютъ, другіе же имѣютъ объ этомъ предметѣ совершенно невѣрное представленіе. И, конечно, нельзя допустить, чтобы эти лица дали правильный отвѣтъ. Въ видахъ пользы и желательнаго ознакомленія населенія съ этимъ вопросомъ мною составлена записка подъ заглавіемъ „О земствѣ на Дону". Предлагаю старшинамъ и атаманамъ принять энергичныя мѣры къ ознакомленію съ этой запиской казацкаго населенія» *). Въ этомъ любопытномъ приказѣ, несомнѣнно, нашли себѣ отраженіе все тѣ же общія идеи, какими вдохновляется вся политика правительства. Съ одной стороны, населеніе какъ будто приглашается высказать свое мнѣніе о желательности или нежелательности для него земскихъ учрежденій. Съ другой,—«ограниченный разумъ подданныхъ» признается совершенно неспособнымъ рѣшить такой вопросъ и дать на него «правильный отвѣтъ». Къ тому же возникаютъ и опасенія, что обсужденіе вопроса, предоставленное силамъ самого населенія, можетъ зайти черезчуръ далеко и повести къ созданію «невѣрныхъ представленій». И въ результатѣ второстепенное начальство получаетъ приказаніе «принять энергичныя мѣры» къ ознакомленію населенія со взглядами высшаго начальства, которые въ концѣ концовъ и должны рѣшить весь вопросъ. Въ другой формѣ и по другому поводу въ этомъ эпизодѣ проявляется по существу та же самая психологія, какая лежитъ въ основѣ контроля полицейскихъ приставовъ надъ профессорскими лекціями и недопущенія народныхъ чтеній по разрѣшеннымъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ цензурой книгамъ.

Обывателю приходится знакомиться съ этой психологіей и въ болѣе оголенномъ видѣ, приходится чуть не ежедневно наблюдать и болѣе жестокія ея проявленія, влекущія за собою трагическія послѣдствія. Въ концѣ прошлаго года въ газетѣ, выходящей въ г. Керчи, было напечатано открытое письмо заѣхавшаго въ Керчь агента страхованія жизни, г. Шахпазарова. Авторъ этого письма разсказываетъ, что по пріѣздѣ своемъ въ Керчь онъ вмѣстѣ съ

*) „Рѣчь" 16 ноября 1908 г.

тремя другими пріѣзжими былъ безъ всякой причины арестованъ чинами сыскного отдѣленія. Послѣ ареста всѣхъ ихъ продержали два дня за рѣшеткой, а затѣмъ секретарь сыскного отдѣленія предложилъ имъ откупиться, и имъ пришлось принять это предложеніе. Только тогда ихъ освободили и вернули имъ паспорта. Въ концѣ своего письма г. Шахназаровъ обращался съ жалобой на дѣйствія сыскного отдѣленія къ керченскому градоначальнику *) Врядъ-ли, однако, эта жалоба привела къ какимъ-либо серьезнымъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что градоначальникъ даже занялся бы разслѣдованіемъ всей этой исторіи. Тогда, по всей вѣроятности, оказалось бы, что сыскное отдѣленіе заподозрило въ г. Шахназаровѣ и его товарищахъ по несчастью преступныхъ пропагандистовъ или кого-нибудь еще въ томъ же родѣ. Но развѣ не ясно и градоначальнику, что спокойствіе и удобства нѣсколькихъ обывателей ничего не стоятъ въ сравненіи съ возможнымъ предотвращеніемъ опасности для государственнаго порядка. Правда, сыскное отдѣленіе взяло еще деньги за выпускъ г. Шахназарова на свободу. Это, конечно, отступленіе отъ служебныхъ правилъ, но развѣ это дѣлается только въ Керчи? Предложеніе откупиться такъ же прочно вошло въ нравы и обычаи россійской полиціи, какъ одно время требованіе выкупа плѣнныхъ входило въ нравы и обычаи дѣйствовавшихъ въ Македоніи «четъ». И г. Шахназаровъ, пожалуй, даже дешево отдѣлался отъ засѣвшей въ Керчи «четы», хотя самъ онъ, повидимому, не думаетъ этого.

Дѣло г. Шахназарова могло бы, конечно, обернуться иначе, если бы онъ былъ не русскимъ, а иностраннымъ подданнымъ. Не такъ давно газеты обошелъ разсказъ объ одномъ случаѣ такого рода. Въ мартѣ прошлаго года въ Одессѣ былъ арестованъ впредь до выясненія причинъ ареста нѣкій лондонскій купецъ, Николай Люксембургъ. Послѣ своего освобожденія онъ потребовалъ въ возмѣщеніе убытковъ, нанесенныхъ ему арестомъ, отъ русскаго правительства сумму въ 10.000 ф. ст. Позднѣе, впрочемъ, онъ согласился на меньшую сумму, именно на 7.000 ф. ст. и получилъ изъ Петербурга извѣщеніе, что «во вниманіе къ особому интересу, выказанному въ этомъ дѣлѣ британскимъ правительствомъ, и, принявъ въ соображеніе убытки, понесенные г. Люксембургомъ, правительство считаетъ возможнымъ въ порядкѣ милости и въ изъятіе изъ закона возмѣстить ущербъ, причиненный ему арестомъ» **). Но въ данномъ случаѣ дѣло касалось британскаго подданнаго, а британское правительство имѣетъ непріятную привычку «выказывать особый интересъ» къ спокойствію и безопасности своихъ согражданъ. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ всего лишь о русскихъ обывателяхъ, власть не считаетъ возможнымъ даже и

*) „Слово", 7 дек. 1908 г.
**) „Рѣчь" 14 дек. 1908 г.

ставить вопросъ о возмѣщеніи убытковъ, наносимыхъ ею въ усиліяхъ сохранить государственный порядокъ, и дѣйствуетъ гораздо увѣреннѣе. Недавно, напримѣръ, въ Батумѣ въ виду похищенія и убійства неизвѣстными разбойниками доктора Тріандефилидиса градоначальникомъ были закрыты всѣ питейныя заведенія, кофейныя и пивныя лавки. Такъ какъ въ похищеніи, повидимому, участвовалъ извозчикъ, оставшійся неразысканнымъ, то градоначальникъ воспретилъ ѣзду по городу всѣмъ извозчикамъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ назначены полицеймейстеромъ. Помимо того, всѣ подозрѣваемые въ неблагонадежности извозчики были арестованы и высланы изъ Батума *). Энергія власти въ дѣлѣ охраненія «порядка» проявилась въ полномъ блескѣ, а если благодаря ей, не достигшей все-таки никакихъ прямыхъ результатовъ, пострадали частные интересы ряда обывателей, то это, конечно, не могло озабочивать представителей власти. Только сами обыватели, надо полагать, остаются на этотъ счетъ при особомъ мнѣніи.

Но мнѣніе обывателей въ этихъ случаяхъ не принимается въ разсчетъ, и не только ихъ имущественные интересы, но даже и самая жизнь ихъ не встрѣчаетъ въ себѣ особенно бережнаго отношенія со стороны агентовъ власти, поглощенныхъ и упоенныхъ задачей охраны «порядка». На этой почвѣ родилось уже не мало бевсмысленныхъ трагедій и число ихъ со дня на день не перестаетъ расти. Не далѣе, какъ на дняхъ, газеты разсказывали объ одной такой трагедіи, представляющей собою яркую иллюстрацію этой стороны обывательской жизни въ наши дни. Въ началѣ января въ Каменецъ-Подольскъ къ одному изъ учениковъ мѣстной гимназіи пріѣхали въ гости два родственника, также гимназисты, изъ Могилева-Подольска. Вечеромъ хозяинъ и гости вмѣстѣ отправились въ театръ, переодѣвшись для этого въ штатское платье. Въ театрѣ они встрѣтили еще одного товарища, также переодѣтаго въ штатское платье, и оттуда уже вчетверомъ отправились въ гости къ одной своей знакомой. На бѣду свою на улицѣ они встрѣтились съ помощникомъ пристава Осляковскимъ. Послѣднему юноши показались почему-то подозрительными и онъ предложилъ имъ отправиться съ нимъ въ участокъ. Гимназисты, боясь отвѣтственности за переодѣванье въ штатское платье, бросились бѣжать. Тогда г. Осляковскій открылъ по убѣгающимъ стрѣльбу изъ револьвера. Одного изъ гимназистовъ онъ убилъ на мѣстѣ, другого тяжело ранилъ, такъ что онъ умеръ на другой день въ земской больницѣ. Двое остальныхъ были задержаны безъ пораненій. «Судебными властями,—прибавляютъ газеты,—производится слѣдствіе» **). Но что собственно можетъ раскрыть въ этомъ случаѣ слѣдствіе? Установить виновность гимназистовъ, пере-

*) „Кіев. Вѣсти", 23 окт. 1908 г.
**) „Рѣчь" 11 января 1909 г.

одѣвшихся ради посѣщенія театра въ штатское платье и поплатившихся за это преступленіе своей молодой жизнью? Или быть можетъ, установить виновность г. Осляковскаго? Но вѣдь полицейскимъ чинамъ чуть-ли не всѣхъ городовъ и селъ Россійской имперіи настойчиво внушается, что ихъ первая и главная обязанность заключается въ уничтоженіи преступниковъ и обузданіи крамолы, что оружіе дано имъ для того, чтобы прибѣгать къ нему при всякомъ неповиновеніи со стороны обывателя, и что пускать это оружіе въ ходъ надо какъ можно энергичнѣе и рѣшительнѣе. И г. Осляковскій вѣдь въ свою очередь не просто застрѣлилъ гимназистовъ. Онъ сперва пригласилъ ихъ слѣдовать за нимъ въ участокъ и лишь тогда, когда они «проявили неповиновеніе» и уклонились отъ исполненія «законнаго требованія власти», пустилъ въ ходъ оружіе. Кто были юноши, въ которыхъ онъ стрѣлялъ, онъ не зналъ. И, окажись они кѣмъ-либо изъ тѣхъ, кого начальство причисляетъ къ «преступнымъ элементамъ», онъ получилъ бы лишь похвалу и награду за свой рѣшительный поступокъ. Оставаясь вѣрна самой себѣ, власть должна будетъ и въ данномъ случаѣ признать, что каменецъ-подольскій помощникъ пристава дѣйствовалъ вполнѣ въ духѣ инструкцій, преподанныхъ агентамъ правительства, и что все происшедшее является лишь несчастной случайностью, вполнѣ исчерпываемой пословицей: «лѣсъ рубятъ—щепки летятъ». Только родственниковъ покойныхъ юношей врядъ-ли удовлетворитъ такое признаніе. Врядъ-ли удовлетворитъ оно и другихъ обывателей, которые сколько-нибудь задумаются надъ участью щепокъ или хоть надъ возможностью для самихъ себя раздѣлить эту участь.

Стараясь выяснить значеніе той обстановки, какая создается теперь вокругъ обывателя дѣйствіями власти, я съ умысломъ останавливался лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе простыхъ чертахъ этой обстановки и сознательно напоминалъ читателю лишь мелкіе сравнительно факты, обрисовывающіе ее въ ея заурядной обыденности. Въ дѣйствительности эта обстановка, конечно, сложнѣе, въ дѣйствительности и впечатлѣніе, производимое ею, несомнѣнно, сильнѣе. Стоитъ вспомнить хотя бы свѣдѣнія о грандіозныхъ хищеніяхъ администраціи и полиціи, приходившія въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ со всѣхъ концовъ громадной страны, или извѣстія о мученіяхъ десятковъ тысячъ ссыльныхъ и заключенныхъ, у которыхъ остались вѣдь на родинѣ сотни тысячъ родныхъ и близкихъ людей, чтобы почувствовать, какъ велика должна быть острота этого впечатлѣнія. Но, даже оставаясь исключительно въ кругу тѣхъ явленій, о которыхъ шла рѣчь выше, не трудно видѣть, какъ должны комбинироваться впечатлѣнія массового обывателя, въ какую сторону должны они обращать его мысль. Этому обывателю, ежедневно имѣющему возможность наблюдать, какъ вся его жизнь, вплоть до самыхъ мелкихъ ея подробностей, опредѣляется

насильственными мѣрами агентовъ власти, изъ горькаго опыта постоянно убѣждающемуся, что за нимъ самимъ не признается никакихъ правъ, ни даже права на жизнь, нѣтъ надобности серьезно разбирать вопросъ о томъ, есть ли въ Россіи конституція. Видя вокругъ себя не прерывающіеся акты ничѣмъ не ограниченнаго произвола, онъ не можетъ возлагать какихъ-либо надеждъ на третью Думу и ея «парламентскіе прецеденты», къ слову сказать, клонящіеся лишь къ болѣе прочному установленію того же произвола. И, что бы ни говорили вѣрующіе въ значеніе третьей Думы публицисты, она не сосредоточиваетъ на себѣ вниманія массового обывателя, и онъ относится къ ней въ общемъ весьма равнодушно. Иныя явленія, болѣе близкія къ нему, болѣе непосредственно его касающіяся и властно опредѣляющія собою порядокъ его жизни, неизбѣжно поглощаютъ его вниманіе. И, поскольку онъ улавливаетъ связь этихъ явленій и постигаетъ ихъ смыслъ, поскольку передъ нимъ раскрывается значеніе системы, господствующей надъ его жизнью и обращающей ее въ цѣпь почти не зависящихъ отъ него самого случайностей, его мысль не менѣе неизбѣжно уводитъ его въ область, весьма далекую отъ какихъ-либо надеждъ на третью Думу. А между тѣмъ, тѣ явленія правительственной дѣятельности, которыя пробуждаютъ обывательскую мысль и направляютъ ее въ опредѣленную сторону, въ свою очередь не поддаются устраненію изъ порядка современной жизни и могутъ, наоборотъ, только возрастать въ своемъ силѣ и численности.

Власть оказалась въ своего рода порочномъ кругу и роковымъ образомъ вовлекаетъ за собою въ этотъ кругъ и обывателя. И это до такой степени ясно, что кн. Е. Трубецкой, напримѣръ, считаетъ возможнымъ наполовину иронически, наполовину серьезно высказывать догадку, что въ настоящее время власть повинуется внушеніямъ тайныхъ революціонеровъ. Экспансивному публицисту «временами кажется, словно Россія находится во власти людей, которые промѣняли красный флагъ на красный околышъ и при этомъ ни на іоту не измѣнили своихъ убѣжденій», и онъ уже совершенно серьезно утверждаетъ, что «итоги революціи за 1908 годъ въ общемъ почти совпадаютъ съ итогами правительственной дѣятельности». Для этого послѣдняго утвержденія г. Трубецкой находитъ и доказательства.

«Анархисты, если таковые состоятъ на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія,—говоритъ онъ, перебирая мѣропріятія этого министерства за прошлый годъ,—могутъ быть довольны результатами своей дѣятельности. Хотя организованная ими забастовка и провалилась, благодаря усиліямъ профессоровъ, однако имъ удалось воскресить въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ забытыя подпольныя организаціи, которыя повинуются революціоннымъ комитетамъ и ждутъ приказовъ изъ-за границы. Фундаментъ революціи въ университетахъ снова заложенъ: министерскимъ чиновникамъ остается строить стѣны и вѣнчать ихъ крышей».

Аналогичныя явленія достигаются, по мнѣнію г. Трубецкого, и дѣятельностью другихъ правительственныхъ вѣдомствъ и, прежде всего, министерства внутреннихъ дѣлъ.

«Въ то время, какъ министерство народнаго просвѣщенія разрушало университетъ, министерство внутреннихъ дѣлъ подвизалось на болѣе широкомъ поприщѣ: оно разрушало націю, вело систематическую борьбу противъ всего, что могло объединить національное чувство и національную мысль. Это обнаружилось особенно въ его отношеніи къ славянскому вопросу»... Въ области именно этого вопроса, по словамъ публициста, «сама нація была признана „внутреннимъ врагомъ". Правительство открыто порвало съ ней всякую связь; и „убѣжденнымъ анархистамъ", если таковые имѣлись въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, опять-таки оставалось радоваться! Едва-ли найдется лучшій способъ готовить революцію, чѣмъ признавать антиправительственнымъ національное чувство и воспрещать его проявленія! Не значитъ-ли это прямо становиться на революціонный путь?»

Впрочемъ, въ представленіи г. Трубецкого, дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ клонится въ эту сторону не только тогда, когда она встрѣчается съ славянскими симпатіями русскаго общества, но и тогда, когда рѣчь идетъ о внутренней жизни самой Россіи.

«Кому—спрашиваетъ публицистъ—нужна смута въ деревнѣ, являющаяся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ указа 9 ноября, правительству или анархистамъ, и кто является ея виновникомъ? Кто постарался внушить населенію несчастную мысль, что „успокоеніе" не улучшаетъ его положенія, не уменьшаетъ, а увеличиваетъ количество репрессій и казней? Кто теперь повторяетъ мысль крайнихъ лѣвыхъ, когда-то послужившую оправданіемъ бойкота Думы, что у насъ, „слава Богу", нѣтъ парламента и конституціи? А высказанный еще въ 1905 году революціонный тезисъ, что манифестъ 17 октября не внесъ въ жизнь ничего новаго, не далъ намъ ни свободы союзовъ и собраній, ни свободы слова, ни дѣйствительной неприкосновенности личности,—кѣмъ онъ проводится въ жизнь въ настоящее время, чьей дѣятельностью онъ всего нагляднѣе и убѣдительнѣе доказывается?»

Всѣ эти соображенія, всѣ эти справки съ окружающею насъ дѣйствительностью приводятъ, наконецъ, г. Трубецкого къ вопросу, въ который онъ вкладываетъ всю горечь своихъ сомнѣній и разочарованій: «гдѣ же теперь истинные революціонеры,—въ подпольѣ, въ тюрьмахъ или въ правящихъ сферахъ?» *). И возможность такого вопроса въ его устахъ является довольно любопытнымъ и характернымъ симптомомъ.

Разсужденія г. Трубецкого, конечно, нельзя принимать цѣликомъ, какъ нельзя и искать въ нихъ большой ясности и послѣдовательности мысли. Нельзя уже потому, что г. Трубецкой слишкомъ легко отдается во власть своихъ впечатлѣній и слишкомъ любитъ оглушать себя звономъ собственныхъ словъ. Но тѣмъ не менѣе въ этихъ разсужденіяхъ есть извѣстная доля истины, хотя къ ней и прибавлена большая доза реторики. Итоги революціи не только

*) „Московскій Еженедѣльникъ", 1909, № 1. „Революція въ 1908 году"

въ 1908 году и не только у насъ, но всегда и всюду, гдѣ только проявилось уже революціонное броженіе, находятся въ опредѣленномъ соотвѣтствіи съ итогами правительственной дѣятельности. Если бы г. Трубецкой вспомнилъ эту простую истину, давно извѣстную историкамъ и политикамъ, ему, пожалуй, не было бы нужды догадываться о присутствіи въ правительственныхъ учрежденіяхъ тайныхъ революціонеровъ и «убѣжденныхъ анархистовъ», не было бы нужды ему и проводить параллель между дѣятельностью революціонеровъ и правительства, но за то онъ могъ бы придать своимъ разсужденіямъ болѣе стройный характеръ и направить ихъ на болѣе правильный путь.

Власть не можетъ выйти изъ порочнаго круга, въ какомъ она очутилась, но и для нея этотъ кругъ все суживается. Приходится отказаться отъ всякой надежды на какое-либо упорядоченіе государственнаго хозяйства и для удовлетворенія все возрастающихъ потребностей занимать деньги на невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ. Приходится отказаться отъ сколько-нибудь стойкой и энергичной внѣшней политики, замѣняя ее авантюрами въ остающейся пока беззащитной Персіи. Приходится налагать на себя и другія ограниченія ради того, чтобы сохранить возможность защиты наиболѣе дорогихъ интересовъ. Власть мирится съ такими ограниченіями и остается въ заколдованномъ и все болѣе суживающемся кругу однородныхъ дѣйствій, опредѣляемыхъ ея внутреннимъ существомъ и именно потому не допускающихъ какихъ-либо серьезныхъ измѣненій въ своемъ характерѣ. Но населеніе, вовлекаемое властью въ тотъ же порочный кругъ, не можетъ спокойно оставаться въ немъ. Наоборотъ, чѣмъ больше оно присматривается къ образующимъ этотъ кругъ дѣйствіямъ власти, тѣмъ сильнѣе должно нарастать въ его средѣ стремленіе вырваться изъ него. Оглядываясь вокругъ себя, обыватель, дѣйствительно, можетъ воочію видѣть, къ чему ведетъ «успокоеніе». На ежедневномъ опытѣ своей собственной жизни, приглядываясь къ дѣйствіямъ власти, объектомъ которыхъ служитъ онъ самъ, обыватель узнаетъ, имѣются-ли у него какія-нибудь права. И по мѣрѣ того, какъ онъ видитъ и узнаетъ это, передъ нимъ во всей своей трагической неизбѣжности встаетъ вопросъ о выходѣ изъ создавшагося положенія, выходѣ, который, очевидно, долженъ быть найденъ и осуществленъ его собственными силами.

Для г. Е. Трубецкого, впрочемъ, здѣсь нѣтъ затрудненія, такъ какъ онъ знаетъ не только простой, но и удобный выходъ. Этотъ выходъ, по его указанію, заключается въ томъ, что оппозиція, которая «проповѣдуетъ умѣренныя и въ сущности консервативныя воззрѣнія», защищая ихъ одновременно отъ реакціи и революціи, «должна объединиться не только во имя прогрессивныхъ, но и во имя охранительныхъ задачъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ «должна стать національнѣе». Съ своей стороны г. Трубецкой набрасываетъ даже

нѣкоторую программу для оппозиціи, которая захотѣла бы объединиться на такой почвѣ. «Въ борьбѣ противъ антипатріотической реакціи она должна—говоритъ онъ—стать выразительницей возрождающагося народно-русскаго самосознанія. Противъ антигосударственныхъ стремленій бюрократіи, которая хочетъ разрѣзать на куски единую имперію, чтобы снять съ себя отвѣтственность за мѣстное управленіе, она должна стать сильною лозунгомъ государственнаго единства. Если правительство распыляетъ націю, то оппозиція должна ее собирать. И, какъ это ни парадоксально съ перваго взгляда, она должна защищать принципъ единодержажавія противъ столыпинско-губернаторскаго сепаратизма» *). Нельзя сказать, конечно, чтобы эта программа, при всей ея несложности, отличалась большою ясностью. Но въ ней есть и другой недостатокъ. Намѣчая свою программу для оппозиціи, дѣйствующей одновременно противъ реакціи и революціи, и обѣщая этой оппозиціи «могущество и побѣду въ будущемъ», г. Трубецкой забываетъ, къ сожалѣнію, отвѣтить на одинъ важный вопросъ, а именно указать, какимъ способомъ предполагаемая имъ оппозиція будетъ оспаривать правильность тѣхъ «революціонныхъ тезисовъ», которые, по его собственнымъ словамъ, «всего нагляднѣе и убѣдительнѣе доказываются» дѣятельностью правительства. Вѣдь тѣ «революціонные тезисы», о которыхъ говоритъ г. Трубецкой, относятся именно къ правительственной дѣятельности, и если послѣдняя всецѣло ихъ подтверждаетъ, то, опровергая ихъ, оппозиція попадетъ въ довольно странное положеніе. Въ такихъ условіяхъ указываемый выходъ, очевидно, вовсе не является выходомъ. И это, повидимому, временами понимаютъ даже ближайшіе единомышленники кн. Е. Трубецкого. «Дни—такъ резюмируетъ одинъ изъ нихъ, кн. Гр. Трубецкой, свои впечатлѣнія отъ текущей русской жизни—проходятъ за днями. Власти продолжаютъ свои эксперименты надъ обывателями, увѣренные въ ихъ неистощимомъ терпѣніи, обыватели критикуютъ власти, увѣренные въ ихъ неисправимости. И такъ какъ нѣтъ положенія, къ которому нельзя привыкнуть, то всѣ какъ будто сжились съ гоненіемъ на свободу слова, запрещеніемъ собраній, угнетеніемъ совѣсти. И незамѣтно, какъ по наклонной плоскости, мы придвигаемся къ краю пропасти. Мы даже перестали вѣрить, что есть такая пропасть, потому что стали разсуждать, что вѣдь, кажется, хуже нельзя, а живемъ» **)...

Мы, дѣйствительно, живемъ, подвигаясь къ краю пропасти, и путь черезъ эту пропасть менѣе всего можетъ быть найденъ при помощи благодушныхъ совѣтовъ кн. Е. Трубецкого, сводящихся къ предложенію закрыть глаза на явленія дѣйствительности и признать ихъ «революціонными тезисами», подлежащими опровер-

---

*) Тамъ же.

**) «Московскій Еженедѣльникъ», 1909, № 1, «Передъ катастрофой».

женію. Но массы населенія, думается, подобные совѣты теперь и не привлекутъ. Для нея, успѣвшей въ теченіе минувшихъ лѣтъ взвѣсить и оцѣнить степень справедливости этихъ «тезисовъ» на собственномъ ежедневномъ опытѣ, надо полагать, не представится большихъ сомнѣній въ стоимости такихъ совѣтовъ, рѣзко противорѣчащихъ тѣмъ посылкамъ, изъ которыхъ они выводятся, и пытающихся цѣною забвенія логики воскресить угасшія иллюзіи. Дѣйствительное теченіе жизни направляется въ другую сторону. И если г. Трубецкой можетъ объяснить себѣ совершающіяся вокругъ него событія и наблюдаемыя имъ дѣйствія органовъ власти только тѣмъ, что правительство по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ сознательно или безсознательно уклоняется съ своего настоящаго пути и служитъ замысламъ «убѣжденныхъ анархистовъ», то обывательская масса едва-ли удовлетворится этимъ объясненіемъ. Для нея, непрестанно и больно затрагиваемой дѣйствіями правительственныхъ органовъ во всѣхъ ея интересахъ, вплоть до самыхъ интимныхъ, должно, наоборотъ, съ каждымъ днемъ становиться все яснѣе, что въ этихъ дѣйствіяхъ раскрывается подлинная сущность современной власти. И роковая послѣдовательность такого раскрытія въ свою очередь создаетъ неизбѣжныя измѣненія въ массовомъ настроеніи, сообщая ему бо̀льшую ясность и опредѣленность и внося въ него бо̀льшую устойчивость.

Своеобразнымъ отраженіемъ этихъ измѣненій являются тѣ новыя ноты, которыя звучатъ теперь въ рѣчахъ недавнихъ оптимистовъ, считавшихъ возможнымъ разсчитывать въ видахъ обновленія Россіи даже на третью Думу съ ея октябристскими дѣятелями. Другимъ, не менѣе своеобразнымъ и, пожалуй, не менѣе характернымъ, отраженіемъ такихъ измѣненій являются раздающіяся въ послѣднее время съ разныхъ сторонъ предложенія вернуться къ тому объединенію оппозиціи, какое наблюдалось въ до-октябрьскіе дни. Практически подобныя предложенія, конечно, неосуществимы. Различныя идейныя направленія и разныя общественныя группы, стоящія въ оппозиціи къ господствующему порядку, слишкомъ далеко разошлись между собою, чтобы возможно было объединеніе ихъ всѣхъ подъ однимъ общимъ оппозиціоннымъ флагомъ. Послѣдніе годы, въ теченіе которыхъ особенно ярко выступила наружу эта рознь направленій, вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно выяснили всю ея законность и неизбѣжность. И звать теперь представителей различныхъ направленій къ объединенію, поскольку такое объединеніе должно выразиться не въ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, а въ сообща совершаемой кампаніи, въ основѣ которой лежитъ одинъ общій планъ, значитъ въ сущности звать къ безполезному возврату на пройденный путь. Все это уже было указано А. В. Пѣшехоновымъ въ одной изъ его недавнихъ статей въ «Русскомъ Богатствѣ», и ко всему этому мнѣ нѣтъ нужды возвращаться. И если я все-таки напоминаю объ этихъ

предложеніяхъ объединить оппозицію, то не для того, чтобы разбирать ихъ по существу, а лишь для того, чтобы подчеркнуть ихъ симптоматическое значеніе. Дѣйствительно, какъ ни неудачны такія предложенія по существу, въ ихъ частомъ повтореніи нельзя не видѣть признака знаменательной перемѣны въ общественномъ настроеніи. На ряду съ другими аналогичными признаками и эти, нерѣдко наивныя, предложенія въ свою очередь свидѣтельствуютъ о томъ, что наша общественная жизнь въ своемъ развитіи подходитъ къ нѣкотораго рода поворотному пункту, за которымъ начинается болѣе или менѣе энергичное стремленіе къ воздѣйствію на окружающую дѣйствительность путемъ организаціи общественныхъ силъ.

Рѣшаясь на такое утвержденіе, я, конечно, помню тѣ предѣлы, въ которые оно должно быть поставлено, и менѣе всего я рѣшился бы предложить его читателю въ видѣ предсказанія тѣхъ или иныхъ событій. Если процессы общественной жизни въ общемъ ихъ видѣ поддаются наблюденію и истолкованію, то конкретныя предсказанія они допускаютъ лишь въ крайне рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Въ частности, между нарожденіемъ того или иного стремленія и воплощеніемъ его въ жизни всегда проходитъ извѣстный промежутокъ времени, болѣе или менѣе длительный, въ теченіе котораго можетъ обнаружиться непредусмотрѣнное заранѣе дѣйствіе весьма разнообразныхъ факторовъ. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ только о томъ, чтобы установить тенденцію, свойственную данному жизненному процессу, и только въ этихъ предѣлахъ я и рѣшаюсь настаивать на своемъ утвержденіи. Но, поскольку оно ограничено этими предѣлами, оно, мнѣ думается, точно передаетъ сложившуюся вокругъ насъ дѣйствительность.

Послѣднее время въ русской жизни было по преимуществу временемъ разрушенія разнообразныхъ иллюзій, связанныхъ съ порывами грандіозной освободительной борьбы. И если, съ одной стороны, жизнь развѣяла нѣкоторыя иллюзіи, заключавшіяся въ черезчуръ наивной переоцѣнкѣ своихъ силъ группами, начавшими эту борьбу, то, съ другой стороны, та же жизнь разрушила и продолжаетъ разрушать рядъ иллюзій, касавшихся стараго порядка. Въ борьбѣ этотъ послѣдній цѣликомъ раскрылъ всю свою сущность, не оставивъ мѣста ни для какихъ сомнѣній на счетъ подлиннаго ея характера. Правда, до сихъ поръ онъ тѣмъ не менѣе празднуетъ побѣду, и самая борьба противъ него представляется чуть-ли не пріостановленной. Но другой вопросъ, насколько эта побѣда прочна и серьезна. Даже при существующей дезорганизаціи и деморализаціи общественныхъ силъ представители господствующаго порядка вынуждены прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для поддержанія его владычества и, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ все больше и больше приходится имъ увеличивать энергію этихъ мѣръ. А между тѣмъ каждая такая мѣра, способствуя

большему выясненію существа власти, въ значительной мѣрѣ поднимаетъ шансы противной стороны, увеличивая число ея сторонниковъ. И, поскольку явленія русской жизни, скрывающіяся подъ внѣшнимъ покровомъ вынужденнаго бездѣйствія и апатіи, доступны взору наблюдателя, послѣднему приходится констатировать тотъ фактъ, что ясное сознаніе дѣйствительности со дня на день дѣлаетъ большіе успѣхи въ массѣ населенія и что на ряду съ этимъ появляются недвусмысленные признаки крѣпнущаго общественнаго настроенія. Этотъ фактъ самъ по себѣ является уже нѣкоторымъ залогомъ того, что въ общественной жизни, пока еще вялой и тягучей, близится критическій моментъ поворота. Когда и въ какой именно конкретной формѣ совершится такой поворотъ, сказать, конечно, невозможно. Но, вглядываясь въ то, какъ быстро идетъ, благодаря усиліямъ власти, процессъ разоблаченія подлинныхъ отношеній между нею и населеніемъ, какъ энергично разсѣиваются послѣднія сохранившіяся еще кое-гдѣ иллюзіи и какъ стремительно освобождается передъ глазами массъ русская государственная жизнь отъ послѣднихъ прикрывавшихъ ее украшеній, не приходится сомнѣваться, что мы приближаемся къ такому повороту и что однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ факторовъ, ведущихъ насъ по этому пути, являются дѣйствія самой власти въ ея борьбѣ съ народомъ. Тѣмъ общественнымъ силамъ, которыя заинтересованы въ опредѣленномъ исходѣ этой борьбы, остается лишь направить свои собственныя усилія къ тому, чтобы прочно занять подготовленную для нихъ позицію и вполнѣ использовать ее.

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

Дим. Крачковскій. Разсказы. Т. I. Издательство „Жизнь". Спб. 908. Стр. 157. Ц. 1 р.

У Крачковскаго своя манера. Когда онъ станетъ извѣстенъ и его захотятъ пародировать, то сразу покажется, что это легко. Но это труднѣе, чѣмъ кажется, потому что самъ Крачковскій доводитъ свою манеру до конца; пародія утрируетъ, а Крачковскаго утрировать невозможно. Однако его манера бываетъ смѣшна только при первомъ самомъ поверхностномъ знакомствѣ; ибо она не поверхностна, а связана съ внутренними мотивами его творчества, пожалуй, съ его міровоззрѣніемъ.

Любая цитата можетъ дать представленіе объ этой манерѣ. «У другой, худой тетки было только 200.000, но два дома въ

двухъ противоположныхъ концахъ Москвы: одинъ на Дѣвичьемъ полѣ, какъ разъ передъ балаганами, каруселями и американскими качелями, а другой—на Никольской, гдѣ внизу помѣщается ризная лавка; весь второй этажъ занимаетъ директоръ Савеловской мануфактуры; а во дворѣ складъ кожъ и кожевенныхъ издѣлій. За тетками по правую сторону сидѣлъ двоюродный братъ Жени и его сестры—35-лѣтній толстякъ, владѣлецъ недавно построенной фабрики, членъ «Яхтъ-Клуба на Москвѣ-рѣкѣ», членъ «Велосипеднаго Общества», членъ «Общества Любителей Охоты», членъ «Московскаго Общества Хоругвеносцевъ», а по лѣвую сторону—братъ мужа сестры Жени, огромный магазинъ котораго съ мѣхами привлекаетъ къ своимъ окнамъ многихъ любопытныхъ, и тѣ разсматриваютъ медвѣжьи, волчьи, горностаевыя, тигровыя шкуры и подолгу любуются шкуркой ангорской козы или шкуркой сибирской кошки». Мелочи, подробности, перечисленія. Казалось бы, можно не перечислять того, что видятъ никому въ разсказѣ не нужные зѣваки въ окнѣ мѣхового магазина. Но нѣтъ: это нужно; здѣсь есть намѣреніе и система.

Въ каждомъ разсказѣ Крачковскаго есть точныя, точнѣйшія обозначенія чиселъ, и онъ охотно ихъ пишетъ,—какъ въ приведенномъ отрывкѣ—не буквами, а цифрами, какъ бы для того, чтобы оттѣнить ихъ невыносимую, тягостную точность. У ювелира Флинкуса на выставкѣ серьги въ 34.000, потомъ колье—52.000, потомъ брошь—18.000; капиталъ идіота Жени—850.000; юбку г-жи Серебряковой надо застрочить въ 15 сантиметровъ; билетъ Даши въ театръ стоитъ 23 р. 75 к., а жена маклера говоритъ въ телефонъ 88—79. Казалось-бы,—намъ совсѣмъ нѣтъ нужды это знать. Крачковскій это отлично понимаетъ. И именно потому онъ загромождаетъ, заваливаетъ, душитъ насъ этими мелочами, этими точными, невыносимыми подробностями пошлой реальной жизни. Вѣдь мы ихъ отлично помнимъ и бережемъ въ *нашемъ* обиходѣ. Первый разсказъ въ его сборникѣ называется «День госпожи Серебряковой», два слѣдующіе изображаютъ по одному дню; напечатанные въ прошломъ году «Портретъ Скуратова» и «Праздничные дни» изображаютъ рядъ дней его героевъ. Событій нѣтъ въ этихъ дняхъ, и ихъ не хотятъ главные герои Крачковскаго. Они всѣ—и удачливый приватъ-доцентъ, и красавица-содержанка, и богатый купецъ, и продавшаяся ему жена—хотятъ, чтобы сегодня было, какъ вчера, чтобы все шло ровно, чтобы рѣка жизни увлекательно несла, несла ихъ безъ конца. Ихъ жизнь, не задѣвая ихъ сознанія, должна быть только проникнута ощущеніемъ ихъ милаго, привычнаго быта, ихъ сладостныхъ мелочей: костюма тальеръ изъ оливковаго бархата, гдѣ юбка застрочена въ таліи складочками, сходящими къ концу на нѣтъ, дорогого и знающаго себѣ цѣну тѣла любовницы, ночного столика, гдѣ «горѣла свѣча, стоялъ стаканъ воды съ сладкимъ вареньемъ, валялись порошки

отъ кашля, маленькія ножницы для ногтей, универсальная мозольная мазь и русская сказка въ дешевомъ изданіи бр. Салаевыхъ, съ синимъ заглавіемъ и красными рисунками въ текстѣ». Ужасъ сытости любитъ Крачковскій и онъ нашелъ для его изображенія новые пріемы, новые образы, новую яркость. Этихъ пошлыхъ побѣдителей жизни, которые взяли отъ нея, завоевали или купили цѣною своей личности или даромъ получили то, что имъ представляется наиболѣе соблазнительнымъ и цѣннымъ въ ней,—мы знали ихъ и раньше, и въ книгахъ о нихъ читали, и въ жизни видѣли этихъ трагически, нестерпимо, до подлиннаго безумія самодовольныхъ; но Крачковскій ставитъ ихъ въ такомъ рельефѣ, такъ отчетливо лѣпитъ предъ нами ихъ душевный міръ посредствомъ ихъ бездушныхъ, опредѣленныхъ и страшно выразительныхъ вещей, что подъ конецъ его изображеніе съ виду спокойное, прозрачное, распространенное, начинаетъ бить по нервамъ не столько назойливой обстоятельностью этихъ гомеровскихъ эпическихъ отступленій, сколько ихъ внутреннимъ смысломъ.

Москва, купеческая и интеллигентная, равно мѣщанская въ этихъ разныхъ слояхъ, стоитъ предъ Крачковскимъ кошмарнымъ символомъ этой звѣриной сытости человѣка; звѣриная она вся—и въ ювелирѣ Флинкусѣ, и въ инженерѣ Полѣ, и въ ломовикахъ, которые «быть можетъ, еще вчера засучивали рукава и разрывали на части людей, въ груди у которыхъ пылала любовь къ прекрасному».

Эта «любовь къ прекрасному», эта мечта о человѣческомъ, придушенномъ звѣринымъ, —основной идейный мотивъ творчества Крачковскаго. Оттого, выдвинувъ на первый планъ сытыхъ, плотно и радостно усѣвшихся на вершинѣ животной жизни съ ея вещами: брилліантами, изъязвленнымъ рокфоромъ, прелестными чистыми невѣстами и солидными магистерскими диссертаціями,—онъ любитъ оттѣнить ихъ торжество другими, незамѣтными, ищущими: бѣдняками, мечтательными дѣвочками, репетиторами, идеалистами. И, кажется, Крачковскій всего болѣе доволенъ, когда сытую, богатую сестру Жени, которая рѣшила обобрать своего брата-идіота, по своему неглупаго, по своему честнаго, ночью безобразно душитъ и колотитъ этотъ звѣрски-хитрый и звѣрски-злобный «идіотъ». Звѣрь противъ звѣря, звѣрь, побѣждающій звѣря: только *это* сомнительное торжество считаетъ возможнымъ Крачковскій въ нашей нынѣшней реальной жизни. Страшнымъ призракомъ стоятъ предъ его героемъ топоры, топоры, которые «были всегда—столько тысячъ лѣтъ, сколько страдаетъ и безумствуетъ человѣчество. Каменные, бронзовые, стальные всякихъ формъ, огромные, маленькіе, тяжелые и легкіе. Они разсѣкали черепа людей, изъ череповъ вываливался бѣлый мозгъ, мозгъ человѣческій, и въ этомъ мозгу были тѣ же извилины, которыя были въ мозгу Аристотеля, Сократа, Данте, Шекспира, Ньютона,

Коперника, Бетховена. И люди, скошенные ударами топоровъ, умѣли страдать, умѣли любить и тонко, тонко чувствовать». Этихъ любящихъ и тонко чувствующихъ цѣнитъ и любитъ Крачковскій, но не сильны и не глубоки ихъ портреты у него. Онъ склоненъ къ презрительной карикатурѣ, а не къ панегирику, и образы положительные у него и не убѣдительны, и не объективны. Его творчество питается больше умными комбинаціями, чѣмъ непосредственнымъ наблюденіемъ; это хорошо для стилизующаго художника. Но если человѣкъ не столько наблюдаетъ, сколько изучаетъ изъ вторыхъ рукъ, то надо, чтобы это изученіе казалось подлиннымъ, непосредственнымъ знаніемъ; знаешь до конца или не знаешь—это другое дѣло, но необходимо, чтобы читатель былъ убѣжденъ, что ты знаешь: иначе все погибло,—художникъ, взятый подъ подозрѣніе, лишился чаръ; разъ онъ серьезенъ и обстоятеленъ, а читатель улыбнулся, онъ потерялъ власть надъ читателемъ. И вотъ, читаешь у Крачковскаго описаніе родственнаго ужина у московскихъ милліонеровъ. Здѣсь и салатъ съ омарами, и кривой ножъ съ серебряной ручкой въ огромномъ кускѣ швейцарскаго сыра, и разноцвѣтныя рюмки, и красное и бѣлое вино. А посреди стола «стоитъ во льду бутылка прекраснаго лафита». Все это очень мило, но только красное вино не охлаждаютъ, а подогрѣваютъ, и московскіе милліонеры знаютъ это очень хорошо, лучше Крачковскаго, который ихъ обличаетъ. Мелочь, конечно, но подозрѣніе западаетъ; начинаешь думать, что все сочинено, что не было ни омаровъ, ни рокфора, ни ужина, ни Жени; то есть было, но Крачковскій не видѣлъ самъ, какъ оно было, а въ этомъ *какъ* вся его сила. Или еще примѣръ: въ зеркальномъ шкафу г-жи Серебряковой много прекрасныхъ вещей; висятъ тамъ: «манто изъ мягкаго, бѣлаго мольтона, отдѣланное нѣжными тафтяными рюшами съ высѣчкой и съ большимъ капюшономъ, подбитымъ шелкомъ и также гарнированнымъ рюшемъ; потомъ визитный костюмъ реформъ изъ чернаго бархата, инкрустованный гипюромъ, еще одно манто изъ сукна мѣднаго цвѣта—съ кокеткой, украшенной галуномъ, вышитымъ по бѣлому атласу, и рукавами съ воланомъ плиссе изъ шелковой кисеи; потомъ платье изъ мягкаго бархата павлиньяго цвѣта, потомъ юбка, гарнированная на самомъ подолѣ мѣховой полоской и выше—четырьмя рядами широкихъ біэ; потомъ драпированный корсажъ — передки собраны въ плечахъ нѣсколькими рядами кулиссе...» И такъ далѣе, и эти мелочи очень картинны и выразительны. Только подозрительны эти эксцессы портняжной терминологіи, эти мольтоны, гипюры, біэ и кулиссе; несомнѣнно, сама богатая и сытая г-жа Серебрякова, мечтая о своихъ нарядахъ,—а въ перечисленіи переданы именно ея мечты,—не думаетъ о нихъ въ чрезмѣрно спеціальныхъ терминахъ. Термины взялъ Крачковскій изъ моднаго журнала, откуда списалъ эти описанія, а не изъ жизни. Ничего

нельзя сказать противъ самаго пріема; методъ какъ методъ. Золя имъ пользовался очень широко,—но и очень умѣло. Его знаніе не пахнетъ выдержками изъ книги, опасными для живой ткани художественнаго произведенія, какъ всякое инородное тѣло въ живомъ организмѣ.

Это частное замѣчаніе, но оно существенно для творчества Крачковскаго, отдающаго такое вниманіе деталямъ внѣшняго быта. Пусть онъ отвергаетъ ихъ съ своей идейной высоты, но пусть раньше овладѣетъ ими; пусть заставитъ себя глубже знать ту жизнь, которую онъ обличаетъ: оттого его обличеніе станетъ только глубже, сильнѣе и непримиримѣе.

Леонидъ Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Съ рисункомъ И. Е. Рѣпина. М. 1909. Ц. 50 к.

Прекрасный разсказъ г. Андреева «О семи повѣшенныхъ», согласно выраженному въ печати желанію автора, съ начала нынѣшняго года сталъ, какъ извѣстно, общественной собственностью. Любое издательство можетъ отнынѣ выпускать его, не нарушая авторскихъ правъ, и мы имѣемъ уже значительное количество новыхъ изданій разсказа, отъ 1 руб. до 10 коп. цѣною. Разнятся они между собою качествомъ бумаги, правильностью корректуры, форматомъ и другими внѣшними отличіями, для большой публики не имѣющими особеннаго значенія.

Нельзя, однако, не порекомендовать вниманію публики московское изданіе разсказа,—какъ потому, во-первыхъ, что вся выручка отъ его продажи назначается въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ, такъ и потому, во-вторыхъ, что къ тексту разсказа приложенъ, комментирующій его, замѣчательный рисунокъ И. Е. Рѣпина. Относится онъ къ потрясающей сценѣ казни. Въ отдаленіи, нѣсколько влѣво, виднѣются въ утреннемъ туманѣ кусты, фонари, висѣлицы... На главномъ фонѣ, окруженные густой цѣпью солдатъ, стоятъ осужденные. Инстинктивно они, какъ будто, отвернулись отъ висѣлицъ, и одинъ только Вернеръ, стоящій спиной къ зрителю,—прикрывъ одной рукой глаза, зорко вглядывается въ кошмарные призраки. Направо отъ него упалъ несчастный Янсонъ («меня не надо вѣшать!»), и его бросается поднимать, съ живымъ состраданіемъ въ лицѣ, Таня Ковальчукъ...

На лѣвомъ фонѣ картины, или, скорѣе, въ центрѣ ея прежде всего привлекаетъ вниманіе изящная, гордая фигура Муси, ея одухотворенное, мужественное лицо, которое, будто, говоритъ:

Мою любовь, широкую, какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега!

Рядомъ съ ней - Сергѣй Головинъ, спокойный, но нѣсколько задумчиво склонившій голову... За спиной Муси—несчастный Василій

Каширинъ, про котораго она говоритъ Вернеру, что «онъ уже умеръ». Да, стоитъ взглянуть мелькомъ на эту согнувшуюся, будто озябшую фигуру, на это страшное неподвижное лицо съ поднятыми къ нему кистями рукъ, чтобы согласиться съ отзывомъ Муси: этотъ человѣкъ уже умеръ, отъ него осталась только внѣшняя, еще живая оболочка; душа уже отлетѣла,—ее убилъ ужасъ...

За спиной этой группы осужденныхъ стоитъ—никѣмъ не замѣчаемый и никому не нужный—священникъ, съ крестомъ на груди, дородная, трафаретная фигура съ мало выразительнымъ лицомъ. Наконецъ, изъ-за спины Каширина выдѣляется искаженная «предсмертнымъ томленіемъ» голова Цыганка...

Художникъ, очевидно, глубоко проникся настроеніемъ разсказа г. Андреева, и кто однажды увидитъ его рисунокъ, уже не сможетъ иначе представлять себѣ героевъ этого замѣчательнаго произведенія.

Съ тѣмъ же скорбнымъ волненіемъ, что и въ первый разъ, перечитывали мы «Разсказъ о семи повѣшенныхъ» и должны признаться, что даже то, что казалось намъ прежде слабыми его сторонами, теперь произвело совсѣмъ другое, такъ сказать, углубленное впечатлѣніе...

Л. Зерингъ. Метерлинкъ, какъ философъ и поэтъ. Кн-во „Современныя проблемы". Спб. 1908. Ц. 60 к.

Постановка «Синей Птицы» на сценѣ Московскаго Художественнаго театра, снова возбудила интересъ къ Метерлинку. Въ послѣдней своей драмѣ-сказкѣ Метерлинкъ выступаетъ жизнерадостнымъ оптимистомъ, вѣрующимъ въ полную побѣду человѣка надъ природой. Конечно, это настроеніе—плодъ долгой послѣдовательной эволюціи. И въ предшествовавшихъ «Синей Птицѣ» драмахъ и философскихъ статьяхъ Метерлинка виденъ постепенный ростъ его личности,—преодолѣніе отчаянія и страха передъ «тайнами жизни», которымъ полны болѣе раннія произведенія. Книжка Л. Зеринга задается цѣлью прослѣдить эту эволюцію. Самостоятельной обобщающей мысли въ книжкѣ нѣтъ; это просто—пересказъ статей и драмъ Метерлинка. Отъ этого и зависитъ неравномѣрное достоинство двухъ половинъ книжки. Первая—посвященная Метерлинку-философу—даетъ хорошую и полную сводку основныхъ положеній его теоретическаго міровоззрѣнія. Въ этой сводкѣ отчетливѣе, чѣмъ при чтеніи самихъ произведеній, выступаетъ философскій обликъ Метерлинка. Знакомство съ этимъ обликомъ очень поучительно для увлекающихся метерлинковскимъ «жизнеутвержденіемъ». Метерлинкъ не отличается послѣдовательностью и *смѣлостью* мысли: его разсужденія противорѣчивы и безнадежно половинчаты. Съ одной стороны, протестъ противъ моральной телеологіи въ природѣ, съ другой—оговорка: «изъ того, что природа не заботится о нравственности и безнравственности нашихъ по-

ступковъ, нельзя заключать, что у нея нѣтъ никакой нравственности» (стр. 40). Съ одной стороны, требованіе широкаго физическаго и умственнаго развитія личности, съ другой—идеализація «пчелиной» морали, которая приноситъ индивидъ въ жертву виду. Въ концѣ концовъ и для «обновленнаго» Метерлинка имѣетъ рѣшающее значеніе девизъ: «оставимъ силу владычествовать надъ міромъ, а справедливость надъ нашимъ сердцемъ» (стр. 41). Остается въ полной силѣ приматъ «внутренняго» надъ «внѣшнимъ», самоуглубленія—надъ активной реализаціей идеаловъ. Въ связи съ этимъ стоитъ поверхностно-скептическій взглядъ Метерлинка на будущее соціальныхъ отношеній, который такъ рѣжетъ ухо даже въ «Синей Птицѣ» (сцена: «царство будущаго»). Философія Метерлинка не «прогрессировала», а только смягчалась, сближалась съ «человѣческимъ, слишкомъ человѣческимъ» въ худшемъ смыслѣ этого слова, пріобрѣтала съ годами ярко-выраженную мѣщанскую окраску. Но отчего же такой громадный шагъ впередъ въ драматическомъ творчествѣ? Откуда эта яркая смѣна «темнаго лѣса» («Слѣпые») блестящими красками «Жуазели» и «Синей Птицы»?

Очевидно, теоріи Метерлинка не объясняютъ всѣхъ струнъ его художественнаго творчества. Вторая половина книжки Зеринга, посвященная Метерлинку-драматургу, слаба и безцвѣтна. Пересказъ драмъ не можетъ замѣнить живыхъ образовъ. Въ драмахъ Метерлинкъ влагаетъ свои теоріи въ уста мудрыхъ старцевъ-созерцателей, очень похожихъ другъ на друга (Аркѳль, Агловаль, Марко Колонна, Мерлинъ). Жизнь идетъ мимо этихъ теорій и «мудрый король» Абламоръ сознается: «жизнь должна быть дѣятельнѣе вѣчнаго ожиданія». А «вѣчно ожидающіе»—идеалъ Метерлинка-философа. Не то въ драмахъ: «зрячій ребенокъ» («слѣпые») видитъ свѣтъ и рвется къ нему; маленькая Селизетта побѣждаетъ своей простой жертвой «премудрую» Аглавену; активная Аріана освобождаетъ плѣнницъ Синей Бороды; Монна Джіованна смѣло и рѣшительно дѣйствуетъ въ трудныя минуты; Жуазѳль «побѣждаетъ судьбу». Свѣтлый потокъ свободнаго творчества чистъ отъ компромиссовъ метерлинковской философіи. Оттого-то его драмы будутъ жить, когда теорія забудется. Этой цѣннѣйшей особенности Метерлинка Л. Зерингъ совершенно не замѣтилъ. Книжка Зеринга выясняетъ намъ только Метерлинка-философа, который не понимаетъ основной нити современныхъ идеаловъ, и ничего новаго не говоритъ о поэтѣ, который красиво отразилъ порывы молодой души изъ «подвала» къ солнцу, къ свѣту.

Издана книжка очень небрежно. Обложка «украшена» весьма неудачнымъ портретомъ, бьющимъ на рекламу.

М. Гюйо. Безвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдованіе. Переводъ подъ ред. Я. Л. Сакера съ предисловіемъ проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго (стр. XXXIX+518). Спб. 1908.

М. Гюйо. Иррелигіозность будущаго. Переводъ подъ редакціей М. В. Фриче. М. 1908.

Книга Гюйо, появившаяся въ оригиналѣ 20 лѣтъ тому назадъ, навсегда останется прекраснымъ памятникомъ духовной жажды безвременно погибшаго французскаго мыслителя. Пока человѣчество томится исканіемъ идеала, еще утверждая или уже отвергая религію, эта книга будетъ надежнымъ путеводителемъ въ построеніи цѣльнаго гармоническаго міросозерцанія. А эти исканія и томленія до сихъ поръ принимали лишь все болѣе разнообразныя формы.

Гюйо впервые усматриваетъ въ многообразномъ потокѣ вѣрованій глубокое соціологическое содержаніе, впервые рѣшительно ставитъ вопросы исторіи и философіи религіи на соціологическую почву,—и въ этомъ его крупная заслуга передъ наукой о религіей. Уже въ самомъ опредѣленіи религіи, какъ «универсально-соціологическаго объясненія міра въ миѳической формѣ», какъ «универсальнаго соціоморфизма» (с. XVIII—XIX) подчеркивается строго-соціологическій методъ изслѣдованія, устраняющій попытки искать существа религіи только въ ней самой. Въ этомъ мѣткомъ опредѣленіи глубокія предвосхищенія Фейербаха и односторонности Маркса находятъ свое восполненіе и ограниченіе. Религія, какъ расширеніе общества людей «до самыхъ звѣздъ» въ видѣ общества боговъ, какъ яркое выраженіе инстинкта общительности и, слѣдовательно, отраженіе общественныхъ отношеній во всей ихъ сложности,—это именно пониманіе религіи заставило П. Л. Лаврова привѣтствовать въ Гюйо «самаго сильнаго мыслителя» современной Франціи («Опытъ ист. мысли», 1889—94, Жен.).

Въ настоящее время, столь плодовитое въ области науки о религіяхъ, нельзя не отмѣтить, что схема эволюціи религіи, указанная Гюйо, близко совпадаетъ съ выводами наиболѣе выдающихся современныхъ фольклористовъ и историковъ религіи. Какъ извѣстно, долгое время царила большая путаница въ опредѣленіи «фетишизма», въ которомъ видѣли исходный пунктъ развитія религіи. Гюйо впервые указалъ, что «понятіе о фетишѣ не предполагаетъ, какъ это утверждаетъ Спенсеръ, понятія о духѣ» (стр. 33), и тѣмъ самымъ устранилъ главный поводъ для многозначнаго злоупотребленія терминомъ «фетишизмъ». Но еще важнѣе та характеристика, которую онъ даетъ первобытной религіозности. «Первобытный человѣкъ находится совсѣмъ въ иномъ отношеніи къ явленіямъ природы, нежели мы: онъ совершенно чуждъ современной метафизической идеѣ объ инертности матеріи и не нуждается въ изобрѣтеніи духовъ, которые должны ей давать «щелчки», чтобы вывести ее изъ состоянія неподвижности»...

(32). Первобытный человѣкъ «вначалѣ не думаетъ объ отдѣленіи одухотворяющаго начала отъ самаго тѣла, потому что и относительно самого себя онъ еще не дошелъ до такого отдѣленія. Поэтому, исходный моментъ религіозной метафизики заключается въ своеобразномъ туманномъ монистическомъ взглядѣ не на божественное начало, не на божество, не на το θεῖον, какъ это предполагаетъ Максъ Мюллеръ и Гартманъ, но на душу и тѣло, которыя вначалѣ мыслились, какъ единое цѣлое. Весь міръ является обществомъ живыхъ тѣлъ» (60). Къ такимъ же точно выводамъ приходятъ теперь Фрэзеръ, Прейсъ, Фиркандтъ и др., при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Прейсъ, не довѣряя показаніямъ прежнихъ путешественниковъ и миссіонеровъ, предпринимаютъ, какъ бы совершенно заново, изслѣдованіе на мѣстахъ современныхъ дикарей и ихъ фольклора» *).

Только позднѣе, по мѣрѣ развитія активности въ борьбѣ съ природой и усложненія общественныхъ отношеній, появляется идея о духахъ,—анимизмъ, который такъ часто принимали за нѣчто первоначальное. А затѣмъ уже выступаетъ политеизмъ, который, въ отличіе отъ фетишизма, оживляющаго, наприм., каждое дерево, выдѣляетъ изъ аналогичныхъ предметовъ культа, хотя бы изъ тѣхъ же деревьевъ, особаго «лѣсного бога» и т. д. «Наконецъ, позднѣйшей производной концепціей является генотеизмъ,—смутная концепція о божественномъ началѣ, присущемъ всѣмъ вещамъ. Это начало или монистическаго пантеизма, или монотеизма» (85). Активное приспособленіе къ окружающей средѣ постоянно наталкиваетъ мысль человѣка на идею міротворенія. «Если бы человѣкъ самъ не оказывалъ никакого активнаго вліянія на міръ, то онъ никогда и не задумался бы надъ вопросомъ, кѣмъ созданъ этотъ міръ. Лопатка каменщика и пила плотника могутъ претендовать на крупную роль въ образованіи религіозной метафизики» (82).

Исторія развитія религіи—лучшая ихъ критика, и первая часть книги Гюйо («Происхожденіе религій въ первобытномъ обществѣ») уже въ значительной степени подтверждаетъ убѣжденіе, высказанное имъ въ предисловіи, что отличительные элементы религіи, какъ таковой, представляются непрочными и переходными. Гораздо бо́льшую устойчивость и приспособимость обнаруживаютъ этическіе, эстетическіе и метафизическіе элементы религій и главнѣйшая задача Гюйо—показать, что эти элементы, по мѣрѣ своего развитія и укрѣпленія, лишь вытѣсняютъ и вывѣтриваютъ чисто религіозную традицію. Въ этомъ смыслѣ говорить о «религіи будущаго»—все равно, что говорить объ алхиміи или астрологіи

*) Въ русской литературѣ надо отмѣтить оригинальныя и независимыя изслѣдованія въ этомъ духѣ В. Г. Богораза, сводку которыхъ относительно эволюціи религіи можно найти въ журналѣ «Землевѣдѣніе», 1908, кн. 2.

будущаго. Однако «безвѣріе» или «невѣріе» не означаютъ еще анти-религіозности. «Болѣе того, безвѣріе будущаго можетъ сохранить изъ религіознаго чувства его наиболѣе чистую часть: съ одной стороны, восхищеніе передъ Космосомъ и тѣми безконечными силами, которыя въ немъ развиваются; съ другой стороны, исканіе идеала не только индивидуальнаго, но соціальнаго и даже космическаго, превосходящаго существующую реальность» (с. XXVIII).

Разложеніе и упадокъ религій въ современномъ обществѣ—тема второй книги Гюйо,—обязаны главнымъ образомъ развитію этическихъ и эстетическихъ переживаній человѣчества. Даже тамъ, гдѣ, казалось бы, религія сознательно укрѣпляется, nolens-volens она становится все болѣе символичной, абстрактной, лишаясь своей традиціонной подоплёки. Такъ обстоитъ дѣло и съ протестантизмомъ въ его различныхъ болѣе или менѣе раціоналистическихъ формахъ, и, въ еще большей степени, съ символической и моральной вѣрой Канта, Мэтью Арнольда и т. под. Религіозная мораль все чаще сталкивается съ альтруистической этикой, не допускающей Бога, котораго можно подкупить и благодать котораго носитъ явно—случайный и пристрастный характеръ. Нетерпимость общины вѣрующихъ все болѣе уступаетъ мѣсто универсалистической терпимости. Молитва все глубже уходитъ внутрь человѣка и близится моментъ, когда размышленіе будетъ «высшей формой молитвы» (201).

Анализъ религій въ ихъ прошломъ и настоящемъ убѣдительно показываетъ, что традиція не въ силахъ противостоять разлагающему вліянію болѣе сложной душевной жизни человѣчества. То, что для одного поколѣнія было догматомъ, вѣрой,—для другого становится суевѣріемъ. Приступая въ третьей части изслѣдованія непосредственно къ вопросу о «безвѣріи будущаго», Гюйо уже имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ метафизическими гипотезами, пытающимися замѣстить догматы. Нося на себѣ печать безвѣрія, эти гипотезы (теизмъ, пантеизмъ, спиритуализмъ), однако, нерѣдко принимаютъ на себя отвѣтственность за богословскую сторону вѣроученія, запутываясь въ неизбѣжныхъ противорѣчіяхъ доказательствъ бытія Божія, проблемы зла въ мірѣ и т. п. Не трудно убѣдиться, какъ мало вѣроятія для будущности этихъ схоластическихъ формъ религіи. Не лучше обстоитъ дѣло и съ попытками «простого соединенія положительной науки со слѣпымъ чувствомъ: фетишизмъ, къ которому такимъ образомъ приходятъ, это религія дикарей, предлагаемая именно наиболѣе цивилизованнымъ людямъ» (340). Хотя это сказано по адресу «Великаго фетиша» упадочной религіозности Ог. Конта, но и наши доморощенные вѣроучители, въ родѣ г.г. Луначарскаго и Мережковскаго, могли бы здѣсь кое-чему научиться.

Разнообразіе этихъ спасительныхъ попытокъ только лишній разъ подтверждаетъ, что «будущее, вмѣсто того, чтобы обѣщать

намъ религіозное единеніе, напротивъ, собирается, повидимому, создать все возрастающее различіе, раздѣленіе на все болѣе многочисленныя и независимыя группы, все большую индивидуализацію» (327). Съ другой стороны, развитіе общительности повсюду создаетъ все болѣе обширныя ассоціаціи умовъ, хотѣній, не мирящихся съ тѣсными рамками общины вѣрующихъ. Состраданіе и милосердіе, поэзія, краснорѣчіе и музыка, культъ природы и искусства не только освобождаются отъ религіозной санкціи, но и прямо идутъ наперекоръ ея исключительному характеру.

Религіозная аномія—вотъ повелительное требованіе, отвѣчающее полнотѣ и разнообразію жизни. Но жизнь—не только стихія, сама себя организующая, а и принципъ міросозерцанія. Здѣсь Гюйо возвращается къ своимъ завѣтнымъ мыслямъ, развитымъ раньше, въ другихъ работахъ («Очеркъ морали безъ санкціи и дѣла», «Искусство съ соціологической точки зрѣнія» и др.) Монистическій натурализмъ,—принципъ единства жизни, охватывающій всю вселенную организующей мыслью человѣка, углубленіе и расширеніе жизни, какъ идеалъ морали и эстетики, потому что нравственное и прекрасное имѣютъ одни и тѣ же корни, устраненіе всякой принудительной санкціи во имя долга, какъ сознанія мощи,—наконецъ, возсоединеніе идеаловъ личнаго и общественнаго въ такомъ, который согласовалъ бы требованія индивидуализма и соціализма — вотъ начала, на которыхъ возникнетъ великій храмъ будущаго, храмъ природы. По отношенію къ прошлому и настоящему,—это «безвѣріе», во имя и ради будущаго—это великое утвержденіе жизни.

Не со всѣмъ въ книгѣ Гюйо возможно согласиться. Нельзя, напр., раздѣлить съ нимъ «метафизическій рискъ» гипотезы «междумірового сознанія», хотя бы и высказанной скорѣе въ формѣ поэтическаго настроенія, чѣмъ философскаго построенія. Не далека отъ поэтическихъ увлеченій и мысль о реальномъ безсмертіи индивида въ грядущей любви человѣчества, хотя она и опирается на реальный фактъ безсмертія въ памяти потомства... Тѣмъ не менѣе, эти порывы сердца и воображенія часто дѣлаютъ лишь болѣе прекрасной книгу «поэта-философа», потому что она все таки остается безконечно-далекой отъ мечтательнаго бездѣйственнаго идеализма. Она зачаровываетъ читателя цѣпью яркихъ вспышекъ интуиціи на ясномъ фонѣ строгой логической аргументаціи. Она обращается не только къ уму, но и къ сердцу, къ волѣ читателя. Въ каждомъ словѣ Гюйо вы чувствуете, что онъ глубоко переживаетъ свою книгу, что для него истина—не внѣ человѣка, а въ самомъ человѣкѣ. «Мы не можемъ разсчитывать,—говоритъ Гюйо,—на то, что истинное окажется слишкомъ далекимъ отъ субъективнаго, такъ какъ субъективное—необходимая форма, которую должна принять въ насъ истина» (460).

Изъ двухъ переводовъ книги Гюйо переводъ подъ редакціей г. Сакера хорошо передаетъ живость и изящество стиля поэта-философа. О другомъ переводѣ этого никакъ нельзя сказать. Между прочимъ, оба перевода допускаютъ одинаковую ошибку, передавая «le nom mystique d'Om» словами: «имя мистика Ома» (стр. 190 пер. подъ ред. Сакера) и «Мистическое имя Ома» (стр. 140, ред. Фриче), такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ *о слогѣ* «Омъ», образованномъ индусами изъ именъ ихъ Троицы.

В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть III. М. 1908. Стр. 478. Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ русской исторіи проф. Ключевскаго давно уже пользуется громкой популярностью. До недавняго времени онъ не появлялся на книжномъ рынкѣ и существовалъ только въ видѣ литографированныхъ студенческихъ записокъ, но это не помѣшало ему получить широкое распространеніе и сдѣлаться однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ пособій нашей учащейся молодежи при изученіи русской исторіи. Въ послѣдніе годы проф. Ключевскій рѣшился, наконецъ, сдѣлать свой университетскій курсъ достояніемъ широкихъ круговъ читающей публики и предпринялъ печатное его изданіе. Въ двухъ первыхъ томахъ этого изданія изложеніе русской исторіи было доведено авторомъ до конца XVI столѣтія. Лежащій передъ нами третій томъ, выпущенный въ прошломъ году, охватываетъ исторію XVII вѣка, начиная съ царствованія Бориса Годунова и Смутнаго времени и кончая эпохой правленія царевны Софьи. Подобно двумъ предыдущимъ томамъ курса проф. Ключевскаго, и этотъ третій томъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно богатое содержаніе. Остроумное и глубокое изслѣдованіе государственныхъ порядковъ и соціальнаго строя московской Руси XVII вѣка чередуется здѣсь съ тонкимъ анализомъ нравовъ, понятій и вѣрованій и съ яркими характеристиками отдѣльныхъ историческихъ личностей. Отдѣльныя главы книги представляютъ собою какъ бы рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ убраны всѣ слѣды черновой работы, благодаря чему читатель получаетъ лишь конечные выводы, поражающіе его своей стройностью и убѣдительностью. Но авторъ, глубокій знатокъ старины, не только изслѣдуетъ описываемую имъ эпоху, онъ стремится живьемъ воссоздать ее передъ глазами читателя во всѣхъ ея характерныхъ особенностяхъ, заставить послѣдняго почувствовать ея духъ и въ значительной степени достигаетъ этого. Немало содѣйствуетъ такому результату и блестящее изложеніе проф. Ключевскаго, отмѣченное печатью рѣдкаго и оригинальнаго литературнаго таланта. Порою, правда, эта оригинальность нѣсколько переходитъ мѣру, отзываясь своего рода капризомъ, обращаясь въ нѣкоторую манерность. Порою въ самыхъ характеристикахъ эпохи

и историческихъ портретахъ, даваемыхъ авторомъ, чувствуется извѣстная искусственность, извѣстная идеализація старины. И выводы автора не всѣ могутъ быть приняты полностью: кое-какіе изъ нихъ слишкомъ спорны и слишкомъ мало обоснованы, кое-какіе уже отвергнуты дальнѣйшимъ развитіемъ науки. Но всѣ эти частные недостатки блѣднѣютъ передъ крупными достоинствами книги, дающей одинаково поучительный матеріалъ и лицамъ, только что приступающимъ къ изученію русской исторіи, и ученымъ спеціалистамъ, и соотвѣтственно этому третья часть курса проф. Ключевскаго останется однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ пріобрѣтеній нашей исторической литературы за прошлый годъ.

Е. И. Вишняковъ и В. И. Пичета. Очерки русской исторіи. Съ рисунками и картами въ текстѣ. Москва. Стр. IV+267. Ц. 50 к.

Авторы настоящей книги намѣчаютъ для нея въ ряду научно-популярныхъ работъ по русской исторіи особое мѣсто, до нѣкоторой степени соотвѣтствующее тому, какое занимаютъ въ ряду учебныхъ заведеній народные университеты. «По особенностямъ настоящаго момента,—говорятъ гг. Вишняковъ и Пичета въ своемъ предисловіи, — сознательное отношеніе въ сложнымъ явленіямъ экономической, общественной и политической жизни Россіи составляетъ теперь у насъ обязанность каждаго гражданина, и потому широкая популяризація русской исторіи является одной изъ самыхъ важныхъ очередныхъ задачъ нашего народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ въ нашей популярно-научной литературѣ до сихъ поръ нѣтъ подходящихъ пособій. Прямо отъ учебника, гдѣ читатель, знакомясь съ фактическимъ матеріаломъ, черпаетъ первоначальные элементы своихъ историческихъ знаній, онъ долженъ обращаться къ большимъ спеціальнымъ работамъ, чтеніе которыхъ требуетъ уже извѣстнаго навыка». Составители «Очерковъ русской исторіи» и задались цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ и создать подходящее пособіе «для тѣхъ, кто дѣлаетъ только второй шагъ въ своемъ историческомъ образованіи,—выясняетъ себѣ связь и смыслъ фактовъ, усвоенныхъ изъ учебника, и намѣчаетъ основные моменты русскаго историческаго процесса» (III—IV).

Въ общемъ эта задача выполнена гг. Вишняковымъ и Пичета довольно удачно и ихъ работа удовлетворяетъ значительной части тѣхъ требованій, какія возможно предъявить къ книгѣ, предназначенной занять мѣсто между начальнымъ учебникомъ и университетскимъ курсомъ русской исторіи. Составители книги, по ихъ собственнымъ словамъ, «были далеки отъ стремленія дать полное изложеніе фактическаго матеріала, особенно такъ называемой внѣшней исторіи, какъ это дѣлается въ большинствѣ учебниковъ, и своею первой задачей считали выясненіе той связи, какая существуетъ между экономическимъ строемъ Россіи въ различные пе-

ріоды ея исторіи и ея соціальнымъ, политическимъ и культурнымъ бытомъ» (IV). Оставаясь въ этихъ рамкахъ, составители «Очерковъ русской исторіи» даютъ своему читателю обильный и свѣжій матеріалъ, въ общемъ стоящій на уровнѣ современной научной литературы и далекій отъ шаблона обычныхъ учебниковъ. Въ особенности приходится сказать это о первой половинѣ «Очерковъ», посвященной исторіи Россіи до конца XVII вѣка и основанной по преимуществу на работахъ проф. Ключевского. Нельзя не пожалѣть только, что изложеніе «Очерковъ», въ общемъ достаточно живое и популярное, подчасъ страдаетъ чрезмѣрной блѣдностью и схематичностью. Особенно сильно сказывается этотъ недостатокъ въ тѣхъ главахъ книги, которыя передаютъ исторію XVIII и XIX столѣтій. Здѣсь, впрочемъ, къ этому недостатку присоединяется еще одинъ, заключающійся въ нѣкоторой небрежности изложенія. Порою эта небрежность проявляется въ черезчуръ рѣшительныхъ и смѣлыхъ утвержденіяхъ, порою же, благодаря ей, въ изложеніи «Очерковъ» вкрадываются и прямыя фактическія ошибки. Чтобы не быть голословными, укажемъ нѣсколько примѣровъ. По словамъ составителя этой части книги, г. Пичета, Екатерина II дала жалованную грамоту дворянству «съ цѣлью остановить среди дворянства ростъ конституціонныхъ идей» (156). Въ Россіи конца XVIII вѣка, если вѣрить г. Пичета, «идейныя теченія западно-европейскаго общества почти не проникали въ дворянскую среду» (158), но одновременно съ этимъ «либеральныя идеи съ каждымъ годомъ увлекали большее количество людей», а «факты и идеи французской революціи, будя политическую мысль, настраивали часть интеллигентнаго общества въ либеральномъ и даже радикальномъ духѣ» (171). У крѣпостныхъ крестьянъ въ Екатерининскую эпоху, по словамъ г. Пичета, «во многихъ мѣстахъ все рабочее время присваивалъ помѣщикъ» (164). Польское liberum veto г. Пичета изображаетъ, какъ «право свободнаго шляхтича остановить какое бы ни было рѣшеніе сейма» (194). Говоря о Сѣверномъ и Южномъ обществахъ декабристовъ, авторъ опредѣляетъ ихъ характеръ чрезвычайно категорично: «въ составъ перваго вошли либеральные элементы, членами второго были радикалы» (219). Но, быть можетъ, всего любопытнѣе утвержденіе г. Пичета, будто «въ 1827 г. былъ изданъ законъ, по которому крестьяне, имѣвшіе надѣлъ менѣе $4^1/_2$ д. на душу, освобождаются изъ крѣпостной зависимости и могутъ записываться въ свободныя городскія состоянія» (227). Нужно все-таки сказать, что подобныя ошибки, сами по себѣ крайне досадныя, не особенно часты и во второй части «Очерковъ русской исторіи». Гораздо болѣе виднымъ недостаткомъ и въ этой части является опять-таки чрезмѣрная схематичность изложенія, обращающая подчасъ послѣднее въ своего рода конспектъ, не всегда вдобавокъ достаточно ясный и вразумительный. Тѣмъ не менѣе и при наличности указанныхъ недо-

статковъ разбираемая книга все же остается недурнымъ пособіемъ для изученія русской исторіи, могущимъ съ пользою служить и ученикамъ средней школы, и слушателямъ народныхъ университетовъ.

М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія. Подъ редакціей проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковскаго. *Томъ I. Центръ и окраины.* М. 1908. Стр. LXXXII+486+VII. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящее изданіе должно, по плану его редакторовъ, включить въ себя всѣ многочисленныя, крупныя и мелкія, политическія статьи М. П. Драгоманова, печатавшіяся имъ на русскомъ языкѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ въ Россіи и за границею или выходившія отдѣльными брошюрами. Помимо того, въ настоящее изданіе войдутъ переводы нѣкоторыхъ французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ статей Драгоманова. Переводы же съ малорусскаго явятся въ этомъ изданіи лишь исключеніями, такъ какъ «всѣ политическія статьи автора на украинскомъ языкѣ сами по себѣ составятъ цѣлый обширный томъ, и онѣ должны быть сперва изданы въ подлинникѣ».

Все изданіе «политическихъ сочиненій» Драгоманова на русскомъ языкѣ разсчитано редакторами на четыре тома. Первый, уже вышедшій, томъ носитъ общее заглавіе «Центръ и окраины» и заключаетъ въ себѣ нѣсколько публицистическихъ работъ, касающихся этой темы. На ряду съ двумя большими работами Драгоманова «Восточная политика Германіи и обрусеніе» и «Евреи и поляки въ Юго-Западномъ краѣ» сюда вошли еще пять болѣе мелкихъ его статей, посвященныхъ литературному движенію въ Галиціи и галицкимъ политическимъ партіямъ. Во второй томъ, озаглавливаемый «Національность и культура», войдутъ работы по исторіи литературы и національнаго возрожденія различныхъ угнетенныхъ національностей. Третій томъ, который предполагается озаглавить «Славянство и федерализмъ», составятъ, съ одной стороны, статьи, напечатанныя въ свое время Драгомановымъ за границей по поводу русско-турецкой войны 1877—78 гг., съ другой—два его крупныхъ труда по вопросу о федерализмѣ и областной автономіи въ Россіи: «Историческая Польша и великорусская демократія» и «Вольный союзъ». Наконецъ, въ четвертомъ томѣ, который долженъ получить названіе «Политическая свобода и права личности», предполагается собрать всѣ статьи Драгоманова, касающіяся различныхъ сторонъ русскаго революціоннаго движенія, извѣстную работу о «земскомъ либерализмѣ» и разныя мелкія замѣтки.

«Только тогда,—говорятъ по этому поводу гг. редакторы изданія въ своемъ предисловіи—когда вся совокупность работъ Драгоманова будетъ собрана въ доступномъ изданіи, русское общество окажется въ состояніи воспользоваться оставленнымъ имъ бога-

тымъ наслѣдствомъ и почерпнуть обильныя зерна для развитія своего политическаго сознанія изъ его стройно продуманнаго, научно разработаннаго, гуманнаго и прогрессивнаго міровоззрѣнія. То, что составляетъ идейное и фактическое содержаніе работъ М. П., является не только весьма важнымъ историческимъ памятникомъ, но и сохраняетъ значеніе живыхъ и цѣнныхъ уроковъ политической мудрости и правды для настоящаго и будущаго. Поэтому было бы невѣрно утверждать, что сочиненія Драгоманова запоздали своимъ появленіемъ. Напротивъ, хотя нѣкоторыя статьи написаны тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ, онѣ и нынѣ современны, даже животрепещущи какъ по поставленнымъ вопросамъ, такъ и по дающимся рѣшеніямъ. Можно надѣяться, что углубленное вниманіе читателей сумѣетъ преодолѣть въ печатаемомъ матеріалѣ объемистость размѣровъ и нѣкоторую тяжеловѣсность формы и что они извлекутъ изъ него цѣнныя данныя и духъ ихъ будетъ крѣпнуть и закаляться честною и благородною, глубоко вооруженною, проницательною мыслью» (VI).

Однако, если не противъ самой этой надежды, то противъ основаннаго на ней плана изданія возможны, намъ кажется, нѣкоторыя возраженія. М. П. Драгомановъ представлялъ собою, несомнѣнно, крупную фигуру въ нашемъ историческомъ развитіи, но его публицистическія статьи въ большинствѣ своемъ едва-ли могутъ быть причислены къ разряду особенно долговѣчныхъ произведеній. Онъ не былъ ни блестящимъ стилистомъ, ни глубокимъ и оригинальнымъ мыслителемъ, открывающимъ человѣческому уму новые широкіе горизонты. Его публицистическія произведенія были по большей части посвящены разбору конкретныхъ жизненныхъ фактовъ, и въ этомъ была и сила, и слабость его. Пріуроченныя въ большинствѣ случаевъ къ опредѣленному моменту, его журнальныя статьи вмѣстѣ съ этимъ моментомъ утратили немалую долю своего интереса и значенія, по крайней мѣрѣ, для широкихъ круговъ читающей публики. Въ виду этого, быть можетъ, было бы правильнѣе собрать въ новомъ изданіи не всѣ публицистическія произведенія Драгоманова, а лишь тѣ изъ нихъ, значеніе которыхъ остается безспорнымъ и въ настоящее время. Между тѣмъ статьи, вошедшія въ первый томъ настоящаго изданія, далеко не могутъ быть причислены къ такого рода произведеніямъ. Сохраняя извѣстный интересъ для историка, онѣ едва-ли особенно заинтересуютъ современнаго рядового читателя, для котораго идейное ихъ содержаніе окажется черезчуръ загроможденнымъ упоминаемыми въ нихъ мелкими фактами прошлаго, въ немалой степени уже утерявшими свое значеніе.

Къ вышедшему въ свѣтъ первому тому «политическихъ сочиненій» Драгоманова приложена статья Б. А. Кистяковскаго, представляющая попытку краткой біографіи и характеристики покойнаго писателя и содержащая въ себѣ сводъ важнѣйшихъ свѣдѣній

объ его жизни и литературной дѣятельности. Къ сожалѣнію, г. Кистяковскій не сумѣлъ избѣжать общей многимъ біографамъ ошибки—чрезмѣрнаго преклоненія передъ изображаемымъ лицомъ. Онъ не только рисуетъ Драгоманова, какъ «первокласснаго соціально-политическаго мыслителя и дѣятеля» (XXXIII), но утверждаетъ какъ нельзя болѣе рѣшительно, что лишь въ его сочиненіяхъ «впервые ясно и отчетливо выяснена настоятельная необходимость перехода Россіи къ конституціонному строю» (IX). Драгомановъ, по словамъ г. Кистяковскаго, «былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ первымъ проповѣдникомъ личныхъ и общественныхъ свободъ въ Россіи» (XIII); ни Герценъ, ни Лавровъ, ни Михайловскій не могли идти въ этомъ случаѣ въ сравненіе съ нимъ. Въ такомъ же тонѣ безусловнаго и безмѣрнаго восхваленія написанъ и весь очеркъ г. Кистяковскаго и объ этомъ нельзя не пожалѣть. Оригинальная фигура М. П. Драгоманова, этого соціалиста, стремившагося работать надъ созданіемъ либеральной партіи въ Россіи, заслуживаетъ болѣе внимательнаго изученія и болѣе искуснаго изображенія.

В. Шулятиковъ. Оправданіе капитализма въ западно-европейской философіи (отъ Декарта до Маха). «Московское книгоиздательство». М. 1908. 150 стр. Цѣна 1 руб.

Съ годъ тому назадъ какой то ортодоксальный марксистъ читалъ въ Женевѣ рефератъ подъ названіемъ «Генрихъ Ибсенъ и второй совѣтъ рабочихъ депутатовъ». Трудно, казалось бы, найти связь между Ибсеномъ и русскими дѣлами,—но все опредѣляющій, все объемлющій экономическій факторъ даетъ ключъ къ сближеніямъ еще болѣе рискованнымъ и къ нахожденію зависимостей, еще болѣе неожиданныхъ. Книжка г. Шулятикова представляетъ очень хорошую для этого иллюстрацію. Г. Шулятиковъ вѣритъ и исповѣдуетъ, что «всякая идеологія, какъ вообще всякое явленіе изъ жизни человѣческаго общества, должна (!) объясняться изъ условій производства» (стр. 150), что въ частности «имѣя дѣло съ философской системой того или другого мыслителя, мы имѣемъ дѣло съ картиной классоваго строенія общества, нарисованной помощью условныхъ знаковъ и воспроизводящей соціальное profession de foi извѣстной буржуазной группы» (стр. 6). Отъ проницательнаго взора г. Шулятикова не укрывается, однако, тайный смыслъ философскихъ системъ, и все оказывается яснымъ, какъ Божій день. Такъ, наприм., «міръ въ системѣ Декарта организованъ по типу мануфактурнаго предпріятія» (стр. 27), а именно, какъ въ мануфактурномъ періодѣ различались владѣлецъ предпріятія, затѣмъ группы завѣдующихъ технической постановкой предпріятія и администраторовъ и, наконецъ, простые рабочіе-исполнители, такъ и въ системѣ Декарта Богъ (хозяинъ) противопоставлялся остальному міру, а въ немъ духовное начало матеріальному. Вообще ра-

бочіе въ философскихъ сочиненіяхъ условно обозначаются терминомъ матерія, такъ что, напр., когда философы изображали міръ «въ видѣ организаціи матеріальныхъ частицъ, соединяющихся согласно имманентнымъ законамъ» (стр. 23), то они, собственно говоря, имѣли въ виду борьбу мануфактуры, для которой необходимо соединеніе рабочихъ, съ цехами, которые «не допускали подобнаго соединенія». Или, напримѣръ, обыкновенный человѣкъ ни за что не отгадаетъ смыслъ Декартовскаго: «я мыслю, слѣдовательно, я существую». А между тѣмъ это очень просто. «Я—организаторъ и, какъ таковой, могу существовать, только выполняя организаторскія функціи, а не исполнительскія: вотъ что значитъ Декартово утвержденіе, если его перевести на языкъ классовыхъ отношеній» (стр. 28). И вѣрно: если владѣлецъ предпріятія разворится или если организатора мануфактуры прогонятъ съ мѣста, развѣ ему не угрожаетъ голодная смерть, т. е. несуществованіе?—Далѣе, съ развитіемъ мануфактуры соціальное значеніе ея владѣльца все росло, и для него организаторы стали такими же ничтожествами, какъ и простые рабочіе. Именно это мы и находимъ въ философіи Спинозы, который «провозглашаетъ полное равенство «душъ» и «тѣлъ» передъ лицомъ всемогущаго божества» (стр. 37). Вообще «философія Спинозы есть апофеозъ поглощенія производителей мануфактурнымъ капиталомъ» (45). Понятно поэтому, что «буржуазія чтила въ Спинозѣ своего барда» (стр. 42), такъ что «когда Спиноза умеръ, то, какъ извѣстно, погребальную колесницу, везшую его останки, съ большой помпой провожалъ fine fleur голландскій буржуазіи» (тамъ же). Съ такимъ же успѣхомъ г. Шулятиковъ объясняетъ философію Лейбница, Беркли, Юма, Канта и прочихъ представителей сперва мануфактурной, а затѣмъ машинно-капиталистической философіи.

Такъ, напр., Кантъ признаетъ существованіе матеріи, но она «привлекаетъ къ себѣ вниманіе Канта лишь постольку, поскольку она является организуемой массой. При этомъ оказывается, что помимо способности быть организуемой, никакими способностями и качествами она, въ сущности, не обладаетъ» (стр. 71). Смыслъ этой философіи разгадать не трудно. Здѣсь утверждается, во-первыхъ, «чтобы предпріятіе могло существовать, долженъ существовать предприниматель-организаторъ», во-вторыхъ, для этого же «должны существовать и рабочіе», при чемъ «квалификація и профессія рабочаго персонала для капитала безразличны» (стр. 77). Недурно также разъяснены г. Шулятиковымъ новые и новѣйшіе философы. Фихте, это—«послѣдовательный апологетъ мануфактуры» (стр. 95), или, напр., если у Авенаріуса «матерія абсолютно лишена всякихъ качествъ, какъ первичныхъ, такъ и вторичныхъ, нѣкогда считавшихся ея неотъемлемой принадлежностью», то это значитъ, что «современный капиталъ чрезвычайно частиченъ: для него не существуетъ рабочихъ разъ навсегда опредѣленнаго типа»

(стр. 144). Можно только пожалѣть, что г. Шулятиковъ не изслѣдовалъ зависимости между философіей и отдѣльными отраслями производства: ситценабивная метафизика или рельсопрокатная философія тоже звучать недурно!

Л. В. Будинъ. Теоретическая система Карла Маркса въ свѣтѣ новѣйшей критики. Переводъ съ англійскаго подъ ред. В. И. Засуличъ. Книгоиздательство „Новый Міръ". 1908, 283 стр., ц. 1 р. 50 к.

Л. В. Будинъ поставилъ себѣ задачей опровергнуть всѣ возраженія, дѣлаемыя современными экономистами Марксу какъ въ области чистой теоріи, такъ и въ отношеніи матеріалистическаго пониманія исторіи, теоріи обнищанія и т. д. Какъ же онъ справился съ своей задачей? Возьмемъ въ видѣ примѣра главу, озаглавленную: «Знаменитое противорѣчіе въ теоріи цѣнности». Противорѣчіе это, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что у Маркса въ первомъ томѣ рѣчь идетъ о томъ, что товары обмѣниваются соотвѣтственно своей цѣнности, опредѣляющейся количествомъ затраченнаго въ ихъ производствѣ общественно-необходимаго рабочаго времени. Между тѣмъ, согласно третьему тому, обмѣнъ совершается въ зависимости отъ цѣны производства, которая у однихъ товаровъ выше ихъ трудовой цѣнности (въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ капиталъ по своему составу выше средняго, нормальнаго капитала), у другихъ же ниже трудовой цѣнности (гдѣ составъ капитала ниже нормальнаго капитала); при этомъ въ однихъ случаяхъ цѣна всегда выше, въ другихъ—всегда ниже цѣнности, независимо отъ временныхъ ея колебаній. Что же г. Будинъ отвѣчаетъ на это? Изложивъ на протяженіи 30 страницъ со всевозможными ошибками теорію Маркса и приправивъ это изложеніе соотвѣтствующими эпитетами по адресу его критиковъ, онъ на двухъ послѣднихъ страницахъ коротко и ясно заявляетъ, что Марксъ уже въ первыхъ двухъ томахъ имѣлъ въ виду цѣну производства, хотя и не примѣнялъ этого термина, что «цѣна производства опредѣляется цѣнностью товара, существуетъ въ причинной связи съ нею и согласуется съ ея законами», наконецъ, что «цѣна нѣкоторыхъ товаровъ можетъ быть, болѣе или менѣе постоянно, выше или ниже ихъ цѣнности» (стр. 159—160). Нетрудно замѣтить, что первыя два положенія совершенно не доказаны, что они то и составляютъ то, что отрицаютъ критики Маркса; г. Будинъ счелъ излишнимъ подкрѣпить ихъ какими бы то ни было соображеніями. Третья же фраза совершенно искажаетъ Маркса, ибо онъ утверждаетъ, что цѣна огромнаго большинства товаровъ (а не нѣкоторыхъ) должна быть (а не можетъ быть) всегда либо выше, либо ниже (а не выше или ниже) ихъ цѣнности.

Мы ограничиваемся этимъ однимъ примѣромъ, ибо онъ достаточно характезируетъ книгу Л. Б. Будина. Вся она состоитъ изъ

плохого изложенія Маркса, изъ ругани, направленной противъ критиковъ Маркса, которые обвиняются и въ невѣжествѣ, и въ искаженіи Маркса (они нерѣдко именуются просто «компаніей») и, наконецъ, изъ немногихъ побѣдоносно произносимыхъ фразъ, которыя сразу должны уничтожить всѣ сомнѣнія.

В. И. Засуличъ, повидимому, потратила много труда на редактированіе перевода, ибо сдѣланъ онъ гладко и тщательно, но о потраченномъ ею времени приходится сожалѣть: безусловно не стоило переводить на русскій языкъ произведеніе д-ра правъ Будина.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Наше экономическое положеніе и задачи будущаго. Спб. 1908.

Книга эта принадлежитъ перу довольно извѣстнаго экономиста-чиновника, автора нѣсколькихъ изслѣдованій по вопросамъ страхованія, вознагражденія увѣчныхъ рабочихъ и т. д. Въ новомъ своемъ произведеніи г. Литвиновъ-Фалинскій ставитъ болѣе широкую задачу: онъ пытается освѣтить основныя тенденціи нашего экономическаго развитія. Но пытается далеко не удачно. Въ введеніи, указывая на неоплатную задолженность нашего землевладѣнія, на хроническіе недороды хлѣбовъ и голодовки, г. Литвиновъ-Фалинскій констатируетъ, что «однимъ земледѣліемъ никакая страна, вовлеченная въ международныя сношенія, существовать не можетъ», и потому «естественный ходъ событій неизбѣжно приведетъ и насъ къ широкому развитію промышленной дѣятельности» (IX). Идея широкаго развитія промышленности такъ всецѣло владѣетъ авторомъ, что совершенно заслоняетъ отъ его глазъ всѣ нужды земледѣльческой Россіи. «Ни переселеніе крестьянъ въ Сибирь, ни надѣленіе ихъ землей, ни свободный выходъ изъ общины, сами по себѣ, не могутъ служить коренной основой разрѣшенія аграрнаго вопроса... Невольно напрашивается мысль, не послужитъ ли дальнѣйшее развитіе нашей промышленности, понимая ее въ широкомъ смыслѣ, наиболѣе вѣрнымъ средствомъ, если не къ разрѣшенію, то, по крайней мѣрѣ, къ уничтоженію остроты аграрнаго вопроса, сущность котораго сводится къ предоставленію населенію возможности сноснаго существованія» (55). Весь аграрный вопросъ со всѣми его осложненіями и конфликтами сводится въ концѣ концовъ на нѣтъ. Странѣ сулится могучее промышленное развитіе, которое предоставитъ населенію «возможность сноснаго существованія». Но при этомъ ничего похожаго на анализъ условій развитія промышленнаго капитализма при современномъ положеніи международнаго рынка и при всей новѣйшей соціально-экономической структурѣ въ книгѣ г. Литвинова-Фалинскаго мы не находимъ. Разсужденія его о реальныхъ путяхъ нашего промышленнаго развитія крайне упрощенны. Авторъ соглашается съ тѣмъ, что «наша

промышленность создана и содержится таможеннымъ тарифомъ» (55). Высокіе тарифы естественно встрѣчаютъ протестъ съ точки зрѣнія интересовъ потребителей; но «если продукты широкаго народнаго потребленія у насъ дѣйствительно дороги», то, по мнѣнію г. Литвинова-Фалинскаго, это объясняется, главнымъ образомъ, высокимъ фискальнымъ ихъ обложеніемъ, высотой акциза, а не тарифныхъ ставокъ (62). Впрочемъ, нѣсколько дальше онъ замѣчаетъ, что «жизненные продукты обложены весьма высоко» (75), но тутъ же утѣшаетъ насъ тѣмъ, что «хотя обложеніе производится въ видѣ таможенныхъ пошлинъ, однако же оно имѣетъ чисто фискальное значеніе» (76). Верховный же принципъ, освѣщающій для автора путь правильнаго экономическаго развитія, сводится къ тому, что «въ Россіи, развернувшейся на громадномъ пространствѣ и обладающей самыми разнообразными естественными богатствами, промышленность до настоящаго времени сравнительно слабо развита, а потому покровительственная система предуказывается какъ бы сама собой» (71). Восхваленіемъ существующей въ Россіи покровительственной системы, доказательствомъ ея благотворнаго вліянія и плодотворныхъ результатовъ занята большая часть книги г. Литвинова-Фалинскаго. Любопытно, что авторъ, не возлагающій, какъ мы видѣли, сколько-нибудь серьезныхъ надеждъ на такія радикальныя мѣры аграрной политики, какъ дополнительное надѣленіе крестьянъ землею, разселеніе крестьянъ и т. д., въ концѣ концовъ останавливается на дѣятельности «сельскохозяйственныхъ обществъ», отъ которыхъ онъ ждетъ всякихъ благъ для достиженія улучшенія техники сельскаго хозяйства и проведенія въ жизнь улучшеній земледѣльческой культуры (142—3). Сколько нибудь широкой постановки затронутыхъ вопросовъ, яснаго пониманія основныхъ тенденцій экономическаго развитія и ближайшихъ перспективъ въ будущемъ, стройнаго плана соціально-экономическаго строительства книга не даетъ, по той простой причинѣ, что самъ авторъ соотвѣтствующимъ багажемъ, видимо, не обладаетъ. Въ общемъ получается подобіе бюрократической болтовни на экономическія темы и ничего больше.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Книгоизд. *„Грифъ“*. Мск. 1909 г. *Марсель Швобъ*. Вымышленныя жизни. Ц. 80 к.

Книгоизд. *„Eos“*. Спб. 1909 г. *А. И. Свирскій*. Дѣти улицы.

Изд. *„Т-ва Издательское бюро“*. Спб. С.-Петербургскій студенческій календарь на 1908—9 учебный годъ. Ч. I и II. Ц. 20 к.—Московскій студенческій календарь на 1908—9 учебный годъ. Ч. I и II. Ц. 20 к.

Изд. *„Т-ва Знаніе“*. Спб. 1908 г.

Сборникъ XXIV. Содержаніе: ***М. Горькій.*** Жизнь ненужнаго человѣка. ***И. Бунинъ.*** Сонеты. ***А. Амфитеатровъ.*** Княгиня Настя. ***Р. Демель.*** Демонъ желаній. Освобожденный Прометей. Ц. 1 р.—***В. Сѣрошевскій.*** Т. I. Разсказы. Ц. 1 р.—Его-же. Т. V. Разсказы. Ц. 1 р.—Его-же. Т. VII. Дальній Востокъ. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к.—Его-же. Т. VIII. Корея. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к.—***В. Чарнолускій.*** Основные вопросы организаціи школы въ Россіи. Ц. 35 к.

Изд. „***Идея***". Мск. 1907 г. ***А. Шеръ.*** Обнаженный звѣрь. Ц. 75 к.

Изд. ***Е. и И. Леонтьевыхъ.*** Спб. 1909 г. ***М. Конопницкая.*** Прометей и Сизифъ. Ц. 30 к.—***С. Пшибышевскій.*** „Узы". Драматическая поэма въ 3 актахъ. Ц. 40 к.—***Г. Сенкевичъ.*** Трилогія. Огнемъ и мечомъ. Потопъ. Панъ Володыевскій. Пер. Е. и Л. Леонтьевыхъ. Изд. для юношества съ илл. С. И. Панова. Ц. 3 р. 50 к.

Изд. ***Олейникова.*** Якутскъ. 1908. ***П. Драверть.*** Ряды мгновеній. Ц. 55 к.

Кн-во „***Проблемы Искусства***". Мск. 1908. „Синяя птица". Сб. статей. Ц. 40 к.

Изд. ***Т-ва М. О. Вольфъ.*** Спб. и Мск. 1909. ***Вл. Семеновъ.*** Цари воздуха. Романъ-фантазія. Ц. 75 к.

Кн-во „***Современныя проблемы***". Мск. 1909. Собр. соч. ***Августа Стриндберга.*** Т. II. Адъ. Ц. 1 р.—***Максъ Ферворнъ.*** Естествознаніе и міросозерцаніе. Проблема жизни. Двѣ лекціи. Ц. 50 к.

Книгоизд. ***Скорпіонъ.*** Мск. 1908. ***Валерій Брюсовъ.*** Огненный ангелъ. Повѣсть XVI в. въ 2-хъ частяхъ. Ч. I. Ц. 2 р. Ч. II. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. ***Студ. мед. изд. коммиссіи.*** Мск. 1909. ***М. А. Членовъ.*** Прив.-доц. Мск. Имп. ун-та. Половая перепись московскаго студенчества и ея общественное значеніе. Ц. 50 к.

Кн-во для дѣтей „***Утро***". Мск. 1909. Подъ ред. И. А. Бѣлорусова. Дорогія мѣста. Ц. 75 к.—***Ив. Бунинъ.*** Избр. стихи для юношества. Ц. 1 р.

Изд. фирмы ***Фену и К°.*** Спб. Жизнь и Слово. Хрестоматія. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „***Шиповникъ***". Спб. 1908. ***Гербертъ Джорджъ Уэллсъ.*** Собр. соч. Ц. 1 р. 25 к.—Литературно-художественные альманахи. Книга 7. Содержаніе: ***Л. Андреевъ.*** Черныя маски. ***Анатоль Франсъ.*** Изъ книги разсказовъ Жака Турнеброшъ. ***П. Нилусъ.*** На берегу моря. ***Ѳ. Сологубъ.*** Навьи чары. Романъ. Ч. 2-я. Капли крови. Ц. 1 р.—***А. Бѣлый*** Пепелъ. 1909. Ц. 2 р.

Изд. ***А. Ф. Маркса.*** Спб. Сочиненія ***М. Н. Альбова.*** Тт. I, II, III и IV. Ц. по 1 р. за томъ.—Соч. ***В. Г. Авсѣенко.*** Тт. I, II, III и IV. Ц. 1 р. 50 к. за томъ.—***В. А. Жуковскій.*** Полное собр. соч., тт. I, II, и III подъ ред. проф. А. С. Архангельскаго. Ц. за 3 т. 3 р.

Н. П. Бѣлоконскій. Разсказы. Т. I. Деревенскія впечатлѣнія. Изд. 2-е Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

С. С. Евсѣенко. Студенты. Комедія-шутка въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Варшава. Ц. 35 к.

Е. Курловъ. Пророкъ. Мск. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

А. Калчужскій. Аккорды. Мск. 1908. Ц. 1 р.

Н. Н—въ. Россія въ 1905 г. Европа черезъ 100 л. (Сказки для взрослыхъ). Мск. 1907. Ц. 90 к.

Г. О. Рурнъ. Разсказы. Т. I. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Б. Радомскій. Маленькіе разсказы. Спб. 1907. Ц. 25 к.

А. И. Свирскій. Еврейскіе разсказы. Спб. 1909. Т. I. Ц. 1 р.

Изд. ***Ю. И. Лепковскаго.*** Мск. ***Г. Моклеръ.*** Импрессіонизмъ. Пер. съ франц. подъ ред. худ. Ѳ. И. Рерберга. Ц. 2 р.

Изд. ***Т-ва „Общественная Польза"*** и кн. склада „***Провинція***". Спб. 1908. ***Христофоръ Зигвартъ.*** Логика. Пер. съ 3-го посм. нѣм. изд. I. А. Давыдова. Ц. 2 р. 50 к.

Книгоизд. „***Посѣвъ***". Спб. 1909. ***Оскаръ Норвежскій.*** Литературные силуэты. Ц. 1 р. 25 к.—Д-ръ ***А. П. Омельченко.*** Въ поискахъ соціалистической морали. Ц. 70 к.—***I. Г. Ашкинази.*** Женщина и человѣкъ. Ц. 50 к.—***И. Тенеремо.*** Жизнь и рѣчи Л. Н. Толстого въ „Ясной Полянѣ". Ц. 70 к.—***Н. Я. Абрамовичъ.*** Библіотека современныхъ властителей думъ. I. Религія красоты и страданія. О. Уайльдъ и Достоевскій. Ц. 60 к.

А. Д. Альманъ. Антонъ Чеховъ и Гюи-де-Мопассанъ. Критическій очеркъ. Саратовъ. 1908. Ц. 10 к.

Графъ ф. де ***Ла-Бартъ.*** Разысканія въ области романической поэтики и стиля. Т. I. Кіевъ. 1908. Ц. 3 р.

С. Бертенсонъ. П. А. Катенинъ. Литературные матеріалы. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Изд. ***Т-ва бр. А. И. Гранатъ*** и

К°. Исторія Россіи въ XIX в. Т. III й. Мск.

Изд. *Т-ва И. Д. Сытина*. Мск. *Н. В. Тулуповъ* и *П. М. Шестаковъ*. Очерки и разсказы для первоначальнаго знакомства съ исторіей. Ч. I. Ц. 90 к.

Изд. Акц. Общ. *„Брокгаузъ и Ефронъ"*. Спб. 1908. *С. Г. Ловинскій*. Исторія Бельгіи и Голландіи въ новое время. Подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Ц. 1 р. 25 к.

С. Л. Аваліани. Опытъ исторической хрестоматіи. Ч. 1. Одесса. 1908. Ц. 1 р.

Н. К. Кульманъ. Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ царствованіе Имп. Александра I. Спб. 1908 Ц. 50 к.

Изд. *„Право"*. Спб. 1909. *М. Балабановъ*. Фабричные законы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.—Законодательные акты переходнаго времени (1904—1908 гг.). Подъ ред. пр.-доц. *Н. И. Лазаревскаго* Ц. 1 р. 60 к.

Изд. книжнаго магазина *„Наша Жизнь"*. Спб. *Л. Львовъ*. Бюрократическіе силуэты. 1908. Ц. 35 к.— Проф. *Карлъ Форлендеръ*. Кантъ и Марксъ. Очерки этическаго соціализма. Пер. Б. И. Элькина съ пред. М. И. Туганъ-Барановскаго. 1909. Ц. 1 р.

С. Фаржановскій. Синдикатскіе этюды. Спб. 1908. Ц. 1 р.

А. А. Евдокимовъ. Къ теоріи кооператизма. Мск. 1909. Ц. 20 к.

Искренній. Къ членамъ Государственной Думы и Гос. Совѣта. Февраль. 1908. Ц. 30 к.

М. С. Калининъ. Безплатное всеобщее питаніе. Смоленскъ. 1909. Ц. 50 к.

А. Ф. Гриневскій. Союзъ франц. гимнастическихъ обществъ. Спб. 1908. Ц. 15 к.

Книгоизд. *„Основа"*. Страница изъ половой исповѣди студенчества. Мск. 1909. Ц. 20 к.

Изд. Пироговскаго Т-ва. Кіевъ. 1908. *В. Р. Заленскій*. Учебникъ ботаники. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 80 к.—*Проф. А. В. Нечаевъ*. Учебникъ минералогіи и геологіи для среднихъ уч. заведеній. 2-е испр. и дополн. изд. Ц. 90 к.—Его-же. Руководство къ практическимъ занятіямъ по кристаллографіи и минералогіи.—Проф. *В. В. Завьяловъ*. Учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка. Ц. 90 к.—*Проф. К. Д. Покровскій*. Курсъ космографіи. Ц. 1 р.— *Проф. Ю. В. Вагнеръ*. Начальный курсъ природовѣдѣнія. Ч. I. Неживая природа. Ц. 60 к. Ч. 2-я. Растенія. Ц. 40 к. Ч. 3 я. Человѣкъ и животныя Ц. 60 к.

Изд. *А. С. Панафидина*. Мск. Проф. *П. Фунсъ*. Англійскій самоучитель по методѣ проф. Г. Г. Оллендорфа. Пер. съ 6-го изд. Ц. съ ключемъ. 1 р. 75 к.

Изд. *„Посредникъ"*. Мск. 1909. *Н. Кабановъ*. Международный языкъ. Вып. I. Ц. 12 к. Вып. II. Ц. 25 к.

А. С. Зоновъ. Календарь для каждаго. 1909.

А. Е. Корольковъ. Что читать дѣтямъ? Сб. рецензій на лучшіе дѣтскіе книги и журналы. 2-е изд. Мск. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

М. К. Менскій. Н. К. Михайловскій о половомъ и семейномъ вопросахъ. Мск. 1909. Ц. 60 к.

В. Р. Муссеніусъ. Толкованіе Апокалипсиса по I. A. Seiss. Спб. 1909. Ц. 1 р.

А. Мастрюковъ. Всякій человѣкъ-геній. Изд. 2-е дополн. Мск. 1909. Ц. 20 к.

М. Новорусскій. Грибное царство. Всѣмъ доступный разсказъ о грибахъ и ихъ жизни. Съ 31 илл. Спб. 1909. Ц. 20 к.

А. В. Вережниковъ. Тамъ, гдѣ золото. Разсказъ. Спб. 1909. Ц. 35 к.

О. Григорьева. Что было и чего не было. 7 разсказовъ для дѣтей. Спб. 1909. Ц. 1 р.

С. Орловскій. Вечернія сказки для отрочества. Вып. I. Мск. 1909. Ц. 1 р.

А. П. Охитовичъ. Геометрія круга. Казань. 1908. Ц. 1 р.

М. В. Соболевъ. Справочная книжка по чтенію дѣтей всѣхъ возрастовъ. 2-е дополн. изд. Спб. Ц. 2 р.

М. И. Тимофеевъ. Какъ учить читать по естественному звуковому методу. Одесса. 1908. Ц. 15 к.

Н. Ч. Первыя ласточки. Стихотворенія для дѣтей. Съ рис. Спб. 1908. Ц. 1 р.

А. Ш. Голубиная книга. 1-я ч. Загадки. Новочеркасскъ. Ц. 20 к.

А. Классовскій. Послѣдняя страница журналовъ „Метеорологическое Обозрѣніе". Одесса. 1908.

Статистическое отд. Витебской Губ. Управы по дѣламъ земскаго хозяйства. Итоги предварительнаго подсчета экономическихъ свѣдѣній о крестьянскомъ хозяйствѣ Витебской губ. — Краткій очеркъ положенія нач. образованія въ Витебской губ. въ 1907—1908 учебн. году.

М. П. С. Отчетъ Харьковскаго пораіоннаго комитета по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ по ж. д. 1907 г.—Обзоръ перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ по ж. д. за 1906. Харьковъ. 1908.

Приложеніе къ извѣстіямъ Московской Городской Думы. Выборы по г. Москвѣ въ Гос. Думу перваго призыва. Мск. 1908.

Русское Общество охраненія народнаго здравія. Д-ровъ С. А. Новосельскаго и В. Н. Мамонова. Къ международной статистикѣ туберкулеза и рака. Спб. 1908.

Первый годъ жизни совмѣстной школы. Общ. труд. женщинъ. 1907—8 учебный годъ. Харьковъ.

Отчетъ комитета по оказанію помощи голодающимъ, состоящаго при Имп. Вольно-экономическомъ обществѣ за 1906 1907-й продовольственный годъ. Спб. 1908.

Междупарламентскій союзъ. Постановленія конференцій и совѣта союза. Уставъ Союза. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Изд. Херсонской Губ. Земской Управы. Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1905 г. 1908.

Пермская губернія въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Обзоръ. 1907. Пермь. 1908.

Письмо въ редакцію.

Только на-дняхъ мнѣ пришлось ознакомиться съ воспоминаніями П. Д. Боборыкина («За полвѣка»), помѣщенными въ № 11 «Минувшіе Годы», и поэтому я только теперь, нѣсколько поздно, сообщаю нижеслѣдующее.

Въ этой главѣ воспоминаній П. Д. Боборыкинъ, разсказывая о томъ, что онъ «принужденъ былъ дать крестьянамъ даровой надѣлъ (такъ называемый «сиротскій»)», считаетъ нужнымъ затѣмъ привести «фактическую справку», что ни Самаринъ, ни Аксаковы, ни Кирѣевскіе, ни Кошелевы, ни И. С. Тургеневъ, ни М. Е. Салтыковъ, «жестокій обличитель тогдашнихъ порядковъ», ни даже К. Д. Кавелинъ «не отпустили своихъ крестьянъ на волю». *Не сдѣлалъ этого и Левъ Толстой!»* (курсивъ автора).

Я лично никогда не занимался разслѣдованіемъ, какъ поступили по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ перечисленные выше лица, и потому относительно этого ничего мнѣ не извѣстно. Не знаю также, какъ ликвидировалъ свои отношенія съ крѣпостными крестьянами М. Е. Салтыковъ, но могу здѣсь сообщить слѣдующій фактъ, доподлинно мнѣ извѣстный. Въ концѣ 60-хъ годовъ М. Е. купилъ себѣ подъ Москвой «Монрепо», т. е. имѣніе съ усадьбой, лѣсомъ и другими угодіями, составлявшими землю, оставшуюся за выдѣломъ надѣльной земли крестьянамъ, уже вышедшимъ на выкупъ. Такимъ образомъ, не только М. Е., но и продавецъ этого имѣнія не имѣли уже здѣсь съ крестьянами никакихъ отношеній, вытекавшихъ изъ владѣнія землею. Однако, когда М. Е. Салтыковъ пріѣхалъ въ свое «Монрепо», то къ нему явились крестьяне бывшіе крѣпостными лица, у котораго М. Е. купилъ землю, и сообщили, что по ихъ соображеніямъ имъ фактически надѣлено земли на 12 десятинъ менѣе противъ того, что они должны получить по выкупному акту. М. Е. отнесся къ этому заявленію очень внимательно, провѣрилъ его на свой счетъ и заявленіе крестьянъ оказалось вѣрнымъ. При этомъ выяснилось, что если имъ отрѣзать недостающія 12 десятинъ къ тому мѣсту надѣла, гдѣ именно и

произведено невѣрное отмежеваніе, то это создастъ чрезвычайно неблагопріятное расположеніе крестьянскаго надѣла и что исправить это можно «округленіемъ» надѣла, т. е. соотвѣтствующимъ проведеніемъ границъ, но тогда придется отъ купленной М. Е. земли отвести крестьянамъ уже не 12, а 17 десятинъ. М. Е. не постоялъ за этимъ. Онъ безвозмездно отрѣзалъ крестьянамъ изъ своей земли 17 десятинъ, хотя по плану, соотвѣтственно съ которымъ имъ дѣлалась покупка имѣнія, всѣ эти 17 десятинъ значились у него, т. е. иначе говоря, вошли въ счетъ тѣхъ, за которые онъ заплатилъ деньги продавцу имѣнія. Взыскать съ продавца излишнюю переплату нельзя было, такъ какъ продавецъ былъ уже неизвѣстно гдѣ, да М. Е. и не думалъ искать его.

Кстати сообщу и еще фактъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ по пріобрѣтеніи этого имѣнія, М. Е. предлагалъ тѣмъ же крестьянамъ купить всѣмъ обществомъ прилегающіе къ ихъ надѣлу 100 дес. изъ этого имѣнія, при чемъ ставилъ условія очень льготныя, а именно за всѣ 100 дес. 2500 р. съ разсрочкой уплаты на 10 лѣтъ и съ уплатой на недоплаченную еще сумму 6% годовыхъ. Крестьяне совсѣмъ было согласились, но потомъ, чуть ли не наканунѣ заключенія купчей, отказались. Ихъ разбили мѣстные кулаки, предполагавшіе, что имъ самимъ удастся купить эту землю, но М. Е. Салтыковъ категорически отказался даже вступать въ какіе-либо переговоры по этому поводу съ отдѣльными лицами изъ крестьянъ. Нарушившееся же у общества соглашеніе между собою потомъ не состоялось, и эти 100 д. были проданы впослѣдствіи въ общемъ составѣ всего имѣнія, когда М. Е. Салтыковъ, по окончательномъ переѣздѣ въ Петербургъ, продалъ свою подмосковную.

Думается, что приведенные два факта, въ особенности первый изъ нихъ, довольно ярко говорятъ объ отношеніи М. Е. Салтыкова къ крестьянамъ и къ земельному вопросу.

Н. Каблуковъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ С. А. Э.—3 р.; отъ сибирячки—5 р.; отъ Н. Иловайскаго,—100 р.; отъ А. Юргелевичъ,—3 р.; отъ Э.—10 р.; отъ рабочихъ ситценабивной шлиссельбургской мануфактуры—28 р.; отъ разныхъ лицъ изъ Шлиссельбурга—29 р.; отъ М. М. Т.—10 р.; отъ В.—3 р.; отъ А. В. Д.—9 р. 20 к.; отъ К. В. У. г. Ног.—10 р. 38 к.; отъ неизвѣстной—5 р.; отъ М. Ц.—6 р.; отъ Андрея—15 р. Итого . . . . 236 р. 58 к.

Въ пользу б. шлиссельбуржцевъ: отъ Н. Иловайскаго,—50 р.; отъ О. Ж. черезъ М. П.—20 р.; отъ М. М. Т.—5 р.; отъ г-жи Ч. (черезъ П. Ф. Я.)—100 р. Итого . . . . 175 р. — к.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ 1 и 2 Госуд. Думы: отъ Н. Иловайскаго,—50 р.; отъ П. Кривошеина,—5 р.; отъ 3-хъ черниговцевъ—2 р. 50 к.; отъ М. М. Т.—10 р.; отъ Андрея—15 р. Итого . . . . 82 р. 50 к.

На музей имени Л. Н. Толстого отъ И. И. Егорова, изъ Ростова на Дону—1 р.

Редакторъ-издатель *Вл. Короленко.*

По снятіи АРЕСТА поступилъ въ продажу:

„ЗАРНИЦЫ"

сборникъ 1-й. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: I) **Л. Купринъ** „Свадьба" разск. **А. Яблоновскій** „Весною" (изъ тюремн. преданій). **В. Башкинъ** „Тетя Ларя" разск. **В. Танъ** „Амнистія" разск. **Н. Морозовъ, И. Бунинъ, А. Рославлевъ** и **Д. Цензоръ**—стихотворенія. II) **Д. Овсянико-Куликовскій** „Горизонты будущаго и грани прошлаго". **А. Горнфельдъ**, „Замѣтки о современной литературѣ". **А. Карташевъ** „Въ ожиданіи церковнаго собора". III) **И. Петрункевичъ** „Третья Дума". **Ѳ. Кокошкинъ** „Дни испытаній". **Н. Щепкинъ** „Мѣстное самоуправленіе". **Кн. Д. Шаховскій** „Нужды деревни и Государственная Дума". **Ѳ. Пергаментъ** „Еврейскій вопросъ и обновленіе Россіи". **М. Славинскій** „Имперское единство и національный вопросъ". **А. Петрищевъ** „Не на своей точкѣ".

Печатается и въ началѣ февраля поступитъ въ продажу:

„ЗАРНИЦЫ" сборникъ № 2.

При томъ же составѣ редакціи.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Невскій, 104. Т-во „МІРЪ". Москва, Б. Никитская, 20, кн. маг. „ЗВЕНО".

Новое изданіе Т-ва МІРЪ въ Москвѣ.

Карусъ Штерне.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА.

«Научно-популярная исторія мірозданія и начатковъ культуры».

Переводъ съ посл. нѣм. изданія, перераб. **В. Бельше**, подъ ред. **В. К. Агафонова**, съ дополнит. статьями проф. **Н. А. Умова** и **Н. А. Морозова**.

СОДЕРЖАНІЕ: Эволюція міровоззрѣній. Проф. **Н. А. УМОВА**. Предисловіе **В. Бельше**. I. Въ царствѣ луча. II. Изъ дневника земли. III. Царство минераловъ. IV. Возникновеніе и развитіе жизни на землѣ. V. Царство первичныхъ существъ. VI. На зарѣ растительнаго царства. VII. Царство кишечно-полостныхъ. VIII. Предтечи высшихъ животныхъ формъ. IX. Во всеоружіи. X. Первые обладатели жилищъ. XI. Отъ многоногихъ къ шестиногимъ. XII. Нарядъ земли. XIII. Родоначальники владыкъ земли. XIV. Между сушей и водой. XV. Гады. XVI. Владыки воздуха. XVII. Связь матери съ дѣтенышемъ. XVIII. Происхожденіе человѣка. XIX. Душа человѣка и животныхъ. XX. Развитіе обществен. наклонностей и рѣчи. XXI. Начатки культуры. XXII. Развитіе письменности. XXIII. Религіи и міровоззрѣнія. XXIV. Теорія происхожденія. XXV. Взглядъ въ будущее. Эволюція элементовъ **Н. А. Морозова**.

Изданіе составитъ 10 выпусковъ, по 128—160 стр. каждый, и будетъ иллюстрировано **прибл. 800 рисунковъ, въ т. ч. 49 однотонными и цвѣтными** на отдѣльн. листахъ. Вышелъ и разсылается выпускъ I.

Цѣна съ пересылкой и доставкой по предварит. подпискѣ 15 руб., каковыя деньги уплачиваются въ слѣд. пор.: 2 руб. при подписаніи заказа и по 1 р. 30 к. при полученіи кажд. выпуска и сверхъ того по 10 коп. за переводъ платежа.

Проспекты безплатно. Главн. конт. т-ва Міръ: Москва, Б. Никитская, 22. **Отд. въ Петербургѣ, Невскій, 104, кв. 30.**

ВКУСНЫЙ ЧАЙ НА ДОМЪ.

Москва славится вкуснымъ чаемъ. Говорятъ, что въ Москвѣ пьютъ дѣйствительно вкусный чай. Намъ же кажется, что этотъ вкусный чай Вы можете пить гдѣ угодно, хотя бы Вы и жили на разстояніи тысячи верстъ отъ Москвы. Тотъ же знаменитый **Некрасовскій чай,** которымъ такъ хвастаютъ въ Москвѣ, мы Вамъ охотно пошлемъ по почтѣ куда угодно. Это будетъ тотъ же вкусный, ароматичный, легко растворяющійся въ водѣ **Некрасовскій чай,** который Вы можете пить въ Москвѣ. Это будетъ тотъ же вкусный золотистый напитокъ.

Мы его Вамъ пошлемъ по почтѣ, наложеннымъ платежомъ, безъ всякихъ для Васъ расходовъ. Упаковка, пересылка и наложенный платежъ за нашъ счетъ. Мы Вамъ его доставимъ прямо на домъ. Чтобы Вамъ дать возможность убѣдиться, мы Вамъ посчитаемъ четыре фунта этого извѣстнаго сорта **Некрасовскій Цейлонскій № 27** вмѣсто **8** р. всего за **6** р. **50** к. Вы за **6** р. **50** к. получите четыре фунта этого чуднаго чаю. Почтальонъ Вамъ его доставитъ на домъ.

Сядьте немедленно, напишите намъ заказъ и черезъ нѣсколько дней Вы уже будете пить съ наслажденіемъ Некрасовскій чай и угощать имъ своихъ знакомыхъ.

т. д. Ег. Ив. НЕКРАСОВЪ и С-вья

МОСКВА, Лубянскій проѣздъ, собственный домъ.

Ам.

САМОУЧИТЕЛИ РАЗЛИЧНЫХЪ РЕМЕСЛЪ.

Выжиганіе по дереву съ рис. образц.—25 к. Выпиливаніе по дереву съ 50 рис.—30 к. Гальванопластика съ 21 рис.—40 к. Электротехникъ съ 66 рис.—30 к. Женскія рукодѣлія съ 62 рис.—30 к. Живопись брызгами съ рис.—20 к. Жестяныя работы съ 63 рис.—40 к. Зеркальное произв. съ рис.—20 к. Золоченіе по дереву и металлу съ 14 рис.—30 к. Инкрустація и мозаика съ рис. образц. раб.—27 к. Колбасное произв. съ 40 рис.—50 к. Кузнецъ-люб. съ 46 рис. — 30 к. Краснодеревецъ съ 92 рис. — 30 к. Каменная кладка съ 41 рис. — 30 к. Кровельное дѣло съ 87 рис. — 30 к. Лаки и замазки—30 к. Луженіе, паяніе и гальван. никелированіе—30 к. Маляръ-любитель—30 к. Мыловаренное произв. съ 12 рис.—40 к. Набивка чучелъ съ 37 рис.—30 к. Переплетчикъ любит. съ 52 рис.—30 к. Пиротехникъ-люб. съ 35 рис. — 40 к. Плетеніе рыбол. сѣтей съ 29 рис. — 20 к. Плотникъ-люб. съ 79 рис. — 30 к. Постройка лодокъ съ 76 рис. — 50 к. Протравы для поддѣлки дерева — 30 к. Произв. ваксы — 25 к. Произв. непромок. тканей — 20 к. Раб. изъ проволоки съ 15 рис. — 20 к. Раб. изъ сучьевъ съ 40 рис. — 25 к. Рѣзчикъ-люб. съ 60 рис.—30 к. Сухіе гальванич. элементы съ 9 рис.—30 к. Сапожникъ-люб. съ 41 рис. — 30 к. Слесарь-люб. съ 57 рис. — 30 к. Спичечное произв. съ 8 рис.—30 к. Столяръ-люб. съ 73 рис.—30 к. Токарь-люб. съ 77 рис.—30 к. Фотографъ-люб. съ 45 рис.—40 к. Ретушеръ люб.—30 к. Часовщикъ-люб. съ 24 рис. — 30 к. Чернила — 25 к. Шорно-сѣдельное дѣло съ рис. — 30 к. Штукатурное дѣло съ 21 рис. — 30 к. Щеточникъ съ 21 рис.—25 к. Высыл. налож. плат. Книжн. складъ А. Суховой. С.-Петербургъ, Столярный пер., 9. кв. 16. Пересылка 1 книги стоитъ 13 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—25 к., 4 кн. 31 к. и 5 кн.—35 к. За нал. плат. почта взимаетъ за каждую бандероль по 10 к. При выпискѣ на 2 р. и болѣе перес. безплатно.

Въ Антикварномъ Книжномъ Магазинѣ

(бывш. И. И. ИВАНОВА). Литейный пр., д. 64.

С. А. БОРОВИКОВСКАГО.

Продаются следующія періодическія изданія:

Архивъ князя Воронцова книга 1, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 20, 21, 22 по 75 к. за кн.

Библіотека для чтенія 1834, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 44, 45, 46, 48 по 1 р. за годъ.

Вѣстникъ Европы 1868, 69, 71, 72, 73, 75, 76, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 90, 92, 94, 96 по 1 р.

Военный сборникъ 1904, 905 по 1 р.

Время. 1861 г. 1 р. 50 к.

Вѣстникъ садоводства, плодоводства и огородничества 1882, 84, 87 по 1 р.

Вѣстникъ винодѣлія 1892 г. 1 р.

Горный журналъ 1906 г. 2 р. 50 к.

Дѣло 1873, 74, 76, 79, 80, 81 по 1 р. 50 к.

Духовный Вѣстникъ 1863 г. 1 р.

Душеполезное чтеніе 1863 г. 1 р.

Духъ Христіанина 1861, 62, 63, 64 г. по 1 р.

Древняя и Новая Россія иллюстр. еженедѣльный истор. сборн. 1875, 76, 77, 78 г. по 1 р. 50 к.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1865, 67, 78, 85, 92, 98, г. по 2 р.

Журналъ русскаго физико-химическаго общества 1895 г. 2 р.

Живописное обозрѣніе романы 1883, 84, 85, 88 по 50 к.

Журналъ Министерства Путей Сообщенія 1879, 90 г. по 1 р.

Заграничный Вѣстникъ 1882 г. ц. 1 р.

Знаніе 1872, 73, 74, 76 г. по 1 р. 50 к.

Записки Императорскаго Техническаго Общества 1893, 98 г. по 1 р.

Записки Императорскаго Харьковскаго университета 1901, 1902, 1904 г. 1 р.

Изящная Литература 1884 г. 1 р.

Историческая Библіотека 1884 г. 1 р.

Инженерный Журналъ 1896, 97, 98, 99, 900, 901, 902, 903, 905, 906 по 1 р. 50 к.

Историческій Вѣстникъ 1894, 97, 99, 900, 901, 902, 904 по 2 р.

Кіевская Старина 1892, 93, 94, 95 по 1 р. 50 к.

Лѣсной журналъ 1841 г. 1 р.

Лучъ романы, 1882, 84, 85, 86 г. по 50 к.

Маякъ 1841 г. 2 р.

Міръ Божій 1904 г. 2 р.

Морской Сборникъ 1856, 57, 1905 г. по 1 р.

Мысль 1880 г. 1 р.

Мирный Трудъ 1902 г. 1 р.

Новое Время 1879, 80 г. по 1 р.

Наблюдатель 1882 г. 1 р.

Новый журналъ иностранной литературы 1899, 902 г. по 1 р. 50 к.

Новь 1885 г. 2 р.

Образованіе 1897 г. 1 р.

Отечественныя Записки 1857, 61, 62, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 75, 77, 78, 79, 80, 82, 84 по 1 р. 50 к.

Приложеніе къ газетѣ Гражданинъ 1883, 84, 85, 87, 88 г. по 1 р.

Православный собесѣдникъ 1886, 87 г. по 1 р.

Русская Старина 1873, 74, 75, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 93, 94 г. по 2 р. 1904 — 3 р.

Разсвѣтъ 1859 г. 1 р.

Русская Мысль 1882 г. 1 р. 50 к.

Русскій Винодѣлъ 1888 г. 1 р.

Русскій Вѣстникъ 1858, 59, 60, 62, 69, 74, 75, 76, 78, 79, 84, 85, 86, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 1905 г. по 1 р. 50 к.

Русскій Архивъ 1875, 79, 87 по 1 р. 50 к.

Русское Богатство 1907 г. 2 р.

Слово 1879 г. 2 р. 50 к.

Сѣверный сборникъ 1888, 89 г. по 1 р. 50 к.

Странникъ 1888, 89, 92, 94, 95, 96, 97 г. по 1 р.

Современникъ 1858, 61, 64 г. по 2 р.

Труды Кіевской Духовной академіи 1875 г. 1 руб.

Университетскія извѣстія 1882 г. 1 р.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета 1900, 901 г. по 1 р.

Христіанское чтеніе 1851, 56, 57, 83 г. по 1 р.

Чтеніе въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 1878, 93 г. по 1 р. за полные года.

52 №№ и 52 книжки въ годъ.

Открыта подписка на 1909 годъ на новый ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ 3 РУБ.

„ТРУДОВАЯ НИВА“.

(Единственный въ Россіи журналъ по своей дешевизнѣ).

52 №№ даетъ своимъ подписчикамъ за ТРИ РУБЛЯ въ годъ: литературно-художественнаго, иллюстрированнаго журнала, гдѣ примутъ участіе лучшіе литературныя силы. 52 №№

52 КНИГИ написанныя популярнымъ языкомъ въ эти книги войдутъ: 52 КНИГИ

Записки знамен. русск. сыщика Путилина.
Макарка душегубъ, угол. романъ въ 4-хъ ч.
Цыганъ Яшка, романъ изъ современ. жизни.
Сборникъ куплетовъ, романсовъ и пѣсенъ.
Злодѣй и разбойникъ Чуркинъ, угол. ром.
Поварен. книга для молод. хоз. до 1000 совѣт.
Стенька Разинъ, Волжскій атаманъ разбойн.
Домашній лѣчебникъ.
Дѣловой письмовникъ.
Полный Оракулъ.
„Ванька Каинъ“ знаменитый сыщикъ.
Петербургскія трущобы, угол. романъ.
Письмовникъ для влюбленныхъ.
Хиромантія—тайны руки, съ рис.

Цѣна вышеозначенныхъ книгъ въ отдѣльной продажѣ 15 руб.

Г.г. городскіе подписчики могутъ книги получать при подпискѣ.

Подписавшимся до 25 Февраля, будетъ высл. безпл. кн. „СКАЗКИ ЛЮБВИ“.

Письма и деньги адресовать въ контору журнала „ТРУДОВАЯ НИВА“,

С.-Петербургъ, Коломенская ул., д. № 4. Пробн. № журн. высыл безплатно.

Въ Книжномъ Магазинѣ М. И. Степанова

Спб. Загородный пр., д. № 5.

Поступили въ продажу слѣдующія книги:

Сборникъ «ЖИЗНЬ». Спб., 1909 г. Ц. 1 р. Содержаніе: Потапенко, И. Послѣдняя шалость.—Андреевъ, Л. Держите вора.—Купринъ, А. Осенніе цвѣты и легенды.—Сологубъ, Ф. Опечаленная невѣста.—Каменскій, А. Васна.—Ленскій, В. Весной повѣяло.—Ардовъ, Т. Свиданіе и др. разсказы.

Александровичъ, А. Дневникъ городового. (Вопль истерзанной души). 23 разсказа. Спб., 1909 г. Ц. 50 к.

Седиръ, П. Индѣйскій факиризмъ или практ. школа упражн. для разв. психич. способностей. Спб., 1909 г. Ц. 1 р.

Лаппони, проф. д-ръ. Гипнотизмъ и спиритизмъ. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Папюсъ, д-ръ. Хиромантія. (Тайна руки). Къ опредѣленію типа, характера, наклонностей человѣка въ его прош., наст. и будущ. М. 1909 г. Съ рис. Ц. 1 р.

Моргенстіэрнъ, И. Психо-графологія или наука объ опред. внутр. міра человѣка по его почерку. Спб., 1903 г. (Цѣна 3 р.) за 3 р. Съ прилож. болѣе 2000 автографовъ разн. выдающ. людей древности и наш. врем. съ ихъ портр.

Миллеръ, І. Моя система. 15 минутъ ежедн. работы для здоровья. Спб., 1909 г. Съ 41 рисункомъ и портр. автора и таблицами. Ц. 75 к.

Мопассанъ, Г. Полное собр. сочиненій. Спб., 1906 г. 13 т. Ц. 4 р.

Бѣлокрысовъ, А. Мѣры къ поднятію доходн. степн. имѣній. Проэктъ организац. плана эксплоатаціи. Екатеринославъ, 1902. Съ 27 рис. маш. и проч. (Ц. 2 р.) за 1 р. 25 к.

Новѣйшій курсъ кройки и шитья дам. и дѣтск. нарядовъ. Съ пом. этой книги кажд. хозяйка въ сост. самостоятельно кроить и шить все необход. для дома. Спб., 1904. Съ множ. рис. и прилож. Ц. 1 р.

Михайловъ, М. Женщины, ихъ воспитаніе и знач. въ семьѣ и обществѣ. Женщины въ Университ. Милль, Д. Объ эмансипаціи женщинъ. Уваженіе къ женщинамъ и проч. Спб., 1903 г. Ц. 1 р.

Фокинъ, Н. Охота и охотники. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. Содержаніе: Лѣто и Осень, Повѣсть. Въ глуши, разсказъ. Лоси, разсказъ.

Бэнъ, А. Психологія. Перев. съ англ. 2-ое доп. изд. Спб., 1887 г. (Ц. 2 р. 50 к.) за 1 р.

Федоровъ, П. Техн. постройки дома. Справ. книга и руков. для домовлад. десятниковъ и завѣд. постр. дома. Спб., 1904 г. Съ 124 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Конингэмъ, Э. Швейцарія и ея учрежденія. Спб., 1893 г. (Ц. 1 р. 25 к.) за 50 к.

Тэнъ, И. и Ч. Дарвинъ. Наблюд. надъ жизнью ребенка. Спб., 1900 г. Ц. 25 к.

Скрипицынъ, В. Подсудимые. (Изъ воспоминаній защитника). Содержаніе: Истомилась.—Живой мертвецъ.—Тиранъ.—Жертвы Донъ-Жуановъ.—Своимъ судомъ. Убивецъ.—Божій человѣкъ и др. разсказы. Спб., 1890 г. (Ц. 2 р.) за 75 к.

Заказы книгъ исполняются аккуратно, наложеннымъ платежомъ.

Цѣны книгъ назначены безъ пересылки.

Каталогъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія печатается, въ скоромъ времени выйдетъ и будетъ разосланъ желающимъ безплатно.

Изданія д-ра Б. А. ОКСА,

С.-Петербургъ, Морская, 27.

Подписчики „Литературно-медицинскаго Журнала“ и „Домашняго Доктора“ за пересылку нижеозначенныхъ книгъ не платятъ. При требованіяхъ надо указывать № бандероли, подъ которою получается журналъ.

Въ общедоступномъ изложеніи:

Д-ръ М. Ліонъ. Половая жизнь человѣка. Очеркъ по сочиненію профессора *А. Фореля:* „Die sexuelle Frage“. Спб. 1908 г. ц. 50 коп.

Проф. Дюбуа. Вліяніе духа на тѣло. Пер. съ франц. Спб. 1908 г., ц. 20 коп

Д-ръ В. Бушъ. Долой сказки объ аистахъ! Пер. съ нѣм. женщ.-врача *Л. А. Егуновой.* Спб. 1907 г., ц 20 коп.

Уходъ за больными. Профессоровъ *Фюрбрингера, Мендельсона, Нотнагеля* и др. Съ 33 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. д-ра мед. *М. З. Геселевича.* Спб. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Д-ръ Репке. Туберкулезъ. Способы зараженія этой болѣзнью, предупрежденіе и лѣченіе. Перев. съ нѣм. *Н. Густерина.* Спб. 1906 года, ц. 20 коп.

Проф. А. Деннигъ. Гигіена обмѣна веществъ у здоровыхъ и больныхъ. Пер. съ нѣм. д-ра мед. *М. З. Геселевича.* Спб. 1906 г., ц. 30 коп.

Г. П. Задѣра. Л. Н. Толстой о медицинѣ и о врачахъ Спб. 1906 г. цѣна 40 коп.

Д-ръ мед. Э. Э. Гартье. Дѣтская истерія. Спб. 1902 г., ц. 40 к.

Проф. М. Шотеліусъ. Бактеріи, инфекціонныя болѣзни и борьба съ ними Съ 33 рис. въ текстѣ и приложенными на 14 таблицахъ раскрашенными рисунками. Пер. съ нѣм. д-ра *М. Ліона.* Спб. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Книга для родителей. I. Матерямъ подрастающихъ дочерей Д-ра *Ф. Зиберта.* Пер. съ нѣм., д-ра *М. Ліона.* Спб. 1905 г. Цѣна 40 к., съ пересылкой 50 коп.

Книга для родителей. II. Отцамъ подрастающихъ сыновей. Д-ра *Ф. Зиберта.* Пер. съ нѣм. д-ра *М. Ліона.* Спб. 1905 г Ц. 30 к., съ пересылкой 40 к.

Г. А. Коваленко. Врачи и общество. Спб. 1905 г. Ц. съ пересылкой 40 коп.

Прив.-доц. Г. Клейнъ Переломъ у женщины. Перевелъ съ нѣм. и дополнилъ д-ръ *И. Л. Хаританскій.* 1901 г. Цѣна 40 к. съ пер.

Д-ръ М. Ліонъ. Чтенія по практической психіатріи. Спб. 1901 г. Цѣна въ коленк. пер. 60 коп.

Прив.-доц. М. Ю. Лахтинъ. Краткій біографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ. Спб. 1902 г. Цѣна съ пер. 75 к.

Г. Каминка. Игнорируемый наукой психозъ. (Опытъ патологіи заиканія) Спб. 1902 г. Цѣна 20 к., съ пересылкой 30 к.

Проф. Жиль де-ла Туретъ. Неврастенія, ея формы и лѣченіе. Перев. д-ра *С. С. Вермеля.* 1898 г. Цѣна 25 коп. съ пересылкой.

Д-ръ мед. Л. С. Сегаль. Курсъ аномалій аккомодаціи съ подробнымъ изложеніемъ гигіены глаза. Съ 61 рис. Спб. 1901 г. Цѣна (вмѣсто 1 руб.) 50 коп. съ пересылкой

Проф. П. Дюбуа Воображеніе, какъ причина болѣзней. 1908 г., ц. 30 коп.

Д-ръ мед. Ю. Г. Малисъ. Неотложная хирургія. Краткое пособіе для оказанія первой помощи. Съ 20 рис. Спб 1905 г. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Вилли Гельпахъ. Психическія эпидеміи. Перев. съ нѣм. 1908 г. Ц. 40 к.

Д-ръ Л. М. Василевскій. Медицина въ классической живописи. По сочиненію д-ра мед. E. Holländer'a „Die Medizin in der klassischen Malerei“. Съ рис. въ текстѣ и на 16 приложенныхъ таблицахъ на мѣловой бумагѣ. Спб. 1909 г., ц. одинъ рубль.

Д-ръ М. Ліонъ. Невинная молодежь. Половое воздержаніе молодыхъ мужчинъ. Спб. 1909 г., ц. 50 коп.

СЧАСТЬЕ И РАДОСТЬ ВАШЕЙ СЕМЬИ ЗАВИСЯТЪ **ТЕПЕРЬ** ТОЛЬКО ОТЪ ВАСЪ.

Т-во соед. фабр. Франціи предлаг. всѣмъ гражданамъ Россіи ознаком. съ выдающ. изобрѣтеніемъ и учрежд. въ Россіи времен. „аукціонъ" (внѣ конкуррен. распродажу) грамофонъ лучш. франц. сборки и усовершен. констр. 850 аппаратовъ и 10.000 пластинокъ (русск.) для распростр. распрод. за ¹/₃ стоим. ихъ. Безпл. прилаг. къ кажд. аппарату **10 конц. пласт. не бумажн.** „Гигант. Экстра" всѣхъ знамен. артист. русск. и иностр. Послѣдн. безшум. записи и 1000 концертныхъ иголокъ.

№ 9 (на складѣ 250 шт.) Тонармъ „Везувій" изящ. аппар. корпусъ подъ орѣхъ, полир. или цвѣтн. лакир. съ 3-хъ пруж. тщат. пров. механизм. Рупоръ (вращ. вокругъ своей оси) очень больш. цвѣтн. „Тюльпанъ-Лотосъ" Мембрана „Prima". Цѣна 16 р. 95 к. (Пересылка 2 р. 85 к.).

№ 15 (на складѣ 150 шт.) Тонармъ „Гигантъ" съ замѣч. крас. цвѣтн. корп. съ рѣзн. украш. въ стилѣ „фантазія", съ безк. пруж. крѣпк. механ. (Игр. нѣск. пласт. однимъ зав.). Рупоръ сам. больш. худож. цвѣтн. „Тюльпанъ Лотосъ", Мембрана патент. а la „Эксибишенъ". Ц. 24 р. 75 к. (перес. 3 р. 40 к.). Аппар. выс. пров. нал. плат. по получ. стоимости только пересылки. (Можно почт. марк. въ заказныхъ письмахъ).

Пластинки прод. и отд. „Гигантъ Экстра" двухст. по 1 р. 50 к.; **10 шт—13 р. 50 к.** Иголки въ жест. кор. „Герольдъ", лучш. сортъ **1** р. и **1** р. **50** к. тысяча. Льгота: Покуп. грам. съ 20-ю пласт. замѣнимъ въ теченіе 1 года 20 стар. пласт. на сов. нов. **М. Б. МЕЛЬНИКЪ, Спб., Невскій пр., № 72—14. Прошу не смѣшивать съ Варшавой.**

Въ книжномъ магазинѣ М. МЕЛЬНИКОВА

СПБ. Литейный пр., 57.

продаются слѣдующія книги: **Красновъ П. П.** Исторія Князя Италійскаго, графа Рымникскаго, Александра Васильевича Суворова, для юношества, народа и солдатъ, со множ. рисунк. Спб. 1900 г. въ папкѣ ц. 50 коп. **Введенскій Арс.** Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. 2-е изданіе Спб. 1909 г. ц. 1 руб. 50 коп. **Введенскій Арс.** Литературныя характеристики. Спб. 1903 г. ц. 2 р. Собранія сочиненій изд. Маркса: **Данилевскій** 24 т. ц. 2 р. 50 к. **Григоровичъ** 12 т. ц. 4 руб. **Толстой А.** 10 т. ц. 2 р. 50 к. **Шеллеръ-Михайловъ** 50 кн. 4 р. **Салтыковъ-Щедринъ** 40 кн. 5 р. 50 к. **Станюковичъ** 40 кн. 5 р. 50 к. **Тургеневъ** 12 т. 8 р. **Чеховъ** 16 т. 6 р. **Лѣсковъ** 36 т. 3 р. **Гейне** 16 т. 1 р. 50 к. Составленіе и пополненіе народныхъ, обществ., полков. и всевозможныхъ библіотекъ и читаленъ. Книги и учебники имѣются по всѣмъ отраслямъ знанія новые и антикварные. Аккуратное и скорое выполненіе заказовъ по возможно дешев. цѣнамъ. Цѣна книгъ безъ пересылки, каталоги безплатно.

КНИГИ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества.

Вышло въ свѣтъ около 160 выпусковъ.

Всѣ книги иллюстрированы множествомъ рисунковъ, множество книгъ снабжено крашеными литографированными обложками. Изъ книгъ, изданныхъ для дѣтей младшаго возраста,—большинство содержатъ крашеные рисунки внутри. Всѣ книги имѣются въ прочныхъ папкахъ. Многія имѣются въ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ.

Продаются въ Петербургѣ въ собственномъ кіоскѣ на выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка" и во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ. Выписывать отъ издательства: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. Горбунову.

Подробный каталогъ издательства по требованію высылается безплатно.

Открыта подписка на журналъ для дѣтей подъ редакціей И. Горбунова-Посадова, „Маякъ".

Годовая плата съ пересылкой **4** руб.

Въ книжномъ магазинѣ

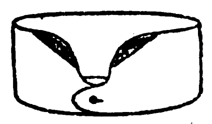
„Общеполезное Чтенiе"

Дешево продаются:

Рѣдкій компл. юмористики—„Шутъ" 1897—98 г. съ полной сказкой „Конекъ-Горбунокъ", рис. знам. худ. Афанасьева, соверш. нов., ц. 14 р. за 5 р.
Миллеръ, Моя система, ц. 75 к. за 40 к.
Женщина въ семейн. и соц. жизни, ц. 2 р. 50 к. за 1 р. 25 к. въ роскошномъ переплетѣ.
Фокинъ, Охота и охотники, ц. 1 руб. за 50 коп.
О. Волынцевъ, Рѣчи А. Ө. Аладьина въ перв. русс. парлам., ц. 35 к. за 30 к.
Эжень Сю. Жертва судебной ошибки, ром. ц. 1 р. за 50 к.
Б. Келлерманъ, Іестеръ и Ли, ром., ц. 1 р. за 50 к.
Ф. Ведекиндъ, Минэ-Гага, ц. 50 к. за 25 к.
Уэлльсъ, Послѣ дождика въ четвергъ, ц. 75 к. за 40 к.
Эмиль Золя, Неизданные разсказы, ц. 1 р. 25 к. за 60 к.
Гумайюнъ-Жамэ, Басни и притчи востока, за 30 к.
Ф. Барнетъ, Дикая, ром., за 25 коп.
В. Гюго, Post scriptum моей жизни, за 25 коп.
М. Горькаго. Жизнь и сочиненія въ оцѣнкѣ западно-европ. критики, перев. съ англ. за 30 к.
И. Свѣчинъ. Опытъ излож. началъ общечеловѣч. философіи ц. 1 р. за 50 к.
Настольный Л. Н. Толстой, мысли, взгляды, изреченія и афоризмы, изд. 1909 г. за 30 к.
И. Манусъ, Полит. эконом. и финанс. вопр. посл. врем., ц. 1 р. 50 к. за 75 к.
Д-ръ Р. Гюнтеръ, Женская красота въ зеркалѣ вѣковъ, ц. 1 р. за 50 к.
Книги высыл. безъ задатка. Адресъ магазина и склада: С.-Петербургъ, Суворовскій пр., д. 5—20.

ШВЕДСКОЕ БѢЛЬЕ

„КОМПОЗИЦІЯ"



ПРИВИЛЕГИРОВАНО ВЪ РОССІИ ПОДЪ № 117668.

Не требуетъ ни стирки, ни глаженья. Выдерживаетъ при ежедневной носкѣ болѣе двухъ лѣтъ.

ВСѢ ФАСОНЫ.

Воротники по . . . . 75 —
Манжеты по 1. 50
Манишки 3-хъ разм. по 1. 20, 1. 40, 1. 60

Единственный представитель для всей Россіи

АЛЬБИНЪ БАДЕ,

Спб., Екатерининскій кан., 31.
Проспекты высыл. безплатно.

ОТБОРНЫЯ СѢМЕНА

ДЛЯ

900

ЦВѢТОЧНЫХЪ КУСТОВЪ

ЗА ТРИ РУБЛЯ

Г. ФРИКЪ. С.-Петербургъ, Адмиралтейскій пр., 10—5.

Книг-ство А. П. ОШИНА

Москва, Срѣтенка, Просвиркинъ пер., д. № 7.

Поступили въ продажу и имѣются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (можно выписывать непосредственно изъ склада) сочиненія извѣстн. американск. философа

Р. В. Трайнъ: 1) Могущество человѣка. Ц. 1 р. 25 к. 2) Что ищетъ весь свѣтъ. Ц. 1 р. 20 к. 3) Образованіе характера мыслительными силами. Ц. 20 к. 4) Наивысшее, что намъ извѣстно. Ц. 50 к.

(За перес. отдѣльно по почт. тарифу.)

Издательствомъ получаются множество благодарствен. писемъ; для характеристики приводимъ одно изъ нихъ:

«Какими поразительно прекрасными книгами Вы, глубокоуважаемый Августъ Петровичъ, снабдили меня. Какіе величественные необъятные горизонты онѣ—эти три небольшія книги открываютъ каждому, желающему посерьезнѣе вникнуть въ содержаніе ихъ; какое блаженство и счастье онѣ приносятъ каждой ищущей истины душѣ; какимъ чуднымъ душевнымъ миромъ вѣетъ отъ нихъ! Сознательно переживая все это, при изученіи ихъ—я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ высказать это и... можетъ-быть моя правдивая оцѣнка заинтересуетъ кого-либо и поможетъ ему выбраться изъ засасывающаго омута нашей безнравственной и подчасъ совершенно безсмысленной, полной эгоизма, жизни...»

С. Ткачевъ.

Гор. Городище, Пенз. губ., село Вышилей.

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Екорофосфитъ магистра Б. КРЕПСЪ.

Вкусная эмульсія изъ рыбьяго жира и фосфитовъ. Незамѣнимое питательное средство при рахитѣ, золотухѣ, малокровіи и общей слабости. Продается вездѣ. Главный складъ: Исаакіевская аптека, Спб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ 1909 г.

ПОПУЛЯРНЫЙ

„ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ"

Подъ редакціей д-ра Б. А. Окса. ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Учебн. отд. Минист. Торг. и Промышл. рекоменд. для фундам. библ. подвѣд. Мин. учебн. завед. Кромѣ популяриз. медиц. знаній, журналъ отраж. сужденія о медицинѣ и врачахъ въ произвед. знамен. писат. и въ тек. литературѣ.

Подписчики „Литературно-Медицинскаго Журнала" получаютъ безплатно ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАРОДНЫЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ"

Подъ редакціей д-ра Б. А. Окса. Въ журналѣ общепон. яз. излаг. все, что способ. охран. здоровья и продл. жизни: Борьба съ болѣзнями и предупрежденіе ихъ.—Общественное здравоохраненіе.—Всевозможныя практическія указанія по медицинѣ и гигіенѣ.—Домашній лѣчебникъ.—Домаш. аптека.—Домаш. помощь въ несчастныхъ случаяхъ.—Домаш. ветеринарія.—Растит. столъ.—Медиц. замѣтки.—Почт. ящикъ для отвѣт. на вопр. читателей.

Цѣна „Литературно-Медицинскаго Журнала" четыре рубля за годъ, два рубля за полгода и одинъ рубль за 3 мѣсяца съ перес. Для выписывающихъ одновременно оба изданія („Фельдшеръ" и „Литературно-Медицинскій Журналъ" съ „Домашнимъ Докторомъ") допускается уступка и разсрочка: при подпискѣ три руб., къ первому апрѣля одинъ рубль 50 к. и къ первому іюля 1909 года одинъ рубль 50 к.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журналовъ только при непосредственной подпискѣ черезъ контору редакціи (СПБ. Морская, 27) и черезъ ея отдѣленіе въ Москвѣ: Большой Козихинскій пер., д. Елизарова, кв. 8 у Н. К. Корнѣева.

Годовые подписчики газеты „Фельдшеръ" и „Литературно-Медицинскаго Журнала", внесшіе сразу всю подписную плату (шесть рублей), получатъ безплатное приложеніе:

Медицинскій календарь „ЭСКУЛАПЪ" на 1909 г. ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Редакторъ-Издатель д-ръ **Б. А. Оксъ.**

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТНОЕ.

Заочное преподаваніе
КРОЙКѢ и ШИТЬЮ

По окончаніи курса свидѣтельство.

Посредствомъ лекцій

ОБУВИ

плата умѣренная. Подробныя условія за 7 к. марку.

Мари ДУРАСОВИЧЪ.
Москва, Срѣтенка, Рыбниковъ пер., д. № 11, кв. 8.

ТОЛЬКО ЧТО ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ЧЕТВЕРТЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ
„УСТАВЪ О ЗЕМСКИХЪ ПОВИННОСТЯХЪ
съ относящимися къ нему узаконеніями, судебными и правительствен. разъясненіями“
Составилъ присяжный повѣренный М. И. МЫШЪ.
Цѣна 3 руб. 50 коп., съ пересылкой 4 руб.
Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Московская, 4, М. И. Мышу.

Книжный магазинъ А. Н. Гомулина. Литейный проспектъ, домъ № 49. Пріобрѣлъ остатокъ изд. Ѳ. БУЛГАКОВА.

12 ТОМОВЪ 4961 стр. полнаго собранія сочиненій ГЮИ ДЕ МОПАССАНА.
Съ его портретомъ и біографіей—характеристикой и 1 томъ 898 стр. его-же полнаго собранія посмертныхъ произведеній и не беллетристическихъ сочиненій всего 13 т. болѣе 5000 стр. на лучшей бумагѣ.
Надъ переводомъ сочиненій Мопассана работали болѣе 15 выдающихся переводчиковъ.
Имя Гюи де Мопассана прогремѣло не только среди соотеч., но и среди интеллиг. всего міра. Достаточно указать на отз. И. С. Тургенева и Льва Толстого, чтобы судить о томъ высок. положеніи, какое Мопассанъ занялъ въ ист. всем. литер. Памятникъ, воздвигн. ему въ Монсо, Парижѣ, краснорѣчиво гов. о симп. франц. націи. Его произвед. выдерж. разновреи. болѣе 300 изд. въ сотняхъ тыс. экз. и перев. на языки всѣхъ народовъ. Соч. его особ. большой интересъ предст. теперь, когда такъ много гов. о полов. отнош. мужчинъ к женщинъ. Въ его романахъ читат. найд. разрѣш. этого вопр. въ изображ. правд. дѣйствит.
Наст. изд. соч. Мопассана, единств. по своей полнотѣ и безъ сокращ., высыл. по весьма выгодн. цѣнѣ. Вмѣсто 6 р. 50 к. за 4 р., съ перес. и упак. въ пред. Европ. Россіи.
Каталогъ болѣе 3000 названій, БЕЗПЛАТНО.

Гг. ЛЮБИТЕЛЯМЪ и АРТИСТАМЪ!!!
Р. ОРБИНСКІЙ, скрипичный и віолончельный мастеръ высылаетъ безплатно подробный иллюстрирован. прейсъ-курантъ со статьей, какъ беречь и холить скрипку. На пересылку 2 семикопеечн. марки.
Производство удостоен. высш. наградъ.
СПБ., Новый пер.' д. 5—7. Телеф. 275—26.
ХУДОЖЕСТВЕН. ПОЧИНКА.

Въ декабрьской книжкѣ на 3 страницѣ обложки помѣщено было объявленіе о дѣтскихъ изданіяхъ „Журнала-Школы“, при чемъ пропущена подписная плата на ежемѣсячное изданіе Альманаха „Журнала-Школы“. Она составляетъ 3 руб. на годъ и 1 р. 75 коп. на полгода.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Густавъ Сиверсъ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., Средній пр., № 1—10.

СКЛАДЪ ИСКУССТВЕННЫХЪ УДОБРЕНІЙ, МАШИНЪ И СѢМЯНЪ.

Томасшлакъ, Суперфосфатъ, | 30% калійная соль, Каинитъ, | Чилійская селитра, Сѣрнокислый аммiакъ

Машины и орудія завода „КУЛЬБЕРГЪ и К°". Швеція.

Косилки, Жатки, | Конныя грабли, Пружинныя бороны, | Дисковыя бороны, Рядовыя сѣялки.

Туковыя сѣялки „КУКСМАНЪ и К°."

„Вестфалія и Селекта"

Сепараторы «Фортуна» и «Свеа».

Оригинальныя свалефскія сѣмена.

ТРЕБУЙТЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ № 12.

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ФЕВРАЛЬ. 1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

Всѣмъ подписчикамъ при этомъ № разсылается: 1) Каталогъ Центральнаго книжнаго магазина А. А. Климонова удешевленныхъ писателей. 2) Проспектъ химическаго завода В. А. Шумахера, въ Спб. 3) Иногороднимъ—„Свѣдѣнія о состояніи дѣлъ Каспійско-Романинскаго нефтяного общества на 15-е Декабря 1908 года“.

Т-во Книжный Кредитъ.

С.-Петербургъ, Съѣзжинская ул., д. № 13. Телеф. 284—56.

Широкая разсрочка на изданія

Девріена, Риккера, Вольфа, Суворина, Общественной Пользы, Голике, Вильборга и др. издателей.

Подробный каталогъ высылается за 5 коп. марку.

Соловьевъ, Вл. С. Полн. собр. сочиненій. Въ 9 т. Ц. 16 р. въ пер. 22 р.

Сводъ Законовъ Рос. Имперіи. Ред. А. Волкова и Ю. Филиппова. 2 т. Ц. въ пер. 17 р. 50 к.

Куно Фишеръ. Истор. новой философіи. 8 т. въ пер. Ц. 40 р.

Чернышевскій, Н. Г. Полн. собр. сочин. 10 т. Ц. 18 р. въ пер. 24 р.

Шильдеръ, Н. Императоръ Александръ I. 4 т. Ц. въ пер. 36 р.

Герберштейнъ, С. Записки о Московитскихъ дѣлахъ. Ц. въ пер. 17 р. 50 к.

Корбъ, І. Г. Дневникъ путешествія въ Московію. Ц. въ пер. 12 р. 50 к.

Олеарій, Ад. Путешествія въ Московію и Персію. Ц. въ пер. 14 р. 50 к.

Энциклопедія рус. сельскаго хозяйства. (Изд. закончено). 11 томовъ съ многочисл. рис. въ пер. 91 р.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 10 т. съ многоч. рис. Ц. въ пер. 60 р.

Энциклопедія рус. лѣсного хозяйства. 2 т. Ц. въ пер. 17 р.

Бенуа, А. Русская школа живописи. Роскошн. иллюстр. 50 р.

Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщ. Географія. 10 т. Ц. въ пер. 50 р.

Россія. Полн. геогр. описаніе. Вышло 7 т. Ц. 23 р. 65 к.

Большой выборъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія.

Иностран. книжный магазинъ **АВГ. ДЕЙБНЕРЪ**
Книги и журналы.
(съ 1859 года). Морская, уголъ Невскаго просп., д. 12—18, къ аркѣ.

ВЫ БУДЕТЕ ПОРАЖЕНЫ,

когда услышите новыя пластинки Берлинскаго граммофоннаго т-ва „**Омокордъ**“.

!!Небывало художественная запись!!

Обращаемъ особое вниманіе на боевыя новинки:

№ 4390. «Въ полѣ чистое гляжу».
№ 4391. «Не о томъ скорблю, подруженьки».
№ 4421. «Опьянѣла», цыг. романсъ.
№ 4422. «Питерская тройка».

Съ оркестромъ въ испол. изв. артист. М. А. Эмской.

№ 4364. Баллада изъ оп. «Пик. дама».
№ 4366. Пѣснь » » » »
Съ орк. исп. **А. М. Брагинъ.**
№ 4320. Арія изъ оп. «Жидовка».
№ 4322. Арія изъ оп. «Робертъ-Дьяволъ»
Съ орк. исп. **С. Д. Варягинъ.**

Требуйте также: №№ 4231, 4234, 4417, 4414, 4191 и мн. др.

Всѣ пластинки «Грандъ» двухсторонніяo по 1 р. 75 коп.

Представительство для всей Россіи. Торг. домъ **А. Бурхардъ**, Спб. Невскій, пр., 6, отд. ул. Гоголя, 4.

Знаменитыя иглы «**Салонъ**» идеально сохраняютъ пластинки.

Только что вышло въ свѣтъ:

А. В. Пѣшехоновъ. Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей.

Спб. 1909 годъ. Цѣна 10 коп.

Леонидъ Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

Москва. 1909 годъ. Цѣна 50 коп.

Продается въ конторахъ «Русскаго Богатства» и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Новѣйшая усовершенствованная дѣтская молочная мука **АЛЬПИНА** ЛОЗАННА (ШВЕЙЦАРІЯ).

На каждой банкѣ синяя марка и подпись Александръ Венцель

Главнаго представителя для всей Россіи, С.-Петербургъ, Гороховая улица, № 33.

Продается въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Для быстраго изготовленія куличнаго тѣста и пасхальной массы,

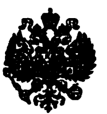
а также тѣста для всякаго рода домашняго печенія—бабъ, кренделей, булокъ, пироговъ, кулебяки, лапши и пр.,—служитъ превосходнымъ пособіемъ, дешевымъ, прочнымъ, удобнымъ и практичнымъ

американскій ручной мѣсильникъ,

приготовляющій въ нѣсколько минутъ лучшее тѣсто (крутое, сдобное, песочное, слоеное и т. д.), и притомъ одинаково хорошо въ маломъ количествѣ или въ большомъ. Не требуетъ ни умѣнья, ни силы. Уходъ совершенно простой. Предохраняетъ отъ грязи, пота и заразныхъ началъ.

ЦѢНА (безъ доставки): № 4, вмѣщающій до 10 ф. опары—5 р.; № 8, вдвое больше—7 р. 50 коп.

Универсальный мѣсильникъ, съ двойнымъ механизмомъ (для замѣшиванія и для сбоя), на 4 ф. тѣста—4 р. 50 коп.

Констан.  Мальмъ.

СПБ., Морская, 34—5.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

(одиннадцатый годъ изданія.)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„ПРАВО",

выходящую въ С.-Петербургѣ подъ редакціей: приватъ-доцента *В. М. Гессена*, *І. В. Гессена*, приватъ-доцента *А. И. Каминка*, *В. Д. Набокова*, профессоровъ *М. Я. Пергамента* и *Л. І. Петражицкаго*.

По прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: **Сборникъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ и общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ и кассаціонныхъ департаментовъ Правит. Сената.**

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „**ПРАВА**" безплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Поставивъ въ числѣ своихъ задачъ ознакомленіе читателей съ существующей судебною и судебно-административной практикою, „ПРАВО" удѣляетъ широкое мѣсто судебнымъ отчетамъ. Отчеты о всѣхъ дѣлахъ, разсмотрѣнныхъ въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената, печатаются въ ближайшихъ послѣ засѣданій номерахъ.

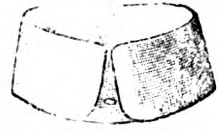
Въ справочномъ отдѣлѣ печатаются: алфавитный списокъ лицъ несостоятельныхъ, ограниченныхъ и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности; алфавитные списки уничтоженныхъ довѣренностей, списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Прав. Сенатѣ, а также и **резолюціи** по заслушаннымъ въ Сенатѣ дѣламъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая 3 руб. За границу на годъ—**10** руб. Отдѣльные нумера продаются по **20** коп.

Главная контора: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Владимірскій пр., 19.

Прошу убѣдиться!

Знаменитое бѣлье „ВѢНСКАЯ КОМПОЗИЦІЯ“.



съ полотняными прокладками, самое изящное, практичн. и экономное, ничѣмъ не отличается отъ наилучш. полотнян. бѣлья. Для военныхъ, учащихся, путешествующ. и холостяковъ оно положит. необходимо. Отсутствіе всѣхъ непріятн. сопряж. со стиркой и глаженьемъ. Въ употр. во всѣхъ культурн. странахъ міра. При ежедн. носкѣ выдерживаетъ 2 года. Воротники отъ 60—80 к., манжеты бѣлые и цвѣтные 1 р. 50 к., пара манишки гладк. 1 р. 25 к. узорч. 1 р. 50 коп. Прейсъ-куранты безплатно.

Оптово-розничный магазинъ К. К. МАРКВАРТЪ.

Спб., Гороховая ул., д. № 64. (отдѣл. М.) Телефонъ № 93—86. Требуйте во всѣхъ галантерейн., мануфактурн. резиновыхъ и т. п. магазинахъ только съ маркой «Слонъ», всѣ другіе не вѣнскіе.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

въ С.-Петербургѣ, учр. въ 1881 г.

Наличные капиталы: 67.000,000 руб.

Общество заключаетъ страхованія

ЖИЗНИ: капиталовъ и доходовъ для обезпеченія будущности семьи и старости (Застрахованные капиталы къ 1 Января 1908 г.: 182.140,000 руб.);

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ: коллективныя страхованія рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ и заводахъ, страхованія отдѣльныхъ лицъ, страхованія пассажировъ;

ОТЪ ОГНЯ: недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ;

ТРАНСПОРТОВЪ: морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ и судовъ;

СТЕКОЛЪ и ЗЕРКАЛЪ: отъ излома и разбитія;

ОТЪ КРАЖЪ СО ВЗЛОМОМЪ: движимаго имущества всякаго рода.

Вознагражденія,

уплаченныя Обществомъ со времени его учрежденія:

196.330,000 руб.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи, въ С.-Петербургѣ (Морская, № 37) и въ Отдѣленіяхъ и Агентствахъ Общества.

Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія заключаются также на главныхъ станціяхъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

КРУПНѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ СКЛАДЪ ОРУЖІЯ

А. БИТКОВА.

ВЪ МОСКВѢ.

Контора и главный складъ: Бол. Лубянка, д. № 20.
Магазинъ: Бол. Лубянка, прот. Кузнецкаго Моста, д. № 8.
Нижегородская ярмарка: Шоссе, 19.

Магазинъ, кромѣ оружія, вмѣщаетъ въ себѣ отдѣлы: спорта, дорожныхъ предметовъ и охотничьихъ костюмовъ. Прейсъ-курантъ, содержащій въ себѣ все, что есть на земн. шарѣ изъ самыхъ лучшихъ первоклассныхъ и позднѣйшихъ моделей охотничьяго оружія и предмет. охоты, высыл. по требов. безплатно.

Прейсъ-курантъ спорта дорожныхъ вещей выйдетъ въ скоромъ времени.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются

Съ 15-го Іюня 1908 года

Сочиненія Н. К. Михайловскаго

ПОМѢЩЕНЫ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

Типографіи М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., д. 28,

куда и обращаться съ требованіями.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ по 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.

Т. III. (Печатается *четвертое* изданіе). Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа. — Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи. — Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. — Суздальцы и суздальская критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма къ ученымъ людямъ. — Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 гг.

Т. V. Жестокій талантъ.—Гл. И. Успенскій.—Щедринъ.—Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ. — Графъ Бисмаркъ. — Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

Т. VII. *Готовится къ печати.* Мой первый литературный опытъ.—„Разсвѣтъ".—„Книжный Вѣстникъ".—„Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ. — О гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. — Кающіеся дворяне.—Идеалы и идолы.—Г. З. Елисеевъ.—Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ничше.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе все распродано.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. — Основы народничества Юзова. — Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ничше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г.—431 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г.—489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по январь 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

(XVII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

и

продолжается подписка на 1908 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый Вл. Гал. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р., на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на **1** мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*Пассажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.—отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".

ФЕВРАЛЬ. 1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34
1909.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Универсальная Библіотека ставитъ себѣ цѣлью дать въ лучшихъ переводахъ съ оригиналовъ лучшія произведенія западно-европейской литературы за самую доступную цѣну. Универсальная Библіотека выходитъ по 10—12 выпусковъ въ мѣсяцъ.

Цѣна каждаго номера 10 коп.

Систематическій каталогъ вышедшихъ номеровъ:

Норвежская литература.

Бьернстерне-Бьернсонъ. Свыше нашихъ силъ. Ч. 1-я (2 изд.).—Свыше нашихъ силъ. Ч. 2-я (2 изд.).

К. Гамсунъ. Панъ (2 №№) (2 изд.).—Викторія.—Голодъ (2 №№).—У вратъ царства.—Вечерняя заря.

Г. Ибсенъ. Кукольный домъ (Нора) (2 изд.).—Врагъ народа (Докторъ Штокманъ) (2 изд.).—Привидѣнія (2 изд.).—Гедда Габлеръ (2 изд.).—Строитель Сольнесъ (2 изд.).—Женщина съ моря (Эллида) (2 изд.).—Росмерсхольмъ (2 изд.).—Когда мы, мертвые, проснемся.—Кесарь и Галилеянинъ. I. Отступничество Цезаря. (2 №№).—Кесарь и Галилеянинъ. II. Кесарь Юліанъ. (2 №№).—Столпы общества.—Дикая утка.—Маленькій Эйольфъ.

Датская литература.

Я. Берггреенъ. Карэнъ Борнеманъ (Голосъ жизни).

Г. Понтоппиданъ. Молодая любовь.

Шведская литература.

Т. Гедбергъ. Іуда (2 №№).

С. Лагерлефъ. Легенда одной усадьбы.—Деньги господина Арне.

Я. Седербергъ. Гертруда.

А. Стриндбергъ. Отецъ.—Товарищи.—Графиня Юлія.—Пепелище.

Англійская литература.

О. Уайльдъ. Саломея (2 изд.).—Вѣеръ леди Уиндермеръ.

Б. Шоу. Промыселъ госпожи Варренъ.—Фарисеи.

Голландская литература.

Г. Гейермансъ. Всѣхъ Скорбящихъ.

Нѣмецкая литература.

Л. Анценгруберъ. Нашла коса на камень.

М. Бетхеръ. Шквалъ.

М. Гальбе. Юность.

Г. Гауптманъ. Передъ восходомъ солнца. (2 изд.).—Роза Берндъ.—Эльга.—Извозчикъ Геншель.—Одинокіе люди (2 изд.). Михаэль Крамеръ.—Потонувшій колоколъ (2 №№).—Праздникъ мира.

Ф. Геббель. Юдифь.

П. Гейзе. Марія изъ Магдалы.

Г. Гофмансталь. Свадьба Зобеиды.—Смерть Тиціана.—Вчера.—Женщина въ окнѣ.—Глупецъ и смерть.—Эдипъ и сфинксъ.

М. Делла Граціэ. Катастрофа.

М. Дрейеръ. Семнадцатилѣтіе (Молодежь).

Г. Зудерманъ. Іоаннъ.

Г. Манъ. Флейты и кинжалы.

К. Фибихъ. Бабья деревня (2 №№).—Борьба за мужчину.

И. Фрапанъ. Спасители нравственности.

А. Шницлеръ. Зеленый попугай.—Сказка (2 изд.).—Сумеречныя души.—Поручикъ Густль.—Смерть.—Фрау Берта Гарланъ. (2 №№).—Часы жизни.—Жена мудреца.—Забава.—Безъ запрета.—Маріонетки. Интермеццо.—Покрывало Беатриче. (2 №№).—Крикъ жизни.

М. Яничекъ. Женщина.

Французская Литература.

П. Аданъ. Византія.

Э. Верхарнъ. Монастырь.—Зори.

Вилье де-Лиль-Аданъ. Тайна эшафота.

Ф. Коппе. Северо Торелли.

Ф. де-Кюрель. Новый кумиръ.

К. Лемонье. Мертвецъ. Руки. Глаза, которые видѣли.

Леконтъ де-Лиль. Эринніи.

П. Мериме. Карменъ.—Жакерія. (2 №№).

М. Метерлинкъ. Монна Ванна (2 изд.).—Сестра Беатриса.—Смерть Тентажиля (2 изд.).—Чудо св. Антонія.—Аріана и Синяя Борода.—Слѣпые.—Тамъ внутри.—Непрошенная.—Пелеасъ и Мелизанда.—Аглавена и Селизета.—Жуазель.

Барбэ д'Оревильи. Дьявольскія маски.

Ж. Роденбахъ. Мертвый Брюгге.

Жеромъ и Жанъ Таро. Слава Дингли.

Г. Флоберъ. Иродіада. Сказаніе о св. Юліанѣ Милостивомъ. Простая душа.

А. Франсъ. Источникъ св. Клары. (2 №№).

Испанская литература.

Х. Эчегарай. Великій Галеотто.

Итальянская Литература.

Э. д'Амичисъ. Учительница рабочихъ.

Г. д'Аннунціо. Дочь Іоріо. (2 изд.).—Сильнѣе любви.—Корабль. (2 №№).—Джовани Эпископо.

Польская литература.

С. Жеромскій (Зыхъ).—Лѣсные отголоски и другіе разсказы.

Э. Ожешко. (Редакція и предисловіе).—Изъ одного русла (2 №№).

С. Пшибышевскій. Снѣгъ (2 изд.).—Вѣчная сказка (2 изд.).—Ради счастья. Мать. (2 изд.).—Пляска любви и смерти. I. Золотое руно. II. Гости.—Обрученіе. Сыны земли (2 №№).

К. Тетмайеръ. Бездна.—Разсказы и фантазіи

Въ другіе города книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Выписывающіе не менѣе 10-ти экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Книгоиздательство „Польза“ В. Антикъ и К°.

Главная Контора: Москва. М. Гнѣздниковскій, 102. Тел. 124—24.

Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Невскій, 92.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ.*)

Новое клинически испытанное средство для лѣченія чахотки

ЧИСТЫЙ

ТУБЕРКУЛИНЪ

Tuberculinum purum Endotin.

Коробка въ 20 ампуллъ (1 курсъ лѣченія)—12 руб.

Гг. врачамъ литература безплатно.

Продается въ аптекарскомъ магазинѣ

Б. ШАСКОЛЬСКАГО

С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 27.

ТАБЛЕТКИ

ІОГУРТ

д-ра **ТРАЙНЕРА** для пріема послѣ ѣды (**Болгарскія палочки, рекоменд. Мечниковымъ** и др. медиц. авторит.) при всѣхъ **желудочно-кишечн. заболѣваніяхъ**. Превосходно регулируютъ **пищевареніе** и **запоръ**. Цѣна 2 р. Налож. пл. 2 р. 50 к. (2-хнедѣльн. леченіе). Продажа въ аптекахъ и лучш. аптек. магаз.
Литература высылается безплатно. **С.-Петербургъ**, О. П. Петерсонъ. Невскій, 28—1, д. Зингера.

Принимаютъ весь годъ курсы

М. А. ПАРШИНА съ Б-ми

для подготовки къ экзам. взрослыхъ за курсъ **ГИМНАЗІЙ** мужскихъ и женскихъ, за кадетск. корпус., юнкерскія учил., учительск. званія, на **ВОЛЬНООПРЕДѢЛЯЮЩ.** и др. Съ осени начнутся занятія въ **МУЖСКОЙ ГИНАЗІИ**, а съ мая начнется **пріемъ мальчиковъ** въ 1-й и 2-й приготовит. и 1-й гимназическ. классы. **Имѣются 2 пансіона. Адр. Москва, Мороосейка, д. Щелкунова. канцелярія Бр. Паршиныхъ**, Условія безплатно.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу

НОВЫЯ КНИГИ:

Основы финансовой науки и политики. А. А. Никитскаго, во вступит. статьей проф. И. Х. Озерова. Ц. 1 р. 50 к.
Исторія религій. А. В. Ельчанинова, П. А. Флоренскаго, В. Ф. Эрна, съ приложеніемъ статьи проф. С. Н. Булгакова. Ц. 1 р. 50 к.
Чему учитъ насъ Америка. Проф. И. Х. Озерова. Ц. 1 р.
Очерки русской исторіи. Е. И. Вишнякова и В. И. Пичета. Ц. 1 р. 50 к.
Популярный курсъ политич. экономіи. Прив.-доц. А. А. Борового. Ц. 1 р. 60 к.
Очерки по исторіи западно-европейской литературы. Прив.-доц. В. М. Фриче. Ц. 1 руб. 50 коп.
Очерки по исторіи русской литературы. Н. М. Мендельсона. Ц. 1 р. 50 к.
Размышленіе о насиліи. Сорель. Ц. 1 руб.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

К-во „ПОЛЬЗА“ В. Антикъ и К°.
Москва, Мал. Гнѣздниковскій пер., д. 102, Телефонъ 124—24.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Научно-популярная библіотека ставитъ своей задачей заполнить давно ощущавшійся въ русской популярной литературѣ пробѣлъ и дать какъ интеллигентному, такъ и мало подготовленному читателю возможность пополнять свое образованіе.

Научно-популярная библіотека мало-по-малу даетъ читателю цѣлый подборъ книгъ, освѣщающихъ различные вопросы исторіи, экономики, политики, естествознанія, философіи, литературы и искусства.

По характеру изложенія научно-популярная библіотека распадается на двѣ серіи: первая разсчитана на болѣе подготовленнаго читателя, вторая носитъ характеръ общедоступный.

Книги обѣихъ серій научно-популярной библіотеки могутъ служить и какъ пособіе въ школѣ, и какъ руководство для самообразованія.

I СЕРІЯ:

Проф. **Э. Д. Гриммъ.** Мирабо. Очерки изъ исторіи великой французской революціи.
А. Г. Михайловскій. Реформа городского самоуправленія въ Россіи.
А. К. Джживелеговъ. Начало итальянскаго возрожденія (двойной выпускъ).
П. А. Берлинъ. Карлъ Марксъ и его время (двойной выпускъ).
Проф. **И. Х. Озеровъ.** Чему учитъ насъ Америка (двойной выпускъ).
Вл. Горнъ. Крестьянскія движенія за полтора вѣка.

II СЕРІЯ:

И. И. Голобородько. Старая и новая Турція (двойной выпускъ).
А. В. Быкова. Франція и французы.
Р. А. Тютрюмова. Фабричное законодательство въ Россіи.
Е. А. Ефимова. Парижская революція въ XIV в.
О. А. Волькенштейнъ. Великія реформы 60-хъ годовъ.
Е. В. Волкова. Пророкъ „разумнаго общества“ (Робертъ Оуэнъ).
В. Алексѣевъ. Борьба за идею законности въ Московской Руси.

Цѣна за каждый выпускъ первой серіи—50 к., второй—40 к.
Выписывающіе не менѣе какъ на 1 р. 80 к. за пересылку не платятъ.
Книгоиздательство «Польза» В. Антикъ и К°.
Главная контора: МОСКВА. М. Гнѣздниковскій, 102. Тел. 124—24
Отдѣленіе: С.-Петербургъ. Невскій, 92.

Издательство „КНИГА“

О ТОЛСТОМЪ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХЪ,

составленный при участіи представителей Англіи, Австраліи, Америки, Бельгіи, Германіи, Италіи, Индіи, Японіи, и др. странъ П. Сергѣенко.
Встрѣчи, бесѣды и воспоминанія—друзей и почитателей Л. Н. Толстого.

ЦѢНА 2 РУБ. **ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.**

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія у Н. А. Хрусталева. Москва, Б. Кисловка, 8.

Выписывающіе непосредственно со склада за пересылку НЕ платятъ.

Юридическій книжный складъ

„ПРАВО".

С.-Петербургъ, Владимірскій просп., 19—4. Телеф. 41-61.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

Андреевскій, С. А. Защитительныя рѣчи. Изд. 4-е. 1909 г. Ц. 3 р.
Бауэръ, О. Національный вопросъ и соц.-демократія. 1909 г. Ц. 3 р.
Бернштейнъ, Э. Исторія рабоч. движ. въ Берлинѣ. Авториз. перев. 1908 г. Ц. 2 р.
Боровиковскій, А. Законы гражд., съ разъясн. 1909 г. Ц. 6 р.
Его-же. Отчетъ судьи. 3 тома, съ предисл. А. Ѳ. Кони. 1909 г. Ц. 3 р.
Бэмъ-Баверкъ, Е. Капиталъ и прибыль. Авториз. перев. подъ ред. и съ предислов. М. И. Туганъ-Барановскаго. 1909 г. Ц. 3 р.
Вильсонъ, В. Государств. строй Соед. Штатовъ. Съ предисловіемъ проф. М. М. Ковалевскаго. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.
Геккель, Э. Естественная исторія міротворенія. Кн. II. Общая исторія происхожд. видовъ. 1909 г. Ц. 3 р.
Гензель, П. Библіографія финансовой науки. 1908 г. Ц. 60 к.
Гессенъ, В. Исключительное положеніе. Съ приложеніемъ дѣйствующ. исключит. законовъ и проекта, внесеннаго въ Госуд. Думу. 1908 г. Ц. 2 р.
Его-же. О неприкосновенности личности. 1908 г. Ц. 50 к.
Грегоровіусъ, Ф. Исторія г. Рима въ ср. вѣка, I-IV. Ц. 10 р. 50 к., въ пер. 12 р. 50 к.
Диль, Ш. Юстиніанъ и визант. цивилизація въ VI в. 1908 г. Ц. 5 р., въ пер. 6 р.
Дьяконовъ, М. Очерки обществ. и госуд. строя др. Руси. 1908 г. II. 3 р. (въ пер.).
Еллинекъ, Г. Конституціи, ихъ измѣн. и преобразованія. Разрѣш. авторомъ перев. подъ ред. и съ предисл. Б. Кистяковскаго. Ц. 30 к.
Задачи соціалистической культуры. Сборн. статей Э. Бернштейна, Вандервельда, Герца, Давида, Кальвери и др. Перев. съ рукоп. Стр. 720. Ц. 2 р.
Законодательные акты переходн. времени (1904—1908 г. г.). Подъ ред. и съ предм. указат. пр. Н. Лазаревскаго. Изд. 3-е. 1909 г. Ц. 1 р. 60 к. (въ пер.
Закъ, С. Соціально-полит. таблицы всѣхъ странъ міра. (1908—1909). Ц. 1 р.).
Кулишеръ, І. Лекціи по исторіи эконом. быта. 1909 г. 2 р.
Его-же. Эволюція прибыли съ капитала. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р. 50 к.
Котовичъ, А Духовная цензура въ Россіи. 1908 г. Ц. 2 р. 75 к.
Лазаревскій, Н. Лекціи по русск. госуд. праву. Т. I. Конституц. право. 1908 г. Ц. 3 р.
Миклашевскій, А. Исторія политической экономіи. 1909 г. Ц. 3 р. 25 к.
Нолькенъ, А. Уставъ о векселяхъ, съ разъясн. и предм. указ. Изданіе 3-е. 1909 г. Ц. 1 р. 75 к. (въ пер.).
Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX в. 09. Ц. 5 р.
О Толстомъ. Международный Толстовскій альманахъ. 1909 г. Ц. 2 р.
П—въ, П. Уголовная защита. Практическія замѣтки. 1908 г. Ц. 50 к.
«Пережитое». Сборн. статей, посвящ. общ. и культ. исторіи евреевъ въ Россіи. 1909 г. Ц. 2. р. 50 к.
Редлихъ, І. Англійск. мѣстное управленіе. Т. т. I—II. 1908 г. Ц. по 3 р.
Современныя конституціи. Пер. подъ ред. и съ предисл. В. Гессена и Б. Нольде. I—II. 08 г. Ц. по 3 р. (въ пер.).
Студницкій, В. Польша въ полит. отношеніи, отъ раздѣла до наш. дней. 08. Ц. 1р.
Трахтенбергъ, В. «Блатная музыка». (Жаргонъ тюрьмы). Словарь тюр. языка, тюр. пѣсни и посл. Подъ ред. и съ предисл. пр. И. Бодуэнъ де Куртенэ. 08. Ц. 1 р.
Философія въ систематич. изложеніи. Сборн. статей. 1909 г. Ц. 3 р.
Фрейбергъ, Н. Врачебно-санит. законодательство въ Россіи, съ разъясн. и предм. указателемъ. Изд. 2-ое дополн. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к. (въ пер.)
Фриде, І. Законы о правѣ жительства евреевъ, въ чертѣ осѣдлости и внѣ оной, съ разъясн. и алф. предм. указателемъ. 1909 г. Ц. 1 р.
Фюстель де Куланжъ. Исторія обществ. строя др. Франціи. 4 т. Ц. 16 р. 50 к. (въ перепл.).
Его-же. Римскій колонатъ. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
Цигенъ, Т. Физіологическая психологія въ 15 лекціяхъ. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шоръ, А. Основн. проблемы теоріи полит. экономіи 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
Эйкенъ, Г. Исторія и сист. средневѣк. міросозерцанія. 1907 г. Ц. 4 р. 50 к., въ пер. 5 р. и мн. др.

Складъ высылаетъ по первому требованію,—по желанію, съ налож. платежомъ—всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ. Каталоги, съ указателями—предметнымъ и авторовъ—высылаются безплатно; еженедѣльные списки новыхъ книгъ—за одну 7-микоп. марку въ мѣсяцъ.

ЧУЖОЙ.

V.

Алексѣй приходилъ работать утромъ, тотчасъ же молча бралъ инструменты и шелъ на мельницу. Двери ему отворяла Ульяна, и Маркелъ просыпался только при входѣ Алексѣя наверхъ. Онъ тотчасъ же вставалъ, хотя и нехотя, и спѣшилъ за спускавшимся уже по лѣстницѣ Алексѣемъ, какъ будто не хотѣлъ дать тому повода упрекнуть его или даже подумать о своемъ превосходствѣ въ честномъ отношеніи къ дѣлу. Въ этомъ была бы какая-то неясная обида хотя, Маркелу, пожалуй, и безразлично было, какого о немъ мнѣнія Алексѣй.

Первое время они работали молча, перекидываясь только короткими замѣчаніями о работѣ, но мало по малу разговаривались и иногда спорили.

Въ обращеніи Маркела, совсѣмъ, можетъ быть, противъ его воли, установилась какая то презрительная насмѣшливость къ Алексѣю, которой тотъ не понималъ или не хотѣлъ понимать. На смѣшливое и подчасъ чуть-чуть ядовитое замѣчаніе Маркела онъ поднималъ голову, внимательно выслушивалъ его слова, глядя серьезно и просто, очевидно, желая понять только то, что говорилъ Маркелъ, а не то чувство, которымъ вызваны были его слова. И отвѣчалъ дѣльно и толково, хотя и кратко. Насмѣшка шла мимо, словно совершенно не задѣвая его, и это было похоже на сознательное и гордое превосходство сильнаго, которому не стоитъ обращать вниманія на пустяки.

Видно, такъ ясно было видно, что Маркелъ для Алексѣя, какъ и какой нибудь Капраловъ, не стоющій, пустой человѣкъ, и это раздражало...

Хотѣлось показать свою силу—быть можетъ, нелѣпую и злую, но силу, заставить посчитаться съ ней, сдѣлать такъ, чтобы противникъ смутился, испугался, увидѣвъ внезапно на

томъ мѣстѣ, которое считалъ онъ пустымъ и не стоющимъ вниманія, злобную и мстительную силу...

И еще хотѣлось проникнуть въ замкнутый, чуждый міръ, которымъ живетъ Алексѣй, хотя бы, можетъ быть, только для того, чтобъ насмѣяться надъ нимъ, наплевать на него.

Какъ-то Маркелъ сказалъ:

— Пріѣдетъ Дементій—въ аккуратъ все готово будетъ!

Алексѣй поднялъ голову и, по привычкѣ, нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на него молча, словно обдумывая его слова.

— Нѣтъ,—проговорилъ онъ, наконецъ.—Дементій скоро пріѣдетъ, до него не кончимъ. Дня черезъ три онъ обернется.

Онъ опять опустилъ голову и продолжалъ выдалбливать стамеской выемку въ свайкѣ.

— А кто это были такіе, что поѣхали съ нимъ?

— Такъ, народъ...

— Чудной народъ... А этотъ, старшій то, промежъ нихъ вродѣ какъ коноводъ?

— У нихъ коноводовъ нѣтъ, они всѣ равны промежду собой. Хорошій народъ, а что чудной—такъ это кому какъ...

Маркелу въ послѣднихъ словахъ почудился почему-то скрытый уколъ.

— Говорилъ онъ такое... плёлъ не вѣсть что̀!—замѣтилъ онъ, переставая работать и опираясь на топорище. Это была разница между ними: Алексѣй могъ думать и говорить, не переставая дѣлать то, что дѣлалъ, а Маркелъ всегда останавливался, и когда ловилъ себя на этомъ, сердился.

Алексѣй серьезно поглядѣлъ на него.

— Онъ правду говорилъ,—промолвилъ онъ, вновь опуская голову.—Не всю правду, а только вѣрно...

— Какую-жъ правду то?..

— Такую... богову... Только они не съ того краю берутся. Въ разбродъ всѣ, а надо вмѣстѣ... А чтобы вмѣстѣ, надо человѣку такому быть, чтобы свелъ всѣхъ въ одно, да вродѣ какъ праведникъ между ними былъ! У нихъ, вонъ, у всѣхъ одно болитъ, однимъ мучаются—недохватка да обида, какъ тотъ говорилъ, да вши, что на спинѣ сидятъ и кровь сосутъ; а чтобы сбросить вшей то этихъ, да стать хозяевами, да правду-то эту самую промежъ себя установить—для этого они ничего не придумали, какъ странниками да скрытниками изъ конца въ конецъ колесить...

— А какъ же надоть?—спросилъ Маркелъ, невольно заинтересованный темной еще пока для него мыслью, приближеніе которой онъ чувствовалъ въ словахъ Алексѣя.

— Такъ,—будто неохотно, попрежнему усердно долбя

выемку и отфукивая стружки, отвѣчалъ Алексѣй,—вотъ какъ говорилъ: вмѣстѣ надо! Чтобы сошлись на одномъ чемъ да и принялись... А сойтись ни на чемъ не сойдешься—ни на землѣ, ни на голодѣ, ни на обидѣ, какъ на...

Онъ крѣпко стукнулъ по долоту кіянкой—толстымъ деревяннымъ молоткомъ—и опять сталъ отфукивать стружки.

— На чемъ же сойтись-то?

— Видишь-ли... Коли скажемъ на землѣ, али тамъ на голодѣ — такъ у одного земли нѣтъ почти вовсе, а у другого такъ, что достаточно... Одинъ голодаетъ, а другой нѣтъ; ну, тотъ, у кого достаточно да сытъ—и не пойдетъ... Зачѣмъ ему терять, а коли ужъ идти, то нельзя не терять. Тутъ другое надо — такое, чтобъ самъ захотѣлъ потерять, чтобы самъ голоднымъ съ голодными захотѣлъ!..

— Что-жъ такое?

Алексѣй бросилъ долото и кіянку и вдругъ таинственно и какъ будто бы даже хитро чуть-чуть улыбнулся. Видимо, начавъ говорить неохотно и несерьезно, онъ самъ увлекся своими мыслями, задуманными, можетъ быть, очень давно взлелѣянными въ тайнѣ, по ночамъ, въ какомъ-нибудь амбарѣ или на сѣновалѣ, въ полномъ одиночествѣ и сокровенности.

— Вѣру надобно уставить, вѣру!... Вродѣ какъ Христосъ—двѣнадцать учениковъ у него было, а міръ весь покорилъ... Вѣру, вѣру надо!.. Съ Бога начинать надо!.. Богъ всѣхъ захватить долженъ!

Маркелъ длинно и криво усмѣхнулся и рукой даже махнулъ.

— Экъ вы со старикомъ затвердили бога, да бога!—сказалъ онъ, принимаясь за топоръ.—Куда ни сунься—только и слышишь, что богъ да богъ!

Алексѣй вдругъ нахмурился и наклонился надъ бревномъ. Видно было, что ему очень досадно, что онъ проговорился и говорилъ зря.

— Да, вѣстимо,—опять равнодушно, сдерживая обидную досаду, заговорилъ онъ,—тебѣ-то ѣхало-болѣло!.. Бездомовый ты человѣкъ, и ничего этого въ тебѣ нѣтъ. Тебѣ что теперь, что пять годовъ назадъ, что сорокъ, когда господскими были, тебѣ все одно! Самъ сытъ и ладно, а какъ дойти, чтобы всѣмъ лучше стало—это тебѣ начхать!..

Онъ говорилъ, уже волнуясь, съ явнымъ и злобнымъ презрѣніемъ, которымъ, быть можетъ, не желая, мстилъ за непониманіе взлелѣянной безсонными ночами своей идеи.

И вдругъ онъ поднялъ голову отъ страннаго, неожиданнаго звука, похожаго на то, будто что-то тяжелое упало и впилось въ полъ. Онъ взглянулъ и разомъ выпрямился.

Маркелъ стоялъ съ перекосившимся, вздрагивающимъ лицомъ, а тутъ-же подлѣ, у самыхъ ногъ его, торчалъ глубоко засѣвшій въ доску пола топоръ.

— Да что ты, чортовъ сынъ, думаешь такое? Думаешь, я и впрямь ничего не понимаю, и всегда бездомовымъ такимъ былъ, дубина ты эдакая!—кричалъ Маркелъ напряженнымъ срывающимся голосомъ.—Что ты, дудка божья, думаешь, я подъ пнемъ выросъ? Я-то, можетъ, побольше твоего смыслю, да помалкиваю!.. Можетъ, я-то еще почище тебя былъ, святоша ты эдакая, лбомъ-то, можетъ, не разъ стукался уже объ то, что ты нюхаешь только! Скажи, пожалуй, нашелся умный какой!.. Я, можетъ, жизнь свою черезъ это самое сгубилъ, а онъ туда же—бездомовый! Да знаешь ли ты, орясина, что я, можетъ, и бездомовымъ то, псомъ приблудящимъ черезъ это самое сталъ!.. Выдумалъ Бога своего, да и корячится, будто и не вѣсть что сдѣлалъ!

Онъ грубо и скверно выругался и пошелъ изъ сарая.

— Дубина вересовая!—гнѣвно бормоталъ онъ, не зная, куда идти и шагая къ воротамъ,—тоже богъ, богъ?.. Только и знаютъ, что богъ, а чтобы шкурой своей—то нѣтъ... Ахъ погодите!.. Черти пузатые!..

Онъ говорилъ и размахивалъ руками, какъ будто передъ нимъ былъ еще Алексѣй, и вся огромная, долго накопившаяся тоска его всѣмъ чуждой, бездомной и одинокой жизни, какъ прорвавшая запруду вода, выливалась въ безсмысленныхъ и грубыхъ ругательствахъ, неизвѣстно противъ кого направленныхъ. Ужъ онъ ругалъ не Алексѣя, потому что почти забылъ про него, а кого-то неуловимаго и безчисленнаго, кому не было имени и образа, потому что слишкомъ много было именъ и образовъ, сдавившихъ его жизнь желѣзнымъ кольцомъ.

Такъ вышелъ онъ изъ воротъ и остановился въ тоскливомъ и горькомъ волненіи, отъ котораго было трудно дышать и горло сжималось сухой спазмой.

Но потомъ, понемногу, успокоился. Гнѣвъ прошелъ, и только, какъ осадокъ изъ мутной и взболтанной воды,— ровно и мягко на душу легла глубокая грусть. И все, что было кругомъ, стало грустнымъ и тихимъ, странно беззвучнымъ и даже какъ будто безнадежнымъ.

Безконечной бѣлой пеленой разстилался снѣгъ и тянулись по немъ тусклыя тѣни, такія холодныя и мертвыя. Сухой, холодный вѣтеръ дулъ съ запада и глухо и безнадежно гудѣлъ въ ушахъ, то подымаясь, то падая. И гдѣ-то далеко въ деревнѣ острыми, несвязанными между собой звуками пиликала гармоника. Должно быть, подвыпившій парень

брелъ одиноко по улицѣ въ тщетныхъ поискахъ шума и компаніи.

Что-то живое ворохнулось позади Маркела, такъ что онъ вздрогнулъ отъ неожиданности и оглянулся.

У лавочки возлѣ воротъ, вѣроятно, неслышно сидѣвшій ранѣе на ней и потому незамѣченный Маркеломъ, стоялъ щуплый, какъ-то по особенному тощій и худенькій мужиченко и, заложивъ руки въ карманы совсѣмъ дыряваго обтрепаннаго полушубка, смотрѣлъ на него.

Онъ смотрѣлъ и улыбался и даже, какъ будто, подмигивалъ чему-то, словно давно знакомый, и такъ весело, свободно и забавно выходило это у него, что Маркелъ, несмотря на свою грусть, тоже улыбнулся.

Ужъ больно мужиченко былъ рваненькій и мизерный, какой-то легкій и добродушный. Увидѣвъ улыбку на лицѣ Маркела, онъ еще пуще заулыбался, сразу весь задвигался, страшно вихляясь всѣмъ своимъ тщедушнымъ тѣломъ и, не вынимая рукъ изъ кармановъ, подошелъ ближе.

— Работникомъ у Дементія будешь,—проговорилъ онъ, не спрашивая, а словно утверждая, какъ будто для него не было сомнѣнія, что Маркелъ ничѣмъ инымъ не могъ быть, какъ работникомъ.

— Да, работникомъ, а ты кто?

— Мы-то? Мы такъ, крестьяне... То есть, оно конечно, крестьянство наше плохое, а только тутошніе жители!

Онъ сказалъ это и засмѣялся, какъ будто то, что онъ тутошній житель, было очень весело.

— Никандрой звать-то, а по уличному—Стрючекъ, фамилія, значитъ, такая дадена!..

Онъ говорилъ и смѣялся, обдавая Маркела запахомъ виннаго перегара, хотя и непохоже было, чтобъ онъ былъ пьянъ.

— Чего-жъ ты тутъ болтаешься-то?—спросилъ Маркелъ.

— Дементія Тихоныча бы намъ... Только сказали, будто уѣхадчи, ну такъ такъ... Когда, молъ, пріѣдутъ?

— Нынче къ вечеру, ай завтра къ полднямъ...

— Такъ, такъ...

Онъ помолчалъ, все такъ же весело и легко улыбаясь и глядя своими добродушными маленькими глазками на Маркела.

И вдругъ какъ то сморщилъ носъ, сощурилъ одинъ глазъ и неожиданно подмигнулъ, лукаво и задорно, словно намекая на ставшее сразу понятнымъ и извѣстнымъ.

— Чего ты?—смѣясь, спросилъ Маркелъ. Мужиченко былъ забавный, а это подмигиванье у него вышло особенно смѣшно.— Чего ты, а?

— Знакомы, значитъ, будемъ, а?—спросилъ Никандра и

подмигнулъ еще разъ:—тоже наслышаны. Капраловъ, старикъ и такъ кой-кто гуторятъ на деревнѣ... Да и такъ видать!

— Что видать-то?

— Видать, что ужъ тамъ!.. Гляди, сколько живетъ, на деревню носа не кажетъ. Сказать, по ихней части, насчетъ спасенія души,—будто не схоже... Вида-а-ать! — протянулъ онъ и добавилъ съ неуловимымъ смѣшкомъ:—пассажиръ!..

— А ты-то изъ какихъ будешь?—усмѣхнулся Маркелъ.

— А изъ такихъ-же!.. Только развѣ что тутошніе крестьяне мы, а только крестьянство наше... Полушубокъ да лапти— и все хозяйство тутъ!.. Такъ говоришь, къ вечеру ай завтра къ полднямъ будетъ?—перебилъ онъ самъ себя.—Ну, что жъ, завтра придемъ!..

— Приходи.

— Придемъ, придемъ!—опять подмигнулъ Стрючекъ и дотронулся до шапки,—покуда что!

— Прощай! Приходи!—крикнулъ ему вслѣдъ Маркелъ,— смотри, приходи!

— Ваши гости, ваши гости!—повторялъ мужиченко, вышагивая по дорогѣ своими тоненькими отъ плотно перетягивавшихъ ихъ оборинокъ ногами.

— Пассажиръ!—усмѣхнулся еще разъ Маркелъ, направляясь къ избѣ.—Самый настоящій пассажиръ!

Онъ много зналъ такихъ людей и умѣлъ отличать ихъ съ перваго взгляда, какъ и они тотчасъ же узнавали его. Въ долгихъ скитаніяхъ своихъ онъ встрѣчалъ ихъ и порой подолгу живалъ съ ними, существуя тѣмъ, чѣмъ они: темными дѣлами, въ которыхъ было много отваги, риска и иногда жестокости. Были они веселые и мрачные, оборванные и франтоватые, мужики и мѣщане, просто воры и каторжники, бѣглые и спившіеся рабочіе,—всѣ непохожіе другъ на друга, какъ осколки въ дребезги разбитой вазы, но у всѣхъ было что-то общее, сразу отличавшее ихъ отъ всѣхъ людей, какая-то неуловимая черта не то пронырства, не то отваги, не то какой-то отчаянности, какъ будто они ни въ кого и ничему не вѣрили, и потому все было для нихъ простымъ и знакомымъ. Словно они поняли истинную цѣну жизни и человѣческихъ отношеній и подходили къ нимъ просто и легко. И, встрѣтивъ такого субъекта здѣсь, у воротъ мельницы, Маркелъ даже, какъ будто, обрадовался этому знакомству. Смутнымъ чувствомъ онъ уже угадывалъ, что этотъ Стрючекъ не будетъ лишнимъ ему, а главное, чужимъ.

— Пассажиръ!—повторилъ онъ, ухмыляясь, когда входилъ въ избу.

Тѣмъ же вечеромъ, еще до сумерекъ, пріѣхалъ старикъ. Привезъ онъ цѣлыя сани покупокъ, и самъ—радостный тихой радостью человѣка, который знаетъ, что можетъ порадовать другихъ,—вытаскивалъ и развязывалъ подарки: новыя ботинки прюнелевыя съ синимъ штемпелемъ магазина на желтой, кисло пахнувшей свѣжей кожей подошвѣ, большой шелковый платокъ съ голубыми разводами по бѣлому полю и бутылочку духовъ, купленныхъ въ аптекарскомъ магазинѣ. Даже Маркелу привезъ подарокъ: четыре осьмушки табаку, настоящихъ крошеныхъ корешковъ.

И, развертывая платокъ, любуясь мягкими переливами блестящаго шелка, улыбался довольной улыбкой.

Ульяна похвалила платокъ, нѣсколько разъ крѣпко понюхала духи, а про сапоги спросила, точно ли въ магазинѣ они куплены. И, выслушавъ отвѣтъ, отложила все въ сторону, тотчасъ же словно позабывъ объ обновахъ.

Старикъ посмотрѣлъ на нее и прихмурился.

Хотѣлось ему ласки и любовной благодарности, и всю дорогу до дому съ тихой радостью онъ думалъ о томъ, какъ будетъ довольна подарками Ульяна, а она посмотрѣла и отложила все въ сторону и сѣла съ шитьемъ подъ окошко какъ прежде.

Это было обидно. Хотѣлось сдѣлать какъ лучше, доставить радость и порадоваться самому, а ничего этого не вышло, и не оправдавшееся ожиданіе раздражало какой-то мутной горечью.

— Что, ай не нравится?—нахмурившись, спросилъ онъ, садясь къ столу за самоваръ.

— Нѣтъ, нравится,—безразлично отвѣтила Ульяна, опуская шитье на колѣни и неподвижно глядя въ окно, на дворъ, гдѣ Маркелъ уже распрегъ лошадь и убиралъ сани.

Казалось, она думала о чемъ-то своемъ и отвѣчала такъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да ужъ говори: неладно купилъ что, али не то. Полсапожки то въ важнѣющимъ магазинѣ взялъ—окна, что твоя стѣна! Ай платокъ не казистъ?—допытывался Дементій, наливая себѣ чай и мелькомъ взглядывая на жену.

— Нѣтъ, платокъ добрый, —попрежнему глядя въ окно, проговорила она. На дворѣ Маркелъ уже закатилъ въ сарай сани и, свернувъ изъ даренаго табаку цыгарку, съ видимымъ наслажденіемъ затягивался ею.

Дементій опустилъ глаза на блюдечко съ чаемъ и какъ бы мимоходомъ бросилъ:

— Опять, вѣрно...

Она молчала. И уже долго спустя возразила:

— Ничего не опять... Выдумаетъ тоже!..

— Что-жъ я не вижу? Думаешь, безъ глазъ? Глупости-то твоей мнѣ, думаешь, не видно? Ну, говори—что такое?

Онъ поднялъ голову и, пристально упершись глазами въ жену, говорилъ еще сдержанно, стараясь быть спокойнымъ, но уже чувствуя приближеніе того, о чемъ онъ говорилъ Маркелу, какъ о „крутомъ сердцѣ" своемъ.

И въ тишинѣ полныя какимъ-то смутнымъ сожалѣніемъ о чемъ то невозвратномъ и такомъ дѣтски-веселымъ,—упали слова:

— Ахъ ничего-же, говорю, со мной!..

Въ сдержанномъ волненіи, отъ котораго было тягостно, какъ отъ невысказанной обиды, Дементій всталъ и зашагалъ по избѣ. Потомъ подошелъ къ женѣ и, подавляя нарастающій гнѣвъ, стараясь пробудить въ себѣ нѣжность къ ней, сказалъ мягкимъ, чуть вздрагивающимъ голосомъ:

— Ну, чего молчишь? Ну, скажи—о чемъ?

Она взглянула на него уже чувствующими приближеніе слезъ и оттого бездонно-черными глазами и досадливо вскрикнула:

— Ахъ, ну что тебѣ надо, чего присталъ?

И замолчала. И это тупое, упрямое молчаніе было для него хуже всего. Уже невозможно было сдержать гнѣвъ, и онъ прорывался дикой, безудержной бранью, вспыхивалъ безпорядочнымъ трескучимъ огнемъ обидныхъ, злыхъ словъ,

Задыхаясь и отхаркиваясь, топчась и поворачиваясь на одномъ мѣстѣ, словно онъ танцовалъ нелѣпый танецъ, Дементій кричалъ отчаяннымъ, плачущимъ голосомъ, съ темнымъ ужасомъ въ душѣ, смутно постигая предчувствіемъ какую-то страшную потерю, страшное одиночество и отчужденность его—стараго и отжившаго—отъ этой молодой, живущей своей жизнью, женщины...

— Ну, чего, чего, чего!—безсмысленно и громко кричалъ онъ, топая ногами по полу,—ну, чего надо, чего хочешь, чего тебѣ?!! Ну, скажи же ты мнѣ, ну, скажи, что надо тебѣ?

Она смотрѣла на него далекими, чуждыми глазами и медленно, съ злобной разсчетливостью бросала жестокія слова, вызванныя желаніемъ сдѣлать какъ можно больнѣе, отомстить за грядущіе скучные, сѣрые дни обыденной жизни.

— Ты старъ, ты прожился, не годишься никуда,—говорила она, наслаждаясь своей безстыдностью:—думаешь, платками да полсапожками ублаготворить? Ну и молчи, и молчи!..

— Дура, дура, дура, писанная дура! Ну, мнѣ ли... О Господи, да я ли... Ну, какъ тебѣ вколотить-то!..

Старикъ путался въ словахъ отъ нестерпимаго желанія заставить понять всю оскорбительность ея словъ и, захлебываясь словами, кричалъ неистово:

— Ну, какъ вколотить тебѣ въ башку, Господи! Бить бы тебя, бить бы!..

Они не замѣчали уже, что, крича, отвѣчали не на то, что говорилъ одинъ изъ нихъ, а на свои мысли—тайныя, обособленныя свои мысли, которыя не могли развернуть, показать другъ другу.

Она загоралась тѣмъ же страстнымъ гнѣвомъ и, вскочивъ, вся изогнувшись, сверкая огромными злыми глазами, кричала ему въ лицо:

— Прожился, простолярничался въ Питерѣ съ мамзелями по садамъ, теперь платки возишь! Бить—говоришь? Что-жъ, бей, чортъ лысый! Душу спасать теперь, когда старъ сталъ—на, бей, бей!..

— Убью! Такія слова... убью!—ревѣлъ Дементій, напирая грудью на жену.—У меня душа болитъ—какъ смѣешь такія слова?!!

— И смѣю, и бей... не впервой... на, бей! Еще беретъ за себя, чортъ сивый, пропутался съ дѣвками—бей, на!..

Что-то животно-упрямое, безумно-жестокое было въ ней, во всей изогнувшейся змѣиной фигурѣ, въ округлившихся, какъ у загнанной въ уголъ кошки, глазахъ...

Вся долгая, душная тоска старой поконченной жизни подымалась слѣпымъ гнѣвомъ,— и, широко развернувшись, онъ однимъ ударомъ сшибъ ее съ ногъ.

Она не защищалась, только визжала пронзительно, и не отъ боли, а отъ злобы, а онъ билъ крѣпкое, извивающееся тѣло, задыхаясь отъ усилій и гнѣва.

Вдругъ она закрыла глаза и замолчала. Онъ тотчасъ же бросилъ бить, выпрямился и пошелъ въ сторону, трясущимися руками оправляя выбившуюся изъ-подъ пояса рубаху. Гнѣвъ сразу прошелъ, и горькій осадокъ его давилъ грудь позднимъ и безполезнымъ сожалѣніемъ.

Молча, сморкаясь и утирая рукавомъ лицо, Ульяна поднялась и ушла за занавѣску. Тамъ легла на кровать и заплакала неслышно, уткнувшись лицомъ въ пахнущія новымъ ситцемъ подушки...

И наступило молчаніе. Мертвымъ, отчуждающимъ холодомъ встало оно въ избѣ, давило мозгъ, огромной чугунной тяжестью легло на плечи. И казалось, не только здѣсь, въ избѣ, было оно, а шло дальше, на безлюдную дорогу, въ бѣлое, пустое поле, и расплывалось смертнымъ холодомъ... И, угрюмое, входило въ неподвижный лѣсъ и останавливалось тамъ между темныхъ деревъ, большое и скорбное, какъ печаль всего міра...

Нельзя было долго выносить такое молчаніе: такъ больно, такъ жутко сжималось отъ него сердце... Какъ въ темной,

глубокой могилѣ, былъ въ немъ человѣкъ, и медленно, словно думая надъ каждымъ шагомъ, пошелъ старикъ за занавѣску. Сѣлъ у ногъ побитой имъ женщины и говорилъ тихо и скорбно, просилъ о чемъ-то и плакалъ.

Говорилъ долго, останавливался, думалъ и опять говорилъ, и старый, обезсилѣвшій голосъ звучалъ жалобно и одиноко, и слова падали, какъ медленныя капли уже изсякшаго источника.

И она плакала. Отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, порывисто вздрагивая плечами, такими крѣпкими и сильными, а теперь посунувшимися и съежившимися, какъ дѣтскія, плакала горько и безутѣшно, и нельзя было разобрать, о чемъ она плачетъ: о своей молодой жизни, или о немъ.

Вдоволь наплакавшись, уже простивъ и забывъ все, какъ бы случайно, схватывала она руку мужа и мяла и сжимала ее въ тоскливомъ волненіи. И, повернувъ къ нему заплаканное, застѣнчиво улыбающееся лицо, говорила просящимъ голосомъ:

— Ребеночка бы намъ... Маленькаго ребеночка—одного бы, только одного! Господи! Ну, почему нѣтъ? Малюточку бы, дѣточку маленькую... Дема, отчего нѣтъ?!.

И опять плакала въ жгучей тоскѣ невыполненнаго стремленія, плакала о неизвѣданномъ материнствѣ, объ обидной пустотѣ наслажденій своего крѣпкаго, молодого тѣла.

Въ строгомъ молчаніи ползущихъ въ окна сумерекъ слезы ея были еще тоскливѣй, еще безотраднѣе.

А наверху, лежа на сѣнникѣ, Маркелъ громко отплевывался и бормоталъ сердито:

— Опять подрались! Экій старикъ неугомонный... Чего надо только ему? Чортъ, право чортъ!..

Переворачивался на другой бокъ и закуривалъ и долго слѣдилъ, какъ въ сѣромъ сумракѣ таетъ крѣпкій, пахучій махорочный дымъ.

VI.

У мельника было ружье, старое, заржавленное и давно уже не употреблявшееся. Даже самъ хозяинъ не могъ сказать, какъ и почему оно попало на мельницу и кѣмъ было оставлено.

Маркелъ случайно нашелъ его и вечеромъ передъ ужиномъ долго чистилъ и исправлялъ.

— А стрѣлять знаешь?—улыбаясь, спросила Ульяна.

Маркелъ тоже улыбнулся.

— Въ солдатахъ былъ, какъ не знать,—отвѣчалъ онъ.

— Въ солда-тахъ?—протянула Ульяна:—вона какъ!..

Она съ любопытствомъ поглядѣла на него.

— Грѣхъ это въ солдатахъ быть,—замѣтилъ старикъ, зѣвая и крестя ротъ,—большой грѣхъ! Что за дѣло такое—людей чтобы убивать! Грѣхъ...

Онъ зѣвнулъ, опять покрестилъ ротъ и задумчиво погладилъ бороду.

— За то я отъ грѣха и ушелъ!—усмѣхнулся Маркелъ.

— А ушелъ?—вдругъ оживился Дементій,—ушелъ таки? Какъ же это ты, а? По божьему захотѣлъ, а?

Маркелъ привинтилъ вынутую имъ собачку, продулъ пистонный цилиндрикъ, такъ что въ стволѣ загудѣло, и неохотно отвѣтилъ:

— Гдѣ тамъ по божьему! Мы такъ, сами отъ себя...

— Да какъ же, какъ же это ты?

Маркелъ не хотѣлъ говорить. Это было изъ той области, которую онъ не любилъ вспоминать.

— Такъ,—угрюмо отвѣтилъ онъ,—сначала дисциплинарный, потомъ сбѣгъ... Такъ вотъ и есть!

— Такъ, такъ,—поддакнулъ старикъ,—оно конечно... А только есть такіе, что хотятъ для души, какъ говорится... Какъ бы древніе праотцы-патріархи, въ родѣ какъ подвигъ на себя берутъ—гоненіе и страсти... Велики тѣ праведные передъ Господомъ! — торжественно закончилъ онъ и опять погладилъ бороду задумчиво и медленно.

— Гдѣ намъ! — усмѣхнулся Маркелъ и поглядѣлъ на Ульяну.—Мы грѣшники!

— Чисто что грѣшники!—повторила она и зазѣвала.— Ужинъ, чай, собирать пора!

Вернувшись изъ города, старикъ вмѣстѣ съ другими вещами привезъ для Маркела по два фунта пороху и дроби. И, улучивъ свободный часъ, Маркелъ нацѣпилъ на ноги лыжи—въ данныхъ старикомъ валеночкахъ уже не больно было ходить, хотя сапога все еще нельзя было надѣть, и отправился бродить вокругъ мельницы, снуя запутанными петлями заячьяго слѣда.

Много было зайцевъ возлѣ мельницы въ примыкающемъ къ лѣсу парусникѣ, и каждое утро видны были затѣйливые слѣды ихъ. А въ свѣтлыя лунныя ночи можно было видѣть, какъ прыгаютъ и возятся быстрые звѣрки возлѣ самой мельницы. И, вспоминая далекое время, когда онъ жилъ въ деревнѣ наивнымъ и счастлывымъ парнемъ доброй крестьянской семьи и когда не было ничего, что сдѣлало жизнь такой темной и запутанной,—Маркелъ отправился трапить зайцевъ.

Онъ былъ охотникомъ по страсти, и ползать звѣринымъ

слѣдомъ по сугробамъ доставляло ему наслажденіе, но у него была и другая страсть, пріобрѣтенная позднѣе и настойчиво звавшая его, а онъ морщился и внимательно каждый вечеръ осматривалъ все еще не поджившую рану на ногѣ и качалъ головой.

— Нѣтъ, рано, еще пожить придется, не сойти еще въ сапогѣ...

И еще что-то держало. Что?..

Задумчиво глядѣлъ онъ на желтый, чуть колыхавшійся за пыльнымъ стекломъ фонаря огарокъ. Какое-то неудовлетворенное чувство, словно не выполненное назначеніе держало, а понять было трудно. И нельзя было уйти — будь хоть и нога здорова—не вспомнивъ, не угадавъ, не выполнивъ, уйти, поддаваясь настойчивому зову бродячей страсти...

— Нѣтъ, рано еще, рано!—повторялъ онъ, трогая синіе рубцы на загрубѣлой ногѣ, голень которой поросла длинными и рѣдкими черными волосами.

И, бродя на лыжахъ между перелѣсками, разбираясь въ путанномъ заячьемъ слѣду, часто останавливался онъ вдругъ, глядѣлъ въ неподвижную зимнюю даль, гдѣ лѣсъ застылъ, какъ каменный, и синіе пласты снѣга холоднымъ покровомъ стлались вокругъ и тихо было до жуткости...

Старался понять, какъ будто забылъ и теперь силился вспомнить, что же еще, кромѣ больной ноги, держало его здѣсь? И не могъ.

А уже тянуло идти дальше и дальше отъ мельницы, гдѣ скучно такъ шла размѣренная, чужая жизнь. Такъ скучно было порою, что хотѣлось чѣмъ нибудь встряхнуть эту чужую жизнь, сдвинуть, даже сломать и, сломавъ, разбросить съ злорадной улыбкой силы и власти надъ нею, принявшей чужого.

Но нельзя было уходить часто. Работали надъ колесомъ теперь всѣ втроемъ, со старикомъ и Алексѣемъ.

Порою пробовали ходъ, и тогда прямо передъ Маркеломъ, въ медленномъ и неуклонномъ движеніи, взмахивало и опускало толстыя, наполовину обмерзшія, бревна перекладинъ огромное водяное колесо мельницы.

Было что-то живое въ немъ, въ этомъ неуклюжемъ, грузномъ колесѣ, неторопливо и размѣренно, поскрипывая деревянными связями, вертѣвшемся въ темноватомъ коррндорчикѣ, устроенномъ для него у стѣны мельницы, какъ было живое въ немолчныхъ, веселыхъ струйкахъ воды, падавшей на широкія обомшѣлыя лопасти колеса.

Такъ неутомимо, такъ озабоченно и серьезно вертѣлось оно, что хотѣлось такой же серьезной, озабоченной дѣя-

тельности, хотѣлось давно не испытываемаго труда, нужнаго, неотложнаго и потому веселаго.

Ясно было, что такой трудъ есть у ползающаго съ гвоздями во рту гдѣ-то наверху, у самаго колеса старика, и есть онъ у Алексѣя, внимательно слѣдившаго за тѣмъ, правильно ли загребаетъ шестерня и всѣ ли кулаки въ ней прочны; онъ былъ нуженъ имъ, они были въ центрѣ его и составляли какъ бы часть какой-то сложной, исполняющей важную, необходимую работу машины, въ которой должно быть грузно вертящееся колесо и должны быть они сами.

А Маркелъ не нуженъ былъ этой машинѣ, какъ ему не нужно это колесо. Когда-то—очень давно—онъ чувствовалъ непосредственную связь съ какимъ-нибудь колесомъ, а потомъ потерялъ ее и сталъ чужимъ и лишнимъ. Чувствомъ онъ понималъ, что онъ даже мѣшаетъ этой машинѣ, правильности ея хода, какъ мѣшалъ старику и Алексѣю своимъ неумѣньемъ плотничать, что машина эта выбросила его изъ себя, что онъ былъ въ ней стружкой, попавшей въ нарѣзку вертящагося винта, незамѣтно, но упорно выталкиваемой.

— Хорошо бы тяпнуть топоромъ по подъосью!—думалъ Маркелъ, глядя на подпертую толстымъ брусомъ на время работы ось колеса,—то-то бы полетѣло все вверхъ тормашками!

Не было возврата къ прошлому, и нельзя было стать сызнова необходимымъ для сложной и большой машины. И въ такія минуты пріятно было думать о томъ, что онъ *можетъ* сдѣлать: ограбить, либо просто сломать и исковеркать, а у старика бабу, что-ли, отбить...

Такъ трясется онъ надъ ней, такъ ухаживаетъ за ней, а самъ бьетъ и не вѣритъ.

Онъ садился подъ колесомъ у стѣнки и, завернувъ толстую, могучую цыгарку, медленно покуривалъ, ожидая, что старикъ попрекнетъ его.

— Грѣхъ курить-то, — отрывисто замѣчалъ старикъ, поглядывая на него сверху.

— А въ чемъ тутъ грѣхъ? — равнодушно спрашивалъ Маркелъ.

— Съ огнемъ вѣдь...

— Знамо съ огнемъ, безъ огня не закуришь... Въ чемъ же грѣхъ то? Вреда никому нѣтъ, я съ осторожкой.

У старика все было грѣхъ. Казалось, все, во что бы ни уперся его взглядъ,—было какъ стѣна, которою онъ непрестанно окружалъ себя. И когда Алексѣй ушелъ поглядѣть на передачу возлѣ жернова, Маркелъ нарочно, чтобы подразнить старика, спросилъ:

— А человѣка убить грѣхъ?

Старикъ даже гвозди выронилъ изо рта и выпрямился. И долго глядѣлъ на него темными пятнами тѣней, залегшихъ въ глазныхъ впадинахъ, какъ у черепа.

— Человѣчья кровь—неизбывный грѣхъ! — убѣжденно, даже немного какъ будто торжественно, проговорилъ онъ.

— Ну, а такъ сказать, какъ у насъ въ баталіонѣ, въ дисциплинарномъ то есть, бунтъ вышелъ изъ-за коменданта крѣпостного, что дралъ да карцеромъ жучилъ, да голодомъ морилъ... Да когда его... скажемъ стукнулъ тамъ кто — это тоже грѣхъ?

— Неизбывный грѣхъ!—повторилъ старикъ.

— А такъ думается,—продолжалъ Маркелъ, криво усмѣхнувшись,—такого ежели, то и грѣха нѣтъ... А что онъ задралъ пятерыхъ на смерть—то не грѣхъ?

— Грѣхъ!—словно каркнулъ наверху старикъ:—его грѣхъ, его и отвѣтъ...

— Балда ты старая! — презрительно и совершенно не стѣсняясь, отозвался Маркелъ.—Ты то сообрази, что коли у него его отвѣтъ, такъ... у меня, стало быть, мой...

Онъ длинно и странно посмотрѣлъ на старика.

Тотъ глядѣлъ на него остановившимися, широко раскрытыми глазами и молчалъ. Потомъ вдругъ опустился на четвереньки, легъ брюхомъ на балку, на которой стоялъ раньше на колѣняхъ, и, свѣсивъ длинныя тощія ноги, сталъ торопливо спускаться. И когда подошелъ къ Маркелу, то лицо у него было не такое, какъ всегда: отблескъ далекой, пугающей догадки лежалъ на немъ неяснымъ безпокойствомъ и тревогой.

— Ты что, старый?—угрюмо, съ глубокой и тайной печалью, спросилъ Маркелъ.

— Такъ вѣдь грѣхъ-то, грѣхъ какъ же?—прошепталъ старикъ.—Самъ то ты... ты-то какъ же, съ грѣхомъ то? а?

— Что какъ?

— Да какъ же ты-то...

Онъ не кончилъ, махнулъ рукой и вдругъ пошелъ прочь, домой.

— А ужъ такъ!—съ той же печалью и какъ бы безпомощно даже кинулъ ему вслѣдъ Маркелъ.

Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости, сильно посунувшись и втянувъ голову въ плечи, словно въ первый разъ охватившій всю огромность когда-то содѣяннаго.

Тутъ же, подъ самыми ногами его, бурля и разсказывая что-то торопливо и невнятно, бѣжала срывающаяся съ колеса вода, прыгала на камняхъ, свертываясь маленькими водоворотами и сверкая живой, постоянно мѣняющейся че-

шуей. И, уже выбѣжавъ изъ-подъ мельницы черной на бѣломъ снѣгу змѣйкой, уходила подъ ледъ и несла куда-то дальше свой болмочущій, торопливый разсказъ.

Откуда и куда бѣжала она? Бурлила, шумѣла въ отводѣ запруды передъ тѣмъ, какъ прыгнуть на колесо, бормотала, болтливая, скатившись съ него—всегда звонкая и живая, и пряталась подо льдомъ.

Пришла изъ тьмы и уходитъ во тьму. И старое съ обомшѣлыми свайками колесо старой мельницы было минутной станціей, о которой нѣтъ памяти, какъ нѣтъ сожалѣнія.

Пройдетъ. А жизнь дотягивать надо, и темной одинокой дорогой лежитъ она впереди, неизвѣстно, длинная-ли, короткая-ли...

Тонкая, изогнувшаяся спиралью стружка, словно легкая желтая бабочка, тихо кружась, опустилась у ногъ Маркела въ воду и, вдругъ подхваченная ею, стремительно завертѣлась, прыгая на камняхъ и толкаясь о берега.

Маркелъ поглядѣлъ на нее и медленно, словно просыпаясь, поднялъ голову.

Наверху, въ полукругломъ оконцѣ, изъ котораго торчала поддерживавшая навѣсъ колеса балка, сидѣлъ Алексѣй. Онъ сосредоточенно и внимательно вырѣзывалъ стамеской гнѣздо въ балкѣ, и время отъ времени стружки падали внизъ. Маркелъ молча смотрѣлъ на него. Не было испуга, а только назойливо и больно билась какая-то жилка на вискѣ, и стало жарко. Но тотчасъ же острое, звѣриное чутье успокоило.

Не такой. Не выдастъ, съ язычкомъ не пойдетъ. А можетъ, и не слышалъ, можетъ, только что пришелъ: гнѣздо, видно, только что началъ рѣзать.

Онъ всталъ и тѣмъ-же путемъ, что и старикъ, вышелъ на дворъ и тамъ долго стоялъ, словно поджидая кого-то. Потомъ вспомнилъ, что оставилъ на мельницѣ инструменты, и пошелъ за ними.

Алексѣй стоялъ внизу, на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ только что, и, глядя на воду, какъ будто думалъ о чемъ-то. Гнѣздо въ балкѣ такъ и осталось, какъ было, недоконченнымъ.

Маркелъ поднялъ долото и потянулся за молоткомъ и топоромъ, лежавшими за Алексѣемъ. И когда тянулся, толкнулся плечомъ объ его руку.

И вдругъ съ злыми, горящими глазами выпрямился. Тотъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Ты что толкаешься, сволочь!—злобно проговорилъ Маркелъ, чувствуя съ какимъ-то внутреннимъ, отчаяннымъ

стыдомъ всю нелѣпость своей придирки и оттого распаляясь еще больше.—Зазнался гораздъ, толкаться началъ?

— Ты ошалѣлъ, что ли?—спросилъ Алексѣй, отступая отъ него.

— Ошалѣлъ? Ты гораздъ больно уменъ, сволочь эдакая!—уже кричалъ Маркелъ, дико и безсмысленно махая руками:—я тѣ спѣси-то пособью, христосикъ эдакій!

— Ты никакъ совсѣмъ спя... — хотѣлъ было сказать Алексѣй, но не успѣлъ, такъ какъ Маркелъ, все такъ же нелѣпо и злобно махая руками, замахнулся на него. Онъ поднялъ, защищаясь, руку, и въ это время Маркелъ изо всей силы ударилъ по ней зажатымъ въ кулакѣ долотомъ.

— Ахъ!—слабо вскрикнулъ Алексѣй, перехватывая другой рукой раненую, изъ которой кровь брызнула бурливымъ, кипящимъ ключемъ.—Дуракъ ты, дуракъ!—вдругъ спокойно закончилъ онъ, словно внезапно понявъ что-то.

Маркелъ бросилъ долото и пошелъ вонъ.

— Ахъ, дуракъ, вотъ дуракъ-то!—шепталъ Алексѣй, зажимая рану, изъ которой кровь попрежнему бѣжала обильной струей.—Маркелъ, погоди, стой!—крикнулъ онъ, но Маркелъ уже завернулъ за уголъ.

Въ тотъ же день Алексѣй заявилъ Дементію, что ему нужно уйти въ волостное село къ дядѣ, которому онъ обѣщалъ поработать недѣли двѣ. На вопросъ о завязанной тряпкой рукѣ, онъ сказалъ, что испортилъ руку стамеской, когда долбилъ гнѣздо въ балкѣ, почему и не могъ кончить этого гнѣзда.

Съ тѣхъ поръ Маркелъ сталъ замѣчать, что онъ не одинъ. Гдѣ бы онъ ни былъ и куда-бы ни шелъ,—внезапно поднявъ голову, онъ неожиданно сталкивался глазами съ упорнымъ, внимательнымъ взглядомъ старика. Тотъ сейчасъ-же опускалъ глаза и продолжалъ дѣлать, что дѣлалъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, и такъ же говорилъ съ Маркеломъ, какъ прежде, такъ же работалъ съ нимъ на мельницѣ, но новое встало между ними прозрачной, холодной стѣной взаимной подозрительности.

И еще новое было: чаще стали повторяться крики и брань внизу, и чаще Дементій билъ Ульяну, а она кричала злобно и пронзительно.

Глухое раздраженіе, какъ лѣнивый, внезапно потревоженный звѣрь, подымало въ душѣ Маркела мохнатую, злую голову. Сердили его эти крики внизу, этотъ непонятный, то свирѣпо дерущійся, то плачущій, то стругающій собственный гробъ, сосредоточенный старикъ, то эта непонятная тоже Ульяна.

Ульянъ было, какъ будто, двѣ: одна здоровая, сильная и крѣпкая, свободно и легко покачивающаяся на ходу, усмѣхавшаяся и косившая своимъ чернымъ, большимъ глазомъ, а другая—та, что кричитъ истошнымъ голосомъ по вечерамъ внизу...

Увѣренно и точно двигалась первая изъ этихъ Ульянъ всѣмъ своимъ тѣломъ, и видно было, что ей ничуть не стыдно быть такой бѣлой, крѣпкой и грудастой и, казалось,—будь она совсѣмъ голая—еще безтыднѣе, точнѣй и увѣреннѣй были бы ея движенія, еще веселѣй было бы ей самой.

Съ тѣхъ поръ, какъ Маркелъ замѣтилъ это,—въ отношеніяхъ Ульяны онъ сталъ замѣчать новое. Какъ-то по новому усмѣхалась она и глядѣла, словно то, что было въ немъ самомъ, отдалось въ ней и пробудило спавшее до тѣхъ поръ. Словно протянулась между ними странная нить какого-то страннаго пониманія безъ намековъ и словъ.

— Здоровая ты баба,—угрюмо и зло ощеривъ зубы, усмѣхался Маркелъ,—не такого бы тебѣ мужа надо...

Она не обидѣлась, а засмѣялась:

— Какой есть...

— То-то, что какой есть!

— А вѣдь не другого и брать?

— А ты попробуй!—сорвалось у Маркела

Ульяна захохотала, звонко и безстыдно, и, опять совершенно не думая, не нарочно, такъ подхватила бадью, которую несла коровѣ, что грудь круто и выпукло выступила, а напряженная, крѣпкая, какъ выточенная изъ бѣлой блестящей березы, шея распахнулась.

— Ты скажешь!—крикнула она хохоча, совсѣмъ непохожая на ту, что по-дѣтски возилась во время отъѣзда мужа, и видно было, что ей ничуть не стыдно ни того, что она такая, ни того, что говорилъ Маркелъ.

И это-то именно и раздражало, и злило, потому что ясно было, что ее только забавляетъ быть такой здоровой, желанной и безстыдной, а что дальше этого она не допуститъ.

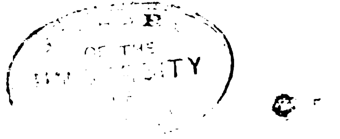
— Погоди, будетъ тебѣ!—повторялъ Маркелъ, глядя на нее,—ужо погоди...

Онъ говорилъ „будетъ", какъ-будто грозя ей жестокой и сладостной местью за то, что она такая, но уныло и скучно чувствовалъ, что ничего не будетъ.

Давно знакомо было это уныніе и скука, и знакомымъ ощущеніемъ холодной тошноты шевелились они внутри.

— Опять, опять!—шепталъ онъ, улавливая въ груди приближеніе особой мучительной тоски,—опять... Да и гдѣ достать-то? Достать негдѣ...

И, махнувъ рукой, шелъ къ себѣ наверхъ и ложился на



сѣнникъ и такъ въ унынiи и молчанiи лежалъ подолгу, какъ звѣрь, прижатый погоней, отчаявшiйся въ спасенiи.

Ночью опять стучали въ дверь, и, поднявъ голову, Маркелъ слушалъ, какъ переговаривался съ кѣмъ-то черезъ окно старикъ.

— Ага, ладно!—слышался придушенный голосъ Дементiя, высунувшагося за раму,—ужо утромъ приду... Что? Ну да, сразу же—ободняетъ и поѣду... Безпремѣнно! Такъ и скажешь... Почто зайти-то не хочешь?... Ага, ну ладно, вали, вали!..

Задребезжало задвигаемое окно; слышно было, какъ, вздыхая и охая, старикъ побрелъ къ кровати и улегся. А утромъ, поднявшись со свѣтомъ, погналъ Маркела запрягать лошадь и тотчасъ же уѣхалъ, даже не пивши чаю. По отъѣздѣ его Маркелъ опять завалился спать и всталъ передъ обѣдомъ. Прибралъ сарай и хотѣлъ идти въ избу обѣдать, какъ въ дверяхъ увидѣлъ того самаго человѣка, что встрѣтилъ разъ у воротъ.

— А-а, пассажиръ,—обрадовался онъ,—что глазъ не казалъ?

Пассажиръ смѣялся беззвучнымъ заливистымъ смѣхомъ, ежился въ своемъ до нельзя рваномъ полушубкѣ и притопывалъ ногами, словно приплясывая.

— Дѣла!—заговорилъ онъ своимъ трескучимъ, похожимъ на женскiй, голосомъ.—У меня—самъ понять можешь—дѣловъ, что въ министра!..

— Ужъ у тебя-то дѣла!—засмѣялся Маркелъ и тутъ же по звуку этого бабьяго голоса почему-то вспомнилъ, что мужиченку зовутъ Никандромъ Стрючкомъ,—садись, гостемъ будешь!..

— Ваши гости, ваши гости!—какъ тогда, ухмыльнулся Стрючекъ, входя въ сарай и присаживаясь на маленькiя саночки-бѣгунцы.—Ну, какъ ваши дѣла?

— Да вотъ хозяинъ уѣхалъ...

— Видалъ.

— Ничего... живемъ...

— Живемъ?—онъ посмотрѣлъ на Маркела, подмигнулъ чему-то и засмѣялся.

— Покуда что..

— Покуда что? Хо-хо-хо, ловко! Покуда что, говоришь?

Засмѣялся и Маркелъ и такъ, сидя другъ противъ друга, они долго хохотали надъ тѣмъ, что предчувствовали уже своимъ звѣринымъ чутьемъ и чего совсѣмъ не могли замѣтить люди.

— А на деревнѣ какъ?—спрашивалъ Маркелъ.

— Болтаютъ. Ты гляди.

— Чую.

— То-то! Погоди мало, да и того!

— Самъ знаю.

— Потому видишь: онъ-то не то по старой вѣрѣ, не то еще что... Ну и обиждаются. Намедни кто-то у лавочника барана сволокъ.—Никандра презрительно посмотрѣлъ прищуренными глазами прямо въ глаза Маркела и опять неслышно хихикнулъ,—ну, а на деревнѣ и заболтали, что безпремѣнно твое, будто, дѣло... Да и такъ болтаютъ... Откуда, молъ?

— Откуда?

— Откуда и что, къ примѣру говорить будемъ, за личность?

— Ты вотъ что, Стрючекъ,—заговорилъ Маркелъ,—ты этого самаго достать можешь?

— Этого самаго? Ежели звякнешь, такъ достанешь, а не звякнешь—и такъ посидишь.

— Я такъ, для случаю... Теперь звякнуть-то нечѣмъ.

— Эво сказалъ! Гляди добра-то что!—Стрючекъ неуловимымъ взглядомъ окинулъ стѣну, на которой была развѣшана хорошая, наборная сбруя.

— Нельзя покуда..

— Покуда? Хо-хо-хо-хо-хо!—опять залился Стрючекъ.— Покуда, говоришь? Значить, предвидится?

— Тамъ видно будетъ...—уклончиво отвѣчалъ Маркелъ. Онъ не думалъ еще ничего такого, но слова Никандры наводили и какъ-будто налагали обязанность поддерживать этотъ тонъ, словно что-то уже было рѣшено и не могло быть иначе.

— А Алексѣй?—спросилъ Стрючекъ.

— Ушелъ въ волостное...

— Дуракъ!—отозвался Никандра, и Маркелъ понялъ, что Алексѣй дуракъ не потому, что ушелъ въ волостное, а почему-то другому.—А тоже чуетъ...

— Пожалуй!—согласился Маркелъ.

— Видать, что чуетъ... Ходитъ да поглядываетъ—когда, молъ?

— Онъ говорилъ: Бога, говоритъ, людямъ нужно...

— Во-во! Которые, говоритъ, обиженные и которые сытые—вмѣстѣ! Ну...—Стрючекъ вдругъ какъ-то неуловимо измѣнился и сдѣлался твердымъ и злымъ: — ну, только не быть!

— Не быть?

— Ни въ жисть!

— Само собой...

— Ни-ни... Такъ насчетъ этого самаго,—перебилъ онъ

самъ себя,—ты скажи... Найдешь, можетъ, что не на глазахъ—однова дыхнуть.. Тутъ есть такая старушка, пятачекъ пользы съ половинки беретъ, да за то за печатью.

— Ладно, скажу...

— Ну, то-то... А я пошелъ.

— Что такъ?

— Дѣла! Ровно какъ въ министерствѣ!

— Заходи, гляди...

— Ваши гости, ваши гости!—пожимаясь и посмѣиваясь, повторялъ Стрючокъ.—Зайду когда...

— Зайди...

Онъ ушелъ, а Маркелу стало весело, словно что-то измѣнилось. Какъ будто отпало что-то, и опять стало свободно и легко, какъ было до мельницы. Было трудно и опасно, иногда мучительно тяжело, но все это отъ другихъ людей, а въ себѣ самомъ было легко.

Онъ заперъ сарай и, побрякивая связанными засаливщимся ремешкомъ ключами, пошелъ въ избу.

Ульяна накрывала столъ къ обѣду и при входѣ Маркела подняла голову.

— Никакъ Никандра былъ?—спросила она.

— Былъ...

— Чего шляется только, спросить!

— Что ты его такъ?

— Зряшный человѣкъ, за то...

— Намъ въ точности неизвѣстно, кто зряшный, а кто не зряшный,—замѣтилъ Маркелъ,—можетъ, мы съ тобой и еще почище будемъ...

— Сказалъ! Тебя послушай только...

Она усмѣхнулась своей привычной усмѣшкой и сѣла за столъ.

— Садись, ѣшь.

Маркелъ сѣлъ. Ѣли молча, сосредоточенно. И только когда уже насытились, Маркелъ спросилъ:

— Куда хозяинъ-то уѣхалъ?

— Тебѣ не сказался,—улыбнулась Ульяна,—по дѣламъ своимъ...

— И какія дѣла у него, спросить? Народъ вокругъ все чудной какой-то толчется, странники какіе-то...

— Что-жъ народъ? Народъ не худой. О душѣ своей заботится, молится тоже... Худого не дѣлаетъ. А тебѣ не нравится?

— А мнѣ-то что? Я пожилъ да и пошелъ, будто и не видалъ ихъ...

— Куда-жъ пойдешь-то?

— А куда глаза глядятъ!

Ульяна задумчиво поглядѣла на него.

— Это хорошо,—проговорила она.

— Что это?

— Да идти-то... Такъ, куда глаза глядятъ...

— Такъ пойдемъ!—засмѣялся Маркелъ.

— Ты скажешь!

— А чего-жъ тебѣ не идти? Взяла да пошла...

— А возьмешь?—чуть косясь глазомъ и усмѣхаясь, спросила она.

— „Ишъ бѣсъ"!—подумалъ Маркелъ и, прямо глядя ей въ глаза, сказалъ громко:—а ты попробуй!

Она захохотала, понявъ намекъ, и опять сощурила глазъ, словно подмигнула.

Маркелъ близко подвинулся къ ней, а она смѣялась такъ, какъ смѣются люди въ извѣстной нерѣшительности, выжидая отъ другого большей ясности, большей опредѣленности поступковъ.

Маркелъ наклонился и снизу поглядѣлъ ей въ лицо, стараясь поймать ея взглядъ.

— Такъ какъ, а?—спросилъ онъ, какъ будто бы продолжая разговоръ объ уходѣ, а въ сущности о томъ, что сейчасъ должно было выясниться.

Она все смѣялась и отворачивалась и косила забѣгающимъ глазомъ, можетъ быть совсѣмъ противъ своей воли поощряя этимъ сдѣлать его что-то, сказать или двинуться, или просто понять.

И уже Маркелъ совсѣмъ рѣшился, какъ вдругъ наружная дверь въ сѣняхъ хлопнула, и черезъ минуту вошелъ Капраловъ.

Онъ снялъ шапку и сталъ креститься на большой уголъ, а самъ бѣгалъ глазами по лицамъ Маркела и Ульяны, чутьемъ понявъ неладное.

— Здравствуйте,—проговорилъ онъ, наконецъ, открестившись,—Дементія-то нѣту?

— Поутру уѣхалъ... Здравствуй,—отвѣчала Ульяна, вставая и принимаясь прибирать посуду. Она не глядѣла на него и быстро совала чашки и солонку, кидала на полку ложки и хлѣбъ сунула такъ, что посуда задребезжала.

Похоже было, будто она сердилась, и нельзя было понять на что: на то ли, что пришелъ Капраловъ и помѣшалъ чему-то совершиться, или на то, что она допустила себя до того, что все уже было ясно и могло, не приди Капраловъ, совершиться.

— Такъ, такъ, уѣхалъ!—повторилъ Капраловъ, впиваясь масляными злыми глазками въ нахмуренное лицо Ульяны,—уѣхалъ, значитъ...

— Говорятъ, уѣхалъ, ну и уѣхалъ, ай тебѣ тридцать разъ повторять!—вдругъ неожиданно-громко, обернувшись къ нему лицомъ, закричала Ульяна.—Что ты затвердилъ: уѣхалъ да уѣхалъ! Не понять сразу, что ли...

— А ты чего орешь, какая муха тебя укусила?—огрызнулся старикъ.—Осталась одна съ молодчикомъ-то, да и фуфырится? Знаю, знаю я, какими ты дѣлами занимаешься, давно давно гляжу!.. Погоди, будетъ тебѣ!..

— А тебѣ какое дѣло?!—набросилась на него Ульяна:— ты что—шпіонить пришелъ, кобель сивый? Ты что мнѣ такое—сватъ, братъ, теткинъ сынъ? Кто ты такой, что съ указами сюда ходишь, а?

— Знаю, знаю, ужъ погоди, погоди, будетъ тебѣ!—твердилъ Капраловъ.—И ты тоже гусекъ хорошій! Погоди, погоди, быть бычку на веревочкѣ!—продолжалъ онъ, уже обращаясь къ Маркелу и грозя ему тугимъ, плохо гнущимся пальцемъ,—ужо, ужо, погоди!..

— Тьфу, чортъ старый, затвердилъ: погоди да погоди!— выругался Маркелъ и, не слушая, что кричалъ ему вслѣдъ старикъ, вышелъ изъ избы.

Онъ прошелъ наверхъ, одѣлся, взялъ лыжи и ружье и вышелъ на дворъ.

— Ну ихъ всѣхъ къ шуту!—подумалъ онъ, выходя за ворота и, какъ всегда, когда уходилъ одинъ бродить среди бѣлыхъ безмолвныхъ полей, испытывая особенное, влекущее чувство.—Ну ихъ и съ бабами, и со стариками, и со всею глупостью ихъ... Ну ихъ!

Онъ поставилъ лыжи поперекъ дороги, сталъ на нихъ, попробовалъ крѣпость засохшихъ сыромятныхъ ремней и быстро скатился внизъ подъ гору.

— Ну ихъ!—повторилъ онъ еще разъ, чувствуя, какъ вѣтеръ обдуваетъ лицо и плотно и ровно гудитъ въ ушахъ.— Такъ-то лучше! —добавилъ онъ, не зная, что собственно лучше: бѣжать по вечерѣющему полю, или забыть и не думать о чуждой ему жизни чуждыхъ людей.

Уже темнѣло, и мгла ползла отъ кустовъ и дальняго лѣса, покрывая снѣгъ смутной лиловатой дымкой. Что-то случилось въ воздухѣ, въ мертвыхъ пластахъ снѣга, въ далеко темнѣющей полосѣ лѣса, даже въ потемнѣвшей высоко набитой дорогѣ.

Должно быть, шла оттепель, еще гдѣ-то далеко, можетъ быть, внизу у самой земли, и чувствовалось это по особенной глухой тяжести каждаго звука, по упруго и плотно осѣдавшему подъ лыжами снѣгу.

Весь онъ, этотъ тяжелый, ставшій скользкимъ и лип-

кимъ, снѣгъ, какъ будто, осѣлъ, уплотнился, и не было уже въ немъ крѣпкой легкости сухого, бойкаго мороза.

Маркелъ шелъ на лыжахъ легкимъ разгонистымъ ходомъ, широко и безъ напряженія выбрасывая впередъ чуть похрустывающія лыжи. Онъ глядѣлъ по сторонамъ и искалъ слѣдъ зайца, но дѣлалъ это не потому, чтобы его интересовало оттропить звѣря, а по привычкѣ.

Отъ длиннаго, широкаго косогора, мѣстами покрытаго невысокимъ чернымъ кустарникомъ, вѣяло просторомъ особой жизни, въ которой не было человѣка.

Такъ тихо было кругомъ, и такъ безмятежно гладокъ былъ нетронутый ничьимъ прикосновеніемъ лиловый, вечерній уже, снѣгъ, что странно было, что гдѣ-то волнуются, мятутся и живутъ люди.

Туго и неторопливо шла оттепель, и воздухъ дѣлался тяжелѣй и мягче.

На половинѣ откоса Маркелъ остановился. Отъ движенія во время бѣга, такъ же какъ отъ тишины липнущаго къ лицу воздуха, въ немъ прошелъ гнѣвъ и безпокойное раздражающее чувство.

И, глядя въ туманную темнѣющую даль, глѣ лиловый сумракъ клубился лѣнивой, припадающей къ землѣ тучей, а небо надъ ней было высокое и ясное, онъ сразу и ясно почувствовалъ, что ему здѣсь дѣлать нечего, и надо уходить.

— Надо уходить, надо уходить, надо уходить,—чуть слышно бормоталъ онъ, словно что-то напѣвалъ,—надо уходить...

Тянуло въ даль, тянуло къ одинокой ходьбѣ по узкимъ проселочнымъ дорогамъ, чернымъ отъ наросшаго навоза, высокимъ, какъ насыпанныя... Ничего не было въ будущемъ такого, чего можно было бы желать: та же вороватая осторожность, тотъ же голодъ и холодъ, а можетъ быть, и смерть гдѣ-нибудь въ канавѣ, но трудно было остаться здѣсь, на сытой и скучной мельницѣ.

Тянуло. Было похоже на далекую и безпричинную тоску, отъ которой хочется избавиться, а знаешь, что не избавишься до тѣхъ поръ, пока не пойдешь.

Онъ двинулся опять и, когда подошелъ къ опушкѣ лѣса, снова остановился.

Такъ хорошо и радостно стоять въ надвигающемся сумракѣ подъ чистымъ высокимъ небомъ, въ которомъ жидкимъ струящимся золотомъ уже загорѣлись первыя звѣзды...

Онъ оглянулся кругомъ,—обвелъ взглядомъ уже посинѣвшій, кутающій балочки и ямки съ тѣнями и кустиками, снѣгъ и вдругъ подался впередъ.

Шагахъ въ двухъ сбоку сильной, прямой и смѣлой ли-

ніей, безъ уклоновъ и поворотовъ, мѣстами продавивъ осѣвшій снѣгъ, мѣстами чуть взрывъ его, уходилъ вдаль опушки широкій слѣдъ большого звѣря.

Маркелъ приглядѣлся—и старая, полузабытая, но все еще жившая незамѣтно страсть толкнула сердце. Внимательно и неторопливо, задерживая дыханіе и пристально вглядываясь въ круглые широкіе отпечатки, онъ сталъ разсматривать слѣдъ.

Сомнѣній не было: сдѣдъ былъ лосиный, и по всѣмъ видимостямъ звѣрь прошелъ недавно: края продавленнаго слѣда еще не успѣли отвердѣть, и тамъ, гдѣ обрыхлѣвшій снѣгъ не выдерживалъ тяжести звѣря, и лось, замахивая ногу, загребалъ снѣгъ своимъ раздвоеннымъ копытомъ съ чуть загибавшимися вверхъ краями, бороздка была свѣжая, какъ будто только что взрытая.

Возможно даже, что Маркелъ и спугнулъ его, потому что тутъ же, недалеко отъ опушки, надъ большой развѣсистой елью онъ нашелъ и стоянку: растоптанное широкое мѣсто, объѣденные молодые побѣги на лапахъ ели и пометъ.

Маркелъ поднялъ кусокъ помета, помялъ его въ рукахъ и понюхалъ. Пометъ былъ свѣжій, не замерзшій и даже не охладѣвшій. Онъ бросилъ его, вытеръ руку снѣгомъ и сталъ справляться: подтянулъ ниже поясъ, при чемъ для развязки въ рукавахъ широко размахнулъ нѣсколько разъ руками, съ усиліемъ вытащилъ дробовой зарядъ и перемѣнилъ на самую крупную картечь (пули у него не было) и, крѣпко надвинувъ шапку, зажавъ прикладъ ружья со взведеннымъ куркомъ подъ правую мышку, двинулся впередъ. Сначала медленно, тщательно оберегая слѣдъ, вдоль котораго онъ шелъ, потомъ быстрѣе и все прибавляя ходу, пока не достигъ того легкаго, скораго бѣга, когда визгъ быстро смѣняющихся лыжъ сливается въ одно странное жужжаніе, похожее на гудѣніе пчелы, и съ которымъ трудно справиться доброму коню.

Весь перегнувшись пополамъ, навстрѣчу сразу поднявшемуся упругому вѣтру, сжавшись, сдѣлавшись совсѣмъ маленькимъ, Маркелъ бѣжалъ, ни на секунду не отклоняясь отъ слѣда, время отъ времени взглядывая впередъ острымъ, ищущимъ взглядомъ.

Уже обогнулъ онъ лѣсъ и опять выкатился на низкое ровное мѣсто, кое-гдѣ поросшее корявой березкой и тощей, будто посыпанной пепломъ, сосной. Должно быть, это было болото мокрое и непроходимое лѣтомъ. Слѣдъ тянулъ прямо черезъ него, слегка поворачивая влѣво къ густому парус-

пику, за которымъ смутно мерещилось что-то. Не то лѣсъ, не то такой же парусникъ: трудно было разглядѣть.

Однако, ночного сумрака еще не было. Что-то мѣшало ему, разгоняло бѣлесымъ, дымчатымъ свѣтомъ, и онъ прятался въ кустахъ и ложбинкахъ, изъ сугроба дѣлалъ гору, а тѣнь за нимъ была, какъ широкая яма.

Маркелу некогда было оглянуться, чтобы узнать, откуда идетъ этотъ странный, колеблющійся свѣтъ, и только когда слѣдъ крутымъ угломъ повернулъ вправо, онъ увидѣлъ, въ чемъ дѣло.

Высоко въ небѣ, какъ странный холодный маякъ, висѣлъ полный бѣлый мѣсяцъ, окруженный широкимъ кольцомъ сѣдого пара. И тотчасъ же, оглянувшись внизъ, Маркелъ увидѣлъ на снѣгу, рядомъ съ собою, блѣдную голубую тѣнь, такъ же широко и быстро вымахивающую длинными согнутыми въ колѣняхъ ногами.

И еще увидѣлъ, чего не замѣчалъ раньше: слабыя мерцающія искры, разсыпанныя на снѣгу здѣсь и тамъ, загоравшіяся подъ мѣсяцемъ блестящими, перебѣгающими огоньками.

Это было такъ неожиданно и такъ хорошо, что Маркелъ чуть не остановился.

Но въ то же мгновеніе замѣтилъ влѣво отъ себя, совсѣмъ близко, такъ что даже вздрогнулъ отъ этой удивительной близости, темно-бурое, съ свѣтлыми подпалинами у паховъ, пятно лося.

Звѣрь шелъ, высоко задравъ грибастую, съ мохнатой бородой подъ нижней челюстью, морду, положивъ тяжелые развѣсистые рога на спину, на то мѣсто, гдѣ косматая холка высоко поднялась у основанія, шелъ, широко и свободно выкидывая страшно высокія, тонкія, необыкновенно сильныя ноги.

Онъ шелъ немного впереди и, благодаря встрѣчному вѣтру, не чуялъ человѣка.

Маркелъ вздрогнулъ, на всемъ бѣгу отклонился влѣво, такъ чтобы стать въ слѣдъ звѣрю, и наддалъ.

Теплыя, живыя струйки пота бѣжали изъ-подъ шапки по лбу; выбившаяся, смоченная ими прядь волосъ мѣшала глядѣть, но ни обтереться, ни отмахнуть волосы было некогда.

Все, что было остраго, захватывающаго въ проснувшейся страсти,—все перешло въ глаза, напряженно слѣдившіе за темнымъ, раскачивающимся на ходу пятномъ звѣря.

— Мѣста не знаю, эхъ, худо... Теперь бы обмахнуть стороной, да сбоку... Эхъ бѣда!—мелькало въ головѣ Маркела

въ то время, какъ руки до боли крѣпко сжимали холодное, настывшее желѣзо ружья.

Потомъ опять не было ни мыслей, ни чувствъ, была только рѣзь въ глазахъ отъ вѣтра и напряженія и мѣрный свистящій шорохъ скользящихъ лыжъ.

Легко, разгонисто и споро шелъ впереди звѣрь, казавшійся хрупкимъ и неустойчивымъ въ неясномъ лунномъ сумракѣ, и живымъ, напряженнымъ шарикомъ катился за нимъ человѣкъ.

Они бѣжали, какъ связанные невидимой нитью, призрачные отъ призрачнаго свѣта, ныряя въ ложбинки, взлетая на косогоры, оба молчаливые, какъ все, что было кругомъ...

Впереди сквозь голую ольховую поросль мелькнула высокой насыпью дорога, широкимъ и мягкимъ полукругомъ загибавшаяся къ лѣсу. Вдругъ лось сбавилъ ходу, перешелъ на шагъ и, медленно, сильно раскачиваясь впередъ и назадъ всѣмъ корпусомъ, взошелъ на твердыя убитыя колеи. Маркелъ присѣлъ и такъ, сидя на корточкахъ, прокатился нѣкоторое время, наткнулся на чуть видный изъ-подъ снѣга пенекъ и съ размаху, набирая въ рукава холодный снѣгъ, полетѣлъ въ неглубокую ямку; и тамъ приникъ, припавъ потнымъ разгоряченнымъ лицомъ къ влажному снѣгу, задыхающійся и неподвижный, въ той неудобной позѣ, въ какой упалъ.

Нельзя было двинуться: звѣрь стоялъ на дорогѣ бокомъ къ нему и такъ близко, что можно было разсмотрѣть большой черный и совершенно круглый глазъ, медленно и спокойно обводившій только что оставленную низинку. Онъ втягивалъ воздухъ, и сморщенныя, какъ бы обвисшія ноздри надъ дряблой и мягкой верхней губой вдругъ стали широкими и круглыми, какъ глазъ. Потомъ опустилъ голову и сталъ нюхать слѣды. Нюхалъ долго и внимательно, очевидно, сбитый съ толку простывающимъ запахомъ многихъ дорожныхъ слѣдовъ и несущагося откуда-то запаха человѣка, и вдругъ, высоко закинувъ голову и выворотивъ верхнюю губу такъ, что видны были прямые длинные зубы, ощерившись, какъ это дѣлаютъ лошади, когда имъ пощекочутъ носъ, чтобы прочихнуть, громко и гнѣвно фыркнулъ и ударилъ крѣпкимъ, какъ желѣзо, раздвоеннымъ копытомъ объ дорогу.

Это было сдѣлано такъ красиво, съ такимъ царственнымъ, гордымъ и гнѣвнымъ видомъ, что Маркелу стало страшно.

Онъ вспомнилъ разсказы охотниковъ о томъ, что взбѣшенный лось ударами копытъ въ щепки разносилъ здоро-

вую крѣпкую сосну, за которой прятался оплошавшій охотникъ.

Лось отвернулся и такъ же внимательно сталъ внюхиваться въ другую сторону.

Это былъ самый удобный моментъ.

Уже изловчившись на прицѣлъ, нащупавъ не гнущимся, зазябшимъ пальцемъ собачку и отыскивая глазами прямую отъ лѣвой лопатки передней ноги звѣря къ мушкѣ и отъ мушки къ основанію ствола, Маркелъ, задержавъ дыханіе, смутно, какъ во снѣ, соображалъ:

— Далеко... нѣтъ, хватитъ... Больше не станетъ—ночь лунная, яриться будетъ...

И въ тотъ моментъ, когда ему показалось, что линія найдена, независимо отъ его воли палецъ дернулъ спускъ.

Желтымъ, чуждымъ спокойному голубому сумраку мѣсяца огнемъ вспыхнулъ выстрѣлъ, и одновременно страшный грохотъ потрясъ все тѣло Маркела. Въ ушахъ щелкнуло, и сразу тамъ загудѣлъ ровный тягучій звонъ, на моментъ стало темно въ глазахъ, и плечо заныло жгучей болью чудовищной отдачи, но черезъ моментъ уже, когда сѣрый вонючій дымъ выстрѣла поднялся кверху, Маркелъ увидѣлъ, какъ лось, высоко кинувъ задомъ, ринулся прямо съ дороги и пошелъ бѣшенымъ аллюромъ къ лѣсу. Маркелъ кинулся сзади, забывъ про лыжи и проваливаясь по поясъ въ снѣгъ, и тутъ только, съ огромной горечью, съ безконечной обидой, почувствовалъ страшное несчастіе: ружье было одностволка, проклятая одностволка, равнявшаяся послѣ выстрѣла простой палкѣ.

И, разомъ остывъ и какъ будто успокоившись, съ чувствомъ безмѣрной пустоты въ душѣ, онъ повернулъ, добрался до лыжъ, выправилъ петли и ставъ на нихъ, медленно побрелъ къ дорогѣ.

Лосю попало. И попало, должно быть, серьезно, всѣмъ зарядомъ, потому что тутъ же у слѣдовъ видны были крохотныя черныя капельки крови и валялись мокрые отъ нея клочки бурой шерсти.

Но гнаться за нимъ было безполезно. Сгоряча звѣрь даже со смертельной раной уйдетъ далеко, верстъ за двадцать, тридцать. Картечь - не пуля...

— Часа три промахаетъ, анафема, крѣпокъ гораздъ,— съ досадой проговорилъ Маркелъ и, сойдя съ лыжъ, закинувъ ихъ вмѣстѣ съ ружьемъ за плечи, пошелъ по дорогѣ.

Шелъ онъ тихо, еще переживая подробности преслѣдованія, и дышалъ глубоко и медленно.

Въ ушахъ звенѣло еще отъ выстрѣла, а ноги дрожали въ колѣняхъ не то отъ волненія, не то отъ усталости. И, ослѣпленные красно-желтымъ блескомъ выстрѣла, глаза плохо видѣли и слезились.

Ночь уже совсѣмъ наступила, мѣсяцъ поднялся выше и сталъ до странности маленькимъ, и не было уже возлѣ него свѣтлаго туманнаго кольца поднявшейся изморози. И тѣни окрѣпли, легли четко и ясно на бѣломъ снѣгу, и жутко было отъ ихъ переплетающейся неподвижной сѣти, когда пришлось идти лѣсомъ.

Такъ тихо было и такъ чутко, что ухо создавало страшные обманы: то чудилось, что гдѣ-то далеко гремятъ бубенцы и даже доносится тонкій унылый свистъ, то казалось, что гдѣ-то звонятъ тягуче и медленно, какъ отбиваютъ обыкновенно часы глубокой полночью въ глухомъ, спящемъ въ лунномъ свѣтѣ селѣ.

А то еще слышно было—и такъ отчетливо и близко, что становилось жутко,—какъ по лѣсу идетъ кто-то большой и громоздкій, шурша огрузшими снѣгомъ вѣтвями и похрустывая твердымъ снѣгомъ.

Маркелъ миновалъ перелѣсокъ и вышелъ на небольшую круглую поляну, голубую отъ луннаго свѣта, со всѣхъ сторонъ окруженную высокими, неподвижными соснами. Узкой лентой бѣжала по краю ея дорога и пряталась между деревьями и пропадала тамъ, перекрещенная синими тѣнями, скрытая низко нависшими снѣжными вѣтвями.

Съ другой стороны, почти на самомъ краю этой крохотной поляны, совсѣмъ прячась въ густой черной тѣни, падавшей отъ стѣны лѣса, приткнулось старое полуразвалившееся строеніе, наполовину засыпанное снѣгомъ, съ разобранной дырявой крышей, изъ которой уныло торчали голыя стропила.

Должно быть, это была когда-то придорожная корчма, судя по длиннымъ, широкимъ повѣтямъ, тоже развалившимся и заметеннымъ снѣгомъ, что виднѣлись на голомъ мерцающемъ голубыми огоньками дворѣ. Не было забора, и торчали только покосившіяся крытыя ворота, рѣзкимъ чернымъ квадратомъ положившія тѣнь. И окна въ корчмѣ были сорваны и чернѣли пустыми, мрачными впадинами, какъ выклеванные глаза брошеннаго въ полѣ трупа.

Въ одномъ изъ нихъ, крайнемъ съ лѣвой стороны,—призрачно и неясно маячилъ лунный свѣтъ,—должно быть, потолокъ былъ тамъ разобранъ или провалился, и грустно и таинственно стоялъ этотъ мертвый голубой свѣтъ въ заброшенномъ, полуразрушенномъ зданіи...

И молчало все. Ясно и съ молчаливымъ вниманіемъ смо-

трѣлъ утопавшій въ безмѣрной высотѣ и въ безмѣрномъ холодѣ бѣлый мѣсяцъ, и звѣзды молча шевелились въ синей дымкѣ неба, и молчала земля. Неподвижно спалъ замерзшій въ жуткой тишинѣ лѣсъ, и пугающимъ зловѣщимъ призракомъ стояла возлѣ него старая разваливпаяся корчма...

Маркелъ долго смотрѣлъ на нее, и вдругъ улыбнулся длинной нехорошей улыбкой.

И подумалъ, какъ-бы предупреждая и усмѣхаясь внезапному безпокойству и страху того, кого предупреждалъ:

— Ежели изъ лѣсу, съ задовъ зайти, да засѣсть тамъ въ середкѣ, да подождать...

— Тоже въ городъ ѣздитъ,—продолжалъ онъ думать, уже двинувшись впередъ и все оглядываясь на старую корчму, пугающимъ призракомъ приткнувшуюся возлѣ лѣса.—„Ужо въ городъ съѣзжу, деньги привезу"... Гдѣ-бы деньги въ городъ везти, такъ онъ изъ города... А хорошее мѣсто, хо-орошее-ее!..—повторилъ онъ опять, ухмыляясь и крутя головой, съ тѣмъ внутреннимъ удовольствіемъ спокойствія и ясности, являющимися у человѣка, который долго и безплодно путался въ неясныхъ и отрывочныхъ мысляхъ и чувствахъ, наложенныхъ на него дѣйствіями и словами другихъ людей, и вдругъ остался одинъ, безъ всякихъ обязательствъ, со своими только мыслями и своими чувствами, въ которыхъ все ясно и понятно.

— И уходить надо...Уходить!—весело подумалъ онъ:—идти...

Это было опять ясно и понятно, и не было въ этомъ тягучей и досадной, какъ медленная боль, путаницы.

Одинокій человѣкъ шелъ по безлюдной дорогѣ среди молчаливыхъ завороженныхъ полей, глядѣлъ въ ясный мѣсяцъ и былъ спокоенъ. И только соображалъ туго и медленно, словно рѣшая трудную задачу.

— Ежели съ задовъ, съ лѣсу, да подъ окно... Да время вызнать, выспросить, будто какъ по дѣлу... Или уходить, молъ, надо, свидимся-ль, когда ждать-то?.. А послѣ на коня и—айда!.. А тамъ...

Но „тамъ" былъ пустой черный провалъ, въ которомъ ничего не намѣчалось. Да это и не было интереснымъ.

На мельницу Маркелъ пришелъ поздней ночью. Спала давно Ульяна, и Маркелъ долго стучалъ въ окно, чтобы разбудить ее.

Наконецъ, она отворила и, сонная, теплая еще отъ сна, пропустила его въ двери.

— Иди, горе-охотникъ!—сказала она:—я тѣ ужинъ наверхъ снесла, тамъ возлѣ постели найдешь...

Запирая дверь, она высунулась на улицу, и Маркелъ видѣлъ, что она была въ одной рубахѣ.

— Ай не стыдно?—усмѣхаясь самъ своему вопросу, спросилъ онъ.

Ульяна зѣвнула и заперла дверь.

— А чего стыдно,—отвѣчала она, наконецъ, шлепая босыми ногами въ темнотѣ,—чай, я съ тобой не живу... Кабы спутавши были...

Она хлопнула дверью, и Маркелъ слышалъ, какъ брякнулъ накинутый крючокъ.

Осторожно ощупывая руками стѣны и сильно нагнувшись, чтобъ не удариться объ острый край крыши, Маркелъ поднялся наверхъ.

Шаря по полу руками возлѣ своего сѣнника, онъ наткнулся на горшокъ,—должно быть, ужинъ, о которомъ говорила Ульяна, и тутъ-же нащупалъ фонарь.

Маркелъ вычеркнулъ спичку,—тьма дрогнула и на секунду разступилась, потомъ опять проникла къ слабому желтому огоньку и, какъ птица крыльями, долго трепетала возлѣ плохо разгоравшагося фитиля быстрыми, беззвучными взмахами.

Онъ поднялъ фонарь, взмахнулъ имъ нѣсколько разъ вверхъ и внизъ, чтобъ свѣча разгорѣлась, и вдругъ остановился.

Прямо противъ него, присѣвъ на краешекъ его сѣнника, въ самомъ изножьи, сидѣлъ крохотный сухенькій старичокъ, со сморщеннымъ, по величинѣ ребячьимъ совсѣмъ лицомъ и съ рѣденькой сѣдой бороденкой, и внимательнымъ, даже какъ будто веселымъ взглядомъ блестящихъ глазокъ глядѣлъ на Маркела.

Сидѣлъ онъ, не двигаясь, крѣпко поджавъ подъ себя ноги, въ худыхъ до невозможности истоптанныхъ лаптишкахъ, обхвативъ колѣни коричневыми, сухими и тоже маленькими, какъ дѣтскія, руками.

И молчалъ,—странно и спокойно, внимательный и неподвижный, какъ будто ждалъ чего-то.

Маркелъ вздрогнулъ, весь холодѣя отъ знакомаго леденящаго ужаса, высоко поднялъ фонарь.

У него была одна странность, вѣрнѣе болѣзнь, которой онъ боялся до ужаса, потому что не могъ понять, какъ явленіе иной, нечеловѣческой жизни.

Когда-то, будучи еще солдатомъ, Маркелъ сталъ сильно пить, и эти тяжелые, отчаянные запои были мучительны и страшны. Маркелъ терялъ память, „ошалѣвалъ“, какъ говорили про него другіе солдаты, буянилъ и нѣсколько разъ покушался на самоубійство. И предшествовали всегда этимъ запоямъ мучительныя, нелѣпыя галлюцинаціи, начинавшіяся съ какого-нибудь самаго обычнаго образа,—товарища, сол-

дата, знакомой проститутки, своего-же офицера,—при чемъ всегда были неожиданны и поразительны своей реальностью. Призракъ начиналъ говорить, Маркелъ отвѣчалъ, затѣвался споръ, потомъ ссора и всегда драка, и тогда-то товарищи по ротѣ, фельдфебеля и унтера гонялись за Маркеломъ съ веревками, связывали его. И лежа, связанный, съ вылѣзающими изъ орбитъ глазами, съ пѣной у рта, Маркелъ продолжалъ бороться съ ему одному видимымъ врагомъ, катался по каменному полу карцера, бился объ него головой. А послѣ этого запивалъ, не глядя ни на что, съ изумительной ловкостью и рискомъ доставая водку.

Это бывало съ нимъ разъ или два въ годъ, - и всегда неожиданно.

Съ темнымъ предчувствіемъ надвигающейся муки, полный страннаго, необъяснимаго и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражающаго своей болѣзненностью страха, Маркелъ глядѣлъ, высоко поднявъ фонарь, на сидящаго старичка, желая и не рѣшаясь заговорить съ нимъ.

Старичокъ попрежнему молчалъ и сидѣлъ такъ же неподвижно на краю сѣнника, внимательно и не щурясь, глядя въ лицо пришедшему.

Разъ только Маркелу показалось, что онъ чуть-чуть усмѣхнулся какъ будто, а можетъ — просто пожевалъ сухими, втянувшимися внутрь рта губами.

Такъ молчали они долго, глядя другъ на друга неподвижными, остановившимися глазами, страшные отъ тусклаго свѣта фонаря, озарявшаго ихъ сверху.

Наконецъ, Маркелъ опустилъ фонарь и поставилъ его тамъ же, гдѣ онъ стоялъ, возлѣ горшка.

— Ты какъ сюда попалъ? — прошепталъ онъ, чувствуя, какъ горячая липкая испарина сразу выступила на лбу и ладоняхъ.

Старичокъ молчалъ и такъ же глядѣлъ своими острыми глазами.

— Какъ ты попалъ сюда?—попрежнему шепотомъ повторилъ Маркелъ и сѣлъ тутъ-же на полъ, такъ какъ ноги вдругъ ослабѣли и задрожали въ колѣняхъ.

Старичокъ двинулся—и отъ этого стало немного легче. Онъ опять пожевалъ губами, и тѣнь тайной скрытой усмѣшки прошла по его темному маленькому лицу.

— А Богъ привелъ, Богъ привелъ, Богъ привелъ!—вдругъ неожиданно громко, такъ что Маркелъ вздрогнулъ, отвѣтилъ онъ скороговоркой, сухимъ трескучимъ голоскомъ.

Маркелъ нахмурился и исподлобья поглядѣлъ на него.

— Чего Богъ привелъ,—недовольно проговорилъ онъ.—Ты кто такой?—прибавилъ онъ, помолчавъ.

Старичокъ замигалъ воспаленными, красными отъ мороза и вѣтра глазками и не сразу отвѣтилъ. И потому, какъ внимательно глядѣлъ онъ на губы, Маркелъ догадался, что старичокъ, вѣрно, плохо слышитъ и угадываетъ смыслъ рѣчи больше по движенію губъ.

— А человѣкъ, божій человѣкъ, странствующій,—отвѣтилъ, наконецъ, старичекъ.—Странствующіе мы!—прибавилъ онъ, какъ-бы въ поясненіе.

— Какъ это странствующіе? — угрюмо и недовѣрчиво переспросилъ Маркелъ.

Старичокъ вдругъ безпокойно задвигался, забѣгалъ глазками и зашевелилъ сухими черными пальцами, словно игралъ на невидимыхъ клавишахъ. Онъ даже придвинулся ближе къ Маркелу, зашуршавъ сухой соломой сѣнника, и вдругъ, вытянувъ необыкновенно длинную и тонкую шею, какой вовсе нельзя было ожидать у него, прошепталъ таинственно и многозначительно:

— А бѣгуны мы, бѣгуны!

И, сразу откинувшись, словно втянувъ въ себя свою длинную гибкую шею, задвигалъ губами и тонкими морщинами лица, подмигивая и улыбаясь скрытной и хитрой улыбкой.

— Какіе бѣгуны? Что ты чушь порешь, дѣдъ!—громко и уже съ явнымъ раздраженіемъ прервалъ его Маркелъ.

Онъ уже начиналъ сердиться на этого востраго подмигивающаго старичка.

— А такіе... Бѣгуны—сирѣчь скрытники!—вразумительно и серьезно пояснилъ тотъ, опять садясь на краешекъ сѣнника и поджимая ноги.

— Гмъ... сирѣчь скрытники!—раздумчиво повторилъ Маркелъ, ударяя такъ же, какъ и старикъ на „сирѣчь",—это, что же, которые по вѣрѣ скрываются, что-ль?—спросилъ онъ, вспомнивъ, какъ выспрашивалъ его мельникъ, когда онъ пришелъ сюда.

Онъ уже начиналъ смутно догадываться, въ чемъ дѣло, и кто такой его неожиданный собесѣдникъ. И еще темно и отдаленно, но уже началъ онъ понимать о хозяинѣ-мельникѣ и о чудныхъ людяхъ, такъ же, какъ и о ходѣ сквозь избу на мельницу, а оттуда на рѣку и въ кусты.

— Во-во-во, это самое и есть,—забезпокоился снова старичокъ,—по вѣрѣ, по вѣрѣ, это самое и есть!.. Козни антихристовы убѣгая, Господа Спаса Исуса Христа нашего взыскуя!...

— Ишь ты!..—усмѣхнулся Маркелъ.

Ему уже не было страшно, а было какъ-то по особенному досадно, словно старикъ имѣлъ въ себѣ нѣчто, бывшее какъ-бы упрекомъ ему.

— Это какъ же „убѣгая-то", отъ начальства али какъ?— спросилъ Маркелъ и посмотрѣлъ на старика съ недовѣрчивостью и усмѣшкой, словно бы спрашивалъ не въ сурьезъ, а такъ, для забавы.

Старикъ такъ же быстро успокоился, какъ и взволновался. Была въ немъ странна эта способность вдругъ задвигаться, заерзать, внезапно и быстро вытянуть длинную, тонкую и гибкую шею, всю въ глубокихъ и частыхъ трещинахъ, черныхъ отъ въѣвшихся въ нихъ грязи и пота, свободно и легко поворачивавшуюся въ непомѣрно широкомъ и каляномъ воротникѣ рваненькаго, старенькаго полушубка.

Онъ сидѣлъ теперь спокойно и недвижно, съ строгимъ и чуть прихмурившимся лицомъ. И молчалъ, какъ будто не слышалъ вопроса Маркела.

— Говорю я, отъ начальства бѣгаешь-то, али такъ, для души, по святымъ мѣстамъ, что-ли?—снова переспросилъ тотъ, глядя на старика съ любопытствомъ.

Раздраженіе и досада его уже прошли, ему было только занятно. Любопытенъ былъ весь этотъ старичокъ, вся его сухонькая, тощая фигурка, то, какъ внезапно оживлялся и погасалъ онъ, какъ внимательно, часто и быстро мигая свѣтлыми рѣсницами, вглядывался въ губы собесѣдника, какъ будто хотѣлъ понять не только то, что слышалъ, но и еще другое таившееся подъ обычной рѣчью человѣческой скрытымъ и невысказаннымъ.

Онъ медленно, сбоку повелъ на Маркела вдругъ затуманившимися, словно ушедшими внутрь глазами и опять сталъ глядѣть на слабый язычекъ огня въ фонарѣ, чуть колебавшійся и вздрагивавшій.

— И отъ начальства тоже,—промолвилъ онъ,—ибо грѣхъ есть начальство, прислужники антихристовы, душу же свою спасающу грѣха уходить надо...

— Гм, чудной ты!—ухмыльнулся Маркелъ, разсматривая его.—Что-же это, и вѣра ваша такая?

— Ну, хоть вѣра...

Онъ задумался и, не обращая вниманія на Маркела, заговорилъ не тѣмъ скрипучимъ и рѣзкимъ голосомъ или свистящимъ шепотомъ, какъ раньше, а тихо и спокойно:

— Пришли времена перемѣнчивыя, смѣна должна быть... Давно ждали—обманъ разный былъ, слухъ по народу шелъ— все нѣтъ, да нѣтъ... Раздѣленіе и смута на міру вышли; которые усумнились—антихристу поддались, которые праведной пути ищутъ. Вотъ и гоненіе, какъ при праотцахъ-патріархахъ, открылось... Съ незапамятныхъ временъ гоненіе это самое идетъ—прежде въ крѣпости своей народъ держали, сказки ревизскія дѣлали, нынѣ и вовсе обхулились: весь на-

родъ на бумагахъ прописать хотятъ, въ свою покорность чтобы объявить... Ѣздіютъ господа съ книжками и народъ описываютъ: и которые грамотные, и сколь хлѣба съѣдятъ, и сколь скота кто держитъ... Законъ Боговъ забыли—ибо писано есть: не жнутъ, не сѣютъ и въ житницы не собираютъ!...

Онъ помолчалъ немного и опять заговорилъ:

— Все на свое гнутъ, сѣтью бѣсовой опутать хотятъ, переписываютъ, безъ бумаги жить нельзя; пришелъ куда— тутъ запишутъ, остановился гдѣ—тамъ запишутъ; тысячью крюковъ оцѣпить хотятъ—податься некуда... Которые противъ—бьютъ и ссылаютъ, гоненіе воздвигли... Бумажными зацѣпками укрѣпить за нечистымъ хотятъ... Правду богову забыли, вѣчную богову правду забыли!..

— Какую такую вѣчную правду?—внезапно оживился Маркелъ.

Ему уже не казалось удивительнымъ, что они вдвоемъ глубокой ночью сидятъ у разбитаго фонаря, когда все спитъ, и давно пора спать.

— Такую — отъ начала вѣка, что дана людямъ, и до конца дней... Нонѣшняя-то правда вездѣ у нихъ: и зачѣмъ солдатъ, и бумага зачѣмъ, и подати... все объяснятъ и растолкуютъ, а нѣтъ — вѣчная-то переборетъ! Богова правда верхъ возьметъ — отъ ихней правды антихристовой мы и скрываемся и бѣгаемъ и скрытничаемъ, богову правду носимъ...

Старикъ говорилъ темно и неясно, но за его словами, какъ за затуманеннымъ, будто завернувшимся какой-то пеленой взоромъ, въ ушедшихъ неподвижныхъ глазахъ чувствовался крѣпкій стержень, вокругъ котораго вьется темная, полуслѣпая мысль.

Видно было, что на все у него свой особенный взглядъ, въ непогрѣшимости котораго онъ убѣдился долгимъ опытомъ. Сущность его понять было трудно, можетъ быть, потому, что старикъ не могъ или не хотѣлъ его высказать, или просто не договаривалъ, но было понятно, что старикъ твердо увѣренъ въ своей правотѣ, и эта увѣренность жила въ немъ большой и видимой силой, двигала старое высохшее тѣло и гоняла по землѣ, какъ будто чуждаго ей и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко связаннаго съ нею...

Въ этомъ было сходство съ Маркеломъ, и тайный инстинктъ пробуждалъ въ немъ далекую и какъ будто снисходительную немного симпатію къ старику.

Маркелъ долго, не сводя глазъ, съ глубокой задумчивостью, глядѣлъ на него. Старикъ тоже сидѣлъ, задумавшись, чуть освѣщенный догоравшимъ огаркомъ — маленькій и

щуплый, удивительный своимъ появленіемъ и тѣмъ, что говорилъ.

Фонарь потухалъ, и тьма ползла изъ угловъ, съ потолка, путала очертанія. За пыльными, никогда не мывшимися стеклами фонаря слабый дрожащій огонекъ боролся съ нею, вспыхивалъ на мгновеніе короткой слабой жизнью и умиралъ.

Близко и громко пропѣлъ пѣтухъ, захлопалъ крыльями и еще разъ пропѣлъ. Сумрачный и одинокій на старой мельницѣ, онъ даже не прислушивался, отвѣтятъ ли ему откуда-нибудь издали другіе пѣтухи, и, должно быть, сразу заснулъ.

— Спать надо!—промолвилъ, наконецъ, Маркелъ, чувствуя, какъ недавнее утомленіе струится по тѣлу сладкой, тянущей лѣнью.

— Надо, надо, голубокъ, пора уже надо!..—подхватилъ старичокъ и сталъ подыматься съ трудомъ и чуть покряхтывая. Видно было, что онъ тоже усталъ, и, обсидѣвшись, трудно было ему тревожить старое тѣло.

— Куда-жъ ты, старый? — остановилъ его Маркелъ: — вмѣстѣ ляжемъ, мѣста довольно...

— Спасибо, спасибо, голубокъ, мнѣ немножечко, къ краюшку...

Онъ проворно и ловко сталъ разматывать оборинки, выставивъ ногу къ самому фонарю. Снялъ лапти и онучи, размялъ ихъ и аккуратно разложилъ тутъ-же на полу, чтобъ просохли.

Потомъ всталъ на колѣни, оборотясь лицомъ въ ту сторону, гдѣ по его разсчету долженъ былъ находиться востокъ, и долго крестился, кланяясь до полу и шепча молитвы сухими провалившимися губами.

Маркелъ уже легъ, и сонъ, мягкій и легкій, безшумно и быстро надвинулся на него и обнялъ сладкой, туманной дремой. Надо было сказать старику, чтобъ онъ не забылъ загасить фонарь, но трудно было двинуться и неловко отрывать старика отъ молитвы.

— Самъ потухнетъ!—подумалъ Маркелъ, закрывая глаза

И тотчасъ же — быстрымъ и мягкимъ кругомъ, какъ камень надъ болотиной,—онъ полетѣлъ куда-то внизъ и вдругъ вздрогнулъ: прямо передъ нимъ, четко рисуясь темнымъ, почти чернымъ силуэтомъ на голубомъ отъ мѣсяца снѣгу, задравъ голову и ощерившись, будто смѣялся, — стоялъ лось.

— Ахъ, уйдетъ, больше не станетъ, ахъ бѣда!—забезпокоился Маркелъ,—уйдетъ, безпремѣнно уйдетъ!..

Онъ прицѣлился, и когда нашелъ невидимую линію, сое-

диняющую лопатку лося, мушку и основаніе ствола съ глазомъ,—нажалъ спускъ. Но выстрѣла не было, и съ безумнымъ темнымъ ужасомъ въ душѣ, отъ котораго холодъ пошелъ по затылку, онъ увидѣлъ, что лось, обернувнувшись къ нему, говоритъ что-то, сверкая подъ луною живыми острыми глазками. И вовсе не лось это былъ, а старичокъ и говорилъ онъ что-то быстро и непонятно, такъ, что ничего нельзя было разобрать; но, должно быть, сердился очень, потому что бормоталъ все громче и непонятнѣй и свирѣпо двигалъ кустиками сѣдыхъ бровей.

— Я ничего, я, ей-Богу, ничего!—хотѣлъ справдаться Маркелъ,—я только разъ, одинъ разъ закладкой отъ двери и по головѣ... Такъ вѣдь звѣрь-же, звѣрь былъ! Въ третьей ротѣ двоихъ на смерть запоролъ, а меня завтра должны были...

Онъ силился говорить и не могъ—и съ огромной тоской въ душѣ увидѣлъ, что старикъ не слушаетъ его: попрежнему страшно шевелитъ бровями и бубнитъ что-то себѣ подъ носъ глухо и неодобрительно.

И вдругъ, двинувшись на него, сталъ рости, рости, сталъ давить, и показалось, что еще минута — все кончится...

Маркелъ вскрикнулъ, или ему показалось, что вскрикнулъ, и проснулся.

Тьма висѣла передъ самыми глазами черною, непроницаемою пеленою. Гдѣ-то тутъ же сбоку лежало что-то—маленькое и неподвижное—и посапывало торопливо и озабоченно. Пахло крѣпкимъ застарѣлымъ потомъ и кислымъ запахомъ грязной, Богъ вѣсть когда стиранной одежды.

— „Спитъ"—подумалъ Маркелъ и тотчасъ же, закрывъ глаза, заснулъ крѣпко и безъ сновидѣній, какъ умеръ.

В. Муйжель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ идейной исторіи русскаго соціализма 40-хъ годовъ.

III.

Съ петрашевцами мы вступаемъ уже въ полосу вліянія собственно такъ называемаго соціализма Западной Европы на болѣе или менѣе широкій слой русской интеллигенціи. Ибо если въ половинѣ 30-хъ годовъ существовалъ кружокъ Герцена и его друзей, кружокъ, который имѣлъ сэнъ-симонистское profession de foi, то онъ являлся черезчуръ небольшимъ очагомъ соціалистической мысли въ Россіи. Между тѣмъ, общество петрашевцевъ, или, лучше сказать, кружки петрашевцевъ, объединенные не общимъ планомъ дѣйствій, какъ хотѣлось представить дѣло бдительнымъ властямъ, а общностью воззрѣній, настолько уже расширили свой ругъ вліянія, что, кромѣ четырехъ десятковъ арестованныхъ въ Петербургѣ «заговорщиковъ», въ дѣлѣ насчитывалось 232 лица, упоминавшихся въ шпіонскихъ донесеніяхъ или въ показаніяхъ самихъ обвиняемыхъ. Единично сочувствовавшіе встрѣчались даже и въ провинціи. Ядро петрашевцевъ стало формироваться съ середины 40-хъ годовъ. А финаломъ общества было, въ концѣ 1849 г., произнесеніе генералъ-аудиторіатомъ смертнаго приговора 21 подсудимому, приговора, который, однако, не былъ приведенъ въ исполненіе, но по волѣ монарха, поставившаго на Семеновской площади, 22-го декабря 1849 г., ужасающую сцену примѣрной казни, подвергся смягчительнымъ измѣненіямъ: назначенію виновнымъ ссылки въ каторжныя работы безъ срока и со срокомъ, сдачѣ ихъ въ рядовые и т. п.

За внѣшней стороной дѣла, фактическими подробностями, практическими планами заговорщиковъ,—если только можно говорить о «практическихъ планахъ» петрашевцевъ,—мы отсылаемъ, главнымъ образомъ, къ небольшой, но обстоятельной работѣ г. Семевскаго *), который не удовольствовался болѣе или менѣе подроб-

*) В. И. Семевскій, *Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ*

нымъ изложеніемъ теоретическихъ взглядовъ петрашевцевъ, но сгруппировалъ всѣ вообще мало-мальски интересные документы, касающіеся этого дѣла. На себя же мы беремъ задачу познакомить читателей исключительно съ теоретическимъ міровоззрѣніемъ выдающихся петрашевцевъ и опять-таки съ точки зрѣнія вліянія западно-европейскаго соціализма на русскій.

Если московскій кружокъ Герцена и друзей состоялъ изъ сэнъ-симонистовъ, то петрашевцы были преимущественно фурьеристами *). Преимущественно, но не исключительно. Ибо лица, вращавшіяся въ орбитѣ Петрашевскаго и его «пятницъ» или соприкасавшіяся съ петрашевцами, были знакомы не съ однимъ Фурье и его школой въ родѣ Консидерана, Кантагреля, Туссенеля, но и съ Сэнъ-Симономъ и сэнъ-симонистами, съ Кабэ, Прудономъ и Луи-Бланомъ и т. п. Одни изъ нихъ изучали европейскихъ соціалистовъ по первоисточникамъ, другіе по сочиненіямъ очень популярнаго въ то время Лоренца Штейна и мало теперь извѣстнаго Бидермана (автора «Лекцій о соціализмѣ» и т. п.). Сильно читались ими и произведенія крайнихъ политическихъ радикаловъ, въ родѣ Ламеннэ, и крайнихъ философовъ, въ родѣ Фейербаха. Можно, во всякомъ случаѣ, сказать, не грѣша противъ истины, что петрашевцы были соціалистами, преимущественно фурьеристскаго оттѣнка, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—особенно, иные изъ нихъ и въ примѣненіи къ вопросамъ русской дѣйствительности,—питали

1840-хъ годовъ; Ростовъ-на-Дону, 1905 (изд. „Донской Рѣчи").—Ср., для нѣкоторыхъ подробностей, того же автора: *Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова*; Ростовъ-на-Дону, безъ даты (изд. „Донской Рѣчи"); и его же вступительную статью къ книгѣ: Д. Д. Ахшарумовъ, *Изъ моихъ воспоминаній* (1849—1851); Спб., 1905.—Пользуюсь упоминаніемъ объ этихъ работахъ, чтобы выразить искреннюю благодарность ученому автору, предоставившему въ мое временное распоряженіе копію крайне любопытной, нигдѣ еще не напечатанной (кромѣ выдержекъ, сдѣланныхъ въ упомянутыхъ работахъ г. Семевскимъ) подробной *Записки Секретной Слѣдственной Коммиссіи* по дѣлу петрашевцевъ (эту коммиссію, игравшую роль судебнаго слѣдователя или эксперта-докладчика, не надо смѣшивать съ военно-судной коммиссіей, которая судила петрашевцевъ въ первой инстанціи, при чемъ второй инстанціей былъ генералъ-аудиторіатъ). Я буду цитировать ее просто *Записки*.

*) Мы считаемъ болѣе остроумнымъ, чѣмъ основательнымъ, взглядъ Герцена, согласно которому если сэнъ-симонисты появились въ Москвѣ, а фурьеристы въ Петербургѣ, то это потому, что болѣе мечтательные и расплывающіеся москвичи должны были тяготѣть къ „неопредѣленному и религіозному" сэнъ-симонизму, а болѣе дисциплинированные и положительные петербуржцы къ „ариѳметическимъ вычисленіямъ" и стремленіямъ „немедленнаго осуществленія" плановъ, характеризующихъ, молъ, фурьеризмъ. См. Herzen, *Du developpement des idées révolutionnaires en Russie*; Лондонъ, 1853, 2-е изд., стр. 132—133. Конечно, ужъ не эта якобы практическая сторона фурьеризма привлекала петрашевцевъ, а гигантскій полетъ соціальной фантазіи и яркая критика современныхъ порядковъ,—что чувствуется любымъ читателемъ Фурье.

и просто свободолюбивые, либеральные взгляды *). Послѣднее и понятно: окружавшая ихъ русская дѣйствительность до такой степени была пропитана элементами крѣпостничества и деспотизма, что, какимъ бы ореоломъ ни были окружены для петрашевцевъ собственно соціалистическіе идеалы, злободневные вопросы русской гражданственности часто всплывали на верхъ сознанія, а порою выступали на первый планъ. И можно лишь, наоборотъ, удивляться тому теоретическому, если можно такъ выразиться, самоотверженію, съ какимъ они старались по возможности слѣдовать Фурье, который, какъ извѣстно, упорно «отстранялъ» отъ себя, по своимъ же словамъ, всякое изслѣдованіе «трона и алтаря».

Наиболѣе выдающимся человѣкомъ среди «петрашевцевъ» не только по уму, но и по энергіи характера былъ самъ М. В. Буташевичъ-Петрашевскій **). И онъ же съ особымъ рвеніемъ держался за ученіе Фурье, что не мѣшало ему сочувственно относиться и пропагандировать взгляды другихъ извѣстныхъ ему соціалистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ отъ времени до времени, ступать на почву политическихъ и общественно-культурныхъ вопросовъ, которые онъ трактовалъ не только въ свободолюбивомъ, но и свойственномъ ему крайне рѣзкомъ, полу-серьезномъ, полушутливомъ фрондерскомъ тонѣ. Это можно прослѣдить даже въ появившемся тогда легально такъ называемомъ кириловскомъ «Словарѣ», составленномъ Петрашевскимъ при участіи въ первомъ выпускѣ подававшаго тогда большія надежды молодого критика, рано погибшаго (жертвою случайности) Валеріана Майкова ***).

*) Нѣкоторые изъ добросовѣстныхъ изслѣдователей русской идейной эволюціи черезчуръ, по нашему мнѣнію, подчеркиваютъ эту либеральную сторону міровоззрѣнія петрашевцевъ и черезчуръ ослабляютъ соціалистическую. См., напр., С. А. Венгеровъ, *Исторія новѣйшей русской литературы (отъ смерти Бѣлинскаго до нашихъ дней)*; Спб., 1885, часть I: Конечные годы дореформенной эпохи (1818—1855), стр. 10—31, особенно же стр. 27—29.

**) См. его краткую, но интересную біографію, написанную Герценомъ осенью 1851 г. на французскомъ языкѣ для задуманной Мишлэ книги о „Мученикахъ Россіи". Знаменитый историкъ рѣшилъ, однако, въ виду литературнаго и политическаго значенія этюда Герцена о Петрашевскомъ, помѣстить эту біографію, равно, какъ присланную ему Герценомъ въ это же время біографію Бакунина, въ какомъ-нибудь распространенномъ журналѣ или газетѣ. Декабрьскій переворотъ того же года, отдавшій Францію въ руки цезаристской реакціи, помѣшалъ осуществленію этого плана. И обѣ біографическія замѣтки Герцена оставались болѣе полвѣка въ бумагахъ Мишлэ, откуда ихъ совсѣмъ недавно извлекъ проф. Габріэль Моно-Руссій переводъ біографіи Бакунина появился въ іюльской книжкѣ „Былого" за 1907 г. Французскій оригиналъ подъ заглавіемъ *Deux révolutionnaires russes*: *Petrachevsky et Bakounine. Notius biographiques par Alexaudre Herzen*, впервые напечатанъ въ „Revue politique et literaire (Revue bleue)", за 1908. Номера отъ 26 сентября и 3 октября именно и заключаютъ еще не реведенную, если не ошибаюсь, на русскій языкъ біографію Петрашевскаго; номеръ отъ 17 октяря—біографію Бакунина.

***) Отмѣчаю это обстоятельство потому, что у насъ принято преувели-

Гораздо менѣе интересный первый выпускъ отличается, особенно въ началѣ, еще значительной осторожностью и заключаетъ большіе пробѣлы, которые издатель старается пополнить, отсылая къ предполагавшемуся «Прибавленію къ Словарю». Такъ, въ статьѣ *Абсолютизмъ* нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ малозначащихъ строкъ (стр. 1). Въ статьѣ *Авторитетъ* (стр. 2) высказывается меланхолическая увѣренность, что «царство его никогда не будетъ разрушено окончательно». Слово *Анархія* даетъ составителю лишь поводъ глухо замѣтить, что это состояніе можетъ «господствовать и въ такомъ государствѣ, гдѣ, *повидимому*, существуетъ и стройность, и порядокъ въ управленіи» (стр. 11),— легкій намекъ на Россію Николая I. Въ статьѣ же *Аристократія*, очевидно, страха ради іудейска, высказывается даже мысль, что русскіе могутъ «гордиться» передъ англичанами тѣмъ, что «по смыслу нашихъ законовъ, кровь и богатство ничего не значатъ на службѣ въ сравненіи съ познаніями и способностями» (стр. 13). Впрочемъ, въ этомъ можно видѣть и своеобразный пріемъ Петрашевскаго, который любитъ, какъ мы уже сказали, порою разсуждать ироническими бутадами.

Уже болѣе серьезныя и, видимо, вполнѣ искреннія возраженія противъ политическаго строя свободныхъ, но глубоко буржуазныхъ государствъ дѣлаются въ статьѣ *Конституція*: «Защитники его (конституціоннаго образа правленія. Н. Р.) доказываютъ, что онъ основанъ на правѣ каждаго члена общества участвовать въ управленіи того цѣлаго, котораго онъ часть, но на практикѣ это начало неосуществимо въ большихъ государствахъ: вездѣ необходимость заставляетъ ограничивать число лицъ, имѣющихъ право выбирать депутата отъ провинціи или отъ сословія. А такъ какъ единственная мѣра (масштабъ), которою вездѣ руководствуются,

---

чивать роль В. Майкова въ составленіи этого любопытнаго, хотя и не оконченнаго литературнаго памятника. Вотъ его подлинное заглавіе: *Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемый Н. Кириловымъ*; Спб., 1845—1846, два выпуска. Кстати сказать, стоящая на обложкѣ фамилія издателя не есть, какъ часто у насъ писали, псевдонимъ Петрашевскаго, а подлинное имя дѣйствительнаго лица, Николая Сергѣевича Кирилова, „штабсъ капитана въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ по учебной части“, за которымъ укрывался Петрашевскій, по цензурнымъ соображеніямъ „всепреданнѣйше посвящавшій“ книгу вел. кн. Михаилу Павловичу, какъ „главному начальнику военно-учебныхъ заведеній“. Первый выпускъ этой маленькаго формата книжки обрывается на страницѣ 176 и статьѣ „Маріоттова трубка“. Второй выпускъ, съ продолжающейся пагинаціей, кончается на страницѣ 324 и статьѣ „Орденъ мальтійскій“. Словарь, попавшій подъ бурю реакціи, былъ сначала изъятъ изъ обращенія, затѣмъ уничтоженъ и составляетъ нынѣ большую библіографическую рѣдкость. Почему бы не переиздать его „общественную“ часть,—конечно, съ объясняющимъ предисловіемъ и примѣчаніями? Avis aux éditeurs!..

состоитъ въ количествѣ имущества гражданина, то на практикѣ до сихъ поръ это хваленое правленіе есть не что иное, какъ аристократія богатства (стр. 133)... Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ *собственности*, а въ *личности*, и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую странную деспотію» (стр. 134). Впрочемъ, въ этой аргументаціи можно видѣть, пожалуй, не столько проявленія аполитическаго, напр., фурьеристскаго соціализма Западной Европы, сколько критику тогдашнихъ цензовыхъ конституцій, которыя выкидывали за бортъ политической жизни громадное большинство населенія. Спрашивается, напр., что сказалъ бы составитель статьи противъ «конституціи», основанной на всеобщей подачѣ голосовъ и, мало того, на прямомъ народномъ законодательствѣ въ формѣ референдума?

Во всякомъ случаѣ, во второмъ, гораздо болѣе яркомъ, выпускѣ «Словаря» есть статьи, которыя не только не свидѣтельствуютъ о принципіальномъ отрицаніи политики, а сочувственно относятся къ политической, мало того, ярко боевой, революціонной дѣятельности, особенно когда она имѣетъ въ виду осуществленіе основныхъ интересовъ общества. Въ этомъ смыслѣ любопытна статья *Оппозиція*. Прежде всего авторъ рѣзко подчеркиваетъ тотъ взглядъ, что оппозиція есть *„явленіе, необходимое при всякой формѣ быта общественнаго"* (стр. 285), и что цѣлью оппозиціонной «борьбы» служитъ «прогрессъ», тогда какъ средства мѣняются въ зависимости и «по мѣрѣ улучшенія быта общественнаго». Косвенно, подъ видомъ высказыванія мнѣнія другихъ, авторъ даже является апологетомъ самой крайней революціонной борьбы, когда условія не дозволяютъ мирной: «прежде оппозиція при неразвитости общественности (соціальности) и публичности (см. эти статьи) проявлялась у многихъ народовъ кроваво, и не безъ нѣкотораго величія, ибо для иныхъ безъ потоковъ крови нѣтъ величія и величества (du sublime); впослѣдствіи, при развитіи у нихъ свободы выраженія мыслей и права общничества (le droit d'association) и установленій, обезпечивающихъ отъ насилія личную свободу человѣка, какъ гражданина, при развитіи установленій въ родѣ *суда присяжныхъ*, жюри (см. Приб. къ словарю или статью жюри), *публичности судопроизводства* (см. эту статью),— *оппозиція* стала являться болѣе правильной и мирной и послужила залогомъ преобладанія разумности надъ силой животной и грубой и торжества *разумнаго самозаконія* (стр. 285)». Въ высокой степени любопытны слѣдующія затѣмъ строки, въ которыхъ еще болѣе развивается этотъ либеральный символъ вѣры, параллельно съ указаніемъ на необходимость революціоннаго насилія. И—отчасти ради цензурныхъ соображеній, отчасти же, несомнѣнно, съ цѣлью злого подтруниванія, того, что французы называютъ persiflage, къ которому любилъ прибѣгать Петрашевскій—нико-

лаевская Россія причисляется къ ряду культурныхъ странъ, гдѣ возможна, гдѣ даже разрѣшена и чуть ли не поощряется правительствомъ мирная оппозиція: «Если еще понынѣ въ обществахъ, подобныхъ Турціи, Персіи... такъ трудно и невозможно мирными путями сохраненіе человѣческихъ правъ, то, напротивъ того, въ странахъ образованныхъ, гдѣ обнародованы собранія положительныхъ законовъ (для воздаянія всѣмъ равной и безыскусственной справедливости), гдѣ поэтому, какъ, напр., въ Европѣ и въ *нашемъ дорогомъ отечествѣ*, относительно выраженія всякаго рода новыхъ и человѣческихъ идей—даже несогласныхъ съ мнѣніемъ большинства, но, безъ сомнѣнія, не разрушающихъ общихъ постановленій, признанныхъ однажды на вѣки справедливыми, соблюдается полная и мудрая терпимость (см. томъ XV Св. Зак. Угол. отъ ст. 195—205, и друг.),... однимъ словомъ, въ странахъ истинно-просвѣщенныхъ и образованныхъ новые интересы безъ мѣръ насильственныхъ снимаютъ тяжелый покровъ идей обветшалыхъ и предубѣжденій съ разумѣнія общественнаго и пріобрѣтаютъ право гражданства въ экономіи быта общественнаго» (стр. 286). И статья заканчивается слѣдующимъ перломъ высоко-комической свирѣпой ироніи: «Нашимъ законодательствомъ (превосходящимъ своимъ благодушіемъ, кротостью и простотою европейскія законодательства) узаконяется оппозиція даже противу высшихъ присутственныхъ и правительственныхъ мѣстъ, напр. Сената (См. Св. Зак. изд. 1842 г.). См. ст. «Сенатъ» и «Прокуроръ» (Ibid.) *)

Подобное же отнюдь не отрицательное отношеніе къ политикѣ замѣчается въ статьяхъ *Жиронда, Ораторская рѣчь* и т. д., со ссылками на предполагавшіяся въ словарѣ или прибавленіи къ нему многозначительныя статьи: *Революція 1789 г.*, *Дантонисты, Гебертисты, Якобинцы*, а пока съ выраженіемъ восторга передъ «общественными двигателями, которые силою безсмертной своей рѣчи пробудили милліоны дремавшихъ и подавленныхъ умовъ... неутомимо ратовали и стояли за свои убѣжденія, смѣло шли на смерть и горделиво умирали за общее дѣло равенства и свободы, явивъ собою примѣръ страшной энергіи, огнедышащихъ страстей или суровой пуританской добродѣтели» (стр. 305).

Но все-таки центръ тяжести словаря лежитъ въ статьяхъ по соціализму, для изложенія котораго составитель пользуется всякимъ, порою довольно неожиданнымъ случаемъ, то резюмируя ученія соціалистовъ въ краткихъ положеніяхъ и безъ упоминанія собственныхъ именъ, то цитируя со смѣлостью, поистинѣ удивительной для тогдашнихъ политическихъ условій, прямо сочиненія

*) Составитель Словаря доводитъ порою свое издѣвательство надъ оффиціальной Россіей до того, что въ статьѣ „Орденъ рыцарскій“ (стр. 322), въ доказательство того, что у насъ истинныя заслуги предъ отечествомъ всегда награждаются, пресерьезно приводитъ мнѣніе—капитана Копейкина, важно цитируя главу и страницу „Мертвыхъ Душъ“!

полу- и чисто-соціалистическихъ мыслителей, а между ними съ наибольшей симпатіей Фурье. Такъ, въ статьѣ *Корпорація* упоминается Сисмонди и цитируется «превосходное сочиненіе Бюре— *De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France*» (стр. 143—144). Въ статьѣ *Моногамія* косвенно рекомендуется,— очевидно, подъ вліяніемъ Фурье,—«другая форма брака», «болѣе соотвѣтствующая природѣ», форма, которая «должна необходимо показаться несогласной съ общепринятыми нынѣ понятіями (оффиціально въ Европѣ)» (стр. 200). Въ статьѣ *Натуральное право* признается «несовершенной и проходящей формой быта», обреченной на замѣну болѣе совершенною, «всякое общество, не доставляющее положительно всѣхъ нужныхъ средствъ для всесторонняго развитія его членовъ» (стр. 217),—критерій, несомнѣнно, сдѣланный съ соціалистической точки зрѣнія. А въ статьѣ *Натуральное состояніе* утверждается,—какъ то часто дѣлалось соціалистами Запада со времени Сэнъ-Симона,—что «золотой вѣкъ» лежитъ не позади, а впереди насъ, и что осуществленіе его будетъ состоять въ «полномъ благоденствіи и счастіи всякаго человѣка», при чемъ дѣлается указаніе на «различныя новѣйшія сочиненія, особенно соціальныя напр. Charles Fourier, *Traité de l'association domestique et agricole* или *Théorie de l'unité universelle* изд. въ Парижѣ въ 1841 г.» (стр. 219).

Статья *Нео-христіанизмъ*, самое заглавіе которой есть очевидный переводъ французскаго (сэнъ-симоновскаго) «Nouveau christianisme», даетъ поводъ автору замѣтить, что «основная идея» Христа относительно любви ближнихъ, какъ самого себя, «подобно всякой другой идеѣ», подлежитъ развитію, пока не будетъ дополнена и замѣнена «новой и болѣе разумной идеей», которую «неологи» называютъ «нео-христіанизмомъ», и сейчасъ же дѣлается ссылка на статью *Сенъ-Симонизмъ* (стр. 239). Въ статьѣ *Нивеллеры* говорится о Мюнцерѣ и крестьянской войнѣ, и эта историческая справка заканчивается рѣзко-революціоннымъ соображеніемъ: «нѣкоторыя изъ ихъ (крестьянскихъ Н. Р.) требованій,—въ теченіе времени были исполнены въ Германіи, но не безъ кровопролитія, ибо нѣтъ примѣра возстановленія утраченныхъ правъ безъ жертвъ кровавыхъ и гоненія!..» (стр. 244). Но статья *Нормальное состояніе* снова возвращаетъ насъ къ мирному соціализму великихъ утопистовъ. Авторъ опредѣляетъ, какъ нормальное, лишь такое состояніе, при которомъ «всякій изъ членовъ общества» будетъ получать отъ него «*средства для удовлетворенія нуждъ пропорціонально потребностямъ*»; и «*всѣ люди въ совокупности явятся полными властелинами* живыхъ и дѣйствующихъ силъ земли»; наконецъ, «все, что считается трудомъ удручающимъ, отвратительнымъ, обратится въ источникъ непосредственнаго наслажденія жизнью». При этомъ дѣлаются ссылки на *овенизмъ, соціализмъ, фурьеризмъ* и въ прибавл. къ сл. *коммунизмъ*.

Въ статьяхъ *Новаторство и новаторы* упоминаются слова «Овенъ, Сенъ-Симонъ, Фурье», а вмѣстѣ съ ними «Христосъ», который «сталъ божествомъ, Спасителемъ (для вѣрующаго человѣчества)» и на примѣрѣ котораго авторъ настойчиво показываетъ, что «неуспѣхъ, страданія, гоненія были доселѣ удѣломъ всякаго новатора» (стр. 257). Замѣтимъ по поводу послѣдняго, что это причисленіе Христа къ соціалистамъ повторяется съ еще большей энергіей въ статьѣ *Оракулъ*, гдѣ «цѣлію» первоначальнаго «Ученія Христова» признается «водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности» *).

Послѣднія статьи второго выпуска, приблизительно начиная съ буквы О, въ особенности проникнуты соціализмомъ, которому посвящены тамъ цѣлыя маленькія монографіи. Напр., въ статьѣ ***Овенизмъ*** изложены въ связной формѣ взгляды Роберта Оуэна, съ которыми составитель словаря знакомъ довольно хорошо, хотя, повидимому, изъ вторыхъ рукъ, по французскимъ источникамъ, какъ на то указываетъ самое названіе, которое авторъ статьи даетъ ученію Оуэна: «Система взаимнаго содѣйствія и общей собственности», представляющее переводъ тутъ же поставленнаго въ скобкахъ французскаго «Système de la coopération mutuelle et de la communauté des biens». Словарь вѣрно, между прочимъ, подчеркиваетъ значеніе, которое въ системѣ Оуэна имѣютъ его воззрѣнія на образованіе человѣческаго характера въ «полной зависимости отъ обстоятельствъ» и на пагубную роль «частной собственности», монополизировавшей, молъ, счастіе въ рукахъ немногихъ (стр. 265).

Слово *органическая эпоха* вводитъ читателей въ кругъ идей, связанныхъ съ различеніемъ въ исторіи человѣчества «эпохъ органическихъ» и «эпохъ критическихъ», по терминологіи Сэнъ-Симона.

*) Это мѣсто вызвало сугубое негодованіе «дѣйствительнаго статскаго совѣтника» Липранди, организовавшаго, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, шпіонскій надзоръ за петрашевцами. Липранди въ «мнѣніи», поданномъ въ коммиссію, называетъ эти строки «небывалыми на русскомъ языкѣ». См. (довольно плохо и съ пропусками изданное за-границей) «собраніе секретныхъ бумагъ и высочайшихъ конфирмацій» по дѣлу петрашевцевъ подъ заглавіемъ: *Общество пропаганды въ 1849*; Лейпцигъ, 1875, стр. 32. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что цитированіе Христа, какъ соціалиста, бывшее въ то время довольно обычнымъ и въ соціалистическихъ сочиненіяхъ Европы, нисколько не мѣшаетъ составителю Словаря стоять если не прямо на матеріалистической точкѣ зрѣнія,—да это было бы при тогдашней цензурѣ и невозможно (ст. *Матеріализмъ*, 178—179, говоритъ даже о «грубости» этой системы),—то на точкѣ зрѣнія косвеннаго отрицанія всѣхъ положительныхъ религій и выдвиганія «антропотеизма, или полнаго самосознанія (человѣчества) и сознанія жизненныхъ законовъ природы» (ст. *Натурализмъ*, стр. 215, а также ст. *Ландшафтная живопись* стр. 156—157; *Мистицизмъ*, стр. 191; *Мораль*, стр. 2?3). Въ частныхъ же и кружковыхъ разговорахъ петрашевцы часто обнаруживаютъ себя «невѣрующими», атеистами, фейербахіанцами и т. д.

Такъ какъ въ то время этому пункту придавалось большое значеніе самими сэнъ-симонистами, словарь довольно подробно разбираетъ и противоставляетъ однѣ другимъ особенности періодовъ, когда общество болѣе или менѣе согласованно развиваетъ послѣдствія извѣстнаго господствующаго принципа, и періодовъ, когда въ обществѣ происходитъ, наоборотъ, разложеніе стараго единства и борьба враждебныхъ началъ. Въ статьѣ дается очень подробное указаніе, вплоть до обозначенія формата, на важную теоретическую работу сэнъ-симонистовъ: *Exposition de la doctrine de St.-Simon par M. Bazard et Enfantin; Paris, 1829, 1v. 8°* (стр. 312).

Но самой капитальной статьей словаря является *Организація производства или произведенія* (*Organisation de la production*), въ которой фурьеризмъ служитъ центральнымъ пунктомъ изложенія, хотя въ ней съ похвалой цитируются мнѣнія и нѣкоторыхъ другихъ соціалистовъ и указываются и нефурьеристскія сочиненія. Уже въ маленькой статьѣ *Организаторъ, организировать*, предшествующей только что упомянутой сравнительно большой статьѣ, высказывается чисто фурьеристское требованіе «не подавлять страсти... но развивать ихъ гармонически» (стр. 316), при чемъ для вящшей убѣдительности это правило повторяется по-французски (въ формулировкѣ, если я не ошибаюсь, принадлежащей не самому Фурье, а одному изъ учениковъ его, вѣроятно, Консидерану, а можетъ быть, и Ипполиту Рено). А статья *Организація производства* прямо начинается съ характеризующаго весь фурьеризмъ тройственнаго раздѣленія производительныхъ силъ на талантъ, капиталъ и трудъ (или «работа», какъ предпочитаетъ говорить авторъ статьи). Всевозможныя злоключенія современныхъ обществъ, «лихорадочные пароксизмы» (кризисы?), «угнетеніе (англійскаго) пролетарія побѣдоноснымъ соперничествомъ машины» и т. д., должны объясняться, по мнѣнію составителя словаря, «оказаніемъ особеннаго предпочтенія капиталу или его представителямъ, въ ущербъ прочимъ производительнымъ элементамъ, таланту и производительному труду человѣка». Капиталъ, «овеществившійся трудъ», становится господиномъ надъ «личностью и правами человѣка». И «если бы не было разныхъ обстоятельствъ, ослабляющихъ эту поглотительную способность капитала»,—продолжаетъ авторъ, съ похвалой отзываясь о «знаменитомъ сочиненіи Прудона Qu'est ce que la propriété,—«тогда бы все человѣчество, по истеченіи извѣстнаго времени, явилось бы обращеннымъ въ рабство не личности другого человѣка, но своему собственному труду и труду овеществленному!!!» (этотъ рядъ восклицательныхъ знаковъ находится въ самомъ подлинникѣ. Н. Р.). Такимъ-то образомъ, изъ сознанія этого зла и возникъ «жизненный вопросъ современнаго общества» вопросъ объ «организаціи промышленности, производства», а вмѣстѣ съ нимъ родилась «цѣлая литература, которая должна составить эпоху въ исторіи человѣчества, по тому благотворному вліянію,

которое она способна оказать на будущее развитіе человѣчества и устроеніе его благосостоянія». Авторъ указываетъ читателямъ на сочиненіе Villegardelle: *Histoire des idées sociales avant la révolution française, ou les socialistes modernes devancés et dépassés par les anciens penseurs* въ доказательство того, что упомянутый вопросъ привлекалъ издавна «вниманіе мыслителей». Но изъ современныхъ писателей онъ считаетъ нужнымъ остановиться лишь на Charles Fourier,—изъ сочиненій котораго словарь цитируетъ *Nouveau monde industriel* и *La fausse industrie*,—говоря, что система Фурье «дѣлаетъ *безусловно возможнымъ* установленіе солидарности интересовъ, ни мало не оскорбляя уже установившихся общественныхъ отношеній» (стр. 319). Слѣдуетъ дальше изложеніе трехчленнаго распредѣленія продукта по Фурье и дѣлаются ссылки на слова: *серія, солидарность, соціализмъ, группа* и т. д., которыя составитель обѣщаетъ трактовать въ самомъ словарѣ или прибавленіи, и одно перечисленіе которыхъ уже ясно показываетъ, что дѣло будетъ главнымъ образомъ идти объ изложеніи фурьеризма.

Мы остановились сравнительно долго на «Словарѣ» Петрашевскаго потому, что онъ былъ наиболѣе удачнымъ и при томъ легальнымъ, свободно распространявшимся,—по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени,—выраженіемъ теоретическихъ мнѣній, которыя господствовали среди петрашевцевъ. Но между послѣдними были, и помимо Петрашевскаго, люди, несмотря на свою молодость, обнаруживавшіе довольно близкое знакомство съ источниками западно-европейскаго соціализма, чаще всего въ его фурьеристской формѣ.—Ибо эти русскіе соціалисты 40-хъ годовъ если и не были всѣ учениками Фурье, то все же преимущественно тяготѣли къ фаланстеріанской системѣ. Ихъ взгляды, высказывавшіеся на знаменитыхъ «пятницахъ» Петрашевскаго, подчасъ же и на болѣе интимныхъ собраніяхъ, не могли, конечно, по своей ограниченной распространенности, имѣть значенія «Словаря». Но они представляютъ свой интересъ, такъ какъ позволяютъ устанавливать связь между міровоззрѣніемъ труда на Западѣ и русскими отраженіями или преломленіями его.

Къ числу рельефныхъ проявленій этой соціалистической мысли въ Россіи, вдохновляемой великими учителями Запада, слѣдуетъ отнести сохранившіяся въ матеріалахъ дознанія рѣчи, которыя были произнесены нѣсколькими самыми пламенными фурьеристами на интимномъ обѣдѣ, организованномъ десяткомъ лицъ въ день рожденія Фурье, 7-го апрѣля (1849 г.) *). Довольно любопытную сторону этихъ рѣчей составляетъ та ихъ особенность, что, отражая въ общемъ фурьеристскія начала, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ то скрыто,

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что, насколько видно изъ документовъ, банкетъ былъ устроенъ 7-го апрѣля стараго стиля, тогда какъ Фурье родился 7-го апрѣля новаго стиля.

то совсѣмъ явно звучатъ порою злобами дня тогдашней русской дѣйствительности и исполнены политической страсти, которой былъ чуждъ самъ основатель ученія. Въ особенности это можно сказать о рѣчи студента Ханыкова, который не удержался на высотахъ фурьеристской, аполитической истины, а въ срединѣ своего тоста самымъ опредѣленнымъ образомъ заговорилъ объ ужасающемъ деспотизмѣ оффиціальной Россіи.

Ораторъ началъ свою рѣчь съ указанія на значеніе дня рожденія Фурье, какъ такого генія, ученіе котораго вызоветъ «преобразованіе всей планеты и человѣчества, живущаго на ней» (*Записка*, стр. 78 писанной копіи). «Но,—предоставимъ теперь слово самому говорившему,—но лишь только я хотѣлъ говорить о принципѣ и законѣ нашего ученія, какъ рѣчь моя прерывается, пораженное чувство изъ свѣтлаго, яснаго превратилось въ тягостное, томительное, но просится наружу, проситъ высказаться»... Въ чемъ же дѣло? Передъ Ханыковымъ ярко обрисовывается русская дѣйствительность, и съ устъ его срываются далеко не мирныя, приличествующія фаланстеріанцу слова: «Отечество мое—это оригинальное, своеобразное выраженіе страстей... отечество мое въ цѣпяхъ, отечество мое въ рабствѣ; религія, невѣжество—спутники деспотизма... заглушили твои натуральныя влеченія... Отечество мое, думалъ я про себя, прислушиваясь къ толкамъ современныхъ славянъ, гдѣ твое общинное устройство, гдѣ ты народная вольница, великій государь Новгородъ и ты, раздольная, широкая жизнь удѣльныхъ временъ?» (стр. 79)... И ораторъ лишь подъ конецъ своей рѣчи могъ перейти къ «изумительному величію нашей системы», «новому міру, открытому нашимъ учителемъ», для торжества котораго надъ «дѣйствительнымъ порядкомъ вещей» должно, однако, вести «борьбу упорную, сильную», черпая «бодрость нашихъ страстей» не въ «молитвѣ, какъ дѣлаютъ это христіане», а въ «наукѣ чистой» (стр. 80).

Въ болѣе выдержанномъ фурьеристскомъ духѣ, хотя съ неменьшимъ одушевленіемъ говорилъ Ахшарумовъ, идя по стопамъ учителя въ жестокой критикѣ современной цивилизаціи, основанной на существованіи гигантскихъ городовъ, разрозненныхъ, конкурирующихъ между собою хозяйствъ и т. п. «Мы живемъ,—восклицалъ онъ,—въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ скопищѣ, разрозненномъ все семействами, которыя вредятъ другъ другу, теряютъ время и силу, и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И тамъ, за столицею, ползутъ города; единственная цѣль, высочайшее счастіе для нихъ—сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица» (стр. 81). Пылкій юноша въ заключеніе ставилъ цѣлью русскихъ фурьеристовъ «разрушить столицы, города и всѣ матеріалы

ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты... превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастія», выражая при этомъ довольно интересное по тогдашнимъ русскимъ обстоятельствамъ оптимистическое убѣжденіе, что «мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля» (стр. 82).

Но если на обѣдѣ Ахшарумовъ говорилъ въ духѣ, близкомъ къ мирному характеру фурьеризма, хотя въ глазахъ или, лучше сказать, ушахъ николаевскихъ судей аллегорическое приглашеніе оратора «разрушить столицы, города» превратилось въ намѣреніе заговорщиковъ камня на камнѣ не оставить отъ Петербурга, его оффиціальныхъ зданій и т. п., если, говоримъ мы, Ахшарумовъ на банкетѣ фурьеристовъ держался на почвѣ типичнаго фаланстеріанства, то вообще въ міросозерцаніи этого русскаго ученика доктрина Фурье не исключала радикальнаго, мы бы сказали теперь, даже рѣзко анархическаго элемента. Такъ, въ его «Записной тетради 1848 года», на первой же страницѣ набросаны далеко не проникнутыя равнодушіемъ къ политическимъ порядкамъ мысли объ «уничтоженіи» не только «семейной жизни, труда, собственности», но и «государства, никуда негоднаго, съ его министрами и царями и ихъ вѣчной безполезной политикой» (стр. 83). А въ другой тетради того же Ахшарумова, найденной у одного изъ петрашевцевъ, уже совсѣмъ энергично и въ духѣ анархическаго соціализма говорится о томъ, что «государства нельзя устроить, государство должно погибнуть съ его министрами и царями, съ его войскомъ, съ его столицами, законами и храмами». Мало того, разсматривая средства, пригодныя для конечной цѣли замѣны существующаго строя желаннымъ «фаланстеромъ Фурье», авторъ мыслей уже не ограничивается исповѣданіемъ анархически-разрушительнаго идеала, но ставитъ политическій par excellence, конституціонный вопросъ, «какимъ образомъ получить правительство, терпящее нововведенія» (стр. 84). Ставитъ и рѣшаетъ на замѣчательный для тогдашней эпохи ладъ, примѣшивая къ соображеніямъ юношески-наивнаго маккіавелизма мысли, которыя лишь много лѣтъ впослѣдствіи получатъ право гражданства среди русскихъ соціалистовъ.

Крайне скептически относящійся къ перспективѣ добиться цѣли, разсчитывая на исключительнаго по своимъ достоинствамъ неограниченнаго монарха, этотъ оригинальный фурьеристъ заявляетъ: «Надо конституцію, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроило бы особое министерство для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ и улучшеній общественной жизни, чтобы не было никакихъ вмѣшательствъ въ дѣла частныхъ людей, въ какомъ бы числѣ они ни сходились вмѣстѣ» (стр. 85). Авторъ даже обезпокоенъ соображеніями насчетъ возможности реакціи въ случаѣ, если черезчуръ быстрое измѣненіе политиче-

скаго режима вызоветъ въ народѣ сильные безпорядки. Онъ развертываетъ поэтому цѣлый планъ, какъ, не «дожидаясь упрямо республиканскаго правленія», а памятуя о томъ, что «конституціонное лучше монархическаго, неограниченнаго», постепенно перейти отъ номинальнаго монарха, остающагося только въ виду традиціонныхъ привычекъ массъ, къ «президенту, избираемому на короткое время», при дѣйствительномъ правленіи «одной палаты», которая, получивъ «довѣренность народа», окончательно осуществитъ республиканскій строй. Наконецъ, любопытно въ этихъ планахъ коренного политическаго преобразованія, развиваемыхъ юнымъ фурьеристомъ, то обстоятельство, что ихъ авторъ, полагая временно во главу угла конституціонныя задачи, тѣмъ не менѣе, считаетъ необходимымъ для начальнаго толчка стать на революціонный путь. Рядомъ съ указаніемъ на то, что надо «распространять» свои мнѣнія въ «своемъ кругу» (интеллигенціи) и во всѣхъ высшихъ и низшихъ «учебныхъ заведеніяхъ», равно какъ «пріобрѣтать» себѣ приверженцевъ среди «людей различныхъ состояній, званій и половъ», онъ задается прямымъ вопросомъ: «Какимъ образомъ слѣдуетъ возбуждать простой народъ къ возстанію» (стр. 85)...

Но здѣсь мы можемъ остановиться, такъ какъ въ задачу этой статьи не входитъ изученіе практическихъ пріемовъ партій. Наше дѣло—излагать ихъ теоретическія идеи. И мы распространились нѣсколько о планахъ Ахшарумова потому, что на ихъ примѣрѣ мы хотѣли обратить вниманіе читателя на то интересное обстоятельство въ развитіи западно-европейскихъ соціалистическихъ идей въ Россіи, что перенесенныя на русскую почву, онѣ начинаютъ звучать нѣсколько иначе, мѣняя свой тембръ въ томъ или другомъ направленіи. Такъ въ изучаемую нами эпоху аполитическій, мирный фурьеризмъ окрашивается въ Россіи болѣе или менѣе политическими, подчасъ революціонными цвѣтами. Напр., кромѣ Ахшарумова, о возстаніи говоритъ энергичный и по природѣ тяготѣющій къ конституціи Спѣшневъ. О возстаніи, и преимущественно въ формѣ широкаго народнаго движенія (среди раскольниковъ, горнозаводскаго населенія на Уралѣ и въ Сибири), много говоритъ Черносвитовъ, этотъ любопытный ех-исправникъ-революціонеръ. Очевидно, въ цѣляхъ революціоннаго воздѣйствія на широкія массы и на солдатъ пишетъ свои «десять заповѣдей» студентъ Филипповъ. Въ этихъ-же цѣляхъ сочиняетъ, преимущественно для войскъ, но также и для народа, свою «Солдатскую Бесѣду» гвардейскій поручикъ Григорьевъ *). А вообще объ измѣненіи политическаго строя говорится часто и оживленно на «пятницахъ» Петрашевскаго, го-

*) Напечатана въ „Быломъ" 1906 г., № 5, стр. 188—191 подъ заглавіемъ: *Къ исторіи „Петрашевцевъ"* (*Сочиненіе Григорьева „Солдатская Бесѣда"*).

ворится многими посѣтителями ихъ то болѣе соціалистическаго, то скорѣе просто либеральнаго направленія мыслей.

Даже самъ Петрашевскій, который, несмотря на свой живой, революціонный темпераментъ и энергичный характеръ, повидимому, болѣе другихъ старался быть вѣрнымъ фурьеристомъ; который дѣлалъ практическія попытки и предложенія завести фаланстеріи (хотя бы при помощи правительства); который отрицательно относился къ бунту и вообще насильственнымъ средствамъ рѣшить соціальный вопросъ,—даже и этотъ въ извѣстномъ смыслѣ мученикъ фурьеристскаго аполитизма платилъ дань, и дань обильную, гонимой его учителемъ «политикѣ». На своихъ вечерахъ Петрашевскій принималъ самое дѣятельное участіе въ обсужденіи трехъ главнѣйшихъ тогда вопросовъ русскаго общества: отмѣны крѣпостного права, свободы печати, реформы судопроизводства. Между тѣмъ, это были не только «политическіе», но «либеральные» вопросы. Такимъ образомъ, тотъ самый человѣкъ, который при допросѣ отнюдь не изъ-за страха іудейска, но по убѣжденію, рѣзко различалъ въ Европѣ между «соціализмомъ» и «либерализмомъ» и ставилъ въ счетъ послѣднему «законами позволяемые по сіе время разбои, которые могутъ производить, въ настоящее время, въ обществѣ, Ротшильды и другіе владѣльцы капиталовъ, чрезъ скупы и биржевую игру» («Записка», стр. 64), этотъ самый человѣкъ въ Россіи, изнывавшей подъ игомъ крѣпостничества и бюродержавія, къ своему утопическому, но горячему, но искреннему соціализму примѣшивалъ сильную дозу политическихъ и либеральныхъ тенденцій.

О другихъ петрашевцахъ и говорить нечего. Оставляя уже въ сторонѣ тѣхъ болѣе или менѣе «периферическихъ» посѣтителей пятницъ, которые, въ сущности, искали на нихъ лишь интересныхъ впечатлѣній и по своему неопредѣленному міровоззрѣнію были далеки отъ ядра руководителей и выдающихся членовъ кружка (лучше сказать, кружковъ) *), мы должны, тѣмъ не менѣе, признать, что русская дѣйствительность не давала покою дажэ наиболѣе убѣжденнымъ соціалистамъ «Общества 1849 г.» и заставляла ихъ живо отзываться на политическія и обще-культурныя, широко-оппози-

*) Хотя и по отношенію къ этой категоріи лицъ врядъ ли можно было бы сказать то, что говоритъ въ своемъ показаніи Достоевскій: „если бы рѣшился кто-нибудь у Петрашевскаго говорить о примѣненіи системы Фурье къ нашему общественному быту, то ему тутъ-же бы безъ всякихъ околичностей насмѣялись въ глаза“. См. *Подлинный текстъ показанія Ѳ. М. Достоевскаго* въ „Космополисѣ“, 1898, т. XI, № 29 сентябрь), стр. 207. Это такъ же правдоподобно, какъ и то, что самъ Достоевскій читалъ у Петрашевскаго волновавшее тогда всѣ умы письмо Бѣлинскаго къ Гоголю будто бы лишь какъ „литературный памятникъ“ (стр. 204). Вообще, все показаніе Достоевскаго носитъ на себѣ слѣды явнаго страха передъ властями, характеризующаго, впрочемъ,—увы!—большинство показаній петрашевцевъ.

ціонныя злобы дня. Оказывалось, что самое торжество идей фурьеризма было связано въ значительной степени съ политическими реформами, свободой печати, союзовъ и т. д. Или, какъ выразился одинъ изъ подсудимыхъ, что хотя онъ и «фурьеристъ» и не «считаетъ ни во что конституціи въ ихъ чисто юридической и бездушной формѣ, онъ признаетъ, однако жъ, необходимость для всякаго, хотя нѣсколько развившагося народонаселенія, въ извѣстныхъ какихъ бы то ни было ручательствахъ и обезпеченіяхъ между правительствомъ и обществомъ, которыя, по его разумѣнію, должны бы состоять въ правѣ каждому въ государствѣ лицу возвышать свой голосъ въ открытомъ судопроизводствѣ и въ участіи въ дѣлахъ правленія выборныхъ людей отъ народа, какъ свидѣтелей и соисполнителей, съ законною и природною властью всѣхъ мѣръ и дѣйствій правительства» (стр. 20).

Изъ чего не слѣдуетъ,—и мы еще и еще подчеркиваемъ это обстоятельство,—что петрашевцы, по крайней мѣрѣ, наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, были простыми либералами или даже либералами съ красной, соціальной прожилкой. Нѣтъ, мы видимъ, что для нихъ соціализмъ, утопическій соціализмъ западной Европы, былъ высшею религіею, высшимъ убѣжденіемъ жизни. Но сама русская дѣйствительность и историческіе запросы ея отводили часть ихъ новаторскаго энтузіазма по руслу «политики», то революціонной, то просто либеральной, то той и другой вмѣстѣ, смотря по темпераменту лицъ, увлеченныхъ великой проповѣдью новаго ученія, шедшаго изъ культурныхъ странъ. При чемъ возникало одно очень любопытное явленіе. А именно эти піонеры русскаго соціализма безсознательно, и во всякомъ случаѣ не желая прямо этого, забѣгали порою за предѣлы вдохновлявшаго ихъ западно-европейскаго, тогда преимущественно аполитическаго, міровоззрѣнія труда и ступали, по крайней мѣрѣ, въ мечтаніяхъ и разговорахъ на «политическую» почву, на ту самую почву, отъ которой уже сознательно и принципіально, жертвуя своими кровными интересами интеллигенціи, откажется гораздо болѣе многочисленная армія соціалистовъ 60-хъ и особенно начала 70-хъ годовъ.

Въ заключеніе, для того, чтобы показать, въ какой степени стали распространяться въ Россіи 40-хъ годовъ соціалистическія идеи Запада, и чтобы подчеркнуть, что онѣ увлекали тогда несомнѣнно выдающихся людей, мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ сочиненій Щедрина-Салтыкова. Самъ Салтыковъ находился подъ вліяніемъ тогдашняго западно-европейскаго соціализма и, если не былъ исключительнымъ фурьеристомъ, то все же, какъ кажется, получилъ наиболѣе сильныя впечатлѣнія отъ доктрины Фурье. При дознаніи о петрашевцахъ власти рѣшили было привлечь къ дѣлу и Салтыкова, который спасся лишь тѣмъ, что еще раньше, въ самомъ началѣ реакціи 1848 г., былъ сосланъ въ Вятку за свою зловредную литературную дѣятельность, въ частности же, за напечатаніе въ «От.

Зап.» повѣсти «Запутанное дѣло» *). Есть свидѣтельство, что случайное пріобрѣтеніе Салтыковымъ у букиниста сочиненій Фурье возбудило въ немъ живую симпатію къ фурьеризму еще до знакомства съ Петрашевскимъ.

Извѣстно знаменитое, столько разъ уже цитировавшееся мѣсто изъ Щедрина, имѣющее, дѣйствительно, многозначительный смыслъ. Это воспоминаніе о томъ, какъ авторъ, въ то время еще юноша, примкнулъ «къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабé, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что «золотой вѣкъ» находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное—все шло оттуда... Въ Россіи... мы существовали лишь фактически... Но духовно мы жили во Франціи... ...Въ особенности эти симпатіи обострились около 1848 года. Мы съ неподдѣльнымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями драмы послѣднихъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа и съ упоеніемъ зачитывались «Исторіей десятилѣтія Луи Блана» **).

А вотъ другое мѣсто, указывающее, что въ этомъ общемъ увлеченіи великими апостолами труда Щедринъ не зналъ, кому отдать преимущество, но, вслѣдствіе тогдашняго господства фурьеризма, тяготѣлъ къ этой системѣ. Его alter ego, герой разсказа «Имя рекъ» такъ изображаетъ свое состояніе въ эту пору: «Еще въ ранней молодости онъ уже былъ идеалистомъ; но это было скорѣе сонное мечтаніе, нежели сознательное служеніе идеаламъ. Глядя на вожаковъ, онъ называлъ себя фурьеристомъ, но, въ сущности, смѣшивалъ въ кучу и сенъ-симонизмъ, и икаризмъ, и фурьеризмъ, и скорѣе всего примыкалъ къ сенъ-симонизму. Въ особенности его плѣняла Жоржъ-Зандъ въ своихъ романахъ» ***).

Но фурьеризмъ видимо остался болѣе глубокимъ элементомъ міровоззрѣнія Щедрина, чѣмъ то казалось самому сатирику, перебиравшему свои воспоминанія объ этой ранней порѣ. Неоднократно, то положительно, то отрицательно, то движимый простой ассоціаціей идей, то растроганный величіемъ его общественнаго идеала, несмотря на всѣ обнаружившіеся въ старой системѣ изъяны, Щедринъ говоритъ о «гармонической игрѣ страстей», о «привлекательности труда», о «храмѣ труда». Я позволю привести себѣ лишь одно мѣсто изъ тѣхъ же «Мелочей жизни», гдѣ выражается, мо-

*) Ср. уже упомянутыя брошюры г. Семевскаго: *Крѣпостное право* стр. 1—4; и *Изъ исторіи*, стр. 9—10; а также тоже уже цитированную *Исторію* г. Венгерова, стр. 31—35.

**) *За рубежемъ*, гл. IV. Я цитирую по отдѣльному изд. 1881 г. стр. 163—165, passim.

***) *Мелочи жизни*; Спб., 1895, т. V, „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова“, трет. изд., стр. 361.

жетъ быть, наиболѣе глубокое сочувствіе Щедрина къ великому утописту, да, пожалуй, и наиболѣе серьезная критика недостатковъ ученія: «Ошибка утопистовъ заключалась въ томъ, что они, такъ сказать, усчитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями. Стоя почти исключительно на почвѣ психологической, они думали, что человѣкъ самъ собой независимо отъ внѣшней природы и ея тайнъ, при помощи одной доброй воли, можетъ создать свое конечное благополучіе. Между тѣмъ, человѣчество искони связано съ природой неразрывной связью и, сверхъ того, обладаетъ прикладной наукой, которая съ каждымъ днемъ приноситъ новыя открытія. Фурье провидѣлъ ненужныхъ анти-львовъ и анти-акулъ и не провидѣлъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа, ни телефона, которые несравненно радикальнѣе вліяютъ на ходъ человѣческаго развитія, нежели анти-львы. Его смущалъ вопросъ объ удаленіи нечистотъ изъ помѣщеній фаланстеровъ, и для разрѣшенія его онъ прибѣгнулъ къ когортамъ самоотверженныхъ, тогда какъ въ недалекомъ будущемъ дѣло устроилось проще—при помощи ватерклозетовъ, дренажа, сточныхъ трубъ и, наконецъ, цѣлаго подземнаго города, образецъ котораго мы видимъ въ катакомбахъ Парижа. Въ заключеніе онъ думалъ, что комбинированная имъ форма общежитія можетъ существовать во всякой средѣ, не только не рискуя быть подавленною, но и подготовляя своимъ примѣромъ къ воспринятію новой жизни самыхъ закоренѣлыхъ профановъ—и тоже ошибся въ разсчетахъ... Въ результатѣ... великія основныя идеи о привлекательности труда, о гармоніи страстей, объ общедоступности жизненныхъ благъ и проч., были заслонены провидѣніями, регламентаціей и, въ концѣ концовъ, забыты или, по крайней мѣрѣ, разсыпались по мелочамъ. Тѣмъ не менѣе, идея новыхъ основаній для новой жизни... остается пока во всей своей силѣ и продолжаетъ волновать мыслящіе умы» (Ibid., стр. 38).

Эта симпатія и эта одновременная критика фурьеризма исходятъ здѣсь изъ такихъ вѣрныхъ положеній, что читателю остается только одно: избѣжать невольно приходящей въ голову попытки истолковать эти взгляды геніальнаго сатирика, какъ правовѣрнаго выразителя идей современнаго соціализма. Ибо тутъ есть и указаніе на общую вѣрность принциповъ, положенныхъ въ основаніе системы Фурье, но и признаніе великаго значенія производительныхъ силъ, но и критика мелочныхъ предвидѣній, но и еще болѣе проницательная критика того индифферентизма къ «средѣ» (напр., прежде всего, къ политическимъ формамъ), который былъ кореннымъ недостаткомъ соціальнаго утопизма. Какъ бы то ни было, всякій убѣжденный соціалистъ съ гордостью отмѣтитъ, какихъ замѣчательныхъ учениковъ грандіозная система Фурье нашла на русской почвѣ въ 40-хъ годахъ...

Не мѣшаетъ прибавить, что, вѣроятно, уже въ это время фурье-

ризмъ впервые воздѣйствовалъ и на крупнѣйшаго соціалистическаго мыслителя Россіи, Чернышевскаго *), въ міровоззрѣніе котораго Фурье вошелъ неистребимымъ элементомъ. Вошелъ наравнѣ съ другими важными элементами соціальной мысли, сложившимися въ головѣ «великаго русскаго ученаго»,—какъ его назвалъ Марксъ,—въ стройную систему, оставившую глубокій слѣдъ на развитіи русскаго соціализма.

Н. С. Русановъ.

*) Студентомъ петербургскаго университета будущій авторъ „Примѣчаній къ Миллю“ и „Что дѣлать“ посѣщалъ вечера А. Милюкова и знаменитаго переводчика Диккенса, Иринарха Введенскаго. Эти лица находились въ сношеніяхъ съ петрашевцами. Здѣсь, очень возможно, и были положены основанія той симпатіи къ основнымъ принципамъ фурьеризма, которыя замѣчаются у Чернышевскаго.

СКОРЫЙ ПОѢЗДЪ

— Ѣдемъ въ Москву, и больше ни гвоздя!

Капитанъ Орлянкинъ ударилъ ладонью по столу и сталъ смотрѣть въ уголъ комнаты.

Денщикъ Максимъ Сазоновъ стоялъ въ дверяхъ и молчалъ.

— Ты слышалъ!?—рявкнулъ капитанъ, не поднимая глазъ.

— Какъ желаете, ваше благородіе... Только я располагаю, что лучше вамъ спать.

Капитанъ сердито поднялся съ клеенчатаго дивана и прошелся по комнатѣ.

— Избалованная скотина... Я тебѣ приказываю, а не позволенія у тебя спрашиваю...

Онъ искоса посмотрѣлъ на Сазонова, но тотъ невозмутимо стоялъ у двери и ногой каталъ по полу окурокъ папиросы.

Капитанъ вздохнулъ и перемѣнилъ тонъ.

— А давно мы съ тобой, Максимка, въ Москву не ѣздили...

— Недѣли двѣ, а то и того нѣтъ...

— Ну, не въ этомъ дѣло... А ты скажи-ка, братъ, который теперь часъ... Нѣтъ ли подходящаго поѣзда.

Сазоновъ вытащилъ изъ-подъ гимнастерки серебряные часы на цѣпочкѣ, украшенной разноцвѣтными камнями, и долго вертѣлъ ихъ, чтобы цыфра двѣнадцать приходилась кверху.

— Восьмого половина.

— Замѣчательно, братъ!.. Время самое драгоцѣнное... Гдѣ у меня расписаніе?..

Орлянкинъ подошелъ къ окну, взялъ толстый указатель пассажирскихъ сообщеній, сваливъ съ него груду сухого табаку на подоконникъ, сѣлъ на диванъ и придвинулъ къ себѣ свѣчу. Книга уже была раскрыта на желаемой страницѣ. Дрожащій палецъ заходилъ по рядамъ цифръ.

— Поѣдемъ мы съ тобой на скоромъ... Дорого да чортъ съ нимъ. Остановки рѣдки, да буфеты хороши... Прокатимся...

Надоѣло мнѣ здѣсь, до слезъ надоѣло... Ты вотъ что, Максимка,—приготовь тамъ все, что слѣдуетъ. У Хазера въ лавкѣ возьми колбасы, сыру, одну селедочку, да симпатичную, понимаешь ты,—красную, да пожирнѣе. Штабсъ-капитану Жидовичу сестра прислала рыжиковъ соленыхъ. Ты попроси у денщика. Самъ я не пойду къ нему. Надоѣлъ... Если бестія Хазеръ лавку заперъ, иди со двора. У него тешка должна быть. Если продалъ, пускай достанетъ, гдѣ хочетъ, а то скажи—самъ капитанъ придетъ съ нагайкой. Понялъ?.. Водки разной тоже нужно...

Сазоновъ мялся. Квадратное лицо его приняло скорбное выраженіе. Онъ смущенно блуждалъ глазами, стараясь не глядѣть на капитана, точно тотъ склонялъ его на преступленіе.

— Ваше благородіе... Извините за мое выраженіе... Семга у насъ есть... Полфунта сыру—тоже... Графинчикъ водки я, извольте, подамъ... Покушайте и ложитесь спать...

Орлянкинъ толкнулъ ногой столъ. Подсвѣчникъ упалъ и свѣча потухла.

— Дуракъ! Оглобля! Что я къ тебѣ въ гости пришелъ, что ты меня угощаешь! Захочу выпить,—пойду къ штабсъ-капитану Жидовичу... Я не пить хочу... а хочу иллюзіи... Ты, полѣно еловое, не понимаешь, что такое иллюзія... Оставь! не зажигай свѣчу! Пускай будетъ темно... Не хочу видѣть твоей рожи... Самого себя не хочу видѣть! Завтра возьми со стѣны зеркало и отдай писарямъ... Пускай на себя любуются...

Осторожно ступая въ темнотѣ, Сазоновъ поднялъ подсвѣчникъ со сломанной свѣчей и, пошаривъ у самыхъ ногъ капитана, нашелъ упавшую книгу. Послѣ этого шаги его стали удаляться къ двери.

— Максимъ...—сказалъ капитанъ.

Голосъ его былъ глухъ, но въ немъ слышалась увѣренность.

— Чего изволите?..

— Ефрейторомъ хочешь быть?

— Такъ точно.

— Хочешь? Ишь какой шустрый... А въ Москву хочешь ѣхать?

— Какъ прикажете.

— Если я прикажу,—ты у меня балериной плясать будешь. А я не хочу приказывать. Я хочу, чтобы ты самъ вошелъ во вкусъ... Постарался бы отъ души... Угодилъ бы своему начальнику.

Орлянкинъ сокрушенно вздохнулъ и повалился на диванъ.

— Нѣтъ, плохой ты мнѣ слуга, Максимка. Пошлю я тебя

въ роту, а себѣ возьму другого... Не вижу я отъ тебя никакого утѣшенія...

Сазоновъ вспомнилъ о новыхъ погонахъ, крѣпкихъ, какъ металлъ, съ ярко желтыми лычками. Они давно были изготовлены Хазеромъ и лежали въ сундучкѣ. Онъ безъ приказанія зажегъ свѣчу и, въ раздумьи, сталъ скоблить ногтемъ на столѣ капли стеарина. Въ угрозы капитана онъ не вѣрилъ и думалъ: „напрасны ваши выраженія". Наконецъ, оглядѣвъ комнату и какъ бы поборовъ свою нерѣшительность, онъ строго обратился къ капитану:

— Извольте одѣваться, ваше благородіе.

Орлянкинъ, кряхтя, поднялся съ дивана.

— Этакая скотина... Ефрейторомъ хочетъ быть... Ну, чортъ съ тобой,—будешь. Я сказалъ—и будешь... Если денщикъ штабсъ-капитана Жидовича спроситъ, скажи—боленъ. Никого не пускай. Фельдфебеля гони въ шею.

Орлянкинъ кряхтѣлъ, потиралъ руки, расправлялъ бороду, точно онъ хорошо выспался и чувствовалъ себя бодрымъ и свѣжимъ.

Максимъ удвоилъ свою серьезность и сталъ порывисто передвигать мебель.

— Все переверни наизнанку, чтобы комнаты не узнать.

Орлянкинъ вышелъ въ корридоръ и свернулъ во вторую нежилую комнату своей квартиры.

Тутъ было темно и холодно. Половина стѣны у двери освѣщалась фонаремъ со двора. Здѣсь на гвоздяхъ висѣли: пальто, фуражка, шапка и нагайка. Орлянкинъ одѣлся и сѣлъ на подоконникъ. Въ сосѣдней комнатѣ Максимъ гремѣлъ стульями. Орлянкинъ прислушивался къ этимъ звукамъ и радостно волновался. Ему представлялись сборы въ дорогу, воображеніе уносило его неопредѣленно впередъ, прочь отъ надоѣвшаго, темнаго угла. Онъ радовался, какъ человѣкъ, который долго блуждалъ въ лѣсу и сейчасъ долженъ выйти въ открытое, свободное поле.

— Возьму чемоданъ,—подумалъ онъ, подошелъ къ углу, пошарилъ тамъ, разбросалъ какія-то доски, вытащилъ небольшой чемоданъ и поставилъ его на подоконникъ. Въ одномъ отдѣленіи онъ нашелъ смятую надувающуюся подушку, въ другомъ лѣтнюю фуражку, которую швырнулъ на полъ. „Мыла и полотенца брать не буду",—ухмыляясь, рѣшилъ онъ и опять обрадовался, что все устраивается такъ легко, и сборы не представляютъ большихъ хлопотъ.

Не забыто ли что-нибудь? Онъ еще зажегъ спичку и поднялъ ее надъ головою. Но ему не нужно было осматривать комнату. Онъ наизусть зналъ въ ней каждую вещь, какъ неприбранный мусоръ, намозолившій глаза.

На полу у окна стояла большая модель корабля, которую онъ ощущалъ теперь ногою. Онъ купилъ ее случайно въ городѣ, куда ѣздилъ за новымъ сортомъ табаку. Вообще все, что съ нимъ въ жизни дѣлалось, происходило или машинально, или имѣло случайный характеръ. Какой-то мастеровой несъ на головѣ этотъ самый корабль. Орлянкинъ остановилъ его, осмотрѣлъ работу, похвалилъ и купилъ за пятнадцать рублей. Во фруктовомъ магазинѣ онъ велѣлъ запаковать покупку и на радостяхъ, что пріобрѣлъ по случаю прекрасную вещь, купилъ десятокъ гранатъ и отправился на поѣздъ, забывъ купить табаку. По пріѣздѣ на свою станцію, онъ такъ былъ озабоченъ доставкой модели на квартиру, что гранаты забылъ въ вагонѣ.

Вечеромъ къ нему пришли товарищи офицеры осмотрѣть случайную покупку, и онъ умоляющимъ тономъ просилъ ихъ обратить вниманіе на замѣчательную работу. Каждый блочекъ, каждая пушечка были сдѣланы съ натуральной точностью.

— А зачѣмъ, собственно, тебѣ нужна эта штука? - спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Какъ зачѣмъ? А работа! За такую работу не дать пятнадцати рублей, это—свинство.

— Игрушка хорошая. Только вѣдь дѣтей у тебя нѣтъ и не будетъ.

Орлянкинъ обидѣлся и ничего не отвѣчалъ.

Три дня послѣ этого онъ, густо дымя папироской, осматривалъ модель, обходя ее со всѣхъ сторонъ, а на четвертый велѣлъ Максиму убрать ее куда нибудь подальше. Онъ не прочь былъ бы подарить ее кому-нибудь или просто выбросить на дворъ, но ему иногда доставляло горькое удовольствіе посмотрѣть на нее и подумать:

— Купилъ, дуракъ,—теперь и любуйся.

Въ лѣвомъ углу валялась груда деревянныхъ досокъ, лобзикъ и двѣ стороны выпиленнаго и не склееннаго шкафика. Тутъ же торчалъ патентованный аппаратъ для сниманія сапогъ. Послѣ покупки онъ оказался не нуженъ, потому что Максимъ былъ такимъ же приборомъ, но еще болѣе усовершенствованнымъ.

Орлянкинъ закрылъ глаза и вспомнилъ, какъ три года тому назадъ онъ со штабсъ-капитаномъ Жидовичемъ ѣздилъ въ городъ къ знакомому судебному приставу, у котораго была дочь, дѣвица лѣтъ тридцати пяти, умѣвшая смѣяться, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, и занимавшая мужчинъ показываніемъ своихъ фотографическихъ портретовъ. На одномъ изъ нихъ она была снята въ деревенскомъ платочкѣ, съ корзиной грибовъ въ рукахъ, и потому очень по-

нравилась Орлянкину. Отецъ просилъ его заходить почаще, дѣвица звала его въ циркъ, но потомъ, собираясь къ нимъ, онъ вспоминалъ, что изъ цирка онъ къ поѣзду не поспѣетъ, и придется у нихъ ночевать. Между тѣмъ, безъ денщика онъ не могъ снять своихъ сапогъ, а потому поѣздку откладывалъ до тѣхъ поръ, пока дѣвица не вышла замужъ.

На освѣщенной стѣнѣ висѣла выпиленная овальная рама для зеркала. Въ углу стояла солдатская винтовка, а рядомъ на полу—четыре тома энциклопедіи.

Максимъ нѣсколько разъ пробѣгалъ по корридору, и въ полусвѣтѣ видно было, какъ онъ проносилъ тарелки, бутылки, самоваръ. Наконецъ, онъ пронесъ зажженную лампу, послѣ чего зазвонилъ тоненькій ручной колокольчикъ.

Орлянкинъ встрепенулся, схватилъ чемоданъ и вошелъ въ большую комнату.

Стулья стояли длиннымъ рядомъ, и въ концѣ его — диванъ. Столъ былъ передвинутъ къ противоположной стѣнѣ, къ печкѣ, въ которой ярко горѣли дрова.

Столъ, освѣщенный двумя свѣчами и лампой, красовался разнообразной закуской. На табуреткѣ шипѣлъ самоваръ. Было свѣтло, тепло и уютно.

Орлянкинъ издали осмотрѣлъ закуску и отрадно вздохнулъ.

— Ну, гдѣ тутъ второй классъ?!. Чортъ васъ разберетъ...

— Пожалуйте въ первый, помягче будетъ.

Максимъ указалъ на диванъ. Онъ уже отвѣчалъ безъ прибавленія чиновъ. Его новая роль не имѣла ничего общаго съ денщицкой.

— Ладно и во второмъ. Вотъ что, любезный, принеси-ка мнѣ изъ буфета папиросъ. Закусить я теперь, пожалуй, не успѣю, такъ ты меня не забудь разбудить въ Любани... Тебя какъ звать?

Максимъ ухмыльнулся и лѣниво махнулъ рукой.

— Все по старому... Максимомъ...

— Ну, старайся—получишь на чай.

Орлянкинъ сталъ устраиваться. Снялъ пальто, разложилъ его на стульяхъ, вынулъ изъ чемодана подушку, надулъ ее и, кряхтя отъ удовольствія, легъ. Было жестко и коротко, но это пріятно дразнило его, заставляя искать удобную позу.

Папиросы были принесены, но Орлянкинъ не сталъ курить, потому что хорошо примостился и не хотѣлъ шевелиться.

Максимъ налилъ себѣ на дорогу чаю, поставилъ стаканъ на крайній стулъ, самъ сѣлъ на второй, протяжно свистнулъ, засунувъ два пальца въ ротъ, и поѣздъ тронул

Это было ясно слышно, такъ какъ Максимъ, держа стаканъ въ рукахъ и упершись ногой въ передній стулъ, непрерывно гремѣлъ имъ.

Станція погрузилась во мракъ. Свѣчи были потушены, а у лампы, поставленной на полу, за столомъ, свѣтъ былъ прикрученъ.

Орлянкинъ, прищурясь, смотрѣлъ въ полутьму, весьма довольный, что комната стала неузнаваема. Пустая, темная стѣна, гдѣ всегда стоялъ диванъ, теперь казалась безконечнымъ заборомъ, который тянется передъ идущимъ поѣздомъ. Прикрывъ одинъ глазъ, онъ уже видѣлъ не заборъ, а глубокую, черную равнину, а черезъ минуту—вмѣсто равнины, потянулся темный осенній лѣсъ. Большая часть потолка закрылась тѣнью, и пятно, похожее на голову носорога, теперь исчезло. Все это было ново и пріятно.

Въ длинныя ночи, когда его мучила безсонница, онъ заставлялъ Максима набивать папиросы или перелистывать энциклопедію. Однообразные звуки его убаюкивали. И теперь, слыша громыханіе стула, онъ сталъ засыпать.

Но Максимъ уже выпилъ свой стаканъ чаю и громко возгласилъ:

— Станція Любаны!

Орлянкинъ открылъ глаза и сейчасъ-же почувствовалъ, что онъ голоденъ. У стола было опять свѣтло. Орлянкинъ подошелъ, осмотрѣлъ закуску, потеръ руки, расправилъ бороду и протяжно произнесъ:

— Да... а!..—желая этимъ выразить, что счастье человѣка всегда находится въ его рукахъ. Нужно только умѣть устраиваться.

— Начну я, братецъ ты мой, не съ водки... У меня свой порядокъ. Пиво есть?

— Какъ прикажете: бутылочку, или кружечку?

Квадратное лицо Максима расширилось, и на щекахъ выросли два шара, блестящіе и упругіе, какъ яблоки. Онъ нагнулся, и въ рукѣ у него очутилась большая стеклянная кружка, которую онъ съ размаху поставилъ на столъ. Если бы съ потолка упалъ мѣшокъ съ золотомъ, Орлянкинъ былъ бы менѣе пораженъ.

Онъ любовно осмотрѣлъ кружку со всѣхъ сторонъ.

— Ишь ты, каналья... Ишь, распротобестія... Ну, наливай... Чортъ съ тобой... Давно я не пилъ изъ кружки...

Первую кружку онъ выпилъ залпомъ, вторую сталъ смаковать.

— Хорошо у васъ тутъ... Тепло, спокойно... Ну, какъ дѣла?.. Какъ торгуете?..

Орлянкину хотѣлось поговорить о чемъ-нибудь новомъ,

но Максиму не нравилось, что такіе вопросы заставляютъ его валять дурака, и онъ отвѣчалъ неохотно и уклончиво:

— Ничего... дѣла обыкновенныя...

— Ну, какъ семейство?.. Всѣ ли здоровы?

Максимъ нахмурился и посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Всѣ здоровы... Слава Богу... Закуска, между прочимъ, всякая есть. Вотъ, извольте: грибочки маринованные, рыбка соленая, сардинки...

— Вижу, вижу, братъ! Я на всякой станціи люблю закусывать... Ну, благослови Господи, наливай для начала большую...

Выпивъ, онъ закусилъ тешкой и еще выпилъ.

— Хорошо у васъ тутъ. Дома сидишь, и ничего тебя не радуетъ—даже водка. А въ дорогѣ дѣлать-то нечего, ну и развлекаешься. Наливай-ка еще...

— Сейчасъ звонокъ—извольте торопиться...

— Ну, одну успѣю...

Онъ торопливо выпилъ и, пережевывая на ходу сардинку на хлѣбѣ, поспѣшилъ на мѣсто. Но на этотъ разъ онъ легъ не на стулья, а на диванъ. Опять вспомнилась ему кружка пива, и, весьма довольный, онъ повторялъ:

— Ай да Максимка... И голова-же у этой канальи... Что-жъ! Ничего не подѣлаешь. Ефрейтора за кружку пива, и больше ни гвоздя!..

Поѣхали дальше.

Орлянкинъ, ощупавъ около себя, замѣтилъ, что онъ забрался въ I-й классъ. Онъ ждалъ, что Максимъ сдѣлаетъ ему замѣчаніе. „Скандалъ, такъ скандалъ, а отсюда я не уйду“, и онъ очень желалъ, чтобы это случилось, потому что чувствовалъ въ себѣ необыкновенный приливъ мужества.

— Вотъ, дома сидишь, хвостъ поджавши, точно каторжникъ, а теперь и дышится легче, и никого ты знать не хочешь. Все, что проѣхало мимо—все на смарку. Это оттого, что движеніе впередъ придаетъ человѣку отвагу и рѣшимость... Совершенно вѣрно. Пускай кто-нибудь сдѣлаетъ мнѣ замѣчаніе—я знаю, что отвѣтить: не признаю—и больше ни гвоздя... Пускай придетъ капитанъ Жидовичъ. Вонъ! Не признаю!.. Пускай пріѣдетъ баталіонный или самъ командиръ—то же самое... Ей-Богу, не вру. Чѣмъ я хуже ихъ? Пьяницы и картежники. Только и разницы, что у одного на погонахъ полоска, а у другого двѣ...

— А пріятно, чортъ побери, уѣхать куда-нибудь подальше. Смотришь на всѣхъ издали, какъ на букашекъ, и на все тебѣ въ высшей степени наплевать... Въ прошломъ году пору-

чикъ Телятинъ застрѣлился отъ тоски—и глупо. Надо умѣть устроиться... Вотъ, напримѣръ, я...

Максимъ самъ любилъ выпить и теперь былъ-бы не прочь, но обстановка ему не нравилась. То, что вдохновляло Орлянкина, отбивало у него охоту. Онъ былъ религіозенъ и солиденъ. Шутки и смѣхъ, по его мнѣнію, происходятъ отъ глупости. Свою роль онъ исполнялъ, скрѣпя сердце, и его подбодряла только надежда на ефрейторскія нашивки.

— Станція Чудово!.. Остановка десять минутъ!..

Максимъ подошелъ къ дивану и подложилъ Орлянкину резиновую подушку.

— Тутъ помягче будетъ, ваше...

— А что мнѣ на васъ смотрѣть! Протоколъ? Не признаю!.. Начальникъ станціи? Не признаю!..

— Пожалуйте закусить...

Максимъ опять зажегъ свѣчи и поставилъ лампу на столъ.

Видя, что дѣло обошлось безъ скандала, Орлянкинъ снова обрадовался и подошелъ къ буфету.

Максимъ уже стоялъ на своемъ мѣстѣ, мрачный и сосредоточенный. Эта серьезность особенно нравилась Орлянкину. Если бы Максимъ, поддавшись его настроенію, сталъ балагурить, то онъ, пожалуй, прогналъ-бы его и прекратилъ комедію, но его состояніе онъ истолковывалъ, какъ серьезное и добросовѣстное отношеніе къ своей роли.

— Да, пріятно поговорить со свѣжимъ человѣкомъ! — сказалъ онъ, выбирая закуску.—Налей-ка, братецъ, мнѣ англійской горькой.

Орлянкинъ пылалъ охотою поговорить по душѣ. Онъ чувствовалъ, что сегодня онъ долженъ развязать свой языкъ, сказать нѣчто важное и даже рѣшиться на какой-нибудь шагъ, который долженъ доказать его смѣлую независимость и презрѣніе къ окружающему. Максимъ могъ ему ничего не отвѣчать, но онъ былъ живой человѣкъ, съ ушами котораго можно не стѣсняться. Что онъ молчитъ и не противорѣчитъ—это даже лучше: истина останется на сторонѣ говорящаго.

Не зная, съ чего начать, онъ машинально спросилъ:

— Ну, какъ у васъ тутъ насчетъ бабъ?..

Максимъ поморщилъ брови и съ недоумѣніемъ оглянулся. Отвѣта не было.

— Хорошо, если-бы тутъ посадить рядомъ какую-нибудь особу... Воздухъ бы сразу другой сталъ... Духи, одеколонъ, фиксатуаръ... Ужъ мы бы ее того... угостили-бы... Да, чортъ возьми, красивыя бываютъ бабы. Другая переходитъ черезъ дорогу, подыметъ юбку, а у нея оттуда розовый кончикъ нижней выглядываетъ... Все для приманки.. Или, теперь эти

сапоги или, тамъ, калоши — сѣренькіе, съ пушкомъ—просто бомбоньерка... Обидно сапогомъ назвать. А внутри—алебастръ живой, жилочки трепещутъ, теплота и нѣжность, — прямо словно какой-нибудь зайчикъ новорожденный... И кому такія женщины достаются? Ходятъ по улицамъ, ѣздятъ на извозчикахъ, смотрятъ въ окна, а ты ихъ только издали и видишь... Ей-Богу!.. Вотъ, до старости дожилъ, голова голая, а вѣдь ни одна баба меня не любила...

Орлянкинъ снялъ фуражку и бросилъ ее на полъ.

Эта рѣчь затронула Максима, и онъ неожиданно для себя глубоко вздохнулъ.

— Бабу, ваше благородіе, надо держать дома.

— Удержишь, какъ же!..

— Если мнѣ жениться, такъ посажу я ее, жену свою, дома въ родѣ, какъ въ клѣтку, и запоетъ она у меня соловьемъ, какъ кинареечка...

Изъ словъ Максима Орлянкинъ понялъ, что рѣчь получила совсѣмъ не то направленіе, которое онъ хотѣлъ. Оглянувшись, онъ замѣтилъ, что ему чего то не хватаетъ.

— У васъ въ буфетѣ и стульевъ нѣтъ, черти! Заявленіе напишу!..

Максимъ подставилъ ему табуретку изъ-подъ самовара.

Собравшись съ мыслями, Орлянкинъ продолжалъ:

— Долженъ вамъ разсказать, какъ я вышелъ въ отставку... А почему это произошло—надо понять.

Онъ опустилъ голову, и когда поднялъ ее, то глаза его были красны, брови нахмурены и нижняя челюсть выдвинута впередъ. Онъ нѣсколько секундъ, не мигая, упорно и свирѣпо смотрѣлъ на Максима, точно увидѣлъ своего лютаго врага.

— Ты кто такой?

— Я есть солдатъ.

— Врешь... ты не солдатъ—ты самозванецъ. Подумай и отвѣчай: былъ ты когда-нибудь солдатомъ, или нѣтъ?

Орлянкинъ сердито самъ наполнилъ свою рюмку.

— Ваши слова, на которыя можно даже удивляться...

— Въ деревнѣ ты былъ дуракомъ, а теперь сталъ идіотомъ. Ты разсуди. Если, скажемъ, человѣкъ будетъ тонуть, станешь ты его спасать?

— Такъ точно...

— Ну, хорошо. А можешь ты себя поэтому теперь назвать спасателемъ утопающихъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Вотъ, видѣлъ? Теперь скажемъ, солдатъ есть защитникъ отечества. А припомни-ка: защищалъ ты свое отечество, или не приходилось еще?

Максимъ упорно молчалъ.

— Есть работники заводскіе, фабричные и прочіе. Есть машинисты, телеграфисты, ремесленники, ученые, музыканты. Въ полковомъ хорѣ тотъ, который бьетъ въ большой барабанъ, и тотъ музыкантъ. У всякаго свое дѣло. А тѣ, которыхъ по совѣсти можно назвать солдатами,—тѣ убиты или искалѣчены, а если цѣлы, то себѣ цѣну знаютъ... Вотъ какая исторія. А мы съ тобой безработные, и больше ни гвоздя... Только настоящіе безработные съ голоду дохнутъ, а вотъ такіе, какъ мы, слава тебѣ Господи, сыты, здоровы—живемъ отъ рюмки до рюмки...

— Эхъ, Максимка, подлецъ ты этакій, вѣдь всякій человѣкъ долженъ себя цѣнить и уважать и свою точку въ жизни имѣть. Было такое время, что и я себя уважалъ и свою точку искалъ. Пятнадцать лѣтъ все собирался спасать отечество, да не пришлось. Только и было, что утромъ надѣвалъ шашку, а вечеромъ снималъ. Обидно стало продолжать такое занятіе и получать деньги. Подумалъ, подумалъ я и пошелъ искать работы...

—„Кто такой?"—спрашиваютъ.—„Штабсъ-капитанъ въ запасѣ". „Извините", говорятъ,—„такихъ не нужно, въ нашемъ дѣлѣ почету мало". Въ другомъ мѣстѣ спрашиваютъ: „что дѣлать умѣете?" А что я умѣю? Шинель надѣть или папироску набить самъ не умѣю. Безъ няньки уснуть не умѣю. Избаловали меня за пятнадцать лѣтъ такіе балбесы, какъ ты... Наливай!

— Разсердился я. „Дайте мнѣ, чортъ возьми, колесо вертѣть или ящики таскать!"—Помилуйте,—говорятъ,—какъ возможно—дѣло не офицерское... Хоть паспортъ подложный бери... Попалась, наконецъ, работишка подходящая—чертежи дѣлать. По училищу дѣло знакомое. Было насъ трое, вмѣстѣ жили: я, инженерный кондукторъ да какой то шпакъ. И чортъ его знаетъ, этотъ самый штрюкъ,—на видъ заморышъ, глаза какъ у рыбы, голодный, едва дышитъ,—а работаетъ весь день напролетъ. Въ другой разъ и до утра просидитъ, а у меня глаза къ вечеру слипаются, рейсфедеръ изъ рукъ падаетъ... Не могу—хоть палкой бей... Работа общая, деньги поровну, едва на харчи хватаетъ, а мнѣ еще рюмку водки къ обѣду подавай... Старая привычка! Смотрѣли, смотрѣли на меня мои компаніоны, да и бросили меня...

— Попробовалъ я еще наборщикомъ поработать. Въ типографію позже меня двѣ дѣвицы поступили. Скоро стали онѣ по тридцати рублей заколачивать, а я едва до двадцати дотягиваю. Стараюсь, что есть мочи, съ рабочими держусь въ одну линію, какъ въ строю, а тяжело мнѣ съ ними, не-

ловко: идемъ рядомъ, а въ ногу не попасть... Все равно какъ новобранецъ изъ деревни...

— Рабочіе говорятъ мнѣ „вы", обращаются деликатно, а въ глаза не смотрятъ... Больше на сапоги да на одежду... точно обыскиваютъ... Трудно мнѣ дышать стало. Чувствую, какъ угаръ кругомъ меня. Люди ходятъ, хлопочутъ, работаютъ, а меня точно не замѣчаютъ—точно и нѣтъ меня. И самъ-то я себя не замѣчаю. Вижу руки, черныя отъ шрифта, рукава обтрепанные, чувствую,—голова болитъ, а самого себя не чувствую... Посторонняя личность, и больше ни гвоздя...

— Въ разговоръ съ ними вмѣшаюсь, замолчатъ, а если и поведутъ при мнѣ рѣчь—смутно мнѣ и обидно слушать. Другими мозгами думаютъ, другимъ языкомъ говорятъ, чѣмъ я привыкъ. Коробитъ меня каждое слово, падаетъ на меня въ родѣ укора. Попробуешь подладиться, вставить слово, видишь,—не вѣрятъ, и самъ я себѣ не вѣрю...

— Походилъ такъ четыре мѣсяца... Бросилъ... Не могу... И хочу, а не могу... Ей Богу, не вру...

— И нельзя сказать, что мнѣ не везло. Двухъ недѣль не прошло, опредѣлилъ меня добрый человѣкъ домомъ управлять. Домина огромный. Жильцовъ цѣлый городъ—все больше народъ неимущій. Дѣловъ судебныхъ гибель... Готовая квартира и шестьдесятъ рублей денегъ въ мѣсяцъ. Первый мѣсяцъ даромъ, въ видѣ испытанія. Ну, думаю, вотъ гдѣ буду самъ себѣ головой, покомандую по старому. Посидѣлъ я въ конторѣ недѣли двѣ. Первую недѣлю вникалъ, вторую недѣлю прицѣливался къ дѣлу, а на третью зоветъ меня домовладѣлецъ къ себѣ.

Старикъ солидный, гласный думы и купецъ. Смотритъ на меня бокомъ.

— Ну, говоритъ, молодой человѣкъ, я васъ узналъ. Заходилъ въ контору. Порядку мало, и дѣло стоитъ. У васъ, говоритъ, сноровки нѣтъ. Мнѣ нуженъ человѣкъ съ головой, такой, чтобы нюхомъ зналъ, что въ каждомъ углу дѣлается, а вы, извините, не такъ воспитаны. Нечего намъ даромъ терять времени. А чтобы вамъ не обидно было,—вотъ тридцать рублей. Вамъ нужно подыскать мѣсто казенное, чтобы было спокойно и необременительно. Удивляюсь на васъ: были, кажется, офицеромъ. Чего лучше,—и служба почетная, и головы ломать не приходится... Желаю быть здоровымъ...

— Взялъ я тридцать рублей и недѣлю крутилъ. Сколько ни старался, сколько ни тянулъ, а прямой линіи не вытянулъ. Завернулъ кругомъ себя и опять пришелъ къ той же точкѣ. Написалъ прошеніе и подалъ въ штабъ...

Орлянкинъ опустилъ голову и задумался.

— Ну, слава Богу,—облегченно вздохнулъ Максимъ.

— Не знаю, кому слава... а мнѣ обидно...

— А вы не обижайтесь, ваше благородіе... При вашемъ положеніи...

Орлянкинъ вскочилъ съ табуретки, точно его ударили. Одной рукой онъ схватилъ за уголъ стола и тряхнулъ его такъ, что двѣ бутылки упали, и вино полилось на скатерть.

— Кто!? Кому!? Съ кѣмъ ты говоришь?! Гдѣ благородіе? Гдѣ капитанъ? Тутъ нѣтъ капитановъ! Не признаю!!! Тутъ пассажиръ... Капитанъ не смѣетъ такъ разговаривать... Арестовать его!!...

Максимъ испугался, но сейчасъ же нашелся.

— Ваше... бл... баринъ... господинъ пассажиръ! Успокойте ваше поведеніе... Сейчасъ звонокъ...

Онъ схватилъ звонокъ и сталъ трясти имъ въ воздухѣ.

— Налей еще рюмку, и чтобы никому ни слова... чтобы никто ни полслова. Я одинъ могу говорить... Я посторонняя личность...

Онъ легъ на диванъ, цѣпляясь руками за сморщенную клеенку. Тяжело мигая вѣками, онъ осмотрѣлъ комнату и машинально поднялъ глаза на потолокъ. Пятно, похожее на голову носорога, было освѣщено и приходилось какъ разъ надъ нимъ. Потолокъ казался низкимъ, тяжелымъ и готовымъ обрушиться. Орлянкинъ опять почувствовалъ приливъ тоски. Онъ боязливо посмотрѣлъ въ дверь и черезъ стѣну увидѣлъ модель корабля, томы энциклопедіи, приборъ для сниманія сапогъ... „Выбросить“ подумалъ онъ, но сейчасъ же вспомнилъ что всѣ эти предметы до того тяжелы, что ихъ невозможно поднять. „Поджечь“—мелькнуло у него въ головѣ. и эта мысль ему понравилась, потому что его тянуло на какой-нибудь отчаянный поступокъ.

Онъ сѣлъ и оглянулся черезъ спинку дивана.

На столѣ было свѣтло. Максимъ не потушилъ свѣчей, думая, что баринъ уснетъ, и осторожно закрывалъ печную трубу.

— Какая станція? — спросилъ Орлянкинъ, приходя въ возбужденіе.

— Малая Вишера,—неохотно отвѣчалъ Максимъ.

— Открывай буфетъ, холуй! Плохо прислуживаешь. Наливай вина—некогда!

Максимъ, скрѣпя сердце, опять взялся за свою роль.

— Впрочемъ, хоть ты и холуй, но покорный холуй. За это спасибо. Я и самъ бывалъ скотиной, но скотиной благодарной... Ты будешь вознагражденъ. Мы съ тобой двое, а до остальныхъ намъ нѣтъ дѣла. Мы на необитаемомъ островѣ Я—Робинзонъ, а ты—Пятница. Если бы ты ходилъ на четырехъ ногахъ и блеялъ по овечьи—все равно я бы любилъ

тебя. Ты и такъ тварь безсловесная, хоть и ходишь на двухъ ногахъ.

— Покорнѣйше благодарю.

— Не смотри на меня, какъ утопленникъ. Ты видишь: я доволенъ. Сегодня надо покончить дѣло... Надо отмочить что-нибудь сверхъестественное. Засѣла у меня въ головѣ одна идея. Мы ѣдемъ въ Москву?.. Этого мало... Надо махнуть куда-нибудь подальше. О старомъ ни слова... Не признаю!.. Капитанъ Орлянкинъ пьяница... Между нами все кончено... Насъ двое, и одинъ другого ненавидитъ... Жидовичей тоже двое... Ихъ всѣхъ тамъ по двое. Они молчатъ и скрываютъ другъ отъ друга, а я знаю. Первый ходитъ на службу, носитъ мундиръ, получаетъ жалованье и гордится, а второй дома раздѣтый ходитъ, мозгами шевелитъ, если есть, и отъ людей прячется... Но больше ни слова... Максимка!.. Будь безсловеснымъ животнымъ и жди момента...

Онъ бросилъ рюмку на полъ и осколки отбросилъ ногой.

— Довольно! Ѣдемъ дальше... я самъ поведу поѣздъ... Гдѣ паровозъ?!

„Быть скандалу,“—подумалъ Максимъ.

— Легли бы лучше...

— Лечь!? Ни въ какомъ случаѣ... Я только сейчасъ проснулся. Я и васъ подыму! Я такого звона задамъ, что у васъ мозги зашевелятся. Гдѣ паровозъ?!

Онъ сѣлъ на второй стулъ, а Максима посадилъ на передній. Поминутно подергивая плечами, какъ въ лихорадкѣ, онъ говорилъ глухо и отрывисто:

— Ты у меня не притворяйся умнымъ, когда ты безсловесное животное. Начали дѣло, такъ надо кончать... Вотъ, видишь, тамъ темно... Это дорога... Ты скажешь, дворъ? А ты гляди не глазами, а мозгами... Холодно здѣсь, или жарко? По моему, жарко... Это что?.. Окно? Долой его! Максимка, бей стекло!

— Зачѣмъ безобразить... Я форточку открою...

— Прошу тебя, не противорѣчь мнѣ.

Орлянкинъ всталъ, взялъ шашку и размѣренными ударами выбилъ нижнія стекла въ окнѣ. Затѣмъ, самодовольно улыбаясь, сѣлъ на мѣсто.

— Хорошо быть кочегаромъ. Это похоже на стулъ, но это паровозъ... Мнѣ жарко отъ огня, но встрѣчный вѣтеръ обдуваетъ... Хорошо!.. Однако, намочилъ бы ты мнѣ голову... Или, впрочемъ, нѣтъ, не отходи отъ меня... Загвоздила у меня тутъ одна мысль, вотъ въ этой самой головѣ... И вѣдь смѣшно посмотрѣть. Лобъ у меня громадный, какъ у Сократа, а для чего, спрашивается? Насмѣшка природы. Ноги у меня короткія и кривыя. Другимъ ничего. Съ такими же

ногами людей даже уважаютъ, а для меня—срамъ. На затылкѣ у меня складка. Другимъ это не запрещается, а надо мной смѣются... самъ слышалъ... На рукахъ у меня мускулища вонъ какіе, а для чего—что я, работникъ?

Онъ на минуту поникъ головой.

— И вѣдь не было ни одного человѣка, который посмотрѣлъ бы на меня съ уваженіемъ... Ни распроединственнаго... Только такія безсловесныя твари, какъ ты, и воздавали мнѣ честь...

... Ну, ничего... объ этомъ ни слова... Сегодня мнѣ дышится легко... Ходу!.. Ишь, вѣтеръ такъ и свищетъ. Спина болитъ, въ головѣ свинецъ, а кругомъ обдуваетъ... Хорошо!

Онъ откинулся на спинку стула и сталъ смотрѣть передъ собою расширенными глазами, безсвязно повторяя, какъ бы въ бреду:

— Хорошо!.. Народу тьма... Трезвонъ... Люди кричатъ, машутъ флагами... Тише ходъ!—задавишь людей... Тише ходъ!! тебѣ говорятъ... чортъ!..

Онъ сжалъ колѣно Максима. Тотъ всталъ и посмотрѣлъ въ окно.

— Тамъ, впереди... далеко... куда глядишь!

Орлянкинъ тоже всталъ, пристально посмотрѣлъ передъ собою и провелъ рукою по лбу.

— Это кто?—спросилъ онъ шепотомъ.

— Гдѣ?

— Вотъ тамъ.

Орлянкинъ указалъ рукой на висящее въ простѣнкѣ зеркало.

Максимъ приблизилъ голову къ плечу Орлянкина и, узнавъ въ чемъ дѣло, очень обрадовался, что капитанъ пришелъ въ себя.

— Да это вы, ваше благородіе...

— Какъ зовутъ?

— Капитанъ Орлянкинъ...

— Ну, довольно... конецъ...

Онъ грузно опустился. Съ недоумѣніемъ осмотрѣлъ свою тужурку, ноги, нагнулся и посмотрѣлъ подъ стулъ.

— Что вы желаете, ваше благородіе?

Орлянкинъ судорожно ухватился за руку Максима.

— Прошу тебя: сиди и дѣлай свое дѣло, а я пойду и сдѣлаю свое... Мнѣ одинъ конецъ..

Онъ опять посмотрѣлъ подъ стулья и уставился на Максима упорнымъ и испуганнымъ взглядомъ.

— Зачѣмъ вы плачете, ваше благородіе?

— Объ этомъ никому ни слова... Сиди и дѣлай свое дѣло... а я пойду... Это паровозъ?

— Такъ точно.

— А тутъ рельсы?

— Такъ точно.

Орлянкинъ осторожно и боязливо выдвинулъ ногу, затѣмъ всталъ, прошелъ два шага и легъ на полъ передъ переднимъ стуломъ.

Какъ ни былъ тронутъ Максимъ предыдущей сценой, но теперь, видя Орлянкина, растянувшагося на полу въ неестественной позѣ, съ руками, плотно прижатыми къ тѣлу, онъ фыркнулъ и помоталъ головой.

... Сначала Орлянкинъ почувствовалъ, какъ спазмы сдавили ему горло. Надглазной кости и скулѣ было больно отъ пола и холодно и жестко, какъ отъ стали. Ему было невыносимо обидно, что онъ такъ жестоко безжалостенъ къ самому себѣ. Сначала ему казалось, что полъ подъ его головой опускается, но затѣмъ опять поднялся. Щеки, уши, шея, казалось, становились тяжелѣе и общей массой расползались по полу. Грудь плоская, какъ доска, пуговицы на тужуркѣ, погоны — все соединилось въ общую массу и распласталось по полу. Какъ бывало въ безсонныя ночи, онъ сталъ прислушиваться къ звону въ ухѣ, но теперь этотъ звонъ онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ. Однимъ глазомъ онъ видѣлъ, какъ Максимъ, безъ лица, тяжелый, какъ каменная плита, висѣлъ надъ нимъ, готовый также распластаться по полу. Отъ него исходилъ тотъ же однообразный звонъ. Полъ тоже звенѣлъ, но болѣе низкимъ тономъ. Здѣсь отзывалось журчаніе рельсъ, по которымъ приближается поѣздъ. Въ этомъ звукѣ, похожемъ на хрустѣніе полозьевъ по снѣгу, чувствовался подавляющій ужасъ. Отъ него становилось холоднѣе и темнѣе. Орлянкинъ закрылъ свободный глазъ и, въ ожиданіи, пересталъ дышать. Мракъ сталъ густымъ и тяжелымъ, такъ что онъ ощущалъ его съ закрытыми глазами. Онъ попробовалъ вздохнуть, но только захрипѣлъ, потому что всепроникающій звонъ заполнилъ собою все. Не было ни воздуха, ни мрака, ни тяжести—оставался одинъ мертвящій непрерывный звонъ, который будетъ продолжаться вѣчно...

...Максимъ нѣсколько минутъ глядѣлъ на Орлянкина, а когда тотъ захрипѣлъ, онъ успокоился, думая, что баринъ, наконецъ, уснулъ, и нагнулся къ нему, чтобы переложить его на диванъ. Взялъ его за плечи, хотѣлъ поднять, но было тяжело. Онъ сѣлъ на корточки, закурилъ папироску и сталъ равнодушно, какъ ненужную вещь, оглядывать лежащее тѣло отъ стоптанныхъ каблуковъ до рѣдкихъ торчащихъ сѣрыхъ волосъ на затылкѣ. Тужурка на спинѣ и рукава въ локтяхъ собрались складками, а руки безпомощно протя-

нулись по полу ладонями кверху. Глядя на эти ладони, Максимъ подумалъ, что не дождаться ему нашивокъ на погоны.

— Тоже путешественникъ, — сказалъ онъ вполголоса и всталъ.

Въ комнатѣ было холодно. Машинально Максимъ подошелъ къ окну, чтобы запереть его, но, увидѣвъ разбитыя стекла, какъ бы очнулся отъ дремоты, оглядѣлъ комнату, расставленные стулья, столъ съ бутылками и закуской, осколки рюмки на полу и только теперь замѣтилъ странную тишину. Онъ опять подошелъ къ лежащему, взялъ его за одно плечо и повернулъ на спину. Глаза у Орлянкина были закрыты. На правой сторонѣ лба и на скулѣ синѣли два пятна, а на полу противъ рта блестѣла жидкая масса. Максимъ нѣсколько секундъ испуганно смотрѣлъ въ лицо лежащему, затѣмъ прислушался и приложилъ руку къ своей груди, но, убѣдившись, что это его собственное сердце такъ сильно бьется, онъ вскочилъ на ноги и бросился искать на столѣ салфетку, чтобы смочить ее холодной водой. Салфетка лежала на виду, но Максимъ ея не нашелъ и, еще разъ взглянувъ на распростертое, неподвижное тѣло, побѣжалъ къ штабсъ-капитану Жидовичу доложить о происшествіи.

У штабсъ-капитана въ это время былъ поручикъ Пуллертъ и читалъ ему свои стихи.

Оба они жили на разныхъ квартирахъ, но Пуллертъ находился у Жидовича почти цѣлый день. Побывавъ въ канцеляріи и въ ротѣ минутъ десять, Пуллертъ приходилъ къ Жидовичу, и оба они ложились — хозяинъ на кровать, а гость на кушетку. Полежавъ часа два, они садились завтракать. послѣ чего опять ложились и лежали до обѣда. Когда приборы убирались, оба пріятеля долго и сосредоточенно раскладывали пасьянсъ, послѣ чего, достаточно утомившись, опять ложились.

Благодаря этой совмѣстной жизни, Жидовичъ считалъ Пуллерта своимъ лучшимъ другомъ и видѣлъ въ немъ человѣка, съ которымъ вполнѣ сходится въ убѣжденіяхъ.

Въ тихіе вечерніе часы Пуллертъ вынималъ изъ кармана записную книжку и, лежа, читалъ сочиненные минувшей ночью стихи. Когда чтеніе кончалось, Жидовичъ выкуривалъ двѣ-три папироски и, наконецъ, говорилъ:

— Ловко, братъ, очень ловко... Вотъ послалъ бы ты напечатать... Громадныя деньги могъ бы получить...

Пуллертъ тоже выкуривалъ двѣ-три папироски и неизмѣнно отвѣчалъ съ оттѣнкомъ гордости:

— Я уже говорилъ тебѣ, что сочиняю стихи не изъ-за денегъ. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ - если ихъ напечатать,

то всякій прохвостъ можетъ прочитать, чего я вовсе не желаю...

Максимъ, минуя денщика, вбѣжалъ прямо въ комнату, гдѣ въ облакахъ дыма лежали пріятели, и сталъ безтолково разсказывать, какъ его благородіе капитанъ Орлянкинъ закусывалъ и какъ все было хорошо, а теперь ихъ благородіе лежатъ на полу и не дышатъ.

Но это послѣднее обстоятельство играло въ его разсказѣ второстепенную роль, главнымъ же образомъ, онъ напиралъ на то, что онъ безпрекословно исполнялъ всѣ приказанія его благородія,—и стулья разставлялъ, въ родѣ вагоновъ, и столъ убралъ, на подобіе буфета. При этихъ подробностяхъ онъ больше всего волновался.

— Ты говоришь: на полу?—спокойно спросилъ Жидовичъ, не выпуская изъ зубовъ папироски, но уже предчувствуя событіе.

— Такъ точно—на полу.

Штабсъ-капитанъ Жидовичъ былъ человѣкомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ. Несмотря на свое плотное сложеніе, красивое румяное лицо, большіе на выкатѣ глаза, онъ не любилъ веселыхъ шутокъ, и, когда при немъ разсказывали анекдоты, онъ горбился и мрачно посматривалъ на разсказчика и на смѣющихся. Онъ любилъ поговорить о загробной жизни, о привидѣніяхъ, о спиритическихъ сеансахъ, требуя отъ слушателей самаго напряженнаго вниманія. Когда стали ходить слухи, что каждую ночь караульный у порохового погреба въ открытомъ полѣ слышитъ таинственные стоны, онъ самъ сходилъ туда и затѣмъ на всѣ вопросы отвѣчалъ загадочной улыбкой.

Онъ любилъ пожары, торжественныя похороны съ музыкой, при чемъ на поминкахъ много пилъ, но былъ печальнѣе самихъ родственниковъ покойнаго.

Исторія съ поѣздомъ Орлянкина была ему извѣстна, и, когда другіе смѣялись, онъ пророчески говорилъ, что это добромъ не кончится.

Первымъ вскочилъ съ дивана Пуллертъ.

— Идемъ же!

Жидовичъ потянулся, выплюнулъ папироску на полъ и съ грустнымъ недовѣріемъ замѣтилъ:

— Вѣдь все вретъ... Мы придемъ, а онъ еще намъ скандалъ устроитъ.

— Никакъ нѣтъ!—увѣренно возразилъ Максимъ.—Лежатъ на полу безо всякихъ послѣдствій...

— Ну, пойдемъ... Конечно, надо пойти. Можетъ быть, и вправду умеръ.

Первымъ въ квартиру Орлянкина вошелъ Жидовичъ. Онъ

окинулъ взоромъ комнату, разставленные въ рядъ стулья, разбитое окно, лежащее па полу тѣло и сразу почувствовалъ, что тутъ пахнетъ трагедіей.

Вмѣстѣ съ Пуллертомъ они нагнулись надъ тѣломъ.

— Надо бы послать за докторомъ... Максимъ, поѣзжай-ка поскорѣе въ штабъ полка...—сказалъ Пуллертъ.

Но Жидовичъ отстранилъ его рукою и торжественно произнесъ, какъ бы обращаясь къ толпѣ:

— Зачѣмъ докторъ... Передъ смертью наука безсильна. Онъ померъ...

Послѣ этого онъ велѣлъ Максиму говорить тише и повторить подробности происшествія. Когда тотъ кончилъ, Жидовичъ посмотрѣлъ въ темный уголъ, перекрестился, при чемъ выпуклые глаза его приняли выраженіе тупой покорности, глубоко вздохнулъ, подошелъ къ столу и налилъ себѣ рюмку водки.

— Теперь я, кажется, понимаю это загадочное происшествіе,—сказалъ онъ, нервно теребя свои курчавые волосы.

Пальцемъ поманилъ онъ къ себѣ Максима и велѣлъ въ точности припомнить послѣднія слова покойнаго.

Максимъ долго морщилъ лобъ и, наконецъ, заговорилъ:

— «Ты, говоритъ, Максимка, не виноватъ... Ежели я жизни рѣшаюсь, такъ это моя воля... Жизнь мнѣ больше не мила... Я капитанъ Орлянкинъ, а желаю быть генераломъ... Между прочимъ, у меня голова голая и генераломъ мнѣ не быть. Это, говоритъ, паровозъ, и я подъ его лягу»... И легли... «А ежели мой смертный часъ пришелъ, такъ ты въ томъ неповиненъ»... Я думалъ, ваше благородіе, они шутятъ, а они, между прочимъ... померли...

Тѣмъ временемъ въ дверяхъ собрались: фельдфебель, денщикъ Жидовича и два-три солдата. Они говорили шепотомъ. Жидовичъ тоже шепотомъ приказалъ положить тѣло на диванъ. Разбитое окно завѣсили одѣяломъ, и солдаты, потоптавшись на мѣстѣ, ушли въ кухню.

Пріятели сѣли у стола и молча выпили и закусили.

— Надо написать телеграмму въ штабъ.

Жидовичъ постучалъ рюмкой о бутылку, какъ въ ресторанѣ, и велѣлъ Максиму подать бумагу, перо и чернила. Но въ квартирѣ Орлянкина чернилъ не нашлось, а вставочка пера давно служила для набивки папиросъ. Пришлось принести отъ Пуллерта.

Жидовичъ взялъ перо, почертилъ въ воздухѣ надъ бумагой и налилъ еще рюмку водки.

Пуллертъ, которому онъ хотѣлъ тоже налить, закрылъ свою рюмку ладонью.

— Пей, поэтъ, за упокой души,—сказалъ Жидовичъ.

И поэтъ выпилъ.

Жидовичъ опять сталъ разгонять перо надъ бумагой, но думалъ не о телеграммѣ, а о похоронахъ съ музыкой, о поминкахъ, когда будутъ говорить о покойникѣ, строить догадки о его смерти. Но разгадка тайны будетъ всецѣло принадлежать ему одному. Онъ можетъ дать прозрачный намекъ, приподнять, такъ сказать, край застилающей ее завѣсы, но рѣшаютъ эту загадку пускай тѣ, кто обладаетъ глубиной мысли.

Жидовичъ посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ лежало тѣло, на рядъ стульевъ, и ему ясно видѣлись рельсы на полу. „Ужасная смерть", думалъ онъ. „Силой воображенія онъ переживалъ дѣйствительность... Ну, при этомъ разумѣется спазмы въ горлѣ, приливъ крови къ головѣ и ударъ... Ужасная смерть".

— Понимаешь ли ты эту трагедію?—спросилъ онъ Пуллерта сдавленнымъ баритономъ.—Чувствуешь ли ты тутъ роковую тайну?..

— Дѣло ясно... Онъ самоубійца...

— Но какой самоубійца!.. Это, можетъ быть, первый случай въ Россіи, а не то и во всей Европѣ... Но пускай это останется между нами. Я и въ телеграммѣ напишу: „Смерть его окутана непроницаемой тайной..." Объ этомъ будемъ знать только мы двое...

Онъ съ грустной благодарностью посмотрѣлъ на торчащія съ дивана ноги.

— Напиши-ка, братъ, стихи. Такую тему изъ головы не выдумаешь. Тутъ вся сила должна быть въ заглавіи. Не люблю я такихъ заглавій, какъ „Три сестры", „Въ сумеркахъ", „На перепутьѣ" и читать такой книги не стану. Нѣтъ, ты выставь что нибудь такое въ родѣ: „Подъ колесами невидимаго паровоза", или придумай покороче...

— Да, тема богатѣйшая...

Пуллертъ поправилъ воротникъ тужурки и досталъ изъ кармана свою записную книжку.

Въ комнату изъ-подъ одѣяла вливался морозный воздухъ. Жидовичу становилось холодно, но онъ не торопился съ телеграммой. Ему хотѣлось сидѣть на станціи около того мѣста, гдѣ произошло событіе. Онъ позвонилъ Максима и велѣлъ ему принести свое пальто и фуражку. Одѣвшись, онъ сѣлъ поудобнѣе и опять нагнулся надъ листомъ бумаги. Хотя обѣ стороны были чисты, онъ перевернулъ его и отчетливо вывелъ: „На вѣнокъ капитану Орлянкину", и съ новой строки: „Жидовичъ—1 рубль".

— Надо собрать на вѣнокъ... Пуллертъ, ты сколько дашь?

— На вѣнокъ?..—отвѣчалъ тотъ, измѣряя глазами диванъ...—Я думаю... рубля три...

— Жирно будетъ... Я запишу рубль... Лучше прибавить на поминальный обѣдъ... Ужъ мы и приналяжемъ... Помянемъ старика... По правдѣ сказать, нигдѣ я не люблю такъ выпить, какъ на поминкахъ... Тутъ есть идея... Эхъ, Орляша. Орляша! Мрачно ты кончилъ свое земное существованіе... Прожилъ я съ тобою въ этой грязной дырѣ четыре года и отъ души полюбилъ тебя... Скрытная была у тебя натура, это дѣйствительно. Ну, миръ праху твоему... Онъ любилъ англійскую горькую... Выпьемъ англійской горькой!

Жидовичъ поднялъ бутылку, но рука его задрожала, и онъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на Пуллерта.

Въ комнатѣ кто-то хрипло вздохнулъ и крякнулъ, силясь откашляться.

Пуллертъ посмотрѣлъ на Жидовича и торопливо спряталъ книжку въ карманъ.

— Максимка... каналья... Вѣдь этакая каналья!..—раздалось со стороны дивана.

Жидовичъ шумно всталъ, толкнулъ ногой стулъ, стоявшій въ ряду другихъ. Злоба перекосила его лицо.

— Живехонекъ!—сказалъ онъ съ презрѣніемъ.

Въ дверяхъ уже стоялъ Максимъ, испуганно вглядываясь и крѣпко ухватившись рукою за косякъ.

— Ты чего стоишь, дуралей! Подойди и спроси, что надо.

— Воды принесть?..—робко отозвался Максимъ.

— Да неси, чего хочешь... Воды, дровъ!.. Мнѣ какое дѣло!.. А тебя кто звалъ!?—грозно обратился онъ къ своему денщику, который вмѣстѣ съ другими солдатами появился въ дверяхъ.—Пошелъ, дѣлай мнѣ постель! И вы всѣ по мѣстамъ! Маршъ!..

Затѣмъ, повернувшись къ Орлянкину, онъ закачалъ головой, глядя на него съ горькимъ упрекомъ.

— Скажи, пожалуйста, какъ это называется?..

Орлянкинъ слабо открылъ глаза.

— Жидовичъ... другъ... ты здѣсь?.. А я... тамъ...

— Да-да-да... былъ я когда-то твоимъ другомъ, но послѣ сегодняшняго твоего нахальства.. твоего издѣвательства надъ людьми... извини, я тебя больше знать не желаю...

Орлянкинъ улыбнулся и прищурился.

— И Пуллертъ... и Жидовичъ... оба тутъ... На кой чортъ... Не признаю... Надоѣли...

Максимъ смочилъ ему голову и разстегнулъ тужурку. Орлянкинъ весь обвисъ и расплылся. Глаза потеряли краску и были цвѣта снятого молока. Онъ косо и недовѣрчиво осматривался.

— Сяду...—сказалъ онъ, ухватился за плечи Максима и сѣлъ.

Осмотрѣвъ стоящаго передъ нимъ Жидовича съ головы до ногъ, онъ махнулъ рукой.

— Исторія, братъ... ужъ такая исторія... Ну, это потомъ... а теперь тяжело говорить... и холодно..

Онъ посмотрѣлъ на окно.

— Стекло разбили и завѣсили... Впрочемъ, это я разбилъ... сознаюсь... Жидовичъ, я къ тебѣ пойду ночевать... У тебя кушетка.

— Ну, ужъ это—краешкомъ... Послѣ твоего поступка тебѣ, по настоящему, руки подавать не слѣдуетъ...

— Можно ко мнѣ...—сказалъ Пуллертъ.

— Не позволю! Пускай померзнетъ—скорѣй очухается...

— А что?—спросилъ Орлянкинъ.

— Да больше ничего... Дѣло кончено... Человѣка пожалѣли... Думали, померъ... Отнеслись къ нему съ уваженіемъ... Я ужъ телеграмму хотѣлъ посылать... А онъ, оказывается, дурака сваляль...

— Какимъ... образомъ?

— Да вотъ такимъ... Самымъ неделикатнымъ образомъ... А я ему еще на вѣнокъ хотѣлъ собрать... Скотина неблагодарная...

Жидовичъ быстро подошелъ къ столу, взялъ листъ бумаги и разорвалъ его на мелкіе кусочки.

— Три рубля на вѣнокъ такому подлецу!.. Да онъ пятачка мѣднаго не стоитъ... Нѣтъ, господа! Съ вами одно горе.. Ну, развѣ можетъ у насъ здѣсь выйти что нибудь путное, что-нибудь серьезное?.. Развѣ этотъ дуракъ способенъ на что-нибудь рѣшительное, разумное?.. Да никогда въ жизни... Одними пустяками мы здѣсь только и занимаемся.. Шутовствомъ, юмористикой!.. Просто хоть въ отставку выходи... Пойдемъ, Пуллертъ...

— Право, можно бы ко мнѣ...—опять отозвался тотъ.

— Ни за что не допущу!.. А тебѣ, Орлянкинъ, я еще разъ скажу, что не по-товарищески ты передъ нами поступилъ... Вотъ что... Пойдемъ, Пуллертъ...

И, гнѣвно стуча каблуками, онъ вышелъ изъ комнаты...

Вл. Табуринъ.

Духоборы въ якутской ссылкѣ.

Около двухъ лѣтъ—съ середины 1903 г. до начала 1905 г.—мнѣ пришлось прожить въ Якутской области въ близкомъ сосѣдствѣ съ духоборами, высланными туда изъ Закавказья во второй половинѣ минувшихъ девяностыхъ годовъ. За это время мною были сдѣланы кое-какія замѣтки объ ихъ жизни въ тѣхъ «гиблыхъ» мѣстахъ. Эти-то замѣтки, на ряду съ позднѣйшими воспоминаніями, и послужили мнѣ матеріаломъ для настоящаго очерка. И хотя этотъ очеркъ съ весьма недостаточной полнотою и яркостью передаетъ столь важную и печальную страницу изъ исторіи русскаго духоборчества, однако и онъ, въ виду почти совершеннаго отсутствія въ печати свѣдѣній о духоборской якутской ссылкѣ, можетъ, мнѣ кажется, представить нѣкоторый интересъ.

I.

Мои первыя знакомства съ ссыльными духоборами завязались въ Амгѣ, гдѣ я долженъ былъ выжить нѣсколько лѣтъ и куда пріѣхалъ въ іюлѣ 1903 г.

Амга лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, въ 178 верстахъ отъ Якутска, на юго-востокъ, по такъ называемому Аянскому тракту. Оффиціально, собственно, такого тракта давно уже нѣтъ. Теперь дорога кое-какъ поддерживается только отъ Якутска до Амги, гдѣ ежемѣсячно проходитъ въ оба конца по двѣ почты; за Амгой до Усть-Маи ведется лишь обывательская гоньба, и тамъ дороги становятся совсѣмъ невозможными; дальше же и вовсе нѣтъ никакихъ дорогъ, просто до самого моря идетъ-колеситъ по болотамъ и кочкамъ глухая таежная тропа. По якутскому масштабу Амга—большое село, почти городъ, хотя, если не принимать въ разсчетъ двухъ близь лежащихъ деревушекъ, въ ней едва-ли насчитаешь и до шестидесяти дворовъ. Здѣсь и церковь, и церковно-приходская школа, и врачебный пунктъ съ пріемнымъ покоемъ; здѣсь и «резиденція» за-

сѣдателя, и волостное правленіе, и казенная винная лавка. Четверо «купчишекъ» крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ окружныхъ якутовъ и мѣстное крестьянство, къ характеристикѣ котораго нужно замѣтить, что значительная его часть почти совсѣмъ не умѣетъ говорить по-русски. Наиболѣе культурный и дѣятельный элементъ населенія это не успѣвшіе еще объякутиться переселенцы, поселенцы и поселенческія дѣти.

Мѣстомъ ссылки Амга служитъ уже давно; политическіе ссыльные въ ней тоже не недавніе гости. Въ 80-хъ годахъ тамъ жилъ, между прочимъ, и В. Г. Короленко. Юрта, въ которой онъ короталъ свою ссылку, давно уже снесена и замѣщена новой избой, но хозяинъ ея, крестьянинъ Захаръ Цикуновъ, еще живъ, попрежнему любитъ захаживать къ «чужимъ людямъ» и, простодушно лукаво рекомендуясь всѣмъ новымъ изъ нихъ «Сномъ Макара» и разсказывая о своей дружбѣ съ «Владиміромъ», проситъ пятнадцать копѣекъ на водку.

Дня черезъ два послѣ своего пріѣзда, тихимъ вечеромъ, я сидѣлъ на крылечкѣ только что нанятой мною избы. Блѣдное небо принимало на востокѣ золотисто-розовый отблескъ зари; въ тайгѣ, на склонахъ горъ, все гуще сбирались лиловатыя тѣни. По селу медленно, въ разбродъ, тянулся скотъ, возвращавшійся съ пастбищъ; у озера меланхолически тренькали колокольчики отпущенныхъ на отдыхъ коней. Нѣжный, задумчивый вечеръ располагалъ къ грусти...

Вдругъ со стороны поля до меня донеслась чья-то пѣсня. Я прислушался: напѣвъ, несомнѣнно, былъ русскій: онъ даже показался мнѣ очень знакомымъ, но что-то странное звучало въ немъ, чего не приходилось мнѣ слышать въ русскихъ пѣсняхъ—какой-то своеобразный оттѣнокъ псалмопѣвства. Пѣли два голоса: одинъ высокій и грустный, другой низкій, задумчивый. Пѣвцы, видимо, приближались, и пѣсня ихъ такъ удивительно нѣжно и трогательно сливалась съ прелестью блѣднаго якутскаго вечера въ одно впечатлѣніе глубокой, невыразимой печали.

— Со-о-рвутъ цвѣ-ѣтокъ не для ме-е-ня,—разобралъ я вдругъ.

Какъ попала сюда эта пѣсня и кто-бы это могъ такъ пѣть ее здѣсь? Не здѣшніе же крестьяне... Я поднялся съ крылечка и подошелъ къ калиткѣ, чтобы дальше взглянуть по улицѣ. Пѣсня умолкла, а черезъ нѣсколько минутъ изъ-за избы выѣхала крестьянская телѣга, въ которой сидѣли двое мужчинъ и женщина; ихъ лица показались мнѣ необыкновенно славными и милыми. Мужчины были въ розовыхъ рубашкахъ, одинъ—въ бархатномъ жилетѣ и соломенной шляпѣ; у женщины на головѣ былъ пестрый платокъ.

— Кто это такіе?—спросилъ я у вышедшей изъ избы хозяйки, переселенки изъ Забайкалья.

— А духоборы. Одинъ-то, Николай, вотъ тутъ рядомъ у Мат-

вѣя живетъ, а другой—изъ Отраднаго, съ поля ѣдутъ,—объяснила хозяйка.

Это и были мои первые знакомцы изъ духоборовъ—Н. А. Лахтинъ и Л. Л. Макеевъ.

Вскорѣ же я познакомился и со всѣмъ Отраднымъ, гдѣ жили тогда Григорій Ник. Веригинъ, Семенъ Усачевъ, Николай Сукочевъ, Филиппъ Поповъ, Николай Шкуратовъ, Ларіонъ Макеевъ, Василій и Өедоръ Струковы, Өедоръ Усачевъ, Өедоръ Дьячковъ, Иванъ Дьяковъ и Иванъ Салыкинъ. Первые четверо изъ нихъ были самые старшіе, отказавшіеся отъ военной службы въ 1895 г.; Шкуратовъ и Макеевъ отказались отъ службы на призывѣ 1896 г., Василій Струковъ—въ слѣдующемъ году, остальные, за исключеніемъ Салыкина—въ 1898 г.; Салыкинъ же одинъ изъ самыхъ послѣднихъ, т. е. призыва 1899 г. Кромѣ того, тамъ жилъ еще старичекъ Ваня Усачевъ, пришедшій въ Сибирь не за отказъ отъ ружья, а за пропаганду *).

Мало по малу съ нѣкоторыми изъ духоборовъ у меня начали устанавливаться дружескія отношенія. Бывая въ Амгѣ по своимъ дѣламъ, отрадненцы постоянно заходили ко мнѣ, и иногда за бесѣдами и воспоминаніями мы засиживались до поздней ночи. Самъ я не часто бывалъ въ Отрадномъ, но тѣ нѣсколько дней и вечеровъ, которые въ разное время мнѣ случилось провести тамъ,—одно изъ лучшихъ моихъ воспоминаній объ Якутской области.

II.

Однажды, въ декабрѣ первой зимы, я отправился въ Отрадное, захвативъ съ собой «Образованіе» съ статьей В. Ольховскаго о духоборахъ въ Канадѣ. Нѣкоторые изъ отрадненцевъ давно уже просили меня пріѣхать къ нимъ и «подробно почитать всѣмъ собча, какъ тамъ описываютъ про духборцевъ».

Остановился я у Ларіона Макеева. Слушателей собралось человѣкъ восемь, если не считать духоборокъ, которыя, можетъ быть, и всѣ перебывали въ этотъ вечеръ въ Ларіоновой избѣ, но вообще слушали очень невнимательно.

Несмотря на то, что многія мѣста статьи я опустилъ совсѣмъ, чтеніе все-таки затянулось до полуночи. Тѣмъ не менѣе, когда я кончилъ, духоборы и не думали расходиться. Завязались разговоры. Началось съ осужденія проповѣдниковъ «райской жизни», потомъ стали вспоминать свою жизнь на Кавказѣ. Однако, скоро, большинство какъ-то грустно примолкло.

*) Съ 1904 г. въ Отрадномъ поселились еще Алексѣй Поповъ и Николай Лахтинъ.

— Что-же это изъ нашихъ-то никто не попалъ сюда?—задумчиво сказалъ Шкуратовъ.

— Такъ, а чего мы тутъ дѣлаемъ? Проповѣдуемъ, что-ли, или что? Кто о насъ знаетъ?—весело и въ то же время, какъ мнѣ показалось, съ оттѣнкомъ пренебреженія къ себѣ отозвался Ѳ. Струковъ.

Однако никто не поддержалъ этого тона; напротивъ, какъ-то незамѣтно всѣ перешли къ воспоминаніямъ изъ своего, еще не очень далекаго прошлаго. И сколько яркихъ подробностей изъ ихъ «страданій» открылось въ этихъ воспоминаніяхъ, сколько трагизма и героизма!

Говорили наперерывъ и потому трудно было потомъ возстановить слышанное. Вспоминали «габахту», «дисциплiарный батальонъ».

...—Приходитъ писарь: бумага—разбить по ротамъ. Сейчасъ мы всѣ: «Мы не только не желаемъ по ротамъ, но и служить совсѣмъ не будемъ».—«Почему?»—«Потому что не желаемъ». Доложили караульному офицеру. Приходитъ: «вы должны послушаться тому, что вамъ предписываютъ, а то вамъ всѣмъ очень худо будетъ».—«Пусть худо, но мы не желаемъ». Ну, ушелъ. На другой день приходитъ полковникъ.—«Кто здѣсь назначенъ въ такую-то роту?»—это про насъ спрашиваетъ.—«Мы не знаемъ».—«Какъ не знаете?»—«Такъ и не знаемъ». Тутъ какъ разсерчалъ—началъ самъ биться; схватилъ одного за уши, а тотъ зацѣпился ногой за брусъ—отъ наръ брусъ,—упирается. Полковнику-то стыдно стало, что не осилитъ его,—тутъ человѣкъ двѣнадцать офицеровъ было. Онъ какъ закричитъ: — «Бери, бей!» — Какъ всѣ вскочили!.. Все загудѣло даже... вотъ насъ и погнали... Потомъ прямо въ карцеръ поселили...

...—Одежи ихней мы тоже не принимали, и за это тоже очень намъ доставалось... Пріѣхалъ командиръ, увидалъ насъ:—«Это, говоритъ, что за китайцы? Почему въ своей одежѣ, почему у нихъ волосы длинные?» Вотъ послѣ къ намъ и приступили, чтобы стричь. Однако мы не согласились, стоимъ вмѣстѣ, не отходимъ другъ отъ дружки. Тутъ потащили насъ въ разныя мѣста. Мы кричимъ: «Мы не желаемъ!»—«Не желаете? Эй! Масловъ! Поддубинъ! Держите ихъ!»—Я говорю: «Нѣтъ такого закона, чтобы насильно». Тутъ размахнулся одинъ—прямо по лицу... Такъ у меня кровь со рта и полила...

...—На праздникъ собрали насъ, поставили. Офицеръ приходитъ. Сначала ласково зачалъ:—«Что вы, говоритъ, такіе скучные?»—а мы всѣ распухли отъ ихняго битья. Да.—«Или, говоритъ, у насъ не праздникъ, или вамъ у насъ не весело? Вотъ музыка полковая,—неужели вамъ не нравится?» — Потомъ начинаетъ спрашивать вопросы разные: «Отчего рыба въ водѣ живетъ? Отчего утка плаваетъ?»—и тому подобное. Потомъ знамя выво-

сять; онъ спрашиваетъ:—«Жмаевъ, что это такое?»—А Жмаевъ: «я давно, говоритъ, объяснилъ вамъ, что это такое и что это для меня нисколько не полезно, я и смотрѣть-то не хочу на это». Онъ къ другому: «Макеевъ, это что такое?» — «Я, говоритъ, не вижу». А у насъ многіе, правда, слѣпые тогда были. Подбѣгъ къ нему офицеръ, да по шеѣ...

...— Мы не желаемъ въ церковь ходить, такъ насъ силой, по шеямъ гнали... Къ попу тоже на два часа должны были являться, чтобы склонить насъ взять ружья... Ну, нѣкоторые-то наши здорово говорили ему. Вѣдь у насъ на Кавказѣ-то передъ тѣмъ всѣ готовились къ этому. Тамъ стихи свои, потомъ отвѣты на разные случаи, ну, то-есть, если вотъ такъ съ попомъ сцѣпиться или тамъ съ какимъ образованнымъ человѣкомъ, чтобы на все могли отвѣтъ дать: что такое молитва, что такое церковь, даже вотъ что такое волосы, глаза—на все, положительно на все отвѣтъ имѣлся. Ну, больше, конечно, все неграмотные—изустно все; бывало, денно и нощно все это твердишь, какъ бы за удовольствіе было даже... Вотъ съ попами то это и пригождалось...

...— Очень много насъ смертью пугали. Разъ Махортова офицеръ завелъ въ комнату,—тамъ такая комната для гимнастики была,—вынулъ шашку: — «Ну, будешь, говоритъ, ружье принимать?»—«Нѣтъ, я ружья не приму». Онъ взялъ шашку, да стѣнку это и начинаетъ вертѣть... «Намъ, говоритъ, вся власть надъ вами дана—даже до смерти»...

— Намъ постоянно разстрѣломъ грозили,—съ одухотвореннымъ, свѣтлымъ лицомъ говорилъ Шкуратовъ.—А мы имъ только одно: «Разстрѣлять вы насъ можете,—ну, и дѣлайте это. Мы рады отъ васъ отмучиться, развязаться съ вами. Если мы, по вашему, вредные люди, то убейте насъ совсѣмъ: намъ это лучше, чѣмъ бить насъ каждый день до полусмерти»...

— Тогда у насъ было распространено такъ, что ударятъ тебя, а ты молчи. Мы сами убѣждали себя въ томъ, что терпѣть нужно, страдать нужно,—все больше объ этомъ и думали каждую минуту...

...— Болѣли мы тамъ очень, всѣ почти болѣли. Мяса-то вѣдь мы этого тогда не ѣли, а другого намъ ничего не давали... Тамъ была кухня. Бывало, забѣгешь голодный, соберешь тамъ корочки какія ни на есть, принесешь—и радъ этому даже. А все-таки очень голодали, должно, оттого больше и болѣли-то. А докторъ тамъ былъ очень худой человѣкъ: если полковникъ пошлетъ къ нему,—онъ безо всякаго слова прогонитъ...

Воспоминанія и разсказы продолжались далеко за полночь, и по домамъ въ этотъ разъ расходились всѣ съ большой неохотой.

Этотъ вечеръ совсѣмъ сблизилъ меня съ отрадненцами.

О гауптвахтѣ и дисциплинарномъ баталіонѣ мнѣ пришлось слышать больше отъ духоборовъ послѣднихъ партій; но особенно

много мученій пришлось вынести тамъ отказавшимся отъ ружья въ 1895 г. Многіе изъ нихъ приняли по-истинѣ мученическую кончину. Духоборъ Щербининъ умеръ, даже не вышедши изъ дисциплинарнаго баталіона; многіе же умерли по дорогѣ въ Сибирь: Ѳедоръ Самородиновъ умеръ въ московской пересыльной тюрьмѣ, Гридгинъ—въ Челябинскѣ, Иванъ Кохтиновъ—въ Красноярскѣ, Ларіонъ Планидинъ—въ александровской пересыльной тюрьмѣ, Василій Верещагинъ—въ Киренскѣ, Ѳедоръ Веригинъ—въ Якутскѣ; Михаилъ Катасеновъ, Петръ Дымовскій, Лукьянъ Новокшеновъ, Ѳедоръ Маловъ, Ѳедоръ Ѳоминовъ и Иванъ Чуцковъ умерли также или по пути въ Якутскую область или вскорѣ по приходѣ туда. Изъ этихъ записанныхъ мною духоборскихъ мучениковъ не всѣ принадлежатъ къ первой партіи, но большинство ихъ относится именно къ ней.

Разстояніе между отказомъ отъ службы и поселеніемъ въ Якутской области было огромно; путь изъ призывного участка до мѣста ссылки былъ дологъ и мучителенъ, и только особою крѣпостью и могучестью духоборскаго «физичества» да огромною силою ихъ духа можно объяснить себѣ, что большинство, несмотря ни на что, все-таки дошло его конца. Н. В. Шкуратовъ, пришедшій въ Сибирь во второй партіи, далъ мнѣ такой очеркъ своихъ скитаній. Въ 1896 г. 18 ноября, 24 человѣка въ воинскомъ присутствіи, въ участкѣ Оргино заявили, что они не желаютъ служить. Отсюда всѣхъ отказавшихся направили въ г. Карсъ, гдѣ продержали восемь дней, пока воинскій начальникъ опредѣлялъ, кого назначить въ какой баталіонъ или часть. Шкуратова, Макеева и Попова назначили въ Анапскій резервный баталіонъ. Въ Екатеринодарѣ пробыли сорокъ сутокъ, а затѣмъ въ этомъ же городѣ были на гауптвахтѣ мѣсяцъ и двадцать дней. Судъ осудилъ всѣхъ троихъ въ дисциплинарный баталіонъ на три года, послѣ чего ихъ и отправили въ Екатериноградскую станицу. Однако въ дисциплинарномъ баталіонѣ они пробыли всего лишь три мѣсяца. Потомъ были отправлены во Владикавказъ, гдѣ послѣ двухъ съ половиною мѣсяцевъ сидѣнья въ тюрьмѣ имъ была объявлена ссылка въ Якутскую область. Въ августѣ 1897 г. они выступили въ путь и послѣ долгой и утомительной дороги 17-го іюня 1898 года прибыли въ Усть-Нотору.

III.

Первые поселенцы-духоборы пришли въ Якутскъ въ самомъ концѣ августа 1897 г. Здѣсь для поселенія имъ былъ назначенъ участокъ земли за Леной, на юго-востокъ отъ Якутска, въ 1-мъ Чакырскомъ наслегѣ Батурусскаго улуса, въ мѣстности при впаденіи рѣчки Ноторы въ Алданъ.

Навигація по Ленѣ и Алдану была уже закрыта, и потому ихъ

отправили изъ Якутска болѣе труднымъ путемъ черезъ Борыларскій перевозъ, черезъ Амгу и Усть-Маю. До Усть-Маи ѣхали на обывательскихъ лошадяхъ, а оттуда двинулись внизъ по Алдану на лодкахъ. Этимъ путемъ отъ Якутска до Ноторы считается въ лѣтнее время около 500 верстъ. На устье Ноторы они прибыли 25-го сентября.

Провожавшіе ихъ якутскій чиновникъ и казаки уѣхали, и они остались одни среди тайги, почти совершенно изолированные ею отъ живыхъ людей; не говоря уже о русскихъ поселеніяхъ, даже якутскія юрты, одиноко разбросанныя тамъ и сямъ по тайгѣ, были здѣсь очень рѣдки. Ночные заморозки стали уже переходить въ постоянные морозы, уже выпалъ зимній снѣгъ, и рѣки начали покрываться льдомъ. Нечего было и думать, конечно, приниматься за какія-нибудь работы, и хоть послѣ всѣхъ мытарствъ по тюрьмамъ и этапамъ, съ ихъ неустройствомъ и грязью, они давно уже всѣ стосковались по духоборской теплой, свѣтлой и чистой избѣ, однако и эту зиму пришлось зимовать по этапному — въ якутской юртѣ, вокругъ камелька. Денегъ у нихъ было въ это время рублей 900; хлѣба, молочныхъ продуктовъ и кое-чего изъ овощей закупили у скопцовъ въ Усть-Маѣ.

Тяжела была для нихъ эта первая зима. Страшно было одиночество, страшна эта заледенѣвшая, неподвижная, оживляемая лишь необычайно звонкимъ и жуткимъ эхомъ тайга, страшны эти морозы, леденящіе дыханіе, почти сплошь три мѣсяца стоящіе ниже 40, а иногда доходящіе и до 50°; мучительна была неизвѣстность о томъ, что происходитъ теперь тамъ, на Кавказѣ, съ ихъ «сродствіемъ». Ближайшая почтовая станція, Амгинская, была удалена отъ нихъ чуть не на 300 верстъ, и все, что имъ адресовалось, должно было еще подолгу блуждать по пути отъ Амги; а въ Амгу изъ Якутска почта ходила въ то время только разъ въ мѣсяцъ *). Несмотря на то, что среди нихъ было не мало больныхъ, они не могли пользоваться медицинскою помощью, потому что врачъ, въ участокъ котораго входилъ занятый ими уголъ Батурусскаго улуса, жилъ въ той же Амгѣ, за 300 верстъ.

— И-и! какъ они тутъ бѣдствовали, сколько горя приняли,— только одинъ Богъ знаетъ!..—пересказывала мнѣ потомъ Мавруня Усачева.—По якутскому-то гуторить никто не могёгъ, некуда пойти, не съ кѣмъ слова сказать... Больные были, и сами мучились, и другіе, глядя на нихъ, страдали. Юртешка-то темная, мерзлая. Ночь придетъ,—положатся всѣ тридцать человѣкъ въ рядъ, прямо на полу,—утромъ какъ кочерыжки проснутся: у того волосы примерзли къ стѣнѣ, у того—ноги...

И какой долгой показалась имъ эта зима!

Но вотъ появились предвѣстники весны. Къ марту принеслись вѣтры и стали сдувать съ тайги ея бѣлыя ризы и мертвенную не-

*) Съ 1902 г. начала ходить два раза въ мѣсяцъ.

подвижность; и морозы ослабѣли, и улетѣлъ съ вѣтрами тусклый морозный туманъ. Еще мѣсяцъ, и солнце начало уже тепло пригрѣвать землю; кое-гдѣ стали появляться проталины. Въ началѣ мая вскрылась Нотора, а затѣмъ забурлилъ и Алданъ.

Съ первыми же теплыми весенними днями духоборы тоже оживились; стали знакомиться съ мѣстностью, высматривать луга, удобныя мѣста для посѣвовъ и готовиться къ постройкѣ. Среди отведенной имъ земли не много было удобной для землепашества. Ясно было, что придется расширять поля тяжелымъ, упорнымъ трудомъ. Мѣсто для постройки было выбрано на берегу Ноторы, верстахъ въ четырехъ отъ ея впаденія въ Алданъ. Рѣшено было выстроить одинъ большой домъ, удобный для жилья всей общины.

Старикамъ очень хотѣлось поставить и здѣсь общину такъ, какъ она была на Кавказѣ.

— У насъ на Кавказѣ было такъ рѣшено, чтобы все было общее, ну, какъ бы сказать, все одно—у братьевъ,—разсказывалъ мнѣ Макеевъ,—и жить сообща, и работать. И, конечно, положено было, чтобы каждый работалъ для общины, что онъ можетъ,—съ него больше и не спросятъ. Къ примѣру: ты сапожникъ, ну и знай только свои сапоги. Приходятъ къ тебѣ: посмотри-ка, братъ, у меня сапоги. Ну, видишь, конечно, кому что сдѣлать: одному тамъ латку наложить, другому — подметки подкинуть, третьему, глядишь, и всѣ сапоги шить надо. Если у тебя рубаха поизносится, знаешь, конечно, куда итти. Приходишь въ такое мѣсто, ну,—швальня: нужно, молъ, рубаху. Сейчасъ обмѣряютъ, и тебѣ ужъ безпокоиться не приходится, гдѣ тамъ ситецъ взять или что: ты знай свое дѣло и только; кадка тебѣ понадобилась или другая какая посудина—дадутъ и это. На все есть свои мастера и каждый мастеръ знаетъ не больше, какъ свое дѣло. Вотъ такъ-то и здѣсь, въ Сибири, по первости думали основаться. И какъ насъ мало было,—рѣшили и домъ общій для всѣхъ построить.

Лошадей тутъ у нихъ еще не было, и лѣсъ для постройки пришлось возить на себѣ, запрягаясь по восьми паръ въ тягло.

Съ наступленіемъ лѣта болѣзни у нихъ усилились. Мѣстность оказалась нездоровой; вода въ Ноторѣ стала еще хуже, чѣмъ была въ половодье. Появились лихорадки. А между тѣмъ наиболѣе отощавшіе изъ нихъ и безъ того никакъ не могли оправиться отъ цынги и куриной слѣпоты. Плохо пришлось имъ и отъ комаровъ, которые въ началѣ лѣта обычно несмѣтными полчищами появляются въ этихъ мѣстахъ и жестоко мучатъ и людей, и животныхъ.

Въ іюнѣ, съ первымъ алданскимъ пароходомъ, прибыла въ Усть-Нотору новая партія въ 43 человѣка. Повидавшись со своими, узнавъ, какъ они живутъ здѣсь, какъ бѣдствуютъ, наиболѣе энергичные и здоровые изъ этой партіи въ ту же пору разъѣхались на заработки. Двѣнадцать человѣкъ поступили рабочими

на пароходъ и уѣхали съ нимъ на Нельканъ. Нѣкоторые отправились на Чаранъ въ работники къ богатымъ поселенцамъ-скопцамъ.

Тогда еще всѣ старались держаться общины и всѣхъ традицій «новой жизни»: какъ уѣхавшіе на Нельканъ, такъ и нанявшіеся къ скопцамъ имѣли одну цѣль съ оставшимися на Ноторѣ—поддержать другъ друга, укрѣпить общинную жизнь.

Уѣхавшіе съ пароходомъ вернулись въ Нотору въ концѣ лѣта, закупивъ у скопцовъ 300 пуд. хлѣба, 100 пуд. картофеля, 28 пуд. творогу, 8 пуд. масла и еще кое-чего.

Въ это время община начала уже пріобрѣтать скотъ.

Къ осени 1898 г. многіе духоборы изъ молодежи начали усиленно хлопотать о разрѣшеніи уѣхать на заработки въ самый Якутскъ. Въ виду того, что среди нихъ было много хорошихъ плотниковъ и столяровъ, а Якутскъ въ то время нуждался въ такихъ работникахъ, а также потому, что у мѣстной администраціи прямо не стало никакой возможности справиться съ начавшимися «самовольными отлучками», губернаторъ В. Скрипицынъ далъ разрѣшеніе. Тогда многіе устремились въ Якутскъ. Къ веснѣ 1899 г. тамъ было уже около сорока человѣкъ.

И съ этого времени разногласія въ отношеніи къ «новой жизни», первоначально старательно подавлявшіяся и скрывавшіяся въ общинѣ, стали все рѣзче пробиваться наружу. Въ казармахъ и тюрьмахъ, въ дорогѣ, пока еще духоборы были оторваны отъ земли и хозяйства, эти разногласія были не очень чувствительны, но теперь, чѣмъ дальше шло у нихъ устройство своего житья-бытья, тѣмъ все большую и большую остроту и непримиримость принимали они. Все больше становилось недовольныхъ, признававшихъ общинную жизнь въ условіяхъ якутской ссылки совершенно невозможной, и хотя эти недовольные пока еще не заявляли громко своего протеста, но всѣмъ уже становилось ясно, что долго такъ продолжаться не будетъ.

Созданная не естественнымъ развитіемъ хозяйственныхъ отношеній, а религіозной идеей, страстнымъ порывомъ души водворить на землѣ «Царство Божіе», духоборская община являлась чуждой и враждебной всему хищническому укладу современной жизни; она осуждала и отвергала «душевредные» старые принципы устройства жизни, но старое не умирало: оно постоянно и отовсюду врывалось въ «новую жизнь», стремясь все перестроить въ ней на прежній «несправедливый» ладъ. И оно было непобѣдимо сильнымъ; и тотъ высокій идеализмъ, и та горячая самоотверженность, которые въ такой могучей красотѣ были проявлены духоборами въ своемъ исканіи новыхъ, лучшихъ формъ жизни, не могли спасти общину отъ разложенія.

Конечно, если-бы подъ видомъ общины у нихъ шло дѣло лишь о простой сосѣдской взаимопомощи, какъ свободномъ про-

явленіи благотворительной дѣятельности, или о хозяйственномъ трудовомъ союзѣ, имѣвшемъ уже такое огромное значеніе при всѣхъ ихъ вынужденныхъ переселеніяхъ и въ трудное первое время устройства на новыхъ мѣстахъ,—тогда ихъ «новая жизнь» имѣла бы, несомнѣнно, большую устойчивость. Но, согласно съ «завѣтами предковъ», ихъ идеаломъ была община не какъ хозяйственный союзъ, а какъ христіанское братство. А если такое братство для большинства вездѣ было тяжелымъ бременемъ, то въ якутской ссылкѣ гнетъ его долженъ былъ чувствоваться съ особенной силой.

Изъ уѣхавшихъ въ Якутскъ почти всѣ были непріязненно настроены къ общинной жизни. Тѣмъ не менѣе, и въ Якутскѣ они продолжали еще нѣкоторое время считать себя частью общины и жили тѣсной артелью.

— Работали мы въ Якутскѣ,—разсказывалъ Макеевъ,—домъ для губернатора строили. Человѣкъ насъ двадцать, однако, было. Ну, деньги всѣ несли въ одно мѣсто; и общая квартира у насъ была, и ѣли-пили сообща. Ну, я, по причинѣ какъ у меня нога болѣла, не ходилъ на стройку, а оставили меня братья въ родѣ какъ за повара,—я и стряпалъ на всѣхъ, сколько насъ тамъ было. Ну, вотъ, какъ теперь вижу: вотъ такъ на стѣнѣ висѣла сумка, саквояжъ такой, и въ немъ были деньги—съ тысячу рублей у насъ должно было тогда—общія, конечно. Каждый что заработаетъ, кладетъ туда, а когда нужно ему на что—подходитъ и беретъ безо всякихъ, сколько ему тамъ требуется. Я вотъ, къ примѣру: ходилъ на базаръ, въ лавку и, конечно, бралъ себѣ на расходы, а что оставалось, приносилъ назадъ. Никто не провѣрялъ никого, никакого этого контролю не было... Ну, только—не долго все это у насъ было: послѣ всѣ такъ порѣшили, чтобы отмѣнить это...

Дѣйствительно, когда лѣтомъ 1899 г. пріѣхали къ нимъ женщины съ дѣтьми, а затѣмъ прибыла третья партія, разладъ въ общинѣ усилился настолько, что дальше откладывать ея «отмѣну» стало уже невозможно. Зимой этого года нѣсколько наиболѣе энергичныхъ духоборовъ настояли на созывѣ съѣзда для окончательнаго рѣшенія вопроса объ общинѣ.

— Собрались тогда, — разсказывалъ Макеевъ, — въ Якутскѣ человѣкъ шестьдесятъ такого народу и положили—безпремѣнно разрушить эту общину. Былъ у насъ здѣсь одинъ человѣкъ—Тереховъ; вы его не знаете, однако. Онъ, можно такъ сказать, первый и заговорилъ объ этомъ на съѣздѣ. «Такъ и такъ, говоритъ, братья, я не могу больше жить въ общинѣ: тутъ я кругомъ связанъ, постыло мнѣ все стало, и хочу жить какъ-нибудь пословоднѣй. У каждаго изъ насъ есть глаза: если я вижу, что нуждается человѣкъ, и у меня есть чѣмъ помочь,—я, говоритъ, помогу. По крайности, я буду, говоритъ, знать, что я помогъ такому-то; къ

примѣру: я знаю вотъ, что я далъ Николаю цѣлковый, и онъ знаетъ, что это я ему далъ, — мы оба видимъ, знаемъ. А въ общинѣ мы всѣ связаны, нѣтъ тебѣ никакой свободы. Я работаю, говоритъ, три года, а куда идетъ моя работа,—мнѣ не видно, кому я помогаю,—не знаю, да и никто не знаетъ. Такъ мое такое мнѣніе, говоритъ, что мы должны прикончить эту общину». Ну, тогда я спрашиваю: «Ну, а какъ же, говорю, больные и старички? Вѣдь не бросать же ихъ намъ, какъ же имъ жить?»—«Ну, говоритъ, на это я отвѣчу такъ: Богъ создалъ больныхъ и старичковъ,—пущай Богъ ихъ и призираетъ... Каждый можетъ по своему усмотрѣнію оказать имъ помощь».

— И многіе тогда такъ думали?—спросилъ я.

— Да какъ вамъ сказать... Я думаю, что въ душѣ-то всѣ были пригласны къ этимъ словамъ, потому, дѣйствительно, очень тяжело намъ было тогда: такія пошли у насъ междоусобія... Всѣ замѣчать стали другъ за другомъ, кто какъ ѣстъ, кто какъ работаетъ, и все такое... Просто сказать—какъ волки другъ другу стали...

Взаимное недовольство, мелочное раздраженіе другъ противъ друга, переходившее подчасъ въ страстную ненависть, и постоянныя столкновенія на этой почвѣ—вотъ что дѣлало совмѣстную, «братскую» жизнь духоборовъ невыносимой, что точило ее, какъ ржавчина точитъ желѣзо. И во всѣхъ разговорахъ съ ними объ общинѣ я неизмѣнно слышалъ жалобы на эту ядовитую ржавчину.

Итакъ, зимой 1899 г. община якутскихъ духоборовъ окончила свое существованіе. Каждый духоборъ получилъ тогда право распоряжаться своимъ временемъ и своимъ трудомъ согласно своимъ склонностямъ и соображеніямъ.

— Какъ же вы стали жить первое время послѣ того, какъ распалась ваша община?—спросилъ я однажды у Макеева.

— Такъ и пошли—каждый самъ по себѣ. Кои съ женами были, такъ тѣ совсѣмъ отошли, а остальные подбирались тамъ по три, по четыре человѣка—такъ и жили. Къ примѣру: у насъ тогда собралась компанія въ четыре человѣка,—хозяйка-то моя еще не пріѣзжала тогда. Ну, что покупаемъ,— все до самой малости записываемъ, а каждую недѣлю, въ субботу, дѣлаемъ подсчетъ, чего тамъ сколько схарчилось; одну недѣлю я выдаю деньги, другую—другой, потомъ—такъ дальше; послѣ глядимъ, конечно, чтобы не было кому обиды какой, ну и легче стало. И даже такъ сказать: чѣмъ дальше мы отходимъ другъ отъ друга, тѣмъ больше другъ друга любимъ. А когда послѣ того мы перепросились на новое мѣсто и губернаторъ насъ спрашивалъ, какъ мы желаемъ селиться—вмѣстѣ или по-розь, такъ мы даже думали отдѣльными хозяйствами по тайгѣ селиться; ну, все-таки, въ концѣ концовъ, не рѣшились на это, потому какъ очень много у насъ тогда хо-

лостого народу было. Вотъ и выстроились всѣ въ одномъ мѣстѣ; теперь-то, какъ видимъ, это лучше даже.

Духоборы третьей и четвертой партій первое время жили въ Якутскѣ, а въ 1901 г. часть ихъ поселилась верстахъ въ двадцати отъ города, въ Западно-Кангаласкомъ улусѣ, близь урочища Маганъ, образовавъ здѣсь поселокъ Прохладное; часть же устроилась за Леной, по пути къ Ноторѣ, въ Бетюнскомъ наслегѣ Батурусскаго улуса, въ 12 верстахъ отъ Амги, назвавъ свой поселокъ Отраднымъ. Въ Ноторѣ въ этомъ году изъ общаго числа якутскихъ духоборовъ осталось на причисленіи 29 мужчинъ, 12 женщинъ и 12 дѣтей. Къ Отрадному было приписано 27 муж., 11 женщ. и 20 дѣтей; къ Прохладному—40 муж., 15 женщ. и 16 дѣтей *).

Значеніе Усть-Ноторы, какъ духоборскаго центра въ Якутской области, съ распаденіемъ общины и образованіемъ новыхъ селеній быстро начало падать. Правда, въ «общемъ домѣ» этой колоніи продолжало еще жить большинство старичковъ во главѣ съ братьями Петра Васильевича Веригина; тамъ продолжали еще держаться нѣсколько семействъ, наиболѣе преданныхъ завѣтамъ своего руководителя; туда долго еще адресовались изъ Канады всякія общія посланія и денежная помощь; но наиболѣе энергичные и свободолюбивые элементы ушли оттуда и разселились по новымъ мѣстамъ. Приведенныя цифры распредѣленія духоборовъ по селеніямъ даже на тотъ годъ, на который они были составлены, не соотвѣтствовали дѣйствительности; въ дальнѣйшемъ же это несоотвѣтствіе только еще болѣе увеличивалось. Бо̀льшая часть ноторскихъ духоборовъ и почти половина отрадненскихъ отсутствовали на мѣстахъ причисленія; за то въ Прохладномъ ихъ было гораздо больше, чѣмъ числилось; многіе жили также въ самомъ Якутскѣ, кое-кто пробрался даже въ Олекминскъ. Усть-Нотора въ началѣ 1905 г. и совсѣмъ была покинута. Къ этому времени взрослыхъ тамъ оставалось всего лишь восемь человѣкъ. Съ разрѣшенія губернатора, уже совсѣмъ наканунѣ своего освобожденія, они всѣ выѣхали оттуда, и устроились частью въ Прохладномъ и Якутскѣ, частью—въ Отрадномъ.

IV.

Отрадное раскинулось въ таежной вырубкѣ, на лѣвомъ, низменномъ берегу Амги. Тринадцать избъ, съ высокими кровлями изъ лиственничнаго луба, стояли всѣ въ одинъ рядъ. Тайга начиналась прямо съ дворовъ. Впрочемъ, здѣсь она не томила своимъ однообразіемъ: блѣдная зелень лиственницы мѣстами совершенно вытѣснялась темною хвоей соснъ и елей; тамъ и сямъ между ними мелькали тоненькія нѣжныя якутскія березки. Передъ окнами, ниже

*) Обзоръ Якутской обл., 1901 г.

въ рѣкѣ, сверкали какія-то озерца и болотца, окруженныя кустами тальника, боярки и красной смородины; между ними и дальше раскидывались огороды и поля. На противоположномъ берегу стояли великолѣпные бѣлые «гольцы», и Амга бѣжала подъ ними, синяя и холодная.

Русскій человѣкъ, случайно заброшенный въ тѣ печальныя мѣста, попавъ въ этотъ уголокъ, дѣйствительно, испытывалъ отраду, — такъ переставала здѣсь чувствоваться «Якутка», такъ пахло здѣсь Русью и русскимъ духомъ, хорошимъ русскимъ духомъ. Въ скопческихъ селеніяхъ тоже русскій духъ, но тамъ все совсѣмъ, совсѣмъ по-иному.Тамъ слишкомъ все богато и чопорно, тамъ слишкомъ хорошо отдѣланы избы-дома; слишкомъ высокими и непроницаемыми заборами обнесены дворы; слишкомъ крѣпко заперты ворота; слишкомъ злыя собаки бѣгаютъ по дворамъ «на рыскалахъ» — и сумрачны сами обитатели. Это какое-то кащеево царство; и, едва войдя въ него, уже хочешь поскорѣе его покинуть... А у духоборовъ все просто, все открыто и все убого. И убожество это не жалко,—оно мило и трогательно, отъ него вѣетъ какою-то старинною русскою святостью. Здѣсь и люди просты и открыты, и всякій встрѣтитъ у нихъ свѣтлую, привѣтливую улыбку...

Избы въ Отрадномъ были выстроены всѣ по одному типу—въ одну горницу, съ большою русскою печью посрединѣ. На зиму въ каждой избѣ обыкновенно ставилась еще желѣзная печка; камельковъ-же, обычныхъ здѣсь въ каждомъ домѣ, въ каждой избѣ и юртѣ, ни у кого, за исключеніемъ Ѳедора Струкова и Семена Усачева, не было. Двойныя рамы на зиму имѣлись почти у всѣхъ; ихъ не было только у Ѳедора Усачева да у Филиппа Попова, которые вмѣсто рамъ, съ наступленіемъ большихъ холодовъ, обыкновенно въ концѣ октября, вмараживали снаружи тщательно вырубленныя плиты амгинскаго льда. Правда, улицу сквозь льдину было плохо видно, но въ остальномъ ледъ едва-ли уступалъ хорошимъ зимнимъ рамамъ. Бань въ Отрадномъ было три, при чемъ двѣ черныя находились въ общемъ пользованіи и топились всѣми по очереди. Очень хотѣлось духоборамъ также завести у себя мельницу, но сообща ставить ее они не желали, боясь возобновленія прежнихъ измучившихъ ихъ въ общинѣ «неудовольствій», въ одиночку же это никому не было по силамъ; такъ до самаго послѣдняго года они и возили хлѣбъ на помолъ либо въ Амгу, либо въ Бологурцы,— еще на 25 верстъ дальше.

Надѣльной земли у нихъ числилось болѣе 650 десятинъ, изъ которыхъ около 80 десятинъ находилось подъ покосами. Сѣяли ярицу, ячмень и пшеницу яровую. Урожаи были большею частью низки. На огородахъ садили картофель, капусту, морковь, брюкву, рѣпу, рѣдьку и даже огурцы. Большихъ трудовъ стоило выходить все это въ короткое якутское лѣто. Уже въ концѣ іюля необходимо было защищать гряды отъ ночныхъ и утреннихъ заморозковъ,

но нерѣдко они приходили такъ неожиданно, что захватывали всѣхъ врасплохъ. И часто духоборкамъ приходилось горевать надъ своими грядами.

Овощи шли почти исключительно для собственнаго потребленія, но хлѣбъ съ каждымъ годомъ все въ большихъ количествахъ вывозился на продажу въ Амгу и Якутскъ.

Къ началу моего знакомства съ отрадненцами они почти всѣ уже были съ семьями и жили самостоятельными хозяйствами. Холостымъ среди нихъ оставался одинъ только Василій Струковъ. Къ однимъ жены пріѣхали съ Кавказа и изъ Канады, другіе же поженились здѣсь. Нѣкоторые породнились съ ссыльными же сектантами. Такъ, И. Салыкинъ, Ѳ. Струковъ, а впослѣдствіи и Алексѣй Поповъ, женились на іеговисткахъ. Трудно было вступать въ бракъ съ мѣстными крестьянками изъ православныхъ. За Дьячкова, впрочемъ, одна бологурская крестьянка вышла безъ вѣнчанья, но Лахтину изъ-за женитьбы пришлось принять православіе. Разумѣется, это было для него лишь непріятной, печальной необходимостью, и послѣ того онъ нисколько не измѣнилъ своего образа жизни.

— Мнѣ какъ-то о. Стефанъ говоритъ,—улыбаясь, разсказывалъ онъ мнѣ:—вотъ, говоритъ, ты, Николай, крестился, обѣщался все исполнять, а теперь и смотрѣть не хочешь на иконы, никогда свѣчки не поставишь.—А для чего, говорю, свѣчку-то? Расходъ,— тутъ и такъ не натянешь на себя.

Шкуратовъ женился на якуткѣ, впрочемъ, непомнящей родства и воспитанной на пріискахъ Бодайбо. Это была бонтонная дама, немного стыдившаяся своихъ грязныхъ таежныхъ сородичей, любившая чистоту и уютъ, хлѣбосольная хозяйка. Жизнь «въ духоборахъ», повидимому, нравилась ей, хотя многое у нихъ было чуждо ея пониманію.

— Чудно на нихъ смотрѣть, все равно, какъ дѣти,—признавалась она мнѣ однажды. Но она охотно называла ихъ «братцами», а когда въ какихъ-нибудь особенныхъ случаяхъ, напримѣръ, на похоронахъ, духоборы собирались для молитвы и пѣли «псалмы»,— она также присоединяла къ хору свой голосъ.

Дѣтей у нихъ рождалось здѣсь мало.

— Тяжелая Сибирь, трудная тутъ жизнь,—жаловалась Мавруня Усачева. — Пріѣхали-то мы сюда толстыя, бѣлыя, какъ гусыни, а теперь все пропало... Тутъ трудно дѣтей производить,—не убережешь ихъ... Да и родятся-то они тутъ вовсе не споро...

О послѣднемъ, впрочемъ, могла скорбѣть только совершенно бездѣтная Мавруня. Для большинства же,—для тѣхъ, у кого имѣлся хотя бы одинъ ребенокъ, эта «неспорость» являлась даже желанной. Всѣ они и мыслью, и сердцемъ рвалить изъ постылой ссылки, всѣ лелѣяли свѣтлую мечту — «поскорѣе достигнуть въ Канаду»; а большая семья не только отягчила бы ихъ

здѣшнюю и безъ того тяжелую жизнь, но создала бы множество всяческихъ непріятныхъ осложненій и въ будущемъ, при ихъ переселеніи въ далекій Канадскій край.

Точно такъ же, какъ жизнь другихъ ссыльныхъ сектантовъ въ тѣхъ краяхъ, такъ же, какъ жизнь политическихъ ссыльныхъ, духоборская жизнь, соприкасаясь съ жизнью мѣстнаго населенія лишь поверхностно, въ общемъ оставалась замкнутой въ кругъ своихъ особыхъ групповыхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи всѣ эти группы ссыльныхъ рѣзко отличались отъ уголовныхъ поселенцевъ, у которыхъ не наблюдалось такой своей общественности. Потому, конечно, они легче и скорѣе подвергались вліянію мѣстнаго населенія и «якутѣли».

Духоборамъ въ якутахъ нравилась ихъ смѣтливость, ихъ простодушіе и привѣтливость; но грязь, въ которой живетъ якутъ, внушала имъ глубокое отвращеніе. Съ теченіемъ времени всѣ они научились «мало-мало» говорить по-якутски, однако пользоваться этимъ приходилось имъ почти исключительно въ своихъ хозяйственныхъ сношеніяхъ съ якутами. Для духовнаго общенія здѣсь не было почвы.

— Ну, какіе у насъ съ ними разговоры! —говорили отрадненцы:—Капсè капсè, сохъ да высохъ,—только и всего разговору.. *).

Якуты относились къ «бухоморамъ» или «духоморамъ» такъ же, какъ къ «капсáмъ» и «асударскимъ» **). Если уголовныхъ поселенцевъ, «жигановъ», постоянно чѣмъ-нибудь отравлявшихъ имъ жизнь, они не любили, то такихъ «нючча́» ***), отъ которыхъ имъ самимъ можно было кое-чѣмъ поживиться, которые не очень тѣснили ихъ, главное же—не обкрадывали, — такихъ они цѣнили и уважали. Тутъ у нихъ не мало было «ата́совъ» ****).

Ближе сходились духоборы съ мѣстными крестьянами. Здѣсь съ нѣкоторыми изъ наиболѣе культурныхъ у нихъ завязывались даже почти дружескія отношенія. Крестьяне вообще относились къ духоборамъ съ большимъ уваженіемъ, а крестьянскія дѣвушки съ радостью входили въ духоборскую семью.

Къ скопцамъ духоборы относились съ нѣкоторою непріязнью.

Кажется, легче и ближе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было, они сходились съ политическими ссыльными.

---

*) *Капсе*—разсказывай.—*Сохъ, онъ капсе*—нечего, разсказывай ты. Такъ обыкновенно начинается у якутовъ всякій разговоръ.

**) Скопцы и государственные.

***) Русскій.

****) Другъ, пріятель.

V.

Мнѣ пришлось познакомиться съ ними уже въ дни полнаго упадка ихъ «новой жизни», когда ихъ религіозно-мистическій идеализмъ почти совершенно поблекъ.

Меня очень интересовала ихъ общинная жизнь и причины ея разложенія, и въ своихъ разговорахъ съ ними я часто затрагивалъ этотъ вопросъ.

— Очень тяжелая жизнь въ общинѣ,—грустно говорилъ какъ-то Н. В. Шкуратовъ:—много мы отъ нея пострадали тутъ... Да и на Кавказѣ-то все одно—не лучше было; ни одного дня не пройдетъ, бывало, чтобы, значитъ, непріятности какой не вышло. Бывало, отецъ придетъ съ поля—тоже говоритъ: не знаю, что и дѣлать съ этой общиной. Если такъ въ каждомъ дѣлѣ съ разговорами да съ перекорами, такъ что же мнѣ и община. Я пойду — самъ накошу себѣ. Никто меня не попрекнетъ, никто не укажетъ. Хочешь работать—работай да работай, коси да коси...

— Общиной можно жить только временно,—говорилъ духоборъ Лахтинъ, — чтобы только, значитъ, обзавестись на первое время своимъ хозяйствомъ, а потомъ жить въ общинѣ никакъ невозможно, тамъ она только свяжетъ всѣхъ, и, кромѣ вражды, ничего не будетъ.

— Изъ-за чего же разговоры, почему вражда?—спрашивалъ я.

— Я такъ полагаю,—объяснялъ мнѣ Макеевъ — что тутъ двѣ исторіи въ одну присоединили. Первое, это—молитвы, потомъ тамъ, мясо ѣсть бросили, курить—и все тому подобное, а второе, это—община, какъ, значитъ, работать намъ, какъ хозяйство устраивать, однимъ словомъ, матеріальная жизнь. Я такъ примѣчалъ: если двадцать человѣкъ въ одномъ домѣ живутъ и другъ друга кормятъ, то это—самая худая жизнь, потому что нѣту у нихъ самаго главнаго—любви у нихъ нѣту. Разойдутся они по одному, и много лучше для нихъ будетъ. Вы говорите: почему междоусобія, какая причина? Причина такая. Сидимъ мы вотъ сейчасъ съ вами, къ примѣру, чай пьемъ, а я ужъ примѣчаю, что вы себѣ кусочекъ сахару-то взяли побольше, вы его не бережете, какъ я; вотъ я и думаю: вѣдь это онъ моимъ береженымъ пользуется... Или такъ: вы вотъ, къ примѣру, портные; вы себѣ рубашечку-то сшили покрасивѣй да и матеріалъ то получше поставили; а я, къ примѣру тоже, сапожникъ: себѣ сшилъ сапоги одного характера, а вамъ другого. Вотъ это то и есть самая причина, самый корешокъ-то есть. Оно хоть все одно: ваши дурные сапоги износились—вамъ даютъ новые; а все-таки дѣло-то какъ будто не ладно: я на васъ смотрю, вы на меня, и оба недовольны. Опять же смотрять, кто какъ носитъ; къ примѣру: я ношу одни сапоги годъ, а то и болѣ, а вамъ такихъ же сапогъ

нужно не менѣе, какъ двѣ пары въ лѣто... Также и работы разныя бываютъ: васъ вотъ поставили въ школу ребятъ учить, а меня—воду возить, ну, мнѣ и обидно, конечно, и являются мысли разныя. И такъ во всемъ прочемъ...

— Вотъ я разскажу про себя,—говорилъ въ другой разъ Лахтинъ.—На Кавказѣ еще было. Поступилъ я въ кузницу, ну, болѣе потому, какъ очень мнѣ желалось научиться этому дѣлу. И я, конечно, все это, то-есть раздоры эти самые, видѣлъ вотъ какъ—даже самъ и ушелъ-то оттуда черезъ нихъ. Такое дѣло. Работаешь, бывало, цѣлый день, просвѣту не видишь, отъ горна не отходишь; а иной приходитъ — обижается: «У того-то, говоритъ, ужъ другая телѣга стоитъ, а у меня совсѣмъ нѣтъ,—это какъ же такъ?» Ну, что будешь съ нимъ говорить! Онъ вѣдь, гляди, опослѣ свою-то телѣгу поставилъ, вѣдь нельзя же за всѣмъ углядѣть: тутъ вѣдь каждый день тащутъ—то ухватъ тамъ, то топоръ, то еще что по домашности; оно и не велики дѣла, а вѣдь время и на нихъ требуется. А тѣ-то, конечно, тоже не виноваты; тоже думаютъ: вѣдь вотъ мы работаемъ по совѣсти, цѣлый день, — почему-же у насъ нѣту нужной вещи ко времени? И такое неудовольствіе другъ на друга!.. Ну, мы съ братомъ поработали такъ, — смотримъ: работы все не убавляется, и эти самыя претензіи... А у насъ и у самихъ-то, у кузнецовъ-то, телѣги разваливаться стали. Бросили мы тогда эту работу...

— Вы подумайте, можно ли жить въ такой общинѣ, — жаловался какъ-то Шкуратовъ. — Ну, возьмемъ хоть какъ у насъ въ Якутскѣ было: одни на работу идутъ, а другіе сидятъ — письма пишутъ, книги читаютъ и тому подобное. Если подойдешь—скажешь: «Что-же, молъ, братъ, не идешь работать?»—«А тебѣ какое дѣло!»—говоритъ: — «ты какое такое лицо, что ты мою свободу стѣсняешь»... Что ты съ нимъ будешь дѣлать?

И къ такимъ мотивамъ сводилось все, что приходилось мнѣ слышать отъ духоборовъ въ объясненіе угнетавшихъ ихъ въ общинной жизни раздоровъ. Иные длинные разговоры вполнѣ могли бы быть выражены немногими словами Лахтина:

— Просто такъ сказать, что по причинѣ какъ у насъ нѣту никакого согласія между собою,—никакъ невозможно здѣсь жить общиной, по-братски: климатъ этого не дозволяетъ.

А до какой степени раздоры, наполнявшіе общинную жизнь духоборовъ, дѣйствительно угнетали ихъ, можно судить хотя бы по тому глубокому отвращенію къ общинѣ, которое послѣ ея распаденія осталось у нѣкоторыхъ, бывшихъ когда-то горячими ея защитниками.

— Вамъ вотъ все это занятно, я такъ примѣчаю,—говорилъ мнѣ Макѣевъ,—а мы то промежду собой давно ужъ и не говоримъ объ этомъ. Такъ больше говоримъ, какъ намъ прожить здѣсь, въ этихъ холодахъ, какъ зиму прозимовать, а объ этомъ

рѣдко говоримъ, потому что все это намъ уже точно извѣстно и новаго тутъ ничего не будетъ. Къ примѣру, виситъ вотъ картина на стѣнѣ, я ужъ давно вижу—какъ она виситъ, что на ней, и ужъ я будто и не смотрю на нее: виситъ и виситъ—я знаю. Мнѣ кажется, что мы все тутъ прошли, то-есть вотъ какъ—дошли до самой тонкости! Вѣдь у насъ тутъ былъ все отборный народъ, дома-то были не послѣдними, знали, какъ что сказать, за это и шли сюда. И вотъ я вамъ говорю: никакая сила не соединитъ теперь насъ въ общину... прямо никакая,—ну, хоть что!.. У меня даже есть такое мнѣніе, что пройдетъ, скажемъ такъ, пять, шесть, ну,—десять лѣтъ, и въ Канадѣ община прикончится. Вѣрно вамъ говорю: никакъ имъ не удержать ея. Говорю, мы здѣсь до самой тонкости дошли, даже до того, что съ хозяйками со своими и то—впору бы отдѣляться... Отъ природы ужъ это такъ, однако,—человѣкъ только одинъ можетъ жить тихо, безъ злобы. А община это—чудовище, это смерть для человѣчества!..

Большинство, впрочемъ, выражало свое осужденіе общинѣ съ меньшею рѣзкостью.

— Кто ее знаетъ,—можетъ, въ Канадѣ-то и мы могли бы жить въ общинѣ, по ихнему...—говорили многіе.

Но среди тѣхъ духоборовъ, какихъ я зналъ въ Якутской области, убѣжденнаго защитника общинной жизни мнѣ не встрѣтилось ни одного.

Освобожденіе отъ общины было только первымъ шагомъ эмансипаціи духоборовъ отъ принциповъ новой жизни, принятыхъ ими на Кавказѣ. Не въ Якутской области жить вегетаріанцамъ. Изголодавшіеся, истощавшіе до болѣзней люди одинъ за другимъ стали опять приниматься за «убойную» пищу. Также вскорѣ были изъяты изъ-подъ запрета табакъ и вино. Быстро таяло число вѣрныхъ своимъ обѣтамъ, и къ моменту объявленія имъ амнистіи такихъ едва-едва можно было насчитать до десяти человѣкъ. Изъ всѣхъ отрадненцевъ, напр., только трое-четверо до самаго конца ссылки «постились», не пили и не курили.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что возвращеніе къ потребленію вина отнюдь не знаменовало собою перехода къ пьянству. Пьянство осуждалось у нихъ теперь такъ же строго, какъ и раньше; трезвость и теперь была ихъ характерной чертою. Уничтожилась же въ сущности лишь та безусловность въ отрицаніи хмѣльного, съ которою они пришли сюда.

На принятіе мясной пищи большинство смотрѣло, тоже какъ на горькую необходимость.

Какъ-то я перечиталъ Макееву всю бесѣду П. В. Веригина съ духоборами по пріѣздѣ его въ Канаду. Въ этой бесѣдѣ онъ, между прочимъ, отвѣчая на обращенный къ нему вопросъ,—что дѣлать съ избыткомъ быковъ въ духоборскихъ стадахъ, если не

продавать ихъ мясникамъ, предложилъ по-просту отдать весь лишній скотъ нуждавшимся въ рабочей силѣ переселенцамъ.

— На это я могу, конечно, вотъ что сказать,—вдругъ заблестѣвъ глазами, заговорилъ Макеевъ.—Такъ я понимаю. Тамъ говорится, чтобы не давать мясникамъ, значитъ; ну, а по моему, какъ я понимаю, конечно,—отдать этимъ семистамъ переселенцамъ это все равно, что убивцамъ отдать... потому что они все равно убьютъ ихъ... Придутъ въ такое мѣсто, гдѣ ѣсть нечего... Глядѣть что ли будутъ?..

И по тону, какимъ говорилось это, ясно было видно, что здѣшнимъ «постникамъ» необходимость сдѣлаться «мясниками» далась не совсѣмъ-то легко.

VI.

Знаменитое движеніе канадскихъ духоборовъ въ 1902 г. не встрѣтило здѣсь никакого сочувствія. Знали ссыльные духоборы о немъ какъ изъ писемъ своихъ родныхъ, жившихъ въ Канадѣ, такъ отчасти и изъ газетныхъ сообщеній *). Все, что у меня появлялось новаго объ этомъ движеніи, я неуклонно перечитывалъ моимъ сосѣдямъ. Чтеніе главъ у В. Ольховскаго, посвященныхъ описанію этого движенія **), вызвало въ Отрадномъ среди слушателей много разговоровъ.

Сообщеніе о томъ, что «свободники» отпустили на волю лошадей и воловъ, было встрѣчено смѣхомъ.

Большинство высказывалось опредѣленно и рѣзко.

— Если бы туда нашихъ пустить въ то время,—вотъ война-то пошла бы!.. Да, напримѣръ, если бы у меня тамъ братъ былъ,—

*) Между прочимъ, въ „Якутскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ" отъ 23 декабря 1902 г. также были приведены нѣкоторыя извѣстія объ этомъ движеніи. Это была перепечатка изъ „Новаго Времени" и извѣстія были, конечно, самаго тревожнаго и мрачнаго свойства. Въ дополненіе къ одному коротенькому сообщенію были перепечатаны въ названной газетѣ и пространныя, глубокомысленныя разсужденія, вызванныя имъ у извѣстнаго Ник. Энгельгардта. Я позволю себѣ привести здѣсь ихъ начало. Представивъ себѣ цѣлыми сотнями гибнущихъ въ Канадѣ отъ голода и холода духоборовъ, Ник. Энгельгардтъ говорилъ: „Переселившіеся изъ Россіи въ Канаду духоборы, конечно, менѣе всего могли разсчитывать здѣсь найти тѣ условія, при которыхъ возможно устроиться по ихъ ученію. Въ Россіи съ ея общиннымъ строемъ все же взгляды духоборовъ не такъ чужды и непонятны, какъ въ Америкѣ и по всей Западной Европѣ, гдѣ царятъ начала римскаго права властно и нераздѣльно. Хоть какое-либо снисхожденіе духоборы могли найти среди своихъ. Но на чужбинѣ отъ нихъ требуютъ выполненія мѣстныхъ законовъ, и при отказѣ они становятся въ положеніе „нелегальныхъ" бродягъ и непомнящихъ родства"... („Якутск. Обл. Вѣд.", 1902 г., № 24). Какою злою насмѣшкой надъ правдой должны были звучать эти слова для духоборовъ, томившихся въ якутской ссылкѣ, прошедшихъ всѣ ужасы русскихъ дисциплинарныхъ батальоновъ!

**) „Духоборы въ канадскихъ преріяхъ", „Образованіе" 1903 г., № 8.

развѣ я пустилъ бы его? Чтобы это онъ скотъ распустилъ, хозяйство бросилъ и пошелъ на свободу!.. Развѣ я пустилъ бы его? Что бы онъ мнѣ сдѣлалъ? Ударить онъ меня по своему понятію не можетъ, а я уперся бы и не пустилъ его... Впрочемъ, про него и такъ сказать: ступай, куда хошь. А дѣтей ни за что бы не далъ... Нѣтъ, слѣдовало бы розги туда!...

Особенно жестоко были осмѣяны проповѣдники «райскаго блаженства».

— Ишь вѣдь какъ: до села бѣгутъ одѣмшись, а какъ въ село—раздѣнутся!..

— Да, а потомъ опять одѣваются!

— Послать бы ихъ къ намъ! Посмотрѣли бы мы, какъ бы они тутъ стали голышомъ ходить... Небось, изъ избы не выбѣгли бы!..

— Проповѣдники! Взять бы крапиву, да по голому-то...

— Чего крапиву! акацію бы хорошую—вотъ нашихъ-то драли въ дисциплинарномъ...

И говорившіе это взглядывали на мрачно молчавшихъ Григорія Веригина и Николая Сукочева, которымъ, дѣйствительно, въ дисциплинарномъ баталіонѣ пришлось «испытать» такія розги.

Конечно, «акація» и «крапива» были не болѣе, какъ «шумовыя» словечки въ ихъ языкѣ, и нужно сказать—довольно смѣшныя, потому что въ дѣйствительности всѣ они продолжали оставаться по-прежнему противниками не только розги, но и простой хворостины. Я не знаю, по крайней мѣрѣ, ни одного случая, кагда бы кто-нибудь изъ нихъ прибѣгъ къ побоямъ или другому подобному насилію надъ человѣкомъ. Да и съ животными они умѣли обращаться «по-братски»; не даромъ же лошади имѣли у нихъ человѣческія имена: Ваня, Настя, Маша...

Упоминая розги, они, повидимому, лишь съ особой силой хотѣли подчеркнуть свое несогласіе съ «проповѣдниками».

Вообще на все, что происходило въ то время въ Канадѣ, отрадненцы смотрѣли недовѣрчиво и враждебно. И въ письмахъ своихъ въ Канаду они не скрывали своего отношенія къ тамошнимъ новымъ теченіямъ.

— Писали мнѣ вотъ тоже на счетъ браковъ,—говорилъ Макеевъ,—потому что у насъ до этого было такъ: сойдутся если по согласію—она его любитъ, онъ—ее,—и живутъ безо всякихъ... Ну, а канадское правительство требовало, чтобы, значитъ, записывались, кто она, напримѣръ, и—кто онъ; и по два доллера за это чтобы вносить. Ну, потомъ записывать также, кто родится, кто помираетъ. Они пишутъ, что этого, значитъ, не должно по настоящему-то быть: Богъ, говорятъ, создалъ человѣка, Богъ и запишетъ, Богъ умертвитъ—Богъ и смараетъ. Но я съ этимъ не согласенъ. Къ примѣру, живемъ мы у нихъ,—должны же они знать, сколько насъ прибыло, какъ мы умножаемся. Вѣдь и пастухъ, къ примѣру, долженъ знать, какая есть у него баранта.

Почему же не записать, кому отъ этого какое худо? Почему не дать два доллера человѣка на чернила, на бумагу, если онъ сидитъ пишетъ? Опять же дороги. Вѣдь ѣздимъ мы по дорогамъ,—значитъ, должны же мы въ своемъ участкѣ поправлять ихъ. Тамъ порядокъ такой: или два доллера, или день самому поработать. Да и день-то тамъ не какъ у насъ: десять часовъ проработалъ, вотъ и день весь. Ни съ чѣмъ я съ этимъ не могъ согласиться и все имъ свое размышленіе отписалъ,—можетъ, и теперь еще письма мои у нихъ цѣлы. Ну, а они, напротивъ, съ нами не соглашаются. Пишутъ: вы,—говорятъ,—самцы.

— Какъ это самцы?

— Ну, такъ, значитъ,—сами все рѣшаемъ, а подъ ихъ дѣла не подписываемся.

На всѣ новыя исканія «свободниковъ» они смотрѣли, какъ на болѣзненное преходящее явленіе.

— Э, всѣ уляжутся, скорятся и будутъ жить, какъ всѣ!—постоянно высказывалась ими мысль.

— Какіе же они тамъ? Такіе же, какъ и мы вѣдь. Только что въ вѣрѣ какъ-будто маленечко... ну, въ родѣ какъ побольше Богу молятся, поприсяжнѣй. Ну, а мы-то это какъ-то все упустили. Только работаемъ. Работаемъ да работаемъ, только чтобы съ голоду не помереть...

Я думаю, что движеніе среди канадскихъ духоборовъ просто было не понято якутскими. Та атмосфера напряженнаго ожиданія, то религіозное возбужденіе, которое охватило духоборовъ въ Канадѣ передъ возвращеніемъ изъ ссылки П. В. Веригина, не могли перенестись черезъ океанъ въ Якутскую область. Здѣсь жизнь текла все время тяжелая, однообразная и тусклая. Духоборы здѣсь, какъ о раѣ, мечтали о далекой свободной Канадѣ, а тамъ между тѣмъ, въ этой благословенной Канадѣ, ихъ братья выражали какое-то недовольство, куда-то бѣжали, хотѣли какой-то новой свободы...

И невольно поднимались горечь и раздраженіе: «Послать бы ихъ къ намъ!.. Посмотрѣли бы мы!..»

А между тѣмъ, я почти увѣренъ, что если бы нѣкоторые изъ отрадненцевъ, говорившихъ о розгахъ, были въ 1902 г. въ Канадѣ,—они не послѣдними примкнули бы къ движенію «на свободу».

XI.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше обезсилѣвала духоборская ссылка. И безъ того малочисленная, она послѣ распаденія общины стала рѣдѣть еще болѣе. Нѣкоторые, не успѣвшіе еще связать себя собственнымъ хозяйствомъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной и тяжелой душевной борьбы начали по одиночкѣ уходить отсюда. Наиболѣе смѣлые и энергичные отваживались на побѣгъ. Они долго готовились, въ подходящій моментъ исчезали, пропадали нѣкоторое время въ безвѣстности, а потомъ объявлялись въ далекомъ канадскомъ духоборьи. Другіе же, не осмѣливаясь на такой шагъ, уходили инымъ путемъ,—подавали прошеніе о помилованіи. Большинство духоборовъ не одобряло, однако, ни того, ни другого образа дѣйствій.

— Есть у насъ мнѣніе такое,—говорилъ мнѣ одинъ духоборъ:—не настоящій, значитъ, тотъ человѣкъ, который отсюда уйдетъ. Сказываютъ,—плохо такого человѣка и въ Канадѣ принимаютъ.

— Почему же такъ?

— Да сказываютъ,—не ладно такъ-то поступать: что же ты, говорятъ, ушелъ, а другихъ оставилъ. Что же хорошаго будетъ, если кто посильнѣй да потверже—уйдетъ, а кто останется, такъ—пропадетъ безъ поддержки...

Разсказывали также, что Петръ Васильевичъ, встрѣтившись въ Канадѣ съ братомъ своимъ Григоріемъ, бѣжавшимъ изъ Якутской области, такъ разсердился на него, что чуть было не заставилъ его уѣхать обратно.

Что бы тамъ ни было,—побѣги не могли благотворнымъ образомъ отражаться на психологіи остававшихся въ ссылкѣ.

Нѣкоторые, примирившись съ ней, но боясь ослабѣть и захирѣть, начинали жадно тянуться къ деньгамъ и съ головой уходили въ хозяйственный разсчетъ. Скопивъ немного денегъ, они заводили небезвыгодную торговлю «по якутамъ», продавая водку, спиртъ, кожи, табакъ, спички и другую мелочь; потомъ къ этому присоединяли и ссуду подъ большіе проценты нуждавшимся. Подчасъ даже своимъ «братьямъ» деньги выдавались этими людьми подъ проценты.

— Взять взаймы—не даютъ,—разсказывали мнѣ,—даютъ, такъ на проценты. Ну, берутъ тамъ за десять рублей полтора-два рубля въ мѣсяцъ. Своимъ-то они меньше даютъ, потому, значитъ, якуты постоянно къ нимъ приходятъ: въ карты проиграются и очень нуждаются въ деньгахъ. И имъ-то давать сподручнѣй.

За этими людьми тянулось и большинство духоборовъ, и послѣдствія этого сказывались, конечно, печально. Шагъ за шагомъ хо-

зяйственная разсчетливость вытѣсняла изъ ихъ жизни все то свѣтлое, «духовное», что раньше придавало ей красоту, что возвышало ее надъ обычной темной крестьянской жизнью.

И сами духоборы чувствовали и сознавали это, но большинство уже совсѣмъ ослабѣло и не находило въ себѣ силъ, чтобы поддержаться.

Нѣкоторые тосковали:

— Кабы у насъ тутъ руководитель былъ, ну, тогда, конечно, всѣ слушались бы и никакого бы это раздору между нами не было... Всѣ бы въ мирѣ и согласіи жили...

И ждали къ себѣ изъ Канады Петра Васильевича. Ждали всѣ съ надеждой и трепетомъ.

Но его не было.

И. Бобякинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДѢТИ.

Повѣсть Болеслава Пруса.

Переводъ съ польскаго *Л.* Круковской.

— А я думаю... — началъ Старка, поднимаясь на кровати.

— Не думай, а то голова разболится,—прервалъ его Андржейчакъ.

— Господа!—воскликнулъ Лисовскій,—развѣ мы пришли сюда ссориться? Лучше послушаемъ Свирскаго.

— Пусть только не мямлитъ, — пробормоталъ Солиторъ, грызя мундштукъ папиросы.

— Скажу кратко,—снова заговорилъ Свирскій,—революція принимаетъ скверный оборотъ. Это замѣтили даже старые люди...

— Даже дядьки!..—проворчалъ Старка.

— Ты правъ, — продолжалъ безъ всякаго гнѣва Свирскій.—Мой дядя постоянно повторяетъ, что это не революція, а разложеніе. Вмѣсто сраженій -- убійства; вмѣсто захвата знаменъ—ограбленіе кассъ... Будь это еще государственныя кассы или банковыя... А то грабятъ частныхъ людей, отбираютъ по нѣскольку рублей... При такомъ порядкѣ вещей крайне необходимо создать революціонную армію. Въ Финляндіи она уже существуетъ, въ Россіи формируется, а у насъ нѣтъ ничего. Необходимо, слѣдовательно, приступить къ формированію отрядовъ, покупкѣ оружія въ большомъ количествѣ... для сраженій или, по крайней мѣрѣ, для стычекъ... Такъ какъ старшіе не въ состояніи это сдѣлать, то мы, молодежь, обязаны взяться за это.

— Возьмемся... возьмемся!..—весело промолвилъ Линовскій.

— Мнѣ интересно знать, кто будетъ предводителемъ въ сраженіяхъ?—вставилъ Старкъ.

— Конечно, Свирскій...—отвѣтилъ вполголоса Хржановскій.

— А мнѣ интересно, къ чему все это ведетъ?—отозвался Ендржейчакъ. — Говори коротко и ясно, а то ужъ очень много предисловій. Передъ исторіей съ Брыдзинскимъ тоже не обошлось безъ болтовни...

Свирскій слегка покраснѣлъ, но сохранилъ спокойствіе.

— Буду кратокъ,—сказалъ онъ.—Людей отважныхъ, рѣшительныхъ, готовыхъ, какъ мы, умереть за свободу—у насъ наберется уже сотни двѣ. Для нихъ необходимо много самаго лучшаго оружія, платья...

— Яду...—прибавилъ Лисовскій, — чтобы не даваться въ руки живыми...

— На это оружіе и платье нужны деньги,—продолжалъ Свирскій. — Я надѣялся оплатить все это своимъ имуществомъ, но... не могу... Поэтому мы должны...

— Ужъ не красть ли и разбивать?—спросилъ Ендржейчакъ.

— Вы должны захватить государственныя деньги изъ губернскаго казначейства и отдѣленія банка.

— А если тамъ будутъ деньги шляхты, купцовъ?—прибавилъ Солитеръ.

— Въ такомъ случаѣ возьмемъ и эти деньги, но я возвращу ихъ...

— Если дядя позволитъ,—сказалъ Старка.

— Дядя не допуститъ, чтобы меня назвали экспропріаторомъ.

— Хорошо! Хорошо!—прервалъ Лисовскій.—Но когда-же? Какимъ образомъ?

— Открыть имъ планъ?—обратился Свирскій къ Линовскому.

— Ты обязанъ!—закричалъ Старка.—А то,—что же это, диктатура?

— Вотъ дурачье!—проворчалъ Ендржейчакъ Солитеру.

— Просто сумасшедшіе!—возразилъ Солитеръ, усаживаясь въ кресло. Колѣни у него дрожали.

Свирскій сталъ говорить сдавленнымъ голосомъ. Товарищи обступили его.

— Въ настоящее время въ отдѣленіи банка, а также въ губернскомъ казначействѣ хранится очень много денегъ. Въ одну изъ ночей мы начнемъ стрѣльбу у кладбища... войска поспѣшатъ туда, а мы... овладѣемъ банкомъ и казначействомъ... А чтобы не пропустить вспомогательныхъ войскъ, мы по дорогѣ отъ казармъ до города загородимъ улицы проволокой... у нѣсколькихъ человѣкъ будутъ бомбы. Больше подробностей не скажу. Понятенъ ли вамъ общій планъ?

— Планъ геніальный!—сказалъ Лисовскій.

— Это видно будетъ только по выполненіи его. А между тѣмъ въ городѣ много войска,—возразилъ Старка.

На лицѣ Свирскаго блеснула торжествующая улыбка.

— Мы думали объ этомъ и о многихъ другихъ возможныхъ случайностяхъ. Поэтому, чтобы отвлечь хоть немного войска изъ города, поѣдемъ сегодня...

— Какъ? Сегодня?..—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Поѣдемъ сегодня... сейчасъ... въ лѣсъ, за Соломянки. Будемъ стрѣлять въ воздухъ... задѣвать проѣзжающихъ... словомъ—поднимемъ тревогу... Тогда комендантъ устроитъ облаву въ лѣсахъ. И когда тамъ соберется часть войска, мы вернемся въ городъ и...

— Попадете въ тюрьму,—пробормоталъ Ендржейчакъ.

— Нѣтъ... завладѣемъ кассой,—отвѣтилъ Линовскій.

— Или погибнемъ,—прибавилъ Свирскій.

— Поздравляю!—простоналъ Солитеръ.

— На войнѣ кто-нибудь долженъ погибнуть,—возразилъ Свирскій.—Наконецъ, развѣ всякій изъ насъ не подготовленъ къ этому? А теперь... идете въ походъ?

— Конечно!—крикнулъ Линовскій.

— Онъ еще спрашиваетъ!—прибавилъ Лисовскій.—Только глупцы и трусы...

— Трусъ это—я, а глупецъ—ты, Лиска!—сказалъ Ендржейчакъ.

— Дуракъ!

— Такое дѣло слѣдовало бы обдумать основательно,—сказалъ Солитеръ дрожащими губами.

— Все обдумано!—вмѣшался Хржановскій.—Теперь увидимъ, кто пойдетъ!

— Всѣ!—крикнулъ Лисовскій.

— Не кричи, оселъ!

— Мнѣ очень интересно, кто будетъ командовать?—отозвался Старка.

Лица у всѣхъ разгорѣлись, глаза блестѣли и голоса стали хриплыми.

— Помните, что мы дали клятву!—сказалъ Линовскій.

— Слѣдовательно, не о чемъ толковать, а надо готовиться въ путь.

— А оружіе? Оружіе?—тревожно спросилъ Лисовскій.

— Каждый добудетъ себѣ оружіе и сотню зарядовъ!—сказалъ Свирскій.

— Ура!—тихонько пропищалъ Лисовскій.

— Сумасшедшіе!—прошипѣлъ Ендржейчакъ.

— Къ чорту! Рѣшайте, наконецъ: идти или не идти?—спросилъ Лесневскій.

— Рѣшено давнымъ-давно,—сказалъ Лисовскій.

— Не рѣшено! — крикнулъ Ендржейчакъ: — ибо я не пойду!

— И получишь пулю въ лобъ!—отвѣтилъ Лисовскій.— Вѣдь это измѣна! Вѣдь мы дали слово на кладбищѣ, у могилы повѣшеннаго!

Лесневскій пересталъ смѣяться. Тогда Свирскій, подумавъ, сказалъ:

— Товарищи! Конечно, если бы кто-нибудь выдалъ наши планы, то долженъ... долженъ...

— Попасть на висѣлицу,—вставилъ Лесневскій.

— Когда вспыхнетъ настоящая война,—продолжалъ Свирскій,—трудно будетъ отдѣлаться отъ добровольно принятыхъ на себя обязанностей. Но сегодня только первый опытъ, и поэтому въ немъ могутъ принять участіе самые отважные и самые услужливые.

— Я!—промолвилъ Лисовскій.—Я первый!

— Быть можетъ, мы потерпимъ неудачу,—сказалъ Свирскій.—Мы еще не испытали нашихъ силъ.

Ендржейчакъ схватилъ его руку.

— Теперь я вижу, что ты уменъ!.. Если кто-нибудь хочетъ дѣлать глупости, то пусть дѣлаетъ ихъ на свой страхъ... Пусть не берется за то, чего не знаетъ, и пусть не заставляетъ другихъ... Подумайте хорошенько: что могутъ сдѣлать десять, даже сто подобныхъ вамъ противъ тысячъ солдатъ?

— Это только начало,—прервалъ Свирскій,—черезъ полгода насъ будутъ милліоны... вся Россія... вся русская армія. Кто нибудь долженъ же начать, хотя бы пришлось и погибнуть при этомъ.

— Естественно!—прибавилъ, улыбаясь, Линовскій.

— Слѣдовательно, сегодня мы не ѣдемъ?—радостно сказалъ Солитеръ.

— Напротивъ, кто хочетъ, поѣдетъ!

— И будетъ произведено нападеніе на казармы въ городѣ!—настаивалъ Лисовскій.

— Глупый! Глупый!—прошепталъ Ендржейчакъ.

— Развѣ... если-бы всѣ насъ обманули...—отвѣтилъ Линовскій.

— Такъ плохо не будетъ, — вмѣшался Старка.—У насъ было цѣлыхъ полгода на размышленіе... А въ настоящее время вопросъ только въ томъ, чтобы нѣкоторые товарищи не распоряжались по диктаторски, не выскакивали впередъ... Первая стычка лучше покажетъ — кого слушать? Кому командовать? Это важнѣе, чѣмъ рапиры на стѣнахъ или военная литература въ шкафахъ.

— Я объявляю еще, что не принимаю участія въ этихъ похожденіяхъ,—упорно заявлялъ Ендржейчакъ.

— Это удивительно!—сказалъ Лисовскій.—Будто бы храбрый, участвовалъ во всѣхъ походахъ, въ него стрѣляли и онъ не убѣгалъ, тянулъ вмѣстѣ съ нами жребій, а теперь труситъ...

— Не говори такъ!—убѣждалъ Свирскій.

— Не хочу принимать участіе,—прервалъ Ендржейчакъ,— и не буду, хоть бы вы меня осудили на смерть и объявили измѣнникомъ...

— Ты съума сошелъ?—спросилъ Старка.

— Не хочу, — сказалъ Ендржейчакъ, — убивать людей врасплохъ... не хочу разбивать кассы и грабить чужія деньги... Не хочу! Но вы—вы можете убивать, грабить... У каждаго свой вкусъ. Долженъ-ли я убираться къ чорту или кто-нибудь пуститъ въ меня пулю? — насмѣшливо спросилъ онъ.

— Да вѣдь ты самъ подбивалъ насъ къ формированію союза рыцарей свободы, самъ принадлежишь къ нему,— сказалъ Свирскій.

— Принадлежалъ... Даже изъ за васъ ушелъ отъ соціалистовъ, потому что они организовали убійства... Теперь и вы хотите поступать такъ же.

— Мы не будемъ убивать... будемъ атаковать большее число людей и, быть можетъ, лучше насъ вооруженныхъ...

— Въ такомъ случаѣ вы безумные. Вѣдь ты самъ объяснялъ, какъ великій тактикъ и стратегъ,—что для одержанія побѣды необходима лучшая выучка, лучшее оружіе и больше людей.

— Но я также говорилъ не разъ, что люди, готовые на смерть и хорошо обученные, могутъ разбить непріятеля, застигнутаго врасплохъ, — отвѣтилъ Свирскій. — Наконецъ, помни, что въ арміи много нашихъ сторонниковъ, которые или помогутъ намъ, или, по крайней мѣрѣ, не будутъ мѣшать...

— И всегда эти нападенія врасплохъ...

— А японцы—развѣ не врасплохъ бросились на русскій флотъ въ Портъ-Артурѣ? А деньги непріятеля—развѣ онѣ не становятся военной добычей?

Ендржейчакъ задумался.

— Хорошо!—отвѣтилъ онъ.—Когда вы образуете армію или хотя бы партизанское войско,—я буду съ вами... Тогда увидимъ, можно ли назвать меня трусомъ. Но къ сегодняшнимъ похожденіямъ я не причастенъ, пототому что они безразсудны...

— Ого! осторожно!.. оселъ!.. лѣзетъ всѣмъ въ глаза!..— прожужжали изъ всѣхъ угловъ.

— Ты долженъ, по крайней мѣрѣ, относиться съ уваженіемъ къ тѣмъ, которые подвергаютъ себя опасности,—сказалъ Свирскій.

— Охотно! Если хотите, я готовъ, въ видѣ извиненія, поцѣловать руку у каждаго... Когда будете нападать на казармы—я пойду съ вами... Но таскаться зимой по лѣсамъ, тревожить крестьянъ и евреевъ и грабить кассы—не хочу...

— Но вѣдь это не окончательное рѣшеніе,—откликнулся Солитеръ. — Они попытаются, что можно сдѣлать,—и когда убѣдятся, что ничего не сдѣлаютъ, то вернутся домой.

— Знаете, было бы прекрасно этакъ передъ Новымъ годомъ собраться всѣмъ въ училищѣ! — воскликнулъ Лисовскій.

— Сомнѣваюсь!—сказалъ Свирскій.

— Вы будете въ училищѣ, а мы въ полѣ!..—усмѣхнулся Линовскій.

— Или въ сырой землѣ...—прибавилъ Хржановскій.

— И тогда именно мы переживемъ всѣхъ остальныхъ,— прибавилъ Свирскій.

— Это трудно!—сказалъ Ендржейчакъ.

— Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ...

— А ты увѣренъ, что не попадешь въ кузовъ?—отозвался Старка.

— Господа! — сказалъ Свирскій. — Лошади ждутъ... Кто желаетъ, пусть готовится въ путь... Мы съ Линовскимъ выѣзжаемъ немедленно... Остальные—по два, по три человѣка поѣдутъ вслѣдъ за нами, какъ бы на праздники домой. Между четырьмя и пятью часами соберемся у лѣсника въ Соломянкахъ и тамъ найдемъ оружіе.

Къ нему подошелъ Солитеръ и сказалъ вполголоса:

— Мой дорогой, такъ какъ ты самъ сказалъ, что нечего торопиться, то я... на этотъ разъ не поѣду съ вами.

— Какъ хочешь!

— Я также еще подумаю...—прибавилъ Лесневскій.

— А я ѣду,—сказалъ Старка,—и посмотрю, какъ панъ Свирскій сыграетъ роль командующаго... Буду даже исполнять его приказы, но...

— Ты убѣдишься,—живо молвилъ Линовскій,—что это нашъ польскій Наполеонъ...

— А ты его Мюратъ...

— Довольно, не дурачьтесь! — остановилъ ихъ Лисовскій. — Кто думаетъ ѣхать, тому пора...

— А можетъ быть: кому въ могилу, тому пора...- разсмѣялся Хржановскій.

V.

Докторъ Дембовскій—старый холостякъ и товарищъ Линовскаго по возстанію—былъ отличнымъ докторомъ, любителемъ музыки и идеальнымъ гражданиномъ. Не существовало общества, не было общественнаго дѣла, въ которыхъ онъ не принималъ бы участія, не дѣлалъ бы пожертвованій или не посвящалъ имъ своего разумнаго и упорнаго труда. За свои знанія, безкорыстіе и сочувствіе всякому матеріальному или нравственному горю онъ пользовался любовью и уваженіемъ людей разнообразнѣйшихъ вѣроисповѣданій, партій и даже народностей. Его одинаково уважали епископы, пастыри и раввины, какъ губернаторы, такъ и главари революціонныхъ партій. Когда кто-нибудь выражалъ удивленіе, какимъ чудомъ ему удалось занять такое независимое положеніе по отношенію къ ненавидящимъ другъ друга партіямъ, онъ отвѣчалъ:—Видишь-ли, дорогой мой, меня всегда меньше интересовали Марксы, Плеве, Побѣдоносцевы, чѣмъ легкія, сердца и желудки.

Въ своей квартирѣ онъ отвелъ самую большую комнату для спальни, гдѣ, кромѣ кровати, находился рояль. Гостиную онъ обратилъ въ пріемную для паціентовъ, которыхъ осматривалъ въ кабинетѣ Этотъ кабинетъ представлялъ верхъ чудачества. Кромѣ шкафа съ книгами и инструментами, а также неизбѣжной кушетки, здѣсь еще стоялъ на большомъ черномъ ящикѣ хорошій скелетъ, у котораго докторъ, черезъ опредѣленные промежутки времени, мѣнялъ положеніе рукъ, привлекая, такимъ образомъ, къ нему вниманіе паціентовъ. Скелетъ больше всѣхъ безпокоилъ евреевъ, которые часто спрашивали:

— Для чего, господинъ докторъ, держитъ въ домѣ такую пакость?..

— Видишь ли, братецъ, для того, чтобы больной видѣлъ, что его ждетъ, если онъ не будетъ обращаться за совѣтомъ къ доктору и не выполнитъ его предписаній..

Это объясненіе, повторенное десятки и сотни разъ, доставляло Дембовскому огромное удовольствіе. Портретъ его будетъ вполнѣ законченъ, если мы прибавимъ, что за тридцатилѣтнюю практику, живя очень скромно, онъ скопилъ на черный день едва двѣ тысячи рублей а въ какомъ то обществѣ обезпечилъ себѣ расходы на похороны.

На троекратный звонокъ Линовскаго—такой былъ разъ навсегда сдѣланъ уговоръ —двери отворилъ самъ докторъ.

— Да будетъ благословенъ!—сказалъ Линовскій.

— Во вѣки вѣковъ...—возразилъ докторъ.—Затѣмъ, выпрямившись, закричалъ:

— Первая рота—стройся!.. маршъ! Разъ.. два... разъ... два... стой!.. Полоборота направо! Ровняйся! Готовься!.. Гмъ! Я могъ бы еще... этакъ покомандовать, только не сыномъ.. Какъ поживаешь, старый коллега... поцѣлуемся! Еще тебя волки не съѣли и, вѣрно, не съѣдятъ.. Ты, вѣроятно, неудобоваримъ, какъ китовый усъ...

— Моя половина кланяется коллегѣ-доктору и посылаетъ немножко ветчины,—сказалъ помощникъ лѣсничаго, подавая корзинку.

— Ахъ ты, собачья кость!.. Давай скорѣе, старина... Чувствую какое-то недомоганіе послѣдніе два дня, а ваша ветчина хорошо на меня дѣйствуетъ... Если бы былъ подъ рукой можжевельникъ для копченія... да еще что-то, кромѣ умѣнія... Какъ живете тамъ въ Лѣсничовкѣ? Жена здорова? Мальчишка тоже здоровъ; потаскай его за уши, чтобъ онъ не слишкомъ уходилъ въ политику... А эта бестія занимается политикой?..

— Да мы сами занимались тѣмъ же въ молодые годы...—вздохнулъ Линовскій.

— Но не мѣшаетъ побранить молодежь, пусть собачьи дѣти думаютъ, что мы умнѣе ихъ... Ну-съ, раздѣвайся, старина... до рубашки... Посмотримъ—годишься ли уже на солонину?..

Линовскій раздѣлся и легъ на кушетку. Докторъ осмотрѣлъ его и сказалъ:

— Легкія, какъ новые мѣха... сердце, какъ насосъ отъ Третцера... желудокъ — вальцовая мельница... Будешь, старина, жить сто двадцать лѣтъ и если, на сто пятомъ году, у тебя не родятся близнецы, то Господь Богъ не понимаетъ медицины... Обѣдалъ, коллега? вѣрно, у Яновича?.. А выпьешь кофе съ коньякомъ? Перейдемъ въ мою комнату!

Они удалились въ спальню, куда старая, опрятно одѣтая прислуга скоро принесла бутылку, двѣ рюмки и кофейникъ.

— А какъ обстоятъ дѣла наши? — съ любопытствомъ спросилъ Линовскій.

— Скверно!..—И докторъ махнулъ рукой.

— Что же опять? — взволновался лѣсничій. — Получили конституцію... въ народѣ проснулось сознаніе... съ русскими живемъ въ согласіи...

— Какъ же... Такое согласіе... они держатъ кнутъ, а у насъ спущены штаны... А что касается проснувшагося сознанія, я могъ бы тебѣ разсказать много хорошенькаго...

— Ну, ну! помилосердствуй! не пугай коллегу, или говори ясно, что случилось?..—воскликнулъ Линовскій.

— Случилось то, что мы становимся никуда негодными...

Пей, коллега! — сказалъ Дембовскій, наливая двѣ рюмки коньяку.

— Э... Э-э... стыдись, докторъ.

— Посуди же самъ... — говорилъ Дембовскій. — Въ 1794 году, въ 1812 и 1831 за свободу боролась армія, и то съ врагомъ внѣшнимъ... Но не слышно было о какихъ-то кинжальщикахъ и браунингистахъ, о какихъ-то экспропріаторахъ... Въ 1863 году уже не было арміи, а только партизаны и начали появляться кинжальщики, которыхъ — помнишь?...—не принимали въ партію... А теперь?.. Арміи нѣтъ и помину, да и партизановъ нѣтъ... За то явились кинжальщики, браунингисты, нападаютъ на кассы... Развѣ это не скандалъ? Развѣ не правда, что мы становимся негодными? Эти господа, убивающіе на улицахъ слугъ правительства, умираютъ, когда ихъ поймаютъ, какъ герои, это, говорю я, очень отважные люди. Но ты думаешь, что изъ такого храбреца вышелъ бы хорошій солдатъ? Вѣдь нѣкоторые изъ нихъ лѣчились у меня... И отъ какой болѣзни?.. Отъ неврастеніи—неврастеніи въ самой сильной степени!.. И такой человѣкъ долженъ быть солдатомъ, который не доспитъ, не доѣстъ, постоянно марширует, а во время сраженія иногда по два часа находится въ такомъ аду, что слабые нервы не выдерживаютъ, лопаются...

— Ради Бога... Бога ради!—простоналъ Линовскій, схватившись за голову.—Не всѣ же такіе... А мой мальчикъ?..

— Твой мальчикъ вѣдь не зарѣзалъ человѣка...

— Ну, такъ будемъ же надѣяться на Бога и будущее поколѣніе...—сказалъ лѣсничій.

— А пока умремъ съ голоду!..—возразилъ докторъ.—Я еще какъ нибудь могу пристроиться къ какой нибудь старой акушеркѣ ставить клистиры, но что сдѣлаетъ мой коллега, когда „Желѣзныя Гуты“ пойдутъ къ чертямъ? Мнѣ неизвѣстно...

— Почему же „Желѣзныя Гуты“?—спросилъ съ удивленіемъ Линовскій.—Эхъ-эхе! коллега, вижу, что насмѣхаешься надъ старымъ служакой.

Докторъ даже привскочилъ на креслѣ.

— О! извини меня, панъ Юзефъ, но не тычь мнѣ въ глаза своей службой... А съ „Желѣзными Гутами“, въ самомъ дѣлѣ можетъ быть скверно...

— Какимъ образомъ? Вѣдь хозяйство ведется аккуратно.

— При самомъ аккуратномъ веденіи хозяйства трудно справиться въ такомъ хаосѣ, который царитъ у насъ въ настоящее время,—отвѣтилъ докторъ.—Вотъ хотя бы самый послѣдній скандалъ...

— Какой? я ничего не знаю...

— Ты получилъ жалованье за ноябрь?

— Нѣтъ еще...

— А лѣсники, а, главное, рабочіе на фабрикахъ, получили вознагражденіе за послѣднія недѣли?—спросилъ докторъ.

— Получатъ за все время передъ праздниками!..

— Фью!.. ты увѣренъ въ этомъ?..

Линовскій сложилъ руки и смотрѣлъ растерянно на доктора. Ему и въ голову никогда не приходило, чтобы управленіе „Желѣзныхъ Гутъ“ могло не уплатить своимъ рабочимъ передъ праздниками. Вѣдь нѣсколько сотъ человѣкъ съ семьями живутъ въ долгъ въ ожиданіи жалованья...—Вѣдь есть же у нихъ деньги?—прошепталъ помощникъ лѣсничаго.

— Здѣсь-то и кроется трагикомедія,—сказалъ докторъ.— Деньги, около пятидесяти тысячъ рублей, находятся здѣсь, въ городѣ, даже не очень далеко. Существуетъ также директоръ учрежденій, главный кассиръ и, кажется, еще и письмоводитель... И, несмотря на то, деньги могутъ не быть къ праздникамъ въ Гутахъ, ибо нѣтъ возможности перевезти ихъ... Пей-же, старина!..

— Что это значитъ? господинъ докторъ шутитъ?—возмущался Линовскій.

— Мнѣ такъ хочется шутить, какъ мертвому плясать... Но слушай дальше... Намъ навѣрно извѣстно, что организована шайка, готовая сдѣлать нападеніе на тѣхъ, которые повезутъ деньги въ Гуты... И, очень просто, ни директоръ, ни кассиръ, ни даже несчастный письмоводитель не желаютъ лѣзть подъ ножъ, какъ цыплята...

— Что же это—соціалисты?

— Боже сохрани! пока собираются нападать и грабить обыкновенные воры... И караулятъ же эти бѣдняки отдѣленіе банка, словно мать своего первороднаго сына... По три раза въ день справляются о хорошо окованномъ сундукѣ зеленаго цвѣта, который стоитъ въ кладовой—закрытый, обвязанный и опечатанный... И лишь только его вывезутъ изъ города,—въ ближайшемъ лѣсу, а можетъ быть, и въ открытомъ полѣ нападутъ...

— Развѣ директоръ не просилъ конвоя?

— Какъ же, просилъ. Но когда ему сказали, что могутъ дать не болѣе десяти казаковъ, когда ему стали высчитывать, во сколько обойдется конвой, каждый убитый или раненый казакъ,—директоръ отказался отъ охраны. И онъ правъ такъ какъ соціалисты все обсудили и предупреждаютъ, что если дирекція прибѣгнетъ къ помощи казаковъ, то они, соціалисты, бросятся на конвой и заберутъ пятьдесятъ тысячъ рублей, которые имъ очень нужны...

— Вотъ такъ травля! — дивился Линовскій.—Въ такомъ случаѣ, фабрика можетъ прислать двадцать, тридцать своихъ рабочихъ... Это сильные мужики! Соціалисты ихъ, вѣроятно, не тронутъ, а съ ворами они справятся.

— Была рѣчь и объ этомъ,—сказалъ докторъ,—и даже полиція соглашается на эту комбинацію, но... не разрѣшаетъ работникамъ брать съ собой какое либо оружіе...

— Ну, при такихъ условіяхъ деньги не попадутъ къ намъ на праздники!

— Эхъ! попали бы, только у насъ нѣтъ людей. Есть люди, достойные уваженія, но трусливые, есть отважные, но имъ нельзя слишкомъ довѣрять... За наше здоровье!..

— Не понимаю!—сказалъ помощникъ лѣсничаго, чокаясь съ Дембовскимъ.

— Поймешь, когда въ одинъ прекрасный день я... я самъ привезу вамъ деньги...

— Докторъ?

— Ну понятно, я...

— А разбойники?

— Они такъ заняты банкомъ, кладовой, зеленымъ сундукомъ... такъ ждутъ какого то сильнаго конвоя и переполоха при перевозкѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей... И если кто нибудь спокойненько, тихонечко возьметъ небольшую корзинку изъ частнаго дома (не изъ банка—Боже сохрани!) и спокойно выѣдетъ мелкою рысью изъ города, то его и не тронутъ. Я сдѣлалъ бы это сегодня, завтра, но у меня есть въ городѣ нѣсколько тяжело больныхъ паціентовъ и у меня нѣтъ дѣлъ въ Гутахъ. Поэтому, вернувшись домой, телеграфируй мнѣ, чтобы я немедленно пріѣхалъ, и я пріѣду и привезу деньги... Самой сильной поддержкой для разбойниковъ является человѣческая трусость...

— Докторъ привезъ бы деньги?...—спросилъ удивленный лѣсничій.

— Ну да, я... Чему тутъ удивляться?.. Когда дѣло идетъ о судьбѣ нѣсколькихъ сотъ людей и будущности мѣстныхъ учрежденій, человѣкъ можетъ подвергнуть свою особу разнымъ воображаемымъ опасностямъ.

— А если бы на доктора напали?

— И это говоришь ты—ты, который въ 63 году перевезъ четыре воза оружія отъ границы въ Сѣдлецъ? Ты отлично знаешь, что самая серьезная опасность сидитъ, бестія, не внѣ насъ, а въ насъ..

— А если бы?..

— Если бы меня поймали разбойники и убили? — подхватилъ докторъ. — А кто можетъ поручиться, что сегодня, завтра я не заражусь тифомъ, изъ котораго я уже не выкручусь?.. И, вдобавокъ, никто тутъ не выиграетъ!..

Линовскій хлебнулъ кофе, потомъ коньяку, положилъ руку на столъ, голову на руку. Подумалъ... снова выпилъ коньяку.

— Слѣдовательно, никакая политическая партія не подбирается къ этимъ деньгамъ?—спросилъ онъ доктора.

— Будутъ подбираться, если директоръ прибѣгнетъ къ защитѣ полиціи...

— Ибо эти, песья кровь, партійные, не только убиваютъ человѣка, но еще послѣ смерти называютъ его шпіономъ,— тихо сказалъ Линовскій.

Онъ снова задумался, допилъ рюмку и спросилъ:

— А чтобы сказалъ докторъ, если бы... если бы я...

Докторъ поднесъ чашку къ губамъ, посмотрѣлъ исподлобья на Линовскаго и возразилъ:

— У тебя есть жена... дѣти.. Наконецъ, ты не годишься для этого...

— Почему?

— Видишь ли—дѣло само по себѣ пустяшное. Я готовъ поручиться, что если ты повезешь деньги — никто тебя не тронетъ... даже не заподозрятъ тебя въ этомъ... Значитъ, это только развлеченіе. Но для этого развлеченія нужны крѣпкіе нервы и немножко хорошаго расположенія духа... Если бы ты по дорогѣ думалъ о томъ, что кто-то тебѣ преградитъ путь,—тебя пугалъ бы всякій прохожій, всякій кустъ, ты волновался бы... Ну, а это въ наши годы нездорово. Это равносильно тому, если бы ты женился на двадцатилѣтней и игралъ бы роль молодого... Это вѣрная аппоплексія...

Линовскій вскочилъ со стула.

— И что докторъ снова болтаетъ! Меня можетъ хватить ударъ отъ страха? Да развѣ лѣсные воры ежедневно не грозятъ мнѣ нападеніемъ? Развѣ они не стрѣляли въ меня? Развѣ я не вожу съ собой всегда револьверъ, потому что долженъ всегда быть на готовѣ къ защитѣ? Слѣдовательно— здѣсь дѣло не въ шкурѣ... Шестидесятилѣтнюю шкуру можно отдать на кожевенный заводъ... Дѣло идетъ о честномъ имени моемъ и моего сына...

— Богъ съ тобой, кто же осмѣлится задѣть твое имя?..— вставилъ докторъ.

— Я знаю. Если бы соціалисты собирались завладѣть этими деньгами,—я боялся бы... Бороться съ политической партіей какъ то не подобаетъ. Но съ грабителями я справлюсь! Мой конь, какъ птица... рука твердая... револьверъ не обманетъ... Остальное въ рукѣ Божьей... Только сынъ...

— Что сынъ?—спросилъ докторъ.

— Пока я живъ, могъ бы отправить его для окончанія образованія за границу...

— Пхи!.. А если бы ты погибъ при такихъ обстоятельствахъ

управленіе „Желѣзныхъ Гутъ“ два раза послало бы его заграницу...

— Докторъ увѣренъ въ этомъ?—спросилъ помощникъ лѣсничаго, взявъ Дембовскаго за руку.

— Клянусь! А если бы они не послали его, то я, плюнувъ имъ въ глаза, отдалъ бы свои гроши...

— Твоихъ денегъ я не хочу и... отвезу пятьдесятъ тысячъ въ Гуты,—сказалъ Линовскій рѣшительнымъ голосомъ.

— Не будешь ли раскаиваться? Не проклянешь ли меня?..

— Тьфу!—сплюнулъ лѣсничій.

— Ну, помиримся! А я даю тебѣ слово, что, по моему глубокому убѣжденію, тебѣ ничего не грозитъ...

— Значитъ, деньги у тебя?—прошепталъ Линовскій.

— Въ ящикѣ подъ скелетомъ... Ха-ха-ха!.. Вотъ какъ я обошелъ ихъ... А эти дураки осаждаютъ банкъ и Варшавскую гостиницу, гдѣ живетъ директоръ съ кассиромъ!

Сказавъ это, докторъ обнялъ и поцѣловалъ Линовскаго.

— Ты доставилъ мнѣ большое удовольствіе... — сказалъ онъ.—Въ настоящее время всѣ трусятъ. Боятся правительства, соціалистовъ, разбойниковъ... И, только благодаря всеобщей трусости, общественная жизнь останавливается, замираетъ... Ты молодчина, старичокъ! Первая рота, стройся въ атаку! маршъ! маршъ! Я думалъ, что насъ уже вши съѣдятъ за печкой... Но если старый Линовскій не потерялъ присутствія духа, то и мы не поддадимся...

Они обнялись. Докторъ былъ въ восторгѣ, а Линовскій задумался.

— Что будетъ,—спросилъ онъ,—если... меня убьютъ, а деньги пропадутъ? Выгонятъ ли мою дочь и сына изъ Лѣсничовки?

— И не думай объ этомъ... Они остались бы тамъ до конца жизни... Тебѣ вѣдь извѣстно, что рабочаго или служащаго въ Желѣзныхъ Гутахъ всегда вознаграждали, если онъ пострадалъ по винѣ управленія...

— А что, если бы меня не убили, а только... деньги отобрали?—настойчиво спрашивалъ Линовскій.

— Ничего!—отвѣтилъ докторъ, пожимая плечами.—Надъ этими проклятыми деньгами тяготѣетъ какой-то злой рокъ... Если ты рѣшишься ихъ перевезти, онѣ по всей вѣроятности уцѣлѣютъ... Если же онѣ почему-либо не уцѣлѣютъ то управленіе будетъ, по крайней мѣрѣ, увѣрено въ твоей добросовѣстности... Тебѣ повѣрятъ, что бы ни случилось; что касается другихъ, то, быть можетъ, сомнѣвались бы...

Такъ какъ Линовскій все еще о чемъ то раздумывалъ докторъ сказалъ:

— Слушай, коллега, нашъ разговоръ ни къ чему не обя-

зываетъ тебя... Если у тебя есть малѣйшій поводъ для колебанія, брось это дѣло... оно какъ нибудь уладится домашними средствами... касторочкой, ромашкой...

— Я вовсе не колеблюсь,—отвѣтилъ Линовскій,—мнѣ даже пришло въ голову, что только я и обязанъ оказать эту услугу управленію. Они меня пріютили, когда я вернулся изъ Сибири и у меня не было никакихъ средствъ. Они меня кормятъ около тридцати лѣтъ... Съ ихъ помощью я воспиталъ дочь, а теперь воспитываю сына. Было бы свинствомъ, если бы я отказался отъ этого дѣла. Вѣдь ты самъ сказалъ, что дѣло идетъ о хлѣбѣ для нѣсколькихъ сотъ рабочихъ и о судьбѣ учрежденія...

Онъ схватилъ руку Дембовскаго и, хлопнувъ его по ладони, какъ при заключеніи торговой сдѣлки, весело промолвилъ:

— Ѣду и везу деньги, хотя бы громъ разразился надо мной!..

— И все таки довезешь деньги безъ приключеній, — отвѣтилъ докторъ, цѣлуя его.

V.

Выйдя отъ доктора, Линовскій медленно направился къ квартирѣ пани Вонторской. Давно, очень давно онъ не испытывалъ такого пріятнаго возбужденія, какъ сегодня. Онъ чувствовалъ, что ему дышится свободно, шелъ легкою походкой, точно на пружинахъ, въ ушахъ раздавалась музыка, а машинально сжатые кулаки производили впечатлѣніе каменныхъ или желѣзныхъ.

— Берегись, кто теперь встанетъ мнѣ поперекъ дороги!—подумалъ онъ.—Теперь я знаю себѣ цѣну... Кассиръ получаетъ 1500 рублей, а я пятьсотъ... Директоръ—4000 рублей, а я, мелкая сошка—только пятьсотъ. Но когда нужно спасать Желѣзныя Гуты отъ банкротства, а нѣсколько сотенъ—да развѣ сотенъ?—тысячъ людей отъ нужды, тогда директоръ прячется въ уголъ, кассира не видно, а ты, панъ Линовскій, спасай... Спасай, ибо для тебя опасность не существуетъ, смерть—вздоръ... Да ты, панъ Линовскій, и не такіе виды видалъ... Пули, картечь это пустяки!.. гораздо страшнѣе сибирскій медвѣдь или бродяги... Кто вкусилъ отъ такихъ блюдъ, тотъ смѣется надъ нынѣшними бандитами. Да! съ этой минуты мое положеніе въ дирекціи и будущность мальчика становятся какъ то опредѣленнѣе... Существуетъ старшій лѣсничій и у него два помощника, и секретарь существуетъ и еще десять помощниковъ лѣсни-

чихъ, и изъ всѣхъ этихъ людей только старый Линовскій пользуется такимъ довѣріемъ, что ему отдаютъ безъ расписки 50.000 рублей. Этотъ славный докторишка всегда помнитъ коллегу, который раза два вывелъ его изъ затруднительнаго положенія... Эхъ! если бы человѣкъ могъ сбросить съ себя лѣтъ двадцать!..

Размышляя такимъ образомъ, Линовскій шелъ, усмѣхаясь въ усы. Морозный воздухъ опьянялъ его, какъ коньякъ. Давно онъ не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, такимъ самоувѣреннымъ.

Когда помощникъ лѣсничаго вошелъ въ квартиру пани Вонторской, то увидѣлъ поставленныя другъ на дружку кровати, сдвинутые столы и сундуки и надъ всѣмъ этимъ клубы пыли, среди которой бѣгала хозяйка съ метлой въ рукахъ.

Разглядѣвъ Линовскаго, она заговорила своимъ просительнымъ и извиняющимся тономъ:

— Панъ Владиславъ уже уѣхалъ со Свирскимъ и еще однимъ товарищемъ... Онъ оставилъ для васъ, сударь, свертокъ и записочку.

Линовскій быстро схватилъ то и другое, поздравилъ хозяйку съ наступающими праздниками и какъ можно скорѣй выбрался изъ облаковъ пыли подъ ворота.

Здѣсь онъ развернулъ записку и прочиталъ:

„Дражайшій папенька! дражайшіе родители! тысячу разъ извиняюсь, что уѣхалъ, не попрощавшись, но лошади не могли ждать... Ѣду со Свирскимъ—проведемъ время отлично, а дня черезъ два пріѣдемъ къ Вамъ. До свиданія, цѣлую ручки. Дай Богъ скорѣй свидѣться, папочка! Любящій, крѣпко любящій Владекъ".

Линовскій два раза перечиталъ записку.

Тонъ ея показался ему страннымъ, а почеркъ какъ бы измѣнившимся...

— Это отъ поспѣшности,—говорилъ онъ себѣ.—Но все-таки не постарался увидѣть отца, который пріѣхалъ за нимъ, какъ кучеръ... Да, онъ не могъ задерживать Свирскаго... Если мнѣ удастся перевести деньги, Владекъ не будетъ больше нуждаться въ господахъ Свирскихъ...

Въ эту минуту съ нимъ поровнялся какой то молодецъ: высокій, рыжій и неуклюжій, онъ былъ въ шапкѣ ученика коммерческаго училища. Линовскому показалось, что ученикъ пристально на него смотритъ.

Помощникъ лѣсничаго повернулъ голову, то же сдѣлалъ и ученикъ, они даже остановились на секунду и затѣмъ каждый пошелъ своей дорогой.

— Жаль,—подумалъ Линовскій,—что я его не остано-

вилъ... Быть можетъ, это товарищъ Владека, возможно, что и онъ ѣдетъ къ Свирскому?..

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на записку сына и ему показалось, что она написана дрожащею рукою.—„Не удивительно—сказалъ онъ себѣ—хозяйка приводила въ порядокъ квартиру и не на чемъ было писать“...

Перекладывая свертокъ съ руки на руку, онъ невольно отвернулъ чехолъ и увидѣлъ край ученическаго мундира. Помощникъ лѣсничаго похолодѣлъ при мысли, что этотъ мундиръ, быть можетъ, уже ненуженъ Владиславу, если онъ отсылаетъ его домой.

— Пустяки! Отсылаетъ мундиръ потому, что хочетъ носить его на праздникахъ. Мундиръ, даже и старый, имѣетъ приличный видъ: въ немъ можно бывать и у старшаго лѣсничаго, и у настоятеля... Даже у директора... ибо въ этомъ году онъ, вѣроятно, пригласитъ насъ, а можетъ быть, и самъ пріѣдетъ въ Лѣсничовку. Дай Богъ здоровья Дембовскому за то, что онъ надоумилъ меня на это дѣло съ перевозкой денегъ.

Недалеко отъ гостиницы Линовскому показалось, что какой-то, повидимому ремесленникъ, взглянулъ на него съ любопытствомъ.

Войдя въ конюшню, онъ замѣтилъ, что конюхъ Матеушъ разговариваетъ съ какимъ-то прилично одѣтымъ молодымъ человѣкомъ. Оба стояли у большого ящика съ кормомъ, который Матеушъ быстро прикрылъ, а молодой человѣкъ скрылся въ глубину конюшни, и невозможно было разглядѣть черты его лица.

Линовскій снова почувствовалъ холодъ въ груди. Онъ вспомнилъ, какъ Матеушъ говорилъ о соціалистахъ: „Соціалистомъ можетъ быть каждый: сапожникъ, студентъ, братъ пристава“...

— Что съ моей лошадью?—спросилъ онъ конюха.

— Все прекрасно... Поѣла, напилась, а когда нужно будетъ, побѣжитъ не хуже зайца...

— Отчего онъ сказалъ: „когда нужно будетъ“... думалъ Линовскій. — Можетъ быть, они уже знаютъ, что я намѣренъ перевезти деньги, а этотъ франтъ въ конюшнѣ и тотъ ученикъ на улицѣ стерегутъ меня?...

— Во имя Отца и Сына,—сказалъ онъ вслухъ и отряхнулся.—Начинаю трусить, чортъ возьми?

Онъ пошелъ къ швейцару и спросилъ его, нельзя-ли переночевать гдѣ-нибудь подешевле. Швейцаръ отвелъ ему за пятнадцать копѣекъ маленькій и холодный номерокъ внизу, и помощникъ лѣсничаго улегся на грязный диванъ.

— Третій часъ!..—проговорилъ онъ глядя на часы.—Черезъ часъ станетъ темно и придется идти къ доктору.

Снова пробѣжала дрожь.

— Что за чортъ! не простудился-ли я? Охъ, старина... старина... поздно тебѣ хвататься за щекотливыя дѣла! Предоставь это болѣе молодымъ, не такимъ развалинамъ, какъ ты.

Ему мѣшалъ, сюртукъ, подшитый лисьимъ мѣхомъ, и онъ снялъ его. Однако ему казалось, что и куртка, и жилетъ, и главнымъ образомъ высокіе сапоги тоже мѣшаютъ... И насколько ему легко дышалось часъ тому назадъ, настолько теперь онъ чувствовалъ тяжесть въ груди и стѣсненное дыханіе.

Онъ лежалъ на диванѣ, ворочаясь съ боку на бокъ и поправляя подъ головой свертокъ сына. Онъ чувствовалъ, что сонъ подкрѣпилъ бы его и вернулъ бы нарушенное душевное равновѣсіе, но одновременно ему казалось, что онъ никогда не заснетъ. Несмотря на то, онъ уснулъ и видѣлъ тяжелые сны.

Ему казалось, что кого-то изъ его близкихъ, очень близкихъ, кого-то очень дорогого—неизвѣстно кто и за что осудилъ на смерть. Онъ даже видѣлъ странную машину для казни, напоминающую не то качели, не то коперъ. Онъ даже видѣлъ издалека осужденнаго, но былъ такъ взволнованъ, что не могъ разсмотрѣть его лица.

Затѣмъ онъ почувствовалъ сильное, непреодолимое желаніе спасти осужденнаго и даже замѣнить его, на что снова неизвѣстно кто согласился.

Палачи или судьи были очень вѣжливые люди: они не вязали его, не толкали къ машинѣ для казни, а только не позволяли ему выходить за предѣлы извѣстнаго круга. А такъ какъ Линовскій все время вертѣлся, ходилъ, то незамѣтно и невольно самъ приближался къ страшной машинѣ. Тутъ въ душѣ его проснулся страхъ, охватывавшій его все сильнѣе и достигшій въ концѣ концовъ такой силы, что помощникъ лѣсничаго отказался отъ желанія спасти неизвѣстнаго осужденнаго.

— Трудно... трудно... трудно!..—шепталъ онъ,—пусть каждый умираетъ за себя.

Но когда судьи или палачи схватили незнакомца, Линовскаго снова охватила такая жалость, такое отчаяніе, что онъ закрылъ глаза и добровольно бросился на смертоносныя качели... Кровь ударила ему въ голову, и онъ проснулся весь въ поту.

Онъ сѣлъ на диванъ, протеръ глаза.

Въ комнатѣ было темно и виднѣлся уже свѣтъ въ сосѣднихъ окнахъ.

Машинально онъ взялъ спичечницу съ огнивомъ и фитилемъ, которую два года тому назадъ ему подарилъ Владекъ, зажегъ спичку и взглянулъ на часы.—Ахъ, чортъ тебя возьми! Шесть часовъ!—воскликнулъ онъ.

Онъ накинулъ сюртукъ, побѣжалъ со сверткомъ въ конюшню и велѣлъ запрягать лошадь.

— Черезъ часъ, полтора вы будете, сударь, дома, — сказалъ Матеушъ.

— Я не поѣду домой, а въ Луцкъ, — нетерпѣливо возразилъ Линовскій. — Тамъ, кажется, появился бѣшенный волкъ.

— Нигдѣ нѣтъ покоя,—сказалъ, смѣясь Матеушъ. — Въ городѣ соціалы, въ лѣсу волки... Должно быть, будутъ большія перемѣны...

Когда Матеушъ запрягъ лошадь, Линовскій велѣлъ ему выѣхать на улицу, къ ресторану. Онъ вошелъ въ буфетную, выпилъ рюмку водки, взялъ свой револьверъ и, распростившись съ хозяиномъ, помчался къ доктору. Здѣсь онъ поручилъ лошадь дворнику, а самъ пошелъ на верхъ.

— Это ты, старина?—воскликнулъ Дембовскій! — Что это значитъ—Владка нѣтъ?

— Уѣхалъ къ Свирскому, даже не видѣлся со мной,— грустно отвѣтилъ Линовскій.

— Вотъ какъ! Такіе поросята, когда соберутся погулять, готовы забыть о пищѣ и снѣ, не только о родителяхъ... Жаль, тебѣ было бы веселѣе вдвоемъ!

Онъ нагнулся и вытащилъ изъ-подъ кушетки корзинку.

— Поднима-ка... попробуй...—сказалъ онъ Линовскому.—А что? тяжела?

— О! чортъ побери! — простоналъ Линовскій. — И тутъ пятьдесятъ тысячъ рублей?

— Только двадцать семь тысячъ — половина золотомъ, половина бумажками. Остальное я самъ привезу, только телеграфируй мнѣ завтра или послѣзавтра... Ты не раздумалъ? Ибо, если не чувствуешь сильнаго желанія перевезти этотъ хламъ, лучше не берись за это дѣло... Волненіе, мой старичокъ, въ наши годы, такъ же вредно, какъ и распутство...

— Что ты болтаешь!..—проворчалъ Линовскій.—Я не ребенокъ! Развѣ я берусь за дѣло, не подумавъ, что-ли?

— Подожди! сейчасъ дамъ тебѣ такой водки, что тебя, какъ огнемъ, обожжетъ...

Онъ побѣжалъ въ спальню и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, неся плоскую, хорошо закупоренную бутылку и полную рюмку.

— Это,—сказалъ онъ, подавая бутылку,—возьми на дорогу.

А рюмку выпей сейчасъ. — Линовскій сунулъ бутылку въ карманъ, выпилъ водку, сплюнулъ и пожалъ доктору руку.

— Дай Богъ скораго свиданія, — сказалъ онъ, беря корзинку на плечи.

— Обнимемъ другъ друга не позже понедѣльника или вторника,—отвѣтилъ докторъ.—Куда поставишь корзинку?

— Подъ сидѣньемъ есть ящикъ—туда и положу. Поѣду не прямо домой, а по направленію къ Луцку... На пятой верстѣ поверну налѣво и перерѣжу шоссе недалеко отъ Соломянокъ.

Они обнялись еще разъ, и помощникъ лѣсничаго спустился внизъ.

Когда, уложивъ корзинку, Линовскій взялъ у дворника возжи и посмотрѣлъ на окно, то увидѣлъ у приподнятой сторы и на фонѣ желтоватаго свѣта усердно кивавшую ему темную голову доктора.

— Скажи господину доктору, что я ѣду сегодня въ Луцкъ,—сказалъ Линовскій, возвысивъ голосъ, такъ какъ замѣтилъ двѣ фигуры на противоположномъ тротуарѣ.

„Очевидно, за мной слѣдятъ!.. Покажу имъ триста чертей",—подумалъ онъ.

Онъ нащупалъ въ карманѣ револьверъ, тронулъ возжами лошадь, которая побѣжала крупною рысью, несмотря на то, что на городской мостовой было больше грязи, чѣмъ снѣгу. У костела онъ снова замѣтилъ какія-то двѣ тѣни, а уже на краю городка перебѣжалъ дорогу человѣкъ, размахивавшій палкой.

За городомъ онъ вздохнулъ свободно. Дорога была хорошая, пустая, только по сторонамъ качались и шумѣли огромные, голые тополя.

— Поздно!—сказалъ онъ.—Теперь меня не поймаютъ.

Но лишь только онъ, на поворотѣ, проѣхалъ кусты, какъ увидѣлъ на бѣломъ снѣгу перевернутыя санки и кучу разсыпавшихся дровъ. Линовскій круто повернулъ, объѣхалъ черезъ поле баррикаду и затѣмъ снова вернулся на дорогу.

Если бы въ эту минуту заслуживающій полнаго довѣрія человѣкъ сказалъ ему, что сани съ дровами перевернулись случайно, то онъ усомнился бы въ этомъ. Ибо въ немъ выработалось непоколебимое убѣжденіе, что за нимъ кто-то слѣдитъ, кто-то догоняетъ его, и что черезъ опредѣленные промежутки времени ему будутъ встрѣчаться преграды. Онъ готовъ былъ присягнуть, что въ эту ночь на него нападутъ разбойники, и только не могъ угадать, гдѣ это произойдетъ.

Теперь ясно обрисовалась самая глубокая черта его характера. Линовскій былъ отваженъ, и поэтому дѣйствительная или воображаемая опасность, вмѣсто страха, возбуждала

въ немъ упорство. Если бы ему сказали, что по дорогѣ къ дому онъ сто разъ можетъ умереть; если бы ему дали милліонъ, чтобы онъ вернулся, онъ не вернулся бы, ѣхалъ бы впередъ такой же ровною и крупною рысью. Въ эту минуту онъ забылъ свой непріятный сонъ, злыя предчувствія, жену и даже Владислава. Онъ только чувствовалъ, что долженъ отвезти деньги въ Желѣзныя Гуты, что ничто не можетъ удержать его отъ исполненія этого намѣренія... И если бы онъ даже умеръ, то его трупъ очнется и передастъ довѣренныя деньги въ надлежащія руки. Эта мысль гипнотизировала его и сдѣлала его автоматомъ.

Въ то же время въ душѣ его поднялась какая-то безконечная и безпредметная тоска, а въ головѣ носились разнообразныя мысли, одна другой причудливѣе.

—„Пфеферманъ сказалъ, что, имѣя двадцать тысячъ, въ Америкѣ, онъ нажилъ бы большое состояніе,—пронеслось въ его воображеніи.—У меня двадцать семь тысячъ... Завтра до восхода солнца могу быть въ Галиціи, послѣ-завтра перевезти туда жену и дѣтей, а черезъ недѣлю плыть по направленію къ Америкѣ... О! старый дуракъ! Развѣ Владекъ или жена захотѣли бы уѣхать съ отцомъ-воромъ?“

Тутъ Линовскій замѣтилъ на распутьи крестъ и повернулъ налѣво. Дорожка, по которой онъ теперь ѣхалъ, казалась самой безопасной, пробѣгала между кустами, по замерзшимъ болотамъ и лѣсамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была мало замѣтна, мало наѣзжена и пригодна только для Линовскаго, какъ хорошо знающаго окрестности.

Помощникъ лѣсничаго вытащилъ плоскую бутылку и выпилъ большой глотокъ... „Откуда у доктора такая водка?— думалъ онъ.—Ей-Богу, не помню, пилъ ли я въ жизни что-либо подобное!.. Но въ слѣдующій разъ, дорогой коллега, хотя бы ты далъ мнѣ еще лучшей водки,—я не возьмусь перевозить такія деньги... Вѣрно сказалъ защитникъ! Большія состоянія не наживаются трудомъ, ибо, въ такомъ случаѣ, самые большіе капиталы находились бы у батраковъ и поденщиковъ, которые работаютъ болѣе десяти часовъ въ сутки. Большое состояніе, хотя бы только двадцать семь тысячъ рублей, пріобрѣтается или взятками, или обманомъ, обираніемъ сиротъ, а можетъ быть, и измѣной... Теперь меня мучитъ, что я взялся перевезти такія кровныя деньги. Если бы я перевозилъ трупъ, онъ всю дорогу издавалъ бы запахъ... А такъ какъ я везу двадцать семь тысячъ чужихъ обидъ, то эти обиды, какъ мухи, облѣпили меня и кусаютъ, и жгутъ, и лишаютъ меня спокойствія... Нѣтъ покоя дураку, который выслуживается у обидчиковъ...“

Узкая дорожка становилась все менѣе замѣтной. Линовскій придержалъ лошадь и сталъ оглядываться кругомъ.

— Вижу!—сказалъ онъ вслухъ.—Здѣсь сосна, а тамъ кривыя липы. Черезъ четверть часа буду въ своемъ лѣсу.

Теперь на него нахлынула волна болѣе веселыхъ мыслей.

— „Перекрестись, старина!—думалъ онъ.—Вѣдь эти деньги не принадлежатъ большимъ господамъ, а такимъ же, какъ ты, бѣднякамъ: помощникамъ лѣсничихъ, лѣсникамъ, фабричнымъ служащимъ, рабочимъ... Вѣдь это ихъ жалованье, которое они заработали тяжелымъ трудомъ, живя въ долгъ и платя дороже... Это не обида, а человѣческій трудъ... это не проклятыя, а святыя деньги...“

Послѣ этого монолога его отвага увеличилась, но неопредѣленная тоска проникала все глубже въ его душу. Казалось, надъ городомъ, изъ котораго онъ выѣхалъ и надъ окрестностями, гдѣ онъ теперь находится, нависъ какой-то призракъ несчастія и, подобно огромному пауку, запускаетъ лапы въ его душу.

Онъ ѣхалъ больше часа. До шоссе было еще около пяти верстъ, отъ шоссе до дома лѣсника Мрочка еще пять верстъ. Черезъ часъ онъ долженъ быть въ Соломянкахъ. Тамъ онъ возьметъ другую лошадь и черезъ полчаса будетъ дома. Дома не нападутъ на него, такъ какъ ему легко тамъ защититься. Слѣдовательно, если нападутъ, то гдѣ-то около шоссе. Между соснами онъ остановилъ лошадь, вытеръ ее, накрылъ попоной и, вынувъ мундштукъ, сталъ кормить сѣномъ. Лошадь ѣла весело и время отъ времени хватала пана за лисью шубку или за шапку.

— Она какъ бы не предчувствуетъ ничего дурного,—сказалъ помощникъ лѣсничаго.

Онъ взнуздалъ Каштанку и поѣхалъ дальше. Незамѣтно онъ съѣхалъ съ дорожки и, пробираясь между кустами, удалялся отъ нея все дальше.

— Пошлю имъ триста чертей, если они выскочатъ неожиданно. А на ихъ глупые выстрѣлы мнѣ наплевать...

Онъ снова вытащилъ плоскую бутылку и выпилъ нѣсколько глотковъ, такъ что даже слезы появились на глазахъ. Но крѣпкая водка не успокоила его, а скорѣе взбудоражила. Ежеминутно ему казалось, что кто-то выползаетъ изъ кустовъ, то ему слышался далекій свистъ или чувствовался запахъ гари. Въ то же время онъ соображалъ, что приближается къ шоссе.

— Еще десять минутъ... Еще пять минутъ...—говорилъ онъ себѣ.

Вдругъ какъ бы прояснилось! Линовскій увидѣлъ съ правой и лѣвой стороны открытое пространство, санки стали

спускаться, затѣмъ лошадь взобралась на горку и... пересѣкла шоссе.

— Что же это такое? Заблудился?.. нѣтъ... только отсюда немного дальше до Соломянокъ...

Онъ пересѣкъ шоссе безъ приключеній...

Проѣхалъ шоссе и теперь почти въ безопасности!

— Здѣсь, вѣроятно, не нападутъ, ибо кто же, кромѣ лѣсниковъ, станетъ ѣздить по такимъ вертепамъ?

— Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...—началъ Линовскій, чувствуя, что сердце его переполнено радостью.

Онъ выѣхалъ на широкую поляну, и въ эту минуту въ нѣсколькихъ шагахъ отъ саней раздался молодой, звонкій голосъ:

— Кто ѣдетъ? Эй! Стой или буду стрѣлять.

Кто-то выскочилъ изъ-за дерева и схватилъ лошадь за уздечку... Одновременно его окружило нѣсколько молодыхъ людей, изъ которыхъ у одного была короткая винтовка, у другихъ револьверы.

Помощникъ лѣсничаго бросилъ вожжи, выскочилъ изъ санокъ и подбѣжалъ къ тому, который спросилъ: кто ѣдетъ?..

— Вла... Владекъ!..—крикнулъ сдавленнымъ голосомъ Линовскій.

Что-то ударило ему въ голову... Въ глазахъ потемнѣло, сердце страшно забилось...

— Папочка? что ты здѣсь дѣлаешь?

— Это ты, Владекъ? Ты?—спрашивалъ Линовскій, поднимая руки...—Ты! съ грабителями? И нападаешь на собственнаго отца? Кто тебѣ сказалъ, что я везу деньги?..

Молодые люди окружили помощника лѣсничаго, а сынъ, пораженный его голосомъ и безпорядочными движеніями, спросилъ:—Какія деньги? Что вы говорите?

— Фабричныя деньги...

— О! это хорошій кушъ!—крикнулъ одинъ изъ юношей, Старка.

— Господа!—сказалъ полусознательно Линовскій.—Господа! Или не отнимайте у меня денегъ, или... убейте меня! Владекъ! ты опозоришь себя и погубишь отца...

— Онъ пьянъ, что-ли?—шепнулъ Старка Свирскому.

Теперь Свирскій обратился къ помощнику лѣсничаго.

— Вы говорите съ нами, какъ съ грабителями. Владекъ, объясни отцу, что мы не занимаемся грабежомъ...

— А все таки,—прервалъ его Линовскій,—я знаю, что вы собирались напасть на меня... за мной слѣдили въ городѣ... Одинъ перебѣжалъ мнѣ дорогу... на большой дорогѣ перевернули сани съ дровами, чтобы задержать меня... Я былъ увѣренъ, что на меня нападутъ на шоссе...

Владекъ уже замѣтилъ, что съ отцомъ творится что то недоброе. Помощникъ лѣсничаго никогда не говорилъ такъ много и такимъ тономъ.

— Папочка... — сказалъ умоляющимъ тономъ мальчикъ,— вѣдь это мы... я, Свирскій, Старка... все мои товарищи...

— Для чего же вы нападали на меня?

— Извините... это неудачная шутка...—отозвался Свирскій.

— Это еще не все...—отвѣтилъ взволнованный Линовскій.—На меня еще нападутъ, ибо банда должна собраться гдѣ-то у большой дороги... Но я денегъ не отдамъ... Владекъ, поѣзжай со мной!

— Что творится съ папой?—шепнулъ, весь дрожа, Владекъ Свирскому.

— Отвеземъ отца,—сказалъ Свирскій Владиславу,—а вы, товарищи, ступайте въ Соломянки... и прячьте оружіе... Вышла глупая исторія...

— А если бы захватить эти деньги?—шепнулъ одинъ изъ группы,—быть можетъ, не нужно было бы грабить банкъ...

— Развѣ мы воры, чтобы грабить людей на большой дорогѣ?—рѣзко замѣтилъ Свирскій.

— Повидимому, мы послѣ праздника соберемся въ училищѣ,—смѣялся Старка.

— Поступите, какъ захотите, а пока нужно разойтись. И половина нашихъ не прибыла на позицію... Вдобавокъ, такое несчастіе...—сказалъ Свирскій.

Линовскій вернулся къ санямъ, потащилъ съ собой Владека и шепнулъ, но такъ, чтобы всѣ слышали:

— Деньги... двадцать семь тысячъ рублей здѣсь, подъ сидѣніемъ... Хорошо, что у тебя есть револьверъ...

— Но позвольте, папа, и Свирскому поѣхать съ нами. Это мой закадычный другъ, очень честный человѣкъ.

— Зачѣмъ же подвергать опасности друга?—возразилъ Линовскій.—Если нападутъ...

— Мы уже справимся, сударь, съ этими грабителями!—воскликнулъ Свирскій.

Группа молодыхъ людей пошла по направленію къ Соломянкамъ. Двое Линовскихъ и Свирскій повернули санки по направленію къ Лѣсничовкѣ, куда и доѣхали довольно скоро.

Помощникъ лѣсничаго всю дорогу или смѣялся и осыпалъ проклятіями грабителей, которые собирались устроить на него засаду, или же высказывалъ боязнь за деньги.

Раза два онъ велѣлъ остановить лошадь и хотѣлъ, забравъ деньги, убѣжать въ лѣсъ.

Только дома онъ немного успокоился и, уступивъ просьбѣ перепуганной жены, улегся въ постель. Но заснуть онъ не могъ и до бѣлаго дня разговаривалъ съ сыномъ и Свирскимъ. Завтракать отказался и въ восемь часовъ велѣлъ запречь въ санки другую лошадь и, въ сопровожденіи сына и Свирскаго, которые не отступали ни на шагъ, поѣхалъ въ Желѣзныя Гуты. Тамъ онъ отдалъ корзинку съ деньгами вице-директору и, выполнивъ эту формальность, въ первый разъ въ жизни, разразился истерическими рыданіями.

Перепуганный Владекъ телеграфировалъ Дембовскому и снова, вмѣстѣ со Свирскимъ, отвезъ отца домой, гдѣ у помощника лѣсничаго открылась горячка.

Молодой Линовскій ухаживалъ за отцомъ, какъ потерянный. Онъ рвалъ на себѣ волосы и ломалъ руки, говоря Свирскому:

— Что я сдѣлалъ! Что я сдѣлалъ! Если съ отцомъ будетъ плохо—я не переживу... Оставьте меня въ покоѣ, я ужъ не хочу принадлежать къ союзу! Самъ Богъ спасъ меня!

Свирскій, обыкновенно холодный и господствовавшій не только надъ другими, но и надъ собою, тоже поддался волненію.

— Мой дорогой,—обратился онъ къ Владиславу,— весь этотъ походъ на банкъ и казначейство закончился позорнѣйшимъ образомъ. Къ первому опыту большинство не явилось... Возвращаю вамъ слово! Я поступлю такъ, какъ найду нужнымъ, но не хочу натолкнуться еще разъ на такое приключеніе... Надо же было встрѣтить именно твоего отца и чтобъ онъ дѣйствительно везъ деньги—это похоже на сказку...

— А если бы кто-либо другой везъ деньги, ты отобралъ бы ихъ?—спросилъ Владекъ.

— Если бы ихъ везли казаки или стражники... то...

— А если бы везъ какой-нибудь другой служащій въ Желѣзныхъ Гутахъ... ты сдѣлалъ бы нападеніе?

Свирскій отрицательно покачалъ головой.

— Я хочу быть солдатомъ... хочу организовать войско, но не шайку разбойниковъ,—отвѣтилъ онъ тихо.

Владекъ обнялъ его.

— Ты честный...

Свирскій махнулъ рукой.

VII.

Комнатка на вышкѣ, гдѣ жилъ Ендржейчакъ съ товарищемъ, такимъ же бѣднякомъ, какъ и онъ, была тѣсная, грязная и темная. Въ ней помѣщался некрашеный столъ, два стула, деревянная кровать, купленная за 1 р. 20 к., нары, двѣ полки съ книгами и зеленый сундукъ, запертый висячимъ замкомъ, изъ котораго ключъ никогда не вынимался.

Бѣдность проглядывала во всемъ, но такъ какъ товарищъ уѣхалъ на Рождество, то Ендржейчакъ чувствовалъ себя счастливымъ. Онъ могъ ходить по комнатѣ, никого не задѣвая, могъ читать „Записки Пиквикскаго клуба". И, наконецъ, могъ пить изъ жестяного самовара и разбитаго чайника сколько ему угодно чаю, не опасаясь, что сожителю не хватитъ кипятку или чаю. Сахару всегда болѣе или менѣе не хватало.

Теперь именно Ендржейчакъ допилъ третій стаканъ и сказалъ себѣ: „Какое счастье, что я не поѣхалъ съ этими дураками! Они, конечно, озябли, быть можетъ, и голодны, и навѣрняка не выспались... Веселые скоты!"

Такъ думалъ Ендржейчакъ въ субботу утромъ. Въ эту минуту вошелъ его пріятель, называвшійся Пендзелекъ (Кисточка), двадцатидвухлѣтній парень, видный членъ партіи соціалистовъ.

— Знаешь,—началъ Пендзелекъ,—Пфеферманъ уволилъ Вальфиша, не давъ ему никакого вознагражденія?.. Иди со мной къ этому подлецу: пусть онъ уплатитъ ему хотя бы трехмѣсячное содержаніе!

Такъ какъ Ендржейчакъ въ подобныхъ случаяхъ никогда не колебался, то и надѣлъ вытертое пальтишко и не только пошелъ, но и сыгралъ въ этомъ дѣлѣ главную роль. Онъ самъ позвонилъ въ квартиру Пфефермана. Когда прислуга спросила черезъ полуоткрытую дверь, что имъ угодно, и заявила, что въ субботу панъ Пфеферманъ не занимается дѣлами, Ендржейчаку пришло въ голову выкинуть школьническую продѣлку. Онъ просунулъ ногу въ пріотворенную дверь и открылъ ее силой.

Прислуга съ крикомъ убѣжала въ заднія комнаты. Появился Пфеферманъ и спросилъ, что угодно? Тогда Ендржейчакъ рѣзко потребовалъ трехмѣсячное жалованье для Вальфиша и сталъ такъ усиленно размахивать своими длинными руками, что Пфеферманъ закричалъ, возвысивъ голосъ:—Что же это такое, разбой? Грабители?..

Послѣ этихъ словъ въ сосѣдней комнатѣ поднялся шумъ, зазвенѣли разбиваемыя стекла, и пани Пфеферманъ, высунувшись изъ окна, стала кричать на улицу:

— Разбой!.. Грабители!..

Опытный Пендзелекъ, сообразивъ положеніе дѣла, выбѣжалъ изъ комнаты и только внизу встрѣтилъ патруль изъ трехъ солдатъ и полицейскаго. Видя, что они направляются наверхъ, онъ сказалъ:

— Идите, господа, скорѣе! тамъ какой-то сумасшедшій бѣсится у Пфефермана... А я бѣгу за докторомъ!

И, не давъ полицейскому опомниться, онъ вышелъ на улицу. Черезъ нѣсколько минутъ по лѣстницѣ сбѣгалъ и Ендржейчакъ, а за нимъ женщины съ крикомъ: „грабятъ! разбойники!..“ Тогда солдаты загородили ему дорогу штыками, а полицейскій схватилъ Ендржейчака за шиворотъ и арестовалъ.

Вышелъ Пфеферманъ и сталъ объяснять, что здѣсь вышло недоразумѣніе... Онъ даже вынулъ серебряный рубль... Но такъ какъ патрулямъ были даны самыя строгія инструкціи, то полицейскій объявилъ, что обязанъ препроводить арестованнаго въ канцелярію, гдѣ онъ можетъ объясниться и его отпустятъ домой.

Ендржейчакъ шелъ съ поднятой головой, руки въ карманахъ и улыбающійся. Онъ не придавалъ значенія этому случаю и былъ даже доволенъ, что его ведетъ патруль... Черезъ нѣсколько дней о немъ будутъ говорить въ городѣ,— словомъ, не принимая участія съ товарищами въ ихъ дѣтской выходкѣ, онъ покроетъ себя славой.

Когда арестованный проходилъ около Польской гостиницы, стоявшій у воротъ Матеушъ поднялъ стиснутые кулаки и со злостью крикнулъ: „Удирай, пока не поздно!“

Ендржейчакъ и не думалъ убѣгать. Оскорбленный этой выходкой, полицейскій арестовалъ конюха. Дѣло приняло серьезный оборотъ, когда Матеушъ пробовалъ разговаривать съ толпой, дѣлалъ какіе-то знаки и вообще велъ себя подозрительно.

Сопровождаемый многочисленной и все увеличивающейся толпой любопытныхъ, патруль добрался до канцеляріи полицеймейстера и привелъ арестованныхъ въ пріемную. Это была грязная, закопченая и вонючая комната. Стѣны были покрыты плѣсенью и грязью; къ скамейкамъ невозможно было прикоснуться безъ отвращенія. Черезъ рѣшетчатыя, пыльныя окна еле пробивался дневной свѣтъ. Мрачный Матеушъ усѣлся близь печки, а Ендржейчакъ, все еще съ руками, засунутыми въ карманы, насмѣшливо улыбаясь, стоялъ среди комнаты, на самомъ видномъ мѣстѣ. Его вы-

сокая, неуклюжая фигура, рыжіе волосы и непріятное выраженіе лица обратили вниманіе присутствовавшихъ въ пріемной. Одинъ изъ нихъ, брюнетъ низкаго роста, съ бѣгающими глазами, сталъ его внимательно разглядывать. Осмотрѣлъ съ боку, спереди, сзади... Наконецъ, онъ ушелъ изъ пріемной.

Приблизительно черезъ пять минутъ маленькій брюнетъ вернулся, но вслѣдъ за нимъ вбѣжалъ огромный помощникъ полицеймейстера и два стражника.

— Этотъ?—спросилъ помощникъ, указывая на Ендржейчака.

— Да, этотъ!—отвѣтилъ брюнетъ.

— Этотъ самый! этотъ самый!—прибавилъ насмѣшливо Ендржейчакъ.

Въ одну минуту его связали, посадили на дрожки и, подъ охраной самого полицеймейстера и двухъ стражниковъ, отвезли въ казармы. Ендржейчака это только удивило, но не испугало и не огорчило. Онъ былъ въ такомъ прекрасномъ расположеніи духа, какъ будто полжизни прожилъ со связанными руками.

Между тѣмъ помощникъ полицеймейстера опросилъ Матеуша, кто онъ и гдѣ живетъ и предупредилъ его, что сдѣлаетъ обыскъ въ конюшнѣ гостиницы. Матеуша же приказано было помѣстить въ маленькой и темной камерѣ. Присутствующіе обратили вниманіе на то, что Матеушъ, услыхавъ объ обыскѣ у себя, всплеснулъ руками и проворчалъ: „Капутъ“!

Черезъ полчаса послѣ обыска въ конюшнѣ, Польская гостиница была окружена жандармами и войскомъ. Арестовали хозяина Яновича и всю прислугу, перевернули всѣ номера, всѣ уголки, а менѣе чѣмъ черезъ часъ городъ былъ потрясенъ необычайными вѣстями. Во-первыхъ, арестовали убійцу Шмакова и Ѳоменко, а во-вторыхъ—въ конюшнѣ Польской гостиницы, въ ящикѣ съ овсомъ, которымъ завѣдывалъ Матеушъ, найдены четыре бомбы!

И еще менѣе, чѣмъ черезъ часъ распространилась третья вѣсть, что конюхъ Польской гостиницы Матеушъ повѣсился на собственномъ кушакѣ въ камерѣ, куда его заперли. Одновременно арестовали фактора Іоську, который, несмотря на субботу, безпокойно вертѣлся около гостиницы, старался заглянуть въ конюшню и справлялся о Матеушѣ.

Поздно вечеромъ докторъ Дембовскій, придя къ одной изъ паціентокъ, женѣ жандармскаго офицера, спросилъ ея мужа:

— Что это значитъ? Въ городѣ носится слухъ, что вы

подозрѣваете въ убійствѣ стражниковъ какого-то ученика коммерческаго училища Ендржейчака?..

— Мы не подозрѣваемъ... мы увѣрены; наконецъ, есть свидѣтели,—отвѣтилъ офицеръ.

— Бойтесь Бога, господинъ ротмистръ, вѣдь это мальчикъ...

— Ему девятнадцать лѣтъ, а онъ дерзкій преступникъ... Онъ не только не хочетъ выдать сотоварищей, но грубо издѣвается надъ допрашивающими его...

— Здѣсь какое-то недоразумѣніе... Можетъ быть, мальчикъ со страха помѣшался.

Офицеръ пожалъ плечами и не захотѣлъ продолжать разговоръ.

Ендржейчаку отвели въ казармахъ довольно обширную комнату, рѣшетчатыя окна которой выходили въ коридоръ. Въ комнатѣ помѣщались голыя нары и параша. Около двухъ часовъ пополудни зажигалась лампа.

Такъ какъ командующій войсками и его штабъ были очень возбуждены убійствомъ стражниковъ и бѣгствомъ убійцъ, то полиціи было приказано во что бы то ни стало поймать виновныхъ, которыхъ рѣшено было, въ назиданіе другимъ, наказать скоро и строго. Поэтому когда кто-то изъ тайной полиціи усмотрѣлъ въ Ендржейчакѣ разыскиваемаго убійцу, когда въ конюшнѣ Польской гостиницы найдены были бомбы и, вдобавокъ, Матеушъ повѣсился въ арестантской,—командующій войсками приказалъ немедленно допросить Ендржейчака, выяснить степень его виновности и прислать протоколъ.

Въ виду этого, уже около трехъ часовъ пополудни, въ комнату Ендржейчака вошло два жандармскихъ офицера и одинъ артиллеристъ съ мрачнымъ лицомъ и косыми глазами.

Старшій жандармскій офицеръ, толстый блондинъ, спросилъ у арестованнаго его имя, занятіе и адресъ квартиры, гдѣ уже черезъ часъ былъ обыскъ, ничего не обнаружившій, а младшій, худой брюнетъ, записывалъ отвѣты.

Затѣмъ Ендржейчаку велѣно было надѣть шапку и встать у пріоткрытыхъ дверей, какъ для фотографированія, а потомъ приказали отвернуться, нагибаться и бѣгать по всѣмъ направленіямъ. Ендржейчакъ все исполнялъ, смѣясь. И лишь только въ пріотворенныхъ дверяхъ замѣчалъ какую-то фигуру, показывалъ ей языкъ. Онъ замѣтилъ четыре подобныхъ фигуры: трехъ мужчинъ и одну женщину,—всѣ, какъ ему показалось, бѣдно одѣтые. Ихъ лицъ онъ не разглядѣлъ, такъ какъ каждый изъ нихъ старательно прятался.

— Кто это—сыщики?—спросилъ Ендржейчакъ старшаго офицера.

Ему не отвѣтили, и офицеры ушли. Черезъ полчаса открылись двери, запертыя на два замка и желѣзную перекладину. Показались жандармы, въ сопровожденіи которыхъ Ендржейчакъ пошелъ черезъ длинный коридоръ въ комнату, похожую на канцелярію. У одного стола сидѣли знакомые ему офицеры, а у другого стола—жандармъ съ обнаженной шашкой.

Начался допросъ, каждое выраженіе котораго записывалъ младшій жандармскій офицеръ.

— Зачѣмъ вы ходили къ Пфеферману?—спросилъ старшій жандармскій офицеръ.

— Сказать ему, что онъ—свинья, — отвѣтилъ Ендржейчакъ.—Извините, полковникъ, могу ли я сѣсть?

— Пожалуйста!.. Вы были у Пфефермана по дѣлу нѣкоего Гершки Вальфиша?

— Можетъ быть!

— А какое вамъ дѣло до Гершки Вальфиша?

— Не люблю, когда кого-либо обижаютъ!

— А вы знаете, что Гершка Вальфишъ соціалъ-демократъ и успѣлъ уже скрыться?

— Хорошо сдѣлалъ! Вы не будете его такъ мучить, какъ меня.

Здѣсь артиллеристъ о чемъ-то спросилъ старшаго жандармскаго офицера и, выслушавъ объясненія, кивнулъ головой. Допрашивающій снова обратился къ Ендржейчаку:

— Съ кѣмъ вы были у Пфефермана?

— Кажется, одинъ...

— Напротивъ. Съ вами кто-то былъ, и это опытный преступникъ! Какъ его зовутъ?

— Не помню!

— А какъ зовутъ того хромого, который совѣтовалъ вамъ убѣгать и его арестовали?

— Не могу знать!

— Ну, а вамъ извѣстны эти бездѣлушки?—спросилъ допрашивавшій и сдѣлалъ знакъ жандармамъ. Солдаты взяли Ендржейчака подъ руки и повернули лицомъ къ столу, передъ которымъ стоялъ третій жандармъ. Тотъ посторонился, и арестованный увидѣлъ два желѣзныхъ цилиндра.

— Вы знаете это?—повторилъ офицеръ.

— Не имѣю удовольствія...

— Это бомбы... Не знаете ли вы, какъ эти игрушки попали въ конюшню Польской гостиницы?

— Даже не догадываюсь...

— Ну, а конюхъ Матеушъ сознался, что эти предметы даны ему вами на храненіе!

— Нѣтъ! Матеушъ не могъ такъ лгать...

Артиллеристъ пошевелился въ креслѣ и прикрылъ глаза.

— Слѣдовательно, вы Матеуша не знаете, а его правдивость вамъ извѣстна...

— Эге! господинъ полковникъ ловитъ меня на словахъ?.. Это подлая манера!—Жандармскіе офицеры привскочили, но тотчасъ усѣлись, и старшій, ни на минуту не мѣняя спокойнаго тона, продолжалъ допросъ:

— Вы обвиняетесь въ соучастіи въ убійствѣ стражниковъ Шмакова и Ѳоменки...

— Я? Я? Ха-ха ха!—смѣялся теперь очень раздраженный Ендржейчакъ.—Я убилъ стражниковъ? Вѣдь я мухи не убилъ бы, не убилъ бы даже жандармскаго полковника, не только глупыхъ стражниковъ...

— Прошу васъ быть вѣжливымъ, не грубить...—отозвался въ первый разъ артиллеристъ.

— Позвольте мнѣ.. оставьте его...—прервалъ допрашивавшій.—Это очень хорошо, вы сказали, что не убили бы и мухи... Однако, есть свидѣтели, видѣвшіе, какъ вы въ среду вечеромъ, послѣ убійства стражниковъ, убѣгали со Старой улицы...

— Въ среду? вечеромъ? Я даже и не былъ тогда на Старой улицѣ,—смѣясь, отвѣтилъ Ендржейчакъ.

— А гдѣ вы были?

— Не помню...—отвѣтилъ Ендржейчакъ измѣнившимся голосомъ. Ему вспомнилось, что именно въ это время, онъ былъ на собраніи союза рыцарей свободы, гдѣ даже говорилось о необходимости политическихъ убійствъ и противъ чего онъ горячо возражалъ.

— Нужно, чтобы вы припомнили,—сказалъ полковникъ.

— Сомнѣваюсь, чтобы это мнѣ удалось!

— А я очень прошу васъ объ этомъ и искренно совѣтую, чтобы вы вспомнили,—отозвался вторично артиллеристъ.— Вы знаете, что вамъ грозитъ смерть?

Кровь ударила Ендржейчаку въ голову.

— А вамъ—всѣмъ вамъ не грозитъ смерть?—закричалъ онъ.—Вы думаете, что будете жить вѣчно? За что мнѣ можетъ угрожать смерть? Какой судъ вынесъ бы такой глупый приговоръ невинному?.. Это напрасный страхъ, господа!..

Въ это минуту стоявшіе передъ нимъ жандармы увели его подъ арестъ.

— Злодѣи! собачьи дѣти!—ворчалъ возбужденный Ендржейчакъ.— Они думаютъ, что напугаютъ меня смертью...

Въ уединенной комнатѣ онъ тотчасъ успокоился, и къ нему вернулось хорошее расположеніе духа. Онъ вскорѣ почув-

ствовалъ голодъ и сталъ колотить руками и ногами въ двери, требуя, чтобы ему дали поѣсть.

Черезъ полчаса принесли огромный бифштексъ и кружку чаю. Жандармскій унтеръ-офицеръ, который нарѣзывалъ ему мясо, сказалъ вполголоса:

— Изъ штаба приказано на завтра утромъ сшить рубашку...

У Ендржейчака на минуту остановилось дыханіе. Онъ чувствовалъ, что вся кровь его хлынула къ сердцу. Но онъ тотчасъ очнулся, его охватила злоба, и онъ отвѣтилъ:

— Пусть тѣ, которые приказали сшить рубашку, поцѣлуютъ пса въ носъ.

Онъ съѣлъ съ аппетитомъ бифштексъ деревянной ложкой, выпилъ чай и сталъ бранить унтеръ-офицера за то, что ему не дали постели. Черезъ четверть часа солдаты принесли сѣнникъ, похожій на кишку, попону и подушку, набитую соломой.

— Интересно,—шепталъ онъ,—долго ли они меня будутъ держать здѣсь?.. Вѣрно, пройдетъ еще недѣля прежде, чѣмъ отдадутъ подъ судъ... Трусъ Ендржейчакъ будетъ преданъ военному суду, а эти дураки, собиравшіеся ограбить банкъ и губернское казначейство—возвратятся домой!.. Нужно потребовать себѣ книжекъ...

Около семи часовъ два жандармскихъ офицера и артиллеристъ вошли въ комнату и прочитали Ендржейчаку протоколъ его показаній.

— Вы подпишете?—спросилъ старшій офицеръ.

— И-и-и—нѣтъ! Мы, мужики, не подписываемъ...

— Вы изъ крестьянъ?—спросилъ старшій.—Хорошо вы отблагодарили правительство за то, что васъ освободили отъ крѣпостного состоянія и одарили землей...

— А я еще разъ... и еще разъ прошу васъ,—отозвался артиллеристъ,—сказать, гдѣ вы были въ среду вечеромъ, когда на Старой улицѣ убивали Шмакова и Ѳоменко?

— Не помню!

— Имѣю честь обратить ваше вниманіе, что черезъ минуту будетъ поздно,—настаивалъ артиллеристъ.

— Говорю вамъ, что я никого не убилъ и не былъ даже въ то время на Старой улицѣ,—отвѣтилъ дерзко Ендржейчакъ.

Офицеры вышли, велѣли закрыть двери, но остановились въ концѣ коридора.

— Александръ Павловичъ,—сказалъ артиллеристъ,—а я все таки буду утверждать, что онъ не убивалъ. Онъ какой-то ненормальный человѣкъ, но не похожъ на убійцу...

— А я вамъ говорю, Левъ Константиновичъ, что это

дерзкій преступникъ,—отвѣтилъ попрежнему спокойнымъ тономъ старшій жандармскій офицеръ.—Я такихъ точно видывалъ въ Варшавѣ. Одному было семнадцать лѣтъ и онъ застрѣлилъ квартальнаго надзирателя. Когда мы спросили его, что онъ дѣлалъ бы, если бы его освободили,—онъ сказалъ, что убивалъ бы тогда приставовъ и жандармовъ. У висѣлицы онъ кричалъ: да здравствуетъ революція...

Когда офицеры удалились, Ендржейчакъ бросился на нары.

Сколько разъ сегодня ему угрожали смертью! Этотъ артиллеристъ и жандармскій унтеръ офицеръ, который сказалъ, что приказано сшить рубашку?.. Ендржейчакъ разсмѣялся. Вѣдь даже въ Турціи, въ Китаѣ не казнятъ невиннаго человѣка! Вѣдь не было суда, свидѣтелей, никто его не защищалъ..

Наконецъ, пусть осуждаютъ на смерть,—что же такое? Развѣ цѣлый годъ онъ и его товарищи, рыцари свободы, не говорили ежедневно о смерти, о томъ, что ея не слѣдуетъ бояться, нужно умирать геройски, и только тотъ дѣйствительно свободенъ и можетъ имѣть вліяніе на другихъ, кто презираетъ смерть.. Умереть... умереть, не поблѣднѣвъ, смѣясь у висѣлицы,—вотъ что было самой любимой темой ихъ юношескихъ разговоровъ... Только Свирскій любилъ говорить о тактикѣ и стратегіи, что даже не было всѣмъ доступно. Они понимали только одно: кто хочетъ быть дѣйствительнымъ рыцаремъ свободы, тотъ долженъ презирать смерть, умѣть умирать, какъ Брыдзинскій!.. Другіе въ ихъ возрастѣ по цѣлымъ вечерамъ говорили о женщинахъ.. А они о смерти!..

О! если бы они только говорили!

Подъ наплывомъ этихъ воспоминаній Ендржейчакъ вскочилъ съ узкаго сѣнника и запѣлъ фальшивымъ баритономъ, переходившимъ иногда въ теноръ, если не въ дискантъ:

«Какъ же намъ не веселиться, гдѣ насъ смерть найдетъ— не знаемъ; тамъ ее мы повстрѣчаемъ, гдѣ намъ пуля въ лобъ вопьется,—такова ужъ наша доля: нынче здѣсь, а завтра тамъ... Нынче здѣсь, а за а-автра та а-амъ»!..—закончилъ онъ невѣроятно фальшивымъ дискантомъ. Въ эту минуту за рѣшетчатымъ окномъ показались двѣ тѣни, и Ендржейчакъ услыхалъ женскій голосъ, говорившій по-русски:— Слава герою!

— Уйдите отсюда... уходите!—раздался голосъ караульнаго.

Ендржейчакъ былъ въ восторгѣ и продолжалъ пѣть фальшивымъ голосомъ:

«Я скоро кровью оплачу любовь несчастную мою... О

Элеонора прости! прости, Элеонора!..» Здѣсь у него не хватило ноты даже для дисканта.

Ендржейчакъ просто хмѣлѣлъ, упивался своимъ положеніемъ. Смерти онъ не боялся, ему нельзя было бояться такихъ пустяковъ. Онъ не вѣрилъ, не допускалъ, чтобы можно было приговорить невиннаго человѣка да еще безъ суда. Наконецъ, онъ убѣдился, что какія-то женщины заботятся о немъ и называютъ его героемъ.

Такого чувства гордости, торжества Ендржейчакъ еще никогда не испытывалъ.

— «Бояться смерти?—думалъ онъ возбужденно.—Пусть меня хоть сейчасъ ведутъ на казнь и я покажу вамъ, какъ умираютъ! Чѣмъ я хуже Брыдзинскаго?..»

Размышляя такимъ образомъ, онъ сжималъ кулаки, вытягивалъ руки, наклонялъ голову, точно онъ боролся съ кѣмъ то очень сильнымъ и рѣшилъ во что бы то ни стало выйти побѣдителемъ. Затѣмъ онъ легъ на нары и, если не заснулъ, то, по крайней мѣрѣ, не отдавалъ себѣ отчета, гдѣ онъ находится. Ему все грезилось, что онъ борется съ кѣмъ-то, кому не слѣдуетъ уступать... Лучше умереть—чѣмъ уступить...

Около двухъ часовъ пополуночи его разбудилъ стукъ открываемыхъ дверей. При тускломъ свѣтѣ лампочки онъ увидѣлъ жандарма, который тотчасъ удалился, впустилъ человѣка въ черномъ плащѣ и закрылъ двери.

Ендржейчакъ присмотрѣлся и узналъ ксендза, викарія каѳедральнаго костела.

Блѣдный, какъ полотно, вошедшій стоялъ съ минуту неподвижно. Вдругъ онъ сбросилъ плащъ и, оставшись въ бѣломъ стихарѣ, быстро подбѣжалъ къ Ендржейчаку.

Обнявъ его за шею, цѣлуя его, онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, шепталъ:

— Братъ!.. Братъ мой!..

Ендржейчакъ почувствовалъ холодъ въ груди. Но въ эту минуту ему вспомнились слова женщины за окномъ: „Слава герою“ и онъ овладѣлъ собой.

— Нечего сказать—хорошій герой!—подумалъ онъ.

— Адвокаты послали телеграмму въ Петербургъ... докторъ Дембовскій—въ Варшаву...—шепталъ ксендзъ.—Утромъ долженъ быть отвѣтъ, а пока тутъ одинъ... артиллерійскій полковникъ ходатайствовалъ объ отсрочкѣ до девяти часовъ...

— Какой отсрочкѣ?..—спросилъ измѣнившимся голосомъ Ендржейчакъ.

— Ну... отсрочку приговора... котораго, кажется, не приведутъ въ исполненіе,—отвѣтилъ удивленный ксендзъ.

— Какого приговора? Вѣдь меня никто не судилъ!.. А если меня хотятъ стереть съ лица земли безъ суда—согласенъ! Я покажу имъ, какъ мы умираемъ! Свиньи! Подлецы! ужъ не знаю сколько времени меня пугаютъ смертью,—все громче говорилъ Ендржейчакъ.—Они убѣдятся, собачьи дѣти, что я смерти не боюсь, не боюсь—нѣтъ...—крича, докончилъ онъ.

— Ты правъ, братъ мой...—прибавилъ ксендзъ немного спокойнѣе.—Хорошій полякъ, католикъ не долженъ бояться смерти...

— О да!—сказалъ растроганный Ендржейчакъ.—Полякъ и католикъ не долженъ бояться смерти, но вы, ксендзы, дѣлаете все для того, чтобы боялись... Катафалки съ черепами, на хоругвяхъ—скелеты... Умирающихъ все запугиваете страшными молитвами, а живымъ напѣваете погребальныя пѣсни, отъ которыхъ человѣкъ готовъ выть...

— Что ты говоришь, братъ мой? Вѣдь ты вѣришь?

— Не вѣрю ни во что!..—отвѣтилъ Ендржейчакъ.—Поэтому-то я и не боюсь смерти... Когда человѣкъ гибнетъ и сгніетъ, тѣло его превращается въ песокъ, а кости—въ камень. Мы всѣ видѣли камень и песокъ, но никто не слыхалъ, чтобы они жаловались на свое положеніе. Камень не чувствуетъ ни голода, ни холода, не долженъ трудиться, его не держатъ въ тюрьмахъ и не пугаютъ смертью. И если бы какой-нибудь глупецъ и сталъ его пугать,—онъ разсмѣялся бы ему въ глаза... Пусть попробуютъ убить меня, я имъ покажу...

На лицѣ Ендржейчака выступилъ яркій румянецъ, а въ груди онъ чувствовалъ пронизывающій холодъ.

— Братъ мой,—сказалъ ксендзъ,—я надѣюсь на Бога: быть можетъ, это безчеловѣчное намѣреніе не будетъ приведенъ въ исполненіе и тебя предадутъ суду, который приметъ во вниманіе твою молодость... Во всякомъ случаѣ ты облегчилъ бы себѣ часы ожиданія, моля Бога объ отпущеніи тебѣ тяжелаго грѣха...

Ендржейчакъ вскочилъ съ наръ, сжимая кулаки.

— Неужели и вы, ксендзъ,—закричалъ онъ,—полагаете, что я принималъ участіе въ убійствѣ этихъ дураковъ? Клянусь родителями... Польшей—я даже не зналъ объ этомъ.

— Неужели?—спросилъ ксендзъ, съ удивленіемъ глядя на него.

— Да, вѣрно! Я никого не убивалъ, ничего не знаю... И пусть меня теперь вѣшаютъ.

Ксендзъ зашатался и схватился руками за голову.

— Страсти Божьи! — крикнулъ онъ,— убиваютъ невиннаго.

Онъ сталъ стучать въ дверь и, когда ее открыли, выбѣжалъ безъ плаща и шапки. Спустя минуту, онъ вернулся, одѣлся и исчезъ.

— Вотъ какъ ксендзъ бѣгаетъ... ха-ха-ха! — смѣялся Ендржейчакъ.

Вдругъ онъ схватился за грудь и, шатаясь, побѣжалъ къ парашѣ. У него началась сильная рвота.

Караульный, стоявшій за окномъ, закричалъ, и въ комнату вбѣжало двое солдатъ, затѣмъ явился фельдшеръ съ водкой и горячимъ чаемъ.

— Все прошло,—сказалъ Ендржейчакъ,—дайте только чѣмъ-нибудь пополоскать рыло... Какая горечь... чортъ возьми

— Будьте спокойны! будьте покойны! — шепталъ наклонившійся къ нему фельдшеръ.— Полковница велѣла вамъ сказать, чтобы вы были покойны... Они только пугаютъ васъ... Хотя-бы на васъ и надѣли рубашку и поставили къ столбу— не бойтесь... Ничего они не сдѣлаютъ.

Ендржейчакъ такъ ослабѣлъ, что еле дотащился до наръ. Онъ бросился на сѣнникъ и уснулъ крѣпкимъ сномъ, какъ захлороформированный.

Между тѣмъ, ксендзъ, несмотря на позднюю ночь, обѣгалъ весь городъ. Онъ былъ у епископа, отъ котораго получилъ письмо, затѣмъ пошелъ къ губернатору, командующему войсками, къ прокурору, но нигдѣ его не приняли. Только полицеймейстеръ, услыхавъ, что Ендржейчакъ невиненъ, отвѣтилъ:

— Невиненъ? Ну, такъ радуйтесь, что вашъ паціентъ будетъ взятъ прямо въ небо. А я скажу вамъ,—прибавилъ онъ,—если бы за каждаго русскаго повѣсили и разстрѣляли десятокъ полячковъ, если бы городъ платилъ за каждаго стражника десять тысячъ, а за полицiймейстера сто тысячъ рублей, не было бы такихъ подлыхъ убійствъ.

Когда ксендзъ, около пяти часовъ утра, вышелъ отъ полицеймейстера, ему попался на встрѣчу какой-то человѣкъ съ лицомъ, прикрытымъ шарфомъ, и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Телеграфная станція не отослала ни телеграммы адвокатовъ въ Петербургъ, ни депеши Дембовскаго въ Варшаву...

Не было еще шести часовъ, когда ксендзъ вернулся въ казармы и еще разъ увидѣлся съ артиллерійскимъ полковникомъ, который присутствовалъ при допросѣ Ендржейчака.

Полковникъ, выслушавъ донесеніе, отвѣтилъ:

— Я сдѣлаю для осужденнаго все, что могу, но долженъ сказать, что военные круги слишкомъ возбуждены, и это не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Аграрный вопросъ въ Соціалистическомъ Интернаціоналѣ.

---

2. Аграрный вопросъ въ литературѣ стараго Интернаціонала.

I.

Изъ печатныхъ органовъ Интернаціонала наиболѣе вліятельными. наиболѣе интересными и содержательными были: «l'Internationale», органъ бельгійской секціи, издававшійся въ Брюсселѣ, «l'Egalité», органъ секціи романской Швейцаріи, «Der Vorbote», органъ нѣмецкой секціи въ Швейцаріи и «Volkstaad», издававшаяся въ Германіи нѣмецкими марксистами, фракція которыхъ извѣстна была въ то время подъ именемъ фракціи «Эйзенахцевъ». Во Франціи, вслѣдствіе репрессій и гоненій, которымъ подвергались интернаціоналисты со стороны наполеоновскаго правительства, имъ не удалось основать постояннаго печатнаго органа; соціалистическія же газеты другихъ странъ, какъ, напримѣръ, австрійская «Volkstimme», итальянская «Eguanigliаnza» и др. въ общемъ лишь повторяли или популяризировали теоретическія положенія и практическіе изъ нихъ выводы, появлявшіеся на страницахъ перечисленныхъ органовъ, занимавшихъ въ идейномъ отношеніи руководящее положеніе въ Интернаціоналѣ. Къ нимъ-то мы и обратимся.

Въ бельгійской «l'Internationale», въ номерахъ, вышедшихъ въ концѣ 1869 года и въ первой половинѣ 1870, мы находимъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ аграрному вопросу. Статьи эти были вызваны нападками буржуазныхъ и прудонистскихъ газетъ, ополчившихся противъ аграрной резолюціи Базельскаго конгресса и стремившихся доказать для обоснованія своихъ обвиненій, что пролетаріатъ и крестьянство не имѣютъ ничего общаго, что между ихъ основными интересами лежитъ глубокая пропасть и что поэтому Интернаціоналъ, какъ организація чисто рабочая, вовсе не призванъ обсуждать вопросы, касающіеся непосредственно крестьянъ. Статьи «l'Internationale» имѣли цѣлью разбить эти аргументы и доказать совершенно противоположное. Правда, эти статьи не отличались особенной глубиной, но за то онѣ прекрасно харак-

теризуютъ отношеніе къ крестьянству тѣхъ группъ, которыхъ газета являлась выразителемъ. За неимѣніемъ мѣста приведемъ лишь нѣсколько цитатъ.

«Такъ какъ,—читаемъ мы въ номерѣ отъ 30 октября 1869 г.,—городскіе рабочіе имѣютъ право требовать справедливаго распредѣленія труда и добиваться того, чтобы земля давала какъ можно больше продуктовъ, ибо отъ этого зависитъ ихъ матеріальное существованіе, то вопросъ о земельной собственности интересуетъ ихъ въ самой высокой степени. Безусловно, присутствіе крестьянскихъ делегатовъ имѣло бы огромное значеніе для конгресса *) но вѣдь не трудно понять, что наше товарищество въ началѣ своего выступленія должно было направить свою дѣятельность въ тѣ центры, гдѣ трудящіеся скоплены многочисленными группами, чтобы имѣть возможность какъ можно скорѣе привлечь на свою сторону широкія массы, и, только сдѣлавъ этотъ первый шагъ, мы можемъ обратиться къ разсѣяннымъ труженикамъ земли. Когда деревенскіе делегаты будутъ присутствовать на нашихъ конгрессахъ, то мы думаемъ, что они сумѣютъ давать намъ полезные совѣты не только относительно земледѣльческаго труда, но и труда индустріальнаго, ибо, въ противоположность «Liberté» (прудонистская газета), мы полагаемъ, что эти двѣ формы дѣятельности настолько связаны между собой, что должны взаимно освѣщать одна другую» **).

Въ другомъ номерѣ «L'Internationale», въ статьѣ по этому же вопросу, мы находимъ слѣдующія, крайне характерныя строки: «Если въ настоящее время крестьянство не идетъ еще рядомъ съ нами, то это объясняется тѣмъ, что оно еще не поняло *тождества своихъ интересовъ съ нашими* (курсивъ мой Е. С.). Вотъ и все. Въ тотъ моментъ, когда наша пропаганда достигнетъ значительныхъ размѣровъ среди рабочихъ, къ которымъ необходимо раньше обратиться потому, что они живутъ болѣе многочисленными группами, достаточно будетъ только направить свою дѣятельность въ деревню, чтобы встрѣтить тамъ сочувственное эхо. Когда мы нарисуемъ крестьянамъ картину ихъ нужды, когда мы имъ укажемъ средство для исцѣленія отъ терзающей ихъ болѣзни, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они окажутъ намъ такой же пріемъ, какъ и рабочіе. И теперь уже не мало крестьянъ входятъ въ наши индустріальныя секціи, расположенныя въ сельскихъ округахъ... Пусть же городскіе рабочіе стараются избавить крестьянина отъ деспотизма его хозяевъ, отъ эксплуатаціи землевладѣльцевъ, отъ жадности банкировъ, пусть въ свою очередь крестьяне помогаютъ промышленнымъ рабочимъ освободиться отъ деспотизма капитала и его представи-

*) Буржуазныя газеты укоряли интернаціоналистовъ тѣмъ, что на Базельскомъ конгрессѣ, посвятившемъ большую часть своихъ занятій аграрному вопросу, не было ни одного крестьянскаго делегата.

**) „L'Internationale" № отъ 30 октября 1869 года.

телей. Пусть, наконецъ, работники индустріи и сельскаго хозяйства подадутъ руку умственнымъ работникамъ, работникамъ мысли и образуютъ священную лигу тружениковъ противъ лиги эксплуататоровъ, и они добьются своего освобожденія» *).

Газета не сомнѣвалась въ томъ, что, въ случаѣ побѣды соціалистовъ въ ближайшемъ будущемъ въ городахъ, крестьяне не только станутъ на ихъ сторону, но осуществятъ соціализмъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. «А когда соціальная ликвидація будетъ совершена, можно-ли предполагать хотя бы одну минуту, что побѣдоносные работники,— подъ которыми мы подразумѣваемъ не только индустріальныхъ рабочихъ, но и рабочихъ сельско-хозяйственныхъ и мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, являющихся въ сущности тѣми же пролетаріями,— можно-ли предполагать, что они будутъ склонны произвести новый раздѣлъ земли и возстановить мелкую собственность со всѣми ея вредными послѣдствіями?.. Это невѣроятно. Въ тысячу разъ болѣе вѣроятно, что въ этомъ случаѣ народъ сдѣлаетъ то, что революція истекшаго вѣка могла бы сдѣлать во Франціи, т. е. превратитъ землю въ общественную собственность и вмѣсто того, чтобы ее раздѣлять и продавать, будетъ сдавать ее временно земледѣльческимъ товариществамъ со взиманіемъ ренты-налога въ пользу государства, которое будетъ представлено тогда различными группами рабочихъ» **).

Та же нота звучитъ въ статьяхъ швейцарской «Egalité». Полемизируя съ упомянутой уже прудонистской «Liberté», которая послѣ выборовъ во Франціи, давшихъ подавляющее большинство кандидатамъ имперіи, объявила крестьянство элементомъ реакціи и регресса, неизбѣжно осужденнымъ на гибель съ развитіемъ прогресса и цивилизаціи, эта газета писала, между прочимъ, слѣдующее.

«Итакъ, «Liberté» выноситъ смертный приговоръ крестьянству. По ея словамъ съ крестьянствомъ намъ нечего больше дѣлать; оно вѣчно будетъ утопать въ невѣжествѣ, обожать свою жалкую собственность и ложиться тяжелымъ гнетомъ на города, которые всегда вынуждены будутъ находиться подъ крестьянскимъ игомъ и вслѣдствіе этого оставаться во власти капиталистической и милитаристической тираніи. Оставимъ, молъ, крестьянство съ его частной собственностью и совершимъ нашу соціальную революцію во имя коллективизма въ городахъ. *Наше соціалистическое и интернаціоналистическое міросозерцаніе диктуетъ намъ не только необходимость протеста противъ такой точки зрѣнія, но обязываетъ насъ также объяснить, хотя бы въ немногихъ словахъ, всю непрактичность, несправедливость и неинтернаціоналистичность подобнаго рѣшенія вопроса.* Отчего, въ самомъ дѣлѣ, намъ пугаться имперіалистскаго вота деревень? Имѣли-ли мы нравственное право ожидать иныхъ результатовъ? Исполнили-ли мы, городскіе

*) L'Internationale, 22 мая 1870 года.

**) „L'Internationale", 14 ноября 1869 года.

рабочіе и ремесленники, нашъ долгъ по отношенію къ крестьянству? Въ то время, какъ въ городахъ мы создавали организаціи и группы, подумали-ли мы о томъ, что нужно отправиться съ пропагандой въ деревню? Не терпимъ-ли мы теперь скорѣе всего послѣдствій нашей беззаботности, нашей забывчивости, быть можетъ, невольной, быть можетъ, несознательной и вполнѣ извиняемой, если... принять во вниманіе возмутительныя условія, среди которыхъ намъ приходится работать?.. Но разъ мы теперь уже сгруппированы въ городахъ, понесемъ же наше интернаціональное знамя въ деревню. Не говорите, что наша пропаганда будетъ безплодна или невозможна, ибо именно соціалистическая пропаганда находитъ въ условіяхъ крестьянской жизни самую благопріятную почву. Крестьянинъ понимаетъ очень хорошо все, что касается его интересовъ; онъ такъ же усталъ терпѣть вѣчно нужду и лишенія». Далѣе идутъ указанія на то, что если крестьяне встрѣчаютъ иногда недружелюбно соціалистическихъ пропагандистовъ, то только потому, что они не умѣютъ заговорить съ крестьянами на понятномъ для нихъ языкѣ. А что крестьянство способно сыграть рѣшающую революціонную роль, объ этомъ свидѣтельствуетъ развивающееся стачечное движеніе въ деревнѣ и предшествующія революціонныя выступленія крестьянъ. «Если мы вспомнимъ проклятую дату 2 декабря (день совершенія государственнаго переворота Наполеономъ III Е. С.), то что дѣлало тогда крестьянство? Развѣ оно не поднялось, не вооружилось, не встало на защиту республики? Крестьянство проявило тогда революціонность и энергію, оно шло на смерть, на каторгу, на лишеніе свободы, лишь бы не санкціонировать 2 декабря. И если крестьянство вотировало за имперію, то только тогда, когда его убѣдили, что имперія воздвигается на развалинахъ роялистской и буржуазной конспираціи... Отправимся же съ нашей пропагандой въ деревню и будемъ увѣрены въ побѣдѣ, несмотря на происки нашихъ враговъ» *).

Въ другой статьѣ та же «Egalité» съ жаромъ защищаетъ крестьянство отъ новаго обвиненія въ реакціонности, въ сознательно-враждебномъ отношеніи къ рабочему классу и соціализму, которое было брошено въ него послѣ гибели Парижской Коммуны. «И вотъ, въ то время,—читаемъ мы въ этой статьѣ,—когда тѣ, кого называютъ «сельскими представителями», что является оскорбленіемъ всему сельскому населенію, съ удовольствіемъ принимаютъ жестокія репрессіи, примѣняемыя къ федералистамъ (т. е. коммунарамъ—Е. С.), настоящіе селяне, жители селъ и деревень, порицаютъ своихъ депутатовъ и требуютъ въ петиціяхъ всеобщей амнистіи и прекращенія всѣхъ преслѣдованій» **).

Такихъ же взглядовъ на роль французскаго крестьянства въ

*) „Egalité" № отъ 28 мая 1870 г. Цитируемая статья была перепечатана цѣликомъ бельгійской „Z. Internationale".

**) „Egalité" № отъ 12 августа 1187 года.

революціонныхъ событіяхъ 1871 года придерживался, какъ извѣстно, и Карлъ Марксъ, насколько можно судить по его брошюрѣ: «Гражданская война во Франціи», появившейся сначала въ видѣ адреса Генеральнаго Совѣта всѣмъ секціямъ Интернаціонала. Что же касается взглядовъ «l'Internationale» и «Egalité» на соціально-экономическую эволюцію, то, поскольку онѣ касались этого вопроса,—а касались онѣ его рѣдко,—онѣ проводили взгляды, формулированные Депапомъ въ его цитированныхъ уже нами докладахъ.

II.

Переходимъ теперь къ нѣмецкой печати. Въ оффиціальномъ органѣ нѣмецкой секціи, «Der Vorbote» мы, собственно говоря, не находимъ ни одной статьи, спеціально посвященной аграрному вопросу, но за то на его страницахъ былъ напечатанъ манифестъ нѣмецкой секціи къ крестьянству, подписанный всѣми членами центральнаго комитета этой секціи и принадлежащій перу редактора, Іоганна Беккера, близкаго друга Маркса. Основныя мысли, высказанныя въ этомъ манифестѣ, являются поэтому характерными для выясненія отношенія къ аграрному вопросу, какъ «Vorbote», такъ и всѣхъ крайнихъ и наиболѣе правовѣрныхъ нѣмецкихъ марксистовъ того времени. Въ этомъ смыслѣ манифестъ къ крестьянству нѣмецкой секціи Интернаціонала представляется чрезвычайно интереснымъ историческимъ документомъ, тѣмъ болѣе, что теоретическая часть «манифеста» написана въ ясной и категорической формѣ, не допускающей никакихъ ошибочныхъ толкованій. «Манифестъ» начинался слѣдующимъ воззваніемъ къ крестьянству, сразу же выясняющимъ, какъ смотрѣла нѣмецкая секція на этотъ соціальный классъ, такъ безповоротно зачислявшійся нашими отечественными марксистами въ разрядъ буржуазіи. «Изъ всѣхъ профессій,—читаемъ мы въ этомъ воззваніи,—ни одна не терпитъ такъ непосредственно и такъ жестоко отъ ига капитализма, какъ ваша. Въ дѣйствительности, вы первые должны бы изъ повседневнаго опыта вынести убѣжденіе, что вамъ не дано пользоваться плодами вашихъ трудовъ, что единственнымъ вознагражденіемъ за вашу тяжелую работу, за проливаемый вами потъ является только жизнь, полная лишеній, однимъ словомъ, что ваше соціальное положеніе даетъ вамъ возможность лишь крайне недостаточно питать тѣло и абсолютно ничего не предоставляетъ вамъ для укрѣпленія и культивированія вашего духа. Какое бы положеніе вы ни занимали, *будь вы собственники*, самостоятельные хозяева, или безземельные батраки на службѣ у хозяевъ, никогда вашъ трудъ не вознаграждается, всегда вашъ удѣлъ лишенія, всегда магнаты земли и капитала третируютъ васъ, какъ вьючныхъ животныхъ». Затѣмъ идетъ теоретическая часть. Чтобы показать крестьянамъ, что въ капиталистическомъ обществѣ они не могутъ

разсчитывать на спасеніе, *поскольку они будутъ держаться своей частной собственности* и ничего не будутъ предпринимать для разрушенія этого общества, манифестъ рисуетъ самыми мрачными красками будущность мелкаго крестьянскаго хозяйства при капитализмѣ.

Соціально-экономическая эволюція, читаемъ мы въ «манифестѣ»—ведетъ какъ въ индустріи, такъ и въ земледѣліи, къ образованію крупной собственности. Мелкіе производители безвозвратно осуждены на исчезновеніе. Имъ не устоять въ экономической борьбѣ передъ могуществомъ капитала и прогрессомъ науки. Да, наконецъ, и интересы всего общества обрекаютъ мелкое участковое хозяйство на вѣрную смерть, ибо его сохраненіе явилось бы препятствіемъ для увеличенія продуктивности земли. Для доказательства правильности своихъ предсказаній «манифестъ» ссылается на Англію, гдѣ вся земля сосредоточена въ рукахъ немногихъ лендлордовъ. «А экономическое состояніе Англіи развивается такъ опредѣленно, что можетъ служить всѣмъ цивилизованнымъ народамъ вѣрнымъ изображеніемъ ихъ собственной участи». Но такая печальная будущность,—спѣшитъ, однако, заявить авторъ «манифеста»,—неизбѣжно наступитъ *только въ томъ случаѣ*, если крестьяне не будутъ принимать никакихъ мѣръ для борьбы съ вредными последствіями капиталистическаго развитія. «Наученные примѣромъ этой страны (Англіи),—говоритъ онъ,—*мы должны дѣлать всѣ усилія*, чтобы земледѣльческое и промышленное населеніе континента не было предоставлено безъ сознанія и воли, какъ мы это видимъ въ Великобританіи, во власть гибельныхъ послѣдствій капиталистическаго нашествія, *какъ будто эти послѣдствія—какія-то неизбѣжныя бѣдствія, посылаемыя небомъ*. Но чтобы, наоборотъ, зная заранѣе, что лишеніе собственности ожидаетъ ихъ неминуемо при настоящемъ положеніи вещей, крестьяне отказались бы отъ нея во-время, подъ эгидой соціалистическихъ учрежденій, прежде чѣмъ наступитъ та ужасная будущность, которая имъ угрожаетъ» *); т. е., иными словами, манифестъ указывалъ крестьянству, что такъ какъ развитіе крупнаго производства неизбѣжно осуждаетъ его на исчезновеніе, въ виду техническаго и прочаго превосходства этого производства надъ мелкимъ крестьянскимъ, то крестьянству можно будетъ спастись, лишь *противопоставивъ крупному капиталистическому производству свое собственное крупное производство*, а это можетъ быть достигнуто путемъ превращенія частной крестьянской земельной собственности въ коллективную общественную. Для осуществленія этой цѣли манифестъ рекомендовалъ крестьянству рядъ мѣръ, перечню которыхъ было предпослано маленькое не лишенное интереса предисловіе.

Полное преобразованіе настоящаго соціальнаго положенія,—гла-

*) „Der Vorbote" декабрь, 1869-го года.

сило это предисловіе, —будетъ дѣломъ грядущихъ поколѣній и отходитъ въ область исторіи. Этому преобразованію должна предшествовать глубокая трансформація современныхъ идей, трансформація представленій о морали и справедливости путемъ реальнаго изученія дѣйствительности, которое одно только можетъ содѣйствовать созданію общаго сознанія и согласованнаго дѣйствія. Чтобы достигнуть этой цѣли, городскіе рабочіе всѣхъ странъ давно уже объединились между собой. Теперь они обращаются къ вамъ, труженики земли, къ вамъ, которымъ все человѣчество обязано своимъ насущнымъ хлѣбомъ. *Они протягиваютъ вамъ братскую руку* и рекомендуютъ вашему вниманію слѣдующіе практическіе совѣты, которые могутъ получить осуществленіе и въ настоящемъ: 1) Мелкіе собственники каждой общины объединяются и учреждаютъ производительное товарищество. Они соединяютъ свои участки, скотъ, постройки, земледѣльческія орудія и рабочія силы для совмѣстнаго производства при помощи средствъ, даваемыхъ наукой и техникой. 2) Всѣ неимущіе работники, находившіеся до сихъ поръ въ положеніи наемныхъ рабочихъ или батраковъ, участвуютъ въ товариществѣ на равныхъ правахъ съ собственниками и получаютъ подобно всѣмъ членамъ товарищества установленную часть общихъ продуктовъ, необходимую для существованія. 3) Пока не будетъ введено болѣе усовершенствованной организаціи товарищества, мелкіе собственники получаютъ годичное вознагражденіе пропорціонально капиталу, внесенному ими въ общее дѣло и опредѣляемое спеціально для этого избраннымъ комитетомъ. 4) Весь чистый доходъ обращается въ общественный фондъ, на который всѣ члены товарищества пользуются равными правами, и употребленіе котораго будетъ опредѣляться особыми правилами. 5) Всѣ земледѣльческія товарищества завязываютъ сношенія между собою, а также съ потребительными и производительными обществами городскихъ рабочихъ, съ цѣлью образованія федераціи, основанной на принципѣ моральной и матеріальной солидарности въ борьбѣ противъ экономическаго и политическаго гнета. 6) Въ общинахъ, гдѣ мелкіе собственники не поймутъ необходимости совмѣстной обработки, или же, вслѣдствіе инертности и эгоизма, откажутся выйти изъ старой рутины, неимущіе работники сами объединяются въ товарищества, а затѣмъ, во имя своихъ естественныхъ правъ и со всей своей энергіей, требуютъ уступки имъ участка, для совмѣстной его обработки, изъ земель, принадлежащихъ государству, общинѣ, церкви или какихъ-либо другихъ. 7) Неимущіе работники, служащіе въ крупныхъ предпріятіяхъ, должны требовать сверхъ своей заработной платы участія въ прибыляхъ и использовать это участіе для того, чтобы въ моментъ общаго преобразованія общества, когда деспотическая власть землевладѣльцевъ будетъ уничтожена, обладать способностью осуществить крупную земле

дѣльческую культуру черезъ посредство демократической общины *).

Нечего распространяться, конечно, объ утопичности этихъ совѣтовъ. Ихъ практическое осуществленіе было бы равносильно организаціи полусоціалистическаго производства въ деревнѣ, безъ всякой предварительной подготовки, прежде чѣмъ крестьяне успѣли путемъ прохожденія черезъ цѣлый рядъ первоначальныхъ и простыхъ формъ объединеннаго труда, отдѣлаться отъ индивидуалистическихъ предразсудковъ и привычекъ, привитыхъ имъ существующимъ строемъ. На это, между прочимъ, указываетъ и В. М. Черновъ въ своей книгѣ: «Марксизмъ и аграрный вопросъ». Но весь интересъ разобраннаго нами манифеста заключается не въ осуществимости или неосуществимости рекомендованныхъ имъ совѣтовъ, а въ тѣхъ основныхъ принципахъ, которые были положены въ его основу. Принципы же эти можно формулировать слѣдующимъ образомъ: 1) Крестьянство по своему соціально-экономическому положенію можетъ быть воспріимчивымъ къ соціалистической идеѣ. 2) Въ сторону соціализма крестьянство толкаютъ властные экономическіе интересы. 3) Эволюція современнаго общества совершается въ сторону концентраціи собственности и производства; эта концентрація въ томъ лишь случаѣ пойдетъ по чисто капиталистическому пути, если крестьянство ничѣмъ не будетъ реагировать на гнетъ капитализма и будетъ упорно держаться своей частной собственности; въ противномъ же случаѣ возможна концентрація снизу, концентрація, идущая черезъ кооперацію, однимъ словомъ, концентрація не капиталистическаго типа, а коллективистическаго. Какъ видимъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ принципомъ, который провозглашалъ Депапъ въ своихъ докладахъ. Этотъ принципъ мы находимъ и въ писаніяхъ всѣхъ нѣмецкихъ марксистовъ того времени...

Переходимъ теперь къ другому нѣмецкому органу, «Volksstaat». Наиболѣе интересныя статьи по аграрному вопросу были написаны въ этой газетѣ, въ декабрѣ 1869 года, нынѣшнимъ вождемъ германской соціалъ-демократіи, Августомъ Бебелемъ, въ отвѣтъ на полемическія нападки буржуазныхъ газетъ: «Democratische Korrespondenz» и «Stuttgarter Beobachter», критиковавшихъ, между прочимъ, аграрную резолюцію Базельскаго конгресса. По обыкновенію, буржуазные публицисты провозглашали, что положеніе крестьянства въ современномъ обществѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго и что вслѣдствіе этого всѣ попытки соціалистовъ, имѣющія цѣлью привлечь крестьянъ въ ряды интернаціональной арміи, заранѣе осуждены на неудачу. Чтобы разрушить эту аргументацію, Бебель въ своихъ статьяхъ стремился доказать обратное, т. е. что положеніе крестьянства, *какъ класса частныхъ собственниковъ*, въ рамкахъ

*) Тамъ же.

капиталистическаго строя безнадежно, и что поэтому крестьяне, въ силу, такъ сказать, инстинкта самосохраненія, не преминутъ придти къ соціализму и вынуждены будутъ дать толчекъ эволюціи своей собственности и своего производства въ сторону коллективизма. Для обоснованія этихъ положеній Бебель нарисовалъ въ своихъ статьяхъ картину предстоящаго соціально-экономическаго развитія въ самомъ рѣзкомъ марксистскомъ духѣ. «Конкуренція капиталовъ между собою,—писалъ онъ, — заставляетъ капиталистовъ, не могущихъ выстоять въ экономической борьбѣ, искать для своей дѣятельности новыя отрасли производства, очень мало или совсѣмъ еще не подвергшіяся капиталистической эксплуатаціи, и втягивать ихъ въ сферу производства капиталистическаго. Тѣмъ самымъ завоевывается новое поле дѣйствія для крупнаго капитала, который вытѣсняетъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей и бросаетъ ихъ въ ряды пролетаріевъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой общественной эволюціи является исчезновеніе средняго класса и дѣленіе общества на два различныхъ, рѣзко отграниченныхъ другъ отъ друга класса. Одинъ изъ нихъ, который, по мѣрѣ развитія современнаго производства, будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться въ числѣ—классъ предпринимателей, другой, который, наоборотъ, все будетъ расти численно и расширяться—классъ рабочихъ» *). Но, осудивъ такимъ образомъ крестьянство вмѣстѣ съ другими промежуточными классами на исчезновеніе,—ибо, какъ мы видѣли, Бебель увѣренъ въ томъ, что общество къ концу капиталистическаго періода будетъ состоять только изъ крупныхъ предпринимателей и неимущихъ пролетаріевъ,—нашъ авторъ, подобно Депапу, подобно участникамъ интернаціональныхъ конгрессовъ и автору «Манифеста къ крестьянству», не выводилъ изъ этого необходимости оставить крестьянъ «на произволъ губительныхъ слѣдствій капиталистическаго нашествія». Какъ разъ наоборотъ, какъ мы уже указывали, именно въ томъ непреложно установленномъ для него фактѣ, что въ капиталистическомъ строѣ мелкое землевладѣніе и земледѣліе неминуемо обречено на гибель, онъ видѣлъ неотразимый аргументъ въ пользу дѣятельной работы въ крестьянствѣ. Ибо,—утверждалъ онъ, - разъ *однѣ и тѣ же силы* гнетутъ и пролетаріатъ, и крестьянство, *то въ интересахъ крестьянъ* присоединиться къ требованіямъ рабочихъ, которые лишь тѣмъ, въ сущности, отличаются отъ среднихъ классовъ, что они уже теперь находятся въ тѣхъ условіяхъ, которыя уготовлены для среднихъ классовъ только въ будущемъ (т. е. въ томъ случаѣ, если они не примутъ соціалистической программы. Е. С.) Этотъ логическій выводъ Бебеля заслуживаетъ большого вниманія. Этотъ выводъ подтверждаетъ то, что мы утверждали выше при разборѣ

---

*) Эта цитата и всѣ послѣдующія взяты изъ декабрьскихъ номеровъ „Volksstaat“ за 1869 г.

взглядовъ интернаціоналистовъ, а именно, что въ эпоху перваг Интернаціонала къ обсужденію аграрнаго вопроса подходили совершенно иначе, чѣмъ въ настоящее время, и что какъ разъ тѣ аргументы, которые выдвигаются теперь *противъ* положительнаго отношенія къ крестьянству, тогда приводились въ *защиту* такого отношенія. Чтобы доказать, что борцы за соціализмъ могутъ найти въ крестьянствѣ могучую надежную опору, интернаціоналисты именно, всегда и всюду подчеркивали, что развитіе капитализма смететъ мелкое крестьянское хозяйство и что, слѣдовательно, въ рамкахъ капиталистическаго общества крестьянство, какъ классъ мелкихъ собственниковъ, ни въ коемъ случаѣ, не можетъ надѣяться на спасеніе. Но разъ это такъ, утверждали они,—а это именно такъ,—то значитъ крестьянство вынуждено будетъ придти къ соціализму, стремящемуся къ созданію общественныхъ условій, могущихъ обезпечить свободное и обезпеченное существованіе и земледѣльческимъ труженикамъ, и могущему избавить его отъ мукъ пролетаризаціи.

Такъ какъ они кромѣ этого допускали, что процессъ обобществленія въ земледѣліи, процессъ превращенія мелкой земельной собственности въ крупную въ странахъ съ раздробленнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ можетъ пойти не черезъ капиталистическую эксплуатацію, а черезъ общественную собственность и кооперативное производство, то они признавали палліативными и даже реакціонными лишь мѣры, направленныя къ поддержанію мелкой земельной собственности въ современномъ ея видѣ, и, наоборотъ, считали высоко прогрессивными требованія и дѣйствія, имѣющія цѣлью направить развитіе этой собственности въ сторону коллективизма и обобществленія даже въ настоящемъ, въ предѣлахъ буржуазно-индивидуалистическаго строя. Поэтому то интернаціоналисты не произносили безповоротнаго приговора надъ крестьянствомъ и не переставали подчеркивать, что они являются представителями интересовъ не только пролетаріата, но и трудового крестьянства. Ихъ отличіе отъ современныхъ ортодоксальныхъ марксистовъ заключалось въ томъ, что они, *осуждая мелкую крестьянскую собственность, вмѣстѣ съ этимъ не ставили креста надъ самимъ крестьянствомъ.* Статьи Бебеля и книга Либкнехта по аграрному вопросу, къ которой мы еще вернемся, выясняютъ это обстоятельство необыкновенно полно и ярко. Бебель, исходя изъ этой точки зрѣнія, въ своихъ статьяхъ особенно возстаетъ противъ попытокъ буржуазныхъ писателей выставить соціалъ демократію, какъ партію исключительно промышленнаго пролетаріата. «Я понимаю, — писалъ онъ, — подъ рабочимъ классомъ не однихъ только промышленныхъ рабочихъ въ узкомъ смыслѣ слова, но также и ремесленниковъ и мелкихъ крестьянъ, такъ же какъ и умственныхъ работниковъ, писателей, журналистовъ и низшія категоріи чиновниковъ, однимъ словомъ,

всѣхъ тѣхъ, *которые въ существующемъ строѣ находятся въ одинаковомъ или почти одинаковомъ положеніи городскими пролетаріями»*. Въ другомъ мѣстѣ Бебель пояснялъ, что подъ крестьянами онъ подразумѣваетъ не только батраковъ и кнехтовъ, но и мелкихъ собственниковъ, трудовыхъ крестьянъ. Если соціалъ-демократы до сихъ поръ мало работали въ крестьянствѣ, то это объясняется только тѣмъ, утверждалъ Бебель, «что пропаганда среди городскихъ рабочихъ и интеллигенціи поглощала всѣ силы партіи и вынуждала ее удѣлять меньше вниманія интересамъ земледѣльческаго населенія». Правда, работа въ крестьянствѣ сопряжена съ очень большими трудностями, ибо, въ силу особенныхъ условій деревенской жизни, крестьянинъ стоитъ ниже въ смыслѣ умственнаго развитія, чѣмъ городской рабочій, но это не должно останавливать соціалъ-демократовъ. Работать въ деревнѣ необходимо хотя бы ужъ въ силу того, что въ противномъ случаѣ разросшееся городское движеніе напугаетъ крестьянство, если оно не будетъ просвѣщено соціалистической пропагандой, и заставитъ его, быть можетъ, броситься въ объятія реакціи. Необходимо поэтому «втянуть и крестьянство въ соціалистическое движеніе и не только развивать передъ нимъ новыя идеи, но и выяснить ему его дѣйствительные интересы. И тогда создастся товарищескій союзъ (между крестьянствомъ и пролетаріатомъ.—Е. С.) для борьбы противъ общаго врага». Къ такой тактикѣ соціалъ-демократовъ должны побуждать и чисто этическія соображенія.

«Крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и другіе, онъ имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и богатѣйшіе и сильнѣйшіе міра сего; онъ имѣетъ право требовать отъ общества устраненія тѣхъ учрежденій, которыя не имъ созданы, въ существованіи которыхъ онъ неповиненъ, но которыя обходятся ему цѣною его собственнаго существованія». Какія же требованія въ интересахъ крестьянства, могущія привлечь его на сторону городскихъ рабочихъ и находящіяся въ соотвѣтствіи съ высшей конечной цѣлью соціализма, должна выставить партія? На это Бебель отвѣчаетъ слѣдующее (мы особенно обращаемъ на это вниманіе читателя): «Разъ наши мелкіе крестьяне и поденные рабочіе приведены къ своему нынѣшнему положенію *однѣми и тѣми же причинами*, какъ и городской пролетаріатъ, то само собою разумѣется, что путь къ улучшенію этого положенія *у нихъ долженъ быть общій*. Я уже указывалъ при обсужденіи положенія промышленныхъ рабочихъ, какъ государство, при помощи своихъ доменовъ и черезъ посредство конфискаціи или экспропріаціи фидеикоммиссовъ, монастырскихъ и кабинетскихъ земель и т. д., можетъ образовать крестьянскія ассоціаціи (земледѣльческія товарищества) для обработки и эксплуатаціи земли. Эти ассоціаціи будутъ, конечно, подобно нынѣшнимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, употреблять для своихъ работъ машины и т. д. и дѣлить про-

дукты пропорціонально затраченной суммѣ труда. Далѣе, государство должно законодательнымъ путемъ объединить всю мелкую земельную собственность и образовать одно большое земледѣльческое хозяйство. А такъ какъ вслѣдствіе проведенія такихъ мѣръ крупнымъ землевладѣльцамъ трудно будетъ достать необходимую рабочую силу, то у нихъ останется одинъ исходъ: уступить свои земли крестьянскимъ ассоціаціямъ—«или же ихъ экспропріируетъ государство». Государство же опредѣлитъ законодательнымъ путемъ основы земельной организаціи. Такимъ образомъ требованія, рекомендуемыя Бебелемъ въ аграрной области, сводились въ конечномъ счетѣ къ самой настоящей и строго проведенной націонализаціи земли въ духѣ резолюціи конгрессовъ Интернаціонала.

III.

Кромѣ газеты «Volksstaat», статьи по аграрному вопросу печатались также въ органѣ лассальянцевъ: «Der neue Sozialdemokrat». Такъ какъ лассальянцы не входили въ Интернаціоналъ, то мы этихъ статей касаться не будемъ; ограничимся лишь замѣчаніемъ, что въ нихъ проводились взгляды въ защиту Базельской резолюціи. Что касается спеціальныхъ работъ нѣмецкихъ писателей-интернаціоналистовъ по аграрному вопросу, то онѣ исчерпываются одной только упомянутой уже книгой Вильгельма Либкнехта: «Zur Grund und Boden Frage». Аграрному вопросу была также посвящена одна изъ главъ книжки Эккаріуса «Eines Arbeiters Widerlegung der national-ökonomischen Lehren John Stuart Mills» (опроверженіе рабочаго на экономическое ученіе Д. С. Милля), вышедшей еще въ 1868 году. Эккаріусъ развиваетъ здѣсь такіе же мрачные взгляды на будущность мелкой крестьянской собственности, какъ и Бебель, Беккеръ и Депапъ, или, вѣрнѣе, Бебель и Беккеръ развивали лишь взгляды Эккаріуса, ибо его книжка вышла раньше и «Манифеста къ крестьянству», и бебелевскихъ статей. Въ качествѣ практическихъ мѣръ Эккаріусъ рекомендуетъ передачу въ руки земледѣльческихъ товариществъ всѣхъ необработанныхъ земель, а также земель общинныхъ, церковныхъ, коронныхъ и т. п., но передачу не въ вѣчную собственность, а на основѣ арендныхъ контрактовъ, обезпечивающихъ за обществомъ контроль надъ землею, какъ источникомъ всѣхъ средствъ существованія. Брошюра Либкнехта первоначально представляла собою агитаціонный памфлетъ для крестьянства и распространялась партіей среди сельскаго населенія наканунѣ законодательныхъ выборовъ 1871 г. Только впослѣдствіи Либкнехтъ обработалъ и дополнилъ эту брошюру и превратилъ ее въ книжку въ 200 страницъ. Брошюрка, по увѣренію Либкнехта, имѣла огромный успѣхъ среди крестьянъ, и это обстоятельство окрылило его большими надеждами. Вотъ что писалъ онъ

въ предисловіи къ второму изданію «Zur Grund etc.», вышедшему въ 1876 году. «Съ большой радостью наша партія должна констатировать, что сельское населеніе Германіи,—какъ наемные рабочіе, такъ и *мелкіе крестьяне* (курсивъ мой. Е. С.),—пробудилось отъ своего долгаго сна и во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ дало значительный контингентъ для 500-тысячной арміи соціалъ-демократическихъ избирателей. Очарованіе, наконецъ, разрушено. Рабочій народъ деревень начинаетъ выступать плечо къ плечу съ работниками городовъ, и подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ борются теперь вчерашніе братья-враги за общее дѣло труда. *Безъ сельскихъ рабочихъ и крестьянъ наша борьба была безнадежна. Вмѣстѣ съ ними —побѣда обезпечена»* (Ohne die Landarbeiter und Bauern war unser Ringen ein hoffnungloses. Mit ihr ist der Sieg uns gewiss) *). Итакъ, изъ этого предисловія мы уже можемъ заключить о положительномъ отношеніи Либкнехта къ крестьянству и о положительномъ отношеніи, проявленномъ нѣмецкимъ крестьянствомъ къ его брошюркѣ. И, однако, эта брошюрка начинается, съ мѣста въ карьеръ, съ самыхъ мрачныхъ пророчествъ о судьбѣ крестьянства. Эта кажущаяся на первый взглядъ странность выяснится для насъ, если мы вспомнимъ по какимъ причинамъ точно также поступилъ и авторъ цитированнаго нами «Манифеста», Беккеръ, а въ особенности если мы познакомимся ближе съ произведеніемъ Либкнехта. Предсказанія о будущихъ результатахъ экономическаго развитія у Либкнехта окрашены въ самый рѣзкій ортодоксально-марксистскій цвѣтъ. И для него также не существуетъ никакихъ сомнѣній въ неизбѣжномъ разложеніи и гибели мелкаго крестьянскаго хозяйства и созданіи на его развалинахъ крупнаго производства. Это непреложный и неотвратимый законъ исторіи. Болѣе того, въ сельскомъ хозяйствѣ такъ же, какъ въ индустріи, царитъ уже въ настоящемъ крупное производство, и никакія палліативныя мѣры не могутъ спасти крестьянства въ существующемъ строѣ. Паровой плугъ произведетъ такой же переворотъ въ земледѣліи, какъ паровой ткацкій станокъ и прядильная машина въ индустріи: онъ уничтожитъ мелкое производство. Авторъ настаиваетъ также на законѣ концентраціи всѣхъ капиталовъ, всѣхъ общественныхъ богатствъ въ немногихъ рукахъ, въ рукахъ кучки крупныхъ капиталистовъ. Подобно «Манифесту къ крестьянству», Либкнехтъ ссылается на примѣръ Англіи и приводитъ цифры, показывающія, что за 200 лѣтъ въ этой странѣ число собственниковъ съ 1 на 88 человѣкъ общаго населенія упало до 1 на 1000 человѣкъ. А что для всѣхъ странъ съ капиталистическимъ производствомъ уготовлена такая же будущность, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Англійскія усло-

*) „Zur Grund und Boden Frage“ von W. Liebknect, стр. IV. Leipzig, 1876

ція,—говоритъ онъ,—показываютъ намъ на нѣсколько станцій впередъ нашу будущность, тотъ путь, по кототорому пойдетъ наше развитіе. «Вездѣ одинаковыя явленія, только въ одномъ мѣстѣ въ болѣе зачаточной формѣ, въ менѣе опредѣленномъ видѣ, въ другомъ въ болѣе рѣзкихъ и ясныхъ очертаніяхъ; но повсюду даютъ себя чувствовать одни и тѣ же неумолимые законы: мелкое владѣніе поглощается крупнымъ, мелкій собственникъ сталкивается въ пролетаріатъ. Быстрѣе или медленнѣе идетъ процессъ—конечный результатъ одинъ и тотъ же». Если Либкнехтъ такъ долго останавливается на примѣрѣ Англіи, то только потому,—говоритъ онъ,—что болѣзнь удобнѣе изучать на такомъ тѣлѣ, гдѣ она развилась до крайнихъ предѣловъ. А Англія именно является такимъ соціальнымъ тѣломъ, въ которомъ капиталистическая болѣзнь дошла уже до послѣдняго фазиса. Авторъ далѣе описываетъ ужасное положеніе англійскихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и заявляетъ, что англійскій сельско-хозяйственный рабочій, этотъ несчастный изъ несчастныхъ, является вѣрнымъ портретомъ нѣмецкаго крестьянина ближайшихъ поколѣній. Но, прочитавъ такъ рѣшительно отходную мелкой крестьянской собственности, Либкнехтъ спѣшитъ сдѣлать оговорку, сразу выясняющую намъ тождество его взглядомъ съ тѣми, которые намъ удалось уже выяснить въ предыдущемъ изложеніи. Да,—говоритъ онъ,—такая мрачная, невеселая участь неизбѣжно предстоитъ нѣмецкому крестьянину, если только... «если только онъ не приметъ близко къ сердцу предостерегающій примѣръ Англіи и во-время не наложитъ свое дѣйственное veto» (Das der deutsche Bauer das warnende Exempel Englands sich nicht zu Herzen nimmt und nicht rechtzeitig noch das Veto der That dasprícht *). И Либкнехтъ такъ же, какъ и Беккеръ, умышленно сгущалъ краски при изображеніи будущности, которую капиталистическій строй уготовляетъ крестьянству, чтобы сильнѣе поразить его воображеніе, возбудить въ немъ какъ можно скорѣе желаніе предпринять мѣры для предотвращенія этой будущности и поселить въ немъ сознаніе, что, только толкая свою собственность на путь эволюціи къ коллективизму, только путемъ разрушенія буржуазнаго порядка крестьянство можетъ найти спасеніе. Либкнехтъ самъ признается въ этомъ. Для того,—говоритъ онъ,—чтобы практическая пропаганда среди крестьянства *имѣла успѣхъ*, необходимо, параллельно съ этимъ, давать теоретическое освѣщеніе безвыходности его положенія въ современномъ обществѣ **).

Вѣря въ соціально-творческую способность крестьянства, Либкнехтъ, какъи слѣдовало ожидать, поднималъ чрезвычайно высоко его значеніе. Вся вторая часть его книги представляетъ собою страстную, пламенную защиту крестьянина, какъ необходимаго и неизбѣжнаго союзника городского рабочаго въ борьбѣ за соціализмъ, защиту,

*) Тамъ же, стр. 81.
**) Тамъ же, стр. 135.

пожалуй, наиболѣе талантливо написанную изъ всего того, что мы находимъ въ этомъ родѣ въ иностраной соціалистической литературѣ. И Либкнехтъ напиралъ такъ сильно на «желѣзный» историческій законъ, ведущій къ вытѣсненію мелкой земельной собственности въ капиталистическомъ строѣ, отчасти также и для того, чтобы яснѣе и реальнѣе показать совпаденіе интересовъ крестьянства съ интересами пролетаріата и соціализма. Онъ, такъ же какъ и Бебель, неоднократно повторяетъ: «Разъ однѣ и тѣ же силы душатъ и крестьянство, и пролетаріатъ, то путь къ освобожденію у нихъ долженъ быть общій». Нужно сказать, что развиваемыя здѣсь Либкнехтомъ положенія вполнѣ совпадали со взглядомъ Маркса на крестьянство. Въ его «18 Brumaire» мы находимъ слѣдующія крайне интересныя строки: «Буржуазный порядокъ, ставившій, въ началѣ вѣка, государство на стражѣ новорожденной парцеллы, теперь высасываетъ у крестьянина кровь изъ сердца и мозгъ изъ головы и бросаетъ его въ котелъ капитализма, — этого новаго алхимика» *). Итакъ, намъ дана та же посылка, которую мы находимъ у Депапа, Эккаріуса, Беккера, Бебеля и Либкнехта. И изъ этой посылки Марксъ дѣлаетъ такой же выводъ, какъ и Либкнехтъ въ разбираемой нами книжкѣ. Да,—говоритъ намъ Марксъ,—буржуазный порядокъ является злой мачихой для крестьянства. Но именно поэтому «интересы крестьянства *не совпадаютъ болѣе*, какъ при Наполеонѣ, съ интересами капиталистической буржуазіи, а, наоборотъ, противоположны имъ». Поэтому, опять-таки, «*крестьяне находятъ своихъ союзниковъ и своихъ естественныхъ вождей въ городскихъ пролетаріяхъ*, задача которыхъ опрокинуть существующее буржуазное общество» **).

Такимъ образомъ Либкнехтъ въ своей «Zur Grund und Boden Frage» оставался вѣрнымъ ученикомъ Маркса и лишь полнѣе развилъ и конкретизировалъ марксовскую точку зрѣнія, высказанную здѣсь лишь въ эмбріональной формѣ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Либкнехтъ, подобно Бебелю, горячо протестуетъ противъ буржуазныхъ навѣтовъ, изображающихъ соціалъ-демократію, какъ партію исключительно пролетарскую. «Да,—говоритъ онъ,—мы—рабочая партія, но рабочими являются не одни только городскіе или сельскіе пролетаріи. *Рабочимъ является всякій, кто не живетъ эксплуатаціей чужого труда* (курс. мой. Е. С). Въ категорію рабочихъ входятъ поэтому и мелкіе крестьяне, и мелкіе ремесленники, хотя и пользующіеся наемной рабочей силой, но не въ такой степени, чтобы имѣть возможность существовать, не работая лично. Да, мы—рабочая партія, въ противопоставленіи съ партіей монополизировавшихъ орудія производства... Мы до сихъ

*) „Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonoparte", стр. 353, французск. изданія.

**) Тамъ же.

поръ недостаточно работали надъ распространеніемъ нашихъ идей въ крестьянствѣ. Трудности пропаганды въ деревнѣ могутъ служить намъ оправданіемъ. Но упущенное должно быть наверстано. Долгъ человѣчества и интересы партіи намъ это предписываютъ *). А что крестьянство откликнется сочувственно на такую пропаганду, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній». Однѣ и тѣ же причины вызываютъ одни и тѣ же слѣдствія. Мелкій рабочій—пролетарій, но мелкій крестьянинъ будетъ имъ (т. е. будетъ имъ, если онъ не вступитъ на путь коллективизма. Е. С.). Первый—непосредственный рабъ капитала, второй—посредственный рабъ и рекрутъ для арміи непосредственныхъ рабовъ; въ этомъ одномъ только заключается разница между ними. Городскіе рабочіе и наиболѣе сознательные изъ городскихъ ремесленниковъ поняли уже, что ихъ печальное положеніе является слѣдствіемъ современнаго способа производства, и стремятся поэтому замѣнить его производствомъ коллективистическимъ. Земледѣльческіе работники до сихъ поръ въ большинствѣ своемъ боролись противъ соціалистическихъ стремленій своихъ непризнанныхъ братьевъ и являлись орудіемъ въ рукахъ ихъ общихъ враговъ. Пусть же они убѣдятся въ самоубійственности своихъ дѣйствій. Тотъ день, когда земледѣльческій рабочій *и мелкій крестьянинъ* протянутъ руку городскому рабочему и мелкому горожанину, будетъ днемъ ихъ общаго освобожденія. Лозунгомъ должно быть не «городъ отдѣльно отъ деревни», а «городъ и деревня, братски объединенные для общей борьбы противъ враговъ всякаго честнаго труда» **). Почему, въ самомъ дѣлѣ, относиться скептически къ возможности реализаціи такого лозунга? Нѣмецкіе крестьяне массами эмигрируютъ въ Америку въ поискахъ болѣе обезпеченной жизни. Могутъ ли они не сочувствовать соціалъ-демократамъ, не оказывать имъ поддержки, не вступать въ ихъ ряды, разъ соціалъ-демократы борются за созданіе условій всеобщаго счастья на родинѣ? Развѣ можетъ больной ненавидѣть врача, дающаго ему исцѣляющее лѣкарство? Ненавидитъ ли кто-либо людей, желающихъ ему добра? И Либкнехтъ восклицаетъ, обращаясь уже къ крестьянину: «Довольно поднимать противъ насъ братоубійственный и самоубійственный кулакъ! Пусть труженики земли примутъ руку, которую имъ протягиваетъ рабочій народъ городовъ и идутъ съ нимъ вмѣстѣ на борьбу за завоеваніе новаго міра» ***).

Характеръ практической дѣятельности соціалъ-демократовъ въ аграрной области совершенно ясенъ. Вѣдь палліативными и реакціонными являются только тѣ мѣры, которыя имѣютъ цѣлью *сохраненіе мелкой* крестьянской собственности въ современномъ видѣ и поддержаніе такимъ путемъ крестьянства. Слѣдовательно, дѣйстви-

*) Тамъ же, стр. 187.
**) Тамъ же, стр. 189.
***) Тамъ же, стр. 190.

тельны или прогрессивными будутъ мѣры, направленныя къ *преобразованію*, хотя бы и постепенному, этой мелкой частной крестьянской собственности въ крупную коллективную, ибо такія мѣры будутъ находиться въ соотвѣтствіи съ общимъ направленіемъ экономической эволюціи и съ соціалистическимъ идеаломъ, и, наконецъ, онѣ однѣ только могутъ имѣть непосредственнымъ результатомъ предохраненіе крестьянства отъ раззоренія и пролетаризаціи. На такихъ мѣрахъ и должна остановиться партія. Тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ авторъ, «соціализмъ не только не антагонистиченъ земледѣлію, но наоборотъ, *необходимъ для его развитія* (курсивъ всюду мой.—Е. С.). И то, что является возможнымъ для начала реализаціи соціализма, *въ земледѣліи гораздо легче осуществимо*, чѣмъ въ городской промышленности. Я хочу сказать, *что община, село, являются естественными ассоціаціями, въ особенности община*» *). Далѣе Либкнетъ доказываетъ, что община уже зародышъ коллективизма, и что все дѣло въ томъ только, чтобы перенести положенный въ ея основу принципъ въ хозяйственную область, гдѣ господствуетъ еще частная собственность. Либкнехтъ находилъ, что это вполнѣ осуществимо, и что безъ значительныхъ трудностей возможно перевести современныя сельскія общины въ ассоціаціи потребительныя, покупательныя и даже производительныя, которыя, не являясь полнымъ воплощеніемъ соціализма, «образуютъ, тѣмъ не менѣе, естественный переходъ къ чистому типу коллективистическихъ организацій» **). Основой аграрной политики партіи должно быть поэтому содѣйствіе образованію и эволюціи такихъ ассоціацій, а требованія партійной аграрной программы должны сводиться въ общемъ къ слѣдующему: безплатное сельскохозяйственное низшее образованіе, передача ипотечныхъ долговъ въ собственность государства, меліоративный кредитъ, ставящій частныя хозяйства подъ непосредственный контроль народнаго государства; учрежденіе образцовыхъ земледѣльческихъ колоній на земляхъ, принадлежащихъ государству; *увеличеніе общественной поземельной собственности*.

Взглядъ Либкнехта на земледѣльческія товарищества и ихъ значеніе для соціализма нашелъ отраженіе и въ Готской программѣ германской с.-д. Въ этой программѣ мы читаемъ слѣдующее: «Какъ подготовительной мѣры къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, Соціалистическая Рабочая партія Германіи требуетъ устройства соціалистическихъ производительныхъ товариществъ, при содѣйствіи государства и подъ демократическимъ контролемъ трудящагося народа. Производительныя товарищества должны быть призваны къ жизни, какъ въ промышленности, такъ и *въ земледѣліи*, въ достаточно крупныхъ размѣрахъ, чтобы изъ нихъ выросла

*) Тамъ же, стр. 183—184.
**) Тамъ же, стр. 186.

соціалистическая организація всего труда» *). Правда, Марксъ, въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ на Готскую програму, обрушился на это положеніе, но, главнымъ образомъ, въ виду требованія государственной помощи, которое въ немъ заключалось. Противъ самого же принципа коопераціи онъ не выдвигаетъ возраженій. «Созданіе кооперативныхъ товариществъ, *при помощи государства,*—писалъ Марксъ,—не имѣетъ ничего общаго съ соціалистической борьбой. Что же касается современныхъ кооперативовъ, то они имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они являются собственнымъ созданіемъ работниковъ, не получающихъ помощи ни отъ правительства, ни отъ буржуазіи» **).

Изъ всего предыдущаго анализа сужденій объ аграрномъ вопросѣ на конгрессахъ и въ литературѣ стараго Интернаціонала мы видимъ, что основные взгляды интернаціоналистовъ на этотъ вопросъ сводились къ слѣдующему:

1) Общество имѣетъ право на землю. 2) Къ общественному владѣнію землей ведетъ и соціально-экономическое развитіе, характеризуемое вытѣсненіемъ мелкой собственности и замѣной ея крупной. При этомъ въ странахъ съ мелкой крестьянской собственностью этотъ процессъ можетъ совершиться *черезъ посредство земледѣльческихъ товариществъ, объединенныхъ общинъ и т. п.* 3) Борцы за будущее не могутъ ждать, пока осуществятся результаты соціально-экономической эволюціи, *а должны воздѣйствовать активно на историческій процессъ, приспособляя лишь свое воздѣйствіе къ общему направленію этой эволюціи.* Въ частности, въ области аграрныхъ отношеній они должны предпринять рѣшительные шаги для проведенія крупной реформы, основанной на націонализаціи земли. При этомъ большинство интернаціоналистовъ, пріурочивая эту реформу къ окончательному соціальному перевороту, который казался имъ дѣломъ ближайшаго будущаго, смотрѣло на постепенный ростъ коллективизма въ земледѣліи и землевладѣніи, въ настоящемъ лишь какъ на разновидность стихійной эволюціи, не рекомендуя никакихъ мѣръ для ея ускоренія. Меньшинство же (главнымъ образомъ, нѣмецкіе марксисты) считало необходимымъ и до осуществленія радикальной земельной реформы, воздѣйствовать на земледѣльческую эволюцію поощреніемъ развитія кооперативныхъ формъ труда и собственности въ земледѣліи. 4) Такъ какъ въ существующемъ строѣ всѣ пути для спасенія крестьянства закрыты, *поскольку его существованіе связано съ сохраненіемъ мелкой земельной собственности,* такъ какъ крестьянство эксплуатируютъ и давятъ тѣ же силы, которыя гнетутъ и городской пролетаріатъ, и такъ какъ предохранить крестьянство отъ неизбѣжной пролета-

*) См. Ф. Мерингъ. „Исторія Германской соціалъ-демократіи". стр. 394 русскаго изданія. Москва, 1907.

**) См. K. Marx. „A propos d'unité". Стр. 34. Paris, 1901.

ризаціи могутъ только кооперація и соціализмъ, то нужно смотрѣть на крестьянъ, какъ на рекрутовъ соціалистической арміи и дѣлать все возможное для объединенія ихъ съ городскимъ пролетаріатомъ для общей борьбы.

3. Аграрный вопросъ на конгрессахъ современнаго Интернаціонала.

Аграрный вопросъ снова былъ выдвинутъ передъ представителями международнаго соціализма лишь въ 1893 году, т. е. ровно черезъ 22 года послѣ того, какъ онъ обсуждался послѣдній разъ делегатами Интернаціонала на Лондонской конференціи. За эти 22 года много воды утекло, много произошло перемѣнъ во взглядахъ соціалистовъ на характеръ и содержаніе соціальныхъ проблемъ, на способы ихъ разрѣшенія, на «пути и средства» борьбы. Періодъ между 1872 и 1893 годами въ большей своей части былъ для соціалистовъ періодомъ тяжелыхъ испытаній жестокихъ гоненій. Послѣ трагической гибели Парижской Коммуны, раздавленной версальской солдатчиной при благосклонномъ содѣйствіи Бисмарка, волна реакціи прокатилась съ неудержимой силой по всей Европѣ.

Свободное слово и мысль душились, соціалисты подвергались свирѣпымъ преслѣдованіямъ и карамъ не только во Франціи, гдѣ на развалинахъ наполеоновской имперіи буржуазія воздвигла свое господство, не только въ Германіи, гдѣ удачная война и національное объединеніе создали атмосферу крайняго національзма и шовинизма и укрѣпили надолго позиціи господствующихъ классовъ, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ странъ: въ Австріи, Италіи, Бельгіи, Испаніи и т. д. Даже такія демократическія страны, какъ Англія и Швейцарія, отчасти были захвачены общимъ потокомъ. Стоитъ только пересмотрѣть газеты того времени, чтобы убѣдиться въ этомъ. Наиболѣе затяжнымъ и тяжелымъ періодъ реакціи былъ во Франціи, и въ особенности въ Германіи, гдѣ въ 1878 году, послѣ послѣдовавшихъ одно за другимъ покушеній Нобилинга и Геделя на жизнь императора, былъ изданъ спеціальный законъ противъ соціалистовъ, существовавшій почти 12 лѣтъ и совсѣмъ было разбившій всю соціалъ-демократическую организацію, которую съ трудомъ удалось возсоздать лишь въ началѣ 80-хъ годовъ. Но соціалистическая идея слишкомъ живуча, слишкомъ тѣсно связана съ общимъ теченіемъ соціальной жизни, чтобы ее можно было задушить насиліемъ. Подъ перекрестнымъ огнемъ реакціонныхъ атакъ соціалистическое движеніе, правда, казалось кое-гдѣ совсѣмъ задавленнымъ, но затѣмъ снова возрождалось, и соціалистическія партіи въ общемъ росли и втягивали въ сферу своего вліянія все болѣе и болѣе широкія массы. Однако, на идейной эволюціи соціализма яростное нападеніе реакціи и та страшно тяжелая борьба, требовавшая чрезвычайнаго напряженія всѣхъ силъ, которую пришлось вести про-

тивъ нея, оказали глубокое вліяніе. Прежнія иллюзіи о возможности въ близкомъ будущемъ революціоннаго переворота, о мощи рабочаго класса, о сравнительной слабости буржуазіи должны были разсѣяться. Стало ясно, что силы, на которыя опирается буржуазное общество, еще огромны и могучи, что борьба противъ этихъ силъ требуется долгая и упорная и что отъ победы надъ ними еще очень далеко.

Вмѣстѣ съ этимъ стала испаряться и безграничная вѣра въ творческую способность личности, въ возможность путемъ планомѣрнаго вмѣшательства организованной воли «живыхъ агентовъ исторіи — людей» ускорить матеріальную эволюцію, въ возможность придти болѣе сокращеннымъ путемъ къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ ведетъ объективный ходъ вещей, логика исторіи. Годы тяжелыхъ испытаній, нерѣдкія пораженія, покупавшіяся дорогою цѣной побѣды, многочисленныя жертвы, и на ряду съ этимъ почти незыблемыя твердыни реакціи — все это содѣйствовало тому, что отъ недооцѣнки силы сопротивленія стараго общества перешли къ ея переоцѣнкѣ. Многимъ начало казаться, что фундаментъ, на которомъ зиждется это общество, такъ солиденъ и крѣпокъ, защищенъ такой толстой броней, что усилія личностей, старающихся опередить теченіе исторіи, ничего противъ него подѣлать не смогутъ, что они разобьются о него, какъ разбиваются о скалы морскія волны. Но у сторонниковъ и теоретиковъ трудового міровоззрѣнія оставалась еще вѣра въ историческій процессъ, обрекающій на гибель современный строй и неуклонно ведущій къ новымъ общественнымъ формамъ. И вотъ, подъ вліяніемъ перечисленныхъ причинъ, всѣ надежды и упованія соціалистовъ начали переноситься *исключительно* въ эту плоскость. Личность была сведена съ того высокаго пьедестала, на который ее раньше поставили, ее помѣстили на запяткахъ исторической колесницы и отвели ей скромную роль: «облегчать роды» будущаго общества, которое будетъ подготовлено и создано само собой, автоматическимъ развитіемъ производительныхъ силъ въ рамкахъ капиталистичего строя.

Результаты этой эволюціи западно-европейской соціалистической мысли не преминули, конечно, сказаться на теоретическихъ построеніяхъ соціалистовъ и на ихъ тактическихъ пріемахъ, но наиболѣе рѣзкимъ и радикальнымъ образомъ они отразились на ихъ аграрной политикѣ. Ожидая освобожденія человѣчества *исключительно* отъ развитія историческаго процесса, понимаемаго какъ развитіе капитализма, и вѣря въ неизбѣжность капитализаціи не только индустріи, но и сельскаго хозяйства, соціалисты этого періода не могли, оставаясь вѣрными самимъ себѣ, предпринять въ этой послѣдней области никакихъ активныхъ шаговъ, ибо вѣдь и образованіе земледѣльческихъ товариществъ и общинъ есть проявленіе иниціативно-творческой способности лю-

дей, борющихся противъ объективной силы съ надеждой на побѣду. Оставалось поэтому только терпѣливо ждать, пока большинство крестьянъ перейдетъ въ ряды пролетаріата, а земля въ руки капиталистовъ, которые и организуютъ производство въ широкихъ размѣрахъ и тѣмъ самымъ подготовятъ и въ земледѣліи матеріальный базисъ для будущаго идеальнаго строя. На такую точку зрѣнія въ аграрномъ вопросѣ соціалистовъ, быть можетъ, незамѣтно для нихъ самихъ толкали еще и другія причины. Подъ вліяніемъ репрессій соціалистическая пропаганда не могла, конечно, разбрасываться. Въ пылу борьбы, когда приходилось защищать шагъ за шагомъ свои позиціи въ городахъ, некогда было думать о деревнѣ; нужно было сосредоточить усилія въ тѣхъ центрахъ, гдѣ можно было ждать максимума результатовъ. И соціалистическое движеніе поневолѣ замкнулось въ городахъ. Всѣ благія намѣренія относительно крестьянства были забыты. Предоставленное самому себѣ, не получая никакого здороваго идейнаго воздѣйствія, кромѣ развращающей пропаганды не дремавшей реакціи и ея вѣрнаго союзника, духовенства, крестьянство, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, постепенно превращалось въ пассивное орудіе въ рукахъ правящихъ классовъ. Это обстоятельство содѣйствовало тому, что въ соціалистическихъ кругахъ, въ особенности тѣхъ странъ, гдѣ промышленное развитіе шло быстрымъ темпомъ, начало вырабатываться отрицательное и прямо враждебное отношеніе къ крестьянству, которое нѣкоторые теоретики стали даже причислять къ лагерю буржуазіи.

Въ связи съ охарактеризованной выше общей эволюціей соціалистической мысли, указанныя причины должны были привести соціалистовъ къ полному игнорированію аграрнаго вопроса и къ отрицанію за крестьянствомъ способности къ воспріятію передовыхъ идей вѣка. Знаменитая фраза объ «анти-коллективистическомъ черепѣ крестьянина», брошенная ея авторомъ въ моментъ вполнѣ объяснимаго, но несправедливаго и необдуманнаго раздраженія противъ «людей деревни», снова начала получать права гражданства. Такое отношеніе къ крестьянству одно время господствовало, за рѣдкими исключеніями, почти во всѣхъ соціалистическихъ партіяхъ. Но это продолжалось недолго, какъ общее явленіе. Тамъ, гдѣ царство реакціи прекратилось ранѣе, гдѣ удалось отстоять въ концѣ концовъ болѣе или менѣе широкія политическія вольности, гдѣ вмѣстѣ съ этимъ начало замѣчаться все большее и большее тяготѣніе крестьянства къ демократіи, и гдѣ, вдобавокъ, развитіе промышленности и ожидавшееся разслоеніе деревни не шло такими гигантскими шагами, какъ это предполагалось въ теоріи,—аграрный вопросъ снова всталъ въ категорической формѣ передъ соціалистами, которые постепенно начали возвращаться къ той позиціи, которую занималъ по отношенію къ этому вопросу старый Интернаціоналъ. Такую эволюцію совершили раньше всѣхъ соціалисты Бельгіи и Франціи. Но и въ тѣхъ странахъ, которымъ еще не

удалось сбросить окончательно господство реакціи, и которыя къ тому же быстро шествовали по пути капиталистическаго развитія, въ извѣстной степени оправдывая схему Маркса, наиболѣе дальновидные теоретики трудового міровоззрѣнія также выдвинули на очередь забытый аграрный вопросъ, на который, вопреки всѣмъ новымъ теоріямъ, жизнь наталкивала партію.

Ихъ усилія не привели, однако, къ тѣмъ результатамъ, которыхъ они добывались. Дѣло въ томъ, что въ указанныхъ странахъ (преимущественно въ Германіи и въ Австріи) большинство теоретиковъ, выступившихъ въ защиту крестьянства и требовавшихъ пересмотра партійныхъ представленій объ аграрномъ вопросѣ, аргументировали тѣмъ, что индуктивное изслѣдованіе сельскаго хозяйства обнаружило факты, стоящіе въ полномъ противорѣчіи съ теоріей неизбѣжности его капитализаціи со всѣми сопряженными съ этимъ процессомъ послѣдствіями. Отсюда они выводили, что надѣяться на объективный ходъ вещей, который сдѣлаетъ за насъ наше дѣло въ аграрной области, не приходится, что партіи необходимо выработать активную политику аграрныхъ реформъ и стремиться вербовать въ свои ряды крестьянство. Но эти теоретики принадлежали къ направленію, получившему названіе бернштейніанства. Они распространяли свой скептицизмъ относительно неминуемости концентраціи и пролетаризаціи не только на сельское хозяйство, но и на другія отрасли производства. Вмѣстѣ съ этимъ, оставаясь вѣрными установившемуся взгляду на малое значеніе личности, они, развивая логически свои положенія, проповѣдовали необходимость отказаться отъ непримиримой классовой борьбы, которая, по ихъ мнѣнію, ничего не могла дать положительнаго, не опираясь на непреоборимую соціально-экономическую эволюцію, стихійное движеніе которой въ сторону коллективизма они отрицали. Они предлагали поэтому строить партійную тактику на соглашеніяхъ и союзахъ съ передовыми фракціями буржуазіи, для завоеванія и отстаиванія реформъ, которыя однѣ только могли, по ихъ мнѣнію, подготовить постепенно новый строй. Однимъ словомъ, вмѣсто революціи они выдвинули реформу, а вмѣсто высшей конечной цѣли, долженствующей освѣщать дорогу сознательнымъ элементамъ трудовыхъ массъ и служить имъ путеводной звѣздой,—движеніе въ пользу реформъ, знаменитое «Das Ziel ist nichts, die Bewegung alles». Въ этой проповѣди соціалисты лѣваго крыла увидѣли покушеніе на самую сущность соціализма, увидѣли попытку сбить рабочее движеніе съ прямого пути въ дебри оппортунизма. И вотъ, поскольку реформисты выводили свое отрицаніе классовой борьбы и рекомендовавшуюся ими реформистскую тактику изъ крушенія марксистской догмы, изъ факта неоправданія дѣйствительностью марксовой схемы общественнаго развитія, основанной на капитализаціи всѣхъ отраслей производства, сопровождаемой все увеличивающимся ростомъ классовыхъ противорѣчій, распаденіемъ общества на два

рѣзко отграниченныхъ класса и сосредоточеніемъ всѣхъ богатствъ и капиталовъ въ рукахъ незначительнаго меньшинства,—постольку же теоретики, стоявшіе на стражѣ соціалистическихъ принциповъ, стремились выбить фундаментъ изъ подъ этой аргументаціи, доказывая, наоборотъ, правильность теоріи Маркса, ея полное соотвѣтствіе явленіямъ жизни. Для подкрѣпленія своей позиціи, эти ортодоксальные теоретики вынуждены были оттѣнять какъ можно рѣзче теорію капитализаціи, обострять ее, хотя бы путемъ игнорированія фактовъ дѣйствительности. Рѣшеніе ихъ спора съ реформистами о характерѣ тактики было поставлено ими исключительно въ зависимость отъ того, совершается или не совершается соціально-экономическое развитіе по тому плану, который начерталъ Марксъ, такъ какъ и они такъ же, какъ и реформисты, исходили изъ слабости личности, не вѣрили болѣе въ ея способность къ самостоятельному соціальному творчеству. Все это неизбѣжно должно было привести ихъ къ подчеркиванію ихъ рѣзко отрицательнаго отношенія къ крестьянству, ихъ доктринерской непримиримости въ аграрномъ вопросѣ. Такъ оно въ дѣйствительности и случилось.

Цюрихскій конгрессъ состоялся какъ разъ въ періодъ, когда соціалистическая мысль, послѣ довольно долгаго промежутка, снова стала работать надъ аграрнымъ вопросомъ, когда въ однѣхъ странахъ уже начало замѣчаться среди соціалистовъ стремленіе къ переходу въ этомъ вопросѣ на точку зрѣнія стараго Интернаціонала, а въ другихъ проявились только первые симптомы глухой борьбы, начинавшейся между двумя охарактеризованными выше теченіями. Аграрный вопросъ на этомъ конгрессѣ, точно такъ же, какъ и на конгрессѣ Лозанскомъ, не фигурировалъ въ порядкѣ дня, онъ былъ возбужденъ по иниціативѣ румынской делегаціи, представившей спеціальный докладъ, въ которомъ проводилась идея о необходимости работы въ крестьянствѣ и горячо защищалась національзація земли. Въ Румыніи имѣло мѣсто грандіозное крестьянское движеніе, съ лозунгомъ: распродажа крупно-владѣльческихъ земель крестьянамъ. Результатомъ этого движенія явилось вотированіе парламентомъ закона, въ извѣстной, хотя очень слабой степени дававшаго крестьянамъ удовлетвореніе. Но такъ какъ соціалисты знали, что никакіе надѣлы земли въ частную собственность не спасутъ крестьянства, ибо ихъ участки неминуемо будутъ проглочены крупнымъ владѣніемъ, то они, естественно, должны были пойти въ деревню и разъяснять крестьянамъ, что единственное ихъ спасеніе въ экспропріаціи крупной земельной собственности, въ уничтоженіи всякаго частнаго владѣнія землей и въ передачѣ всей земельной территоріи въ общенародную собственность. Поступать такимъ образомъ,—гласилъ докладъ,—румынскіе соціалисты должны были не только въ силу этическихъ соображеній. Надо принять во вниманіе, что Румынія—страна съ слабо развитой городской промышленностью

и вслѣдствіе этого съ крайне малочисленнымъ промышленнымъ пролетаріатомъ. Соціалистическая партія, желающая играть серьезную замѣтную роль въ Румыніи, должна поэтому искать опоры и въ крестьянствѣ, въ категорію котораго входитъ огромное большинство трудящихся. Національзацію земли румынская партія мыслила осуществимой путемъ постепеннаго выкупа государствомъ крупновладѣльческихъ земель, которыя вмѣстѣ съ государственными землями образуютъ неотчуждаемый національный земельный фондъ, изъ котораго участки будутъ сдаваться крестьянамъ, при чемъ будетъ поощряться обработка товариществами или общинами. Такое требованіе можетъ вызвать противъ насъ обвиненіе въ генри-джорджизмѣ, лассальянствѣ и т. д.,— писали въ своемъ докладѣ румыны,—но это будетъ чистѣйшее недоразумѣніе. «Въ дѣйствительности мы не видимъ въ этой реформѣ окончательнаго рѣшенія вопроса, но только лишь переходную мѣру, какъ, напримѣръ, требованіе 8-мичасового рабочаго дня» *). Противники національзаціи земли указываютъ еще, что осуществленіе этого требованія можетъ дать въ руки буржуазнаго правительства чрезвычайно опасное орудіе угнетенія. На это докладъ вполнѣ резонно отвѣчалъ, что, очевидно, національзацію земли можно будетъ осуществить лишь путемъ могучаго давленія организованнаго и просвѣщеннаго соціалистами народа. «Наличность народной организаціи, построенной согласно нашимъ принципамъ, явится самой лучшей гарантіей противъ всякихъ реакціонныхъ попытокъ буржуазіи». Въ заключеніи доклада указывалось на то, что настало для соціалистовъ время заняться «своимъ арьергардомъ», крестьянствомъ, и удѣлять аграрному вопросу серьезное вниманіе на конгрессахъ.

Румынскій докладъ встрѣтилъ въ общемъ сочувствіе конгрессистовъ, ибо какъ сторонники активной работы въ крестьянствѣ, такъ и тѣ, которые практически занимали уже противоположную позицію и начинали теперь задумываться надъ необходимостью обосновать эту позицію теоретически, одинаково сходились во мнѣніи, что обсужденіе аграрнаго вопроса международнымъ соціализмомъ какъ-то застыло на мертвой точкѣ, и что необходимо такъ или иначе дать этому вопросу опредѣленное рѣшеніе въ ту или иную сторону. Аграрная коммиссія конгресса предложила резолюцію исключительно теоретическаго характера, въ которой отсутствовали какія бы то ни было указанія о практическихъ мѣрахъ для рѣшенія аграрнаго вопроса, но составленную въ духѣ самыхъ горячихъ сторонниковъ крестьянства. Резолюція эта и была принята конгрессомъ. Вотъ ея содержаніе: «Конгрессъ подтверждаетъ право коллективности на поверхность и нѣдра земли. Конгрессъ заявляетъ, *что одною изъ главнѣйшихъ обязанностей соціальной демократіи*

*) Congrés socialiste international de 1893 à Zurich, стр. 3—10.

всѣхъ странъ является организація земледѣльческихъ работниковъ, равно какъ и работниковъ индустріи, и привлеченіе ихъ въ ряды великой арміи мірового соціализма. Конгрессъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ національностямъ представить къ слѣдующему конгрессу доклады относительно успѣховъ пропаганды въ деревнѣ и объ аграрномъ положеніи ихъ странъ вообще. Доклады должны содержать въ себѣ и указанія средствъ и методовъ пропаганды среди различныхъ категорій земледѣльческихъ работниковъ: батраковъ, *мелкихъ собственниковъ* и половинщиковъ. Конгрессъ постановляетъ, чтобы аграрный вопросъ, въ виду его чрезвычайной важности, а также въ виду того, что ему до сихъ поръ удѣлялось мало вниманія на международныхъ конгрессахъ, фигурировалъ въ порядкѣ дня слѣдующаго конгресса и во главѣ этого порядка дня» *).

Докладчикъ аграрной коммиссіи, французскій делегатъ Жакларъ, обосновывая эту резолюцію, доказывалъ огромную важность привлеченія крестьянъ на сторону соціализма, что на его взглядъ представлялось дѣломъ вполнѣ возможнымъ. Раньше, говорилъ онъ, соціалисты не обращались къ крестьянству только потому, что они представляли себѣ его, какъ самую могучую опору реакціи, какъ наиболѣе неприступную реакціонную крѣпость. Но жизнь расшатала этотъ взглядъ на крестьянство. И во Франціи, и въ Англіи соціалистическая агитація въ деревнѣ дала уже значительные результаты, что выразилось, между прочимъ, въ избраніяхъ крестьянами соціалистовъ въ депутаты и муниципальные совѣтники. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что брешь, пробитая соціалистической агитаціей въ крестьянствѣ, будетъ расширяться все больше и больше. Тотъ фактъ, что коммиссія не сочла возможнымъ и нужнымъ перечислить въ своей резолюціи опредѣленные способы дѣйствія въ аграрной области, докладчикъ объяснилъ тѣмъ, «что, по мнѣнію коммиссіи, аграрный вопросъ, какъ вопросъ чрезвычайно важный, требуетъ особаго вниманія, а времени у конгресса осталось мало. Поэтому коммиссія и предлагаетъ отложить его болѣе обстоятельное обсужденіе и рѣшеніе до слѣдующаго конгресса» **).

Этотъ слѣдующій конгрессъ и состоялся черезъ три года въ Лондонѣ. Но за эти два года охарактеризованныя выше теченія соціалистической мысли въ аграрномъ вопросѣ успѣли уже довольно ясно опредѣлиться, а въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ эти теченія существовали, вступить и въ открытое столкновеніе. Это обстоятельство особенно ясно обнаружилось послѣ партейтага германской соціалъ-демократіи въ Бреславлѣ и Нантскаго конгресса французскихъ соціалистовъ. Аграрная коммиссія Лондонскаго конгресса не могла поэтому не замѣтить, что она стоитъ передъ

*) Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeitercongresses in der Tonhalle Zurich von 6 bis 12 Auguste 1893, стр. 48.

**) Цитирую по Revue Socialiste, septembre 1893, такъ какъ въ нѣмецкомъ отчетѣ всѣ рѣчи переданы только вкратцѣ.

трудно разрѣшимой задачей: объединить вокругъ опредѣленнаго рѣшенія аграрнаго вопроса соціалистовъ всѣхъ странъ при наличности какъ въ интернаціональномъ соціализмѣ, такъ и въ нѣдрахъ національныхъ соціалистическихъ партій рѣзко расходящихся взглядовъ на основное содержаніе этого вопроса. Было ясно, что при настойчивомъ желаніи заставить конгрессъ заняться обсужденіемъ и выработкой такого рѣшенія можно было вызвать страстныя пренія, обострить разногласія и т. д. А Лондонскій конгрессъ и безъ того раздирался безконечными распрями анархистовъ и соціалистовъ къ великой радости буржуазной прессы. Коммиссія рѣшила поэтому выдѣлить временно аграрный вопросъ изъ сферы компетенціи международныхъ конгрессовъ, не высказываясь опредѣленно въ пользу того или иного его рѣшенія. Докладчикъ аграрной коммиссіи, Вандервельдъ, выяснилъ это въ своей рѣчи, произнесенной въ защиту предложенной коммиссіей резолюціи. «Коммиссія,—сказалъ онъ,—была единодушна въ признаніи за каждой соціалистической партіей полной самостоятельности въ рѣшеніи аграрнаго вопроса соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ. На собраніи коммиссіи очень скоро стало ясно, какъ широко расходились представители различныхъ странъ въ рѣшеніи аграрнаго вопроса; это показалъ, между прочимъ, и конгрессъ германской соціалъ-демократіи въ Бреславлѣ. Но всѣ сходились на признаніи основного принципа о необходимости перехода капиталистической собственности въ коллективистическую» *). Далѣе, указавъ на то, что аграрное положеніе разныхъ странъ глубоко разнится, Вандервельдъ сообщилъ, что въ виду всѣхъ этихъ соображеній, коммиссія держится того мнѣнія, что аграрный вопросъ въ цѣломъ еще не созрѣлъ, и что еще не настало время для выработки общаго для всѣхъ опредѣленнаго образа дѣйствій въ крестьянствѣ. Закончилъ свою рѣчь Вандервельдъ все же въ духѣ сторонниковъ крестьянства, заявивъ, «что недалекъ уже тотъ день, когда городской рабочій и крестьянинъ соединятся другъ съ другомъ и сообща выступятъ противъ капиталистической эксплуатаціи» **).

Резолюція, предложенная коммиссіей была принята огромнымъ большинствомъ послѣ незначительныхъ преній, вызванныхъ главнымъ образомъ меньшинствомъ англійской делегаціи, которое хотя и соглашалось съ общими положеніями аграрной коммиссіи, однако находило нужнымъ перечислить въ резолюціи кое-какія практическія мѣры. Съ этой цѣлью меньшинствомъ предложенъ рядъ такихъ мѣръ. На первомъ планѣ стояла при этомъ націонализація желѣзныхъ дорогъ для облегченія доступа въ города безработныхъ батраковъ. Предложеніе меньшинства было отвергнуто конгрессомъ въ виду того, что рекомендовавшіяся мѣры касались

*) International Socialist workers und trade unions congress. London стр. 27-ая.

**) Тамъ же.

исключительно Англіи. Что касается самой резолюціи, принятой конгрессомъ, то она начиналась указаніемъ, что бѣдствія земледѣльца прекратятся только въ соціалистическомъ обществѣ, а затѣмъ гласила, что «экономическія условія и дѣленіе земледѣльческаго населенія на категоріи *) представляютъ въ разныхъ странахъ большую пестроту, и что поэтому выработка общей формулы, которая диктовала бы всѣмъ рабочимъ партіямъ одинаковыя средства для осуществленія своего идеала и которая могла-бы быть примѣняема ко всѣмъ классамъ, заинтересованнымъ въ этомъ осуществленіи, затрудняется. Но каждая партія имѣетъ передъ собою важную неотложную задачу: организацію земледѣльческаго пролетаріата противъ тѣхъ, кто его эксплуатируютъ. Поэтому конгрессъ заявляетъ, что необходимо предоставить различнымъ партіямъ самостоятельно вырабатывать средства борьбы, приспособленныя къ положенію ихъ странъ». Далѣе шли указанія на необходимость созданія спеціальныхъ аграрныхъ коммиссій въ каждой странѣ для сбора и централизаціи документовъ и свѣдѣній, касающихся аграрнаго вопроса и т. п. **) .Резолюція эта, *не заключающая, однако, отрицательныхъ взглядовъ на крестьянство*, была своего рода дипломатической ширмой для сокрытія существовавшихъ въ международномъ соціализмѣ *принципіальныхъ* разногласій по аграрному вопросу. Ибо совершенно ясно, что если аграрное положеніе различныхъ странъ далеко не является одинаковымъ, то это можетъ отразиться только на содержаніи аграрной программы, но ничуть не затрудняетъ выработки общихъ руководящихъ принциповъ аграрной политики, какъ не затрудняетъ различіе въ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ разныхъ странъ выработки общихъ руководящихъ принциповъ соціально-политической дѣятельности соціалистовъ и т. п.

Но именно потому, что Лондонскій конгрессъ не нашелъ возможнымъ принять резолюцію по аграрному вопросу, могущую удовлетворить всѣхъ соціалистовъ, этотъ конгрессъ является этапомъ въ эволюціи международной соціалистической мысли въ аграрномъ вопросѣ, этапомъ, обозначающимъ *сформированіе* рѣзко противоположныхъ направленій въ этой области теоріи и дѣятельности соціализма. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что уже на Лондонскомъ конгрессѣ крестьянофильское направленіе, не только реформистское, но и *революціонное*, было представлено довольно сильно и насчитывало значительное число сторонниковъ.

Послѣ Лондонскаго конгресса аграрный вопросъ болѣе не выдвигался на обсужденіе представителей международнаго соціализма, хотя и обсуждался на цѣломъ рядѣ національныхъ конгрессовъ. Причиною

---

*) Первоначально въ проектѣ резолюціи значилось „дѣленіе *пролетаріата на категоріи*“, что предполагало исключеніе крестьянъ-собственниковъ. По предложенію Поля Лафарга слово „пролетаріатъ“ было замѣнено словомъ „населеніе“.

**) Тамъ же, стр. 54.

этому было то обстоятельство, что разногласія и расхожденія въ этомъ вопросѣ среди соціалистовъ, побудившія Лондонскій конгрессъ выдѣлить его изъ сферы компетенціи международныхъ конгрессовъ, не только не исчезли, но, наоборотъ, еще болѣе обострились. То направленіе въ соціализмѣ, которое окончательно оформило теоретически свое отрицательное отношеніе къ крестьянству, не признавало его революціоннымъ классомъ и отвергало необходимость практической работы въ деревнѣ, получило, правда, отъ жизни не мало сильныхъ и больныхъ ударовъ, разрушившихъ цѣльность и стройность выдвигавшейся имъ схемы. Но его теоретики упорно не желаютъ сдаваться, предпочитая вводить въ свои застывшія формулы совершенно иное, отличное отъ прежняго содержаніе, но держась геройски старой догмы. Это направленіе, какъ извѣстно, выражено сильно, главнымъ образомъ или, вѣрнѣе, исключительно, въ Германіи и у насъ въ Россіи. Книга Каутскаго «Аграрный вопросъ» и явилась попыткой со стороны этого направленія примирить свою теорію съ жизнью путемъ внесенія въ теорію цѣлаго ряда поправокъ, сильно измѣнившихъ ея прежній характеръ.

Что касается противоположнаго направленія *), то оно охватываетъ въ настоящее время большинство соціалистическихъ партій При чемъ однѣ партіи рѣшили аграрный вопросъ въ сторону положительнаго отношенія къ крестьянству и необходимости борьбы за рядъ радикальныхъ аграрныхъ требованій еще въ существующемъ обществѣ, требованій, могущихъ создать въ сельскомъ хозяйствѣ матеріальныя и моральныя предпосылки соціализма: другія же партіи только приближаются болѣе или менѣе быстрымъ темпомъ къ такому рѣшенію. И характерно, что быстрота этого темпа находится, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ быстротой эволюціи данной страны въ сторону политическаго освобожденія и демократизаціи, а также и со степенью развитія самодѣятельности народныхъ массъ, участі крестьянства въ соціальныхъ и политическихъ событіяхъ и значительности той роли, которую оно въ нихъ играетъ. Нѣкоторое значеніе здѣсь имѣютъ также размѣры и степень капитализаціи сельскаго хозяйства. Внимательное изученіе, въ каждой странѣ отдѣльно, эволюціи соціалистической мысли въ аграрномъ вопросѣ о политической и соціально-экономической эволюціи крестьянства обнару-

*) Во взглядахъ на соціально-экономическую эволюцію сторонники этого направленія распредѣляются между тремя тенденціями: 1) тенденція, приближающаяся къ взглядамъ стараго интернаціонала, т. е. „или пролетаризація или кооперація"; 2) тенденція реформистская, Бернштейновскаго оттѣнка, отрицающая категорически концентрацію и пролетаризацію и, наконецъ, 3) тенденція, отрицающая пролетаризацію во всѣхъ областяхъ сельскаго хозяйства, но признающая ее въ нѣкоторыхъ его областяхъ, а также все большее и большее же подчиненіе капиталу земледѣльческаго производства.

живаетъ съ необычайной ясностью не только это соотвѣтствіе, но и обусловившія его причины. Этому изученію, какъ мы уже указывали въ началѣ статьи, нами посвящается спеціальная работа *).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что эволюція западно-европейской соціалистической мысли въ области аграрнаго вопроса пошла по пути діалектическаго развитія. Отъ признанія крестьянства, какъ важнаго фактора борьбы за соціализмъ, она пришла къ его отрицанію, а отъ отрицанія возвращается, а отчасти уже вернулась, къ его новому признанію. Діалектика Маркса, воистину, нигдѣ не оправдалась такъ блестяще, какъ въ исторіи этой эволюціи.

Е. Сталинскій.

*) Мы не разсматривали въ настоящемъ очеркѣ литературы современнаго Интернаціонала по аграрному вопросу въ виду того, что литература эта очень обширна и богата и разборъ ея не можетъ уложиться въ рамки небольшой журнальной статьи.

УБІЙЦА.

Разсказъ *Ад. Вильбрандта*.

Пер. съ нѣмецкаго С. Б. (С. А. Иванчиной-Писаревой).

Докладъ приходилъ къ концу. Тайный совѣтникъ Альбертъ Руландъ читалъ объ администраціи Германіи по сравненію съ другими культурными странами. Докладъ имѣлъ успѣхъ, въ значительной мѣрѣ благодаря самой личности оратора. Интересная, тонко очерченная, красивая голова на крѣпкомъ туловищѣ, спокойный, ясный и проникновенный голосъ, какимъ произносились удачно построенныя, подчасъ длинныя фразы, съ несомнѣнной увѣренностью приходившія къ опредѣленному концу, производили двойное впечатлѣніе на зрѣніе и слухъ большинства слушателей, особенно женщинъ, и дѣйствовали сильнѣе, чѣмъ содержаніе доклада, не слишкомъ занимательнаго. Всякая, кстати вставленная, шутка принималась съ благодарностью; съ признательностью отнеслись и къ преувеличенному восхваленію нѣмецкихъ порядковъ. По окончаніи доклада раздалось шумное одобреніе; Руландъ граціозно раскланялся.

Вѣроятно, онъ былъ самымъ молодымъ тайнымъ совѣтникомъ въ столицѣ; во всякомъ случаѣ, самымъ яркимъ и отраднымъ явленіемъ между ними. Когда залъ нѣсколько опустѣлъ, къ докладчику подошли его многочисленные друзья и знакомые, чтобы выразить ему свою признательность или, выражаясь парламентскимъ языкомъ, поздравить его съ успѣхомъ. Для каждаго изъ нихъ у Руланда нашлось любезное слово благодарности или ласковый взглядъ. Тѣмъ не менѣе, онъ съ удовольствіемъ вышелъ на улицу: его томили жажда и голодъ. Накинувъ на плечи пальто—было еще холодно, несмотря на первые проблески весны,—онъ направился къ такъ называемому „Зимнему саду", ресторану отеля, гдѣ въ качествѣ холостяка часто ужиналъ.

Въ одномъ изъ уютныхъ, отдѣленныхъ отъ главнаго зала,

уголковъ сидѣли уже трое его пріятелей-холостяковъ, въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, какъ и онъ, за бутылкой мозельвейна, составлявшаго и его обычный напитокъ. Они тоже были въ засѣданіи и по окончаніи доклада пришли сюда. Они встрѣтили его возгласами одобренія, рукопожатіями, привѣтливыми словами, но просто и спокойно, какъ истинные нѣмцы.

Къ тому же они знали, что Руландъ, „гармоническій“, какъ они называли его иногда, не терпѣлъ преувеличенныхъ и многословныхъ похвалъ. Во всемъ: во мнѣніяхъ, въ разговорахъ, въ соглашеніяхъ и возраженіяхъ онъ любилъ извѣстную среднюю температуру, какую—онъ былъ увѣренъ—найдетъ здѣсь и какою, дѣйствительно, повѣяло отъ начавшейся оживленной и серьезной бесѣды.

— Мнѣ особенно понравилось въ твоемъ докладѣ то,—сказалъ адвокатъ Гаммеръ,—что ты ни словомъ не обмолвился о нѣмецкомъ величіи: какой мы великій народъ! И, тѣмъ не менѣе, мало по малу это выступало изъ всей вереницы фактовъ... А вѣдь, дѣйствительно, у насъ недурно... Правда, мы дѣлаемъ много глупостей: въ нихъ нѣтъ недостатка. Но все же лучше жить въ нѣмецкой странѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было... Ты разъяснилъ мнѣ и то, что такъ удачно привятъ нами далеко не великіе умы и не геніи, а большинство—люди средніе, но рѣшительные и добросовѣстные. А такихъ у насъ вообще больше, чѣмъ у другихъ народовъ.

— Это вѣрно,—возразилъ Руландъ,—все дѣло въ массѣ. Поэтому-то въ торговлѣ и промышленности мы опередили всѣхъ и пойдемъ еще дальше. Какъ другимъ догнать насъ? Въ теченіе полутораста лѣтъ мы тихо и скромно образованіемъ и трудолюбіемъ накопляли исполинскій капиталъ и теперь, наконецъ, видимъ, что мы богаты... Можетъ быть, въ теченіе слѣдующихъ ста пятидесяти лѣтъ мы будемъ жить насчетъ этого капитала.

— Тогда, пожалуй, деревья дорастутъ до небесъ,—вставилъ рыжебородый художникъ Энгельбрехтъ, веселый членъ этого умѣренно-дѣльного общества, вносившій въ него изрѣдка струю страстности.

— Вы хорошо знаете, что уже позаботились, чтобы этого не случилось,—отвѣтилъ Руландъ, засмѣявшись.

— Въ вашемъ докладѣ, мой другъ, вы, по моему, недостаточно оттѣнили только одно,—сказалъ профессоръ Паулусъ.—Вы не отмѣтили нѣмецкаго нравственнаго идеализма: категорическій императивъ въ исполненіи долга царитъ въ огромной массѣ нашего народа, и онъ-то сдѣлалъ его мужественнымъ и трудолюбивымъ. Объ этомъ можно было сказáть нѣсколько хорошихъ словъ.

— Я жду ихъ отъ васъ,—отвѣтилъ Руландъ, улыбаясь. Лицо его подернулось какъ бы легкимъ туманомъ или вуалью.

— Я приблизительно того же мнѣнія, что и вы,—продолжалъ онъ.—Но... нравственныя понятія такъ безконечно сложны, что я не рѣшаюсь касаться ихъ. Категорическій императивъ... Императивовъ такъ много. Одинъ повинуется одному, другой—другому. Всѣхъ знать нельзя.

— Да, нельзя,—повторилъ художникъ Энгельбрехтъ, положивъ локти на столъ.—Я согласенъ съ Руландомъ. Вашъ докладъ мнѣ также запалъ въ голову. Наша администрація лучше другихъ. Пусть такъ. Но какъ обстоятъ дѣла съ нравственностью?—вотъ вопросъ. Кто самый нравственный народъ? Гдѣ наиболѣе добродѣтелей и наименьшее число преступленій?

— Число преступленій опредѣляетъ статистика,—замѣтилъ сухо адвокатъ.

— Позвольте мнѣ наплевать на статистику!—громко возразилъ Энгельбрехтъ.—О какихъ преступленіяхъ говоритъ статистика? О тѣхъ, что раскрываются, о всѣхъ же прочихъ она ничего не знаетъ. Ну, а эти прочія представляютъ добрую половину!

— Энгельбрехтъ ловко преувеличиваетъ,—сказалъ профессоръ Паулусъ со смѣхомъ.

— Самое большое одинъ процентъ!—возразилъ адвокатъ Гаммеръ, разсердивъ художника своимъ невозмутимымъ тономъ.

— Самое большое одинъ процентъ!—вскричалъ онъ.—Это забавно! Мы говоримъ о нераскрытыхъ преступленіяхъ, слѣдовательно, о совершенно неизвѣстныхъ. А вы увѣреннымъ тономъ заявляете: „самое большое одинъ процентъ"!.. Думаю, вы жестоко ошибаетесь. Число преступленій, отмѣчаемыхъ статистикой, зависитъ исключительно отъ того, много ли людей умѣетъ молчать. Эта мысль и пришла мнѣ въ голову во время доклада. Кто изъ народовъ умѣетъ лучше молчать, у того и меньше преступленій въ теченіе дня. Относительно германцевъ, приводящихъ насъ въ восторгъ, я доженъ сказать: если бы статистика на нашей планетѣ велась архангелами, то за нами, какъ и за всѣми нѣмцами, было бы записано не мало долговъ, потому что мы молчимъ гораздо больше, чѣмъ другіе. Итальянецъ, французъ склоненъ къ болтовнѣ; у нихъ и обнаруживаются преступленія, по крайней мѣрѣ, по одному въ день. Нѣмецъ же готовъ держать языкъ за зубами даже передъ статистикой архангела, чтобы ввести ее въ заблужденіе... Я думаю, что передъ Богомъ мы—наихудшій изъ народовъ.

Профессоръ Паулусъ пожалъ плечами.

— Возможно,—сказалъ онъ.—Но тутъ еще является вопросъ: такъ ли ужъ безнравственно это молчаніе германцевъ? Пусть тотъ или другой поступокъ достоинъ наказанія по буквѣ закона, но плохъ-ли онъ на самомъ дѣлѣ? Нѣмецъ упрямъ; часто, быть можетъ, онъ молчитъ, потому что не считаетъ вовсе предосудительнымъ то, что сдѣлалъ. Это осуждаетъ *свѣтъ*, но не онъ. Онъ не желаетъ отдавать себя на судъ не только закону, но даже и обществу. Онъ хочетъ цѣлымъ и невредимымъ дожить до своего конца. „Я это сдѣлалъ,—говоритъ онъ,—ну и оставьте меня въ покоѣ". Такъ это бываетъ сплошь и рядомъ. Протестанты изъ германцевъ способны на это, да и всѣ нѣмцы, конечно.

— Да вѣдь это моя мысль!—вскричалъ художникъ.—О чемъ я говорилъ? О нѣмцахъ, способныхъ надуть самого чорта, повинующихся собственному императиву, какъ говоритъ Руландъ, плюющихъ на сводъ законовъ и обычай, какъ я на статистику. Кто вскрылъ бы всѣ нѣмецкіе черепа, тотъ, навѣрное, диву бы дался!

— Но что вы, собственно, хотите сказать?—спросилъ адвокатъ.—Разъ нѣмцы способны надуть самого чорта, то какимъ же образомъ они передъ Богомъ наихудшіе? Простите, я не вижу тутъ логики.

Рыжебородый Энгельбрехтъ весь покраснѣлъ, что съ нимъ случалось довольно часто.

— Ладно, пусть нѣтъ логики,—отвѣтилъ онъ,—къ чорту логику! Я, господа, хотѣлъ только наплевать на статистику. Я хотѣлъ сказать этому юристу: мы многаго не знаемъ. Человѣчество полно тайнъ, какъ поле сорныхъ травъ. Мы никогда не разрѣшимъ этого вопроса, ибо молчатъ не только могилы, но и живые люди... Дорогой Руландъ, вы молчите. Правъ я или нѣтъ?

Руландъ улыбнулся ему черезъ столъ.

— Я былъ занятъ ѣдой,—отвѣтилъ онъ.—Я вполнѣ согласенъ съ вами и съ Паулусомъ: очень многое замалчивается, потому что люди судятъ сами себя и не осуждаютъ. Но молчимъ ли мы вообще лучше другихъ народовъ?—это еще большой вопросъ; протестуемъ ли противъ законовъ, не нами установленныхъ?—это возможно! Но, милостивые государи, здѣсь мы погружаемся въ безпросвѣтную тьму предположеній и ничего больше! Тутъ матеріалъ для романистовъ. При данныхъ условіяхъ что мы, люди правительства, можемъ сдѣлать? Искусство вскрывать черепа еще не найдено; новѣйшее чтеніе мыслей еще не разработано... На сегодня ограничиваюсь однимъ стаканомъ вина; долженъ пожелать вамъ спокойной ночи и пойти немного погулять.

Онъ допилъ свой стаканъ, всталъ и привѣтливо раскланялся съ собесѣдниками.

— Такъ вы и сегодня будете бродить?—спросилъ слегка недовольнымъ тономъ Энгельбрехтъ. — Такъ поздно, ночью?

— Именно сегодня,—отвѣтилъ Руландъ,—послѣ такого возбужденнаго вечера.

— Возбужденнаго?—прервалъ его художникъ.—По поводу вашего доклада?

— Ну, да.

— Но, милѣйшій Руландъ, вы были спокойны, какъ мраморъ. Вы, несомнѣнно, спокойнѣйшій человѣкъ въ мірѣ!

Руландъ опять засмѣялся.

— Внѣшность можетъ быть обманчива. Волненіе скрыто во мнѣ.

— Въ васъ, въ такомъ „гармоническомъ“, какъ называютъ васъ! Вы можете волноваться? Да еще изъ-за такого доклада, гдѣ вамъ повинуется каждая мысль, каждое слово, возбуждая въ насъ адскую зависть?

— Повѣрьте, это у меня только такой видъ. Я цѣлыми часами трепещу изъ опасенія, какъ у меня выйдетъ; наконецъ, собираюсь съ духомъ и овладѣваю собой.

— Значитъ, ни одного человѣка нельзя знать вполнѣ, если вы только говорите правду!—воскликнулъ Энгельбрехтъ.

Руландъ поклонился молча съ полуопущеннымъ взглядомъ.

— Чистѣйшую правду! Точно такъ же, какъ и вы сказали правду: ни одного человѣка нельзя знать вполнѣ. Итакъ спокойной ночи, господа!

— Куда же вы пойдете? —спросилъ профессоръ Паулусъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Руландъ.—Мнѣ необходимо двигаться, это—главное.

— Да, мой докторъ совѣтуетъ мнѣ то же, но я не исполняю... Въ такую тьму! Зимою!

— Вы не испытали этого, профессоръ. Ночь вообще чрезвычайно интересна; зимняя точно также. Сейчасъ поднялся влажный вѣтеръ, въ небѣ клубятся облака, бѣгутъ весенніе ручьи и таетъ послѣдній снѣгъ. Часто я шагаю цѣлыми часами.

— По берегу рѣки?—спросилъ Энгельбрехтъ.

— Да, и въ другихъ мѣстахъ... Доброй ночи!

Руландъ накинулъ пальто, надѣлъ шляпу и вышелъ.

— Неужели онъ дѣйствительно будетъ долго ходить? – послѣ короткаго молчанія замѣтилъ художникъ, понизивъ голосъ.

— Вѣроятно,—отвѣчалъ Гаммеръ.—Онъ лучшій ходокъ, какого я знаю. А я его знаю давно. Лѣтомъ иногда его можно встрѣтить на разсвѣтѣ у рѣки или въ полѣ. Бываетъ онъ и въ городскомъ паркѣ, гдѣ такъ хорошо поютъ соловьи. Тамъ оно охотно остается до наступленія утра.

— И всегда одинъ?—спросилъ Энгельбрехтъ, прищуривъ глаза.

— Да, его встрѣчаютъ только одного. Почему вы это спрашиваете?

— Такъ. Сейчасъ, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы изучать весеннюю природу, онъ могъ бы отправиться къ какой-нибудь возлюбленной. Недавно, не помню, кто-то утверждалъ, что у него таковая имѣется.

— Возможно,—проворчалъ профессоръ.—Я знаю только, что ничего не знаю; да и другіе тоже. Почему же ему и не имѣть маленькой тайны? Въ этомъ не было бы ничего удивительнаго.

— Къ тому же насъ это и не касается,—прибавилъ Гаммеръ, обладавшій въ свою очередь маленькой тайной. Чтобы перемѣнить разговоръ, онъ продолжалъ:—Кстати: мы говорили о замолчанныхъ и нераскрытыхъ преступленіяхъ. Знаете: въ семьѣ Руланда есть такое загадочное преступленіе. Оно его долго занимало и причинило много горя.

— Я никогда не слыхалъ объ этомъ,—отвѣтилъ Энгельбрехтъ, покачавъ головой.

— О, это старая исторія! Его единственная сестра, теперь жена тайнаго совѣтника Паульсена, была уже разъ замужемъ. Она страстно любила мужа, но вскорѣ между супругами пошли несогласія... Впрочемъ, это къ дѣлу не относится... Въ одинъ прекрасный лѣтній день, въ Киссингенѣ, гдѣ мужъ лѣчился, онъ былъ найденъ убитымъ. Жены съ нимъ не было. Его нашли въ его комнатѣ съ сердцемъ, проколотымъ, кинжаломъ или ножомъ. Кто совершилъ убійство—неизвѣстно. Въ домѣ видѣли какого-то бродягу, подозрительнаго вида; такъ, по крайней мѣрѣ, говорили потомъ. Но онъ исчезъ безслѣдно. Всѣ поиски оказались напрасными. Когда несчастная жена узнала о смерти мужа, она чуть не сошла съ ума. Она упрекала себя, что разсталась съ нимъ въ ссорѣ, что отравила себѣ воспоминаніе о немъ, разбила жизнь, недостаточно любила его,—словомъ, обычные упреки въ этихъ случаяхъ. Только теперь стало ясно, какъ она любила его... Ее помѣстили въ сумасшедшій домъ, а когда она пришла въ себя, Руландъ взялъ ее къ себѣ. У него она познакомилась съ Паульсе-

номъ и мало-по-малу сблизилась съ нимъ. Со вторымъ мужемъ она живетъ въ согласіи и счастьи.

— А какъ умеръ первый мужъ, такъ и не узнали?— спросилъ профессоръ.

— Не было ли тутъ мести?—замѣтилъ художникъ.

— Нѣтъ, это было убійство съ цѣлью ограбленія,—возразилъ Гаммеръ.

— Почему вы думаете?

— Всѣ деньги убитаго оказались похищенными. Его пустой бумажникъ валялся подлѣ него на полу: очевидно, убійца бросилъ его, чтобы онъ не могъ выдать его. Портмонэ исчезло. Тогда говорили, что у него были съ собой тысячи.

— А давно случилась эта исторія? — спросилъ Паулюсъ.

— Лѣтъ десять тому назадъ. Или двѣнадцать...Да,—продолжалъ Гаммеръ,—вотъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, что, какъ камень, упалъ на дно и не всплываетъ. Господинъ убійца, конечно, останется не разысканнымъ... Годится этотъ фактъ для вашей теоріи, Энгельбрехтъ? Убійца неизвѣстенъ, но смерть все же попадетъ въ неугодную вамъ статистику.

— Ну эта, еще бы!—возразилъ художникъ.—Я говорю о многихъ другихъ, остающихся неизвѣстными. Да и кромѣ убійствъ, есть безчисленное множество преступленій. Сколько, напримѣръ, я могу ихъ совершить, а вы и знать объ этомъ не будете? Хорошенько всмотритесь въ меня, господинъ юристъ. Углубитесь въ созерцаніе моей физіономіи. Можете вы опредѣлить по ней, что у меня въ душѣ?

Паулюсъ и Гаммеръ засмѣялись. Добродушное, красное лицо художника напрасно силилось принять выраженіе бездны, полной страшныхъ тайнъ. Оба слишкомъ хорошо его знали: онъ не могъ ни совершить преступленіе, ни скрыть его.

— За ваше здоровье! — произнесъ Гаммеръ, протянувъ къ нему черезъ столъ свой стаканъ. Они выпили за „новѣйшаго Катилину“ и заговорили о другомъ.

Руландъ направился къ рѣкѣ, пересѣкавшей городъ. По обыкновенію, онъ шелъ большими шагами, пока удушливый воздухъ не заставилъ его идти тише. Южный вѣтеръ рѣшительно побѣдилъ; послѣдній снѣгъ таялъ на крышахъ, и въ тишинѣ ночи слышался шумъ падающихъ капель. На темномъ небѣ кое гдѣ сверкали одинокія звѣзды; полуопрокинутый серпъ луны, подернутый облаками, порою казался высоко поднятой лодкой, борющейся съ волнами. Созвѣздіе Оріона, занимавшее огромное пространство неба, въ разныхъ частяхъ заволакивалось обла-

ками; то видны были плечи и ноги, то скрывались плечи, за то начинали сверкать три звѣзды пояса и мелкія, блѣдныя звѣзды меча. Руландъ, очень любившій это созвѣздіе, остановился на минуту, слѣдя за этой игрой въ прятки. „Недогадливые люди!—вдругъ подумалъ онъ, мысленно возвращаясь въ „Зимній садъ".—Живешь съ ними рядомъ, споришь и разсуждаешь за бутылкой вина о „тайнахъ", точно онѣ могутъ быть только у другихъ. Какъ много тутъ юмора! Сегодня я чуть не измѣнилъ себѣ, Богъ знаетъ почему. Одно мгновеніе мнѣ хотѣлось крикнуть этимъ добрымъ людямъ: простите, но разъ я убилъ человѣка. Я тоже изъ такихъ! Да, да, да, я принадлежу къ тѣмъ, кто умѣетъ хорошо молчать, кого поэтому называютъ „гармоническимъ", кто умѣетъ заслужить всеобщее уваженіе и спокойно и прямо идти по дорогѣ жизни. Конечно, господинъ профессоръ Паулусъ, какъ и всѣ протестующіе германцы, вы не желаете попасть подъ судъ ни закона, ни общества, вы хотите невредимымъ дожить свою жизнь. Такъ оно и будетъ. И у вашего гроба или надъ могилой скажутъ: вотъ человѣкъ, достойный подражанія!"...

Тутъ онъ оборвалъ свои мысли, рѣшивъ не думать о гробѣ и могилѣ, и быстрѣе зашагалъ дальше. Онъ будетъ спокойно радоваться жизни, для него она еще въ полномъ расцвѣтѣ. Онъ чувствуетъ свою силу, здоровье во всемъ тѣлѣ, вторую молодость. Спокойный и холодный разумъ оградилъ его отъ всего. Только безумецъ можетъ выдать себя. Мудрецъ, человѣкъ съ характеромъ, владѣетъ собой и держитъ себя въ желѣзныхъ рукахъ. Кого можетъ касаться то, что онъ сдѣлалъ? Онъ совершилъ проступокъ по свойству своей природы, по волѣ своего *я*,—ну, а эта воля всегда съ нимъ. Теперь она этого не допуститъ, ибо въ теченіи жизни она измѣнилась. Но то, что сдѣлалъ молодой Руландъ, старшій защититъ и покроетъ своимъ плащомъ. Съ перваго до послѣдняго дня жизни будетъ только одинъ Альбертъ Руландъ. Даже, лежа бездыханнымъ трупомъ, онъ не станетъ болѣе безмолвенъ, чѣмъ теперь!

Вблизи раздался бой церковныхъ часовъ. Руландъ снова замедлилъ шаги. Наступилъ часъ идти къ Сабинѣ. Во время прогулки онъ неизмѣнно отдалялся отъ мѣста, гдѣ жила его живая, милая тайна. Это было въ отдаленнѣйшемъ сѣверномъ кварталѣ предмѣстья, гдѣ не жилъ никто изъ его знакомыхъ, и гдѣ онъ самъ никогда не появлялся днемъ. Онъ всегда блуждалъ по другимъ частямъ города. Такимъ образомъ Сабина оставалась никому неизвѣстной: это также никого не касалось. Онъ направился къ ближайшей площади, гдѣ вскочилъ на перваго попавшагося извозчика и поѣхалъ

въ предмѣстье. Въ дорогѣ онъ почувствовалъ непреодолимое стремленіе къ Сабинѣ, и его охватило нетерпѣніе. Онъ вынулъ флаконъ съ одеколономъ, бывшій всегда при немъ, когда онъ ѣхалъ къ ней, и обрызгалъ себѣ сюртукъ, волосы и лицо: она любила запахъ одеколона. Онъ причесалъ гребнемъ свои волосы, влажные отъ сырости, и замурлыкалъ мотивъ какой-то любовной пѣсенки. Наконецъ, на пустынной площади колымага остановилась. Онъ всегда останавливался на противоположномъ концѣ площади, вблизи жилья Сабины, и здѣсь расплачивался съ извозчикомъ. Какъ бы погруженный въ серьезныя размышленія, онъ, не спѣша, направлялся черезъ площадь къ воротамъ одного изъ угловыхъ домовъ. Здѣсь, постоявъ съ минуту въ тѣни, онъ снова выходилъ и шелъ уже прямо на уголъ желанной улицы.

Улица эта застроена была только на половину. Домъ, гдѣ жила Сабина, стоялъ еще одиноко. Руландъ тихо отворилъ своимъ ключомъ наружную дверь, перешелъ черезъ сѣни во дворъ и тамъ отперъ бесѣдку, какъ называлась постройка позади дома. Только въ первомъ этажѣ, сквозь тяжелыя занавѣски, онъ увидѣлъ едва пробивавшійся свѣтъ. Въ остальной части дома было темно. Толстой восковой спичкой онъ освѣтилъ хорошо знакомую ему лѣстницу, поднялся до коричневой двери и такъ же открылъ ее собственнымъ ключомъ. Пальто и шляпу онъ оставилъ въ маленькой передней, погасилъ спичку и, чувствуя себя вполнѣ дома, не постучавшись, вступилъ въ столовую.

Сабины въ комнатѣ не было. Рядомъ, изъ ея спальни, доносился тихій трескъ и шелестъ. Ея тонкое ухо, навѣрно, уловило его шаги; она сейчасъ выйдетъ, и сердце его забилось сладкой тревогой юности. Въ этой комнатѣ ему сразу становилось хорошо. Когда онъ устраивалъ это жилище, онъ руководился артистическими образцами уютности, какіе видѣлъ у Энгельбрехта и у другихъ художниковъ. Не было ни одного безжизненнаго пятна. Съ потолка спускалась стильная старинная лампа, мягкій свѣтъ ея падалъ на цвѣтную скатерть стола и на стоявшую на ней хрустальную чашу съ пуншемъ и стаканами изъ венеціанскаго стекла. Сабина очень любила всевозможные пунши. Въ угоду ей, пилъ и онъ.

Объ немъ она позаботилась, какъ всегда: его папиросы (она не курила) лежали въ красивомъ серебряномъ стаканѣ; рядомъ стояли спички и пепельница. Позади чаши съ пуншемъ, въ серебряной вазѣ, воспроизводящей сокровище Гильдесгейма, были апельсины и мандарины, его любимые фрукты. Старинныя рѣзныя кресла для него и для нея ждали только, чтобы они сѣли. „Мое счастье, думалъ

онъ. Двойное счастье, потому что оно абсолютно тайное". Ему казалось, что онъ уже держитъ ее въ объятіяхъ, во всемъ ея очарованіи. Она не первой молодости, не безпорочна, нужна ему, только какъ возлюбленная, не создана быть женой. Да и къ чему жена? Ему ея не нужно. Любовь, тайна, свобода!—вотъ, можетъ быть, наивысшее счастье.

И хотя оно не безоблачно — сегодня его нѣсколько мучила ревность къ тѣмъ. кто до него былъ съ ней близокъ,— но чье же счастье безоблачно? Страхъ за грядущій день, какъ бы она не измѣнила, причиняетъ муки, но онъ и благодѣтеленъ: онъ поддерживаетъ молодость, живость, страсть. возбуждаетъ кровь. Приди-же, приди!.. Сабина!..

Онъ простеръ къ ней руки, точно ему уже грозила опасность потерять ее.

— Сабина! — громко позвалъ онъ и направился къ ея двери.

Въ эту минуту вбѣжала еще юношески подвижная, легкая фигура Сабины въ темно-красномъ бархатномъ капотѣ. Съ сіяющимъ любовью и радостью лицомъ, она быстро кинулась въ объятья Руланда. Толчокъ былъ такъ силенъ, что онъ зашатался.

— Alberto mio!—вскричала она между двумя поцѣлуями.— Герой вечера! Знаменитый! Милый!

Всѣ слова прерывались поцѣлуями.

Онъ слушалъ ея звонкіе возгласы и не могъ освободить своихъ губъ. Такъ стояли они долго, болтая, цѣлуясь и смѣясь, въ объятіяхъ другъ друга.

Наконецъ, они усѣлись за столъ, тѣсно сдвинувъ свои кресла. Она налила вина ему и себѣ и отпила немного изъ его стакана. Затѣмъ она взяла его правую руку, стала гладить ее и все время смотрѣла ему въ лицо.

— Мнѣ было такъ странно сидѣть въ залѣ и слушать тебя въ продолженіе почти двухъ часовъ, — сказала она. — Залъ полонъ важныхъ и благородныхъ дамъ, всѣ собрались слушать тебя, моего Альберта. Моего! Три, четыре раза хотѣлось мнѣ встать, вскочить на стулъ и закричать: „Милостивые государи! тутъ есть кое-что и моего,—Сабины Вейсъ съ Мельничной улицы! Благодарю васъ, что вы явились. Я - его Сабина!" Но ты такъ часто упоминалъ о силѣ характера, что я невольно овладѣла собой и тихо и смирно сидѣла на мѣстѣ. Я съ подругой нарочно усѣлась сбоку, чтобы лучше разглядѣть публику. О! публика слушала тебя прямо съ благоговѣніемъ. Даже дамы. По крайней мѣрѣ, онѣ дѣлали такой видъ. Если же какая-нибудь казалась разсѣянной— оглядывалась, болтала,—о! тогда я приходила въ ярость!

Руландъ любовно засмѣялся.

— Значитъ, и ты не слушала?—замѣтилъ онъ.

— Ты правъ. Дѣйствительно, я почти ничего не слыхала,— отвѣтила она и тоже засмѣялась.

Онъ съ удовольствіемъ слушалъ ея нѣсколько грубый, носовой смѣхъ. Онъ такъ же нравился ему, какъ и все въ ней, потому что подходилъ къ ея чернымъ сверкавшимъ глазамъ, капризному, мягко-очерченному носу, мясистымъ губамъ. Такъ же пріятно дѣйствовали на него, манили къ себѣ ея полныя руки изъ подъ широкихъ рукавовъ капота.

Одна изъ этихъ рукъ и сейчасъ гладила его; внутренно улыбаясь, онъ молчалъ.

— Докладъ продолжался, однако, полтора часа,—сказалъ онъ черезъ нѣкоторое время.—Вѣроятно, Сабина Вейсъ, кому кое-что принадлежитъ въ немъ, не все же время оглядывала публику.

Она засмѣялась, быстро сдѣлала опять серьезное лицо и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ ты можешь думать!

— Все же иногда она слушала, что говорилъ ея Альбертъ?

— Ну, конечно! Даже очень много. Твоя рѣчь, мысли,— все было прекрасно. Какъ это все выходило изъ твоей головы? Точно тамъ подняли шлюзъ, и все выливалось оттуда. Какъ можетъ человѣкъ такъ много знать! Мнѣ было прямо страшно. Разъ я даже воскликнула: о Боже!—такъ громко, что моя подруга обернулась.

Руландъ улыбнулся. „Вѣдь она — не жена“, подумалъ онъ, отгоняя непріятное ощущеніе отъ ея пустого щебетанія.

— Такъ тебѣ понравилось? — спросилъ онъ, невольно растягивая слова.

— Конечно, несомнѣнно! Вѣроятно, и всѣмъ понравилось! Иначе не можетъ быть.

— Почему?

— Какъ же... Такое основательное знаніе... Точность. Какъ будто говоритъ учитель... Только ты надо мной не смѣйся...

— Зачѣмъ же?

— И меня охватывала злоба противъ тебя... Ты вѣдь знаешь... Все такъ степенно, дѣльно, такъ... такъ безмятежно! Къ черту это спокойствіе! думала я два или три раза. Мнѣ нужно огня, жизни, урагана! Долой эту медленность, гармонію! Что-нибудь сильное!

Руландъ вновь улыбнулся, но принужденно, точно его довольство спряталось въ углахъ рта.

— Въ такомъ случаѣ, душа моя, тебѣ надо ходить на митинги — медленно проговорилъ онъ.—Тамъ не сдержи-

ваются, произносятъ громовыя рѣчи. Меня бы тамъ вышутили.

— Нѣтъ, я не то хотѣла сказать. Я говорю глупости, но знаю, чего хочу... Выпей! Ты все же мой. Мнѣ только иногда кажется... и тогда...

Она не договорила.

— За твой удачный вечеръ!—воскликнула она, поднявъ свой стаканъ и чокаясь съ Руландомъ. Когда она вновь наполнила бокалы, ея красивая рука опять исчезла въ широкомъ рукавѣ.

— Ты не куришь?- спросила она.

Онъ молча взялъ папиросу. Она слѣдила за нимъ, но вскорѣ перевела взоръ въ пространство. Блестящіе глаза померкли и задумались.

— О комъ ты думаешь? — спросилъ Руландъ, закуривъ папиросу.

— О комъ? Почему ты полагаешь, что я должна думать о комъ-нибудь?

— Я это вижу по тебѣ.

— Ты все видишь... А, впрочемъ, правда. Я думала *о немъ*, объ *этомъ*...

— Объ Энрико?—вздрогнувъ, спросилъ Руландъ.

— Ну, да.

„Опять глупая ревность“, подумалъ онъ, стараясь овладѣть собой. Альбертъ не могъ слышать имени этого Энрико, обвиняя его въ томъ, что онъ прибралъ къ рукамъ юную Сабину, сбилъ ее съ честнаго пути и привелъ на дорогу, гдѣ теперь протекаетъ ея жизнь. Онъ ненавидѣлъ его. „Какъ глупо“, думалъ онъ. „Слѣдуетъ смотрѣть на это свѣтски-хладнокровно. Вѣдь ему я обязанъ, что имѣю ее, что она принадлежитъ мнѣ“... Тѣмъ не менѣе, казалось, что сознательно или безсознательно она до сихъ поръ любитъ еще немного этого перваго... перваго — отвратительное слово... и удетъ любить до гроба.

По виду спокойно, почти съ мраморнымъ безстрастіемъ онъ осушилъ свой стаканъ и спросилъ:

— Почему ты думаешь именно о немъ?

Съ большой граціей она снова налила ему вина.

— Не смѣйся надо мной и не сердись! — воскликнула она. — У меня сегодня такое настроеніе... У Энрико было столько огня, столько безумства, темперамента. Онъ не былъ... корректенъ.

— А я—корректенъ?—пробормоталъ Руландъ.

— Конечно. Ты самъ знаешь. Гармониченъ и корректенъ! Отъ этого ты кажешься джентльмэномъ. Когда я тебя увидала въ первый разъ, то подумала: навѣрно, аристократъ,

И очень удивилась, когда услыхала: просто, Альбертъ Руландъ, разночинецъ. Я рѣшила: несомнѣнно, дипломатъ! Очаровательный дипломатъ для любви. И любовь явилась. Дипломатомъ ты могъ бы быть... Онъ и ты—какія противоположности!

— Ты все объ Энрико?

— Ты ревнуешь?

— О, нѣтъ!

Съ шутливымъ недовольствмъ она покачала головой.

— И этого тоже нѣтъ! Уравновѣшенный человѣкъ! Ревность мѣшаетъ гармоніи!.. Энрико былъ страшно ревнивъ. И безъ всякаго основанія. Будь у него хоть малѣйшій поводъ—онъ, навѣрно, задушилъ бы меня... Или я его!

— Или ты его?—Руландъ не хотѣлъ ничего слышать объ Энрико, но вопросъ невольно слетѣлъ съ его губъ: такъ поразили его ея послѣднія три слова.

— О, да!—отвѣтила она, такъ энергично тряхнувъ головой, что черные завитки на ея лбу задрожали.—Ты не вѣришь? Ты думаешь, я не способна на это?.. Хотѣла бы я разсказать тебѣ кое-что.. Впрочемъ, это тебя не касается. Ты корректный человѣкъ, дипломатъ!

Руландъ схватилъ ее за руку и такъ быстро и сильно сдавилъ ей браслетъ, что она слегка вскрикнула.

— Не называй меня такъ никогда, я не хочу этого слышать. „Корректный, дипломатъ"... Ты, дитя, меня не знаешь.. понятія не имѣешь... Я тоже могъ бы тебѣ..

Онъ оборвалъ фразу. Съ обычной, спокойной усмѣшкой онъ взялъ свой стаканъ и, какъ бы для того, чтобы придти въ себя, медленно и громко отхлебнулъ изъ него.

— Что такое ты тоже могъ бы...?—спросила Сабина, потирая прижатое мѣсто руки.

— Ничего!—бросилъ онъ, смѣясь.

— Ты сдѣлалъ мнѣ больно и даже не извиняешься! Посмотри на это красное пятно... Какъ хладнокровно, какимъ равнодушно-убійственнымъ взглядомъ ты смотришь! Ты, какъ тигръ, внезапно впился въ меня когтями... Собственно, этотъ порывъ мнѣ нравится. Я бы желала когда нибудь увидѣть тебя такимъ же дикимъ, какъ...

Она не договорила, вспомнивъ, что онъ не хочетъ слышать имени Энрико.

— Скажи,—продолжала она,—можешь ли ты по настоящему выйти изъ себя? Случалось это съ тобой когда-нибудь? Я бы тебя еще больше любила.

Онъ опять вспыхнулъ, но сдержался.

— Не доводи меня до этого!—отвѣтилъ онъ шутливо.

— Ты говоришь не серьезно... Вотъ ты сказалъ: „Я тоже могъ бы тебѣ...“ Скажи, что ты могъ бы?

— Говорятъ, женщина любопытна!.. Лучше ты мнѣ разскажи. Ты раньше заявила, что могла бы мнѣ кое-что разсказать, но это меня не касается. *Все* меня касается, я *все* на свѣтѣ хочу знать, а о тебѣ — и подавно. Итакъ, говори. Начинай!

Онъ смотрѣлъ на нее своими большими, красивыми, глубокими, сѣрыми глазами. Они влюбленно улыбались и пылали ревностью.

Сабина откинула голову.

— Говорятъ, мужчины любопытны... Ты все хочешь знать, говоришь ты. Ну, а если я тебѣ разскажу, какъ я чуть не совершила убійства, будешь ты меня любить тогда?

— Я? Только тогда и буду любить по настоящему! — воскликнулъ онъ порывисто.

Отъ неожиданности онъ подался впередъ, раскрылъ ротъ и неподвижно уставилъ глаза. Но съ быстротой молніи онъ овладѣлъ собой. Оставаясь въ той же позѣ, съ раскрытыми губами и глазами, онъ придалъ всей своей фигурѣ выраженіе напряженнаго любопытства, готоваго разсмѣяться надъ самимъ собою. Тѣмъ не менѣе, онъ поблѣднѣлъ и почувствовалъ это съ большой досадой и страхомъ. Новымъ усиліемъ воли онъ заставилъ себя покраснѣть, но опять не соотвѣтственно своему желанію.

— Что съ тобой? — спросила Сабина удивленно. Такихъ быстрыхъ перемѣнъ за нимъ она не замѣчала.

— Со мною? Что же можетъ быть?

— Не знаю. Но почему ты сказалъ: „только тогда и будешь любить меня по настоящему“?

— Потому что... Ахъ, дитя! Потому что меня приводитъ въ восторгъ твой темпераментъ. Ты вѣдь это знаешь... Итакъ, ты едва не совершила убійства, и только сегодня я узнаю объ этомъ фактѣ, окончательно дополняющемъ твою богатую біографію... Ну, ну, разсказывай!

Она задумчиво покачала головой.

— Это вовсе не такъ весело... Скоро этой страшно серьезной исторіи минетъ десять лѣтъ... Въ то время я была совсѣмъ юнымъ существомъ, сорванцомъ, дикой въ такой же мѣрѣ, какъ ты культуренъ. Энрико, мой злой демонъ, сдѣлалъ меня еще болѣе дикой; и я... Нѣтъ, не могу продолжать!

Руландъ глубоко усѣлся въ кресло. Все въ немъ горѣло желаніемъ узнать тайну.

— Иди ко мнѣ на колѣни! — сказалъ онъ, протянувъ къ ней руки.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не на колѣни! Лучше я буду говорить отсюда съ закрытыми глазами. Ты не трогай меня... Однажды я осталась съ Энрико одна и была на него страшно сердита, зла... Нѣтъ, это не подходящее слово. Во мнѣ кипѣла скорбь, ярость и ненависть при мысли о томъ, что онъ со мной сдѣлалъ, какъ разбилъ мою молодую жизнь; я такъ думала тогда... А онъ меня еще дразнилъ. Онъ, конечно, этимъ хотѣлъ показать: я твой господинъ, ты въ моей власти! И въ то время, какъ я бранила его, онъ назвалъ меня самымъ отвратительнымъ, постыднымъ словомъ. Я почувствовала смертельный ударъ, мгновенно во мнѣ мелькнула мысль что онъ больше жить не долженъ, я бросилась на него,— онъ сидѣлъ на другомъ концѣ дивана—схватила его за горло и стала душить. О Боже!... ты не смѣйся... тутъ была схватка на смерть! Онъ сталъ кричать сдавленнымъ голосомъ, но я не обращала вниманія. Мой умъ такъ помутился, что я даже молилась въ эту минуту: Боже, помоги мнѣ! Я была сильнѣе, чѣмъ теперь. Теперь я облѣнилась, растолстѣла. Но онъ все же былъ сильнѣе меня, хотя былъ худъ и строенъ. Однимъ внезапнымъ поворотомъ онъ освободился и схватилъ мою руку; нѣсколько времени мы боролись. Наконецъ, я упала на полъ... „Пресвятая Дѣва"!—воскликнулъ онъ,—онъ былъ католикъ,—а я на одну минуту потеряла сознаніе. Помню только: онъ поднялъ меня, положилъ на диванъ, упалъ передо мною на колѣни и все говорилъ: „Я виноватъ! Прости меня! Свое отвратительное слово я беру назадъ! Ты злая дѣвочка, дикарка, но прости меня, прости!..." Такъ все и уладилось. Мы опять помирились, но не надолго. Прежнее было разбито навсегда.

— Какъ ты на меня смотришь!—сказала Сабина, взглянувъ на Руланда. Его глаза снова блестѣли на поблѣднѣвшемъ лицѣ.—Ну, что-жъ, можешь ты меня любить теперь?

— О, я!.. я!..

Онъ схватилъ ее и усадилъ къ себѣ на колѣни. Она была поражена его силой. Онъ взялъ ея голову въ обѣ руки и пристально заглядывалъ въ ея черные глаза и лицо точно искалъ прежнюю дикарку. Пробормотавъ что-то сквозь зубы, что она не могла разобрать, онъ сталъ осыпать поцѣлуями ея щеки, волосы, губы. „Боже! что съ нимъ?" думала она въ глубокомъ изумленіи. Никогда онъ такъ не цѣловалъ ея.

— Что съ тобой?—спросила она, когда онъ, продолжая держать ее въ объятьяхъ, далъ ей, наконецъ, вздохнуть.— Я тебя не узнаю.

— Я вѣдь говорю тебѣ, что ты меня не знаешь!—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Пожалуй, и вѣрно! Но, прошу, не улыбайся такъ, потому что ты снова становишься гармоническимъ... Сейчасъ ты имъ не былъ. И это мнѣ понравилось. Въ твоихъ глазахъ было что-то страшное, и при томъ такая чудная, захватывающая страсть... Скажи, Alberto mio, понялъ ты, почему я схватила Энрико за горло, почему я хотѣла убить его?

— Понялъ ли я?—пробормоталъ онъ.—О, дитя, если бы ты знала...

Онъ оборвалъ себя. Его неудержимо влекло, толкало и подмывало крикнуть ей въ горѣвшее, улыбавшееся, дразнящее лицо: „Да, да, люби меня сильнѣе! Ты меня не знаешь. Этотъ корректный дипломатъ сдѣлалъ то, на что ты только думала рѣшиться. Люби меня только сильнѣе!“—„Я съ ума сошелъ“, подумалъ онъ вслѣдъ затѣмъ, борясь съ своимъ волненіемъ. „Разболтать женщинѣ!... Нѣтъ, не надо поддаваться страсти, иначе не сохранишь тайны! Только бы она встала съ колѣнъ; это ослабляетъ меня, и я могу надѣлать глупостей...“

Онъ еще разъ поцѣловалъ Сабину, но уже не такъ страстно, и потихоньку, шутя, отстранилъ ее. Потомъ всталъ, какъ бы желая пройтись по комнатѣ. Сабина усѣлась на свое мѣсто.

Глаза ея, однако, не отрываясь, слѣдили за нимъ. Она медленно покачала головой.

— Нѣтъ, ты такъ не отдѣлаешься!—сказала она черезъ минуту,—такъ ты не уйдешь! Я тебѣ все разсказала, а ты хочешь увильнуть?

— Что же ты хочешь, дорогая? — спросилъ Руландъ, останавливаясь передъ нею съ своей загадочной улыбкой.— Кому нечего сказать, тотъ молчитъ.

— Тебѣ нечего сказать!? Оставь эту нѣжную улыбку: она не проведетъ... Тебѣ нечего сказать?.. Не считай меня такой ужъ дурой!.. Во первыхъ, твои слова: „Я могъ бы также тебѣ...“ Во вторыхъ, когда я спросила, будешь ли ты любить меня послѣ моего признанія,—ты воскликнулъ: „Я! Только тогда и буду по настоящему!“ и при этомъ сначала поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ, неизвѣстно почему. Наконецъ, твой возгласъ: „О, я!.. я!“ и эти поцѣлуи! Ты никогда такъ не цѣловалъ меня!.. Ты сказалъ: „ты меня не знаешь; если бы только знала...“ Милый, любимый, что же я должна знать? Если теперь ты захлопнешь полуоткрытую дверь, то я... я возненавижу тебя. Больше я никогда ничего для тебя не сдѣлаю!.. Но нѣтъ, мой дорогой Альбертъ

такъ не поступитъ. Его тронуло мое признаніе, и онъ разскажетъ мнѣ про себя. Вѣдь такъ, Альбертъ?

Сабина встала и подошла къ нему. Передъ нимъ сверкнула ея очаровательная улыбка и вытянутая впередъ ея стройная, открытая и блестящая шея,—безумно привлекательная картина!

Въ свои черные волосы, затянутые греческимъ узломъ, она вплела ярко красную ленту. Прическа не совсѣмъ шла къ ея пикантному личику и напоминала маскарадъ; но она любила такъ причесываться, и Руланду это нравилось. Вся голова ея представляла настоящую мелодію красокъ.

— Alberto mio!—повторила она.

Въ ея голосѣ звучали ноты, наиболѣе волновавшія его. Она пустила ихъ въ ходъ, сопровождая слова просящимъ, умоляющимъ взглядомъ.

— Что мнѣ разсказывать?—спросилъ онъ, поддаваясь ея очарованію. — Мнѣ нечего разсказывать. Я это такъ себѣ сказалъ. Отдадимся лучше счастью нашей любви!

Быстрымъ движеніемъ слегка дрожавшихъ рукъ, онъ привлекъ было ее къ себѣ. Но она вырвалась изъ его объятій.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала она раздраженно и отскочила назадъ.—Ты хочешь поступить со мной, какъ съ ребенкомъ? Для этой роли я совсѣмъ не гожусь... Фи! ты еще лжешь! У тебя есть что разсказать мнѣ, въ этомъ я готова поклясться, ты только не хочешь. Опять корректенъ, гармониченъ... Ну, такъ я вотъ что тебѣ скажу. Дипломатичность, джентельмэнство и чистоплотность приказываютъ тебѣ молчать,—ну, а я тебя презираю! Убирайся!

Она вернулась къ столу, залпомъ выпила свой стаканъ и бросилась въ кресло.

Руландъ подошелъ къ ней. Всякое ея движеніе отуманивало его умъ. Даже ея злыя слова, переливы сердитаго голоса глубоко волновали его.

— Не сердись, не сердись!—повторялъ онъ мягко и ласково и сталъ подлѣ нея на колѣни, оттолкнувъ свой стулъ.—Оставимъ эти глупости! Пусть будетъ только любовь, одна любовь!

Его глаза говорили ей о всѣхъ его желаніяхъ. Онъ положилъ свои руки на ея колѣни.

— Сабина!—прошепталъ онъ.

Но она съ гнѣвомъ оттолкнула его.

— Оставь меня!—вскричала она отрывисто.—Любовь?.. я хочу любви довѣрчивой, честной... Не трогай меня! Пока ты мнѣ не разскажешь, не прикасайся!

— Раньше нѣтъ?

— Нѣтъ! Даже пальцемъ! Ни сегодня, ни завтра, никогда!

— Никогда?

— Никогда! Клянусь! Знай, что презирать себя я не позволю. Никогда!

Руландъ вскочилъ. Остатки его самолюбія заставили его подняться съ колѣнъ.

— „Такъ ты вотъ какъ!“—думалъ онъ.—„Ну, хорошо“.

Онъ вперилъ взоръ въ пространство. Передъ глазами пронеслось точно облако. Онъ готовъ былъ сказать:—„Такъ я ухожу! Кончено! Прощай! Навсегда!“—Но онъ этого не сказалъ. Когда облако разсѣялось, и онъ вновь взглянулъ на Сабину, она сидѣла спокойно, безъ малѣйшаго признака страха. Лицо ея выражало только гнѣвъ, что дѣлало его еще красивѣе. Ея ноги въ мягкихъ изящныхъ туфляхъ изрѣдка вздрагивали и стучали одна объ другую; ярко-красныя губы беззвучно шевелились.—„Нѣтъ, я не уйду“—думалъ онъ, чувствуя, что притягивается точно магнитомъ. „Нѣтъ, не уйду!“

Какъ морская нимфа увлекаетъ рыбака въ море, такъ Альберта снова манило броситься къ ея ногамъ и закричать:—„Все, все, что хочешь! Я жить хочу! Хочу быть молодымъ съ тобою! Любви хочу я, любви!“

Но онъ овладѣлъ минутнымъ припадкомъ слабости.

— Сабина! — сказалъ онъ нѣжно, все еще надѣясь на ея уступчивость,—добрая Сабина! будь благоразумна!

— О! я давно благоразумна! — отвѣтила она. — Если бы мы оба были такими, было бы хорошо.

И она вновь стала ласкать его словами и глазами.

— Ты всегда такой умный. Будь и сегодня умнымъ! Вѣдь ты уже хотѣлъ сказать мнѣ... Да, да, я знаю, это было написано на твоемъ лицѣ. Ты только все сдерживаешься. Поддайся желанію! Если ты мнѣ скажешь, я сдѣлаю то, что обѣщала: буду любить тебя гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь. Я всегда была ласкова съ тобой, вѣдь правда? А теперь буду совсѣмъ другая, клянусь! Теперь я буду сказочно нѣжна и сдѣлаю тебя несказанно счастливымъ. Ты прямо будешь изумленъ.

— „Чего только не сдѣлаетъ такой голосъ?“—думалъ Руландъ, внимавшій ему всѣми своими чувствами.—„Я хочу быть въ ея объятіяхъ! Хочу вновь быть молодымъ, какъ въ тридцать лѣтъ. Хочу снова испытать волненіе въ крови, сбросить эту маску гармоничности“.

Но онъ оставался безмолвнымъ. Ни одно движеніе еще не поколебало его твердости.

— Alberto mio!—тихо произнесла она.—Какъ восхитительна

будетъ эта ночь! Мы открыли бы другъ другу, что лежитъ у насъ на сердцѣ. И я знала бы о тебѣ то, что сдѣлало бы тебя еще милѣе, что уничтожило бы во мнѣ этотъ глупый гнѣвъ... Да его уже и нѣтъ! И тогда...

— Гнѣва уже нѣтъ?—перебилъ онъ ее. Онъ хотѣлъ спросить твердо и шутливо, но въ словахъ прозвучала нервная дрожь.— Ну, вотъ и отлично! Значитъ, мнѣ и говорить не зачѣмъ? Не такъ-ли?

— О, какое ты большое дитя! Ты все еще колеблешься. Зачѣмъ? Все равно, что бы то ни было, ты будешь счастливъ.

— "Да, пусть она сильно, сильно любитъ меня!"—думалъ онъ.—„Пусть найдетъ во мнѣ Энрико“.

Въ ушахъ у него шумѣло, виски горѣли. Но ему нравилось это волненіе. „Пылъ юности!“ мелькнуло у него въ головѣ. Но при сильномъ освѣщеніи въ комнатѣ онъ не могъ говорить.

Онъ подошелъ къ висячей лампѣ, посмотрѣлъ на нее и, находя, что она слишкомъ ярко горитъ, равнодушнымъ съ виду движеніемъ погасилъ ее. Наступила глубокая тьма.

— Что ты дѣлаешь?—испуганно спросила Сабина.—Что ты хочешь дѣлать? Не подходи, не прикасайся ко мнѣ.

— Успокойся, успокойся!—пробормоталъ онъ. По его голосу она опредѣлила, что онъ стоитъ далеко.

— Чего ты хочешь? Мнѣ страшно.

— Почему? Потому что ты наединѣ съ убійцей?—Въ голосѣ была шутка, но онъ звучалъ какъ-то хрипло.

— Развѣ ты убійца?

— Да!.. Тебѣ извѣстно, что у меня есть сестра. Она всегда была у меня единственной. Ни одного человѣка въ мірѣ я такъ не любилъ, какъ ее. Дѣтьми мы были товарищами, она на годъ моложе меня. Но это не имѣло значенія. Когда она вышла замужъ, я ее ревновалъ, а между тѣмъ, ей было уже двадцать пять лѣтъ. Тѣмъ сильнѣе была ея поздняя любовь. Онъ былъ высокій свѣтлорусый германецъ, что называется, красавецъ-мужчина; но его красота имѣла одинъ недостатокъ, открывшійся уже послѣ свадьбы: онъ пилъ. Пьянство испортило ему организмъ и сдѣлало лицо его краснымъ, какъ мѣдь; оно же погубило его бракъ. Наконецъ, однажды, послѣ длиннаго ряда лѣтъ скрытыхъ страданій, сестра моя Августа пришла ко мнѣ и сказала: „Братъ, больше выносить я не въ силахъ. Онъ лишенъ воли, ужасный порокъ держитъ его въ своей власти. Когда онъ пьянъ, онъ становится звѣремъ, я не смѣю сказать ни одного слова, онъ кричитъ на меня. Онъ оскорбляетъ, бьетъ меня“... Онъ оскорблялъ ее, единственнаго человѣка, кого я любилъ

въ мірѣ!.. Первою мыслью среди обуявшаго меня безграничнаго гнѣва было: онъ долженъ умереть! Но я промолчалъ. Кое-какъ овладѣвъ собой, я сказалъ:

— Такъ разведитесь!

Она вздрогнула; она любила его еще, совсѣмъ по женски: этотъ деспотъ, этотъ пьяница, это животное еще сидѣлъ въ ея сердцѣ! Словомъ, она рѣшила еще разъ „попробовать" ужиться съ нимъ, и долго молчала. Когда я письменно или устно спрашивалъ ее, она отвѣчала: „Онъ, кажется, исправляется, все наладится". Но это была святая ложь, какъ ее называютъ. Наконецъ, пришло письмо, полное отчаянія. Все пошло прахомъ, стало еще хуже. Онъ оскорбляетъ ее еще ужаснѣе, еще болѣе жестоко, чѣмъ прежде. Она, наконецъ, потребовала развода, но онъ отвѣтилъ: „Если ты убѣжишь отъ меня, я вытребую тебя назадъ"... „Братъ, кончала она письмо, помоги мнѣ, освободи, спаси меня! Научи, что мнѣ дѣлать!"

— „Тебѣ нечего дѣлать", — подумалъ я, — „теперь мое дѣло!" — Мужъ ея былъ въ Киссингенѣ одинъ: ему необходимо было полѣчиться, такъ какъ пьянство совершенно расшатало его здоровье. Но мнѣ не было дѣла до его здоровья. Мнѣ было тридцать лѣтъ, я былъ несдержанъ, необузданно дикъ, такой... какимъ ты меня хочешь видѣть! И я поѣхалъ къ нему. Я засталъ его дома. Было воскресенье послѣ обѣда, отель былъ пустъ и безмолвенъ.

— Эдуардъ,—сказалъ я,—я слышалъ, что ты не хочешь развестись съ моей сестрой. Я пріѣхалъ сказать тебѣ, что настаиваю на разводѣ отъ ея имени. Другого исхода нѣтъ; этотъ же пока возможенъ. Итакъ?

— Развѣ ты германскій императоръ?—спросилъ онъ.—Я надъ собой не признаю начальства. По приказанію я ничего не сдѣлаю. Баста!

— Ты отказываешь моей сестрѣ въ разводѣ?—спросилъ я.

— Да. Она останется у меня.

— И ты будешь продолжать оскорблять ее? Ее, беззащитную женщину, любимую мною больше всего въ мірѣ?

— Я ее такъ же люблю, какъ и ты.

— Ты лжешь!—вскричалъ я.—Кого любятъ, того не оскорбляютъ. Ты лжешь, несчастный негодяй!

Онъ вскочилъ съ горящими глазами. Слава Богу, онъ кинется на меня, подумалъ я, и тогда я нанесу ему ударъ. Но онъ поборолъ себя и остановился.

— То, что ты сказалъ сейчасъ,—произнесъ онъ черезъ нѣкоторое время,—сказано *ея* братомъ. Поэтому я какъ бы ничего не слыхалъ... Я не совсѣмъ правъ, сознаюсь. Я билъ жену, но только, когда бывалъ пьянъ; трезвый—никогда!

— Такъ не пей больше!

Онъ пожалъ плечами.

— Поклянись мнѣ,—сказалъ я, поднимая руку,—что ты больше не будешь пить!

— Этого я не могу, не въ силахъ!

— Но я не потерплю, чтобы ты билъ мою сестру, пойми меня: не потерплю. Поклянись мнѣ, что ты никогда иначе, какъ съ любовью не будешь прикасаться къ ней. Дай мнѣ клятву!

— Разъ я не могу поклясться въ первомъ, значитъ, не могу поклясться и во второмъ... Впрочемъ, кто ты, что говоришь: я не потерплю. Она моя жена, она моя!

— Я этого не потерлпю!—закричалъ я.

— Да ты долженъ будешь терпѣть. Я не могу переродиться; каковъ есть со своимъ пьянствомъ, такимъ и останусь.

— Такъ ты можешь и на тотъ свѣтъ отправиться! Сорная трава должна быть выброшена вонъ!

И тутъ я почувствовалъ, что сказалъ именно то, что нужно; почувствовалъ, что именно для этого явился сюда. Я стоялъ здѣсь, какъ орудіе Провидѣнія: сорная трава должна быть вырвана. Въ тотъ моментъ, какъ онъ злорадно смѣялся своимъ послѣднимъ смѣхомъ, — я точно слышу еще его — я вытащилъ изъ кармана ножъ, раскрылъ его, и глазами опредѣлилъ, гдѣ должно быть сердце.

Я вѣрно намѣтилъ. Онъ даже не вскрикнулъ и упалъ навзничь.

— Орудіе Провидѣнія,—подтвердилъ я себѣ, когда онъ упалъ, и былъ спокоенъ и твердъ.—Освободить, спасти сестру — мнѣ предуказано! Людямъ я не обязанъ давать никакого отчета: развѣ они помогли моей сестрѣ? Предъ закономъ я не предстану: что онъ сдѣлалъ для насъ? Дѣло касается только его, ее и меня!.. Я не растерялся, остался хладнокровенъ и спокоенъ. Я взялъ его бумажникъ и кошелекъ и вынулъ все, что тамъ было. Пустой бумажникъ я положилъ возлѣ него, чтобы умные люди подумали, что убійца унесъ деньги и выбросилъ его пустымъ. Послѣ этого я вышелъ и съ ближайшимъ поѣздомъ уѣхалъ домой. Ни одна душа меня не видала, никто меня не зналъ въ лицо. Кошелекъ и ножъ я потомъ бросилъ въ воду, а деньги отослалъ въ какое-то благотворительное учрежденіе. „Убійство съ цѣлью ограбленія!“ рѣшили всѣ догадливые люди. И на этомъ все мало-по-малу успокоилось.

Моя бѣдная сестра оказалась настоящей женщиной. Съ его смертью любовь ея вспыхнула еще безумнѣе... По моему это—собачья любовь, разъ она не умѣетъ ни презирать, ни ненавидѣть и забывает всѣ обиды и униженія. Сестра обви-

няла только себя, отъ горя чуть не сошла съ ума,—люди, по крайней мѣрѣ, не могли думать, что она погубила его. Наконецъ, время пришло на помощь. Августа лѣчилась и выздоровѣла у меня. Она нашла лучшаго мужа, а вмѣстѣ съ нимъ и счастье, какого не хватало ей въ первый разъ. Конечно, и здѣсь не безъ облаковъ, но гдѣ-же счастье безоблачно и совершенно? Все же спасителемъ ея былъ я.—Вотъ она, столь заинтересовавшая тебя исторія.

Въ темной комнатѣ наступила полная тишина. Руландъ прислушивался, что скажетъ Сабина? Она долго молчала. Но вотъ зашуршало ея платье. „Бросится она ко мнѣ на шею, или предприметъ что-нибудь другое“? думалъ онъ. Но Сабина не подходила, и ему становилось тяжело. Сверкнула спичка, и свѣтъ лампы вновь освѣтилъ комнату. Сабина стояла подъ лампой въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Лицо ея не было блѣдно, напротивъ, было покрыто легкимъ румянцемъ. Глаза смотрѣли въ пространство.

— Сабина!—сказалъ онъ, подходя къ ней и беря ея за обѣ руки. Теплыя раньше, онѣ были теперь холодны. Она взглянула на него съ какой-то неопредѣленной улыбкой и тихо опустила голову. Глазами онъ спрашивалъ ее. Ему показалось, что въ лицѣ ея появилось что-то новое, чужое ему, да и въ немъ самомъ страсть, любовь, всѣ чувства, такъ оглушившія и нарушившія его равновѣсіе,—были уже не такъ пылки. Неужели исповѣдь объ убійствѣ такъ охладила ее? Вѣдь теперь передъ нимъ должна стоять награда... Вѣдь это—та же Сабина, что и раньше... Онъ притянулъ ее къ своей груди. Она безвольно и покорно поддалась ему.

— Сабина!—произнесъ онъ, обнимая ея теплое тѣло. Онъ поцѣловалъ ее въ горячую щеку, прижимался губами къ ея лбу, къ глазамъ; она попрежнему оставалась покорной.

Наконецъ, онъ припалъ къ ея устамъ, ставшимъ опять пунцовыми. Въ отвѣтъ на свой поцѣлуй онъ ощутилъ лишь слабое движеніе губъ, хотя и почувствовалъ ея объятья.

— Ну, что-же, Сабина?—спросилъ онъ, вновь пробудивъ свое полузаглохшее чувство прикосновеніемъ къ ея губамъ.—Почему ты молчишь? Тебѣ вѣдь не страшно?

Она покачала головой.

— О чемъ-же ты думаешь? Что ты такъ молчишь?

Она посмотрѣла ему въ глаза долгимъ, загадочнымъ, роковымъ взглядомъ; такимъ онъ показался ему. Ея мягкія руки опустились на его плечи и слегка надавили ихъ. Въ лицѣ ея вновь мелькнуло что-то новое, чего онъ не могъ

понять. Въ ней точно созрѣвала какая-то мысль, вполнѣ опредѣленная, но еще едва замѣтная, загадочная.

— О чемъ ты думаешь?—спросилъ онъ снова.

— Женись на мнѣ!—вдругъ произнесла она.

Руландъ вздрогнулъ. Плечи его задрожали подъ ея пальцами. Ни одно слово такъ не ошеломляло его.

Она молча смотрѣла на него. Глаза ея точно говорили: „Ты видишь, какъ обстоитъ дѣло! Мы съ тобой товарищи навсегда. Отнынѣ ты принадлежишь мнѣ, ты—весь въ моихъ рукахъ. Для меня ты хорошъ и убійцей; и разстаться съ тобой я не хочу. Женись на мнѣ!"

На лбу у него выступилъ холодный потъ. Онъ понялъ все, до послѣдняго слова. Онъ видѣлъ свою судьбу: она стояла передъ нимъ. Сабина наложила на него руки и не мягкими, а желѣзными пальцами впилась въ него. Ея умные, холодные, бездушные глаза, глаза Сабины и Энрико, той и другого вмѣстѣ, говорили, что она нашла, наконецъ, кого ей надо: убійцу, болтуна, обязаннаго дѣлать все, что она захочетъ.

Она встрѣтила безумца, не умѣвшаго молчать, сдѣлавшаго гетеру, распутницу своей довѣренной. Если она потребуетъ всѣ его деньги—онъ долженъ отдать; захочетъ его самого цѣликомъ—обязанъ отдаться. Онъ станетъ всеобщимъ посмѣшищемъ, это онъ-то, гармоническій!

Дикая, бѣшеная ярость, болѣе дикая, чѣмъ въ Киссингенѣ, охватила все его существо. Быстрымъ движеніемъ онъ сбросилъ съ себя руки Сабины и отскочилъ онъ нея. Мгновеніе спустя, онъ поднялъ сжатый кулакъ.

— Распутница!—безотчетно вырвалось у него.—Жениться на тебѣ? Да я убью тебя!

Точно получивъ уже ударъ, она упала на колѣни и, закрывъ голову рукой, вскрикнула:

— Не убивай!

Крикъ былъ безсильный, сдавленный, но онъ потрясъ Руланда. Онъ стоялъ теперь, какъ двѣнадцать лѣтъ назадъ, когда готовился совершить убійство. „Не убивай!" просила его жертва. Не доставало только ножа въ рукахъ... Его охватилъ ужасъ. Онъ разжалъ руку и закрылъ глаза.

Замѣтивъ это, Сабина вскочила. Однимъ прыжкомъ она очутилась въ спальнѣ, и вслѣдъ затѣмъ онъ услышалъ, какъ щелкнула задвижка, а за ней—ключъ. Онъ безсознательно послѣдовалъ за нею. Такъ-же безсознательно постоялъ нѣкоторое время, прислушиваясь, у двери. Было тихо. Вѣроятно, и она стояла по ту сторону двери и, какъ онъ, прислушивалась. Быть можетъ, она думала: въ концѣ концовъ онъ постучится и скажетъ: „впусти меня! Я сдѣ-

лаю все, что хочешь! Я такъ люблю тебя! Безъ тебя я погибну. Ты станешь моей женой! Впусти меня только сейчасъ!"

Все это онъ съ ужасомъ читалъ въ ея душѣ и отрицательно замоталъ головой. Онъ видѣлъ себя только у дверей публичной женщины, видѣлъ въ себѣ человѣка, не дорожащаго своею честью, ибо продолжалъ стоять у этой двери. Чувство въ немъ совершенно погасло. Ему стало холодно, точно морозъ пронизывалъ его до мозга костей.

Молча, съ полузакрытыми глазами вышелъ онъ изъ комнаты въ противоположную дверь.

Придя къ рѣкѣ—онъ потерялъ представленіе о времени,—Руландъ сѣлъ на откосъ. Снѣгу не было, но было холодно. „Не бѣда!—мелькнула мысль.—Я уже не простужусь. Это тоже необыкновенно пріятное чувство! Большое и малое горе—все умолкло. Умолкни и ты самъ. Будь еще разъ спокойнымъ и гармоническимъ, чтобы окончить такъ, какъ подобаетъ Руланду".

Онъ провелъ рукою по волосамъ, часто повторяя этотъ жестъ по дорогѣ сюда. „Продолжать жить? Нѣтъ. Быть во власти этой женщины? Дрожать передъ нею? И если-бы она сейчасъ и не повторила просьбы: „женись на мнѣ", то постоянно бояться, что она это скажетъ? А презрѣніе къ самому себѣ? А жалкое гнусное, непобѣдимое раскаяніе? Не понятно, какъ могло это случиться со мной? Какъ я такъ растерялся, я?! И послѣ этого продолжать жить?.."

Лунный серпъ еще боролся съ облаками. Плечи Оріона были окутаны легкой блуждающей пеленой. Въ сыромъ воздухѣ было душно, хотя холодно. Руландъ долго смотрѣлъ въ небо. Постепенно и странно его охватывали незнакомыя или съ дѣтства забытыя ощущенія. „Никогда не пойму, думалъ онъ, какъ это случилось со мной. Впрочемъ... быть можетъ, и пойму. Ибо удивительно... удивительно, до чего я въ эту минуту спокоенъ. Никогда я не испытывалъ такого спокойствія. Правда, я всегда носилъ въ себѣ,—не хотѣлъ только сознаться въ этомъ,—большую тяжесть.

„Но провести меня было трудно! Что мнѣ свѣтъ? Что мнѣ законъ? Тутъ связаны только трое: я, онъ и она... А Оріонъ? Если кто нибудь сотворилъ Оріона... и серпъ луны... и его, ее и меня... и если нашей жизнью правитъ что-то не сверху, а изъ глубины насъ самихъ, нѣчто вродѣ высшей воли...

„Богъ!—произнесъ онъ помимо желанія. Богъ, если я такъ долженъ называть тебя... но вѣдь это только человѣческое слово, внушенное съ дѣтства! И если, дѣйствительно

что нибудь непостижимое правитъ нами... то я только отдалялъ минуту, чтобы сбросить бремя съ моей души. Орудіе Провидѣнія? Кто орудіе Провидѣнія? Кто знаетъ Его волю? Кто передъ нимъ правъ когда-бы то ни было? Кто болѣе властенъ, чѣмъ онъ?.. Вотъ я сидѣлъ у этой женщины. Я зналъ, что она ничто иное, какъ развратница, однако въ своей влюбленности забылъ объ этомъ. И потому, что она льстила моему тщеславію, желалъ ей нравиться, хотѣлъ, чтобы она любила меня такъ же, какъ своего полунѣмецкаго обольстителя, и потому, что удушливый вѣтеръ спуталъ мои мысли, я и отворилъ дверь и выбросилъ ей свою тайну, свою жизнь. Но если такова была воля другого... О, ты безсильный!"

Онъ глубоко вздохнулъ. Взоръ былъ пристально устремленъ на темную рѣку. Его покой снова исчезъ, ибо онъ сидѣлъ еще, мечталъ и жилъ. Тамъ внизу покой, „освобожденіе". Слово слетѣло съ его устъ, онъ громко произнесъ его. Кругомъ не было ни души. Онъ еще разъ повторилъ его; оно такъ хорошо и свободно звучало! Но кончать надо съ твердостью, какъ подобаетъ Руланду.

Онъ зналъ, чего хотѣлъ. Онъ вынулъ свой бумажникъ со стальными ободками и кошелекъ. „Когда люди найдутъ меня безъ этихъ вещей, думалъ онъ, то рѣшатъ, какъ и тогда: убійство съ цѣлью ограбленія. Его убили и бросили въ рѣку!"—Онъ швырнулъ свои вещи въ воду. Темная волна всплеснула два раза. Потомъ онъ вынулъ изъ кармана ножъ, не тотъ старый, неплотно сидѣвшій въ оправѣ, а новый, крѣпкій и острый. Онъ обнажилъ свою грудь, подставилъ ее подъ струю влажнаго воздуха и нащупалъ бившееся сердце. Ему вдругъ вспомнилась сестра Августа, единственный еще любимый имъ человѣкъ, единственная, кого онъ хотѣлъ еще помнить. Къ трепещущему мѣсту на груди онъ приставилъ кончикъ своего остраго ножа. Нѣжное воспоминаніе объ Августѣ вызвало у него предательскія слезы. Но онъ отогналъ всѣ ощущенія. „Вѣдь я—„мраморъ!" прошепталъ онъ и со всей силой ударилъ по рукояткѣ ножа...

Онъ успѣлъ только вздохнуть. Голова его склонилась впередъ. Внизу былъ покой. Тяжело и безвольно скатился онъ въ воду и быстро пошелъ ко дну.

НА РАННЕЙ ЗОРЬКѢ.

V.

Облачка.

Въ солнечный лѣтній день лежишь, иной разъ, въ высокой травѣ, съ заложенными за голову руками, и бездумно смотришь въ высокое небо. И вотъ, совершенно неожиданно, на безмятежно-спокойномъ и пустынномъ голубомъ фонѣ задымится вдругъ курчавое бѣлое облачко. Оно растетъ, ширится, опускается, принимаетъ самыя причудливыя, фантастическія формы и очертанія и, такъ же неожиданно, начинаетъ вдругъ блѣднѣть, таять, исчезать... А рядомъ ужъ бѣлѣетъ и растетъ другое, третье... цѣлая кучка такихъ же прихотливыхъ и эфемерныхъ небесныхъ призраковъ.

Точь въ точь такія же облачка-воспоминанія возникаютъ въ душѣ, когда уносишься мыслью въ далекое прошлое. Опять звучатъ замолкшіе голоса и движутся забытыя тѣни, оживаютъ и проходятъ передъ глазами давно потускнѣвшія картины, разыгрываются яркія и порой сложныя сцены, а потомъ вдругъ, по какой-то неизвѣстной причинѣ, начинаютъ тускнѣть, расплываться,—и вотъ разомъ все исчезаетъ, словно проваливается въ черную бездну...

Знойный полдень. Сѣнокосъ. По безконечному лугу красивою цвѣтной лентой тянется вереница косцовъ, мужиковъ и бабъ, въ бѣлыхъ длинныхъ рубахахъ, синихъ сарафанахъ, красныхъ повойникахъ. Мѣрно и плавно выступаютъ они другъ за дружкой. Въ одно и то же мгновеніе взмахиваютъ вверхъ и опускаются внизъ сверкающія косы, въ одно и то же мгновеніе раздается рѣзкій жужжащій звукъ и падаетъ ровными дорожками сочная зеленая трава, вся перевитая лиловыми цвѣтами. Нога въ ногу идутъ удалые косцы, а впереди всѣхъ—Захаръ... Не потому впереди онъ, что облеченъ званіемъ и властью исаевскаго управителя,—нѣтъ! его точно сама природа создала королемъ работниковъ: не

найдешь другой, полной такого достоинства, фигуры, съ такими важными и величавыми жестами; никто изъ окрестныхъ крестьянъ не поспоритъ съ нимъ не только въ красотѣ работы, но и въ упорствѣ и выносливости!

Вотъ всѣ остановились, будто по сигналу. Поднявъ кверху лезвее косы, Захаръ медленно вытираетъ его пучкомъ травы, потомъ вынимаетъ изъ висящей на плечѣ сумки брусокъ и, все такъ же не торопясь, начинаетъ точить. И то же дѣлаютъ, подражая ему, всѣ косцы. Потъ льется ручьями съ красныхъ, словно раскаленныхъ, лицъ. Многіе направляются къ ведерку съ квасомъ, которое стоитъ тутъ же, подъ огромной тѣнистой елью. Никто, какъ будто, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, что на работу пришла полюбоваться сама барыня съ барчуками. Я предпочелъ бы, конечно, улепетнуть къ пастуху, но... „положеніе обязываетъ“, и я тоже долженъ участвовать въ этомъ торжественномъ выходѣ къ рабочему народу и держаться за широкій кринолинъ матери, которая, неизвѣстно зачѣмъ и для чего, долго стоитъ на одномъ мѣстѣ, закрываясь зонтикомъ отъ палящихъ лучей полдня...

— Обѣ́...да-а-а́ть! — доносится вдругъ откуда-то, словно изъ бездонной глубины, звонкій голосъ Дарьи или Палашки, и яркая картина мигомъ исчезаетъ, злой волшебникъ задергиваетъ ее чернымъ покрываломъ.

И вотъ на дворѣ уже холодная осень. Захаръ сѣетъ рожь. Я увязался за нимъ и, корчась отъ стужи, бѣгу рядомъ. Мы вообще съ нимъ закадычные друзья, и Захаръ не иначе зоветъ меня, какъ „землякомъ“. И въ обычное время всегда такой важный, онъ какъ-то особенно живописнымъ представляется мнѣ, когда сѣетъ рожь: выставитъ впередъ лѣвую ногу, возьметъ изъ рѣшета полную горсть золотистыхъ сѣмянъ и широкимъ, увѣреннымъ жестомъ броситъ ихъ кругомъ себя...

— Ну, что, землякъ,—смерзъ?—останавливаясь внезапно, обращается Захаръ ко мнѣ.—Шелъ бы, дружище, домой!

Но мнѣ такъ любопытно, такъ весело смотрѣть на эти таинственныя и красивыя манипуляціи Захара, что никакія силы земныя и небесныя не въ силахъ заставить меня уйти домой. Къ тому же, вниманіе мое привлечено еле ползущей по бороздѣ, закоченѣвшей, какъ я же, отъ холода бабочкой: я бережно поднимаю ее и согрѣваю въ рукѣ своимъ дыханіемъ. Вотъ, она ожила на минуту и быстро-быстро, какъ-то бокомъ, поползла по рукаву моей куртки. Я весело подбрасываю ее на воздухъ... Но, увы! осенній холодъ опять охватываетъ бѣдняжку, какъ желѣзнымъ обручемъ,—она падаетъ и снова начинаетъ коченѣть. Отошли ея и мои красные

деньки! Впереди зима—со стужей, мракомъ, снѣжными мятелями...

Но и въ темную осень, и въ студеную зиму уютно и весело въ старомъ исаевскомъ домѣ,—по крайней мѣрѣ, въ „маленькой горницѣ", гдѣ все живое скучивается, обыкновенно, по вечерамъ, самымъ идиллическимъ образомъ коротая время въ задушевныхъ бесѣдахъ, подъ монотонный стукъ дождя или бѣшеное завываніе вьюги.

Привѣтливо горитъ лампа на столѣ, за которымъ вяжетъ, вѣроятно, свою сотую косынку мать, а по бокамъ, на скамейкахъ, сидятъ Ѳоминишна и Дарья, томительно жужжа веретенами своихъ прялокъ. На полу лежитъ груда высушенныхъ полѣньевъ, изъ которыхъ неутомимо „щиплетъ" лучину примостившійся гдѣ-нибудь тутъ же Захаръ, приготовляя зимнее освѣщеніе для кухни и растопки для всего дома. Палашка, я и сестренка усѣлись въ кружокъ возлѣ него и занимаемся сооруженіемъ домиковъ изъ нащипанной уже лучины. Тутъ же расхаживаетъ котъ Ванька, ласкается то къ одному, то къ другому, извиваетъ дугой спину и хвостъ и мурлычетъ, чудится мнѣ, одну незамысловатую пѣсенку:

Вилы, грабли... сѣно косятъ...
Дѣвки, бабы квасу просятъ.

Но вотъ, обиженный нашимъ невниманіемъ, онъ отходитъ прочь и направляется въ сторону жужжащихъ таинственно веретенъ. Тамъ вскорѣ удается ему схватить одно изъ нихъ въ обѣ лапы и подбросить кверху, а вслѣдъ затѣмъ получить отъ Ѳоминишны здоровую затрещину.

— У, прахъ тебя возьми, пострѣлъ!..

Но Ванька не унываетъ. Онъ подбирается уже къ самой барынѣ. Вотъ-вотъ нацѣлился—и вдругъ хвать у нея съ колѣнъ клубокъ шерсти! Клубокъ катится, распутывается, нитка обвивается вокругъ ножекъ стола—и тутъ-то проказнику раздолье, тутъ-то потѣха... Но уже продѣлка его замѣчена, кричатъ „брысь!" Лѣзутъ подъ столъ доставать клубокъ, и Ванька, задравъ хвостъ, давай Богъ ноги. Посидитъ-посидитъ смирно гдѣ нибудь въ уголку и опять за свои проказы.

И тянутся, между тѣмъ, длинные разсказы о томъ, какъ жилось въ старину, по словамъ древнихъ стариковъ и старухъ, когда и народъ былъ честнѣе, и жизнь дешевле, или о томъ, чтó каждому изъ присутствующихъ довелось самому пережить и видѣть интереснаго на своемъ вѣку. Изрѣдка мать что-нибудь читала, но по недостатку книгъ бывало это очень рѣдко. Случалось, что разговоръ принималъ неожиданно

выспренній, философскій оттѣнокъ. Захаръ, человѣкъ неграмотный и часто горько на это сѣтовавшій, забрасывалъ барыню разными мудреными, а подчасъ и щекотливыми вопросами. Мать чаще всего отдѣлывалась отъ нихъ общими мѣстами и фразами.

— Какъ же ты не понимаешь, Захаръ Васильичъ? Такъ ужъ споконъ вѣку ведется, такъ Богомъ устроено...

Захаръ крутилъ головой и, видимо, не удовлетворялся такими отвѣтами.

— Какъ же, молъ, такъ, барыня? Живешь-живешь — и вдругъ помрешь? И знаешь хорошо, что и отецъ твой, и дѣдъ такъ же точка въ точку жили, мякину замѣсто хлѣба ѣли, до поту лица работали, отъ помѣщиковъ побои терпѣли... ну, и въ конецъ всего померли? Какъ будто корова языкомъ со свѣта слизнула... На воробьиный носъ никому пользы отъ ихъ работы не вышло! И могилы ихъ травой-мохомъ поросли, а по-надъ могилами мы, дѣти и внуки, точка въ точку такіе-жъ оболтусы, ходимъ и ту же землю ковыряемъ... Для какой же, барыня, говорю я, причины все это колесомъ идетъ?

Захаръ говоритъ тихо, слегка на распѣвъ и съ перерывами, но чувствуется, что внутри у него все клокочетъ, что онъ глубоко переживаетъ то, что высказываетъ словами.

— Для правды, Захарушка, для правды Божіей люди на свѣтѣ живутъ,—старчески-дребезжащимъ, тошнотворно-благочестивымъ голосомъ отвѣчаетъ ему Ѳоминишна.—Заповѣди святыя блюсти мы должны—вотъ что! Муки всяческія съ терплѣньемъ сносить—вотъ что! Вонъ, страстотерпцы-то Божьи, слыхалъ чай, страсти какія отъ рукъ Ирода проклятущаго и жены его, нечестивой Езавели, приняли, болѣзные? Не нашимъ мукамъ чета!

— Для правды, говоришь?—не унимался Захаръ, и чуть насмѣшливая искорка мелькала въ его глазахъ, и улыбка кривила губы.—Такъ на что-жъ опосля этого, старая, на землѣ люди родятся? Сидѣли бы себѣ на небѣ, тамъ правды-то поболѣ, небось... Тамъ бы душѣ-то и жить безъ грѣха, съ Богомъ да съ анделами! А у насъ—какая тутъ правда? А?

— Нѣтъ, я такъ, барыня, мекаю,—оставлялъ онъ вдругъ свою кощунственную иронію и обращался прямо къ матери: — я такъ разсуждаю, что коли на свѣтъ родится народъ, хоть бы и крестьяны тѣ же, такъ не на одно только горе горькое. Пошто одни пьютъ и ѣдятъ сладко,—ну, васъ, господъ, къ примѣру взять, — а другіе... мы, то-есть, народы всякіе... Нешто отъ Бога это, барыня, а?

Этотъ прямой вопросъ приводитъ мою мать въ явное замѣшательство: ей чудится, что Захаръ хочетъ всю вину сва-

лить съ Бога на тотъ классъ, котораго она является представительницей, и тѣмъ придать бесѣдѣ не безобидный характеръ... Она отвѣчаетъ поэтому уклончиво:

— Не могутъ же, Захаръ Васильичъ, всѣ счастливыми быть, этого и Богъ не можетъ сдѣлать. Вѣдь и дерево на дерево въ лѣсу не походитъ. Другой—мужикъ простой, да въ семьѣ за то счастливъ, а иной – и князь, да изъ-за дурныхъ дѣтей слезами каждый день обливается. Много такихъ примѣровъ! А кромѣ того, Захаръ Васильичъ, и въ тотъ свѣтъ надо же вѣрить: здѣсь будешь сладко пить-ѣсть, а тамъ послѣднему нищему позавидуешь и даже скотамъ безсловеснымъ, — ну, да ужъ поздно будетъ!

— Вотъ, вотъ! Настоящее слово сказали, матушка!—съ торжествомъ подхватываетъ Ѳоминишна, сбитая было съ толку суемудріемъ Захара.—Настоящее, что есть, слово! А то нонѣшній молодой народъ умнѣй самого Господа Бога норовитъ стать... Право слово!

Захаръ немного смущенъ и даже, какъ будто, приниженъ словами барыни. Спорить онъ не рѣшается, хотя поспорить, видимо, не прочь бы... Что-то продолжаетъ въ немъ кипѣть, протестовать, но онъ молчитъ, низко склоняясь надъ лучиной.

— Да и чего-жъ, въ самомъ дѣлѣ, гнѣвить Бога?—продолжаетъ мать, поощренная похвалой старой няньки и увлекаемая потокомъ собственнаго краснорѣчія:—вотъ теперь волю вы отъ господъ получили... Съ графами, можно сказать, съ князьями вровень стали... Правды-то, значитъ, ужъ и больше теперь на свѣтѣ? Ну, а когда дѣти ваши всѣ грамотными будутъ, тогда съ міромъ-то, пожалуй, такое станется, что намъ съ тобой и во снѣ не снится!..

На этихъ словахъ мать неожиданно прикусываетъ языкъ, сообразивъ, какъ будто, что сказала что-то лишнее, несуразное, но уже поздно. Захаръ вдругъ подымаетъ голову, весь словно преображается и почти съ восторгомъ ухватывается за сказанное:

— А-а!.. Вотъ оно самое-то когда!.. Про что же я-то говорю, барыня? Про это вѣдь самое. Свѣту-то таперича нѣту, свѣту-то никакого! Народъ мы темный, лѣсной... Живемъ, ровно слизняки: взялъ, раздавилъ ногой—и только сыренько осталось! А ежели теперь такое будетъ, какъ вы говорите, ежели грамоту, напримѣръ, всѣ произойдутъ, науку... Да вѣдь это что же такое будетъ?.. Ежели теперь сынъ мой... ну, или тамъ племянникъ... все, что мудренаго да хорошаго на свѣтѣ есть, въ книжкѣ вычитаетъ... узнаетъ, какъ жить надо по правдѣ,—тогда... Господи! тогда и умирать вѣдь не надо!

Ѳоминишна неодобрительно качаетъ сѣдой головой и ворчитъ себѣ подъ носъ:

— А кто-жъ тогда землю пахать станетъ, какъ всѣ захотятъ учеными быть?

Но ее не слушаютъ. Лицо Захара сіяетъ, какъ начищенный къ празднику мѣдный тазъ; у него, повидимому, духъ захватываетъ отъ внезапно раскрывшихся передъ глазами широкихъ горизонтовъ... Глядя на него, улыбается мать, улыбается и Дарья, счастливая его счастьемъ.

— А что, дѣвушки, не засидѣлись ли мы?—обращается мать къ окружающимъ.—Вѣдь ужъ десять сейчасъ бить будетъ. Собирайте-ка ужинать.

И все сразу оживляется, все приходитъ въ движеніе. Философскіе споры кончены. Пряхи уносятъ прялки, Захаръ собираетъ свою лучину. Накрываютъ на столъ. Зимніе ужины происходятъ, большею частью, вмѣстѣ: изъ глиняной миски ѣдимъ на одномъ концѣ стола мы, „господа“, изъ деревянной чашки на другомъ концѣ—„слуги“, но пища одна и та же.

Взаимная любовь Захара и Дарьи отличалась трогательнымъ, идиллическимъ характеромъ, но и въ Исаевѣ дѣтей у нихъ попрежнему не было. Тщетно у Дарьи происходили съ моей матерью какія-то таинственныя совѣщанія, во время которыхъ не всегда сразу догадывались отослать меня съ какимъ-либо порученіемъ въ кухню. Мать, обыкновенно, подавала при этомъ свои совѣты серьезно и дѣловито, не моргнувъ, что называется, глазомъ, а Дарья стыдливо закрывалась фартукомъ и легкомысленно смѣялась. Разъ, помню, даже приглашена была въ Исаево, по этому же дѣлу, какая-то славившаяся въ округѣ ворожейка. Помню ея воровски бѣгавшіе глаза, ея медовыя рѣчи... Для чего-то она потребовала, чтобы ее заперли на трое сутокъ въ кладовую, гдѣ хранилась провизія, но, должно быть, соскучилась тамъ или не нашла подходящей поживы, и не прошло и одного дня, какъ она начала просить освобожденія, заявивъ, что „дѣло уже сдѣлано, счастье повернулась“. Она вручила Дарьѣ наговоренную воду и хлѣбъ, велѣла дать ихъ ничего не подозрѣвавшему Захару, получила свою мзду и удалилась... Вообще Захара заставляли въ то время ѣсть и пить не мало всякой дряни, въ цѣляхъ пробудить въ немъ чадородіе, и если, несмотря ни на что, онъ остался въ концѣ концовъ здравъ и невредимъ, то, конечно, обязанъ былъ этимъ исключительно своему могучему организму, а отнюдь не искусству лѣчившихъ его деревенскихъ эскулаповъ.

Что касается наружности Дарьи, то въ моей памяти она отнюдь не рисуется „писаной красавицей“, какъ рекомен-

довала ее когда-то Ѳоминишна. Но привлекателенъ былъ въ ней веселый и милый нравъ, со всѣми уживчивый и покладистый характеръ. Въ этой молодой еще, здоровой женщинѣ, казалось, хранился какой-то неистощимый запасъ нѣжности и искренняго желанія доставить всякому радость и удовольствіе, и, не имѣя собственныхъ дѣтей, она щедро изливала эту душевную теплоту не только на всѣхъ окружающихъ людей, но и на животныхъ: собакъ, лошадей, телятъ... Разумѣется, и я сдѣлался очень скоро Дарьинымъ любимчикомъ и баловнемъ и, въ свою очередь, неотступно держался за ея сарафанъ.

Однажды, въ ту самую минуту, когда Дарья, вынувъ изъ кухонной печи огромный чугунъ горячихъ щей, переносила его на столъ, вокругъ котораго уже сидѣли собравшіеся обѣдать рабочіе,—мнѣ понадобилось зачѣмъ-то спѣшно выбѣжать на улицу, и, понадѣявшись на проворство и ловкость своихъ ногъ, я шмыгнулъ почти подъ самымъ носомъ Дарьи, но въ разсчетѣ моемъ вышла какая-то маленькая погрѣшность, и чугунъ обрушился мнѣ на шею. Кажется, я даже не успѣлъ пикнуть, потому что упалъ замертво... Нѣсколько недѣль опасались даже за мою жизнь, тѣмъ болѣе, что никакой медицинской помощи не было, и лѣчили меня исключительно домашними, деревенскими средствами, зачастую совершенно несуразными. Но и теперь еще, какъ что-то необычайно свѣтлое и милое, вспоминаются мнѣ дни выздоровленія и тотъ нѣжный уходъ, которымъ окружала меня Дарья.

— Лядащенькій ты мой!—говорилъ ея пѣвучій, сладкій, какъ музыка, голосъ въ то время, какъ рабочая, шершавая рука гладила волосы, и въ этихъ движеніяхъ руки, въ этихъ простыхъ, незатѣйливыхъ словахъ слышалось столько теплой материнской ласки, что у меня, помню, сладко щипало отъ нихъ въ горлѣ...

И помню еще одну свою болѣзнь, во время которой Дарья заботилась обо мнѣ, какъ о собственномъ ребенкѣ. Въ тѣ простодушныя времена рѣшительно всѣ тяжелыя болѣзни носили названіе „горячки“. Въ жару и въ бреду воевалъ я день и ночь съ какими-то маленькими человѣчками, которые прятались отъ меня не только подъ стульями, но даже въ стѣнныхъ часахъ. Въ ушахъ моихъ и до сихъ поръ звучитъ, словно неясное бормотаніе осенняго дождя за стѣной, тоскливый голосъ матери:

— Не выживетъ... хоронить придется...

И уже шили мнѣ новую рубашку, въ которой думали положить въ гробъ.

О докторахъ тогда рѣдко вспоминали, да и единственный

врачъ, жившій отъ насъ въ пяти верстахъ по прямому направленію, отрѣзанъ былъ отъ Исаева рѣчкой, моста черезъ которую, разумѣется, не существовало. Кружное разстояніе опредѣлялось въ двадцать верстъ, а лошади, какъ всегда лѣтомъ, были заморены работой. Да, кажется, и еще одно обстоятельство гнало изъ головы мысль о докторѣ. Какъ разъ въ то самое лѣто за рѣкой появились три разбойника... Только и разговоровъ было кругомъ, что про нихъ. Какіе такіе разбойники, откуда они взялись и въ чемъ именно заключались ихъ разбойные подвиги,—никто ничего опредѣленно не зналъ, но магическое выраженіе „за рѣкой пошаливаютъ"—наводило на всѣхъ трепетъ. Случалось, что слухи о разбойникахъ на время затихали, но потомъ вдругъ, безъ всякаго особеннаго повода, вновь усиливались, и въ домѣ—особенно въ сумерки—начинались жуткіе разговоры. Въ эту же пору дня вспоминали обыкновенно, что въ Исаевѣ совершенно нѣтъ никакихъ запоровъ; мать моя ужасалась и клялась, что на другое же утро пошлетъ одного изъ работниковъ на станцію за крючками. Но вставало ясное, великолѣпное утро, прогоняло ночные страхи и призраки,—и мы опять оставались безъ запоровъ...

И вотъ, несмотря на отсутствіе моста черезъ рѣку и бродившихъ гдѣ-то въ окрестностяхъ трехъ грозныхъ разбойниковъ, Дарья охотно взялась отнести меня къ зарѣчному доктору, котораго передъ тѣмъ кто-то изъ гостей очень хвалилъ. Отнести „на куклюшкахъ", т. е. на собственной спинѣ, мальчика лѣтъ семи, больного и, вѣроятно, капризнаго,—было, конечно, нелегкимъ дѣломъ, но въ моей душѣ. и до сихъ поръ ярко живетъ воспоминаніе о той нѣжной бережности, съ какою Дарья выполнила свою трудную задачу. Особенно тяжелъ былъ переходъ черезъ рѣку по „колйщамъ", т. е. по тонкимъ жердочкамъ, наброшеннымъ кое-какъ на вбитые въ рѣчное дно колья. Уцѣпившись обѣими руками за шею Дарьи, я безпомощно висѣлъ у нея за спиной, а она, придерживая одной рукой меня, держала въ другой длинный шестъ и, упираясь имъ въ дно рѣки, осторожно ступала по зыбкому, опасному мостику.

— Дарья! а если... разбойники?—съ тревогой спрашивалъ я время отъ времени.

— А Христосъ съ ними! Что имъ съ насъ взять? Не бойся, желадный!—успокаивала меня Дарья, быстро продвигаясь, между тѣмъ, къ противоположному берегу, гдѣ темнѣлъ густой сосновый лѣсъ и подозрительнымъ шорохомъ шумѣла высокая трава.

Мое больное воображеніе отыскивало повсюду трехъ огромныхъ, подстерегавшихъ насъ, великановъ, съ дубинами въ

рукахъ, но успокоительныя слова Дарьи чудеснымъ образомъ лишали ихъ грозной, пугающей силы и зажигали на лицахъ добродушныя улыбки.

— Дарья, это Захаръ?—не то въ бреду, не то шутливо спрашивалъ я, указывая на рогатый пень среди кустовъ, подвигавшійся къ намъ на встрѣчу и, казалось, привѣтливо кивавшій бородою.

— Да, это Захаръ... Не бойся, мой желадный! - машинально повторяла Дарья и быстро-быстро продолжала идти впередъ.

А кругомъ ярко свѣтило солнце, стояла мертвая тишина, и крѣпко благоухали лѣсные цвѣты...

Что сдѣлалъ со мной зарѣчный докторъ—я не знаю, но говорили, что онъ „сломалъ" мою болѣзнь, и съ того самаго дня я быстро началъ поправляться.

VI.

Первая Захарова пѣсня.—Аннушка.—Я присутствую при одной странной сценѣ.

Такъ прошло, кажется, три или четыре зимы,—мирно-спокойно, какъ одинъ безоблачно-свѣтлый день.

Событіе, съ котораго начался новый періодъ исаевской жизни, случилось въ Ильинъ день. Это былъ престольный праздникъ въ одной изъ ближайшихъ къ Исаеву деревень, очень популярный и собиравшій обыкновенно массу крестьянъ изъ окрестныхъ селъ. Дарья вернулась изъ гостей еще до заката солнца и стала доить коровъ. Захаръ обѣщалъ вернуться слѣдомъ за нею. Водки онъ не бралъ въ ротъ, брагу пилъ въ самомъ умѣренномъ количествѣ и потому не любилъ засиживаться на деревенскихъ пирушкахъ, особенно послѣ наступленія сумерекъ, когда народъ обыкновенно перепивался и заводилъ безобразныя ссоры. Не разъ уже выбѣгала Дарья на кухонное крыльцо и пристально вглядывалась въ быстро темнѣвшій путь, прислушивалась къ малѣйшему шороху въ тихомъ вечернемъ воздухѣ, надѣясь уловить звукъ знакомыхъ шаговъ по дорогѣ, но ничего не было слышно, кромѣ рѣзкаго крика дергачей въ лугахъ да треска позднихъ кузнечиковъ. Заря давно уже погасила свои причудливые огни, и на востокѣ поднимался и густѣлъ мракъ, то и дѣло прорѣзываемый далекими зарницами...

Рабочіе давно ждали ужина, и Дарья, задумчивая и невеселая, вернулась въ кухню къ своимъ хозяйскимъ обя-

занностямъ. Вдругъ со двора вбѣжала молодая работница и съ веселымъ смѣхомъ закричала:

— Захаръ-то идетъ—пѣсни поетъ!..

Дарья вздрогнула, выронила ухватъ и стремглавъ бросилась въ сѣни. Я догналъ ее, и, схватившись за руки, мы побѣжали навстрѣчу пѣвцу въ открытое поле. Гдѣ-то далеко еще, но постепенно приближаясь, въ тепломъ іюльскомъ воздухѣ, дѣйствительно, разливалась пѣсня:

„Заростай ты, путь-дороженька!..“

Я сразу узналъ слова: это была любимая Захарова пѣсня... Въ трезвомъ состояніи онъ только мурлыкалъ ее себѣ подъ носъ, теперь же—пѣсня лилась рѣкою, громко, смѣло, вызывающе...

Захаръ узналъ насъ, лишь когда столкнулся почти лицомъ къ лицу, и въ первое мгновеніе, должно быть, былъ озадаченъ неожиданной встрѣчей—остановился, замолчалъ, сконфуженно осклабился... Потомъ, качнувшись въ сторону, вдругъ словно встрепенулся весь, кинулся обнимать и цѣловать Дарью, наконецъ, заплакалъ.

— Дарья! видишь, я того... готовъ, значитъ! Сердце-то огнемъ жгло... Не залилъ бы виномъ, такъ хоть петлю на шею! Ахъ ты, молъ, жизнь наша разнесчастная! И почто только на свѣтъ мы бѣлый зарождалися? А?

Испуганный, дрожащій, я не выпускалъ Дарьиной руки и все крѣпче сжималъ ее, слыша, какъ и она вся дрожитъ.

— Эхма! да ты какъ же тутъ очутилася?—будто спохватился вдругъ Захаръ.—И землякъ съ тобой? Вотъ притча какая... А я думалъ, ты это въ хороводѣ сейчасъ плясала, платочкомъ бѣленькимъ помахивала... Не ты? Р-ражая баба! Личко—ровно тебѣ сахаръ, щечки—яблочко наливное... Я впрямь думалъ—ты!

— Ступай, ступай домой!—слегка толкнула его въ спину Дарья.—Барчукъ спать хочетъ... Мамаша, поди, безпокоются...

— Э-эхъ!.. Дарья, слушай: подлецъ я... свинья... Прасдово! Бей меня, бей! Прямо въ морду лупи, не жалѣючи! Да ну же, ну... Хоть одну оплеушинку поднеси, ну... Господи! да я въ ножки тебѣ поклонюсь... Подлецъ я!

Дарья пугливо прижималась къ Захару, стараясь удержать его руки, безсвязнымъ лепетомъ уговаривая успокоиться не пѣть, не кричать, и ни одного упрека, ни одного злого слова не срывалось съ ея губъ.

Такъ пришли мы домой. Здѣсь, какъ ни убѣждали Захара лечь поскорѣе спать, онъ почти силой вломился въ комнаты, къ барынѣ, которая только что сѣла ужинать. Къ общему удивленію, она встрѣтила Захара съ непринужден-

ной веселостью. Ей казалось чрезвычайно забавнымъ видѣть подгулявшимъ своего любимца, всегда такого серьезнаго и степеннаго, ненавистника пьяницъ и болтуновъ. Это желаніе ея было удовлетворено вполнѣ и даже съ излишкомъ. Захаръ преуморительно ползалъ передъ ней на колѣняхъ, цѣловалъ ея руки, называлъ ее разными нѣжными именами, просилъ въ чемъ-то прощенія и громко призывалъ Дарью въ свидѣтельницы того, какой онъ мерзавецъ... Дарьѣ стоило большихъ усилій увести его, наконецъ, вонъ и уложить спать.

На другой день Захаръ проснулся, какъ и слѣдовало ожидать, съ сильной головной болью и въ самомъ мрачномъ настроеніи; первой его мыслью, какъ впослѣдствіи самъ онъ однажды признался, было—наложить на себя руки отъ стыда и конфуза... Быть можетъ, онъ ждалъ, какъ исхода, бури слезъ и попрековъ, послѣ которыхъ ему стало бы легче, но ничего подобнаго, къ удивленію его, не послѣдовало: Дарья даже и бровью не повела, какъ будто наканунѣ ровно ничего не случилось. Только лицо ея поблѣднѣло и, какъ будто, слегка осунулось за ночь... Даже и отъ моего дѣтскаго глаза, помню, не укрылись эти внезапно измѣнившіяся отношенія: я ясно чувствовалъ, что какая-то тѣнь легла неожиданно между Захаромъ и Дарьей, и что ни одинъ изъ нихъ не хочетъ первый ее перейти. И такъ длилось нѣсколько дней...

Ребяческая наблюдательность скоро, разумѣется, притупилась; я совершенно выбросилъ изъ головы всю эту исторію и видѣлъ опять прежняго Захара и прежнюю Дарью, съ ихъ рѣдкой взаимной любовью и дружбой; но такъ ли было на самомъ дѣлѣ?..

Должно быть, тою же осенью мать моя впервые обратила вниманіе на Дарьино здоровье. Недавно еще цвѣтущая, всегда веселая молодая женщина, на глазахъ у всѣхъ, вдругъ стала блѣднѣть, худѣть и какъ-то странно притихла. Не слышно стало въ домѣ ея пѣвучаго голоса и серебрянаго смѣха; она бродила повсюду, какъ тѣнь, съ лихорадочно блестящими, ввалившимися глазами, молчаливая и печальная, а на всѣ тревожные разспросы коротко отвѣчала, что вполнѣ здорова. Мать недоумѣвала... Наконецъ, она попробовала заговорить съ Захаромъ.

— А что? Развѣ... дюже плоха?—взглянувъ какъ-то исподлобья, тихо спросилъ Захаръ.

Мать, нерѣдко бравшая на себя роль деревенскаго лѣкаря, отвѣчала дипломатично: покамѣстъ трудно сказать, но вѣдь онъ самъ видитъ, что Дарья теперь не та, что прежде. И долженъ онъ также знать, что лишней работой

Дарью никто не изводитъ. Значитъ, причину надо искать въ чемъ иномъ...

— Вишь ты, грѣхъ какой! — заторопился Захаръ, почесывая въ затылкѣ.—Что-жъ теперича дѣлать? Работишка, какая ни есть, все-жъ наберется въ дому, рукъ проситъ... А Дарья одна вѣдь, все одна. Палашку отпустили, а Ѳомнишна вовсе ужъ хламомъ стала, слѣпа къ тому же...

— Придется хоть на время работницу взять! -въ задумчивости проговорила мать, и тотчасъ же началось обсужденіе вопроса, кого бы взять изъ знакомыхъ женщинъ.

Когда планъ этотъ сталъ извѣстенъ Дарьѣ, она сначала горячо запротестовала и даже всплакнула, но потомъ быстро примирилась и даже сама предложила выпросить у своихъ стариковъ младшую сестру Аннушку.

— Что-жъ,—сказала мать,—если она хоть чуточку на тебя, Дарья, походитъ, я буду довольна.

— Давно не видались мы, барыня, дѣвчонкой она была объ ту пору, какъ я замужъ шла. Ну, а втапоры несхожи мы были... Я-то въ маменьку вся уродилася—русая, бѣлоглазая да рѣчистая, а Анна и лицомъ, и нравомъ въ отца вышла: чернявая да тихая. Надо ужъ всю правду вамъ обсказать, барыня: она въ домѣ-то у насъ дурочкой слыла...

— Какъ такъ дурочкой?

— Да не то, чтобы вовсе дурочка,—это грѣхъ сказать,— а родимчикъ на нее въ родѣ какъ находилъ часами. Сидитъ это, ровно пень, глаза въ одно мѣсто уставитъ, молчитъ... А то смѣется безъ пути, съ чего—понять невозможно... И хоть ты моли, хоть грози, хоть бей—ни слова отъ нея не добьешься, съ мѣста не сдвинешь! А опосля, глядишь, опять ничего—все съ охотой дѣлаетъ, что тамъ по годамъ ея нужно.

— Сколько-жъ теперь ей лѣтъ?

— Осьмнадцать, пожалуй, будетъ. Теперь-то, слышно, въ въ полномъ разумѣ дѣвка.

— Ну, что-жъ, Дарья. Лишь бы покорная была да работящая. Поѣзжай въ добрый часъ въ Сорочины!

Дарья вернулась въ Исаево съ младшей сестрой недѣли за двѣ до Рождества. Пріѣзжихъ усадили за чай, обступили, стали разспрашивать. Всѣ мы усиленно разглядывали Аннушку. Она казалась значительно старѣе своихъ лѣтъ и на Дарью нисколько не походила: высокая, статная, съ пышной грудью, съ длинной, какъ змѣя, и черной, какъ уголь, косой, непріятно поражала она какимъ-то безпокойно-жгучимъ румянцемъ щекъ, а взглядъ глубоко сидѣвшихъ карихъ глазъ положительно было трудно выносить. Анна

была при этомъ неразговорчива и замкнута; никогда и потомъ я не видѣлъ, чтобъ она улыбнулась...

Въ горницу вошелъ и Захаръ.

— Вотъ мой хозяинъ,—обратилась Дарья къ сестрѣ.— Чай, не помнишь?

Къ удивленію всѣхъ, оказалось, что Аннушка отлично его помнитъ и сразу узнала, несмотря на десять лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, какъ она могла его видѣть.

— А что, шибко постарѣлъ я за эстолько годовъ-то?— широко улыбаясь, полюбопытствовалъ Захаръ. — Аннушка окинула его съ ногъ до головы своимъ пронизывающимъ взглядомъ.

— Нештó!—сказала она коротко и отвернулась. Захаръ помялся еще немного и вышелъ къ лошадямъ.

Вечеромъ того дня я слышалъ, какъ мать, ложась спать, призналась Ѳоминишнѣ, что Аннушка ей не понравилась.

— Ну, да мнѣ-то что!—заключила она:—Дарья въ отвѣтѣ.

И жизнь пошла въ Исаевѣ обычной колеей. Анна заявила себя тихой, послушной работницей, и первое неблагопріятное для нея впечатлѣніе понемногу изгладилось.

На второй или третій день Рождества у насъ была устроена елка, доставившая немалое удовольствіе даже взрослымъ обитателямъ Исаева. Нарадовавшись на огни и даже наплясавшись вокругъ елки, стали лить олово... То-то было шуму и страстныхъ споровъ, когда вынимали изъ воды шлепнувшійся туда съ сердитымъ шипѣньемъ расплавленный металлъ и начинали наводить на стѣну тѣнь отъ вылившейся фигурки! Одному казалось, что это—кольцо, и Захаръ съ лукавой усмѣшкой подмигивалъ Ѳоминишнѣ на Аннушку; мать утверждала—и при этомъ, будто неумышленно, глядѣла на Дарью, — что совершенно ясно видитъ что-то въ родѣ люльки... То видѣли, вдругъ, локомотивъ и ломали головы, кому бы это и куда бы предстояло ѣхать въ дальнюю дорогу. Одной только Ѳоминишнѣ мерещились разныя нехорошія вещи: кресты, гроба, памятники, но она не высказывала вслухъ своихъ опасеній и только тяжко вздыхала и покачивала сѣдой головой...

Послѣ разнаго сорта гаданій, навѣявшихъ на публику нѣсколько торжественное настроеніе, съ величайшимъ энтузіазмомъ приступили, по совѣту матери, къ игрѣ въ веревочку. Достали кольцо, стали всѣ въ кругъ, не исключая даже Ѳоминишны,—и тутъ началось такое жестокое хлопанье по рукамъ, при общемъ оглушительномъ хохотѣ, точно всѣ играющіе были немногимъ старше меня съ Катей! Всего больше потѣшались надъ степеннымъ и медлительнымъ Захаромъ, который всѣхъ чаще зѣвалъ и становился

въ кругъ. Неловко поворачиваясь то туда, то сюда и обливаясь седьмымъ потомъ, онъ тщетно пытался застигнуть кого-нибудь съ кольцомъ въ рукѣ и ударить по ней,—почти всегда онъ опаздывалъ и давалъ промахъ. Особую мстительность питалъ онъ, повидимому, къ Аннушкѣ, которая всякій разъ, какъ ей приходилось стать въ кругъ, почти немедленно успѣвала поймать Захара, ловко и больно ударивъ его по неуклюжей рукѣ.

Въ заключеніе веселаго вечера, мать, велѣвъ погасить на елкѣ огни и поснимавъ съ нея нѣкоторыя украшенія и пряники, надѣлила всѣхъ присутствующихъ гостинцами. Спать разошлись уже въ первомъ часу ночи, въ самомъ отличномъ расположеніи духа.

Промелькнулъ мясоѣдъ; прошла и масленица, какъ всегда, жирная и сытная, съ блинами и сметаной.

Разъ утромъ, я только что проснулся и сталъ протирать глаза, какъ Дарья, въ радостномъ волненіи, съ слезами на глазахъ, вбѣжала въ горницу и, не въ силахъ выговорить слова, бросилась чуть не на шею къ барынѣ, нѣжившейся еще въ постели.

— Дарьюшка, да неужели?.. Господи, наконецъ-то!—въ свою очередь, радостно лепетала мать, и, ровно ничего не понимая, я усиленно прислушивался и широко таращилъ глаза.

Любопытство мое было замѣчено; женщины стали говорить шепотомъ, и я могъ уловить только отдѣльныя, попрежнему радостныя, восклицанія.

— Сохрани тебя Богъ теперь же ему сказать,—совѣтовала мать.—Хоть недѣльку еще повремени. А то увѣрится, начнетъ радоваться, а вдругъ... Тоже вѣдь бываетъ!

Дарья, хотя и съ видимой неохотой, покорилась благоразумному совѣту. Впрочемъ, благодаря возбужденному во мнѣ утренней сценой любопытству, я подмѣтилъ, что весь этотъ день она явно заигрывала съ Захаромъ, не обижаясь даже тѣмъ, что онъ неохотно принималъ ея ласки, сдвигалъ брови, старался—не то шутя, не то серьезно—отстранить ее отъ себя, уходилъ подъ разными предлогами на улицу.

Уже смеркалось. Дарья вышла во дворъ, и я, по обыкновенію, за ней увязался. Всѣ послѣдніе дни стояла сильная оттепель; снѣгъ быстро таялъ, съ крышъ не прерывалась капель, въ воздухѣ вѣяло ранней весною...

Мы заглянули на скотный дворъ. Тамъ, сбившись въ тѣсную кучу, стояли коровы, съ дюжимъ и сердитымъ быкомъ во главѣ, и звучно жевали жвачку. Онѣ поглядѣли на насъ съ какимъ-то умнымъ и дружелюбнымъ любопыт-

ствомъ. Въ полумракѣ просторнаго, но низкаго скотнаго помѣщенія пріятно пахло навозомъ; въ тишинѣ слышалось только ровное дыханіе животныхъ, и какъ-то странно прозвучалъ мой голосъ, когда я о чемъ-то спросилъ Дарью.

Мы собирались уже вернуться домой, какъ вниманіе наше привлечено было красивой черной телкой съ бѣлой звѣздой на лбу, которая смотрѣла намъ въ глаза какъ-то особенно ласково и выжидательно. Дарья подошла къ ней, звучно потрепала нѣсколько разъ по крутой шеѣ, нагнулась и поцѣловала кроткое животное въ мягкія, влажныя ноздри. И въ это самое мгновеніо низенькая, едва замѣтная дверь маленькаго хлѣва, гдѣ помѣщались обыкновенно новорожденные телята, неожиданно распахнулась, и оттуда стрѣлой выскочила Аннушка... Она чуть не сшибла насъ съ ногъ и, вся раскраснѣвшаяся, съ растрепанной, косой, не вымолвивъ ни одного слова, убѣжала...

Мы съ Дарьей переглянулись, въ изумленіи.

Опомнившись, я юркнулъ въ хлѣвъ, желая узнать, нѣтъ ли тамъ чего любопытнаго, что объяснило бы Аннушкино волненіе.

— Дарья, да здѣсь Захаръ! Не бойся! — наивно закричалъ я тотчасъ же, увидавъ дѣйствительно Захара, который въ тускломъ освѣщеніи, падавшемъ изъ маленькаго оконца, стоялъ въ углу пустого хлѣва съ граблями въ рукахъ и для чего то шевелилъ ими лежавшую тамъ кучу соломы.

Я вышелъ изъ хлѣва, чтобы позвать Дарью, но ея уже не было на скотномъ дворѣ. Я побѣжалъ, слѣдомъ за ней, въ кухню.

Здѣсь я засталъ Аннушку, которая, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣла на скамьѣ, совершенно спокойная, съ приведенною уже въ порядокъ косою. Только лицо было, можетъ быть, немного блѣднѣй обыкновеннаго.

— Гдѣ Дарья, Аннушка?—спросилъ я.

— За перегородкой, кажись, — былъ равнодушный отвѣтъ.

Дарья лежала тамъ на кровати, вся трясясь, какъ въ лихорадкѣ. Съ этимъ извѣстіемъ я и поспѣшилъ къ матери, но о сценѣ въ хлѣву почему-то умолчалъ,—самъ не придавая ей особеннаго значенія.

Въ домѣ поднялась суматоха.

— Вотъ что радость то большая дѣлаетъ!—добродушно ворчала про себя мать.

VII.

Разрывъ.—Рожденіе Ивана.—Послѣднія вѣсти объ Аннѣ.

Недѣли двѣ, должно быть, прошло послѣ описанной исторіи, и она почти уже изгладилась изъ моей памяти, какъ однажды въ кухнѣ послышались страшные крики и шумъ. Очутиться тамъ—для меня было, конечно, дѣломъ одного мгновенія.

Посреди кухни стояла Дарья и, не помня себя отъ ярости, съ посинѣлыми губами, стиснутыми кулаками, какъ раненая львица, кричала на Анну:

— Проклятая! Змѣя подколодная! На что пошла! Что только ты въ себѣ думаешь? Отвѣчай, стерва, душу всю изъ тебя вытрясу!

И маленькая, тщедушная Дарья, въ самомъ дѣлѣ, съ такой силой трясла высокую, статную Анну за плечи, что та шаталась.

— А! вы думали, омманете?.. Да нѣтъ, укараулила я... Всѣ ноченьки напролетъ глазъ не смыкала, въ сѣняхъ на морозѣ часами за шкапомъ простаивала... Поймала-таки! Креста на тебѣ нѣтъ, паскуда! Вѣдь ты сестра мнѣ родная? Ай забыла? На шею чужому мужу вѣшаешься, по хлѣвамъ съ нимъ прячешься...

Вся блѣдная, какъ мраморъ, неестественно-спокойная, Анна глядѣла сестрѣ прямо въ глаза.

— Чего тебѣ надыть? Отстань!

— Не отстану! Постылая ты... гадина смердячая... Вѣдь я все теперь знаю: вѣдь живешь ты съ имъ?

— Ну-къ што-жъ.

— Какъ что? Безстыжіе твои шары, да вѣдь я жена ему законная.

— А на кой лядъ ты ему, кошка этакая... драная?

Отъ неожиданнаго оскорбленія Дарья на минуту онѣмѣла: выпустила руку Анны, которую все время крѣпко держала, и горько заплакала.

— Аль, можетъ, робенка отъ его нажить хошь?—пробормотала она сквозь слезы.

— А тебя завидки берутъ?—со злобой отозвалась тотчасъ же Анна.

Что-то жестоко-безстыдное, звѣриное исказило красивыя черты дѣвушки; она дѣланно засмѣялась, обнаживъ при этомъ свои бѣлые, какъ снѣгъ, острые зубы. Но не успѣла она еще дойти до скамейки, какъ Дарья ястребомъ опять налетѣла на нее, и двѣ звонкія пощечины огласили кухню...

И почти въ то же мгновеніе сама она была сбита съ ногъ ударомъ свирѣпаго кулака: откуда-то неожиданно по-

явился Захаръ и, съ искаженнымъ злобой лицомъ и съ налитыми кровью глазами, пиналъ валявшуюся безъ чувствъ Дарью, во что попало, сапогами.

Въ дверяхъ, въ ужасѣ и недоумѣніи, стояла мать съ Ѳоминишной... Анна сидѣла на лавкѣ и, уткнувшись въ фартукъ лицомъ, странно раскачивалась изъ стороны въ сторону и выла, какъ полоумная... На мгновеніе она, казалась, прислушивалась къ тому, что происходило въ кухнѣ, затихала, но тотчасъ же опять принималась голосить и плакать навзрыдъ...

Дарью перенесли въ отдаленную часть дома и стали приводить въ чувство.

Вслѣдъ затѣмъ стало извѣстно распоряженіе матери, чтобы Анна собиралась немедленно въ Сорочины. Любопытство мое было возбуждено всѣми этими событіями до послѣдней степени напряженія, и я поминутно шмыгалъ въ кухню за новыми свѣдѣніями. Но тамъ все уже было тихо. Захаръ гдѣ-то скрывался...

Только поздно вечеромъ Ѳоминишна пришла сообщить матери, что дѣвка, видно, съ ума спятила: то ревма реветъ, то срамными словами ругается, посуду въ кухнѣ колотитъ, горшки швыряетъ, домой же собираться и не думаетъ.

Такъ, въ страшной тревогѣ, прошло нѣсколько дней. Дарья лежала въ жару; мать плакала и не знала, что предпринять. И вотъ, разъ утромъ, дверь отворилась, на порогѣ маленькой горницы показался Захаръ и, молча, повалился ей въ ноги.

Мать тотчасъ же овладѣла собою и приняла строгій, холодный видъ.

— Ты просишь прощенья, Захаръ? Объ этомъ мы ужо поговоримъ, а сейчасъ запряги Шарапа и привези мнѣ со станціи фельдшера для Дарьи. А какъ вернешься, отвези Анну въ Сорочины.

Ни слова не возразилъ Захаръ. Неизвѣстно, какія средства пустилъ онъ въ ходъ—ласку или угрозу, но на другой же день Анна навсегда покинула Исаево.

Медленно и трудно шло Дарьино выздоровленіе. Разсказывали, что когда ей стало, наконецъ, получше, Захаръ подошелъ разъ къ постели больной и, ловя губами ея блѣдныя, изможденныя руки, сказалъ едва внятно:

— Дарьюшка, прости!..

— Богъ проститъ,—такъ же тихо отвѣтила Дарья.

Плохой миръ лучше доброй ссоры. И хотя примиреніе казалось неполнымъ и даже не совсѣмъ чистосердечнымъ, у всѣхъ возродилась надежда на то, что былое безоблачное счастье можетъ еще вернуться.

Каково же было поэтому общее удивленіе и негодованіе когда на Пасхѣ Захаръ отпросился на побывку въ родную, деревню, а вскорѣ послѣ того открылось, что онъ тамъ и не былъ вовсе, а видѣли его гдѣ то въ сорочинскомъ лѣсу... Открытіе это произвело на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе, и даже я, помню, смутно понималъ его важность и значеніе...

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда у Дарьи въ началѣ лѣта родился, наконецъ, сынъ-первенецъ, Иванъ. Намъ съ Катей было сообщено, разумѣется, что мальчика нашли рано утромъ въ огородѣ, на огуречной грядкѣ, куда, очевидно, положилъ его ангелъ. Помнится, я смутно понималъ уже сочиненность этого разсказа, но онъ нисколько не мѣшалъ мнѣ прыгать въ неистовомъ весельи и спрашивать, скоро-ль Иванъ пойдетъ играть со мною...

И Захаръ, повидимому, радовался рожденію сына: говорили, что онъ подошелъ къ женѣ и сказалъ ей нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Ѳоминишна долго потомъ упрекала Дарью за ледяное молчаніе, которымъ она отвѣтила на это привѣтствіе. Но мать, напротивъ, одобряла Дарьинъ поступокъ: она была страшно озлоблена противъ Захара, не вѣрила больше въ возможность его исправленія и иначе не называла, какъ обманщикомъ и подлецомъ.

И, какъ будто торопясь оправдать это дурное мнѣніе о себѣ, Захаръ быстрыми шагами опускался все ниже и ниже. Изъ гостей частенько возвращался онъ сильно навеселѣ, а въ трезвомъ состояніи ходилъ всегда злой и угрюмый и съ самой барыней разговаривалъ какъ-то сквозь зубы, нехотя и грубо, отводя глаза въ сторону. Но особенно рѣзко измѣнились его отношенія къ Дарьѣ: жгучая ненависть свѣтилась теперь въ каждомъ его взглядѣ, случайно падавшемъ на жену, и нерѣдко можно было услышать изъ устъ Захара, недавно еще такого корректнаго и сдержаннаго на языкъ, безсмысленную, дикую брань, точно спеціально придуманную имъ для Дарьи.

— У, мытъ сапастый!..—говорилъ онъ, чѣмъ-нибудь недовольный ею, и свирѣпо скашивалъ при этомъ глаза въ ея сторону и судорожно сжималъ зубы и кулаки.

А Дарья?.. Она ходила все время съ красными, опухшими отъ слезъ глазами и, какъ прирожденная рабыня, всегда первая шла съ повинной головой...

Ослабѣла, замѣтно, и ретивость Захара въ работѣ, остыла его горячая заботливость о барскомъ интересѣ. Уже давно пора было начинать покосъ, а онъ подъ разными предлогами все откладывалъ и откладывалъ; тѣмъ временемъ

пошла полоса сплошныхъ дождей, отъ которыхъ трава переросла и загнила. Сѣнокосъ былъ испорченъ...

Мать раздражалась и волновалась до безконечности и все собиралась объясниться съ Захаромъ на чистоту. Но въ одинъ прекрасный вечеръ ей доложили, что онъ куда-то уѣхалъ, никому ничего не сказавъ и ни у кого не спросившись. Былъ ли это явный бунтъ? Отправился ли онъ, наконецъ, по деревнямъ „скликать“ народъ на косовицу? Или, просто, поѣхалъ опять въ Сорочины?..

Вскорѣ послѣ того мы узнали, что Анну выдали замужъ въ одну изъ отдаленнѣйшихъ деревень. Разсказывали, что незадолго до этого событія исчезли всѣ признаки ея, давно уже для всѣхъ явной, беременности, и всезнающія кумушки указывали даже озерко, въ которомъ, будто бы, погибъ несчастный младенецъ...

Во всякомъ случаѣ, Анна съ этихъ поръ точно въ воду канула, и я никогда больше ничего объ ней не слышалъ.

VIII.

Переѣздъ въ городъ.—Друзья моего отца.—Сѣмена вольномыслія.

Мнѣ шелъ уже восьмой годъ, когда мать сама попыталась взять указку и впервые засадить меня за букварь. Но сдѣлать это, при ея слабомъ характерѣ и моей деревенской одичалости, было нелегко. Стоило мнѣ увидать промелькнувшую подъ окномъ тѣнь птицы, какъ я моментально забывалъ объ ученьи и съ крикомъ: „Воробей! Воробей!“ — какъ пуля, вылеталъ изъ комнаты. Наука подвигалась, такимъ образомъ, туго, и я не дѣлалъ даже самыхъ элементарныхъ успѣховъ.

Но судьба уже готовила большую перемѣну въ моей жизни. Однажды изъ города получилось ошеломляющее извѣстіе, что пресловутая „она“,—полька Феликса, игравшая роль не только гувернантки Виктора, но и всевластной домоправительницы,—поссорилась съ моимъ отцомъ и уѣхала вмѣстѣ съ мужемъ-калѣкой въ Варшаву.

Точно какая-то бурная волна ворвалась неожиданно въ тихую исаевскую жизнь... Утративъ обычное спокойствіе и равновѣсіе, мать на всѣ вопросы сосѣдей, не собирается ли она переѣзжать въ городъ, отвѣчала только растерянной улыбкой и неопредѣленными фразами:

— Да не знаю еще, какъ... Не вернется-ль еще...

Но уже было очевидно, что „она“ больше не вернется: Викторъ очень подробно и картинно описывалъ послѣд-

нія сцены разставанія, во время которыхъ пущены были въ ходъ чубукъ отца и костыль „ея“ мужа... Не замедлило и письмо самого отца. Оно было нѣсколько туманно и витіевато. При желаніи можно было уловить даже колючія ноты, заподозрить ядовитые намеки въ словахъ, что причиной происшедшей катастрофы были „темныя интриги и подпольныя каверзы невѣжественныхъ людей, которые въ самомъ святомъ и высокомъ способны видѣть одно пошлое и грязное“; но, такъ какъ эти „люди“ названы все же въ письмѣ не были, и мать моя, къ тому же, чувствовала себя и душой, и тѣломъ неповинной въ какихъ-либо интригахъ и каверзахъ, то, по образному ея выраженію, она при чтеніи колючей части письма „надѣла глухую шапку“ и все вниманіе обратила лишь на заключительныя строки: „Балбеса Алешку нельзя дольше ни минуты оставлять въ Исаевѣ съ мужиками, если онъ самъ и *другіе* не хотятъ выростить изъ него такого же мужика. Да и Катѣ нужна уже музыка и французскій языкъ. Поэтому я рѣшилъ взять для нихъ въ домъ образованную даму, которой и поручить ихъ подготовку въ гимназіи, Алексѣя—въ мужскую, Катерины—въ женскую. Сбрасывайте же немедленно свою исаевскую лѣнь и переѣзжайте въ городъ, поручивъ имѣніе Захару,—конечно, если онъ не сталъ еще такимъ же мошенникомъ, какимъ былъ Аѳанасій“.

Письмо было, какъ всегда, безличное, безъ прямого обращенія къ матери, но ясно было, что и она приглашается также въ городъ. Никакихъ прямыхъ поводовъ и предлоговъ для отговорокъ на этотъ разъ не представлялось, и хотя фраза о какой-то „образованной дамѣ“ будила смутную тревогу,—поѣздка въ городъ рѣшена была безповоротно.

Въ губернскомъ городѣ тоже имѣлся у насъ собственный домъ, и хотя отецъ только купилъ его, а не строилъ по личному плану и вкусу, но, по пословицѣ „на ловца и звѣрь бѣжитъ“, домъ этотъ отличался не меньшими архитектурными странностями, чѣмъ исаевскій. Помимо того, что и въ немъ „не держалось“ почему-то тепло, онъ былъ еще совершенно... косой, такъ какъ одинъ изъ выходившихъ на улицу угловъ походилъ на остріе пилы, а другой—тупой—разъѣзжался чуть не въ прямую линію... Чтобы нѣсколько замаскировать изнутри этотъ курьезный дефектъ, — въ залѣ, выходившей окнами на улицу, на мѣстѣ остраго угла, устроенъ былъ фальшивый (не отворявшійся) шкафъ. Домъ былъ большой, мрачный, весь изъ проходныхъ комнатъ; но сзади, во дворѣ, прятались два уютныхъ флигелька, занятыхъ, обыкновенно, жильцами, и къ нимъ примыкалъ большой запущенный садъ. Одинъ изъ флигелей оказался

къ нашему пріѣзду свободнымъ, и этимъ было нѣсколько скрашено первое наше пребываніе въ городѣ.

— А, исаевскіе аборигены!—встрѣтилъ насъ отецъ незнакомымъ иностраннымъ возгласомъ (онъ вообще питалъ слабость къ иностраннымъ словамъ), и хотя въ словахъ этихъ могла скрываться и ядовитая насмѣшка, въ тонѣ голоса звучало, однако, добродушіе.

Былъ вечеръ. Сѣли тотчасъ же пить чай, и отецъ занялся съ матерью бесѣдой о хозяйственныхъ дѣлахъ Исаева. Викторъ показывалъ мнѣ съ Катей свои книги съ картинками, а также подаренные ему кѣмъ-то игрушечные часы, которые „исаевскій аборигенъ“ и не замедлилъ сломать.

Между тѣмъ, отецъ уже не разъ дѣлалъ Виктору тайные знаки, и тотъ выходилъ куда-то изъ комнаты, а, возвращаясь, пожималъ плечами. Наконецъ, отецъ не вытерпѣлъ и, вмѣсто телеграфическихъ переговоровъ, сказалъ громко, почти вспыливъ:

— Что же она, братецъ, модничаетъ? Пойди скажи, что это даже невѣжливо.

Викторъ еще разъ пожалъ плечами (я въ первый разъ въ жизни видѣлъ эту „городскую“ манеру и съ жадностью любовался ею) и опять вышелъ изъ комнаты.

И послѣ этого дверь почти немедленно распахнулась, и къ намъ выплыла съ довольно кислымъ видомъ пухлая, сильно напудренная дама лѣтъ 35, которую отецъ и представилъ моей матери, какъ будущую мою и Катину гувернантку.

— Ахъ, простите, мадамъ, — залепетала она разслабленнымъ, больнымъ голосомъ: — я совсѣмъ по домашнему одѣта. Но у меня такой мигрень... такой страшный мигрень... Я свѣта Божьяго не вижу!

— Что-жъ это съ вами, Елена Михайловна? — обезпокоился вдругъ отецъ:—можетъ быть, угорѣли?

— Ахъ, не знаю... Мнѣ, повидимому, вреденъ здѣшній климатъ. Такъ все дѣйствуетъ на нервы...

Она просидѣла не дольше пяти минутъ, и разговоръ все время вертѣлся на ея болѣзни Отецъ предлагалъ то одно, то другое средство противъ мигрени... Когда Елена Михайловна простилась съ нами и ушла въ свою комнату, онъ, явно не въ духѣ, тоже вскорѣ скрылся. Мать вопросительно посмотрѣла на Виктора:

— Таетъ передъ ней?..

Викторъ, сдвинувъ густыя, какъ у отца, брови, только пожалъ загадочно плечами.

Столько лѣтъ спустя и на основаніи одныхъ ребяческихъ впечатлѣній и воспоминаній, мнѣ трудно, конечно, судить,

существовали ли въ дѣйствительности какія-нибудь романическія отношенія между отцомъ и—сперва „полькой Феликсой“, которой я, къ тому же, не зналъ даже лично, а затѣмъ—Еленой Михайловной. Въ объясненіе многихъ кажущихся странностей въ поведеніи отца я долженъ сказать только слѣдующее.

При всѣхъ темныхъ чертахъ своего характера, изъ которыхъ главною была чисто-азіатская вспыльчивость, то и дѣло доводившая его до рукоприкладства на физіономіяхъ подвластныхъ людей, сначала солдатъ и крѣпостныхъ, а потомъ и собственныхъ дѣтей, — у него, повидимому, съ раннихъ лѣтъ тлѣло въ душѣ инстинктивное отвращеніе къ породившей его самого россійской дикости и, напротивъ, почти богомольное уваженіе къ малѣйшимъ слѣдамъ европейской культуры и просвѣщенности. И особенно импонировалъ ему лоскъ образованія въ женщинахъ: по отношенію къ нимъ онъ могъ быть настоящимъ рыцаремъ, безъ всякой даже надежды на какую-либо непосредственную награду... Впрочемъ, будучи самъ человѣкомъ убогаго образованія, онъ, подобно гоголевскому Анучкину, требовалъ отъ женщины, кажется, весьма немногаго,—главнымъ образомъ, знанія музыки и французскаго языка, о которыхъ, къ тому же, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія...

Я думаю, эта странная смѣсь азіатскихъ и европейскихъ привычекъ и вкусовъ въ характерѣ моего отца была въ связи съ долгимъ пребываніемъ его въ молодости, въ годы военной службы, въ Польшѣ. Сравнительная мягкость нравовъ польскаго общества и большая близость его къ духу западно-европейской жизни, не въ силахъ будучи измѣнить кореннымъ образомъ собственный его нравъ и характеръ, оставили, тѣмъ не менѣе, на его умѣ и фантазіи глубокій, неизгладимый слѣдъ. Не къ однимъ только полякамъ, но и вообще къ инородцамъ питалъ онъ какое-то наивное, почти смѣшное пристрастіе, всегда и вездѣ стремясь съ ними сближаться и предпочитая ихъ русскимъ во всѣхъ дѣловыхъ отношеніяхъ. Такъ, былъ у него свой придворный портной-еврей, честность котораго онъ ставилъ выше всякаго подозрѣнія, хотя, къ огорченію его, это былъ не настоящій еврей, а выкрестъ, но другихъ въ нашемъ городѣ не имѣлось...

Упомяну уже кстати о томъ, что отецъ былъ не чуждъ и писательскаго зуда, если не говорить о нѣкоторомъ литературномъ дарованіи. Такъ, въ описываемый періодъ своей жизни онъ сочинилъ мелодраму „Нина“, гдѣ развивалъ мотивъ небольшого разсказа подъ тѣмъ же заглавіемъ, вычитаннаго въ „Сынѣ Отечества“. Драма-левіаѳанъ состояла

изъ десяти или двѣнадцати дѣйствій и была абсолютно несценична (я читалъ ее впослѣдствіи); тѣмъ не менѣе, авторъ посылалъ ее и въ цензуру, и въ какія-то редакціи, — конечно, безрезультатно,—и, должно быть, немало огорченій получилъ отъ своего неудачнаго дѣтища...

Какъ бы то ни было, въ душѣ моего отца имѣлись, несомнѣнно, какіе-то запросы, не вполнѣ, быть можетъ, сознательные, а подчасъ не лишенные и извѣстной доли комизма, но возвышавшіе его и надъ собственнымъ житейскимъ „я“, и, тѣмъ болѣе, надъ умственнымъ уровнемъ окружающихъ. Запросамъ этимъ очень мало, конечно, могла отвѣчать моя мать, человѣкъ отъ природы очень добрый, но съ безхитростно-простымъ деревенскимъ умомъ,—какъ всѣ уѣздныя барышни того времени, обученная, что называется, на мѣдныя деньги. Къ тому же, женились они, очевидно, не по любви, и скоро между ними создалась куча недоразумѣній на чисто-матеріальной почвѣ.

Любилъ я слѣдить за отцомъ въ рѣдкіе его праздничные часы, когда онъ находился въ обществѣ людей, къ которымъ почему-либо благоволилъ и приходу которыхъ бывалъ радъ. Такихъ людей было, правда, немного, но они все же были. Къ ихъ числу принадлежалъ, прежде всего, квартировавшій въ одномъ изъ нашихъ флигелей офицеръ Хоменко, молодой еще человѣкъ, холостой, большой щеголь и красавецъ, не выговаривавшій буквы *р*, и почему-то слывшій среди знакомыхъ замѣчательно развитымъ и образованнымъ человѣкомъ. Это не мѣшало ему, заманивъ иногда въ свой флигель меня и другихъ жившихъ поблизости дѣтей, показывать намъ удивительно-безстыдныя картинки и разсказывать омерзительные анекдоты; между прочимъ, и надъ постелью его висѣла, обыкновенно занавѣшенная, большая картина съ какой-то голой женщиной, которую онъ тоже не разъ со смѣхомъ показывалъ мнѣ. По счастью, я выросъ въ деревнѣ среди женщинъ, которыхъ нерѣдко видалъ въ костюмѣ праматери Евы, и во мнѣ вызывало, помню, только равнодушное недоумѣніе—зачѣмъ онъ все это дѣлаетъ...

Отецъ, конечно, и не подозрѣвалъ существованія подобной „слабости“ у своего любимца, который импонировалъ ему своимъ злымъ острословіемъ, не щадившимъ порой и самыхъ близкихъ пріятелей. Выбравъ иногда мишенью какого-нибудь скромнаго человѣка, онъ положительно преслѣдовалъ его шутовскими выходками и ироническими кличками, доводя чуть не до слезъ и какъ бы вызывая на ссору. Съ отцомъ онъ тоже, случалось, пикировался, но никогда не переходилъ границъ осторожности...

Говорили, что Хоменко велъ большую карточную игру въ клубѣ, но почему-то онъ охотно принималъ участіе и въ той игрѣ „по маленькой", въ преферансъ и въ стуколку, которую отецъ любилъ устраивать у себя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

— Ну, вы... большіе корабли...—обращался къ нему обыкновенно отецъ, — гдѣ же вамъ плавать въ нашемъ прудишкѣ! Мы и сосчитать-то столько не умѣемъ, сколько вы въ одинъ вечеръ выигрываете.

— Не ск'омничайте, Иванъ Та'асычъ, не ск'омничайте,— любезно и вмѣстѣ ядовито отзывался Хоменко:—к'асна иг'а не деньгами, а па'тне'ами!—И тотчасъ же присаживался къ столу, гдѣ затѣвалась обычная игра по маленькой.

Другимъ отцовскимъ любимцемъ и почти ежедневнымъ посѣтителемъ нашей квартиры былъ нѣкто Рудаковскій, служившій подъ началомъ отца не то въ качествѣ стряпчаго, не то архиваріуса. Я помню, что мудреное названіе его должности тщетно заставляло меня ломать голову относительно ея смысла и значенія. И лицо Рудаковскаго соотвѣтствовало его загадочной для меня профессіи: совершенно бритый, какъ актеръ, онъ постоянно улыбался какой-то странной, точно снисходительной улыбкой и, по крайней мѣрѣ при мнѣ, никогда не произносилъ ни одного слова, ни одного звука. Отецъ былъ, тѣмъ не менѣе, самаго высокаго мнѣнія о своемъ сослуживцѣ и нерѣдко многозначительно говаривалъ въ его отсутствіи: „А, это—голова!" И всѣмъ думалось, а мнѣ, конечно, въ особенности, что это, дѣйствительно, голова...

Но особенно любилъ отецъ нѣкоего Масленицкаго, кажется, служившаго когда-то вмѣстѣ съ нимъ въ военной службѣ и теперь занимавшаго въ уѣздномъ судѣ второе послѣ него мѣсто. Они были на „ты", и отецъ, склонный вообще къ нѣкоторому сентиментализму, всѣмъ и всюду подчеркивалъ, что Масленицкій его первый на свѣтѣ другъ, за котораго онъ голову отдастъ на отсѣченіе. И, конечно, онъ отдалъ бы... Однако, во внѣшнемъ обликѣ „друга" не было, на мой, по крайней мѣрѣ, взглядъ, ничего особеннаго: толстый, краснолицый, съ прямыми жесткими усами и солдатской выправкой во всей фигурѣ, онъ глядѣлъ на все и на всѣхъ какими-то глупо удивленными, вытаращенными рачьими глазами и съ одинаковымъ, казалось, добродушнымъ вниманіемъ выслушивалъ какъ серьезный разсказъ, такъ и шутливый анекдотъ. А любимой его репликой было „Не можетъ быть?!" или, еще чаще: „Те-те-те-те-те!"

Стряпчій Рудаковскій самъ въ игрѣ обыкновенно не участвовалъ, а сидѣлъ возлѣ Елены Михайловны и, съ

обычной своей лукаво-загадочной улыбкой на тонкихъ бритыхъ губахъ, неслышно нашептывалъ ей какіе-то таинственные совѣты. Отецъ, по своей привычкѣ, кипятился, обвиняя партнеровъ въ недогадливости или ротозѣйствѣ, громко хлопалъ картами по столу, съ азартомъ кричалъ: „Пасъ!“ или торжественно провозглашалъ: „Прикупаю!“ Хоменко кого-нибудь подзуживалъ своими шуточками, а Масленицкій то и дѣло удивлялся: „Да не можетъ быть!“ Въ общій хоръ врывался визгъ Елены Михайловны по поводу какой-нибудь упущенной взятки...

Насколько я боялся заходить въ общую залу, когда тамъ бывалъ одинъ отецъ, настолько же любилъ, незамѣтно приткнувшись въ уголку, смотрѣть на эту непонятную мнѣ игру за зеленымъ столомъ и ловить таинственные выкрики разгоряченныхъ людей. Но настоящій пиръ наступалъ для меня, когда игра въ карты почему-либо не устраивалась, и гости занимались серьезными разговорами. Я впитывалъ ихъ въ себя, можно сказать, какъ губка воду...

Заводчикомъ этихъ разговоровъ бывалъ почти всегда отецъ—потому ли, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ начитаннѣе и любознательнѣе своихъ собесѣдниковъ, или же просто по большей своей экспансивности.

— Вотъ, вы говорите — религія, религія... — начиналъ онъ, хотя я и не слышалъ, чтобы передъ тѣмъ кто-нибудь произносилъ это слово —А какъ же, скажите, былъ распятъ Спаситель? Ладони пробиты гвоздями? Да развѣ это возможно! Повѣсьте-ка въ такомъ положеніи человѣка: вѣдь ладонь непремѣнно тотчасъ же разорвется? Вѣдь тутъ, въ сущности, хрящи, а не кости. Ну, и человѣкъ свалится съ креста... Нѣсколькихъ часовъ, не то что дней, не провиситъ!

— Те-те-те!—откликался первымъ Масленицкій, и его пораженные изумленіемъ глаза, казалось, хотѣли выкатиться изъ орбитъ.

— Ахъ, какія ужасныя вещи вы всегда проповѣдуете, Иванъ Тарасычъ!—взвизгивала Елена Михайловна,—невозможный вы человѣкъ!

— Извѣстно, либе'алъ! — иронически аттестовалъ Хоменко.

— Это не отвѣтъ,—самодовольно возражалъ отецъ, расхаживая по комнатѣ и попыхивая своимъ неразлучнымъ чубукомъ.—А вы скажите мнѣ, какъ это могло быть? Ну-ка, образованные люди...

Вызовъ направлялся, очевидно, къ Хоменкѣ, и тотъ, покидая шутливый тонъ, пробовалъ принять глубокомысленный видъ.

— Но вѣдь это фактъ, Иванъ Та'асычъ, фактъ! Это не 'елигіозная выдумка. Тогда, дѣйствительно, 'аспинали!

— Да, но какъ?—не унимался отецъ и раздумчиво пояснялъ свою мысль:—развѣ, быть можетъ, ниже кисти вколачивали гвоздь въ руку?.. Ну, а вотъ что скажите еще: воскресенье изъ мертвыхъ... какъ? Это тоже фактъ? А? Ха-ха-ха!

Отъ этого кощунственнаго смѣха все живое въ комнатѣ, казалось, цѣпенѣло на минуту. Только Рудаковскій не переставалъ загадочно улыбаться... Хоменко же начиналъ потихоньку насвистывать какой-то маршъ.

— Я смѣюсь вотъ надъ чѣмъ,—продолжалъ отецъ:—какъ это столько умныхъ людей на свѣтѣ было, и никто до сихъ поръ не догадался, что все это Пилатовы штуки.

— Пилатовы штуки?!—почти съ ужасомъ вскрикивалъ Масленицкій.

— Ну, да. Пилатъ вѣдь нехотя отдалъ Іисуса на казнь. Ну, и онъ, конечно, радъ былъ всякую пакость учинить еврейскимъ старѣйшинамъ. Само собой... И вотъ Пилатъ сговорился съ учениками: я, молъ, сквозь пальцы стану смотрѣть, а вы того... не зѣвайте. Если угостите стражу и украдете тѣло, скажу вамъ даже спасибо. Ну, само собой, воины перепились—и... А потомъ показали, что, молъ, Богъ вѣсть, какіе страхи видѣли на разсвѣтѣ: громъ, молнію, ангеловъ и проч. Хорошій сюрпризецъ былъ для Анны съ Каіафой... И, какъ раньше Пилатъ умылъ руки, такъ теперь онъ съ восторгомъ потиралъ ихъ!

— Те те-те!

— И вѣдь какъ 'азсказываетъ Иванъ Та'асычъ, точно будто самъ п'и всемъ этомъ п'исутствовалъ.

Дѣйствительно, такъ именно излагалъ отецъ свои историческіе домыслы. И дѣтское воображеніе мое пылало, и я воочію видѣлъ всѣ „Пилатовы штуки".

Затѣмъ разговоръ переходилъ, случалось, на политику, и въ этого рода вопросахъ отецъ, помню, точно такъ же обнаруживалъ взгляды, нерѣдко производившіе среди его друзей полный переполохъ.

— Опять, пожалуй, Наполеонъ кашу заваритъ на Балканахъ,—заводилъ онъ,—и опять намъ бока намнутъ.

— Не можетъ быть!—восклицалъ Масленицкій.

— Иванъ Та'асычъ всегда ка'каетъ. Не ка'кайте вы, либе'алъ!—отзывался Хоменко.

— Да мнѣ чего же каркать?—защищался отецъ.—У васъ хотя и эполеты на плечахъ, но вы передо мной, можно сказать, неопытный юнецъ. Мои-то бока вѣдь ужъ достаточно намяты. Знаете-ль вы, господинъ офицеръ, что я когда-то

съ ума сходилъ по этимъ звѣздочкамъ и шнурочкамъ и думалъ, что сильнѣе Россіи державы нѣтъ на свѣтѣ?

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ!

Ну... мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ! Отецъ мой... покойникъ... былъ богатый помѣщикъ и мечталъ меня, младшаго сына, пустить по хозяйственной части. А я и спалъ, и бредилъ военной службой... И вотъ однажды, въ спорѣ, отецъ запустилъ мнѣ въ лобъ тарелку.

— Те-те-те-те-те!

— Да. Крутенекъ былъ старикъ. Но я продолжалъ зачитываться „Русскимъ Инвалидомъ". Стишки тамъ патріотическіе печатались, до сихъ поръ наизусть помню.

Забалканскій графъ иди—
И побѣда впереди.

— Это про графа Дибича...

Въ честь ему греми „ура"—
Грекамъ праздновать пора.

— О братьяхъ-славянахъ въ то время и понятія еще не имѣли. А вотъ графу Паскевичу стихи:

Ура! Паскевичъ Эриванскій,
Ты—русскій громъ, страхъ оттоманскій,
Ты обломилъ лунѣ рога,
Грозой войны смирилъ врага.

— Это въ турецкую кампанію 1829 года писалось. Старшій братъ мой былъ убитъ тогда подъ Рущукомъ... А потомъ начался польскій мятежъ... Намъ внушалось въ ту пору, что поляки нарушили божественное право Россіи владѣть ихъ страной и заслужили законное и справедливое возмездіе отъ нашего правительства. И я искренно считалъ ихъ мятежниками и жалѣлъ объ одномъ только, что по несовершеннымъ годамъ своимъ не могъ принять личнаго участія въ ихъ усмиреніи. Сердце мое такъ и прыгало, когда я читалъ все въ томъ же „Инвалидѣ":

Взбѣленясь отъ злого нрава,
Царства русскаго жена,
Расходилась вдругъ Варшава,
Бунтовщица издавна.
Захотѣлось ей развода,
Быть чтобъ полной госпожей..

Да разводы брать не мода
На Руси у насъ святой!

— И какъ она тамъ „ни кичила“, а „падамъ до ногъ возопила!“

— А позвольте сп'осить, Иванъ Та'асычъ,—вмѣшивался вдругъ Хоменко съ предательски-саркастической усмѣшкой на губахъ,—мнѣ хотѣлось бы знать дѣвичью фамилію вашей почтенной матушки.

— Моей матери?—останавливался отецъ, озадаченный.— Евдокія Гриневичъ. А что?

— У'а, господа! Сек'етъ найденъ! Иванъ-то Та'асычъ, оказывается, полякъ на половину... Это въ немъ к'овь гово'итъ, что онъ за поляковъ всегда заступается.

Хихикала Елена Михайловна, улыбался Рудаковскій, не совсѣмъ рѣшительно Масленицкій начиналъ: „те-те...“

— Очень жаль, господинъ поручикъ, но вы ошибаетесь,— нѣсколько холодно, но съ грустью, отвѣчалъ отецъ, опять принимаясь ходить по комнатѣ.—Предки мои, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, искони были православные, хотя и жили въ Западномъ краѣ. Къ стыду своему, я чистокровный русакъ, а говорю про поляковъ то, что мнѣ подсказываетъ убѣжденіе. Это—народъ обиженный, ограбленный... да, да, да! Не спорьте!.. Но они куда выше насъ, образованнѣе, гуманнѣе, деликатнѣе. Даже языкъ польскій...

— Кши... пши... вши...—паясничалъ Хоменко, и всѣ кругомъ фыркали.

Отецъ начиналъ хмурить брови и явно раздражаться.

— Ну, да! Ну, да! Обычныя русопетскія издѣвки... И не вамъ бы, образованному человѣку, ихъ повторять. Вы спросите лучше: есть ли за то у поляковъ тѣ мерзкія бранныя слова, которыя у насъ невозбранно раздаются на всѣхъ площадяхъ и улицахъ, и, слыша которыя, стыдишься быть русскимъ? Да и неправда это, что польскій языкъ менѣе благозвученъ. Скорѣе, русскій передъ нимъ—грубъ. Поэзія польская гремѣла уже, когда у насъ и понятія еще о стихахъ не имѣли.

— Иванъ Тарасычъ, прочтите намъ, пожалуйста, польскіе стихи,—просила Елена Михайловна.

Отецъ не отказывался и читалъ что-то наизусть съ жаромъ, съ азартомъ, но, должно быть, очень неважно, потому что говорилъ онъ по-польски, какъ отзывались сами поляки, изъ рукъ вонъ скверно.

Хоменко, однако, больше не придирался.

— А какъ же попали вы въ военную службу? Доска-

жите, Иванъ Тарасычъ. Это ужасно интересно,—заминала неловкій разговоръ Елена Михайловна.

И отецъ досказывалъ, хотя уже, видимо, съ меньшей охотой, сокращая и цѣдя слова сквозь зубы.

— Дальше мало интереснаго... Ну, не дождался я совершеннолѣтія и бѣжалъ отъ отца. Матери уже не было въ живыхъ. Поступилъ въ солдаты. Отецъ былъ потрясенъ и, кажется, даже тронулся немного разсудкомъ. Распродалъ всѣ свои фольварки и помѣстья и разъѣзжалъ по Россіи, отыскивая мой полкъ. Такъ и умеръ скоропостижно въ одномъ маленькомъ городкѣ, на пути ко мнѣ. Всѣ его деньги, конечно, при этомъ пропали. Ну, и остался я голъ, какъ соколъ, при одномъ своемъ бурбонскомъ патріотизмѣ.

— Да вы, Иванъ Та'асычъ, и 'одились поди, либе'аломъ!

— Ну, нѣтъ, прозрѣлъ-то я много позже, когда ужъ плечи протерла солдатская лямка. Это вѣдь вамъ, нынѣшніе образованные молодые люди, чины-то и ордена легко даются и скоро, а я собственнымъ лбомъ до штабсъ-капитана достукался... черезъ двадцать лѣтъ... при отставкѣ!

И въ голосѣ отца звучала глубокая грусть и горечь. Всѣ молчали.

— Господа,— начинала вдругъ пищать Елена Михайловна,—что это мы сегодня все философствуемъ? Не постучать ли хоть немного?

— Одоб'яю!—вскидывался тотчасъ же и хватался за колоду картъ Хоменко, то ли наскучившій разглагольствованіями отца, то ли находившій не совсѣмъ удобнымъ развитіе затронутой темы.

И немедленно начиналась игра въ стуколку: двигались стулья, шелестѣли сдаваемыя карты, скрипѣлъ и стучалъ мѣлъ, звучали игорные термины.

Я съ сожалѣніемъ покидалъ свой наблюдательный постъ и потихоньку уходилъ спать, глубоко взволнованный всѣмъ слышаннымъ, хотя и не вполнѣ понятымъ мною...

Л. Мельшинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

АВТОНОМЪ.

(Къ характеристикѣ идеологіи современнаго сектантства).

Раціонализмъ является доминирующей чертой въ русскомъ сектантствѣ. Мистическая экзальтація, влекущая человѣческій духъ въ атмосферы туманныхъ высотъ, даже въ періодъ острыхъ религіозныхъ исканій, отнюдь не свойственна народнымъ массамъ, какъ можетъ это показаться на первый взглядъ при сравненіи идеологіи народнаго сектантства съ міросозерцаніемъ представителей религіознаго разномыслія въ интеллигентскихъ кругахъ.

Мистицизмъ въ народной средѣ въ значительной степени удѣлъ разочарованныхъ, погруженныхъ въ глубокую апатію; это временное слѣдствіе окружающихъ ненормальныхъ условій. Но и пессимизмъ явленіе скоропреходящее. Религіозный экстазъ, присущій, быть можетъ, отчасти каждой вновь нарождающейся сектантской ячейкѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ быстро исчезаетъ при столкновеніи съ реальными условіями русской дѣйствительности. Въ деревнѣ, гдѣ идетъ въ точномъ смыслѣ слова повседневная борьба за существованіе, борьба за «реальныя» блага, критика существующаго общественнаго строя черезъ призму евангельскаго ученія, дающая разительное противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью, неизбѣжно переноситъ центръ тяжести въ область, значительно отдаленную отъ проблемы «абсолютной свободы человѣческой личности для жизни въ Богѣ». И такимъ образомъ сектантская доктрина, выросшая на почвѣ евангельскаго ученія, преломляется въ жизни въ доктрину почти исключительно соціально-экономическую; ту же судьбу неизбѣжно переживаетъ проповѣдь непротивленія злу; ученіе о царствѣ Божіемъ, находящемся «внутри насъ», и т. д.

Эту эволюцію въ развитіи идеологіи большинства группъ, принадлежащихъ къ раціоналистическому сектантству, чрезвычайно ярко въ небольшомъ масштабѣ изображаютъ находящіяся въ нашемъ распоряженіи интересныя автобіографическія записки одного сектанта.

Авторъ ихъ—уроженецъ одной изъ южныхъ губерній—простой

крестьянинъ, не прошедшій даже учебнаго курса сельской школы. Когда мы съ нимъ познакомились, нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ служилъ приказчикомъ у помѣщика средней руки, а ранѣе ночнымъ сторожемъ при школѣ. Это въ полномъ смыслѣ самоучка; но тѣмъ интереснѣе эволюціи въ его міросозерцаніи,—эволюціи, которыя онъ переживалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ мучительныхъ исканій правды-истины.

Автономъ,—такое оригинальное имя носитъ нашъ сектантъ,—много выстрадалъ на своемъ вѣку: его не разъ судили, административно ссылали въ мѣста не столь отдаленныя,—однимъ словомъ, онъ на собственномъ горбу испыталъ всѣ прелести россійскаго режима.

Безхитростныя записки Автонома, представляющія изъ себя серію «писемъ къ друзьямъ», отчетливо рисуютъ намъ ходъ развитія его мыслей, всѣ богатыя переживанія его мечущейся души.

Онъ выступаетъ передъ нами въ качествѣ истинно-вѣрующаго въ духѣ православія. Но сомнѣнія гложутъ его. Первыя его разсужденія всѣ касаются религіи: передъ нами проходитъ длинный рядъ писемъ, направленныхъ по адресу Іоанна Кронштадтскаго, съ цѣлыми трактатами по догматическимъ вопросамъ.

Затѣмъ Автономъ выступаетъ передъ нами въ качествѣ уже «настоящаго сектанта», пытающагося пересоздать жизнь на евангельскихъ началахъ, и отчасти послѣдователя Л. Н. Толстого: тутъ мы имѣемъ бесѣды о нравственномъ самоусовершенствованіи, о непротивленіи злу и т. п.

Религія,—разсуждаетъ Автономъ,—должна занимать главное мѣсто въ жизни человѣка, между тѣмъ люди чрезвычайно мало удѣляютъ вниманія ученію о нравственности. «Спросите, напримѣръ, любого крестьянина, зачѣмъ онъ пашетъ, сѣетъ, молотитъ. И онъ вамъ отвѣтитъ самыми удовлетворительными словами, изъ которыхъ вы увидите, что онъ вполнѣ понимаетъ свое дѣло. Спросите также и всякихъ дѣлъ мастеровъ, купцовъ, инженеровъ, докторовъ и т. п., и всѣ эти люди отвѣтятъ вамъ еще болѣе удовлетворительно, чѣмъ крестьянинъ. А спросите вы всѣхъ этихъ людей о томъ способѣ, посредствомъ котораго они думаютъ добывать то, что необходимо для души. Спросите, какимъ способомъ воспитывать въ себѣ нравственныя качества души; какимъ способомъ усмирить въ себѣ человѣка-животнаго и развить въ себѣ человѣка душевно-нравственнаго, человѣка, въ которомъ бы духовная Божеская сторона преобладала надъ животною... И всѣ эти люди наговорятъ вамъ такого, что вы сразу увидите изъ ихъ словъ, что они совсѣмъ не понимаютъ того, что въ жизни людей должно быть на первомъ планѣ».

Итакъ, нравственное самоусовершенствованіе, духовное развитіе человѣка должно быть выдвинуто въ первую очередь. Но Автономъ, однако, очень скоро приходитъ къ убѣжденію, что нравствен-

ное самоусовершенствованіе, духовное развитіе человѣка должно идти рука объ руку съ улучшеніемъ его матеріальнаго быта. «Сколько милліоновъ людей стонутъ подъ игомъ неправды, которая лежитъ на нихъ тяжелымъ камнемъ и которую они не въ силахъ сбросить съ себя потому, что они окружены непроницаемымъ мракомъ невѣжества». Но мыслимо ли просвѣщеніе для человѣка, голоднаго и замученнаго тяжелымъ трудомъ. Нашему самобытному философу приходится дать отрицательный отвѣтъ. Случай ставитъ вплотную передъ Автономомъ «проклятые вопросы» текущей дѣйствительности.

Одинъ знакомый показываетъ ему статью изъ «*Московскихъ Вѣдомостей*», гдѣ говорится о пьянствѣ и лѣни русскаго рабочаго народа. Къ лѣни же пріучаютъ слишкомъ большіе надѣлы у крестьянъ.

Автономъ пишетъ чрезвычайно интересное разсужденіе на эту тему; онъ тщательно разбираетъ сдѣланное газетой обвиненіе, попутно въ яркихъ краскахъ очерчивая бѣдственное правовое и экономическое положеніе русскаго крестьянства.

Онъ очень рѣзко обличаетъ виновниковъ этихъ бѣдствій, каковыми считаетъ образованные классы. Никакихъ различій онъ не дѣлаетъ: каждый интеллигентъ для него эксплуататоръ. Въ немъ еще сильна закваска «морализированнаго народничества», съ которой онъ познакомися черезъ толстовцевъ. Онъ возстаетъ противъ «образованныхъ» людей, противъ культуры, которая творится за счетъ народныхъ массъ, которымъ остаются въ удѣлъ тяжелый трудъ, голодъ и холодъ. Какая польза въ прогрессѣ, разъ плодами его пользуются лишь немногіе «просвѣщенные» люди, а «девяносто милліоновъ» полудикихъ людей голодаетъ?

«Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы не живемъ такъ, какъ подобаетъ жить человѣку, а, такъ сказать, влачимъ самую жалкую жизнь въ грязи и невѣжествѣ, почти ничѣмъ не лучше рабочаго скота. Они называютъ насъ лѣнтяями... Всѣ ведущіе трудовую и почти скотскую жизнь, спросите у нашихъ близорукихъ и даже жестокихъ обвинителей: правда ли то, что мы лѣнтяи? Пойдемте въ поле: тамъ нѣтъ ни одного дворянина. Давайте пройдемся и по улицамъ города, гдѣ производятся постройки и спросимъ работающихъ, кто они такіе? И тутъ непремѣнно окажется, что всѣ рабочіе то крестьяне, то мѣщане: и тутъ нѣтъ ни купцовъ, ни дворянъ, ни духовенства. Пойдемте дальше: вотъ недалеко заводъ; спросимъ тамъ, не окажется ли хоть на заводѣ дворянина, купца, духовника; и тутъ изъ этихъ людей нѣтъ ни одного... Вы поступаете жестоко, обвиняя въ лѣни насъ, ведущихъ трудовую жизнь... Если мы не работаемъ физически, то мы работаемъ умственно,—возразятъ мнѣ. Это вѣрно, но мы скажемъ, что физическій трудъ невыносимо тяжелѣе, поэтому и мы бросимъ его и тоже захотимъ работать умственно, тогда результатомъ этого,

само собой разумѣется, будетъ то, что и вы, и мы погибнемъ отъ голода и холода... Если въ жизни необходимъ физическій трудъ еще болѣе, чѣмъ умственный, то почему же бываетъ такая несправедливость, что у васъ рабочій день продолжается пять часовъ, а у насъ наименьшій двѣнадцать, а то и семнадцать часовъ, а плата вамъ наименьшая—80 коп., а намъ 20 и даже меньше... Ваша умственная жизнь направлена лишь къ тому, чтобы выдумать, какъ, не работавши, жить безбѣдно, а потомъ еще увѣряете насъ, что вы благодѣтели наши, благотворите намъ, что безъ васъ мы погибли бы. «Вы пьяницы,—опять скажутъ мнѣ наши близорукіе обвинители,—у васъ чуть появится лишній грошъ, онъ вамъ какъ будто противенъ, и вы его торопитесь поскорѣй пропить». Но если сравнить тѣ гроши, которые пропиваютъ наши пьяницы-труженики съ тѣми десятками тысячъ, которые тратятся людьми, не знающими трудовой жизни, на безумную и вредную прихоть, то наши гроши окажутся безконечно малою частицею. Да наши-то пьяницы пропиваютъ собственный трудъ, а люди, не знающіе, какъ трудно добывать средства для жизни, пропиваютъ то, что удерживаютъ изъ нашего труда. Образованные, благородные люди одержимы ужаснымъ недугомъ слѣпоты и глухоты, которая мѣшаетъ имъ видѣть и слышать дѣйствительную жизнь съ ея ужасными явленіями... Во всемъ мірѣ эти ужасныя бѣдствія, голодъ, холодъ, непомѣрно тяжелый трудъ почти исключительно создавались и создаются такъ называемыми благородными людьми... Удивительное дѣло: учится, учится человѣкъ и доучится до того, что самыя ужасныя бѣдствія людей нисколько не трогаютъ его сердца; на какомъ-нибудь сравнительно маленькомъ клочкѣ земли умираетъ голодною смертью девяносто милліоновъ людей, а они облагаютъ ихъ налогами и не только сами не приходятъ къ несчастнымъ на помощь, а еще всячески стараются скрывать эти ужасныя мученія и отъ тѣхъ, которые желаютъ помочь несчастнымъ. Голодаетъ девяносто милліоновъ полудикихъ людей, а просвѣщенные, благородные люди пьютъ, ѣдятъ, окружаютъ себя самою безумною роскошью... Непозволительныя увеселенія—это благородство. Голодаютъ девяносто милліоновъ полудикихъ людей, а образованные благородные люди ѣздятъ изучать этихъ живыхъ скелетовъ, художественно описываютъ, какъ эти несчастные, умирая, ползаютъ по землѣ, какъ они высохли до того, что ударяя кость о кость, кости ихъ звенятъ, какъ сталь... Это благородство? Доведутъ людей до самаго ужаснаго положенія, произведутъ между ними самыя ужасныя, заразительныя, повальныя болѣзни со смертностью девяносто девять на ста, а потомъ учреждаютъ голодные фонды, деньги которыхъ тратятъ вовсе не туда, куда онѣ назначены... Чѣмъ больше сталкиваешься съ разными классами человѣческаго общества, тѣмъ больше приходишь въ недоумѣніе, кого считать грубыми невѣждами. Тотъ ли классъ общества, который

почти не имѣетъ никакого понятія о просвѣщеніи, потому что онъ поставленъ въ такія жизненныя условія, что ему бываетъ недоступно просвѣщеніе, или тотъ привилегированный классъ, на сторонѣ котораго всѣ удобства къ просвѣщенію и который присваиваетъ себѣ право руководить судьбами народа».

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій Автономъ дѣлаетъ часто «толстовскій» выводъ. Наука не облагораживаетъ человѣка. Надо учиться не наукамъ, а тому, какъ надо жить. «Школы воспитываютъ не людей, полезныхъ обществу, а части огромнаго колеса жизненной машины, которое, къ сожалѣнію, часто вертится во вредъ человѣчеству. А потому является крайняя необходимость замедлять движеніе этого во вредъ вертящагося человѣчеству колеса. Я думаю, что настоящій человѣкъ, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вездѣ сіяетъ, какъ золото въ золѣ, и положительно все равно, получилъ ли онъ формальное образованіе или нѣтъ».

Въ концѣ концовъ Автономъ убѣжденъ, что «главное зло отъ того зависитъ и существуетъ, что люди не сознаютъ себя виновными въ его существованіи. И это зло будетъ существовать и не умаляться до тѣхъ поръ, пока люди не сознаютъ въ немъ своей собственной вины»...

Но Автономъ скоро выходитъ изъ этой стадіи толстовскаго развитія. Онъ встрѣчается съ толстовцемъ, который не даетъ своимъ дѣтямъ никакого образованія, считая, что образованіе не способствуетъ нравственному совершенству человѣка. Автономъ воочію убѣждается, какой вредъ можетъ принести такой взглядъ. До тѣхъ поръ, пока образованіе не сдѣлается достояніемъ народной массы, человѣчество останется въ той стадіи развитія, въ которой находится теперь.

«Если бы я не зналъ хорошенько,—пишетъ онъ позднѣе,—о полезности образованія и не зналъ бы того источника зла, которое разъѣдаетъ нашу жизнь, я проклялъ бы всякое стремленіе къ образованію и страшно возненавидѣлъ бы всякаго, кто занесъ бы руку взять книгу. Но я крѣпко сознаю, что образованіе полезно и необходимо для правильной жизни людей, какъ необходимы пища и питье для того, чтобы жить, но только оно настоящую пользу можетъ тогда принести всѣмъ людямъ, когда оно будетъ доступно всѣмъ, а не нѣкоторымъ.

Истинное образованіе облагораживаетъ человѣка и подвигаетъ его по пути прогресса ко всеобщему благу. Я всѣми силами своей души сочувствую и содѣйствую скорѣйшему преобладанію этого истиннаго образованія надъ тѣмъ, которое создаетъ неправильные порядки жизни... Да здравствуетъ прогрессъ!..»

Наука даже въ томъ масштабѣ, какъ она примѣняется теперь къ жизни, приноситъ неизмѣримую пользу народу. «Мы имѣемъ полное право гордиться тѣмъ, что не безъ толку прожили этотъ вѣкъ. Бѣда только въ томъ, что всѣ эти техническія улучшенія

жизни не приносятъ всей той пользы человѣчеству, которую они могли бы и должны бы приносить... Хорошее дурнымъ нельзя назвать, хорошее только и можетъ быть хорошимъ, и можетъ приносить только пользу, а не вредъ... И если сравнить теперешнее положеніе личности съ положеніемъ, въ которомъ она находилась даже сто лѣтъ тому назадъ, то теперешняя личность, какъ она ни мало имѣетъ человѣческихъ правъ, но она имѣетъ ихъ, тогда какъ не далѣе, какъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ всѣ члены общества, кромѣ правящаго класса, положительно всѣ не имѣли почти никакихъ человѣческихъ правъ, а въ особенности рабочій классъ находился въ такихъ тяжелыхъ цѣпяхъ рабства, которыхъ и для домашнихъ животныхъ теперь поискать надо».

И эта новая точка зрѣнія повела уже мысль Автонома по другому пути. Отъ идеи непротивленія злу, отъ идеи общественнаго квіэтизма, Автономъ переходитъ къ идеѣ активной борьбы со зломъ, необходимости общественнаго переворота. «Если мы, видящіе всю тяжесть положенія народа, будемъ стараться улучшить жизнь, то она будетъ, хотя медленно, но улучшаться, а если мы оставимъ борьбу со зломъ, то оно будетъ расти, и жизнь народа будетъ ухудшаться. Образованные люди вполнѣ довольны настоящимъ общественнымъ строемъ, стараются сохранить этой строй навсегда, утверждая, что лучшаго общественнаго устройства не только не можетъ, но и не должно быть. Конечно, виновникамъ нищеты и невѣжества не выгодно, если народъ разовьется физически и нравственно, тогда откроется передъ всѣми ихъ обманъ, всѣ узнаютъ, что порядки, заведенные ими, не справедливы. А потому они и стараются жестоко преслѣдовать всякую попытку бѣдствующихъ людей выйти изъ своего бѣдственнаго положенія; называютъ это самымъ страшнымъ государственнымъ преступленіемъ».

Мысль Автонома все больше и больше сосредоточивается на необходимости измѣненія общественныхъ порядковъ. Автономъ попадаетъ въ тюрьму. Тюрьма и ссылка еще болѣе содѣйствуютъ этой метаморфозѣ въ его убѣжденіяхъ. Здѣсь онъ наталкивается на случай, когда несправедливость общественныхъ порядковъ выступаетъ особенно ярко. «Не подумайте, дорогіе друзья, что я называю нашихъ правителей отъ мала до велика недобрыми, лживыми и корыстолюбивыми потому, что я униженъ и оскорбленъ ими, что я враждебно отношусь къ нимъ: нѣтъ, увѣряю васъ, что я говорю то, что дѣйствительно существуетъ, что видѣлъ чуть не сотни разъ — самый ужасный произволъ, отъ котораго страдаютъ милліоны людей, называющихся у насъ преступниками, между тѣмъ какъ многіе изъ этихъ преступниковъ виноваты настолько, насколько виноватъ голодный за то, что онъ голоденъ и ѣстъ хлѣбъ... Если бы была возможность прослѣдить исторію всякаго, такъ или иначе нарушающаго современные законы, то я глубоко убѣжденъ, что большая часть изъ этихъ нарушителей закона прежде, чѣмъ сдѣ-

латься преступниками закона, настрадались въ волю, не выдержали тяжести жизни и только тогда рѣшились сдѣлаться преступниками закона. Я думаю, что виноваты въ нарушеніи современнаго закона не только тѣ, которые являются явными нарушителями его, а виноваты въ этомъ всѣ мы, потому что живемъ такъ, что необходимо должны быть и воры, и убійцы, и всякаго рода совершители зла. Мы своею несправедливою жизнью производимъ въ людяхъ нищету, а она производитъ зависть, противъ которой многіе слабые люди не могутъ устоять и дѣлаются преступниками... Многое множество людей находится въ такомъ ужасномъ положеніи, что имъ на свободѣ гораздо хуже, чѣмъ въ тюрьмѣ».

Итакъ, въ преступленіяхъ виновато само общество. Преступленія порождаютъ ненормальныя соціальныя условія.

Общественное переустройство становится центральнымъ мѣстомъ въ разсужденіяхъ Автонома.

«Самое первое и главное зло въ нашей горькой жизни заключается въ нашемъ невѣжествѣ; второе въ томъ, что мы находимся въ рабскомъ положеніи, третье въ недостаткѣ земли и вообще предметовъ, къ которымъ мы могли бы приложить свою рабочую силу». Автономъ начерчиваетъ цѣлый планъ необходимыхъ государственныхъ реформъ (цитируемыя записки относятся преимущественно къ девяностымъ годамъ).

«До тѣхъ поръ, пока будутъ существовать такіе порядки, отъ которыхъ намъ бываетъ очень тяжело жить, до тѣхъ поръ на нашей сторонѣ всегда будетъ непомѣрный трудъ, самая горькая нужда, рабство и невѣжество». Прежде всего необходимо ограничить власть правительства и часть этой власти передать народу; надо измѣнить теперешній общественный порядокъ, уничтожить злоупотребленіе довѣріемъ общества тѣми людьми, которымъ общество довѣрило власть надъ собою, чтобы уничтожить произволъ власти, подчинить ее подъ общественный контроль».

Мы видимъ, что у бывшаго толстовца выступаетъ очень опредѣленно сознаніе необходимости коренной политической реформы: при существующемъ общественномъ строѣ далѣе жить нельзя: намъ плохо, дѣтямъ будетъ еще хуже.

«Братья труженики, повторяю вамъ, пора намъ опомниться, пора проснуться отъ вѣкового летаргическаго сна и сознать, что мы люди... пора намъ самимъ серьезно взяться за свое освобожденіе. До сихъ поръ люди, сочувствующіе нашему тяжелому положенію, старались освободить насъ, улучшить нашу жизнь, и ничего не вышло; будемъ же, братья, сами бороться противъ существующей неправды и для себя, и для своихъ будущихъ поколѣній»...

Сосредоточивъ свое вниманіе на вопросахъ общественнаго уклада, Автономъ, повидимому, много силъ потратилъ на пополненіе недочетовъ въ своемъ образованіи. Жизнь привела его къ убѣжденію необходимости общественнаго переустройства. Онъ хочетъ позна-

комиться съ государственнымъ устройствомъ на Западѣ, хочетъ проникнуть въ самую сущность тѣхъ соціально-экономическихъ вопросовъ, которые волнуютъ его, и всѣ его письма къ друзьямъ наполнены просьбами о присылкѣ книгъ. Эту литературу онъ усвоилъ хорошо. Въ своихъ запискахъ Автономъ показываетъ даже значительную начитанность въ исторіи, политической экономіи и т. д. Воззрѣнія его въ этихъ областяхъ, конечно, не оригинальны; онъ пересказываетъ лишь содержаніе тѣхъ книгъ, которыя прочиталъ. Въ этихъ книгахъ онъ черпаетъ научное обоснованіе своимъ теоріямъ, онъ ихъ систематизируетъ; изъ нихъ онъ узнаетъ о сущности соціализма. Послѣдній такъ совпадаетъ съ его идеаломъ равенства, что онъ, по его словамъ, обѣими руками подписывается подъ новымъ ученіемъ.

Автономъ-соціалистъ для насъ уже менѣе интересенъ; его воззрѣнія, почерпнутыя изъ книгъ, шаблонны. Интересенъ процессъ, какимъ дошелъ Автономъ до соціализма.

Слѣдующая выдержка показываетъ, какъ христіанская доктрина сектанта сочеталась въ немъ съ матеріалистическими идеями соціализма.

«Какъ ни грубо соціалисты добиваются равенства, братской любви, равномѣрнаго распредѣленія между людьми матеріальныхъ благъ природы, но у нихъ одинъ и тотъ же идеалъ со Христомъ; различны только пути къ нему, потому что какъ Христосъ принесъ себя въ жертву за спасеніе погибающаго во злѣ міра, такъ и всякій соціалистъ приноситъ себя въ жертву за униженный душевно и обездоленный матеріально народъ. А христіане давно разошлись съ Христомъ въ идеалахъ, потому что у нихъ идеаломъ сдѣлалось не спасеніе погибающаго во злѣ міра, а спасеніе собственной души, т. е. пріобрѣтеніе себѣ загробнаго блаженства и вѣчной жизни, хотя къ этому идеалу самоспасенія у нихъ часто одинъ и тотъ же путь со Христомъ.

«Если соціалисты недовольны устройствомъ общественной жизни и борятся за его переустройство, то не для себя, а для другихъ. Я еще и потому становлюсь обѣими ногами на тотъ путь соціалистовъ, которымъ идутъ они къ установленію царства Божія на землѣ и вполнѣ принимаю ихъ способъ борьбы со зломъ, что, хотя очень медленно, пріемы борьбы измѣняются, улучшаются, ошибки сокращаются, гуманности становится больше, тогда какъ у христіанъ дѣло идетъ наоборотъ».

Итакъ, Автономъ сдѣлался соціалистомъ. «Идея соціализма, теперь смѣло можно сказать,—пишетъ онъ,—съ каждымъ годомъ глубже и глубже пускаетъ въ народъ свои корни, вырвать которые не можетъ никакая сила, опять таки потому, что уже много изъ рабочаго класса есть людей сознательныхъ и вступающихъ на путь соціалистической борьбы».

Приходится Автоному вступать въ полемику и съ прежними

своими единомышленниками-толстовцами. Одинъ изъ нихъ пишетъ Автоному: «Досада меня разбираетъ, что изъ тебя до сихъ поръ не выдохлась закваска соціалистическая, которая «мѣшаетъ тебѣ понять въ полнотѣ слова Христа». Кто поставилъ тебя судить и рядить рабочихъ съ хозяевами? Развѣ это дѣло христіанина?»

«Меня же, напротивъ,—отвѣчаетъ своему другу Автономъ,—разбираетъ не досада, а удивленіе, что ты очень преувеличенно смотришь на духовную сторону человѣка и этимъ преувеличеніемъ отвергаешь матеріальную его потребность или животную его природу, забывая, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души.

«Хотя мнѣ и не весьма пріятно совѣтывать тебѣ хорошенько обдумать цѣль и смыслъ ученія Христа, но я совѣтую тебѣ это сдѣлать для того, чтобы упала съ твоихъ глазъ завѣса, мѣшающая тебѣ видѣть настоящій путь, по которому стремится человѣчество къ усовершенствованію личности и общества.

«Неужели ты въ состояніи вѣрить той безсмыслицѣ, что цѣль ученія Христа проповѣдывать царство загробной жизни, которая непремѣнно достигается путемъ страданій въ этой жизни.

«Неужели ты въ состояніи повѣрить тому, что не всѣ люди имѣютъ право на счастливую жизнь; что есть люди, удѣлъ которыхъ есть страданье? Неужели ты въ состояніи вѣрить самъ и проповѣдывать другимъ то блаженство загробной жизни, про которое никто изъ людей ровно ничего не знаетъ и которое попы, подъ покровительствомъ правительства и богачей-капиталистовъ, суютъ людямъ послѣ смерти, тогда какъ сами стараются блаженствовать здѣсь, на землѣ въ этой жизни.

«Христосъ проповѣдывалъ любовь, правду и братство между людьми. Онъ училъ братской жизни здѣсь на землѣ, а не тамъ, за гробомъ.

«Ты спрашиваешь меня, кто поставилъ меня судить и рядить работниковъ съ ихъ хозяевами, а я спрошу тебя, отчего страдаютъ люди.

«Страдаетъ ли человѣкъ отъ матеріальныхъ недостатковъ, или же онъ страдаетъ отъ недостатковъ духовныхъ потребностей? Не чувствуются ли одинаково мучительно для человѣка оба эти недостатка? Увѣряю тебя, что если человѣкъ страдаетъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ, т. е. умираетъ отъ голода или замерзаетъ отъ холода, замученъ ли онъ тяжкимъ и продолжительнымъ трудомъ, душа его въ это время тоже страдаетъ съ тѣломъ...

«Какъ ты думаешь: если бы Христосъ увидѣлъ, что хозяинъ, фабрикантъ, имѣя у себя на фабрикѣ рабочихъ людей, у которыхъ по его же несправедливой жизни, кромѣ голыхъ рукъ, ничего нѣтъ, и, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ этихъ несчастныхъ, мучаетъ и изнуряетъ ихъ продолжительнымъ трудомъ, платитъ имъ столько, что они и ихъ семьи страдаютъ отъ нужды, забраковываетъ товаръ, штрафуетъ, чтобы какъ-нибудь отнять еще

часть заработка у работниковъ; или если бы Христосъ узналъ о томъ, какъ теперешніе безземельные крестьяне страдаютъ отъ помѣщиковъ, которые, имѣя совсѣмъ ненужную имъ землю, заставляютъ крестьянъ отрабатывать выпасъ и другія необходимыя крестьянамъ земли въ тридорога; если бы Христосъ узналъ всю неправду, отъ которой рабочій классъ такъ долго и тяжело страдаетъ, то и тутъ, по твоему, онъ непремѣнно долженъ поступить такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда его попросили раздѣлить имущество между братьями, т. е. сказать, что не мое дѣло судить или дѣлить васъ. Какое дѣло Христу и его послѣдователямъ до того, что люди притѣсняютъ другъ друга, что въ ихъ жизни совсѣмъ отсутствуютъ братство, любовь и правда. Пусть себѣ душатъ одинъ другого; развѣ Христосъ и его послѣдователи приходятъ въ этотъ міръ для того, чтобы судить и рядить житейскія дѣла людей. Христосъ и его послѣдователи приходятъ въ этотъ міръ, чтобы разсказать людямъ, что если они въ этой жизни будутъ другъ друга мучить, то въ будущей жизни, т. е. когда они умрутъ, одни наслѣдуютъ райское блаженство на небѣ въ роскошномъ саду, а другіе угодятъ прямо къ князю тьмы въ адъ кромѣшный.

«Конечно, имѣя подобное понятіе о смыслѣ и цѣли ученія Христа, ничего не остается иначе сказать и его послѣдователямъ, какъ только то, что не ваше дѣло судить и рядить дѣла притѣснителей съ притѣсняемыми».

Для Автонома ясно, что практическое примѣненіе въ жизни идей Л. Н. Толстого должно неизбѣжно выливаться въ форму квіетизма. «Если у кого изъ христіанъ хватаетъ духа равнодушно смотрѣть на всѣ вышесказанныя бѣдствія людей, то пусть, какъ хотятъ, такъ и поступаютъ, а у меня совсѣмъ не хватаетъ силы равнодушно смотрѣть на это, и я, какъ сумѣю, буду содѣйствовать достиженію улучшенія положенія моихъ несчастныхъ угнетенныхъ братьевъ... Поскольку мнѣ, какъ ты говоришь, мѣшаетъ вполнѣ понять слова Христа соціалистическая закваска, постольку, увѣряю тебя, мѣшаетъ и тебѣ толстовская закваска понять въ полнотѣ смыслъ и цѣль ученія Христа.

«Но не думай, дорогой братъ, что я смотрю на толстовство такъ, какъ смотрятъ на него многіе соціалъ-демократы, или какъ многіе изъ толстовцевъ смотрятъ на рабочій вопросъ, какъ на нѣчто совсѣмъ не имѣющее смысла. Какъ въ партіи, интересующейся рабочимъ вопросомъ, такъ и въ партіи толстовцевъ, меня удивляетъ та сектантская односторонность, которая мѣшаетъ имъ видѣть общность и тождество идеала въ обѣихъ партіяхъ. Я полагаю, что самъ *Л. Н. Толстой далеко не такого сектантскаго мнѣнія, какъ многіе изъ его послѣдователей*. Этотъ сектантскій взглядъ мѣшаетъ и тѣмъ, и другимъ видѣть неразрывную связь тѣла и души человѣка... Къ счастью, не всѣ соціалисты и не всѣ

даже толстовцы такъ односторонне смотрятъ на человѣка и его жизнь»...

Мы видимъ изъ приведенной выдержки, что Автономъ горячо ратуетъ противъ всякаго рода сектантскаго доктринерства. Онъ зоветъ всѣхъ стремящихся къ освобожденію родины, всѣхъ трудящихся объединиться въ одну братскую семью. Только тогда цѣль можетъ быть достигнута.

«Я также вполнѣ съ вами согласенъ,—пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей,—что турецкаго духа у насъ еще очень и очень много и жаль смотрѣть на людей, даже кажущихся на видъ просвѣщенными, какъ они унижаютъ себя своей холопской жизнью, какъ они погрузились по шею въ вонючее болото и мракъ рабства...

«Я, какъ человѣкъ, любящій свободу и свѣтъ, какъ свою родную мать, радуюсь безъ конца, что заря свободы и свѣта уже начинаетъ загораться, чему неопровержимымъ доказательствомъ служатъ событія, которыя совершаются теперь между молодымъ учащимся юношествомъ. Оно доказываетъ, что молодой народъ даже въ наше время становится уже непохожимъ на насъ; онъ уже начинаетъ сознавать свое человѣческое достоинство и начинаетъ сознавать, что, только соединившись въ одну тѣсную семью и стоя крѣпко другъ за друга, можно сбросить гнетъ рабства, который тяготѣетъ надъ всѣми. Я кричу троекратное ура. Ура. Ура!!.

«Друзья мои, впередъ по пути освобожденія; если намъ и придется даже пострадать, то этого бояться нечего. Лучше геройская смерть или вѣчное одиночное заключеніе, чѣмъ унизительная рабская жизнь и служеніе злу.

«Итакъ, призываю всѣхъ друзей добра,—заканчиваетъ свои письма Автономъ,—всѣхъ сочувствующихъ страданіямъ народа, всѣхъ любящихъ свободу и ненавидящихъ кабалу, рабство, содѣйствовать, поскольку у каждаго изъ васъ хватитъ силы, скорѣйшему осуществленію царства Божія на землѣ, царства правды, равенства и братства между людьми...

«Да здравствуетъ народъ. Да здравствуетъ борьба за добро!»

С. Мельгуновъ.

ЮДИѲЬ.

Исполненъ Олофернъ веселья и гордыни.
Истерзана войной еврейская страна:
Въ нее голоднымъ львомъ онъ вторгся изъ пустыни,

Разрушены въ борьбѣ убогія твердыни,
Надъ башнями взвились насилья знамена.

Въ смятеньи, жители, какъ мыши, скрылись въ норы.
Враги на празднествахъ поютъ себѣ хвалы.
Въ чертогахъ хищника добычи цѣнной горы,
Танцуютъ плѣнницы—вино зажгло ихъ взоры,—
Ихъ груди юныя, какъ гребни волнъ, бѣлы.

Его трофей—Юдиөь... Не крылья-ль грозной тучи,
Какъ змѣи черныя, обвили ей чело?
Суровый, гордый ликъ! Робѣетъ вождь могучій
Взглянуть въ ея глаза, какъ въ бездну моря съ кручи...
Смущенъ предчувствіемъ, онъ дышитъ тяжело.

Но страсти лютыя клокочутъ въ Олофернѣ,
Въ зрачкахъ его блеститъ недобрый огонекъ.
На кровляхъ догорѣлъ костеръ зари вечерней,
Запѣлъ фонтанъ, дробясь на мраморной цистернѣ,
Въ долину потянулъ нагорный холодокъ.

Трехдневный конченъ пиръ. Не слышно пьяной стражи:
И гости, и рабы уснули мертвымъ сномъ—
Иные на полу, въ плащахъ изъ грубой пряжи,
Другіе—на коврахъ, склонясь на пухъ лебяжій,
Въ растрепанныхъ вѣнкахъ, обрызганныхъ виномъ.

Юдиөь—въ рукахъ врага. Съ нея цвѣты, запястья
Онъ снялъ, и ткань одеждъ, шурша, легла къ ногамъ.
Ликуя и глумясь, съ звѣриной жаждой счастья,
Надъ тѣломъ плѣнницы, въ истомѣ сладострастья,
Онъ замеръ, точно жрецъ, взывающій къ богамъ.

... Темна глухая ночь. Насытившись любовью,
Съ послѣдней дрожью ласкъ властитель задремалъ.
Пропитанный насквозь людской безвинной кровью,
Его хранитель-мечъ отброшенъ къ изголовью,
Забытъ серебряный недопитый бокалъ.

Воспрянула Юдиөь. Во тьмѣ ей снятся звуки:
Народъ о мщеніи взываетъ къ ней, грозя...
Какъ ангелъ блѣдная, она простерла руки,
Блеснулъ стальной клинокъ—и, корчась въ смертной мукѣ,
Безглавымъ рухнулъ вождь, въ своей крови скользя!

С. Ивановъ-Райковъ.

Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Окончаніе).

VIII.

Отъ платформъ и кандидатовъ пора обратиться къ избирательной кампаніи. Національные конвенты партій являются какъ бы декларацією войны, но военныя дѣйствія начинаются позже. Чтобы продолжить сравненіе, для выборной кампаніи, какъ для войны, требуются три вещи: деньги, деньги и деньги. Деньги же нельзя получить до конвента, потому что готовность дѣлать пожертвованія зависитъ отъ характера платформы и личности кандидатовъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ братьевъ Тафта пожертвовалъ на избирательные расходы республиканской партіи 160.000 долларовъ. Очевидно, такая щедрость обусловливалась не только приверженностью къ принципамъ республиканской платформы. Во всякомъ случаѣ, избирательная кампанія требуетъ денегъ, а сборъ денегъ требуетъ времени. Уже потому разгаръ кампаніи долженъ быть нѣсколько отложенъ, тѣмъ болѣе, что конвенты заканчиваются къ началу іюля, а выборы происходятъ въ началѣ ноября,—т. е. черезъ четыре мѣсяца; къ тому же іюль и августъ на большей части территоріи Соединенныхъ Штатовъ—мѣсяцы, совсѣмъ не приспособленные къ горячей политической агитаціи. Къ началу сентября политическая борьба въ президентскіе годы значительно оживляется.

Но въ истекшую кампанію замѣчалась странная апатія. Прошелъ весь сентябрь раньше, чѣмъ народная масса дѣйствительно заинтересовалась выборами. Циники объясняли это исключительно недостаткомъ средствъ въ рукахъ политическихъ комитетовъ. Дѣйствительно, пожертвованія поступали въ этомъ году медленнѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы. Въ литературѣ разоблаченія крупныхъ пожертвованій трестовъ и отдѣльныхъ капиталистовъ партіямъ подверглись жестокой критикѣ; привычка нѣкоторыхъ финансистовъ жертвовать крупныя суммы партіямъ изъ средствъ акціонерныхъ обществъ вызвала нѣсколько преслѣдованій за кражу де-

негъ, принадлежащихъ акціонерамъ, и нѣкоторые изъ этихъ финансистовъ поспѣшили вернуть изъ своихъ собственныхъ средствъ эти суммы. Въ результатѣ—комитеты обѣихъ партій горько жаловались на недостатокъ средствъ А для веденія президентской кампаніи нужны большія средства: въ предыдущія кампаніи расходы республиканской партіи доходили до нѣсколькихъ милліоновъ долларовъ. Помимо роли очень убѣдительныхъ аргументовъ для колеблющихся гражданъ въ день выборовъ, деньги нужны и для покрытія вполнѣ чистыхъ расходовъ, какъ наемъ залъ, ораторовъ, огромные типографскіе расходы для печатанія уймы избирательной литературы.

Однако же, причины апатіи необходимо искать нѣсколько глубже простого недостатка денегъ. Всего болѣе отъ такого недостатка средствъ страдаетъ соціалистическая партія, собирающая свои 40—50 тысячъ долларовъ на расходы буквально по гривенникамъ и четвертакамъ отъ своихъ членовъ; самое большое пожертвованіе для соціалистической пропаганды не превышало 100 долларовъ; тѣмъ не менѣе, избирательная пропаганда и агитація соціалистовъ началась на два мѣсяца ранѣе другихъ партій, велась съ трескомъ и энтузіазмомъ.

На первый взглядъ всеобщая апатія вызывала удивленіе. Съ ранней весны, когда сталъ обостряться промышленный кризисъ, всѣ ожидали очень бурной политической кампаніи, какой была, напр., кампанія 1896 года. Ростъ массы безработныхъ, цѣлый рядъ сенсаціонныхъ столкновеній между процессіями безработныхъ и полиціей, анархическое покушеніе въ Чикаго, анархическая бомба въ Нью-Іоркѣ—все это указывало на сильное броженіе въ народной массѣ. Съ другой стороны, чувствовались новыя вѣянія и среди болѣе консервативныхъ элементовъ организованнаго труда; петиціи къ конгрессу, переговоры съ обѣими политическими партіями, угроза созданія спеціальной рабочей партіи и, наконецъ, союзъ вожаковъ рабочихъ организацій съ демократической партіей,—все это заставляло ожидать исключительно интересной борьбы.

Эти ожиданія не сбылись, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается внѣшнихъ событій. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ борьба велась такъ тихо и смирно, что иногда газеты не содержали никакихъ новостей объ ней и, по примѣру обыкновеннаго, не президентскаго лѣта, вынуждены были пробавляться убійствами и разводами. За октябрь борьба нѣсколько разгорѣлась, политическая температура повысилась, но это было оживленіе чисто внѣшнее, вызванное взаимнымъ «забрызгиваніемъ грязью», обычной чертой политической борьбы въ Америкѣ.

Единственная сенсація избирательной кампаніи была особенно интересна тѣмъ, что ее вызвалъ человѣкъ, стоявшій въ сторонѣ отъ обѣихъ главныхъ партій, Вильямъ Хойрстъ. Интересно и то, что источникомъ сенсаціи явилась пачка *украденныхъ писемъ*,

принадлежавшихъ одному изъ главныхъ заправилъ нефтяного треста, Арчбольту.

Украденныя письма, которыя Хойрстъ за очень крупную цѣну купилъ у одного изъ лакеевъ Арчбольта (впрочемъ, онъ купилъ не письма, что могло бы вовлечь его въ уголовный процессъ, а лишь фотографическіе снимки съ нихъ, вернувъ письма на ихъ мѣсто), составляли часть переписки Арчбольда съ крупными дѣятелями обѣихъ партій. Всѣ они были весьма конфиденціальнаго характера и раскрывали такія отношенія между нефтянымъ трестомъ и политиканами, которыя обѣ стороны вынуждены были тщательно скрывать отъ общественнаго мнѣнія. Хойрстъ, очень слабый ораторъ, сталъ привлекать на свои митинги въ защиту кандидатовъ независимой партіи огромныя массы народа, потому что его рѣчи состояли, главнымъ образомъ, изъ чтенія интересныхъ писемъ, и сенсація, которую производили эти письма, доказывала, что американскій народъ съ большимъ удовольствіемъ присутствуетъ при разрушеніи своихъ политическихъ идоловъ.

Въ сущности говоря, оглашенныя Хойрстомъ письма не содержали ничего принципіально новаго. Американскій народъ привыкъ къ тому, что его крупные политическіе вожди представляютъ не столько интересы страны, сколько опредѣленныхъ группъ капитала. Сидя въ галереѣ Федеральнаго Сената, вы можете пальцемъ указывать на сенаторовъ: этотъ сенаторъ представляетъ интересы Пенсильванской желѣзной дороги, этотъ—интересы Нью-Іоркской центральной желѣзной дороги, этотъ—интересы обществъ страхованія жизни, этотъ—интересы транспортныхъ обществъ и т. д., и т. д. И, конечно, представителей нефтяного треста цѣлая рота. Но теперь вмѣсто предположеній и глухихъ слуховъ передъ американской публикой предстали голые факты.

Такъ какъ Хойрстъ былъ «независимый», то въ письмахъ одинаково фигурировали республиканцы и демократы. Наиболѣе крупными репутаціями, которыя Хойрсту удалось разрушить, были репутаціи сенатора Форакера и губернатора Хаскелля.

Имя сенатора Форакера уже знакомо читателю. Одинъ изъ вожаковъ реакціоннаго крыла республиканской партіи, безуспѣшно старался побить Тафта въ республиканскомъ конвентѣ. Отношенія между Тафтомъ и Форакеромъ были натянутыми; но, наконецъ, въ интересахъ партійной гармоніи обѣ фракціи заключили перемиріе и должны были появиться рядомъ на гигантскомъ митингѣ. За нѣсколько дней до митинга Хойрстъ началъ оглашать письма Арчбольта къ Форакеру. Изъ этихъ писемъ ясно стало, что между крупнымъ дѣятелемъ республиканской партіи и заправилой нефтяного треста въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ царили самыя дружескія отношенія, что Форакеръ пользовался своимъ вліяніемъ въ штатѣ Охайо, чтобы мѣшать проведенію законовъ, нежелательныхъ нефтяному тресту, или выбору должностныхъ лицъ, которыхъ неф-

тяной трестъ считалъ неблагонадежными. За эти услуги Форакеръ отъ времени до времени получалъ отъ нефтяного треста солидный чекъ, въ 10—15 тысячъ долларовъ. Скандалъ былъ огромный. Форакеръ вынужденъ былъ признать подлинность этихъ писемъ, пробовалъ было объясняться, но запутался, и вынужденъ былъ совершенно отказаться отъ участія въ политической кампаніи.

Но Форакеръ былъ реакціонеръ. Губернаторъ Хаскелль не только демократъ, но и радикалъ. Онъ — первый губернаторъ новаго штата Оклагамы, созданнаго соединеніемъ двухъ территорій: Оклагамы и Индѣйской территоріи. Настроеніе въ штатѣ очень радикальное и конституція, принятая штатомъ, самая радикальная конституція въ странѣ. Мало того, губернаторъ Хаскелль былъ избранъ казначеемъ демократическаго національнаго комитета; а функція казначея—получать средства для избирательной борьбы, функція чрезвычайно важная. Слѣдовательно, Хаскелль пользовался полнымъ довѣріемъ Брайана. И опять-таки Хойрстъ документально доказалъ, что Хаскелль стоялъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ нефтяному тресту, что онъ оказывалъ услуги тресту въ штатѣ Оклагамѣ, прекратилъ начатое противъ него судебное преслѣдованіе и даже замѣшанъ былъ въ попыткѣ подкупить прокурора штата Охайо, начавшаго процессъ противъ нефтяного треста. Губернаторъ Хаскелль вынужденъ былъ, несмотря на горячее отрицаніе этихъ обвиненій, отказаться отъ своей должности казначея. Много и другихъ интересныхъ фактовъ выяснили «украденныя письма»: что политическіе дѣятели, какъ республиканскіе, такъ и демократическіе обращались къ Арчбольту за средствами для веденія избирательной борьбы въ своихъ округахъ; что нѣсколько депутатовъ въ конгрессѣ состояли вѣрными агентами треста, сообщали ему всѣ секретные слухи, а иногда ссужали крупныя суммы, полученныя отъ Арчбольта, въ займы нужнымъ людямъ; что Арчбольтъ очень часто обращалъ вниманіе своихъ друзей на нежелательное ему законодательство, желательныхъ или нежелательныхъ кандидатовъ. Словомъ, Хойрстъ подтверждалъ конкретными фактами общія утвержденія соціалистовъ,—что обѣ «буржуазныя партіи», демократическая и республиканская, находятся въ рукахъ различныхъ группъ капитала, промышленнаго, торговаго, финансоваго.

Разоблаченія Хойрста вызвали вмѣшательство президента Рузвельта, который доказывалъ въ открытомъ письмѣ, что эти разоблаченія повредили демократической партіи больше, чѣмъ республиканской, такъ какъ Форакеръ былъ врагомъ прогрессивной республиканской фракціи, руководимой Рузвельтомъ и Тафтомъ, въ то время, какъ Хаскелль былъ довѣреннымъ лицомъ Брайана. Рузвельту отвѣтилъ Брайанъ, и началась словесная или, вѣрнѣе, литературная борьба между Брайаномъ и президентомъ, которая подогрѣла интересъ къ кампаніи. На время публика какъ бы

забыла, что борьба ведется между Брайаномъ и Тафтомъ, а не между Брайаномъ и Рузвельтомъ, и этотъ партизанскій жаръ президента шокировалъ не только Америку, но и Европу.

IX.

Украденныя письма и связанный съ ними литературный турниръ составляли сенсацію президентской кампаніи въ теченіе октября. Но сенсаціей, конечно, не ограничивалось внутреннее содержаніе выборной борьбы.

На какихъ же программныхъ пунктахъ велась эта борьба?

Программныхъ пунктовъ было много, какъ можно убѣдиться уже изъ сравненія обѣихъ платформъ, разсмотрѣнныхъ въ предыдущей статьѣ. Но, какъ это ни невѣроятно, — несмотря на серьезную закулисную борьбу изъ-за каждаго пункта платформы между вожаками партій на конвентѣ—американская публика не читаетъ политическихъ платформъ. Въ этомъ легко убѣдиться по личнымъ наблюденіямъ, вращаясь даже въ наиболѣе культурныхъ слояхъ американскаго общества, но, можетъ быть, болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ явится слѣдующій фактъ: Редакторъ гезеты «Omaha Вес», издающейся въ родномъ штатѣ Брайана, Небраска, Викторъ Розватеръ, очень выдающійся дѣятель республиканской партіи, членъ ея національнаго комитета и, помимо этого, докторъ философіи и авторъ нѣкоторыхъ важныхъ трудовъ на политическія темы, жестоко раскритиковалъ въ своей газетѣ Брайана за нѣкоторыя фразы по вопросу о таможенномъ тарифѣ въ одной изъ его рѣчей—и оказалось, что раскритикованныя имъ фразы были цитатами изъ республиканской платформы.

Словомъ, значительная часть платформы оказывается балластомъ, который включается въ нее лишь въ силу требованій вліятельныхъ элементовъ. Многія изъ этихъ требованій оказываются въ обѣихъ платформахъ и уже потому не могутъ сдѣлаться спорными вопросами. Таково одобреніе системы пенсій ветеранамъ войны, усиленіе флота, почтово-сберегательныя кассы. Силой обстоятельствъ на первый планъ выдвигаются немногія наиболѣе злободневныя проблемы. Онѣ служатъ предметомъ споровъ и агитаціонныхъ рѣчей, онѣ рѣшаютъ судьбу кандидатовъ; онѣ—то, что американецъ называетъ: «the issues of the Compaign».

Именно отсутствіе такихъ крупныхъ «issues» и было причиной апатіи и отсутствія интереса къ президентской кампаніи. Въ сущности говоря, въ жизни issues были, и очень важныя—но не въ партійной борьбѣ. Именно такимъ образомъ объяснялъ одинъ очень популярный журналистъ *Dunne* *) отсутствіе обычнаго интереса.

*) The American Magazine, Ocrober 1908, стр. 621.

«Какое мнѣ дѣло, кого выберутъ, и почему я долженъ волноваться по поводу выборовъ? Гдѣ жгучія проблемы, требующія разрѣшенія? Посмотрите на платформы обѣихъ партій! Развѣ можно себѣ представить нѣчто болѣе плоское, трусливое, безполезное? Въ нихъ нѣтъ ни строки, которая могла бы взволновать даже самаго нервнаго человѣка, ни слова, которое могло бы дать надежду даже самому безпардонному оптимисту». Анализируя обѣ платформы, доказывая ихъ внутреннее сходство, несмотря на внѣшнія различія, указывая на трусливость обѣихъ партій, Dunne восклицаетъ: «Я съ радостью подалъ бы свой голосъ за партію, которая предложила бы практическую мѣру для увеличенія арены человѣческаго счастія; любая мѣра для уменьшенія человѣческаго горя удовлетворила бы меня».

На самомъ дѣлѣ, красной нитью черезъ настоящую жизнь въ Америкѣ проходитъ вопросъ о кризисѣ, о безработицѣ. Но кризисъ и безработица не сдѣлались issue кампаніи. Республиканцы заявили, что мимолетный кризисъ благополучно прошелъ, и даже демократы не сумѣли достаточно использовать то обстоятельство, что кризисъ произошелъ во время республиканскаго режима. О безработныхъ какъ бы забыли, потому что о нихъ кричали соціалисты. За нѣсколько мѣсяцевъ до кандидатуры Тафтъ на публичномъ митингѣ въ Нью-Іоркѣ послѣ рѣчи о рабочемъ вопросѣ на вопросъ, что дѣлать рабочему, ищущему и немогущему найти работы, отвѣтилъ: «Богъ знаетъ. Его положеніе весьма печально». Брайанъ въ отвѣтъ на такой же вопросъ, чѣмъ онъ надѣется помочь безработнымъ, отвѣтилъ, что если онъ будетъ избранъ и проведетъ свои мѣропріятія, то не будетъ безработицы, потому что не будетъ кризисовъ. Трудно рѣшить, насколько этотъ отвѣтъ былъ вызванъ наивностью и невѣжествомъ, и насколько политическимъ самохвальствомъ. Во всякомъ случаѣ, предложить какія-нибудь мѣры для облегченія положенія безработныхъ не пришло въ голову ни одной изъ буржуазныхъ партій.

Были въ Соединенныхъ Штатахъ президентскія кампаніи, главнымъ issue которыхъ была таможенная политика—борьба между протекціонизмомъ и фритредерствомъ. Были и въ этомъ году энтузіасты, которые настаивали, что таможенная политика должна сдѣлаться краеугольнымъ пунктомъ, но ихъ предсказанія не оправдались, потому что обѣ партіи обѣщали пересмотръ тарифа; съ одной стороны, республиканская партія признала необходимость уменьшенія нѣкоторыхъ ставокъ, съ другой—демократы и не думаютъ защищать свободы торговли—очевидно, разногласіе по поводу тарифа между обѣими партіями было очень незначительно. Это на бумагѣ. А фактически судьба тарифа на каждый отдѣльный предметъ торговли зависитъ отъ столькихъ мелкихъ, частныхъ и личныхъ причинъ и представляетъ почву для такой широкой коррупціи, что довольно трудно сказать, какое вліяніе

окажетъ на таможенный тарифъ вообще побѣда той или другой партіи. Конечно, каждый изъ кандидатовъ настаивалъ, что онъ и его партія болѣе добросовѣстно отнесутся къ пересмотру тарифа; но очевидно, что энтузіазма такое препирательство вызвать не могло.

Американскій народъ въ политическомъ смыслѣ можно раздѣлить на три главныя группы: коммерческій классъ, фермеровъ и промышленныхъ рабочихъ; остальныя соціальныя группы, какъ, напр., профессіональные земледѣльческіе рабочіе и т. д. въ политическомъ смыслѣ инертны. Коммерческій (т. е. весь торгово-промышленный) классъ не великъ численно, но оказываетъ большое вліяніе на рабочихъ и на общественное мнѣніе, вообще.

Тарифъ—вопросъ, интересовавшій преимущественно коммерческій классъ. Несмотря на сильное движеніе среди нѣкоторой части этого класса въ пользу пониженія тарифовъ, прежде всего на нѣкоторые сырые или полусырые матеріалы, большинство промышленниковъ продолжаетъ наживаться, благодаря высокому протекціонизму. Чтобы завоевать эти консервативные элементы, Брайанъ сдѣлался болѣе умѣреннымъ въ своихъ рѣчахъ, уже не нападалъ, какъ въ 1896 году, на капиталъ вообще, не говорилъ о «золотомъ крестѣ». Спеціально для нихъ, и особенно для представителей мелкаго капитала, Брайанъ довольно энергично проповѣдывалъ идею «гарантіи банковыхъ вкладовъ» посредствомъ основанія спеціальнаго государственнаго фонда при помощи спеціальнаго налога на банкировъ. Въ западныхъ штатахъ, гдѣ преобладаютъ мелкія фирмы и мелкіе банки, эта идея сдѣлалась довольно популярной. Республиканцы утверждали, что она и химерична, и непрактична, что она создастъ налогъ на добросовѣстные банки, чтобы гарантировать банки неосторожные, и что, такъ какъ вкладъ въ банкъ дѣлается по большей части для процента, т. е. съ коммерческой цѣлью, то нѣтъ никакого резона гарантировать банковый вкладъ болѣе, чѣмъ любую промышленную и торговую сдѣлку. Аргументація эта, конечно, хромаетъ, потому что среди банковыхъ вкладчиковъ большое число довѣряетъ свои деньги банкамъ лишь для безопасности. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ пунктъ чрезвычайно настроилъ банкировъ противъ Брайана, въ то же время не сдѣлавшись очень популярнымъ среди рабочей массы. Для удовлетворенія фермеровъ Брайанъ настаивалъ на контролѣ желѣзныхъ дорогъ и трестовъ. Но тутъ опредѣленіе разницы между платформами обѣихъ партій требовало уже эксперта. Съ одной стороны, Рузвельтъ могъ указывать на свою энергичную работу въ этомъ направленіи, и Брайанъ, въ сущности, выставлялъ тѣ же требованія, что Рузвельтъ. Съ другой, и политика Рузвельта по отношенію къ трестамъ до сихъ поръ не принесла никакихъ осязательныхъ результатовъ. Лѣтъ 10 тому назадъ популистическая партія увлекла земледѣльческіе элементы запада требова-

ніемъ національзаціи желѣзныхъ дорогъ. Если бы Брайанъ не отказался отъ своей идеи такой національзаціи, то, быть можетъ, ему опять удалось бы завоевать западъ; но если бы онъ рѣшился выступить въ пользу національзаціи до конвента, южные демократы никогда не рѣшились бы выставить его президентскимъ кандидатомъ.

Остается отношеніе обѣихъ партій къ рабочему классу, и рабочій вопросъ, дѣйствительно, сдѣлался наиболѣе острымъ вопросомъ президентской кампаніи. Но даже этотъ знаменательный фактъ не внесъ настоящаго энтузіазма въ кампанію, съ одной стороны, благодаря трусливости демократической партіи, а съ другой — благодаря дезорганизованности американской рабочей массы.

О самостоятельномъ выступленіи рабочихъ организацій съ собственными кандидатами поговорили нѣсколько дней, и на этомъ дѣло кончилось. Самуилъ Гомперсъ, президентъ американской федераціи труда, и его адъютанты неоднократно признавались втихомолку, что они давно бы выступили на политическую арену съ самостоятельными кандидатами и партіей, если бы не боязнь, что такая самостоятельная рабочая партія немедленно попадетъ въ руки соціалистовъ. Въ текущемъ году соціалистическая пропаганда велась съ такой настойчивостью, что аргументъ этотъ оказывался болѣе умѣстнымъ, чѣмъ когда либо. Гомперсъ поэтому рѣшилъ продолжать свою старую политику: торговался съ обѣими партіями. Изъ всѣхъ требованій, представленныхъ рабочими конгрессу, Гомперсъ остался только при протестѣ противъ injunctions, противъ судебнаго произвола. Съ этой программой-minimum обратился онъ, какъ мы видѣли, сначала къ республиканцамъ, потомъ къ демократамъ. Республиканцы довольно грубо отказались удовлетворить требованія рабочихъ, заявивъ въ своей платформѣ, что они будутъ поддерживать авторитетъ судовъ; а демократы въ довольно туманной фразѣ обѣщались нѣсколько измѣнить право injunction.

Правда, заявленіе демократической платформы было далеко неудовлетворительно; оно все же оставляло незатронутымъ принципъ injunction и предоставляло судьѣ рѣшить, когда выпустить injunction, и когда нѣтъ. Но, во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что Гомперсъ, руководившій интересами рабочихъ, остался доволенъ и оффиціально заявилъ, что рабочіе должны поддерживать Брайана.

Это выступленіе Гомперса въ пользу Брайана всего больше безпокоило республиканцевъ, такъ какъ при полутора милліонахъ избирателей въ американской федераціи труда ихъ рѣшеніе поддержать Брайана могло дать побѣду послѣднему. Лишь по этому вопросу шли оживленные дебаты въ прессѣ. Характерно, что Брайанъ сначала отмалчивался, очевидно, не желая подчеркивать своего союза съ рабочими; республиканцы начали борьбу противъ Гомперса разными подпольными путями, и мало-по-малу стали раз-

даваться голоса болѣе или менѣе крупныхъ мѣстныхъ представителей рабочихъ, что Гомперсъ не имѣлъ права агитировать въ пользу Брайана, что рабочіе не позволятъ ему продать своихъ голосовъ, и республиканская пресса громко оглашала голоса такихъ протестантовъ. Какъ мы увидимъ ниже, для приманки этихъ рабочихъ пускались въ ходъ очень прозаическіе аргументы.

Тафтъ въ своихъ рѣчахъ неоднократно касался этого вопроса и доказалъ, что для него понятіе объ injunction своего рода основа юридическаго права. Онъ прямо не можетъ представить себѣ строя, при которомъ владѣлецъ промышленнаго предпріятія не въ состояніи оградить себя отъ убытковъ, ему угрожающихъ. Устраивая бойкотъ какому нибудь торговцу и фабриканту, вы мѣшаете ему получать обычную прибыль, на которую онъ имѣетъ право, и поэтому вы нарушаете его право, вы совершаете преступленіе. Мало того, отговаривая людей искать у него работу (т. е., попросту говоря, агитируя въ пользу стачки), вы опять-таки нарушаете его право нанимать рабочихъ, и вы опять совершаете преступленіе. Республиканцы, конечно, отрицали, что ихъ точка зрѣнія логически ведетъ къ запрещенію стачки, но логическая связь здѣсь очевидна. Тѣмъ не менѣе, Тафтъ настаивалъ, что, борясь съ injunction, рабочіе борются съ неприкосновенностью и безпристрастностью судовъ. А Рузвельтъ прямо обвинялъ Брайана въ ужасномъ преступленіи, заключающемся въ томъ, что онъ хочетъ легализировать бойкотъ! Гомперсъ, по крайней мѣрѣ, открыто признавался, что считаетъ бойкотъ важнымъ орудіемъ борьбы въ рукахъ рабочихъ и, дѣйствительно, стремится легализировать его, но Брайанъ не рѣшился признаться въ этомъ и вертѣлся, какъ волчокъ, потому что допустить желательность бойкота значило бы напугать буржуазные элементы, перемирія съ которыми онъ такъ долго искалъ.

Наконецъ, было еще одно issue довольно оригинальнаго характера,—о гласности пожертвованій въ пользу политическихъ кампаній. Мы уже указали, что въ періодъ литературы разоблаченія доказано было, что директора акціонерныхъ (и даже страховыхъ) обществъ изъ средствъ послѣднихъ давали гигантскія суммы политическимъ организаціямъ. Нефтяной трестъ въ 1904 году пожертвовалъ 100.000 долларовъ на расходы республиканской кампаніи по избранію Рузвельта. Когда Рузвельтъ рассорился года полтора тому назадъ съ крупнымъ желѣзнодорожникомъ Гарриманомъ, то послѣдній огласилъ, что во время президентской кампаніи 1904 года Рузвельтъ въ одномъ письмѣ просилъ его собрать среди нью-іоркскихъ тузовъ деньги на избирательные расходы и пріѣхать къ нему поговорить относительно проектовъ желѣзнодорожнаго законодательства. Связь довольно трогательная! Въ отвѣтъ на это письмо Гарриманъ тогда собралъ 260.000 долларовъ. Пред-

ложеніе о гласности пожертвованій вызываетъ въ виду этихъ фактовъ большое одобреніе въ публикѣ.

Въ прошлую сессію конгресса демократы внесли соотвѣтствующій законопроектъ, но онъ провалился. Это было еще до конвентовъ, выставившихъ кандидатовъ; но Брайанъ уже тогда телеграфировалъ Тафту, то имъ обоимъ, главнымъ кандидатамъ обѣихъ партій, слѣдуетъ высказаться въ пользу гласности этихъ пожертвованій на выборную кампанію. Тафтъ открыто присоединился къ этому призыву. Но несмотря на поддержку и Брайана, и Тафта, и президента Рузвельта—законопроектъ провалился. Мало того—республиканская платформа въ настоящую кампанію ни словомъ не обмолвилась по этому вопросу. Демократы же внесли это требованіе въ свою платформу. Надо, впрочемъ, помнить, что республиканцы обыкновенно получаютъ и тратятъ втрое-вчетверо больше демократовъ.

Въ разгарѣ политической борьбы, подъ давленіемъ критики демократовъ, Тафтъ опять повторилъ, что онъ считаетъ гласность необходимой; тогда демократы потребовали, чтобы республиканцы огласили списокъ пожертвованій; республиканцы отвѣтили: «раньше вы, а потомъ мы». Препирательства приняли довольно комичную форму. Кончилось тѣмъ, что демократы, дѣйствительно, огласили свой списокъ за мѣсяцъ до выборовъ, а республиканцы обѣщались огласить свой списокъ послѣ выборовъ. Обѣщаніе свое они выполнили; насколько оба списка полны, сказать, конечно, довольно трудно. По опубликованнымъ заявленіямъ, центральный комитетъ демократической партіи собралъ около 600.000 долл., а республиканскій комитетъ болѣе 1.600.000 дол. Крупныя пожертвованія совершенно отсутствовали въ демократическомъ спискѣ: наибольшая сумма была 5000 долл. Почетное мѣсто въ республиканскомъ спискѣ занималъ Чарльзъ Тафтъ, давшій 160.000 долларовъ! Карнеги и банкиръ Морганъ дали по 25.000 долларовъ *).

Мелкій капиталъ за демократической партіей, и крупный капиталъ за республиканской — таково остается распредѣленіе политико-экономическихъ силъ. Сколько собрали многочисленныя мѣстныя организаціи, конечно, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, даже денежный энтузіазмъ былъ на этотъ разъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о выборной агитаціи соціалистической партіи. Средства этой партіи на политическую борьбу не велики; они собираются мѣдными и серебряными монетами между членами—рабочими и мелкой интеллигенціей. Всего въ кассу центральнаго комитета этой партіи поступило около 40.000 долларовъ. Правда, Самуилъ Гомперсъ, вожакъ рабочихъ органи-

---

*) На-дняхъ зять Моргана былъ назначенъ товарищемъ морского министра.

зацій, бывшій соціалъ-демократъ въ молодости, а теперь заклятый врагъ соціализма, озлобленный тѣмъ, что популярность Дебса между рабочими могла испортить шансы Брайана на успѣхъ, пробовалъ обвинить Дебса въ томъ, что онъ тайно получаетъ средства на агитацію отъ приверженцевъ Тафта, но серьезно къ этому обвиненію никто не отнесся. Какъ эти средства, такъ и всю огромную массу труда вынесли на своихъ плечахъ члены партіи, число которыхъ доходитъ до 40.000 и почти что удвоилось въ послѣдніе четыре года.

Соціалисты созвали свой конвентъ на два мѣсяца раньше другихъ и вели агитацію не два, а четыре мѣсяца. И они вели ее съ такимъ энтузіазмомъ, что впервые стали вызывать вниманіе опытныхъ политиковъ обѣихъ старыхъ партій. Впервые соціалисты стали пользоваться сенсаціонными средствами для подчеркиванія своей пропаганды. Для президентскаго и вице-президентскаго кандидатовъ былъ нанять за солидную сумму въ 20.000 долларовъ спеціальный поѣздъ, который два раза прорѣзалъ Соединенные Штаты отъ востока до запада и обратно. Дебсу устраивались бурныя оваціи, и даже правовѣрные «историческіе матеріалисты» не могли ничего сдѣлать противъ этого подчеркиванія единичной личности. На вокзалахъ его поѣздъ встрѣчали тысячныя толпы, вездѣ для митинговъ нанимались самые большіе залы въ городѣ, которые биткомъ набивались, несмотря на то, что соціалисты вездѣ за входъ на митинги съ Дебсомъ взимали 25—50 центовъ. Какъ республиканцы, такъ и демократы признавались, что если бы они вздумали брать плату за входъ на свои агитаціонныя собранія, то никогда не сумѣли бы набрать такую большую толпу. И неудивительно поэтому, что вся пресса заговорила о томъ, что отнынѣ соціалисты представляютъ крупный факторъ въ политикѣ и что они, вѣроятно, получатъ около милліона голосовъ. Торгово-промышленный кризисъ и безработица, о которой говорили такъ много соціалисты,—представляли, по общему мнѣнію, чрезвычайно благопріятную для нихъ конъюнктуру.

Нельзя, однако, сказать, чтобы, несмотря на свой почти религіозный энтузіазмъ, соціалисты вполнѣ использовали эту конъюнктуру. Огромные митинги, собиравшіеся послушать Дебса и тысячу другихъ соціалистическихъ ораторовъ, не состояли, конечно, изъ однихъ соціалистовъ. Они доказывали, что американскіе рабочіе и даже средніе классы, платившіе по 50 центовъ за входъ, дѣйствительно заинтересовались соціализмомъ. Другимъ доказательствомъ являлась жадность, съ какою журналы покупали статьи о соціализмѣ, прямо ребяческія по своей элементарности. Но наврядъ-ли слушателей и читателей удовлетворялъ преподносимый имъ матеріалъ.

Я указалъ уже, что на конвентѣ соціалистической партіи проявился антагонизмъ между представителями новаго утопическаго соціализма и представителями соціалистическаго движенія какъ поли-

тическаго движенія пролетаріата. Въ общемъ на конвентѣ послѣдніе одержали верхъ. Но масса соціалистическихъ ораторовъ все еще пребываетъ на высотахъ утопическаго соціализма. Среди нихъ много талантливыхъ, горячихъ, убѣжденныхъ ораторовъ. Въ ихъ рѣчахъ преобладала критика капиталистическаго строя вообще, объясненіе преимуществъ соціалистическаго строя вообще. Сравнительно рѣдко подвергали соціалистическіе ораторы критикѣ опредѣленные программные вопросы; еще рѣже посвящали они свои рѣчи тѣмъ многочисленнымъ требованіямъ, которыя такъ подробно и тщательно разработали въ своей платформѣ. Результаты этой политики не преминули сказаться. Соціалисты не получили милліона голосовъ, въ которыхъ были увѣрены не только они сами, но и ихъ оппоненты.

X.

Результатъ президентской кампаніи, выразившійся въ пораженіи Брайана Тафтомъ, не былъ неожиданностью; его предсказывали внимательные наблюдатели не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ. Своеобразнымъ показателемъ настроенія народныхъ массъ являются выборныя пари; въ началѣ кампаніи приверженцы Тафта давали 2 противъ 1 на Брайана; однако это отношеніе колебалось, и одно время шансы считались почти равными; такъ, немедленно послѣ разоблаченій Гойрста относительно Форакера пораженіе республиканцевъ въ Охайо сдѣлалось возможнымъ, и Охайо, Индіана и Нью-Іоркъ считались тремя сомнительными штатами, которые должны были рѣшить выборы *); въ теченіе недѣли послѣ этого биржа въ Нью-Іоркѣ пониженіемъ всѣхъ цѣнностей доказывала свой испугъ при одной мысли о возможности побѣды Брайана. Но къ концу кампаніи шансы Брайана стали быстро понижаться, и пари заключались уже въ пропорціи 5:1, потому ли, что Рузвельтъ велъ очень энергичную полемику, или же потому, что личность Брайана потеряла значительную долю своего обаянія.

Шансы Тафта были лучше съ самаго начала. За него была личная популярность Рузвельта, за него была вся сила и обаяніе партіи, стоящей у власти. На его сторонѣ были болѣе крупныя средства избирательныхъ комитетовъ; многіе демократы цинично утверждаютъ, что это былъ главный аргументъ въ пользу Тафта. За него была

*) Напомню читателю, незнакомому съ деталями политической системы Соединенныхъ Штатовъ, что президентъ избирается формально не прямымъ голосованіемъ, а косвенно черезъ «электоровъ», при чемъ штаты имѣютъ по стольку электоровъ, сколько представителей посылаютъ въ обѣ палаты конгресса, и что въ каждомъ штатѣ избиратели вотируютъ не за одного электора, а за всѣхъ электоровъ своего штата, такъ что штаты цѣликомъ оказываются на сторонѣ того или другого кандидата.

традиція, потому что съ самаго конца гражданской войны Кливлэндъ былъ единственный демократъ, который сумѣлъ дважды прорваться въ Бѣлый домъ. За него была, наконецъ, популярность протекціонной политики среди рабочихъ, которые вѣрятъ, что она повышаетъ ихъ заработную плату, и среди фермеровъ, которые въ промышленномъ ростѣ страны находятъ наиболѣе выгодный рынокъ для своихъ продуктовъ.

Правда, въ пользу шансовъ Брайана приводилось три-четыре очень серьезныхъ аргумента. Во-первыхъ, общій радикализмъ послѣднихъ лѣтъ, радикализмъ веопредѣленнаго характера, какъ неопредѣленна и демократическая платформа; радикализмъ, выражающійся въ глухой злобѣ къ гигантскимъ комбинаціямъ капитала, къ несправедливому распредѣленію богатствъ и требующій именно тѣхъ громкихъ, но мало значущихъ фразъ о «правахъ народа», произносить которыя Брайанъ такой мастеръ. Во-вторыхъ, поддержка Самуила Гомперса и Американской Федераціи труда. Въ третьихъ, современный экономическій кризисъ и безработица.

Результаты выборовъ доказали, что ни общій радикализмъ, ни союзъ съ рабочимъ движеніемъ, ни безработица и кризисъ не помогли Брайану. Это, несомнѣнно, требуетъ объясненія. Но равнымъ образомъ объясненія требуетъ и тотъ фактъ, что неизбѣжность пораженія Брайана чувствовалась всѣми. Къ сожалѣнію, для точнаго изслѣдованія этихъ вопросовъ до сихъ поръ еще не имѣется достаточно матеріаловъ. Общіе, крупные результаты выборовъ были извѣстны еще въ день выборовъ. Въ пять часовъ закрылись избирательныя будки, въ шесть стали получаться первыя свѣдѣнія; а въ семь часовъ, когда стало ясно, что даже въ городѣ Нью-Іоркѣ, гдѣ демократы обыкновенно имѣютъ большинство въ 100.000 голосовъ, Тафтъ получилъ больше голосовъ, чѣмъ Брайанъ, успѣхъ Тафта сдѣлался несомнѣннымъ. Но за то окончательныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній о результатахъ нѣтъ еще до сихъ поръ, и свои дальнѣйшіе выводы я основываю лишь на томъ матеріалѣ, который успѣлъ накопиться до настоящаго момента.

Сомнѣніе въ возможности успѣха Брайана, которое обнаружилось за нѣсколько недѣль до выборовъ, основывалось главнымъ образомъ на томъ, что рабочія организаціи и ихъ представители далеко не высказывали того единодушнаго энтузіазма по отношенію къ Брайану, какого можно было бы ожидать въ виду открытой поддержки его вожаками американской федераціи труда. Вовсе не нужно было быть приверженцемъ Брайана, чтобы почувствовать глубокое разочарованіе, присутствуя при проявленіяхъ этого раздвоенія рабочаго класса, ибо оно являлось печальнымъ доказательствомъ его политической незрѣлости. Какъ вѣрно замѣтилъ одинъ американскій журналистъ, американскій рабочій чернымъ карандашомъ, которымъ онъ дѣлаетъ отмѣтку на избирательномъ листѣ, можетъ направить исторію С. Штатовъ въ любую сторону, ибо

если онъ обладаетъ еще не абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, то, во всякомъ случаѣ, достаточно значительной ихъ долей, чтобы рѣшить судьбу любого кандидата. Но для этого нужна солидарность, нужна рѣшимость добиваться отъ партій выполненія требованій рабочихъ. Мы можемъ находить эти требованія слишкомъ умѣренными, это—другой вопросъ. Но въ этомъ году рабочіе вполнѣ ясно ихъ формулировали. Республиканцы грубо отказались удовлетворить ихъ; демократы сказали: изберите насъ, и мы удовлетворимъ ваши требованія; и тѣмъ не менѣе рабочіе не могли объединиться, чтобы воспользоваться своей политической силой для защиты собственныхъ правъ и поддержки собственныхъ требованій.

Почему? Наибольшее вліяніе оказали, вѣроятно, слѣдующіе факты. Во-первыхъ, безсознательное, машинальное отношеніе къ политикѣ вообще: «мой отецъ всегда вотировалъ за республиканцевъ, и я всю свою жизнь вотировалъ за республиканцевъ», подобнаго аргумента вы не услышите въ Европѣ съ ея многочисленными, часто мѣняющимися партіями. Во-вторыхъ, гордость американскаго рабочаго, что онъ вотируетъ не какъ рабочій, а какъ гражданинъ,—точка зрѣнія, передъ которой разсыпается въ комплиментахъ американская буржуазная пресса. И поэтому рабочій въ южныхъ штатахъ вотируетъ за демократическую партію, такъ какъ она противъ негровъ, а онъ вмѣстѣ съ другими бѣлыми противъ негровъ. Въ западныхъ или сѣверныхъ штатахъ онъ вотируетъ за республиканца, потому что вѣруетъ въ протекціонизмъ, или потому, что республиканскій губернаторъ, какъ въ Нью-Іоркѣ, положилъ конецъ азартной игрѣ на скачкахъ или раскрылъ язвы общества страхованія жизни,—хотя ему никакого дѣла нѣтъ ни до тотализатора, ни до страхованія жизни. Но онъ обсуждаетъ кандидатовъ и платформы вообще, а не съ точки зрѣнія рабочаго класса. Если онъ отрѣшился отъ этого взгляда на политику, то онъ, мало знакомый съ принципомъ солидарности рабочаго класса, впадаетъ въ другую крайность и смотритъ на все съ точки зрѣнія своей промышленности. Зная по опыту, что его мѣсто зависитъ отъ произвола его хозяина, онъ готовъ цѣликомъ принять затасканный принципъ классической политической экономіи, что капиталъ даетъ работу труду и что его благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія его хозяина. Поэтому проповѣдь общности интересовъ капитала и труда находитъ въ американскомъ рабочемъ сочувствующаго слушателя. И такъ какъ американскіе фабриканты-протекціонисты, то и американскіе рабочіе протекціонисты; такъ какъ американскій промышленный капиталъ, можетъ быть, изъ слѣпого страха, боялся избранія Брайана, то американскіе рабочіе предпочли Тафта.

Демократы ожидали, что кризисъ и безработица, происшедшіе во время республиканскаго режима, разрушатъ вѣру рабочаго въ преимущества крайняго протекціонизма и республиканскаго ре-

жима, но, какъ это ни странно, вліяніе оказалось какъ разъ противоположное. Перепугъ фабриканта отозвался и на рабочемъ. Фабричный капиталъ не переставалъ кричать: «Капиталъ напуганъ, и боится взяться за работу. Рузвельтъ его достаточно пугалъ, а Брайанъ еще страшнѣе. Нужно успокоить его, и тогда онъ сдѣлается смѣлѣе и опять возьмется за торгово-промышленную дѣятельность. Это можетъ сдѣлать лишь Тафтъ». Такимъ образомъ страна, несмотря на всѣ заявленія Рузвельта и Брайана, признавала, что Брайанъ ближе къ Рузвельту, чѣмъ Тафтъ, и на избраніе послѣдняго необходимо смотрѣть, какъ на реакцію послѣ Рузвельтовскаго режима. Какъ отдѣльныя фабрики, такъ и промышленныя организаціи утверждали, что работу на остановившихся предпріятіяхъ возобновятъ лишь послѣ избранія Тафта. И рабочая масса, пренебрегая политическими классовыми интересами, — вотировала за «хлѣбъ съ масломъ», какъ говоритъ американецъ, т. е. за шкурные интересы; и проявленія этого устрашенія были такъ ясны еще до выборовъ, что дѣлали избраніе Тафта почти несомнѣннымъ.

Благодаря косвенному методу избранія президента, въ многочисленныхъ предсказаніяхъ о результатахъ выборовъ фигурировало число не народныхъ голосовъ, а электоральныхъ. Изъ 483 электоральныхъ голосовъ для избранія необходимо было 242; какъ республиканцы такъ и демократы предъявляли претензіи на 325. Эти предположенія дѣлались, конечно, не наобумъ. Кто знакомъ съ практической политикой Соединенныхъ Штатовъ, знаетъ, что нѣкоторые штаты непремѣнно выберутъ демократовъ, а другіе—непремѣнно республиканцевъ. Относительно этихъ штатовъ не можетъ быть препирательствъ. Остальные штаты считаются сомнительными. Они иногда переходятъ отъ одной партіи къ другой. Здѣсь и происходитъ главная борьба. Между прочимъ, кандидаты на должность какъ президента, такъ и вице-президента всегда почти выбираются изъ гражданъ этихъ сомнительныхъ штатовъ, потому что каждая партія стремится увеличть свой политическій капиталъ на счетъ мѣстнаго патріотизма. Этого патріотизма часто хватаетъ на то, чтобы передать сомнительный штатъ въ руки той партіи, кандидатомъ которой является гражданинъ этого штата. Такъ, Тафтъ гражданинъ штата Охайо, Брайанъ изъ Небраски, кандидаты въ вице-президенты Шерманъ изъ Нью-Іорка, Кернъ изъ Индіаны—четыре важныхъ сомнительныхъ штата—эти четыре штата имѣютъ 86 голосовъ. Гражданинъ не сомнительнаго штата почти не имѣетъ шанса сдѣлаться кандидатомъ въ президенты. За послѣдніе 40 лѣтъ большинство президентовъ были либо изъ Нью-Іорка (Кливлэндъ, Рузвельтъ) либо изъ Охайо (Гарфильдъ, Макъ Кинли, Тафтъ), либо изъ Индіаны (Гаррисонъ). Вотъ цѣна, которую Америка платитъ за косвенную избирательную систему.

Демократамъ безспорно принадлежитъ югъ. Это одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ американской политики. Классовыя

раздѣленія, политическія разногласія существуютъ и на югѣ. Но югъ помнитъ одно, что республиканская партія вела гражданскую войну, что она опустошила югъ, что она освободила негровъ и дала имъ право голоса. Послѣднее преступленіе самое тяжелое. Югъ изъ ненависти къ негру держится демократической партіи, какова бы ни была ея программа; и хотя югъ реакціоненъ, въ особенности по отношенію къ рабочему вопросу, тѣмъ не менѣе югъ всегда и постоянно за Брайана, на какой бы платформѣ онъ ни стоялъ.

Что югъ принадлежитъ демократамъ, конечно, не отрицали и республиканцы. Это давало Брайану вѣрныхъ 140 голосовъ *); почти на все остальное заявляли свои претензіи республиканцы.

Такимъ образомъ, республиканцы утверждали, что за нихъ весь сѣверо-востокъ, вся центральная полоса, и весь дальній западъ—словомъ, вся республика, за исключеніемъ юга, связаннаго по рукамъ и ногамъ собственнымъ предразсудкомъ—негрофобіей. Чтобы понять основаніе такихъ заявленій, необходимо оглянуться нѣсколько назадъ, на предыдущія президентскія кампаніи.

Въ 1892 году, послѣднемъ году демократическаго успѣха—демократы (Кливлэндъ) получили 277 голосовъ изъ 444, республиканцы (Гаррисонъ) 145 и популисты 22. Въ 1896 г. демократы въ первую кампанію Брайана получили лишь 176 изъ 447 голосовъ, въ 1900 г. во вторичную кампанію Брайана 155 голосовъ изъ 447, а въ 1904 году Паркеръ, замѣнившій Брайана, получилъ всего 140 голосовъ изъ 476.

Присматриваясь къ географической картѣ Соединенныхъ Штатовъ, мы видимъ, что въ каждую кампанію югъ принадлежалъ демократамъ. Въ 1892 году демократическая волна захватила и пограничные съ югомъ штаты, какъ Зап. Виргинію, Нью-Іоркъ, Нью-Джерси и Коннектикутъ и, наконецъ, важные центральные штаты: Индіану, Иллинойсъ и Висконсинъ, и даже на западѣ Калифорнію. Республиканцамъ остались лишь Новая Англія, Пенсильванія и Охайо, судьба которыхъ связана съ высокимъ тарифомъ, да западъ, при чемъ даже на западѣ пять штатовъ перешли въ руки популистовъ.

Въ 1896 г. политическая географія С. Штатовъ уже нѣсколько измѣнилась. Это была памятная кампанія, когда вся буржуазія, весь капиталъ единодушно выступилъ противъ молодого радикала Брайана. Число электоральныхъ голосовъ демократовъ упало съ 277 до 176. Тѣмъ не менѣе, на картѣ демократическій районъ все еще былъ больше республиканскаго; онъ покрывалъ весь югъ и

---

*) Южные штаты Виргинія (12 электоральныхъ голосовъ), Кентукки (13), Женнеси (12) Сѣверная и Южная Каролина (12 и 9), Джорджія (13) Алабама (11), Миссисипи (10), Арканзасъ (9), Флорида (5), Луизьяна (9), Оклагама (7) и Техасъ (18) всего 140. Иногда къ южнымъ штатамъ причисляются сомнительные Миссури (18), Мериллендъ (38) и Делаваръ.

почти весь западъ; но восточные и центральные штаты, названные выше, отказались отъ демократической ереси, и высокое число ихъ электоральныхъ голосовъ рѣшило судьбу выборовъ. Дальнѣйшее завоеваніе демократической территоріи республиканцами произошло въ 1900 году; республиканцы захватили почти весь западъ, оставивъ демократамъ лишь штаты Колорадо, Монтану, Андахо и Неваду.

Въ этомъ южные демократы увидѣли знаменіе времени. Они указали на радикализмъ, какъ на причину гибели демократической партіи, и выставили консерватора Паркера. Въ результатѣ— они потеряли всѣ сѣверные и западные штаты и даже штатъ Миссури, считающійся южнымъ. Помимо юга Паркеръ не сумѣлъ завоевать ни одного штата. Демократы опять вернулись къ Брайану, и въ 1904 г. результаты компаніи оказались нѣсколько лучше: Брайанъ сумѣлъ вернуть себѣ два западныхъ штата: Колорадо и Неваду; помимо этого онъ побѣдилъ незначительнымъ большинствомъ собственный штатъ Небраску; но это по общему признанію лишь своего рода комплиментъ личности Брайана и политическаго значенія не имѣетъ.

Мы пустились въ эти подробности не безъ опредѣленной цѣли: результаты сраженія 3-го ноября вызвали въ значительной части печати утвержденія, что демократической партіи пришелъ конецъ. Вышеприведенный анализъ какъ бы подтверждаетъ эту точку зрѣнія. Онъ доказываетъ постепенное, но быстрое паденіе демократической партіи, начиная съ 1892 года, и реакція 1908 года въ сравненіи съ 1904 годомъ недостаточно велика, чтобы нарушить этотъ выводъ. Въ сравненіи съ 1900 годомъ, кампанія 1908 года показываетъ дальнѣйшій упадокъ партіи.

XI.

Картина, однако, значительно измѣняется, когда отъ электоральныхъ голосовъ мы переходимъ къ народнымъ. Въ 1892 г., въ годъ побѣды Кливленда, онъ получилъ $5^1/_3$ милліоновъ голосовъ изъ 12 милліоновъ, республиканцы получили 5,3 милліона, а популисты $1^1/_3$ милліона. Въ 1896 году, годъ перваго пораженія Брайана, онъ получилъ $6^1/_3$ милліоновъ, т. е. на милліонъ больше, чѣмъ Кливлендъ въ побѣдный 1892 годъ; Макъ-Кинли получилъ 7 милліоновъ, т. е. всего на полмилліона больше; общее число голосовъ было почти 14 милліоновъ, на 2 милліона больше, чѣмъ въ 1892 году, благодаря необыкновенному интересу къ выборамъ въ 1896 году. Поскольку рѣчь идетъ о народныхъ голосахъ сравнительныя силы обѣихъ партій мало измѣнились въ слѣдующіе 4 года. Республиканцы получили 7,7 милліоновъ, вмѣсто 7,1; демократы 6,4 вмѣсто 6,5. Общая сумма голосовъ осталась приблизительно та-же—

около 14 милліоновъ, несмотря на ростъ населенія въ четыре года (приблизительно 8 милліоновъ).

За то выборы 1904 г. дали очень интересные результаты. Вопервыхъ, интересъ къ выборамъ значительно упалъ; число поданныхъ голосовъ упало до 13,5 милліоновъ, т. е. на полмилліона, несмотря на ростъ населенія. На долю второстепенныхъ партій пришлось 800.000 голосовъ, вмѣсто 400.000; такимъ образомъ на долю двухъ главныхъ кандидатовъ пришлось 12,7 милліоновъ, вмѣсто 13,6 милліоновъ, т. е. на милліонъ голосовъ меньше; при этомъ Рузвельтъ получилъ на 400.000 голосовъ больше, чѣмъ МакъКинли въ 1900 году (7,6 вмѣсто 7,7 милліоновъ), но Паркеръ получилъ всего 5 милліоновъ, противъ 6,4 милліоновъ Брайана.

Тогда судьба демократической партіи казалась дѣйствительно очень мрачной; казалось, что республиканцамъ удалось совершенно уничтожить оппозицію. Большинство Рузвельта надъ его оппонентомъ превышало $2^1/_3$ милліона голосовъ, изъ всѣхъ поданныхъ голосовъ Рузвельтъ получилъ 56,4%, Паркеръ 37,6 и остальныя партіи 6%. Отношеніе демократическихъ голосовъ къ республиканскимъ въ 1896 г. было 92 къ 100; въ 1900 г.—88: 100, а въ 1904 г.—66: 100. Республиканская партія въ 1904 г. могла, дѣйствительно, съ презрѣніемъ смотрѣть на разрушеніе оппозиціи.

Поэтому помимо электоральныхъ голосовъ (156 за Брайана и 377 за Тафта) для оцѣнки политическаго момента необходимо еще знать число народныхъ голосовъ, но, къ сожалѣнію, достовѣрныхъ данныхъ до сихъ поръ еще не имѣется. Однако по приблизительной оцѣнкѣ наиболѣе свѣдущихъ газетъ большинство Тафта передъ Брайаномъ равняется приблизительно милліону голосовъ. Такъ какъ интересъ къ выборамъ въ текущемъ году былъ значительно большій, чѣмъ въ 1904 году, то общая сумма голосовъ была, по крайней мѣрѣ, 14.000.000, а можетъ быть, и цѣлыхъ 15.000.000. Пять мелкихъ партій, двѣ соціалистическія, популистическая, анти-алкогольная и независимая, навѣрно, получили не менѣе милліона голосовъ; изъ остальныхъ 13 милліоновъ, Брайанъ получилъ, вѣроятно, 6 милліоновъ, и Тафтъ 7 милліоновъ. Другими словами, въ сравненіи съ 1904 г. Брайанъ выигралъ около милліона, а Тафтъ потерялъ около полумилліона голосовъ. Очевидно, результаты выборовъ нельзя разсматривать, какъ разгромъ демократической партіи; еще меньше можно ихъ разсматривать, какъ одобреніе всей страной Тафта, ибо сумма голосовъ, поданныхъ за всѣ оппозиціонныя партіи, вѣроятно, почти равна числу голосовъ, поданныхъ за Тафта. Еще болѣе подтверждаютъ это результаты выборовъ въ палату представителей. Въ 1904 году было избрано 136 демократовъ и 250 республиканцевъ, такъ что послѣдніе имѣли большинство въ 114 депутатовъ. Въ 1906 году число демократовъ возрозло до 164, а число республиканцевъ упало до 222, такъ что большинство послѣднихъ упало до 58. Въ текущемъ году

число избранныхъ демократовъ дошло до 180, а число республиканцевъ упало до 211, что даетъ большинство въ 31. Другими словами, президентскіе выборы въ значительной степени являются случайностью и не выражаютъ дѣйствительнаго настроенія страны.

Но самаго важнаго пункта мы еще не коснулись. Сравнивая число голосовъ, полученныхъ республиканцами и демократами при выборахъ, мы имѣли въ виду лишь Тафта и Брайана. Но при американской системѣ выборовъ вмѣстѣ съ президентомъ избираются не только депутаты въ конгрессъ, но и многіе губернаторы, члены мѣстныхъ законодательныхъ собраній, и даже муниципальное правительство. По чьему-то разсчету въ текущемъ году, благодаря многочисленности партій, всего имѣлось чуть ли не 100.000 кандидатовъ. Вотируя «a straight ticket» (прямой билетикъ, т. е. за всѣхъ кандидатовъ одной партіи) нью-іоркскій гражданинъ однимъ крестикомъ подавалъ свой голосъ за 50—60 кандидатовъ, начиная съ 39 президентскихъ электоровъ, продолжая губернаторами, судьями, законодателями, до думскаго гласнаго и шерифа. Лѣтъ 15—20 тому назадъ вотированіе straight было почти неписаннымъ закономъ. Надъ немногими «дикими», выбиравшими своихъ кандидатовъ изъ разныхъ партій, смѣялись, какъ надъ политическими фантазерами. Политическія партіи всѣ проповѣдывали превосходство этого метода и, что очень любопытно, реакціонеры-республиканцы сходились въ этомъ съ соціалистами; ибо согласно символу вѣры послѣднихъ—splitting the ticket, т. е. раздѣленіе билетика—вотированіе хотя бы за одного не соціалистическаго кандидата величайшее преступленіе противъ святѣйшихъ принциповъ соціализма.

Съ тѣхъ поръ «раздѣленіе билетиковъ» растетъ отъ выборовъ до выборовъ. И никогда оно еще не было такъ сильно, какъ въ истекшую кампанію. Это одно уже придаетъ этимъ выборамъ особый интересъ. И еще болѣе интересенъ тотъ фактъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ Тафтъ получилъ больше голосовъ, чѣмъ мѣстный республиканскій кандидатъ въ губернаторы, а Брайанъ меньше голосовъ, чѣмъ демократическій кандидатъ въ губернаторы. Такъ, въ Индіанѣ, Миннесотѣ, Охайо и Миссури Тафтъ побилъ Брайана; но во всѣхъ этихъ четырехъ штатахъ демократическіе кандидаты въ губернаторы побили республиканскихъ. Между тѣмъ, получи Брайанъ эти штаты, онъ имѣлъ бы не 156 электоральныхъ голоса противъ 347, а 227 противъ 256. Въ штатѣ Нью-Іоркѣ Тафтъ получилъ большинство въ 200.000 голосовъ, а республиканскій кандидатъ въ губернаторы лишь 70.000. Это значитъ, что 65.000 человѣкъ вотировало за Тафта и за демократическаго губернатора. То же вѣрно относительно многихъ другихъ штатовъ, и весьма вѣроятно, что по мѣстнымъ выборамъ демократы получили столько же голосовъ, сколько республиканцы, а можетъ быть, и больше.

Итакъ демократическая партія далеко не уничтожена. На-

противъ, она въ послѣдніе годы значительно оправилась. Но, пользуясь довольно значительнымъ успѣхомъ въ мѣстныхъ выборахъ, она, очевидно, не сумѣла выступить передъ народомъ съ удовлетворительной программой; и этому Брайанъ обязанъ тѣмъ, что приверженцы демократической партіи въ мѣстныхъ вопросахъ вотировали противъ Брайана. Конечно, въ мѣстныхъ дѣлахъ демократическая организація каждаго штата вполнѣ автономна. Національная демократическая партія представляетъ какъ бы федерацію, и федерацію довольно пеструю. Между реакціонной демократіей юга (основанной главнымъ образомъ на негрофобствѣ) и радикальной демократіей Минесоты—очень мало общаго. И поэтому весьма возможна нѣкоторая перетасовка этихъ политическихъ федерацій въ будущемъ, если только брешь между федеральными и мѣстными выборами будетъ продолжать расти.

Во всякомъ случаѣ, важно отмѣтить, что крикливый режимъ Рузвельта, богатый многими обѣщаніями радикальныхъ реформъ и такой бѣдный положительными результатами, далеко не заслужилъ единогласнаго одобренія. Помимо Брайана, нужно принять въ соображеніе и многія второстепенныя партіи. Правда, малый успѣхъ ихъ разочаровалъ многихъ. Къ сожалѣнію, вполнѣ точныя свѣдѣнія о нихъ получить еще труднѣе, чѣмъ о главныхъ партіяхъ. Но извѣстно, что ожиданія враговъ и друзей, что соціалистическая партія получитъ 1.000.000 голосовъ, не оправдались. Число голосовъ, поданныхъ за эту партію, равняется приблизительно 600.000. Анти-алкоголики, несмотря на всю свою агитацію, получили около 300.000 голосовъ. Популисты, вѣроятно, удержали около 100.000. Попытка Хойрста отвлечь голоса отъ демократовъ посредствомъ своей «независимой партіи» потерпѣла полное фіаско. Онъ едва получилъ 50.000 голосовъ. Мелкая соціалистическая партія (Socialist Labor Party) получила едва 25.000.

Итакъ, всего голосовъ за мелкіи партіи было подано въ 1900 году 400.000, въ 1904—800.000, а въ текущемъ году больше милліона.

Больше всего разочарованы въ результатахъ выборовъ соціалисты. Они были почти увѣрены, что получатъ милліонъ голосовъ; въ дѣйствительности же число ихъ голосовъ не превышаетъ 500—600.000. Въ виду чрезвычайно энергичной агитаціи и особеннаго вниманія со стороны большой публики, малое число голосовъ удивило всѣхъ, не только соціалистовъ. Въ свою очередь, всѣ усилія ихъ выбрать хотя бы одного депутата въ конгрессъ потерпѣли фіаско, хотя они имѣли большія надежды на успѣхъ въ одномъ дистриктѣ въ Нью-Іоркѣ и въ городѣ Мильвоки. Пропорціонально числу голосовъ, соціалисты должны были бы имѣть 4% всѣхъ депутатовъ, т. е. около 16 депутатовъ; а между тѣмъ, несмотря на всѣ ихъ усилія, Соединенные Штаты остаются единственной цивилизованной страной въ

мірѣ, не имѣющей ни соціалистическихъ, ни рабочихъ депутатовъ въ своемъ парламентѣ.

XII.

Выборы президента и палаты представителей произошли въ началѣ ноября. Сессія конгресса начинается въ началѣ декабря. Но это не новый, а старый конгрессъ. Новый президентъ вступитъ въ должность 4-го марта. Формально къ этому же числу вступаетъ въ свои обязанности и новый конгрессъ. На дѣлѣ же обычно новый конгрессъ собирается лишь въ декабрѣ, т. е. по истеченіи 13 мѣсяцевъ послѣ выборовъ. Въ слѣдующемъ году, вѣроятно, будетъ спеціальная сессія для пересмотра таможеннаго тарифа. Она будетъ созвана въ мартѣ.

Здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ очень устарѣвшимъ, и потерявшимъ весь свой смыслъ институтомъ, котораго нѣтъ возможности измѣнить, благодаря не поддающейся поправкамъ конституціи. Объясненіе этому надо искать въ плохихъ средствахъ сообщенія и передвиженія въ концѣ 18-го вѣка, благодаря которымъ немедленный созывъ новаго конгресса былъ невозможенъ. Причины эти давно исчезли, но фактъ остался: въ теченіе цѣлой сессіи послѣ выборовъ новаго парламента остается въ силѣ старый парламентъ, теоретически уже не пользующійся довѣріемъ и безответственный передъ народомъ. Такого положенія не знаетъ ни одна другая парламентская страна.

Новый режимъ, режимъ Тафта и новаго конгресса поэтому еще не начался. Но, благодаря близости между Рузвельтомъ и Тафтомъ, вліяніе его уже чувствуется.

На первую очередь выдвинулся таможенный вопросъ. Республиканцы обѣщали пересмотръ тарифъ; но пересмотръ пересмотру рознь. Интересы потребителя требуютъ пониженія ставокъ. Этого же требуютъ нѣкоторыя отрасли промышленности, нуждающіяся въ болѣе дешевыхъ матеріалахъ. Но большинство фабрикантовъ не только намѣрены удержать существующія ставки, но даже надѣются подъ предлогомъ пересмотра добиться высшихъ.

Болѣе радикальная фракція среди республиканцевъ всю прошлую зиму боролась за научную переработку тарифа на основаніи точныхъ данныхъ о стоимости производства и требовала назначенія коммиссіи для изученія этого вопроса. Эта попытка провалилась, благодаря оппозиціи реакціонеровъ-ультрапротекціонистовъ со спикеромъ Каннономъ во главѣ. Немедленно же послѣ выборовъ финансовая коммиссія палаты, въ которой засѣдаютъ наиболѣе реакціонные элементы, начала свое изслѣдованіе тарифа при помощи засѣданій, на которыя являются давать свои показанія преимущественно фабриканты, требующіе высшихъ ставокъ. Рес-

публиканская платформа требовала, чтобы при пересмотрѣ тарифа принималась въ соображеніе разница въ стоимости производства въ С. Штатахъ и заграницей, а также *необходимость достаточной прибыли для американскаго капитала.* Послѣдняя формула чрезвычайно растяжима. Характеръ засѣданій коммиссіи уже доказалъ, что пересмотръ тарифа будетъ фарсомъ, поскольку дѣло касается облегченія участи потребителя, страдающаго отъ слишкомъ высокихъ цѣнъ.

Невозможность дѣйствительной реформы тарифа, покуда спикеромъ остается Каннонъ, представитель самаго реакціоннаго крыла республиканской партіи, и покуда спикеръ сохраняетъ автократическую власть надъ палатой, очевидна для всѣхъ. Поэтому радикальное крыло стало поговаривать о необходимости избрать другого спикера и указывать, что Тафтъ своимъ вліяніемъ можетъ помочь этому дѣлу. Въ теченіе нѣсколькихъ дней газеты поговаривали о неизбѣжности открытаго разрыва между Тафтомъ и Каннономъ. Указывалось, что, какъ спикеръ, Каннонъ сумѣетъ затормазить всю прогрессивную законодательную работу и такимъ образомъ дискредитировать администрацію Тафта передъ страной. Но Каннонъ не дремалъ; онъ (или его друзья, что не измѣняетъ дѣла) разослалъ циркуляры всѣмъ республиканскимъ членамъ палаты, съ запросомъ, за него они или противъ него; и такъ какъ депутаты дрожали передъ Каннономъ и его вліяніемъ, то онъ сумѣлъ заручиться приверженцами. И, благодаря этому, быстро заключено было перемиріе между Тафтомъ и Каннономъ. Тафтъ обѣщалъ не противиться новому избранію Каннона въ спикеры, а Каннонъ обѣщался не мѣшать прогрессивному законодательству какъ относительно тарифа, такъ и относительно другихъ мѣръ. Но въ Вашингтонѣ, гдѣ Каннона хорошо знаютъ, это перемиріе истолковывается, какъ сохраненіе старой деспотической власти въ рукахъ Каннона и консерваторовъ, какъ капитуляція Тафта передъ Каннономъ.

Еще меньше можно ожидать отъ обѣщаній по рабочему вопросу, какъ видно уже изъ слѣдующаго инцидента. Немедленно послѣ выборовъ президентъ заявилъ, что къ приближающейся сессіи конгресса, послѣдней въ его управленіе, онъ готовитъ посланіе, въ которомъ особенное вниманіе будетъ обращено на рабочій вопросъ, что онъ желаетъ выслушать представителей труда относительно требуемыхъ рабочими законодательныхъ мѣръ и поэтому разослалъ приглашеніе на обѣдъ многимъ представителямъ рабочихъ организацій и что вмѣстѣ съ ними приглашены нѣсколько министровъ и другихъ вліятельныхъ общественныхъ дѣятелей для обсужденія рабочаго вопроса.

Для сентиментальнаго человѣка какая радостная картина! Представители рабочихъ союзовъ,—сами бывшіе рабочіе—за обѣденнымъ столомъ рядомъ съ президентомъ и министрами. Какая

иллюстрація демократическихъ принциповъ! Къ этой внѣшности, однако, Америка привыкла. Назначеніе же обѣда, чтобы обсудить рабочій вопросъ и узнать требованія рабочихъ организацій, не могло не возбудить вопроса: развѣ Американская Федерація Труда, въ которой объединены $^3/_4$ всѣхъ американскихъ рабочихъ союзовъ, не кричала въ продолженіе года, чего именно требуетъ рабочій классъ?

Другой вопросъ вызывалъ опубликованный списокъ приглашенныхъ гостей. Между именами приглашенныхъ представителей рабочихъ отсутствовали имена Самуила Гомперса и Франка Моррисона, президента и секретаря Федераціи Труда. Здѣсь отвѣтъ впрочемъ, былъ очевиденъ. Гомперсъ и Моррисонъ активно агитировали противъ Тафта и за Брайана; и Рузвельтъ наказалъ ихъ обойдя ихъ приглашеніемъ. Рабочія организаціи не могли, конечно, смотрѣть на это иначе, какъ на оскорбленіе Федераціи. «Если рабочій вопросъ обсуждается въ Бѣломъ Домѣ, если для этого приглашаются представители рабочихъ, то во главѣ ихъ долженъ быть Самуилъ Гомперсъ», говорили они. Инцидентъ произошелъ какъ разъ въ то время, когда засѣдалъ національный съѣздъ Федераціи, на которомъ предстояло избраніе новаго президента. У Гомперса было много оппонентовъ, но въ видѣ протеста противъ грубости Рузвельта Гомперсъ былъ вновь избранъ почти единогласно.

Мало того, Рузвельтъ не только обошелъ Гомперса, но пригласилъ много другихъ должностныхъ лицъ Федераціи, между ними и Джонасвейтчеля (бывшаго вожака углекоповъ), къ которому Рузвельтъ питаетъ очень теплыя чувства. Приглашенные не принимали активнаго участія въ президентской кампаніи. Однако они всѣ были вынуждены отклонить президентское приглашеніе къ обѣду, чтобы не испортить своего положенія въ Федераціи.

Обѣдъ, однако, состоялся; Рузвельтъ извѣстенъ своимъ упрямствомъ. Въ оффиціальномъ заявленіи Рузвельтъ указалъ, что онъ имѣетъ право приглашать къ себѣ на обѣдъ кого ему угодно, и что это его частное, а не оффиціальное дѣло. Какъ будто вопросъ шелъ объ юридическомъ правѣ? На обѣдѣ рядомъ съ министрами и судьями сидѣли спеціально подобранные «представители рабочихъ», до того захудалые и непредставительные, что обсужденіе рабочаго вопроса окончилось полнымъ фіаско. Но общественное значеніе этого обѣда—попытка внести раздоръ въ рабочіе союзы слишкомъ очевидна, чтобы нуждаться въ комментаріяхъ.

Еще одинъ инцидентъ. Среди вожаковъ Американской Федераціи Труда былъ одинъ вице-президентъ Кинфъ, который не только не поддерживалъ Гомперса въ его агитаціи за Брайана, но, напротивъ, выступилъ не менѣе энергично за Тафта. За эту измѣну противъ принятой всей Федераціей тактики Кинфъ былъ забаллотированъ при выборахъ съѣздомъ Федераціи. Черезъ не-

дѣлю онъ былъ назначенъ на крупную должность генеральнаго коммиссара иммиграціи съ жалованіемъ въ 6000 долларовъ. По традиціи на эту должность всегда назначается представитель рабочихъ союзовъ. Рузвельтъ избралъ представителя, котораго рабочая организація провалила на выборахъ въ вице-президенты.

Итакъ, полное отступленіе въ дѣлѣ пересмотра тарифа, сохраненіе автократической власти реакціонера Каннона, спикера палаты, перемиріе между реакціонеромъ Канномомъ и «прогрессивнымъ» Тафтомъ, систематическія усилія внести раздоръ въ рабочіе союзы и сведеніе на ничто программы рабочаго законодательства,— вотъ ближайшіе результаты выборовъ, доказывающіе, что торговый, промышленный и биржевой капиталъ были правы, когда сочли Тафта своимъ.

Впрочемъ, капиталъ усердно старается доказать, что и рабочая масса выиграла очень много отъ избранія Тафта. Чуть-ли не на слѣдующій же день послѣ выборовъ коммерческія организаціи подняли единогласный крикъ: кризисъ кончился, начинается эра всеобщаго благосостоянія. Съ этой пѣлью о каждомъ заказѣ, о каждой сотнѣ рабочихъ, вернувшихся на работу, инспирированныя газеты трезвонятъ во всѣ колокола. Секретъ, однако, въ томъ, что замѣтное улучшеніе тяжелаго кризиса началось уже съ сентября, т. е. за два мѣсяца до выборовъ, и, конечно, промышленное оживленіе идетъ впередъ усиленнымъ темпомъ. Несмотря на это, по получающимся со всей страны свѣдѣніямъ, безработицы въ промышленныхъ центрахъ еще очень много и благотворительныя организаціи ожидаютъ еще очень тяжелой зимы. Пока же трезвонъ о наступленіи «эры благополучія» (era of prosperity) отзывается всего громче на биржѣ. Масса мелкихъ спекуляторовъ, представляющихъ такую богатую наживу для профессіональныхъ биржевиковъ, послѣ года осторожнаго обхода биржи, опять преисполнилась азартомъ и оптимизмомъ; и всяческія бумаги на Нью-Іоркской биржѣ идутъ все вверхъ и вверхъ. Какъ въ Россіи волна политическаго протеста, такъ въ С. Штатахъ волна экономическаго протеста на время истощилась, и буржуазія смотритъ съ большими упованіями на слѣдующіе четыре года.

Нашъ отчетъ о президентской кампаніи и ея результатахъ былъ бы неполонъ, если бы мы не упомянули, согласно доброму обычаю старыхъ беллетристовъ, о дальнѣйшей судьбѣ «героевъ романа». Дальнѣйшая судьба нашихъ героевъ лежитъ, впрочемъ, въ будущемъ, такъ какъ мы довели наше повѣствованіе до текущаго момента.

Героевъ три: Рузвельтъ, Тафтъ и Брайанъ. Судьба Тафта,

по крайней мѣрѣ, въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ, ясна и опредѣленна. Онъ будетъ держать бразды правленія.

Рузвельтъ, послѣ 78 лѣтъ президентства и почти 15 лѣтъ непрерывной государственной жизни, возвращается къ частной жизни. Судьба эксъ-президента всегда интересуетъ американца; а судьба Рузвельта, совсѣмъ молодымъ человѣкомъ 50 лѣтъ, покидающаго Бѣлый Домъ,—вдвойнѣ интересна. Рузвельта прочили на многія должности: въ сенаторы, въ мэры города Нью-Іорка, даже въ президенты знаменитаго Гарвардовскаго университета. Но Рузвельтъ предпочелъ охоту за слонами въ центральной Африкѣ, заключивъ предварительно контрактъ съ журналомъ Scubner's Magasine относительно печатанія его «Записокъ охотника», говорятъ, по доллару за слово. Писатель Рузвельтъ очень плодовитый и очень посредственный. Но писатель эксъ-президентъ республики будетъ читаться, каковы бы ни были литературные недостатки его статей.

А по возвращеніи изъ Африки у Рузвельта будетъ готовая должность—редактора популярнаго еженедѣльнаго журнала «Outlook», который всегда во всемъ поддерживалъ политику Рузвельта. У «Outlook'a» около 750.000 подписчиковъ,—но съ эксъ-президентомъ Рузвельтомъ въ редакціи тиражъ можетъ увеличиться на 100 или 200 тысячъ; ибо Рузвельтъ останется крупной силой въ республиканской партіи, а онъ обязался писать исключительно для Outlook'a. За это онъ будетъ получать очень приличное вознагражденіе—30.000 долларовъ въ годъ. Контракты были заключены въ самый разгаръ политической кампаніи, и, заключивъ ихъ раньше, чѣмъ превратиться въ частнаго гражданина, Рузвельтъ доказалъ свой коммерческій талантъ.

А Брайанъ? Какъ троекратный президентскій кандидатъ, Брайанъ—явленіе не менѣе исключительное, чѣмъ президентъ Рузвельтъ. Если большинство американцевъ увѣрено, что рано или поздно, но Рузвельтъ долженъ будетъ вернуться къ политической жизни, то относительно Брайана существуютъ сомнѣнія. И, однако, Брайанъ еще моложе Рузвельта. Оппоненты его указываютъ, что отъ пораженій своихъ Брайанъ разжился: издаваемая имъ небольшая газетка имѣетъ гигантскій тиражъ среди западныхъ фермеровъ и даетъ ему доходу 60—75 тысячъ долларовъ въ годъ. Они забываютъ, однако, что газетка не имѣла бы этого тиража, если бы не огромная популярность Брайана. Послѣ перваго пораженія Брайана, пресса кричала: «теперь конецъ политической карьерѣ Брайана». Въ 1900 году крикъ былъ еще болѣе громкій: «Bryan is politically dead» («Брайанъ въ политическомъ отношеніи уже умеръ»). Теперь опять газеты консервативнаго крыла демократической партіи заговорили о томъ, что, «наконецъ-то, партія навсегда освободилась отъ Брайана». Но въ отвѣтъ на это Брайанъ поспѣшилъ заявить: «Если въ 1912 году партія и поли-

тическія условія потребуютъ моей кандидатуры, то я отъ нея не откажусь». Можетъ быть, въ 1912 г. борьба будетъ между Брайаномъ и Тафтомъ, можетъ быть, между Брайаномъ и Рузвельтомъ. Мелкій капиталистъ и умѣренный радикалъ, представителемъ интересовъ которыхъ является Брайанъ, еще не согласны стушеваться съ политической арены.

И. Рубиновъ.

Изъ Англіи.

I.

Когда англійскій парламентъ, возрожденный новымъ избирательнымъ закономъ, собрался въ 1868 г.,—въ немъ были только двѣ партіи: консерваторы и либералы. Послѣдніе дѣлились на болѣе умѣренныхъ и крайнихъ: на виговъ и радикаловъ. Въ 1870 г. въ Дублинѣ началось движеніе въ пользу отдѣльнаго сейма (Home Rule), во главѣ котораго сталъ Батъ, а послѣ выборовъ 1874 г. мы видимъ уже въ парламентѣ третью политическую партію, состоящую изъ пятидесяти шести коммонеровъ. Въ 1880 г. націоналистическая ирландская партія въ парламентѣ состоитъ уже изъ 63 человѣкъ. Послѣ выборовъ 1886 г. Парнелль становится во главѣ партіи, состоящей изъ 86 человѣкъ. Потомъ партія нѣсколько уменьшилась численно, но за послѣднія семнадцать лѣтъ почти не измѣнилась. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ выборовъ 1892 г. націоналистовъ въ парламентѣ было 82 и столько же послѣ выборовъ 1895 и 1900 г. На послѣднихъ выборахъ 1906 г. націоналисты получили въ Ирландіи 83 мѣста.

Въ главныхъ партіяхъ, поочередно мѣнявшихся у власти подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, между тѣмъ происходила дифференціація. Въ 1886 г. отъ либераловъ отдѣлилась группа, стоявшая противъ самоуправленія Ирландіи и подъ названіемъ либераловъ-юніонистовъ присоединилась на федеративныхъ началахъ къ консерваторамъ, которые держали своихъ новыхъ союзниковъ нѣсколько въ черномъ тѣлѣ. Изъ либераловъ-юніонистовъ видный постъ въ кабинетѣ занималъ только Гошэнъ (канцлеръ казначейства). Постъ министра колоній, предложенный Чемберлэну послѣ побѣды 1895 г., считался до тѣхъ поръ второстепеннымъ. Вслѣдствіе своего крупнаго таланта и рѣзко выраженной индивидуальности Чемберлэнъ, занимая второстепенный постъ въ кабинетѣ, выдвинулся на первое мѣсто. Либералы одно время дѣлали неудачныя попытки помириться съ либералами-юніонистами. Изъ

этихъ попытокъ въ парламентской исторіи Англіи въ особенности извѣстно «Совѣщаніе за круглымъ столомъ» (Round Table Conference). Либералы-юніонисты—исчезающая парламентская группа. Видные вожди ихъ, какъ герцогъ Девонширскій, умерли. Въ избирательныхъ округахъ либералы-юніонисты мало-по-малу теряютъ довѣріе гражданъ. Въ 1886 г. либераловъ-юніонистовъ было 77; въ 1892 г.—46; въ 1895 г.—71; въ 1900 г.—68. На выборахъ 1906 г. юніонисты потерпѣли полное пораженіе, и ихъ теперь въ парламентѣ только двадцать семь человѣкъ. Борьба за тарифныя реформы, которая становится демаркаціонной линіей между главными партіями, мѣняющимися у власти, раздѣляетъ также небольшую группу либераловъ-юніонистовъ на протекціонистовъ и фритрэдеровъ. Первые стараются вытѣснить вторыхъ и организовать одну прочную партію, стоящую за «расширеніе базиса фискальныхъ обложеній», т. е. за налоги на хлѣбъ и на ввозимые въ Англію обработанные продукты.

Несмотря на то, что трудящіяся массы послѣ избирательныхъ реформъ 1867 и 1884 гг. имѣли право голоса, онѣ посылали въ парламентъ не своихъ собственныхъ представителей, а либераловъ или консерваторовъ. Организованные англійскіе рабочіе склонялись къ тому мнѣнію, что политика ихъ не касается, и упорно боролись путемъ стачекъ за улучшеніе своего матеріальнаго положенія. Когда же въ парламентъ попадали непосредственные единичные представители отъ какихъ-нибудь организацій (напр., представитель сельскихъ работниковъ Джозефъ Арчъ), то они присоединялись къ либеральной партіи и растворялись въ ней Въ самомъ концѣ прошлаго вѣка англійскіе организованные работники, подъ вліяніемъ ряда неудачныхъ стачекъ и ряда процессовъ противъ трэдъ-юніоновъ, пришли къ заключенію, что имъ необходимо имѣть въ парламентѣ свою собственную партію. Для осуществленія этого пришлось, прежде всего, разрѣшить вопросъ о средствахъ, такъ какъ коммонеры въ Англіи не получаютъ вознагражденія. При обычномъ организаторскомъ талантѣ, свойственнымъ вообще англичанамъ, вопросъ этотъ быстро былъ разрѣшенъ. Послѣ выборовъ 1900 г. въ парламентѣ намѣчается новое явленіе: рабочіе представители образуютъ самостоятельную, хотя малочисленную группу. Прежде, чѣмъ говорить о дѣятельности этой группы сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о соціалистическихъ и рабочихъ организаціяхъ въ Англіи.

Соціалъ-демократическая федерація возникла въ 1880 г. Любопытно, что зародилась она въ среднихъ классахъ, а не въ рабочихъ массахъ. Идейный вождь партіи и наиболѣе талантливый изъ англійскихъ марксистовъ Гайндмэнъ—богатый человѣкъ, по профессіи биржевой дѣлецъ. Теперь во главѣ федераціи стоятъ Куэлчъ, Барроусъ, Лэнсбери и др. Нѣкоторое время соціалъ-демократическая федерація была въ союзѣ съ другими рабочими и

соціалистическими организаціями, потомъ отдѣлилась отъ нихъ на томъ основаніи, что не можетъ работать съ не-соціалистами Въ 1907 г. федерація перемѣнила имя и называется теперь Social Democratic Party. Въ настоящее время партія насчитываетъ около двѣнадцати тысячъ членовъ. Она имѣетъ шестьдесятъ отдѣленій въ Лондонѣ и двѣсти въ провинціальныхъ городахъ *). За двадцать восемь лѣтъ своего существованія соціалъ-демократическая федерація много разъ пыталась выставить своихъ кандидатовъ на дополнительныхъ и общихъ выборахъ. Всѣ попытки кончались неудачей. Мы имѣемъ, далѣе, другую соціалистическую организацію, зародившуюся въ среднихъ классахъ—общество фабіанцевъ, возникшее въ 1884 г. Съ самаго момента возникновенія фабіанское общество поставило себѣ задачей убѣждать не столько пролетаріатъ, сколько средніе классы. Съ этой цѣлью общество издавало и издаетъ брошюры (tracts), основательно разрабатывающія тотъ или другой экономическій вопросъ. Въ обществѣ фабіанцевъ еще недавно вмѣстѣ работали такія крупныя силы, какъ супруги Веббъ, Бернардъ Шоу, Уэльсъ, Чіоза Монней и др. Теперь Уэльсъ и Монней выступили изъ общества, которое переживаетъ кризисъ. Фабіанцы имѣютъ сторонниковъ во всѣхъ главныхъ англійскихъ университетахъ. Въ настоящее время число членовъ достигаетъ до двухъ тысячъ **).

Типичной англійской соціалистической рабочей партіей является Independent Labor Party, или I. L. P., основанная въ Брэдфордѣ 1893 г. по иниціативѣ Кейръ Гарди. Въ 1894 г. партія заявила, что цѣль ея «коллективная собственность и общественный контроль надъ всѣми орудіями производства, распредѣленія и обмѣна». «*Цѣль* Общества, — читаемъ мы въ программѣ — Промышленная республика, основанная на обобществленіи земли и капитала. *Методы*: Воспитаніе гражданъ и распространеніе принциповъ соціализма; промышленная и политическая организація рабочихъ; выставленіе кандидатуры независимыхъ соціалистическихъ депутатовъ на выборахъ». Независимая Рабочая партія выставила 28 своихъ кандидатовъ на выборахъ 1895 г., при чемъ получила 44,321 голосъ, хотя ни одинъ изъ представителей не былъ избранъ. На выборахъ 1800 г. Независимая Рабочая партія выставила 10 кандидатовъ, получила 37,209 голосовъ и добилась избранія одного представителя (Кейръ-Гарди). На выборахъ 1906 г. партія работала сообща съ Представительнымъ рабочимъ комитетомъ (Labor Representation Committee), о которомъ дальше. Сама она выставила десять кандидатовъ, изъ которыхъ добилась избранія семи. Въ октябрѣ 1908 г. Независимая Рабочая партія имѣла девять-

---

*) Encyclopedia of Social Reform. British Suppelement. London, 1909. P. LXXVI.

**) Hazell's, 1909. P. 552.

сотъ отдѣленій и насчитывала пятьдесятъ тысячъ сочленовъ. Объ энергіи, съ которой Независимая Рабочая Партія пропагандируетъ свои идеи, говоритъ тотъ фактъ, что агитаціонной литературы продано на 4.663 ф. ст. *).

Главной арміей англійскаго рабочаго движенія является, однако, не Independent Labor Party, а трэдъ-юніоны. Въ *«Русскомъ Богатырѣ»*, съ годъ тому назадъ, я обстоятельно писалъ про старый и новый трэдъ-юніонизмъ. Кое-какія подробности читатель найдетъ дальше. Теперь приведу нѣсколько цифръ. На конгрессъ трэдъ-юніонистовъ въ октябрѣ 1908 г. прибыло 518 делегатовъ отъ 1.776,000 сочленовъ, 1,153 крупныхъ профессіональныхъ союзовъ и 237 мелкихъ. Всѣ эти организаціи располагаютъ капиталомъ въ 5.864,000 ф. ст. Сто двадцать два представительныхъ союза объединены въ одну федерацію, насчитывающую слишкомъ семьсотъ тысячъ сочленовъ и располагающую доходомъ въ 37,203 ф. ст. въ годъ. Трэдъ-юніоны объединяютъ далеко не всѣхъ представителей труда въ Англіи. Существуютъ рабочіе, которые врядъ ли могутъ объединиться (напр., поденщики); но по вычисленіямъ болѣе 7 мил. могли бы быть организованы. Вотъ, напр., таблица, приведенная въ «дополненіи» къ «Encyclopedia of Social Reform»:

Представители труда, могущіе быть организованы.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.	Проц. отнош.
Въ области промышленности и торговли	4.600.000	1.600.000	6.200.000	86,11
Въ области земледѣлія .	9.000.000	100.000	1.000.000	13,89
	5.500.000	1.700.000	7.200.000	**)

Въ 1900 г., какъ было уже указано, англійскіе рабочіе поняли настоятельную необходимость имѣть въ парламентѣ своихъ собственныхъ непосредственныхъ представителей. Для осуществленія этой цѣли представители различныхъ юніоновъ и соціалистическихъ организацій основали тогда же политическій комитетъ. Съѣздъ состоялся 20—28 февраля 1900 г. въ Лондонѣ. Собралось 129 депутатовъ, представлявшихъ 568.177 рабочихъ, изъ которыхъ 22.860 считали себя соціалистами. Выборы 1900 г. состоялись раньше, чѣмъ успѣлъ образоваться новый политическій комитетъ; но прошли два кандидата, намѣченные на съѣздѣ, затѣмъ на дополнительныхъ выборахъ прошли еще нѣкоторые рабочіе представители. Организація, возникшая въ 1900 г. съ цѣлью добиться избранія въ парламентъ рабочихъ депутатовъ и поддержанія ихъ тамъ,—называлась сперва Рабочимъ комитетомъ, а потомъ — *Рабочей партіей.* Число ея членовъ и средства быстро увеличиваются. Кромѣ трэдъ-юніоновъ и соціалистическихъ организацій къ Рабочей партіи присоединились коопераціи. Слѣдующая

*) Encyclopedia of Social Reform. P. 603, а также «Supplement», P. XXXV.
**) „Supplement". P. XC.

таблица показываетъ прогрессивный ростъ Рабочей партіи со времени ея возникновенія.

Годы.	Трэдъ-юніоны. Число союзовъ.	Число членовъ.	Рабочіе совѣты и комитеты. Число.	Соціалистическія организаціи. Число общ.	Число членовъ.	Всего.
1900—1	41	353.070	7	3	22.861	375.931
1901—2	65	455.450	21	2	13.861	469.311
1902—3	127	847.315	49	2	13.835	861.150
1903—4	165	956.025	76	2	13.775	969.800
1904—5	158	904.496	73	2	14.730	900.000
1905—6	158	885.270	73	2	16.784	921.280
1906—7	176	975.182	83	2	20.885	938.338 **)
1907—8	141	1.049.673	92	2 *)	22.267	1.072.413 ***)

«Рабочая партія представляетъ собою федерацію, состоящую изъ трэдъ-юніоновъ, соціалистическихъ обществъ и мѣстныхъ рабочихъ ассоціацій,—читаемъ мы въ уставѣ ея. Кооперативныя общества тоже принимаются въ федерацію. Кандидаты и члены должны принять этотъ уставъ и обязываются подчиняться рѣшеніямъ парламентской партіи, осуществляющей предначертанія, указанныя въ уставѣ; кандидатамъ возбраняется вступать въ соглашенія съ другими партіями. Въ случаѣ избранія, кандидаты должны присоединиться къ парламентской рабочей партіи. Трэдъ-юніоны и соціалистическія общества, входящія въ составъ партіи, вносятъ въ годъ по пятнадцати шиллинговъ за каждую тысячу своихъ членовъ. Такимъ образомъ составляется парламентскій фондъ для покрытія издержекъ по выборамъ и для выдачи жалованья коммонерамъ. Отдѣльные рабочіе совѣты, входящіе въ составъ партіи, вносятъ ежегодно по два пенса съ каждаго сочлена. Всѣ коммонеры, члены парламентской Рабочей партіи, получаютъ по двѣсти фунтовъ ст. въ годъ» ****). У Рабочей партіи есть дѣловой уставъ, но, что крайне любопытно, нѣтъ программы. На конференціи партіи въ 1907 г., когда поднятъ былъ вопросъ о программѣ, прошло слѣдующее постановленіе. «Резолюціи, принимаемыя Рабочей партіей на ея ежегодныхъ конференціяхъ, должны служить руководствомъ для ея представителей въ парламентѣ. Что же касается момента, когда то или другое изъ принятыхъ постановленій должно выдвигаться въ парламентѣ,—то это всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія коммонеровъ». Одинъ изъ делегатовъ внесъ на конференціи 1907 г. предложеніе о превращеніи Рабочей партіи въ соціалистическую, но оно было отвергнуто 835,000 голосами противъ 98,000. Тогда

*) Отдѣлилась Соціалъ-демократическая федерація.
**) Сюда входятъ 2.270 кооператоровъ.
***) Сюда входятъ 473 кооператора.
****) Independent Labor Party Yearbook. 1908. P. 8—9.

другой делегатъ предложилъ, чтобы всѣ представители Рабочей партіи въ парламентѣ были непремѣнно членами какого-нибудь трэдъ-юніона; но и эта резолюція была отвергнута 1.021,000 голосами противъ 76,000.

II.

Итакъ, въ 1900 г. возникъ Представительный Рабочій комитетъ, переименованный впослѣдствіи въ Рабочую партію. Послѣ выборовъ 1906 г. въ парламентѣ очутилась четвертая партія. На общихъ выборахъ Представительный комитетъ выставилъ 53 кандидата, изъ которыхъ выбраны 30. Кромѣ этого, отдѣльные трэдъ-юніоны выставили двадцать кандидатовъ, которые всѣ были выбраны. На дополнительныхъ выборахъ рабочая партія увеличилась еще однимъ депутатомъ. Въ одномъ округѣ былъ выбранъ, кромѣ того, независимый соціалистъ, Викторъ Грэйсонъ, который нѣкоторое время, когда бывалъ въ парламентѣ, голосовалъ вмѣстѣ съ Рабочей партіей. Впослѣдствіе Грэйсонъ сталъ вполнѣ «независимымъ», обличая партію при всякомъ удобномъ случаѣ. Во время осенней сессіи Грэйсонъ вызвалъ бурную сцену въ парламентѣ, когда отказался повиноваться спикеру и былъ удаленъ. Рабочая партія не нашла нужнымъ поддержать коммонера. Грэйсонъ долженъ былъ выступить на Портсмутской конференціи съ рѣзкой критикой партіи, но не явился, когда пришла его очередь говорить. Дальше я познакомлю читателей со взглядами Грэйсона на Рабочую партію, воспользовавшись для этого только что вышедшей книгой.

Рабочая партія, какъ мы видѣли, ежегодно крѣпла. Число ея членовъ значительно увеличилось въ этомъ году вслѣдствіе присоединенія громаднаго и богатого союза углекоповъ. Но вотъ въ концѣ прошлаго года печать, главнымъ образомъ, консервативная и соціалъ-демократическая, начала говорить о «кризисѣ», переживаемомъ Рабочей партіей. Предсказывалось, что Портсмутская конференція 1909 г. будетъ роковой; что партія неминуемо или распадется на нѣсколько группъ, или совершенно преобразуется. «Распаденіе» одинаково предсказывали, какъ протекціонисты изъ *Daily Mail*, такъ и соціалъ-демократы изъ *Justice*. Предсказанія не оправдались. «Намъ обѣщали,—сказалъ Кейръ-Гарди на митингѣ въ Брэдфордѣ,—что въ Портсмутѣ, наконецъ, произойдетъ давно ожидаемый «расколъ», а между тѣмъ конференція кончилась еще болѣе прочнымъ союзомъ между соціалистами и трэдъ-юніонистами, чѣмъ тотъ, который существовалъ раньше... Отъ профессора въ университетѣ до чистильщика улицъ, всѣ, живущіе честной работой, находятъ возможнымъ сойтись на общей платформѣ Рабочей партіи» *).

---

*) *Daily News* January 30, 1909.

А между тѣмъ, передъ Рабочей партіей, дѣйствительно, выдвинулись крайне серьезные вопросы. Прежде всего «дѣло Осборна противъ союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ», какъ будто бы, сразу отняло у партіи почву подъ ногами. Въ самомъ концѣ прошлаго вѣка предприниматели рѣшили бороться противъ трэдъ-юніоновъ судебными рѣшеніями. Послѣ процесса желѣзнодорожной компаніи долины Тарфъ противъ своихъ рабочихъ создалось такое положеніе, что большія стачки стали почти невозможны. Судъ призналъ, что пикетированіе (сниманіе) незаконно и что трэдъ-юніонъ матеріально отвѣтственъ за дѣйствіе своего секретаря, рекомендующаго «сниманіе». Первымъ дѣломъ либеральной партіи послѣ выборовъ 1906 г. было при содѣйствіи рабочихъ депутатовъ отмѣнить совершенно прецедентъ, установленный судебнымъ рѣшеніемъ, узаконить пикетированіе и установить неприкосновенность фондовъ профессіональныхъ союзовъ. Въ 1908 г. сдѣлана была новая попытка похода противъ трэдъ-юніоновъ. На этотъ разъ инициаторы скрылись за чужой спиной; но они преслѣдовали еще болѣе важныя цѣли, чѣмъ раньше. Имѣлось въ виду отнять у трэдъ-юніоновъ возможность посылать своихъ представителей въ парламентъ. Нѣкто Осборнъ, секретарь одного изъ отдѣловъ союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, требовалъ, чтобы судъ призналъ незаконнымъ постановленіе профессіональнаго союза объ обязательномъ взносѣ всѣми членами двухъ пенсовъ (8 коп.) въ годъ въ парламентскій фондъ. Гражданскій процессъ въ Англіи, съ его толпой адвокатовъ разнаго наименованія, стоитъ десятки тысячъ рублей. Секретарь, получающій 30 шил. въ недѣлю, не можетъ разрѣшить себѣ такое дорогое удовольствіе. Понятно, что Осборнъ платилъ не изъ своего кармана тысячнымъ адвокатамъ. Профессіональный союзъ выставилъ своихъ защитниковъ. Послѣ долгаго обсужденія судъ, признавъ, что трэдъюніонисты имѣютъ, какъ всѣ англичане, право посылать въ парламентъ, кого хотятъ,—отказалъ въ искѣ Осборну. Но онъ, или, точнѣе, лица, стоящія у него за спиной,—перенесъ дѣло во вторую инстанцію. Здѣсь судьи не только рѣшили дѣло въ пользу Осборна, но постановили, что обязательные взносы въ парламентскій фондъ должны немедленно прекратиться, какъ незаконные, хотя профессіональный союзъ перенесъ дѣло въ послѣднюю инстанцію, т. е. въ палату лордовъ. Судебное рѣшеніе создало такого рода положеніе: обязательные взносы въ парламентскій фондъ незаконны. Но такъ какъ всѣ рабочіе депутаты въ парламентѣ не имѣютъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ 200 ф. ст., получаемыхъ изъ фонда партіи, то всѣ эти коммонеры должны сложить съ себя полномочія. Осборнъ въ письмѣ въ «Times» самъ выясняетъ это. «Законъ, установленный рѣшеніемъ ученыхъ судей, совершенно простъ и понятенъ. Признано незаконнымъ употребленіе средствъ, собранныхъ въ трэдъ-юніонахъ путемъ обязательныхъ взносовъ или другимъ образомъ,—на избраніе кандидатовъ и на содержаніе ихъ

въ парламентѣ... Это судебное рѣшеніе отстаиваетъ интересы профессіональныхъ союзовъ, захваченныхъ теперь соціалистами,—продолжаетъ Осборнъ.—Мы должны заботиться теперь, чтобъ на нашу свободу никто не покушался. Ни одинъ грошъ изъ денегъ трэдъ-юніоновъ не долженъ пойти на поддержаніе въ парламентѣ политикановъ» *). Чтобы установить прецедентъ возможно крѣпче, какой-то Робертъ Бутчеръ, углекопъ изъ Пенигрэга, поднялъ процессъ противъ федераціи углекоповъ Южнаго Уэльса. Бутчеръ требуетъ, чтобы союзъ возвратилъ ему 5 шил., внесенныхъ за девять лѣтъ въ парламентскій фондъ. Кромѣ того, истецъ добивается, чтобы судъ остановилъ вообще подобные сборы. Интересы Бутчера отстаиваютъ шесть адвокатовъ. Такимъ образомъ онъ долженъ затратить до пятидесяти тысячъ рублей, чтобы получить обратно, если выиграетъ процессъ, пять шиллинговъ (2 р. 50 коп.). Дѣло это еще не кончено. Судья обѣщалъ вынести рѣшеніе, когда обдумаетъ его хорошо **). Консервативная печать плохо скрывала свои ликованія по поводу того, что теперь вся парламентская рабочая партія потеряла почву подъ ногами. Выражалась надежда, что на конференціи въ Портсмутѣ совѣтъ партіи заявитъ объ этомъ собранію. Но надежды не оправдались. У Рабочей партіи въ кассѣ имѣются еще средства, достаточныя, чтобы покрыть расходы парламентской партіи въ продолженіе одной сессіи. За это время лорды должны вынести свое рѣшеніе по поводу дѣла Осборна. Если рѣшеніе будетъ противъ союза, т. е. если и послѣдняя инстанція признаетъ незаконность обязательныхъ взносовъ,—то коммонеры рабочіе внесутъ билль объ отмѣнѣ закона, установленнаго помимо парламента. Подобный законопроектъ не можетъ встрѣтить препятствій въ нижней палатѣ. За него должны высказаться не только либералы, но и многіе консерваторы, считающіеся съ настроеніемъ массъ въ своихъ избирательныхъ округахъ. Что касается верхней палаты, то лорды, какъ показываетъ опытъ, врядъ ли рѣшатся отвергнуть законопроектъ, желательный массамъ. Кромѣ того, въ парламентѣ поднятъ будетъ вопросъ о вознагражденіи коммонеровъ.

Другимъ подводнымъ камнемъ, на которомъ, по предсказанію многихъ, Рабочая партія должна была потерпѣть крушеніе въ Портсмутѣ, являлся вопросъ о программѣ. Мы видѣли, что у партіи, нѣтъ программы. Коммонерамъ-рабочимъ рекомендуется считаться съ резолюціями, принимаемыми на годичныхъ конференціяхъ. «Будучи молодой организаціей,—пишетъ представитель Рабочей партіи, членъ парламента Хендерсонъ, — намъ гораздо выгоднѣе покуда руководствоваться только тактическими соображеніями. Мы сдѣлали громадный прогрессъ, несмотря на то, что не имѣемъ программы.

*) „Times“, February 3, 1909.

**) Судья высказался противъ трэдъ-юніона.

Въ этомъ году у насъ больше членовъ, чѣмъ когда либо раньше Федерація углекоповъ въ полномъ составѣ присоединилась къ Рабочей партіи. Сторонники программы забыли, вѣроятно, про составной характеръ нашихъ сихъ. Наша федерація, состоящая изъ соціалистическихъ обществъ и профессіональныхъ союзовъ, единодушна по поводу многихъ вопросовъ, касающихся экономическаго и соціальнаго положенія трудящихся массъ. По поводу другихъ вопросовъ, въ особенности по поводу пріоритета, который должны получить въ программѣ различные пункты,—мнѣнія сильно расходятся... Парламентская партія имѣетъ длинный списокъ инструкцій въ видѣ резолюцій, принятыхъ на годичныхъ конгрессахъ Рабочей партіей. Мы видимъ въ этомъ спискѣ: восьмичасовой рабочій день въ шахтахъ *), борьбу съ безработицей и право на трудъ, борьбу съ системой «выжиманія пота», воспрещеніе ввоза стачконарушителей (штрейкбрехеровъ), восьмичасовой рабочій день вообще, націонализацію земли, шахтъ и желѣзныхъ дорогъ, всеобщее избирательное право и пр. Это ли не достаточная программа?» **) Но подобное заявленіе, удовлетворяя большинство членовъ Рабочей партіи, казалось совершенно недостаточнымъ меньшинству. Въ комедіи Мольера «Monsieur de Pourceaugnac» происходитъ такой діалогъ между Эрастомъ и аптекаремъ. Послѣдній восхваляетъ ученаго доктора, который «ни за что не сталъ бы лѣчить больного, другими средствами, кромѣ тѣхъ, которыя указаны факультетами». Правда, онъ отправляетъ своихъ больныхъ на тотъ свѣтъ; но лучше умереть по всѣмъ правиламъ доктрины, чѣмъ выздоровѣть наперекоръ ей. Больному тогда остается утѣшеніе, что при отправленіи его на тотъ свѣтъ доктрина не была нарушена. «On est bien aise au moins d'être mort méthodiquement»,—говоритъ аптекарь. Къ сожалѣнію, мы хорошо знаемъ, что эта аргументація кажется неопровержимой не только мольеровскому аптекарю..

III.

Соціалъ-демократы находили, что лучше если совсѣмъ не будетъ въ Англіи рабочей партіи, чѣмъ если она сохранитъ тотъ видъ, какъ теперь. Фабіанцы послали на Портсмутскую конференцію своего наиболѣе блестящаго представителя, высокоталантливаго драматурга Бернарда Шоу,—съ цѣлью убѣдить делегатовъ принять программу. «Рабочая партія дѣлаетъ очень хорошее дѣло,—писалъ Бернардъ Шоу, — но она не дѣйствуетъ на воображеніе массъ, такъ какъ у ней нѣтъ программы. Массы не отдаютъ еще себѣ

*) Законопроектъ въ этомъ смыслѣ принятъ нижней палатой въ декабрѣ 1908, измѣненъ лордами и сталъ закономъ.

**) The Labour Conference at Porsmouth. By Arhur Henderson M. P.

вполнѣ яснаго отчета, зачѣмъ имъ необходимы непосредственные представители въ парламентѣ. Говорятъ, чтобы отстаивать интересы тѣхъ, которые живутъ заработной платой. Это, конечно, очень важно; но среди живущихъ заработной платой мы имѣемъ много либераловъ и консерваторовъ. У нихъ есть свои представители въ парламентѣ. Для осуществленія законодательнымъ путемъ многихъ чисто соціалистическихъ проектовъ тоже не требуется особой партіи, — продолжаетъ Бернардъ Шоу. — Возьмемъ, напр., чисто соціалистическую мѣру: національзацію желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ она войдетъ, вѣроятно, въ программу, какъ либеральной, такъ и консервативной партіи. Либералы и консерваторы соперничали другъ съ другомъ, кто изъ нихъ раньше осуществитъ законъ о государственной пенсіи для стариковъ. Вопросомъ о безработныхъ тоже близко заинтересованы обѣ старыя партіи. Отнюдь недостаточно, если Рабочая партія провозглашаетъ себя просто соціалистической. Слово *соціализмъ*, какъ и слово *христіанство*, теперь крайне растяжимыя понятія и могутъ ничего не обозначать. Если кто назоветъ себя либераломъ, или юніонистомъ,—мы точно знаемъ, какъ онъ будетъ голосовать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Когда же кто говоритъ о себѣ, какъ о «соціалистѣ» или «христіанинѣ», то онъ не даетъ намъ никакихъ точныхъ опредѣленій. Нѣтъ ни одного серьезнаго политическаго или экономическаго вопроса, по поводу котораго соціалисты разныхъ толковъ были бы согласны между собою, — говоритъ Бернардъ Шоу. — Соціалистъ-практикъ никогда не удовлетворится простымъ заявленіемъ Рабочей партіи, что она стоитъ за соціализмъ, а спроситъ, какіе законопроекты она намѣрена внести въ парламентъ и отстаивать тамъ. Я—поэтому за программу. Новая партія должна, кромѣ того, выставить такіе пункты, которые не могутъ фигурировать ни въ одной другой программѣ».

На Портсмутской конференціи внесена была обычная академическая резолюція о желательности національзаціи орудій производства, обмѣна и распредѣленія. Делегатъ, отстаивавшій эту резолюцію, указалъ, что не желаетъ ввести ее, какъ пунктъ программы Рабочей партіи. Это только опредѣленіе идеала, которымъ новая партія отличается отъ другихъ существующихъ. Академическая резолюція была принята большинствомъ только въ сорокъ девять голосовъ. Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ делегатовъ предложилъ, чтобы кандидаты, выступающіе на выборахъ отъ имени Рабочей партіи, могли называть себя не только «Labour candidates», но и соціалистами. Противъ этого возстали делегаты отъ трэдъ-юніоновъ. «Рабочая партія,—говорили эти делегаты,—коалиціонная. Въ нее входятъ трэдъ-юніонисты и соціалисты; но партія эта не соціалистическая и не трэдъ-юніонистическая. До сихъ поръ,—продолжали делегаты, — профессіональные союзы вѣрно соблюдали договоръ и не навязывали партіи своихъ рѣшеній. Пусть же и соціа-

листы поступаютъ такимъ же образомъ. Рабочая партія можетъ выставить кандидатуру и соціалистовъ, но они по договору должны выступать передъ избирателями, какъ Labour Candidates. Многіе избиратели подадутъ свой голосъ за рабочаго кандидата, но не за соціалиста». При голосованіи оказалось, что за предложеніе подано всего только десять голосовъ.

Затѣмъ выдвинуты были тѣ резолюціи о программѣ, которыя, по мнѣнію многихъ, должны были повести къ кризису. Первымъ съ критикой рабочей партіи выступилъ Бенъ Тиллетъ, выпустившій спеціально къ конференціи свой рѣзкій памфлетъ «Is the parliamentary Labour Party any good?» («Нужна ли на что нибудь парламентская Рабочая партія?»). Бенъ Тиллетъ, прежде всего, требовалъ, чтобы никто изъ членовъ парламентской Рабочей партіи, а также никто изъ кандидатовъ не выступалъ на одной платформѣ съ членами капиталистическихъ политическихъ партій. Въ настоящее время рабочіе депутаты выступаютъ на той же платформѣ, съ которой либералы отстаиваютъ принципы свободной торговли или же министерскій законопроектъ противъ пьянства. Отвѣчая Бенъ Тиллету, членъ парламента Шэкльтонъ указалъ на то, что до сихъ поръ только одинъ членъ Рабочей партіи появлялся на платформѣ съ консерваторами или съ подозрительными политическими дѣльцами. И этотъ ораторъ—Бенъ Тиллетъ. Другой членъ парламента, Хендерсонъ, отвѣчая Бенъ Тиллету, сказалъ, что рабочіе депутаты, выступая на общей съ либералами платформѣ для защиты свободной торговли и билля противъ пьянства,—выполняютъ только инструкціи, данныя на Бельфастской конференціи. Хендерсонъ сталъ цитировать эпитеты изъ памфлета Бенъ Тиллета по адресу рабочихъ депутатовъ: «пресмыкающіяся жабы», «лицемѣры», «глупые хвастуны», «прислужники прессы», «лакеи» и т. д. «Вредъ приносятъ Рабочей партіи,—продолжалъ Хендерсонъ,—не тѣ, которые выступаютъ вмѣстѣ съ либералами на одной платформѣ для отстаиванія интересовъ трудящихся массъ, а тѣ, которые подобно Бенъ Тиллету, безъ всякаго основанія, смѣшиваютъ партію съ грязью и входятъ въ переговоры съ консерваторами». Резолюція, предложенная Бенъ Тиллетомъ отвергнута большинствомъ 783 голосовъ противъ 133. Затѣмъ Бернардъ Шоу внесъ предложеніе о программѣ. По мнѣнію оратора, необходимы два пункта: муниципализація земли и коммунизація хлѣба. Нѣчто подобное второй мѣрѣ существовало уже во времена Елизаветы. Если бы мѣра была введена теперь,—продолжалъ Бернардъ Шоу,—то только въ первый день всѣ брали бы больше хлѣба, чѣмъ имъ необходимо. Потомъ хозяйки забирали бы изъ общественныхъ булочныхъ именно столько, сколько требуется для дома. Что касается муниципализаціи земли, то Бернардъ Шау рекомендуетъ принудительный выкупъ. Помѣщики получаютъ на 20% больше противъ рыночной стоимости за безпокойство. Суммы, требуемыя для вы-

куна, получаются путемъ повышенія налога на ренту до $2^1/_2$ ш. на фунтъ ст. ($12^1/_2$%). За то налогъ на заработанный доходъ понижается до 3 пенсовъ на ф. ст. ($^1/_4$%). Предложеніе отвергнуто подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Протекціонисты возлагали большія надежды на Портсмутскую конференцію, разсчитывая, что делегаты такъ или иначе свяжутъ безработицу съ свободной торговлей. «Трудящіяся массы въ Англіи,—писалъ «Times» въ день открытія конференціи,—оцѣнятъ по достоинству систему, которая допускаетъ иностранцевъ выполнять работу, принадлежащую по праву нашему народу. Эта система облагаетъ новыми налогами промышленность, которая и безъ того уже страдаетъ отъ тарифовъ, существующихъ въ другихъ странахъ. Дѣлается это какъ будто бы спеціально для того, чтобы увеличивать число безработныхъ». Агитація протекціонистовъ и безработица, безъ сомнѣнія, дали извѣстные результаты. Чернорабочіе, въ особенности страдающіе теперь отъ промышленнаго кризиса, готовы повѣрить, что безработица находится въ прямой зависимости отъ системы свободной торговли и исчезнетъ, когда будутъ реформированы тарифы. Портсмутская конференція, однако, доказала, что организованные англійскіе рабочіе—противъ протекціонизма. Открывая засѣданіе, предсѣдатель канференціи Кейръ-Гарди сказалъ: «Я только что прибылъ изъ Нью-Іорка. На прошлой недѣлѣ я тамъ видѣлъ, какъ 2.500 безработныхъ дожидаются ночью у дверей благотворительнаго учрежденія, раздающаго даровой супъ. Въ протекціонной Америкѣ безработица теперь сильнѣе, чѣмъ была когда либо. Вопросъ о безработицѣ не разрѣшается ни протекціонизмомъ, ни системой свободной торговли. Тарифныя реформы не принесутъ массамъ никакихъ облегченій. Я не могу винить голодныхъ людей, если они, соблазненные обѣщаніями протекціонистовъ, соглашаются голосовать за нихъ на выборахъ; но эта конференція должна заявить, что если свободная торговля не разрѣшаетъ вопроса о безработныхъ, то положеніе ихъ значительно ухудшится отъ введенія протекціонизма. У насъ и безъ того уже довольно горя. Не для чего вводить еще смуту, которая, помимо всего, сдѣлаетъ неизбѣжной сложную бюрократическую машину». Дальше, членъ парламента Хендерсонъ внесъ резолюцію, въ которой говорится, что безработица обусловливается не свободной торговлей и не можетъ быть уничтожена измѣненіемъ фискальной системы. Явленіе это—постоянная черта, характерная для нынѣшней системы производства. Дружнымъ содѣйствіемъ центральнаго правительства и мѣстнаго самоуправленія долженъ быть выработанъ рядъ мѣръ, которыя дѣйствительно могутъ сократить безработицу. Мѣры эти: возвращеніе земли народу, восьмичасовой рабочій день, повышеніе заработной платы, борьба съ системой выжиманія пота, сокращеніе дѣтскаго труда и пр. Представитель отъ соціалъ-демократической федераціи требовалъ, чтобы изъ резолюціи было вы-

черкнуто, что безработица не обусловливается системой свободной торговли. Конференціи, по мнѣнію оратора, нѣтъ никакого дѣла до спора изъ за тарифовъ. Рабочихъ не интересуетъ споръ двухъ буржуазныхъ партій. «Тарифная реформа такой же обманъ, какъ и свободная торговля. Пора отдѣлаться отъ того фетиша, которому имя свободная торговля».

Другіе ораторы доказывали, что хотя свободная торговля и не разрѣшаетъ вопроса о безработныхъ, но она неизмѣримо выгоднѣе для массы, чѣмъ протекціонизмъ. «Тори тратятъ много денегъ и много энергіи для убѣжденія массъ, что протекціонизмъ для нихъ выгоденъ,—сказалъ одинъ изъ делегатовъ Клайнсъ. Протекціонизмъ былъ бы шагомъ не впередъ, а назадъ. Снова наступили бы тѣ голодные годы, о которыхъ съ ужасомъ разсказываютъ дѣды современныхъ рабочихъ. Отстаиваютъ протекціонизмъ тѣ, которые всегда проявляли себя непримиримыми врагами рабочаго класса и соціальныхъ реформъ». Резолюція, предложенная Хендерсономъ, принята была почти единогласно. Такимъ образомъ, организованные англійскіе работники еще разъ рѣшительно высказались противъ протекціонизма.

Изъ другихъ резолюцій любопытны рѣшенія относительно налоговъ, земли и veto верхней палаты; но въ этомъ отношеніи Портсмутская конференція не представляетъ ничего особеннаго. Центральнымъ пунктомъ программы на ближайшихъ общихъ выборахъ либеральная партія собирается выставить вопросъ о томъ, кому править страной: выборнымъ ли представителямъ, т. е. нижней палатѣ, или наслѣдственнымъ законодателямъ, т. е. лордамъ,—сказалъ одинъ изъ ораторовъ. Либеральная партія должна выставить вопросъ о возвращеніи земли народу и о безплатныхъ обѣдахъ для дѣтей въ начальныхъ школахъ. «Страна не можетъ называться свободной, когда вся земля принадлежитъ немногимъ владѣльцамъ; когда главные источники національнаго богатства находятся въ рукахъ многочисленнаго привилегированнаго класса». Портсмутская конференція, подобно всѣмъ другимъ съѣздамъ подобнаго рода, рѣшительно высказалась за миръ. «Рабочая партія не желаетъ войны,—говорится въ одной резолюціи. Быстро увеличивающіеся расходы на армію и флотъ не прибавили увѣренности въ безопасности нашихъ береговъ; но усилили только ужасъ войны. Чѣмъ стремительнѣе страна вооружается, тѣмъ больше шансовъ за то, что война можетъ возникнуть каждый моментъ. Накопленіемъ орудій уничтоженія не усиливается дружба народовъ. Трудящимся массамъ каждой страны война не нужна, что доказывается недавнимъ братаніемъ англійскихъ и германскихъ рабочихъ».

Такимъ образомъ, портсмутская конференція кончилась не кризисомъ, а, напротивъ, еще большимъ сближеніемъ коалиціонныхъ силъ.

IV.

Рѣзкимъ критикомъ Рабочей партіи выступаетъ Викторъ Грэйсонъ въ только что выпущенной имъ книгѣ*). Посвящена она «Гайндмэну, Роберту Блэтчфорду и Кэйръ-Гарди, могущимъ создать завтра соціалистическую партію, если пожелаютъ вести ее». «Если же наши вожди не пожелаютъ вести,—говорится дальше,— то я посвящаю книгу рядовымъ борцамъ, готовымъ идти впередъ и безъ вождей». Авторъ начинаетъ съ повторенія фактовъ, констатировавшихся уже много разъ. «Представимъ себѣ, что обитатель другой планеты захотѣлъ бы изслѣдовать экономическое положеніе англійскаго народа въ настоящій моментъ. Что подумалъ бы онъ? Что подумалъ бы вообще читатель, кромѣ развѣ обитателей дома умалишенныхъ да еще членовъ палаты общинъ, которые сидятъ спокойно, ничего не дѣлая, изъ сессіи въ сессію? Этотъ обитатель другой планеты или мечтатель изъ палаты общинъ нашелъ бы, что населеніе нашихъ острововъ считаетъ себя самымъ богатымъ и самымъ передовымъ народомъ въ мірѣ. Англичане взываютъ въ своемъ гимнѣ къ Богу съ просьбой «разрушить плутовскія интриги» иностранцевъ (Confound the Knavish tricks). Британецъ считаетъ миссіей Англіи—захватъ возможно большей территоріи съ цѣлью подчиненія ея благодѣтельному контролю кабинета министровъ. Въ другомъ своемъ гимнѣ британецъ рѣшительно заявляетъ, что никогда не будетъ рабомъ. Но если чужестранецъ изслѣдуетъ дѣйствительное положеніе этихъ острововъ, о которыхъ населеніе говоритъ съ такимъ восторгомъ, то откроетъ поразительные факты. Онъ найдетъ, что въ этой странѣ, самой богатой въ мірѣ, ежедневно милліонъ человѣкъ отъ голода прибѣгаетъ къ общественной помощи. Стоящіе внѣ сомнѣнія авторитеты сказали бы изслѣдователю, что двѣнадцать милліоновъ человѣкъ находятся постоянно на рубежѣ бѣдности. Они такъ бѣдны, что жизнь сводится у нихъ къ жалкой, животной борьбѣ за кусокъ хлѣба. Они не могутъ даже думать о высшихъ духовныхъ интересахъ. Приходится постоянно разрѣшать вопросъ о пищѣ, платьѣ и жильѣ. Пять милліоновъ человѣкъ, т. е. 12% всего населенія, получаютъ изъ общей суммы національнаго дохода (1.700.000.000 ф. ст.) половину. Остальную половину неравномѣрно распредѣляютъ между собою 38 мил. человѣкъ. Обитатель другой планеты нашелъ бы также, что такой важный источникъ національнаго богатства, какъ земля, распредѣленъ между населеніемъ въ изумительной пропорціи. Четыре тысячи человѣкъ

---

*) The Problem of Parliament. A Criticism and a Remedy. By Victor Grayson. M. P. London, 1909.

владѣютъ половиной площади въ 34.500.000 акровъ. Вся земля въ странѣ находится въ рукахъ менѣе одного милліона владѣльцевъ. Такимъ образомъ, сорокъ два милліона человѣкъ совершенно оторваны отъ земли. Сотни тысячъ человѣкъ живутъ хронически впроголодь. Между тѣмъ, оффиціальные отчеты показываютъ, что въ прошломъ году умерли семь человѣкъ, оставивъ наслѣдникамъ 15 мил. ф. ст. Въ томъ же году скончалось 270 другихъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый оставилъ наслѣдство больше, чѣмъ въ 100 тысячъ ф. ст. Сотни тысячъ работниковъ, надрываясь надъ непосильнымъ трудомъ отъ ранняго утра до поздней ночи, едва вырабатываютъ себѣ на жизнь. Въ тѣхъ же городахъ наблюдатель найдетъ другихъ людей, утопающихъ въ роскоши, для нихъ трудомъ является поѣздка на скачки или на балъ. Въ Лондонѣ, Манчестрѣ, Глазго или Ливерпулѣ есть женщины, вырабатывающія клейкой бумажныхъ мѣшковъ 3 ш. 9 п. въ недѣлю. И это при двѣнадцати-часовомъ днѣ. Въ тѣхъ же городахъ наблюдатель съ другой планеты найдетъ прекрасныхъ дамъ, могущихъ отдать пятинедѣльный заработокъ подобной женщины за кресло въ оперѣ. Тысячи людей, желающихъ и могущихъ работать, бродятъ по улицамъ, не имѣя возможности продать силу своихъ мускуловъ. Наблюдатель съ другой планеты увидалъ бы въ городахъ трущобы, которыя слѣдуетъ давно разрушить; онъ увидалъ бы за городами поля, которыя слѣдуетъ обработать. Люди голодаютъ, потому что ихъ не допускаютъ до земли, которую они хотѣли бы и могли бы обработать. Въ округѣ, гдѣ фабрики перестали работать вслѣдствіе перепроизводства, — люди голодаютъ. Фермы запустѣли, потому что изъ другихъ странъ привозятъ дешевые продукты» *).

Факты эти констатировались много разъ. Мы знаемъ, что явленіе, на которое указываетъ Викторъ Грэйсонъ, свойственно не одной только Англіи. Напротивъ даже. Можно съ увѣренностью сказать, что въ Англіи оно менѣе остро, чѣмъ въ самыхъ культурныхъ странахъ на континентѣ, не говоря уже о некультурныхъ. Приведу нѣсколько новыхъ фактовъ изъ двухъ Синихъ книгъ, только что выпущенныхъ министерствомъ торговли. Книги эти представляютъ результатъ работы коммиссіи, назначенной для сравнительнаго изученія положенія рабочаго класса въ Соединенномъ Королевствѣ и въ Германіи. Партія, выставившая своимъ девизомъ тарифныя реформы, утверждаетъ, что въ протекціонныхъ странахъ, а въ частности и въ Германіи, трудящимся классамъ живется лучше, чѣмъ въ Англіи. Синія книги являются отвѣтомъ. Анализъ ихъ въ высшей степени интересенъ. Коммиссія собрала факты, относящіеся къ 100 англійскимъ и германскимъ городамъ. Мы узнаемъ, что въ Англіи рабочіе по пре-

*) The Problem of Parliament p. 10—14.

имуществу живутъ въ отдѣльныхъ коттэджахъ въ 4—5 комнатъ, за которыя платятъ въ Лондонѣ 9 шил. (4 комнаты) и 11 шил. (5 комнатъ). Въ провинціи рента ниже (5—6 ш.). Въ Шотландіи рабочіе живутъ въ квартирахъ, снимаемыхъ въ громадныхъ домахъ. Квартиры эти состоятъ изъ 2—3 большихъ комнатъ, за которыя рабочіе платятъ отъ 3 ш. 10 п. до 4 ш. 2 п. Въ Ирландіи въ провинціи рабочіе живутъ въ коттэджахъ отъ 2 до 5 комнатъ (рента отъ 1 ш. 6 п. до 2 ш. 6 п. въ недѣлю), а въ Дублинѣ—въ такихъ же квартирахъ, какъ въ Шотландіи (рента отъ 5 ш. 6 п. до 6 ш. 9 п. въ недѣлю). Коттэджи англійскихъ рабочихъ, въ особенности выстроенные въ послѣднее время муниципалитетами, очень удобны. Они всѣ имѣютъ ванны съ холодной и горячей водой. Къ каждому коттэджу примыкаетъ крошечный садикъ. Въ Германіи рабочіе обыкновенно живутъ въ громадныхъ домахъ, гдѣ снимаютъ квартиру въ 2—3 комнаты. Сравнивая цифры, мы находимъ, что квартира въ двѣ комнаты въ Германіи дешевле на 5%, чѣмъ въ Англіи; квартиры въ три комнаты стоятъ столько же, а рабочія квартиры въ четыре комнаты обходятся на 2,5% дороже. Но въ Англіи, въ квартирахъ, снимаемыхъ на недѣлю (т. е. на условіи, на которомъ живутъ всѣ рабочіе), мѣстные налоги платитъ хозяинъ. Приведенныя выше цифры заключаютъ въ себѣ и ренту, и налоги. Въ Германіи рента заключаетъ въ себѣ только муниципальный налогъ на воду. Въ Англіи рабочіе не платятъ никакихъ подоходныхъ налоговъ, если получаютъ меньше 160 ф. ст. въ годъ. Въ Германіи рабочіе, получающіе больше 900 марокъ въ годъ (45 ф. ст. на англійскія деньги), платятъ помимо всего муниципальный подоходный налогъ. Если мы примемъ это во вниманіе, то увидимъ, что болѣе удобное жилище обходится англійскому рабочему на 23% дешевле, чѣмъ германскому.

Переходимъ теперь къ питанію. Судя по цифрамъ, приведеннымъ въ Синихъ книгахъ, предметы первой необходимости, какъ хлѣбъ, мясо, сахаръ, уголь, керосинъ и пр., въ Англіи, вслѣдствіе свободы торговли, на 20—40% дешевле, чѣмъ въ Германіи. Англійскій работникъ, напр., имѣетъ масло на 5%, говядину—на 22%, баранину—на 37%, уголь—на 24%, керосинъ—на 35%, пшеничную муку—на 40% дешевле, чѣмъ германскій рабочій. Только картофель и молоко дешевле въ Германіи: первый—на 12%, а второе—на 25%. Германскій рабочій ѣстъ сѣрый хлѣбъ, выпеченный изъ смѣси пшеничной и ржаной муки. Англійскій рабочій, даже сельскій, знаетъ только крупчатый хлѣбъ, который обходится дешевле, чѣмъ сѣрый. Англійскій рабочій ѣстъ больше мяса, чѣмъ его германскій собратъ. Кромѣ того, продукты, считающіеся роскошью въ Германіи, въ рабочихъ семьяхъ въ Англіи признаются предметомъ первой необходимости; такъ напримѣръ, какао, фрукты (по

преимуществу апельсины и бананы), варенье, консервированные ананасы, тростниковая патока и т. д.

Англійскій рабочій не только разнообразнѣе и сытнѣе питается и живетъ въ лучшемъ помѣщеніи, чѣмъ германскій, но получаетъ еще лучшую заработанную плату и имѣетъ болѣе короткій рабочій день. Въ Синихъ книгахъ собраны данныя только относительно технически обученныхъ рабочихъ. Мы видимъ, что каменщики въ Англіи получаютъ на 23% больше, чѣмъ въ Германіи, плотники—на 25%, кровельщики на 30%, токари—на 22%, кузнецы,—на 10% наборщики—на 17% и т. д. Только машинисты въ обѣихъ странахъ получаютъ одинаковую плату. Сравнивая продолжительность рабочаго дня, мы видимъ, что въ Германіи она на 8—12% выше, чѣмъ въ Англіи. Только наборщики въ Германіи работаютъ, приблизительно, при такихъ же условіяхъ, какъ и въ Англіи, а именно—54 часа въ недѣлю въ первой странѣ и 52½ часа во второй. Въ общемъ рабочіе въ Англіи работаютъ 49—57 часовъ въ недѣлю, а въ Германіи 59—60 часовъ.

Синія книги и сравнительная статистика не могутъ удовлетворить тѣхъ, которые попали въ процентъ безработныхъ. Нагляднымъ доказательствомъ являются факты въ родѣ слѣдующаго. На дняхъ въ залу, гдѣ засѣдаетъ Поплэрскій (округъ въ В. Лондонѣ) комитетъ презрѣнія бѣдныхъ, явилась депутація изъ двѣнадцати женщинъ, чтобы добиться какой-нибудь помощи для безработныхъ. «Вопросъ весь въ томъ, что намъ дѣлать теперь,—начала одна женщина.—Наши мужья сидятъ безъ работы. Намъ нечѣмъ кормить дѣтей. Въ каминахъ у насъ нѣтъ огня. Если мы не можемъ достать пищи честнымъ трудомъ, то придется добывать ее другими средствами». При этихъ словахъ публика, набившаяся на хорахъ, принялась бурно аплодировать. «Дѣти мои сегодня пошли въ школу голодными,—продолжала между тѣмъ женщина. Когда они придутъ домой, мнѣ нечѣмъ накормить ихъ. Мужъ мой пошелъ просить работы, а ему сказали въ комитетѣ, чтобы онъ отправлялся съ дѣтьми въ рабочій домъ (На хорахъ раздаются крики: Позоръ!) Я не поведу дѣтей туда. Скорѣе похороню ихъ. Людей, совѣтующихъ честнымъ работникамъ идти въ рабочій домъ, слѣдуетъ самихъ отправить туда». Съ галлереи раздались крики: «Насъ морятъ голодомъ!» «Насъ ограбили!» Предсѣдатель комитета спросилъ у депутаціи, почему безработные не записываются въ Relief committee? Женщина отвѣтила, что изъ 4019 безработныхъ, записавшихся въ Паплэрѣ, работу получили только 289.

Положеніе безработныхъ въ Англіи очень тяжело, но не лучше обстоятъ дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Германіи, не говоря уже о хронически несчастныхъ странахъ. Какъ мы видѣли уже, число безработныхъ въ С. Штатахъ выше, чѣмъ въ Англіи. Тоже самое можно сказать о Германіи. Въ Англіи признается вполнѣ естественнымъ, что обиженные люди бурно протестуютъ на от-

крытыхъ митингахъ (см. очеркъ «Безъ работы» въ ноябрской книжкѣ «Русскаго Богатства»), и что они переступаютъ иногда границы дозволеннаго. Въ окрестностяхъ Кардифа отрядъ безработныхъ, подъ преводительствомъ Стюарта Грэя, о которомъ я писалъ въ IX книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1908 г., захватилъ участокъ земли, принадлежащій лорду Бьюту. Здѣсь безработные разбили палатки, которые назвали лагеремъ свободы, Freedom Camp. Итакъ, гипотетическій «обитатель другой планеты» не нашелъ бы въ Англіи положенія дѣлъ худшаго, чѣмъ на континентѣ. Скорѣе даже наоборотъ. А теперь возвратимся къ книжкѣ Виктора Грейсона.

V.

Ненормальныя явленія, указанныя Грэйсономъ, по его мнѣнію, тѣсно сплетены съ вопросами о хорошемъ правительствѣ. «Болѣзнь и лѣкарство открыты уже много лѣтъ тому назадъ... Бѣдность исчезнетъ только тогда, когда найдено будетъ настоящее народное правительство». И Грэйсонъ дальше берется доказать, что ни консерваторы, ни либералы, ни трэдъ-юніонисты, ни существующая Рабочая партія ничего не хотятъ, а если хотятъ, то ничего не могутъ сдѣлать. Браться доказывать, конечно, еще не значитъ доказать. Прежде всего суровый критикъ обрушивается на главныя партіи, мѣняющіяся у власти. По мнѣнію его, онѣ ничего не сдѣлали для Англіи и не хотятъ дѣлать. Партіи эти слѣдуетъ изучать только для того, чтобы узнать, какъ не слѣдуетъ управлять страной. Насъ, жителей страны, гдѣ дѣйствительность не балуетъ, поражаетъ не столько придирчивость критика (онъ, въ сущности, ничего не критикуетъ), а работа «съ плеча». Объективный наблюдатель, изслѣдующій англійскую жизнь, не закрываетъ глазъ на темныя явленія; но онъ видитъ также высокую степень культуры, законы, охраняющіе права личности и дающіе ей возможность широко развиваться. Наблюдатель видитъ парламентъ съ почти всеобщимъ избирательнымъ правомъ, видитъ принципъ полнаго самоуправленія, проведенный отъ начальной клѣточки прихода до палаты общинъ. Онъ видитъ корону, превратившуюся въ символъ народной власти, администрацію, строго ограниченную въ своихъ функціяхъ и находящуюся надъ бдительнымъ контролемъ парламента. Нигдѣ на континентѣ личность такъ не свободна, какъ въ Англіи. Нигдѣ во всемъ мірѣ, даже въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Новой Зеландіи, города и графства не пользуются такой независимостью, какъ въ Соединенномъ Королевствѣ. Въ Англіи человѣкъ рождается, растетъ, учится, торгуетъ, вступаетъ въ бракъ, путешествуетъ, умираетъ, ни разу не встрѣтивъ надобности въ документѣ. Объективный наблюдатель, сколько нибудь знакомый съ парламентской исторіей Англіи, можетъ назвать цѣлый рядъ

великихъ реформъ, радикально измѣнившихъ страну. Каждая изъ этихъ реформъ призывала къ общественной жизни новые классы, сбивала старыя цѣпи, поднимала благосостояніе цѣлыхъ слоевъ. Таковы были о реформахъ 1832 г., 1867 г. и 1884 г.

Эти законы демократизировали парламентъ и сдѣлали его народнымъ представительствомъ. Таковъ же законъ о мѣстномъ самоуправленіи. Мы имѣемъ дальше законъ объ уничтоженіи налога на бумагу, давшій окончательно народу свободную печать. Законъ 1870 г. ввелъ всеобщее и безплатное обученіе. Парламентская дѣятельность второй половины XIX в. (съ тѣхъ поръ, какъ палата общинъ демократизировалась) не ограничивалась только политическими реформами. Объективный наблюдатель можетъ легко назвать цѣлый рядъ важныхъ законовъ, охраняющихъ права трудящихся массъ и поднявшихъ ихъ благосостояніе. Таковы около тридцати рабочихъ и фабричныхъ законовъ. Законы 1870 и 1906 гг. дали широкое право трудящимся массамъ группироваться въ профессіональные союзы и отстаивать свои интересы. Предприниматель отвѣтственъ за жизнь и здоровье всѣхъ своихъ служащихъ. Не только рабочій, но даже горничная, тяжело заболѣвшая у хозяина, можетъ требовать съ него вознагражденіе, а въ случаѣ увѣчія — даже пенсію (Для удобства предпринимателей страховыя общества открыли теперь новую отрасль дѣятельности: страховать всѣхъ служащихъ, до горничныхъ и кухарокъ включительно). Улучшено положеніе дѣтей на фабрикахъ. Правда, въ этомъ отношеніи остается еще сдѣлать многое; но слѣдуетъ сравнить настоящее съ недалекимъ прошлымъ. Парламентъ далъ законъ о выкупѣ земли въ Ирландіи. Въ немъ есть серьезныя несовершенства, которыя будутъ исправлены во время ближайшей сессіи (отсутствіе принципа принудительнаго выкупа); но даже въ настоящемъ видѣ законъ далъ блестящіе результаты. Въ Англіи сдѣлана и первая попытка возвращенія земли народу (Small Holdings and Allotments Act). Парламентъ перенесъ всю тяжесть фискальнаго обложенія на состоятельные классы. Рабочіе и всѣ получающіе меньше 1600 руб. въ годъ—не платятъ никакихъ подоходныхъ налоговъ. Прогрессивный налогъ на наслѣдства, введенный Гаркортомъ, приноситъ казнѣ громадный доходъ. Объективный наблюдатель назвалъ бы еще законъ о государственной пенсіи для стариковъ. Правда, выдается она старикамъ, достигшимъ 70 лѣтъ, а не 65, какъ хотѣли рабочіе. Но за то реформа не имѣетъ ничего общаго съ милостыней. Всѣмъ старикамъ выдаются чековыя книжки, какъ отставнымъ военнымъ или гражданскимъ чиновникамъ. По такимъ книжкамъ старики получаютъ изъ ближайшей почтовой конторы еженедѣльно 5 ш., т. е. 130 руб. въ годъ. Мужъ и жена, получающіе пенсію, имѣютъ въ годъ 260 руб. Пусть читатель вспомнитъ всѣхъ древнихъ стариковъ, которые у насъ караулятъ ворота поскотины за 10 руб. за все лѣто, служатъ пастухами, несмотря

на хворость, выслушиваютъ сердитое ворчаніе молодыхъ бабъ въ домѣ: «зажился, дѣдка! по тебѣ лопата плачетъ!» Пусть читатель теперь представитъ себѣ всѣхъ этихъ стариковъ государственными пенсіонерами, получающими, вмѣстѣ со своими старухами, по 260 руб. въ годъ. Слѣдуетъ еще представить себѣ, что никакое начальство «не ломается надъ стариками». Они приходятъ на почту и предъявляютъ чекъ, какъ вкладчики, имѣющіе деньги въ банкѣ. Пусть читатель представитъ себѣ это, и онъ получитъ понятіе о томъ, что означаетъ для стариковъ въ Англіи законъ 1908 г. Въ Соединенномъ Королевствѣ за пенсіей обратились болѣе 500 тысячъ стариковъ, что обошлось казнѣ почти въ 75 милліоновъ рублей въ годъ. Въ будущемъ году предвидится еще расширеніе закона о государственныхъ пенсіяхъ. Всѣ эти реформы и многія другія, напр., законъ 1908 г. о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ въ шахтахъ, могъ бы назвать не гипотетическій «обитатель съ другой планеты», а обыкновенный объективный наблюдатель. Я не стану входить въ обсужденіе причинъ, *почему* та или другая партія, стоявшая у власти, проводила реформу. Важно, что назрѣвшія требованія встрѣчались реформами, а не пулями, тюрьмами, агентами-провокаторами, военными судами, охранными отдѣленіями и висѣлицами, какъ въ иныхъ мѣстахъ на континентѣ.

Суровый англійскій критикъ не находитъ ни одного добраго слова для парламента. По поводу всѣхъ реформъ XIX и начала XX вѣка онъ ограничивается, не перечисляя ихъ даже, такимъ замѣчаніемъ: «Шаху персидскому это показалось бы демократіей» *). У объективнаго наблюдателя, не избалованнаго дѣйствительностью у себя на родинѣ, при чтеніи книги Грэйсона, возникаетъ мысленно такая сцена. Человѣкъ примѣряетъ платье, хорошее, крѣпкое, теплое, удовлетворительно защищающее отъ непогоды. Онъ не надѣваетъ его, не изслѣдуетъ добротность матеріи, а вывернулъ рукавъ и показываетъ дѣйствительно нехорошую гнилую подкладку. И человѣкъ ничего не видитъ уже, кромѣ этой подкладки. А въ сторонѣ стоитъ другой, у котораго совсѣмъ платья нѣтъ или есть какое-то жалкое лохмотье, и удивляется требовательности человѣка... защищающее отъ дождя и холода, теплое платье, хотя бы и съ негодной подкладкой въ рукавѣ, куда лучше лохмотьевъ! Подкладку въ рукавѣ крѣпкаго платья можно всегда пришить новую, тогда какъ лохмотья можно только выбросить... По мнѣнію Грэйсона, парламентъ, какъ онъ есть теперь, никуда не годится. Либералы считаютъ Гладстона величайшимъ государственнымъ дѣятелемъ, а что такое онъ? «Только ограниченный буржуазный политикъ, заботившійся о сохранности кармановъ среднихъ классовъ», - говоритъ Грэйсонъ. Либералы выставили своимъ девизомъ три слова: «Миръ, экономія и реформы». По мнѣнію су-

*) The Problem of Parliament, P. 21.

роваго критика, партія никогда не слѣдовала своимъ собственнымъ лозунгамъ. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ о мирѣ! Но когда у власти стояли либералы, былъ цѣлый рядъ войнъ: крымская, усмиреніе Индіи, война съ Китаемъ, первое столкновеніе съ бурами и египетская кампанія. Дальше на знамени либераловъ стоитъ *экономія*. Партія поняла этотъ лозунгъ въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ уменьшить подоходный налогъ, уплачиваемый средними классами. (Мы видѣли, что массы совсѣмъ не платятъ подоходнаго налога). Нельзя экономничать, когда есть безработные!—говоритъ Грэйсонъ. Потомъ либералы выставили еще одинъ девизъ—«реформы»; но всѣ «попытки, сдѣланныя въ этой области радикалами, собственно, безполезны»,—категорически заявляетъ Грейсонъ *). И рѣшительный авторъ приходитъ къ заключенію, что обѣ партіи никуда не годятся.

Кто жилъ въ Англіи во время южно-африканской войны, тотъ знаетъ, что принадлежность къ извѣстному классу не представляетъ гарантіи противъ остраго заболѣванія буйнымъ шовинизмомъ. Въ «меффекингахъ», т. е. въ военныхъ сатурналіяхъ, которыя мнѣ приходилось описывать въ «Русскомъ Богатствѣ»,—принимали одинаковое участіе, какъ средніе классы, такъ и рабочіе. Хороводы вокругъ фонарей съ повѣшенными чучелами «Круджера» вели солдаты, дамы, клерджимэны, бродяги, лавочники и рабочіе. Чего ужъ больше. Робертъ Блэтчфордъ, которому Викторъ Грейсонъ посвящаетъ свою книгу, какъ естественному вождю будущей революціонной народной партіи, самъ пережилъ во время южноафриканской войны острый припадокъ слѣпаго джингоизма. Съ другой стороны, въ рядахъ той части населенія, которая была тогда противъ войны, мы видимъ, кромѣ рабочихъ, представителей среднихъ классовъ. Ллойдъ-Джорджъ (теперь канцлеръ казначейства) тогда доказалъ, что онъ, какъ радикалъ, не только стоитъ за миръ, но имѣетъ также мужество плыть противъ теченія. Сколько разъ толпа, состоявшая изъ представителей среднихъ классовъ и рабочихъ, штурмовала митингъ, на которомъ Ллойдъ-Джорджъ, вмѣстѣ съ другими ораторами изъ среднихъ классовъ и рабочихъ, протестовали противъ войны! Въ Бирмингэмѣ толпа шовинистовъ разгромила ратушу, гдѣ происходилъ митингъ «про-буровъ», и хотѣла убить Ллойдъ-Джорджа. Среди арестованныхъ буяновъ были бродяги, клерки, капиталисты и рабочіе. Принадлежность къ извѣстному классу не даетъ никакого иммунитета противъ увлеченій джигоизмомъ въ самой грубой, дикой и отталкивающей формѣ. Классическимъ примѣромъ являются еще Новая Зеландія и Австралія во время той-же южно-африканской войны. Въ «Пѣснѣ о колоколѣ» есть такіе стихи:

*) ib., P. 25.

Gefährlich ist's den Leu zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn;
Jedoch der schreckrechlichste der schrecken,
Das ist der Mensh in seinem Wahn.» *)

Никакой классъ не охраняетъ человѣка отъ проявленія этого «Wahn».

VI.

Викторъ Грэйсонъ, покончивъ съ главнѣйшими парламентскими партіями, переходитъ къ трэдъ-юніонамъ. Одни они не достаточны для борьбы рабочихъ за лучшее будущее,—доказываетъ Грэйсонъ. «Профессіональные союзы вызваны къ бытію сознаніемъ рабочихъ, что имъ необходимо сгруппироваться для защиты своихъ интересовъ; но «осуществленіе этой необходимости приняло только самыя примитивныя формы»,—говоритъ Грэйсонъ. Начать съ того, что рабочіе имѣли только самое смутное представленіе о томъ, какъ имъ группироваться. Плотники, поэтому, сходились лишь съ плотниками, углекопы съ углекопами, ткачи съ ткачами. Всѣ они совершенно не сознавали, — говоритъ Грэйсонъ, — что у нихъ у всѣхъ общій противникъ. Хотѣлось только чувствовать себя не одинокимъ, а въ обществѣ товарищей по ремеслу. Трэдъ-юніонизмъ исходилъ изъ положенія, что работники, сложивши вмѣстѣ свои взносы въ одинъ фондъ, могутъ вполнѣ защитить себя отъ всѣхъ невыгодъ. которыми обставлена жизнь работника. Изъ этого фонда рабочій долженъ получать помощь въ случаѣ болѣзни или потери работы, а также пенсію въ старости. Изъ того же фонда вдова работника получаетъ деньги на его похороны. Затѣмъ у трэдъ-юніоновъ есть еще другая цѣль: борьба при помощи стачекъ съ хозяевами за болѣе высокую заработную плату и за сокращеніе числа рабочихъ часовъ. Члены трэдъ-юніоновъ сами носятъ всѣ расходы, сопряженныя какъ съ взаимопомощью, такъ и съ борьбой. Каждый трэдъ-юніонъ заботится, прежде всего, о томъ, чтобы путемъ членскихъ взносовъ составить большой фондъ. Нѣкоторые трэдъ-юніоны обращаютъ больше вниманія на взаимопомощь, другіе—на борьбу за повышеніе заработной платы; но, въ общемъ, всѣ они носятъ одинъ и тотъ же характеръ. По мнѣнію Виктора Грэйсона, столѣтняя исторія трэдъ-юніоновъ доказываетъ полную неспособность ихъ осуществить намѣченныя ими цѣли. Профессіональные союзы не могутъ обезпечить своимъ сочленамъ поддержку во время продолжительной безработицы, продолжающейся, напр., годъ; не могутъ они также доставить достаточный фондъ для долгой борьбы съ предпринимателями. Смут-

*) У Мина мѣсто это передано нѣсколько неуклюже: «Ужасна львица въ пробужденьи, ужаснѣй тигровъ злой набѣгъ; но что всѣ ужасы въ сравненіи съ твоимъ безумствомъ человѣкъ».

нымъ сознаніемъ этого факта объясняется эволюція трэдъ-юніоновъ.

Начали они развиваться съ 1825 г., когда впервые закономъ признано за работниками право группироваться въ союзы съ цѣлью добиться повышенія заработной платы, если только требованіе не сопровождается угрозами или насиліемъ. Профессіональные союзы стали такъ быстро расти, что «Times» въ то время писалъ про «начало потопа». Въ 1834 г. подъ вліяніемъ Оуэна и послѣдователей его возникла первая попытка объединенія тредъ-юніоновъ. Мы видимъ National Consolidated Trade Union, который въ нѣсколько недѣль сгруппировалъ болѣе полумилліона сочленовъ *), въ томъ числѣ нѣсколько десятковъ тысячъ сельскихъ работниковъ. Казалось, рабочіе сознали, что отдѣльные трэдъ-юніоны не могутъ бороться за права всѣхъ трудящихся массъ и, поэтому, сдѣлали попытку соединиться въ одну армію. Національный Консолидированный Трэдъ-юніонъ просуществовалъ, однако, только нѣсколько мѣсяцевъ и распался. Отдѣльные союзы устраивали безпрерывныя стачки, которыя Консолидированный Трэдъ-юніонъ не могъ поддерживать изъ-за отсутствія средствъ. Вслѣдствіе этого большинство стачекъ кончалось неудачей. Вообще даже и теперь, когда трэдъ-юніоны располагаютъ большими средствами, въ случаѣ стачки предприниматели почти всегда имѣютъ больше шансовъ, чѣмъ работники. И это не въ одной только Англіи. Возьмемъ, напр., таблицы, касающіяся Соединенныхъ Штатовъ и приведенныя въ «Encyclopedia of Social Reform» за 1908 г. **). За двадцать лѣтъ было 14,457 стачекъ, объявленныхъ рабочими организаціями. Изъ этихъ стачекъ неудачей кончилось 33,54%. За тотъ-же періодъ было 8,326 стачекъ, объявленныхъ не организованными рабочими. Процентъ неудачныхъ стачекъ очень высокъ—59,39.

Итакъ Консолидированный Трэдъ-юніонъ распался. А, между тѣмъ, основатели его полагали, что именно такимъ путемъ, а не черезъ посредство парламента, трудящіяся массы станутъ хозяевами положенія. «Робертъ Оуенъ относился совершенно равнодушно къ тому политическому движенію, которое происходило въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Во всей громадной перепискѣ его можно найти едва одну или двѣ безразличныя фразы о борьбѣ за всеобщее избирательное право... Вожди демократіи того времени, легко заподозрѣвавшіе мотивы человѣка, не слѣдующаго за ними, объясняли причину явленія тѣмъ, что Оуэнъ не желаетъ ссориться со своими вліятельными и знатными союзниками. Среди послѣдователей Оуэна мы, дѣйствительно, находимъ богатыхъ людей; но утвержденіе, что реформаторы считались съ ихъ нена-

*) См. «History of Trade Unionism», супруговъ Веббъ. Книга переведена по-русски.

См. также *Діонео*, «На темы о свободѣ». Спб. 1908 г., стр. 189–288

**) См. стр. 1168.

вистью къ демократіи, совершенно неосновательно. Напротивъ, богатые послѣдователи Оуэна шли за нимъ и отдавали ему на производство опытовъ состояніе по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ у насъ въ семидесятыхъ годахъ къ революціонному движенію приставали люди обезпеченные, съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ. Робертъ Оуенъ относился равнодушно къ борьбѣ за политическія реформы не потому, что не хотѣлъ ссориться съ вліятельными людьми, а потому, что считалъ совершенно безполезнымъ дѣломъ накладывать новыя заклепки на старую, негодную общественную машину, которую къ тому же, какъ глубоко вѣрилъ реформаторъ, очень скоро сдадутъ на сломъ. Робертъ Оуенъ былъ твердо убѣжденъ, что, стоитъ сдѣлать нѣсколько удачныхъ опытовъ, т. е. стоитъ показать на дѣлѣ, какъ успѣшно идутъ колоніи созданныя по его идеалу,—и человѣчество пойметъ нелѣпость, несправедливость и невыгодность стараго соціальнаго строя и замѣнитъ его новымъ. Зачѣмъ же тогда думать о палліативахъ, о какомъ то всеобщемъ избирательномъ правѣ? Не похоже ли это на попытку бѣлить потолки въ полуразвалившемся, негодномъ, нездоровомъ домѣ, изъ котораго все равно люди завтра выберутся въ новое красивое помѣщеніе, при чемъ старое зданіе разрушатъ совершенно, не оставивъ камня на камнѣ» *).

Консолидированный Трэдъ-юніонъ, извѣстный подъ сокращеннымъ названіемъ «G. N.» (Grand National), распался. Профессіональное движеніе въ Англіи опять приняло характеръ отдѣльныхъ союзовъ. Движеніе, отказавшееся совершенно отъ политической дѣятельности, извѣстно подъ названіемъ «стараго» трэдъ-юніонизма. Политической борьбой занялись чартисты, а промышленной организаціей—кооператоры. Профессіональные союзы занялись накопленіемъ резервнаго фонда и стали, по преимуществу, обществами взаимопомощи. «Иногда,—говоритъ Грэйсонъ,—они дозволяли себѣ такое дорого стоющее развлеченіе, какъ стачки, которыя обыкновенно теряли. Это подрывало на нѣсколько лѣтъ силы трэдъ-юніоновъ». Въ своей *Исторіи трэдъ-юніонизма* супруги Веббъ разсказываютъ, какъ Союзъ машинистовъ (Amalgamated Society of Engineers) придумалъ «превосходную, тщательно разработанную въ финансовомъ и административномъ отношеніи систему, давшую возможность комбинировать общество взаимопомощи съ страховой компаніей; такимъ образомъ союзъ сталъ на такую твердую въ финансовомъ отношеніи почву, о которой трэдъ-юніонисты раньше не могли даже и мечтать. Время доказало, впрочемъ, что эта система имѣетъ свои специфическіе дефекты». Всѣ главные трэдъ-юніоны приняли систему, найденную Союзомъ машинистовъ. Для приведенія ея въ исполненіе потребовались знающіе секретари. Такимъ образомъ мало по малу создался классъ платныхъ экспертовъ-секретарей,

*) *Діонео.* На темы о свободѣ. Спб. 1908. Стр. 254.

которые сыграли значительную роль, какъ въ исторіи трэдъ-юніоновъ, такъ и вообще въ рабочемъ движеніи. Многіе коммонеры, представляющіе теперь въ парламентѣ рабочую партію, прежде были секретарями различныхъ трэдъ-юніоновъ. Въ 1864 г. секретари большихъ трэдъ-юніоновъ сгруппировались въ «Парламентскій комитетъ», чтобы имѣть возможность охранять политическіе интересы работниковъ, принадлежащихъ къ союзамъ. Парламентскій комитетъ скоро пріобрѣлъ значительное вліяніе. Съ нимъ совѣщались коммонеры, когда обсуждался въ парламентѣ законопроектъ, касающійся рабочихъ. Парламентскій комитетъ настойчиво доказывалъ, что трэдъ-юніоны должны превратиться въ политическую партію, такъ какъ путемъ однѣхъ стачекъ работники не могутъ отстаивать свои права. Старые трэдъ-юніоны возмутились противъ секретарей, но быстро убѣдились, что отъ парламента можно получить очень многое, когда въ 1871 г. прошелъ «Trades Conspiracy Act», узаконившій окончательно стачки. Мало по малу началъ нарождаться *новый* трэдъ-юніонизмъ, убѣжденный, что рабочимъ необходимо имѣть своихъ непосредственныхъ представителей въ парламентѣ.

По мнѣнію Виктора Грэйсона, новый трэдъ-юніонизмъ сдѣлалъ «фатальную ошибку, предположивъ, что его представители въ парламентѣ могутъ убѣдить въ чемъ нибудь либераловъ или консерваторовъ». «Всѣмъ очевидно,—продолжаетъ Грэйсонъ,—что законодатели, принадлежащіе къ классу капиталистовъ,—не дадутъ никакихъ уступокъ и ограничатся, въ крайнемъ случаѣ, только пустячными реформами, которыя едва затронутъ вопросъ о бѣдности». «Трэдъ-юніонизмъ,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Грэйсонъ,—потерпѣлъ полную неудачу. Его экономическая теорія безнадежно недостаточна, а практическая политика—дѣтски наивна». Грэйсонъ рѣшительно недоволенъ также ни Соціалъ-демократической Федераціей, ни Независимой Рабочей партіей, ни парламентской Рабочей партіей. У первыхъ двухъ нѣтъ ни «политическаго генія», ни, самое главное, «смѣлости». Что же касается Рабочей партіи, то грѣхи ея Грэйсонъ исчисляетъ въ особой главѣ. «Партія существуетъ теперь вотъ уже восемь лѣтъ»—говоритъ критикъ.— Теперь, значитъ, можно оцѣнивать уже результаты. Правда, мнѣ скажутъ, что слишкомъ рано еще выносить приговоръ по поводу дѣятельности столь молодой партіи; но слѣдуетъ помнить, что двѣ господствующія партіи причинили столько вреда, потому что ихъ не оцѣнили по достоинству сто лѣтъ тому назадъ. Вотъ почему приговоръ необходимъ теперь». Грэйсонъ безпощаденъ къ молодой партіи, хотя объективный наблюдатель, знающій факты, ни въ коемъ случаѣ не можетъ согласиться съ нимъ. Такой объективный наблюдатель сказалъ бы, что молодая партія, составляющая въ парламентѣ только $7^1/_2\%$ общаго числа коммонеровъ, сыграла уже видную роль. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только либералы стали у

власти, они тотчасъ же внесли билль объ узаконеніи «снимания», т. е. объ отмѣнѣ невыгоднаго для рабочихъ закона, созданнаго путемъ судебнаго рѣшенія по дѣлу стачки въ долинѣ Тарфъ. Первоначальная редакція билля не удовлетворила работниковъ, такъ какъ въ немъ ничего не говорилось о неприкосновенности суммъ трэдъ-юніоновъ. А, между тѣмъ, упомянутое судебное рѣшеніе создало такое положеніе, что предприниматели могли взыскивать съ профессіональныхъ союзовъ колоссальныя суммы (въ 100—200 тысячъ руб.) за ошибки и не согласные съ закономъ о трэдъюніонахъ поступки секретарей или отдѣльныхъ членовъ. Парламентская Рабочая партія внесла тогда свой собственный билль объ узаконеніи стачекъ и о неприкосновенности фондовъ трэдъ-юніоновъ. Покойный премьеръ, сэръ Генри Кэмбель-Баннермэнъ, сдѣлалъ ходъ, свидѣтельствующій одновременно, какъ объ искренности, такъ и о гражданскомъ мужествѣ его. Убѣдившись, что законопроектъ, выработанный Рабочей партіей лучше,—сэръ Генри замѣнилъ имъ правительственный билль. И проектъ прошелъ въ слегка измѣненномъ видѣ. Лорды не рѣшились посягнуть на него. Потомъ министерство внесло поправку къ существующему закону объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье работниковъ. Законъ распространяется на всѣхъ служащихъ, до домашней прислуги включительно. Рабочіе депутаты принимали дѣятельное участіе въ разработкѣ билля. По ихъ настоянію приняты крайне важныя поправки. Рабочая партія тщательно слѣдила за ходомъ всѣхъ дальнѣйшихъ крупныхъ законопроектовъ въ парламентѣ и вносила въ нихъ измѣненія. По настоянію Рабочей партіей, министръ финансовъ, при обсужденіи законопроекта о государственной пенсіи для стариковъ, принялъ такую важную поправку, какъ повышеніе пенсіи женатой парѣ съ 7 ш. 6 п. въ недѣлю до 10 шиллинговъ. Крайне любопытно, что Викторъ Грэйсонъ, доказывавшій на митингахъ непріемлемость законопроекта для рабочихъ и обѣщавшій доказать это въ парламентѣ, ни разу не явился, когда билль обсуждался. Потерпѣлъ крушеніе въ парламентѣ билль о безработныхъ, внесенный Рабочей партіей; но министерство обѣщало внести свой билль, какъ только опубликованы будутъ результаты спеціальной коммиссіи, назначенной для изслѣдованія вопроса о призрѣваемыхъ бѣднякахъ. «Я обвиняю Рабочую партію въ томъ, что она не умѣетъ защищать интересы трудящихся массъ, — говоритъ Викторъ Грэйсонъ. — Коммонеры рабочіе боятся борьбы въ нижней палатѣ. Они страшатся также бороться на выборахъ». Мы видѣли, что обвиненіе Грэйсона ни на чемъ не основано.

VII.

Посмотримъ теперь, что суровый критикъ понимаетъ подъ словами «борьба въ парламентѣ» Но предварительно объясню, почему явилось обвиненіе Рабочей партіи въ томъ, что она боится боротся на выборахъ. Въ прошломъ году членъ министерста Черчель вступилъ въ составъ кабинета. По англійскимъ законамъ требуется, чтобы министры въ такомъ случаѣ снова баллотировались. И вотъ въ Манчестрѣ коалиція протекціонистовъ, пивоваровъ и непримиримыхъ консерваторовъ при дѣятельномъ участіи суффражистокъ забаллотировала Черчеля. Онъ выступилъ вторично въ Денди. Здѣсь на выборахъ 1906 г. либералы отдали рабочимъ одно мѣсто. Безъ коалиціи радикаловъ и рабочихъ, консерваторы не могли бы быть разбиты. И вотъ въ 1908 г. радикалы, выставивъ въ Денди вторымъ кандидатомъ Черчеля, ждали, что рабочіе окажутъ имъ такую же услугу, какую либералы оказали рабочимъ въ 1906 г. Рабочая партія, дѣйствительно, не выставила своего кандидата, тѣмъ болѣе, что не было никакихъ шансовъ на побѣду. Можно было бы думать, что при «боѣ въ три угла», т. е. при трехъ кандидатахъ, побѣда останется за консерваторомъ. Соціалъ-демократы и сторонники Виктора Грэйсона настаивали на томъ, чтобы непремѣнно выставить своего кандидата въ Денди. Правда, онъ потерпитъ пораженіе,—говорили соціалъ-демократы; но это покажетъ либераламъ готовность рабочихъ бороться. Рабочая партія отказалась поддерживать кандидата въ Денди. Черчель былъ избранъ. На Портсмутской конференціи забаллотированный кандидатъ обвинялъ исполнительный комитетъ Рабочей партіи въ томъ, что онъ «продалъ ее либераламъ». Отъ имени комитета отвѣтилъ членъ парламента Макдональдъ. «Мы обманули бы довѣріе нашей партіи, если бы стали тратить фонды ея на обсолютно безнадежные выборы... Рабочій депутатъ, представляющій Денди, сказалъ, что только чудо можетъ доставить побѣду во второмъ избирательномъ округѣ еще одному рабочему кандидату». Конференція одобрила поступокъ исполнительнаго комитета.

Что же Грэйсонъ считаетъ настоящей политикой, приличествующей Рабочей партіи? Отвѣтъ находимъ въ главѣ «Программа и тактика», которой заканчивается книга «The Problem of Parliament». Дѣятельность соціалистической партіи въ парламентѣ,—говоритъ Грэйсонъ,—можетъ быть опредѣлена однимъ словомъ—*сраженіе* (Fight)... Суффражистки, большинство которыхъ соціалистки (?!) *),

*) Объективный наблюдатель сказалъ бы, что суффражистки, по преимуществу, принадлежатъ къ среднимъ классамъ; о „соціализмѣ" ихъ говоритъ принадлежность многихъ къ Лигѣ Подснѣжника. Въ статьѣ «Суффражистки» я приводилъ программы ихъ.

показали намъ примѣръ, какъ должно сражаться. Онѣ показали намъ, что слѣдуетъ быть непримиримымъ. Онѣ не захотѣли выслушать Ллойдъ-Джорджа, когда онъ явился къ нимъ въ Альбертову залу съ «миссіей». «Мы не хотимъ ничего слушать,—сказали онѣ.—Дайте намъ немедленно билль о политической эмансипаціи женщинъ. Сражаясь съ министерствомъ даже въ Альбертовой залѣ *),—продолжаетъ Грэйсонъ,—суффражистки сдѣлали больше, чѣмъ когда либо раньше, для потрясенія правительства... Соціалистическая партія въ парламентѣ должна знать, что бываетъ время, когда необходимо нарушить всѣ установленныя правила и обычаи». Грэйсонъ въ этомъ отношеніи ссылается на себя. Министерство обѣщаетъ разсмотрѣть законъ о безработныхъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и ссылается на срочную работу. Соціалистическая партія должна требовать, чтобы законъ разсматривался немедленно, въ это же засѣданіе. Спикеръ призываетъ къ порядку и напоминаетъ о парламентскомъ регламентѣ. Соціалистическая партія должна,—учитъ Грэйсонъ,—настаивать на своемъ. Она требуетъ, не смотря на всѣ регламенты. Ее, конечно, исключаютъ на нѣсколько засѣданій за нарушеніе законовъ. Тѣмъ лучше,—говоритъ Грэйсонъ. Какое впечатлѣніе произведетъ на страну изгнаніе изъ парламента партіи за то, что она требовала немедленнаго разсмотрѣнія билля о безработныхъ! Это докажетъ массамъ, что обѣщанія либераловъ, сулящихъ реформы,—только пустыя слова. Рабочіе сразу поймутъ разницу между партіей, дѣйствительно стоящей за реформы, и партіей, отдѣлывающейся только словами» **). Мы видѣли, что подавляющее большинство Рабочей партіи не раздѣляетъ мнѣнія Грэйсона, о томъ, что въ парламентѣ слѣдуетъ принять тактику англійскихъ суффражистокъ.

Крайне любопытно наблюдать ту вдумчивость, которую проявила радикальная пресса по отношенію къ Портсмутской конференціи: печать эта понимаетъ, что народилась большая сила. «Передъ нами партія, протестующая противъ самыхъ основъ, на которыхъ держится современный экономическій строй,—пишетъ «Daily News». Глубоко заблуждается оптимистъ, воображающій, что естественный ходъ вещей сгладитъ мало-по-малу разницу между богатыми и бѣдными, между нищетой и роскошью. Къ сожалѣнію, факты говорятъ о діаметрально противоположномъ. Безъ всякаго сомнѣнія, за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ Англія сильно разбогатѣла. Въ результатѣ уровень потребностей поднялся даже въ массахъ. Положеніе трудящихся массъ до извѣстной степени улучшилось. Цѣны на продукты понизились, заработная плата повысилась. Современный англійскій работникъ лучше питается и одѣвается, чѣмъ его дѣдъ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно жилищъ.

---

*) См. мою статью «Суффражистки» въ январской книжкѣ.
**) The Problem of Parliament. P. 92.

Теперь измѣнился взглядъ на отношеніе государства къ отдѣльнымъ гражданамъ. Нагляднымъ доказательствомъ являются законы о безплатномъ обученіи, а въ особенности о государственной пенсіи для стариковъ. Машины, изслѣдованіе отдаленныхъ странъ и улучшенныя средства сообщенія сдѣлали то, что предметы первой необходимости увеличились численно и стали болѣе доступны массамъ, чѣмъ раньше. Но въ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ мы не видимъ еще никакихъ признаковъ сколько-нибудь серьезнаго улучшенія. Напротивъ даже. Вслѣдствіе концентраціи капитала классъ, живущій только рентой или спекуляціями на землю, получаетъ теперь на свою долю еще больше, чѣмъ раньше. Выводъ отсюда тотъ, что богатые еще больше богатѣютъ, а бѣдные, если не бѣднѣютъ, то не становятся также зажиточнѣе. Въ послѣднее время произошла нѣкоторая перемѣна въ распредѣленіи денегъ, приходящихся на долю людей, вкладывающихъ въ предпріятіе свой капиталъ, и тѣхъ, которые вкладываютъ свои знанія и трудъ. Первые получаютъ теперь больше, вторые—меньше. Теперь капиталистъ, понимающій все производство и принимающій участіе въ немъ, встрѣчается рѣже, чѣмъ прежде. Типичной формой для настоящаго времени является производство, въ которомъ мы видимъ финансиста, затѣмъ наемнаго директора и работниковъ. Отъ развитія производства богатѣетъ, главнымъ образомъ, финансистъ. Большая часть національныхъ богатствъ достается теперь на долю лэндлорда и грюндера. По мѣрѣ того, какъ учащаются подобныя явленія, Рабочая партія должна становиться болѣе непримиримой. Старый трэдъ-юніонизмъ не въ состояніи бороться съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, никакіе профессіональные союзы, никакая стачка, какъ бы грозна она ни была, не могутъ оказать воздѣйствіе на такой порядокъ, при которомъ незаработанное приращеніе все увеличивается» *). Радикальная газета доказываетъ дальше, что Рабочая партія можетъ дѣйствовать въ парламентѣ и союзѣ съ радикалами. И радикалы, и рабочіе одинаково стоятъ за свободу торговли. Обѣ партіи согласны, что необходимо обложить пропорціональнымъ налогомъ незаработанное приращеніе. Обѣ партіи хотятъ всеобщаго избирательнаго права. Какъ рабочіе, такъ и радикалы хотятъ, чтобы возрастъ пріема дѣтей на фабрики повышенъ былъ до шестнадцати лѣтъ. «Въ Англіи,—заканчиваетъ газета,—покуда нѣтъ основанія бояться полнаго раскола между либерализмомъ и Рабочей партіей. Въ Германіи подобный расколъ повелъ къ безплодности либерализма, съ одной стороны, и къ превращенію соціалистической партіи въ критическую, а не созидательную силу—съ другой».

Діонео.

---

*) „Daily News", January 30, 1909.

Ѳедоръ Сологубъ въ бытовыхъ произведеніяхъ и въ «творимыхъ легендахъ».

Беллетристъ Ѳ. Сологубъ самъ такъ раздѣлилъ свои произведенія на двѣ категоріи съ рѣзкими особенностями. Въ однихъ мы должны считаться съ нимъ, какъ съ изобразителемъ; въ этихъ произведеніяхъ онъ опирается на «бытовое и психологическое» въ окружающей жизни, «бѣдной и грубой»; въ нихъ онъ ищетъ «истину» и, естественно, связанъ всѣми ограниченіями правдоподобія. И этого критерія онъ не опасается: его произведенія совершенное «зеркало».

Вторая категорія произведеній Сологуба представляетъ нѣчто рѣзко отличающееся. По его словамъ, здѣсь онъ только поэтъ. *Истина* о жизни бѣдной и грубой ему не нужна здѣсь, и онъ ни съ какими ограничительными требованіями правды не считается. *Здѣсь* онъ, по словамъ его, весь во власти своей фантазіи объ «очаровательномъ и прекрасномъ».—Вмѣсто «познанія истины», которое было цѣлью для первой категоріи, здѣсь цѣль—«творимая легенда» о жизни: «сладостная легенда».

Принимая это авторское распредѣленіе, и будемъ говорить о Сологубѣ въ бытовомъ и въ творимыхъ легендахъ.

Говорить о Сологубѣ въ бытовомъ значитъ, прежде всего, говорить о «Мелкомъ бѣсѣ», создавшемъ автору ту громкую славу, которой онъ пользуется сейчасъ.

Однако, начать съ «Мелкаго бѣса» было бы крайне сложно, въ виду разнорѣчивыхъ толкованій этого романа, а главное—въ виду сатирическаго характера, который придается «Мелкому бѣсу» весьма многими.

Мы думаемъ—*въ согласіи съ авторомъ*—что это недоразумѣніе: въ «Мелкомъ бѣсѣ» сатиры нѣтъ. Гипотеза о сатирической окраскѣ «Бѣса» явилась, мы полагаемъ, въ результатѣ случайныхъ обстоятельствъ, совпавшихъ съ первымъ появленіемъ въ свѣтъ «Бѣса», и еще больше—въ результатѣ незнакомства читателя съ *первымъ* романомъ Сологуба: «Тяжелые сны».

Вообще, о «Мелкомъ бѣсѣ» и его авторѣ приходится сказать, что ихъ успѣхъ—своеобразный анекдотъ въ современной литературѣ.

У Мольера есть врачъ поневолѣ. Роль Сологуба въ современной литературѣ именно въ этомъ родѣ: онъ сатирикъ поневолѣ и безъ собственнаго своего вѣдома. Онъ горячо противъ этого протестуетъ, утверждая, что онъ серьезенъ и правдивъ, а читатели

упорно не признаютъ авторскихъ оправданій, утверждая, что это у него очень хорошо вышло по сатирической части.

Мы попытаемся возстановить права автора, показавъ, что навязанная ему роль сатирика—совершенная несправедливость. Онъ серьезенъ и рисуетъ жизнь въ тѣхъ краскахъ и подробностяхъ, которыя *ему* представляются ничуть не искаженными.

Это становится ясно при сопоставленіи «Мелкаго бѣса» съ «Тяжелыми снами», которые написаны въ томъ же бытовомъ тонѣ—десятью годами раньше, и которыхъ никто не разумѣетъ, какъ сатиру.

Тяжелые сны.

I.

Въ отличіе отъ «Мелкаго бѣса» старо-новый романъ Сологуба не сплошь наполненъ отрицательными персонажами. Есть не только положительные, но и весьма положительные герои. Наконецъ, самъ авторъ не разъ рѣзко и опредѣленно вмѣшивается въ повѣствованіе и бесѣдуетъ о красотѣ, о тайнахъ жизни, о глупости мужиковъ, о глупости вообще.

Объ отрицательныхъ персонажахъ говорить много не приходится. Это все тѣ же «мелкобѣсцы». Но нѣсколько словъ сказать необходимо и о нихъ.

Романъ не напрасно названъ «Тяжелыми снами». Герои его видятъ эти сны ночью и видятъ ихъ наяву. Весь городъ собственно сплошной тяжелый сонъ съ разными чудищами, принявшими обликъ обывателей, чего такъ опасался Передоновъ.

Подстать горожанамъ и ихъ городской голова. Всѣ его величаютъ Юшкой. Сначала такъ величаютъ его только собутыльники, и вы допускаете это. Юшка-голова такъ Юшка-голова. Но потомъ оказывается, что его никто иначе не называетъ. И справедливо, что никто иначе не называетъ, такъ какъ нѣтъ большаго безобразника, какъ этотъ городской голова Юшка.

За что же избрали его городскимъ головой, хотите вы знать. Ну, вѣдь есть же у человѣка какія-нибудь привлекающія качества, если его выбрали? Если нѣтъ настоящихъ, то есть хоть что-нибудь, хоть какой-нибудь суррогатъ положительныхъ качествъ, за которыя онъ выдвинулся на роль отца города? Если нѣтъ даже и суррогатовъ, то должны же быть хоть причины, почему Юшку кто-то захотѣлъ сдѣлать головой и Юшка сдѣлался головой? Ничего нѣтъ, категорически утверждаетъ г. Сологубъ. Ни качествъ, ни суррогата, ни причинъ. Просто всѣ въ городѣ Передоновы, оттого у нихъ голова Юшка. Другого головы, очевидно, у нихъ и не могло бы быть. Выбрали за безобразіе да и только. Вотъ и все.

И нужно отдать ему справедливость. Юшка очень старается оправдать довѣріе согражданъ и Сологуба.

Необходимо оговориться, что существуютъ двое «Тяжелыхъ сновъ»: изданія 1896 года и изданія «Шиповника» —*послѣ* шумнаго успѣха «Мелкаго бѣса»—въ 1908 году. Намъ часто придется различать эти два изданія, такъ какъ они во многомъ существенно разнятся; авторъ самъ предупреждаетъ, что въ изданіи 1896 года онъ былъ принужденъ считаться съ *внѣшними* соображеніями, не имѣющими общаго съ искусствомъ, и лишь теперь отъ нихъ освободился.

Разнятся оба изданія и въ отношеніи Юшки: въ послѣднемъ изданіи есть добавочная сцена объ Юшкѣ въ жанрѣ сценъ изъ «Мелкаго бѣса», имѣвшихъ такой шумный успѣхъ.

Въ этой *вновь вставленной* сценѣ жена городского головы является требовать его, пьянаго, отъ Логина, главнаго героя. Конечно, она идетъ не въ домъ Логина, а остается на улицѣ и начинаетъ искрометный скандалъ:

Не успѣлъ Юшка опрокинуть еще и двухъ рюмокъ, какъ на улицѣ раздались звонкіе крики Жозефины Антоновны, жены Баглаева (Юшки):

— Я знаю, что онъ здѣсь, подлецъ этакій! Я ему кишки повытереблю.

Юшка вскочилъ и прижался къ стѣнѣ. Выпуклые глаза его выразили страхъ. Онъ прижималъ локти къ стѣнѣ, словно желая вдавиться въ нее. Зашепталъ, вращая покраснѣвшими бѣлками:

— Вотъ вломался! Спрячь, спрячь меня подальше: всѣ закоулки обшаритъ.

Логинъ подошелъ къ окну. Жозефина Антоновна, вертляво двигаясь всѣмъ своимъ тѣломъ, закричала:

— Какъ вамъ не стыдно, господинъ Логинъ! Гдѣ вы спрятали моего мужа? Но не безпокойтесь, я знаю, гдѣ онъ *и съ кѣмъ онъ*.

Смуглое лицо Баглаевой нервно подергивалось тысячью гнѣвныхъ гримасъ. Съ нею пришли Биншток, слюняво и опасливо хихикающій въ сторонкѣ, и Евлалія Павловна, увядающая дѣвица съ веселыми улыбками и хмурыми глазами, учительница женской прогимназіи.

— Полноте, Жозефина Антоновна,—принялся уговаривать Логинъ,—вашъ мужъ у меня въ безопасности, ужъ я его въ обиду не дамъ.

— А вы еще смѣетесь!—пуще загорячилась Баглаева:—да что же это такое. Что вы у себя *публичный домъ*, что ли, устроили?

— Да вы войдите, посмотрите сами, Жозефина Антоновна!

— Вы мнѣ мужа моего подайте, а къ вамъ я не пойду.

Наконецъ, ей удается добыть Юшку, и она съ торжествомъ его ведетъ пьянаго домой черезъ весь городъ.

Въ другомъ городѣ она могла бы, конечно, прибѣгнуть къ болѣе тихимъ мѣрамъ воздѣйствія, къ крытому извозчичьему экипажу, и могла бы доставить пьянаго голову домой безъ лишней огласки, хотя бы во избѣжаніе подрыва власти и будущаго переизбранія. Но въ городѣ Сологуба этого ничего не нужно.

Кромѣ всего, оказывается, что Жозефина Антоновна *знаетъ*, что у ея мужа никакого тайнаго любовнаго свиданія—въ домѣ Логина не назначено. Она просто сорвала сердце на Логинѣ, зачѣмъ держитъ у себя пьянаго Юшку.

Все въ порядкѣ вещей: и для Юшкиной жены, и для горожанъ-избирателей (они сами такіе же безобразники), и для губернатора, коему ввѣренъ городъ Сологуба, и, наконецъ, для самого Сологуба!

Вамъ даже приходитъ въ голову: быть можетъ, все это не лѣтопись, а просто впечатлѣнія автора, объективированныя въ форму романа съ дѣйствительными лицами.

Эта гипотеза настолько обязательна, что вы ее немедленно дѣлаете, какъ только начинаете читать романъ. Но оказывается, что это тоже не вѣрно. Авторъ самымъ серьезнымъ образомъ увѣренъ въ томъ, что онъ разсказываетъ то, что есть, и то, какъ есть.

Ни въ крупномъ, ни въ мелочахъ онъ просто не знаетъ, когда онъ сообразуется съ дѣйствительностью въ своихъ переживаніяхъ и когда ему—что называется—чудится, какъ герою «Тяжелыхъ сновъ», который, разсмотрѣвъ на *дальнемъ* разстояніи женщину *за* деревомъ, видитъ у нея по описанію *автора*—«только *ухо* (!) и часть спины». Только ухо!

Такихъ «ушей» въ «Тяжелыхъ снахъ» много.

Но описанный выше Юшка все-таки идеалъ человѣка по сравненію съ Мотовиловымъ, почетнымъ попечителемъ гимназіи, которому принадлежитъ очень видная роль въ событіяхъ. Его дочь хотѣла выйти замужъ за актера,—Мотовиловъ высѣкъ ее, и къ вечеру весь городъ зналъ объ этомъ. Вообще же, это такой негодяй, что его «художествъ» хватило бы на все населеніе города, если распредѣлить по одному качеству на одного человѣка. Но въ романѣ они всѣ собраны воедино (это, конечно, не значитъ, что другимъ мало осталось), за что Мотовиловъ и несетъ безпощадное возмездіе, будучи собственноручно убитъ самымъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Не дуренъ также предводитель дворянства, отставной генералъ, демонстрирующій правильную систему воспитанія на собственныхъ дѣтяхъ. Дѣти должны умѣть слушаться. Поэтому онъ заставляетъ дѣтей продѣлывать обычные кунстштюки дрессированныхъ собакъ: они «умираютъ», воскресаютъ и все это по командѣ. *Случайный* гость, свидѣтель всей сцены, поражается, какъ это дѣти, выстроенныя въ рядъ по росту, умѣютъ такъ безстрашно падать въ видѣ труповъ, не боясь разбиться. Какъ видите, и отказавшись отъ разсмотрѣнія «Мелкаго Бѣса», мы все таки оказались въ области того, что нельзя принять за правду и приходится принять за «сатиру».

Недуренъ такъ же слѣдующій эпизодъ. На вечерѣ у Мотовилова всѣ бесѣдуютъ о противоестественныхъ, будто-бы, увлеченіяхъ Логина, и это вызываетъ неодобрительныя замѣчанія сплетниковъ по адресу Логина. Но вотъ одинъ изъ собесѣдниковъ, судебный чиновникъ Бинштокъ, разсказываетъ—по замѣчанію автора — «довольно некстати», какъ въ Петербургѣ «одна дама», встрѣченная имъ, Бинштокомъ, на Невскомъ, «завладѣла... цѣлую недѣлю пользовалась его услугами, а потомъ *уплатила* весьма

добросовѣстно!» Вопреки утвержденію автора, разсказъ оказывается очень кстати. Полученіе мзды за «услуги» въ теченіе недѣли не вызываетъ никакихъ возраженій. Наоборотъ. Разсказъ «вызвалъ *общій восторгъ»*—по точному удостовѣренію автора.

Впрочемъ, въ «Тяжелыхъ снахъ» есть нѣчто неожиданное и по части «мелкобѣсовщины». Это — необыкновенная любовность и взаимная преданность «мелкобѣсцевъ», какъ только дѣло коснется гнусности. Положительнаго героя они готовы утопить, что называется, на сухомъ мѣстѣ. Но за учителя Молина, обвиненнаго въ изнасилованіи 15-лѣтней дѣвочки, встаетъ на защиту весь городъ. Что Молинъ «мастакъ по этой части», какъ выражается Юшка, всѣмъ извѣстно. Онъ даже на торжествѣ «запускаетъ широкую лапу» *за лифъ* платья одной учительницы, такъ что лифъ — по удостовѣренію автора—затрещалъ, и учительница принуждена была уйти—не домой, а въ другую комнату: «чиниться»! Какъ видите, особеннаго впечатлѣнія на присутствующихъ такая экскурсія за лифъ не производитъ (въ разсказѣ автора), хотя дѣло происходитъ въ зданіи городского училища, послѣ публичнаго акта. Тѣмъ не менѣе слава Молина всетаки настолько опредѣленна, что его не хотятъ пускать жильцомъ никуда, гдѣ есть женщины: «...гоняли его съ квартиры на квартиру. Пришло, наконецъ, такъ, что ужъ никто не хотѣлъ сдавать ему комнату». Но все это—какъ оказывается по Сологубу—только до судебныхъ тучъ надъ головой Молина. Это о нихъ, «мелкобѣсцахъ», сказано: зане есмы другъ другу удове. Когда Молина посадили въ тюрьму, все поднимается на его защиту; судебному слѣдователю приходится плохо; всѣ средства пускаются въ ходъ и прежде всего добиваются освобожденія Молина на поруки. День этого освобожденія—праздничный день для города. Забытъ ужасъ обывателя передъ словомъ тюрьма. Депутація изъ самыхъ почтенныхъ лицъ идетъ къ воротамъ тюрьмы. Дочери попечителя подносятъ освобожденному букетъ. Затѣмъ всѣ торжествующимъ демонстративнымъ шествіемъ провожаютъ Молина по главнымъ улицамъ города. Всѣ единодушны. Никто не отказывается. Въ шествіи участвуютъ «нѣсколько мужчинъ и дамъ» безъ указанія общественнаго положенія и, кромѣ нихъ: священникъ, директоры учебныхъ заведеній, казначей, офицеръ, учителя и, конечно, попечитель гимназіи, который на улицѣ и рѣчь произноситъ (передъ тюрьмой). Отказывается только положительный герой Логинъ.

Логинъ догадался, что устраиваютъ овацію „невинно пострадавшему",— ведутъ его съ почетомъ по городу, показать всѣмъ, что репутація Молина не пострадала. Лица были торжественныя и, *какъ часто бываетъ въ неожиданно-торжественныхъ случаяхъ,*—говоритъ внимательный наблюдатель жизни Сологубъ—*довольно таки глупыя.* Герой торжества хранилъ на лицѣ угрюмо-угнетенное и очень благородное выраженіе, и шелъ ребромъ (?). Лѣтъ двадцати-семи, лицо, покрытое рябинами и прыщами; багровый носъ записного пьяницы... Въ рукахъ громадный букетъ цвѣтовъ.

Что это? «Сатира» или бытъ, увѣковѣченный «довольно-таки»... простосердечно?.. Изложеннаго, однако, мало. Когда центральное начальство, по благополучномъ окончаніи судебнаго дѣла, все-таки переводитъ Молина въ другой городъ, городъ «Тяжелыхъ сновъ» сносится съ другими городами на пути слѣдованія Молина къ мѣсту новаго назначенія, и вездѣ его встрѣчаютъ торжественно и задушевно, т. е. даютъ ему напиться во время чествованія.

Если откровенно признаться, это заступничество всѣхъ и каждаго за Молина производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. Это вовсе не мерзавцы, какъ вамъ сначала показалось въ угоду автору. Это сектанты зла, фанатики Дьявола, служащіе ему вѣрно и готовые положить животъ свой за други своя и за братьевъ своихъ во Діаволѣ.

Итакъ, нѣтъ мелкобѣсцевъ, а есть сектанты зла. Вотъ первый неожиданный выводъ изъ «Тяжелыхъ сновъ».

Однако, можетъ быть, есть и «мелкобѣсцы»: мелкіе душой и мыслью люди... Вы обратили вниманіе на «восторгъ» уѣздной интеллигенціи, съ которымъ она слушала разсказъ объ услугахъ *за мзду* «одной дамѣ» со стороны Бинштока? Обратили вниманіе на заступничество всѣхъ (по удостовѣренію, какъ слѣдователя, такъ и Логина) за изнасилователя 15-лѣтней дѣвочки? Ясно, что мораль здѣсь не при чемъ. И, однако, какъ мы видѣли и еще увидимъ ниже, всѣ возмущены слухами о пользованіи Логинымъ «услугами» со стороны мальчика. Что же это значитъ? Только то, что «всѣ»—рутинеры», тупые люди, злобствующіе противъ непривычнаго, какъ цѣнныя собаки. Злобствуютъ и противъ «мальчиковъ». Это и устанавливаетъ авторъ, въ качествѣ новаго, свободнаго мыслителя?

Но, Богъ съ ними, неизвѣстно съ кѣмъ — «мелкобѣсцами» или сектантами-фанатиками.

Будемъ говорить о положительныхъ людяхъ, на которыхъ отдыхаетъ душою авторъ.

II.

Въ городѣ «Тяжелыхъ сновъ» положительныхъ персонажей столько, сколько было въ древнихъ Содомѣ и Гоморрѣ.

Трое.

Одинъ изъ категоріи ничего себѣ или просто пріятныхъ. Это Ермолинъ, отецъ героини.

Другіе двое, конечно, герой и героиня.

Только двое, но за то какіе двое! Ради нихъ Сологубъ пощадилъ бы не только Содомъ и Гоморру, но и городъ «Тяжелыхъ сновъ».

Ради нихъ, онъ, какъ мы снова увидимъ, черезъ 12 лѣтъ вновь переписалъ или перенаписалъ свой романъ.

Изъ предисловія ко 2-му изданію «Мелкаго бѣса» извѣстно, какъ гнѣвно обидѣлся авторъ, когда его попытались заподозрить въ духовномъ тождествѣ или даже близости съ «Передоновымъ».

Еще бы не обидѣться! Авторъ «Тяжелыхъ сновъ» далъ цѣлый романъ; въ этомъ романѣ всѣ Передоновы; есть только одинъ не-Передоновъ. Это—учитель гимназіи Логинъ, и именно поэтому на немъ почіетъ благодать авторскихъ симпатій и благоволенія вплоть до чудеснаго обнаженія героини. Если можетъ быть рѣчь о тождествѣ автора съ тѣмъ или другимъ героемъ, то, конечно, Сологубу близокъ Логинъ или, точнѣе, Логинъ — эманація Сологуба, какъ Триродовъ «Навьихъ чаръ» — эманація Логина и опять-таки Сологуба.

Все такъ просто это вышло. Логинъ горѣлъ желаніемъ общественной пользы. Онъ воевалъ съ директоромъ гимназіи и стремился къ устроенію коопераций не хуже г. Тотоміанца, замалчивающаго о томъ, что раньше его у Россіи былъ Логинъ. Но Логинъ воевалъ и стремился къ коопераціи, а его ненавидѣли. Обыватели ненавидѣли за правду,а мужики за то, что Логинъ вмѣстѣ съ другими пускаетъ холеру въ народъ... Шелъ, напр., разговоръ о звѣздахъ на небѣ. Одинъ изъ участниковъ разговора—на улицѣ назвалъ звѣзду такъ, какъ ей полагается по астрономическому каталогу, Меркуріемъ. А мужики и бабы поняли это слово: «моръ курій» и укрѣпились въ сознаніи, что и моръ человѣчій дѣло того же Логина. Въ другой разъ онъ пошутилъ насчетъ воздухоплаванія: прилетитъ шаръ и привезетъ конституцію изъ Гамбурга. Слушательница до нельзя глупая, какъ всегда у Сологуба, повѣрила и разнесла шутку по городу, толкуя ее въ серьезъ, и вотъ по городу стали ходить сплетни. «Говорили о воздушномъ шарѣ; о прусскихъ офицерахъ, объ англичанкѣ и о холерѣ». Дошло дѣло до того, что толпа окружила однажды домъ Логина. Его убѣждали бѣжать. Но онъ, владѣя тайной гипнотизировать толпу, спокойно открылъ окно и, сурово хмуря брови, сталъ глядѣть на толпу. Немедленно получился желанный эффектъ.

Мальчишки шарахнулись въ сторону, толпа боязливо попятилась. На минуту стало тихо.

Но затѣмъ Логинъ почему-то отмѣнилъ гипнозъ... Отъ того ли, что онъ всегда готовъ умереть, но Логинъ такъ же спокойно, какъ открылъ окно, обратился съ привѣтствіемъ къ смерти: «Здравствуй, смерть!» и вышелъ на крыльцо къ мужикамъ. Но все обошлось благополучно. Или—почти благополучно, такъ какъ одинъ изъ толпы всетаки бросилъ въ Логина камнемъ.

Камень попалъ въ голову; Логинъ упалъ, а когда очнулся, около него оказалась героиня: «стояла надъ нимъ» и все, какъ полагается въ старомъ, хорошемъ романѣ, который въ старыя, хорошія времена наши бабушки читали въ перемежку съ поварской книгой.

Дальше была свадьба героя и героини. Впрочемъ, можетъ быть, и не было свадьбы.

Мы, однако, должны повиниться, что многое пропустили въ романѣ. Суть въ томъ, что на мужиковъ Логинъ не очень сердился, даже за камень. И это не потому, что камень даровалъ ему ту самую, въ неподдѣльности формъ которой онъ заблаговременно убѣдился, благодаря особой застежкѣ и неношенію героиней рубашки (объ этомъ еще будетъ рѣчь). Нѣтъ, онъ просто былъ великодушенъ и мужикамъ прощалъ.

Но не прощалъ онъ сильнымъ міра сего. Не простилъ онъ и почетному попечителю гимназіи, въ которой обучалъ. Вся гнусность жизни, вся обывательская пошлость, все коварство людское—сосредсточились для Логина въ лицѣ врага—попечителя. И этого онъ не перенесъ... Однажды героиня обмолвилась о Мотовиловѣ. «Вотъ человѣкъ, который не имѣетъ права жить». Это окончательно укрѣпило враждебное чувство Логина; онъ отправился и изрубилъ топоромъ попечителя.

Къ счастью—не для попечителя, а для Сологубовскаго праведника въ «Тяжелыхъ снахъ»—все обошлось благополучно.—Въ ту самую ночь, когда Логинъ убилъ Мотовилова, во дворѣ у него повѣсился мужикъ. Этотъ мужикъ былъ сильно обиженъ Мотовиловымъ, и объ этомъ всѣ знали. Естественно, что всѣ приписали убійство попечителя не Логину, стоявшему внѣ подозрѣній, а злополучному мужику-самоубійцѣ.

Все осталось настолько тайно, что, какъ мы видѣли, Логинъ повѣнчался благополучно съ героиней, если вѣрить Сологубу 1896 года и не вѣрить Сологубу 1908 года.—Во всякомъ случаѣ, судебный слѣдователь оказался устраненнымъ изъ романа, и герои Сологуба вѣрятъ, что для нихъ «началась новая жизнь».

Только въ «Навьихъ чарахъ» есть какіе-то тревожные признаки. Триродовъ, очень похожій на Логина, имѣетъ въ своемъ прошломъ какую-то уголовщину, даже убійство: именно, убійство. Объ этомъ знаетъ его преслѣдователь — актеръ, и Триродовъ успѣшно борется съ этимъ при помощи Логиновской же способности гипнотизировать.

Сначала кажется даже, что Триродовъ собственно и есть Логинъ, принявшій псевдонимъ Триродова, чтобы избѣжать непріятностей.

Но потомъ это оказывается ошибкой. Логинъ собственноручно изрубилъ Мотовилова, а Триродовъ сдѣлалъ это чрезъ посредство лица, подчиненнаго его гипнотической власти.

Очевидно, это два разныхъ лица, т. е. двѣ самостоятельныя эманаціи творческой мысли Сологуба.

III.

Авторъ «Тяжелыхъ сновъ»—это типъ сатирика malgré lui, одинаково и для отрицательныхъ, и для положительныхъ персонажей.

Трудно сказать, что убыточнѣе для нихъ: авторскія симпатіи или вражда и презрѣніе.

Нужно замѣтить, что герои Сологуба и положительные, и отрицательные во многихъ отношеніяхъ аналогичны.

Напримѣръ, отношеніе къ волшбѣ. Вы невольно смѣетесь, когда человѣкъ съ кандидатскимъ дипломомъ, хотя бы и съ прозвищемъ Передонова, смѣшно вертится вокругъ себя и вычитываетъ разныя «чурашки-болвашки» въ качествѣ заклинанія отъ бѣдъ.

Но вы ошиблись, относя это цѣликомъ къ признакамъ «передоновщины». Для Передонова характерна только *форма* этой примитивной вѣры въ волшбу. Въ другой болѣе благородной формѣ вѣритъ въ чудесныя силы и ультра-симпатичный автору Логинъ. Онъ глядитъ на толпу, и толпа остываетъ въ своей дерзостной злобѣ, какъ мы уже упоминали. Этому не мѣшаетъ фактъ, что какой-то особенно непокорный всетаки бросилъ камнемъ въ Логина, во-первыхъ, потому что это исключеніе, а исключенія только подтверждаютъ правило, а во-вторыхъ, потому что это нужно было автору для развитія послѣдующихъ событій съ надеждой на новую жизнь.

По внѣшности какъ-будто гипнотическое воздѣйствіе. Но это конечно, не гипнотическое, не гипнотизмъ.

Нѣтъ, это та чудесная сила, которою впослѣдствіи Триродовъ будетъ очаровывать въ нужный моментъ казака-преслѣдователя. Эта чудесная сила проявляется, не въ примѣръ ученому гипнотизму ученыхъ, въ одинъ мигъ; нужно произнести только нѣсколько словъ—какъ мужики шутятъ, нѣсколько рыбьихъ словъ—и все готово. Казакъ останавливается и повинуется.

Читателю остается только недоумѣвать, отчего же Триродовъ творимой легенды *раньше* не пустилъ въ ходъ свою чудесную силу, когда казаки только что явились разгонять и бить. Вѣдь какая была бы эффектная «сладостная легенда»: вся сотня какъ вкопаная съ поднятыми нагайками, а передъ ней съ рыбьимъ словомъ на смѣющихся устахъ—чародѣй нашихъ дней, эстетъ, эсдекъ и волшебникъ Триродовъ!

Но это только мимоходомъ. Будемъ довольны тѣмъ, что имѣемъ. Всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ. Хорошо, что Триродовъ спасся хоть во время преслѣдованія. Иначе не было бы продолженія въ видѣ «Капель крови».

Отъ героевъ мы пришли къ самому автору. Онъ самъ горячо

высказывается въ пользу всякой волшбы, въ своихъ стихотвореніяхъ.

Быть съ людьми—какое бремя!
О, зачѣмъ же надо съ ними жить!
Отчего нельзя все время
Чары дѣять, тихо ворожить.

Въ прошломъ, о которомъ лирикъ Сологубъ вспоминаетъ съ сожалѣніемъ, онъ этимъ усиленно занимался по ночамъ:

Несбыточной науки
Я ждалъ въ ночныхъ путяхъ,
И чаръ полночныхъ сила
Несла мнѣ свой покой,
И сердце примирила
Съ безвыходной судьбой...
Но я, неблагодарный,
Уставши тайной жить,
Съ насмѣшкою коварной
Сталъ тайну поносить...

Вотъ откуда всѣ тайныя свѣдѣнія Триродовыхъ, отца и сына, и чудесныя свойства тихихъ мальчиковъ.

Какой же авторъ сатирикъ отъ «передоновщины»! Онъ просто изображаетъ въ Передоновѣ низшую ступень нормы.

Совершенно такъ же нѣтъ ничего необычнаго и въ томъ, что Передоновъ видитъ вездѣ недотыкомку, поджигая въ борьбѣ съ ней домъ и уничтожая платье, въ которое она запряталась.—Эта недотыкомка тоже только спеціально Передоновская форма *пугающихъ* видѣній. Логинъ не пугливъ и потому не пугается. Но онъ совершенно такъ же, какъ Передоновъ, имѣетъ свою недотыкомку. Она называется въ «Тяжелыхъ снахъ» морокой, и Логинъ ее видитъ совершенно отчетливо.

Порою пыльная морока плясала, мальчишка съ хохочущими глазами. Порою Логинъ слышалъ рядомъ шорохъ босыхъ ногъ по травѣ,—что это? поступь Анны? или сѣрая морока? Обернется,—никого нѣтъ.

Такъ же общи во многомъ герои его—и худые, и хорошіе—и въ настроеніяхъ.

Чѣмъ жить хорошимъ людямъ среди «мелкобѣсцевъ» и «тяжелыхъ сновъ»?

Только однимъ: мыслью о смерти. Только она принесетъ благодатный сонъ; только она познакомитъ человѣка со всѣми тайнами міра, увы! недоступными при жизни.

И хорошіе люди Сологуба, и самъ онъ мечтаютъ о смерти.

Но, конечно, не при помощи самоубійства! Нѣтъ, они противъ этой пошлости! Вѣдь смерть придетъ въ свое время. Вотъ она и принесетъ желанное успокоеніе. Чего же торопиться?

Логинъ тоже не прочь умереть, ибо «разочарованному чужды».

Но мысль о самоубійствѣ его глубоко возмущаетъ. Онъ называетъ это «огнестрѣльнымъ озорствомъ». А онъ серьезный человѣкъ.

Вотъ какъ онъ разсуждаетъ по этому поводу.

— Это, видите ли, для меня ужъ слишкомъ просто. Да вѣдь этимъ не избавишься ни отъ отчего...

— Есть запросы, жажда томитъ, не унять всего этого огнестрѣльнымъ озорствомъ...

При этомъ онъ, однако, оговаривается: «А можетъ быть, просто ребяческій страхъ, глупое, неистребимое желаніе жить... впотьмахъ, въ пустынѣ, только бы жить».

И онъ живетъ. Сложный среди простыхъ. Негодующій кооператоръ среди удовлетворенныхъ мѣщанъ.

IV.

Логинъ—эстетъ и въ красотѣ черпаетъ силу жить и переносить тяжелые сны Сологубовской жизни. Прекрасна природа. Прекрасна ночь; прекрасна луна. Прекрасно небо.

Но это не представляетъ ничего необычнаго, надъ чѣмъ стоитъ особенно остановиться, говоря о пафосѣ Сологуба, какъ поэта, и его положительныхъ героевъ.

Ихъ истинный пафосъ—человѣческое тѣло: для женщинъ—мужское, для мужчинъ—женское. Если можно указать, чѣмъ живы герои Сологуба, то это сознаніемъ и чувствомъ красоты обнаженнаго тѣла.

Всей природы прекраснѣй человѣческое тѣло. Даже солнце и вода въ рѣкѣ знаютъ это и *радуются* въ творимой легендѣ, когда видятъ и чувствуютъ обнаженное тѣло,—дѣвичье.

Это—мотивъ, повторяющійся во всѣхъ романахъ и въ лирикѣ Сологуба. Во всѣхъ трехъ романахъ то и дѣло падаютъ одежды, и взорамъ героевъ и читателя предстаетъ лучшее, что существуетъ въ мірѣ тяжелыхъ сновъ и безъ чего положительные герои Сологуба, быть можетъ, все-таки прибѣгли бы къ огнестрѣльному озорству.

Въ «Мелкомъ бѣсѣ» есть нѣсколько сценъ такого любованія прекраснымъ. Раздѣвалась Варвара передъ Передоновымъ, и онъ «погано»—по выраженію автора—смотрѣлъ на нее. Раздѣвала мальчика Людмила и смотрѣла на него не погано, а по настоящему, по чистому, по Сологубовски.

Мы не шутимъ. *Положительные* герои Сологуба *безупречны* въ отношеніи къ тѣлу женщинъ, а героини—къ тѣлу мужскому. Это ихъ особенность, рѣзко бросающаяся черта въ ихъ обрисовкѣ. Они могутъ убить, какъ Логинъ и Триродовъ; могутъ находить вкусъ въ противоестественныхъ страстяхъ, но они строгіе эстеты въ отношеніи обнаженнаго красиваго тѣла и способны любоваться имъ.

какъ мраморомъ, больше чѣмъ мраморомъ, ибо оно прекраснѣе мрамора: оно живетъ!

Какъ-то мало было замѣчено, что даже въ «Мелкомъ бѣсѣ» есть «прекрасное», по утвержденію автора. И на первый взглядъ это на самомъ дѣлѣ недоразумѣніе. Цѣлый звѣринецъ; цѣлое «откровеніе» о звѣриныхъ видомъ и духомъ уродцахъ обоего пола, и вдругъ: «Уродливое и *прекрасное* отражаются въ немъ (зеркалѣ) одинаково точно». Но это только и значитъ, что вы были не правы, когда въ общій звѣринецъ зачислили и юнаго гимназистика Сашу, обливаемаго духами, и Людмилу въ тѣ минуты, когда она раздѣваетъ этого мальчика и цѣлуетъ его тѣло, куда придется.

Людмила по цѣлымъ часамъ проводитъ время съ раздѣтымъ юнцомъ. Наединѣ—съ глаза на глазъ. Но honny soit qui mal y pense. Изъ этого ничего дурного не родится и только городскіе сплетники да жалкіе люди въ родѣ Передонова, не умѣющіе видѣть инополое тѣло иначе, какъ погано, способны клеветать на дѣвушку.

Дѣло въ томъ, что у Сологуба на этотъ счетъ есть такое же фантастическое и такое же наивное «свое» пониманіе, какъ и въ области якобы сатирическаго изображенія. Онъ разсказываетъ, что обнаженіе полное и смѣлое не можетъ возбудить ничего кромѣ чувства поклоненія красотѣ въ формахъ человѣческаго тѣла. У него есть любопытная сцена, гдѣ Логинъ, первый изъ его возлюбленныхъ героевъ, очищается отъ всякой скверны помысловъ именно потому, что видитъ женщину голою до конца.

Распутство, пьянство, безсонныя ночи, тусклые дни. Какъ сбросить съ себя прошлое? Чудо нужно,—а я въ чудеса не вѣрю.

— Милый мой, любовь дѣлаетъ чудеса. Есть огонь, на которомъ сгорятъ нечистыя мысли.

Такъ бесѣдовали разъ герой и героиня. Черезъ нѣкоторое время она пошла и демонстрировала ему этотъ «огонь, сжигающій нечистыя мысли»:

Платье упало къ ея ногамъ. Обнаженная и холодная, стояла она передъ нимъ и съ ожиданіемъ смотрѣли на него ея непорочные глаза.

Все сбылось, какъ говорила героиня.

Возвращаясь домой, чувствовалъ Логинъ, что сгорѣли темныя мысли; новый и свободный человѣкъ радовался тому, что выше и значительнѣе жизни и смерти.

Конечно, это вопросъ спорный или еще не рѣшенный, какъ выражаются спеціалисты. Намъ недавно приходилось дѣлать экскурсію по литературнымъ мѣстамъ женскаго купанья, и мы видѣли, напр., что у г. Сѣрошевскаго эффектъ отъ лицезрѣнія полнаго обнаженія—болѣе рѣшительный и активный, хотя герой тоже не плохой.

Во всякомъ случаѣ, у Сологуба это такъ, и справедливость требуетъ это признать.

Но, конечно, онъ, какъ всегда, безпорядочно сбивчивъ въ утвержденіяхъ. Всѣ положительные герои его имѣютъ счастье видѣть «огонь» и всѣ могутъ смотрѣть сверху внизъ на якутскаго «политика» г. Сѣрошевскаго. Но вотъ тому же Логину приходится увидѣть ту же самую дѣвушку въ одеждѣ, начинающейся выше колѣнъ (такое платье она носитъ), и тотъ же самый Логинъ чувствуетъ себя далекимъ отъ чистой эстетики.

Чувственная раздраженность томила его и смущала близость голыхъ плечъ и рукъ, полуоткрытой груди; дразнили мелькающія изъ-подъ короткаго сарафана слегка загорѣлыя икры легко идущихъ по дорожной пыли ногъ; загоралось желаніе *обнажить* это стройное тѣло, благоухающее зноемъ амбры и розы, *и овладѣть* имъ.

Выходитъ, повидимому, что неполное обнаженіе—вотъ язва, вотъ чума! Но и тутъ мы въ области новаго курьеза. Ибо авторъ и въ романахъ, и въ стихахъ особенно любовно относится къ голымъ ногамъ. Когда бы онъ ни описывалъ женщину, всегда у нея великолѣпныя голыя ноги! Вездѣ онъ упоминаетъ объ этихъ ногахъ. Говоря о женскихъ босыхъ ногахъ, онъ употребляетъ ласковыя выраженія: «милый загаръ ногъ». Женщины обыкновенно заботятся о томъ, идетъ ли платье къ лицу. У Сологуба роль лица играютъ ноги, и онъ совершенно серьезно говоритъ о своей излюбленной героинѣ:

Золотисто-желтое, узкое платье, высоко опоясанное, шло *къ милому загару босыхъ ногъ.*

Необходимо, впрочемъ, оговориться, что это—строки, вставленныя въ послѣднее изданіе. Раньше, очевидно, по «внѣшнимъ соображеніямъ», нельзя было платья подбирать подъ цвѣтъ ногъ.

Нѣсколько замѣчаній о роли ногъ въ творчествѣ Сологуба намъ придется еще сдѣлать въ дальнѣйшемъ. Пока подчеркнемъ то, что подчеркиваетъ самъ авторъ: способность лучшихъ людей приходить въ умиленіе при условіи абсолютнаго обнаженія дѣвушекъ. Это—лучшая защита для нихъ: раскрыться и умилить.

Несомнѣнно, что мы здѣсь, какъ уже говорили, въ области спорныхъ положеній. Совсѣмъ недавно мы имѣли такое же категорическое, но обратное положеніе, провозглашенное устами другого положительнаго героя, другого вѣщателя новой правды: Санина. Этотъ, отправляясь подглядывать купальщицъ, рѣшительно заявилъ, что всякаго способнаго умилиться въ Сологубовскомъ жанрѣ должно немедленно отправить въ больницу для душевнобольныхъ. Бѣдный русскій читатель! Бѣдная проблема пола! Два гордыхъ вѣщателя новыхъ истинъ и двѣ взаимно исключающихъ истины, при чемъ для одной даже перспектива привлечь вниманіе психіатровъ!

Примиреніе, однако, возможно. Положительные герои Сологуба не совершаютъ безчинствъ положительнаго героя Арцыбашева, это—правда. Но это только потому, что у нихъ есть своя спеціальность, и, какъ всѣ спеціалисты, они относятся пренебрежительно къ представителямъ другой спеціальности.

Ихъ «изумрудная» любовь имѣетъ глубокую философскую окраску. Въ любви для нихъ прообразъ, или аналогія, или родство со смертью, вѣрнѣе, со Смертью. А жизнь такъ тяжела; такъ хочется уснуть и умереть, не прибѣгая къ огнестрѣльному озорству...

И Сологубъ, полный вниманія къ страдающимъ полубогамъ своего творчества, подсказываетъ имъ отрадную философскую мысль:

Любовь, смерть—это одно и то же.

Эта мысль проповѣдуется въ «Тяжелыхъ снахъ»; она же звучитъ послѣднимъ аккордомъ въ драмѣ «Побѣда смерти».

Лирикъ Сологубъ утверждаетъ то же и говоритъ *въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ*, что и Логинъ, его первый любимый герой:

Прикасаясь холодной рукой
Осторожно къ плечу моему,
Ты стоишь у меня за спиной
И зовешь меня кротко во тьму,—
Прикасаясь къ плечу моему
Повелительно-нѣжной рукой.
Но не смѣю я встать и сказать,
Что съ тобою готовъ я идти
Безмятежное счастье искать
На послѣднемъ, на тайномъ пути
Я хочу за тобою идти,
Но не смѣю объ этомъ сказать.
И къ чему! Не исполнился срокъ,
Не насталъ заповѣданный часъ,
Да и мой не оконченъ урокъ,
И огонь предо мной на погасъ,—
Не насталъ заповѣданный часъ,
И земной не исполнился срокъ.

И всѣмъ вѣдомо, что въ отношеніи этого замѣстительства Смерти черезъ Любовь многіе герои Сологуба безстрашны и несравнимы ни съ кѣмъ, кромѣ героевъ г. Каменскаго и даже героевъ г. Кузьмина.—Они жаждутъ «смерти». Они съ радостью готовы умереть въ любви-смерти. Вопросъ только съ кѣмъ (эта смерть всегда требуетъ компанства), гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ.

«Мелкобѣсцы» въ этомъ отношеніи ничѣмъ особенно не замѣчательны. Но есть демоническія натуры, которыя жаждутъ умереть, растворившись въ Сологубовскомъ равенствѣ любви-смерти, и требуютъ «смерти» исключительной.

Въ моментъ сильнѣйшаго напряженія проблемы пола Сологубъ,

если вы помните, подарилъ русской литературѣ двѣ необычайныхъ вещи объ этомъ демоническомъ влеченіи къ пріятному суррогату «смерти». Первая называлась: «Любви». Это не дательный падежъ отъ слова «любовь»; это—именительный падежъ множественнаго числа. Ибо любвей въ этой драмѣ двѣ. Одна со стороны шаблоннаго человѣка, другая со стороны демоническаго. Шаблонный человѣкъ, шаблонно списанный съ какого-то стараго водевиля, спасается бѣгствомъ отъ невѣсты, какъ только демоническій начинаетъ его пугать, что невѣста его безприданница, да еще, быть можетъ, и не совсѣмъ законнорожденная. Какъ только шаблонный человѣкъ убѣгаетъ (чуть не черезъ окно), въ любви-смерти объясняется отецъ невѣсты. Онъ горячо убѣждаетъ всѣми доводами, напечатанными сполна, что онъ достоинъ любви своей дочери. И дочь соглашается—очень скоро, чтобы не задерживать автора—разрушить «ветхія слова», мѣшающія отцу «умереть», пріятнымъ варіантомъ Смерти вмѣстѣ съ дочерью. И героиня, конечно, права, что не задерживала долгими колебаніями ни автора, ни читателей: вѣдь никто не находитъ ничего предосудительнаго, если отецъ и дочь вмѣстѣ кончаютъ самоубійствомъ *на самомъ дѣлѣ*. Отчего же имъ не умереть по новому варіанту, въ Сологубовскимъ смыслѣ, тоже вмѣстѣ. Авторъ, во всякомъ случаѣ, не встрѣтилъ къ этому никакихъ препятствій. Его роль—роль сатирика поневолѣ и безъ вѣдома.

Мы, конечно, уклонились нѣсколько отъ «Тяжелыхъ сновъ» (но не отъ Сологуба въ «Тяжелыхъ снахъ»). Но все-таки еще нѣсколько словъ—о «Царицѣ поцѣлуевъ» той же полосы «проблематической». Здѣсь стремленіе къ любви на самомъ дѣлѣ кончается смертью. Героиня проситъ Дьявола сдѣлать ее ненасытной и неутомляющейся отъ «поцѣлуевъ». Поцѣлуи здѣсь разумѣются символически, такъ какъ даже Сологубъ, при всей своей примитивной грубости языка, не отважился на точность выраженій. Символичность поцѣлуевъ выясняется, какъ только Дьяволъ исполняетъ просьбу героини и дѣлаетъ ее царицей поцѣлуевъ. Она—*царица*! Это значитъ, что она предоставила себя всѣмъ и каждому — на площади средневѣкового города.

Изъ-за царицы происходитъ почти революція. Всѣ бѣгутъ на площадь и всѣ стремятся «умереть». Съ чрезмѣрными усиліями удается предотвратить всенародное бѣдствіе изъ-за столкновенія между тысячами желающихъ философски умереть à la Сологубъ. Чѣмъ пришлось бы кончить разсказъ, неизвѣстно. Автора выручилъ воинъ, который, не дождавшись своей очереди, убилъ ее самоё—царицу.

Такъ подтвердилось лишній разъ, что любовь и смерть одно.

Мы намѣренно уклонились въ сторону отъ «Тяжелыхъ сновъ».—Не правда ли, Сологубъ всегда себѣ равенъ? И въ качествѣ «сатирика мелкобѣсцевъ»; и въ качествѣ изобразителя города «Тяже-

лыхъ сновъ»; и въ качествѣ тайновидца духа по части «любвей»; и въ качествѣ разгульнаго фантаста на площади средневѣкового города. Онъ разсказываетъ все одинаково серьезно и все одинаково достовѣрно и убѣдительно. Во всемъ онъ одинаково Сологубъ, т. е. великій мастеръ на пряную, но весьма грубую и топорную выдумку.

Но на эту скверную выдумку онъ, несомнѣнно, великій мастеръ. Изъ стаканчика своего творчества онъ способенъ напоить великія тысячи жаждущихъ. Почти волшебный стаканъ. Не знаешь, откуда что берется. На самомъ дѣлѣ, онъ долженъ знать много тяжелыхъ сновъ, чтобы 25 лѣтъ творить и поить читателей изъ своего Кастальскаго родника.

Веремся къ Логину.—Кто онъ по части любви-смерти? Конечно, не представитель шаблонности, но и не уличенный въ демонизмѣ. Онъ сохраняетъ за собой весь интересъ дерзающаго, но но еще не раскрытаго человѣка. Поэтому онъ находитъ въ лѣсу, какъ это бываетъ въ Шекспировскихъ пьесахъ, ребенка. Но мальчика. Воспитываетъ его, любитъ его. На этой почвѣ враги Логина создаютъ легенду объ его предосудительныхъ отношеніяхъ къ мальчику-найденышу. Но эта прозорливость сплетниковъ—въ первомъ изданіи—только прозорливость сплетниковъ. Логинъ ни въ чемъ не можетъ быть уличенъ при самомъ внимательномъ чтеніи перваго изданія «Тяжелыхъ сновъ.

Но въ изданіи 1908 года—въ романѣ, переизданномъ «Шиповникомъ», сплетники оказываются почти прозорливцами. Логинъ все еще не пойманъ и, стало быть, не воръ для юристовъ, но вотъ какъ онъ разсуждаетъ въ новомъ изданіи по поводу сплетенъ.

„Это клевета. Она возмутила меня. А чего тутъ было возмущаться? Если это наслажденіе, то во имя чего я отвергну его законность? Во имя религіи? Но у меня нѣтъ религіи, а у нихъ (сплетниковъ) вмѣсто религіи лицемѣріе. Во имя чистоты? Но моя чистота давно потонула въ грязныхъ лужахъ, а чистота ребенка тонетъ неудержимо въ такихъ же лужахъ; *раньше, позже погибнетъ она,—не все ли равно*! Во имя внѣшняго закона? Но насколько онъ для меня внѣшній, настолько для меня онъ необязателенъ, а они, другіе, клеветники и распространители клеветъ, для нихъ самихъ законъ — это то, что можно нарушать, лишь бы никто не узналъ. Во имя гигіены? Но я сомнѣваюсь, что этотъ порокъ сократитъ количество моей жизни, да и во всякомъ случаѣ *пикантнымъ* опытомъ только расширятся ея предѣлы.

Перебравъ всѣ возможныя препятствія, Логинъ рѣшаетъ, какъ мы видѣли, что никакихъ мыслимыхъ причинъ нѣтъ, и г. Кузьминъ по существу правъ.

Но оказываются все-таки препятствія. Логину жаль ребенка: «...ребенка мнѣ не хотѣлось бы подвергать болѣзнямъ».

Ворочемъ, даже и не жаль. Больше, чѣмъ жалость, мѣшаетъ чувство собственнаго достоинства (sic) и эстетизмъ.

Самое главное — продолжаетъ разсуждать Логинъ — придется имѣть его передъ глазами, придется прятаться, и онъ будетъ осуждать, — и это унизительно.

И онъ сдѣлался бы циниченъ, грубъ, лѣнивъ, грязенъ. Это было бы противно. Его блѣдность и худоба внушали бы жалость,—и омерзеніе въ то же время!

Рѣшивъ воздержаться отъ «пикантнаго» опыта (какой цинизмъ въ этомъ гастрономическомъ словѣ!) выразитель Сологубовской идеологіи чувствуетъ даже нѣкоторую гордость. *Его*-то остановили чувства джентльмэна. Но остановили бы они клеветниковъ, если бы они смѣли? Логинъ рѣшаетъ, что нѣтъ: «...они... *если бы они смѣли,* это ихъ не остановило бы».

Онъ не сомнѣвается, возлюбленный герой автора, что *всѣ*—такъ же, какъ онъ—неравнодушны къ расширенію жизни пикантнымъ опытомъ. Только не смѣютъ, а онъ смѣетъ, но воздерживается!

Однако, это гордое самочувствіе дается герою не легко, и въ описаніи автора онъ еще «*долгіе часы* томился, какъ на люлькѣ качаясь, между искушеніемъ и жалостью къ ребенку».

Другими словами, онъ въ любую минуту можетъ повернуться на демоничную любовь-смерть. Жаль только мальчика; не хочется только *ему* причинить страданіе. А то бы никакихъ колебаній и сомнѣній... О, Благородство! это—ты въ одномъ изъ лучшихъ экземпляровъ! (Нужно думать, это этой альтруистической подкладкѣ много способствовала кооперативная жилка Логина).

Это въ изданіи «Тяжелыхъ сновъ» 1908 года. А въ ихъ продолженіи, т. е. въ «Новьихъ чарахъ», эволюція все наростаетъ и наростаетъ.

Но объ этомъ въ свое время.

Пока для насъ важно было подчеркнуть ту общность между положительными и отрицательными персонажами Сологуба, о которой мы уже говорили, въ частности, по поводу волшбы и колдовства. Въ цитированной вставкѣ съ философіей Логина мы имѣемъ новый мостъ къ Передонову: полное отсутствіе того, что называется моральнымъ чувствомъ. Вожделѣнія и разсчетъ—вотъ основа и Логина, и Передонова одинаково. Разница только въ эстетизмѣ, эстетической окраскѣ. Передоновъ не знаетъ, что такое красота и «чистое» наслажденіе ею. *Только за это* авторъ и будетъ громить своего «мелкобѣсца».

Остается еще напомнить, что Логинъ убилъ попечителя. Въ первомъ изданіи онъ сдѣлалъ это, потому что ненавидѣлъ Мотовилова, а въ изданіи «Шиповника» онъ убиваетъ, потому что это символическое убійство: оно должно (почему-то) знаменовать, что онъ покончилъ съ своимъ прошлымъ. Отнынѣ онъ свободенъ; отнынѣ онъ начнетъ новую жизнь.—Героиня выслушавъ это разъясненіе по поводу убійства Мотовилова, почтительно цѣлуетъ руку героя.

Новая жизнь продолжается въ «Навьихъ чарахъ».—Тамъ перерожденный Логинъ убиваетъ уже не одного, а нѣсколькихъ враговъ. И убивъ, вывариваетъ покойниковъ какимъ-то химическимъ спосо-

бомъ (тутъ вѣдь «творимая легенда»—сладостная!) и затѣмъ спрессовываетъ ихъ въ призмы, которыя держитъ у себя на письменномъ столѣ!

Призмы эти очень тяжелыя для своего объема и хотя выварены въ «закрытомъ сосудѣ», но сохраняютъ темно-красный цвѣтъ крови.

Не читайте этого: ни химики, ни слабонервные.

Во всякомъ случаѣ, автору нельзя поставить въ упрекъ, что онъ остановился въ своемъ творческомъ развитіи и не держитъ свято клятвы, когда-то данной отцу:

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ воззвалъ:—Отецъ мой Дьяволъ,
Спаси, помилуй,—я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей,—
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней.
И Дьяволъ взялъ меня, и бросилъ
Въ полуистлѣвшую ладью.
Я тамъ нашелъ и пару веселъ,
И сѣрый парусъ, и скамью.
И вынесъ я опять на сушу,
Въ больное злое житіе
Мою отверженную душу
И тѣло грѣшное мое.
И вѣренъ я, отецъ мой Дьяволъ,
Обѣту, данному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И Ты меня изъ бездны спасъ.
Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю
И, соблазняя, соблазню.

V.

Таковъ герой.

Какова же героиня,—это мы отчасти видѣли. Это настоящій товарищъ жизни и единомышленница героя. Прибавьте къ этому ея безукоризненное тѣло; прибавьте безукоризненныя ноги, не закрытыя платьемъ, такъ какъ—въ новомъ изданіи—оно начинается выше колѣнъ, и герой легко можетъ видѣть ихъ; прибавьте къ этому необычайную застежку, поддерживающую платье на плечѣ героини. Портретъ готовъ.

И нужно ли повторить, что почувствовалъ герой Сологуба, когда застежка на плечѣ героини разстегнулась волею героини и автора, и героиня предстала передъ героемъ не въ сорочкѣ, а въ чемъ мать родила или—за нее—самъ авторъ.

Да, все это было. И только здѣсь и кончались тяжелые сны героя и автора. И зачинались надежды на новую жизнь.

На этой дерзновенной авторъ и женилъ своего дерзновеннаго. Была даже свадьба, если вѣрить автору въ 1896 году и не вѣрить автору въ 1908 году. Во всякомъ случаѣ, если вѣрить первому изданію «Тяжелыхъ сновъ» 1896 года, то свадьба несомнѣнно была. Авторъ категорически заявляетъ это: «Они повѣнчались осенью». И Логинъ съ героиней повѣнчались—на предпослѣдней страницѣ—и многіе другіе персонажи повѣнчались. А въ изданіи «Шиповника» 1908 года всѣ остальные повѣнчались: всѣ второстепенные персонажи въ романѣ. А главный герой—оказалось—не повѣнчался. Авторъ расторгъ церковный обрядъ, ошибочно допущенный имъ 12 лѣтъ назадъ по рутинѣ, и просто констатировалъ, что для Логина и самой лучшей изъ женщинъ «Тяжелыхъ сновъ» началась новая жизнь—безъ сорочекъ и съ необычайной застежкой на плечѣ для моментальнаго обнаженія.

И каждый разъ, какъ застежка раскрывалась, было все то же: Логинъ шелъ къ фотографическому аппарату и снималъ жену. Какъ вы знаете, у Триродова-Логина былъ цѣлый альбомъ такихъ снимковъ. Даже когда героиня-жена умерла, осталась жива ея красота, и въ тяжелую минуту Триродовъ находитъ облегченіе все въ томъ же созерцаніи красоты покойницы. Онъ беретъ альбомъ и перелистываетъ всѣ снимки безъ сорочки, но съ *бронзовымъ* поясомъ (матеріалъ тоже запечатлѣнъ на снимкѣ).

Вотъ какъ Логинъ переносилъ тяжелые сны жизни и нашелъ въ себѣ силы для дерзновенныхъ освободительныхъ плановъ Триродова.

VI.

Рѣшите сами, кому убыточнѣе отношеніе автора: врагамъ или патронируемымъ, включая и соціалъ-демократовъ, которые время отъ времени являются въ сладостныхъ легендахъ, чтобы «кое-что распространить, кое-что организовать», а въ промежуткѣ раздѣться.

Это настоящій сонъ въ русской литературѣ; и его можно было бы назвать тяжелымъ, если бы онъ не скрашивался веселымъ настроеніемъ отъ серьезности автора и своеобразной борьбой между авторомъ и читателями, можно ли его разумѣть, какъ сатирика.

Но и къ сну, конечно, можетъ быть предъявленъ критерій условной правдивости: сонъ можетъ быть сочиненнымъ, а не видѣннымъ. Что можно сказать съ этой точки зрѣнія о творчествѣ Сологуба; въ какой мѣрѣ во всѣхъ его вещахъ имѣется на лицо элементъ *умышленности* и *разсчета*?

Всего проще и выгоднѣе для автора предположить эту умышленность въ «Мелкомъ бѣсѣ»; эта умышленность и сдѣлала бы романъ сатирой—какой бы то ни было цѣнности, но сатирой. Но авторъ, какъ мы увидимъ, горячо протестуетъ противъ разсчитанности его «Бѣса»; онъ твердо стоитъ на томъ, что онъ правдивъ и безыскусственъ, какъ хорошее зеркало.

И его заявленіе, какъ мы ниже увидимъ, блестяще подтверждается.

Это, однако, не значитъ, что у Сологуба совсѣмъ отсутствуетъ элементъ умышленности. Онъ на лицо, но какъ разъ не въ области сатиры, а въ области апологіи. Онъ горячо принимаетъ интересы Логина, будущаго Триродова, а потому, принимаясь за переизданіе «Тяжелыхъ сновъ» въ 1908 году—въ разсцвѣтъ своей внезапной славы, онъ съ ужасомъ чувствуетъ, что его излюбленный герой во многихъ отношеніяхъ старомоденъ и устарѣлъ. И героиня тоже. За 12 лѣтъ такъ много измѣнилось...

И вотъ Сологубъ тщательно *реставрируетъ* «Тяжелые сны».

Это, конечно, его право. Онъ могъ реставрировать, что хотѣлъ, не сообщая объ этомъ своимъ читателямъ. Но онъ сообщаетъ; онъ гордо оповѣщаетъ объ этомъ въ своего рода манифестѣ-предисловіи, однако, съ своеобразными фигурами умолчанія. По его словамъ, романъ былъ напечатанъ впервые въ 1895 году въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»—«съ измѣненіями и *искаженіями*, сдѣланными по разнымъ соображеніямъ, *къ искусству не относящимся*». Такъ онъ былъ напечатанъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»; такъ онъ былъ почти не исправленъ «по тѣмъ же *внѣшнимъ* соображеніямъ» и при выпускѣ романа отдѣльной книгой въ 1896 году.

Только теперь въ изданіи «Шиповника» онъ выходитъ свободнымъ отъ этихъ «соображеній».

«Внѣшнія» соображенія! Соображенія, къ искусству не относящіяся! Какой изъ авторовъ того тяжелаго времени не зналъ этихъ соображеній, вынимавшихъ живую душу какъ разъ въ томъ, что особенно цѣнилъ писатель!

А къ «Тяжелымъ снамъ» авторъ относится болѣе, чѣмъ серьезно.

Чтобы устранить всякія недоразумѣнія, авторъ сразу же самъ устанавливаетъ высокую цѣнность «Тяжелыхъ сновъ».—По его словамъ, онъ работалъ надъ «Снами» еще дольше, чѣмъ надъ «Бѣсомъ»: тамъ 10 лѣтъ, здѣсь—11.

Но за то онъ удовлетворенъ ими! Вотъ какъ авторъ говоритъ о значеніи своего романа съ положительными героями:

Много лѣтъ работать надъ романомъ,—а всякій романъ не болѣе, какъ книга для легкаго чтенія,—можно только тогда, когда есть *надменная* и твердая увѣренность въ значительности труда. Проходятъ долгіе, тягостные дни и годы, и все медлишь, и не торопишься заканчивать твореніе, возникающее „lentement, lentement, comme le soleil“.

Создаемъ, потому что стремимся къ познанію истины; истиною обладаемъ такъ же, въ той же мѣрѣ, и съ тою же силою, какъ любимъ.

Сгораетъ жизнь, пламенѣя, истончаясь легкимъ дымомъ, — сжигаемъ жизнь, чтобы создать книгу.

Вотъ эта-то книга и была потерпѣвшей отъ внѣшнихъ соображеній, не имѣющихъ общаго съ искусствомъ.

У насъ не было никакихъ причинъ не вѣрить автору и, какъ

всѣ, мы, конечно, ограничились бы чтеніемъ «Сновъ» въ послѣднемъ изданіи.

Но когда мы стали читать «Тяжелые сны» 1908 года, намъ бросился въ глаза рядъ слишкомъ *модернизованныхъ* мѣстъ. Они явно учитывали или успѣхъ «Мелкаго бѣса»: были написаны черезчуръ въ этой quasi-сатирической манерѣ; или били на эффектъ разныхъ модныхъ тяготѣній въ разныхъ областяхъ, не исключая даже портняжной. Мы отмѣтили въ новомъ изданіи цѣлый рядъ такихъ мѣстъ, добыли (съ трудомъ: «Тяжелые сны», какъ и все отъ Сологуба, очень читается) въ библіотекѣ первое изданіе и произвели шагъ за шагомъ то сличеніе текстовъ, о которомъ уже не разъ говорили выше. Тѣмъ не менѣе, мы были далеки отъ увѣренности. Слишкомъ казалось невѣроятнымъ, что авторъ, посвятивъ гордое предисловіе поправкамъ, подчеркнетъ лишь ту *ничтожную* долю ихъ, которая—справедливо или нѣтъ—сообщаетъ ему ореолъ литературнаго мученичества, и умолчитъ объ огромномъ большинствѣ поправокъ, сдѣланныхъ по совсѣмъ другимъ причинамъ, заставляя читателя думать, что *такихъ* поправокъ вовсе нѣтъ.

Къ нашему удивленію, мы, однако, оказались совершенно правы Изъ всѣхъ заподозрѣнныхъ мѣстъ только въ одномъ наша догадка оказалась ошибочной: то, что мы предположили внесеннымъ въ изданіе 1908 года, оказалось существовавшимъ и въ изданіи 1896 года. Все остальное оказалось заподозрѣннымъ правильно.

При этомъ оказалось, что *только двѣ-три* вставки послѣдняго изданія могутъ быть объяснены «внѣшними соображеніями», мѣшавшими имъ появиться и въ первомъ изданіи.

Всѣ же остальныя *безчисленныя* вставки падаютъ на долю фигуръ умолчанія... За 12 лѣтъ такъ много измѣнилось... А авторъ, конечно, долженъ быть пророкомъ эстетизма, который изъ-за 12 лѣтъ провидѣлъ весь современный эстетическій укладъ. И вотъ подъ крестомъ цензурнаго претерпѣнія выростаетъ безконечная вереница эстетическихъ подновленій, подчасъ весьма комичныхъ, о которыхъ гордый авторъ предисловія благоразумно умалчиваетъ.

VII.

Дѣло въ томъ, что 12 лѣтъ назадъ и герой и героиня «Тяжелыхъ сновъ» не были еще вполнѣ отшлифованы эстетически. Это мы видѣли уже по эпизоду со свадьбой, уничтоженной въ изданіи «Шиповника».

Съ тѣхъ поръ окрѣпъ въ красотѣ духа авторъ; окрѣпли и его герои; особенно—герой.

Какъ расширился его идейный горизонтъ, мы видѣли. Теперь онъ впрямь свободный духомъ человѣкъ, не стѣсненный «внѣш-

ними соображеніями». Поэтому онъ категорически утверждаетъ, что пикантные опыты вытекаютъ изъ «стремленія расширить свою личность».

За это авторъ награждаетъ его: улучшеніемъ квартирной обстановки. Многаго сдѣлать не пришлось. Провинціальный домикъ, занимаемый Логинымъ подъ квартиру, не можетъ превратиться въ виллу, достойную эстета. Но что авторъ могъ, онъ сдѣлалъ. И, право, недурно. Въ старомъ изданіи кабинетъ былъ оклеенъ обоями «съ уродливыми красными цвѣтами въ видѣ гвоздей и колпаковъ». Очевидно, это не годится для любимаго героя въ XX вѣкѣ, и авторъ подъ шумокъ цензурныхъ притѣсненій перемѣнилъ обои. Теперь у героя въ кабинетѣ все новое: «*Темнозеленые* обои, раздвижныя, суроваго полотна, съ розовыми каймами, занавѣски на мѣдныхъ кольцахъ по мѣднымъ прутьямъ у трехъ узкихъ оконъ на улицу». Исправилъ авторъ и другой свой недосмотръ. Раньше у героя не лежало на полу никакого ковра, даже плохого. Теперь, освободившись отъ цензуры, авторъ ему положилъ *темнозеленый,* однотонный съ обоями, коверъ и при томъ «ліонскій»... Не правда ли, недурно?

Озаботился онъ и насчетъ стола. Въ прежнемъ изданіи у героя на столѣ была «тарелка съ бисквитами». Онъ зачеркнулъ ее въ новомъ изданіи и замѣнилъ «рокфоромъ». Какое это значеніе имѣетъ для эстетическаго достоинства героя, намъ, профанамъ, конечно, непонятно. Но, очевидно, имѣетъ; иначе авторъ не затруднилъ бы себя. Очевидно, что къ ліонскому ковру идетъ только рокфоръ, какъ къ милому загару ногъ идетъ одинъ опредѣленный цвѣтъ платья героини.

Это, однако, и все, чѣмъ авторъ вознаградилъ героя за успѣхи въ философіи.

Героиня получила много больше.

Нужно сознаться, что въ 1896 году героиня была еще порядочной мѣщаночкой. Само собой разумѣется, что въ 1896 году ее можно было, ничѣмъ не рискуя, обвѣнчать съ героемъ, на ряду съ обывателями.

За 12 лѣтъ многое измѣнилось.

Измѣнилась и героиня. Во-первыхъ, за 12 лѣтъ у нея отросли великолѣпныя, стильныя загорѣлыя ноги, какихъ не было въ первомъ изданіи. Во-вторыхъ, за 12 лѣтъ, по «внѣшнимъ» соображеніямъ, измѣнился гардеробъ. — Прежде героиня носила платья, какъ tout le monde, какъ «всѣ». Теперь, въ изданіи «Шиповника», у нея есть «очень короткое» платье, которое оставляетъ ноги «нагими *выше* колѣнъ» (Какъ у балерины?)

Гардеробу героини посвящено, вообще, весьма много. Когда она была еще мѣщаночкой перваго изданія, она носила такіе костюмы, за которые ей теперь было бы стыдно. И авторъ заботливо передѣлываетъ, окрашиваетъ и перекрашиваетъ ихъ — съ

«надменностью и твердой увѣренностью въ значительности труда». Особенно модными считаются, какъ извѣстно, блеклые тона матерій, и потому у героини есть теперь платье именно этого тона.

Къ сожалѣнію, произошла только маленькая ошибка съ перекраской гардероба героини. Въ одномъ мѣстѣ Сологубъ не замѣтилъ, что рѣчь идетъ не о платьѣ, а о небѣ, и вставилъ въ описаніе неба тотъ же модный оттѣнокъ: «блеклый». Прежде было: «только утомительно одноцвѣтное небо»... Теперь стоитъ: «только утомительно одноцвѣтное *блекло-голубое* небо»...

Тѣмъ не менѣе, нужно отдать справедливость разносторонности автора: роль гардеробмейстерины при героинѣ онъ исполнилъ съ не меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ декоратора при героѣ. И подумать, столько таланта пропадало изъ-за цензурныхъ жестокостей и внѣшнихъ соображеній, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющихъ!

Внимателенъ онъ положительно, какъ самъ влюбленный Логинъ. Въ первомъ изданіи героиня отправилась на званый вечеръ безъ перчатокъ, вѣера и неизвѣстно, въ какихъ башмакахъ. Какъ только авторъ освободился отъ внѣшнихъ соображеній, героиня получила разомъ все: «перчатки и вѣеръ цвѣта crême» (такъ и напечатано: по-французски) и «бѣлые бальные лёгкіе башма*чки*» (конечно, не башма*ки*).

Мало этого. Авторъ замѣтилъ, что героиня въ старомъ изданіи душилась духами: «сердце Жаннеты». Кто же теперь душится такими духами? Нужно ли говорить, что въ изданіи «Шиповника» отъ героини на званомъ вечерѣ «повѣяло запахомъ корилопсиса», тѣми самыми духами, которые любитъ ультра-эстетка Людмила въ «Мелкомъ бѣсѣ».

Мало и этого. Въ первыхъ изданіяхъ у героини въ одномъ мѣстѣ были обнажены руки. Но у нея очень хороши ноги. Теперь, когда внѣшнія соображенія не стоятъ помѣхой красотѣ, онъ немедленно внесъ поправку: зачеркнулъ «руки» и вставилъ болѣе выгодныя «ноги».

Все предусмотрѣлъ ради Логина.

Остальное ясно.

Ну, статочное ли дѣло, чтобы такая экстра-стильная красавица называлась Нютой!

А между тѣмъ, по оплошности автора, въ первомъ мѣщанскомъ изданіи, въ первой мѣщанской ипостаси, героиня называлась именно этимъ сентиментальнымъ сахарнымъ именемъ. Всѣ оскорбляютъ ее этимъ вульгарнымъ ласкательнымъ именемъ. Отецъ, даже—horribile dictu—самъ Логинъ! Даже самъ авторъ!

И вотъ мы присутствуемъ при смѣхотворной сценѣ. Авторъ, переодѣвъ свою героиню въ цвѣта модернъ и въ одежду выше колѣнъ, рѣшительно раздѣлывается съ прежнимъ именемъ Нюты. Впредь—она Анна.

Не Нюта, а Анна.

Нельзя безъ улыбки сличать старое изданіе съ новымъ. Гдѣ встрѣчалась прежде Нюта, нынѣ значится Анна. Никто больше такъ не именуетъ героиню, за рѣдкими исключеніями. Теперь она не простенькая Нюта, а серьезная Анна, рукоположенная въ героини «Тяжелыхъ сновъ».

Самодержавно-революціонный авторъ отдалъ приказъ объ этомъ по всѣмъ персонажамъ.

Какъ-то отнесется ко всему этому Отецъ-Дьяволъ? Останется ли онъ доволенъ своимъ беллетристическимъ сыномъ? Впрочемъ, не взвелъ ли авторъ «Тяжелыхъ сновъ» на себя напраслины? Ну, какой онъ Сынъ Дьявола! Если и можетъ быть рѣчь о дьяволѣ въ творчествѣ Ѳедора Сологуба, то только о самомъ маленькомъ или, какъ онъ самъ опредѣлилъ, о мелкомъ бѣсѣ... Вѣдь только такой бѣсъ могъ ему внушить курьезную идею заняться своего рода литературной контрабандой, свидѣтелями которой мы сдѣлались! Пробраться тайкомъ къ героинѣ; замѣнить ей руку ногой; перекрасить по модному платья; положить герою ліонскій коверъ и рокфоръ; то же самое сдѣлать съ духами, перчатками, вѣеромъ и «башмачками» героини! Продѣлать все это и написать гордое предисловіе со скорбной ссылкой на былое мученичество отъ цензуры и соображеній, не имѣющихъ общаго съ искусствомъ!

При чемъ тутъ Дьяволъ? Тутъ только самый маленькій, но разсчетливый эстетическій бѣсъ...

IX.

Мы далеко, конечно, не исчерпали поправокъ въ новыхъ «Тяжелыхъ снахъ». Измѣненъ самый стиль: выпущены изъ фразъ подлежащія, оставлены одни сказуемыя; усилены подробности относительно тайной власти одной воли надъ другой; вставлено безконечное число разъ излюбленное слово Сологуба «томный»; главнымъ же образомъ, усилены эротическія сцены. Здѣсь вездѣ — что называется — прибавлено жару.

Мы не станетъ подробно заниматься этими вставками, хотя и рекомендуемъ ихъ вниманію читателей, такъ какъ это очень любопытное изслѣдованіе, за которымъ съ Несмѣющимся Гоголемъ не станетъ скучно.

Ограничимся только отвѣтомъ на естественное недоумѣніе читателя. Неужели, при всѣхъ многочисленныхъ вставкахъ, въ «Тяжелыхъ снахъ» нѣтъ чудесной погоды и дамскаго купанья?

Конечно, есть. Но именно, *во вставкахъ*. Раньше была бѣглая

замѣтка о двухъ неодобрительныхъ персонажахъ, которые отправились подсматривать, приглашая и Логина, но этотъ отказался. Отказывается онъ и теперь, но *обстоятельная* сцена все-таки вставлена. Разсказаны чудеса, которыя были видны у купающихся дѣвушекъ, и подчеркнуто, какъ у г. Арцыбашева, что дѣвушки этимъ были несказанно довольны: «затрепетали отъ веселой радости», хоть и притворились—отъ Сологуба не скроешься! — что не видятъ никого и ничего.

Сцену эту мы имѣли въ виду, когда недавно говорили о серіи литературныхъ купальщиковъ въ чудесную беллетристическую погоду. Но намъ не пришлось включить въ эту серію автора «Сновъ», такъ какъ у насъ еще не было перваго изданія, и нельзя было установить, кто за кѣмъ идетъ: вѣкъ за Сыномъ Дьявола, поставившимъ цѣлью, соблазняя, соблазнить или, наоборотъ, Сынъ поторопился: пошелъ въ ногу съ вѣкомъ, кивнувъ украдкой на цензуру и внѣшнія соображенія, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющія.

Оказалось, Сынъ пошелъ. Не онъ сдѣлалъ чудесную погоду для беллетристовъ 1907 года.

X.

Познакомившись съ Сологубомъ по «Тяжелымъ снамъ», перейдемъ теперь къ «Мелкому бѣсу», отмѣтивъ двѣ существенныя черты Сологуба: во-первыхъ, въ его романѣ самая убійственная вещь—гордое предисловіе, и, во-вторыхъ, это типъ невольнаго сатирика, грознаго больше всего для друзей и патронируемыхъ. Какъ мы видѣли въ «Снахъ», онъ изображаетъ все съ одинаковой «точностью»: и то, что можетъ быть истолковано, какъ сатира, и то, что не имѣетъ никакого отношенія къ сатирѣ: въ описаніи вещей, положеній и людей, которымъ онъ даже *явно* стремится придать особую правдоподобность и привлекательность. Онъ просто не чувствуетъ никогда разницы между правдоподобнымъ и невѣроятнымъ; онъ видитъ тяжелые сны и ихъ добросовѣстно разсказываетъ, какъ подлинную реальность.

Но случайно одинъ изъ сновъ о мелкомъ бѣсѣ въ человѣчествѣ оказался отвѣтомъ на недоумѣнія читателя передъ нелѣпостями жизни, и въ «Мелкомъ бѣсѣ» была признана сатира, а авторъ насильственно былъ провозглашенъ сатирикомъ.

Мелкій бѣсъ.

I.

«Мелкій бѣсъ» впервые появился въ томъ же самомъ году, что и «Поединокъ» Куприна,—въ 1905 году.

Какъ различна была ихъ судьба!

Нужно ли напоминать о громкомъ успѣхѣ, сразу окружившемъ автора «Поединка». Печатались десятки статей, разъяснявшихъ значеніе повѣсти, и авторъ его сразу выросъ до напряженной славы того Куприна, котораго мы знаемъ сейчасъ.

Этотъ успѣхъ интересно сопоставить съ безмолвіемъ, окружавшимъ сначала литературное бытіе Сологубовскаго «Бѣса».

О немъ не было ничего слышно—въ сколько-нибудь широкихъ кругахъ читателей.

Это, конечно, понятно. Романъ появился въ мало читавшемся журналѣ. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, тогда былъ «сумасшедшій» русскій годъ—1905.

Могло-ли кому-нибудь придти въ голову, что вся Россія насыщена мелкимъ бѣсомъ Сологубовскаго романа? Могъ-ли кто-нибудь повѣрить *тогда*, что въ немъ сидитъ «передоновщина» и ждетъ только случая, чтобы закричать во весь голосъ: я здѣсь, и Ѳедоръ Сологубъ—возлюбленный пророкъ мой!

Слишкомъ много радостной вѣры и энергичной поэзіи разлито было въ воздухѣ русской жизни—въ тотъ безумный годъ! Впервые слово «человѣкъ» на самомъ дѣлѣ гордо звучало на русскомъ языкѣ, и кому же не показалось бы тогда смѣшнымъ, что слово «человѣкъ» можно перевести съ языка Горькаго на языкъ Сологуба смраднымъ словомъ: Передоновъ?

Понятно, что «Мелкій бѣсъ» принужденъ былъ лежать подъ спудомъ на страницахъ мало читавшихся «Вопросовъ жизни». Это былъ пока никому невѣдомый, а потому и не признанный—у Сологуба—мелкій бѣсъ.

Разница въ судьбѣ «Поединка» и «Мелкаго бѣса» еще рѣзче выдѣляется на фонѣ прошлаго, когда вспомнишь, что вѣдь и тема обоихъ произведеній во многомъ одна и та же. О гнусности человѣческой.

Разница была въ томъ, что Сологубъ, повидимому, ставилъ явленіе шире, освѣщалъ его самыми сильными красками, придавалъ ему общее значеніе и распространенность. И ему не повѣрили.

Купринъ разсказывалъ о тѣхъ же гнусностяхъ, но какъ о болѣзни, развившейся въ извѣстной средѣ, страдающей отъ нездоровой искусственной жизни. И самъ авторъ, и его читатели вѣрили, что не сегодня-завтра всѣмъ такимъ недугамъ въ Россіи —

конецъ. Въ томъ числѣ и гнусностямъ, такъ ярко разрисованнымъ въ «Поединкѣ». — Не сегодня, такъ завтра всякимъ недугамъ конецъ.

И автору «Поединка» вѣрили, а объ авторѣ «Мелкаго бѣса» не вспомнили.

Но прошелъ всего годъ. Всего годъ! И о «Мелкомъ бѣсѣ» вспомнили и «Мелкому бѣсу» повѣрили, какъ своего рода художественному откровенію о подлинномъ человѣкѣ.

Читатель искренно повѣрилъ, что онъ «мелкобѣсецъ»: пришелъ къ выводу, что сны—счастливые сны вѣры въ человѣка—видѣлъ онъ, скрытый мелкобѣсецъ. — «Проснувшись» отъ Сологубовскаго романа, онъ, на самомъ дѣлѣ, увидалъ около себя недотыкомку, съ высунутымъ дразнящимъ языкомъ. Недотыкомка скалила зубы и смѣялась надъ читателемъ: «Всеобщее, равное!.. безъ различія пола и возраста!.. осуществленіе соціальной справедливости!.. гордо звучитъ!..»

За свое пробужденіе отъ иллюзій читатель выплатилъ автору «Мелкаго бѣса» поистинѣ съ царской щедростью. Успѣхъ «Мелкаго бѣса» не только переросъ недавній успѣхъ «Поединка», но и превзошелъ всякія ожиданія. Для нѣкоторыхъ, а—можетъ быть—и многихъ этотъ романъ даже классическое—уже классическое—произведеніе.

Въ этомъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ничего психологически непонятнаго.

Жизнь послѣ «того» года обнажила такую бездну гнусности и мерзости въ человѣческой душѣ, такую звѣриную психологію, такую звѣриность мысли и чувства... Можно было во все повѣрить, что обѣщало пролить свѣтъ на страницы русскаго отрезвленія и оздоровленія отъ безумнаго года.

И Сологубъ далъ такое обѣщаніе своей «передоновщиной».—Если русскіе города, на самомъ дѣлѣ, такъ избыточно заселены мелкобѣсцами,—тогда все понятно и ничему удивляться нельзя.

Приходится удивляться развѣ обратному: какъ еще можетъ *существовать* такой Сологубовскій городъ? какъ его обыватели не перегрызли другъ другу горло? какъ не повѣрили Сологубу, на самомъ дѣлѣ, что смерть—пріятное облегченіе отъ жизни, а потому самое лучшее на самомъ дѣлѣ удавиться?

Приходилось удивляться, какъ въ жизни этихъ мелкобѣсцевъ могли быть такіе яркіе моменты, какіе только что были пережиты родиной Ѳедора Сологуба.

И читатель удивлялся, но все-таки испуганно вѣрилъ въ реальность мелкобѣсцевъ Сологуба.

II.

Но... реальны-ли они?

Въ этомъ отношеніи мы имѣли своеобразный, любопытный споръ между авторомъ «Мелкаго бѣса» и его критиками.

Авторъ резюмировалъ этотъ споръ въ предисловіи ко 2-му изданію «Мелкаго бѣса».

«Въ печатныхъ отзывахъ,—говоритъ онъ,—и въ устныхъ, которые мнѣ пришлось выслушать, я замѣтилъ *два противоположныхъ* мнѣнія».

„Одни думаютъ, что авторъ, будучи очень плохимъ человѣкомъ, пожелалъ дать свой портретъ и изобразилъ себя въ образѣ учителя Передонова, Вслѣдствіе своей искренности, авторъ не пожелалъ ничѣмъ себя оправдать и прикрасить и потому размазалъ свой ликъ самыми черными красками. Совершилъ онъ это удивительное предпріятіе для того, чтобы взойти на нѣкую Голгофу и тамъ для чего то пострадать. Получился романъ интересный и безопасный.

Интересный потому, что изъ него видно, какіе на свѣтѣ бываютъ нехорошіе люди. Безопасный потому, что читатель можетъ сказать: „Это не про меня писано".

Самъ авторъ категорически заявляетъ, что его «мелкобѣсцы» не только правдивы и реальны, но и близки къ нормальному типу. Иронически подчеркиваетъ онъ, что—въ противность упомянутымъ злоцѣнителямъ его таланта—есть другіе «не столь жестокіе къ автору». И эти «не столь жестокіе» знаютъ, что изображенная въ романѣ передоновщина — явленіе довольно *распространенное*.

«Нѣкоторые думаютъ даже, что *каждый изъ насъ*, внимательно въ себя всмотрѣвшись, найдетъ въ себѣ *несомнѣнныя* черты Передонова».

Продолжая въ томъ же насмѣшливомъ тонѣ, авторъ заявляетъ, что онъ лично предпочитаетъ то мнѣніе о «Мелкомъ бѣсѣ», которое ему, автору, «болѣе пріятно».

И это — мнѣніе «нѣкоторыхъ», склоняющихся къ универсальности передоновщины и Передонова, какъ типа:

Я не былъ поставленъ въ необходимость сочинять и выдумывать изъ себя; все анекдотическое, *бытовое* и *психологическое* въ моемъ романѣ основано на очень *точныхъ* наблюденіяхъ, и я имѣлъ для моего романа достаточно „натуры" вокругъ себя. И если работа надъ романомъ была столь продолжительна, то лишь для того, чтобы *случайное* возвести къ необходимому...

Правда, люди любятъ, чтобы ихъ любили. Имъ нравится, чтобы изображались возвышенныя и благородныя стороны души... Потому имъ не вѣрится, когда передъ ними стоитъ изображеніе *вѣрное, точное*, мрачное, злое. Хочется сказать:

— Это онъ о себѣ.

Нѣтъ, мои милые современники, это о васъ я писалъ мой романъ о Мел-

момъ Бѣсѣ и жуткой его недотыкомкѣ, объ Ардаліонѣ и Варварѣ Передоновыхъ, Павлѣ Володинѣ, Дарьѣ, Людмилѣ и Валеріи Рутиловыхъ, Александрѣ Пыльниковѣ и другихъ. *О васъ.*

Этотъ романъ—*зеркало, сдѣланное искусно.* Я шлифовалъ его долго, работая надъ нимъ усердно.

Ровна поверхность моего зеркала и чистъ его составъ. Многократно измѣренное и тщательно провѣренное, *оно не имѣетъ никакой кривизны.*

Уродливое и прекрасное отражается въ немъ одинаково точно".

Оговоримся, что курсивъ вездѣ принадлежитъ намъ.

Какъ видитъ читатель, авторъ гордъ и рѣшителенъ. Оцѣнить его романъ выше, чѣмъ онъ самъ оцѣнилъ, едва-ли возможно. Онъ принялъ мнѣніе, самое для него пріятное, и призналъ его въ то же время абсолютно истиннымъ. Ни сомнѣній, ни упрековъ никакихъ романъ не заслуживаетъ, и будущимъ поколѣніямъ человѣчества вручаетъ свой романъ Ѳедоръ Сологубъ, какъ обвинительный актъ противъ современности.

Авторъ, однако, упустилъ изъ виду, что онъ далеко не исчерпалъ возможныхъ мнѣній объ его романѣ.

По существу онъ не говоритъ ни о какихъ «противоположныхъ» мнѣніяхъ, а только о пріятныхъ. Пріятныхъ, если не для *человѣка*, скрывающагося за псевдонимомъ Ѳедоръ Сологубъ, то, во всякомъ случаѣ,—для *автора.* Ибо и тотъ изъ критиковъ, о которомъ авторъ такъ иронически говоритъ, призналъ за романомъ *внутреннюю правду* авторскихъ переживаній и художественную—даже высокую художественную—цѣнность романа.

Возможно, однако, еще третье мнѣніе.

Что, если авторъ «Тяжелыхъ сновъ» правъ, и все сонъ—если не въ жизни, то въ «Мелкомъ бѣсѣ»?

И Передоновъ—сонъ. И Людмила—сонъ. И зеркало, будто бы сдѣланное искусно, — сонъ. И внутренняя правда въ «Мелкомъ бѣсѣ», которой такъ гордъ авторъ,—тоже сонъ...

И Передонова нѣтъ; и города, въ которомъ онъ живетъ, нѣтъ; и людей, съ которыми онъ бранится и сквернословитъ, тоже нѣтъ.

Нѣтъ, конечно, и сатиры. Или вѣрнѣе, есть—та самая помимовольная, съ которой мы знакомы по изображенію Сологубовскихъ друзей въ «Тяжелыхъ снахъ».

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, который такъ остро, повидимому, задѣлъ автора: съ себя или съ чужой «натуры» онъ рисовалъ героевъ «Мелкаго бѣса». Для насъ существенно выяснить только: *кого* онъ нарисовалъ? какіе *образы* установилъ въ своемъ романѣ?

Авторъ утверждаетъ, что онъ долго шлифовалъ свое зеркало, чтобы доставить возможность поглядѣться въ него «милымъ современникамъ».

Авторъ утверждаетъ, что его трудъ по шлифовкѣ—онъ затратилъ на это 10 лѣтъ—не пропалъ даромъ: ровна поверхность его зеркала и чистъ составъ стекла. «Многократно измѣренное (?) и

тщательно *провѣренное*, оно не имѣетъ *никакой* кривизны». Уродливое и прекрасное отражаются—по словамъ автора—одинаково точно въ зеркалѣ «Мелкаго бѣса».

Поступимъ по волѣ автора. Повѣримъ въ безупречность его шлифовальныхъ трудовъ и посмотримъ на его «милыхъ современниковъ».

IV.

Слѣдовало бы начать съ самого Передонова.

Осторожнѣе, однако, въ цѣляхъ выясненія достоинствъ «зеркала», начать со среды, въ которой живетъ, по волѣ автора, герой Сологубовской современности. Здѣсь менѣе вѣроятно—въ глазахъ читателя, всякое уклоненіе отъ нормы, чѣмъ при изображеніи отдѣльнаго и тѣмъ болѣе такого *особеннаго* человѣка, какимъ въ романѣ является самъ Передоновъ. И если зеркало имѣетъ какой-нибудь недостатокъ, то онъ и обнаружится именно тѣмъ, что *всѣ* персонажи, отраженные въ немъ, окажутся съ одними и тѣми же изъянами, недостатками и особенностями въ лицѣ, фигурѣ и обликѣ.

Впрочемъ, съ этой точки зрѣнія, намъ лучше всего начать съ еще большей группы изображаемыхъ людей. Начать *не* съ кружка близкихъ Передонову лицъ, друзей—дико звучитъ это слово по отношенію къ герою Ѳедора Сологуба!—и враговъ Передонова.

Начнемъ съ *города*, гдѣ живетъ Передоновъ,—съ *цѣлаго* общества, какимъ оно изображается въ романѣ.

Статистики и соціологи утверждаютъ, что тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ множествомъ людей, наступаетъ сила «закона большихъ чиселъ». Все индивидуальное, исключительное стирается, взаимно погашается, и передъ нами всегда бываетъ нѣчто среднее и тусклое, какъ сама колонна цифръ въ статистическихъ сборникахъ, взятая безъ объясненій.

Вотъ эта средняя норма, именуемая обществомъ провинціальнаго города, въ изображеніи Ѳедора Сологуба.

Передъ нами маскарадъ въ клубѣ. Описаніе маскарада вообще любопытно, но характернѣе всего разсказанъ моментъ раздачи призовъ за лучшіе костюмы.

За мужской костюмъ призъ уже выданъ. Получилъ мѣстный актеръ. Всѣ досадуютъ, почему призъ достался *актеру*, а не кому-нибудь изъ общества.

Раздраженіе достигаетъ крайняго предѣла, когда и дамскій призъ оказывается присужденнымъ «гейшѣ», въ которой собравшіеся ошибочно предполагаютъ тоже пришлеца, женщину не изъ общества—актрису Каштанову.

Такъ какъ передать своими словами это любопытное мѣсто изъ «Мелкаго бѣса» значитъ ничего не доказать, подвергнувшись

упреку въ тенденціозной группировкѣ выписокъ, то мы рѣшаемся воспроизвести эту обстоятельную сцену цѣликомъ.

...опять въ залѣ поднялся неистовый гвалтъ, послышались свистки, ругань. Всѣ стремительно двинулись къ гейшѣ, только что получившей призъ-вѣеръ.

— Присѣдай, подлянка! — кричалъ свирѣпый, ощетинившійся Колосъ (маска),—присѣдай!

Гейша бросилась къ дверямъ, но ее не пустили. Въ толпѣ, волновавшейся вокругъ гейши, слышались *злые* крики:

— Заставьте ее снять маску!

— Маску долой!

— Лови ее, держи!

— Срывайте съ нея!

— Отымите вѣеръ!

Колосъ кричала:

— Знаете ли вы, кому призъ? Актрисѣ Каштановой. Она чужого мужа отбила, а ей—призъ! Честнымъ дамамъ не даютъ, а подлячкѣ дали!

И она бросилась на гейшу, пронзительно визжа и сжимая сухіе кулачки. За нею и другіе,—больше изъ ея кавалеровъ.

Гейша отчаянно отбивалась. Началась дикая травля. Вѣеръ сломали, вырвали, бросили на полъ, *топтали*. Толпа съ гейшею въ серединѣ бѣшено металась по залѣ, сбивая съ ногъ наблюдателей. Ни Рутиловы, ни старшины не могли пробиться къ гейшѣ. Гейша, юркая, сильная, визжала пронзительно, царапалась и кусалась. Маску она крѣпко придерживала то правою, то лѣвою рукою.

— Бить ихъ всѣхъ надо!—визжала какая-то озлобленная дамочка.

Пьяная Грушина, прячась за другими, науськивала Володина и другихъ своихъ знакомыхъ.

— Щиплите ее, щиплите подлянку!—визжала она.

Мачигинъ, держась за носъ,—капала кровь,—выскочилъ изъ толпы, и жаловался:

— Прямо въ носъ кулакомъ двинула.

Какой-то свирѣпый молодой человѣкъ вцѣпился зубами въ гейшинъ рукавъ, и разорвалъ его до половины. Гейша вскрикнула:

— Спасите!

И другіе начали рвать ея нарядъ. Кое-гдѣ обнажилось тѣло. Дарья и Людмила отчаянно толкались, стараясь протиснуться къ гейшѣ, но напрасно. Володинъ съ такимъ усердіемъ дергалъ гейшу, и визжалъ, и такъ кривлялся, что даже мѣшалъ другимъ, *менѣе его пьянымъ и болѣе озлобленнымъ*: онъ же старался не со злости, а изъ веселости, воображая, что разыгрывается очень потѣшная забава. Онъ оторвалъ начисто рукавъ отъ гейшина платья, и повязалъ себѣ имъ голову.

— Пригодится!—визгливо кричалъ онъ, гримасничалъ и хохоталъ.

Выбравшись изъ толпы, гдѣ показалось ему тѣсно, онъ дурачился на просторѣ, и съ дикимъ визгомъ плясалъ надъ обломками отъ вѣера.

Некому было унять его.

. . . .

Въ коридорѣ Колосъ опять накинулась на японку, и захватила ее за платье. Гейша вырвалась бы, но уже ее опять окружили. Возобновилась травля.

— За уши, за уши дерутъ!—закричалъ кто-то.

Какая-то дамочка ухватила гейшу за ухо, и трепала ее, испуская громкіе торжествующіе крики. Гейша завизжала, и кое-какъ вырвалась, ударивъ кулакомъ по рукѣ злую дамочку.

Наконецъ, Бенгальскій (актеръ, получившій мужской призъ), который

тѣмъ временемъ успѣлъ переодѣться въ обыкновенное платье, пробился черезъ толпу къ гейшѣ. Онъ взялъ дрожащую японку къ себѣ на руки, закрылъ ее своимъ громаднымъ тѣломъ и руками, насколько могъ, и быстро понесъ, *ловко раздвигая толпу локтями и ногами*. Въ толпѣ кричали:

— Негодяй, подлецъ!

Бенгальскаго дергали, колотили въ спину.

Съ большимъ трудомъ, какъ мы только что видѣли, но гейша всетаки спаслась. Разъяренныя дамы остаются въ безсильномъ бѣшенствѣ и одна изъ нихъ, жена нотаріуса, набрасывается на мужа съ упреками: почему онъ не далъ гейшѣ оплеуху: — «Чего зѣвалъ, фалалей!» Мужъ—по выраженію автора — *оправдывается* въ неданіи оплеухи женщинѣ—въ клубѣ, публично—тѣмъ, что ему неудобно было зайти со стороны и размахнуться!

Нужны ли комментаріи?

Попробуйте представить себѣ, что эта драка при дѣлежѣ призовъ происходитъ не въ мѣстномъ клубѣ, а въ мѣстной больницѣ на балу у душевно-больныхъ буйнаго типа. Нужно ли будетъ измѣнить что нибудь въ цитированномъ яркомъ описаніи, которое вы только что прочли въ XXX главѣ «Мелкаго бѣса»? Повидимому, не нужно мѣнять ни одного слова!

А мы среди нормальныхъ сѣренькихъ людей, нормальнаго сѣренькаго русскаго уѣзднаго города!

Мы привели сцену изъ XXX главы. Но маскараду посвящено цѣлыхъ три главы. Авторъ не хотѣлъ ограничиться однимъ суммарнымъ впечатлѣніемъ отъ маскарада. Ему нужно было создать *прочное* чувство внутренней правды, и потому общей картинѣ маскарада онъ предпослалъ много деталей и рядъ отдѣльныхъ характеристикъ какъ участниковъ, такъ и участницъ маскарада и драки. На лицо даже тайная сила «рѣшительныхъ глазъ», съ которой мы не разъ встрѣчаемся у Сологуба. Именно этой силой рѣшительныхъ сѣрыхъ глазъ генерала-старшины въ нужную минуту (не раньше!) была задержана бѣшеная толпа, пытавшаяся броситься за гейшей и ея спасителемъ. Безъ этихъ глазъ, безъ этой генеральской силы, актеръ Бенгальскій, конечно, ничего не сумѣлъ бы сдѣлать, несмотря на чудесное умѣнье работать, да еще «ловко» локтями рукъ, на которыхъ грузомъ лежитъ человѣческое тѣло!

Мы не будемъ перечислять характеристикъ отдѣльныхъ лицъ. Упомянемъ, однако, мимоходомъ объ учительницѣ Скобочкиной—той самой, которую Передоновъ обвинилъ передъ учебнымъ начальствомъ въ ношеніи красной рубашки.

Въ маскарадѣ Скобочкина производила значительный эффектъ. На ней была накинута медвѣжья шкура; она пила водку съ купцами, какъ настоящая—по ея мнѣнію—медвѣдица; кромѣ того, по удостовѣренію автора, она умѣла ходить «тяжелыми шагами и *рявкала* на весь залъ, такъ что огни въ люстрахъ дрожали».

На большее голоса у Скобочкиной не хватило и люстры въ залѣ все-таки не тухли, какъ это умѣютъ дѣлать герои Ски-

тальца съ феноменальными голосами. А жаль! любопытно было бы посмотрѣть, что стали бы дѣлать *въ темнотѣ* разъяренные мегеры и кентавры—по сравненію, съ тѣмъ, что они продѣлываютъ при полномъ свѣтѣ!

Не попробуйте, однако, бороться съ самимъ собой, съ своимъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ. Не попробуйте сказать себѣ: «не можетъ это быть ничѣмъ, кромѣ сатиры».

Не пробуйте, потому что авторъ неизмѣнно стоитъ на сторожѣ противъ ложныхъ толкованій. Онъ *не разъ* ставитъ точку серьезности и сокрушеннаго тона на своемъ грустно-правдивомъ повѣствованіи о маскарадѣ въ городѣ Сологубовскѣ:

Таковъ-то былъ маскарадъ, куда повлекли взбалмошныя дѣвицы легкомысленнаго гимназиста,—

заканчиваетъ авторъ подготовительное описаніе своего маскарада.

Таковъ-то былъ маскарадъ!..

Какъ видите, авторъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ серьезенъ.

VI.

Любопытно, что какъ-разъ XXX глава о маскарадѣ кончается фразой, что городъ Ѳедора Сологуба «кишѣлъ сплетнями» и въ немъ ничего не оставалось надолго въ тайнѣ.

Авторъ забылъ, повидимому, объ одномъ: въ его городѣ—или точнѣе: въ его городахъ—сплетня едва-ли возможна. Въ самомъ дѣлѣ: ну, какія небылицы могутъ взводить герои «Мелкаго бѣса» другъ на друга, если картина маскарада вѣрна и все, что разсказано въ XXX главѣ, рождено мелкимъ бѣсомъ дѣйствительности?—Остановитесь, читатель, на минуту и на самомъ дѣлѣ задайте себѣ вопросъ: ну, что могутъ сплетничать другъ о другѣ въ городѣ «Мелкаго бѣса»? Мы, по крайней мѣрѣ, чувствуемъ себя безсильными передъ такой задачей.

Пока «Мелкій бѣсъ» стоялъ одиноко безъ «Тяжелыхъ сновъ» и не было предисловія къ «Мелкому бѣсу», все это могло считаться (и считалось) сатирой, шаржемъ и ироніей. Теперь это невозможно. Есть гордое предисловіе, которое категорически требуетъ отъ васъ признанія, что вы смотритесь въ *зеркало*, искусно отшлифованное и безъ малѣйшихъ наклонностей *искажать*. То, что вы видите, это вы сами—безъ лести, но и безъ сатирическихъ прикрасъ карикатуриста, грубаго или тонкаго—это все равно.

Злѣйшій врагъ, конечно, не посовѣтовалъ бы автору такъ разъяснить свое произведеніе, уже пользующееся по тѣмъ или инымъ причинамъ успѣхомъ, благодаря «неправильному» пониманію...—Вы читаете «Мелкаго бѣса» и все время вьется около васъ мысль: да кто же *самъ* авторъ, увѣренный, что онъ разсказываетъ не сонъ, а дѣйствительность? увѣренный, что онъ основывается «на

очень точныхъ наблюденіяхъ», освободившихъ его отъ необходимости сочинять и выдумывать изъ себя?

VII.

Мы остановились съ особой подробностью на картинѣ маскарада по причинамъ, которыя объяснили съ самаго начала.

Здѣсь изображены люди въ массѣ. И всѣ, какъ мы видѣли, съ «одинаковой точностью».

Если не изображены, то раздраконены—въ родѣ китайскихъ сказочныхъ картинокъ.

Интересно, съ какой заботливостью авторъ подбиралъ мелочи для своего правдоподобнаго описанія! Какъ заботливо и какъ въ то же время фантастично! Безъ намека на способность отличить дѣйствительность отъ неуклюжей игры воображенія!

Но, можетъ быть, онъ не гонится за *внѣшней* правдивостью деталей?

Ничуть не бывало.

Тамъ, гдѣ нужны, по его мнѣнію, доказательства, тамъ онъ *доказываетъ*—въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что говоритъ въ предисловіи. И съ какой обстоятельной... опять-таки несуразностью доказываетъ!

Для оцѣнки красокъ, истраченныхъ авторомъ на маскарадъ, намъ нужно добавить, что вся сцена шабаша вѣдьмъ въ клубѣ имѣетъ еще и комическую основу: терзая гейшу, мегеры Сологуба не догадываются, что это вовсе не актриса, а мальчикъ, наряженный въ женскій костюмъ «взбалмошными» сестрами Рутиловыми. Онѣ его подбили; онѣ его нарядили; онѣ и хлопотали, чтобы въ его рукахъ сосредоточить возможно большее количество призовыхъ вотумовъ.

Посмотрите же, сколько внимательности и предупредительности затратилъ авторъ на мотивировку факта: гимназистъ былъ одѣтъ такъ «интересно», что могъ быть принятъ за актрису и могъ получить призъ за лучшій костюмъ!

Ему кажется, что читатель *долженъ* себя спросить: да гдѣ же была сама актриса Каштанова? И онъ *боится* этого читательскаго вопроса—такого по существу пустяковаго. Поэтому онъ *заранѣе* подготовляетъ себѣ почву, сообщая, что у Каштановой *наканунѣ опасно заболѣлъ маленькій сынъ*. Какъ видите, Каштанова, на самомъ дѣлѣ не могла быть въ клубѣ—даже при всемъ тщеславіи актрисы: у нея *опасно* заболѣлъ *маленькій* сынъ. И, какъ видите, этого никто не могъ знать: онъ заболѣлъ *наканунѣ*.

Вотъ почему актрисы не было въ маскарадѣ; вотъ почему гимназистъ оказался безъ опаснаго конкурента.

Остается еще вопросъ: откуда же у гимназиста явился японскій

костюмъ, достойный приза? У актрисы—это понятно. Но у гимназиста русскаго уѣзднаго города?

И этотъ пунктъ снова такъ заботитъ Сологуба, что онъ посвящаетъ ему болѣе полстраницы текста, не желая рисковать ни единой крупицей правдоподобія.

...Рѣшили, что Сашу надо нарядить гейшею. Сестры держали свою затѣю въ строжайшей тайнѣ,—не сказали даже ни Ларисѣ, ни брату. Костюмъ для гейши Людмила смастерила сама по ярлыку отъ корилопсиса: платье желтаго шелка на красномъ атласѣ, длинное и широкое, халатомъ; на платьѣ шитый пестрый узоръ,—крупные цвѣты причудливыхъ очертаній.

Сами же дѣвицы смастерили вѣеръ и зонтикъ,—вѣеръ изъ тонкой японской бумаги съ рисунками, на бамбуковыхъ палочкахъ, зонтикъ изъ тонкаго розоваго шелка на бамбуковой же ручкѣ. На ноги—розовые чулки и деревянные башмачки скамеечками.

И маску для гейши раскрасила *искусница Людмила*: желтоватое, но *милое* худенькое лицо съ неподвижною *легкою улыбкою*, косо-прорѣзанные глаза, узкій и маленькій ротъ. Только парикъ пришлось выписать изъ Петербурга,—черный, съ гладкими, причесанными волосами.

Чтобы примѣрить костюмъ, надо было время, а Саша могъ забѣгать только урывочками, да и то не каждый день. Но нашлись. Саша убѣжалъ ночью, уже когда Коковкина (хозяйка квартиры) спала, черезъ окно. Сошло благополучно.

Теперь все ясно?

Но почему же вы, непокорный авторскому замыслу, все-таки смѣетесь? Неужели отъ того, что «*только* парикъ» пришлось выписать изъ Петербурга, а деревянные башмаки въ видѣ скамеечекъ авторъ заставилъ «смастерить» самое Людмилу? Несомнѣнно, благоразумнѣе было скамеечки выписать вмѣстѣ съ парикомъ,—не пришлось бы учиться столярному ремеслу Людмилѣ. Но въ общемъ развѣ ужъ это такая трудная вещь, если есть въ качествѣ образца ярлыкъ отъ флакона съ духами? Да и почему сдѣлать скамеечки труднѣе, чѣмъ смастерить по ярлыку отъ корилопсиса зонтикъ и вѣеръ «изъ бамбуковыхъ палочекъ»? или раскрасить такъ хорошо маску съ «милымъ» лицомъ и «легкой улыбкой» японской красавицы? или сшить «платье желтаго шелка на (?) красномъ атласѣ» и не только сшить, но еще и расшить «крупными цвѣтами причудливыхъ очертаній?»

На нашъ взглядъ гораздо труднѣе было положеніе гимназиста которому пришлось ходить на скамеечкахъ. Выучиться этому онъ не могъ; некогда было, да и сохранить тайну нужно было—по словамъ самого автора... Но посмотрите, какъ искусно онъ держался на скамеечкахъ во время маскарада! его рвали, толкали, преслѣдовали, а онъ точно выросъ на этихъ сдѣланныхъ Людмилой скамеечкахъ.

Все вышло, какъ показано на ярлыкѣ отъ корилопсиса.

Въ этой подробности съ ярлыкомъ весь Сологубъ, какъ художникъ. И его наивность, и легковѣріе, и убѣдительность.

Запасся «ярлыкомъ отъ корилопсиса» и глава за главой написалъ всѣ три главы о маскарадѣ.

И сопроводилъ гордымъ предисловіемъ. Это о васъ, мои милые современники. Мой романъ—зеркало, сдѣланное искусно.

«...Многократно измѣренное и тщательно провѣренное, оно не имѣетъ никакой кривизны!»

Все «одинаково точно»—по ярлыку корилопсиса! Безъ всякаго участія сатирическихъ тенденцій.

А. Е. Рѣдько.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Страхованіе рабочихъ на случай болѣзни.

28 іюня 1908 года министерствомъ торговли и промышленности внесенъ «на уваженіе Государственной Думы» законопроектъ объ обязательномъ страхованіи рабочихъ на случай болѣзни и увѣчья.

Русскій кодексъ не богатъ законами по охранѣ труда. Въ этомъ отношеніи въ ряду европейскихъ державъ мы занимаемъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Наши правители, какъ извѣстно, долгое время не хотѣли считаться съ наличностью у насъ рабочаго вопроса въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ, по мнѣнію лицъ, стоявшихъ во главѣ правительства, «у насъ нѣтъ тѣхъ условій, которыя существуютъ на Западѣ... у насъ удерживаются патріархальныя отношенія между фабрикантами и рабочими» *). Съ этой точки зрѣнія всякое проявленіе рабочаго движенія разсматривалось, какъ дѣло рукъ злонамѣренныхъ агитаторовъ. И отсюда все наше фабричное законодательство въ значительной степени носитъ полицейско-охранительный характеръ.

И только въ настоящее время, когда грандіозное движеніе послѣднихъ лѣтъ, разрушившее всѣ иллюзіи о патріархальности, воочію доказало, что полицейскими мѣрами рабочаго вопроса не уничтожить, наше правительство выступаетъ съ законопроектами,

*) Мнѣніе Побѣдоносцева, высказанное имъ въ «Особомъ Совѣщаніи по вопросу объ уменьшеніи рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ». См. матеріалы по изданію закона 2 іюня 1897 г. стр. 106. Въ томъ-же направленіи высказывались и остальные представители правительства.

долженствующими носить характеръ широкой соціальной реформы.

Понятно поэтому, что законопроекты эти приковываютъ къ себѣ вниманіе всѣхъ, интересующихся рабочимъ вопросомъ въ Россіи.

Сама по себѣ идея объ обязательномъ страхованіи у насъ не нова. Зачатки ея мы находимъ еще въ 80-хъ годахъ, когда «Варшавскій мануфактурный комитетъ» высказалъ мысль о необходимости введенія у насъ обязательнаго страхованія рабочихъ. Въ томъ-же смыслѣ гораздо позднѣе высказался торгово-промышленный съѣздъ, происходившій во время всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году. Но особенно интересны попытки въ этомъ направленіи «общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ». Въ 1880 году общество это выбрало особую коммиссію, которой было поручено разработать вопросъ о страхованіи трудящихся. Выработанный коммиссіей проектъ былъ переданъ въ министерство финансовъ, гдѣ онъ, хотя и былъ принятъ сочувственно, но... остался безъ движенія. Въ 1884 году коммиссія выработала новый проектъ, на этотъ разъ при участіи представителей финансоваго вѣдомства, который былъ также представленъ въ министерство. Но и его постигла та-же участь. Въ 1895 году, т. е. черезъ одиннадцать лѣтъ, общество возбудило ходатайство о дальнѣйшемъ движеніи представленнаго имъ проекта, но безрезультатно. Какой откликъ встрѣтитъ этотъ проектъ среди высшихъ представителей нашей правящей бюрократіи, мы не знаемъ. Но по нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что среди нихъ идея обязательнаго страхованія имѣла своихъ сторонниковъ, хотя и по оригинальнымъ мотивамъ. Такъ, въ оффиціальной запискѣ министра земледѣлія въ 1896 году по поводу страхованія говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Едва ли нужно доказывать, что обязательность страхованія должна быть установлена и для хозяевъ, и для рабочихъ. Если въ такихъ государствахъ, какъ Англія и Франція, гдѣ частная иниціатива развита значительно болѣе и уровень образованія рабочихъ значительно выше, чѣмъ у насъ, добровольное страхованіе привело лишь къ скуднымъ результатамъ,— то не можетъ подлежать сомнѣнію, что у насъ совершенно немыслимо обойтись безъ такого начала; не даромъ-же оно примѣнено у насъ къ страхованію отъ огня въ селеніяхъ» *).

Несмотря, однако, на это, дѣло страхованія оставалось безъ движенія до 1903 года, когда при обсужденіи «закона о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ» Государственный Совѣтъ поручилъ министру финансовъ выработать въ теченіе пяти лѣтъ законъ объ обязательномъ страхованіи рабочихъ. «Неотложность» этого была

*) Цит. по В. Каннелю: «Государственное страхованіе торговыхъ служащихъ». Докладъ III-му съѣзду представителей о-въ коммерческихъ служащихъ, стр. 66.

подтверждена въ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату отъ 12-го декабря 1904 года. «Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія» въ 1905 году при министерствѣ финансовъ была учреждена особая коммиссія, результатомъ болѣе чѣмъ трехлѣтней работы которой и являются внесенные въ Думу законопроекты.

Въ настоящій разъ мы остановимся на одномъ изъ нихъ,—на обязательномъ страхованіи рабочихъ на случай болѣзни.

I.

Сдѣлаемъ сначала бѣглый обзоръ того, въ какомъ положеніи находилось у насъ дѣло обезпеченія больныхъ рабочихъ до настоящаго времени.

Если наше законодательство по охранѣ труда вообще имѣетъ жалкій видъ, то въ той его части, которая касается обезпеченія трудящихся на случай болѣзни, оно блистаетъ почти полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было законодательныхъ нормъ.

Въ 1866 году, въ виду надвигавшейся холерной эпидеміи и полнаго отсутствія организаціи врачебной помощи фабричнымъ рабочимъ, московскій губернаторъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ изданіи соотвѣтствующаго закона. Въ отвѣтъ на это ходатайство послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ отъ 26 августа 1866 г., по которому «въ видѣ временной мѣры» при каждомъ предпріятіи должно быть устроено больничное помѣщеніе съ расчетомъ одной койки на сто рабочихъ. Правила эти циркулярно были сообщены всѣмъ губернаторамъ и пріобрѣли, такимъ образомъ, значеніе не только мѣстное, но и общегосударственное.

Эта «временная мѣра» и по сію пору является, такъ сказать, «основнымъ закономъ» по оказанію у насъ врачебной помощи рабочимъ. Дополненіемъ къ этому служатъ два пункта закона 3 іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ», а именно 1 п. 102 ст. промышленнаго устава, запрещающій промышленникамъ взимать съ рабочихъ плату за лѣченіе, и 1 п. 52 ст. того-же устава, предоставляющій, мѣстнымъ присутствіямъ по фабричнымъ дѣламъ право издавать обязательныя постановленія объ оказаніи рабочимъ врачебной помощи. Въ 1899 г. право это перешло къ вновь учрежденному «Главному по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствію», а за «мѣстными» было оставлено право издавать постановленія «лишь въ развитіе и примѣненіе къ мѣстнымъ условіямъ или частнымъ случаямъ правилъ, установленныхъ Главнымъ присутствіемъ».

Подобныя-же правила были изданы и для горнозаводскихъ предпріятій; и только въ горныхъ предпріятіяхъ казеннаго вѣдомства

врачебная помощь рабочимъ регулируется особыми, нѣсколько лучшими, узаконеніями.

Такъ обстоитъ дѣло со стороны законодательства. Если же мы обратимся къ фактическому положенію вещей, то тутъ придется констатировать, что многочисленный контингентъ фабричныхъ рабочихъ (не говоря уже о сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ) остается лишеннымъ дѣйствительной врачебной помощи.

Особенно цѣнный въ этомъ отношеніи матеріалъ данъ д-ромъ Дементьевымъ въ его работѣ: «Врачебная помощь фабричнымъ рабочимъ», представляющей собой обработку матеріаловъ, собранныхъ въ министерствѣ финансовъ.

Авторъ указываетъ, между прочимъ, на чрезвычайно любопытное соотношеніе, выработанное предпринимательской практикой, между законами о наймѣ и объ оказаніи врачебной помощи. Какъ извѣстно, по русскому законодательству договоръ съ рабочимъ можетъ быть расторгнутъ заявленіемъ объ этомъ рабочему за двѣ недѣли, или если рабочій не является на работу въ теченіе такого-же срока по уважительнымъ причинамъ. Вслѣдствіе этого у предпринимателей «вошло въ обычай: какъ только рабочій заболѣваетъ и есть основаніе предполагать, что болѣзнь продлится болѣе двухъ недѣль, такъ онъ тотчасъ-же предупреждается о расторженіи договора и по истеченіи двухъ недѣль лишается права на безплатное лѣченіе отъ фабрики» *). Что-же касается до организаціи врачебной помощи по правиламъ 1866 г., то по собраннымъ г. Дементьевымъ даннымъ, въ 1897 г., т. е. спустя 30 лѣтъ послѣ изданія правилъ, изъ 19.292 заведеній, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи съ 1.453.925 рабочими, оказывали помощь только 3.488 фабрикъ (18% общаго числа) съ 1.000.000 рабочихъ. Остальные почти полмилліона рабочихъ были лишены ея совершенно **). Но и тамъ, гдѣ помощь оказывалась, она была очень далека отъ дѣйствительной.

«Обыкновенно, при фабричныхъ больницахъ,—по словамъ Дементьева,—почти всегда числится врачъ. Но, съ другой стороны, больницы, находящіяся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ врача,—рѣдкое исключеніе. Обыкновенно врачъ, проживая вдали отъ больницы, пріѣзжалъ на фабрику черезъ день, два раза въ недѣлю, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ разъ въ недѣлю и «по требованію»... Нерѣдко владѣльцы фабрикъ... содержатъ такія больницы, которыя удовлетворяютъ требованію лишь съ формальной стороны и ни по устройству, ни по содержанію, и вообще ни по организаціи всего дѣла совсѣмъ не отвѣчаютъ цѣли,—врачебной помощи рабочимъ» ***).

*) Дементьевъ, стр. XV, цит. по Прокоповичу: «Къ рабочему вопросу въ Россіи».

**) Ibid., Прокоповичъ, стр. 106.

***) Ibid. 129.

При самыхъ осторожныхъ разсчетахъ авторъ приходитъ къ заключенію, что $^1/_3$ всѣхъ больницъ существуетъ только формально. Относительно же амбулаторій и пріемныхъ покоевъ и этого даже сказать нельзя: присутствіе врача въ нихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, номинально; всѣмъ дѣломъ обыкновенно завѣдуетъ фельдшеръ, который «раздаетъ простѣйшія лѣкарства, которыя въ аптекахъ всякому выдаются безъ рецепта», при чемъ обязанности фельдшера иногда исполняются фабричными лавочниками или вообще «свѣдущими людьми», не имѣющими къ медицинѣ никакого отношенія. Такой способъ лѣченія, по мнѣнію Дементьева, «кладетъ на него своеобразный отпечатокъ, очень напоминающій деревенское знахарство».

Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія основаны на данныхъ, собранныхъ въ 1897 г. Но что состояніе нашей фабричной медицины не измѣнилось за истекшіе годы къ лучшему, доказательствомъ могутъ служить данныя, помѣщенныя въ «Извѣстіяхъ Московской Городской Думы» за 1904 г.; оказывается, что изъ 662 московскихъ фабрикъ собственныя амбулаторіи имѣютъ только 246; на всѣ фабрики приходилось только 179 врачей, при чемъ одинъ изъ нихъ завѣдывалъ десятью больницами и принималъ больныхъ во всѣхъ больницахъ въ одни и тѣ-же дни и часы *).

Выше мы видѣли, что «мѣстныя присутствія» до 1899 г. имѣли право издавать обязательныя постановленія по организаціи врачебной помощи рабочимъ. Съ 1886 г. до 1899 г. изъ 64 присутствій этимъ правомъ воспользовались только 28. А «Главнымъ присутствіемъ», къ которому съ 1899 г. перешло это право издавать постановленія, за все время его существованія «никакихъ правилъ о врачебной помощи рабочимъ издано не было» **).

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на одну очень любопытную особенность въ практикѣ организаціи у насъ врачебной помощи: вопреки 102 ст. промышленнаго устава, воспрещающей промышленникамъ взимать съ рабочихъ плату за лѣченіе, во многихъ промышленныхъ центрахъ, какъ, напримѣръ: Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ и др., съ рабочихъ взимается въ пользу городскихъ самоуправленій больничный сборъ, который колеблется отъ 50 коп. (въ Харьковѣ) до 2 руб. (во Владивостокѣ и Кронштадтѣ) въ годъ. При этомъ нѣкоторыя «мѣстныя присутствія», напримѣръ: Варшавское, С.-Петербургское и др., «имѣя въ виду установленные въ этихъ городахъ больничные сборы и ссылаясь на обязанность городскихъ управленій оказывать врачебную помощь лицамъ, уплачивающимъ этотъ сборъ, *освободили фабрики и заводы, вопреки требованіямъ закона 1866 г., отъ со-*

*) Цит. по Пажитнову: «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», стр. 107, изд. 1906 г.

**) Объяснит. записка, 44.

оруженія больницъ» *). Создался такимъ образомъ обходъ закона, санкціонированный правительственными органами надзора.

Столь плачевное состояніе врачебной помощи рабочимъ, несомнѣнно, было извѣстно правительству. Невольно является поэтому вопросъ, почему же правительство не заботилось о неуклонномъ примѣненіи законовъ, на стражѣ которыхъ оно призвано стоять «не токмо за страхъ, но и за совѣсть»? Очень интересное и характерное объясненіе этого мы находимъ въ объяснительной запискѣ къ настоящему законопроекту.

Сознавая, что большинство промышленниковъ игнорировало законъ 1866 г., министерство приводитъ цѣлый рядъ «смягчающихъ вину обстоятельствъ»: «требованіе, чтобы при каждой фабрикѣ были устраиваемы больничныя помѣщенія, по разсчету одной койки на 100 человѣкъ, на практикѣ является часто неисполнимо, такъ какъ мелкія больницы не могутъ быть обставлены настолько хорошо, чтобы въ нихъ возможно было правильное лѣченіе тяжело больныхъ. Надлежащее устройство подобной маленькой больницы всегда обходится,—считая на одну койку,—во много разъ дороже, чѣмъ большой... При строгомъ примѣненіи закона практически дѣло свелось бы къ тому, что мелкія фабрики вынуждены были бы нести расходы въ томъ же размѣрѣ, какъ и крупныя». И сознавая, очевидно, что такая аргументація недостаточна, что на практикѣ встрѣчаются фабрики, насчитывающія рабочихъ сотнями и все-таки не имѣющія больницъ, министерство въ стоихъ стараніяхъ оправдать промышленниковъ идетъ дальше, заявляя, что «неудовлетворительность фабричной медицины въ настоящемъ ея видѣ лишь отчасти зависитъ отъ неисполненія требованій закона, *въ значительной же степени обусловливается простымъ незнакомствомъ промышленниковъ съ чуждымъ для нихъ дѣломъ и невозможностью обставить его лучше»* **).

Не останавливаясь на этихъ мотивахъ по существу, намъ хочется только указать на то обстоятельство, что по отношенію къ рабочимъ мы никогда не видѣли даже слабаго подобія такой отеческой снисходительности, по отношенію къ нимъ всякіе законы примѣнялись и примѣняются съ рвеніемъ, при которомъ нѣтъ мѣста смягчающимъ вину обстоятельствамъ.

Если мы обратимся теперь къ организаціи у насъ денежнаго вспомоществованія больнымъ рабочимъ, то въ этой области приходится констатировать полное отсутствіе какихъ-либо юриди-

---

*) Литвиновъ-Фалинскій. «Фабричное законодательство въ Россіи», стр. 243, курсивъ нашъ.

**) Объяс. записка, стр. 52, курсивъ нашъ. Вѣроятно поэтому Сенатъ поспѣшилъ при первомъ же представившемся ему случаѣ отмѣнить эти правила при рѣшеніи въ прошломъ году по дѣлу Куровой, не считаясь съ тѣмъ, что правила эти являлись единственнымъ закономъ, нормирующимъ такую важную сторону въ отношеніяхъ работодателей и рабочихъ.

ческихъ нормъ для фабрично-заводскихъ и почти полное—для горнозаводскихъ рабочихъ.

Правительствомъ практиковалось вспомоществованіе изъ «штрафныхъ капиталовъ», которые существуютъ въ двухъ видахъ: 1., «штрафные капиталы» на отдѣльныхъ фабрикахъ, источникомъ которыхъ служатъ штрафы рабочихъ, и 2., «обще-имперскій штрафной капиталъ», образующійся изъ: a) денежныхъ взысканій, налагаемыхъ на предпріятія судами и фабричными присутствіями, и b) «штрафныхъ капиталовъ» закрывшихся предпріятій. О размѣрахъ этой помощи можно судить изъ данныхъ, приводимыхъ въ объяснительной запискѣ изъ свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. Изъ нихъ видно, что въ 1904 г. общая сумма пособій составляла 574.801 руб., которая была распредѣлена по фабричнымъ округамъ пропорціонально зарегистрированнымъ рабочимъ: въ 1905 г. пособіями воспользовались 1.282 лица, и средній размѣръ помощи равнялся около 30 руб. *).

Даже министерство признало, что это болѣе чѣмъ недостаточно.

Въ 1905 и 1906 г.г. рабочіе при всѣхъ почти забастовкахъ предъявляли требованіе объ организаціи денежной помощи во время болѣзни. Во многихъ мѣстностяхъ требованія эти были удовлетворены и слѣдствіемъ этого явилось возникновеніе у насъ коллективныхъ организацій предпринимателей по оказанію денежной помощи больнымъ рабочимъ.

По послѣднимъ даннымъ фабричной инспекціи помощь эта практикуется въ 51 губерніи, въ 1982 заведеніяхъ (15,2% всѣхъ предпріятій этихъ губерній) съ 586.480 рабочими (37,6% общаго числа рабочихъ въ этихъ губерніяхъ). При этомъ констатировано, что среднее количество рабочихъ въ предпріятіяхъ, выдающихъ пособія, равно 295,9 чел., а среднее количество рабочихъ во всѣхъ заведеніяхъ этихъ губерній—119,3 чел., другими словами,—пособія выдаются главнымъ образомъ въ крупныхъ предпріятіяхъ.

Изъ 1982 предпріятій пособія выдавали въ размѣрѣ:

	количество предпріятій.	% отношеніе
1/2 заработка	962	48,5
полный заработокъ . .	741	37,4
въ неопредѣл. размѣрѣ .	182	9,2 **)

Эти разсчеты надо принимать съ большой осторожностью. Такъ, въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ хотя и указывается, что пособія въ размѣрѣ полнаго заработка выдавались въ 741 предпріятіи, но оговаривается, что таковыя выдавались въ теченіе

*) Объясн. записка, стр. 24—26.

**) Объяснит. записка, стр. 38.

очень непродолжительнаго промежутка, послѣ чего размѣръ постепенно убавлялся. Вообще относительно сроковъ выдачи установить какія-либо градаціи чрезвычайно трудно, такъ какъ въ предѣлахъ отъ двухъ-трехъ дней до 1 года они существуютъ въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, часто обусловливаемые продолжительностью пребыванія рабочаго въ данномъ предпріятіи.

Въ Польшѣ функціонируютъ больничныя кассы по образцу западно-европейскихъ. Такъ, въ Варшавской губ. такія кассы организованы при 13-ти предпріятіяхъ съ 4572 рабочими, при чемъ соотношеніе взносовъ въ нихъ хозяевъ и рабочихъ крайне разнообразно. Наиболѣе широкое распространеніе получили такія кассы въ Петроковской губ., гдѣ онѣ учреждены при 110 фабрикахъ съ 37000 рабочихъ изъ общаго числа 900 фабрикъ, съ 126000 рабочихъ; взносы въ нихъ обыкновенно составляютъ 1% заработной платы, при чемъ предприниматели вносятъ 1/3 суммы взносовъ рабочихъ; пособія большею частью выдаются въ размѣрѣ 1/2 заработка въ теченіе 6-ти недѣль *).

Чтобы покончить обзоръ существующихъ формъ денежной помощи, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о горнозаводскихъ товариществахъ. Послѣднія учреждаются по закону 9-го апрѣля 1881 года, изданному для казенныхъ предпріятій, при каждомъ большомъ заводѣ или рудникѣ; небольшіе заводы и рудники могутъ быть объединяемы. Членами товарищества состоятъ всѣ рабочіе и служащіе. Средства образуются изъ 2—3%-хъ вычетовъ изъ заработной платы и изъ взносовъ заводоуправленія въ суммѣ, равной членскимъ взносамъ, а также изъ рабочихъ штрафовъ, пожертвованій и т. п.

Дѣлами вѣдаетъ «попечительный приказъ», состоящій изъ назначаемаго заводоуправленіемъ предсѣдателя и членовъ, выбираемыхъ на 3 года всѣми участниками изъ своей среды. Такія «товарищества» объединяютъ въ себѣ всѣ виды страхованія: на случай болѣзни, увѣчья, старости и инвалидности. Въ нашу задачу не входитъ всестороннее разсмотрѣніе ихъ дѣятельности, и мы коснемся только помощи больнымъ. Она заключается въ слѣдующемъ: заболѣвшій въ продолженіе 2-хъ мѣсяцевъ находится на излѣченіи въ мѣстной больницѣ за счетъ завода, а по истеченіи этого срока—за счетъ казны и товарищества; кромѣ того, послѣднимъ ему выдается пособіе: холостому или вдовому и неимѣющему на своемъ иждивеніи родственниковъ,—въ размѣрѣ 1/3 заработка, женатому бездѣтному—1/2 и женатому съ дѣтьми—2/3 заработка.

Въ 1906 году такихъ «товариществъ» было 15, изъ нихъ 13—на Уралѣ, 1—на Кавказѣ и 1—въ Олонецкой губ. Въ 1907 г. больничные расходы товариществъ вмѣстѣ съ пособіями достигали 59.886 руб.; число членовъ въ томъ-же году было 19.589 человѣкъ.

*) Ibid.

Для частныхъ горнозаводскихъ предпріятій еще раньше, въ 1862 году, были изданы подобныя же постановленія, но съ оговоркой, что учрежденіе товарищества въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ свободнаго соглашенія заводоуправленія и рабочихъ. Результатомъ этой «оговорки» было то, что до настоящаго времени ни при одномъ частномъ предпріятіи товарищества не учреждено *).

При нѣкоторыхъ горнозаводскихъ предпріятіяхъ Царства Польскаго были организованы самостоятельныя больничныя кассы. Но ревизія въ 1898 году обнаружила въ нихъ цѣлый рядъ злоупотребленій, среди которыхъ особое вниманіе на себя обращаетъ попытка предпринимателей взвалить на эти кассы расходы по вознагражденію увѣчныхъ. Поэтому временными правилами 1900 г. кассы эти были подчинены надзору горной инспекціи. Въ 1906 году такихъ кассъ функціонировало 13.

Изъ этого обзора ясно, что дѣло обезпеченія рабочихъ на случай болѣзни до настоящаго времени поставлено у насъ на очень зыбкую почву. Всего меньше въ этой области сдѣлано правительствомъ. И если существуетъ кое-что, то, въ значительной степени, какъ результатъ самодѣятельности рабочихъ. Какъ ни стѣснена у насъ эта самодѣятельность, какія полицейскія преграды ни ставились у насъ рабочему движенію, оно все-таки росло и развивалось, и въ разсматриваемой нами области дало, правда, небольшіе, но все-же осязательные результаты. Послѣднее признано даже правительствомъ: выдача пособій больнымъ рабочимъ, если и получила у насъ нѣкоторое развитіе, то только благодаря стачечному движенію 1905—6 г.г. **).

Съ другой стороны, приведенныя данныя указываютъ также на то, что обезпеченіе рабочихъ на случай болѣзни стало уже настолько назрѣвшей потребностью, игнорировать которую дальше уже не представляется возможнымъ. Предлагаемый министерствомъ торговли законопроектъ и является, по мысли его творцовъ, какъ разъ той мѣрой, которая должна удовлетворить эту потребность.

При разработкѣ этого законопроекта, авторы его, какъ указывается въ объяснительной запискѣ, «опирались на богатый опытъ» «тѣхъ государствъ, гдѣ обязательное страхованіе получило уже широкое примѣненіе». Поэтому, чтобы лучше судить о достоинствахъ и недостаткахъ нашихъ будущихъ законовъ, мы разсмотримъ ихъ параллельно съ германскимъ и австрійскимъ законами, которые послужили образцомъ для министерской коммиссіи.

---

*) Всѣ данныя взяты нами изъ объяснит. записки стр. 26—38.

**) Объяснит. записка, стр. 34.

II.

Германское законодательство объ обязательномъ страхованіи, охватывающее довольно значительную часть сторонъ жизни рабочаго, обезпечивая его на случай болѣзни, увѣчья, старости и инвалидности, было проведено въ жизнь въ эпоху реакціи, въ первую половину 80-хъ г.г. по иниціативѣ правительства и даже при нѣкоторомъ противодѣйствіи рейхстага. Причины, побудившія имперское правительство издать такую радикальную мѣру, заключались во все разрастающемся вліяніи соціалистическихъ идей. Законъ 1878 г. «противъ соціалистовъ», несмотря на всю его жестокость de jure и болѣе чѣмъ прямолинейное его примѣненіе на практикѣ, оказался безсильнымъ въ задержаніи роста адептовъ соціализма. И Бисмаркъ, державшій тогда въ рукахъ бразды правленія, вѣрно понялъ, что полицейскими мѣрами рабочее движеніе въ желательное русло не направишь.

«Излѣченія соціальныхъ недуговъ,—гласило императорское посланіе къ рейхстагу въ 1881 г.,—нужно искать не только въ подавленіи соціалъ-демократическихъ злоупотребленій, но и въ положительномъ содѣйствіи благу рабочихъ!» А въ мотивахъ законопроектовъ о страхованіи та-же мысль формулирована еще болѣе откровенно и прямолинейно. «Государство,—говорилось тамъ,—должно въ значительно большей степени, чѣмъ до сихъ поръ, заняться своими нуждающимися гражданами, и это требуется не только чувствомъ гуманности и христіанскимъ ученіемъ, *это должно стать принципомъ охранительной политики,* цѣлью которой является *заставить бѣднѣйшіе классы населенія проникнуться сознаніемъ, что государство не только неизбѣжное, но и благодѣтельное учрежденіе!»* *).

Принципы, формулированные въ приведенныхъ цитатахъ, являются базисомъ, на которомъ построено все германское законодательство объ обязательномъ страхованіи рабочихъ.

Въ частности, что касается до закона о страхованіи на случай болѣзни, то изданный 15 іюля 1883 г. и дополненный новеллами 1892, 1900 и 1904 г.г., онъ въ настоящее время сводится къ слѣдующимъ положеніямъ.

Въ составѣ его лежитъ принципъ, что каждый рабочій, на котораго распространяется этотъ законъ, долженъ быть обязательно застрахованъ въ одной изъ существующихъ кассъ. Кассы страхованія существуютъ семи типовъ:

1. «*Мѣстныя кассы*» учреждаются городскими и сельскими

---

*) Поль Луи: «Рабочій и Государство», стр. 289, издан. «Общ-ей Пользы», курсивъ нашъ.

общинами и носятъ профессіональный характеръ, т. е. основываются для какой-нибудь одной отрасли промышленности; если въ данной общинѣ рабочихъ какой-либо профессіи менѣе 100 человѣкъ, то касса можетъ объединять рабочихъ разныхъ профессій. Кассы эти организованы на началахъ самоуправленія: всѣми дѣлами вѣдаютъ общее собраніе работодателей и рабочихъ и правленіе; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ работодатели представлены пропорціонально ихъ взносамъ, но ни въ собраніи, ни въ правленіи они не могутъ имѣть болѣе одной трети всѣхъ голосовъ. Уставъ кассы утверждается высшей администраціей.

2. «*Фабричныя или промысловыя кассы*» учреждаются при предпріятіяхъ съ количествомъ рабочихъ не менѣе 50 человѣкъ; по представленію мѣстной кассы и по постановленію администраціи онѣ могутъ быть учреждены при предпріятіяхъ и съ меньшимъ количествомъ рабочихъ, работа въ которыхъ сопряжена съ особо сильной заболѣваемостью или опасностью. Очень большимъ вліяніемъ въ дѣлахъ этихъ кассъ пользуется владѣлецъ предпріятія: онъ утверждаетъ уставъ, имѣетъ право оставить за собой или за своимъ замѣстителемъ предсѣдательство и т. д. Но и обязанности его больше, чѣмъ въ «мѣстныхъ кассахъ»: онъ несетъ расходы по счетоводству и управленію и въ случаѣ, если наличныхъ средствъ кассы не хватитъ для удовлетворенія пособій въ указанномъ закономъ минимальномъ размѣрѣ, то онъ обязанъ пополнить этотъ дефицитъ.

3. «*Ремесленно-цеховыя кассы*» существуютъ при ремесленныхъ цехахъ; уставъ ихъ утверждается мастеромъ, который и имѣетъ рѣшающее вліяніе въ дѣлахъ управленія.

4. «*Строительныя кассы*» учреждаются для строительныхъ рабочихъ; существованіе ихъ обусловлено подвижностью рабочихъ этой профессіи и непостоянствомъ этого рода работъ. Въ законѣ, однако, не предусмотрѣно, при наличности какихъ именно условій возникновеніе кассы обязательно и открытіе ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшается мѣстной администраціей. Организація—одинакова съ фабричными.

5. «*Общинныя кассы*» учреждаются для рабочихъ, которые по роду ихъ занятій не подходятъ ни подъ одну изъ указанныхъ группъ. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ кассы эти не имѣютъ правъ юридическаго лица, и дѣлами ихъ завѣдываютъ общинныя (городскія или сельскія) управленія.

6. «*Горно-промышленныя вспомогательныя кассы*», порядокъ и управленіе которыхъ регулируется особыми горными законами. Для горнорабочихъ участіе въ нихъ обязательно.

7. «*Вспомогательныя или вольныя кассы*» учреждаются самими участниками. Въ отличіе отъ остальныхъ онѣ носятъ каждая особое названіе. Участіе въ нихъ ни для кого не обязательно. Но состоящій членомъ подобной кассы освобождается отъ обязанности

участвовать въ какой-нибудь другой. Пособія этихъ кассъ должны быть не ниже обязательныхъ по закону.

Такое разнообразіе кассъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что еще задолго до изданія закона 1883 г. въ Германіи было много вольныхъ кассъ и различныхъ обществъ взаимопомощи, изъ которыхъ, напримѣръ, горнозаводскія кассы существовали съ начала XIV-го вѣка, а законами 1854 и 1865 г.г. учрежденіе ихъ было признано обязательнымъ для всѣхъ горныхъ и соляныхъ промысловъ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ въ 1881 г. число застрахованныхъ во всей Германіи достигало 1.800.000 человѣкъ. Поэтому, издавая новый законъ, правительство не хотѣло ломать уже сложившіяся отношенія, и всѣ существовавшія до этого кассы были зарегистрированы при условіи, что помощь ихъ будетъ не ниже установленной закономъ.

Средства кассъ составляются изъ взносовъ предпринимателей и рабочихъ. Размѣръ взносовъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ равенъ $4^1/_2$—$6^0/_0$ заработной платы рабочихъ, при этомъ $^2/_3$ этой суммы вносятъ рабочіе и $^1/_3$—предприниматели. Исключеніе представляютъ собой «общинныя кассы», въ которыхъ размѣръ взносовъ колеблется между $1^1/_2$ и $3^0/_0$ заработной платы.

Застрахованный съ перваго-же дня болѣзни получаетъ безплатную врачебную помощь, всѣ необходимые медикаменты и пособія (очки, бандажи и пр.), а въ случаѣ утраты трудоспособности, начиная съ третьяго дня, денежное пособіе въ размѣрѣ $50^0/_0$ заработной платы; больной можетъ быть помѣщенъ въ больницу; въ этомъ случаѣ, если онъ одинокъ, то пособіе ему не выдается, если-же онъ семейный, то пособіе въ уменьшенномъ размѣрѣ выдается семьѣ; какъ врачебной помощью, такъ и пособіемъ застрахованный пользуется до выздоровленія, но не долѣе 26 недѣль. Въ случаѣ смерти застрахованнаго семья получаетъ пособіе на погребеніе въ размѣрѣ 20-ти кратнаго дневного заработка умершаго Роженицы пользуются врачебной помощью и пособіемъ въ случаѣ нормальныхъ родовъ въ теченіе 4-хъ недѣль со дня родовъ, а въ случаѣ ненормальныхъ, какъ больные на общемъ основаніи.

Таковъ минимальный размѣръ помощи, установленный закономъ для всѣхъ кассъ кромѣ общинныхъ, въ которыхъ онъ нѣсколько ниже, соотвѣтственно меньшей стоимости страхованія. Но законъ допускаетъ и расширеніе этой помощи: такъ, по уставамъ кассы могутъ выдавать пособія съ перваго-же дня утраты трудоспособности, 26-ти недѣльный срокъ выдачи можетъ быть доведенъ до годового, размѣръ пособій можетъ быть повышенъ до $75^0/_0$ заработной платы, пособія могутъ выдаваться не только за рабочіе, но и за не рабочіе (праздничные и т. п.) дни и, наконецъ, пособіе на погребеніе можетъ быть повышено до 40-дневнаго заработка.

Какъ взносы, такъ и пособія исчисляются не по дѣйствитель-

ному заработку: въ мѣстныхъ, фабричныхъ, ремесленно-цеховыхъ и строительныхъ кассахъ за дневной заработокъ принимается средняя поденная плата той группы рабочихъ, для которыхъ эта касса учреждена; закономъ допускается исчисленіе и по дѣйствительному заработку каждаго рабочаго, но высшій размѣръ поденной платы не можетъ при этомъ превышать 5-ти марокъ. Для общинныхъ кассъ установленъ особый порядокъ: и взносы, и пособія въ нихъ исчисляются по среднему поденному заработку простого чернорабочаго, при чемъ эта величина на опредѣленные сроки устанавливается мѣстной администраціей.

Всѣ недоразумѣнія, возникающія на почвѣ примѣненія закона, разрѣшаются административной властью, коронными и промышленными судами.

Такова въ общихъ чертахъ германская организація страхованія на случай болѣзни. Кругъ лицъ, подлежащихъ дѣйствію закона, распадается на три категоріи.

Къ первой относятся тѣ, для которыхъ страхованіе обязательно: сюда входятъ: всѣ наемные рабочіе и служащіе, получающіе не свыше 2000 марокъ въ годъ (или $6^2/_3$ мар. въ день), независимо отъ ихъ возраста, пола, подданства и величины постояннаго заработка, занятые: на фабрикахъ, заводахъ, горныхъ, соляныхъ и рыбныхъ промыслахъ, каменоломняхъ, на верфяхъ, въ мастерскихъ военнаго и морского вѣдомствъ, на всякаго рода строительныхъ работахъ, а также подмастерья и ученики ремесленниковъ, служащіе въ торговыхъ предпріятіяхъ (если они не пользуются отъ хозяина, на основаніи торговаго устава, правомъ 6-недѣльнаго пособія), обслуживающіе техническую часть на почтѣ, телеграфѣ и телефонѣ, работающіе въ каботажѣ въ устьяхъ рѣкъ, и, наконецъ, лица, находящіяся на государственной и коммунальной службѣ, если они не пользуются правомъ на пособіе, по крайней мѣрѣ, въ теченіе тридцати недѣль.

Ко второй категоріи относятся лица, для которыхъ обязательность страхованія можетъ быть установлена мѣстнымъ правительствомъ или даже городскимъ и общиннымъ самоуправленіемъ; сюда принадлежатъ: сельско-хозяйственные рабочіе, лица, занятыя въ домашней промышленности, члены семьи предпринимателя, работающіе у него не по найму, и всѣ вообще рабочіе, не имѣющіе прочныхъ занятій.

Наконецъ, къ третьей категоріи принадлежатъ лица, для которыхъ по закону страхованіе не обязательно, но которые по желанію могутъ страховаться за свой счетъ въ любой изъ существующихъ кассъ: таковы всѣ вообще служащіе и рабочіе, получающіе свыше 2000 мар. въ годъ при условіи, что у желающаго страховаться медицинскимъ освидѣтельствованіемъ должно быть установлено полное отсутствіе какой-либо заболѣваемости.

Такъ обстоитъ дѣло съ юридической стороны.

Германская система обязательнаго страхованія во всемъ ея цѣломъ и, въ частности, на случай болѣзни составляетъ гордость имперскаго правительства и другимъ государствамъ кажется недосягаемымъ идеаломъ, предѣломъ, «его-же не прейдеши». Недаромъ англійскій министръ финансовъ ѣздилъ въ концѣ минувшаго года въ Германію, какъ говорятъ газеты, спеціально для изученія страхованія рабочихъ. И едва-ли кто станетъ отрицать, что блага, приносимыя страхованіемъ рабочему классу въ Германіи, огромны: больной рабочій, обезпеченный въ той или иной степени отъ голода и нищеты, тѣмъ самымъ избавленъ отъ необходимости обращаться за помощью къ частной благотворительности, что обыкновенно сопряжено съ униженіемъ человѣческаго достоинства. Но это, такъ сказать, только моральная сторона дѣла. Что-же касается до матеріальной, т. е. тѣхъ суммъ, которыя истрачены и тратятся ежегодно на нужды больныхъ, то въ этомъ отношеніи благодѣтельные результаты страхованія для сторонняго наблюдателя представляются въ еще болѣе грандіозномъ видѣ. Такъ, въ 1905 году число кассъ всѣхъ типовъ достигало 23.127, количество застрахованныхъ въ нихъ — 11.184.476 чел. Доходы кассъ были равны 266.912.673 мар., а расходы—253.835.378 мар. Изъ общей суммы расходовъ всего больше поглощала врачебая помощь застрахованнымъ, на которую было истрачено въ отчетномъ году 118.333.778 мар.; другая значительная статья расходовъ, — денежныя пособія больнымъ,—равнялась суммѣ въ 102.816.975 мар. Цифры эти поражаютъ своей грандіозностью, особенно если принять во вниманіе, что за двадцать лѣтъ примѣненія закона 1885 — 1905 г. г. общая сумма расходовъ достигла прямо колоссальной суммы въ 2.806.221.442 мар., изъ которыхъ 1.306.540.390 мар. израсходованы на врачебную помощь, и 1.179.091.201 мар. — на пособія застрахованнымъ. Анализъ отдѣльныхъ рубрикъ расходовъ съ еще большей ясностью вскрываетъ передъ нами полезные результаты страхованія. Напримѣръ, расходы, падающіе на одинъ день болѣзни, прогрессивно возрастаютъ: такъ, въ 1885 г. они равнялись 1,88 маркамъ, въ 1895г.— 2,26 мар., а въ 1905 г. — 2,72 мар.; подобное-же возрастаніе мы наблюдаемъ и въ расходахъ, падающихъ на одинъ случай болѣзни: въ 1885 г.—26,41 мар., въ 1895 г. — 38,77 мар. и въ 1905 г.— 53,07 мар. Возрастаніе подобныхъ расходовъ показываетъ все улучшающійся уходъ за больными и вообще расширеніе врачебной помощи въ смыслѣ примѣненія болѣе дорогихъ средствъ и способовъ лѣченія. Кромѣ того, многіе изслѣдователи указываютъ еще и на огромную воспитательную роль страхованія: «обезпечивая рабочихъ врачебной помощью и необходимыми лѣкарственными веществами, страховыя учрежденія пріучаютъ больныхъ обращаться къ врачамъ при первыхъ-же непріятныхъ субъективныхъ ощущеніяхъ... Число больныхъ, обращающихся къ врачамъ, изъ года въ годъ увеличивается. Принимая во вниманіе, что смертность въ то же время

понижается, что гигіеническая обстановка, въ которой живетъ рабочій, улучшается, мы придемъ къ заключенію, что увеличеніе числа больныхъ надо отнести на счетъ большей внимательности къ себѣ рабочихъ и желанія не обходиться при болѣзни своими домашними средствами» *).

Этого бѣглаго обзора достаточно, чтобы оцѣнить ту огромную пользу, какую приноситъ рабочему классу обязательное страхованіе на случай болѣзни.

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ германская система имѣетъ и свои темныя стороны. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе обращаетъ на себя исключеніе изъ первой категоріи, т. е. изъ круга лицъ, безусловно подлежащихъ страхованію, сельскохозяйственныхъ рабочихъ и домашней прислуги, въ совокупности составляющихъ массу въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ, нуждающихся въ обезпеченіи на случай болѣзни не менѣе, если не болѣе, остальныхъ группъ рабочихъ.

Относительно включенія въ первую категорію сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ рейхстагѣ при обсужденіи законопроекта происходили очень жаркіе дебаты. При этомъ въ качествѣ главнаго аргумента противъ этого включенія аграріями выставлялась существующая якобы въ сельскомъ хозяйствѣ «патріархальность» въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими и отсутствіе тамъ «рабочаго вопроса» въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ индустріи. Аргументъ старый и малоубѣдительный, но благодаря вліянію, которымъ пользуется и пользовалось прусское юнкерство въ законодательствѣ, сельскохозяйственные рабочіе были отнесены ко второй категоріи.

Что принципы соціальной справедливости менѣе всего руководили творцами германской системы, показываетъ также и установленный закономъ способъ исчисленія взносовъ и пособій: рабочій, въ большинствѣ случаевъ заболѣвающій въ силу условій производства, долженъ изъ своихъ же жалкихъ грошей вносить значительную часть суммы, необходимой для его обезпеченія, и въ довершеніе всего во время болѣзни онъ получаетъ только половину того заработка, который онъ получалъ, будучи здоровымъ. Такимъ образомъ, «по закону» выходитъ, что во время болѣзни потребности рабочаго сокращаются. А, между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ происходитъ какъ разъ обратное: огромное большинство болѣзней влекутъ за собой цѣлый рядъ новыхъ расходовъ, на улучшеніе питанія и т. п.

Стремленіе возможно болѣе оградить интересы предпринимателей особенно ярко сказалось въ двухъ пунктахъ закона о страхованіи на случай болѣзни, это: въ обезпеченіи больного безработнаго и въ урегулированіи взаимоотношеній между больничными

*) Д-ръ В. Канель, указ. доклад., стр. 42.

кассами и страховыми товариществами, вѣдающими страхованіе на случай увѣчья.

Рабочій состоитъ членомъ кассы, пока онъ работаетъ на фабрикѣ и платитъ взносы. Какъ только онъ лишается мѣста и перестаетъ дѣлать взносы, онъ считается выбывшимъ изъ кассы и въ случаѣ болѣзни остается въ безпомощномъ положеніи.

На этотъ случай въ огражденіе интересовъ рабочихъ внесенъ пунктъ, по которому рабочій не теряетъ права воспомоществованія изъ кассы въ теченіе трехъ недѣль со дня выступленія изъ нея. Какъ мало, однако, этотъ пунктъ въ дѣйствительности ограждаетъ интересы рабочихъ, видно изъ статистики продолжительности безработицы. Оказывается, что при повторной регистраціи на 100 безработныхъ ко дню переписи безработица продолжалась:

	14 іюля	2 декабря
Отъ 1 до 28 дней	у 55 чел.	у 66 чел.
» 28 дней и болѣе	» 45 »	» 34 »

«Въ Берлинѣ, *спустя три мѣсяца* послѣ іюньскаго подсчета, оказалось, что изъ числа бывшихъ тогда безработныхъ *оставалось таковыми же 31,6% и что въ среднемъ безработица продолжалась 38 дней»* *).

Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы судить о томъ, чьи интересы болѣе ограждаетъ пунктъ о трехнедѣльномъ правѣ безработнаго на помощь.

Что касается до взаимоотношеній между больничными кассами и страховыми товариществами, то дѣло въ томъ, что всѣ расходы по страхованію отъ увѣчій цѣликомъ возложены на предпринимателей, но по закону помощь увѣчному отъ страхового товарищества выдается, начиная только съ четырнадцатой недѣли, считая со дня увѣчья, а первыя тринадцать недѣль увѣчный въ качествѣ больного находится на иждивеніи больничной кассы,—учрежденія, существующаго, главнымъ образомъ, на средства рабочихъ. Возлагая, такимъ образомъ, часть расходовъ по увѣчью на самихъ же рабочихъ, законодатель мотивировалъ это тѣмъ, что установить тотчасъ же размѣръ и характеръ увѣчья бываетъ трудно; для этого требуется извѣстный промежутокъ времени, въ теченіе котораго увѣчный долженъ-де оставаться безъ всякой помощи. Такая мотивировка слишкомъ слабо замаскировываетъ истинныя причины такого порядка. Вѣдь всего этого можно было бы очень легко избѣгнуть: пусть больничныя кассы оказывали бы увѣчнымъ помощь до момента установленія размѣра и характера увѣчья при условіи, что впослѣдствіи эти расходы возмѣщались бы имъ страховыми товариществами. А между тѣмъ, благодаря установленному порядку, за десятилѣтіе съ 1885 по 1895 г.г. изъ всѣхъ случаевъ увѣчья

*) «Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ З. Европѣ» Суворова, стр. 28, курс. нашъ.

83,5% были на иждивеніи больничныхъ кассъ, т. е. всѣ эти случаи излѣчивались въ 13-тинедѣльный и меньшіе сроки, и только 16,5% поступили послѣ 13-ти недѣль на попеченіе страховыхъ товариществъ. Расходы предпринимателей, благодаря этому, сократились на 12%. Понятно поэтому, что когда при пересмотрѣ закона въ 1895 г. правительство предложило сократить 13-недѣльный срокъ на 4-недѣльный, то предложеніе это было провалено большинствомъ рейхстага.

Кромѣ перечисленныхъ недостатковъ, такъ сказать, принципіальнаго характера, германская система обладаетъ еще многими дефектами техническаго характера, которые въ конечномъ счетѣ обусловлены тѣми же причинами, что и первые. Мы говоримъ въ данномъ случаѣ о существованіи многочисленныхъ типовъ страховыхъ кассъ, что на дѣлѣ приноситъ рабочему классу много вреда. Извѣстный германскій статистикъ, с.-д. Ад. Браунъ говоритъ по этому поводу, между прочимъ, слѣдующее: «раздробленность организаціи кассъ затрудняетъ контроль за правильнымъ страхованіемъ всѣхъ имѣющихъ на это право и ведетъ къ массѣ ненужной работы, къ значительнымъ расходамъ по управленію мелкими кассами и привлеченію къ управленію излишне-многочисленнаго персонала. Переходъ отдѣльныхъ членовъ изъ одной кассы въ другую создаетъ массу ненужной работы по контролю, перечисленію и т. д.» *). И, дѣйствительно, за 1905 г. расходы по управленію кассъ достигали очень значительной цифры въ 14.167.326 мар., что составляло 5,7% общей суммы расходовъ.

Особенно богатый матеріалъ, проливающій свѣтъ на темныя стороны закона о страхованіи на случай болѣзни, являющіяся слѣдствіемъ раздробленности кассъ, собранъ рабочими секретаріатами, учрежденіями, созданными профессіональными союзами для оказанія рабочимъ юридической помощи.

Въ отчетахъ секретаріатовъ указывается, напримѣръ, на огромное количество такого рода фактовъ: случается, что рабочій, выбывшій изъ фабричной кассы вслѣдствіе увольненія съ фабрики и заболѣвшій до истеченія 3-недѣльнаго срока, въ теченіе котораго по закону онъ не теряетъ права на помощь изъ этой кассы, требуетъ себѣ по праву помощи, но фабриканты обыкновенно въ такихъ случаяхъ въ свою очередь требуютъ отъ него удостовѣренія въ томъ, что за этотъ промежутокъ онъ нигдѣ не работалъ и, слѣдовательно, не состоялъ членомъ какой нибудь другой кассы. Разумѣется, рабочій въ такихъ случаяхъ бываетъ поставленъ въ безвыходное положеніе: какимъ образомъ онъ можетъ доказать требуемое, если въ странѣ нѣтъ учрежденій, которые вели бы подобнаго рода регистрацію **). Такіе факты могутъ существовать лишь

*) Мюллеръ. «Рабочіе секретаріаты и государственное страхованіе въ Германіи», стр. 117.

**) Ад. Браунъ. «Положеніе рабочаго класса въ Германіи», стр. 115.

при наличности многочисленныхъ типовъ кассъ. Если еще можно было при изданіи закона говорить о необходимости оставить всѣ существовавшія до этого кассы, ссылаясь на привычки рабочихъ къ создавшимся уже отношеніямъ, то за болѣе чѣмъ 20 лѣтъ дѣйствія закона правительство могло бы постепенно, безъ всякихъ потрясеній, привести всѣ разнообразные типы кассъ къ одному, тѣмъ болѣе, что этого неоднократно требовали сами застрахованные черезъ своихъ представителей въ рейхстагѣ. Очевидно, такое раздробленіе выгодно правящимъ классамъ. И, чтобы не быть голословными, мы обратимся опять къ нѣкоторымъ фактамъ изъ матеріаловъ рабочихъ секретаріатовъ.

Болѣе чѣмъ 20-тилѣтняя практика закона показала, что наиболѣе обезпечиваютъ интересы застрахованныхъ «мѣстныя кассы»: размѣръ пособій въ нихъ и продолжительность пользованія ими въ среднемъ выше, чѣмъ въ другихъ кассахъ. Происходитъ это, главнымъ образомъ, потому, что въ нихъ самодѣятельности рабочихъ предоставленъ большій просторъ, чѣмъ въ другихъ. Благодаря этому, «мѣстныя кассы» пользуются большими симпатіями у рабочихъ, доказательствомъ чего до извѣстной степени служитъ цифра застрахованныхъ въ нихъ: такъ, въ 1906 г. изъ 11.689.000 чел., застрахованныхъ во всѣхъ кассахъ, на долю мѣстныхъ приходилось 5.950.000 чел., т. е. 50%. Въ другихъ кассахъ этого нѣтъ. Владѣльцу предпріятія, какъ мы видѣли выше, въ фабричной кассѣ предоставлены очень широкія права: утвержденіе устава, предсѣдательство въ правленіи и т. п. Рабочіе, члены правленія фабричной кассы, засѣдая вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ, да еще подъ его предсѣдательствомъ, не могутъ, конечно, чувствовать себя свободными въ своихъ учрежденіяхъ и дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что хозяинъ въ любой моментъ можетъ удалить непокорныхъ членовъ изъ правленія, уволивъ ихъ съ фабрики *). Поэтому въ практикѣ этихъ кассъ сплошь да рядомъ встрѣчаются факты, свидѣтельствующіе о полномъ произволѣ, который царитъ тамъ. Очень часто, напримѣръ, при первыхъ-же признакахъ болѣзни рабочаго или беременности работницъ, ихъ увольняютъ съ фабрики, лишая ихъ тѣмъ самымъ права на помощь. Кромѣ того, въ практикѣ фабричныхъ кассъ встрѣчаются злоупотребленія, которыя въ «мѣстныхъ» не возможны, благодаря самому способу ихъ организаціи, напримѣръ, рабочихъ передъ поступленіемъ на фабрику подвергаютъ медицинскому освидѣтельствованію и, въ случаѣ признаковъ болѣзни, отказываютъ въ принятіи. По закону больничныя кассы дѣлать этого не могутъ. Но предприниматели находятъ возможность обходить законъ, ссылаясь на то, что освидѣтельствованіе производится не кассой, а предпріятіемъ, куда принимаются только здоровые рабочіе **). Все

---

*) Мюллеръ Ib., а также Ад. Браунъ, указ. соч. 117.

**) Мюллеръ, указ. соч. 117.

сказанное о фабричныхъ кассахъ въ равной мѣрѣ относится къ ремесленно-цеховымъ и строительнымъ, организація которыхъ аналогична. Понятно послѣ этого, почему правительство и большинство рейхстага остаются глухи ко всѣмъ просьбамъ и требованіямъ объ уничтоженіи дробленія кассъ.

На этомъ мы покончимъ нашъ обзоръ германской системы. Сказаннаго, намъ кажется, достаточно, чтобы показать, какъ далекъ этотъ законъ отъ того, чтобы считать его идеальнымъ. Подобный законъ не могъ, разумѣется, внушить рабочимъ мысль о «благодѣтельности» государства: количество адептовъ соціализма продолжаетъ съ каждымъ годомъ возрастать, какъ было и до его изданія.

Объ австрійскомъ законѣ, послѣ всего сказаннаго, намъ придется добавить очень немного.

Какъ и въ Германіи и по тѣмъ-же причинамъ, въ Австріи существуютъ кассы 8-ми типовъ: 1) «окружныя», 2) «промысловыя», 3) «ремесленно-цеховыя», 4) «строительныя», 5) «горно-промышленныя», 6) «вспомогательныя кассы обществъ», 7) «зарегистрированныя вспомогательныя» и 8) «ученическія».

Въ общихъ чертахъ организація и управленіе всѣхъ кассъ сходны съ германскими и отличаются въ частностяхъ, напримѣръ: «окружныя кассы», соотвѣтствующія германскимъ «мѣстнымъ», носятъ территоріальный (а не профессіональный, какъ «мѣстныя») характеръ и учреждаются для каждаго судебнаго округа; далѣе, «промысловыя» учреждаются при предпріятіяхъ съ количествомъ рабочихъ не менѣе 100 человѣкъ; «ученическія» — для ремесленныхъ учениковъ и даютъ застрахованнымъ только врачебную помощь, и т. д.

Уставы всѣхъ кассъ утверждаются администраціей. Взносы во всѣхъ кассахъ не должны превышать 3% заработной платы, а соотношеніе между взносами предпринимателей и рабочихъ такое-же, какъ въ Германіи. Что касается до помощи, получаемой изъ кассъ, то въ Австріи она болѣе обезпечиваетъ застрахованныхъ, чѣмъ въ Германіи: при болѣе низкихъ взносахъ австрійскій рабочій въ случаѣ болѣзни, кромѣ безплатной врачебной помощи, получаетъ пособіе въ размѣрѣ 60% зараб. платы; максимальный срокъ лѣченія и выдачи пособій установленъ здѣсь въ 20-ть недѣль, т. е. на 6 недѣль менѣе германскаго, но этотъ недостатокъ закона компенсируется другими его положительными сторонами, а именно: выдача пособій начинается не съ третьяго, какъ въ Германіи, а съ перваго-же дня утраты трудоспособности, и выдается не только за рабочіе, но и за не-рабочіе дни. Существенно отличается австрійскій законъ отъ германскаго еще въ той его части, которая регулируетъ взаимоотношенія между больничными кассами и учрежденіями, вѣдающими страхованія отъ увѣчья: срокъ, въ теченіе котораго увѣчный находится на иждивеніи больничныхъ кассъ, равенъ 4-мъ недѣлямъ, вмѣсто 13-ти по германскому закону. И, наконецъ, кругъ обязательно

страхуемыхъ лицъ въ Австріи уже и до настоящаго времени былъ шире германскаго, но въ недалекомъ будущемъ онъ подлежитъ еще расширенію такъ сказать до конечныхъ предѣловъ: въ ноябрѣ минувшаго года правительство внесло въ рейхсратъ дополнительный законопроектъ, по которому обязательное страхованіе распространяется на *всѣхъ рабочихъ* (въ томъ числѣ и на сельско-хозяйственныхъ и домашнюю прислугу), получающихъ не выше 1200 гульденовъ въ годъ.

Относительно австрійскаго закона въ цѣломъ, не смотря на цѣлый рядъ его преимуществъ, приходится въ сущности сказать то же, что и о германскомъ. Ни тотъ, ни другой законъ не обезпечиваютъ больного рабочаго настолько, насколько требуютъ этого принципы соціальной справедливости.

На этомъ мы покончимъ нашъ обзоръ законодательства о страхованіи на случай болѣзни въ Западной Европѣ. Разсмотрѣніе подобныхъ законовъ другихъ государствъ не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ нашъ русскій законопроектъ базируется на «богатомъ опытѣ» только этихъ двухъ странъ.

Г. Зининъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Хроника внутренней жизни.

1. Сказки Дальняго Востока. «Чужероссія». Амурская дорога. Вопросъ о приамурскомъ порто-франко. Вѣроятныя судьбы Приамурья.—2. Дѣло Азефа. Профессіональные интересы охранной службы. Необходимость провокаціи и неизбѣжность Судейкиныхъ.—3. Въ чемъ долгъ охраны? «Нѣтъ людей». Саморазрушеніе.

Очередной обзоръ внутренней жизни мнѣ приходится начинать исторіей, до такой степени сказочной, что необходимо предварительно назвать источники, какими я пользуюсь, помимо газетныхъ извѣстій и замѣтокъ. Впервые эта исторія была разсказана лѣтомъ 1908 г. нѣкоторымъ г-номъ К. Т., командированнымъ по высочайшему повелѣнію для производства «главнымъ образомъ геологическихъ изысканій» на сѣверо-восточномъ побережьѣ Сибири. Записки г-на К. Т., напечатанныя первоначально въ «Сибирской Зарѣ», послужили матеріаломъ для статей въ разныхъ органахъ печати,—между прочимъ, въ «Голосѣ Москвы» и «Новомъ Времени». А затѣмъ по поводу одной изъ статей, основанныхъ на «отчетѣ инженера Тульчинскаго», было напечатано въ № 11807 (24 янв.)

«Новаго Времени» оффиціальное возраженіе за подписью «совѣтника Приморскаго областнаго правленія Ф. Сомова». Именно это оффиціальное возраженіе и вынуждаетъ признать несомнѣннымъ фактомъ то, что казалось первоначально одной изъ невѣроятнѣйшихъ сказокъ.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ редакторами газетъ безъ предварительной цензуры былъ полученъ циркуляръ, которымъ воспрещалось говорить въ прессѣ объ образованіи Сѣверо-восточнаго сибирскаго общества для эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ Камчатки и Чукотскаго полуострова» *). Кто учредители этого «общества», сразу объявленнаго конспиративнымъ, доселѣ въ точности неизвѣстно. Совѣтникъ приморскаго областнаго правленія г. Сомовъ въ своемъ оффиціальномъ письмѣ, говоритъ, между прочимъ, что первоначально «договоръ» былъ «заключенъ съ гвардіи полковникомъ Вонлярлярскимъ», а «нынѣ» «перешелъ» къ «Сѣверо-восточному сибирскому обществу». Впрочемъ, самъ г. Сомовъ называетъ этотъ таинственный «договоръ», неизвѣстно кѣмъ заключенный, также «контрактомъ» и «концессіей». Концессія эта, видимо, столь всеобъемлюща, что у г. Вонлярлярскаго, а за нимъ и у «Сѣверо-восточнаго сибирскаго общества», помимо огромныхъ коммерческихъ правъ, оказались права административныя, полицейскія, судебныя и разныя другія.

Итакъ, «нѣсколько лѣтъ назадъ», приблизительно во времена знаменитой дальневосточной концессіи Безобразова, Абазы и К°, кто-то заключилъ обязательный для Россійскаго государства «договоръ съ гвардіи полковникомъ Вонлярлярскимъ». Послѣдній переуступилъ полученныя права какому-то «Сѣверо восточному сибирскому обществу». Затѣмъ кто-то «воспретилъ прессѣ говорить» объ этомъ. Затѣмъ въ «Новомъ Времени» и въ другихъ газетахъ стали появляться, быть можетъ, многимъ памятныя извѣстія о грандіозномъ желѣзнодорожномъ пути: Нью-Іоркъ — Беринговъ-проливъ — Петербургъ. Этотъ фантастическій, во вкусѣ Ж. Верна, проектъ возлагалось осуществить почему-то на американцевъ. Съ какой-то радости американцы должны были проложить рельсы черезъ свой материкъ до Берингова пролива, построить колоссальнѣйшій, невиданный въ мірѣ мостъ черезъ Беринговъ проливъ; проложить рельсы отъ Берингова пролива черезъ Якутскую область и Нерчинскій округъ до Сибирской желѣзной дороги... Словомъ, на американцевъ возлагалось приготовить путь для экспресса: Петербургъ—Нью-Іоркъ. Первоначально эти газетныя свѣдѣнія казались плохою шуткою. Но слухи о переговорахъ таинственнаго сибирскаго общества съ американцами стали повторяться упорно, систематически. Американцы посылали какія-то экспедиціи, производили

*) «Голосъ Москвы», 2 сентября.

какія-то изысканія, но дороги не строили... Года полтора назадъ появилось извѣстіе, что американцамъ предлагается чрезвычайная льгота: безмездное отчужденіе тридцативерстной полосы на всемъ протяженіи новопостроеннаго пути. Американцевъ, видимо, и это дополнительное условіе не соблазнило. Слухъ объ экспрессѣ Нью-Іоркъ—Петербургъ самъ собою исчезъ. Между тѣмъ, еще во время переговоровъ въ Чукотскій край былъ командированъ названный выше г. К. Т. Пока онъ добрался до восточно-сибирскихъ окраинъ, обстоятельства измѣнились. Онъ узналъ, что на Чукотскій полуостровъ можно попасть лишь на пароходѣ американской компаніи. Послѣдняя-же «совсѣмъ отказалась» везти «лицо, командированное по высочайшему повелѣнію». По словамъ г-на К. Т., лишь послѣ многихъ «униженій», компанія преложила гнѣвъ на милость. Его «помѣстили вмѣстѣ съ другими тремя пассажирами въ кухонной каютѣ» рядомъ съ транспортомъ проститутокъ, подлежащихъ доставленію на мѣсто, повидимому, для надобностей Сѣверо-восточнаго сибирскаго общества. Потомъ г-на К. Т. 23 дня лишали возможности высадиться на Чукотскій берегъ. Но въ концѣ концовъ высадили. И тутъ ему самъ высшій (фактически) представитель мѣстной власти, американскій гражданинъ Джонъ Розинъ, объявилъ, что въ его, г-на К. Т., геологическихъ изысканіяхъ «никто не нуждается». Далѣе открылось, что Джонъ Розинъ есть «директоръ и главный распорядитель пяти американскихъ обществъ, сплоченныхъ въ синдикатъ», имѣющій на основаніи «контракта», заключеннаго русскимъ правительствомъ «съ гвардіи полковникомъ Вонлярлярскимъ, между прочимъ, «свою полицію, свой судъ», право «арестовывать и высылать, казнить и миловать» *). Джонъ Розинъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи сухопутную и морскую охрану. Сверхъ того, его интересы ограждаютъ «американскія правительственныя хорошо вооруженныя» суда. Кромѣ г. Розина, ставшаго фактически главнымъ начальствующимъ лицомъ въ этой русской окраинѣ, есть еще тамъ «какой-то экзотическій, по выраженію «Уссурійской Молвы», графъ Подгорскій»; онъ носитъ почему-то титулъ «американскаго генералъ-губернатора», а также «русскаго уполномоченнаго»; «Голосъ Москвы» называетъ его «подставнымъ лицомъ,... получающимъ субсидіи отъ американскаго синдиката». По дополнительному разъясненію г. Сомова, послѣ «доклада инженера Тульчинскаго о положеніи дѣлъ на Чукотскомъ полуостровѣ» былъ еще «командированъ туда штабсъ-капитанъ», «получившій въ свое распоряженіе трехъ стражниковъ и фельдшера, независимо отъ имѣвшихся на полуостровѣ казачьихъ постовъ», и обязанный, между прочимъ, «укрѣплять въ сознаніи чукчей, что они подданные россійскаго государства». Изъ разъясненій

*) См. „Уссурійскую Молву“, 25 августа; „Голосъ Москвы“, 2 сентября; „Новое Время“, 24 января.

г. Сомова узнаемъ и такую, напр. подробность: оказывается, Джонъ Розинъ, отъ себя выдаетъ концессіи «на производство развѣдокъ и добычи золота на Чукотскомъ полуостровѣ». Правда, по словамъ г. Сомова, наше «министерство торговли и промышленности при посредствѣ министра иностранныхъ дѣлъ оповѣстило» «населеніе американскаго побережья», что концессіи, выдаваемыя Джономъ Розинымъ, «недѣйствительны». Но дѣйствительно-ли наше министерство нашло способъ «оповѣстить» населеніе, напр., американской Аляски,—это остается на совѣсти г. Сомова. А главное,—если бы способъ «оповѣстить» и былъ найденъ, остается неизвѣстнымъ, насколько эти «оповѣщенія» обязательны для «населенія американскаго побережья» и для г. Розина. Крайне страннымъ представляется уже одно то, что русское правительство стало «оповѣщать» населеніе чужой страны, когда, казалось-бы, всего проще обратиться непосредственно къ живущему на русской территоріи, хотя-бы и подъ охраною «американскихъ хорошо вооруженныхъ судовъ», Джону Розину. Суть совсѣмъ не въ оповѣщеніяхъ. Суть, очевидно, въ томъ, какое толкованіе «договора», заключеннаго отъ имени Россіи съ гвардейскимъ полковникомъ Вонлярлярскимъ, считать правильнымъ,—толкованіе-ли министровъ, что правопреемникъ г. Вонлярлярскаго Джонъ Розинъ не имѣетъ права выдавать концессіи въ предѣлахъ столь оригинально оккупированной территоріи Русскаго государства, или толкованіе Джона Розина, что онъ это право имѣетъ? Мнѣнія, во всякомъ случаѣ, могутъ быть разныя. «Уссурійская Молва», напр., называя этотъ «договоръ» «преступнымъ, прямо таки измѣнническимъ», пишетъ:

Въ немъ «нѣтъ ничего, что бы ограждало интересы Русскаго государства отъ махинацій темной клики дѣльцовъ, и всякія претензіи русскаго правительства по поводу тѣхъ или иныхъ операцій этой клики наталкиваются на многомилліонный гражданскій процессъ, въ которомъ русское правительство заранѣе обречено на проигрышъ, а истцы, подкрѣпленные американскими крейсерами, на выигрышъ» («Уссурійская Молва», 25 августа).

Конечно, такого рода столкновенія могутъ рѣшаться и въ порядкѣ «реальнаго соотношенія силъ». Этотъ «порядокъ», видимо, и разумѣется г. Сомовымъ, когда онъ упоминаетъ то объ «ежегодномъ командированіи на сѣверъ военнаго судна», то о «трехъ стражникахъ» при штабсъ-капитанѣ, «укрѣпляющемъ въ сознаніи чукчей, что они подданные русскаго государства»... Но послѣ печальнаго опыта на корейской рѣкѣ Ялу кто же изъ преемниковъ Плеве рѣшится переносить коммерческія тяжбы на почву «реальнаго соотношенія силъ»? «Три стражника» горю едва ли помогутъ. Приходится сидѣть смирно и смотрѣть, какъ исторія продолжаетъ ликвидировать политику дальневосточныхъ авантюръ. Двѣ «концессіи» возникли почти одновременно въ связи съ этою политикою. Одна, «безобразовская», послужила поводомъ къ рѣшенію вопроса о «Желтороссіи», о незамерзающихъ портахъ

на Тихомъ океанѣ и т. д. Съ «нашимъ южнымъ побережьемъ Тихаго океана» дѣло покончено. Другая концессія, еще болѣе таинственная, только теперь развертывается въ рѣшеніе вопроса о сѣверномъ побережьѣ того же океана. Это побережье уже вошло «въ сферу американскаго вліянія», превратилось, по выраженію «Новаго Времени», въ «отвалившійся край»—въ Чужероссію, если такъ можно выразиться. Остается незатронутой какъ будто средняя полоса,—отъ Владивостока и далѣе на западъ по Амуру вплоть до того же Нерчинскаго, «кабинетскаго», округа. Но прежде, чѣмъ перейти къ этой средней полосѣ, еще два слова о свѣже «отвалившемся краѣ».

Передъ нами крайне темная исторія. Сколько можно разобраться въ ней, «гвардіи полковникъ Вонлярлярскій» долженъ быть признанъ случайнымъ человѣкомъ, изъ-за спины котораго сразу же вышли таинственные анонимы, замаскированные фирмой «Сѣверо-восточнаго сибирскаго общества». Безъ сомнѣнія, это очень «сильные люди», разъ они способны обязывать государство сверхъестественными договорами, и разъ они охранялись отъ прессы запретительными циркулярами цензурнаго вѣдомства. Безъ сомнѣнія, далѣе, это не настоящіе предприниматели, ибо иначе они не продали бы свои «паи» «американцамъ», и Сѣверо-восточное сибирское общество не превратилось бы въ американское предпріятіе. Но это не совсѣмъ обычные концессіонные хищники, для которыхъ лишь бы поскорѣе, лишь бы выгоднѣе распродать «права» и «паи». Они въ нѣкоторомъ родѣ «патріоты». Имъ нуженъ экспрессъ Петербургъ—Нью-Іоркъ. Они носятся съ грандіознымъ проектомъ. Пусть этотъ проектъ ужъ слишкомъ младенчески воздушенъ. Пусть самое обращеніе именно къ американцамъ отчасти наводитъ на мысль о дѣтскомъ взглядѣ на Америку, какъ на страну, гдѣ на каждомъ шагу чудеса:

— Эка невидаль, въ самомъ дѣлѣ, для американскихъ эдиссоновъ мостъ черезъ Берынговъ проливъ построить и желѣзную дорогу по тундрамъ проложить!..

Пусть, говорю, у этихъ анонимовъ чисто маниловскія представленія о дѣйствительности. Но у нихъ, помимо коммерческаго разсчета, есть планъ—«оживить» Дальній Востокъ рельсовымъ путемъ отъ Берингова пролива до слиянія съ Сибирской дорогой. Не якутскую тундру, конечно, оживить,—въ тундрѣ и для Маниловыхъ какая сладость? И не «минеральныя богатства» Чукотскаго полуострова и Камчатки, повидимому, концессіонеровъ главнымъ образомъ привлекали. По крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что сверхъестественная концессія продана въ концѣ концовъ американцамъ, не свидѣтельствуетъ объ особо сосредоточенномъ интересѣ около Берингова пролива. Наиболѣе вѣроятно, такимъ образомъ, что анонимовъ интересовало по преимуществу оживленіе южнаго участка проектируемаго ими желѣзнодорожнаго пути. Мы опять, слѣдова-

тельно, оказываемся по близости отъ того Нерчинскаго округа, интересы котораго «Новое Время» выдвигало на первую очередь, говоря о позднѣйшемъ проектѣ—построить Амурскую желѣзную дорогу. По этому округу—писало «Новое Время»—«новая дорога пройдетъ на протяженіи 400 верстъ:

»До сихъ поръ» не извлекалось «большихъ доходовъ изъ угодій въ тѣхъ глухихъ и пустынныхъ мѣстахъ, не находилось сколько-нибудь выгодныхъ охотниковъ арендовать эти земли. Но едва лишь дорога была разрѣшена, какъ вдругъ всѣ покосы по бассейнамъ рѣкъ Урюма и Амазара нашли арендатора... Вдругъ всѣ строительные матеріалы (песокъ, балластъ, камень) сданы... Теперь изъ Нерчинска шлютъ телеграммы за телеграммами: постарайтесь скупить на срубъ всѣ лѣсныя дѣлянки,—заработаемъ большія деньги» («Новое время», 9 августа).

Не лишне, пожалуй, оговориться: Амурская дорога, какъ и закрытіе порто-франко, конечно, стоитъ въ связи съ общей «экономической политикой самодержавія». Однако, есть резонъ изъ общихъ соображеній выдѣлить если не мѣстныя, то спеціально и даже специфически дальне-восточныя и на нихъ по преимуществу сосредоточить вниманіе. «Новое Время» сердито бранило какихъ-то «дѣльцовъ», въ интересѣ которыхъ «оживить» Нерчинскій округъ за счетъ «простоватой казны». Оно возмущалось, что ради ихъ, между прочимъ, возникъ проектъ Амурской дороги, или, по выраженію г. Меньшикова, «дороги въ пропасть». «Новое Время» главное вниманіе сосредоточило на любителяхъ наживы, на «вальпургіевой пляскѣ» вокругъ «призрака сверкающей золотой горы». Но оставимъ и «золотыя горы», и «вальпургіевы пляски». Все это, конечно, было и есть. Личные интересы людей «текущаго момента», несомнѣнно, много значатъ. Но постараемся смотрѣть на дѣло «поверхъ текущаго момента». Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, и не «оживить» Нерчинскій край? Тамъ вѣдь не только покосы, лѣсныя дѣлянки, песокъ, балластъ, камень, хотя и это все статьи не шуточныя. Тамъ, говорятъ, есть и залежи, и розсыпи, и разныя благодатныя нѣдра. Теперь все лежитъ праздно, ибо край, дѣйствительно, «глухой и пустынный». Но если бы, напр., его связать прямымъ рельсовымъ путемъ съ «Америкой», со страной «неслыханныхъ капиталовъ», то... Проектъ рельсоваго пути на американскія деньги «прямо въ Америку» оказался несостоятельнымъ. Но въ такомъ случаѣ почему бы не построить дорогу на русскія деньги по направленію къ Владивостоку? Это не такъ заманчиво, но, право, не плохо. Признаетъ же «Новое Время, что дорога только еще стала строиться, а на сцену сразу выплыли и дѣлянки, и покосы, и строительные матеріалы, и выгодные арендаторы. То ли еще будетъ, если, помимо дороги, примѣнить къ Дальнему Востоку систему протекціонизма...

«Промышленность развилась, благодаря покровительственной системѣ, по всей Россіи,—говорилъ министръ финансовъ г. Ко-

ковцовъ въ Государственной Думѣ при обсужденіи законопроекта объ отмѣнѣ порто-франко во Владивостокѣ.—Почему ей не развиться въ Приамурьѣ?» (Цит. по «Рѣчи», 27 ноября).

Пусть лучше—развивало ту же мысль „Слово"—американскіе капиталы притекають въ производства, имѣющія возникнуть въ Приамурьѣ... Рѣчь вѣдь идетъ .. объ обложеніи... лишь продуктовъ обрабатывающей промышленности... („Слово", 26 ноября).

Вотъ видите,—«Слову» тоже мнятся «американскіе капиталы». Не захотѣли строить желѣзную дорогу черезъ Берииговъ проливъ,—заставимъ ихъ устраивать «обрабатывающую промышленность» въ Приамурьѣ. А если «американскіе капиталы» будутъ вынуждены устраивать здѣсь «обрабатывающую промышленность», развѣ мыслимо, чтобы они не обратили вниманія на огромные природные рессурсы Алтая и Нерчинскаго округа? И ежели дѣло выйдетъ хорошо, то почему бы Амуру не стать вторымъ Рейномъ!.. Такія «огромныя перспективы развертываются передъ нами», если глядѣть «поверхъ текущаго момента».

А затѣмъ есть и многія другія перспективы. Укажу для примѣра хотя бы одинъ аргументъ министра торговли и промышленности, убѣждавшаго Государственную Думу упразднить порто-франко на Дальнемъ Востокѣ:

Приамурскій край связанъ теперь непрерывнымъ желѣзно-дорожнымъ путемъ съ Европейской Россіей; связанъ также и пароходнымъ сообщеніемъ. Въ этомъ корень вопроса (Цит. по „Рѣчи", 27 ноября).

Что дастъ закрытіе порто-франко Сибирской желѣзной дорогѣ,—вопросъ стоитъ неясно и спорно. Иное дѣло указаніе на пароходы. Подъ «пароходнымъ сообщеніемъ», связующимъ Европейскую Россію съ Приамурскимъ краемъ, приходится разумѣть «Добровольный флотъ». О немъ было забыли въ разгарѣ смуты. А между тѣмъ положеніе его «изъ рукъ вонъ». Еще лѣтомъ 1908 г., когда отмѣна порто-франко на Дальнемъ Востокѣ была только въ проектѣ, «Новое Время» посвятило двѣ огромныхъ статьи судьбамъ «когда-то знаменитаго народно-казеннаго предпріятія». Въ 90-хъ годахъ, «работая» на правахъ монополиста и получая, сверхъ этихъ правъ, «ежегодно по 600.000 руб. субсидіи за рейсы между Одессой и Владивостокомъ», Добровольный флотъ давалъ «милліонныя прибыли», установилъ огромные штаты, небывалые оклады и хорошіе безгрѣшные доходы *). Это было воистину одно изъ луч-

*) „Новое Время" приводило на справку, между прочимъ, такія цифры. Громады Сѣверо-Германскаго Ллойда имѣютъ не болѣе какъ по 85 матросовъ, на гораздо меньшемъ по размѣрамъ „добровольцѣ" 120 матросовъ. Капитаны Ллойда получаютъ въ годъ около 3.600 руб., капитаны Добровольнаго Флота отъ 8 до 9 тысячъ руб. Независимо отъ чрезмѣрныхъ окладовъ, администрація Добровольнаго Флота тратитъ на обычный ежегодный ремонтъ каждаго парохода отъ 40 до 50 тыс. руб; помимо ремонта, крупную статью даетъ топливо. Доброволецъ „Москва", напр., ежедневно сжигаетъ угля на 3.000 пуд. больше, чѣмъ можетъ фактически сжечь, и т. д. См. „Новое Время", 5 и 7 августа.

нихъ «доходныхъ мѣстъ» всего «Цусимскаго вѣдомства» *). Но золотые потоки изъ Петербурга въ Манчжурію постепенно мелѣли, и уже передъ началомъ японской войны для Добровольнаго флота понадобилось пріискивать новыя занятія. Онъ задумалъ было возить итальянскихъ эмигрантовъ изъ Неаполя въ Нью-Іоркъ. А послѣ войны сталъ возить русскихъ эмигрантовъ изъ Либавы въ Нью-Іоркъ. «Въ первый же годъ новая операція дала 403 тыс. руб. убытка; въ слѣдующіе 9 мѣсяцевъ убытокъ достигъ уже милліона рублей». «Линія Одесса—Владивостокъ, несмотря на 600.000-ную субсидію», также давала «одинъ убытокъ». Затѣмъ министръ финансовъ обнаружилъ, что въ балансѣ Добровольнаго флота дѣйствительные убытки замаскированы, во первыхъ, тѣмъ, что уже «четыре года» не производится «требуемыхъ уставомъ отчисленій въ погашеніе», а во вторыхъ, тѣмъ, что процентныя бумаги занесены въ активъ «по покупной стоимости», на 764.000 руб. превышающей нынѣшнюю курсовую стоимость. При такихъ поправкахъ выходитъ, что въ 1907 г. Добровольный флотъ понесъ убытковъ около 3 милліоновъ руб. Далѣе обнаружено, что нѣкоторые пароходы пришли въ «совершенно непригодное» для коммерческаго плаванія состояніе. «Изъ 4 пароходовъ атлантической линіи министръ финансовъ призналъ удовлетворительными только 2; изъ 8 пароходовъ восточной линіи (Одесса—Владивостокъ) удовлетворительными оказались только 3». Отъ казны требуется огромная единовременная ассигновка на ремонтъ и постоянная субсидія «по 70.000 руб. за каждый рейсъ». А возить нечего: съ линіи Либава—Нью-Іоркъ пришлось снять одинъ за другимъ 3 парохода: «Смоленскъ», «Саратовъ», «Петербургъ»... Людей, которыхъ щедро питало это «казенно-патріотическое» предпріятіе, г. Меньшиковъ называлъ «помѣщиками на водѣ». И «водянымъ помѣщикамъ» угрожало очевидное раззореніе. Но лишь только прошелъ законъ о закрытіи порто-франко на Дальнемъ Востокѣ—и, по газетнымъ свѣдѣніямъ, комитетъ Добровольнаго флота готовится къ усиленной перевозкѣ изъ Одессы во Владивостокъ русскихъ товаровъ, долженствующихъ вытѣснить обложенные пошлинами товары иностранные...

Повторяю, лишь для примѣра я остановился на Добровольномъ флотѣ и Нерчинскомъ округѣ. Мнѣ хотѣлось просто напомнить, что вообще осталось отъ дальневосточной политики, уже обусловившей русско-японскую войну. Война прошла. Но остались живые люди, вродѣ г.г. Безобразова и Абазы, живыя предпріятія, вродѣ концессіи г. Вонлярлярскаго, живыя учрежденія, вродѣ Добровольнаго флота; осталось, словомъ, множество живыхъ интересовъ, кровно связанныхъ съ данною политикой, на нее разсчи-

*) Какъ извѣстно, „офицерскій составъ судовъ Добровольнаго флота" „комплектуется военными моряками".

таинныхъ, ею обусловленныхъ и безъ нея обреченныхъ на смерть. Газеты не мало указывали, что постройка Амурской дороги и закрытіе порто-франко знаменуютъ возвратъ къ доцусимскому образу поведенія. Объ этомъ возвратѣ можно жалѣть, по поводу его можно радоваться, но поскольку въ петербургскихъ сферахъ имѣютъ силу люди, благополучіе которыхъ связано съ доцусимскимъ поведеніемъ, постольку возвратъ къ нему неизбѣженъ. И вопросъ лишь въ томъ, что можетъ быть достигнуто на этомъ пути.

Начнемъ хотя бы съ закрытія приамурскаго порто-франко. Этою мѣрою, какъ мы видѣли, г. Коковцовъ полагалъ насадить обрабатывающую промышленность, а г. Шиповъ, сверхъ того, возродить угасающихъ «помѣщиковъ на водѣ». Но вотъ какія разъясненія дало по этому поводу напечатанное въ «Дальнемъ Востокѣ» «открытое письмо» на имя министра торговли и промышленности. Надо замѣтить, что «Дальній Востокъ» называютъ газетою «праваго направленія», близкой къ мѣстнымъ источникамъ власти; авторъ «открытаго письма» рекомендуетъ себя, какъ «старожила, 33 года прожившаго на окраинѣ и въ томъ числѣ 25 лѣтъ работавшаго въ мѣстной печати». Начинаетъ онъ характерно:

> Ваше высокопревосходительство! Вопросъ о закрытіи приамурскаго порто-франко рѣшенъ Государственною Думою соотвѣтственно вашимъ предположеніямъ и вопреки дружнымъ противоположнымъ представленіямъ окраинной администраціи, ходатайствамъ приамурскихъ городовъ, общественныхъ организацій и даже самого мѣстнаго купечества. Многозначительно въ этомъ рѣшеніи особенно то, что настойчивый голосъ окраиннаго общественнаго мнѣнія, отъ генералъ-губернатора до рядового обывателя включительно, въ ушахъ петербургскихъ вершителей столь жизненнаго для края вопроса прозвучалъ, судя по докладу въ Государственной Думѣ, только какъ антипатріотическая, враждебная русскимъ интересамъ, инородческая манифестація, прикрывшая собою будто бы исключительно только эгоистическія домогательства иностранной торговли. (Цит. по «Саратовскому Вѣстнику», № 5, 1909 г.).

Въ центральной и важнѣйшей части письма авторъ

> изобличаетъ то извращеніе, которое было допущено при докладѣ въ Думѣ относительно смысла договора съ Китаемъ о безпошлинной торговлѣ въ 50 верстной (пограничной) полосѣ. По точному смыслу трактата, китайцы имѣютъ право торговать безпошлинно въ полосѣ не только отечественными, но и какими угодно товарами, какъ и русскіе въ китайской полосѣ (Ibid.).

Редакторъ «Дальняго Востока», отъ имени котораго напечатано «письмо», проситъ министра

> взять карту и убѣдиться, что въ 50-верстную полосу входятъ: Срѣтенскъ Благовѣщенскъ, Хабаровскъ, Иманъ, Никольскъ, Раздольское, Посьетъ... Только Владивостокъ выдвинулся на полторы версты изъ этой зоны, да еще Николаевскъ-на-Амурѣ. Такимъ образомъ, изъ 600.000 населенія Амурской и Приморской областей 550.000 останутся необложенными пошлиной, а таможня коснется только находящейся внѣ зоны пустыни, Николаевска и Владивостока (Ibid.).

Т. е.—чтобы закрытіе порто-франко «оправдало себя», такого крупнаго потребителя, какъ восточно-сибирская армія, придется рас-

квартировывать въ «пустынѣ», «внѣ зоны»... Но закрытіе порто-франко ведетъ и къ другимъ послѣдствіямъ. Замерзающій «Владивостокъ—одинъ изъ самыхъ дорогихъ портовъ по выгрузкѣ, нагрузкѣ и накладнымъ расходамъ»: на его оборудованіе затрачено вѣдь,—напоминаетъ авторъ письма—всего 3 милліона, тогда какъ бывшій россійскій Дальній, а нынѣ японскій незамерзающій Тайренъ «поглотилъ 25 милліоновъ русскихъ денегъ и усиленно оборудованъ японцами». Съ установленіемъ же во Владивостокѣ «медлительнаго фактическаго таможеннаго досмотра» ввозъ не только заграничныхъ но и русскихъ товаровъ

въ заселенную русскую полосу направится черезъ Тайренъ и Манчжурію. Лучшей и большей субсидіи Тайрену не могло бы предложить само японское правительство (Ibid.).

Должно, словомъ, произойти перемѣщеніе торговыхъ центровъ изъ Владивостока. А пока что, по газетнымъ свѣдѣніямъ, во Владивостокѣ въ связи съ вопросомъ о порто-франко начались усиленныя банкротства *). Сверхъ того, какъ телеграфировали «Русскому Слову» изъ Токіо, «японская пресса ликуетъ по поводу принятаго Государственною Думою рѣшенія о закрытіи порто-франко во Владивостокѣ, предвидя блестящее будущее для Тайрена и южно-манчжурской линіи». Суть сводится, несомнѣнно, къ тому, что авторъ письма называетъ «извращеніемъ при докладѣ въ Думѣ договора съ Китаемъ о безпошлинной торговлѣ». Едва ли, однако, можно настаивать на томъ, что гг. Шиповъ и Коковцовъ *«извратили»* договоръ. Помимо «извращенія», возможно просто малознаніе, непониманіе; возможно, наконецъ, различное толкованіе пунктовъ договора, не имѣвшихъ существеннаго значенія, пока въ Приамурьѣ было порто-франко, но получающихъ большой смыслъ при покровительственной системѣ. Если даже остановиться на этомъ послѣднемъ предположеніи, наиболѣе выгоднымъ для гг. Коковцова и Шипова, то все таки выходитъ, что закрытіе порто-франко отнюдь не устраиваетъ интересовъ, ради которыхъ эта мѣра понадобилась. Возникаетъ необходимость заставить Китай и Японію отказаться отъ того толкованія договоровъ, которое считаетъ правильнымъ «Дальній Востокъ», выражающій въ данномъ случаѣ мнѣніе, повидимому, не только «рядовыхъ обывателей». Но какъ же заставить Китай и Японію, чтобы они отказались отъ возможности монополизировать Приамурье? Снова, что ли, воевать?

И какъ быть съ начатою постройкою Амурской дороги? Какъ извѣстно, постройка начата съ чрезвычайною поспѣшностью,—раньше разрѣшенія «въ законодательномъ порядкѣ». И вдругъ узнаемъ изъ газетъ: произведенныя изысканія признаны «сдѣлан-

*) «Кіевскія Вѣсти», 11 января.

ными такъ небрежно, что во многихъ мѣстахъ невозможно производить постройку, и министерство путей вынуждено организовать новыя изысканія» *). Это равносильно прекращенію работъ. Да и независимо отъ «новыхъ изысканій», надъ дѣйствіями строителей назначена ревизія **). А во время ревизіи до постройки-ли? И невольно припоминаются предшествовавшія этому новому обороту событій пророчества г. Меньшикова.

Амурская дорога — писалъ онъ въ «Новомъ Времени» 9 августа — просто не разродится, вотъ и все. Прежде всего—деньги. Откуда взять денегъ? Ихъ нѣтъ. Ихъ нужно занять, но это возможно лишь при условіи, что ихъ дадутъ... Мнѣ передавали, будто англійскіе капиталисты предлагаютъ нашему правительству дать денегъ на Амурскую дорогу, но при условіи, чтобы ее строило не правительство, а они сами. «Мы вамъ построимъ дорогу, а вы заплатите намъ процентными обязательствами на заемъ». Другими словами: «Мы рады дать денегъ на необходимое для Россіи государственное предпріятіе, но должны быть увѣрены, что деньги пойдутъ именно на него, а не на что другое. Если просто дать денегъ подъ вексель,—онѣ растаютъ, онѣ въ слишкомъ значительной степени будутъ расхищены, растеряны тамъ и здѣсь. Вмѣсто денегъ, мы предлагаемъ вамъ вещь; повѣрьте, она будетъ сработана не хуже, чѣмъ вашими инженерами, и вдвое скорѣе». Я не знаю подробностей этого предложенія. Повидимому, оно не принято. А между тѣмъ едва ли при иныхъ условіяхъ мы получимъ какую нибудь Амурскую дорогу.

Кое-что передавали г-ну Меньшикову вѣрно: послѣдній полумилліардный заемъ состоялся, какъ извѣстно, на условіяхъ, чтобы ни одинъ занятый рубль не поступилъ въ руки русскаго правительства; всѣ 525 милліоновъ должны остаться въ заграничныхъ кассахъ кредиторовъ на покрытіе старыхъ срочныхъ платежей, 9 купоновъ по прежнимъ займамъ, куртажа и курсовыхъ потерь. «Заграница» только разсрочила намъ платежи, хотя и на ростовщическихъ условіяхъ. Но денегъ на руки намъ, дѣйствительно, больше не хотятъ давать. Это г-ну Меньшикову, повторяю, передавали вѣрно. Вѣрно онъ говоритъ также, что средствъ на постройку Амурской дороги у насъ нѣтъ. Шутка ли, стоимость работъ по предварительной смѣтѣ исчислена въ 400 милліоновъ руб.! Можно представить, какая цифра окажется въ исполнительной смѣтѣ. Гдѣ же намъ взять такую уйму денегъ? Вѣрно, стало быть, и заключеніе г-на Меньшикова, что начатую постройку придется или совсѣмъ бросить, или передать «иностраннымъ капиталистамъ». Неизвѣстно только, предлагали ли свои услуги «англійскіе капиталисты», или ихъ еще надо искать, какъ, по словамъ опять-таки «Новаго Времени, правительство уже искало за границей капиталистовъ на предметъ вступленія съ ними въ синдикатный договоръ для эксплуатаціи пароходовъ Добровольнаго флота ***).

---

*) «Кіевскія Вѣсти», 16 января.

**) Ibid.

***) Эту пикантную исторію «Новое Время» (7 августа 1908 г.) передавало

Самостоятельную постройку Амурской дороги придется прекратить—это ясно. Новыя изысканія и ревизія если и могутъ помочь горю, то лишь въ смыслѣ выигрыша времени, необходимаго, чтобы выйти изъ затрудненія съ возможно меньшимъ ударомъ для престижа. Спасеніе престижа—въ сущности лишь дополнительный аргументъ въ пользу единственно возможнаго рѣшенія: надо ударить челомъ англійскимъ или американскимъ капиталистамъ, и принять условія, какія будутъ продиктованы. Съ другой стороны, надо какъ можно скорѣе спасать престижъ и въ виду того неожиданнаго оборота, какой получается съ вопросомъ о порто-франко. «Мѣра» проведена въ законодательномъ порядкѣ. Произведенъ большой шумъ. «Играть назадъ» теперь было бы въ высшей степени неудобно. Но если бы, напр., заинтересовать Англію или Америку въ эксплуатаціи природныхъ богатствъ Приамурья, то, можетъ быть, и удастся отстоять въ международномъ спорѣ то толкованіе договора съ Китаемъ, какое было предложено Государственной Думѣ. Наконецъ, отъ «заграничныхъ капиталистовъ» нужно множество дополнительныхъ услугъ,—въ родѣ того же хотя бы содѣйствія оскудѣвшимъ «помѣщикамъ» Добровольнаго флота. Приходится о многомъ просить. А это значитъ, что надо много дать. Говоря коротко, при наличныхъ условіяхъ, наиболѣе мыслимый выходъ изъ той петли, въ какой мы очутились благодаря новѣйшимъ предпріятіямъ на Дальнемъ Востокѣ,—передача Приамурья «въ сферу вліянія» той страны, которая даетъ намъ искомыхъ капиталистовъ.

Ликвидація Дальняго Востока продолжается. И событія, которыя продолжаютъ развертываться на берегахъ Тихаго океана, трудно понимать иначе, какъ начало территоріальнаго краха. Мы не знаемъ, какъ далеко успѣетъ пойти этотъ крахъ. Ограничится ли онъ тихоокеанскимъ побережьемъ, или пойдетъ дальше? По газетнымъ свѣдѣніямъ, вотъ уже три года высокопоставленные и высокоименитые «владѣльцы» Урала дѣятельно норовятъ распродать свои «историческія права» иностранцамъ. И печать не даромъ опасается, что Уралъ уже подготовленъ къ тому, чтобы войти въ сферу заграничнаго вліянія. Продолжаютъ возникать новые «живые интересы», алчущіе удовлетворенія. Теперь уже

въ такомъ видѣ. Комитетъ Добровольнаго флота «вступилъ съ западнымъ трестомъ въ предварительные переговоры, т. е. попросту сталъ проситься въ иностранный трестъ». Послѣдній, видимо, пожелалъ большихъ субсидій. Во время переговоровъ морской министръ усомнился, допустимо ли такое «соглашеніе съ иностранными компаніями», «такъ какъ подобнаго прецедента не было». Онъ запросилъ объ этомъ мнѣнія у министра торговли и промышленности. Министръ торговли и промышленности въ свою очередь запросилъ министра финансовъ. Г. Коковцевъ отвѣтилъ уничтожающей критикой Добровольнаго флота. Но принципіальный вопросъ, допустимо ли правительственнымъ учрежденіямъ входить пайщиками въ заграничные тресты, запрещенные законами многихъ государствъ, остался безъ отвѣта.

выяснилось вполнѣ, что наиболѣе предпріимчивые депутаты третьей Думы, едва явившись въ Петербургъ, постарались воспользоваться выгодами своего положенія, чтобы получить концессіи. Есть основанія опасаться, что эти новые «живые интересы» отыщутъ такое же утоленіе аппетита, какъ и старые дальновосточные или уральскіе: сорвать, что можно, съ иностранцевъ за полученные отъ имени Россіи права и преимущества, а до остального какое намъ дѣло? Сбудутся эти опасенія или минуетъ насъ чаша сія, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что нѣсколько односторонне кричитъ «Новое Время» о неминуемомъ захватѣ Петербурга въ случаѣ войны; нѣсколько односторонне плачетъ «Голосъ Москвы», что такъ называемыя линіи крѣпостей въ Западномъ краѣ и Привислянье грозны лишь на бумагѣ. У насъ нѣтъ средствъ ни на то, чтобъ защитить Петербургъ, ни на то, чтобъ сооружать настоящія крѣпости на западной границѣ. Но и независимо отъ нашей нищеты, у зарубежныхъ людей едва ли есть сейчасъ особый разсчетъ разрѣшать «русскій вопросъ» оружіемъ, имѣя полную возможность скупить Россію по частямъ и по дешевкѣ. Это все-таки проще, спокойнѣе, безшумнѣе, и даже дешевле, чѣмъ война, грозящая международными осложненіями для каждаго зарубежнаго правительства, которое пожелало бы проявить иниціативу.

Во всякомъ случаѣ, иностранная предпріимчивость, желающая покушать за русскій счетъ, имѣетъ достаточную свободу выбора, чтобъ не пускать въ ходъ такого громоздкаго оружія, какъ пушки. Территоріальный крахъ россійскаго «стараго режима» начался и силою вещей долженъ продолжаться и углубляться. Судьбѣ было угодно, чтобъ нынѣшній 1909 годъ открылся для зарубежнаго міра выясненіемъ другого краха — организаціоннаго. Организаціонный крахъ абсолютизма не новость, разумѣется, ни для «просвѣщенныхъ странъ Запада», ни для самой Россіи. Но, кажется, ни просвѣщенный Западъ, ни огромные круги русскаго общества не представляли и не вѣрили, чтобы дѣло зашло такъ далеко, какъ выясняется теперь, благодаря «scandale Azeff». «Скандалъ Азефа» нашумѣлъ на весь міръ. О немъ уже больше мѣсяца кричитъ русская печать. Тѣмъ не менѣе, я позволю себѣ начать напоминаніемъ о нѣкоторыхъ чисто фактическихъ подробностяхъ.

II.

О «скандалѣ Азефа» заграничная печать начала говорить приблизительно съ половины нашего декабря 1908 г. У насъ только 6 января петербургское «Слово» рѣшилось заимствовать изъ иностранныхъ газетъ «нѣкоторыя подробности о подвигахъ Евгенія Филипповича Азефа, члена боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ и организатора большинства террористическихъ

актовъ (съ?) 1900 года, уличеннаго въ томъ, что онъ съ этого же 1900 г. служилъ агентомъ русской тайной полиціи на жалованьи 14000 р.»... *). Въ настоящее время кое-что изъ прошлаго Азефа оглашено въ русской печати. Въ томъ, что передаютъ газеты, несомнѣнно, заключается много фантастическаго, и отдѣлить правду отъ вымысла далеко не всегда возможно. Не ручаясь поэтому за точность приводимыхъ ниже свѣдѣній, даемъ здѣсь тѣ изъ фактическихъ данныхъ, которыя представляются намъ наиболѣе правдоподобными.

Во второй половинѣ 90-хъ годовъ Азефъ, тогда студентъ одного нѣмецкаго политехникума, вступилъ въ заграничный «союзъ русскихъ соціал.-революціонеровъ»; въ 1899 г. переѣхалъ въ Россію и здѣсь, помимо разнаго рода революціонной дѣятельности, вмѣстѣ съ Гершуни содѣйствовалъ сліянію отдѣльныхъ соціалъ-революціонныхъ союзовъ въ партію соціалистовъ-революціонеровъ.

Начало служенія Азефа въ охранномъ отдѣленіи департамента полиціи газеты относятъ къ 1900 г. Но на чемъ основана эта дата—неизвѣстно. Г. Лопухинъ въ письмѣ къ г-ну Столыпину, между прочимъ, пишетъ: «Евгеній Азефъ, котораго я, въ бытность мою начальникомъ тайной полиціи, зналъ съ мая 1902 до января 1905 г., какъ спеціальнаго коммисара нашей полиціи»... **), «Съ мая 1902 г.» г. Лопухинъ, бывшій дотолѣ харьковскимъ прокуроромъ, и занялъ свой полицейскій постъ, на который онъ былъ призванъ покойнымъ Плеве вскорѣ послѣ своего доклада этому всесильному тогда министру по дѣлу о крестьянскихъ волненіяхъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Благопріобрѣлъ ли въ это время Азефа департаментъ полиціи, или предпріимчивый провокаторъ достался г-ну Лопухину по наслѣдству—остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, пока первыя достовѣрныя даты о службѣ Азефа въ охранномъ отдѣленіи относятся къ 1902 г. Въ это время онъ былъ уже членомъ центральнаго комитета партіи, объѣзжалъ партійныя организаціи, организовалъ транспортировку революціонной литературы и, какъ организаторъ, принималъ участіе въ одномъ изъ покушеній на бывшаго харьковскаго губернатора кн. Оболенскаго и въ покушеніи на уфимскаго губернатора Богдановича.

Относительно убійства Богдановича не лишне, пожалуй, небольшая справка. Лѣтомъ 1908 г. сначала въ кіевскихъ, а потомъ и въ другихъ газетахъ, появились свѣдѣнія о мемуарахъ покойнаго Новицкаго, бывшаго начальника кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія. Изъ этихъ неизвѣстно гдѣ находящихся нынѣ мемуаровъ газеты заимствовали, между прочимъ, и разсказъ о томъ, какъ Новицкій, заранѣе зная о готовящемся поку-

*) Цит. по «Русскимъ Вѣдомостямъ», 8 января.

**) Цит. по «Голосу Москвы» 20 января.

шенія на Богдановича, хотѣлъ принять мѣры, но министръ ему не разрѣшилъ *). Къ жандармскимъ мемуарамъ вообще слѣдуетъ относиться осторожно, и въ особенности, если свѣдѣнія о нихъ доходятъ изъ третьихъ, изъ четвертыхъ рукъ. Въ частности относительно мемуаровъ Новицкаго добавлю слѣдующее. Этого жандармскаго генерала мнѣ лично пришлось наблюдать, приблизительно, съ іюля 1904 по май 1905 г. Былъ онъ тогда уже въ отставкѣ. Жилъ въ Кіевѣ. Замѣтно старался завязать знакомства съ прогрессивными кругами. И подъ предлогомъ разоблаченій непорядковъ въ мѣстномъ отдѣлѣ Краснаго Креста захаживалъ въ редакцію мѣстной «Кіевской Газеты», искалъ бесѣдъ съ сотрудниками, жестоко фрондировалъ, увѣрялъ, что онъ, «конечно, не соціалистъ, но либераломъ былъ всегда». Въ ту пору онъ и говорилъ, что пишетъ или оканчиваетъ мемуары, отъ которыхъ «Россія ахнетъ». Для этихъ мемуаровъ Новицкій почему-то искалъ «редактора», чтобы придать имъ, какъ онъ говорилъ, «литературную обработку». Кое-какіе отрывки онъ показывалъ нѣкоторымъ лицамъ, и кое-какіе эпизоды разсказывалъ,—«въ конспиративной», конечно, обстановкѣ, и на конспиративныхъ условіяхъ. Отрывокъ «мемуаровъ», относящійся къ убійству Богдановича, пришлось видать и мнѣ. Въ этомъ отрывкѣ говорилось, между прочимъ, что Новицкій, въ виду поразившихъ его отвѣтовъ министра, отправилъ спеціальнаго агента въ Петербургъ, чтобы разузнать, въ чемъ дѣло. И спеціальный агентъ сообщилъ ему такія подробности отношеній между Плеве и Богдановичемъ, о которыхъ говорить до появленія въ печати подлинныхъ мемуаревъ Новицкаго невозможно. Признаюсь, на меня лично этотъ разсказъ въ ту пору производилъ нѣсколько смутное впечатлѣніе: не очень-то вѣрилось Новицкому.

Извиняюсь передъ читателями за это отступленіе въ сторону, сдѣланное мною, впрочемъ, не совсѣмъ безъ цѣли. Но объ этомъ ниже. А пока возвращаюсь къ Азефу. Въ началѣ 1903 г. относительно него возникло, повидимому, первое обвиненіе въ провокаторствѣ. Отъ этого перваго по времени обвиненія Азефу удалось оправдаться. Оглашенныя въ печати свѣдѣнія о его дальнѣйшей дѣятельности имѣютъ особо неясный, я бы сказалъ даже, загадочный, характеръ. Съ одной стороны, Азефъ принимаетъ непосредственное участіе почти во всѣхъ главнѣйшихъ предпріятіяхъ партіи.

*) Объ этихъ старыхъ разоблаченіяхъ недавно напомнилъ В. Г. Короленко въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Новицкій за мѣсяцъ до убійства Богдановича «имѣлъ въ рукахъ» всѣ «нити» и донесъ Плеве телеграммой о готовящемся покушеніи. Плеве отвѣтилъ: «ничего на спѣхъ не предпринимайте». Новицкій повторялъ свои донесенія. От министра слѣдовалъ «стереотипный отвѣтъ»: «на спѣхъ не предпринимать ничего»... Въ маѣ 1903 г. Богдановичъ былъ убитъ «пріѣзжими неизвѣстными», которые «безслѣдно скрылись»... («Рус. Вѣдом.», 27 янв.).

Въ его рукахъ партійные «корни и нити». Благодаря ему, охрана, казалось бы, имѣетъ множество случаевъ «захватить всѣхъ сразу», изъять почти всю организацію. И кое-что она дѣйствительно захватываетъ и изымаетъ, но кое-что остается. И эта странность замѣчается не только относительно «нелегальныхъ типографій», складовъ и транспортовъ нелегальной литературы и т. д.

Центральный комитетъ партіи въ своемъ извѣщеніи 7 января утверждаетъ, напр., что по доносу Азефа охрана пресѣкла «наблюденіе» «одной группы» за Плеве въ январѣ 1904 г. И въ то же время газеты категорически говорятъ о дѣятельномъ участіи Азефа въ убійствѣ Плеве. Азефу приписываютъ раскрытіе заговора противъ Трепова. И онъ же, какъ подтверждаютъ, одновременно съ этимъ организовалъ покушеніе на великаго князя Сергія Александровича, доведенное до извѣстнаго конца Каляевымъ. Разобраться въ этихъ и многихъ другихъ загадкахъ пока очень трудно. Ясна лишь нѣкоторая «общая схема».

Въ партійной бухгалтеріи, если позволено такъ выразиться, его пассивъ наросталъ; слухи о провокаторствѣ не прекращались, дѣлались настойчивѣе. Но наросталъ и активъ. И лишь за послѣдніе полтора года наростаніе актива какъ бы прекратилось. Наконецъ, разоблаченія другого «раскаявшагося» провокатора, Бакая, сдѣланныя сначала редактору «Былого» г. Бурцеву и переданныя послѣднимъ центральному комитету партіи, въ связи съ другими свѣдѣніями, имѣвшимися у г. Бурцева, получили роковой для Азефа исходъ. Между прочимъ, г. Бурцевъ ссылался и на свѣдѣнія, полученныя имъ отъ бывшаго директора департамента полиціи Лопухина. Для провѣрки нѣкоторыхъ свѣдѣній былъ кто-то отправленъ въ Петербургъ. Узнавъ объ этомъ, Азефъ 11 ноября 1908 года явился къ г. Лопухину съ предупрежденіями, а 21 ноября явился и начальникъ охраны г. Герасимовъ уже прямо съ угрозами, что «онъ (Герасимовъ) будетъ точно извѣщенъ обо всемъ, что произойдетъ на этомъ судѣ (надъ Азефомъ), будетъ освѣдомленъ и объ именахъ свидѣтелей, и объ ихъ показаніяхъ» *)... Приблизительно мѣсяцъ спустя заграничныя газеты уже заговорили о «дѣлѣ Азефа». 26 декабря (8 января по новому стилю) въ парижскихъ газетахъ появилось слѣдующее «извѣщеніе»:

„Центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ доводитъ до свѣдѣнія товарищей, что инженеръ Е. Ф. Азефъ, 38 лѣтъ,... членъ партіи с.-р. съ самаго ея основанія, избираемый неоднократно въ главные органы партіи, членъ боевой организаціи и центральнаго комитета, уличенъ въ сношеніяхъ съ русской тайной полиціей, въ виду чего объявляется агентомъ-провокаторомъ. Азефъ, бѣжавшій раньше, чѣмъ партійный судъ окончилъ судопроизводство надъ нимъ, признается человѣкомъ, чрезвычайно вреднымъ для партіи"... (цитирую по переводу „Новаго Времени", см. № 19 января).

*) Изъ письма г. Лопухина къ г. Столыпину. Цит. по «Голосу Москвы» 20 января.

Такимъ образомъ, напечатанныя 6 января газ. «Слово» краткія позаимствованія изъ иностранной печати отнюдь не были новинкой ни для правительства, ни для круговъ, имѣющихъ возможность слѣдить за зарубежною прессою. И правительство вначалѣ отнеслось какъ будто спокойно. 7-го января замѣтка «Слова» была перепечатана почти всѣми петербургскими газетами; телефонъ и телеграфъ передали ее московской и провинціальной прессѣ. Два дня правительство въ общемъ не мѣшало широкой огласкѣ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе невинныхъ подробностей. На третій—8 января—вдругъ, сразу шесть петербургскихъ газетъ были оштрафованы въ административномъ порядкѣ и послѣдовало оффиціальное опроверженіе:

Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ, а затѣмъ и русскихъ газетахъ появились извѣстія о томъ, будто бы въ періодъ времени съ 1902 г. по 1905 г. агенты русской полиціи были прикосновенны къ организаціи нѣкоторыхъ террористическихъ актовъ, въ числѣ коихъ указываются убійства въ Бозѣ почившаго великаго князя Сергія Александровича, министровъ внутреннихъ дѣлъ Сипягина и Плеве, уфимскаго губернатора Богдановича и др.

Означенныя свѣдѣнія представляются безусловно вымышленными (цит. по „Рѣчи", 9 января).

По какому-то странному административному капризу эта неожиданная кара коснулась не всѣхъ петербургскихъ газетъ. И по еще болѣе странному недосмотру, составители оффиціальнаго опроверженія позабыли объявить «безусловно вымышленными» свѣдѣнія о прикосновенности «агентовъ полиціи» къ «актамъ» послѣ 1905 г. 10 января за упоминаніе объ Азефѣ оштрафованъ октябристскій «Голосъ Правды». 13 января вдругъ послѣдовало распоряженіе о снятіи штрафовъ, вызвавъ основательное желаніе «Нашей Газеты» хоть узнать о мотивахъ, если не внезапной кары, то внезапной милости. Во всякомъ случаѣ «дѣло Азефа» на нѣсколько дней было изъято изъ газетъ, хотя «весь Петербургъ» зналъ уже, что «лѣвые» готовятъ запросъ въ Думѣ и подбираютъ какіе-то «документы». Затѣмъ правительство, видимо, рѣшило измѣнить тактику. Еще «за день 18 января «Figaro» — какъ ехидно разоблачаетъ «Новое Время» — помѣстило длинное письмо своего петербургскаго корреспондента, который сообщилъ о предстоящемъ арестѣ Лопухина и въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ защищалъ Рачковскаго, котораго никто не думалъ тогда обвинять» *). Послѣднее утвержденіе, что «Рачковскаго тогда никто не думалъ обвинять», не совсѣмъ правильно. Но 18 января, дѣйствительно, началось усиленными мѣропріятіями. Помимо тщательнаго обслѣдованія квартиры арестованнаго г. Лопухина, были произведены обыски у бывшаго минскаго прокурора (нынѣ присяжнаго повѣреннаго) г. Бибикова, въ двухъ квартирахъ присяжнаго повѣреннаго Н. Д. Соколова, у присяжнаго повѣреннаго

*) „Новое Время", 27 января.

Сліозберга, «ведущаго дѣла министерства внутреннихъ дѣлъ», и т. д. По общему характеру обысковъ, затронувшихъ даже «кабинетъ переписки бумагъ» г-на Левинсона, возникли догадки, что главный интересъ сосредоточенъ на какихъ-то «документахъ».

«Документовъ» искали или не документовъ, но 19 января «Новое Время» огласило подробности по «дѣлу Азефа», и въ тотъ же день разослано было редакціямъ газетъ новое оффиціальное сообщеніе:

„Согласно опубликованнымъ въ заграничной печати даннымъ, инженеръ Евно Азефъ, состоящій членомъ тайнаго сообщества, именующагося партіей соціалистовъ-революціонеровъ и доставлявшій разыскнымъ органамъ полиціи свѣдѣнія о преступныхъ замыслахъ означенной группы, уличенъ членами послѣдней въ сношеніяхъ съ полиціей"... („Новое Время", 20 января).

Далѣе говорится, что этому «разоблаченію» содѣйствовалъ бывшій директоръ департамента полиціи Лопухинъ,

„при чемъ упомянутое дѣяніе его имѣло прямымъ послѣдствіемъ исключеніе Азефа изъ партіи и прекращеніе для него возможности предупреждать полицію о преступныхъ планахъ сообщества, ставящаго своею цѣлью совершеніе террористическихъ актовъ первостепенной важности" («Н. В.», 20 января).

Г-нъ Лопухинъ помѣшалъ агенту полиціи оставаться членомъ «преступнаго сообщества», ставящаго своею цѣлью совершеніе террористическихъ актовъ первостепенной важности», за что «въ качествѣ обвиняемаго заключенъ подъ стражу» —таковъ буквальный смыслъ этого изумительнаго правительственнаго сообщенія. Черезъ нѣсколько дней пришлось спохватиться и дополнительно объявить, что «*никто* изъ должностныхъ лицъ», «*никогда*» «*ни въ какихъ*» революціонныхъ предпріятіяхъ не участвовалъ *). Но это нервное ручательство за всѣхъ «должностныхъ лицъ», чуть не со дня основанія государства Россійскаго по 27 января 1909 г. включительно, если и годится на что либо, то развѣ какъ классическій примѣръ чрезмѣрной категоричности. Да, можетъ быть, еще въ курсы психологіи войдетъ этотъ эпизодъ,—опять таки въ качествѣ примѣра, до чего доводитъ людей чувство растерянности. «Они» и вообще растерялись. Дошло до того, что депутатъ фонъ-Анрепъ, напр., убѣждая Думу отклонить срочность запроса, началъ съ аргумента, что обвиненія противъ Азефа почерпнуты изъ «протокола революціоннаго комитета парижскаго», и уже поэтому имъ нельзя довѣрять; но вслѣдъ затѣмъ сталъ громить «соціалъ-революціонеровъ, которые въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ были такъ близоруки, что имѣли своимъ вожакомъ негодяя и измѣнника»... Кажется, г. Анрепъ такъ и не догадался, что нельзя въ одно и то же время и однимъ и тѣмъ же фактамъ безусловно вѣрить, когда нужно выругать

*) См. правительственное сообщеніе въ № «Новаго Времени» 27 января.

«соціалъ-революціонеровъ» и не вѣрить, когда нужно отсрочить запросъ. Любопытно, между прочимъ, что вслѣдъ за г. Анрепомъ въ такой же просакъ попалъ, между прочимъ, и «Голосъ Москвы».

Легко, однако, понять эти крайнія проявленія растерянности. Что документы! Что Дума! Что даже скандалъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы!.. Въ концѣ-то концовъ скандаломъ больше или скандаломъ меньше,—не такъ ужъ оно важно. Важнѣе существо вопроса, то самое существо, по поводу котораго «Новое Время» прежде всего заговорило объ «инстинктѣ самосохраненія». И, дѣйствительно, быть можетъ, прежде всего надо вспомнить объ этомъ инстинктѣ и «должностнымъ лицамъ», и «агентамъ».

Вслѣдъ за правительствомъ, заявлявшемъ, что Азефъ для него былъ необходимъ, столь же откровенную позицію пришлось занять и нѣкоторымъ близкимъ къ правительству органамъ. «Русское Знамя» напрямки, «Голосъ Москвы» съ оговорками развили ту мысль, что данному политическому строю безъ Азефовъ не обойтись. И, дѣйствительно, не обойтись. Нельзя, однако, не считаться съ нѣкоторыми чисто профессіональными особенностями этого рода службы. Оставимъ пока въ сторонѣ дѣло Азефа, пока слишкомъ темное. Но вотъ, напр., старый извѣстный разсказъ Льва Тихомирова о «шпіонѣ П.», который «позыдалъ очень быстро всѣхъ, кого только зналъ, и возбудилъ противъ себя подозрѣнія революціонеровъ». Жандармскій полковникъ Судейкинъ рѣшилъ изъ этого «выжатаго лимона» извлечь все-таки пользу:

Дѣло въ томъ, что Дегаеву надо было чѣмъ-нибудь зарекомендовать себя въ революціонномъ мірѣ. И Судейкину пришла счастливая идея... Онъ предложилъ Дегаеву прослѣдить П., доказать передъ революціонерами его измѣну и убить его. Такимъ образомъ всякія подозрѣнія революціонеровъ противъ самого Дегаева должны были исчезнуть. «Конечно, замѣтилъ Судейкинъ,— жалко его. Да что станете дѣлать. Вѣдь нужно же вамъ чѣмъ-нибудь аккредитовать себя. А изъ П. все равно никакой пользы нѣтъ». Тому же Дегаеву Судейкинъ предлагалъ убить еще шпіона Шкрябу (въ Харьковѣ). «Вотъ если угодно, можете его уничтожить, если понадобится»... (Цит. по «Современному Слову», 22 января).

Да и какъ можно иначе поставить дѣло? Вѣдь же мы понимаемъ, что такія организаціи въ свою среду не допустятъ людей съ вѣтра и каждому агенту, чтобъ заслужить тамъ довѣріе, нужно совершить хоть какой-нибудь, но «удачный актъ». Г. Тихомировъ говорилъ объ одной изъ цѣлей такихъ актовъ. «Отставной сановникъ, нѣкогда занимавшій чрезвычайно высокій постъ, а нынѣ коротающій свои досуги въ покойномъ креслѣ Государственнаго Совѣта», открылъ сотруднику «Голоса Москвы» г-ну Н. Истомину и другія цѣли.

„Прежде всего,—разсказываетъ этотъ сановникъ, тоже пишущій мемуары,— мы, конечно, должны быть освѣдомлены о революціонныхъ силахъ и о ихъ намѣреніяхъ. И потому мы первымъ долгомъ стараемся добыть изъ этого лагеря языка. Вотъ такого языка мнѣ впервые привели, когда задумано было первое покушеніе на меня въ комитетѣ соціалистовъ-революціонеровъ... Мы

стали разсуждать съ тѣмъ человѣкомъ, который завѣдывалъ моею охраной, какъ намъ пресѣчь это покушеніе. Мой охранникъ, человѣкъ очень не глупый, тоже бывшій давно еще революціонеромъ, сказалъ мнѣ:

— Ваше высокопревосходительство, здѣсь надо вступить въ соглашеніе..

— Какъ?

...— Да придется имъ выдать кого-либо изъ нашихъ. Ну, пусть укокошатъ какого-нибудь агента изъ маленькихъ...

Его высокопревосходительству сначала показалось, что «это ужъ очень мерзко выходитъ», но потомъ онъ разрѣшилъ:

— «Ну, дѣлайте, какъ знаете» *).

О фактической цѣнности этого разсказа можно быть разныхъ мнѣній. Но характерно, что «Голосъ Москвы» развиваетъ самую идею охранной компенсаціи. Провокаторъ NN выдаетъ, къ примѣру, заговоръ на сановника X. Начальство понимаетъ, что «партія» тщательно разслѣдуетъ причины «провала». И чтобъ отвлечь подозрѣніе отъ цѣннаго агента, необходима компенсація: «Ну, пусть укокошатъ кого-либо изъ нашихъ»... Такъ оно должно представляться дѣло сверху, съ точки зрѣнія «сановника», который, по выраженію «Голоса Москвы», «говоритъ теперь обо всемъ съ ледянымъ спокойствіемъ человѣка, все видѣвшаго на своемъ вѣку и ничему теперь не удивляющагося». Но какъ же дѣло должно представляться снизу, съ точки зрѣнія «агента», памятующаго, что рѣшеніе: «пусть укокошатъ кого-либо изъ нашихъ», можетъ упасть именно на его голову. Ему нужно быть цѣннѣе сослуживцевъ, не только по соображеніямъ карьеры, но и на случай того выбора, о которомъ говоритъ г. Тихомировъ. Стать же цѣннымъ, т. е. войти въ полное довѣріе организаціи, знать всѣ ея секреты, можно, разумѣется, не иначе, какъ совершивъ возможно больше «удачныхъ дѣлъ». Далѣе, онъ вынужденъ зорко слѣдить за начальствомъ, чтобы во время обезоружить или убрать то или другое «начальствующее лицо», готовое «выдать» его. Черты этой профессіональной сообразительности отыскиваются и въ дѣлѣ Азефа. Говорятъ, онъ въ 1904 г. проектировалъ покушеніе на директора департамента полиціи Лопухина, а въ 1906 г. на своего ближайшаго патрона Рачковскаго. И трудно отказать въ правдоподобности предположенію, что Азефъ хотѣлъ устранить лично опасныхъ ему людей. Наконецъ, агенту, если бы онъ былъ даже только профессіоналомъ, естественно совершить какое-либо «дѣло» въ серьезъ, тайкомъ отъ начальства, просто такъ, на всякій случай: можетъ быть, понадобится въ цѣляхъ самозащиты отъ партійнаго суда. Мы не знаемъ, какъ могли комбинироваться въ каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ карьеры Азефа эти профессіональные разсчеты охраннаго начальства и охранныхъ агентовъ. Несомнѣнно одно: даже чисто профессіональныя свойства охранной службы обусловливаютъ то, что разоблачается въ дѣлѣ Азефа.

*) „Голосъ Москвы“, 28 января.

Но передъ нами не только профессіональныя свойства охранной службы. Есть нѣчто болѣе важное и общее. Возмущаясь тѣмъ, что «Свѣтъ» отрекается отъ Азефа, «Русское Знамя», между прочимъ, пишетъ:

Господа почтенные, принимаете вы извѣстный государственный строй, такъ принимайте его цѣликомъ, и съ пріятными и съ непріятными для васъ аксессуарами: съ военными судами, а слѣдовательно, и съ палачами; съ радикальной борьбой съ заговорщиками, а слѣдовательно, и съ Азефами. А то за военные суды спасибо, а за палачей—брань, за предупрежденіе и пресѣченіе преступленій спасибо, а за шпіоновъ—презрѣніе. Честно ли это поползновеніе и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти? (цит. по «Рѣчи», 25 января).

Правильно,—принимать, такъ все принимать, съ палачами, съ Азефами и съ неизбѣжностью революціоннаго броженія,—иначе для чего же палачи и Азефы? Принимать надо цѣликомъ весь порядокъ, при которомъ огромныя массы населенія лишены возможности отстаивать свои законные права и интересы. Если принимать, то со всей той психологіей раздраженія и озлобленія, которая почти во всѣхъ странахъ, находившихся въ такомъ же положеніи, въ какомъ нынѣ находится Россія, вела къ «заговорамъ» и террору. И надо отдать справедливость кругамъ, выразителемъ коихъ является «Русское Знамя»: они не только принимаютъ эту психологію, но и стараются, сколько извѣстно, использовать ее въ своихъ видахъ. Между прочимъ, если вѣрить разоблаченіямъ по дѣлу Казанцева, «истинно-русскіе» организовали изъ попавшихся на удочку рабочихъ собственную «революціонную боевую дружину», которая и совершила покушенія на графа Витте и на Іоллоса. Принимаютъ руководители «Русскаго Знамени», какъ будто все... Одно для меня неясно,—вполнѣ ли сознательно они принимаютъ и неизбѣжность Судейкиныхъ?

Позвольте напомнить разсказъ того же Льва Тихомирова, нынѣшняго редактора «Московскихъ Вѣдомостей»:

„Ближайшій начальникъ Судейкина, Плеве дорожилъ имъ совершенно искренно, какъ человѣкомъ, необходимымъ для собственной карьеры. Онъ не скупился передъ Судейкинымъ на комплименты и въ глаза сказалъ однажды: „Вы должны быть осторожны. Вѣдь ваша жизнь, послѣ жизни государя императора, наиболѣе драгоцѣнна для Россіи". Когда Судейкинъ въ отвѣтъ на этотъ комплиментъ замѣтилъ, что его превосходительство забываетъ еще о жизни графа Толстого (тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ), то Плеве раздумчиво отвѣтилъ: „да, конечно, его было бы жаль, какъ человѣка; *однако, нельзя не сознаться, что для Россіи это имѣло бы и нѣкоторыя полезныя послѣдствія*"... Онъ (Судейкинъ) думалъ поручить Дегаеву подъ рукой сформировать отрядъ террористовъ, совершенно законспирированный отъ тайной полиціи; самъ же хотѣлъ затѣмъ къ чему-нибудь придраться и выйти въ отставку. Немедленно по удаленіи Судейкина, Дегаевъ долженъ былъ начать рѣшительныя дѣйствія: убить графа Толстого, великаго князя Владиміра и совершить еще нѣсколько террористическихъ актовъ. При такомъ возрожденіи террора, понятно, ужасъ долженъ былъ

охватить правительство. Необходимость Судейкина, при удаленіи котораго революціонеры немедленно подняли голову, должна была стать очевидной, и къ нему обязательно должны были обратиться, какъ къ единственному спасителю. И тутъ уже Судейкинъ могъ запросить, чего душѣ угодно"... (Цит. по „Современному Слову", 22 января).

Я подчеркнулъ слова Плеве: убійство графа Толстого «для Россіи имѣло бы и нѣкоторыя полезныя послѣдствія». Этимъ будущій всесильный диктаторъ какъ бы допускалъ использованіе психологіи раздраженія и озлобленія въ цѣляхъ блага общественнаго. Другой неудавшійся кандидатъ въ диктаторы, Судейкинъ, замышлялъ использовать ту же психологію въ цѣляхъ чисто личныхъ. Дѣйствительно, эта психологія, какъ и всякая другая стихійная сила, можетъ быть использована и такъ, и иначе. И не надо скрывать отъ себя, что со временъ Дегаева и Судейкина обвиненіе въ готовности пользоваться этимъ средствомъ тяготѣетъ надъ нѣкоторыми лицами и учрежденіями, вѣдавшими «внутренней политикой». Можно твердить, что это вымыселъ. Можно кричать, что аналогіи, напримѣръ, съ французскими правительствами временъ Фуше къ намъ не относятся. Только кто повѣритъ?

Вонъ сановникъ «Голоса Москвы» хвалится «собственнымъ охранникомъ»:

Надо вамъ замѣтить, что мой охранникъ былъ мнѣ очень преданъ. Я его вынулъ изъ петли когда-то. И теперь я ему вѣрилъ («Голосъ Москвы» 28 января).

Нынѣ открывается, что «собственные» охранники были у Побѣдоносцева, «собственныхъ» охранниковъ имѣлъ Плеве, «собственными» охранниками окружалъ себя Дурново... Повидимому, эти личные охранники при особахъ входятъ въ общій составъ охранной полиціи, изъ кредитовъ которой и получаютъ присвоенное содержаніе. Но важно, что первѣйшіе сановники государства не довѣряютъ охранѣ общей, считаютъ нужнымъ окружать себя лично преданными, лично обязанными, лично заинтересованными агентами:

— Я вытащилъ тебя изъ петли; покуда живъ, спасаю тебя отъ петли, но если ты меня не убережешь, то моя смерть будетъ и твоею гибелью...

И опять—какъ же иначе-то? Попытайтесь посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія того же сановника изъ «Голоса Москвы». Азефъ принималъ участіе въ организаціи покушенія на Плеве. Принималъ, но не помѣшалъ. Почему? Прозѣвалъ донести во время, или не хотѣлъ? Почему не хотѣлъ? Можетъ быть, ради профессіональнаго интереса. Можетъ быть, Плеве для него былъ просто «чужой генералъ», и онъ рѣшилъ перехитрить плевенскаго «охранника», чтобъ защитить «своего генерала». А можетъ быть, кто-либо самому Азефу или азефову генералу сдѣлалъ такой же намекъ, за какой легко было принять и слова Плеве Судейкину:

— Это для Россіи имѣло бы нѣкоторыя полезныя послѣдствія.

И то можетъ быть, что Азефа направлялъ какой-либо новый Судейкинъ, желавшій убрать Плеве въ интересахъ своей карьеры. Какъ знать, не сидитъ ли гдѣ-либо по близости на сосѣднемъ креслѣ, и въ самомъ дѣлѣ, новый Судейкинъ? Гдѣ гарантія? Чѣмъ продиктовано покушеніе на графа Витте? Соображеніями ли о «нѣкоторыхъ полезныхъ послѣдствіяхъ?» Или кто-то желалъ убрать съ дороги соперника, возможнаго конкуррента, опаснаго въ той или иной личной причинѣ человѣка?

«Голосъ Москвы» и «Новое Время» говорятъ о необходимости тщательнаго, осторожнаго подбора начальствующихъ лицъ и низшихъ агентовъ:

Вотъ еще одинъ громкій и горькій урокъ,—сѣтуетъ, напр., г. Меньшиковъ,—нашей государственности, которая какъ будто совсѣмъ утратила критерій при выборѣ людей... Утратился коренной инстинктъ власти—приближать людей только государственнаго типа и испытаннаго патріотизма („Новое Время“, 22 января),

Легко говорить! Ужъ чего, казалось бы, «испытаннѣе» «патріотизмъ» покойнаго Новицкаго? А посмотрите, что онъ разсказываетъ о Плеве! Прославленный жандармскій генералъ, несокрушимый искоренитель безсмысленныхъ конституціонныхъ мечтаній, онъ, едва оставивъ службу, сталъ фрондировать, либеральничать не хуже «кадета», потихоньку разглашать тайны, извѣстныя ему по службѣ, вредить тому, чему служилъ... Потомъ его назначили градоначальникомъ въ Одессу. Въ качествѣ градоначальника онъ до самой смерти ревностно искоренялъ безсмысленныя конституціонныя мечтанія. Умеръ, можно сказать, на охранномъ посту. А все-таки свои ехидные мемуары оставилъ. И даже, говорятъ, постарался обезопасить ихъ отъ покушеній со стороны своей же охранной братіи. Г. Меньшиковъ называетъ Лопухина «кадетомъ», почти «корифеемъ освободительнаго движенія». Но кто же имѣетъ больше правъ на званіе «испытаннаго патріота», чѣмъ этотъ избранникъ Плеве, директоръ департамента полиціи временъ всемѣрнаго искорененія «конституціонныхъ бредней», временъ знаменитаго кишиневскаго погрома 1903 г.? Начальникъ Зубатова,—ужъ чего бы, кажись, «испытаннѣе»? Даже сановникъ «Голоса Москвы»—пенсіями награжденъ, на кресло государственнаго совѣта посаженъ, и сидитъ на немъ за «традиціонныя основы» крѣпко, однако, въ тиши кабинета смертоубійственные для этихъ основъ мемуары пишетъ... Кстати, что-то ужъ очень много сановники пишутъ «вредныхъ» мемуаровъ. Ужъ очень сильно одолѣваетъ ихъ зудъ хотя бы загробнымъ «чистосердечнымъ признаніемъ» смягчить приговоръ исторіи?

Удивительное что-то творится на бѣломъ свѣтѣ. Тотъ же г. Лопухинъ съ момента, когда ему нанесъ визитъ Азефъ, былъ подвергнутъ тщательному, хотя и негласному надзору:

Лопухинъ—отмѣчаетъ, напр., „Голосъ Москвы" (20 января) — ѣздилъ за-границу въ минувшемъ декабрѣ... Во время поѣздки за нимъ слѣдили агенты охраны. Послѣ возвращенія изъ Лондона, онъ выѣхалъ въ Москву... и ѣздилъ въ Орелъ въ имѣніе. Слѣдомъ за нимъ опять-таки направились агенты.

Все дѣлалось подъ строжайшимъ секретомъ. И, тѣмъ не менѣе, за день до ареста Лопухина, это рѣшеніе — арестовать — было извѣстно, какъ отмѣчаетъ «Новое Время», «всему Парижу». Лопухина обвиняютъ въ разглашеніи служебныхъ тайнъ. Но вѣдь и новѣйшая «государственная тайна»—рѣшеніе арестовать бывшаго директора департамента полиціи — тоже оказалась, по словамъ «Новаго Времени», преждевременно разглашенной, такъ что и въ Парижѣ ее знали. Значитъ, есть «неблагонадежные». Но гдѣ ихъ искать? Въ совѣтѣ министровъ? въ охранномъ отдѣленіи? Въ оффиціозныхъ газетахъ? Правительство выразило оффиціально сожалѣніе, что лишилось услугъ Азефа. Ну, а знаетъ правительство, что больше нравилось Азефу, — убивать министровъ или выдавать революціонеровъ? Что Бакай считаетъ болѣе достойнымъ—выдавать революціонеровъ охранкѣ, или выдавать охранку революціонерамъ? Гдѣ гарантія, что въ каждомъ нынѣшнемъ необнаруженномъ провокаторѣ и простомъ агентѣ не скрывается презрѣніе и ненависть къ господину, которому онъ продался и которому служитъ? Какъ спастись, наконецъ, отъ этого всеобщаго повальнаго предательства, по милости котораго рѣшительно ни одному человѣку нельзя довѣряться? Гдѣ человѣкъ, на котораго можно бы положиться? Г. Меньшиковъ, что ли? А кто писалъ статьи объ учредительномъ собраніи, доселѣ обезоруживающія прокуроровъ на литературныхъ процессахъ? Кто защищалъ въ «Новомъ Времени» идею кадетскаго министерства»? Нынче-то онъ чуть ли не весь міръ Божій готовъ обвинять въ кадетизмѣ. Но что онъ запоетъ завтра?

«Новому Времени» и «Голосу Москвы» дѣло представляется, повторяю, довольно просто: стоитъ лишь найти хорошихъ людей... Какъ и отъ всѣхъ вообще агентовъ власти, отъ агентовъ охраны и отъ агентовъ-провокаторовъ — глубокомысленно разсуждаетъ «Голосъ Москвы»—«требуется полная добросовѣстность и искренняя преданность своему долгу» *). Оставимъ въ сторонѣ нѣсколько комическій характеръ этого глубокомыслія. Мы вѣдь, дѣйствительно, подошли къ главнѣйшему пункту вопроса. Какъ найти людей «вполнѣ добросовѣстныхъ», «искренно преданныхъ своему долгу людей? Гдѣ они? Куда дѣвались?

*) „Г. М.", 21 января.

III.

Какому, однако, долгу должно быть предано государственное учрежденіе, называемое даже г. Меньшиковымъ не иначе, какъ «зловѣщимъ учрежденіемъ», «тайной политической инквизиціей»... одно имя которой наводило трепеть на сотни тысячъ безстрашныхъ людей? *) Во имя чего служили или служатъ Лопухины, Герасимовы, Рачковскіе, Азефы? Обычныя отговорки: «служатъ цѣлямъ государственнаго порядка» ровно ничего не выражаютъ, кромѣ намѣренія уклониться отъ отвѣта. Мнѣ довелось какъ-то слышать одного охраннаго чиновника на судѣ, гдѣ онъ, въ качествѣ свидѣтеля, старался доказать защитникамъ, что понимаетъ слово «анархизмъ» и даже называлъ книги, изъ которыхъ познакомился съ этимъ ученіемъ. Признаться, меня лично онъ не совсѣмъ убѣдилъ. И не совсѣмъ я понялъ, какого онъ собственно мнѣнія объ анархизмѣ. Но и чиновникъ этотъ, помнится, не отрицалъ, что эта идея вдохновляетъ, увлекаетъ и зажигаетъ нѣкоторыхъ людей. И сколько можно было понять, признавалъ этихъ людей не совсѣмъ ужъ плохими; по крайней мѣрѣ, указывая на скамью гдѣ сидѣли подсудимые экспропріаторы, онъ сказалъ:

— Это—разбойники; настоящіе анархисты не такіе...

И, очевидно, покуда анархическая идея имѣетъ кредитъ, будутъ «настоящіе анархисты», «искренно преданные долгу», вытекающему изъ ученія анархизма. И этого не устранить никакими ударами по организаціи анархистовъ, никакими провокаціями и шпіонствами. Я не знаю, какого мнѣнія держится этотъ чиновникъ объ идеѣ, лежащей въ основѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Но, полагаю, онъ также не станетъ отрицать, что эта идея зажигаетъ и вдохновляетъ людей до самозабвенія, до готовности идти на смерть, какъ не отрицаетъ этого, напр., «Голосъ Москвы». Конечно, «Голосъ Москвы» считаетъ эту идею скверной и скорбитъ, что она другимъ кажется хорошею. Но скорбь эта вѣдь и есть признаніе, что данная идея имѣетъ кредитъ. Организацію, сплоченную во имя нея, можно разбить, разгромить, дезорганизовать тѣми или другими внѣшними способами. Но, покуда идея жива, какъ бы ни горько это было ея противникамъ, «искренно преданные» вытекающему изъ нея долгу неизбѣжны. Плоха или хороша идея, во имя которой сплочена соціалъ-демократическая партія, но она опять таки живая. И оттого, что данная с.-д. организація тяжко пострадала отъ «агента», проникшаго въ ея комитетъ, ни идея, лежащая въ основѣ партіи, ни сама партія не стали мертвы. Можно быть разнаго мнѣнія о демократической, кадетской, либе-

*) „Новое Время“, 20 января.

ральной или иной «доктринѣ», за искорененіе которой гг. Рачковскимъ платятъ жалованье. Но возлѣ каждой изъ этихъ доктринъ есть искренно преданные своему долгу. А вотъ какой «доктринѣ» «безъ лести преданы» гг. Зубатовы и Рачковскіе?

Тотъ же «Голосъ Москвы» говоритъ намъ: что особеннаго, если у правительства есть шпіоны? развѣ въ республиканской Франціи ихъ нѣтъ? развѣ арміи шпіонами не пользуются?. Да и чего, наконецъ, лѣвые кричатъ о шпіонахъ? А сами то, какъ проникаютъ, напр., въ тайны охраннаго отдѣленія и всѣхъ вообще правительственныхъ учрежденій. Не будемте, однако, перекатывать слова съ мѣста на мѣсто. Ложь есть позорящій человѣка поступокъ. Но кто назоветъ лжецомъ врача, когда онъ, во имя человѣколюбія, говоритъ завѣдомую для него неправду больному? Что можетъ быть гнуснѣе убійства исподтишка? Но отчего благороднѣйшій Шиллеръ воспѣлъ легендарнаго Вильгельма Теля? Воспользоваться довѣріемъ людей, чтобы погубить ихъ, есть предательство. Но кто же назоветъ предателемъ тоже легендарнаго Ивана Сусанина? Докажите, что Евно Азефъ весь былъ охваченъ, весь горѣлъ мыслью погубить революцію и возстановить на Руси православіе, самодержавіе и народность, коимъ онъ по должности охраннаго агента и обязывался служить? Докажите, говорю, что именно во имя этой мысли онъ подготовилъ смерть Плеве. И то же «Новое Время», тотъ же «Голосъ Москвы», которые бранятъ Азефа жидомъ, негодяемъ, предателемъ, назовутъ его вторымъ, хотя и неудавшимся Сусанинымъ. Докажите, наоборотъ, что онъ велъ рискованную, но большую игру, хотѣлъ усыпить и обмануть правительство и «однимъ ударомъ открыть странѣ выходъ изъ тупика». Докажите, говорю, что эта мысль пусть ужасная, пусть фантастическая, горѣла въ немъ, что ею онъ былъ охваченъ, что она лежала въ основѣ его поступковъ. Докажите такъ, чтобъ ужъ не оставалось сомнѣній. И, повѣрьте, Азефъ нашелъ бы своего поэта.

Сусанинъ говоритъ намъ: вотъ моя правда, я въ нее вѣрую, во имя ея гублю людей и за нее самъ готовъ погибнуть и гибну. Пусть даже у меня своя правда, совсѣмъ другая, чѣмъ у него, но я не могу не признать въ Сусанинѣ *человѣка.* Гамзей говоритъ: вотъ 2000 рублей, ихъ я получилъ за Герценштейна и за эту цѣну подлежу каторгѣ. Пусть даже не каторгѣ, а совершенно недопустимому съ моей точки зрѣнія наказанію—висѣлицѣ. Пусть даже я вообще противъ уголовныхъ каръ. Пусть, наконецъ, Гамзей погибъ отъ глубоко возмутительнаго для меня суда Линча, погибъ мучительно, подвергнутый звѣрскимъ истязаніямъ. Надъ его физическими страданіями я, быть можетъ, и заплачу. Но во имя моей правды, въ которую я вѣрю, я говорю Гамзею: наемный убійца. Гибель людей — всегда страшная вещь. Пусть Сусанинъ, какъ говоритъ легенда, загубилъ цѣлый отрядъ, а Гамзей только одного. Но первый и въ глазахъ враговъ человѣкъ; а вто-

рого и свои, отъ которыхъ онъ получилъ «цѣну крови», назовутъ «продажной душой».

Я умышленно беру примѣръ рѣзкій, такъ какъ на рѣзкихъ примѣрахъ всего виднѣе, что перекатывать слова съ мѣста на мѣсто—занятіе не всегда удобное и мало убѣдительное.

«Во имя правды, въ которую я вѣрю, и за которую готовъ умереть»... Я все хочу понять правду, въ которую вѣритъ г. Рачковскій до готовности умереть. И не вижу, гдѣ она, и не знаю, какъ называется.

Оставимъ охранную службу, какъ слишкомъ специфическую. Есть другіе болѣе нормальные роды дѣятельности. Вонъ «Новое Время» уже нѣсколько лѣтъ кричитъ, что въ русской арміи, съ одной стороны, не комплектъ офицеровъ, а съ другой—среди офицерскаго состава есть «скрытые революціонеры», подлежащіе изгнанію. Но что значитъ «революціонеръ»? Чему, и во имя чего долженъ служить офицеръ? Наиболѣе дѣйственная нынѣ часть воинскаго устава говоритъ объ искорененіи враговъ внутреннихъ. Но попытайтесь поставить эту формулу: «врагъ внутренній», конкретно. Каждый грамотный офицеръ, навѣрное, знаетъ, положимъ, два имени: Милюковъ и Меньшиковъ. Одинъ говоритъ, что въ интересахъ громаднаго большинства народа необходимо «принудительное отчужденіе по справедливой оцѣнкѣ», другой утверждаетъ, что громадное большинство народа нужно обезземелить и обречь на вырожденіе и голодную смерть. Кого же русскій офицеръ можетъ по совѣсти признать «внутреннимъ врагомъ»,—мыслящихъ ли по Милюкову или мыслящихъ по Меньшикову? Я знаю въ виду такой опасности всѣ Меньшиковы закричатъ: «долгъ офицера—не разсуждать, а исполнять приказаніе начальства». Но вѣдь, сколько ни кричи, а долгъ все таки понятіе нравственное, вытекающее изъ глубокаго внутренняго убѣжденія и вѣры въ правоту дѣла, которому обязывается служить. И весь вопросъ въ томъ, есть ли почва, есть ли возможность для внутренняго убѣжденія и глубокой вѣры, или есть только жалованье? И не въ связи ли съ этимъ именно вопросомъ надо разсматривать явленіе, которое «Новое Время» называетъ «бѣгствомъ офицеровъ изъ арміи».

«Бѣгство офицеровъ». «Некомплектъ офицеровъ»... Оказываются вѣдь «некомплекты» и на другихъ родахъ службы:

Въ виду имѣющихся въ настоящее время вакантныхъ мѣстъ въ полиціи провинціальныхъ городовъ, департаментъ полиціи обратился въ военное министерство съ предложеніемъ опубликовать по всѣмъ войсковымъ частямъ предложеніе о занятіи вакантныхъ должностей офицерами арміи... Большинство вакансій имѣется на должности становыхъ приставовъ и городскихъ полицейскихъ, преимущественно въ поволжскихъ губерніяхъ („Голосъ Правды“, 30 января).

Старый Тришкинъ кафтанъ опять продрался, но уже не только въ локтяхъ. И мы его снова чинимъ такъ же, какъ это дѣлалъ

и Тришка. Способъ пополненія одного «некомплекта» за счетъ другого сталъ системой. Съ Божьею помощью, у насъ оказался, наконецъ, даже «некомплектъ» министровъ. «Рѣчь» пронизируетъ, что

„Ушедшій на отдыхъ Шиповъ (министръ торговли) уже разъ былъ министромъ. Назначенный вновь Курловъ уже однажды былъ уволенъ... Появившійся вновь Тимирязевъ, которому неоднократно предлагался министерскій портфель, уже имѣлъ случай показать свой творческій геній, какъ и г. Немѣшаевъ, приглашаемый на постъ министра путей сообщенія. („Рѣчь“, 16 января).

Съ г. Немѣшаевымъ не сошлись, назначили г. Рухлова, «кандидата, по объясненію кн. Мещерскаго, минуты жизни трудной», выдвигаемаго одинаково на посты министра финансовъ, министра морского, министра путей сообщенія, торговли, земледѣлія,—единственно по той причинѣ, что больше «некого назначить» *). И не въ томъ горе, что передъ нами, какъ бѣлка въ колесѣ, мелькаютъ одни и тѣ же имена. Хуже, что эти имена примелькались, давно знакомы, успѣли уже «показать свой геній» безсильной приспособляемости. И «опять Тимирязеву» мы радуемся не больше, чѣмъ мѣняла «опять старому пятаку». Полвѣка назадъ Николай I горестно призналъ, что для его цѣлей «людей нѣтъ». Тогда было за то много «охотниковъ прислуживаться». Тогдашній Молчалинъ хоть вѣрилъ, что порядокъ вещей, которому онъ прислуживается, стоитъ твердо. «Прогнило малость, а, впрочемъ, еще ничего,—на нашъ вѣкъ хватитъ». Нынѣ даже Молчалину приходится смотрѣть въ оба:

— Потому что, къ примѣру, Столыпинъ... Съ одной стороны, оно какъ будто и калифъ, а съ другой—не на часъ ли?

— Богу угождай, но и чорта не гнѣви,—таковъ былъ завѣтъ прежнихъ Молчалиныхъ.

— Самодержавію служи, но и отъ конституціи не отрекайся,—таково правило Молчалиныхъ нынѣшнихъ.

— Вѣшать люби, но напрямки сего не говори, и если «лѣвые» предложатъ законопроектъ объ упраздненіи висѣлицъ, то «мы = большинство» убѣжимъ изъ залы, а нельзя убѣжать, «похоронимъ вопросъ въ коммиссіи»,—таково, между прочимъ, одно изъ многихъ примѣненій новѣйшаго молчалинскаго правила на практикѣ.

Гдѣ ужъ тутъ негодовать на охранную блоху или канцелярскую крысу, если она и вправо донесетъ, и влѣво, на всякій случай, шепнетъ?.. «Калифы на часъ» есть, хотя годъ-отъ-году труднѣе содержать ихъ въ полномъ комплектѣ. Но «старый режимъ», коему они фактически служатъ, до того уронилъ себя, до того потерялъ кредитъ, что даже у такихъ храбрѣйшихъ «людей при калифахъ», какъ гг. Половцевы и Пуришкевичи, Шубинскіе, не хватаетъ мужества открыто предать анаѳемѣ манифестъ 17 октября.

Мнѣ пришлось упомянуть выше о невѣроятныхъ разоблаче-

*) „Рѣчь“, 30 января.

ніяхъ, какія посыпались въ печати по случаю «скандала Азефа». Въ нихъ, на мой взглядъ, много вздора, среди котораго попадаются, впрочемъ, и не лишенныя остроумія догадки. Останавливаться на невѣроятностяхъ я не буду. Но одну общую черту въ нихъ, какъ характерный симптомъ, не лишне отмѣтить. Для примѣра воспользуюсь одной догадкой «Голоса Москвы». Газета беретъ несомнѣнный фактъ: транспортъ оружія, погибшій на пароходѣ «Джонъ Крафтонъ» въ финляндскихъ шхерахъ, былъ организованъ Азефомъ. Беремъ и другой несомнѣнный фактъ—Гапонъ имѣлъ связи съ департаментомъ полиціи. А затѣмъ сотрудникъ «Голоса Москвы» собственными ушами отъ самого Гапона въ Петербургѣ на конспиративной квартирѣ передъ 9 января слышалъ слѣдующее:

„Сигналы, по которымъ корабль этотъ долженъ былъ пристать къ берегу, были въ моихъ рукахъ. Я намѣренно... перепуталъ сигналы и держалъ судно въ морѣ до тѣхъ поръ, пока оно не выбросилось. Чуть не поколѣли всѣ“...

„На вопросъ, на чьи средства сооружено судно и куплено оружіе“, Гапонъ „назвалъ нѣсколько фамилій изъ петербургской знати“. („Голосъ Москвы“, 1 февраля).

Далѣе, сказавъ кое-что объ какомъ-то генералѣ-отъ инфантеріи и о таинственномъ «очень высокопоставленномъ лицѣ», которые были причастны къ «гапоновщинѣ», «Голосъ Москвы» даетъ общіе и глухіе намеки, совпадающіе со старой версіей, что историческій «крестный ходъ» былъ объявленъ Гапономъ послѣ свиданія съ нѣкоторыми высокопоставленными особами. Выходитъ, словомъ, такъ, что часть сановниковъ, составлявшихъ тогдашнее правительство, задумывала вооруженное возстаніе, а когда Гапонъ «со злости» на кого-то это дѣло разстроилъ, организовали «крестный ходъ», подвергшійся разстрѣлу. Если отбросить чужую и старую догадку о крестномъ ходѣ, то для оцѣнки всего остального достаточно простого напоминанія, что «Джонъ Крафтонъ» былъ лѣтомъ 1905 г.—мѣсяцевъ 6 спустя послѣ 9 января и возможныхъ передъ этимъ разговоровъ Гапона съ нынѣшними сотрудниками «Голоса Москвы» въ петербургскихъ конспиративныхъ квартирахъ. Но суть не въ тѣхъ или другихъ фактическихъ оплошностяхъ. Симптоматично обывательское и отражаемое газетами тяготѣніе отыскать «конспираторовъ» и заговорщиковъ на высшихъ ступеняхъ правительственной лѣстницы.

Въ самомъ дѣлѣ, видѣли мы зубатовщину, видѣли гапоновщину. Предпринималось все это на охранныя средства, охранными силами и съ охранною цѣлью. Но сила историческаго хода вещей такова, что это охранное предпріятіе дало въ результатѣ «9 января»—одинъ изъ самыхъ жестокихъ, неизгладимыхъ и непоправимыхъ ударовъ по всему тому, чему гг. Зубатовы и Рачковскіе обязаны служить. Вотъ теперь Азефъ. Припомните, какимъ страшнымъ ударомъ была хотя бы подготовленная при его участіи смерть Плеве.

Зачѣмъ скрывать отъ себя, что 15 іюля 1904 г. было роковой датой въ исторіи многолѣтней борьбы «стараго строя» съ «революціонными вѣяніями». Землетрясеніе вѣдь это было. Кто бы ни былъ Азефъ, каковы бы ни были соображенія его или его «генераловъ», но историческій ходъ вещей превратилъ даже охрану власти въ нѣкоторое подобіе бумеранга, поражающаго самое власть.

«Божье крѣпко, вражье лѣпко» — говорятъ въ иныхъ случаяхъ мудрые мужики, способные возвыситься до пониманія моральнаго, высшаго смысла событій. Въ этой какъ бы мистической формулѣ выражается вовсе не мистическая мысль: «лѣпко» всякое дѣло, если въ немъ нѣтъ нравственнаго оправданія, если нельзя вѣрить въ правоту его, если нѣтъ людей, для которыхъ оно предметъ убѣжденія. Можно призвать «наемниковъ»: можно создать цѣлую организацію изъ людей, готовыхъ за плату на что угодно, даже на то, чтобы плевать на собственную совѣсть. Но на этомъ пути вы лишь убѣдитесь, что нельзя жить, не имѣя нравственной опоры. Эту простую и самоочевидную истину въ разгулѣ «успокоенія» слишкомъ стали игнорировать. Многіе даже разувѣрились въ ней:

— Что, молъ, ваша нравственная опора!.. Проживутъ и безъ нея, пока денегъ на жалованье хватитъ...

Даже гапоновщина не разсѣяла этого роковаго заблужденія, что можно нравственную опору замѣнить жалованьемъ. Понадобился Азефъ, чтобъ даже средняя обывательская мысль постигла:

— А вѣдь они, дѣйствительно, выходитъ, сами себя того,— какъ выразился въ случайномъ разговорѣ со мною по поводу Азефа одинъ дворникъ.

Неспособная возвыситься до учета общихъ причинъ, обывательская мысль, ищетъ среди «тѣхъ, которые сами себя того», «конспираторовъ», заговорщиковъ, попадаетъ впросакъ, мелетъ вздоръ. Однако въ основѣ вздора, повторяю, лежитъ правильный выводъ:

— Стремясь противодѣйствовать неизбѣжному историческому процессу, «они» поражаютъ самихъ себя.

— Послѣ этого—спрашиваетъ, между прочимъ, «Новое Время», взглянувшее на «дѣло Лопухина-Азефа» съ точки зрѣнія «инстинкта самосохраненія»,—въ чемъ же, гдѣ и для кого гарантія? *)

Ну, разумѣется въ томъ, чтобъ на высшіе и низшіе посты найти «людей, вполнѣ добросовѣстныхъ, искренно преданныхъ своему долгу». Найдите ихъ для вашихъ цѣлей. Поищите. Хорошенько, днемъ съ огнемъ поищите. **А. Петрищевъ.**

P. S. Настоящая статья была закончена и набрана до обсужденія запросовъ по дѣлу Азефа въ Государственной Думѣ. Въ зависимости отъ данныхъ, какія могутъ быть доставлены преніями по этимъ запросамъ, намъ, быть можетъ, еще придется вернуться къ этому дѣлу.

---

*) „Новое Время“, 24 января.

На очередныя темы.

Надежды на „сильныхъ".

«Была минута, и минута эта недалека,—говорилъ 5 декабря въ Государственной Думѣ предсѣдатель совѣта министровъ,—когда вѣра въ будущее Россіи была поколеблена, когда нарушены были многія понятія... Это было время не для колебаній, а для рѣшеній. И вотъ въ эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую отвѣтственность, проведя въ порядкѣ ст. 87 законъ 9 ноября 1906 года: оно ставило ставку не на убогихъ и пьяныхъ, а на крѣпкихъ и сильныхъ»...

Я напоминаю эти слова не для того, чтобы вновь обсуждать аграрную политику правительства. «Ставка на сильныхъ» интересуетъ меня съ другой, болѣе общей, точки зрѣнія. Это вѣдь—отвѣтъ на одинъ изъ основныхъ вопросовъ, съ которыми приходится считаться и намъ, въ нашихъ программахъ. Поставивъ передъ собою опредѣленную цѣль, каждый политическій дѣятель долженъ дать ясный отчетъ, если не другимъ, то себѣ, на кого или на что онъ разсчитываетъ, — на кого, выражаясь языкомъ нынѣшняго премьера, онъ «ставитъ».

Г. Столыпинъ играетъ «на сильныхъ». А мы? На кого мы «ставимъ»?

I.

Что касается русскаго правительства, то для него въ «игрѣ на сильныхъ» мало новаго. Можно сказать, что оно всегда такъ играло,—и только не всегда, быть можетъ, такъ опредѣленно на этотъ счетъ высказывалось. Даже на тѣхъ «сильныхъ», о которыхъ въ настоящее время идетъ рѣчь, оно не разъ уже ставило. Не буду оглядываться черезчуръ далеко назадъ. Не стану вспоминать даже 70-е годы, когда

...постигла и Россія
Тайну жизни, наконецъ...

Когда, при дѣятельномъ участіи правительства, она узнала, что

Тайна жизни—гарантія,
А субсидія—вѣнецъ!

Ограничусь лишь самымъ недавнимъ прошлымъ. Напомню, что та же «руководящая идея» лежала въ основѣ экономической политики гр. Витте въ бытность его министромъ финансовъ, — и онъ неоднократно на нее ссылался. «На новые пути, открываемые для населенія общимъ улучшеніемъ эконо-

мическихъ условій, — писалъ онъ, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, — всегда выступаютъ сначала лишь наиболѣе предпріимчивыя хозяйственныя единицы, только люди смѣлаго почина, только удачники, и лишь впослѣдствіи, когда эти пути становятся наѣзженными колеями, по нимъ начинаютъ двигаться робкія, инертныя народныя массы, достигая улучшенія своей жизненной обстановки медленнымъ, томительнымъ процессомъ освобожденія отъ стародавней рутины...» Поэтому, нужно думать, онъ и направлялъ всѣ силы русской государственности на воспособленіе «удачникамъ»,—этимъ, такъ сказать, піонерамъ всеобщаго благополучія.

Въ ту же сторону сочло необходимымъ направить государственныя силы и Столыпинское правительство, — не на то, чтобы поддержать «слабыхъ и немощныхъ», а на то, чтобы открыть новые пути для «крѣпкихъ и сильныхъ». «Нельзя, господа,—говорилъ г. Столыпинъ,—идти въ бой, надѣвши на всѣхъ воиновъ броню или заговоривъ ихъ всѣхъ отъ пораненій». Нельзя... хотя намъ-профанамъ и кажется: чего бы лучше... Но нельзя... потому что какая же иначе будетъ битва? Слабые въ бою должны гибнуть. И слабый крестьянинъ пусть обезземеливается. «Ни законъ, ни государство не могутъ гарантировать его отъ извѣстнаго риска, не могутъ обезпечить его отъ утраты собственности». «Пьяныхъ» правительство, пожалуй, еще поддержитъ, — учредитъ надъ ними опеку. Но слабыхъ... «Нельзя,—говорилъ въ той же рѣчи г. Столыпинъ,—ставить преграды обогащенію сильнаго...»

Если нынѣшняя «ставка» русскаго правительства и отличается чѣмъ отъ прежнихъ его «ставокъ» и, въ частности, отъ «ставки» г. Витте, то развѣ только своими размѣрами. Теперешняя ставка больше, и игра теперешняя азартнѣе. Пустить надѣльную землю въ оборотъ мечталъ и г. Витте, но осуществить свою мечту—разрушить крестьянскій дворъ и земельную общину—онъ не успѣлъ или, правильнѣе сказать, не рѣшился. Теперь и это сдѣлано: надѣльная земля на сильныхъ поставлена...

Кромѣ собственной карьеры, г. Витте надѣялся, какъ извѣстно, выиграть національное богатство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поднять страну «на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы», обезпечивъ для русской деревни въ широко развитой промышленности внутренній рынокъ. Въ дѣйствительности, однако, онъ только ускорилъ народное разореніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишилъ внутренняго рынка даже городъ, приведя тѣмъ самымъ промышленность къ хроническому кризису.

Что желаетъ выиграть г. Столыпинъ, — мы можемъ только догадываться. Самъ онъ объ этомъ, какъ и бабушка въ извѣстной пословицѣ, все время «на-двое говоритъ». Такъ и въ той рѣчи, которую я цитировалъ. Въ ней тоже «на-двое» и даже «на-трое» сказано, для чего именно нуженъ г. Столыпину «крѣпкій личный

собственникъ»: не то для того, чтобы «освободить народъ отъ нищенства, отъ невѣжества, отъ безправія», не то «для переустройства нашего царства, для переустройства его на крѣпкихъ монархическихъ началахъ», не то какъ «преграда для развитія революціоннаго движенія»... Но, какъ я уже сказалъ, не Столыпинская игра меня въ настоящій разъ интересуетъ...

Надеждѣ на сильныхъ въ большей или меньшей степени причастна бывала и русская интеллигенція. Въ этомъ случаѣ опять можно было бы сослаться на 70-е годы, когда россійскій либерализмъ блестѣлъ на подобіе «ярко вычищеннаго мѣднаго таза». Можно было бы, пожалуй, заглянуть и въ болѣе раннія времена, когда живы еще были убѣжденные сторонники пресловутой доктрины laissez faire, laissez passer. Но я ограничусь опять лишь самымъ недавнимъ прошлымъ.

Многіе—одни въ шутку, другіе въ серьезъ—упрекали въ свое время г. Витте, что теорія экономическаго развитія, на которую онъ ссылался, заимствована имъ у русскихъ марксистовъ. Взять хотя бы слѣдующія положенія: «Никакого иного распространенія благосостоянія, кромѣ происходящаго на почвѣ капиталистическаго развитія—писалъ онъ въ докладѣ о росписи на 1896 годъ—экономическая жизнь еще нигдѣ не видѣла. Успѣхи производства и накопленія богатствъ, по самому существу дѣла, всегда и вездѣ предшествуютъ успѣхамъ болѣе равномѣрнаго ихъ распредѣленія». Невольно приходила въ голову мысль, что онъ списалъ эти положенія (хотя бы и не совсѣмъ точно) у г. Струве или у г. Бельтова. То же можно сказать и относительно надеждъ, какія онъ возлагалъ на удачниковъ.

Напомню, что это было время, когда «русскіе ученики» особенно усердно звали насъ «на выучку къ капитализму»... Съ не меньшимъ увлеченіемъ, чѣмъ г. Витте, привѣтствовали они «успѣхи нашей обрабатывающей промышленности» и съ не меньшимъ усердіемъ, чѣмъ онъ, старались констатировать, въ качествѣ «повсемѣстнаго явленія», «образованіе зажиточной части сельскаго населенія и выдѣленіе ея изъ общей массы въ особую группу»... Увлеченіе «сильными» въ марксистской средѣ было такъ велико, что дѣло доходило до гимновъ кулачеству: Колупаевъ былъ провозглашенъ чуть ли не главной надеждой отечества.

Оборотная сторона капиталистическаго «преуспѣянія», надъ которымъ такъ старался г. Витте, «русскихъ учениковъ» какъ будто даже мало трогала. Въ томъ же кулачествѣ, напримѣръ, они видѣли «первоначальное накопленіе» капитала, а послѣднее вездѣ вѣдь сопровождалось нищетою и раззореніемъ массъ. И массовое обнищаніе русскаго крестьянства представлялось съ этой точки зрѣнія совершенно неизбѣжнымъ явленіемъ... Можно было поэтому предполагать, что и тотъ будто бы «общій законъ органическаго развитія», на который ссылался г. Витте—«неизбѣжность жертвъ

для великихъ цѣлей» — онъ тоже вычиталъ (хотя бы и между строкъ) въ какой-нибудь марксистской статьѣ или книгѣ.

Въ дѣйствительности, теорія, которую усвоило въ лицѣ г. Витте русское правительство, и «догма», въ которую въ лицѣ русскихъ марксистовъ увѣровала русская интеллигенція, совпадали, конечно, лишь отчасти. Марксисты возлагали цѣликомъ свои надежды на «людей смѣлаго почина» лишь относительно ближайшей стадіи историческаго пути,—при переходѣ отъ крѣпостныхъ отношеній къ капиталистическимъ; въ конечномъ же пунктѣ, до котораго они доходили въ своей программѣ, всѣ ихъ разсчеты основывались на пролетаріатѣ. Можно сказать, что они только отчасти «играли» на крѣпкихъ и сильныхъ—такъ сказать, «держали мазу» на нихъ,—собственная же ихъ «игра» была на слабыхъ и немощныхъ.

Какъ бы то ни было, общность надеждъ, возлагавшихся на «удачниковъ», сближала два лагеря и въ нѣкоторыхъ вопросахъ государственной политики, — въ частности, въ важнѣйшемъ изъ нихъ, аграрномъ. Соціалъ-демократическая партія тоже требовала «отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей». И если бы г. Витте осуществилъ тогда свою мечту—отмѣнилъ институты семейной и общинной собственности,— то соціалъ-демократы должны были бы и могли бы это привѣтствовать. Они жили вѣдь надеждой на «хозяйственнаго мужичка», который соберетъ-де землицу.

Въ вихрѣ послѣдовавшихъ событій надежды на «крѣпкихъ и сильныхъ» сразу потускнѣли и даже какъ будто вовсе исчезли. «Слабые и немощные» съ такой силой заявили о себѣ, что даже гр. Витте, вновь призванный къ власти, принялся, хотя и по своему, расчищать для нихъ дорогу. Въ интересахъ «робкой и инертной массы», вдругъ сдѣлавшейся смѣлою и подвижною, онъ готовъ былъ даже стѣснить наиболѣе удачныхъ изъ россійскихъ удачниковъ.

Возродившійся либерализмъ,—если не считать единичныхъ выступленій, вродѣ выступленія г. Родичева на первомъ аграрномъ съѣздѣ или г. Петражицкаго въ первой Думѣ,—не рѣшался даже упоминать о своей экономической доктринѣ. Онъ сразу же осложнилъ свою программу такимъ количествомъ требованій въ пользу слабыхъ и немощныхъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ее трудно было отличить отъ соціалистической.

И соціалъ-демократы спѣшно измѣнили свои планы... Правда, что такое представляетъ изъ себя «революціонное крестьянство», они, повидимому, такъ себѣ и не уяснили, — до конца они пугались съ вопросомъ, какая происходитъ революція: «буржуазная» или «пролетарская...» Но положиться на «хозяйственнаго мужичка», который какъ то затерялся въ движеніи, они все-таки

не рѣшились и задумали сами «собрать» землю, сколько только можно.

Трудно угадать, что было бы, если бы напоръ «слабыхъ и немощныхъ» оказался еще сильнѣе. Возможно, что гр. Витте изъявилъ бы готовность совсѣмъ перейти къ нимъ на службу, лишь бы обезпечить себѣ карьеру. Возможно, что либералы проявили бы склонность еще ближе подойти къ соціализму, лишь бы добыть Россіи свободу. Возможно, что соціалъ-демократы обнаружили бы рѣшимость еще дальше отойдти отъ «догмы», лишь бы обезпечить трудовому народу побѣду... Но «слабые и немощные» были разбиты...

Правительство, какъ мы уже знаемъ, немедлено возобновило свою прежнюю игру, увеличивъ «ставку на сильныхъ» до небывалыхъ размѣровъ...

Настала «минута», о которой потомъ, быть можетъ, тоже станутъ вспоминать, какъ о времени, «когда вѣра въ будущее Россіи была поколеблена, когда нарушены были многія понятія», но только уже не въ средѣ русскаго правительства, а въ средѣ русской интеллигенціи... Послѣдней приходится еще разъ пережить драму, которую она уже не разъ переживала. Гдѣ же та сила, которая осуществитъ ея идеалы? Кто, по крайней мѣрѣ, выведетъ Россію на идущую къ нимъ дорогу?

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ той или иной своей части русская интеллигенція опять увлечется надеждой на «сильныхъ». Обстановка вѣдь очень напоминаетъ ту, при которой въ прошлый разъ эта надежда появилась. Народныя массы вновь приведены въ «робкое и инертное» состояніе; «удачникамъ» открыты новые пути; имъ оказывается невиданное еще воспособленіе... Можетъ быть, они и выведутъ Россію на надлежащую дорогу?

II.

Въ разныхъ мѣстахъ эта надежда уже вспыхнула... Отмѣчу нѣкоторыя изъ этихъ вспышекъ.

Въ январской книгѣ «Современнаго Міра» помѣщена статья Г. Гольдберга: «Капиталъ, интеллигенція и политика». Авторъ объясняетъ въ ней, почему нашъ торгово-промышленный классъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ въ дѣлѣ борьбы со старымъ строемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что теперь-то онъ ихъ непремѣнно оправдаетъ.

Надежды на этотъ классъ, какъ я уже упомянулъ, возлагались большія. Да и самъ онъ о себѣ былъ довольно высокаго мнѣнія. Когда въ срединѣ 90-хъ годовъ «всероссійское купечество» громогласно и самодовольно заявило на Нижегородской ярмаркѣ, что оно «все можетъ», то многіе тогдашніе марксисты въ серьезъ

этому повѣрили: ну, теперь сторонись, первенствующее сословіе! берегись, самодержавная бюрократія!

Въ началѣ освободительнаго движенія эти надежды какъ будто стали оправдываться. Торгово-промышленная буржуазія заняла, казалось, совершенно опредѣленную позицію, враждебную существующему строю. Изъ ея среды посыпались извѣстныя «записки»...

Движеніе,—вспоминаетъ теперь г. Гольдбергъ,—охватило всевозможные слои крупной буржуазіи: мануфактуристы, цементщики, металлурги, сахаропромышленники, углепромышленники—всѣ подняли свой голосъ. По тону и характеру „записокъ" это движеніе казалось рѣзкимъ и мощнымъ, какъ взрывъ въ глубокихъ геологическихъ пластахъ...

Не всѣмъ оно казалось такимъ, но многіе тогда склонны были повѣрить въ либерализмъ крупной промышленной буржуазіи. Долженъ сказать, что я лично не принадлежалъ къ числу вѣрующихъ, и уже тогда—въ срединѣ 1905 г.—имѣлъ полемику по этому вопросу съ Николай—ономъ. Я указывалъ, что движеніе, по скольку въ немъ участвуетъ крупная буржуазія, базируется не на хозяйственныхъ разсчетахъ, не на классовыхъ интересахъ, а на тѣхъ элементахъ интеллигентности, какіе имѣются даже въ этой средѣ. Движеніе въ этой его части было, по моему мнѣнію, совершенно поверхностнымъ. Пожеланія и требованія,—указывалъ я,—легко могутъ оказаться, да неизбѣжно и окажутся въ противорѣчіи съ реальными интересами, и тогда мы воочію увидимъ, что нѣкоторые классы играютъ въ движеніи роль «щуки»,— щуки, которая не столько тащитъ въ гору, сколько тянетъ въ воду *).

Теперь и марксисты видятъ, какъ мало похоже было движеніе среди промышленной буржуазіи на «взрывъ въ глубокихъ геологическихъ пластахъ». «Дальше записокъ,—пишетъ теперь г. Гольдбергъ—она не пошла, и ея участіе въ огромномъ общественномъ движеніи этимъ и ограничилось. Въ дальнѣйшемъ она двинулась вправо и при выборахъ въ III-ю Г. Думу вступила въ непосредственный союзъ съ реакціоннымъ дворянствомъ».

Не только при выборахъ въ третью Думу... Рѣшительнымъ противникомъ освободительнаго движенія крупная буржуазія заявила себя гораздо раньше. Пусть г. Гольдбергъ вспомнитъ хотя бы то, какъ московское купечество, въ лицѣ значительной части московской городской думы, реагировало на первую всеобщую забастовку. Достаточно сказать, что именно въ роли яраго врага забастовки выдвинулся тогда А. И. Гучковъ, который и занялъ съ тѣхъ поръ положеніе вождя. Нельзя сказать, что крупная буржуазія удовлетворилась побѣдой, одержанной 17 октября: она повернула фронтъ уже раньше.

Россійская соціалъ-демократія оказалась, благодаря этому, въ довольно нелѣпомъ положеніи. Она приготовилась къ «буржуазной

*) См. „Наканунѣ" Гл. XVI. „Лебедь, щука и волъ".

революціи»,—къ революціи, въ которой ея роль должна была заключаться въ томъ, чтобы «толкать буржуазію. Такъ выходило по «догмѣ. Но когда буржуазія повернула фронтъ, то осталось одно: вести и съ нею революціонную борьбу. «Догма» предусматривала такую борьбу, но только въ конечномъ пунктѣ и только въ одной формѣ,—въ видѣ «диктатуры пролетаріата». Мысль о такой диктатурѣ, дѣйствительно, появилась, и были, какъ извѣстно, предприняты даже попытки осуществить ее. Нечего и напоминать, сколь онѣ были неудачны. Сохраняя вѣрность «догмѣ», оставалось вернуться къ «подталкиванію», но подталкивать пришлось уже не буржуазію, а г.г. Струве и Милюкова, за которыми не было никакого класса. Надо сказать, что соціалъ-демократы «толкали» ихъ усердно, но безъ всякаго успѣха. Если бы у к.-д. была сила, то и безъ «подталкиваній» они прошли бы довольно далеко. И во всякомъ случаѣ не остановились бы, какъ остановился торгово-промышленный капиталъ, около висѣлицъ...

Г. Гольдбергъ, какъ я уже сказалъ, объясняетъ теперь, почему именно торгово-промышленная буржуазія не оправдала марксистскихъ надеждъ, почему она поступила, такъ сказать, наперекоръ «догмѣ», обоснованной на западно-европейской исторіи.

Западно-европейская буржуазія, ведущая свое происхожденіе отъ городского третьяго сословія среднихъ вѣковъ,—пишетъ Г. Гольдбергъ—прошла длинный путь историческаго развитія. Она развивалась вмѣстѣ съ эволюціей всего общества—отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, сама являясь движущей силой.

Совершенно иначе шло историческое развитіе у насъ... Буржуазія—продуктъ новаго времени, и продуктъ, тѣсно связанный въ своемъ развитіи съ существующимъ строемъ и его финансово-экономической политикой... Спокойная и малодѣятельная вообще, она способна была только поддерживать экономическую политику правительства, видя въ ней свое спасеніе. Психологія нашей буржуазіи—психологія опекаемаго, у котораго отрѣзанъ путь къ дѣйственному отношенію къ жизни...

Объясненіе, на мой взглядъ, совершено вѣрное, хотя для насъ, по крайней мѣрѣ,—далеко не новое и, какъ я думаю, далеко не полное.

Говорю: не новое... Припомните, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы споры марксистовъ съ народниками. Какъ много было употреблено послѣдними усилій,—оставшихся въ свое время тщетными,—чтобы заставить первыхъ усомниться въ прогрессивной роли нашего промышленнаго капитализма! Выращенная въ тепличной обстановкѣ, подъ защитой высокой стѣны таможеннаго тарифа, въ атмосферѣ всякаго рода премій, льготъ и субсидій, изуродованная казенными заказами и развращенная уже стачками и нормировками, наша капиталистическая промышленность—доказывали все время мы *)—не въ состояніи даже сама устоять безъ посторон-

*) Говорю „мы", такъ какъ и мнѣ лично не разъ приходилось это до-

ней помощи. Несмотря на ея «гигантскій ростъ», на что указывали намъ тѣ же марксисты, мы ясно видѣли, что это не взрослый работникъ, который поможетъ народу тянуть его лямку, а хилое дѣтище, которое является тяжелой обузой въ трудную пору народной жизни. Уже по этой только причинѣ нельзя было ждать, что нашъ капитализмъ вступитъ въ борьбу съ абсолютизмомъ, который служилъ и служитъ для него опорой. И вотъ теперь тѣ же марксисты говорятъ намъ, что это былъ «опекаемый, у котораго отрѣзанъ путь къ дѣйственному отношенію къ жизни»...

Объясненіе—не только не новое, но и неполное... Кое-какія указанія на другія причины, обусловившія реакціонный характеръ русской торгово-промышленной буржуазіи, можно найти и въ статьѣ г. Гольдберга, хотя не въ объясненіяхъ, какія онъ даетъ прошлому, а въ перспективахъ, какія онъ рисуетъ для будущаго. Но не объ этомъ сейчасъ рѣчь.

Послѣ того, что уже пережито, своеобразный характеръ «всемогущества» нашего торгово-промышленнаго капитала, казалось бы, вполнѣ выяснился. Что онъ «можетъ» очень ловко высасывать соки изъ трудового народа при содѣйствіи бюрократическаго механизма,—это, какъ я уже сказалъ, можно было видѣть и раньше. Теперь видно, какъ онъ «можетъ» рѣшать общественно-политическія задачи въ сотрудничествѣ съ доблестнымъ сословіемъ: болѣе вѣрнаго друга и болѣе послушнаго слуги у послѣдняго давно уже не было. Вновь увлечься мечтою, что вотъ-де купечество насъ устроитъ или, по крайней мѣрѣ, дорогу для насъ расчиститъ, русской интеллигенціи, казалось бы, уже не мыслимо. Вѣдь это значило бы увлечься мечтою о московскомъ купцѣ А. И. Гучковѣ, котораго всѣ мы теперь воочію видимъ.

И все-таки эта мечта возродилась...

Г. Гольдбергъ полагаетъ, что «октябризмъ»—это только «побочный продуктъ, возникшій въ процессѣ политическаго развитія нашей крупной буржуазіи». Настоящій же продуктъ, какъ и вездѣ, будетъ либерализмъ, и этотъ продуктъ мы уже скоро будемъ имѣть въ готовомъ видѣ. Уже имѣемъ... Всѣ стадіи его производства—всѣ фазы политическаго развитія нашей буржуазіи—уже пройдены. «Отъ словесныхъ *заявленій*—говоритъ г. Гольдбергъ—она перешла къ непосредственному *дѣйствію* на правительство, а теперь вынуждена вступить на путь *политическаго* дѣйствія» *). «Изъ силы *консервативной* промышленная буржуазія силою вещей превращается въ *прогрессивную*, толкающую впередъ общественное развитіе». Процессъ развитія привелъ ее «къ необходимости вступить въ *политическую* борьбу»,—въ *борьбу* съ крупнымъ землевла-

---

казывать. См., напр., „Экономическую политику самодержавія", стр. 40—50; „Земельныя нужды деревни", стр. 1—10 и др.

*) Стр. 85. Курсивъ здѣсь такъ же, какъ и дальше, принадлежитъ г. Гольдбергу.

дѣніемъ. Можно сказать, что въ эту борьбу она уже вступила. «Тяжелая артиллерія промышленной буржуазіи—заканчиваетъ свою статью г. Гольдбергъ,—занимаетъ свои боевыя позиціи».

Читатели—почти не сомнѣваюсь—удивятся: гдѣ же г. Гольдбергъ видѣлъ такую картину? Да и когда же произошла эта эволюція, превратившая промышленную буржуазію изъ консервативной въ прогрессивную? Оказывается, что все это произошло за послѣдніе три года.

Движеніе въ формѣ «записокъ», которое г. Гольдбергъ спервоначала принялъ за «взрывъ въ глубокихъ геологическихъ пластахъ», въ дѣйствительности было, какъ онъ объясняетъ его теперь, «первой ракетой, пущенной изъ лагеря буржуазіи и освѣтившей новую занятую ею позицію». Это былъ «*первый* ея шагъ впередъ», первая фаза - эпоха «словесныхъ заявленій».

Потомъ «промышленная буржуазія ...перешла отъ словъ къ дѣлу»: съ одной стороны, учредила, «Совѣтъ съѣздовъ представителей торговли и промышленности», при чемъ «создался полный симбіозъ между министерствами и Совѣтомъ, который сталъ функціонировать, какъ составная часть бюрократическаго механизма»; съ другой стороны, вступивъ въ союзъ съ крупнымъ землевладѣніемъ, она дала въ результатѣ «своеобразный политическій феноменъ, который называется октябризмомъ». Этотъ союзъ крупной буржуазіи съ бюрократіей и реакціоннымъ дворянствомъ и былъ ея «вторымъ шагомъ»,—тоже, должно быть, впередъ... Впрочемъ, «политическое развитіе буржуазіи,—говоритъ г. Гольдбергъ,—идетъ *зигзагами*». Этимъ, повидимому, и объясняется наше недоразумѣніе: мы думали, что купечество вернулось на старый, давно знакомый ему путь (вплоть до входа съ «задняго крыльца»), а оказывается, что это была вторая фаза, періодъ «синдикалистской тактики», «непосредственнаго дѣйствія».

Теперь промышленная буржуазія находится въ третьей фазѣ своего развитія: она опять «фрондируетъ». Г. Гольдбергъ тщательно собралъ всѣ крохи ея оппозиціи, какія нашлись въ отчетахъ о ея съѣздахъ и въ статьяхъ издаваемыхъ ею органовъ. Ихъ довольно много нашлось: промышленники, оказывается, протестуютъ противъ проекта подоходнаго налога и вообще недовольны налоговой системой, ворчатъ противъ преобладанія дворянъ въ земствѣ, будируютъ противъ аграрной Думы... И въ защиту своихъ интересовъ ссылаются на народное благо, на «возвѣщенную съ высоты Престола три года назадъ конституцію» и на прочія хорошія вещи. Говоря коротко, по мѣрѣ того, какъ проходитъ «соціальный перепугъ», усиливается воркотня противъ дворянскаго «засилья»... Пререканія среди правящихъ классовъ, какъ извѣстно, бывали и раньше, не только буржуазія пререкалась съ дворянствомъ, но и помѣстное сословіе съ бюрократіей. Можно было бы думать, что и теперь «милые бранятся—только тѣшатся», а вмѣстѣ съ

тѣмъ сообща пирогъ, называемый Россіей, кушаютъ. Въ самомъ дѣлѣ: не смотря на «засилье», какое взяли дворяне, желѣзнодорожное строительство они уже возобновили, имѣвшуюся въ таможенной стѣнѣ дыру заткнули казенными заказами, хотя и не вполнѣ, промышленность снабдили,—однимъ словомъ, если поглядѣть со стороны, союзъ купечества съ бюрократіей и дворянствомъ, казалось бы, остается въ силѣ. Но, оказывается, нѣтъ, это уже третья фаза—фаза борьбы промышленной буржуазіи съ помѣстнымъ сословіемъ. Съ часу на часъ нужно ждать, что загрохочутъ пушки...

Три года—три фазы. Можно сказать одно: быстро происходитъ историческое развитіе... И результаты его уже имѣются: либерализмъ крупной промышленной буржуазіи, если повѣрить г. Гольдбергу, мы можемъ считать обезпеченнымъ, и переходъ ея къ «политическому дѣйствію» несомнѣннымъ. Правда, «такой переходъ—говоритъ тотъ же г. Гольдбергъ—требуетъ новыхъ средствъ и матеріаловъ, и онъ не можетъ, конечно, совершиться безъ цѣлаго ряда побочныхъ, подсобныхъ процессовъ». Важнѣе всего, что «безъ интеллигенціи—этого наиболѣе подвижного, вооруженнаго знаніемъ и политическимъ опытомъ, слоя—невозможно никакое политическое общественное движеніе». Но за этимъ дѣло не станетъ, въ особенности теперь, когда «русскій либерализмъ, превратившійся въ отвлеченную и безсильную идеологію, въ тотъ моментъ, когда изъ-подъ его ногъ выскользнули земства, ищетъ сейчасъ новую опору въ промышленной буржуазіи».

Да, либерализмъ ищетъ сейчасъ себѣ опору. Эта блуждающая какъ бы идеологія, передвигающаяся отъ одного класса къ другому, съ марксистской точки зрѣнія, на которой стоитъ г. Гольдбергъ, должна была бы представляться совершенно невѣроятнымъ явленіемъ. Но оно дѣйствительно наблюдается въ жизни, и, съ своей стороны, я не могу не признать замѣчанія г. Гольдберга очень мѣткимъ. Русскій либерализмъ въ сущности всегда былъ безпочвеннымъ и поэтому безсильнымъ; теперь же, когда его выжили изъ земства, онъ прямо-таки повисъ въ воздухѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго поэтому, что онъ попытается устроиться гдѣ-нибудь около промышленной буржуазіи. Но и за всѣмъ тѣмъ остается вопросъ: сдѣлаетъ ли онъ ее либеральной? Вѣдь не сдѣлалъ же онъ либеральнымъ помѣстнаго сословія, хотя и долго ютился въ земствѣ.

Возможно, что значительная часть русской интеллигенціи окажется на службѣ у торгово-промышленнаго капитала въ качествѣ «третьяго элемента». Да и теперь ея не мало уже служитъ. Возможно, что и здѣсь она начнетъ проводить свои либеральныя идеи. Да и теперь уже по мѣрѣ возможности проводитъ. Но также возможно и даже несомнѣнно, что, когда дойдетъ до дѣла, то и отсюда ее выпрутъ. Для либеральныхъ идей въ Россіи имѣется только одна почва—трудовыя массы, но въ нихъ эти идеи могутъ укоре-

ниться только въ видѣ соціализма. И это не случайность вѣдь, что въ міровоззрѣніи русской интеллигенціи — даже той, которая заполнила собою ряды к.-д. партіи,—играютъ такую видную роль соціалистическіе элементы.

Едва ли поэтому можно разсчитывать, что торгово-промышленная буржуазія получитъ искренне-преданную ея интересамъ и въ тоже время либеральную интеллигенцію. Не тѣ условія, да и не тѣ времена, какъ я думаю, чтобы высокіе идеалы объединились съ крупнымъ капиталомъ. И ни въ коемъ случаѣ нельзя, конечно, думать, что либерализмъ будетъ привитъ самой буржуазіи извнѣ, при помощи нанятой, такъ сказать, идеологіи. Хотя мы и не марксисты, хотя мы и признаемъ значеніе идейнаго фактора въ исторіи, но такъ далеко, чтобы допускать возможность идейнаго перевоспитанія цѣлаго класса, все-таки не заходимъ.

Помимо же этого, съ чего русская торгово-промышленная буржуазія могла или можетъ сдѣлаться либеральной? Развѣ измѣнились условія, которыми былъ обусловленъ реакціонный характеръ ея въ прошломъ? развѣ порвалась цѣпь, которая объединяла ее до сихъ поръ съ бюрократіей и дворянствомъ? развѣ измѣнилось строеніе русской промышленности и она можетъ теперь стоять безъ поддержки полицейскаго государства?

Да, условія измѣнились и промышленность уже перестроилась,— увѣряетъ г. Гольдбергъ. «Протекціонная система... и связанная съ ней финансовая и экономическая политика, по скольку послѣдняя содѣйствуетъ сокращенію внутренняго рынка, превратилась изъ орудія развитія промышленности въ тормазъ всякаго движенія впередъ. Промышленность стукнулась о русскую дѣйствительность— и повисла въ воздухѣ». Это — безспорная и теперь для всѣхъ почти очевидная истина. Но вѣдь вопросъ въ томъ, встала ли эта, «повисшая въ воздухѣ», промышленность на ноги и можетъ ли она сама теперь впередъ двинуться? По г. Гольдбергу выходитъ, что встала и уже двинулась. «Исключительная связь съ государствомъ, съ казенными заказами, какъ главнымъ рынкомъ сбыта— пишетъ онъ — безвозвратно потеряна. Ликвидированы всѣ, сопутствующія это прошлое, обстоятельства». «Лишившись прежняго казеннаго рынка и переживъ неизбѣжный крахъ, промышленность должна была принести еще одну жертву своему промыслу и проложить путь къ своему дальнѣйшему развитію посредствомъ *краха высокихъ цѣнъ*. Это былъ трудный, можетъ быть, самый трудный шагъ, но и онъ уже сдѣланъ». За то «внутренне она уже приготовилась... во всѣхъ отношеніяхъ, первые трудные шаги сдѣланы». Остаются пустяки: «остается проложить дорогу къ рынкамъ»...

Что это значитъ, однако, что связь съ казеннымъ рынкомъ «безповоротно потеряна». Значитъ ли это, что русскіе промышленники никакихъ вожделѣній по части казенныхъ заказовъ больше не имѣютъ и никакихъ надеждъ въ этомъ направленіи больше не

питаютъ? И что это значитъ, что «крахъ высокихъ цѣнъ» переживетъ? Значитъ ли это, что русская промышленность можетъ отнынѣ обходиться безъ протекціонизма? Думаю, что даже г. Гольдбергъ утверждать это не рѣшится. И гдѣ находится рынокъ, къ которому «остается проложить дорогу», едва ли онъ укажетъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ рынокъ: въ разоренной деревнѣ или въ потерянной Манчжуріи? *)

«Крахъ» русской промышленности, несомнѣнно, пережить придется —онъ наступитъ съ прекращеніемъ казенныхъ заказовъ и паденіемъ протекціонной системы. Но едва ли торгово-промышленная буржуазія сознательно пойдетъ ему на встрѣчу. Напротивъ, она употребитъ, конечно, всѣ усилія, чтобы избѣжать его, и до послѣдней минуты будетъ цѣпляться за полицейское государство съ его финансовой и экономической политикой. Пусть это государство не въ состояніи обезпечить ей рынокъ, но оно предоставляетъ ей возможность высасывать изъ трудового народа его соки. Можетъ быть, это государство уже не въ силахъ блеснуть еще разъ «небывалыми успѣхами промышленности», но оно позволяетъ ей влачить хотя бы и жалкое существованіе. Демократія же даже этого не можетъ обѣщать не въ мѣру разросшейся купеческой утробѣ. Изъ-за чего же послѣдняя предпочтетъ ее?

Но не это только заставляетъ и заставитъ нашъ торгово-промышленный капиталъ до конца цѣпляться за полицейское государство. Кромѣ «краха высокихъ цѣнъ», ему придется еще пережить крахъ низкой заработной платы. Мы знаемъ, съ какимъ ужасомъ буржуазія отпрянула передъ широкимъ рабочимъ движеніемъ. Куда дѣвался либерализмъ ея пресловутыхъ «записокъ», какъ только подошли «дни свободы»?

Г. Гольдбергъ упоминаетъ о «соціальномъ перепугѣ», но упоминаетъ мимоходомъ, всего въ двухъ словахъ и при томъ, какъ объ одной изъ причинъ лишь «временнаго» союза буржуазіи съ дворянской реакціей. Почему, однако, временнаго? Правда, сейчасъ этотъ «перепугъ» какъ-будто прошелъ, но вѣдь только потому, что при помощи всѣхъ рессурсовъ полицейскаго государства, вплоть до висѣлицъ, рабочая масса вновь приведена «въ робкое и инертное состояніе», и капиталистамъ удалось отобрать у нея все, что ею было завоевано. Торгово-промышленная буржуазія настолько «успокоилась»,

*) Г. Гольдбергъ приводитъ фактъ, что съ 1904 г. по 1907 г. вывозъ за границу чугуна, желѣза и стали увеличился съ 56 тыс. до 14.552 тыс. пуд. Этимъ онъ желаетъ, повидимому, намекнуть, что если не внутренній, то внѣшній рынокъ русскою промышленностью гдѣ-то уже найденъ. Но рынокъ ли это? Не заграничная ли это „свалка“,—одна изъ тѣхъ „свалокъ“, къ которымъ прибѣгаютъ капиталисты, когда имъ некуда дѣвать продукты? Русскіе же рельсы, да и другіе продукты въ эти годы воистину дѣвать было некуда... Прибавлю, что въ 1908 г. (по свѣдѣніямъ за 9 мѣсяцевъ) вывозъ чугуна, желѣза, а также руды вновь рѣзко уменьшился.

что вновь начала будировать, и въ ея рѣчахъ г. Гольдбергу удалось подслушать даже такія слова, какъ «правопорядокъ» и «конституція»... Значитъ ли это, однако, что отъ страха передъ рабочимъ движеніемъ она окончательно излѣчилась и что новаго пароксизма уже не будетъ? Развѣ мы не имѣли уже множества случаевъ убѣдиться, что буржуазія охотно говоритъ о правопорядкѣ, когда рабочіе сидятъ смирно, и немедленно бросается за помощью къ полицейской и воинской силѣ, какъ только они зашевелятся?

Какія же основанія имѣются думать, что отнынѣ будетъ иначе и что, вмѣсто обращенія къ полицейскому государству за поддержкой,—въ которой, къ слову сказать, послѣднее никогда не отказывало—буржуазія вступитъ въ борьбу съ нимъ?

И все-таки г. Гольдбергъ это думаетъ, на это разсчитываетъ... Надо, впрочемъ, сказать, что въ своемъ резюме онъ нѣсколько неожиданно заявляетъ: «мы, однако, не вѣримъ въ творческую силу индустріальнаго либерализма, если даже онъ будетъ имѣть возможность ярко вспыхнуть и расцвѣсти». Г. Гольдбергъ вѣритъ, повидимому, только въ разрушительную силу промышленнаго либерализма,—въ разрушительную для существующаго государственнаго строя. Но и то какъ будто не совсѣмъ. «Въ лучшемъ случаѣ онъ дойдетъ, по его словамъ, до того, что составляло содержаніе земскаго либерализма». Но вѣдь земскій либерализмъ имѣлъ только ту силу, какую ему въ состояніи была дать интеллигенція. Что касается помѣстнаго класса, какъ такового, то онъ не сыгралъ ни малѣйшей роли въ разрушеніи абсолютизма, — напротивъ, владѣвшій земствомъ аграрій и явился для послѣдняго опорой. Не такимъ ли окажется и индустріальный либерализмъ,—даже «въ лучшемъ случаѣ»? Промышленная интеллигенція будетъ «фрондировать», а когда дойдетъ до дѣла, то выступитъ владѣющій промышленностью купецъ,—выступитъ опять въ качествѣ «опоры»... При чемъ тутъ либерализмъ торгово-промышленной буржуазіи? Не будетъ ли это, какъ въ земствѣ, либерализмъ русской интеллигенціи,—хорошо намъ знакомый и по прежнему безсильный?

Во что вѣритъ г. Гольдбергъ—въ конечномъ счетѣ—не извѣстно. Повидимому, все сводится къ какой-то смутной мечтѣ: авось загрохочутъ буржуазныя пушки...

III.

«Не съ чего, такъ съ бубенъ» — говорятъ не рѣдко игроки, когда у нихъ нѣтъ вѣрнаго и даже хоть сколько-нибудь надежнаго хода. Такихъ именно игроковъ напоминаетъ въ извѣстной своей части русская интеллигенція, когда положеніе представляется ей безвыходнымъ: «не на кого возложить надежды, такъ возложимъ ихъ на буржуазію».

Но въ рядахъ русской интеллигенціи никогда не переводились и другіе игроки. Всегда находились лица, которыя полагали, что въ «бубнахъ—игра самая вѣрная». Теперь какъ разъ настало время объявить имъ игру въ своей любимой масти...

Правда, прежняя «игра» не совсѣмъ еще кончилась... Освободительное движеніе въ Россіи получило характеръ борьбы за «слабыхъ и немощныхъ». Всѣ стремившіеся къ свободѣ въ той или иной мѣрѣ, хотя бы съ оговорками и недомолвками, связали свои требованія съ требованіями обездоленныхъ. Связали себя и либералы, осложнивъ свою программу, какъ я уже отмѣтилъ, совсѣмъ несвойственными либерализму, какъ таковому, требованіями. И эта связь до сихъ поръ даетъ себя чувствовать. Въ разрозненныхъ схваткахъ, какія происходятъ теперь, остаются тѣ же враги и союзники, съ какими проведена была вся кампанія. Волей-неволей приходится сообразовать съ этимъ свои дѣйствія. Укажу хотя бы такой примѣръ: к.-д. фракція цѣликомъ вотировала противъ указа 9 ноября, хотя въ ея составѣ завѣдомо имѣются сторонники личной собственности. Но поступить иначе,—вѣдь это значило-бы оказаться въ союзѣ съ вѣшателями...

Возможно, конечно, что жизнь сохранитъ и впредь сложившуюся подъ ея давленіемъ группировку общественныхъ силъ; быть можетъ, даже еще больше сблизитъ тѣхъ, кто участвовалъ въ борьбѣ за «слабыхъ и немощныхъ»... Возможна, однако, и совсѣмъ иная эволюція. Въ либеральной средѣ уже появились охотники перемѣнить игру и совсѣмъ иначе распланировать новую кампанію: вмѣсто безземельнаго и малоземельнаго крестьянства, ввести въ разсчетъ крѣпкаго личнаго собственника, вмѣсто робкой и инертной массы—смѣлыхъ и предпріимчивыхъ удачниковъ...

Однинъ изъ первыхъ съ такимъ планомъ выступилъ С. А. Котляревскій. Когда Государственная Дума приступила къ обсужденію указа 9 ноября, онъ поспѣшилъ заявить о своемъ согласіи въ цѣляхъ съ его авторами. «Разслоеніе крестьянской массы—заявилъ онъ—есть условіе нашего экономическаго и, слѣдовательно, соціальнаго развитія».

Что значитъ,—говорилъ онъ,—земельное равненіе, какъ не сохраненіе въ безформенномъ видѣ народной массы – массы, члены которой безсильны сколько-нибудь улучшить свое экономическое благосостояніе. Если задача законодательная замѣнить въ русской жизни отношенія, въ которыхъ своеобразно сплетались элементъ благотворительный и элементъ крѣпостной, отношеніями правовыми, надо разъ навсегда поставить крестъ надъ всякаго рода программами всеобщаго надѣленія и всеобщаго земельнаго поравненія *).

Но если «разслоеніе крестьянской массы есть условіе нашего экономическаго и, слѣдовательно, соціальнаго развитія», то крестъ,

*) „Слово", 29 октября 1908 г.

вѣдь надо поставить не только надъ программами всеобщаго надѣленія и всеобщаго земельнаго поравненія, но и надъ программой дополнительнаго надѣленія при помощи принудительнаго отчужденія. Она такъ же вѣдь задается цѣлью задержать разслоеніе, а благотворительный элементъ преобладаетъ надъ правовымъ въ ней даже гораздо сильнѣе, чѣмъ въ программахъ «всеобщаго надѣленія». Къ сожалѣнію, г. Котляревскій вовсе не объясняетъ, что онъ намѣренъ сдѣлать съ программой к.-д. партіи, виднымъ членомъ которой онъ до сихъ поръ являлся: думаетъ ли онъ поставить крестъ надъ ней или надѣется какъ-нибудь иначе очистить ее отъ соціалистическихъ наслоеній? Во всякомъ случаѣ, для своего либерализма онъ желаетъ найти опору не въ малоземельныхъ и безземельныхъ, надѣлить которыхъ обѣщала к.-д. партія, а въ «хозяйственныхъ мужичкахъ», насадить которыхъ взялся г. Столыпинъ.

Насъ часто пугаютъ—пишетъ г. Котляревскій—призракомъ реакціи, носителями которой являются хозяйственные мужички. Странное недоразумѣніе!.. Если демократизація Россіи есть не пустое слово и не отвлеченная формула, то единственный путь для нея—это кристаллизація среди крестьянства такого слоя, представители котораго, какъ самостоятельно хозяйствующіе субъекты, будутъ имѣть болѣе высокій уровень потребностей и болѣе широкій горизонтъ интересовъ.

Спасеніе, какъ видите, не въ томъ уже заключается, чтобы поднять общій уровень крестьянской массы и прежде всего наиболѣе обездоленныхъ ея слоевъ, и не въ томъ, чтобы расширить горизонтъ всего крестьянства и прежде всего наиболѣе темной его части, а въ томъ, чтобы опредѣленный «слой» выкристаллизовался, чтобы крестьянство «разслоилось». Такою именно цѣлью и задался указъ 9 ноября.

Мы готовы—писалъ г. Котляревскій въ другой статьѣ—привѣтствовать преслѣдуемую имъ цѣль насажденія мелкой крестьянской собственности, созданіе такого экономически сильнаго и юридически свободнаго класса мелкихъ землевладѣльцевъ, который можетъ стать основой будущаго здороваго развитія Россіи *).

Но и г. Котляревскій сомнѣвается, чтобы въ результатѣ Столыпинскаго землеустройства слой «хозяйственныхъ мужичковъ» выкристаллизовался. «Цѣли даны, — меланхолически замѣчаетъ онъ, — но отвѣчаютъ ли имъ средства?» Сомнѣваются насчетъ средствъ и другіе к.-д., уже проявившіе готовность передвинуть «ставку». Обезпокоенный тѣмъ, чтобы октябристы въ союзѣ съ правыми не испортили хорошаго дѣла, г. Шингаревъ предложилъ даже думскому центру услуги к.-д. партіи по части насажденія личной собственности.

*) „Московскій Еженедѣльникъ", 5 декабря 1908 г.

Я думаю,—говорилъ онъ въ Государственной Думѣ,—что насажденіе личной собственности и благо культуры и порядка настолько цѣнныя сокровища, что чрезвычайно рискованно подвергать ихъ неумѣлымъ экспериментамъ... Поэтому мы высказываемся за отмѣну указа 9 ноября, изданнаго по ст. 87, но немедленно же вносимъ свой проектъ, какъ эти выдѣлы къ раскрѣпощенію крестьянъ слѣдуетъ вести. Вы не можете насъ, такимъ образомъ, упрекать, что мы будто бы желаемъ задерживать развитіе крестьянъ, что мы противъ личной собственности, противъ культурнаго хозяйства *)...

Но октябристы, какъ извѣстно, рѣшительно отказались отъ к.-д. сотрудничества: ни одной к.-д. «поправки» они не приняли. Торгово-промышленная буржуазія, если и хочетъ насадить «хозяйственныхъ мужичковъ», то не иначе, какъ въ союзѣ съ реакціоннымъ дворянствомъ. Едва ли нужно даже говорить, что никакого класса «крѣпкихъ личныхъ собственниковъ» при этомъ не получится: вдвоемъ они не только остригутъ его, но и кожу еще снимутъ. Во всякомъ случаѣ, расчеты на то, что при данныхъ условіяхъ выкристаллизуется «слой», который могъ бы сдѣлаться опорой русскаго либерализма, остаются очень проблематичными.

Поэтому, быть можетъ, разочаровавшіеся въ «слабыхъ и немощныхъ» либералы, въ поискахъ «крѣпкихъ и сильныхъ», обратились въ другую сторону. Минуя А. И. Гучкова, они рѣшились вступить въ непосредственные переговоры съ торгово-промышленной буржуазіей. Тотъ же г. Котляревскій взялся доказать «тѣсную связь между ростомъ промышленности и благосостояніемъ крестьянства, съ одной стороны, между обоими элементами національнаго благосостоянія и русской политической свободой—съ другой»; говоря коротко, взялся доказать, что русская буржуазія должна вступить въ законный бракъ съ русскимъ либерализмомъ или, что то же, либеральная интеллигенція — съ промышленнымъ капитализмомъ. Чтобы бракъ состоялся, нужно убѣдить, конечно, обѣ стороны. И г. Котляревскій дѣйствительно пишетъ:

Русская интеллигенція не можетъ оставаться при своемъ традиціонномъ отрицаніи творческихъ сторонъ капитала: она должна признать, насколько вопросы національнаго производства, увеличенія національнаго богатства стоятъ теперь на нашемъ историческомъ пути.

Это съ одной стороны. Съ другой стороны,

и представители торгово-промышленныхъ интересовъ должны понять, насколько эти интересы неразрывно связаны съ полнымъ экономическимъ и политическимъ обновленіемъ Россіи. Страхъ, какъ инстинктивное опасенье всякихъ перемѣнъ, въ которыхъ чудится революціонный призракъ—плохой совѣтчикъ, ибо онъ мѣшаетъ бояться дѣйствительно грозной опасности **)...

---

*) Стенографическій отчетъ о засѣданіи Гос. Думы 24 октября; цитирую по „Слову" отъ 25 октября.

**) „Московскій Еженедѣльникъ", 5 декабря.

Органъ «Совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли» съ радостью привѣтствовалъ выступленіе г. Котляревскаго, какъ «нѣкоторый поворотъ нашего общественнаго мнѣнія въ вопросахъ торговли и промышленности». Да и какъ было не привѣтствовать?

Почти вся наша интеллигенція—говорится въ этомъ органѣ—относится къ промышленности и торговлѣ съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ и, трактуя всѣ экономическіе вопросы съ птичьяго полета общихъ фразъ и схематическихъ формулъ, готова видѣть въ каждомъ купцѣ мошенника, въ каждомъ промышленникѣ кулака. Доходитъ до того, что и сами торговцы и промышленники, вращаясь во враждебной для себя средѣ, начинаютъ тяготиться своей професcіей и нерѣдко стѣсняются выступать на защиту своихъ законнѣйшихъ интересовъ *).

Теперь дѣла пойдутъ иначе: появилась интеллигенція, которая желаетъ возвести купцовъ въ спасителей отечества... Теперь торговцы и промышленники могутъ, уже не стѣсняясь, «выступать на защиту своихъ законнѣйшихъ интересовъ». И въ доводахъ у нихъ недостатка не будетъ: интеллигенція снабдитъ ими въ изобиліи.

Аргументъ экономическій,
Аргументъ патріотическій
И важнѣйшій, наконецъ,
Съ точки зрѣнья стратегической
Аргументъ—всему вѣнецъ!..

Къ слову сказать, новая интеллигенція, изъ среды которой выступилъ г. Котляревскій, уже обѣщала экономическую проблему, разрѣшаемую при помощи торговопромышленнаго капитала, связать съ проблемой «Великой Россіи» **). Подъ покровомъ же патріотизма даже кулаки и мошенники, какъ извѣстно, не стѣсняются... Нельзя не вспомнить Зацѣпы—столпа:

Подождите! Прогрессъ подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыднымъ считается,
Удостоится завтра вѣнца...

Въ лицѣ г. Котляревскаго «Торговля и Промышленность» привѣтствовала «первыхъ ласточекъ»... Надо сказать, что интеллигентскіе «грачи» потянулись въ сторону буржуазіи много раньше (назову хотя бы г. Изгоева), и только промышленники не обратили на это въ свое время вниманія. Теперь же и занятые дѣломъ купцы наступленіе весны замѣтили. Много уже перелетныхъ птицъ на ихъ сторонѣ появилось,—цѣлыхъ три періодическихъ изданія («Слово», «Московскій Еженедѣльникъ» и «Русскую Мысль») наполняютъ они своимъ пѣньемъ. Едва ли другое какое теченіе

---

*) „Промышленность и Торговля", 15 декабря.

**) См. „Русская Мысль", январь 1909 г. стр. 202.

интеллигентской мысли располагаетъ въ наши дни такимъ полнымъ ассортиментомъ печатныхъ органовъ.

Но не въ этой только формѣ происходитъ сближеніе либеральной интеллигенціи съ торгово-промышленной буржуазіей. Съ тою же цѣлью въ Москвѣ за послѣдніе мѣсяцы устраиваются «экономическія бесѣды»,—на нихъ вырабатываются, повидимому, условія поступленія интеллигенціи на буржуазную службу. Результаты этихъ совѣщаній держатся втайнѣ, но скоро, какъ говорятъ, они будутъ опубликованы. Пока же о московскихъ «бесѣдахъ» извѣстно немного. На первой изъ нихъ читалъ докладъ г. Струве, который доказывалъ, что русская интеллигенція должна отказаться отъ соціализма и перевоспитаться въ буржуазномъ духѣ *). Кромѣ г. Струве, изъ «представителей интеллигенціи» принимаютъ участіе въ совѣщаніяхъ гг. Новгородцевъ, Котляревскій, Кизеветтеръ, Іорданскій (к.-д.) и «много другихъ», какъ выражаются газеты. Изъ представителей торгово-мромышленнаго міра наиболѣе видную роль играетъ, повидимому, г. Коноваловъ (товарищъ предсѣдателя московскаго биржевого комитета), бываютъ также гг. Крестовниковъ (предсѣдатель того же комитета). Рябушинскій, Гужонъ, Вольскій (управляющій дѣлами «Совѣта съѣздовъ») и др. На послѣдней бесѣдѣ присутствовалъ и представитель оффиціальнаго міра, г. Литвиновъ-Фалинскій (управляющій отдѣломъ промышленности). По словамъ газетъ,

> предметомъ обсужденія служилъ вопросъ о таможенной политикѣ, при чемъ, какъ передаютъ въ промышленной средѣ, представители промышленности были пріятно удивлены, что представители интеллигенціи были почти во всемъ солидарны съ ними. „Заѣзженныя фритредерскія фразы", какъ выражается П. Б. Струве, сданы, очевидно, въ архивъ **).

За уступками со стороны либерализма дѣло, очевидно, не станетъ, но на чемъ окончательно сторгуются мы, лишь потомъ узнаемъ. «Купцы», повидимому, находятъ для себя сдѣлку выгодною. «Представители промышленности, по словамъ «Голоса Правды»,— даже тѣ, которые раньше скептически относились къ московскимъ совѣщаніямъ и, во всякомъ случаѣ, не придавали имъ большого значенія,—и тѣ измѣнили свое отношеніе къ нимъ послѣ послѣдняго собесѣдованія».

Надо сказать, что октябристы къ этому, предпринятому въ обходъ ихъ, сближенію интеллигенціи съ торгово-промышленной буржуазіей относятся довольно спокойно. Въ «купцѣ» они, повидимому, увѣрены: уйти изъ той компаніи, въ которую они его ввели, ему некуда.

---

*) Этотъ именно докладъ былъ, повидимому, напечатанъ въ видѣ особой статьи въ «Словѣ» («Народное хозяйство и интеллигенція»), и теперь вновь перепечатанъ въ январской кн. «Русской Мысли».

**) «Наша Газета», 5 февраля.

Изъ соціальной трясины, куда занесли колесницу русскаго прогресса руководимые радикалами «сознательные» пролетаріатъ и крестьянство, лѣвые хотятъ—читаемъ мы въ «Голосѣ Москвы»—выѣхать на буржуазіи, которая должна-де «во имя подъема производительныхъ силъ» объявить себя, если не революціонной, то хоть открыто оппозиціонной.

Но «вѣдь ясно, что сама по себѣ буржуазія не достаточно сильна, чтобы успѣшно воздѣйствовать на власть; усилія буржуазіи должны быть координированы съ усиліями другихъ контрагентовъ». Что касается «безхозяйственной интеллигенціи», то она въ этомъ отношеніи «очень проблематичный плюсъ». Въ качествѣ союзниковъ нужны другіе «экономическіе классы». Но

крестьяне и рабочіе, поскольку они начинаютъ «сознательно» относиться къ окружающему, въ большинствѣ случаевъ неудержимо подпадаютъ подъ вліяніе соціалистической пропаганды, идущей изъ интеллигенціи, и въ буржуазіи видятъ своего главнаго врага.

Поэтому они «какъ политическіе союзники, для буржуазіи не существуютъ». «Для буржуазіи пока что — заключаетъ «Голосъ Москвы»—остается такимъ образомъ единственный союзникъ—землевладѣльцы» *).

Будучи въ этомъ увѣрены, октябристы надъ попытками отбить у нихъ «купца» даже подсмѣиваются. По крайней мѣрѣ, къ «нарождающемуся единенію интеллигенціи съ представителями промышленности», когда о немъ возвѣстилъ г. Жилкинъ, тотъ же «Голосъ Москвы» отнесся въ высшей степени иронически.

Вещь, что говорить — замѣтила какъ-то эта газета — хорошая. Но въ томъ видѣ, какъ представляетъ себѣ это единеніе трудовикъ Жилкинъ, отъ него начинаетъ сильно попахивать тенденціями захудалыхъ интеллигентовъ Островскаго, пытающихся «образовать» невѣжественныхъ «купчишекъ». «Вашъ капиталъ—нашъ умъ» **).

Впрочемъ, если интеллигенты не «купчишекъ» желаютъ «образовывать», а сами хотятъ, какъ выражается г. Струве, «перевоспитаться», то противъ этого и октябристы ничего имѣть не могутъ. Пусть «перевоспитываются»!..

Пусть «перевоспитываются»,—въ концѣ концовъ придутъ на октябристскую позицію... Въ самомъ дѣлѣ: союзъ торгово-промышленной буржуазіи съ помѣстнымъ сословіемъ, дѣйствительно, является неизбѣжнымъ. Но

для всякаго очевидно—говоритъ „Наша Газета",—что, по существу, не можетъ быть ничего болѣе безплоднаго въ смыслѣ созданія новыхъ формъ жизни, чѣмъ сотрудничество именно этихъ двухъ классовъ, изъ которыхъ одинъ стремится къ сохраненію старыхъ сословныхъ порядковъ и боится какихъ бы то ни было преобразованій, потому что всякое преобразованіе, какъ бы урѣзано оно ни было, можетъ быть осуществлено, при данныхъ

*) „Союзъ 17 октября и буржуазія". „Голосъ Москвы", 17 января.
**) Непрошенные благодѣтели». «Голосъ Москвы», 8 января.

условіяхъ, лишь въ ущербъ его экономическимъ и политическимъ интересамъ, между тѣмъ какъ другой классъ, по самому своему положенію, не можетъ не стремиться къ борьбѣ хотя бы „за самыя минимальныя, самыя элементарныя соціально-политическія нормы, при которыхъ нѣсколько нормальнѣе могла бы развиваться торгово-промышленная жизнь страны". Сотрудничество такихъ двухъ классовъ, взаимно нейтрализующихъ другъ друга, можетъ давать въ результатѣ только ту „мертвую точку", съ которой страна не въ состояніи вотъ уже сколько времени сдвинуться, истощая свои силы въ безплодныхъ усиліяхъ, слабѣя и деморализуясь. И, быть можетъ наиболѣе яркимъ доказательствомъ этого—прибавляетъ газета—служитъ смѣло задуманный законъ 9 ноября, который при полномъ господствѣ буржуазіи, вѣроятно, постепенно оправдывалъ бы широкія ожиданія его авторовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ расширяя и укрѣпляя внутренній рынокъ для „отечественной" промышленности, а теперь осужденъ творить одну только свою отрицательную работу *).

Октябристы тоже вѣдь стремятся къ созданію новыхъ соціально-политическихъ формъ, они—тоже «либералы». Больше того: г. Столыпинъ, опирающійся одновременно на буржуазію и на дворянство, тоже непрестанно твердитъ о свободѣ, о новыхъ соціальныхъ формахъ. Вотъ и теперь, въ послѣдней своей рѣчи—по дѣлу Азефа—онъ опять обѣщаетъ намъ какое то «зданіе обновленной, свободной, но свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты и невѣжества, отъ безправія, преданной, какъ одинъ человѣкъ, своему Государю-Россіи»; обѣщаетъ зданіе, которое-де мы увидимъ, какъ только падутъ «лѣса», которые строитъ правительство. «Эти лѣса,—говоритъ онъ,—неминуемо рухнутъ. Можетъ быть, задавятъ и насъ подъ своими развалинами». И на это идетъ г. Столыпинъ...

Пусть же «лѣса», которые строитъ правительство, скорѣе падаютъ. И они, дѣйствительно, неминуемо рухнутъ. Но мы хорошо знаемъ, что никакого «зданія свободной Россіи» за ними нѣтъ и не строится. Мы вѣдь ясно видимъ, что, въ дѣйствительности, это не «лѣса», какъ угодно ихъ было назвать г. Столыпину, а висѣлицы...

Я бы не сказалъ поэтому, какъ «Наша Газета», что два правящихъ теперь класса только нейтрализуютъ другъ друга. Нѣтъ! въ результатѣ ихъ сотрудничества получается совершенно опредѣленная реакція. Я намѣренъ былъ употребить послѣднее слово въ качествѣ химическаго термина, но вижу, что его нужно сохранить и въ качествѣ политическаго. Не на «мертвой точкѣ» мы стоимъ, а быстро движемся назадъ. Не создавая новыхъ соціальныхъ формъ, правящіе классы только разрушаютъ старыя, и за «лѣсами», висѣлицами тожъ, не постройка происходитъ, а разрушеніе.

Да, октябристы-либералы. Почитайте ихъ программу—и вы увидите, какъ много тамъ про свободу написано. Но этой свободѣ суждено оставаться на бумагѣ, либерализмъ ихъ—словесный, и

*) „Наша Газета", 14 января.

инымъ быть не можетъ. Такимъ же неизбѣжно, какъ я думаю, будетъ и всякій другой либерализмъ, который будетъ искать для себя опоры въ буржуазіи. Это будетъ либерализмъ октябристскій.

Для русской свободы, повторяю, имѣется только одна дѣйствительная опора: это трудовыя массы.

IV.

Я отмѣтилъ надежды на «сильныхъ», какія появились въ разныхъ кругахъ интеллигенціи: съ одной стороны,—въ марксистскомъ, съ другой—въ либеральномъ. У этихъ надеждъ имѣются такимъ образомъ два идейныхъ источника. На смѣси этихъ двухъ ученій,—либерализма и марксизма,—и пытается обосноваться новая идеологія. Крайне характерно, что особенно усердно за «перевоспитаніе» русской интеллигенціи взялись люди, побывавшіе уже и въ марксистскомъ, и въ либеральномъ лагеряхъ. Назову гг. Струве и Изгоева: можно, конечно, видѣть въ этомъ насмѣшку судьбы, но именно они являются сейчасъ наиболѣе ревностными «идеологами буржуазіи». Для этого они свой «марксизмъ» вспомнили, но и либерализма, конечно, не забыли. Въ результатѣ получилась нѣкоторая смѣсь, которую они и желаютъ теперь выдать за совершенно новое вѣроученіе.

Къ этому вѣроученію мнѣ, вѣроятно, придется еще вернуться Но сейчасъ надежды на «сильныхъ» интересуютъ меня не въ своемъ теоретическомъ обоснованіи, а въ своихъ жизненныхъ послѣдствіяхъ.

Попутно я уже отмѣтилъ ихъ сомнительность,—скажу больше: ихъ неосновательность. Если это такъ, то казалось бы, что за бѣда, если люди отъ нечего дѣлать немного помечтаютъ. Въ переживаемую нами пору, когда такъ угнетаетъ отсутствіе борьбы,—борьбы съ нашей стороны (ибо враги то насъ тѣснятъ сильнѣе прежняго),—такъ отрадно вѣдь, хотя бы во снѣ увидать, что и съ нашей стороны готовы грянуть пушки. Поскольку дѣло ограничивается расплывчатой мечтой,—какъ у г. Гольдберга,—что вотъ-де придутъ «сильные» и помогутъ «слабымъ», если не создать новый строй, то разрушить старый, постольку интересующее насъ въ настоящій разъ явленіе дѣйствительно имѣетъ довольно безобидный характеръ.

Но не таково оно въ цѣломъ. Надежды на «сильныхъ» въ большинствѣ случаевъ оказываются неразрывно связанными съ разочарованіемъ въ «слабыхъ». Люди не только обращаютъ свои взоры къ первымъ, но и отворачиваются отъ послѣднихъ,—не только ждутъ помощи, но и хотятъ избавиться отъ обузы.

Это желаніе избавиться отъ «обузы», какую представляютъ де «слабые», появляется иногда даже раньше, чѣмъ мысли о «силь-

ныхъ» оформятся,—появляется даже независимо отъ этихъ мыслей. Укажу «Правду Жизни»,—газету, какъ извѣстно, «не безъ роду, не безъ племени». Эта газета,—къ слову сказать, помѣщающаяся, подобно безвременно погибшему «Товарищу», гдѣ-то между либерализмомъ и марксизмомъ,—въ одномъ изъ первыхъ же своихъ номеровъ опредѣлила, въ чемъ «наше несчастье».

Несчастье наше,—заявила она,—въ томъ, что въ Россіи нѣтъ налицо сильнаго, сознательнаго, идейнаго либеральнаго движенія *).

Какъ нѣтъ?—удивился, быть можетъ, читатель:—а «освободительное» движеніе, которое мы только что пережили? Неужели въ немъ мало было либерализма? Бѣда, однако, въ томъ, по мнѣнію газеты, что стремленіе къ политической свободѣ у всѣхъ оказалось неразрывно связаннымъ со стремленіемъ къ соціальнымъ преобразованіямъ.

Въ порядкѣ логической дедукціи,—поясняетъ „Правда Жизни",—вопросъ о первенствѣ соціальныхъ или политическихъ требованій можетъ быть предметомъ очень долгихъ, очень сложныхъ споровъ, и приводитъ къ разнымъ рѣшеніямъ. Но бываютъ моменты, когда потребность въ свободѣ становится такой непосредственной, такой всеобщей, для всѣхъ близкой и естественной потребностью, что споры о первенствѣ умолкаютъ сами собой. И кажется такой моментъ наступитъ скоро и въ развитіи русскаго національнаго сознанія, если еще не наступилъ.

Говоря коротко, нуженъ чистый либерализмъ, не осложненный соціальными требованіями; нужно сохранить то, что всѣмъ на потребу, бросивъ то, въ чемъ заинтересованы только слабые и немощные. «Кто нибудь,—продолжала газета,—долженъ исполнить великую историческую задачу. Если ея не исполнятъ кадеты, должны народиться новыя идейныя теченія въ другихъ лагеряхъ»... хотя бы въ соціалистическомъ. «Этому лагерю, — прибавляла «Правда Жизни»,—безконечно труднѣе, чѣмъ партіямъ буржуазнымъ или междуклассовымъ, выдвинуть изъ своей среды апостоловъ либерализма и, пожертвовавъ всѣми силами для борьбы за свободу, заглушить въ себѣ временно огонь ненависти къ существующимъ соціальнымъ порядкамъ. Это была бы мучительная операція, разрѣзъ по собственному живому тѣлу. Но не исключена въ концѣ концовъ возможность и такой операціи (по крайней мѣрѣ, для праваго крыла лѣвыхъ партій)».

Надо сказать, что совѣты к.-д.-амъ отказаться отъ обременившихъ ихъ требованій,—вродѣ «принудительнаго отчужденія»,—подавались изъ той же приблизительно среды и раньше. Новыми на этотъ разъ явились, съ одной стороны, какъ бы угроза по ихъ адресу, если они этого совѣта не послушаютъ, съ другой,—какъ бы призывъ къ соціалистамъ занять мѣсто либераловъ... Хотя

*) „Правда Жизни", 15 декабря.

к.-д.,—въ особенности въ періодъ перваго междудумья,—обнаружили большую склонность къ компромиссамъ и изъявили готовность сдѣлать, хотя бы по части земли, большія уступки,—однако во всемъ его объемѣ приведеннаго совѣта они все-таки не послушались. Вѣроятно, они понимали, что остаться при чистомъ либерализмѣ,—это значило бы окончательно повиснуть въ воздухѣ, не разсчитывая даже въ будущемъ найти опору въ массахъ. Даже теперь, когда надежды на слабыхъ и немощныхъ совсѣмъ почти угасли, едва-ли к.-д. партія, въ цѣломъ ея составѣ, найдетъ въ себѣ силы и рѣшимость окончательно отъ нихъ отвернуться.

Но отдѣльныя лица изъ ея среды уже отвернулись или готовы это сдѣлать. Рецептъ спасенія, предложенный «Правдой Жизни», они выполнятъ, но на немъ не остановятся и пойдутъ дальше. И это, конечно, вполнѣ понятно,—въ особенности со стороны «людей, которые (какъ характеризуетъ себя и своихъ «товарищей» г. Струве), мучительно переживъ огромный жизненный опытъ и передумавъ въ разныхъ направленіяхъ идейный матеріалъ соціализма, извѣрились въ него».

Взять хотя бы самого г. Струве. «Мучительную операцію», «разрѣзъ по собственному живому тѣлу» онъ уже давно продѣлалъ,—еще тогда, когда, оставаясь въ душѣ соціалъ-демократомъ, отправился въ Штутгардтъ. Онъ, можно сказать, заглушилъ тогда въ себѣ огонь ненависти къ существующимъ соціальнымъ порядкамъ, отказался отъ соціальныхъ требованій, выступилъ съ одной руководящей идеей, съ политическимъ либерализмомъ, но скоро убѣдился, что игнорировать «матеріальныя основы» жизни невозможно, и, въ качествѣ к.-д., осложнилъ свою программу опять «соціальными требованіями». Теперь онъ уже знаетъ, что если уходить отъ соціализма, то нельзя остановиться на политическомъ либерализмѣ, нужно идти дальше—найти для послѣдняго «матеріальную основу»; другими словами: уйдя отъ «слабыхъ», нельзя остановиться гдѣ-то въ пространствѣ, нужно перейти къ «сильнымъ». Г. Струве теперь это и сдѣлалъ.

Въ настоящее время намъ нужно,—пишетъ онъ,—больше реализма, больше вниманія къ «матеріальнымъ» основамъ жизни, и въ тоже время больше индивидуализма, больше личнаго творчества, личнаго напряженія, намъ нужны, словомъ, тѣ свойства, которыя создали «буржуазный» строй *).

Онъ не урѣзалъ только идеологію, какъ предлагаетъ «Правда Жизни», а усвоилъ новую: вмѣсто пролетарской—буржуазную, вмѣсто коллективистической—индивидуалистическую.

Возьмемъ другого «марксиста», окончательно, повидимому, отвернувшагося отъ пролетаріата,—г. Изгоева. Онъ тоже не только

*) Петръ Струве. «На разныя темы. Три нападенія». «Русская Мысль», 1908 г. декабрь.

разочаровался въ «слабыхъ», но и немедленно увѣровалъ въ «сильныхъ».

Единственный выходъ изъ переживаемаго нами кризиса,—пишетъ онъ,—организація тѣхъ среднихъ творческихъ слоевъ населенія Россіи, которые стоятъ во главѣ хозяйственной жизни страны и свое право на преобладающее положеніе получаютъ не въ сословныхъ привилегіяхъ, а въ своей роли организаторовъ народнато труда и производства, увеличивающихъ богатство и культуру народа. Эти средніе слои до сихъ поръ были оттѣснены у насъ отъ рѣшенія общественно-политическихъ задачъ и заслонялись интеллигенціей, вдохновлявшейся соціалистическими утопіями. О судьбѣ этихъ утопій жизнь сказала свое слово.. Утопическій соціализмъ интеллигенціи долженъ исчезнуть, и, чѣмъ скорѣе интеллигенція съ нимъ разстанется, тѣмъ будетъ лучше для страны... *)

«Только средніе слои», — заканчиваетъ г. Изгоевъ,—«могутъ вывести Россію мирнымъ путемъ изъ нынѣшняго положенія». «Мирнымъ путемъ»... Но это не значитъ, что есть какой-нибудь другой путь спасенія. «Безсиліе или неумѣлость среднихъ слоевъ,—прибавляетъ г. Изгоевъ,—приведутъ къ катастрофѣ, не къ «спасительной революціи», а къ анархіи, которая покончитъ съ государствомъ»...

Такимъ образомъ, отъ «слабыхъ и немощныхъ» нужно совсѣмъ уйти: не только «требованій» ихъ, какъ предлагаетъ «Правда Жизни», не ставить, но и на нихъ самихъ не разсчитывать. Связаться съ ними—значитъ погибнуть.

Больше того. И г. Струве, и г. Изгоевъ, уйдя окончательно отъ соціализма, немедленно повернулись для нападенія на него. Они требуютъ, чтобы русская интеллигенціи отказалась отъ «соціалистическихъ утопій», отказалась отъ идеи равенства,—отъ «идеи безотвѣтственнаго равенства», какъ формулируетъ ее г. Струве **),—и усвоила «идею личной годности», какъ выражается тотъ же г. Струве.

---

*) А. С. Изгоевъ. „Три года". „Русская Мысль", 1908 г. декабрь.

**) Основами міросозерцанія русской интеллигенціи, по словамъ г. Струве «были двѣ идеи или, вѣрнѣе, сочетаніе двухъ идей: 1) идеи личной безотвѣтственности и 2) идеи равенства» («Русская Мысль». январь, стр. 203). Въ дальнѣйшемъ, доказывая ошибочность этото міросозерцанія, онъ употребляетъ обѣ идеи уже въ «сочетаніи». Какъ я уже сказалъ, въ задачу настоящей статьи не входитъ критика новаго ученія, равно какъ и его «историческихъ предпосылокъ». Считаю, однако, необходимымъ теперь же отмѣтить, что въ приведенныхъ словахъ заключается крупное недоразумѣніе, которое можно объяснить только тѣмъ, что всю русскую интеллигенцію г. Струве мыслитъ «по образу и подобію своему». Ему, какъ марксисту, можетъ быть, дѣйствительно была свойственна въ свое время «идея личной безотвѣтственности», но этого ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать вообще про интеллигенцію. Міросозерцаніе громадной ея части проникала какъ разъ обратная идея,—идея личной отвѣтственности, которая и окрасила собою, можно сказать, всю исторію русской интеллигенціи.—Идеей личности, между прочимъ, отличалось народническое міросозерцаніе отъ марксистскаго. Въ частности, соціалъ-народничество сочетало эту идею съ идеей равенства и такимъ образомъ избѣжало

Чтобы пояснить эту идею, г. Струве приводитъ цѣлый рядъ иностранныхъ выраженій и въ концѣ концовъ останавливается на томъ русскомъ словѣ, которымъ уже воспользовался, чтобы выразить свою «руководящую идею», г. Столыпинъ.

«Идею годности—пишетъ г. Струве—англичане выражаютъ словомъ efficiency, нѣмцы — словомъ Tüchtigkeit. Французъ скажетъ force и будетъ правъ. Ибо годность—сила» *).

Именно эту идею и должна усвоить, въ качествѣ основы своего міросозерцанія, русская интеллигенція: она должна уважать и любить въ человѣкѣ «силу», должна различать въ людяхъ «качество», т. е. именно то, въ чемъ суть идеи личной годности **). И не платоническими только должны быть эта любовь и это уваженіе. Русская интеллигенція

всегда была проникнута—пишетъ въ той же книгѣ г. Изгоевъ—уравнительными тенденціями и не только не ставила своей задачей воспитывать наиболѣе энергичные, предпріимчивые и знающіе элементы, выдѣлявшіеся изъ общаго уровня, но принимала по отношенію къ нимъ рѣзко враждебный тонъ и въ нихъ, въ свою очередь, наживала себѣ враговъ ***).

Теперь она должна поступать иначе. «Она должна сознательно дать дорогу и даже оказать посильную помощь тѣмъ соціальнымъ слоямъ, которые способны стать на общегосударственную, національную точку зрѣнія, которые будутъ развивать экономическій прогрессъ страны, а не тормазить его. Само собой разумѣется, — прибавляетъ во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній г. Изгоевъ,— что рѣчь идетъ о дѣйствительномъ реальномъ экономическомъ прогрессѣ, происходящемъ въ той внутренней и международной средѣ, въ которой мы живемъ, а не о прогрессѣ фантастическомъ, воображаемомъ, отрѣшившемся отъ условій мѣнового хозяйства и капиталистическаго производства» ****).

Видите, какая должна быть любовь и какое должно быть уваженіе: «даже оказать посильную помощь»... И видите вмѣстѣ съ тѣмъ, какой оборотъ получается! Сидитъ интеллигентъ г. Гольдбергъ и мечтаетъ, что вотъ-де придутъ «сильные» и окажутъ намъ помощь... Но, оказывается, нѣтъ: интеллигенція должна идти и помочь сильнымъ.

Г. Струве, какъ извѣстно, теперь мыслитъ и пишетъ «поверхъ текущаго момента», полагая излишнимъ и даже вреднымъ считаться съ тѣмъ, что происходитъ внизу, въ окружающей насъ дѣйствительности. Вѣроятно, и г. Изгоевъ воображаетъ себя тоже

того употребленія «идеи личности», какое далъ ей марксистъ Струве, когда, наконецъ, усвоилъ ее.

*) „Русская Мысль", январь 1909 г. Стр. 203—204.

**) Тамъ же, стр. 205.

***) Тамъ же, стр. 169.

****) Тамъ же, стр. 168.

высоко поднявшимся. Орлинымъ взоромъ съ этой высоты — съ «общегосударственной, національной точки зрѣнія», находящейся гдѣ-то внѣ времени и пространства,—пронизываютъ они будущее. Они видятъ «Великую Россію», знаютъ путь къ ней!.. На помощь сильнымъ!—кричатъ они намъ.

Но вѣдь мы то не поднимались въ надзвѣздную высь, вѣдь мы то знаемъ, что происходитъ въ окружающей насъ земной дѣйствительности, мы вѣдь ясно видимъ, чѣмъ заняты «сильные»... И въ какое время раздается этотъ призывъ помочь имъ? Какъ разъ въ этотъ моментъ, когда гр. Орловъ-Давыдовъ приступилъ къ осуществленію своей программы.

Я называю не г. Столыпина, а гр. Орлова-Давыдова. Мнѣ хочется напомнить эпизодъ,—литературный эпизодъ,—имѣвшій мѣсто 35 лѣтъ тому назадъ.

Въ 1873 г. въ либеральномъ «Вѣстникѣ Европы» появилась статья,—и не столько даже статья, сколько «записка чисто практическаго характера», какъ выражался ея авторъ, гр. Орловъ-Давыдовъ,—подъ заглавіемъ: «Земледѣліе и землевладѣніе». Въ ней излагалась въ сущности та самая программа,—программа «сильныхъ»,—которую осуществляетъ теперь правительство, но только излагалась еще откровеннѣе, чѣмъ изложилъ ее г. Столыпинъ. Авторъ предлагалъ разрушить общину, обезземелить значительную часть крестьянства и такимъ путемъ поддержать и усилить политическое значеніе помѣстнаго сословія; предлагалъ онъ это, конечно, въ интересахъ «экономическаго прогресса». Разсуждалъ онъ очень просто: крестьяне, отчасти по бѣдности, отчасти по недостатку земли, не въ состояніи улучшить земледѣліе и раціонально поставить свое хозяйство: стало быть, нужно отобрать у нихъ землю и передать ее тѣмъ, кто въ силахъ это сдѣлать. Да и какъ можно иначе разсуждать съ точки зрѣнія «сильнаго?»

Появленіе этой статьи въ прогрессивномъ журналѣ, редакція котораго ограничилась глухимъ примѣчаніемъ въ томъ смыслѣ, что «интересъ самаго дѣла требуетъ выслушать мнѣніе каждаго», было столь неожиданно, что Н. К. Михайловскій сравнилъ его (примѣняясь, очевидно, къ истинно-русскимъ чувствамъ графа), съ появленіемъ въ православномъ храмѣ какого-нибудь Лейбы Соломонзона, которому либеральный священникъ, ссылаясь на вѣротерпимость, предоставилъ бы вмѣсто себя сказать проповѣдь... Что касается основной мысли автора, то Н. К. Михайловскій счелъ достаточнымъ конкретизировать ее въ нѣсколькихъ примѣрахъ.

Ваше сіятельство!—писалъ онъ въ „Открытомъ письмѣ къ гр. Орлову-Давыдову"...—Въ жизни съ вами должны или, по крайней мѣрѣ, могутъ случаться удивительнѣйшіе казусы: дѣло можетъ дойти до того, что вы отнимете костыль у хромого, выколете глазъ у кривого, или, отнявъ у нищаго брянчащія въ его кошелькѣ семь съ половиною копѣекъ, вручите ихъ владѣльцу того дома, на тротуарѣ котораго нищій играетъ на осиплой шар-

манкѣ народный гимнъ. И когда у васъ потребуютъ объясненія вашихъ дѣйствій, вы напишете записку чисто практическаго характера, въ которой будутъ развиваться и доказываться слѣдующіе тезисы: этотъ человѣкъ хромъ, слѣдовательно, костыль у него долженъ быть отнятъ; этотъ другой человѣкъ кривъ, а потому надлежитъ выколоть ему другой глазъ; этотъ третій человѣкъ нищъ, вслѣдствіе чего у него должны быть отняты семь съ половиною копѣекъ *)...

Да и какъ же иначе? Надо вѣдь различать «качества» людей, надо уважать и любить «силу» человѣка, надо даже оказать посильную «помощь» тѣмъ, кто ее имѣетъ...

Если смотрѣть «поверхъ текущаго момента», то можно, очевидно, совсѣмъ не замѣтить, чѣмъ, кромѣ «производства», занимаются «сильные» во главѣ съ гр. Орловымъ-Давыдовымъ; съ этой «точки зрѣнія», должно быть, совсѣмъ не видно, что они уже вытащили кошелекъ у нищаго и собираются дѣлить между собою семь съ половиною копѣекъ, которыя тамъ брянчали... Надѣльною землею всѣ вѣдь «сильные» попользуются,—не только «кулаки» и «мошенники», и даже не только «хозяйственные мужички», на которыхъ намѣренъ обосновать демократію г. Котляревскій, но и тѣ текстильные фабриканты, въ союзѣ съ которыми г. Струве собирается создать «великую Россію». Да, они тоже попользуются, продавая и обезземеливаемымъ мужикамъ, и «крѣпкимъ личнымъ собственникамъ» нужный имъ ситецъ втридорога. А г. Струве, сдавшій «заѣзженныя фритредерскія фразы» въ архивъ, будетъ помогать имъ, «окрыляя національное производство широкими идеями и перспективами». Перспективы для «производства», словъ нѣтъ, открываются обширныя: большое оживленіе можетъ въ немъ получиться за счетъ надѣльной земли, которую теперь и продать, и заложить можно. Вѣроятно, не вся выручка будетъ взыскана въ видѣ податей или недоимокъ или снесена въ «винополію»; кое-что и непосредствено, быть можетъ, поступитъ на поддержаніе и усиленіе русской промышленности. Такъ или иначе, но колесо «національнаго производства», можетъ быть, еще и повертится ... пока всѣхъ мужиковъ приведетъ въ нищенское состояніе.

Я не допускаю, конечно, и мысли, что г. Струве зоветъ насъ на помощь «сильнымъ», имѣя въ виду эту послѣднюю перспективу. Дѣло проще: съ той «точки зрѣнія», на которой онъ стоитъ, совсѣмъ не видно, что такое представляетъ изъ себя экономическій прогрессъ безъ соціальной справедливости, куда ведетъ идея личной силы, не уравновѣшенная идеей равенства, что можетъ дать—въ особенности, при русскихъ условіяхъ,—либерализмъ, не только отвернувшійся отъ соціализма, но и вступившій въ борьбу съ нимъ.

Всматриваясь въ будущее, г. Струве видитъ «Великую Россію»,

*) „Сочиненія Н. К. Михайловскаго", т. I, стр. 946.

которую создадуть сильные, и не замѣчаетъ великаго народа, который они до чиста ограбятъ.

Этимъ только я и могу себѣ объяснить совѣтъ, даваемый русской интеллигенціи—правильнѣе, сказать: предъявляемое къ ней требованіе,—чтобы она отказалась отъ идеи равенства, чтобы она помогала сильнымъ, чтобы она «обуржуазилась». Этимъ только я и могу себѣ объяснить, что съ такимъ совѣтомъ и съ такимъ требованіемъ выступаетъ теперь не Лейба Соломонзонъ, впущенный въ «храмъ русской литературы» по либеральному недоразумѣнію, а постоянные служители этого храма — заправскіе литераторы, которые произносятъ свои проповѣди не на жаргонѣ «записокъ чисто практическаго характера», а на литературно-церковномъ языкѣ, съ текстами отъ священнаго писанія, съ ссылками на Маркса и Герцена...

Впрочемъ, не въ томъ сейчасъ суть, какъ это объяснить можно... Не совсѣмъ безобидно,—сказалъ я,—интересующее насъ въ настоящій разъ явленіе. Теперь читатели видѣли, каково оно въ цѣломъ. Линія, по которой оно развивается, такова,—позволю себѣ напомнить ее въ видѣ нѣсколькихъ, хотя и не всегда располагающихся въ томъ же порядкѣ, пунктовъ:

а) возложимъ надежды на «сильныхъ»;
б) отвернемся отъ «слабыхъ»;
в) уйдемъ отъ слабыхъ;
г) перейдемъ къ сильнымъ;
д) будемъ помогать сильнымъ;
е) будемъ помогать имъ въ борьбѣ со слабыми.

Такова эта линія, и иной, при данныхъ условіяхъ, она быть можетъ. Такова логика жизни, что, отправившись по этой линія, вы перейдете на противоположную сторону: окажетесь въ союзѣ съ тѣми, съ кѣмъ вы воевали, и будете воевать съ тѣми, кого отстаивали.

Отвѣчая на мою ноябрьскую статью, г. Струве пишетъ:

Г. Пѣшехоновъ—мнѣ непонятно даже, почему и для чего—какъ-то умалилъ существующее между нами разногласіе... Можетъ быть,—продолжаетъ г. Струве,—найдется какой-нибудь примиритель, который захочетъ „объединить" меня съ г. Пѣшехоновымъ. Этотъ примиритель укажетъ, что чрезвычайная охрана и режимъ Столыпина заставляетъ насъ быть заодно. Я не спорю, что на цѣломъ рядѣ формальныхъ вопросовъ, имѣющихъ и большое принципіальное значеніе, мы можемъ объединиться. Но это объединеніе будетъ, въ сущности, столь же прочно, какъ прочно знакомство въ вагонѣ желѣзной дороги. Какъ ни могущественна чрезвычайная охрана, мы уже знаемъ, что думать только о ней прямо пагубно. Нужно подумать о себѣ и о своемъ содержаніи, о томъ, что мы можемъ и должны вложить въ жизнь. А думая объ этомъ, размышляя о духѣ нашего строительства жизни, я не вижу возможности прочнаго и искренняго объединенія съ г. Пѣшехоновымъ *).

И я не вижу. Въ результатѣ своей, столь на долго затянув-

*) „Русская Мысль", январь 1909 г., стр. 198 и 199.

шейся, эволюціи, г. Струве, повидимому, окончательно перебрался на противоположную сторону; я же остаюсь и останусь, конечно, на прежней. Если это такъ, если г. Струве дѣйствительно совсѣмъ перебрался, то само собой понятно, что мы должны будемъ встрѣчаться отнынѣ врагами. Но, можетъ быть, онъ и въ «сильныхъ» еще разочаруется? можетъ быть, опять съ той или иной стороны приблизится къ слабымъ, немощнымъ?... Однако не обо мнѣ съ г. Струве идетъ сейчасъ рѣчь, а о русской интеллигенціи. Ее хотятъ перетащить на противоположную сторону — въ этомъ вѣдь и заключается «идейное перевоспитаніе», которое задумалъ г. Струве. Русскую интеллигенцію желаютъ перетянуть на сторону «сильныхъ», и за это обѣщаютъ намъ свободу и «Великую Россію».

Можетъ быть, нѣкоторые и соблазнятся, пойдутъ за новыми «воспитателями», перейдутъ на сторону «сильныхъ». Но въ громадной своей части, русская интеллигенція—я увѣренъ—останется вѣрна завѣтамъ своихъ прежнихъ учителей,—«слабыхъ» не броситъ и ужъ въ борьбу-то съ ними ни въ коемъ случаѣ не вступитъ. Какъ и раньше, она пойдетъ къ своимъ высокимъ идеаламъ съ «обиженными и униженными»...

Я уже сказалъ, что если думать только о свободѣ. то и въ такомъ случаѣ это единственно надежные союзники. Прибавлю, что и къ величію Россіи я не вижу иного пути.

А. Пѣшехоновъ.

Философія исторіи пингвиновъ.

(Анатоль Франсъ.—Островъ пингвиновъ. Переводъ съ рукописи З. Венгеровой М. 1908)

«Островъ пингвиновъ» это—сатирическая исторія цивилизаціи во Франціи. Прозрачныя аллегоріи вродѣ Драконидовъ, Тринко, Пиро, Шатильона и т. п.—лишь утонченная сарказмомъ стилизація, подъ которой не трудно распознать всѣмъ извѣстныя фигуры исторической Франціи. Великій мастеръ ироніи, уловившій въ потокѣ временъ то невыразимое «нѣчто», которое такъ жадно ищетъ его «alter ego» Сильвестръ Боннаръ («Le crime de Silvestre Bonnard»), Анатоль Франсъ, передавшій очарованіе минувшаго въ формѣ изящнаго скептика, остается такимъ же и въ «Островѣ пингвиновъ». Но, въ отличіе отъ другихъ произведеній, «Островъ пингвиновъ» прежде всего сатира, это—французская «Исторія одного города», но исторія города страны, исторія Парижа.

Анатоль Франсъ продолжаетъ дѣло Раблэ и Вольтера, но, ко-

нечно, по своему, и скорѣе съ мефистофелевской улыбкой Вольтера, чѣмъ съ сатанинскимъ хохотомъ Раблэ. Ренэ Думикъ даже упрекаетъ его въ злоупотребленіи пріемами отрицателей XVIII в. *). Но это не совсѣмъ справедливо, потому что въ произведеніяхъ Анатоля Франса сильно отразились успѣхи гуманитарныхъ наукъ, выросшихъ въ XIX в.—антропологіи, исторіи культуры, сравнительной исторіи религій и т. п.,—отсутствіе которыхъ дѣлало французскихъ просвѣтителей столь неисторичными (если не считать отдѣльныхъ предвосхищеній у того же Вольтера, или у Тюрго, Кондорсэ). Но онъ вѣрно хранитъ духъ отрицанія и сомнѣнія, составлявшій силу энциклопедистовъ.

«Исторія пингвиновъ»,—говоритъ онъ въ предисловіи,—«устанавливаетъ, насколько возможно, причины и слѣдствія, а это относится скорѣе къ области искусства, нежели науки». Онъ рѣзко подчеркиваетъ протокольный характеръ историческихъ работъ новаго времени, какъ бы идущій навстрѣчу читателю, который не ищетъ въ исторіи ничего, кромѣ уже извѣстныхъ ему глупостей. И съ сожалѣніемъ говоритъ о «пустой болтушкѣ» Кліо, къ которой такъ презрительно относятся современные гелертеры. Тамъ была оригинальность и красота построенія, живой духъ убѣжденія и желанія убѣдить. А теперь и не пытайтесь поучать читателя-объективиста,—иронически замѣчаетъ Анатоль Франсъ,—«это его обидитъ и разсердитъ. Не пытайтесь просвѣтить его; онъ возмутится тѣмъ, что вы оскорбляете его вѣрованія». Такимъ образомъ, въ формѣ нѣсколько парадоксальной и преувеличивающей недостатки современныхъ историковъ, здѣсь высказана истина, столь пугающая идолопоклонниковъ фактичности, объективности: лишь познающій и оцѣнивающій субъектъ возсоздаетъ связь и смыслъ историческаго процесса.

Выведеніе пингвиновъ изъ зоологическаго фазиса существованія—таково начало болѣе или менѣе достовѣрной исторіи ихъ цивилизаціи. Оно совершается по всѣмъ правиламъ историческихъ преданій. Святой мужъ Маэль, изъ котораго чудеса сыпались, какъ изъ рога изобилія, однажды увидѣлъ въ бухтѣ выдолбленную каменную колоду, которая плыла по водѣ, какъ лодка. Принявъ во вниманіе, что въ подобной лодкѣ отправлялись проповѣдывать Евангеліе св. Гирекъ, св. Коломбинъ, св. Авойя, св. Вуга и др., Маэль понялъ, что перстъ Господень укажетъ ему обратить въ христіанство невѣрующихъ, и немедленно пускается въ путь. Послѣ многихъ превратностей и искушеній онъ попадаетъ по Ледовитому океану на островъ пингвиновъ и, принявъ этихъ мирныхъ птицъ за людей, живущихъ въ естественномъ состояніи, благоговѣйно возвѣщаетъ имъ Евангеліе и креститъ ихъ «въ те-

*) Статья объ „Островѣ пингвиновъ“ въ „Revue des deux Mondes“, 15 nov., 1808.

ченіе трехъ дней и трехъ ночей». Это необычайное происшествіе вызываетъ спеціальное совѣщаніе въ раю, гдѣ никакъ не могутъ придти къ соглашенію по вопросу о дѣйствительности крещенія птицъ, пока, наконецъ, не вмѣшивается Архангелъ и не требуетъ прекращенія раздоровъ, начинающихъ походить на споры соборовъ и синодовъ на землѣ. «Нельзя не сознаться,—говоритъ, между прочимъ, Архангелъ,—что на всѣхъ соборахъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ отцы вырывали другъ у друга бороды и глаза. Но все же эти соборы были, конечно, непогрѣшимы». Послѣ этого принимается и утверждается предложеніе старца Гермазія превратить пингвиновъ въ людей и, такимъ образомъ, устранить трудности вопроса.

Въ этой завязкѣ исторической трагикомедіи, какъ въ микрокосмѣ, отражена исторія первыхъ вѣковъ христіанства въ Западной Европѣ. Новое религіозное ученіе, только что выдержавшее упорную борьбу за нравственное и физическое существованіе, только что обнаружившее огромную силу чисто духовнаго прозелитизма, теперь, ставши церковной и государственной организаціей, быстро приспособляется къ окружающей языческой средѣ. Обрядность и буква, бывшія орудіемъ духовнаго возрожденія и просвѣтленія, становятся повелительной догмой, застывающей въ неподвижности. Въ безконечныхъ раздорахъ церковныхъ соборовъ уже слышенъ голосъ фанатическаго сыска и преслѣдованія по дѣламъ вѣры. Къ еретическимъ ученіямъ въ средѣ христіанства относятся съ такой же, если не съ большей, ненавистью, съ какою когда-то относились къ самимъ христіанамъ римскіе императоры. Обращеніе въ вѣру христіанскую все чаще и чаще становится статистическимъ фактомъ, *уже* пріобрѣтая современный характеръ «колоніальной» проповѣди нашихъ европейскихъ миссіонеровъ. Рѣзко подчеркивая свои отличія отъ язычества, низводя греческихъ и римскихъ боговъ на степень низшихъ демоновъ, христіанство, тѣмъ не менѣе, нерѣдко вынуждено было изображать Христа въ видѣ Меркурія, Кріофора или Орфея, какъ это видно по рисункамъ въ катакомбахъ, и превращать храмъ Минервы въ обитель св. Дѣвы Маріи. Св. Маэль, проповѣдуя Евангеліе на одномъ изъ острововъ, пользуется языческимъ изображеніемъ женщины съ ребенкомъ на рукахъ для того, чтобы указать въ немъ предвосхищеніе Богоматери...

Къ исторіи «древнихъ временъ» Пингвиніи относится введеніе первыхъ одеждъ (понятно, уже послѣ обращенія пингвиновъ въ людей), огражденіе полей, утвержденіе частной собственности и царской власти. «Для того, чтобы интересъ къ данной сфероидальной фигурѣ (т. е. женщинѣ) — замѣчаетъ Анатоль Франсъ — достигъ у пингвиновъ наивысшей точки напряженія, нужно было, чтобы они перестали видѣть ее воочію, а стали бы представлять ее себѣ въ воображеніи». Да, библія здѣсь не совсѣмъ согласуется съ наукой: не грѣхопаденіе и чувство стыда создало одежды, а

наоборотъ... Создавая право, собственность и власть, исторія тоже проявляетъ немало лукавства: откусываніе носовъ, грабежи и убійства, столь поражающіе воображеніе престарѣлаго отца Маэля, постепенно закладываютъ нерушимые устои государства и частной собственности. Монахъ Булокъ, «основатель гражданскаго права» въ Пингвиніи, серьезно внушаетъ св. Маэлю: «То, что вы называете убійствомъ и грабежомъ, на самомъ дѣлѣ война и побѣда, священныя основы царствъ и источники всѣхъ доблестей и всякаго величія человѣческаго». На этой удобренной кровью почвѣ и возникаетъ царственная династія Драконидовъ, благодаря стараніямъ «невинной» дѣвы Орберозы и одного изъ ея любовниковъ, Кракена.

Съ установленіемъ этой династіи исторія пингвиновъ безпрепятственно вступаетъ въ «средніе вѣка». Настаютъ времена церковнаго господства, испорченной латыни и христіанскаго искусства. Эпикуреецъ-язычникъ Анатоль Франсъ не слишкомъ высоко цѣнитъ культуру средневѣковья. Очаровательная поэзія наивнаго политеизма, ярко красочнаго, полнаго жизни, окончательно смѣняется царствомъ великопостныхъ ликовъ, сурово укоряющихъ мірскую суету съ многочисленныхъ иконъ, прекрасное человѣческое тѣло уродуется въ «одухотворенномъ» искусствѣ монаховъ и святошъ. Мрачныя тѣни обволакиваютъ человѣка и землю. Даже великому Данте сатирикъ не можетъ простить, что онъ, вернувшись изъ «Ада» на землю, «оклеветалъ» Виргилія, приспособивъ его къ предтечамъ христіанства («Jam redit et virgo»)... «Скажи твоему народу»,—говоритъ Виргилій монаху Марбоду, сошедшему въ адъ,—«что пѣвецъ благочестиваго Энея никогда не поклонялся богу іудеевъ»...

Анатоль Франсъ мало останавливается на переходной эпохѣ новаго времени съ Великой Революціей включительно. Въ роли сатирика онъ лишь лапидарно отмѣчаетъ ея экономическіе результаты, которые такъ явно превратили великую трагедію въ фарсъ: «Народное правленіе отобрало земли у аристократіи и у духовенства, чтобы продать ихъ буржуазіи и крестьянству. Буржуазія и крестьяне рѣшили, что революція очень удобна для пріобрѣтенія земель, но не годится для сохраненія ихъ»... И вотъ, республика, какъ Агриппина, сама рождаетъ своего убійцу. Нетрудно угадать въ этомъ убійцѣ революціи—«Тринко», память котораго живетъ въ статуяхъ, обелискахъ и аркахъ, Наполеона I. Онъ побѣдилъ половину міра, и затѣмъ... потерялъ ее, «столь же великій въ пораженіяхъ, какъ и въ побѣдахъ», потерялъ даже тѣ два острова, Ампелофору и Собачью Пасть, которыми пингвины владѣли до него. «Послѣ его паденія,—разсказываетъ одинъ изъ пингвиновъ,—у насъ на родинѣ остались только горбатые и хромые, отъ которыхъ мы происходимъ. Но онъ доставилъ намъ славу,—ну, а за славу никакая цѣна не слишкомъ дорога»!..

Вступая въ новѣйшія времена цивилизаціи пингвиновъ, мы почти уже всецѣло находимся въ Парижѣ. Удѣляя новѣйшимъ временамъ болѣе мѣста, чѣмъ каждому изъ предыдущихъ, Анатоль Франсъ вполнѣ простительно нарушаетъ соразмѣрность частей своей книги; и здѣсь бичъ его сатиры бьетъ еще больнѣе, потому что жертвы находятся близко. Главнѣйшіе этапы этого періода—дѣло генерала Шатильона (читай Буланже), дѣло Пиро (Дрейфуса) и «кушетка фаворитки»—великая сила въ кризисахъ и крушеніяхъ министерствъ. Авторъ «Histoire contemporaine», уже изощрившій перо на подобныхъ сюжетахъ, обнаруживаетъ здѣсь необычайную силу яркой изобрѣтательности. Передъ читателемъ проходятъ живыя вереницы «дѣятелей» современной Франціи: націоналисты, бонапартисты, клерикалы, дрейфусисты, соціалисты и пр. Самъ бывшій участникомъ агитаціи въ защиту Дрейфуса, Ан. Франсъ теперь обращаетъ нѣкоторую долю рефлектирующей ироніи и на самого себя. Устами Бидо-Кокиля,—астронома, оторваннаго отъ телескопа къ дѣлу справедливости,—онъ говоритъ о себѣ: «Ты воображалъ, что общественныя несправедливости нанизаны, какъ жемчугъ на нить, и что стоитъ выдернуть одну, чтобы вся нить разсыпалась. Это очень наивная мысль... Ты говорилъ: вотъ я буду справедливъ и благороденъ одинъ разъ. Потомъ я смогу успокоиться... А теперь, когда ты потерялъ всѣ свои иллюзіи, когда ты знаешь, какъ трудно возстановить справедливость, и какъ всегда приходится начинать сначала, ты возвращаешься къ звѣздамъ... Ты совершенно правъ. Но вернись къ намъ со скромностью въ душѣ, Бидо-Кокиль!»...

Самъ Анатоль Франсъ, впрочемъ, не вернулся къ звѣздамъ и, увлеченный дѣломъ справедливости, пошелъ еще дальше послѣ дѣла Дрейфуса,—онъ пошелъ къ соціализму, являя собою рѣдкій случай, такъ сказать, обратной молодости (ему теперь болѣе 60-ти лѣтъ). И въ его послѣднихъ произведеніяхъ «Дѣло Кренкебиля», 1902; «На бѣломъ камнѣ», 1905, зазвучало могучее эхо міровоззрѣнія труда и соціальной справедливости.

Конецъ «Острова Пингвиновъ» можетъ, пожалуй, вызвать нѣкоторое недоумѣніе и заставитъ подумать, что великій скептикъ такъ-таки и не увѣровалъ въ торжество справедливости, хотя бы и подъ знаменемъ соціализма. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя часть книги носитъ зловѣщее названіе: «Будущія времена. *Исторія безъ конца*»,—и содержаніе ея таково. Цивилизація пингвиновъ заходитъ все дальше и дальше. Дома на островѣ кажутся имъ «все еще недостаточно высокими», ихъ строятъ все выше и выше, вытѣсняя всякій уютъ художественной простоты и очарованіе минувшаго. Въ странѣ воцаряется «огромное и правильное уродство»... «Пятнадцать милліоновъ людей работали въ гигантскомъ городѣ при свѣтѣ маяковъ, которые не угасали ни днемъ, ни ночью»... Весь городъ—лишь жертвоприношеніе всесильному молоху - капи-

талу; свѣтъ дневной застилался чернымъ дымомъ фабричныхъ трубъ. Культъ богатства доходитъ до безсмыслицы: капиталисты умираютъ, лишь бы не поступиться малѣйшей долей состоянія. Рабочіе вырождаются физически и духовно. За недостаткомъ кислорода въ городѣ приготовляютъ искусственный воздухъ, за недостаткомъ естественной пищи готовятъ искусственную, губительно дѣйствующую на желудокъ и мозгъ. Сумасшествія и самоубійства случаются все чаще.

Служащій электрическаго треста Жоржъ Клеръ и его подруга Каролина Молье охотно разговариваютъ о развитіи химическихъ знаній. Жержъ Клеръ, какъ-то сидя въ саду и утѣшая плачущаго ребенка, разсказываетъ ему такую замысловатую сказку: «Одинъ рыбакъ, забросивъ сѣти въ море, вытащилъ маленькій закрытый мѣдный горшочекъ. Онъ открылъ его своимъ ножикомъ. Оттуда вышелъ дымъ, который поднялся до облаковъ; дымъ этотъ, сгущаясь, образовалъ великана, который чихнулъ такъ громко такъ громко, что весь міръ разсыпался, какъ пыль»...

И вотъ, великанъ, дѣйствительно, начинаетъ громко чихать. Взлетаютъ на воздухъ тресты, банки, арсеналы, большіе магазины, телеграфы, церкви, вокзалы и т. д. Промышленность приходитъ въ упадокъ; всеобщая паника и анархія охватываютъ пингвиновъ. Невидимый врагъ завладѣваетъ городомъ. Мало по малу послѣдній обращается въ груду развалинъ и труповъ. Другіе города федераціи переживаютъ такія же смуты. Культура покидаетъ страну; тамъ, гдѣ возвышалась крѣпость св. Михаила, дикія лошади пасутся на тучной травѣ.

«Дни текли, какъ струи фонтана, и вѣка падали каплями, какъ вода со сводовъ сталактитовыхъ пещеръ». Охотники, пастухи и землепашцы съ примитивнѣйшей культурой устраиваются тамъ, гдѣ нѣкогда былъ чудесный городъ. Вторгаются варвары-опустошители, завоеватели строятъ замки, культура снова мало по малу развивается. Деревни становятся селами, а потомъ и городами, окапываются рвами, обносятся стѣнами. И снова городъ-великанъ выростаетъ въ столицу государства. Дома опять кажутся «все еще недостаточно высокими». Ихъ надстраиваютъ все выше и выше. И снова «пятнадцать милліоновъ людей работаютъ въ гигантскомъ городѣ»...

Итакъ, исторія безъ конца! Вѣчная смѣна тѣхъ же губительныхъ и достойныхъ погибели формъ цивилизаціи... Такова ли философія исторіи пингвиновъ? Буржуазная пресса злорадно привѣтствовала такой пессимистическій прогнозъ «соціалиста» Ан. Франса, но не слишкомъ ли она поторопилась обрадоваться? Оставаясь въ роли сатирика до конца, А. Франсъ указалъ грозное memonto mori такой цивилизаціи, которой удостоились пингвины. *Такая* цивилизація достойна гибели: саморазрушеніе является ея логическимъ концомъ, или, пожалуй, логической безконечностью.

Но въ томъ то и сила послѣдовательной сатиры, что, изображая вещи какъ бы въ кривомъ зеркалѣ и указуя уродства въ преувеличенномъ видѣ, она заставляетъ схватиться за голову, искать въ себѣ и кругомъ красоту, справедливость. Поэтому здѣсь нечего радоваться буржуазнымъ пингвинамъ: тамъ, гдѣ имъ хорошо живется, Анатоль Франсъ насмѣхается,—его пессимизмъ—лишь форма протеста противъ буржуазной «ци-ви-ли-заціи». А изъ такого протеста выростаетъ мощь борьбы за возрожденіе.

А. Мірской.

Новыя книги.

П. Бирюковъ. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Изд. Посредника. Т. II. Москва, 1908. Стр. XVIII+483. Ц. 2 р. 25 к.

Быть можетъ, когда нибудь въ далекомъ будущемъ, когда тѣ матеріалы, которыми нынѣ пользуется г. П. Бирюковъ, будутъ изданы въ болѣе полномъ видѣ и болѣе объективной связи, окончится и потребность въ его книгѣ, которая тогда будетъ цѣнна лишь постольку, поскольку носитъ отпечатокъ живого общенія автора съ героемъ его біографическаго повѣствованія. Но до тѣхъ поръ это повѣствованіе незамѣнимо, и книга г. Бирюкова представляетъ собою по истинѣ драгоцѣнное собраніе самыхъ интересныхъ матеріаловъ для изученія жизни и творчества Л. Н. Толстого. Написана эта книга неумѣло и не удовлетворяетъ многимъ элементарнымъ требованіямъ; она полна отступленій и ненужныхъ перепечатокъ; въ ней мало критики и мало исторіи, часто не находишь въ ней того, что должно было занять въ ней мѣсто. Но то, что получаешь, за то вознаграждаетъ съ лихвой за эту расплывчатость и безсистемность,—которая, кстати сказать, представляется составителю подлинной системой. Книга г. Бирюкова не есть біографія Толстого; это скорѣе новый сборникъ его сочиненій—и сочиненій тѣмъ болѣе важныхъ и интересныхъ, что они писались по преимуществу для себя и для близкихъ, а теперь становятся общимъ достояніемъ. Эти дневники, наброски въ записной книжкѣ, письма болѣе всего драгоцѣнны тѣмъ, что даютъ намъ возможность, такъ сказать, продолжить линіи, намѣченныя въ печатныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого, войти въ его душевный міръ, заглянуть въ лабораторію его творчества и такимъ образомъ получить представленіе не только о законченныхъ созданіяхъ его духа, но и о самомъ процессѣ созданія. Да и отдѣльныя воззрѣнія, столкновенія, впечатлѣнія великаго писателя, тамъ и сямъ разбросанныя въ его біографіи, даютъ такую массу поводовъ для размышленія, такое

множество данныхъ для его общей характеристики, что съ книгой г. Бирюкова всякій читатель разстается, обогативъ новыми и разнообразными чертами уже сложившійся въ немъ образъ Толстого. Все осложняется, обогащается, наполняется содержаніемъ, и то, что было схемой, становится живымъ образомъ.

Намъ извѣстно, напримѣръ, отношеніе Л. Н. Толстого къ смертной казни, мы знаемъ, какъ пламенно и послѣдовательно отвергаетъ онъ эту безчеловѣчнѣйшую изъ пытокъ, сохраненную въ карательной системѣ всѣхъ культурныхъ государствъ. Но книга г. Бирюкова указываетъ намъ, какъ *дѣятельно* отзывался на случаи смертной казни Л. Н. Толстой въ теченіе своей жизни, какъ относился къ ней въ разные періоды, какъ выражалось его отрицаніе. Мы вспоминаемъ, что авторъ «Не могу молчать»—старый противникъ смертной казни, что больше сорока лѣтъ тому назадъ онъ выступалъ защитникомъ солдата, которому грозила смертная казнь—и котораго казнили за то, что онъ ударилъ своего ротнаго командира. Рѣчь защитника уже была напечатана лѣтъ шесть тому назадъ. Новыми являются современные комментаріи Льва Николаевича къ этой рѣчи, высказанные въ письмѣ къ его біографу. Увы! это письмо, написанное въ прошломъ маѣ, появляется въ печати съ нѣсколькими большими пропусками, въ которыхъ авторъ доводитъ свои мысли до конца, очевидно, не одобряемаго нашей свободой печати. Но и здѣсь съ достаточной ясностью намѣченъ поворотъ въ воззрѣніяхъ Л. Н. Толстого. Конечно, не отрицательное отношеніе его къ смертной казни измѣнилось. Нѣтъ,—какъ онъ великолѣпно формулируетъ, смертная казнь всегда представлялась ему «чѣмъ то невозможнымъ, выдуманнымъ, однимъ изъ тѣхъ людскихъ поступковъ, въ совершеніе которыхъ отказываешься вѣрить, несмотря на то, что знаешь, что поступки эти совершались и совершаются людьми. Смертная казнь какъ была, такъ и осталась для меня однимъ изъ тѣхъ людскихъ поступковъ, свѣдѣнія о совершеніи которыхъ въ дѣйствительности не нарушаютъ во мнѣ сознаніе невозможности ихъ совершенія». Въ своей защитительной рѣчи Л. Н. Толстой искалъ въ біографіи обвиняемаго обстоятельствъ, оправдывающихъ его поступокъ, доказывалъ его невмѣняемость, называлъ его идіотомъ ссылался на законы, ходатайствовалъ о смягченіи приговора, просилъ о милости. «Жалкими и отвратительными» представляются теперь Льву Николаевичу его тогдашніе доводы. «Говоря о самомъ явномъ преступленіи всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, которое одни люди готовились совершить надъ своимъ братомъ, я ничего не нашелъ лучшаго, какъ ссылаться на какія то, кѣмъ то написанныя глупыя слова, называемые законами». Пламенно протестуетъ онъ здѣсь противъ всякаго убійства—противъ Геккеля, котораго теорія искусственнаго подбора приводитъ къ чудовищному оправданію смертной казни,

противъ церкви, оправдывающей убійство, противъ политическихъ убійствъ. Не многіе изъ согласныхъ съ отношеніемъ Л. Н. Толстого къ смертной казни согласятся также съ общими выводами, которые онъ связываетъ теперь съ своимъ старымъ выступленіемъ въ военномъ судѣ. «Да, случай этотъ имѣлъ на меня огромное, благодѣтельное вліяніе. На этомъ случаѣ я въ первый разъ почувствовалъ, первое, то, что каждое насиліе для своего исполненія предполагаетъ убійство или угрозу его, и что поэтому всякое насиліе связано съ убійствомъ; второе—то, что государственное устройство, немыслимое безъ убійствъ, несовмѣстимо съ христіанствомъ, и третье, что то, что у насъ называется наукой, есть только такое же лживое оправданіе существующаго зла, какимъ было прежде церковное ученіе». Позже—къ самымъ сильнымъ впечатлѣніямъ жизни Л. Н. Толстого относится приговоръ по дѣлу 1 марта. «О томъ, какъ на меня подѣйствовало 1-ое марта,—сообщаетъ теперь Левъ Николаевичъ,—не могу ничего сказать опредѣленнаго, особеннаго. Но судъ надъ убійцами и готовящаяся казнь произвела на меня одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній моей жизни. Я не могъ перестать думать о нихъ, но не столько о нихъ, сколько о тѣхъ, кто готовился участвовать въ ихъ убійствѣ, и особенно объ Александрѣ III. Мнѣ такъ ясно было, какое радостное чувство онъ могъ бы испытать, простивъ ихъ». И онъ написалъ государю письмо—не съ просьбой, но съ указаніемъ, чего можно ждать отъ помилованія. «Какъ воскъ отъ лица огня, растаетъ всякая революціонная борьба передъ царемъ-человѣкомъ, исполняющимъ законъ Христа»; такъ кончалось это замѣчательное письмо. И въ своемъ родѣ также замѣчателенъ отвѣтъ Побѣдоносцева, черезъ котораго письмо Толстого должно было дойти до Александра III. Побѣдоносцевъ отказался и черезъ много времени, уже послѣ казни, сообщилъ «достопочтеннѣйшему графу Льву Николаевичу», почему не передалъ его письма по назначенію: «Въ такомъ важномъ дѣлѣ все должно дѣлаться по вѣрѣ А прочитавъ письмо ваше, я увидѣлъ, что ваша вѣра одна, а моя и церковная другая, и что нашъ Христосъ—не вашъ Христосъ. Своего я знаю мужемъ силы и истины, исцѣляющимъ разслабленныхъ, а въ вашемъ показались мнѣ черты разслабленнаго, который самъ требуетъ исцѣленія» Въ наши дни никого, конечно, не удивитъ эта невѣроятная ссылка на Христа для оправданія смертной казни. Письмо Л. Н. Толстого—другими путями—было все таки передано своевременно по назначенію. Въ маѣ 1881 года въ записной книжкѣ Льва Николаевича послѣ ряда замѣчательныхъ замѣтокъ о тульской тюрьмѣ находимъ запись: «Вечеромъ. Писаревъ и Самаринъ. Самаринъ съ улыбочкой: «надо ихъ вѣшать». Хотѣлъ смолчать и не знать его, хотѣлъ вытолкать въ шею. Высказался. «Государство». Да мнѣ все равно, въ какія игрушки вы играете, только чтобы изъ игры зла не было».

Эти замѣтки—настоящій просвѣтъ въ художественное мышленіе Толстого. Видишь, какъ схватываетъ онъ на лету черточки жизни, которыя складываются потомъ въ цѣлыя картины, видишь, какъ строитъ онъ свои характеры: здѣсь и отвлеченныя комбинаціи, и портреты живыхъ людей, и историко - литературныя воспоминанія. Вотъ, напримѣръ, рядъ штриховъ изъ этого дневника: *Конецъ лѣта* (августъ). «Дороги накатаны хлѣбомъ. Позднее сѣно на рядахъ, духи болотные. Синева вдали. Ночи темныя, звѣздныя. Птицъ нѣтъ—тишина. Бѣлые грибы. На репьяхъ пчелы. Плодъ на липѣ. Запахъ яблока. Дымъ густой, пахучій. Густота и тяжесть въ немъ. Скирды, не докладенные на гумнахъ. Вода стальная и тихая, густая. Запахъ льна, конопли, огородовъ. Красные клоки въ листвѣ. Объѣдки огурцовъ. Женщины въ пышныхъ рубахахъ, черно-загорѣлыя, безъ паневъ. Жизни въ избѣ нѣтъ. Поужинали и въ ночное...» Много еще работы предстоитъ изслѣдователямъ психологіи творчества Толстого; они покажутъ, какъ складывались образы въ душѣ великаго художника, какъ штрихи, схваченныя въ дѣйствительности, развивались въ духовное цѣлое. Уже теперь видно, какія богатыя перспективы раскрываются предъ изслѣдователемъ, благодаря матеріаламъ, представленнымъ г. Бирюковымъ. Не хочется разстаться съ его книгой, столь богатой данными по исторіи моральнаго «перелома» въ Толстомъ, по уясненію его положенія въ семьѣ и т. д. Изъ множества любопытнѣйшихъ мнѣній и замѣчаній Л. Н. Толстого, отмѣченныхъ здѣсь, укажемъ въ заключеніе на характерную параллель между Достоевскимъ и Тургеневымъ. «Мнѣ кажется,—пишетъ Толстой Страхову, (въ 1883 г.), познакомившись съ его біографической работой о Достоевскомъ,—вы были жертвой ложнаго, фальшиваго отношенія къ Достоевскому не вами, но всѣми—преувеличенія его значенія и преувеличенія по шаблону возведенія въ пророки и святого—человѣка, умершаго въ самомъ горячемъ процессѣ внутренней борьбы и зла. Онъ трогателенъ, интересенъ, но поставить на памятникъ въ поученіе потомству нельзя человѣка, который весь борьба. Изъ книги вашей я въ первый разъ узналъ всю мѣру его ума. Книгу Пресансе я тоже прочиталъ, но вся ученость пропадаетъ отъ загвоздки. Бываютъ лошади-красавицы: рысакъ цѣна 1000 руб., и вдругъ заминка, и лошади-красавицѣ и силачу цѣна грошъ. Чѣмъ я больше живу, тѣмъ больше цѣню людей безъ заминки. Вы говорите, что помирились съ Тургеневымъ. А я очень полюбилъ. И забавно, за то, что онъ былъ безъ заминки и свезетъ, а то рысакъ да никуда на немъ не уѣдешь, если еще не завезетъ въ канаву. И Пресансе, и Достоевскій оба съ заминкой. И у одного вся ученость, у другого умъ и сердце пропали ни за что. Вѣдь Тургеневъ и переживетъ Достоевскаго и не за художественность, а за то, что безъ заминки». Интересно это письмо, глубоко высказанное здѣсь сужденіе о Достоевскомъ, но какъ то странно звучитъ его

въ сопоставленіи съ другими сужденіями Л. Н. Толстого о Достоевскомъ—и тоже въ письмахъ къ Страхову Г. Бирюковъ не приводитъ ихъ. Между тѣмъ, всего тремя годами ранѣе Толстой писалъ о «Мертвомъ Домѣ»: «Не знаю лучше книги изъ всей новой литературы, включая Пушкина. Не тонъ, а точка зрѣнія удивительна искренняя, естественная, христіанская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера цѣлый день, какъ давно не наслаждался. Если увидите Достоевскаго, скажите ему, что я его люблю». И черезъ полгода: «Я никогда не видалъ этого человѣка и никогда не имѣлъ прямыхъ отношеній съ нимъ; а вдругъ, когда онъ умеръ, я понялъ, что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный мнѣ человѣкъ. И никогда мнѣ въ голову не приходило мѣриться съ нимъ. Все, что онъ дѣлалъ (хорошее, настоящее, что онъ дѣлалъ), было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше. Искусство вызываетъ во мнѣ зависть, умъ тоже, но дѣло сердца—только радость. Я его такъ и считалъ своимъ другомъ, и иначе не думалъ, какъ то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдругъ читаю—умеръ. Опора какая то отскочила отъ меня. Я растерялся, а потомъ стало ясно, какъ онъ мнѣ былъ дорогъ, и я плакалъ, и теперь плачу». Итакъ, вчера «опора», сегодня «весь борьба» и того гляди «завезетъ въ канаву». Это не словесное противорѣчіе—это кризисъ. И какъ мало мы знаемъ объ этомъ кризисѣ, и какъ ничтожно то, что мы узнаемъ о немъ изъ книги г. Бирюкова. Въ томъ то ея и горе, что важное въ ней—случайно, мимоходомъ, и кто знаетъ, сколько важнаго упущено біографомъ, который такъ близокъ къ самому источнику истины и такъ далекъ отъ умѣнья черпать въ немъ.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Смерть. Пьеса въ 5 дѣйств. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1908. Ц. 75 к.

Поистинѣ драматична судьба современныхъ беллетристовъ. Каждый изъ нихъ долженъ написать драму. Г. Сергѣевъ-Ценскій не ушелъ отъ этого жребія и тоже написалъ пьесу, да еще философскую, да еще на тему о ненужности познанія—для жизни!

Вотъ книга, о которой почти не знаешь, что сказать. Авторъ, несомнѣнно, тяжело настроенный человѣкъ. Что онъ талантливъ, это вы тоже знаете. Въ пьесѣ это тоже (временами) чувствуется: въ ней есть своеобразный драматическій размахъ. И, тѣмъ не менѣе, чуть не каждая сцена въ его «Смерти»—благодарная тема для пародіи.

„Жизнь построятъ такъ, что совсѣмъ не будетъ несчастныхъ случаевъ. Что такое несчастный случай? Это чушь какая-то... Въ планъ новой жизни онъ не войдетъ: это совершенно лишняя линія постройки".

О чемъ это?—О будущемъ переустройствѣ космоса, съ устраненіемъ изъ него „лишнихъ линій", въ родѣ порока сердца, которымъ страдаетъ герой г. Сергѣева-Ценскаго. Все это совершенно серьезно.

Невольно вспоминается Борисъ Зайцевъ, который еще и предсказывалъ, что въ будущемъ человѣческія тѣла будутъ «кипѣть и пѣниться». Все будетъ тогда очень хорошо, а пока существуютъ глупыя вещи—въ родѣ „необходимости" въ жизни, которыя портятъ жизнь. Герои г. Сергѣева-Ценскаго смотрятъ на небо и видятъ, что тамъ „сидитъ необходимость", а внизъ необходимость падаетъ, какъ случай. Это еще больше портитъ настроеніе героевъ. „Не надо необходимости".

Въ переводѣ на менѣе торжественный языкъ это означаетъ болѣе или менѣе правильную мысль, что слово „случай" обозначаетъ вліяніе неизвѣстной пока „причины". Станетъ извѣстной „причина", окажется доступнымъ воздѣйствію и „случай". Все сводится къ тому, чтобы найти эту причину или, какъ предпочитаетъ выражаться герой г. Сергѣева-Ценскаго,—

„зеркало, отъ котораго отражается необходимость, чтобы упасть внизъ, какъ случай"...

Героиня, однако, горячо протестуетъ противъ поисковъ „зеркала". Не потому, что это безполезная игра словами со стороны автора. Нѣтъ, она вообще противъ всякаго пониманія, всякихъ попытокъ безполезно объяснять:

„Не надо! Зачѣмъ объяснять! Нѣтъ необходимости... Сказки есть! И не надо объяснять сказокъ! Развѣ кто объяснилъ? Развѣ легче? Ну, гдѣ зеркало?"... И т. д., и т. д.

Это два міросозерцанія. Одинъ хочетъ зеркала, другой—сказки.

Герой „Смерти" знаетъ, что онъ скоро умретъ. Въ силу этого онъ только и дѣлаетъ, что ходитъ да слушаетъ свое больное сердце: „все время только и дѣлаю: слушаю и ношу сердце". Въ концѣ концовъ онъ, дѣйствительно, умираетъ, а дѣвушка рветъ цвѣты съ яблони, бросаетъ ихъ въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ, и неудержимо смѣется: «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!.. Цвѣтами ее, цвѣтами!.. Нужно забросать смерть цвѣтами!.. Надъ смертью смѣяться нужно»!.. Двое изъ дѣйствующихъ лицъ: врачъ и его мать, недоумѣваютъ, что значитъ ея истерическій смѣхъ, но дѣвушка снова повторяетъ: „надъ смертью смѣяться надо". Иначе нельзя жить. Иначе нельзя сохранить въ себѣ чувство сказки, которымъ полна Галина г. С. Ценскаго.

Вотъ философія «Смерти».

Общее впечатлѣніе отъ «Смерти», что Сергѣевъ-Ценскій сполна лишенъ способности чувствовать смѣшное. Только этимъ можно объяснить, напримѣръ, вышеприведенныхъ наивныхъ діалоговъ, хотя

бы такую сцену. Дѣвушка, плача, увѣряетъ любимаго человѣка, что онъ не умретъ отъ своей «лишней линіи» — порока сердца (у него что-то съ клапаномъ). И вотъ какъ увѣряетъ: «Нужно вѣрить въ чудо, и чудо будетъ.. Клапанъ говоришь?.. Срастется клапанъ... *Выростетъ новый клапанъ, какъ хвостъ у ящерицы...* Какъ просто, милый мой!»...

Не забудьте, что дѣвушка *плачетъ*, когда говоритъ, что новый клапанъ въ сердцѣ выростетъ, «какъ хвостъ у ящерицы!» Нужно вѣрить, утверждаетъ героиня г. Сергѣева-Ценскаго, и чудо будетъ.

Приложимо ли это къ самому автору? Можно ли разсчитывать, что онъ стряхнетъ съ себя свою смертную участь философа и станетъ просто художникомъ, какимъ мы его знали? Намъ думается, что можно еще. Смерть вѣдь для г. Сергѣева-Ценскаго далеко не такая страшная вещь, какъ для другихъ. По крайней мѣрѣ, онъ уже сдѣлалъ однажды чудо: уморилъ своего скучнѣйшаго Бабаева: на 20 страницахъ читалъ надъ нимъ отходную, пока Бабаевъ, на самомъ дѣлѣ, не кончился, а потомъ взялъ да и воскресилъ его въ ближайшемъ № «Совр. Міра!» Быть можетъ, при этихъ условіяхъ, на самомъ дѣлѣ, не такъ ужъ безнадежно повѣрить, что авторъ «Смерти» сумѣетъ, по примѣру Галины, посмѣяться—если не надъ смертью, то надъ «Смертью» и вернется къ самому себѣ, къ Сергѣеву-Ценскому перваго томика разсказовъ.

Стихотворенія В. Д. Ахшарумова. Полтава. 1908. Ц. 75 к.

Рецензенты, глядящіе на поэзію съ недосягаемой высоты, на которую вознесли ее г.г. Блоки, Цензоры, Василевскіе, Годины и другіе «бурные геніи» нашей эпохи,—кое-гдѣ уже высмѣяли эту маленькую книжечку стиховъ «начинающаго» автора. Что за рифмы! Какое банальное содержаніе! Какъ будто 40—50 лѣтъ назадъ писались эти примитивные стихи!

Не знаемъ, удивятся ли строгіе рецензенты (сконфузятся—врядъ ли), когда мы сообщимъ имъ, что Владиміръ Дмитр. Ахшарумовъ отнюдь не начинающій, а одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ поэтовъ, родившійся еще въ 1824 г. и печатавшій свои стихотворенія, дѣйствительно, полвѣка тому назадъ. Онъ принадлежитъ къ той талантливой и небезызвѣстной въ исторіи русской образованности семьѣ, изъ которой вышли—романистъ Н. Д. Ахшарумовъ и петрашевецъ Д. Д. Ахшарумовъ. Младшій ихъ братъ—поэтъ, такъ поздно выпустившій теперь въ свѣтъ отдѣльное изданіе своихъ стиховъ,—дебютировалъ въ печати очень счастливо: въ сборникѣ «Весна» (1859 г.) появился цѣлый рядъ оригинальныхъ его стихотвореній и переводовъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, сразу же обратившихъ на себя общее вниманіе. Нѣсколько яркихъ и своеобразныхъ стихотвореній помѣстилъ затѣмъ молодой

поэтъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», а затѣмъ... Затѣмъ имя Владиміра Ахшарумова безслѣдно и навсегда исчезло со страницъ журналовъ. Поэтъ дожилъ до нашихъ дней, достигнувъ рѣдкаго въ средѣ русскихъ писателей возраста 85 лѣтъ, и, однако, не только не напечаталъ, но, очевидно, и не написалъ больше ни строки, сколько-нибудь достойной его первыхъ, многообѣщавшихъ, опытовъ. Почему такъ рано и такъ неожиданно оборвалъ свою пѣсню даровитый поэтъ—это любопытная психологическая загадка, для рѣшенія которой у насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, данныхъ...

Въ появившейся теперь въ свѣтъ отдѣльной книжечкѣ всего 37 стихотвореній, и доброй половины ихъ, нужно сознаться, можно бы совсѣмъ не перепечатывать. Не крупный поэтъ г. Ахшарумовъ. Странно было бы въ какомъ-либо отношеніи сравнивать его скромное имя съ яркими поэтическими звѣздами, горѣвшими въ его время,—съ Некрасовымъ, Никитинымъ, Майковымъ, Полонскимъ. Онъ былъ лишь однимъ изъ маленькихъ спутниковъ этихъ звѣздъ, представляющимъ, однако, извѣстный интересъ для историка русской поэзіи. И не только для историка. Читатель, думается, не безъ удовольствія просмотритъ этотъ сборничекъ и по достоинству оцѣнитъ такія пьесы, какъ «Сонъ», «Гаданіе», «Старуха», «Война», «Могила» и др. При оцѣнкѣ стихотворенія «Старуха», въ которомъ разработанъ мотивъ крѣпостнаго безправія и нравовъ господствующаго сословія, слѣдуетъ, между прочимъ, помнить, что въ концѣ 50-хъ годовъ, когда стихотвореніе появилось въ печати, мотивъ этотъ не былъ еще вполнѣ «легализованъ», и, напр., «Размышленія у парадпаго подъѣзда» Некрасова не могли еще быть напечатаны. Разсказываютъ даже, что когда Некрасовъ читалъ эту свою знаменитую сатиру въ кругу близкихъ пріятелей,—онъ плотно запиралъ двери кабинета, чтобы не быть «подслушаннымъ»... Помнить объ «исторической перспективѣ» не мѣшаетъ, можетъ быть, и при чтеніи другого стихотворенія г. Ахшарумова «Война», которое, впрочемъ, прекрасно съ любой точки зрѣнія.

Въ заключеніе, приведемъ полностью стихотвореніе «Сонъ»:

Рѣка мелѣла, пруды засохли,
Сгорѣлъ ковыль.
Земля горѣла, и на дорогахъ
Стояла пыль.
Табунъ голодный бродилъ безъ корма
Въ нагихъ степяхъ;
Какъ Божья кара, пылало солнце
На небесахъ.
Валился на бокъ мой домикъ старый
Въ дому—разладъ:
Любовь погасла, въ душѣ остался
Тяжелый чадъ.
Жена дремала въ постели душной,
День догоралъ—
Томимый зноемъ, убитый горемъ,
Я засыпалъ.

И вотъ мнѣ снилось: дождемъ обильнымъ
Гроза прошла,
Воскресла зелень, и на дорогахъ
Пыль прилегла...
Былъ вечеръ влажный—и вышелъ съ нею
Я на крыльцо;
Съ березы мокрой упали капли
Ей на лицо.
Она смѣялась, ихъ отирая,
Я съ ней шутилъ,
Я цѣловалъ ей плечо и руки
И говорилъ:
„Взгляни, какъ чудно въ зеркальныхъ окнахъ
Горитъ закатъ,
Какъ рощи свѣжи, какъ разомъ ожилъ
Нашъ милый садъ!
Сойдемъ и спустимъ фонтанъ гремучій;
Теперь съ дождемъ
Воды довольно—онъ вверхъ ударитъ
Густымъ столбомъ".
На сонъ аркадскій, на сонъ волшебный,
Дохнулъ разсвѣтъ;
Блеснуло солнце сквозь щели ставней,—
Прошелъ мой бредъ.
И сжалось сердце, увидѣлъ снова
Я ту же быль:
Густой стѣною вдоль по дорогѣ
Неслася пыль.
Любви и счастья давно межъ нами
И слѣдъ пропалъ,
И такъ же бѣденъ я пробуждался,
Какъ засыпалъ!

Л. Дюги. Конституціонное право. Общая теорія государства. Переводъ пр.-доц. Московскаго ун. А. Ященко, В. Краснокутскаго и Б. Сыромятникова. Съ предисловіемъ къ русскому переводу П. Новгородцева и автора. Москва 1908 г. стр. XL+957. Ц. 3 р. 25.

Имя профессора Бордоскаго университета Леона Дюги за послѣднее время сдѣлалось въ достаточной мѣрѣ извѣстнымъ. Главные труды этого изслѣдователя: «L'état, le droit objectif et la loi positive» 1901 г. «L'état, les gouvernants et les agents» 1903 г., «Droit constitutionnel» 1907 г. и, наконецъ, «Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'état» 1908 г., во многихъ отношеніяхъ представляютъ собой видное явленіе общественно-правовой науки. Путь смѣлаго реформаторства, разрывъ съ застывшими ученіями французской государственно-правовой школы, рѣзкое отрицаніе формальныхъ нѣмецкихъ доктринъ, — уже одно это заставляетъ обратить вниманіе на Л. Дюги. Но его отрицаніе идетъ дальше простого разрушенія установившихся формулъ. За духомъ критики, такъ отличающимъ автора, видна сама жизнь, видны тѣ проблемы, которыя за послѣднія два, три десятилѣтія

стали съ настоятельной силой требовать своего разрѣшенія. Несомнѣнно, что въ настоящее время мы являемся свидѣтелями грандіознаго кризиса въ области правовыхъ идей. Старые боги либерализма потеряли свою прежнюю святость. Идея гармоническаго сочетанія личности съ государствомъ, манчестерскій лозунгъ «laisser faire, laisser passer» самими представителями либеральной мысли называются «внѣшнимъ и фарисейскимъ пониманіемъ свободы и равенства». Л. Дюги оказался именно въ числѣ тѣхъ представителей науки, которые пошли на встрѣчу новымъ фактамъ политической мысли и политической практики. Это теоретикъ новаго либерализма, представленнаго на практикѣ Асквитомъ и Клемансо. Новѣйшій либерализмъ былъ принужденъ воспринять въ себя элементы соціализма. Отъ государства требуется уже не одно спокойное лицезрѣніе борьбы юридическихъ свободныхъ индивидуальныхъ силъ, но также «обезпеченіе для всѣхъ извѣстнаго образованія, условій здоровой жизни и нѣкотораго имущественнаго достатка». (П. Новгородцевъ. «Кризисъ современнаго правосознанія» стр. 338). Сообразно съ этимъ центральнымъ вопросомъ «конституціоннаго права» Дюги является вопросъ объ отношеніи личности къ государству, о границахъ и задачахъ государственной власти. Само государство по его опредѣленію есть «не что иное какъ результатъ дифференціаціи между слабыми и сильными». «Государство обозначаетъ всякое человѣческое общество, въ которомъ существуетъ политическая дифференціація между правящими и управляемыми, однимъ словомъ, политическая власть», стр. 25. Правящіе это тотъ индивидъ или группа индивидовъ, которые «вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ смогли монополизировать въ свою пользу наибольшую силу» (стр. 49). Уже одно это опредѣленіе, идущее въ разрѣзъ съ традиціонными ученіями многочисленныхъ учебниковъ государственнаго права, съ логической необходимостью должно выдвинуть на первый планъ проблему объ отношеніяхъ «правящихъ» къ «управляемымъ», «сильныхъ къ слабымъ». «Современное сознаніе, говоритъ Дюги, чувствуетъ властную нужду въ правовой нормѣ, съ одинаковой непоколебимостью обязательной какъ для государства, обладателя силы, такъ и для его подданныхъ» (стр. 3). Поэтому то Дюги и относится такъ отрицательно къ современнымъ нѣмецкимъ доктринамъ: «эти теоріи легко дѣлаются орудіемъ деспотизма». Ученіе, объявляющее государство единственнымъ творцомъ права, не въ состояніи установить для властвующихъ неприкосновенныхъ юридическихъ границъ. «Государство, творецъ права, не можетъ быть подчинено праву, нѣтъ права противъ государства» стр. 67.

Съ другой стороны, и французская школа имѣетъ свои слабыя стороны. «Индивидуалистическая доктрина должна быть отвергнута», потому что если она «и въ состояніи опредѣлить, чего государство не можетъ сдѣлать, то она не въ силахъ установить для него по-

ложительныхъ юридическихъ обязанностей и объяснить, напр., его обязанность вспомоществованія» (стр. 10). Самъ Л. Дюги разрѣшеніе указанныхъ проблемъ видитъ въ идеѣ «общественной солидарности». Идея солидарности, по его мнѣнію, и есть та высшая норма, которая одинаково стоитъ и надъ положительнымъ правомъ, и надъ государствомъ, властно напоминая правящимъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ подданнымъ. О правѣ, по мнѣнію Дюги, вообще можно говорить лишь постольку, поскольку данная норма имѣетъ въ виду общественную солидарность, т. е. поскольку она стоитъ въ согласіи съ правиломъ: «не дѣлать ничего, что наноситъ ущербъ соціальной солидарности... и дѣлать все, что въ состояніи осуществить и развить соціальную солидарность» (стр. 18). Положительный законъ и въ частности приказы властвующихъ «законны и обязательны для повиновенія только въ томъ случаѣ, если они соотвѣтствуютъ верховной нормѣ права, обязательной для всѣхъ, управляющихъ и управляемыхъ» (пред. стр. XXXL). Таковъ въ немногихъ словахъ тотъ основной вопросъ, который ставитъ авторъ въ своей книгѣ, и тотъ способъ, которымъ онъ его разрѣшаетъ.

Съ отдѣльными сторонами этой теоріи трудно согласиться. Прежде всего, сама «общественная солидарность» автора не чужда извѣстной мистической окраски. Очевидно, что эта солидарность, къ тому же легко и часто нарушаемая не есть неотъемлемый фактъ общественной жизни; какъ представляетъ ее себѣ Дюги, это скорѣе долгъ, идеалъ, къ которому должно стремиться. Въ силу какихъ причинъ идея солидарности пріобрѣтаетъ властно-двигательный характеръ, становится высшимъ авторитетомъ для властвующихъ и подвластныхъ—этотъ вопросъ остается у автора не выясненнымъ. П. Новгородцевъ вполнѣ правъ, когда въ предисловіи къ разбираемому труду говоритъ, что у Дюги «доктрина солидарности покоится на апріорномъ и недоказанномъ утвержденіи» (стр. XXIV). Независимо отъ этого соображенія, говорящаго о теоретической слабости идеи общественной солидарности, слѣдуетъ указать, что и практически эта теорія является непріемлемой. Само по себѣ понятіе общественной солидарности, будучи въ высшей степени субъективнымъ, не можетъ дать сколько-нибудь твердой опоры для сужденія о правомѣрности или неправомѣрности какого нибудь приказа или закона. Авторъ вполнѣ признаетъ за подданными право не только пассивнаго, но и активнаго сопротивленія неправомѣрнымъ актамъ власти (стр. 941—957). Слѣдовательно, судьей того, нарушена ли въ данномъ случаѣ норма соціальнаго поведенія, можетъ быть только индивидуальное сознаніе тѣхъ лицъ, къ которымъ данный приказъ или законъ имѣетъ извѣстное отношеніе; нѣтъ сомнѣнія, что и самые добросовѣстные изъ этихъ приговоровъ, хотя бы и исходящіе изъ понятія общественной солидарности, могутъ рѣзко отличаться другъ

отъ друга. Итакъ, фактически не абстрактная норма общественной солидарности, а конкретное содержаніе народнаго правосознанія является той силой, которая ставитъ государственной власти юридическія границы, а также диктуетъ ей ея положительныя задачи. За идеей общественной солидарности на дѣлѣ скрывается мощь интуитивнаго права. Какъ бы то ни было, идея общественной солидарности ставитъ право на широкую базу индивидуальнаго сознанія, и съ этой стороны введеніе данной, идеи въ общее ученіе о государствѣ можетъ быть признано плодотворнымъ.

Указанные выше дефекты должны быть поставлены исключительно на счетъ самого Л. Дюги. Но въ его теоріи имѣются также пробѣлы, объясняемые всецѣло той доктриной, которую онъ берется защищать. Первородный грѣхъ либерализма отражается и на Дюги. Его изложеніе положительныхъ обязанностей государства оканчивается именно тамъ, гдѣ оно дѣлается наиболѣе интереснымъ. На государство возлагаются, правда, извѣстныя матеріальныя задачи, но какая-то невидимая сила, во всякомъ случаѣ не идея всеобщей солидарности, мѣшаетъ автору расширить рамки этихъ обязанностей. Государство Дюги и въ перспективѣ остается царствомъ экономически «сильныхъ». Новый либерализмъ не могъ освободиться отъ «внѣшняго и фарисейскаго пониманія свободы и равенства».

Итакъ, Дюги интересенъ, уже какъ въ высшей степени цѣльный представитель опредѣленнаго міросозерцанія. Этимъ онъ выгодно отличается отъ тѣхъ представителей государственно-правовой науки, которые, подобно Эсмену, упорно игнорируютъ фактъ совершившейся эволюціи политической мысли, или, подобно Анри Мишелю, сѣтуютъ по поводу кризиса индивидуализма, видя всю его причину въ замѣнѣ философскаго апріоризма историзмомъ и позитивизмомъ.

Къ сожалѣнію, «Конституціонное право» Дюги до извѣстной степени лишено той внутренней цѣлостности, которой отличаются его остальныя произведенія. Разбираемая книга по замыслу автора должна была служить учебникомъ государственнаго права. А въ учебникѣ авторъ не счелъ себя въ правѣ обойтись безъ установившейся терминологіи и пустившихъ глубокіе корни юридическихъ конструкцій. Но и самое изложеніе «современныхъ доктринъ»—изложеніе, которое, по мнѣнію Дюги, является лучшимъ средствомъ показать ихъ «ничтожество и противорѣчіе»—въ виду обширной эрудиціи автора и его сильнаго критическаго дара не лишено интереса даже въ своихъ деталяхъ.

Въ русскомъ переводѣ появилась въ свѣтъ первая часть «Droit constitutionnel»; изъ второй ея части, говорящей о политическомъ строѣ Франціи, взяты только §§ 99 и 100 о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Въ этомъ вопросѣ авторъ стоитъ на

сторонѣ радикальной программы, высказываясь въ пользу всеобщаго избирательнаго права, пропорціональнаго представительства и народнаго референдума.

Феликсъ Моро. Въ защиту парламентаризма. Пер. Кагана. С.-Петербургъ, 1908 г. Стр. 202. Ц. 1 р.

Разбираемое произведеніе ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть названо глубокимъ. Защищая парламентаризмъ, экскій профессоръ совершенно игнорируетъ ту разностороннюю эволюцію правового государства, тотъ кризисъ парламентарныхъ формъ правленія, который успѣлъ найти свое освѣщеніе въ трудахъ Еллинека, Фальбека, Принса, Эйхталя, Бенуа, Сиднея Лоу, Новгородцева и др. Авторъ интересуется только тѣми нападками, которыя въ сущности имѣютъ въ виду техническіе пробѣлы современнаго парламентаризма.

Парламентарный строй опредѣляется Феликсомъ Моро, какъ особая разновидность представительной системы, «характеризуемая политической отвѣтственностью министровъ передъ палатами». «Парламентскій режимъ,—говоритъ авторъ,—есть высшая форма представительной системы», высшая потому, что она представляетъ собой логически-естественное завершеніе принципа представительной системы и вмѣстѣ съ тѣмъ самую удобную, наиболѣе практическую ея форму. «Парламентскій режимъ требуетъ отъ гражданъ немногаго... только сознательнаго и добросовѣстнаго выбора людей, которыхъ они посылаютъ въ парламентъ. Это тотъ минимумъ, дальше котораго некуда идти, и который стоитъ ниже требованій всякаго другого режима» (стр. 103).

Считая парламентаризмъ логическимъ завершеніемъ идеи представительства, авторъ вполнѣ послѣдовательно заявляетъ, что «нападки, направленныя противъ парламентарной формы представительнаго принципа, въ дѣйствительности обращаются противъ самого этого принципа» (стр. 106). Въ чемъ же состоятъ, по мнѣнію Ф. Моро, эти нападки? Онѣ сводятся къ указанію на рабскую зависимость министровъ отъ прихотей и капризовъ депутатовъ, на неработоспособность палатъ, наконецъ, на то насиліе, вѣнчающееся иногда кулачной расправой, которое проникло въ ихъ засѣданія. Палаты «потеряли интересъ къ своимъ законодательнымъ обязанностямъ», «утратили даже привычку заблаговременно вотировать бюджетъ» и «обнаруживаютъ только политическіе, спеціальные интересы». «Когда представители голосуютъ серьезные законы, въ залѣ царитъ почти полное молчаніе, скука и пустота. За то другія засѣданія наполнены ужаснѣйшимъ шумомъ... Ораторы произносятъ съ трибуны пламенныя рѣчи, въ которыхъ ругательства замѣняютъ собой аргументы... нѣкоторые, обладающіе болѣе горячимъ темпераментомъ, начинаютъ перехо-

дить отъ крика къ угрозамъ, а затѣмъ отъ угрозъ къ дракѣ» (стр. 111). Указанные недочеты,—говоритъ авторъ,—являются результатомъ извращеннаго примѣненія представительнаго режима, а не специфической принадлежностью парламентарнаго строя. Слѣдуетъ поэтому ввести извѣстныя исправленія въ современную организацію и практику представительной системы, и произведенныя измѣненія тѣмъ самымъ должны будутъ благопріятно отразиться и на парламентарномъ режимѣ; наоборотъ, отказъ отъ парламентской формы правленія явился бы причиной новыхъ дефектовъ и неурядицъ.

«Особенно серьезное значеніе,—говоритъ Ф. Моро,—имѣютъ ошибки въ принципахъ политическаго строя». Чрезмѣрный культъ индивидуальныхъ правъ и индивидуальныхъ интересовъ слишкомъ легко заставляетъ забывать соціальныя обязанности, не видѣть того, что «право есть средство, предоставляемое закономъ людямъ для осуществленія ихъ назначенія и долга» (стр. 149). Необходимъ отказъ отъ чрезмѣрнаго, узкаго, слѣпого и эгоистическаго индивидуализма и переходъ въ новую вѣру, ставящую интересы общественные выше интересовъ личныхъ и мѣстныхъ. Необходима также правильная организація избирательной системы. Впрочемъ, ничего вполнѣ опредѣленнаго въ этомъ отношеніи авторъ не предлагаетъ, онъ говоритъ только, что избирательный законъ, съ одной стороны, не долженъ быть слишкомъ сложнымъ, съ другой—невѣрнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, не опираясь исключительно на число, долженъ создавать изъ парламента точное представительство страны. Наконецъ, въ двухъ послѣднихъ главахъ Ф. Моро говоритъ о болѣе мелкихъ явленіяхъ, подлежащихъ исправленію, и въ заключеніе указываетъ на культъ денегъ и силы, какъ на зло современной демократіи.

Повторяемъ, «защита парламентаризма» не даетъ читателю понятія о всей широтѣ эволюціи современнаго «правового государства»; она представляетъ собой довольно поверхностную защиту противъ довольно поверхностныхъ нападокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ясность и литературность изложенія дѣлаютъ книгу довольно хорошимъ популярнымъ пособіемъ въ указанныхъ выше рамкахъ. Не слѣдуетъ только забывать, что эти рамки далеко не включаютъ въ себя все заглавіе.

Г. В. Плехановъ. Основные вопросы марксизма. Спб. 1908. Изд. кн. маг. „Наша жизнь".

Это послѣднее произведеніе наиболѣе яркаго изъ уцѣлѣвшихъ представителей ортодоксальнаго марксизма представляетъ собою собраніе любопытныхъ матеріаловъ для характеристики ученія, когда-то бывшаго общераспространеннымъ въ марксистскихъ сферахъ—теоріи экономическаго матеріализма. Какъ извѣстно, г. Плехановъ и въ

своихъ предыдущихъ работахъ, вопреки мнѣніямъ многихъ экономистовъ и соціологовъ, связываетъ въ одно неразрывное органическое цѣлое теорію экономическаго матеріализма съ общимъ ученіемъ о философскомъ матеріализмѣ, а эти оба ученія съ основнымъ содержаніемъ экономической системы Карла Маркса. Такъ и въ настоящей работѣ.

«Марксизмъ, это—цѣлое міросозерцаніе. Выражаясь кратко, это — современный матеріализмъ, представляющій собою высшую въ настоящее время ступень развитія того взгляда на міръ, основы котораго были заложены еще въ древней Греціи Демокритомъ.. Историческая и экономическая стороны этого міросозерцанія, т. е. такъ называемый историческій матеріализмъ и тѣсно связанная съ нимъ совокупность взглядовъ на задачи, методы и категоріи политической экономіи и на экономическое развитіе общества, въ особенности же капиталистическаго, являются въ своихъ основаніяхъ почти исключительно дѣломъ Маркса и Энгельса» ( ).

Лица, пытающіяся разорвать связь системы историческаго матеріализма съ основами матеріализма философскаго, обыкновенно стараются, по мнѣнію г. Плеханова,

«обосновать марксизмъ»... соединивъ его,—опять-таки совершенно произвольно и чаще всего подъ вліяніемъ философскихъ настроеній, господствующихъ въ данное время между идеологами буржуазіи,—съ тѣмъ или другимъ философомъ: съ Кантомъ, съ Махомъ, съ Авенаріусомъ, съ Оствальдомъ, а въ послѣднее время съ Іосифомъ Дицгеномъ (2)».

Пытаясь дискредитировать всѣ новѣйшія попытки болѣе широкаго философскаго обоснованія соціализма путемъ указанія на связь ихъ съ ученіями «идеологовъ буржуазіи», г. Плехановъ забываетъ, повидимому, что и философскій матеріализмъ въ процессѣ историческаго своего развитія тоже игралъ роль «буржуазной идеологіи». Только теперь эта «идеологія»—давно уже пройденный штандпунктъ, и едва ли роль и значеніе историческаго матеріализма много выиграютъ отъ сближенія его съ устарѣлымъ по общепризнанному мнѣнію ученіемъ матеріализма философскаго.

Въ своемъ толкованіи теоріи историческаго матеріализма г. Плехановъ останавливается на идеѣ объ этомъ ученіи, какъ о *методѣ* изслѣдованія. «Вообще одною изъ самыхъ великихъ услугъ Маркса и Энгельса передъ матеріализмомъ является выработка ими правильнаго метода» (29). Но уже давно замѣчено, что ученіе объ историческомъ матеріализмѣ, какъ о методѣ научнаго изслѣдованія, не имѣетъ ничего общаго съ теоріей Маркса, несомнѣнно исходящаго изъ взгляда на историческій матеріализмъ, какъ онтологическую теорію. Впрочемъ, г. Плехановъ не выдерживаетъ означенной точки зрѣнія. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

«Приступая къ матеріалистическому объясненію исторіи, мы, прежде всего, наталкиваемся на вопросъ о томъ, гдѣ лежатъ дѣйствительныя причины развитія общественныхъ отношеній. И мы уже знаемъ, что «анатомія гражданскаго общества" опредѣляется его экономіей». (36). И далѣе: «Данное со-

стояніе производительныхъ силъ служитъ причиной, вызывающей данныя производственныя и въ частности имущественныя отношенія». (59).

Здѣсь экономическія отношенія играютъ уже роль основной *причины* всѣхъ прочихъ общественныхъ отношеній. Это точка зрѣнія онтологическая, а не только методологическая. За то существенная поправка къ обычному пониманію теоріи историческаго матеріализма, въ томъ видѣ, какъ она толковалась всѣми ея послѣдователями, чувствуется въ новомъ взглядѣ г. Плеханова на смыслъ и значеніе діалектическаго процесса.

„Діалектика существенно отличается отъ вульгарной теоріи эволюціи, которая цѣликомъ построена на томъ принципѣ, что ни природа, ни исторія не дѣлаютъ скачковъ, и что всѣ измѣненія совершаются въ мірѣ лишь постепенно" (31).

„Наоборотъ, діалектическій взглядъ Гегеля на неизбѣжность скачковъ въ процессѣ развитія былъ полностью усвоенъ Марксомъ и Энгельсомъ" (32).

Но,—скажемъ мы отъ себя,—не тѣми экономическими матеріалистами, которые высшую цѣнность теоріи усматривали въ идеѣ о непреоборимомъ, почти механическомъ процессѣ развитія. Теперь г. Плехановъ смѣло становится на точку зрѣнія скачкообразнаго процесса развитія, точку зрѣнія, которая можетъ быть гораздо удачнѣе обоснована въ терминахъ неэкономическаго матеріализма.

Такую же диверсію въ сторону общепризнаннаго мнѣнія, бывшаго всегда въ конфликтѣ съ теоріей историческаго матеріализма, дѣлаетъ г. Плехановъ и въ другомъ важномъ вопросѣ—о связи различныхъ факторовъ историческаго движенія. Теперь уже оказывается, что,

„разъ возникнувъ, данныя общественныя отношенія сами оказываютъ большое вліяніе на развитіе производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, то, что первоначально является слѣдствіемъ, въ свою очередь становится причиной; между развитіемъ производительныхъ силъ и общественнымъ строемъ возникаетъ *взаимодѣйствіе*, въ различныя эпохи принимающее самые разнообразные виды" (41).

Пренебреженіе ко всѣмъ другимъ *факторамъ*, кромѣ экономическаго, неправильно и «подсказывалось простымъ непониманіемъ той роли, какая отводится у Маркса и Энгельса взаимодѣйствію между *основаніемъ и надстройкою*» (59—60). Нечего и говорить, что эти толки о взаимодѣйствіи и о множественности факторовъ историческаго развитія—стрѣлы изъ чужого арсенала. Немного дальше, и теорія экономическаго матеріализма получаетъ у г. Плеханова новое выраженіе, поскольку «экономическое отношеніе... оказывается въ послѣднемъ счетѣ наиболѣе вліятельнымъ» (64), но не единственнымъ факторомъ. По этому поводу авторъ упрекаетъ извѣстнаго французскаго ученаго Альфреда Эспинаса въ «односторонности», на томъ основаніи, что «французскій ученый почти совсѣмъ не обратилъ вниманія на другіе факторы развитія идеологіи», кромѣ экономическаго (68). «Излишне прибавлять,—за-

мѣчаетъ онъ,—что мы далеко не всегда умѣемъ въ настоящее время открыть причинную связь появленія даннаго философскаго взгляда съ экономическимъ состояніемъ его эпохи» (79). Далѣе идетъ еще поправка. Оказывается, что «вопросъ развитія экономіи... рѣшается прежде всего указаніемъ на свойства географической среды». «Свойства географической среды обусловливаютъ собою развитіе производительныхъ силъ» (36—7, 39). Это уже новое, совсѣмъ не экономическое, а чисто географическое толкованіе законовъ исторіи. Въ результатѣ получается система, полная эклектизма. То экономическія отношенія, то географическая среда, какъ причина общественныхъ измѣненій; экономическій матеріализмъ, какъ методъ; процессъ скачкообразнаго развитія; экономическія отношенія, какъ преобладающая причина общественной эволюціи; взаимодѣйствіе между основаніемъ и надстройкой; множественность факторовъ; трудность нахожденія связи между философскимъ сознаніемъ и уровнемъ экономическаго развитія; географическая среда, какъ послѣдняя причина историческихъ измѣненій—все это вмѣстѣ даетъ изрядную путаницу, изъ которой возможенъ одинъ только выходъ, это—отказъ отъ теоріи историческаго матеріализма. Г. Плехановъ, однако, на этотъ путь не отваживается. Наоборотъ. Онъ остается вѣренъ до конца, по крайней мѣрѣ на словахъ, теоріи историческаго матеріализма и смѣло оцѣниваетъ всѣ другія попытки историческаго объясненія явленій, какъ «философское духовное оружіе буржуазной реакціи въ области идеологіи» (95).

К. А. Пажитновъ. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Изд. 2-ое, дополненное и исправленное. 1908.

Вышедшая въ 1905 году книга К. А. Пажитнова издана теперь въ переработанномъ и дополненномъ видѣ. Если и въ первомъ изданіи она являлась единственнымъ въ сущности сочиненіемъ, которое давало общую характеристику жизни рабочаго класса въ Россіи за послѣднія десятилѣтія, то теперь къ ней присоединено и изложеніе результатовъ, достигнутыхъ рабочимъ движеніемъ 1905 года, такъ что книга доведена до настоящаго времени.

Вся исторія рабочаго класса въ Россіи, какъ она видна изъ книги г. Пажитнова, представляетъ собою картину поистинѣ ужасную, картину голода и эксплуатаціи, труда при невозможныхъ санитарныхъ условіяхъ и произвола, ничѣмъ не умѣряемаго безграничнаго произвола со стороны фабрикантовъ и заводчиковъ. Договоръ съ равноправностью сторонъ превращался ими въ такой договоръ, при которомъ «никто отъ работы отказаться не можетъ ранѣе условленнаго срока, контора же имѣетъ право отказать во всякое время» (стр. 67); рабочій, желающій прекратить работу, обязанъ предупредить контору за мѣсяцъ, фабрика же въ правѣ отказать ему безъ предупрежденія (стр. 145). Заводоуправленія

требовали отъ рабочихъ полнаго повиновенія, штрафовали по самымъ невѣроятнымъ поводамъ («прошелся крадучись по двору»), заставляли ихъ работать дольше предписаннаго закономъ времени, систематически нарушали постановленія фабричнаго законодательства. Когда же рабочіе пробовали обороняться, настаивая лишь на выполненіи установленныхъ правилъ, то правительство смотрѣло на нихъ, какъ на бунтовщиковъ, и не только не устраняло злоупотребленій и не привлекало виновныхъ предпринимателей къ отвѣтственности, а, наоборотъ, посылало войска противъ рабочихъ. Между тѣмъ, рабочіе до очень недавняго сравнительно времени склонны были удовлетворяться чрезвычайно малымъ. Они,— какъ говоритъ К. А. Пажитновъ, — не добивались даже улучшенія своихъ матеріальныхъ условій, а протестовали лишь противъ увеличенія штрафовъ, невыдачи заработной платы и другихъ явно незаконныхъ дѣйствій предпринимателей. Если бы администрація была сколько-нибудь безпристрастна, если бы она, дѣйствительно, имѣла въ виду обезпечить законность, то большинства стачекъ и волненій за предшествующія десятилѣтія вовсе бы не было. Но это значило бы идти противъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Когда фабричные инспекторы 80-хъ годовъ сдѣлали такую попытку, то были приняты соотвѣтствующія мѣры.

Подъ вліяніемъ движенія 1905 г. положеніе рабочихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ улучшилось, именно, рабочій день сократился. Въ началѣ 1905 г. 53 проц. всѣхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ работало (по даннымъ фабричной инспекціи) 11½ час., т. е. высшую мѣру дозволеннаго закономъ, а годъ спустя, наибольшимъ распространеніемъ пользовалсь уже норма рабочаго времени отъ 9 до 10 час. въ сутки, кромѣ того и сверхурочныя работы сократились. Но «низкій уровень жизни рабочихъ попрежнему остается вопіющимъ фактомъ нашей дѣйствительности», и если денежная заработная плата повысилась въ послѣднее время, то и цѣны на продукты первой необходимости также двинулись впередъ. А къ этому вѣдь присоединяется и стремленіе въ послѣднее время (въ эпоху реакціи) со стороны предпринимателей отнять снова у рабочихъ даже то немногое, что ими было добыто съ такимъ трудомъ.

Авторъ считаетъ наиболѣе важнымъ для повышенія платы объединеніе рабочихъ въ профессіональные союзы, считаетъ необходимымъ замѣну индивидуальнаго договора коллективнымъ, въ особенности же рекомендуетъ борьбу за уничтоженіе акцизовъ и высокихъ таможенныхъ пошлинъ на продукты первой необходимости, которые, чрезвычайно удорожая жизнь рабочаго, лишаютъ его возможности вести сколько-нибудь сносное существованіе. Едва ли нужно говорить, какъ мало благопріятствують осуществленію всего этого условія переживаемаго нами времени.

Рѣчи по погромнымъ дѣламъ. Къ исторіи еврейскихъ погромовъ и погромныхъ процессовъ въ Россіи. Съ предисл. проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1908. Стр. VI+150. Ц. 60 коп. — То же. Вып. II. Съ предисловіемъ В. Г. Короленко. Кіевъ. 1908. Стр. XX+146. Ц. 60 к.

Издатели этихъ небольшихъ книжекъ поставили себѣ цѣлью собрать по возможности весь матеріалъ по погромнымъ дѣламъ въ Россіи. Въ двухъ первыхъ выпускахъ помѣщены рѣчи повѣренныхъ, выступавшихъ въ погромныхъ процессахъ, главнымъ образомъ представителями потерпѣвшихъ отъ погромовъ, а также и въ качествѣ защитниковъ привлекавшихся къ отвѣтственности участниковъ еврейской самообороны. Въ слѣдующихъ выпускахъ издатели предполагаютъ сообщить статистическія данныя о погромахъ, обвинительные акты, свидѣтельскія показанія и приговоры по наиболѣе выдающимся погромнымъ процессамъ.

Такимъ образомъ, лежащіе предъ нами два выпуска заключаютъ въ себѣ только сырой матеріалъ и при томъ въ значительной степени односторонній и однообразный. Несмотря на это, съ первыхъ же страницъ, какъ только развертывается предъ читателемъ кровавая картина балтскаго погрома 30 и 31 марта 1882 г., эти сырые матеріалы съ мучительною неотвязчивостью овладѣваютъ его вниманіемъ.

Уже изъ напечатанныхъ данныхъ ярко вырисовывается чрезвычайно любопытная эволюція нашихъ погромовъ. Дальнѣйшіе выпуски должны въ этомъ отношеніи представлять еще большій интересъ. Вы видите, какъ въ началѣ всѣ еще стыдятся погромовъ, какъ послѣ погромовъ демонстративно проводятся репрессіи по отношенію къ погромщикамъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше этотъ стыдъ проходитъ, все дѣлается проще и откровеннѣе. Полицейскіе за что-то благодарятъ хулигановъ-погромщиковъ; въ другомъ мѣстѣ рѣшительныя мѣры противъ погрома полиція «догадалась» принять только на четвертый день; въ Бѣлостокѣ драгуны «не могли остановить своихъ лошадей», когда на ихъ глазахъ погромщики убивали людей. И когда послѣдовательно прочитаешь эти двѣ небольшія книжки, то ссылка въ рѣчи прис. пов. Скарятина на невѣроятное показаніе свидѣтеля, д-ра Эпштейна, о томъ, что въ Бѣлостокѣ предъ погромомъ «атмосфера погрома ощущалась давно и въ такой степени, что достаточно было появиться на улицѣ группѣ солдатъ или полицейскихъ, чтобы мирное населеніе пряталось по своимъ домамъ», уже не кажется невѣроятною. Весьма прямолинейно и довольно безцеремонно эволюціонировала и техника погромовъ. Въ концѣ концовъ выработался весьма несложный, до цинизма однообразный рецептъ погромовъ, шаблонъ, по которому они и раздѣлывались.

Прис. пов. Хоментовскій въ іюлѣ 1907 г. надѣялся, что Бѣлостокскій «позорный погромъ есть наслѣдіе старой умирающей Россіи, и въ новой возрожденной его родинѣ подобныхъ позор-

щихъ ее преступленій не будетъ». Но возрожденіе нашей родины застряло въ какой-то трясинѣ, а тѣ вліятельные погромщики, на незакономѣрное отсутствіе которыхъ на скамьяхъ подсудимыхъ указывалъ товарищъ Хоментовскаго по процессу г. Ратнеръ, дѣлаютъ блестящую карьеру.

Предпринятое изданіе погромныхъ матеріаловъ представляетъ значительный интересъ не для еврейскаго только вопроса, а и вообще для уясненія характера той борьбы отживающаго стараго строя, которую онъ ведетъ за свое сохраненіе и одною изъ мрачныхъ страницъ которой являются погромы. По поводу самого изданія можно выразить сожалѣніе, что вмѣстѣ съ рѣчами повѣренныхъ потерпѣвшихъ не приведены рѣчи представителей прокуратуры и въ отобенности повѣренныхъ, выступавшихъ защитниками погромщиковъ. Эти рѣчи освѣтили бы еще съ одной стороны погромную эволюцію; въ нихъ, несомнѣнно, въ извѣстной мѣрѣ отражалась «идеологія» вліятельныхъ организаторовъ погромовъ. Пополненіе въ дальнѣйшихъ выпускахъ этого пробѣла представляется весьма желательнымъ и вполнѣ отвѣчающимъ цѣли изданія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. ***Ѳ. Ф. Александрова***. Спб. 1908 г. ***А. П. Нечаевъ***. И камни живутъ. 2-ое изд. Ц. 50 к.

.***Библіотека новаго воспитанія***. Мск. 1909 г. Проф. ***Ж. Аугсбургъ***. Новая школа рисованія. Кн. 1-ая. Пер. съ англ. Н. И. Живаго. Ц. 80 к.

Изд. ***„Бодрая Мысль"***. Спб. ***В. Бернттамъ***. Изъ жизни. Ц. 1 р.

Изд. ***Т-ва М. О. Вольфъ***. Спб. и Мск. Проф. ***В. Шимкевичъ*** Отцы и дѣти. Зоологическій очеркъ. Ц. 30 к. ***I. П. Мюллеръ***. Гигіеническіе совѣты. Ц. 75 к. Книгоизд. ***„Грифъ"***. Мск. 1909 г. ***А. Мирэ***. Разсказы. Черная пантера. Ц. 80 к. Свободное Знаніе. ***Н. Н. Ѳирсовъ***, проф. Каз. ун-та. Пугачевщина Опытъ соціолого-психологической характеристики. Ц. 1р.

Изд. ***Группы студентовъ***. Казань. 1908 г. ***А. Ф. Мантель***. О Кнутѣ Гамсунѣ. Ц. 50 к.

Изд. ***А. Ф. Девріена***. Спб. 1908 г. ***Л. Ждановъ***. Русь на переломѣ. Ист. повѣсть конца царствованія Алексія Михайловича. Ц. 2 р. 50 к.—***М. Пришвинъ***. За волшебнымъ колобкомъ по крайнему сѣверу Россіи и Норвегіи.

Изд. ***„Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь"***. Мск. 1909 г. ***А. Буткевичъ***. Какъ живутъ пчелы и какъ ихъ водить. Ц. 25 к.

Изд. ***Т-ва „Знаніе"***. Спб. 1908 г. ***Максъ Ферворнъ***. Вопросъ о границахъ познанія. Пер. В. Степанова. Ц. 30 к.—***А. Коллонтай***. Соціальныя основы женскаго вопроса. Ц. 1 р. 25 к.—***Сборникъ Т-ва „Знаніе"***. Книга 25-ая. Содержаніе: ***С. Кондурушкинъ***. Моисей.—***Ив. Бунинъ***. Іудеи.—***Скиталецъ***. Этапы.—***Октавъ Мирбо***. Очагъ. Ц. 1 р.—***Сборникъ Т-ва „Знаніе"***. Книга 26. Содержаніе: ***Л. Андреевъ***. Дни нашей жизни.—***Кнутъ Гамсунъ***. Роза. Ц. 1 р.

„Книжка за книжкой". Спб. Кн. 161-ая. ***В. Гаршинъ***. Медвѣди. Ц. 5 к.—Кн. 162-ая ***Н. Златовратскій***. Деревенскій Авраамъ. Ц. 11 к.—Кн. 163-ья. ***Б. Прусъ***. Антекъ. Ц. 9 к.—Кн. 164-ая. ***В. Гомулицкій***.

Въ бричкѣ. Ц. 7 к.—Кн. 165-ая *Анна Стуартъ*. Парусъ. Ц. 11 к.—Кн. 166-ая. *Е. Волкова*. Первый русскій печатникъ. Ц. 12 к.

Книгоизд. „*Космосъ*". Мск. 1909 г. Образовательная библіотека. *Е. Ланге*. Женскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Пер. съ нѣм. И. и Слонимъ. Ц. 50 к. Изд *П. Юргенсона*. Мск. Мелодіи. *А. Чертковой*, въ 5 вып., ц. каждаго вып. по 40 к.

Изд. „*Книга*". Мск. 1908 г. Хрестоматія изъ писаній Л. Толстого. Съ илл. Составлена группой дѣтей подъ ред. П. А. Сергѣенко. Ц. 1 р.

Изд. *Н. П. Карбасникова*. Спб. 1909 г. *Б. Е. Райковъ*. Первыя работы по анатоміи и физіологіи. Съ 59 рис. и черт. Ц. 75 к.

Изд. кн. маг. *П. В. Луковникова*. Спб. *Г. Н. Гётчинсона*. Автобіографія земли. Пер. съ англ. М. А. Энгельгардта. Съ 63 рис. Ц. 80 к. — *В. П. Авенаріусъ*. Два регентства. Историческая повѣсть для юношества. Ц. 1 р. 50 к.—*Н. Сѣровскій*. Электрическіе звонки и сигнализація при помощи ихъ. Ц. 30 к.

Библіотека Семьи и Школы. Н. Малиновскій. Каталогъ избранныхъ книгъ для дѣтей и юношества книжнаго склада „*Родной Міръ*". Спб. 1909 г. Ц. 15 к.

Изд. *Т-ва А. Ф. Марксъ. Н. Роотъ*. Художественная керамика. Ц. 2р.

Изд. въ пользу Спб. Общества „*Народный Политехникумъ*". Спб. 1909 г. *М. Слобожанинъ*. Смотръ кооперативнымъ силамъ. Ц. 1 р.

Книгоизд. „*Новая Заря*". Спб. 1909 г. *Д-ръ Ф. Пробстъ Г. Майзель-Гессъ*. Анти-Вейнингеръ. Изложеніе и критическій разборъ книги „Полъ и характеръ". Ц. 75 к.

Изд. „*Общественная Польза*". Спб. 1909 г. Общественное движеніе въ началѣ XX-го вѣка. Под. ред. *Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова*. Т. I. Предвѣстники и основныя причины движенія Ц. 5 р.—Д-ръ мед. *Ив. Блохъ*. Половая жизнь нашего времени и ея отношеніе къ современной культурѣ. Пер. съ 6-го нѣм. изд., под. ред. Бройдо. Ц. 3 р. 50 к.— *А. М. Өедоровъ*. Подвигъ. Романъ. Ц. 1 р.

Изд. *О. Н. Поповой*. Спб. 1909 т. *Борисъ Веселовскій*. Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Ц. за 2 т. 12 р.

Изд. „*Посредника*". Мск. 1909 г. *Л. Н. Толстой* Праздникъ просвѣщенія. Ц. 4 к.—*Его-же*. Требованія любви. Ц. 4 к. — *Его-же*. Любите другъ друга. Ц. 5 к.

Изд. *Л. Ф. Пантелѣева*. Спб. 1908 г. *А. Бѣльшовскій*. Гете, его жизнь и произведенія. Пер. подъ ред. П. Вейнберга. Ц. 3 р.

Изд. *Е. Реформатской*. Мск. 1909 г. *Е. Реформатская*. Люди мысли и правды. Ц 35 к.

Изд. *Т-ва „Родной Міръ"*. Спб. 1909 г. *С. Аникинъ*. Мордовскія народныя сказки. Ц. 50 к.

Изд. *В. М. Саблина*. Мск. 1908 г. „*Современная библіотека*". № 8. *Жоржъ Роденбахъ*. Искусство въ изгнаніи. Ц. 50 к.—№ 10. *Германъ Бангъ*. Странные разсказы. Пер. Н. Эфроса. Ц. 50 к.—№ 11. *I. П. Якобсонъ*. Новеллы. Пер. съ датскаго. Я. Сегалъ. Ц. 50 к.—№ 12. *Вилье-де-Лиль-Аданъ*. Жестокіе разсказы. Пер. А. Мирэ. Ц. 50 к. *Октавъ Мирбо*. Голгофа. Пер. А. Даманской Ц. 1 р.—*А. Шницлеръ*. Дорога къ волѣ. Ц. 1 р.—*Казиміръ Тетмайеръ*. Гибель. Пер. В. Высоцкаго. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. *Т-ва И. Д. Сытина*. Мск. 1909 г. *И. Х. Озеровъ*, проф. Мск. ун-та. Русскій бюджетъ доходный и расходный. Ц. 25 к.—*Его-же*. На борьбу съ народной тьмой. Ц. 10 к.

Книгоизд. „*Слово*". Мск. 1909 г. *Станиславъ А. Вольскій*. Философія борьбы. Опытъ построенія этики марксизма. Ц. 2 р.

Книгоизд. „*Сотрудничество*". Мск. 1909 г. *Анри Бергсонъ*. Творческая эволюція. Пер. съ фр. М. Булгакова. Ц. 1 р 75 к.

Изд. „*Сотрудника*". Кіевъ. 1909 г. Проф. *Ф. Бидертъ*. Болѣзни дѣтей школьнаго возраста. Школьная гигіена. Пер. д-ра Г. Гордонъ, съ пред. проф. Дм. Соколова. Ц. 1 р.—Инж. *Д. Марголинъ*. Студенческій справочникъ. Руководство для поступающихъ во всѣ высшія учебныя заведенія Россіи. Ц. 1 р. 25 к

Изд. *Т-ва И. Д. Сытина*. Мск. 1909 г. *Майнъ-Ридъ*. Охотники за растеніями. Романъ съ рис. Эванса. Ц. 50 к.—*Вас. Немировичъ-Данченко*. Въ горныхъ высяхъ. Изд. 5 е. Ц. 1 р.—*С. П. Бобинъ*. Африка. Географическая Хрестоматія. Ц. 1 р. 10 к.— *Л. П. Шелунова*. Русскія сказки. Ц. 1 р.—Правдивыя сказки. Ц. 40 к.— *А. М. Өедоровъ*. Пѣсни земли. Стих. Ц. 1 р.—Подводные робинзоны. Повѣсть капитана *Данри*. Ц. 60 к.

Кн-во „*Современныя Проблемы*". Мск. 1909 г. *Максъ Ферворнъ*. Вопросъ о границахъ познанія.

Пер. Э. А. Берштейнъ. Ц. 30 к. ***Густавъ Гейерстамъ.*** Собр. соч. Т. I. Комедія брака. Ц. 1 р.

Изд. ***„Свѣтаетъ".*** Спб. 1908 г. Лит. Худ Альманахи для Всѣхъ. Кн. 1-ая Ц. 40 к.

Кн-во ***И. И. Самоненко.*** Кіевъ. 1908 г. ***Евг. Эттингеръ.*** Нѣкто въ сѣромъ и нѣкіе въ красномъ у Л. Андреева. Ц. 35 к.

Изд. ***„Primavera".*** Спб. 1909 г. Итальянскіе сборники. Кн. 1-ая. Пер. съ итал. съ критико-біографическими очерками. Т. Герценштейнъ. Ц. 1 р.

Изд. ***В. И. Ротенштернъ.*** Спб. 1909 г. ***Куно Фишеръ.*** Воля и Разсудокъ. Пер. со 2-го нѣм. изд. С. О. Грузенберга, съ приложеніемъ критико-біографическаго очерка. Ц. 50 к.

Изд. ***К. Тихомирова.*** Мск. 1908 г. ***Д-ръ Целль.*** Изъ жизни животныхъ. Пер. съ нѣм. В. Соколова. Ц. 50 к.

Кн-во ***Т-ва „Улей".*** Литературно-справочное бюро. Спб. ***Густавъ Снельманъ.*** Сны тумана. Ц. 60 к.— ***М.Невечеря.***(Псевдонимъ).Разсказы. Ц. 1 р.—***Вильгельма Бёльше.*** Горящіе камни. Ц. 50 к.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ Д. Волчкова, изъ Пензы—4 р.; отъ Калишанина—25 р.; отъ Д. Никольскаго, изъ Варшавы—1 р.; отъ статистовъ черезъ Вл. В.—6 р. 25 к.; отъ М. Чеботарева, изъ Орла—10 р.; отъ М. Мышляевой—5 р.; отъ В. Дубиллеръ, изъ г. Венева—23 р. 69 к; отъ Н. М. Г. 16-ый и 17-ый взносъ—20 р.; черезъ М. П. % отчисленіе—61 руб.; изъ Полтавской губ.—7 руб.

Итого . . . . 162 р. 94 к.

На музей имени Л. Н. Толстого: отъ Д. Волчкова, изъ Пензы—1 р. 50 к.; отъ В. Пурышкевича—25 р.

Итого . . . . 26 р. 50 к.

Въ полное распоряженіе редакціи: отъ И. Ревуцкаго—10 руб.

Въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Сициліи и Калабріи: отъ Калишанина—5 р.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ 1 и 2 Госуд. Думы: отъ Карташева—10 р.; отъ X. У Z,—5 р.

Итого . . . . 15 р. — к.

Въ распоряженіе М. Горькаго для пострадавшихъ отъ землетрясенія: отъ любит. сценич. искусства при Котласскомъ Обществен. Собраніи—22 р.

Въ пользу безработныхъ: отъ Б. Калупина—10 р.

Редакторъ-издатель ***Вл. Короленко.***

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.

Основана въ 1873 г.

18 нагр. на Выставкахъ медалей. 15

Наглядныя учебныя пособія

по различнымъ предметамъ преподаванія:

Обученіе грамотѣ.	Ариѳметика.
Законъ Божій.	Геометрія.
Предметные уроки.	Иностр. языки.
Естествовѣдѣніе.	Письмо.
Географія.	Черченіе.
Исторія.	Рисованіе.

Мѣры и приборы для измѣренія.

Приборы для съемки плановъ. Приборы для собиранія естественно-историческихъ коллекцій.

Школьная обстановка.

Подвижныя игры на воздухѣ. Игры комнатныя. Гимнастика. Занятія и игрушки.

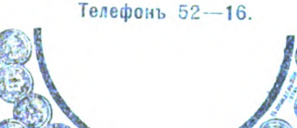
Дѣтскія книги для чтенія.

Волшебные фонари и картины къ нимъ.

Справочный каталогъ высылается за 21 коп. марками.

СПБ., Троицкая ул., 9-3.

Телефонъ 52—16.



КЛАССИКИ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Изд. Г. Ѳ. Пантелѣева и А. Ф. Маркса.

Викторъ Гюго, 12 т.—5 р. Вальтеръ-Скоттъ, 18 т.—10 р. Чарльзъ Диккенсъ, 35 т.—10 р. Эм. Золя, 29 т.—10 р. Жоржъ-Зандъ 18 т.—6 р. Бальзакъ, 20 т.—7 р. Бретъ-Гартъ, 11 т.—5 р. Маркъ Твенъ, 11 т.—6 р. Шпильгагенъ, 23 т.—10 т. Эберсъ 13 т.—6 р. Гофманъ, 8 т.—4 р Флоберъ 4 т.—2 р. Эдг. Поэ, 2 т.—1 р. П. Бурже, 10 т.—5 р. Жипъ, 2 т.—1 р Ю. Штинде, 3 т.—1 р. Дж.-Джеромъ 3 т.—1 р. Конанъ-Дойль, 3 т.—1 р. Уэльсъ, 3 т.—1 р. Зудерманъ Г., 2 т.—1 р. М. Прево 4 т.—2 р. Жоржъ-Оне, 2 т.—1 р. П. Лоти, 5 т.—2 р. Стивенсонъ, 4 т.—2 р. Мольеръ, 1 т.—2 р. Боккачіо, 1 т. (декамеронъ) 2 р. Беранже, Пѣсни, 4 т. безъ пер.—5 р., въ пер.—6 р. 50 к. Гюи-Мопассана, 12 т.—6 р. Жуковскій В. А., 12 т.—1 р. Данилевскій, 24 т.—3 р. Генрихъ Гейне, 16 т—1 р. 50 к. Гоголь, Н. В. 12 т.—2 р. Салтыковъ-Щедринъ, М. Е., 40 т.—6 р. Боборыкинъ, П. Д. 12 т.—2 р. 50 к. Станюковичъ, 40 т.—4 р. 50 к. Горбуновъ, 4 т.—1 р. Гр. А. Толстой, 10 т.—2 р. Лѣсковъ, 36 т.—3 р. Шеллеръ-Михайловъ, 50 т.—4 р. Чеховъ, А. П. 16 т.—6 р. Гончаровъ, 12 т.—6 р. Григоровичъ, Д. В., 12 т.—6 р. Тургеневъ, 12 т.—8 р. Достоевскій, 24 т.—8 р. Вся природа, 13 т. изд. Просвѣщенія. Бремъ, Жизнь животныхъ 3 т.—15 р. Ранке, Человѣкъ. 2 т.—8 р. Неймайеръ, Исторія земли. 2 т.—8 р. Ратцель, Народовѣдѣніе. 2 т.—8 р. Кернеръ, Жизнь растеній. 2 т.—8 р. Мейеръ, Міросозданіе. 1 т.—5 р. Гааке, Происхожденіе животнаго міра. 1 т.—5 р. Всѣ вмѣстѣ 50 р. Энциклопед. словарь. 86 т. изд. Брокгаузъ и Ефронъ.—150 р.

Пересыл. на счетъ покупателей, при заказѣ свыше 20 руб. высылать задатокъ. Книгопродавцамъ на всѣ изданія Пантелѣева 30% уступки. Имѣются въ большомъ колич. экз.

Книжный магазинъ

А. И. ТУРКИНА.

Спб. Бассейная ул., № 8-б.

«Кто является свидѣтелемъ преступленія, не протестуя противъ этого, тотъ становится соучастникомъ его передъ Богомъ и своею совѣстью».

Елизавета Шойенъ.

НЕДАВНО ВЪ НОРВЕГІИ вышелъ романъ Е. Шойенъ

„Бѣлая Рабыня“

и создалъ автору всемірный успѣхъ. Романъ уже переведенъ на нѣм., франц. и англ. яз. Романъ повѣств. о судьбѣ несчастной 18-тилѣтней датчанки Альмы Бангъ, попавшей обманомъ въ руки торговцевъ живымъ товаромъ.

Отзывы печати:

„Тонъ романа и множество подробностей, разсказанныхъ съ подкупающей простотой и искренностью, свидѣтельствуютъ, что всѣ приключенія Альмы Бангъ не вымышлены и рисуютъ страницу дѣйствительно существующей мрачной организаціи торговли женскимъ тѣломъ“. „Русское Слово“.

„Новости Всемірной Литературы“: Москва, Неглинный пр., домъ Маракушева, кв. 9. Цѣна книги—1 р. съ перес. налож. плат., 1 р. 20 к., 10 экз.—7 р. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

О пріисканіи занятій и мѣстъ бывшимъ депутатамъ 1-ой и 2-ой Думы.

Принимая во вниманіе, что многіе изъ бывшихъ депутатовъ 1-ой и 2-й Государственной Думы оказались лишенными ихъ обычнаго заработка и въ пріисканіи такового на мѣстѣ своего жительства они часто встрѣчаютъ затрудненія, *группа* лицъ изъ бывшихъ членовъ 1-й Думы рѣшила организовать дѣло по пріисканію занятій и мѣстъ оставшимся безъ подходящаго заработка своимъ товарищамъ. Въ этихъ видахъ она предполагаетъ сосредоточить у себя свѣдѣнія о предложеніи ими труда и о спросѣ на тотъ трудъ, который они предлагаютъ.

Разсчитывая въ этомъ трудномъ дѣлѣ на поддержку широкихъ слоевъ русскаго общества, *группа* проситъ оказать ей содѣйствіе въ пріисканіи подходящихъ мѣстъ и занятій (по профессіямъ, начиная отъ простого рабочаго, кончая интеллигентнымъ трудомъ разныхъ категорій) тѣмъ изъ бывшихъ депутатовъ, о коихъ у *группы* уже имѣются свѣдѣнія, а также сообщать ей свѣдѣнія о возможныхъ открывающихся мѣстахъ и спросѣ на трудъ. Только путемъ широкаго ознакомленія съ ея задачами и при помощи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, *группа* надѣется выполнить весьма трудную задачу, которую она себѣ поставила.

Отвѣты съ указаніемъ характера мѣстъ и условій, а также запросы по данному предмету можно адресовать въ редакцію *для группы.*

Группа Членовъ 1-ой Государственной Думы.

Изданіе т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ.

Въ изданіи принимаютъ участіе: прив.-доц. Е. В. Аничковъ, С. М. Влекловъ, проф. М. М. Богословскій, И. Н. Бороздинъ, прив.-доц. С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, А. К. Дживелеговъ, проф. В. Я. Желѣзновъ, Н. Н. Жорданія, Вл. Ильинъ, В. Я. Канель, проф. А. А. Кизеветтеръ, М. Н. Коваленскій, А. Л. Коллонтай, К. И. Ландеръ, К. Н. Левинъ, З. Ленскій, Л. Мартовъ, В. Д. Меденъ, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, М. Н. Покровскій, Н. А. Рожковъ, С. Ѳ. Русова, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. К. А. Тимирязевъ, прив.-доц. В. М. Фриче, С. Я. Цейтлинъ, В. И. Чарнолускій, проф. М. П. Чубинскій, Г. И. Шрейдеръ, Ю. Д. Энгель и др.

Содержаніе. **Часть I. Дореформенная Россія. Томъ I.** Введеніе. Россія въ концѣ XVIII вѣка. 1. Павелъ Петровичъ. 2. Александръ I. 3. Декабристы. 4. Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. 5. Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича. 6. Финансовая политика Канкрина. 7. Государственные крестьяне при Николаѣ I. 8. Польша въ первой половинѣ XIX вѣка. **Томъ II.** 9. Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка. 10. Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. 11. Русская литература до Пушкина 12. Очеркъ Пушкинскаго періода. 13. Русская литература во второй четверти вѣка 14. Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Библіографія къ первой части. **Часть II. Эпоха реформъ. Томъ III.** 1. Крымская война. 2. Крестьянская реформа. 3 Земская реформа. 4. Судебная реформа 5. Польское возстаніе. **Томъ IV.** 6. Городъ и Городовое положеніе 1870 г. 7. Городъ и городское самоуправленіе въ Прибалтійскомъ краѣ. 8. Расколъ въ первой половинѣ XIX вѣка. 9. Начальное образованіе въ первой половинѣ XIX вѣка. 10. Средняя школа. 11. Университеты. 12. Русская литература 60-хъ годовъ. 13. Украинская литература. 14. Пластическія искусства въ первой половинѣ вѣка. 15. Русская музыка въ первой половинѣ вѣка. Библіографія ко второй части. **Часть III. Эпоха реакціи. Томъ V.** 1. Общая политика правительства 1866—1892 гг. 2. Земское самоуправленіе и реформа 1890 г. 3. Крестьянское общественное управленіе. 4. Крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ. 5. Городская контръ-реформа 1892 г. 6. Расколъ и сектантство во второй половинѣ вѣка. 7. Польскій вопросъ послѣ 1863 г. 8. Кавказскія войны. **Томъ VI.** 9. Восточный вопросъ отъ парижскаго мира до берлинскаго конгресса. 10. Государственное хозяйство Россіи до 1892 г. 11. Общественное движеніе въ пореформенное время до 1892 г. 12. Развитіе промышленности и рабочее движеніе до 1892 г. 13. Развитіе экономическихъ ученій. **Томъ VII.** 14. Русская литература съ 70-хъ по 90-ые годы. 15. Украинская литература во второй половинѣ вѣка. 16. Пластическія искусства во второй половинѣ вѣка. 17. Русская музыка во второй половинѣ XIX вѣка. 18. Начальное образованіе во второй половинѣ вѣка. 19. Средняя школа. 20. Университеты. 21. Основныя теченія научной мысли. Библіографія къ третьей части. **Часть четвертая. Конецъ вѣка. Томъ VIII.** 1. Аграрный вопросъ въ концѣ вѣка. 2. Аграрное законодательство. 3. Крестьянское движеніе. 4. Рабочій вопросъ и рабочее движеніе. 5. Фабричная гигіена и земская медицина. **Томъ IX.** 6. Государственное хозяйство въ концѣ вѣка. 7. Земское движеніе. 8. Университетское движеніе. 9. Польскій вопросъ. 10. Финляндскій вопросъ. 11. Литература конца вѣка. 12 Внѣшняя политика. Библіографія къ четвертой части.

Изданіе составитъ 35 выпусковъ въ 80 стр. большого формата, въ общей сложности 2.800 стр. текста, и, кромѣ того, будетъ заключать до 200 художественно исполненныхъ снимковъ съ портретовъ выдающихся дѣятелей и съ картинъ и скульптуръ русскихъ художниковъ, въ томъ числѣ до 50 **геліогравюръ** англійскаго типа (Rembrandt-Intaglio) и нѣмецкихъ.

Цѣна изданія **по предварительной подпискѣ 35** руб., въ девяти роскошныхъ переплетахъ (по рисункамъ акад. живоп. Л. О. Пастернака) **45** руб. **Условія подписки: 1) при полученіи изданія выпусками**—при подпискѣ уплачивается **2** р. и при полученіи каждаго выпуска по **1** р. (съ пересылкой), за переводъ платежа уплачивается **10** коп.; **2) при полученіи изданія томами въ переплетѣ**—при подпискѣ уплачивается **2** руб., при полученіи каждаго изъ первыхъ восьми томовъ по **5** руб. и при полученіи девятаго тома 3 руб. и за переводъ платежа по **10** коп. **Цѣна** отдѣльнаго выпуска **1** р. **35** к.

Другія изданія Т-ва: Исторія XIX вѣка (Запад. Европа и внѣевр. госуд.) подъ ред. **проф. Э. Лависса и А. Рамбо** съ дополн. обзорами **проф. П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и Н. А. Тимирязева** 8 томовъ, 149 художеств. прилож. Изданіе закончено. Цѣна **24** руб. Разср. отъ 3 р. въ мѣс. **„Главныя теченія иностр. живописи XIX вѣка“**. 100 англ. геліогравюръ, разм. 35×45 см. 12 выпусковъ. **Цѣна 25 руб.** Разср. отъ 3 руб. въ мѣс. **„Избр. произведенія русской живописи XIX вѣка“, 40** англ. геліогр., разм. 38×51 см., 10 вып. Вышелъ 1-й выпускъ. **Цѣна 15 руб.** При подп. **2** руб. и при получ. выпуска **1** р. **30** коп. **„Классовая борьба въ XIX вѣкѣ“**. Собраніе монографій. 4 тома. **Цѣна 11 р. 40 к.** Разср. отъ 2 руб. въ мѣс. **Проф. Н. А. Тимирязевъ.** „Основныя черты развитія біологіи въ XIX ст.“. 119 стр. 4 портр. Цѣна 40 коп. **Подробные каталоги** всѣхъ изданій т-ва высылаются по требованію **безплатно.**

Главная контора изд. т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“, Москва, Б. Никитская, д. 5 (университета.)

ЗАЧѢМЪ?? Посылать въ Парижъ свои фотографич. карт. получ. одинъ лишь отпечат. и плат. 5 руб., якобы за пересылку. Мы предлагаемъ великолѣпн. больш. портр., близк. натур. велич., со всевозмож. фотогр. карт., въ изящн. англ. паспарту и широкой багетн. дерев. рамѣ съ зол. фриз. съ нашей упаковкой и пересылкой безъ задат. съ налож. платеж. только по 3 руб. (Европ. Россія). Какъ Новоотъ особенно реком. портр. исполн. цвѣтн. краск по 4 руб., при чемъ необходимо указать цвѣта глазъ, волосъ и костюма, заказы исполн. въ 2-хнедѣльн. срокъ со дня получ. нами карт. Мы гарантир. добросов. и аккурат. исполн., въ чемъ Вы сами убѣдитесь. **ДАРОМЪ** высылаемъ портр. цѣн. въ 3 р. или картину исполн. масл. краск. заказавшему намъ единовременно 5 портр. цѣн. отъ 3 р. за шт. Иллюстр. прейсъ-курантъ выс. безплатно.

С.-Петербургъ, Казанская улица, д. № 9—А.

Художественная мастерская „АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Книжномъ Магазинѣ

М. П. МЕЛЬНИКОВА,

СПБ., Литейн., 57. Телеф. № 82—77. *Фирма сущ. съ 1888 г.*

Продаются слѣд. соч. рус. и иностран. классик.:

Изданія Маркса:

Тургеневъ 12 т.	10	р. —	к.
Гоголь 12 т.	2	» 50	»
Салтыковъ-Щедринъ 40 т.	5	» 50	»
Данилевскій 24 т.	2	» 50	»
Михайловъ-Шеллеръ 50 т.	4	» —	»
Гейне 16 т.	1	» 50	»
Григоровичъ 12 т.	4	» —	»
Лѣсковъ 36 т.	3	» —	»
Достоевскій 21 т.	9	» —	»
Станюковичъ 40 т.	5	» 50	»
Чеховъ 16 т.	6	» —	»
Гончаровъ 12 т.	5	» 50	»
Бобрыкинъ 12 т.	2	» 50	»
Гауптманъ 10 т.	2	» —	»
Горбуновъ 4 т.	—	» 75	»
Успенскій Г. 28 т.	4	» —	»
Толстой, А. 12 т.	3	» —	»
Полевой. Исторія русской словесности 12 т.	7	р. —	»
Гнѣдичъ. Исторія искусствъ 12 т.	9	» —	»
Іегеръ. Всеобщая Исторія 12 т.	7	» —	»

Изданія Вольфа:

Даль 10 т. въ пер.	7	» —	»
Писемскій 24 т. въ пер.	17	» —	»

Издан. Т-ва «Просвѣщеніе»:

Пушкинъ 8 т. въ пер.	7	» —	»
Помяловскій 2 т. въ пер.	3	» —	»
Островскій 10 т. въ пер.	15	» —	»
Потѣхинъ 12 т. въ пер.	11	» —	»

Издан. Брокгауза и Ефрона:

Шекспиръ 5 т. въ пер.	25	» —	»
Шиллеръ 4 т. въ пер.	20	» —	»

Разныхъ издателей:

Топстой Л. 14 т.	14	» —	»
Каразинъ 20 т.	4	» —	»
Надсонъ въ 1 т.	2	» —	»
Некрасовъ 2 т.	5	» —	»
Никитинъ 2 т.	5	» —	»
Флоберъ 4 т.	2	» —	»
Теккерей 12 т.	4	» —	»
Добролюбовъ 4 т.	4	» —	»
Апухтинъ въ 1 т.	4	» —	»
Мопассанъ 13 т.	4	» —	»
Соловьевъ Вс. 40 т.	5	» —	»
Котляревскій А. 4 т.	4	» —	»
Гаршинъ 1 т.	2	» —	»
Соловьевъ Вл. 9 т.	12	» —	»

Составленіе всевозможныхъ библіотекъ аккуратное и скорое выполненіе заказовъ, каталоги безплатно. Цѣны книгъ безъ пересылки.

НА ВСЮ РОССІЮ

прославившееся своими художествен. работами ателье В. Степанова, С.-Петербургъ, Невскій пр., № 69, артистически увеличиваетъ портреты съ фотографич. карточекъ. Всѣ портр. исполн. **Художниками Императорской Академіи Художествъ.** Портретъ въ широкой рамѣ 10×12 в.—3 руб. 50 коп., акварелью 4 р. 85 к. съ пересылкой. (Въ Азіатск. Россію и Вост. Сиб. приплата по вѣсу). Прейсъ-курантъ безплатно. Ателье награжд. золотыми медалями.

Новыя изданія Т-ва „УЛЕЙ".

СПБ., В. О., 2 линія, д. 11.

Вельше. Побѣда жизни. Съ 11-го изд.—60 к.
Его-же. Горящіе камни.—50 к.
Саламонъ. Всеобщ. ист. прессы —1 р.
Проф. Наторпъ. Логика.—60 к.
Бенуа. Госуд. строй Франціи.—50 к.
Зомбартъ. Художественная промышленность и культура.—60 к.
Курчинскій. Союзы предпринимателей.—1 р. 25 к.
Гольдштейнъ. Статистика.—25 к.
Батюшковъ. Банки. 1 р.
Энциклопедія банковаго дѣла. 2-ое изд.—2 р.
Манэсъ. Основы страхового дѣла.—1 р. 50 к.
■ Серія дѣльныхъ и дешевыхъ брошюръ по крестьянскому хозяйству.
■ Книги для самообразованія коммерсанта.
Снельманъ. Сны туриста.—60 к.
Невечеря. Разсказы.—1 р.
Харрадэнъ. Корабли, проходящіе ночью. Идейный романъ.—60 к.
Манъ. Дѣти. Разсказы.—60 к.
Сорэль. Соціальное значеніе искусства.—25 к.
Паприцъ. Обществ. причины проституціи—25 к.
Листъ. Преступленіе.—20 к.
Проф. Фуксъ. Полит. эконом.—80 к.
Кечеджи-Шаповаловъ. Кооперативные идеалы.—25 к.
Тотоміанцъ. Потребительныя общества. 2-ое изд.—2 р.
Кальверъ. Торговля.—60 к.
■ Серія популярно-научныхъ брошюръ.
■ Литературно-Справочное Бюро. Проспекты за 1 семикоп. марку.

Культъ тѣла. Красота и сила. 50 к.

Провинціальная Книжная Лавка.

МОДНЫЕ, ПРАКТИЧНЫЕ, ИЗЯЩНЫЕ и вывѣренные есть только наши патентованные часы **„ДЕКАДАНСЪ"**.

Часы эти мужскіе откр. съ **фантаз. металлич. циферблатомъ**, ходъ на **камняхъ**, заводъ безъ ключа разъ въ 40 час. Корпусъ часовъ самый плоскій изъ металла на подобіе стариннаго серебра разн. рисунк. (см. на рисун.). Никогда не теряютъ своего первоначальнаго вида. Благодаря громадному сбыту, мы имѣемъ возможность продавать по самой дешевой цѣнѣ **только за 3 руб. 50 к.**, а 2 шт. **6** руб. **50** к.
Такіе-же дамскіе 4 руб. **50** к.

НАШЪ СОВѢТЪ. Выпишите только часы „**ДЕКАДАНСЪ**" и Вы будете намъ всегда благодарны. Высылаю часы вывѣрен. до минуты съ нал. платеж. безъ задатка. съ ручательств. на **6 лѣтъ**. Пересылка до 4 шт. **40 к.** (въ Сибирь **65 к.**). Цѣпи нов. зол., никогда не чернѣющ. и не темнѣющ. 1 р., 1 р. 75 к., 2 р. 50 к., 3 р. и 4 р.
Дамскія шейныя цѣпи 1 р. 80 к., 2 р. 40 к., 3 р. и 4 р.

М. Б. Мельникъ. С-Петербургъ. Невскій пр., № 72—14. Прошу не смѣшивать съ Варшавой.

РУССКІЕ АВТОРЫ,

бывшія приложенія къ „НИВѢ“.

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ:

Достоевскій, соч. 24 т. въ переплетѣ 11 р.—Тургеневъ, 12 т. въ перепл. 10 р.—Чеховъ, 16 т. 6 р., въ перепл. 8 р.—Салт.-Щедринъ, 40 т. 5 р., въ перепл. 10 р.—Шеллеръ-Михайловъ, 50 т. 4 р., въ перепл. 10 р.—Гончаровъ, 12 т. 6 р., въ перепл. 8 р.—Григоровичъ, 12 т. 6 р., въ перепл. 8 р.—Лѣсковъ, 36 т. 3 р., въ перепл. 6 р.—Данилевскій, 24 т. 3 р., въ перепл. 6 р.—Гоголь, 12 т. 3 р., въ перепл. 4 р.—Боборыкинъ, 12 т. 3 р., въ перепл. 4 р.—Станюковичъ, 40 т. 5 р., въ перепл. 10 р.—Жуковскій, 12 т. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 50 к.,—Горбуновъ, 4 т. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.—Гейне. 16 т. 1 р. 50 к., въ перепл. 3 р.—Толстой, Ал., 12 т. 2 р. 50 к., въ перепл. 4 р.—Успенскій, Гл. Ив., 28 т. 3 р., въ перепл. 5 р. 50 к.—Гауптманъ, 10 т. 1 р. 50 к., въ перепл. 3 р. Всѣ эти книги имѣются въ большомъ количествѣ экземпляровъ и высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталоги №№ 2 и 6 высылаются по требованію безплатно. Также принимаю заказы на пополненіе и составленіе школьныхъ и проч. общественныхъ библіотекъ. Пополняю разрозненныя сочиненія, продаю журналы годами и отдѣльными нумерами.

АНТИКВАРНАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ И СКЛАДЪ УДЕШЕВЛЕННЫХЪ КНИГЪ

А. И. ФЕДОРОВА,

С.-Петербургъ, Ново-Александровскій рынокъ, по Вознесенскому просп., № 167, у Измайловскаго моста. Телефонъ № 278—28.

ОТБОРНЫЯ СѢМЕНА

ДЛЯ

900

ЦВѢТОЧНЫХЪ КУСТОВЪ

ЗА ТРИ РУБЛЯ

Г. ФРИКЪ. С.-Петербургъ, Адмиралтейскій пр., 10—5.

Письменный приборъ

изъ шлифов. мрамора и бронзы, состоящій изъ 14-ти предметовъ (см. рис.), вмѣсто 30 р. только 5 руб. Пересылка 75 к., въ Сибирь 1 руб. 25 к. Лучшій подарокъ для каждаго. Высыл. налож. платеж. и безъ задатка. **М. В. МЕЛЬНИКЪ**, С.-Петербургъ, Невскій пр., 72—14

Складъ музыкальныхъ инструментовъ.

Гитары, скрипки, мандолины, балалайки, цитры, граммофоны, гармоники собственной и заграничной работы, хорошаго качества.

Прошу убѣдиться—цѣны дешевле всѣхъ.

С.-Петербургъ, Глазовая ул., д. № 26. **В. С. Пушкинъ.**

Требуйте прейсъ-куранты.

Гг. ЛЮБИТЕЛЯМЪ и АРТИСТАМЪ!!!

Р. ОРБИНСКІЙ, скрипичный и віолончельный мастеръ высылаетъ безплатно подробный иллюстрирован. прейсъ-курантъ со статьей, какъ беречь и холить скрипку. На пересылку 2 семикопеечн. марки.

Производство удостоен. высш. наградъ.

СПБ., Новый пер., д. 5—7. Телеф. 275—26.

ХУДОЖЕСТВЕН. ПОЧИНКА.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ Книгоиздательства „МІРЪ" В. Л. Богушевскаго. Спб. Лиговская, 47. Телеф. № 288-70.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ОЛИВЕРЪ ЛОДЖЪ, ректоръ Бирмингг. универ. «Сущность вѣры въ связи съ наукой». Катехизисъ для родит. и учит. Перев. съ 7-го англ. изд. Цѣна 1 р. 25 к.—**Д-ръ А. АМЕНТЪ**. «Душа ребенка». Съ многоч. иллюстр. въ текстѣ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Ц. 1 р.—**В. БЕЛЬШЕ**. «Дни творенія». Изъ исторіи развитія міра. Перев. съ нѣм. В. Александрова. Съ рис. Ц. 60 к.—**Е. И ИГНАТЬЕВЪ**. «Въ царствѣ смекалки». Арием. для всѣхъ. (Опытъ матем. хрестоматіи). Ц. 1 р. 25 к.—**Е. ИГНАТЬЕВЪ**. (**АЛЬФЪ**) «Безъ руля и безъ вѣтрилъ». Пов. и разск. Ц. 1 р.—**Я. КАСПРОВИЧЪ**. Поэмы 1) «На взгорьѣ смерти», 2) «Dies irae», 3) «Моя вечерняя пѣсня». Пер. съ польск. Вл. Ленскаго Ц. 1 р.—**РЕНЕ ВОРМСЪ**. «Мораль Спинозы». Изуч. ея принциповъ и вліянія, произвед. ею въ новѣйш. времена. Ц. 1 р. 50 к. **Е. В РАДВАНЪ-РЫПИНСКІЙ**. Полный курсъ «Эсперанто» (языкъ для всѣхъ народа міра). Ц. 30 к.—**Л. Б-Ъ**. «Экклезіастъ. Ц. 10 к.—**ПР. Д-ръ Я. МЕДИКУСЪ**. «Краткое руководство по качеств. химическому анализу». Перев. съ 13-го нѣм. изд. студ.-техн. Р. Ю Фридлендера. Ц 1 р.—**ЛИДБИТЕРЪ**. «Астральный планъ». Перев. съ фран. А. В. Трояновскаго. Ц. 1 р. 25 к.—**ЛЭДИ**. «Путь къ знанію». Бесѣды съ дѣтьми (въ вопросахъ и отвѣтахъ). Переработано съ 63-го англ. изд. Е. Нелидовой. Ц. 1 р. 25 к.—**И. ГРИНЕВСКАЯ**. «Суровые дни». Драматическая поэма въ 5-ти дѣйствіяхъ.—**ЮЛІЙ ЗЕЙЕРЪ**. «Домъ подъ утопающей звѣздой». Переводъ съ чешскаго Вл. Ленскаго. Ц. 1 р. **ЭЛЛЕНЪ КЕЙ**. «Личность и красота». Ч. I. Ц. 1 р. 25 к. Переводъ И. Варшавскаго. **ПРОФ. Г. ВЭЛО**. «Этюды позитивной морали». 1) «Самоубійство». 2) «Милосердіе и естественный подборъ». 3) «Роскошь». Цѣна 75 к.—**ПРОФ. Ж ГРАССЕ**. «Физіологическое введеніе въ изученіе философіи». (Изложеніе общедоступное) Переводъ А. и Б. Харитоновыхъ. Цѣна 2 р. 50 к—**Е. В. РАДВАНЪ-РЫПИНСКІЙ**. «Русско-Эсперантскій словарь».

Продолжается подписка на **1909** годъ на двухнедѣльный литературный, научный, общественно-политическій журналъ „МІРЪ".

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р. Для выписывающихъ за границу къ означенной цѣнѣ прибавляется стоимость доставки. Цѣна отдѣльнаго № 20 коп.

№ 8. Содержаніе: стихотворенія П. А. Морозова, Дм. Цензора, Я. Година, М. Гальперина. Человѣческое горе. Разсказъ. Вл. Ленскій.—Тѣнь Тургенева. Разсказъ. Ив. Щегловъ.—Записки бывшаго военнаго. Очеркъ. Мих. Ашенбреннеръ.—По древней Черниговщинѣ. С. Р. Минцловъ.—Научныя бесѣды. М. Энгельгардтъ.—Животныя, питающіяся какъ растенія. Н. Зографъ.—О подводномъ плаваніи. Левъ Маціевичъ.—Зарубежное эхо. Левъ Мовичъ.—Турецкій прогрессъ. И. Диброва.—Соціально-политическое обозрѣніе запада. К. Лейтесъ.—На томъ берегу. Нелегальная пресса и тайныя типографіи. Л. Клейнбортъ.—Изъ внутренней хроники. М. Новорусскій.—Рабочій вопросъ. Гр. Оленевъ.—Новая философія духа (Анри Бергсонъ). В. Филатовъ.—Парижскія воспоминанія о Гапонѣ. Е. Семеновъ.—Литературный обзоръ. Н. Носковъ.—Культура и прогрессъ. Е. С.—Н. К. Михайловскій. Къ 5-тію со дня смерти. М. Г.—Литературная хроника. Русскій театръ въ 1908 году. Л. В—ій.—Политическія замѣтки. С. М.—За двѣ недѣли. Метеорологическій бюллетень.—Объявленія. Къ № приложенъ снимокъ съ картины «Дирцея на римскомъ циркѣ». Г. Семирадскаго,

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Лиговская, 47. Телеф. 288—70.

Редакторъ Л. Л. Богушевскій. Издатель В. Л. Богушевскій

АНТИКВАРНАЯ торговля и магазинъ **П. П. КРЫЛОВА**

С.-Петербургъ, Владимірскій просп., домъ № 3

предлагаетъ цѣнныя и рѣдкія книги въ хорошихъ переплетахъ.

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Брэмъ, А. Иллюстрир. изд. „Жизнь животныхъ" въ 10 т. со множествомъ политипаж. и хромолитограф. Спб., въ пер. вмѣсто 60—45 р.

Бильбасовъ, В. Историческія монографіи 5 т. Спб. 901, въ пер. 20 р.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 6 т. съ указат. Спб., въ пер. 25 р.

Соловьевъ, С. Собраніе историческихъ сочиненій. 1 т. въ пер. Спб. 5 р.

Гиббонъ, Э. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи 7 т. М., въ пер. 25 руб.

Позднѣевъ, Д. Описаніе Манчьжуріи съ картой. 2 т. Спб. 97. 5 р.

Слюнинъ, Н. Охотско-Камчатскій край съ картой, естественно-историческ. описаніе съ 32 фототип. и 54 цинк. 2 т. Спб., въ пер. 6 р.

Талмудъ, Мишна и Тасефта. Критич. пер. Н. Переферковича. 6 т. Спб. 904. 15 р.

Коши, О. Алгебраическій анализъ Лейбцигъ. 64, въ пер. 6 р.

Шлоссеръ, Ф. Исторія восемнадц. столѣтія и девятнадцат., до паденія французск. имперіи. Спб. 58. 8 т. въ 4-хъ пер. 8 р.

Шубертъ. Ботаническій атласъ. Спб. 87, въ пер. вмѣсто 14—8 р.

Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійск. Имперіи, начатый въ 1797 г. 10 т., безъ т. 2-го. 150 р.

Шевыревъ, С. Исторія русск. словесности. 4 части въ 2-хъ пер. великол. экз. 6 р.

Исторія Ливоніи съ древнѣйш. временъ. 2 т. Рига. 84, въ пер. 5 р.

Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа (1831—1863). Вильна. 66, въ пер. 2 р. 50 к.

Гротъ, К. Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ. Варш. 89. 3 р.

Дорошенко, Т. Горное искусство съ атласами изъ 106 черт. Спб. 80. 15 р.

Моргенстіэрнъ, И. Психо-графологія, или наука объ опредѣлен. внутрен. міра человѣка по его почерку. Эта книга даетъ каждому возможность познать по почерку, какъ самого себя, такъ и близкихъ и другихъ, интересующихъ его, людей. Болѣе 2000 автогр. разныхъ выдающ. людей древности и нашего времени съ ихъ портретами. Спб. 903. Вм. 8 р.—3 р.

Костомаровъ, Н. Историч. монограф. и изслѣдованія. 20 т. въ пер. Спб. 30 р.

Карновичъ, Е. Историч. разск. и бытовые очерки съ 50 грав. и портрет. Спб., въ пер. 3 р. 50 к.

Корбъ, Т. Дневникъ путешествія въ Московію (1698—1699 г.) съ прилож. 19 рис. на отдѣльн. лист. и указателей. Спб., въ роск. пер. 12 р. 50 к.

Зайцевъ, В. Руковод. къ всемірн. исторіи. т. I. Эллинск. эпоха. Спб. 82. 3 р. 50 к.

Записки князя Якова Петровича Шаховскаго (1705—1777). Спб. 72, въ пер. 2 р.

Записки Димитр. Борисов. Мертваго. (1760—1824). М. 67, въ пер. 2 р.

Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія (1809—1831). Спб. 71, въ пер. 2 р.

Боткинъ, В. Сочиненія, путешеств. и статьи по литературѣ. 2 т. Спб. 91. 4 р. 50 к.

Голицынъ, Н. кн. Всеобщая военная исторія древн., средн., новыхъ и новѣйшихъ временъ и русская военная исторія съ картин., картами и планами 15 т. Спб. 73—75, вмѣсто 50 р.—30 р.

Герберштейнъ, бар. Записки о Московитскихъ дѣлахъ. Павелъ Іовій Новокомскій съ грав. и рис. Спб., въ роск. пер. 17 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей 2 т. Спб., въ пер. вм. 9 р.—7 р.

„Счетоводство". Журналъ коммерч. и финансов. знаній. Изд. А. Вольфомъ за 11 лѣтъ съ 1888 по 1898 г. включит. Спб., въ роск. пер. 60 р.

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII в. объяснительн. примѣчан. и текстъ. Спб. 15 р.

Пругавинъ, А. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальн. народн. образованію. Спб. 904. 3 р. 50 к.

Божеряновъ, И. Гр. Егоръ Францевичъ Канкринъ, его жизнь, литературн. труды и 25-лѣтн. дѣятельность съ портр. и картин. Спб. Вмѣсто 5 р.—2 р.

Карновичъ, Е. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Съ гравюр. Спб., въ пер. 3 р.

Семевскій, М. Царица Просковья (1664—1723). Спб. 83, въ пер. 3 р. 50 к.

Сборникъ статей, посвящ. почитат. акад. В. И. Ламанскому по случаю 50 л. его учен. дѣятельн. 2 т. Спб. 908. 5 р.

Дмитріевъ-Мамоновъ. Пугачевщина въ Сибири. М. 98. 1 р.

Люперсольскій. Очеркъ государствен. дѣятельности и частн. жизни Перовскаго. Кіевъ. 77. 75 к.

Полный каталогъ высылаю безплатно по первому требованію, высылаю всѣ новости, пополняю библіотеки и читальни.

Въ Антикварномъ Книжномъ Магазинѣ бывш. Ив. Ив. ИВАНОВА

С. А. БОРОВИКОВСКАГО

Литейный просп., д. № 64—78 (уголъ Невскаго просп.).

Имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Петровская, Нина. Sanctus amor. Разсказы. М. 1908 г.—60 к.

Б. Шоу. Апостолъ Сатаны. Мелодрама въ 3 актахъ. Спб. 1908 г.—75 к.

Львовъ, Т. Ушла... М. 1908 г.—50 к.

Манусъ, И. Политическіе, экономическіе и финансовые вопросы послѣдняго времени. Спб. 1905 г.—Ц. 1 р. 50 к. за 50 к.

Вольскій, З. Вся Сибирь. Справочная книга по всѣмъ отраслямъ культурной торговопромышленной жизни Сибири съ картой Сибири. Спб. 1908 г.—Ц. 3 р. за 1 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Чистая публика и интеллигенція изъ народа. Искорки, очерки и наброски публициста. Спб. 1906 г.—80 к.

Денисюкъ, Н. Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой, его время, жизнь и сочиненія. М. 1907 г.—30 к.

Лаппони. Гипнотизмъ и спиритизмъ. Спб. 1907 г.—Ц. 1 р. за 70 к.

Моргенстіэрнъ, И. Ф. (И. Моргенштернъ). «Психо-Графологія» или наука объ опредѣленіи внутренняго міра человѣка по его почерку. Эта книга даетъ каждому возможность познать по почерку, какъ самого себя, такъ и близкихъ и другихъ интересующихъ его людей. Болѣе 2,000 автографовъ разн. выдающ. людей древности и нашего времени съ ихъ портретами. Спб. 1903 г.—Ц. 8 р. за 3 р.

Хашкесъ, М. Я. Стихотворенія. Спб. 1904 г.—Ц. 3 р. за 75 к.

Хартулари, К. Ф. Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности. Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе, общая и особенная части въ 2-хъ книгахъ. Спб. 1899 г.—Ц. 5 р. за 2 р.

Хартулари, К. Ф. Итоги прошлаго 1866—1891 гг. Очерки уголовныхъ процессовъ и судебныя рѣчи. Спб. 1891 г.—Ц. 4 р. 50 к. за 1 р. 50 к.

Хиромантія или тайны руки. Полное руководство къ опредѣленію типа, характера и наклонностей человѣка въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ съ 154 рис. сост. Л. А. Занкина. Спб. 1909 г.—Ц. 1 р.

Древняя Высшая Магія. Теорія и практическія формулы. Спб.—Ц. 80 к.

Седиръ, П. Индійскій факиризмъ или практическая школа упражненій для развитія психическихъ способностей съ приложеніемъ словаря терминовъ индусскаго эзотеризма. Спб. 1900 г.—Ц. 1 р.

Ключъ къ тайнамъ Египетской Астрологіи и подробныя правила и наставленія къ составленію гороскоповъ, съ помощью, наклонность и всю будущую судьбу со всѣми ея радостями и печалями. Сост. И. К. Свешотва. Спб. 1907 г.—Ц. 35 к.

Шебуевъ, Н. Японскіе вечера. Негативы. Спб. 1905 г.—Ц. 1 р. за 60 к.

Е. Шойенъ. Бѣлая рабыня. Позоръ двадцатаго столѣтія, романъ. Москва 1908 г.—1 р.

Суворовъ въ анекдотахъ. Черты изъ жизни великаго полководца, какъ государственнаго дѣятеля и человѣка. Подъ редакц. М. Шевлякова и Я. Щеголева. Спб. 1900 г.—Ц. 50 к. за 40 к.

Р. Менделѣевъ. О сопротивленіи жидкостей и о воздухоплаваніи. Первый вып. съ 12 таблиц. больше не выходилъ. Спб. 1880 г.—Ц. 2 р. 50 к. за 1 р. 50 к.

Пушкина, А. С. Соч. и письма, подъ редакціей П. О. Морозова 8 т. изд. Просвѣщенія Спб. 1903 г. въ издательскомъ пер.—Ц. 9 р. за 6.

Островскаго, А. Н. Полн. собр. соч. подъ редакціей М. И. Писарева 10 т. Спб.—Ц. 21 р. за 15 р. изд. Просвѣщенія въ издательскомъ пер.

Спутникъ артиста (репертуаръ любимцевъ публики). Художественный матеріалъ для декламаторовъ, чтецовъ, куплетистовъ и др. концертныхъ исполнителей, подъ редакц. извѣстныхъ артистовъ. Съ портр. и съ прилож. указаній „Объ Искусствѣ чтенія". Спб.—Ц. 1 руб.

Потѣхина, А. А. Соч. 12 т. Спб. изд. Просвѣщенія въ издательскомъ пер.—Ц. 18 р. за 12 р.

(См. слѣд. стран.).

П. А. Федоровъ. Спутникъ кочегара, руководство къ установкѣ и уходу за паровыми котлами съ 15 таблиц. и 103 рис. въ текстѣ. Спб. 1899 г.—Ц. 1 р. за 75 к.

М. В. Шевляковъ. Русскіе остряки и остроты ихъ. Спб. 1899 г.—Ц. 75 коп. за 50 к.

Шиллеръ, собр. соч. въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова съ рис. 4 т. Спб. 1901 г. изд. Брокгаузъ-Ефрона.—Ц. 24 р. за 15 р. въ издательск. перепл.

Шеллеръ-Михайловъ. Полное собр. соч. 50 кн. Спб. 1904—1905, изд. Нивы, 4 руб.

Лѣскова, Н. С. Полное собр. соч. 36 кн. Спб. 1902—1903 г. изд. Нивы 4 р.

Вовчокъ, В. Нѣдра земли въ Россіи и ихъ обобществленія, факты, цифры, выводы. Спб. 1908 г.—Ц. 1 р. за 60 к.

А. Р. Лесажъ. Жиль Блазъ съ иллюстрац. и тремя портретами Лесагра. Спб. 1901 г.—Ц. 1 р.

Г. Геннади. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г. Берлинъ 1876 г.—Ц. за 2 т. 3 р.

А. Форель. Половой вопросъ. Естественно-научное, соціологическое, гигіеническое и психологическое изслѣдованіе. Переводъ съ нѣмецк. Р. М. Марковичъ. Съ портретомъ автора и рис. въ краскахъ. Спб. 1909 г.—Ц. за 2 тома 2 р. 50 к.

К. Оппенгеймеръ, д-ръ фил. и медиц. Основанія органической химіи. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1902 г. Ц. 60 к. за 50 к.

Виньоло. Архитектурные ордера. Памятная книжка для архитекторовъ. Переводъ съ франц. техн. П. Федорова. Спб. 1897 г.—Ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Исторія крупинки соли. Съ франц. по Эману съ предислов. и дополн. П. А. Федорова. Спб. 1898 г.—Ц. 60 к. за 40 к.

Е. В. Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. М. 1887 г.—Цѣна 10 р. 50 к. за 5 р.

І. П. Миллеръ. Моя система 15 минутъ ежедневной работы для здоровья! Спб. 1909 г.—Ц. 75 к.

Э. Мункъ. Исторія греческой литературы. (Поэзія) перев. съ нѣмецк. Спб. 1861 г.—Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. за 1 р.

А. Веберъ. Исторія европейской философіи. Переводъ съ французскаго И. Линниченко и Вл. Подвысоцкій. Кіевъ 1882 г.—Цѣна 3 р. за 1 р.

Достоевскаго, Ѳ. М. Полное собр. соч. въ 14 т. Спб. 1904 г.—Ц. 25 р. за 18 р.

Е. Вернеръ. Въ добрый часъ! Перев. съ нѣмецк. С. Майковой. Спб. 1873 г.—Цѣна 1 р. 50 к. за 1 р.

Гюи де-Мопассана. Полное собраніе сочин. 13 т. 1906 г.—Ц. 4 р.

М. В. Шевляковъ. Недалекое прошедшее и близкое настоящее. Явленія русской жизни въ характеристикахъ и эпизодахъ. Оригиналы и чудаки. Знаменитыя дуэли въ Россіи. Русскіе лгуны. Русскіе силачи. Штукари и фокусники. Судебныя ошибки. Незамѣтные герои. Русскіе самородки. Пари и спорщики. Шутники. Загадочные люди. Гапоніада. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. за 75 коп.

Проспeръ Мериме. Карменъ, перев. К. Батайль. Спб. 1907 г.—Цѣна 60 коп. за 50 коп.

Платена М. Новый способъ лѣченія. Лѣченія цѣлебными силами природы. Руководство для жизни согласно законамъ природы для сохраненія здоровья и для лѣченія безъ помощи лѣкарствъ съ 600 рис. 33 таблицами и 10 разборными анатомическими моделями 3 т. Спб.—Ц. 15 р. за 8 р. въ переплетахъ.

М. В. Шевляковъ. Историческіе люди въ анекдотахъ. Черты изъ жизни государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Спб. 1900 г.—1 р. 25 к. за 1 р.

Лисъ Патрикѣичъ. Поэма въ 12-ти пѣсняхъ І. В. Гёта съ 36-ю эстампами на мѣди и 24 гравюрами. Спб. 1902 г.—Ц. 12 р. за 8 р. то же въ пер. ц. 16 р. за 10 руб.

Исторія человѣчества. Всемірная исторія подъ общей редакціей Г. Гельмольта. 8 т. изд. Просвѣщенія въ издательскомъ пер. Ц. 48 р. за 30 р.

М. В. Шевляковъ. Женщина. Мысли о ней русскихъ писателей. Второе изд. безъ перемѣнъ. Спб. 1908 г.—Цѣна 50 коп.

Н. Н. Фокинъ. Охота и охотники. Лѣто и осень, повѣсть. Въ глуши, разсказъ. Лоси, разсказъ. Спб. 1908 г.—Ц. 1 р.

Р. М. Баллантайнъ. Міръ льдовъ или приключенія экипажа «Дельфина», въ полярныхъ странахъ. Съ 7-ю рис., переводъ съ англ. Н. М. Федоровой. Спб. 1899 г.—Ц. 1 р. 50 к. за 1 р. 25 к.

Ксавье де-Монтепенъ. Незаконорожденная. Спб. 1877 г.—Цѣна 1 р. 50 к. за 60 к.

М. Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Москва 1880 г.—Цѣна 2 р. за 75 коп.

Шпильгагенъ. Молотъ и наковальня. (Hammer und Ambass). Романъ въ 3-хъ частяхъ, перев. съ нѣмецк. Л. П. Шелгуновой. Спб. 1891 г.—Ц. 3 р. за 2 р.

Магазинъ покупаетъ цѣлыя библіотеки, а также отдѣльныя книги и остатки изданій, беретъ на себя дополненіе и составленіе библіотекъ.

Антикварная Книжная Торговля Θ. ШИЛОВА.

Литейный пр., д. № 56.

Покупка и Продажа книгъ, Гравюръ, Рукописей, Миніатюръ, Картинъ, рисунковъ и всевозможныхъ рѣдкостей.

Исполненіе заказовъ по высылкѣ книгъ Аккуратное.

Предлагаетъ между прочимъ слѣдующія изданія:

Портретъ Гр. Л. Н. Толстого «Офортъ» худ. Бодянскаго (большой форматъ)	8 р. — к.
Ровинскій, Д. А. Подробный Словарь Русскихъ Граверовъ XVI—XIX вв. 2 т. Роскошное изд. (съ 720 фотот. и 210 цинкогр.)	20 » — »
Тиммъ «Художественный Листокъ» за 11 лѣтъ (не хватаетъ 1858 г.). хорош. экз.	100 » — »
«Русская Старина» журналъ съ 1870 по 1907 г. за 38 л. Прост. пер. экз. хорошей сохранности	100 » — »
«Энциклопедическій Словарь» Брокгаузъ и Эфронъ 86 кн. полный экз. (вмѣсто 258)	140 » — »
Литературный Календарь-Альманахъ на 1908 г. съ портретами и Автобіографіями вм. 50 к.	— » 30 »
Большая Энциклопедія изд. Т-ва «Просвѣщеніе» 20 т. вм. 120 р.	50 » — »
Булгаковъ. «Наши художники» 2 т. (необходимая справочная книга для собирателей и торговцевъ картинами) вм. 17 р.	12 » — »
Гейротъ. Описаніе Петергофа съ 33 видами и портретомъ. вм. 5 р.	2 » — »

Каталоги выходятъ періодически и высылаются безплатно.

Юридическій книжный магазинъ

А. И. Большаковой.

Москва, Никольская, д. Алексѣева № 4.
Телефонъ 44—69.

Высылаетъ по первому требованію *всѣ имѣющіяся въ продажѣ* книги и брошюры по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія, практическія пособія, справочныя изданія и руководства, а также книги и брошюры по всѣмъ остальнымъ отраслямъ знанія и изящной словесности.

Магазинъ принимаетъ заказы на портреты Государя Императора, государственные гербы, зерцала и др. предметы для присутственныхъ мѣстъ; даетъ указанія юридической литературы и принимаетъ на себя составленіе библіотекъ для юристовъ, правительственныхъ учрежденій, органовъ земскаго, городского и крестьянскаго самоуправленій и пр.; *дѣлаетъ справки въ „Сенатскихъ Объявленіяхъ"—о вызовѣ наслѣдниковъ* и въ Судъ въ Собраніи узаконеній—объ утвержденіи и измѣненіи уставовъ промышленныхъ обществъ и пр.

Между прочимъ продаются нижеслѣдующія книги:

Практическое руководство къ русскому гражданскому судопроизводству.

Элементарное пособіе для начинающихъ юристовъ, студентовъ, лицъ, готовящихся на частнаго повѣреннаго, взыскателей и отвѣтчиковъ, къ веденію всѣхъ гражданск. дѣлъ, производящихся у Город. Судей, Земскихъ н-въ, Мировыхъ судей, Уѣздныхъ членовъ, въ Общихъ Суд. мѣстахъ и въ Кассац. Инстанціяхъ.

Программа испыт. на должн. нотаріуса.—40 коп.

Программа испыт. на частн. повѣреннаго.—40 коп.

Бэтсъ Искусство говорить на судѣ.—50 коп.

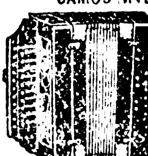
Тихоновъ, Н. Новое положеніе о продолжительности службы и отдыха служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, съ привед. дополнит. распоряж. 09. 30 к.

Сиоровъ. Сборникъ формъ, договоровъ, условій, прошеній, заявленій, корреспонденціи съ уставомъ о векселяхъ, алфавитный указатель гербоваго сбора и проч. 2 т. М. 05, съ пересылкой 3 р. 80 коп.

Каталоги высылаются по 1-му требованію безплатно.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ ДВУХРЯДНЫЯ съ мѣдн. планками № 2815. 15 клап. 8 бас. серебр. голоса орѣх. корпусъ 7 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 коп.



№ 2821. 21 клап. 10 бас. серебр. гол. орѣх. корп. 11 р., № 2823. 21 клап. 12 бас. серебр. гол. орѣх. корп. 13 р, № 2824. 21 клап. 12 бас. стальн. гол. палис. корп. 21 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 руб.

РОЯЛЬНЫЯ ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА 11 р. 12 р. 14 р. 17 р. 22 р. стальные голоса 17 р. 20 р. 23 р. 28 р. 33 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

САРАТОВСКІЯ съ мѣдными планками голоса новаго серебра 9 р. 50 к., 11 р., 13 р. СТАЛЬНЫЕ голоса 12 р. 50 к., 15 р., 18 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

По полученіи 1/3 стоим. высыл. налож. плат.

И. А. НОВИКОВЪ,
МОСКВА, Никольская, д. № 27 Шереметева
Подробный прейсъ-курантъ—безплатно.

Книгоиздательскимъ товариществомъ

„ЗНАНІЕ"

открыта подписка на книгу:

М. ГОРЬКІЙ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ СИЦИЛІИ И КАЛАБРІИ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ. Подписная цѣна 2 руб.

Весь доходъ поступаетъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія.
Подписка **исключительно** принимается въ конторѣ т-ва «**Знаніе**», С.-Петербургъ, Невскій, 92.

СОХРАНИТЕ

ваше здоровье, сберегая зубы.

Ежедневной чисткой зубовъ салюфериновой зубной пастой, испытанной въ клиникѣ профессора Нейссера, достигается полное выздоровленіе полости рта и зубовъ, удаленіе всѣхъ бактерій и прекращеніе гніенія, что особенно важно во время эпидемій **холеры и тифа** и др. **Цѣна: большая туба 85 коп., малая 60 коп.** Выписывающимъ пять малыхъ тубъ за три рубля пересылка безплатно. Торгов. Домъ **АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ**. Спб., Гороховая, 33.

Въ книжномъ магазинѣ „ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ соч. великихъ писателей дешево продаются. Полные новые 40 томовъ соч. Соловьева вмѣсто 15 р. за 5 р., 12 т. Жуковскаго—1 р. 20 к., 16 т. Гейне—1 р. 60 коп., 12 т. Григоровича—4 р. 50 к., 12 т. Гончарова—5 р., 24 т. Достоевскаго—10 р., 50 т. Шеллера-Михайлова—4 р., 12 т. Гоголя—2 р., 4 т. Горбунова— 80 к., 36 т. Лѣскова—3 р., 24 т. Данилевскаго—3 р. 50 к., 12 т. Тургенева—9 р.. 16 т. Чехова—6 р., 12 т. Боборыкина—2 р. 75 к., 20 т. Самарова 2 р. 50 к., 18 т. Левитова—2 р. 75 к., 40 т. Салтыкова-Щедрина—5 р., 40 т. Станюковича— 5 р., 12 т. А. Толстого—2 р. 50 к., 10 т. Островскаго въ шикарномъ переплетѣ—15 р., 34 т. Всемірной исторіи съ иллюстр.—3 р. 50 к. 40 т. Ж. Верна—5 р., 6 т. Грановскаго—1 р., 10 т. Гребенки—3 р., 10 т. Гнѣдича—1 р. 50 к., полное Державина—1 р. 20 к., 12 т. Крашевскаго—2 р. 50 к., 12 т. Потѣхина въ шик. пер.—10 р., 12 т. Шекспира—5 р., 28 т. Успенскаго—4 р. 50 к., 10 т. Гаутлана 2 р. 50 к., 40 т. Майнъ-Рида.

Книги высылаются безъ задатка.

Адресъ магазина и склада: С.-Петербургъ, Суворовскій пр.. д. № 5—20.

Редакція журнала

„ЯСНАЯ ПОЛЯНА“

(С.-Петербургъ, Лѣсной корпусъ).

доводитъ до свѣдѣнія г.г. подписчиковъ 1909 г., что вмѣсто 4 книгъ «Художественныя сокровища» (будутъ напечатаны въ самомъ журналѣ) и 4 книгъ Имм. Канта (не будутъ напечатаны за смертію переводчика) — будетъ дано 8 книгъ. «Собр. сочин. Кнута Гамсуна». Подписка продолжается, и подписавшіеся на 1909 г. въ февралѣ и мартѣ, хотя бы въ разсрочку, получатъ еще безплатно полный комплектъ журнала за 1908 г.

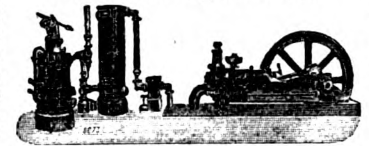
Подробное объявленіе высылается безплатно.

„ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ (19-й вѣк.)“

Профессора Шпрингера. 20 выпусковъ—4 р. Вышелъ первый выпускъ и высылается безплатно для ознакомленія (на пересылку 2 марки въ 7 к.). Подписчики 1909 года журнала „Ясная Поляна“ (Петербургъ, Лѣсной Корпусъ) получатъ „Исторію Искусствъ“ безплатно. Подписная цѣна на 24 №№ и 24 книги (соч.: Толстого, Л. Андреева, Кнута Гамсуна и др.)—7 р. Допускается разсрочка при подпискѣ 4 р. и 3 р. не позже сентября. Подписавшіеся, хотя бы въ разсрочку, ссылаясь на это объявленіе, получатъ еще безплатно полный комплектъ журнала за 1908-й годъ.

Абсолютная надежность и долговѣчность работы достигается

въ ходу 88500 двиг. отъ 1—2000 о. 45 лѣтъ опыта.



Въ Россіи свыше 3850 отъ 1—500 о. 341 перв. нагр.

въ дѣйствительн. только настоящими двигателями

Отто-Дейтцъ ОТТО

газовсасывающими, нефтяными и прочими извѣстной солидной установки. Лучшее доказательство осмотрѣть въ ходу!

Требуйте списокъ 557.

С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, № 12. Телеф. 30-44.—Адр. для телегр.: Отодвигъ.

Собств. склады въ Москвѣ и Одессѣ.

Инж. уполномоч. завода „Отто-Дейтцъ“ Карлъ Винандъ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Екорофосфитъ магистра Б. КРЕПСЪ.

Вкусная эмульсія изъ рыбьяго жира и фосфитовъ. **Незамѣнимое питательное средство при рахитѣ, золотухѣ, малокровіи и общей слабости.** Продается вездѣ. Главный складъ: Исаакіевская аптека, Спб.

RETURN TO ➡ **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library 642-3403

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
1-month loans may be renewed by calling 642-3405
6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

JUL 31 1977 REC. CIR. FEB 7 '77		
REC. CIR. FEB 7 '77		
DEC 28 1977		
REC. CIR. DEC 7 '77		
LIBRARY USE MAY 8 '86		
[illegible] 01 1985		
RECEIVED		
OCT 05 1995		
CIRCULATION DEPT.		

FORM NO. DD 6, 40m, 6'76
UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042627837